

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ГРАММАТИКА
СОВРЕМЕННОГО
БАШКИРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1981

В монографии дано систематическое описание грамматического строя башкирского литературного языка — его фонетики, морфологии и синтаксиса. Книга содержит разделы об аллофонах, фонеморфологии, синтаксисе словосочетаний, связанном сказуемом и т. д. Грамматика носит нормативный характер.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
А. А. ЮЛДАШЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача создания грамматики современного башкирского литературного языка назрела сравнительно давно и становится все более актуальной по мере развития башкирского и тюркского языкознания.

Со времени публикации широко известной первой академической «Грамматики башкирского языка» чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева (М.—Л., 1948), давно ставшей библиографической редкостью, прошло уже более 30 лет (она была написана еще в 1940 г.). За это время башкирское языкознание обогатилось монографическими исследованиями докторов филологических наук Дж. Г. Киекбаева, К. З. Ахмерова, Г. Г. Саитбатталова, А. А. Юлдашева, З. Г. Ураксина, Т. М. Гарипова, П. Х. Ишбулатова и кандидатов филологических наук Т. Г. Баишева, М. В. Зайнуллина, В. Ш. Псянчина, А. Г. Бишева, Х. Г. Юсупова, К. З. Ишмухаметова, Н. Х. Максютовой, А. Х. Фатыхова, А. М. Азнабаева, З. З. Абсалямова, Р. Х. Халиковой, М. Х. Ахтимова, С. Ф. Миржановой, А. А. Камалова, Р. З. Шакурова, Т. Х. Кусимовой, Э. Ф. Ишбердина, И. Г. Галаяудинова, Р. Ф. Зарипова, К. Г. Ишбаева и др., новыми учебными грамматиками, множеством содержательных статей по самым различным вопросам башкирского языкознания.

В трудах башкирских ученых получили дальнейшее развитие плодотворные идеи Н. К. Дмитриева о звуковом и грамматическом строе башкирского языка, впервые отмечены и описаны очень многие явления башкирской фонетики, фонологии и грамматики, ранее остававшиеся незамеченными. Кроме того, за истекшие годы, особенно за последние десятилетия, расширились и углубились наши общетюркологические познания в области грамматики и фонологии. Появились новые разделы тюркского языкознания: фонология, морфонология, грамматическая синонимия и стилистика, структурно-семантический анализ морфологических и синтаксических единиц, актуальное членение и др., достижения в которых побуждают по-новому взглянуть на многие явления башкирской фонологии и грамматики. Накопилось значительное число работ, посвященных общим вопросам теории тюркского слова и синтаксиса. Выявлены новые фактические материалы, идущие в разрез с существующим толкованием служебных имен, принципов выделения второстепенных членов предложения, способов формального выражения грамматических значений и многие другие. В их свете с полным основанием пересматриваются многие традиционные положения, предлагаются новые решения.

Результаты теоретических поисков и многочисленных специальных исследований в области башкирского и тюркского языкознания, выполненных за истекшие годы, настолько значительны, что их использование при создании академической грамматики составляет самостоятельную задачу, без осуществления которой уже невозможно создать такой труд на подлинно научной основе. Да и сама практика составления академической грамматики не стоит на месте, совершенствуется ее методика, разрабатываются все более строгие принципы показа явлений языка в их живой системе.

Настоящая грамматика ставит своей целью возможно более полное научно обоснованное систематическое изложение грамматического строя современного литературного башкирского языка с учетом всего того ценного, что сделано и делается в этой области по башкирскому и другим тюркским языкам после выхода в свет названной грамматики Н. К. Дмитриева. Авторы стремились к наибольшей полноте охвата морфологии и синтаксиса, к точ-

ности его грамматической характеристики на уровне достижений тюркской лингвистической мысли.

Замысел этот удался, к сожалению, далеко не во всем. Это объясняется главным образом неравномерной изученностью многих разделов грамматики, в частности недостаточной разработанностью простого и отчасти сложного предложения и отсутствием единства в теоретическом осмыслении и грамматической квалификации ряда явлений тюркского синтаксиса и морфологии не только в башкирском, но и в тюркском языкознании — деепричастных и причастных конструкций, границ придаточных предложений и обстоятельственных оборотов, природы предложений с прямой речью, категории залога и вида, категориальной принадлежности имени действия на *-уу/-еу* и некоторых глобальных словообразовательных форм, например на *-лы/-ле*, *-дай/-дай* и т. п. Отсутствие однозначного решения этих и других сходных сложных вопросов, естественно, не могло не отразиться в настоящей грамматике.

Грамматика рассчитана на широкий круг специалистов не только по башкирскому, но и по другим тюркским языкам, а также для аспирантов и студентов профилирующих кафедр вузов тюркоязычных республик и областей.

Она составлена коллективом башкирских языковедов Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и Башкирского государственного университета при участии старшего научного сотрудника Института языкознания АН СССР доктора филологических наук А. А. Юлдашева (руководитель темы) по разработанному им проспекту¹.

Авторами разделов предлагаемой грамматики являются:

Абсалямов З. З. — Наречие;

Ахтямов М. Х., Гарипов Т. М. — Словообразование существительных, Словообразование прилагательных;

Зайнуллин М. В. — Формы модальности глагола, Категория наклонения, Изъявительное наклонение, Модальные слова, Причастие;

Ишбасев К. Г., Ураксин З. Г. — Инфинитивные формы глагола, Имя действия;

Ишбулатов Н. Х. — Изменение гласных в потоке речи (ассимиляция, диссимиляция, метатеза);

Ишмухаметов З. К. — Подражательные слова;

Максютова Н. Х. — Послелоги, Частицы, Союзы;

Псянчин В. Ш. — Местоимение, Имя числительное;

Сайтбатталов Г. Г. — Предложение, Периоды, Прямая и косвенная речь;

Ураксин З. Г. — Имя существительное, Грамматические категории имени существительного, Имя прилагательное (Вводные замечания), Степени сравнения, Формы выражения усиления и ослабления признака, Междометия, Звательные слова, Связи слов, Словосочетание;

Юлдашев А. А. — Введение, Звуковой строй башкирского литературного языка, Башкирский алфавит и орфография, Сведения по фономорфологии, Морфология (Вводные замечания), Глагол (Вводные замечания), Словообразование глагола, Категория отрицания, Категория переходности/непереходности, Категория залога, Повелительное наклонение, Желательное наклонение, Условное наклонение, Сослагательное наклонение, Наклонение намерения, Деепричастие), Синтаксис (Вводные замечания, Связанное сказуемое).

¹ Проспект грамматики современного башкирского литературного языка. Уфа, 1974.

ВВЕДЕНИЕ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОГО БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Башкирский язык — национальный язык башкирского народа (по переписи 1979 г. 1371 тыс. чел.), населяющего Башкирскую АССР и частично отдельные районы Челябинской, Оренбургской, Куйбышевской, Саратовской, Курганской, Пермской и Свердловской областей РСФСР¹. Он относится к кыпчакской группе тюркских языков, среди которых ближе всего стоит к татарскому языку, отличаясь от него преимущественно консонантизмом и лексикой.

Современный башкирский национальный язык представлен двумя основными формами — литературной и народно-разговорной.

Литературная форма современного башкирского языка сложилась фактически после образования Башкирской АССР, когда благодаря осуществлению ленинской национальной политики для этого были созданы все необходимые предпосылки и условия. Представленный ранее в основном довольно обширными рукописными и печатными башкирскими текстами XVI—XX вв.² литературный язык вплоть до 30-х годов нашего столетия не имел единых норм — своего наиболее существенного признака. К тому же, будучи письменным, он был достоянием только грамотного населения, главным образом духовенства. В устном общении им не пользовались, ибо он резко отличался от народно-разговорного башкирского языка, развивался в отрыве от него.

Все дошедшие до нас письменные источники XVI—XIX вв., исключая в известной мере наиболее ранние деловые бумаги и отдельные шежере, по языку ориентированы в целом на поволжский вариант «тюрки». В более поздний период — на рубеже XIX—XX вв. — письменный язык башкир развивается под влиянием татарского литературного языка. Благодаря усилиям башкирских просветителей конца XIX в. М. М. Бикчурина, М. И. Уметбаева и прогрессивных башкирских писателей уже в начале XX в. намети-

¹ Население СССР. М., Политиздат, 1980, с. 24. — Подробные сведения о расселении башкир см.: Кузеев Р. Г., Шитова С. Н. Башкиры: (историко-этнографический очерк). Уфа, 1963.

² Наиболее ранними текстами на башкирском языке являются копии шежере, относящиеся к XVI в. (Башкирские шежере. Сост. Р. Г. Кузеев. Уфа, 1960), затем — деловые бумаги (челобитные, купчие записи, официальные письма чиновников и т. п.) XVII—XVIII вв., написанные преимущественно на «тюрки», хранящиеся в ЦГАДА и большей частью опубликованные в «Материалах по истории Башкирской АССР», т. 3 (М.—Л., 1946), т. 4 (М.—Л., 1956), а также в кн.: Добромислов А. И. Материалы по истории России. Оренбург, 1900, т. 1—2. — Из текстов последующего периода, наряду с деловыми бумагами, хранящимися в архивах, уцелело немало рукописных литературных произведений, в том числе ряд объемистых книг (см.: Харисов Э. Башкорт халкының әзәби мирасы: XVIII—XIX быуаттар. Өфө, 1965), не говоря уже о произведениях религиозно-клерикальных писателей — их создано особенно много после образования в Уфе Центрального духовного управления мусульман (1788 г.). С середины XIX в. на башкирском языке начинают появляться и печатные произведения. Среди них самыми значительными по языку являются фольклорные записи В. Юматова, М. В. Лосиевского, С. Кукляшева, М. Бикчурина, И. Н. Березина, А. Г. Бессонова, С. С. Рыбакова и др.

лось сближение письменного языка башкир с устным. Однако влияние «тюрки» и татарского литературного языка на письменный язык башкир было настолько устойчивым и глубоким, а поддержка, которой пользовался этот традиционный письменный язык со стороны реакционного слоя башкирской интеллигенции и духовенства, чуждающегося всего народного, была настолько сильной, что в тех условиях этот процесс не мог получить широкого развития.

Только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и осуществления ленинской национальной политики демократизация башкирского письменного языка получила реальную основу и стала одной из важнейших и неотложных задач всей общественности Башкирской АССР³. Именно в этот период — в 20-е годы — началась постепенная замена прежнего письменного языка подлинно народным языком и широкое его внедрение во все сферы общения, оживившиеся в то время: в печать, школьное обучение, радиовещание, делопроизводство, в разветвленную сеть культурно-просветительских мероприятий.

В связи с быстрым развитием общественных функций башкирского языка требовалось обновление его литературной формы. Сначала оно протекало во многом стихийно и поэтому при отсутствии единых норм вскоре привело к большому разнообразию в правописании, орфоэпии и, в особенности, в употреблении коммуникативно необходимой лексики. Актуальной задачей стало неотложное решение сложной проблемы нормализации национальных основ литературного языка, которая широко обсуждалась в печати⁴.

После оживленных споров было принято решение в целях нормализации литературного языка и упрочения его национальных черт положить в его основу кувакальский диалект⁵, именуемый ныне восточным. Однако осуществление этого решения при всем старании его сторонников не дало ожидаемых результатов. Литературный письменный язык во всех сферах его функционирования в течение 1921—1924 гг. стал действительно близким к народно-разговорной форме башкирского языка, впитав в себя его общенародный фонд, многие черты восточного диалекта и весьма разнородных его говоров. Однако он не приобрел необходимого единообразия (особенно в публицистике, где по-прежнему наблюдался большой разброд в употреблении национальной лексики, отчасти в орфоэпии и правописании).

Многие локальные черты восточного диалекта и его говоров, широким потоком влившиеся в то время в печатную литературу, рассчитанную на массового читателя, не вошли в широкий обиход, оставшись достоянием преимущественно самих посетителей этого диалекта, составляющих всего не-

³ Вопрос о демократизации башкирского языка рассматривался в мае 1918 г. на специальном совещании Народного Комиссариата по делам национальностей в Москве. В соответствии с его решением в том же году была организована Центральная комиссия по реализации башкирского языка во главе с видным государственным и общественным деятелем Ш. А. Худайбердиным. Эта комиссия на протяжении ряда лет целенаправленно занималась всеми практическими вопросами языкового строительства: созданием полиграфической базы и национального издательства, усовершенствованием письменности и орфографии, внедрением башкирского языка в школы, театре, печати, подготовкой учебников, сводов орфографических правил и т. п.

В июне 1921 г. на II съезде Советов Башкирии было принято постановление об общественной функции башкирского языка. См. об этом более подробно: Закондар кораманы: (Башкорт телен тормошка индеру тураһында). Өфө, 1926; Башкортостанда ерле телде дәүләтләштерәү. Өфө, 1928; Яңы әлепбизе тормошка узғарыу юлында. Өфө, 1928; Мағазов Р. Башкортостан беренсе яңалиф конференцияһының материал һәм карарҙары. Өфө, 1928; Башкорт телен бойомға атқарыу тураһында закондар кораманы. Өфө, 1930; Яңы әлеп тураһында хөкүмәт директивалары. Өфө, 1930; Башкорт яңы әлепбейе тураһында Башкортостан үзәк башкармаһы: ӘКН халыҡ комиссарлығы контроль комиссия, Башпрофсовет һәм Башкорт әлеп үзәк комитетенең карар, бойороҡ һәм циркулярҙары йыйынтығы. Өфө, 1931.

⁴ См.: Башкортостанда ресми һәм әдәби тел мәсьәләләре. — Башкортостан хәбәрләре (Стәрлетамак), 1925, 26 апр.; Башкортостан, 1922, 30 нояб.; Кузиев Р. У. Шәһит Хөзайбирзин. Өфө, 1961.

⁵ Башкортостан хәбәрләре (Стәрлетамак), 1921, 2 апр.

многим более 200 тыс. чел.⁶. Фонетические и лексические диалектизмы, характерные для восточного диалекта, оказались противопоставленными особенностям остальных башкирских диалектов и говоров (носители которых насчитывают более 70% всего башкирского населения), в том числе и южного диалекта, имеющего, как и восточный диалект, наряду с общенародными чертами башкирского языка и свою диалектную специфику. Восточный диалект при таких условиях не смог приобрести общенародную значимость (тем более что он и поныне не отличается единообразием⁷), не смог втянуть ни свои основные говоры, ни тем более остальные говоры башкир в общее русло развития литературного языка.

Эту важнейшую роль, которую и должен выполнять опорный диалект при языковом строительстве, могли сыграть вместе восточный и южный башкирские диалекты. Именно на их базе давно наметились и по мере интенсификации междиалектных связей, обусловленной социально-экономическими факторами⁸, естественным путем шли консолидация и расширение предшествующего процесса объединения всех разновидностей башкирского разговорного языка, формирования и укрепление его национальных основ, о чем свидетельствует богатейший многовековой фольклор, наиболее полно отражающий становление единой народно-разговорной формы башкирского языка.

Общность восточного и южного диалектов, носители которых и составляют основную массу башкирского народа, при существенных различиях этих диалектов в области фонетики и лексики всегда была и остается главным фактором в развитии единого разговорного общенародного башкирского языка, а различительные черты диалектов служили и могут служить в дальнейшем базой обогащения национальных основ и выразительных средств всех форм башкирского языка. Литературный язык, вбирая в себя все накопленное богатство существующих разновидностей народно-разговорной формы языка, должен был упрочить и расширить свой общенародный фонд за счет ресурсов именно этих двух диалектов, на которые и стало всецело ориентироваться языковое строительство в Башкирии, начиная с 1925 г.

Вовлечение в литературную норму общенародного фонда разговорного башкирского языка и, в особенности, различительных черт восточного и южного диалектов было ввиду их противопоставленности длительным и чрезвычайно трудным, хотя оно и протекало в благоприятных социальных условиях. Уже в середине 20-х годов были разработаны многие принципы нормализации литературного языка⁹, которые из года в год совершенствовались, дополнялись практическими рекомендациями, установками в виде свода правил, орфографических словарей и т. п.¹⁰. Однако необходимо было осуществить нормализацию в более широких масштабах, ибо в связи с неуклонным ростом общественных функций литературного языка стал наблюдаться разнобой, особенно в терминологии и отчасти фонетике¹¹.

С одной стороны, было совершенно необходимо очистить литературный язык, во-первых, от многочисленных чуждых терминов арабского и персидского происхождения, которыми была наводнена общественно-политическая, научно-популярная и отчасти учебная литература того времени, во-

⁶ *Максютова Н. Х.* Восточный диалект башкирского языка. М., 1976, с. 5.

⁷ Там же, с. 13—287.

⁸ *Раимов Р. М.* Образование Башкирской АССР. М., 1952, с. 59 и сл. *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 481—491 и сл.

⁹ *Вильданов Ф.* Башкорт шүәһендә язуу, һейләшәү әсән белергә тейешле булган топ кағизләр. — Белем, 1924, № 1, 2; *Ғабитов Х., Таһиров Н.* Башкортса язуу коралы. Өфө, 1924; *Ғабитов Х., Алпаров Ф.* Башкорт теленең имләһе. Өфө, 1925.

¹⁰ *Дауләтшин Ф.* Башкорт теле һәм уны дәрәҗә язуу кағизләре. Өфө, 1929; *Он же.* Башкорт теленең имлә һүзләге. Өфө, 1930; *Он же.* Башкорт теленең имләһе. Өфө, 1930; Башкорт теле орфографияһы. Өфө, 1934; *Әлмәр К.* Башкорт телендә тыным билдәләре. Өфө, 1936; и др.

¹¹ К тому же ранее предложенные нормы с учетом особенностей восточного диалекта во многом шли в разрез с новыми установками, ориентированными одновременно на два основных башкирских диалекта.

вторых, от явных татаризмов, по инерции бытующих в письменной речи, несмотря на наличие их эквивалентов в общенародном башкирском языке, а также от некоторых норм прежнего правописания, по традиции соблюдаемых в периодической печати; в-третьих, от сугубо локальных фонетических, фонетико-морфологических и, в особенности, от лексических диалектизмов не только восточного диалекта, но и говоров, которые без всякого ограничения бытовали в прессе того времени ¹², в-четвертых, от неприемлемых архаизмов и элементов пуризма типа *аланжорт* 'сталь', *ором* 'род', *маңыз*, *истилаз* 'термин', которые засоряли печать из-за отсутствия научно обоснованных принципов терминоведения ¹³.

С другой стороны, нужно было взамен этого огромного наносного слоя отобрать на разумной основе и по возможности как можно быстрее вовлечь в литературную норму, во-первых, общенародные элементы существующих разновидностей народно-разговорного языка с учетом всех башкирских говоров, во-вторых, его междиалектные элементы, представленные главным образом в опорных диалектах башкирского языка, в-третьих (что самое трудное), элементы, являющиеся различительными признаками опорных диалектов, имеющие взаимоисключающий характер, и, наконец, в-четвертых, значительную часть коммуникативно необходимой вновь создаваемой терминологии, в том числе калек с русского языка и прямых заимствований.

Естественно, что столь сложную и чрезвычайно актуальную в то время задачу можно было успешно и сравнительно быстро осуществить только на научной основе, привлекая для этого лучших знатоков башкирского языка. Это предполагало трудоемкую предварительную работу по выяснению всех наличных и потенциальных ресурсов башкирского языка (а не только его опорных диалектов), которую и развернули башкирские языковеды еще в конце 20-х годов при деятельном участии Н. К. Дмитриева, организовав планомерные диалектологические экспедиции ¹⁴.

Одновременно началось обновление и обогащение башкирской терминологической лексики ¹⁵, которое особенно плодотворным стало в 30-х годах ¹⁶, когда в соответствии с возрастающими запросами национального издательства и широкой сети учебных заведений один за другим стали появляться необходимые терминологические словари, созданием и усовершенствованием которых вначале занималась Центральная комиссия по реализации башкирского языка при Народном комиссариате Башкирской АССР, а впоследствии Научно-исследовательский институт языка и литературы им. М. Гафури и Постоянная терминологическая комиссия при Президиуме Верховного Совета Башкирской АССР, образованная в 40-е годы и успешно работающая поныне.

¹² См. более подробно: *Юлдашев А. А.* Башкирский язык. — Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков. М., 1969, с. 129 и сл.

¹³ *Юлдашев А. А.* Формирование единых норм башкирского языка. — Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960, с. 289 и сл. (Тр. Ин-та языковедения АН СССР; Т. 10).

¹⁴ *Дмитриев Н. К.* Краткий отчет о работе лингвистико-фольклорного подотряда экспедиции Академии наук. — Бюллетень Башкирского областного бюро краеведения. Уфа, 1928, № 3. *Әлмәр К.* Фөндәр Академияһының Башкортостан экспедицияһының өтрөтөрөнөң 1928 йылдың йейенде эшләгән эштәре. — Башкорт аймағы, 1927, № 7; *Шакиров З.* 1929-нсы йылдың йейенде Башкортостанды өйрөнөү йәмғиәте тарафынан Арғаяш кантонында төл һәм фольклор байлауҙар яһау өсөн өбөрөлгән өтрөтөң кыскаса һисабы. — Белем, 1930, № 2.

¹⁵ Уже в середине 20-х годов языковеды занимались разработкой принципов терминологии и отраслевых специальных словарей: *Фабидова Х.* Маңыз (терминдәр) зар тикшерүҙә тоткан юлыбыз. — Башкорт аймағы, 1926, № 2; *Вильданов Ф.* Эш атамалары (терминдәре). Офө, 1927; Зоология һәм анатомиянан истилахтар. — Белем, 1924, № 1, 2; Физика истилахтары. — Белем, 1924, № 1, 2; Физика терминдәре. — Белем, 1925, № 11, 12 и др.

¹⁶ В этот период появилась первая серия терминологических словарей по химии, математике, физике, языковедению, медицине и другим отраслям науки, в 40-х и начале 50-х годов последовала вторая, более полная и усовершенствованная серия терминологических словарей (см.: Словари, издаваемые в СССР. М., 1966, с. 138 и сл.).

Наряду с разработкой терминологии первой необходимости и ее внедрением в обиход в условиях большого разнобоя в этой области шла регламентация и обогащение остальной лексики литературного языка. Сознательное вмешательство языковедов и общественных организаций, занимавшихся языковым строительством, в этот сложный и длительный процесс, в конечном итоге регулируемый самой жизнью языка, неуклонным ростом его общественной значимости в сфере массовой коммуникации, не могло быть эффективным. Тем более что лексические ресурсы башкирских диалектов в то время еще не были выявлены. Усилия языковедов и вообще нормализаторская деятельность в этой области сводилась лишь к разработке некоторых общих и частных принципов отбора лексики из озорных диалектов и к практическому отбору крайне незначительного круга слов, по которым отличались эти диалекты¹⁷.

Сама нормализация литературного башкирского языка и пополнение его необходимой лексикой за счет ресурсов башкирских диалектов и других источников (как и употребление в качестве литературной нормы сознательно отобранных слов, по которым противопоставлены друг другу восточный и южный диалекты башкирского языка) практически протекала в сфере массовой коммуникации, по мере развития национальной публицистики и многожанровой художественной литературы. Они постепенно вбирали в себя накопленное богатство башкирской народной лексики, все более расширяя ее состав за счет устоявшихся популярных лексических ресурсов прежней литературной традиции, заимствований из русского языка и новой терминологии, более или менее активно применяемой до этого лишь в учебной и специальной литературе, предназначенной для ограниченного круга читателей.

Литературный язык постепенно включал в себя общую лексику местных диалектов и говоров и незначительную часть специфических башкирских слов, в том числе и диалектизмов, восточного и отчасти южного диалектов, но не представленных в северо-западных говорах башкир и в татарском языке, под влиянием которого развивались эти говоры. Когда в основу литературного языка было решено положить восточный диалект, из него широким потоком в печать влились без всякого ограничения диалектизмы, непонятные большинству башкирских читателей.

Письменный литературный язык в начальный период своего формирования наряду с названным основным источником — народно-разговорным языком и диалектами — широко пользовался также и традиционной лексикой, которая ранее не входила в активный запас слов даже грамотного слоя башкирского населения. Большую часть этого лексического наследия, бытовавшего в то время в печати, составляли заимствованные в свое время слова арабского и персидского происхождения, недоступные для массового читателя. Такова была, в частности, общественно-политическая, научно-техническая и учебная терминология, без которой невозможно обойтись и которая из-за отсутствия ее эквивалентов в народном башкирском языке использовалась почти неограниченно.

Впоследствии, в 30-х годах, многие арабизмы и фарсизмы, бытовавшие по сути лишь в печати, равно как и не вошедшие в обиход предложенные вместо них неологизмы и архаизмы, постепенно были вытеснены башкирскими словами, в том числе и привившимися новообразованиями типа *уҡытыусы* 'учитель' (вм. *моғаллим*), *һынау* 'испытание', *һүҙлек* 'словарь' (вм. *дөгәт*), *көнбайыш* 'запад' (вм. *ҫәреп*) и заимствованиями из русского языка типа *экзамен* (вм. *имтихан*), орфография (вм. *имлә*), *культура* (вм. *мәҙәниәт*). Однако в целом и традиционное лексическое наследие, почерп-

¹⁷ *Ғабитов Х.* Маңыззар (терминдәр) тикшерүҙе тоткан юлыбыҙ. — Башкорт аймағы, 1926, № 2; Башкорт Өзәби телә терминологияһының принциптерә тураһындағы доклад буйынса резолюция. Өфө, 1940; *Башшев Т. Ғ.* Өзәби телдә лексика нормалары билдәләү принциптеренә ҡарата. — Ҡызыл Башкортостан, 1940, 17 окт.; *Әзмәр К.* Башкорт Өзәби теленә лексик нормалары һәм терминология мәсьәләләре. — Октябрь (Өфө), 1948, № 7; *Башшев Т. Ғ.* Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1951, с. 30, 112 и сл.

нутое главным образом из татарского литературного языка, также получило в Башкирии широкое распространение, особенно в северо-западных ее районах. Поэтому весьма большой пласт таких слов прочно вошел в литературную норму, хотя они и имели полные лексические соответствия как в самом народно-разговорном башкирском языке, так и в его литературной форме. Благодаря этому нормативная башкирская лексика обогатилась синонимами, и тем самым расширились ее стилистические возможности.

Комплектование необходимого состава башкирской нормативной лексики, ее регламентация и стилистическое развитие на протяжении всей истории башкирского языка сопровождалось значительным притоком лексических диалектизмов. Это послужило и продолжает служить и ныне самым значительным источником стилистической дифференциации и пополнения синонимических рядов башкирской нормативной лексики, в современном своем состоянии характеризующейся достаточной развитостью, чтобы удовлетворять возрастающие запросы коммуникации на родном языке.

Сложившаяся в результате многовекового самобытного развития древнетюркского, общетюркского и межтюркского наследия башкирская лексика выделяется в целом большим своеобразием, во многом резко отличающимся от других тюркских языков, в том числе и от татарского, хотя ее наиболее устойчивая и общеупотребительная часть и состоит в основном из исконно тюркских слов и производных лексических единиц, образованных на их базе исконно тюркскими способами словообразования.

Сравнительно быстро сформировались и устоялись нормы башкирской фонетики и орфоэпии.

По составу фонем, по их основным различительным признакам и аллофонам, по распределению гласных в корневых и аффиксальных морфемах, по употреблению согласных в корнях и не в инициале аффиксов, кроме /h, /z/, /ç/ и начальных этимологических *л, *д, *б, *п, *т, и вообще по наиболее существенным специфическим чертам, составляющим национальную основу башкирской фонетики, отличающей ее от других тюркских языков, разговорный башкирский язык во всех его разновидностях представляет достаточно большое и прочное единство, наглядно отражаясь в богатейшем разножанровом и необычайно популярном фольклоре башкирского народа. Об этом, помимо зафиксированных обширных фольклорных и некоторых других уцелевших письменных источников, со всей очевидностью свидетельствует сохранение основной природы башкирской фонетики в говорах башкир Саратовской, Курганской и Куйбышевской областей, веками развивавшихся в отрыве от основных башкирских говоров, представленных в самой Башкирии. Эти инотерриториальные говоры, насчитывающие в целом более 30 тыс. носителей, на общих основаниях органически входят по своим фонетическим и другим особенностям в состав либо восточного (например, башкирские говоры Курганской области, 13 тыс. чел.), либо южного (говоры башкир Саратовской и Куйбышевской областей, более 25 тыс. чел.)¹⁸, объединяясь с их говорами во всем основном и отличаясь от них примерно в той мере, в какой они сами различаются между собой.

Вполне закономерно, что столь большая общность башкирских диалектов и говоров в области фонетики¹⁹ послужила централизующей основой при становлении нормативной фонетики, учитывающей те черты, по которым опорные башкирские диалекты и их говоры отличаются друг от друга. Но нормирование фонетики требовало сознательного вмешательства: во-первых, отбора фонетических диалектизмов, представленных в опорных диалек-

¹⁸ Максимова Н. Х. Указ. соч., с. 5.

¹⁹ Такова, например, употребление начального й вм. ж или ж других тюркских языков кыпчакской группы, которым башкирские диалекты объединяются с диалектом мишарей, являющимся наиболее древним диалектом татарского языка. Такова, очевидно, и сравнительно последовательная эволюция древнетюркского вокализма, в остальных тюркских языках отраженная лишь рудиментарно, исключая лишь татарский, в этом отношении мало чем отличающийся от башкирского.

тах башкирского языка взаимоисключающими вариантами, во-вторых, внедрения результатов этого отбора в широкий обиход через печать, радио, театры, школы и другие каналы массовой коммуникации, которые в нормализации всех уровней языка и в его дальнейшем развитии сыграли самую решающую роль. Первой задачей занимались главным образом языковеды, и второй — широкая общественность в лице писателей, журналистов, учителей и др. В результате постепенно, с большим трудом в литературный язык в качестве орфоэпической нормы вошли (главным образом в 30-е годы) многие фонетические явления обоих опорных диалектов, по которым они отличаются друг от друга до сих пор.

Особенно большие затруднения вызвало освоение норм фонетики, ориентированных главным образом на восточный диалект, поскольку, во-первых, носители его составляют всего примерно одну пятую часть башкирского населения (немногом более 201 тыс. чел., из которых половина представлена за пределами самой Башкирской АССР²⁰), во-вторых, эта довольно значительная часть фонетических норм характеризуется большой непоследовательностью и практически не имеет реальной опоры в диалектах, лишь частично соответствуя их специфике. Таковы, в частности: 1) ассимиляция и диссимиляция начальных аффиксальных этимологических *л, *д и *н, проявляющиеся в одних аффиксах по закономерностям восточного диалекта (например, варьирование л в аффиксе множественности -лар/-лар), а в других — в соответствии с особенностями южного диалекта и остальных башкирских говоров (ср. аффиксы -лы/-ле, -лык/-лек, -лак/-лак, -лата/-латә, -лай/-лай, -ла/-лә и т. п.), и то далеко не последовательно (ср., например, изменения начального аффиксального н в восточном и южном диалектах; 2) распределение һ, ҫ и җ, в одних случаях отражающее особенности восточного диалекта, в других — южного; 3) распределение ж, ориентированное главным образом на восточный диалект; 4) большое число лексически крайне ограниченных (типа бутка 'каша', бута- 'перемешивать, тасовать', жарлығас 'ласточка' вм. ботка, бота-, жарлығас во многих башкирских говорах) или полностью лексикализованных единичных диалектных оппозиций фонем (типа менән 'с' вм. белән в большинстве башкирских говоров), составляющих специфику башкирской фонетики, сохранившуюся лишь в одном из опорных диалектов.

По всем вопросам языкового строительства, вызвавшим долгие и оживленные споры и требующим неотложного решения, были постепенно разработаны достаточно приемлемые практические рекомендации и принципиальные установки, впоследствии проведенные в жизнь. Хотя многие из этих установок страдают явной непоследовательностью (ср. вышеприведенные примеры) и содержат искусственное смешение особенностей двух различных опорных диалектов, их осуществление в целом способствовало становлению литературной нормы на основе национальной специфики башкирской фонетики.

Важнейшей предпосылкой в создании норм литературного языка, особенно фонетики, послужила демократизация и усовершенствование национальной письменности. В 1923 г. в арабский алфавит башкирского языка был внесен ряд изменений, учитывающих его фонетические особенности. Одновременно были разработаны новые правила башкирского правописания, опубликованные в начале 1924 г.²¹ И хотя эти правила впоследствии были во многом усовершенствованы²², постичь систему письма было нелегко, в частности, изучить правописание гласных, не имеющих отдельного однозначного буквенного выражения. В 1930 г. был принят алфавит на базе латинской графики, позволивший построить правописание на фонетическом

²⁰ Мажитова Н. Х. Указ. соч., с. 5.

²¹ Алфавит һәм орфография комиссияһы. Башҡорт шиүәләрендә яҙыу, һойләшәү өсөн тейешле булған кәғиҙәләр. — Өлөм, 1924, № 1, 2.

²² Ғәбитов Х., Таһиров Н. Башҡортса яҙыу коралы; Ғәбитов Х., Алтаров Ф. Башҡорт теленең имләһе.

принципе²³. К этому времени основные нормы фонетики, в том числе и орфоэпии, уже вполне сложились и это обстоятельство сыграло существенную роль в ускоренном усвоении не только нового правописания, но и норм фонетики, в которых, как было отмечено выше, еще наблюдался значительный разноречивый. Это было тем более важно, что стабилизация норм фонетики и усвоение нового правописания протекали в 30-х годах в условиях невиданного роста культурного уровня всего башкирского населения, когда необычайно расширились общественные функции литературного языка, ставшего, именно благодаря расцвету национальной культуры, достоянием самых широких масс.

В 1940 г. был принят русский алфавит с дополнительными знаками *ґ, җ, ҙ, ҫ, һ, ң, ө, Ү, ә* для обозначения специфических башкирских фонем. Научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы им. М. Гафури был разработан ныне действующий свод правил башкирского правописания²⁴, в основе которого за небольшим исключением также лежит фонетический принцип, обеспечивший сравнительно легкое и быстрое усвоение правописания широкими массами²⁵.

Из всех уровней языка наименьших усилий потребовала нормализация грамматического строя, поскольку в этой области, исключая известную долю словообразовательной морфологии и состава послелогов, союзов и сложных предложений с союзной связью, все разновидности башкирского языка обнаруживают в целом самую большую общность. Становление единых норм морфологии и синтаксиса завершилось гораздо раньше, чем регламентация фонетики и лексики. Еще в 30-е годы была постепенно устранена естественная двойственность морфологической структуры многих слов типа (*билләүсе // билләгес* >) *билләүсе* 'владелец', (*йыйынтыҡ // йыйынды* >) *йыйынтыҡ* 'сборник', (*тегарйен // тегиен* >) *тегарйен* 'суровая нитка', (*тирәләй // тирәләй* >) *тирәлә* 'около, вокруг', обусловленная национальной спецификой опорных диалектов. В те же годы наметилось обогащение башкирской грамматики необходимыми словообразовательными формами и синтаксическими конструкциями с союзной связью и др. за счет ресурсов прежней литературной традиции, потенциальных возможностей устного башкирского языка и т. д. с ориентацией на развитие других литературных тюркских языков. На этот процесс, получивший особенно большое развитие в последующие десятилетия, благотворное влияние оказали, помимо родственных литературных языков, многочисленные переводы политической, публицистической, учебной и художественной литературы с русского языка, равно как и массовое непосредственное приобщение башкир к русскому языку — языку межнационального общения²⁶.

Становление и стабилизация единых литературных норм фонетики, грамматики и лексики явились необходимыми факторами для дальнейшего успешного развития современного башкирского национального языка. Нормы эти определили основу его единства, создали условия для интенсивного взаимодействия и обогащения всех его разновидностей, для их постепенной унификации под возрастающим влиянием литературного языка, который ныне благодаря густой сети школ, культурно-просветительских учреждений, осуществлению всеобщего среднего образования, развитию науки, нацио-

²³ Яңы башҡорт әлифбаһы (Проект). Өфө, 1927; *Ғәбитов Х.* Яңы башҡорт әлифбаһының имләне тураһында. — Башҡорт аймағы, 1927, № 3; *Дәүләтшин Ғ.* Яңы әлеп имләне. — Башҡортостан, 1927, 7 июля; *Он же.* Яңы әлеп имләне. — Яңылыҡ, 1929, № 7, 8, 9, 10; *Он же.* Башҡорт теле һәм уны дәрәс ызыу кағиҙәләре; *Он же.* Башҡорт теленең имлә һүҙләге.

²⁴ Башҡорт әзәби теленең алфавите һәм орфографияһы / Нуаплы ред. Т. Ғ. Баишев. Өфө, 1940; Башҡорт әзәби теленең алфавите һәм орфографияһы / Ред. А. Ш. Кутушев, Ғ. И. Ишбулатов. Өфө, 1942; Башҡорт әзәби теленең алфавите һәм орфографияһы. Өфө, 1951; *Әлмәр К.* Башҡорт әзәби теленең орфография һүҙләге. Дәрәс ызыу кағиҙәләре. М., 1952, с. 9—37.

²⁵ *Юлдашев А. А.* Орфография башкирского языка. — В кн.: Орфография тюркских литературных языков. М., 1973, с. 76—90.

²⁶ См. ниже, раздел «Об изучении башкирского языка».

нальной литературы и искусства, радиовещания и телевидения и т. п. проникает во все сферы общения на родном языке и вызывает существенные сдвиги в развитии разговорного башкирского языка и всех его территориальных диалектов и говоров.

Заметное благотворное влияние литературного языка претерпевают ныне все диалекты и говоры башкир, представленные в самой Башкирской АССР, кроме северо-западных говоров (Туймазинский, Белебеевский и другие районы), которые по-прежнему подвержены сильному воздействию татарского литературного языка и в связи с этим настолько изменились²⁷, что вопрос об их принадлежности к современному башкирскому национальному языку, несмотря на всякие обоснования, является крайне спорным²⁸. Однако отдельные из этих говоров находятся в сфере влияния башкирского литературного языка, что в конечном итоге приведет их, очевидно, как и остальные башкирские говоры и диалекты, к их слиянию с башкирским языком²⁹.

По мере того, как нормализованный литературный язык становится достоянием всего башкирского населения, пользующегося родным языком, он сам в своем дальнейшем развитии испытывает по-прежнему благотворное влияние разговорного языка башкир, все более широко вбирая в себя его богатейшие ресурсы в области лексики и синтаксиса и тем самым обогащая свои выразительные возможности и их стилистическое развитие. Значительным источником обогащения и укрепления жизнеспособности современного башкирского литературного языка служат родственные тюркские языки и стимулирующее влияние русского языка, через посредство которого широким потоком вливаются международная терминология и устоявшиеся во многих языках мира синтаксические и терминологические кальки с латинского, французского, английского, немецкого и других индоевропейских языков, а также прямые лексические заимствования из самого русского языка.

ОБ ИЗУЧЕНИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Башкирский язык в сферу научного изучения вошел по существу лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Имевшиеся до этого печатные сведения о нем были в целом очень скудны³⁰. К тому же часть их не отличается достоверностью, ибо была почерпнута В. Прёле, Н. Ф. Катановым и др. из отатарившихся говоров башкир и не отражает поэтому природы башкирского языка³¹. Отдельные неточности вкрались и в сравнительную фонетику северных тюркских языков В. В. Радлова, поль-

²⁷ Делопроизводство, преподавание в школах и в педагогических училищах ведется на территории этих говоров на татарском языке. В Уфе выходит республиканская газета «Кызыл тап» (ранее «Коммуна»), предназначенная главным образом для посетителей данных говоров. Кроме того, на этой территории выходит на татарском языке более двадцати районных газет, не говоря уже о том, что население здесь широко пользуется всеми видами печатной продукции, выпускаемой на татарском языке в Татарской АССР.

²⁸ Многие считают данную группу говоров татарской. Некоторые же башкироведы, исходя из наличия в ней отдельных особенностей башкирской фонетики (широкое использование межзубного *з* вм. исконных *з* и *д*) и морфологии (афф. *-ай/-эй* с широким гласным вм. тат. *-эй/-и*), склонны квалифицировать ее как особый периферийный смешанный переходный диалект, не отрицая, конечно, очевидную близость этих говоров к татарскому языку.

²⁹ Сравнительно давно и интенсивно в башкирских диалектах и говорах идет замена диалектизмов соответствующими эквивалентами из литературного башкирского языка, которые одинаково хорошо известны всем носителям данного диалекта или говора, но далеко не одинаково употребляются ими. Диалектные дублиеты стойко удерживаются лишь в речи старшего поколения, главным образом в речи женщин, молодежь же применяет их, как правило, спорадически в устном общении, и то в зависимости от уровня своего образования и культуры.

³⁰ Гарипов Т. М. Изучение башкирского языка в дореволюционный период. — В кн.: Вопросы башкирской филологии. М., 1959.

³¹ Дмитриев Н. К. К вопросу об изучении башкирского языка. — Там же, с. 17—18; Гарипов Т. М. Указ. соч., с. 41.

зовавшегося материалами по башкирскому языку из вторых рук и считавшего не без связи с этим башкирский язык одним из диалектов татарского языка, на этом основании обделив его вниманием даже в своих «Образцах народной литературы тюркских племен» (СПб., 1866—1907, ч. 1—9).

В дореволюционных источниках башкирский язык в качестве самостоятельной единицы среди тюркских языков рассматривался, как это ни парадоксально, главным образом в наиболее ранних работах, в частности в знаменитом компендиуме-словаре «Дивану-лугат-ат турк» М. Кашгарского, в «Описании всех обитающих в Российском государстве народов» Г. Георги (СПб., 1799, с. 93) и др., где подчеркивается своеобразие башкирского языка по сравнению с наиболее близкими к нему тюркскими языками. В период зарождения тюркской филологии среди ученых относительно башкирского языка утвердилось мнение В. В. Радлова. Этим во многом объясняется тот очевидный факт, что мало кто всерьез интересовался из тюркологов башкирским языком вплоть до Октябрьской революции, исключая лишь отдельных энтузиастов, в частности А. Г. Бессонова, В. В. Катаринского, М. Бикчурина, М. Куватова, С. Г. Рыбакова и др.

Природу башкирского языка как одного из самостоятельных и равноправных тюркских языков на убедительном материале наиболее полно и ясно впервые охарактеризовал Н. К. Дмитриев, которому башкирское языкознание обязано своим становлением, успешным развитием и наиболее значительными достижениями, а тюркское отечественное языкознание — теорией грамматических описаний, разработанной им главным образом на базе башкирского языка.

Н. К. Дмитриев еще в 1927 г. предложил вниманию тюркологов сжатую общую характеристику башкирского языка и первое полное описание системы башкирской фонетики³², во многом резко отличающейся от фонетики остальных тюркских языков, в том числе и татарского. В 1928 г. Н. К. Дмитриев выступил в печати с обстоятельной программой по научному изучению башкирского языка³³ и, начиная с этого времени до конца своей жизни, отдал много труда и времени ее осуществлению, поддерживая тесный контакт со всеми башкирскими языковедами, в том числе со своими учениками. Наряду с этим Н. К. Дмитриев принимал самое деятельное участие в решении практических вопросов языкового строительства в Башкирии и в подготовке национальных кадров башкирских лингвистов.

В 1928—1929 гг. появились очерки по башкирской фонетике М. Билялова, М. А. Кулаева и М. Муратова³⁴. В последующий период в описание фонетики башкирского языка самый весомый вклад внесли Н. К. Дмитриев и Д. Г. Киекбаев.

Обобщая свои изыскания и накопленные сведения по башкирской фонетике, Н. К. Дмитриев в «Грамматике башкирского языка» установил состав башкирских фонем, включая в их число вновь освоенные гласные *e* (*метр, техник*) и *o* (*мотор, завод*), а также согласные *v* (*вагон, завод*), *ч* (*тачанка, Чапаев*), *ц* (*революция, цех*) и *щ* (*щетка, Щорс*), представленные в заимствованиях из русского языка. Он создал классификацию системы гласных и согласных по их основным различительным признакам, в ряде случаев особо подчеркивая их артикуляционно-акустическое своеобразие, в частности специфику /a/, /o/, /d/, /t/, /k/, /m/, /ч/ и некоторых других фонем. Большое

³² *Dmitriev N. Etude sur la phonétique bachkire. — Journal Asiatique (Paris), 1927, 210, N 2.* Эта работа Н. К. Дмитриева легла в основу характеристики башкирской фонетики, которую впоследствии он разработал в своей «Грамматике башкирского языка» (М.; Л., 1948). До нее по фонетике башкирского языка были обнародованы лишь отрывочные и во многом неточные сведения в известных трудах В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова и В. Преле. Гораздо более надежные и полные сведения содержала статья Г. Вильданова «Башкорт шиүҙененең фонетика теңгәленә тезистар» («Башкорт аймағы», 1926, № 2), остававшаяся незамеченной широким кругом тюркологов.

³³ Башкорт телен ейрәнеү мәсьәләһенә карата. — Белем, 1928, № 7, 8, 9.

³⁴ Билялов М. Таблицы по фонетике башкирского языка. — Зап. Коллегии востоковедов. Л., 1928, т. 3, вып. 2; Кулаев М. А. О звуках башкирского языка. Казань, 1928; Мурат М. Башкорт телендә һузынғы өндәр хақында. — Белем, 1929, № 6, 7.

внимание уделил Н. К. Дмитриев позиционным изменениям фонем — редукции, протезе и элизии гласных, ассимиляции и диссимиляции согласных и т. п. Он вкратце охарактеризовал сингармонизм и систему башкирского ударения. Кроме того, Н. К. Дмитриев широко изложил свои взгляды на историю так называемых вторичных гласных /o/, /ə/, /e/, /i/, /y/, /y/ и согласных /h/, /ʒ/, /ç/³⁵.

Дальнейшую углубленную разработку основных вопросов башкирской фонетики представляют работы Д. Г. Киекбаева. Основную его заслугу составляет монографическое описание артикуляционно-акустических свойств башкирских гласных и согласных³⁶, более полное рассмотрение башкирской акцентологии и позиционных изменений фонем в зависимости от типичных условий их употребления и основанное на этом выяснение состава аллофонов гласных и некоторых согласных, выявление соотношения ряда согласных и некоторых гласных по их распределению в той или иной позиции³⁷. Д. Г. Киекбаев занимался также рядом вопросов, имеющих общетюркологическую значимость, в том числе проблемой сингармонического варьирования слова³⁸, привлекая внимание многих тюркологов. Большое место в работах Д. Г. Киекбаева занимает история специфики башкирской фонетики, в частности вокализма и согласных /h/, /ʒ/, /ç/³⁹. При ее изложении Д. Г. Киекбаев, в отличие от своих предшественников, широко пользуется сравнительными материалами не только других тюркских языков, но и башкирских диалектов и говоров.

Описывая башкирскую фонетику, Д. Г. Киекбаев, Н. К. Дмитриев, М. А. Билялов и др. сравнивают ее с фонетической системой татарского языка. В свою очередь, фонетические описания по татарскому языку А. Г. Бессонова, В. А. Богородицкого, Ф. Г. Исхакова и др. содержат сравнительные материалы башкирского языка.

Продолжая и углубляя сравнение башкирского и татарского языков на уровне фонетики, Т. М. Гарипов вовлек в свое исследование «Кыпчакские языки Урало-Поволжья» (Докт. дис. Уфа, 1974) материалы башкирских и татарских диалектов и с возможной полнотой установил соотношение фонетических систем башкирского и татарского языков, предварительно уточнив, какими разновидностями представлена та или иная фонема в рамках говоров, диалектов и литературной формы обоих сравниваемых национальных языков.

Систематическое сопоставление языков позволило Т. М. Гарипову со всей очевидностью лишней раз доказать правомерность тезиса советских тюркологов, что звуковая система башкирского языка при всей своей близости к татарской фонетике являет собой в целом принципиально иную эволюцию

³⁵ Проблемам башкирской фонетики Н. К. Дмитриев посвятил две свои статьи в «Исследованиях по сравнительной грамматике тюркских языков» (Ч. 1. Фонетика. М., 1955): 1) «Ассимиляция и диссимиляция согласных в башкирском языке» (с. 303—306); 2) «Согласные ç и ʒ в тюркских языках» (с. 249—253).

³⁶ Наиболее полную артикуляционно-акустическую характеристику получили башкирские гласные и согласные в его монографиях: *Киекбаев Ж. Г.* Башкорт теленең фонетикаһы (Тасуири һәм саныштырма-тарихи тикшеренеү тәҗрибәһе). Өфө, 1958; *Он же.* Башкорт ғәҙәби теленең дәрәҗәһе. Өфө, 1964; *Он же.* Орфоэпия башкирского литературного языка. Канд. дис. Уфа, 1947. — В этих работах Д. Г. Киекбаев обобщает результаты своих многолетних изысканий, частично опубликованных в многочисленных статьях (см.: Библиография по башкирскому языкознанию. 1917—1967. Сост. Т. М. Гарипов, М. Л. Рафиков, З. Г. Уракип. Уфа, 1969).

³⁷ *Киекбаев Ж. Г.* Башкорт теленең фонетикаһы.

³⁸ Там же. — Кроме того см.: *Киекбаев Дж. Г.* Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы в башкирском языке. — Учен. зап. Башк. пед. ин-та им. К. А. Тимирязева, 1955, вып. 5. Сер. филол., № 1.

³⁹ *Киекбаев Ж.* Башкорт теленең фонетикаһы; *Он же.* О передвижении гласных в башкирском языке. — Учен. зап. Башк. пед. ин-та им. К. А. Тимирязева, 1956, вып. 8. Сер. филол., № 2; *Он же.* Башкорт теленең тарихи үсеше. — Учен. зап. Башк. гос. ун-та, 1957, вып. 5. Сер. филол., № 4; *Он же.* О звуках ç, ʒ, һ и их развитии в башкирском, туркменском и якутском языках. — Учен. зап. Башк. гос. ун-та, 1958, вып. 6. Сер. филол., № 5; *Он же.* О согласных җ—к, ғ—г в начале слова в башкирском и других тюркских языках. — Там же.

древнетюркского наследия, чем это представляли себе В. В. Радлов и др., считая на этом основании башкирский язык одним из диалектов татарского языка.

Не менее значительным результатом исследования Т. М. Гарипова «Кыпчакские языки Урало-Поволжья» можно считать фонологическое осмысление накопленных материалов по башкирской и татарской фонетике, начатое Д. Г. Киекбаевым, в частности установление состава и соотношения основных аллофонов многих фонем башкирского и татарского языков. К числу аллофонов фонемы данного языка Т. М. Гарипов относит дистрибутивные особенности ее реализации не только в его литературной форме, но и в диалектах и говорах, хотя национальные башкирский и татарские языки не являются на фонологическом уровне гомогенными единицами, а членятся на относительно автономные взаимодействующие разновидности — на литературную форму и диалекты, — каждая из которых пока что обладает своей звуковой системой, отнюдь не совпадающей даже по составу фонем, соответственно по их распределению в корневых и, в особенности, аффиксальных морфемах.

Одним из самых плодотворных направлений в разработке вопросов башкирской фонетики является выяснение соотношения звуковой системы литературной формы башкирского языка и его диалектов и говоров. Можно с удовлетворением отметить, что благодаря усилиям целого коллектива башкирских диалектологов, в частности, Т. Г. Баишева, Н. Х. Ишбулатова, Х. Г. Юсупова, Н. Х. Максютовой, С. Ф. Миржановой, У. М. Яруллиной, Р. Г. Азнагулова и др. в настоящее время уже зафиксированы все основные расхождения между литературным языком и башкирскими говорами и диалектами на уровне фонетики как по составу фонем, так и, в особенности, по их распределению в корнях и аффиксах. Эти довольно четкие расхождения наряду с особенностями башкирских говоров и диалектов в области лексики и отчасти в словообразовательной морфологии и составляют основу диалектного членения башкирского языка, которое при всем активном воздействии нормализованного литературного языка наиболее стойко сохраняет свою силу именно на уровне фонетики.

Особое направление в изучении башкирской фонетики составляет ее сопоставление с русским языком, начатое М. А. Кулаевым⁴⁰ и значительно более обстоятельно выполненное в первой «Сравнительной грамматике русского и башкирского языков» Р. Н. Терегуловой и К. З. Ахмерова (Под ред. Н. К. Дмитриева. Уфа, 1953).

Недавно начато изучение башкирской фонетики, в частности, консонантизма, современными инструментальными методами, которое требует расширения и продолжения.

Специфика башкирской фонетики, ее история привлекают внимание и специалистов по другим языкам. Интересные мысли высказали Б. А. Серебренников (по истории модификации инициального аффиксального л)⁴¹, А. М. Щербак и Г. П. Мельников (об эволюции башкирского вокализма)⁴².

Более или менее систематическое описание грамматического строя башкирского языка началось в 30-х годах при составлении учебных грамматик⁴³, сыгравших большую роль в становлении, популяризации и стабили-

⁴⁰ Кулаев М. А. Указ. соч.

⁴¹ Серебренников Б. А. О двух случаях загадочного изменения звуков башкирского языка и его диалектов. — В кн.: Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959.

⁴² Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. М., 1970; Мельников Г. П. Геометрические модели вокализма и причины перебора башкирско-татарских гласных. — В кн.: Проблемы лингвистического анализа: Фонология, грамматика, лексикология. М., 1966.

⁴³ Башкорт теленең сарыфы / Төзөүселәр Х. Ғәбитов, Н. Таһиров, В. Хангильдин, Г. Вильданов. Өфө, 1925; Шакиров З., Чуратов Ш. Ғәмәли башкорт теле дәреслеге. Өфө, 1928, 1 китап; Сәғди Ф., Хосни Ф., Дәүләтшин Ф. Өсө теленән эш китабы. Өфө, 1930; Мансур Ә. Грамматика. 1 китеп. Морфология: Урта мәктәп өсөн дәреслек. Өфө, 1933; Әжмер К. Грамматика. Синтаксис: Урта мәктәп өсөн дәреслек.

зации единых норм башкирской морфологии и синтаксиса и впоследствии существенно дополненных и уточненных по своему содержанию по мере развития башкирского языкознания⁴⁴. До этого в периодической печати публиковались лишь небольшие очерки по башкирскому словообразованию⁴⁵.

Отдельные содержательные статьи по другим грамматическим темам стали появляться в конце 30-х и в начале 40-х годов⁴⁶, когда Н. К. Дмитриев и его ученики стали интенсивно исследовать вопросы башкирской морфологии и синтаксиса. Результатом этих исследований явились основополагающие монографии, в том числе получившая широкое признание «Грамматика башкирского языка» Н. К. Дмитриева.

В 1944 г. в Уфе вышла в свет книга А. И. Харисова «Категория глагольных видов в башкирском языке» (под ред. Н. К. Дмитриева), послужившая стимулирующим образцом в монографическом описании так называемой видовой модификации глагольной лексики в узбекском, азербайджанском и некоторых других языках⁴⁷.

А. И. Харисовым выявлен почти весь состав видообразующих аналитических и синтетических форм и подробно описаны их основные значения и степень продуктивности. Все эти формы отнюдь не составляют единой грамматической категории, а представляют более или менее грамматикализованную словообразовательную модификацию глагола, при которой их видовое значение законченности или незаконченности, типологически сходное с категорией совершенного или несовершенного вида русского глагола, вытекает из самого их лексического значения и не может быть выделено в отрыве от него⁴⁸.

Общей характеристике частей речи в башкирском языке и их грамматической природы посвятил свою кандидатскую диссертацию «Современный башкирский язык. Ч. 1. Слово, части речи» (Уфа, 1946) К. З. Ахмеров. А. И. Чапышев в монографическом плане изложил «Категорию прилагательного в башкирском языке» (Дис. . . канд. филол. наук. Уфа, 1948).

Уфа, 1933, 2 кнжк; *Дәүләтшин Ф.* Башкорт дәүләт пед. институтының ситтән торып укыусылары өсөн башкорт теленән дәрәслек. Уфа, 1934; *Ғәлиев С.* Грамматика. 2 кнжк. Синтаксис: Тулы булмаган урта мәктәп өсөн дәрәслек. Уфа, 1938; *Зиннатуллина Х.* Башлангыч мәктәп өсөн башкорт теле дәрәслеге. Уфа, 1939.

⁴⁴ С возможно полным учетом достижений в разработке грамматики башкирского языка составлены действующие учебники по морфологии и синтаксису для средней башкирской школы: *Киекбаев Ж. Ф., Фәритов Х. С., Ғәлләмов А. А.* Башкорт теле дәрәслеге. 1 кнжк. Фонетика, морфология. Уфа, 1965; *Әлмәр К., Сәйтбатталов Ф. Ф.* Башкорт теле дәрәслеге. 2 кнжк. Синтаксис. Уфа, 1965. — Этим же характеризуются и учебные пособия по башкирской фонетике и морфологии для студентов кафедры башкирского языка в вузах: *Киекбаев Ж. Ф.* Хәзерге башкорт теле: (Башкорт дәүләт университетең ситтәге студентлары өсөн лекциялар). Уфа, 1961, где по информативности особенно выделяется описание башкирского глагола; *Ишбулатов Н. Х.* Хәзерге башкорт теле. Уфа, 1962, где в разделе морфологии основное внимание направлено на принципы выделения частей речи; *Хәзерге башкорт әзәби теленң морфологияһы: (Юғары укыу йорттарының филология факультете студентләре өсөн дәрәслек).* Редакторлары: М. В. Зейнуллин, Р. Ф. Зарипов. Уфа, 1978, 1 кнжк.

⁴⁵ *Вильданов Ф.* Башкорт телендә ялгауҙар ҡушып исем һүҙ яһау. — Башкорт аймағы, 1927, № 4; *Хангильдин В.* Башкорт телендәге исем яһаусы ялгауҙарҙы төркөмлөү. — Башкорт аймағы, 1928, № 5; *Дмитриев П. К.* О парных словосочетаниях в башкирском языке. — Изв. АН СССР. Отд. гуман. наук. Л., 1930, № 7.

⁴⁶ Среди них: *Әлмәр К.* Башкорт теле грамматикаһының кайһы бер мәсьәләләре. — Башкортостан укытыусыһы, 1939, № 6, 8, 9, где рассматривается категория залога и некоторые другие вопросы морфологии; *Харисов Ә.* Рәүеш һәм стабил дәрәслектәр. — Башкортостан укытыусыһы, 1937, № 3; *Буранғолов К.* Башкорт әзәби теле грамматикаһынан кайһы бер мәсьәләләр. — Башкортостан укытыусыһы, 1937, № 5.

⁴⁷ Ср.: *Шарипов Г. Ш.* Категория глагольного вида в современном узбекском языке. Дис. . . канд. филол. наук. М., 1945; *Әлиева З. И.* Азербайжан дилинда фе'лин терз категориясы. Дис. . . канд. филол. наук. М., 1953; и др., где в основном использована рубрикация материала и его описание, предложенные А. И. Харисовым в его книге «Категория глагольных видов в башкирском языке» (Уфа, 1944).

⁴⁸ Не менее явную натяжку представляет попытка автора увязать истоки видовой модификации глагола с «новым учением» П. Я. Марра. См.: *Кудашев А.* Быстрее исправить ошибки в области языкознания. — Красная Башкирия, 1950, 28 окт.

Грамматический строй башкирского литературного языка, в особенности части речи, грамматические категории имени существительного и глагола, разряды местоимений и числительных, основные словообразовательные формы знаменательных частей речи, наиболее употребительные структурные типы простых и сложных предложений и их членов и т. п. — свою первую полную и четкую характеристику на надлежащем научном уровне получили в «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриева, где он также обобщил свои теоретические воззрения по таким существенным и сложным вопросам, как принципы выделения частей речи, придаточных предложений, соотношение форм времен и наклонений глагола, категория определенности и неопределенности, служебные имена и т. п.

Этот основополагающий труд Н. К. Дмитриева, ставший настольной книгой каждого тюрколога, послужил важнейшим стимулом в дальнейшей разработке вопросов башкирской грамматики, которая особенно оживилась и стала плодотворной во всех своих основных отраслях после лингвистической дискуссии 1950 г.

Предметом специальных монографических исследований стал целый ряд вопросов морфологии и синтаксиса башкирского языка. Так, А. Х. Фатыхов, продолжая и углубляя описание залога башкирского глагола, предложенное К. З. Ахмеровым и Н. К. Дмитриевым, подробно охарактеризовал управление залогов и залоговую изменяемость глаголов, а также выявил с исчерпывающей полнотой сочетаемость залоговых форм⁴⁹.

А. А. Юлдашев обратил внимание грамматистов на двоякий характер залоговых форм и неправомочность их квалификации как категории залога, когда данные формы, лишившись собственно залогового значения, выступают исключительно в словообразовательных целях. Соответственно исследователь относит их к основному залого и предлагает выделять взаимный, поцудительный, страдательный и возвратные залого только в том случае, если их форма действительно выражает значение залога. Причем в рамках взаимного, поцудительного и отчасти страдательного залога он отмечает их разновидности, обусловленные характером лексического значения глагольной основы⁵⁰.

В связи с наметившимся противоречием в трактовке залога в тюркских языках, она стала предметом оживленной дискуссии, проведенной в 1957 г. в Уфе с участием видных языковедов⁵¹.

Значительное внимание уделено и другим вопросам изучения башкирского глагола в монографических исследованиях А. А. Юлдашева и М. В. Зайнуллина, где восполнены пробелы в описании глагольного словообразования, видовая модуляция глагола и десемантизированные формы косвенных залогов отнесены к внутриглагольному словообразованию, в число временных форм индикатива включены аналитическая конструкция на *-ған/-ған бар (юк)*, имеющая особое спряжение, впервые выделены наклонения намерения, долженствования и сослагательное, расширен состав форм повелительного и условного наклонений за счет производных сложных конструкций⁵², уточнены значения и соотношение форм прошедшего и будущего времени индикатива и т. п.⁵³ В целом немало ценных наблюдений и свежего матери-

⁴⁹ Фатыхов А. Х. Категория залога в башкирском языке. Дис. . . канд. филол. наук. Уфа, 1952.

⁵⁰ Юлдашев А. А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1956, с. 13—16; *Он же*. Принципы выделения и трактовки категории залога в башкирском языке. — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961.

⁵¹ Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР. Уфа, 1957. — В докладе Б. А. Серебrenникова и в ряде выступлений на конференции говорилось, что формы залога в тюркских языках не составляют сложившейся единой грамматической категории, а скорее всего представляют модификацию глагола по залоговому значению, граничащую со словообразованием.

⁵² Юлдашев А. А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958.

⁵³ Зайнуллин М. В. Категория времени глагола изъявительного наклонения в современном башкирском языке. Канд. дис. Уфа, 1963. — См. также его публикации на данную

ала содержит большая серия статей по башкирскому глаголу, написанных К. З. Ахмеровым (о видах и залогах), Д. Г. Кнекбаевым (о видах), Х. Г. Юсуповым (о причастиях), А. Г. Бишевым (о форме времени на *-ғайны/-ғэйне*), Ф. Г. Биккуловой (о деепричастиях) и др.⁵⁴

Монографически описаны, наконец, неличные формы башкирского глагола — инфинитив, имена действия и деепричастия⁵⁵, причем последние охарактеризованы как особые формы бинопредикативности.

Словообразование имен существительных и прилагательных обстоятельно разработал Т. М. Гаринов в своей монографии «Башкирское именное словообразование» (Уфа, 1959), впервые отметив целый ряд словосложительных типов и деривационных моделей, а также инновации в образовании прилагательных за счет ипоязычных заимствований.

Р. Ф. Зарипов в кандидатской диссертации «Категория падежа в башкирском языке» (Уфа, 1971) восполнил пробелы в описании частных значений дательного, исходного и местного падежей и управления послелогов, углубил разработку винительного и родительного падежей, увязав ее с категорией определенности и неопределенности. Кроме того, он высказал мнение о возможности увеличения числа падежей до 16 за счет словообразовательных (формы на *-лы/-ле*, *-һыз/-һез* и т. п.), некоторых грамматических (форма притяжательности на *-һыжы/-һеке*), лексико-грамматических (форма обращения на *-й*) и отдельных форм типа *калалағы* 'находящийся в городе', которые склоняются и уже по этой причине не могут быть квалифицированы как падеж (один падеж не может быть внутри другого) и часть которых служит для словообразования наречий (формы на *-са/-сә*, *-дай/-дәй*) и прилагательных (формы на *-лы/-ле*, *-һыз/-һез*, *-дағы/-дәге*).

В монографии Б. С. Саяргалиева «Служебные слова в башкирском языке» (Канд. дис. Уфа, 1955) дополнен перечень частных значений послелогов *менән* 'с', *өсөн* 'за', *җаршы* 'против', *арҗыры* 'через' и описана сфера употребления союза *ки* 'что', послелога *табан* 'к' и др. Там же уточнена классификация частиц и союзов и впервые в башкироведческой литературе отмечены союзы *тик* 'лишь', *исмаһа* 'хотя бы' и т. п.⁵⁶

Предметом монографического изучения стали звукоподражания и образноподражания, составляющие многочисленный пласт башкирской эмоционально-экспрессивной лексики. З. К. Ишмухаметов в работе «Звукоподражательные слова башкирского языка» (Дис. . . канд. филол. наук. Уфа, 1970) детально характеризует фонеморфологическую и морфологическую структуру этих слов, их лексико-семантическое своеобразие и основные синтаксические функции, позволяющие поставить вопрос о правомерности выделения звукоподражаний и образноподражаний как особой части речи. О том же свидетельствуют и результаты исследования Х. Г. Юсупова⁵⁷, в котором основное внимание направлено на синтаксическое назначение данного класса слов и их использование в качестве производящих основ в словообразовании глагола, существительного и прилагательного, предварительно описав их главные фонетические особенности и основные семантические разряды.

Н. К. Дмитриев, А. И. Харисов, К. З. Ахмеров, Н. Х. Ишбулатов и др. выступили с содержательными статьями по спорным вопросам наречия как части речи⁵⁸. З. З. Абсалямов монографически исследовал башкирское

тому, отмеченные в «Библиографии по башкирскому языкознанию (1917—1967)», п. 51, 268—269, 527—529.

⁵⁴ Библиография по башкирскому языкознанию (1917—1967), п. 447, 606, 321, 287, 297, 301, 215.

⁵⁵ Ишбаев К. Г. Инфинитивные формы глагола в башкирском языке. Дис. . . канд. филол. наук. Уфа, 1975; Юлдашев А. А. Деепричастие на *-н* в башкирском языке. — Тюркологические исследования. М., 1976; Он же. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977 (здесь фактический материал приводится в основном из башкирского языка).

⁵⁶ Саяргалиев Б. С. Башкорт телендә ирзамсы һүзәр. Өфө, 1961.

⁵⁷ Юсупов Х. Ф. Башкорт телендә окпатыу һүзәрә. Өфө, 1971.

⁵⁸ Библиография по башкирскому языкознанию (1917—1967), п. 524, 445, 276.

наречие именно как часть речи, сосредоточив поэтому свое внимание (главным образом на степени его морфологической дифференцированности и на возможно полном выявлении состава корневых наречий, представленных в других тюркских и некоторых монгольских языках, а также в древнетюркских памятниках⁵⁹.

М. В. Зайнуллин монографически разработал сложную проблему модальности и средств ее выражения в башкирском языке с учетом обширной библиографии по этой теме в общем и тюркском языкознании⁶⁰.

Паряду с интенсивной разработкой башкирской морфологии в современном ее состоянии, оказавшейся наиболее плодотворной в области словообразования и словоизменения именных частей речи и глагола, Д. Г. Кисебаев и его ученики начали исследование целого ряда вопросов исторической морфологии в широком сравнительно-историческом плане с привлечением материалов из самых различных алтайских языков. Первые результаты поисков в этой области опубликованы в виде отдельных статей⁶¹. Вслед за ними в 1976 г. вышла в свет интересная книга А. М. Азнабаева и В. Ш. Псянчина по исторической морфологии башкирского языка⁶², где в сравнительно-историческом плане рассматривается развитие падежных форм и аффиксов множественности, история основных числительных и ряда местоимений, форм интензива, а также форм настоящего и будущего времени, форм прошедшего времени на *-ды* и на *-ған*, основных форм условного и повелительно-желательного наклонений и отдельных форм причастий.

Историческая морфология, равно как и историческая фонетика башкирского языка, разрабатывается и по письменным памятникам башкирского языка⁶³, собирание, текстологическая обработка и филологическое изучение которых ныне планомерно ведется Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР⁶⁴.

Много сделано в области башкирского синтаксиса, теоретическими вопросами которого занимался Н. К. Дмитриев. Основываясь на его учении, Г. Г. Саитбатталов значительно продвинул исследование и монографическое описание синтаксиса сложного предложения, особенно сложноподчиненного, отметив впервые целый ряд его структурно-семантических типов с притачными подлежащим, сказуемым, следствия, условия и определения. Он заметно расширил и углубил характеристику ранее зафиксированных

⁵⁹ Абсалямов З. З. Наречия в башкирском языке. Дис. . . канд. филол. наук. М., 1974.

⁶⁰ Основные результаты этого многолетнего исследования, представляющие весомый вклад не только в башкирское, но и в тюркское языкознание, он опубликовал в своей монографии «Хәзерге Башкорт теленде модаллек категорияһы» (Өфө, 1975).

⁶¹ Кисебаев Д. Г. О гететическом родстве формы определенности в сфере имени и глагола в урало-алтайских языках. — В кн.: Вопросы методики и методологии лингвистических исследований. Уфа, 1966; *Он же*. О происхождении некоторых надежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности и неопределенности. — Там же; *Он же*. Личные формы глагола в урало-алтайских языках. — В кн.: Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1973. — Д. Г. Кисебаев много занимался также и общими вопросами алтайского и урало-алтайского языкознания. Обобщая всю основную литературу по этой сложной проблематике, он написал книгу «Введение в урало-алтайское языкознание» (Уфа, 1972), где представил результаты своих изысканий по категории определенности и неопределенности и некоторым другим вопросам.

⁶² Азнабаев Ә. М., Псянчин В. Ш. Башкорт телеңең тарихи морфологияһы. Өфө, 1976. — К исторической морфологии башкирского языка имеет отношение исследование М. А. Ахметова «Глагол в языке орхон-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком)» (Уфа, 1978), восполняющие многие пробелы в описании глагола по этим памятникам.

⁶³ Халикова Р. Х. Язык башкирских исторических, юридических и деловых документов XVIII в. Дис. . . канд. филол. наук. М., 1963; Галляудинов Н. Г. «Тарих Һәм Һулгар» Тажкеддина Ялыгулова. (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Фонологическая интерпретация графики. Морфология). Дис. . . канд. филол. наук. М., 1977.

⁶⁴ Вся огромная работа в области языкового строительства, создания и усовершенствования национальной письменности, разработки орфографии, терминологии, учебных грамматик, словарей, нормализации всех уровней языка, исследования опорных диалектов башкирского языка и др. (библиографию см. в списках настоящего раздела) выполнена фактически при самом деятельном участии этого института, ранее именовавшегося Научно-исследовательским ин-том языка и лит-ры им. М. Гафури.

структурно-семантических типов сложносочиненных и сложноподчиненных предложений с союзной и бессоюзной связью в семантико-синтаксическом плане.

Достаточно полно описав наиболее употребительные структурно-семантические типы и разновидности сложных предложений, Г. Г. Сайтбатталов создал их классификацию с учетом принятых в современном тюркском языкознании принципов их рубрикации. Кроме того, автор дал первое полное описание самых разных типов усложненных сложных предложений, в которых комбинируются сочинение с подчинением, первую развернутую характеристику вводных словосочетаний и предложений, периодов и предложений с прямой и косвенной речью, а также обобщение принятой практики применения знаков препинания в сложных предложениях ⁶⁵.

По регистрации и описанию ряда структурно-семантических типов сложносочиненных предложений значительное место занимают труды К. З. Ахмерова ⁶⁶. Структурно-семантические типы условных и других сложноподчиненных предложений и периодов впервые отмечены и охарактеризованы в содержательных статьях А. А. Юлдашева и А. М. Азнабаева ⁶⁷.

В целом обстоятельное освещение получило за последние десятилетия и простое предложение, прежде всего благодаря усилиям К. З. Ахмерова и Г. Г. Сайтбатталова.

К. З. Ахмеровым намного шире и подробнее, чем Н. К. Дмитриевым, описаны основные типы простого предложения по цели высказывания и по составу (особенно разновидности односоставных предложений), структурные типы главных и второстепенных членов предложений и их местоположение, обособление второстепенных предложений, прежде всего определений. Кроме того, он подробно охарактеризовал обращение и разные типы вводных слов, предложения с однородными членами и т. п. ⁶⁸.

Г. Г. Сайтбатталов подробно остановился на недостаточно разработанной проблеме обстоятельственных оборотов и впервые в башкироведческой литературе довольно широко описал синтагму и наиболее употребительные типы словосочетаний ⁶⁹.

Интересные мысли о синтаксической интонации (Д. Г. Киекбаев), обстоятельных оборотах (К. Ахмеров, У. Хусни), обособлении второстепенных членов предложений (А. М. Азнабаев) и т. п. высказаны в ряде статей, опубликованных за последнее время ⁷⁰.

Одной из самых плодотворных отраслей башкирского языкознания является лексикография и лексикология.

Еще в дореволюционное время накопились значительные источники по башкирской лексике ⁷¹, из которых наиболее ценным является «Башкирско-русский словарь» В. Катаринского (Оренбург, 1899), содержащий много слов башкирской национальной лексики, отличающих башкирский язык

⁶⁵ Сайтбатталов Ф. Ф. Башкорт теленең кушма һөйләм синтаксисе. Өфө, 1961; *Он же*. Виду придаточных предложений в башкирском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1954; *Он же*. Күң эйерсенле кушма һөйләмдәр. — Башкортостан укытучысы, 1957, № 4; *Он же*. Башкорт телендә шарт һөйләм менән кирә һөйләм. — Башкортостан укытучысы, 1959, № 11.

⁶⁶ Әхмәр К. Башкорт телендә тәзмә кушма һөйләм синтаксисе. Өфө, 1960; *Он же*. Кушма һөйләм төрҙәре. — Башкортостан укытучысы, 1956, № 7.

⁶⁷ Юлдашев А. А. Сложные предложения с придаточными условными в башкирском языке. — В кн.: Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962; Азнабаев Ә. М. Аныктауы һөйләмле эйертеүле кушма һөйләмдәр. — Башкортостан укытучысы, 1962, № 2; и др.

⁶⁸ Әхмәр К. З. Башкорт телендә ябай һөйләм синтаксисе. Өфө, 1958; *Он же*. Башкорт теле грамматикаһы. Синтаксис. Өфө, 1964, 2 китеп. — См. также его статьи, отмеченные в «Библиографии по башкирскому языкознанию (1917—1967)», п. 476, 479, 494 и 607.

⁶⁹ Сайтбатталов Ф. Ф. Башкорт теленең ябай һөйләм синтаксисе. Өфө, 1972. — См. также его статьи, отмеченные в «Библиографии по башкирскому языкознанию (1917—1967)», п. 385—387, 391—393, 570—574.

⁷⁰ Библиография по башкирскому языкознанию (1917—1967), п. 307, 315, 545, 450, 182, 184 и др.

⁷¹ Гарипов Т. М. Указ. соч., с. 36—39.

от татарского. В первые годы после создания Башкирской АССР усилия башкирских языковедов были направлены на выявление именно этого слоя башкирской лексики, на ее демократизацию, нормализацию и пополнение необходимой терминологией самого различного профиля⁷². В 1926 г. вышел в свет первый небольшой словарь башкирского языка нормативного назначения⁷³.

Развертывание массовой коммуникации и обучения в школе на родном языке поставило языковедов перед необходимостью неотложного создания отраслевых словарей башкирского языка, которые один за другим стали появляться в конце 20-х годов. В первую очередь вышел в свет терминологический словарь по делопроизводству (1927 г.)⁷⁴, затем башкирско-русский словарь общественно-политической терминологии (1931 г.). Удовлетворяя запросы школ, в 1932—1935 гг. появилась и первая серия терминологических словарей учебного назначения — по ботанике, математике, языку и литературе, химии, физике, из которых первые три словаря, изданные в 1932 г., после их апробирования на практике значительно были дополнены и переработаны во втором издании 1934—1935 гг. В 1949—1952 гг. Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы им. М. Гафури издал вторую серию терминологических словарей по ботанике, математике, физике, химии, географии, зоологии, астрономии, лесному делу, юриспруденции и сельскому хозяйству⁷⁵.

В последующие годы разработкой терминологии самого различного профиля и ее внедрением в практику через периодическую печать занимается Постоянная правительственная терминологическая комиссия, состоящая из сведущих специалистов, главным образом из башкирских языковедов.

Как и терминологические словари, большую практическую значимость приобрели три орфографических словаря башкирского языка, поскольку все варианты свода орфографических правил, в том числе и ныне действующий самый большой из них⁷⁶, далеко не полно отражают сложившуюся практику башкирского правописания. Первые два из них (1923, 1930 гг.) к тому же сыграли определенную положительную роль в становлении и стабилизации норм фонетики и лексики.

Возрастающая степень употребления широкими слоями башкирского населения русского языка как средства межнационального общения и приобщения народа к достижениям мировой культуры вызвала необходимость разработки русско-башкирских словарей. Обязательное изучение русского языка в башкирской школе обусловило создание в первую очередь учебного русско-башкирского словаря, который в первом издании под ред. Н. К. Дмитриева появился в 1942 г. в Уфе, а во втором дополненном и улучшенном издании — в Москве (1948 г.).

Первый сравнительно полный «Русско-башкирский словарь» (40 тыс. слов, под ред. Н. К. Дмитриева), как и второй (46 тыс. слов)⁷⁷, были составлены и изданы Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Включающие в себя всю активно употребляемую основную русскую лексику и фразеологию с хорошими в целом переводами на башкирский язык, эти словари представляют одно из главных и ценных достижений коллектива башкирских лексикографов ИИЯЛ.

Другая их заслуга состоит в создании первого сравнительно полного «Башкирско-русского словаря» (М., 1958), получившего высокую оценку,

⁷² Это отражает башкирский словарь Г. Вильданова (Башкорт лөгөтө. — Белем, 1924, № 3, 4), где приводится национальная лексика именно народного языка, собранная им специально.

⁷³ *Ташуров Н.* Башкорт лөгөтө. Өфө, 1926, 1 бүлек.

⁷⁴ Выходные данные, точные наименования словарей до 1962 г. см.: Словари, изданные в СССР. Библиографический указатель (1962). М., 1966, с. 138—139.

⁷⁵ Среди отраслевых словарей по своей практической и научной значимости особое место занимает большая работа Н. К. Дмитриева «Грамматическая терминология в учебниках родного языка» (М., 1955).

⁷⁶ *Әлмәр Ж.* Башкорт ғәзәби теленең орфография һүзләге. М., 1952.

⁷⁷ Русско-башкирский словарь. М., 1948; Русско-башкирский словарь. М., 1964.

благодаря своей практической полезности не только у массового читателя, но и у специалистов по тюркским языкам. Подытоживающий многолетний кропотливый труд целого коллектива, этот словарь, содержащий около 22 тыс. башкирских слов и основную башкирскую фразеологию, отражает жизнеспособность и развитость башкирской национальной лексики, результаты проделанной колоссальной работы по ее обогащению новой терминологией, наглядно демонстрирует самобытность башкирской лексики по сравнению с лексикой других тюркских языков. По решению вопросов словника, размещения сложных слов и фразеологических единиц с раздельным написанием компонентов, по рубрикации значений полисемантических и полифункциональных слов, а также по нормативной квалификации лексики и в других отношениях данный словарь не уступает другим тюркско-русским словарям такого объема и типа. В нем учтены их лучшие лексикографические достоинства.

При всей своей большой практической и научной полезности этот словарь как первый опыт лексикографирования далеко неполно охватывает лексику литературного башкирского языка в ее современном чрезвычайно развитом состоянии и по этой причине не может в достаточной степени удовлетворять возрастающие потребности в полном объеме. Широкие слои башкирской интеллигенции, в первую очередь переводчики, учительство, студенчество, писатели и научные работники нуждаются в более полном лексикографическом справочнике с более детально разработанной семасиологической и стилистической характеристикой современной нормативной башкирской лексики.

Еще в прошлом десятилетии ИИЯЛ развернул работу над созданием толкового словаря, одновременно служащего и практическим и научным целям. В настоящее время авторская работа над ним уже завершена и первый его том находится в печати. Судя по итогам предварительного широкого обсуждения этого тома словаря, авторский коллектив во главе с многоопытным лингвистом-энтузиастом А. Г. Бишевым успешно справился со своей трудоемкой задачей.

На базе толкового словаря башкирского языка со временем будет создан и качественно новый полный башкирско-русский словарь, в котором давно ощущается острая потребность.

За последнее десятилетие оживилась лексикографическая работа и в других направлениях.

Появился первый полный двухтомный диалектологический словарь башкирского языка ⁷⁸, представляющий итог многолетней работы коллектива башкирских диалектологов по фронтальному монографическому исследованию диалектов и говоров башкирского языка на всей территории их распространения. Этот словарь служит неоценимым источником для широкого круга специалистов по истории тюркских языков.

Большую практическую и научную значимость имеют специальные словари башкирской фразеологии, синонимии, омонимии, и антонимии ⁷⁹, выполненные на материале башкирского языка впервые.

Новое направление башкирской лексикографии представляет также изучение ономастики, в частности составление первого словаря топонимов башкирского языка в объеме 20 ав. л. и первичное регистрирование башкирских антропонимов, развернутое за последнее десятилетие Т. Х. Кусимовой и А. Шайхуловым ⁸⁰.

⁷⁸ Башкорт һойләштәрәңсә һүзләгә. 2 томда. Т. 1. Көнсығыш диалект [Ред. Максютова Н. Х., Ишбулатов Н. Х. Өфө, 1967]; Т. 2. Көнъяк диалект [Ред. Максютова Н. Х. Өфө, 1970].

⁷⁹ Ураксин З. Ф. Башкорт теленәң синонимдәр һүзләгә. Өфө, 1966; Әхтәмов М. Х. Башкорт теленәң омонимдәр һүзләгә. Өфө, 1966; Ураксин З. Ф., Идршина Ф. А., Йәсәнов Х. Ф. Башкортса-русса фразеологик һүзләк. Өфө, 1973; Әхтәмов М. Х. Башкорт теленәң антонимдәр һүзләгә. Өфө, 1973.

⁸⁰ Юлдашев А. А. Личные имена башкир. — В кн.: Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1965. — Этот краткий перечень наиболее распространенных современных имен башкир дополнила Т. Х. Кусимова (канд. дис.), а А. Г. Шайхулов составил впо-

Недавно наметилось еще одно новое направление башкирской лексикографии — М. Х. Ахтямовым завершено составление обратного словаря башкирского языка, с успехом использованного при описании словообразования именных частей речи в данной грамматике и имеющего важное практическое и научное значение для углубленной разработки других проблем морфологии, морфонологии и фонологии.

Плодотворные результаты проделанной огромной работы по составлению перечисленных словарей, в своей совокупности отражающих лексику национального башкирского языка, представленную в литературном языке и в диалектах, позволили перейти к разработке самых различных вопросов башкирской лексикологии. Если еще совсем недавно в этой области можно было назвать лишь известные публикации Н. К. Дмитриева о сложных именах и иноязычных заимствованиях, в частности об арабизмах⁸¹, то теперь появились ценные монографии и многочисленные статьи других авторов.

Оживилось изучение восточных иноязычных заимствований, начатое Н. К. Дмитриевым. Продолжая его начин, Т. М. и Н. Д. Гариповы значительно расширили наши познания об ориентализмах в башкирской лексике⁸². Р. Н. Терегулова посвятила свою небольшую книгу лексикологической характеристике заимствований из русского языка⁸³, заслуживающей углубленного исследования.

Д. Г. Киекбаев в 1966 г. издал учебное пособие по башкирской лексикологии, содержащее общую характеристику лексики и фразеологии современного башкирского литературного языка⁸⁴.

Х. Г. Юсупов впервые дал описание фразеологии башкирского языка в виде учебного пособия для вузов⁸⁵. Он проанализировал башкирскую фразеологию в структурном и семантико-функциональном аспекте. Дальнейшую углубленную разработку башкирская фразеология получила в кандидатской (1966 г.) и докторской (1976 г.) диссертациях З. Г. Ураксина. Первая его диссертация посвящена фразеологической синонимии, ранее вообще не рассматривавшейся на материале тюркских языков⁸⁶. Вторая диссертация включает в себя сжатое описание и квалификацию основных типов фразеологических единиц башкирского языка в значительно более узком и вместе с тем в более точном научном понимании тюркской фразеологии, чем это было принято. Кроме того, в ней содержится критический обзор существующих весьма противоречивых воззрений на природу тюркской фразеологии, структурно близко стоящей к сложным словам, но отличающейся от них эмоционально-экспрессивными свойствами, накладывающими на ее применение стилистические и жанровые ограничения. Важнейшим результатом данного исследования является дальнейшее развитие автором во многом новых принципов выделения тюркской фразеологии, выдвинутых на основе ее эмоционально-экспрессивного назначения⁸⁷.

следствии наиболее полный справочник личных имен башкир и татар (см.: Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1979).

⁸¹ Дмитриев Н. К. Варваризмы в башкирской речи. — Зап. Коллегии востоковедов. Л., 1929, № 4; Он же. О парных словосочетаниях в башкирском языке. — Изв. АН СССР, 1930. Отд. гуман. наук № 7; Он же. Арабские элементы в башкирском языке. — Тезисы Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930, т. 5.

⁸² Гарипова Н. Д., Гарипов Т. М. Заметки об иранских элементах в топонимии Башкирии. — В кн.: Топонимика Востока: Новые исследования. М., 1964; Гарипова Н. Д. К лексико-грамматической характеристике персидских заимствований в башкирском языке. — В кн.: Башкирская лексика. Уфа, 1966; Гарипов Т. М., Гарипова Н. Д. Ориентализмы в языке башкирской повести «Куз-Курпач». — В кн.: Народный эпос «Кузы-Курпач и Маяшкылу». Уфа, 1964. — К этой серии примыкает работа Э. Ф. Ишбердина о лексической общности башкирского и монгольских языков: Ишбирзин Э. Ф. Башкорт һәм монгол телдәренә лексик мөнәсәбәттәре. — В кн.: Башкорт филологияһы. Стәрлетамак, 1972.

⁸³ Терегулова Р. Н. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа, 1957.

⁸⁴ Киекбаев Ж. Ф. Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. Офе, 1966.

⁸⁵ Юсупов Х. Башкорт теленең фразеологияһы. Офе, 1963.

⁸⁶ Ураксин З. Г. Фразеологические синонимы в современном башкирском языке. Дис. . . канд. филол. наук. Уфа, 1966.

⁸⁷ Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка. М., 1976.

Первое монографическое описание получили наиболее распространенные типы лексической омонимии в кандидатской диссертации М. Х. Ахтямова «Проблемы омонимии в современном башкирском языке» (Уфа, 1966), с большим энтузиазмом работающего также над лексической антонимией⁸⁸.

В широком лексикологическом плане описана башкирская ономастика в четырех кандидатских диссертациях «Гидронимия Башкирии» А. А. Камалова (Уфа, 1969); «Топонимия бассейна реки Демы» Р. З. Шакурова (М., 1973), в которой основное внимание сосредоточено на словообразовательной структуре и истории топонимов, «Древнебашкирские антропонимы» Т. Х. Кусимовой (Уфа, 1975) — в работе впервые дан полный лексикологический анализ антропонимов, при этом особое место отведено их морфологической структуре и лексико-семантической классификации в целях воссоздания принципов поминания; «Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения» А. Шайхулова (М., 1978), в которой дается сравнительно-типологическая характеристика башкирской и татарской антропонимии с элементами истории.

Началось изучение лексики письменных памятников башкирского языка⁸⁹. Башкирские языковеды стали интересоваться также историей и этимологией отдельных слов⁹⁰. Широко развернулось изучение лексики башкирских диалектов в самых различных аспектах⁹¹. Кроме интересных статей башкирских диалектологов по вопросам диалектной лексикологии можно назвать и монографические исследования: Э. Ф. Ишбердиев разработал тему «Названия животных и птиц в башкирских говорах» (Дис. . . канд. филол. наук, Уфа, 1970); У. М. Яруллина завершила работу над лексическими диалектизмами демского говора (Дис. . . канд. филол. наук). Так, постепенно закладывались основы для разработки исторической лексикологии башкирского языка.

Планомерно развивается башкирская диалектология, ставшая особенно продуктивной за последние десятилетия.

Первичные сведения о составе и характере башкирских диалектов, которые оставил А. Г. Бессонов⁹², в самых общих чертах восполнили в конце 20-х годов, в период языкового строительства, Г. Давлетшин и др.⁹³ Более подробные данные об отдельных башкирских диалектах и говорах стали появляться в печати только в начале 30-х годов по мере их непосредственного изучения путем экспедиционных выездов по почину П. К. Дмитриева, возглавившего в 1928—1929 гг. фольклорно-лингвистический подотряд комплексной экспедиции АН СССР в составе К. К. Юдахина, О. Шапкой и др. при участии местных языковедов К. З. Ахмерова, З. Ш. Шакирова и др. За сравнительно небольшой срок под руководством Т. Г. Байшова было проведено 15 диалектологических экспедиций в самые различные районы Башкирии и собран обширный фактический материал по специфике основных башкирских говоров и диалектов в области фонетики и грамматики, оформленный в виде отчетов, хранящихся в архиве ИИЯЛ и лишь частично опубликованных в ряде статей.

⁸⁸ *Әхтямов М. Х.* Аптитеза тәҙүҙә антонимдәр. — В кн.: Башкорт филологияһы.

⁸⁹ *Ахмеров К. З.* К вопросу о характере и лексическом составе ранних письменных памятников Башкирии. — В кн.: Башкирская лексика / Под ред. Т. М. Гарипова. Уфа, 1966; *Халикова Р. Х.* К изучению башкирских деловых, исторических и юридических документов XVIII в. — Там же; и др.

⁹⁰ *Киекбаев Ж. Г.* Башкорт телендә «әсә» һүҙенең килеп сығышы тураһында. — Башкортостан уҡытыусыһы, 1960, № 6; *Гәрәй Й.* Был һүҙҙәр кайҙан килә. — Өзәби Башкортостан, 1960, № 8; и др.

⁹¹ *Максютова Н. Х.* Материалы по лексике айских башкир. — Башкирская лексика; *Миржанова С. Ф.* Из наблюдений над русскими заимствованиями в диалектной лексике башкирского языка — Там же; и др.

⁹² *Бессонов А. Г.* О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам. — Журнал Министерства народного просвещения, 1881, т. 216, отд. 2.

⁹³ *Дәүләтшин Ф.* Башкорт телендә ләһжәләр. — Башкорт аймағы, 1928, № 6; *Он же.* Өзәби телдә булган ҡәбиләселек хосусияттәре. — Бедем, 1928, № 5, 6.

Подытоживая накопленный материал, Т. Г. Байшев в книге «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку» (Под ред. Н. К. Дмитриева. М., 1949) рассмотрел диалектное членение башкирского языка главным образом на фонетическом уровне и предложил на этой основе новую классификацию башкирских говоров и диалектов с характеристикой их основных особенностей.

Направленная главным образом на выяснение соотношения между литературным языком и территориальными диалектами, эта книга, как, впрочем, и отчеты диалектологических экспедиций, лишь частично отражает накопленные сведения о природе башкирских говоров даже на уровне фонетики и весьма фрагментарно характеризует их с точки зрения лексики и грамматики, тем более что первые диалектологические экспедиции основной своей целью ставили решение вопросов языкового строительства и нормализации фонетики.

В связи с этим дальнейшее изучение башкирских говоров и диалектов, начиная с середины 50-х годов, было нацелено на возможно полное выявление их специфики на всех уровнях, особенно на уровне фонетики и фономорфологии, связанной с характерной вариабельностью аффиксов с начальными этимологическими *л* и *д*, а также лексики, где обнаруживаются значительные диалектные расхождения. Назрела большая задача более углубленного фронтального монографического описания всех башкирских говоров и диалектов по единой программе, которую в виде конкретного вопросника разработали башкирские диалектологи, особо выделив обширный вопросник по собиранию лексических диалектизмов⁹⁴.

Этот новый этап в изучении башкирских диалектов ознаменовали в порядке первого опыта монографии Н. Х. Ишбулатова и Х. Г. Юсупова, посвященные всесторонней характеристике специфики говора башкир двух деревень, представляющих соответствующие говоры Восточного диалекта⁹⁵. Вслед за ними появилось монографическое описание особенностей двух типичных говоров восточного диалекта — айского и кубаякского⁹⁶. Монографическое описание получили затем говоры башкир Оренбургской области⁹⁷.

Одновременно шло сплошное обследование башкирских говоров по новой программе. В результате основные их различительные признаки в области фонетики, морфологии и лексики выявлены и уже описаны в трех обобщающих монографиях — Н. Х. Максютовой «Восточный диалект башкирского языка» (М., 1976), С. Ф. Миржановой «Южный диалект башкирского языка» (М., 1979) и Н. Х. Ишбулатова «Диалектная система башкирского языка в сравнительно-историческом освещении» (Дис. . . . докт. филол. наук. Уфа, 1979)⁹⁸. В первых двух монографиях дано полное описание специфики двух основных башкирских диалектов и входящих в них говоров в сравнении с литературным языком и предложена во многом новая классификация основных башкирских говоров. Диссертация Н. Х. Ишбулатова посвящена систематическому описанию состава фонетических, фономорфо-

⁹⁴ Анкета. Башкорт теле һойлаштрәпәп материалдар йыйыу осөн (Төзөүселәр: Н. Х. Ишбулатов, Н. Х. Максютова, С. Ф. Миржанова. Яуаплы ред. Н. Х. Ишбулатов. Өфө, 1961); Башкорт теле һойлаштрәпәп һүҙлек составын йыйыу осөн һораулыҡ (Төзөүселәр: Н. Х. Ишбулатов, З. К. Ишмухаметов, С. Ф. Миржанова, У. М. Яруллина. Өфө, 1959). — Эти вопросники по своей целенаправленности и охвату объекта исследования более совершенны, чем первая диалектологическая инструкция, составленная Т. Г. Байшевым (*Байшев Т. Тел материалы йыйыу осөн кыскаса кулланма*. Өфө, 1936).

⁹⁵ *Ишбулатов Н. Х.* Говор деревни Казмашево Абзелплоского района Башкирской АССР. Дис. . . . канд. филол. наук. М., 1955; *Юсупов Х. Г.* Асинский говор башкирского языка. Дис. . . . канд. филол. наук. М., 1955.

⁹⁶ *Баева Н. Х.* Говор айских башкир. Дис. . . . канд. филол. наук. Уфа, 1963; *Миржанова С. Ф.* Кубаякский говор башкирского языка. Дис. . . . канд. филол. наук. Уфа, 1967.

⁹⁷ *Азнагулов Р. Г.* Языковые особенности оренбургских башкир. Дис. . . . канд. филол. наук. М., 1972.

⁹⁸ По уточнению классификации башкирских говоров и выявлению их специфики немало сделал также и Д. Г. Кукбаев.

логических и морфологических диалектизмов башкирского языка в их отношении к башкирскому литературному языку и к некоторым другим тюркским языкам. Одновременно она содержит основные общие сведения по фонетике и отчасти морфологии современного литературного башкирского языка.

Накопленные ценнейшие фактические материалы и интересные обобщения позволили башкирским диалектологам перейти к исследованию отмеченных ими наиболее интересных особенностей башкирских диалектов методами лингвистической географии с последующим составлением диалектологического атласа башкирского языка, преследующего своей целью воссоздание истории как самих диалектизмов, так и башкирских говоров и диалектов, т. е. самого народно-разговорного языка башкир. В настоящее время ведется собирание материалов для атласа по единой программе⁹⁹ и предварительное картографирование.

Внимание башкирских языковедов давно привлекает проблема культуры речи. Тесно связанная с нормализацией и функционально-стилистическим развитием литературного языка, она всегда была предметом их внимания, особенно в период становления и стабилизации лексических и синтаксических норм¹⁰⁰. Значительный вклад в разработку проблем культуры речи внес Т. Г. Башшев, выступая в периодической печати с анализом достоинств и недостатков языка ряда газет, учебников и переводных произведений. Д. Г. Киекбаев выступил с практическими рекомендациями по вопросам орфоэпии и стилистики. О языке и стиле художественной прозы на основании анализа конкретных произведений содержательные статьи опубликовали Г. Г. Сайтбатталов, Н. Х. Ишбулатов, А. Г. Бишев и В. Ш. Псянчин. А. И. Харисов обратил внимание широкой общественности на необходимость улучшения переводов с русского языка, повышения культуры устной речи (даже в литературной форме во многом значительно отличающейся от действующих норм лексики и отчасти синтаксиса), культуры речи публицистики и т. п.

Вопросы башкирской стилистики и пунктуации исследовал в своей работе Г. Г. Сайтбатталов¹⁰¹. Предметом специальных изысканий стала история формирования литературного письменного языка, разрабатываемая на основе изучения письменной традиции башкир и роли фольклора в становлении единого башкирского языка; большое внимание уделено вопросам нормализации литературного языка, правописания¹⁰².

Специальная монография посвящена филологическому анализу всего дошедшего до нас литературного наследия башкирского народа (XVIII—XIX вв.)¹⁰³. По почину Н. К. Дмитриева Т. М. Гарипов и З. Г. Ураксин разрабатывают историю изучения башкирского языка¹⁰⁴. Наряду с составлением библиографии по башкирскому языкознанию, насчитывающей ныне около 2000 названий, почти во всех монографиях дается ее критический обзор по темам. В ряде обобщающих работ содержится оценка современного состояния башкирского языкознания¹⁰⁵.

⁹⁹ Башкорт теленең диалектологик атласы осөн мәғлүмәт йыйыу программаһы. Төҙөүсө. П. Х. Максүтова. Өфө, 1973.

¹⁰⁰ По этой тематике написано множество статей, отмеченных в «Библиографии по башкирскому языкознанию (1917—1967)». Ряд из них, в частности работы перечисленных ниже авторов, написаны на основе анализа обширного материала публицистики, художественных произведений, фольклора и др.

¹⁰¹ Сайтбатталов Г. Г. Башкорт теленең стилистикаһы менән пунктуацияһы. Өфө, 1973, 1 китап.

¹⁰² См.: Псянчин В. Ш. История формирования башкирского литературного письменного языка. Дис. . . канд. филол. наук. Уфа, 1965; Ахмеров К. З. Формирование и развитие башкирского литературного языка. М., 1948; Әхмәров К. Башкорт ғәҙәби теленең формалашыу һәм үсөү юлдары. — Ғәҙәби Башкортостан, 1967, № 4; Әхмәров К. З. Башкорт ызыуы тарихынан. Өфө, 1972.

¹⁰³ Харисов Ә. Башкорт халкының ғәҙәби мираһы: (XVIII—XIX быуаттар). Өфө, 1965.

¹⁰⁴ Дмитриев Н. К. Библиография по башкирскому языку и фольклору. Уфа, 1936; Библиография по башкирскому языкознанию (1917—1967).

¹⁰⁵ Дмитриев Н. К. Предисловие. — Русско-башкирский словарь. Под ред. Н. К. Дмитриева. М., 1948; Гарипов Т. М. Указ. соч.; Он же. Н. К. Дмитриев и советское баш-

Из вышеизложенного видно, что все разделы башкирского языкознания испытывают подъем; разработка лингвистических проблем никогда еще не проводилась с таким широким размахом, полнотой охвата объекта исследования, неуклонной систематичностью и так организованно, как в наше время.

Все это, с учетом успешной подготовки научных кадров, позволяет надеяться, что башкирские языковеды выполнят большие задачи, которые самой жизнью выдвигаются по мере развития отечественного языкознания.

Одной из таких задач, назревшей давно, и было создание общими усилиями академической грамматики современного башкирского литературного языка с учетом результатов теоретических поисков, новых наблюдений и материалов, накопленных по звуковому и грамматическому строю современного башкирского литературного и других тюркских языков со времени написания первой академической «Грамматики башкирского языка» Н. К. Дмитриева (М.—Л., 1948).

Предлагаемая грамматика, будучи по своему характеру строго нормативной, ставит своей задачей также отразить с возможной полнотой те изменения, которые произошли в самом литературном языке в сороковых годах и позже. За этот период заметно изменился и сам национальный башкирский язык по функциональному соотношению с его литературной формой и народно-разговорными разновидностями. Да и по структуре на уровне лексики, словообразовательной морфологии и синтаксиса он претерпел значительные изменения во всех своих разновидностях¹⁰⁶. Это, естественно, не было отражено в «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриева, ориентированной главным образом на общенародный фонд звуковой и грамматической структуры литературного языка, выявленный в период ее написания далеко неполно.

В предлагаемой грамматике башкирского языка ставится также задача посылно разработать некоторые спорные и недостаточно исследованные сложные проблемы грамматики, не имеющие до сих пор однозначного решения. Авторами новой грамматики предпринята попытка их дополнительного изучения и решения. Результаты их исследования, представляющие интерес не только для башкирского языкознания, по необходимости изложены в грамматике значительно более полно, чем этого требует соблюдение пропорции её разделов. Так, например, большое место уделено рассмотрению деепричастий, составу и природе аллофонов гласных и некоторых согласных, фонеморфологическим изменениям основы слова при агглютинации, сложении и редупликации, типологии синтаксической связи слов, особенностям группового морфологического оформления однородных членов предложения, квалификации соотношения значений и функций полифункциональных и полисемантических грамматических форм существительного и глагола и т. п.

Решая эти сложные вопросы, авторский коллектив руководствовался убеждением, что информативность грамматического описания данного рода важнее, чем его стройность и равномерность по разделам. Этим объясняется и стремление более полно отразить в грамматике положительные результаты ранее проведенных исследований в области словообразования, формообразования и т. п. Бросающаяся в глаза диспропорция в изложении звукового и грамматического строя вызвана наличием вполне удовлетворитель-

---

кирование. — Там же; *Он же*. Труды русских ученых в области башкирского языкознания. — В кн.: 400-летие присоединения Башкирии к русскому государству. Уфа, 1958; *Гарипов Т. М., Уракин З. Г.* Башкирское языкознание за 50 лет. — В кн.: Наука в Советской Башкирии за 50 лет. Уфа, 1969; *Уракин З. Г.* Развитие башкирского языкознания за годы Советской власти. — Советская тюркология, 1972, № 2; *Алжеров К. З.* Языкознание в Башкирии. — ВЯ, 1953, № 3; *Юлдашев А. А.* Башкирский язык. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М., 1959.

¹⁰⁶ *Юлдашев А. А.* Башкирский язык. — В кн.: Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху: (Тюркские, финно-угорские и монгольские языки). М., 1969, с. 111—168.

ного монографического описания башкирской фонетики, выполненного сравнительно недавно Дж. Г. Кисебаевым¹⁰⁷.

В грамматике звуковой строй башкирского языка рассматривается лишь в его функциональном (фонологическом) аспекте, имеющем непосредственное отношение к собственно грамматике, где, строго говоря, неправомерно излагать его вообще, хотя это и принято. По сравнению с морфологией, охватывающей все словообразовательные и словоизменительные формы слова, синтаксису башкирского языка отведено меньше места, поскольку по синтаксису также имеются монографические описания Г. Г. Саитбатталова и К. З. Ахмерова, отразить которые более полно здесь не представляется возможным без ущерба для описания морфологии, ранее недостаточно охарактеризованной как по составу форм слова, так и, в особенности, по выявлению их значений.

Наряду с неравномерностью рассмотрения вопросов грамматики башкирского языка в предлагаемом труде, выполненном различными авторами, естественно нет абсолютного единства, что в известной мере отражает лингвистическую ситуацию в понимании того или иного рассматриваемого вопроса в тюркологии. Это объясняется также и степенью разработанности вопросов грамматики на материале тюркских языков и в общем языкознании. Так, не удалось устранить весьма заметный разрыв в описании и истолковании отдельных словоизменительных форм синтаксического назначения на уровне морфологии и синтаксиса; например, деепричастия в морфологии квалифицируются как особые формы бинопредикативности, в синтаксисе — как обстоятельство или ведущий член так называемых обстоятельственных оборотов.

Однако названные недостатки данной грамматики компенсируются ее информативностью по составу словообразовательных и словоизменительных форм и структурно-семантическим типам словосочетаний и предложений. Авторский коллектив стремился охватить и осветить все нормативные единицы словообразовательной и словоизменительной морфологии и наиболее распространенные структурно-семантические типы словосочетаний и предложений, уделив особое внимание типологии структур соответственно живой системе.

¹⁰⁷ Кисебаев Ж. Г. Башқорт теленең фонетикаһы (тасуири һәм сағыштырма-тарихи тикшеренү ғәжрибәһе). Өфө, 1958.

ЗВУКОВОЙ СТРОЙ БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Звуковой строй современного башкирского литературного языка характеризуется в целом нормализованностью и единством, особенно в письменной его форме. В устной же форме долгое время — вплоть до конца 30-х годов — шел процесс унификации фонетических вариантов многих исконно башкирских слов — замена региональных или узкодialeктальных фонетических вариантов, проникших в литературный язык в начале 20-х годов, более распространенными вариантами. Этот процесс оставил заметный след и в письменном языке того времени¹.

Большой разницей наблюдался в фонетическом освоении лексических заимствований из русского языка², который не устранен и ныне. Так, по степени освоенности русских фонем /o/, /e/, /ц/, /ц'/ и по произношению остальных фонем в составе заимствований из русского языка нормы орфоэпии соблюдаются на деле лишь в речи артистов, дикторов радио и телевидения и других слоев башкирской интеллигенции (и то редко; кто, например, правильно произносит русские /г/, /ч/ с должной смычкой?). Остальное же башкирское население в зависимости от степени овладения русским языком так или иначе приспособливает произношение заимствований из русского языка, занимающих в современной нормативной лексике башкирского языка большое место, к артикуляции башкирских гласных и согласных.

Устный литературный язык характеризуется единым составом исконно башкирских фонем и их аллофонов. В официальной речи нет фонетического разноречия в исконно башкирских корневых и аффиксальных морфемах. Но в обиходно-бытовой речи, отнюдь не отличающейся единством, в зависимости от уровня овладения нормами языка все еще наблюдаются нарушения орфоэпии по употреблению специфических башкирских фонем /h/, /ç/, /з/ в отдельных словах и по варьированию инициальных аффиксальных этимологических согласных /л/ и /д/. В остальном и здесь вполне устоялись литературные нормы башкирской орфоэпии.

Предлагаемые сведения по фонологии, акцентологии, слогаделению и фономорфологии ориентированы, естественно, на стабилизовавшиеся нормы звукового строя литературного языка и в основном почерпнуты из существующих лингвистических источников. В то же время часть их представляет собой результат новых наблюдений в этой области.

¹ Юлдашев А. А. Башкирский язык. — Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху: Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М., 1969, с. 152 и сл.

² Там же, с. 150—151.

ВОКАЛИЗМ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАСНЫХ

В современном башкирском литературном языке девять гласных фонем: /a/, /o/, /y/, /ы/, /e/, /и/, /ə/, /ə/, /ү/.

Таблица 1

Классификация гласных фонем

	Передне-рядные		Заднерядные			Передне-рядные		Заднерядные	
	негубные	губные	негубные	губные		негубные	губные	негубные	губные
Широкие Полуширокие	/ə/	/ə/	/a/	/o/	Полуузкие Узкие	/e/	/ү/	/ы/	/у/

Гласные башкирского языка в соответствии с законами небного сингармонизма разделяются на две последовательно противопоставленные фонетические группы; передние /и/, /ү/, /o/, /e(ə)/, /ə/ и задние /у/, /o/, /ы/, /a/.¹ При этом они образуют корреляты, попарно отличающиеся друг от друга главным образом по ряду: /a/ — /ə/, /ы/ — /e/, /o/ — /ə/, /у/ — /ү/.

В этом отношении особняком стоит лишь непарная передняя фонема /и/, основная разновидность которой среди передних гласных является самой передней, а ее аллофон, бытующий в одном ряду с гласными заднего ряда в немногих словах типа *ижау* 'половник', напротив, занимает промежуточное положение между задними и передними гласными. Другую особенность башкирских гласных по ряду составляет их отодвинутость назад, особенно передних, из которых /e/ и /ə/ с полным основанием могут быть выделены как гласные среднего ряда. Фонетически действительно передними могут считаться лишь аллофоны фонем /и/ и /ү/, отчасти /o/, представленные в окружении губных согласных: ср. *бит* 'лицо', *тимер* 'железо', где *и* стоит близко к русск. *эти*; *тумэр* 'чурбан', *бускэ* 'неполный', *тон* 'пень', *бөтмөр* 'аккуратный, расторопный'.

В зависимости от условий реализации характеристики гласных по ряду в целом имеют весьма резкие колебания, особенно под влиянием губных, межзубных и увулярных согласных. Но эти колебания укладываются в рамки четкого фонематического противопоставления передних гласных задним, не нарушая их распределения в соответствии с незыблемыми законами сингармонизма, которые не соблюдаются лишь в иноязычных заимствованиях и некоторых сложных словах типа *билбау* 'кушак', как это имеет место и в остальных тюркских языках, исключая узбекский.

По подъему гласные отличаются друг от друга в рамках небольшой, но по сравнению с другими тюркскими языками относительно широкой амплитуды: /и/, /ү/, /у/, /e/, /ы/, /o/, /o/, /ə/, /a/. Обращает на себя внимание отсутствие сверхузких и абсолютно узких гласных, за исключением лишь позиционно обусловленных действительно узких аллофонов фонем /и/ и /ү/, а также поляризация между довольно четко выделяемыми широкими /a/ и /ə/ и сравнительно узкими /и/ и /ү/, /у/, по отношению к которым /e/ и /ы/.

¹ В литературном башкирском языке, кроме того, постепенно осваиваются артикуляционно удобные для башкир русск. /o/ и /ə/ в составе заимствованной типа *кино*, *орден*, *эпос*, *экзамен*. Но они, как и остальные русские гласные в заимствованиях, вопреки правилам орфоэпии за редким исключением обычно претерпевают полную фонетическую адаптацию — переходят в соответствующие башкирские исконные гласные: ср.: *калгуз*. *директыр*. *электер* / *илектер* 'электричество', *тырактыр*, *пуйыз*, *музыка*.

отчасти /o/ и /o/ занимают в принципе промежуточное положение, позволяющее квалифицировать их как гласные среднего ряда. Эти ориентировочные характеристики гласных по подъему в зависимости от своеобразия артикуляции окружающих их согласных, конечно, тоже имеют гамму колебаний, установить которые, хотя бы в общих чертах, пока что не представляется возможным. Ясно лишь, что по подъему самые большие колебания дает /и/ и что при всех своих колебаниях в целом губные и /e/ — /ы/ сохраняют свое соотношение по подъему.

В непосредственной связи с координатами гласных по подъему стоит их открытость и закрытость, предопределяемая степенью подъема, но не сводимая к ней, как это принято считать. Под открытостью или закрытостью следует понимать не столько максимальное сужение или расширение гласного по подъему, сколько изменение характера резонирования при средней фазе артикуляции гласного, а именно — сосредоточенность звучания в самом резонаторе, не обеспечивающая его направленности на слушателя, т. е. целенаправленного свободного выхода звучания наружу (закрытые гласные) или, напротив, коммуникативно направленное звучание через полость рта наружу, при котором ротовой резонатор как бы превращается в источник звучания (открытые гласные с чистым тоном, сопровождаемым обертонами, образуемыми в самом резонаторе). Открытыми гласными в этом понимании являются лишь башкирские /ə/ и отчасти /a/. Звучание остальных гласных сосредоточено главным образом в надгортанной полости, хотя при этом одновременно и используется ротовой резонатор. Все эти гласные, в том числе и /a/, произносятся при небольшом растворе. Это, как и заметная отодвинутость гласных назад, отнюдь не способствует ясному проявлению их качества.

В различении гласных, помимо их соотношения по ряду и подъему, существенную роль играет участие губ в образовании /y/, /y/, /ə/, и /o/ и противопоставленность этих губных гласных по данному их признаку негубным /и/, /e/, /ы/, /a/, /ə/. Башкирские губные гласные по сравнению с соответствующими губными других тюркских языков, исключая татарский в отчасти чувашский, значительно (кроме /o/ и /ə/), отодвинуты по ряду назад и к тому же имеют сравнительно меньшую длительность произношения. В силу этого их огубление выражено крайне слабо. Напряжение губ при образовании *y* и *y* в целом очень слабое, а *ə* и *o* произносятся по сути при вялом состоянии губ, минимально собранных для их артикуляции. Только в сочетании с /b/, /m/, /п/, /т/, /д/, /з/ и /ç/ губные гласные приобретают сравнительно ясно выраженную лабиальную окраску при относительно активном участии губ: ср. *буз* 'сизый', *боз* 'лед', *ун-* 'целовать', *бет-* 'кончать'. Хотя огубленность /ə/ и /o/ еще более слабая, чем огубленность /y/ и /y/, именно она, как, впрочем, и заметная их расширенность, отличает эти фонемы соответственно от /e(ə)/ и /ы/, по ряду и длительности очень близко стоящих к ним. Больше того, именно благодаря огублению и связанному с ним увеличению длительности башкирские /o/ и /o/ являются относительно сильными фонемами, способными ассимилировать последующие /e(ə)/ и /ы/ по законам губной гармонии гласных: *тормыш* > *тормош* 'жизнь', *көмеш* > *көмош* 'серебро'.

По длительности, обусловленной самим качеством данного звука, гласные делятся на две неравные группы: краткие /e(ə)/ и /ы/ и «нормальные» /ə/, /o/, /и/, /y/, /y/, /ə/, /a/, приведенные здесь в порядке восходящей градации их долготы. Длительность гласных, обусловленная их природой, находится в большой зависимости от конкретных условий их употребления в речи и поэтому резко колеблется. Достаточно сказать, что в зависимости от структуры слога, особенно от его открытости или закрытости, от ударения, от количества неударных слогов в словоформе и характера соседних согласных длительность гласных может быть увеличена или, напротив, сокращена почти вдвое². Если к тому же учесть резкие колебания и общей

² *Шараф Г.* Соворная длительность татарских гласных. — Вестник научного общества татароведения. Казань, 1928, № 8, с. 201, 210, 227.

длительности слова в зависимости от занимаемой им синтаксической позиции и степени актуализированности его содержания (одно дело, например, интонационно выделенное ведущее слово словосочетания, совершенно другое — ведомое, ударный слог которого по длительности мало чем отличается от неударных слогов ведущего слова), то этот разрыв может быть увеличен еще вдвое.

Соответственно столь же резко колеблется и ясность гласного, обусловленная прежде всего его длительностью. Гласные проявляют свои различительные признаки настолько ясно, насколько они располагают для этого необходимой длительностью. Чем гласный короче, тем менее ясно звучит и претерпевает, как говорил В. А. Богородицкий, ослабление, приобретая фонетическую неопределенность³, приводящую нередко к существенным его позиционным изменениям. Гласные нормальной долготы при резком сокращении их длительности в окружении соответствующих согласных в первых неударных слогах многосложных словоформ, нейтрализуя свои различительные признаки, фонетически сближаются с краткими /e/ (передний) или /y/ (задний), характеризующимися как раз неопределенностью звучания. Краткие гласные в этой позиции, как правило, выпадают, в лучшем случае становясь сверхкраткими: ср. *себ(е)шке* 'чаша', *к(е)ше* (килмане) 'никто (не приходил)', *ж(ы)шын-язын* 'зимой и весной'. Утрату длительности и четкости гласного в какой-то мере компенсирует изменение музыкального тона, позволяющее натренированному слуху уловить его на психолингвистической основе. Но в целом фонематическую опознаваемость гласных в первую очередь обеспечивает, конечно, длительность их произношения, тем более что башкирские гласные произносятся обычно вяло, во всяком случае без заметного напряжения.

За исключением случаев нейтрализации гласных, их длительность даже при резком сокращении выдерживается в целом в пределах, вполне достаточных для восприятия самими носителями языка с автоматизированными навыками.

Как и минимальная длительность, приводящая к нейтрализации гласных или к их выпадению, известную фонетическую значимость имеет для башкирского вокализма и максимальная длительность, характерная для гласных в открытом ударном слоге: в исконно тюркских словах в этой позиции в первом слоге башкирские губные /y/ и /y/, отличающиеся от сходных губных других тюркских языков краткостью, вследствие их удлинения деформировались — перешли в бифонемное сочетание фонетически близко стоящего к ним губно-губного сонанта /y/ — /y(w)/ с эпентетическим гласным э—ы, т. е. соответственно в /ey(ew)/ и /y(w)/ (yw): *буғ > бу > быу 'пар', др.-тюрк. *келиг > килү > килеү 'приход, приходит', Бануу (имя собств.). Удвоения длительности в первом открытом конечном ударном слоге не имеет также и относительно краткое башкирское /и/, которое в исконно тюркских словах в этой позиции не представлено вообще в связи с последовательным переходом этимологического */и/ в /e/, как в татарском, казахском и некоторых других тюркских языках: *Ғәлий*, *Ғилмий* 'научный' (орф. *Ғәли*, *Ғилми*), *Әбей* (<әби) 'бабка, бабушка'.

В рассмотренной позиции предоставлена возможность для наиболее полного и четкого проявления различительных признаков башкирских /a/, /ä/, /e/, /y/, /ə/, /o/: *таба* 'сковорода', *бәлә* 'беда', *әсе* 'кислый', *тары* 'просо', *ошо* 'этот', *сөсө* 'пресный'. Поскольку, однако, в этой позиции в исконно тюркских словах не представлены и, у и y, а ө и о выступают лишь на правах позиционного заместителя /e/ и /y/, она, очевидно, не может считаться сильной позицией для всех башкирских гласных. Сильной позицией для них не может служить и открытый слог односложных слов, хотя здесь тоже имеются благоприятные условия для проявления качества гласных. Ибо, во-первых, здесь не представлены губные, а /и/ встречается едва ли

³ Богородицкий В. А. О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте. — Там же. с. 113.

не в единственном слове *ти* 'сказать', и то на деле является собой бифонемное сочетание *ей* или *ий*. Во-вторых, что самое главное, полнозначных слов, состоящих из одного открытого слога крайне мало, а в морфемах-частицах с таким слогом происходит нейтрализация оппозиции гласных (ср. вопросительную частицу *мы/ме, мо/мо*, усилительную частицу *та/тэ* и т. п.), в междометиях типа *ма!* 'на!' гласный теряет естественное звучание в силу их особой интонации.

В тюркских языках не так уж много и односложных слов, состоящих из одного закрытого слога, чтобы считать их типичными условиями для употребления гласных. Тем более что практически их преобладающее большинство употребляется в агглютинированном виде. А главное — в этой позиции рекурсия гласного и экскурсия последующего согласного сливаются, и гласный неизбежно испытывает влияние согласного. В прикрытых закрытых слогах типа СГС гласный ощущает влияние также и предшествующего согласного, не говоря уже о слогах типа СГСС (*дурт* 'четыре', *кирт-* 'сделать зарубку', *кэрт* 'сугроб', *корт* 'червь', *кырк* 'сорок', *халк* 'народ', *терт ит-* 'вздрыгнуть'), где это влияние усугубляется вследствие неизбежной редукции гласного. К тому же в этой позиции в служебных морфемах-частицах и т. п. происходит нейтрализация оппозиции гласных (ср. модальную частицу *дыр/дер, дор/дэр*, выражающую неуверенное предложение).

Наименее обусловленным представляется употребление гласного в первом открытом слоге, особенно несприкрытом, в составе двусложных и трехсложных слов, где все гласные оказываются в принципе в одинаковых сравнительно благоприятных условиях, обеспечивающих достаточную их фонологическую опознаваемость: *э-лек* 'ранее', *э-ре* 'крупный', *ы-зан* 'межа', *ы-сыл* 'истый, настоящий', *ө-мөт* 'надежда', *ө-мэ* 'помощь коллективная', *о-са* 'круп', *а-та* 'отец', *а-ра* 'расстояние', *э-ле* 'теперь, ныне, сейчас', *э-сэ* 'мать', *у-тын* 'дрова', *у-рак* 'серп', *у-тэ* 'насквозь, сквозь', *у-гез* 'бык' ⁴.

В первом неударном слоге тюркские корневые гласные реализуются всегда гораздо более ясно, чем в любом другом неударном слоге, возникающем при осложнении сходных двусложных и трехсложных слов аффиксами словообразования или формообразования. В этих самых типичных условиях функционирования тюркских корневых гласных их длительность в предударных слогах резко сокращается, а в первом неударном слоге сохраняется благодаря компенсирующему увеличению их длительности за счет паузы перед ним и возникающему в связи с этим побочному ударению именно на первом слоге, особенно когда словоформа становится многосложной.

Правомерность истолкования первого открытого неударного слога в двух- и трехсложных словах как сильной фонетической позиции для башкирских гласных подтверждается и подкрепляется фонологически ведущим положением гласного первого слога любого тюркского слова в его фонемном строении. Именно гласный первого слога предопределяет появление в последующих слогах гласных исключительно переднего или заднего ряда и соответственно только палатального или веларного варианта данного согласного.

Гласный первого слога независимо от ударения в фонемном строении слова играет конституирующую роль также и в другом отношении. По нему можно предсказать возможность или невозможность появления в последующих слогах гласных лишь определенного типа. Так, за *и* первого слога следует чаще всего *е*, реже — *э*, контрастирующий по подъему, *а*, *и*, *у* и *ө* в исконно тюркских словах после него совершенно недопустимы. За *у* первого слога могут следовать только *е* и *э*, появление *и* и *ө* здесь в исконно тюркских словах исключено. Способностью возглавлять определенный фонемный ряд обладают и другие гласные, как это показано ниже при их раздельном описа-

⁴ Правда, в прикрытых открытых слогах типа *ба-ла* 'ребенок', *ти-шек* 'дыра', *са-ма* 'мера, размер', *се-йэ* 'вишня', *сы-бар* 'пестрый', *жо-рал* 'оружие', *кө-шөл* 'ворох, куча' не исключено влияние начального согласного на проявление различительных признаков гласного. Но их можно не брать в расчет, тем более что взаимовлияние смежных согласного и гласного достаточно еще не изучено. Ясно лишь, что на гласный в рамках слога большее влияние оказывает последующий согласный, чем предыдущий.

нии. Отсюда вытекает еще одна особенность башкирского вокализма: открытая возможность реализации гласных в первом слоге при сравнительно ограниченном, и даже закрытом их распределении в последующих слогах.

В исконно тюркских словах гласные /и/, /ү/, /у/ оказались по сути позиционно закрепленными. У остальных гласных определенную позиционную закрепленность имеют только основные разновидности, представленные главным образом в первом открытом неударном слоге двусложных слов, состоящем из одного гласного, и в ударном открытом слоге, замыкающем словоформу. Их же аллофоны возникают, исключая эти две позиции, независимо от местоположения гласного в слове, возникают в полной зависимости от характера соседних согласных, распределение которых в исконно тюркских словах, за небольшим исключением, не регламентировано.

В образовании аллофонов гласных есть, безусловно, определенные общие закономерности, которые, к сожалению, еще не выявлены ни для одного из тюркских языков. Так, перед /к/, /г/ и /х/, а иногда и после них все гласные заднего ряда предельно отодвигаются назад и неизбежно приобретают гортанную окраску, обуславливающую максимальное использование надгортанного резонатора. Наибольшие отклонения от обычных норм артикуляции и звучания дает в башкирском языке здесь *a*, особенно в диалектах, где этот звук суживается и приобретает тем не менее открытый характер, свойственный киргизскому *a* перед *к* в словах типа *как*- 'стучать'. Губные, межзубные и переднеязычные *m* и *ɖ* способствуют, напротив, опереднению всех соседних гласных, которые при достаточном изменении степени их подъема (а это уже находится в зависимости от характера другого соседнего согласного в пределах закрытого слога) и длительности (это зависит от местоположения слога по отношению к ударению) порождает более или менее типичные аллофоны задних и отчасти передних гласных. Губные и отчасти межзубные согласные усиливают лабиализацию губных гласных, которая при резком опереднении гласных довольно сильно видоизменяет их качество.

В образовании и стабилизации аллофонов передко существенную роль играет влияние одного гласного на другой. Так, под прогрессивным ассимилирующим влиянием губных /ə/ и /o/ возникли и закрепились в башкирском языке фонетически совпадающие с ними аллофоны негубных *e* и *y*: *сәсә* 'пресный', *ошо* 'этот'. Расширенные аллофоны предударных *e* и *u*, возникшие под регрессивным ассимилирующим влиянием ударного сильного *e*, впоследствии в целом ряде слов необратимо перешли в /o/, ср.:

Тат. язык	Баш. язык	
<i>кибәк</i>	<i>кәбәк</i>	'отруби'
<i>кибән</i>	<i>кәбән</i>	'стог'
<i>кимә</i>	<i>кәмә</i>	'лодка'
<i>кәңәш</i>	<i>кәңәш</i>	'совет'
<i>кирәк</i>	<i>кәрәк</i>	'нужно'
<i>кәртә</i>	<i>кәртә</i>	'оглобля, жердь'
<i>кәштә</i>	<i>кәштә</i>	'полка'
<i>тәрән</i>	<i>тәрән</i>	'глубокий' ⁵ .

Гласные имеют весьма различный состав аллофонов, отличающихся друг от друга чаще всего незначительно, но иногда очень сильно. Наиболее разнообразными аллофонами представлена фонема /и/; мало различающимися аллофонами — фонемы /e/, /ы/, /ə/, /o/, /ү/, /у/. Аллофоны фонемы /a/ в этом отношении занимают как бы промежуточное положение.

Дистрибуция гласных морфонологически ограничена. В корневых морфемах представлены все гласные. Но не во всех позициях. В аффиксах не мо-

⁵ Это явление прослеживается также и в некоторых иноязычных заимствованиях (ср. баш. *йәрәбә* 'жребий', *тәкәр* 'сахар' и соответственно тат. *жирәбә*, *тикәр*; баш., тат. *тәрәзә* 'окно', баш. *сәбәп* 'причина', *кәңәгәт* 'удовлетворение'), особенно в диалектах (ср. баш. диал. *тәстә* 'десяток').

жет быть *и* и губных *у* и *у*. К тому же идентификация гласных фонем с точки зрения смысловозначительной производится здесь на принципиально иных началах, чем в корнях: *э* и *а* предстают как передний и задний варианты единой широкой фонемы (*кил-э* 'приходит', *бар-а* 'идет'), противопоставленной средней по подъему полифонеме /*e/ы/*, которая, помимо приведенных основных ее вариантов, может быть представлена аллофонами *о/о* (*бай-ы* 'обогатиться', *кам-е* 'убавляться'; *йот-лож* 'захлебываться', *өз-лож* 'заболеть повторно').

Наряду со смысловозначением, составляющим основное назначение фонем, гласные осуществляют также слогообразующую функцию, представляя вершину любого слога и тем самым являясь опорой в акцентно-ритмическом строении слова. Ведущее положение гласных в слоговой и акцентно-ритмической структуре слова усиливает фонематическую опознаваемость не только их самих, но и соседних согласных даже в фонетически невыгодных для них позициях.

По употребительности среди гласных на первом месте стоит /*e/* и /*ы/*, на втором /*а/*, на третьем — /*ө/* и /*о/*, на четвертом — /*э/*, на последнем — /*и/*, на пятом, предпоследнем — /*ү/* и /*у/*.

Исторически наибольшую устойчивость имеют лишь *а* и *ы*, за небольшим исключением совпадающие по распределению в исконно тюркских словах с общетюркскими нормами их употребления. Остальные корневые гласные в преобладающем большинстве своего употребления, особенно в односложных корнях и в первом слоге двусложных и многосложных корневых словах довольно последовательно отражают, как в татарском и отчасти чувашском языках, эволюцию древнетюркского вокализма — расширение узких */*и/* > /*e/*, */*ү/* > /*ө/*, */*у/* > /*о/*, */*e/* > /*э/* и сужение относительно широких */*e/* > /*и/*, */*e/* > /*ү/*, */*о/* > /*у/*. Эта эволюция, еще более последовательная в татарском языке и отчасти имевшая место в чувашском, хакасском, якутском, тувинском, туркменском, турецком, казахском, ногайском, каракалпакском и некоторых других языках, происходила в глубокой древности, как об этом позволяет судить общность ее следов в составе одних и тех же слов не только в названных языках, но и в некоторых монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

ГЛАСНЫЕ ПЕРЕДНЕГО РЯДА

Фонема /*и/* является самой передней из всех передних и наиболее узкой среди узких гласных, по подъему и ряду полярно противопоставленной широкой фонеме /*э/*, которая тесно взаимодействует с ней в рамках одного и того же слова: *итэк* 'подол', *инэ* 'самка'. Из всех передних гласных она ближе всего стоит к /*e/*, и чаще всего сочетается с ней, находясь в коррелятивном противопоставлении главным образом по подъему и отчасти по ряду: *иш* 'пара, чета' — *эш* 'работа', *биэ* 'железа' — *без* 'мы'.

Фонема /*и/* в исконно тюркских словах более или менее широко представлена лишь в анлауте и инлауте, в частности во всех типах первого слога, составляющего в том числе и корневую морфему: *и-ре* 'таять', *ки-ре* 'обратно', *ир-тэ* 'утро, рано', *мин* 'я', *ирк* 'свобода', *милк* 'достояние, имущество'. При этом /*и/* несовместима с губными гласными. Характерна для *и* также и невозможность ее употребления в других позициях, т. е. в перепетом слоге, в том числе и в аффиксах.

В иноязычных заимствованиях /*и/* может быть в любой позиции, включая ауслат: *пэтижэ* 'результат', *тэбиги* 'естественный', *магнит*. В нарушение незыблемого правила сочетаемости гласных только через посредство согласных, /*и/* в иноязычных именах может стоять непосредственно перед /*э/*, находясь, однако, в разных слогах: *Фэниэ*, *тэрбиэ* 'воспитание', *киэфэт* 'облик', *ниэт* 'намерение' (по в разговорном языке здесь *и* > *ей*: *Фэнейэ* и т. д.)

Исконная фонема /*и/* сохранилась в первом слоге лишь немногих общетюркских слов типа *илек* 'косуля', *ике* 'два', *ишет-* 'слышать'. В остальных

случаях башкирская корневая фонема и обычно восходит к этимологической *е.

Фонема /и/ характеризуется сравнительно большой устойчивостью, хотя в некоторых своих нетипичных случаях употребления и обнаруживает необычайно большие отклонения от описанных ее основных характеристик, в основном по ряду и отчасти по длительности произношения.

Предельно отличается от основной разновидности фонемы /и/ ее веляризованный аллофон, занимающий промежуточное положение между передними и задними гласными, а по подъему приближающийся к сравнительно широкой фонеме /е/. Этот аллофон обусловлен регрессивным влиянием последующего гласного заднего ряда, в частности а и, реже, ы: *ила* 'плакать', *ижәу* 'поварешка', *ихата* 'изгородь', плетень', *сирак* 'голень', *сират* 'очередь', *шигыр* 'стихотворение', *сигыр* 'колдовство'. По своему характеру к нему примыкают два более частных аллофона: 1) веляризованный (несколько суженный и опередненный) вариант, возникающий в соседстве с заднеязычными *к* и *г*: *киәфәт* 'облик', *гилем* 'знание', *игтибар* 'внимание', 2) еще более веляризованный дифтонгоидный вариант, регулярно встречающийся под влиянием предыдущего заднего гласного в ударном слоге, в предударном же слоге возникающий под влиянием соседнего согласного и последующего ударного заднего гласного: *Фатих*, *Ғашик* 'влюбленный', *Ғинуар* 'январь', *сифат* 'качество', *мәғариф* 'образование, просвещение', *Фатима*. В последнем случае /и/ являет собой по существу бифонемное сочетание ы с сонантом й.

Самостоятельный аллофон фонемы /и/ представляет бифонемное сочетание основной ее разновидности с сонантом й в исходе иноязычных слов под ударением: *мәҗбүри* 'обязательный', *ғилми* 'научный', *табиғи* 'естественный', *Ғели*, *Вәли*.

Малозаметное отклонение от основной разновидности фонемы /и/ имеет ее суженный и опередненный аллофон, обусловленный влиянием губных, межзубных и переднеязычных *т*, *д*: ср. *тиз* 'быстро', *бит* 'лицо', *нимә* 'что', *дим* 'увещение', *типтәр* 'тепляр'.

Редуцированный вариант фонемы /и/ мало чем отличается от основной ее разновидности и едва ли может быть квалифицирован как самостоятельный аллофон: ср. *шишмә* 'ручей', *кишер* 'морковь', *ширбәт* 'сладкий напиток', *киртләс* 'зазубрина', *сирт-* 'щелкать'.

Фонема /е/ шире /и/, но уже всех остальных передних гласных; по ряду она занимает, в отличие от /и/, устойчивое положение, среднее между основными разновидностями /и/ и /е/. Характеризуется, как и /ы/, акустической неопределенностью, невязностью, вызванной ее звучанием одновременно в полости рта и в надгортанном резонаторе. Этим она резко отличается от сравнительно чистой фонемы /и/, пользующейся в основном ротовым резонатором, направленным не столько в надгортанную полость, сколько наружу. Различие между /е/ и /и/, которые по сравнению с остальными передними гласными довольно близко стоят друг к другу, углубляет отсутствие всякого напряжения при произношении *е*, чего нельзя сказать относительно артикуляции *и*, по степени допустимой (в соответствии с нормами башкирской фонетики) напряженности занимающей третье место после *у* и *о*.

Акустическо-артикуляционное своеобразие фонемы /е/ заметно сглаживает различие между ее артикуляционными фазами (экскурсией, вершиной и рекурсией) и, как бы удлиняя ее, усиливает ее фонематическую опознаваемость даже при минимальной ее длительности. Этому способствует также и то, что рекурсия предыдущего и экскурсия последующего согласного содержит элемент *е*, представляющий произвольный вокал при исходном состоянии артикуляционных органов⁶. Фактически первая и третья фазы артикуляции *е* во многом поглощают рекурсию предыдущего и экскурсию последующего согласного, компенсируя в какой-то мере максимальную ут-

⁶ Согласные немислимы без участия голоса в этих двух фазах своей артикуляции, акустически сводящихся неизбежно к произвольному *е* (в словах с палатальным фонемным строением) или *ы* (в словах с велярным составом фонем).

рату длительности в закрытых неударных слогах: *бергэ* 'вместе', *һелк-трайти*, *керт-* 'ввести, занести', *шешэ* 'бутылка', *кишер* 'морковь'. Вот почему фонема *e* при всей своей краткости, акустической невнятности в целом обнаруживает всюду полное образование, сохраняет свою устойчивость, исключая лишь случаи закономерной редкой редукции типа *бурек* > *бурк* 'шапка' и регулярной ассимиляции под влиянием предыдущей губной фонемы /o/ (ср. *тәтен* > *тәтән* 'дым').

В открытых слогах, особенно в ауслауте под ударением /e/ по длительности мало чем отличается от остальных гласных с нормальной долготой, хотя и считается по сравнению с ними краткой: ср. *эре* 'крупный', *әсе* 'кислый', *мейе* 'мозг'.

В отличие от остальных гласных переднего ряда, фонема /e/ не имеет позиционных, морфологических и дистрибутивных ограничений и употребляется в целом необычайно широко.

Это вызвано, очевидно, прежде всего и главным образом удобством самой артикуляции /e/, требующей минимальных усилий и именно в силу этого оптимально близкой к редуцированному произношению всех остальных гласных переднего ряда, особенно /i/, /y/, скрадывающему их различительные признаки, акустически предельно сближая их с /e/. Только фонемизацией артикуляционно неудобных фонетически близких к /e/ аллофонов других фонем переднего ряда, особенно при их редукции в составе многосложных словформ можно объяснить тот факт, что во всех позициях, где ныне в исконно тюркских словах вовсе недопустимы /i/ и /y/, баш. /e/ восходит к ним: ср. др.-тюрк. *ешик* 'дверь', *елиг* 'пятьдесят', *амты* 'теперь', *киру* 'назад', *өкүз* 'бык' и соответственно баш. *ишек*, *илле*, *инде*, *кире*, *үгез*.

Расширение /i/ в первом слоге двусложных слов типа *киши* > *кеше* 'человек', *ини* > *эне* 'младший брат', *тириг* > *тере* 'живой' скорее всего вызвано его редукцией и ослаблением, нейтрализацией. Конечно, здесь, как и в других позициях, происхождение вторичного /e/ может быть связано и с иными закономерностями, в частности с общей эволюцией корневого * *i* > *e*, особенно последовательной в односложных словах и в первом слоге двусложных слов (ср. др.-тюрк. *бир* 'один', *инжу* 'жемчуг', *илик* 'раньше' и соответственно баш. *бер*, *ийи*, *элек*)⁷. Но при всем этом в расширении этимологических узких *i* и *y* на почве башкирского языка вне всякого сомнения большое место занимает фонемизация их аллофонов на чисто артикуляционно-акустической основе.

Артикуляционное удобство фонемы /e/ выгодно сказалось не только на расширении сферы ее применения, но и на значительной сохранности исконного ее распределения в тюркских корнях и корневых словах. Она из всех гласных переднего ряда сохранилась в значительном числе исконно тюркских слов, особенно в первом их слоге, где в татарском и некоторых других тюркских языках произошла эволюция * *e* > *i*: *бейэ* 'кобыла', *бейек* 'высокий', *эйэ* 'владелец', *эйэр* 'седло', *эйэр-* 'следовать за кем-л.', *йебэр-* 'посылать', *йез* 'медь', *йек-* 'запрягать', *йел* 'ветер', *йелэк* 'ягода', *йелек* 'костный мозг', *йелем* 'клей', *йелкэ* 'плечо', *йем* 'корм', *йемеш* 'фрукт', *йемер-* 'разрушать', *йең* 'рукав', *йең-* 'победить', *йеңгә* 'невестка', *йеңел* 'легкий', *йер* 'земля', *йерән* 'рыжий', *йерек* 'ольха', *йет-* 'достигать, созревать, хватать', *йете* 'семь', *йетен* 'лос', *йетмеш* 'семьдесят', *кей-* 'одевать', *кейек* 'дичь', *кейер-* 'натягивать', *кейез* 'войлок', *мейе* 'мозг', *сей* 'сырой', *тей-* 'прикасаться, трогать' и т. п.

Фонема /e/ в зависимости от природы соседних согласных дает резкие колебания по месту своего образования и отчасти по подъему. В большинстве случаев своего употребления она характеризуется предельной краткостью. Но акустически в целом она единообразна. Лишь после заднеязычных *ɣ*

⁷ Истоком вторичного *e* послужили также другие фонетические тенденции и закономерности, например эпентеза при коэнсонантизации конечного *y* в именах действия на * *-иғ* > *y* (* *келиғ* > *килу* > *килеу* 'приходить', * *көтүғ* > *китү* > *китеу* 'уходить'); палатализация фонемного состава ряда слов с * *ы* (* *быш-* > *беш-* 'свариться', * *бың* > *мең* 'тысяча', * *ийи* > *йеп* 'нитка', * *ығ* > *эз* 'след') и т. п.

и г она приобретает веларизованную окраску, сильно меняющую ее звучание: *кәүәт* 'сила, мощь', *бәгер* 'душа'. Кроме того, она имеет и ярко выраженный огубленный аллофон, возникающий регулярно по дистактной прогрессивной ассимиляции под влиянием предыдущей губной *ө*, которой может противостоять лишь при условии, если их разобщает негубная широкая фонема */ə/* или сонант */ʏ/* (*w*): *көрөм* > *көрөм* 'копать', *кәрәшсе* 'борец', *кәтәүсе* 'пастух'.

Фонема */ə/* шире */e/*, но намного уже широкой негубной фонемы */ə/*. По ряду она занимает несколько более переднее положение, чем */e/*, и в силу относительно широкого подъема имеет слабое огубление, значительно более ясно выраженное при узкой губной фонеме */ʏ/*, резко противостоящей ей по подъему. Фонема */ə/* характеризуется в целом открытостью, хотя звучание ее и сосредоточено главным образом в падгортанном резонаторе. В этом отношении она из всех гласных переднего ряда, как и по подъему, уступает только широкой открытой сильной фонеме */ə/*.

Фонема */ə/*, как и все губные башкирские гласные, позиционно и морфонологически ограничена в своем употреблении. Она представлена главным образом в анлауте и инлауте односложных корней (*кәрт* 'сугроб', *он* 'звук', *төн* 'ночь') и в первом слове двусложных и многосложных слов (*ойөр* 'табун', *бөжәк* 'насекомое', *кәлтә* 'сноп'). В непервом слове, в том числе в аффиксах, фонема */ə/* не встречается. С ней в последующих слогах сочетаются в исконно тюркских словах лишь */ə/* и */e/*, из которых вторая ассимилируется: *көйә* 'моль', *кәрәш* 'борьба', *төрлө* > *төрлө* 'разный, различный'. В иноязычных заимствованиях */ə/* может сочетаться с последующей узкой фонемой */и/*: *мәҗһизә* 'чудо', *Мөһирә* (жен. имя).

Фонема */ə/* характеризуется в целом артикуляционно-акустическим единообразием, хотя по длительности и обнаруживает очень резкие колебания. В зависимости от дистрибуции она дает два аллофона, акустически весьма близкие к основной ее разповидности: 1) значительно более передний суженный и нормально лабиализованный, обусловленный влиянием губных, межзубных и переднеязычных */д/*, */т/*: *бәтә* 'весь', *топ* 'основной', *тәз* 'прямой', *мөҗкин* 'можно', 2) сильно отодвинутый назад более расширенный, возникающий в крайне редком соседстве с заднеязычными *к* и *ҕ*: *көзрәт* 'мощь, сила', *кәрҗән* 'коран', *шөгәллән-* 'пользоваться, заниматься', *ғәрәф* 'обычай', *ғәүми* 'вообще', *ғозәр* 'причина'.

В односложных корнях и в первом слове двусложных и многосложных исконно тюркских слов баш. *ө*, как правило, восходит к этимологической корневой фонеме **/y/*: **кун* > *көн* 'день', **ун* > *өн* 'звук'. В этой позиции исконная корневая */ə/*, как и */y/*, сохранилась лишь в немногих словах типа *өгөт* 'совет', *бок-* 'гнуть', *һөйлә-* 'говорить', *йүгер-* 'бежать', *йүгән* 'узда' ⁸.

Фонема */y/* — самая передняя из всех губных гласных; она шире */и/*, но значительно уже всех остальных гласных, по ряду занимает промежуточное положение между */и/* и */e/*. По совокупности своих различительных признаков */y/* резко противопоставлена всем гласным переднего ряда, в том числе и */ə/*, от которой отличается главным образом своей узостью и значительно более заметным огублением.

Фонема */y/* представлена главным образом в односложных корнях и в первом слове двусложных и многосложных исконно тюркских слов, где она за небольшим исключением восходит к этимологической **/ə/* (**өт* > *үт* 'желчь', **сөз* > *һүз* 'слово'): *үз* 'свой', *күз* 'глаза', *үзәк* 'центр', *үлән* 'трава'. В исконно тюркских словоформах она совершенно не допускается в аффиксах и в открытом конечном слове, а также в соседстве с заднеязыч-

⁸ Из-за отсутствия убедительных доказательств пока что остается спорным вопрос о первичности или вторичности губных гласных переднего ряда во многих словах типа *һөйрәк* (алт., кирг., тув., хак. *сөйрәк*) 'кость', *үңрәй-* (каз. *үңерей-*, кирг. *үңүрей-*) 'зигль', *бөйөр* (туркм. *бөвүр*) 'почка', *һөйәл* (кирг. *сө.л.*, тат. *сөйәл*) 'бородавка', *һөйә-* (тат. *сөйә*, туркм. *сөйә-*) 'подпирать, прислонять', *өрк-* (сюг., ав. диал., тур. диал. *өрк-*, каз. *ерек-*) 'испугаться, встревожиться'.

ными *к* и *г*, не может быть употреблена в слове дважды и не допускает после себя *и* и *о*. Чаще всего /*γ*/ выступает в сочетании с последующими /*e*/ и /*ə*/: *кубə* 'кошна', *күкрək* 'грудь', *күмер* 'уголь'. В иноязычных заимствованиях может быть в первом закрытом слоге: *мəглүм* 'известно', *мəхлүк* 'тварь', *Махмүт*, а в первом слоге может стоять перед *e*: *гүмер* 'жизнь'.

В зависимости от характера соседних согласных фонема /*γ*/ обнаруживает значительную подвижность по ряду без заметного ущерба для ее акустического единообразия, обеспечиваемого главным образом стабильным ее положением по подъему и степени огубления. Достаточно ясно выраженные артикуляционно-акустические отклонения от обычных ее описанных характеристик фонема /*γ*/ дает лишь в окружении губных, межзубных и отдельных переднеязычных согласных /*д*/, /*т*/: ср. *дүрт* 'четыре', *тубə* 'крыша, вершина, макушка', *сүбək* 'цакля', *бүрк* 'шапка', *мүк* 'мох', *күп* 'много', где с полным основанием можно выделить значительно более узкий, передний и довольно сильно огубленный аллофон, характеризующийся регулярностью и устойчивостью. В единичных словах типа *гүмер*, *Гүмәр* (имя собств.), *мəглүм* после /*г*/ можно выделить сильно отодвинутый назад и значительно расширенный ее аллофон.

Фонема /*γ*/ в целом характеризуется весьма ограниченным употреблением. Это объясняется прежде всего ее деформацией в первых слогах исконно тюркских слов и крайне ограниченной сохранностью в остальных позициях, где она чаще всего носит вторичный характер — восходит, как и в татарском языке, к этимологической корневой фонеме *ə.

Ф о н е м а /*ə*/, будучи самой широкой и открытой из всех гласных переднего ряда, занимает среди них по ряду замыкающее их заднее положение, входя в полярное противопоставление с наиболее узкими передними /*и*/ и /*γ*/.

Фонема /*ə*/ не имеет ни позиционного, ни морфонологического, ни дистрибутивного ограничения в своем очень широком употреблении: *ə* — противительный союз, 'эсə' мать, *иптəш* 'товарищ', *ниңə* 'почему', *мəкəлə* 'статья', *кəнəгəт* 'удовлетворен', *гəйеп* 'вина'.

Находясь с остальными фонемами переднего ряда в отношениях полярности по основным своим различительным признакам, фонема /*ə*/ обладает в целом четкой фонематической опознаваемостью независимо от условий своего употребления, хотя под их влиянием и образует позиционно обусловленные четко очерченные аллофоны, артикуляционно-акустически заметно отличающиеся от основной ее разновидности. Среди ее аллофонов прежде всего обращает на себя внимание суженный, опереденный и значительно более чистый вариант, регулярно возникающий под влиянием соседних согласных — губных, межзубных и переднеязычных /*д*/, /*т*/: *тəм* 'вкус', *тəп* 'тело', *бəндə* 'человек', *əгəм* 'человек', *бəбəй* 'ребенок, младенец', *бəс* 'иней', *бəпес* 'малыш, дитя', *дəрт* 'душевный подъем', *дəфтəр* 'тетрадь', *мəк* 'мак'.

Противоположный рассмотренному аллофону — наиболее задний и широкий аллофон с гортанной окраской, обусловленной соседством с заднеязычными *к* и *г* и гортанным *н*: *мəгəнə* 'смысл, значение', *мəкəлə* 'статья', *мəшəкəт* 'хлопоты', *Гəши*, *кəрəш* 'родственник', *кəһəр* 'проклятие', *кəлгə* 'уст. крепость', *кəйнə* 'свекровь', *кəжəп* 'изумительный, паразитический', *кəрəп* 'араб', *аһə!* 'ага!'. Значительно реже встречаются: 1) назализованный аллофон, обусловленный влиянием носового согласного /*ң*/: *тəңкит* 'критика', *мəңгə* 'вечно', *тəңкə* 'монета, рубль', 2) редуцированный аллофон, обусловленный предударным положением перед сонорными /*р*/ и /*л*/ и скрадывающий ясность звучания /*ə*/, особенно в срединных слогах в быстром темпе речи: *кəртə* 'жердь; изгородь', *кəрəж* 'нужно', *кəштə* 'полка', *тəртə* 'отглобля', *кəшəнə* 'гробница', *рəүеш* 'образ; наречие'.

Фонема /*ə*/ характеризуется очень широкой употребительностью, свойственной также татарскому, азербайджанскому и уйгурскому языкам. Как и в названных языках, исторически она восходит, как правило, к этимологическим *e и, отчасти, *и, что прослеживается уже в памятниках руниче-

ского письма (ср. др.-тюрк. *äshnä* 'приятель, друг', *йүрәк* 'сердце', *кишәк* 'пути', *күрәш* 'борьба', *төбән* 'вниз', *кәрәк* ~ *керәк* ~ *кирәк* 'нужно', *әмгәк* 'труд', *бәләк* 'подарок' и соответственно баш. *эшнә*, *йөрәк*, *кешән*, *корыш*, *түбән*, *кәрәк*, *имгәк* ('обуза, бремя'), *бүләк* и мн. др. В ряде случаев баш. /ә/ является следствием сингармонической палатализации слов с велярным фонемным строением: ср. др.-тюрк. *айлан-* 'кружиться', *айт-* 'сказать', *багла-* 'завязывать', *йай* 'лето', *сач* 'волосы' и соответственно баш. *айлан-*, *айт-*, *бәйлә-*, *йәй*, *сәс* и т. п.

В силу того, что /ә/ как фонема возникла и развивалась на почве фонемизации позиционно обусловленных расширенных аллофонов негубных гласных переднего ряда, сфера ее распределения по языкам, естественно, не совпадает (ср. между собой азербайджанский, уйгурский и туркменский языки), исключая незначительное число слов. Особую общность в этом отношении имеют лишь башкирский и татарский языки. И то не во всем: ср. баш. *кәм* 'меньше', *кәмә* 'лодка', *кәбәк* 'отруби', *кәбән* 'стог', *кәрәк* 'нужно', *кәштә* 'полка' и соответственно тат. *ким*, *кимә*, *кибән*, *кибәк*, *кирәк*, *киштә*.

ГЛАСНЫЕ ЗАДНЕГО РЯДА

Гласные заднего ряда, хотя и выделяются как самостоятельные фонемы, акустически противостоят соответствующим гласным переднего ряда, образуя с ними коррелятивные сингармонические пары, один компонент которой отличается от другого главным образом полярной противопоставленностью по ряду: ср. *жарт* 'старый' — *кәрт* 'карта', *он* 'мука' — *өн* 'звук', *утын* 'дрова' — *үтен* 'умолять, упрашивать', *тыш* 'наружная сторона' — *теш* 'зуб'. В силу этого свойства в сингармонических вариантах слов и аффиксов парные гласные находятся в отношениях нейтрализации, превращаясь, таким образом, в два аллофона единой фонемы: ср. *аз* / *эз* 'мало', *ғына* / *генә* — ограничительная частица, *ук* / *үк* — усилительная частица, *тоз* 'соль' и *төз* 'прямой'. Это, возможно, отражает далекую предысторию фонемизации коррелирующих палатальных и велярных аллофонов некогда единой фонемы в противоположность устойчивому бытованию велярных и палатальных разновидностей согласных на правах равнозначных, последовательно различающихся их аллофонов.

От попарного деления гласных на палатальные и велярные корреляты отклонилась на почве башкирского вокализма только фонема *и*, допускающая сочетание с гласными не только переднего, но и заднего ряда (см. выше).

Фонема /а/ противопоставлена остальным гласным заднего ряда как самая широкая и наиболее задняя гласная, полярная по отношению к узкой и относительно передней /у/. По подъему к ней ближе всего стоит из гласных заднего ряда только /о/, а по ряду — /ы/. Несмотря на широкий раствор рта при произношении, звучание /а/ не отличается открытостью. В наиболее чистом виде (т. е. как ротовая гласная, звучание которой направлено наружу, а не в надгортанный резонатор) фонема /а/ реализуется только в акусте под ударением: ср. *сана* 'сани', *һауа* 'воздух', *һала* 'город'. В остальных позициях она характеризуется акустической невидностью, вызванной неизменным усложнением основного звука обертонами в надгортанном резонаторе, создающим иллюзию ее «округления», огубления наподобие о.

Фонема /а/ обладает очень высокой употребительностью, независимо от позиций, характера соседних согласных и гласных и фонеморфологических условий: *ай* 'месяц', *аит* 'клятва', *бар* 'есть', *жарт* 'старик', *шарт* 'условие', *халк* 'народ', *ала* 'пестрый', *бала* 'ребенок', *балта* 'топор', *мак-сат* 'цель'. В многосложных словах после *а* чаще всего следуют *а* и *ы*: *һала* 'город', *һаңы* 'новый', *саңғы* 'лыжи'. С губными гласными *а* сочетается в исконно тюркских словах лишь постпозитивно: *борсак* 'горох', *бутһа* 'каша'. Широко употребляется она также и после /ы/ в первом слоге: *һыраһай* 'дикий', *сыбар* 'пестрый', *тымау* 'насморк', *һыза* 'мучение'.

Из артикуляционно-акустических разновидностей фонемы /a/ наиболее распространенной и устойчивой является ее относительно открытый, чистый аллофон, регулярно возникающий в ауслауте под ударением в результате увеличения ее длительности⁹: *кара* 'черный', *дана* 'штука, экземпляр', *ара* 'расстояние', *тайса* 'участок, усадьба, дача, хижина'. После /t/, /d/ и губных согласных /a/ и в этой позиции может иметь «округленность»¹⁰: *арба* 'телега', *балта* 'топор'. Перед ними под ударением эта фонема, напротив, приобретает относительно чистое звучание, мало чем отличающее ее от описанного ее аллофона: ср. *талап* 'требование', *халам* 'солома', *канат* 'крыло', *таркау* 'разбросанный, несобранный'.

Второй аллофон фонемы /a/ представляет собой суженный и самый передний по ряду ее заметно огубленный вариант, обусловленный предшествующим /t/, /d/ и губным или межзубным согласным: *баз* 'погреб', *таба* 'скворода', *бау* 'веревка', *тау* 'гора', *басма* 'мостки, перекладина через реку'. В качестве частного аллофона фонемы /a/ может быть выделена ее назализованная и несколько отодвинутая разновидность, регулярно возникающая в соседстве с /ц/: *яңақ* 'щека', *қаңғақ* 'летняя безветренная солнечная погода', *саңғы* 'лыжи', *таң* 'заря', *аң* 'сознание', *маңлай* 'лоб'.

Фонема /a/ в целом обнаруживает свою этимологическую сохранность, исключая ее опереждение /a/ > /ə/ в словах типа *йаш 'молодой' и изменение артикуляционно-акустических характеристик, по которым она резко отличается от /a/ остальных тюркских языков (кроме татарского).

Ф о н е м а /ы/ уже /o/, но шире /y/, по ряду стоит ближе к /o/, чем к /a/. Характеризуется акустической нейтральностью, свойственной переднеридной фонеме /e/. Из задних гласных она более или менее близка к /o/, резко противостоящей ей своей лабиализованностью и относительно широким подъемом. Если /o/, как и /ə/, носит прикрытый характер, вызванный использованием одновременно и ротового и надгортанного резонатора, то /ы/, как и /e/, по звучанию является сравнительно более чистой фонемой, обусловленной использованием в качестве резонатора главным образом полости рта.

Среди гласных заднего ряда /ы/ обладает самой высокой употребительностью, не ограниченной ни позиционно, ни дистрибутивно, ни морфологически: *ыс* 'копать', *жыш* 'зима', *жырж* 'сорок', *ызан* 'межа', *ылау* 'обоз, подвода', *быжыр* 'зыбь, рябь', *бийма* 'валенки', *жышып* 'зимой', *якшы* 'хороший'. Это вызвано прежде всего ее этимологической устойчивостью во всех позициях, исключая лишь лексически крайне ограниченные частные случаи ее эволюции типа *бың > *мең* 'тысяча'. Другую причину составляет сильное расширение сферы ее применения за счет: 1) широко проведенной делабиализации и расширения этимологических, а частично и вторичных губных гласных заднего ряда: ср. *алтун > *алтын* 'золото', *ашуқ > *ашық* 'спешить', *орун > *урын* 'место' и др.; др.-тюрк. *бу > *был* 'этот', *бузағ > *бызау* 'теленок', *бурағ > *бырау* 'сверло' и т. п. 2) эпентезы при консонантизации /y/ в открытом слове (y > *ыу*): ср. *йуан* > *йыуан* 'толстый', *буаз* > *быуаз* 'стельная', *тату* > *татуу* 'дружный', *бару* > *баруу* 'идти'; 3) вокализации бифонемного сочетания уғ в ауслауте: *торуғ > *туру* 'гнедой', *йарлуғ > *йарлы* 'бедный'; 4) многочисленных частных случаев сужения этимологического **/a/*: *йазуқла- 'уличать в проступке, обвинять', *ызала*- 'мучить', 5) протезы перед начальными *л* и *р*, особенно в иноязычных заимствованиях: *ыласын* 'сокол', *ысмала* 'смола'.

Ф о н е м а /o/ — наиболее широкая и задняя, наименее огубленная, относительно краткая гласная среди губных, противопоставленная негубным

⁹ Открытая, но значительно суженная фонема /a/ с гортанной окраской, характерной для казахского, киргизского и некоторых других кыпчакских языков, широко представлена во многих говорах восточного и в отдельных говорах южного диалектов, как это давно отмечено башкирскими диалектологами.

¹⁰ Как известно, любая гласная фонема по мере ее опереждения и сужения приобретает чистое звучание, а при расширении и отодвижении назад — невнятное, нечистое звучание.

по лабиализованности и подъему (значительно шире /ы/, но уже /а/), а узкому и относительно переднему губному /у/ — по подъему, ряду, характеризующаяся также слабой лабиализованностью и сравнительной краткостью.

Фонема /о/ не совместима в одном слове с узким /у/ (совершенно не сочетается) и сравнительно узким /ы/ (неизбежно ассимилирует его по закону губной гармонии, если перед ним нет широкого /а/ или губно-губного сонанта /у/: *тормышыбыз* > *тормошобоз* 'наша жизнь', *колагым* 'мое ухо', *осыусы* > *осоусы* 'летчик'). Другую особенность функционирования /о/ составляет ограниченность сферы ее распространения — она представлена в односложных корнях и в первом слоге двусложных и многосложных исконно тюркских слов, где за небольшим исключением восходит к этимологическому корневому *у: *ос* 'конец, острис, вершина', *он* 'мука', *ком* 'песок', *корт* 'пчела, червь'; *олак* 'долго', *коза* 'сват', *торлак* 'жилище'. В непервых слогах фонема /о/ выступает лишь на правах позиционного заместителя (аллофона) негубного гласного /ы/, в сочетании с которым чаще всего встречается в двусложных и многосложных словоформах. В составе последних она значительно реже предшествует широкой фонеме /а/: *корал* 'оружие', *ойа* 'гнездо'.

Фонема /о/ имеет в основном три аллофона: 1) продвинутый вперед сравнительно суженный и замсто более огубленный вариант, обусловленный окружением губных, межзубных и переднеязычных /д/ и /т/: *бот* 'бедро', *боз* 'лед', *тоз* 'соль', *томан* 'туман', 2) несколько суженный, сильно отодвинутый назад вариант, возникающий под воздействием предшествующих заднеязычных /к/ и /г/: *горур* 'гордый', *кол* 'раб', 3) назализованный продвинутый назад вариант, вызванный влиянием последующего носового г: *шоңкар* 'кречет', *коңгор* 'коричневый; соловый'.

Этимологическое *о сохранилось лишь в немногих словах типа *богаз* 'горло, глотка', *йока* 'тонкий', *оба* 'курган'¹¹.

Ф о н е м а /у/ самая узкая передняя и долгая из всех гласных заднего ряда, по подъему и ряду полярно противостоящая широкой фонеме /а/. По подъему контрастирует также и губной задней фонеме /о/, имеющей предельно широкий для нее раство и слабое огубление.

Фонема /у/ ограничена в своем употреблении: встречается за редким исключением в односложных корнях и в первом слоге двусложных и многосложных исконно тюркских слов, где она обычно соответствует общетюркской этимологической фонеме *о: *ун* 'десять', *тун* 'шуба', *журж-* 'испугаться', *туры* 'прямой', *урман* 'лес', *урак* 'серп', *хукмак* 'тропа'. За /у/ в последующих слогах чаще всего выступают /ы/ и /а/, совершенно не допускаются губные. Фонема /у/ лишена возможности употребления в аффиксах (этимологическое *у здесь, как и вообще в непервом слоге довольно последовательно перешло в /ы/, отчасти в губно-губной сонант /у/, которому предшествует в этом случае эпентеза ы).

Артикуляционно-акустическая модификация фонемы /у/ в зависимости от характера соседних гласных, места ударения в слове и структуры слога в целом не имеет существенных отклонений от ее основной разновидности. Можно отметить лишь три более или менее четко различающихся ее аллофона: 1) наиболее узкий, самый передний и значительно более сильно огубленный ее вариант, возникающий благодаря влиянию соседних /т/, /д/, губных и межзубных согласных: *туп* 'пушка, ядро', *бумала* 'помело'; *тузан* 'пыль', *дус* 'друг', 2) сильно отодвинутый расприренный вариант, обусловленный соседством /н/ и заднеязычных /к/ и /г/: *хука* 'соха', *хуган* 'лук', *уж* 'стрела', 3) очень близкий к нему более задний вариант после /н/, /к/ и /г/ перед /ң/: *куңыр* 'бурый', *куңыз* 'жук', *хуңгы* 'последний', *куңалтак* 'на босую ногу'.

¹¹ Представляется весьма спорным вопрос о первичности о в составе многих слов типа *нора-* 'спросить' (ср. туркм. *со* : *ра-*, ДТС *сор-*); *олтан* 'подметки, подошва, сырцовая кожа' (ср. каз. *олтан*, туркм., тур. диал., кбал. *олтаң*, алт. *ылтаң*, кум. диал. *ортаң*); *коңгор* 'коричневый, соловый' (ср. туркм. *гоңур*, як. *хоңор*); *онот-* 'забывать' (ср. каз. *онит-*, уйг. диал. *онут-*).

КОНСОНАНТИЗМ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОГЛАСНЫХ

В современном башкирском литературном языке 26 согласных фонем: /б/, /г/, /ғ/, /д/, /з/, /ж/, /з/, /й/, /к/, /к/, /л/, /м/, /н/, /ң/, /п/, /ш/, /р/, /с/, /ç/, /т/, /й̣/ (в, у, ү)¹, /ш/, /ф/, /х/, /һ/, /ч/, /в/. Кроме того, в заимствованиях из русского языка представлены аффрикаты /ц/ и /щ/, которые в отличие от /ч/ и отчасти /в/ (*Волга, вулкан*), вошедших в башкирский язык из русского, еще не освоены в масштабах общепародного языка, где они обычно претерпевают полную фонетическую адаптацию в соответствии с исконной системой башкирского консонантизма².

Башкирские согласные различаются главным образом по участию шума и голоса в их звучании (соответственно по глухости и звонкости), по месту и способу образования.

По способу артикуляции согласные делятся на смычные /б/, /г/, /д/, /к/, /к/, /м/, /н/, /ң/, /п/, /ч/, характеризующиеся в целом слабой смычкой, щелевые /ғ/, /з/, /ж/, /з/, /й/, /л/, /с/, /ç/, /й̣/, /ш/, /х/, /ф/, /һ/ и вибриант /р/.

Среди смычных нет ярко выраженных взрывных; /г/, /к/, /к/ и /ч/ по способу артикуляции близко стоят к щелевым. Фокус всех смычных сосредоточен в ротовом резонаторе, исключая носовых /м/, /н/, /ң/, которые произносятся при опущенном положении нёбной занавески, преграждающей доступ воздушной струи в полость рта.

Среди щелевых по способу артикуляции различаются срединные /ғ/, /з/, /ж/, /з/, /й/, /с/, /ç/, /й̣/, /ш/, /х/, /ф/, /һ/ и плавная боковая фонема /л/, при произнесении которой кончик языка производит смычку с альвеолами, при последующем же размыкании этой смычки воздушная струя проходит через щель, образуемую благодаря опущению боковой части языка. При произнесении /ш/ и /ж/ средняя и передняя части языка находятся в приподнятом положении, значительно удлиняющем их фокусную щель, которая в силу этого приобретает характер двуфокусности. В артикуляции /ғ/ прослеживается ослабленная гортанная смычка, характерная для ее глухой пары /к/.

По способу артикуляции вибриант /р/ отличается от щелевых лишь незначительной вибрацией звучания, вызванной дрожанием кончика или передней части слегка приподнятого языка.

По участию голоса и шума согласные распадаются — на шумные /б/, /г/, /ғ/, /д/, /з/, /ж/, /з/, /й/, /к/, /к/, /л/, /с/, /ç/, /й̣/, /ш/, /ф/, /х/, /һ/,

¹ Это единственная согласная фонема, не имеющая своего буквенного обозначения. В начале слова она передается графемой *в*, применяемой также и для обозначения русск. *в*, а в середине и конце слова ее палатальный вариант обозначается буквой *у*, велярный — *ц* (ср. *вакыт* 'время', *ауыл* 'деревня', *әүәл* 'раньше', *укуу* 'учеба', *килеу* 'приходить, прибытие'), принятыми для обозначения узких губных гласных.

² Русск. фонема /ш/, представленная в башкирском языке немногими заимствованиями, обычно заменяется баш. *ч* или удвоенным его вариантом, а русск. /ц/ па почве башкирского языка в апллауте и ауслауте переходит в *с*, в инглауте же — в бифонемное сочетание *тс*: *щетка* > *чотка/чоткы/чоткы*; *Щорс* > *Чорс*; *цех* > *сех*, *цемент* > *семент*, *больница* > *бальнитса/бальныс*, *гостиница* > *гастинитса/гастинитсы*. Согласные *щ* и *ц* по правилам башкирской орфографии и орфоэпии пишутся и произносятся в соответствии с нормами русского языка, однако в устной речи они имеют так много вариантов, что вопрос об их включении в состав регулярных башкирских фонем представляется крайне спорным. Это положение правомерно и относительно гортанного отступа (*ь*), наблюдаемого только в арабизмах *тәһсир* 'влиять', *тәһмин ит-* 'обеспечивать', *кәрәэн* 'коран', *Мәһминә* — уст. жен. имя, *Мөһминә* — уст. жен. имя и в отдельных звукоподражаниях типа *мәһләдә* 'блеять'. Лишь в перечисленных словах гортанный отступ имеет всепародное освоение. В других арабизмах он не сохранился. К тому же в них по существу мы имеем дело с осложнением конечного гласного /ә, ө/ или сонанта *р* первого слога слова лишь гортанным отступом-смычкой, не сопровождаемой каким-либо самостоятельным звуком, без нарушения слогоделения, характерного для башкирского языка. Почти таким же гортанным отступом паделен в конце первого слова в арабизмах ж: ср. *тәждим* 'предложение', *тәждир* 'судьба, рок'.

/ч/, /в/ и сонанты /л/, /м/, /н/, /ц/, /р/, из которых /л/ и /р/ характеризуются в целом полнозвонкостью, а шумные /й/ и /у/ — близостью к сонантам, хотя и отличаются от всех остальных согласных краткостью, отнюдь не достаточной для проявления их сонорности. Именно краткость предопределяет их шумную природу и консонантный характер, не позволяющие усматривать в них полугласные, а в их сочетаниях с гласными — дифтонги вроде *ау* (*тау* 'гора'), *уа* (*һауа* 'воздух'), *ай* (*малай* 'мальчик'), *йа* (*бая* 'давеча') и т. п., которые на деле представляют бифонемные сочетания (это доказывается также вхождением их и сочетающего с ними гласного в состав двух смежных слогов при аффиксации (ср. *Урал та-йы* 'гора Урал', *Әхмәт малайы* 'сын Ахмета').

Для башкирских шумных гласных характерно отсутствие напряжения при их произнесении, а также, особенно для звонких шумных, плавность, в частности в анлауте. Этим вызвано озвончение в данной позиции этимологического *п и комбинаторное озвончение глухих к и ж.

По степени участия голоса и плавности шумные согласные попарно делятся на звонкие (преобладание голоса над шумом и плавность) и глухие (преобладание шума над голосом, без участия которого невозможна ни одна согласная фонема). Последовательно противопоставлены друг другу корреляты: 1) /б/ : /п/, /г/ : /к/, /ґ/ : /к/, /д/ : /т/, /з/ : /с/, /ж/ : /ш/; 2) /й/ : /ф/, /в/ : /ф/. Для первой группы шумных признак звонкости/глухости релевантен. На его основе возникают фонологические оппозиции: *бар* 'есть' — *пар* 'пара, пар'; *гол* 'преты' — *кол* 'зола', *ағай* 'дядя, старший брат' — *ағай-* 'выпучиться, вытаращиться, выкатываться (о глазах), уставиться на кого-, что-л.'; *дары* 'порох' — *тары* 'просо'; *баз* 'подпол' — *баз-* 'ступать, вставать, давать'; *боҫ-* 'таиться, притаиться' — *боз-* 'испортить', *кәзә* 'коза': *кәсә* диал. 'чаша, чашечка': *зыңла-* 'лязгать, звенеть' — *сыңла-* 'издавать звон, звенеть (о хрустале и т. п.)'; *таж* 'корона' — *таш* 'камень'. Для остальных согласных признак глухости и звонкости не является релевантным. Тем более что многие из них по данному признаку имеют модификации: звонкая по существу /в/ в ауслауте оглушается (*Аюпов* > *Аюпоф*). В этой позиции заметно оглушаются и назализованные /м/, /н/, /ц/ (ср. *әйтәм* 'поговорка, гимн', *тин* 'копейка', *жиң* 'широкий'), характеризующиеся звонкостью. В интервокальной позиции по существу глухие ф и ч значительно озвончаются (ср. *Өфө* 'Уфа', *дача*, *Учалы*).

На признаке звонкости/глухости выждется целый ряд закономерностей башкирского консонантизма.

1. В конце слова недопустимы звонкие шумные согласные /б/, /д/, /г/, /ґ/. Поэтому они в иноязычных заимствованиях либо переходят в соответствующие глухие согласные (1), либо орфоэпически реализуются в глухом варианте (2): 1) *Мәхмүд* > *Мәхмүт*, *Мәхмүтөз* (но: *Мәхмүдә* — жен. имя), *Хәбиб* > *Хәбип*, *тамүҫ* > *тамүк* 'преисподня' (но: *бәлиҫ* 'совершеннолетний'); 2) *Ленинград* > *Ленинрат*, *митинг* > *митинк*.

2. Конечные глухие /п/, /к/ и /к/ при осложнении основы аффиксальной или корневой морфемой с начальным гласным обычно озвончаются: *күп* 'много' — *күб-еһе* 'многие', *бик* 'очень' — *би-ерк* 'особенно, слишком', *тоҫ* 'мешок' — *тоҫ-ом* 'мой мешок', *Аҫ-изел* (*аҫ* *Изел*) 'Белая', *кырг-аяк* (*кырык аяк*) 'мокрица' (но иноязычные заимствования и отдельные слова с выпавшим гласным в конечном слове типа *бүрк* 'шапка' этому правилу не подчиняются: *бүрк* — *бүрке* 'его, ее шапка', *халк* 'народ' — *халкым* 'мой народ').

3. В зависимости от характера конечного согласного и гласного основы по признаку глухости/звонкости модифицируется начальный согласный аффикса или компонента сложного слова и аналитической формы.

4. Начальные /к/ и /к/ под прогрессивным воздействием конечного гласного или конечных согласных /р/, /л/, /к/, /з/, /ж/, /й/ предыдущего слова в интонационно объединенной синтагме в потоке речи регулярно озвончаются (1); почти столь же закономерно озвончаются в такой синтагме и конечные глухие /п/, /к/, /к/ под регрессивным влиянием начального гласного после-

дующего слова (2), что, однако, как и первый процесс, на письме отражается лишь в слитных сложных словах (1а): 1) *ике гитан* (*ике китан*) 'две книги', *ике ғуллан* (*ике куллан*) 'двумя руками', *кыр ғазы* (*казы*) 'дикий гусь', *йэй гонө* (*көнө*) 'летом', *яз гонө* (*көнө*) 'весной', *ғыж-ғыж гил-* (*кил-*) 'хрипеть, сипеть', *дыу геше* (*кеше*) 'сумасброд'; 1а) *терегемөш* (*тере комөш*) 'ртуть'; 2) *куб* (*куп*) *ашаным* 'я ел много', *һайлаб* (*һайлан*) *ал-* 'выбирать', *күг* (*күк*) *ат* 'серая лошадь', *вағ* (*вағ*) *алма* 'мелкие яблоки'.

5. По признаку звонкости/глухости осуществляется также частная прогрессивная (1) и регрессивная (2) ассимиляция согласных: 1) *алып пар-* (*бар-*) 'взять с собой, отвезти, отнести'; 2) *алыб* (*алып*) *булманы* 'не смог взять'.

6. В силу перечисленных закономерностей в башкирском консонантизме произошло немало частных, лексикализованных замен этимологических глухих звонкими согласными и, напротив, исконных звонких глухими: *де-* > *ти-* 'сказать, говорить', *секиз* > *һигез* 'восемь', *илтиз* > *йелтиз* > *йондоз* 'звезда', *яка* > *яға* 'воротник', *екиз* > *икиз* > *игез* 'близнецы'. Этимологический конечный *ғ* в связи с недопустимостью звонких в конце слова либо выпадает (1), либо переходит в *ғ* (2): 1) *сарығ* > *һары* 'желтый', *улуғ* > *оло* 'большой, великий'; 2) *тағ* > *тау* 'гора', *сасығ* > *һасығ* 'воючий'.

Релевантным различительным признаком башкирских согласных является их деление по активному органу произношения и месту образования. Выделяются: 1) губные: а) билабиальные /б/, /п/, /м/, /м̥/, б) губно-зубные /ф/, /в/; 2) переднеязычные: /д/, /т/, /л/, /р/, /н/, /с/, /з/, /з̥/, /ç/, /ч/, /ж/, /ш/; 3) среднеязычные /г/, /к/, /й/; 4) заднеязычная /х/; 5) увулярные /ң/, /ғ/, /к/; 6) фарингальная /һ/.

Различение согласных по месту образования и местоположению фокуса значительно колеблется в зависимости от сингармонизма, последовательно распространяющегося не только на вокализм, но и на консонантизм, однако проявляющегося в нем совсем иначе. Если сингармонические корреляты парных гласных получили фонемизацию, исключая лишь фонему /и/, способную сочетаться с гласными переднего и заднего ряда, не распадаясь на две фонемы, то модификация согласных по сингармонизму производится в рамках единой фонемы — она реализуется либо в велярном, либо в палатальном вариантах.

При веляризации каждая согласная фонема предельно отодвигается назад. Соответственно губные в этом случае по месту образования и звучания становятся надзубными или альвеолярными, переднеязычные альвеолярные — палато-альвеолярными, переднетвердонёбные занимают по своему фокусу положение среднетвердонёбных, а /ж/ и /ш/ отодвигаются еще более назад, заднеязычные /х/ и /ң/ приобретают характер увулярных. Палатальный вариант согласных оптимально опередняется по месту образования и звучания, /һ/ стоит близко к увулярным, увулярные — к заднеязычным, заднеязычные располагают свой фокус в области твердого нёба и т. д. Место фокуса согласных зависит и от характера звукового окружения, особенно от качества гласных.

Помимо рассмотренных основных различительных признаков каждая согласная фонема наделена индивидуальными и межконсонантными чертами, каждая обладает характерной лишь для нее фонацией, особенно по способу артикуляции, адекватное описание которой да и всей ее фонации пока не представляется возможным.

По артикуляционно-акустическим признакам все согласные характеризуются в целом ясной и четкой фонологической опознаваемостью, хотя многие из них и представлены весьма разнородными в этом отношении аллофонами, в том числе фонетически совпадающими с основной разновидностью какой-либо другой фонемы. Это последнее свойство консонантизма значительно менее характерно для вокализма, где такое совпадение аллофона одной фонемы с основной разновидностью другой фонемы имеет место лишь в силу закона губной гармонии гласных.

Наиболее благоприятным условием для оптимального проявления различительных признаков согласных фонем принято считать позицию перед гласным в корневой морфеме, где в целом менее всего влияет на качество согласного звуковое окружение: *бар* 'есть', *бер* 'один', *мал* 'скот', *жан* 'кровь', *көн* 'день', *ағас* 'дерево', *һан* 'число'. Но и здесь в зависимости от характера последующего гласного согласная фонема претерпевает значительные модификации: ср. *бал* 'мед', *бил* 'пояс, талия', *бул* 'делить'; *һин* 'ты', *һан* 'число'. Билабиальные согласные испытывают в данной позиции сильное влияние губных гласных, особенно /у/ и /ү/: ср. *баз* 'погреб', *боз* 'лед', *бөгөн* 'сегодня', *бөрө* 'почка' бот., *бул* 'быть', *бүтән* 'другой'. Перед /ы/, /ә/ и /е/ звонкая /б/ слегка оглушается: ср. *был* 'этот', *бәй* 'привязь, завязка'. Модификацию согласной фонемы вызывает также и влияние последующего согласного: ср. *бер* 'один', *саңғы* 'лыжи'. Определенную роль играет в полном или неполном проявлении качества согласной фонемы длительность ее произношения, предопределяемая также составом слога и его местоположением по отношению к ударению: ср. *дүрт* 'четыре', *жарт* 'старик, старый', *тимер* 'железо', *тамыр* 'корень' и т. п.

При всех возможных модификациях согласных фонем каждая из них имеет основную разновидность, идентифицируемую в положении перед гласными, и определенные позиционно обусловленные регулярно проявляющиеся аллофоны.

Сравнительно большое и устойчивое акустическое единство во всех своих позициях и проявлениях обнаруживают в современном башкирском языке глухие смычные /т/, /ч/, межзубные /з/, /ç/, среднеязычная щелевая /й/ и билабиальные /м/, /һ/, которые значительно видоизменяются лишь по закону сингармонизма.

Наиболее сильно видоизменяются в зависимости от условий своей реализации глухие смычные согласные /к/, /к/ и /п/ в конце слова при его агглютинации аффиксами с начальным гласным (в этом случае все три согласных на общих основаниях реализуются в звонком варианте, совпадающем фонетически со звонкими коррелятами этих трех фонем). В модификациях других согласных также обнаруживается определенная общность при создании позиционно обусловленных аллофонов того или иного разряда согласных. Так, /б/, /г/, /к/ и /ч/ имеют ослабленную смычку, а щелевые, в особенности /з/, /ç/, /һ/, /й/, /һ/, — сравнительно слабый напор воздушной струи. В связи с этим /б/, /з/, /ç/, /г/, /г/ в интервокальном положении обнаруживают заметную сонантизацию (особенно /б/); /һ/ и /й/, сонантизуясь, предельно приближаются к гласным: *баб'ай* 'дед', *бөгөн* 'сегодня', *кәзә* 'коза', *оҙаҡ* 'долго', *мәғәнә* 'смысл', *тауар* 'товар', *кеүек* 'подобно', *кейем* 'одежда'); /ч/ последовательно спирантизируется в интервокальном положении (*дача, сдача*); в силу названной причины в интервокальном положении этимологической *к иногда необратимо переходит в /ғ/ (*яға* 'воротник'); /ғ/ после /ң/ напоминает /х/, становится полузвонким (*саңғы* 'лыжи') и т. п.

Билабиальные согласные, произносимые путем размыкания губ, перед губными гласными /у/ или /ү/ приобретают напряженное произношение, производимое без размыкания губ, и удлинненный конусообразный фокус. Такое изменение их фонации, естественно, сказывается и на самом их звучании, образуя соответствующую артикуляционно-акустическую разновидность или аллофон данной фонемы: ср., с одной стороны, *баш* 'голова', *был* 'этот', *бәс* 'иней', *мал* 'скот', *мал* 'пора, промежуток времени', *моң* 'мелодия, печальная мелодия', с другой — *буй* 'длина, рост', *буз* 'сизый, серый', *бумала* 'помело', *бута* 'верблюжонок', *бүтән* 'иной, другой', *бүзәнә* 'перенел', *бүрк* 'шапка', *мул* 'обильный', *мут* 'хитрый', *мук* 'мох', *мул-дергә* 'телмяк'. Эти же согласные перед /ы/ и /е/ в рекурсии усиливают размыкание губ, приближаясь к слабо выраженным взрывным согласным: ср. *мыр* 'мор', *мышы* 'лось', *мең* 'тысяча', *мен-* 'подниматься', *быжмыр* 'неторопливый', *был* 'этот', *бындай* 'такой', *бырау* 'сверло', *быу* 'пар', *бет* 'вошь', *бер* 'один'.

Эти и сходные с ними общие тенденции в модификации, разумеется, для каждой согласной фонемы индивидуализируются сообразно с ее качеством. В одних фонемах лишь незначительно видоизменяются их артикуляционно-акустические характеристики, в других образуются вполне устойчивые аллофоны, регулярно возникающие в определенных условиях их реализации.

Предлагаемая характеристика согласных ориентирована на корневую морфему и корневые слова, не осложненные живыми аффиксами. Ибо фонология аффиксальных морфем в башкирском языке, как и в остальных тюркских языках, принципиально иная, чем в корневых морфемах. Она, по существу, является объектом фонеморфологии, где в основном и описана, за исключением крайне спорных вопросов идентификации полифоном, реализующихся более чем двумя аллофонами, фонетически тождественными с соответствующими корневыми согласными фонемами³.

Из основных различительных признаков согласных фонем универсальным и стабильным является их различие по активному органу произношения, что применительно ко многим согласным одновременно означает и различие по месту их образования. Поэтому в основу последующего описания каждой согласной фонемы в отдельности положена их характеристика именно по активному органу. По этому признаку согласные делятся на губные, дорсальные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные, фарингальные. Внутри данных разделов приводятся и остальные различительные признаки согласных фонем — по способу образования и акустическому эффекту (см. табл. 2).

ГУБНЫЕ

Фонема /б/ произносится без напряжения плавным размыканием сомкнутых губ с приподнятым мягким нёбом и во всех отношениях ближе всего стоит к /м/, отличаясь от нее только отсутствием назализации. Значительно более существенно /б/ отличается от своего глухого коррелята /п/ с четко выраженной мгновенной смычкой, граничащей с собственно взрывными смычными, но совпадает с ним по месту образования и звучания (обе фонемы относятся к чистым, имеют надзубное звучание с использованием передней части надгортанного резонатора).

Фонема /б/ представлена в аялауте и иялауте (*бик* 'очень', *бар* 'есть', *таба* 'сковорода', *абай* 'осторожный', *жоба* 'светло-желтый', *уба* 'курган', *эбей* 'бабушка, бабка'), но чаще она встречается в аялауте, где характеризуется устойчивостью и артикуляционно-акустическим единством. В ауслауте фонема /б/ представлена лишь в составе иноязычных заимствований из русского и через русский язык: *клуб*, *куб*.

Палатальный сингармонический вариант фонемы /б/, как и всех губно-губных, характеризуется усилением смычки и значительно более опереденным фокусом: ср. *бар* 'иди' и *бир* 'дай', *бар* 'ударь', *бөк* 'сгибай', *бөт* 'кончай'.

Смычка при произнесении палатального и велярного вариантов /б/ заметно усиливается перед губными гласными /у/ и /ү/. В данном случае изменяется также и конфигурация фокуса. На этом основании в позиции перед /у/ и /ү/ можно выделить аллофон фонемы /б/, при произнесении которого размыкания губ, характерного для основной ее разновидности, не происходит: ср. *буш* 'пустой', *буға* 'бык', *бутка* 'каша', *булә* 'правнук', *бурт-* 'набухать'.

³ С точки зрения смысловозначительной, очевидно, как одна полифонема должны быть квалифицированы образования с многими консонантными аллофонами не только типа /л/ с аллофонами /д/, /т/, /з/ (*бала-лар* 'дети', *мал-дар* 'скот', *ат-тар* 'кони', *малай-зар* 'мальчики'), но и типа /а ~ ә/ с аллофоном /й/ (*ааа* 'берет', *ийәә* 'идет', *бирмәй* 'не дает').

Таблица 2
Классификация согласных фонем

по способу образования		По активному органу						
		губные		дор-саль-ные	переднеязычные			
		губно-губные	губно-зубные		межзуб-ные	апикаль-ные	передне-небные	средне-небные
Смычные	чистые	/б/ /п/		/т/		/д/		/ч/
	носовые	/м/						
Щелевые	срединные	двуфокусные					/п/	/ж/
		однофокусные		/ф/, /в/	/з/	/з/, /с/	/с/	
	/у/							
боковые						/л/		
Вибрант							/р/	

Таблица 2 (окончание)

по способу образования		По активному органу					по акустиче-скому эффекту (силе шума)
		средне-язычные	задне-язычные	увуляр-ные	фарингал-ные		
Смычные	чистые	/г/, /к/		/х/			шумные
	носовые	/п/	/ц/				сонанты
Щелевые	срединные	двуфокусные					шумные
		однофокусные		/х/	/г/	/п/	шумные
	/й/						сонанты
боковые						сонанты	
Вибрант							сонанты

* Таблица отражает основные различительные признаки фонем без учета отклонений, которые об-наруживают позиционно обусловленные аллофоны согласных.

Значительно более своеобразную модификацию фонемы /б/ представляет ее спирантизированный аллофон, регулярно возникающий в интервокальном положении (1), кроме слов с начальным /к/ или /т/ (2): 1) *бабча* рел. 'человек, совершающий обряд обрезания', *баб'ай* 'дед, старик'; 2) *кабак* 'тыква', *кабул ит-* 'принимать', *кабыж* 'кора' (но: *каб'алан-* 'торопиться', *кабат/каб'ат* 'снова'), *таба* 'сковорода', *табын* 'накрытый стол', *табут* 'гроб'.

Еще более отличается от основной разновидности фонемы /б/ ее глухой аллофон, представленный в ауслауте заимствований из русского языка: *клуб* > *клуп*, *куб* > *куп*. Однако в фонетически благоприятных условиях, в частности после полнозвонкой /м/, фонема /б/ сохраняет свои основные различительные признаки: ср. *Колумб*, *тробл*.

Минимальное, но типичное регулярное артикуляционно-акустическое отклонение от основной разновидности фонемы /б/ являет собой ее слегка оглушенная разновидность, появляющаяся в первом слоге перед гласными /ы/ и /е/: *быжы* 'увядать', *быжыр* 'зябь', *быгау* 'оковы, кандалы', *бызау* 'теленки', *былт-былт ит-* 'булькать', *бына* 'вог', *бышкыр-* 'фыркать', *бес-бес* 'кис-кис', *бесэн* 'сено', *беше* 'плотный, крепкий'.

Этимологический */б/ в анлауте и инлауте исконно тюркских слов сохранился, за исключением немногих слов, где он перешел в /м/: *менэн* 'с', *к'быз/жумыз* — щипковый губной музыкальный инструмент кубыз⁴. На почве башкирского языка сфера распространения /б/ значительно расширилась за счет озвончения начального этимологического *п, особенно в составе иноязычных заимствований типа *батша* 'царь', *бумала* 'помело'.

Фонема /п/ отличается от своей звонкой пары /б/ не только фонологически релевантным признаком глухости, сводимой к возобладанию шума над голосом, но и артикуляционно-акустическим своеобразием: образуется путем энергичного мгновенного размыкания сомкнутых губ при значительном мышечном их напряжении, при этом воздушная струя с силой вырывается наружу, создавая взрывоподобный шум, который, как и при /б/, образуется над зубами и одновременно в «маске» (в надгортанном резонаторе, вернее — в наиболее передней его части, без носовой окраски).

Фонема /п/ представлена в современном языке во всех позициях (анлауте, инлауте и ауслауте). Исторически она была характерна главным образом для инлаута и ауслаута: *апай* 'тетя, старшая сестра', *апан* 'яма от разрушенного колодца', *еп* 'нитка', *ип* 'аккуратность', *опто* 'язь', *упкын* 'пропасть, бездна', *упкэ* 'легкие'. В анлауте она встречается в редких словах типа *пыр туз-* 'прийти в крайнее возбуждение', *пыран-заран кил-* 'разности в пух и прах, все промотать'. В остальных случаях анлаутный этимологический *п, как и в иноязычных прежних заимствованиях, последовательно представлял собой оглушенный /б/. Ныне же в иноязычных заимствованиях п со всеми характерными для него различительными признаками употребляется в начале слова: *пар* 'пара, пар', *пальто*, *папирос*, *парикмахер*, *паркет*, *пароход*, *партизан*, *партия*, *патрон*, *пенсия*, *печатать*, *пионер*, *плень*, *плац*, *плита*, *поезд*, *полк* и т. п.

Велярный вариант фонемы /п/ по месту образования и звучанию близко стоит к палато-альвеолярным согласным и имеет значительно ослабленную смычку, тогда как палатальный ее вариант, подобно палатальным вариантам всех губных, сосредоточен по месту образования и звучания над зубами, но может быть и перемещен в переднюю часть нёба в зависимости от характера последующего гласного: ср., с одной стороны, *паспорт*, *план*, *посылка*, *почта*, *апхын* 'жены родных братьев', *аптыраш* 'растерянность, замешательство', *жылан* 'непоседа, вертун, кокетка', с другой, — *пэрзэ* 'занавес, шторы', *пэрей* 'нечистая сила' (миф.), *куп* 'много', *төл* 'основной; корень', *илтэш* 'товарищ', *кум-* 'зарыть'.

⁴ Переход б в м вызван их максимальной близостью в тюркских языках, где по сути /м/ представляет назализованный вариант /б/, а /б/, напротив, — частный вариант фонемы /м/, что подтверждается множеством лексикализированных случаев их взаимозамены, начиная с древнейших времен (ср. *бин/мин* 'я' и т. п.)

В обоих своих вариантах фонема /п/ характеризуется в целом артикуляционно-акустическим единством.

В ауслауте фонема /п/ перед аффиксами с начальным гласным реализуется в озвонченном варианте, фонетически тождественном с б⁵: *тап-* 'найти' — *таб-ам* 'найду', *күп* 'много' — *кубеһе* 'многие', *һап* 'древко, рукоятка' — *һаб-ы* 'его древко, рукоятка'. Это правило распространяется также и на иноязычные заимствования (1), исключение составляют лишь отдельные односложные сравнительно новые слова (2): 1) *китап* 'книга' — *китаб-ым* 'моя книга', *тип* — *ике тиб-ы ла* 'оба типа'; 2) *темп* — *темп-ы* 'его темп'.

Фонема /п/ исторически устойчива в ауслауте и инлауте. Лишь в инлауте исконно тюркских слов она на почве башкирского языка во многих случаях заменена фонемой /б/, представлявшей в свое время звонкий ее аллофон, постепенно претерпевший фонемизацию.

Ф о н е м а /м/ — билабиальный смычный носовой сонант, образуемый размыканием свободно сомкнутых губ, обуславливающим ее шумность, которая, как и непосредственно следующая за шумом ее вокалическая рекурсия, неизменно имеет носовой резонанс. Вокальная рекурсия фонемы /м/ сливается с экскурсией последующего гласного: *урман* 'лес', *ома* 'коллективная помощь', *көмөш* 'серебро'. Сонантную ее природу несколько скрадывает лишь ауслаут (1), особенно после кратких гласных, которым предшествуют /к/, /ҕ/ (2): 1) *һум* 'рубли', *ем* 'корм', *йәм* 'уют, прелесть, красота (природы)'; 2) *төркөм* 'группа', *ағым* 'течение'.

Фонема /м/ представлена во всех позициях: *мөйө* 'мозг', *май* 'масло', *көм* 'песок', *там* 'вкус', *тамир* 'корень', *йөмөш* 'поручение, дело'. В исконно тюркских словах она всюду обнаруживает устойчивость, исключая лишь лексикализованное ее чередование с /б/ и отчасти п в инлауте и ауслауте отдельных слов типа *морон* 'нос', *жумыз/жубыз* 'кубыз'.

Велярная и палатальная разновидности фонемы /м/, как и других сонантов, по месту своего образования весьма далеки друг от друга, поскольку этот разряд согласных произносится с более заметным участием голоса, чем остальные согласные. Вокалический элемент, естественно, здесь более четко распадается на переднерядный и заднерядный варианты. Это особенно заметно при ее произнесении перед узкими /ү/ и /и/, где с полным основанием можно выделить узкий аллофон фонемы /м/, вызывающий мышечное напряжение губ: ср. *мук* 'мох', *мин* 'я'.

В остальных случаях позиционные модификации фонемы /м/ значительных отклонений от описанной ее основной разновидности не имеют. Этим, очевидно, и объясняется ее этимологическая сохранность не только в корневых морфемах, но и в аффиксах, где она видоизменяется в рамках одного звука.

Ф о н е м а /й/ — билабиальная сонантизированная шумная согласная, образуемая плавным размыканием губ, подготовленных для произнесения /у/ и /ү/, от которых она отличается смычностью и обусловленной ею шумом. Именно в силу своей артикуляционно-акустической близости к этим двум гласным фонема /й/ в отличие от всех остальных согласных имеет раздельное буквенное обозначение своих велярного и палатального вариантов — в инлауте и ауслауте, где /й/ встречается чаще всего, она передается знаками у и ү: *тауык* 'кураца', *тау* 'гора', *кейек* 'подобно', *сеу* 'тише'.

Палатальный и велярный варианты фонемы /й/ отличаются друг от друга артикуляционно-акустически почти так же, как и гласные /у/ и /ү/, к которым они особенно близко стоят в ауслауте после кратких /ы/ и /е/ или их аллофонов о и ө (*быу* 'пар', *тыу-* 'родиться', *жыу-* 'гнать', *йыу-* 'мыть', *сеу* 'тише, перестань').

⁵ В соответствии с этой закономерностью конечный п озвончается также и в потоке речи, оказавшись в интервокальном положении перед гласным последующего слова, шпотно-национно объединенного с предыдущим словом: *суб (сүп) үләне* 'сорная трава', *куб (күп) ине* 'было много'. Это явление на стыке сложных слов носит регулярный характер. Соответственно здесь на общих основаниях выделяется озвонченный аллофон фонемы /п/: *ашаб (ашап) ал-* 'закусить', *һатыб (һатып) ал-* 'купить'.

Фонема /ǰ/ представлена во всех позициях обязательно в соседстве с гласным: *ǰак* 'мелкий', *ǰат-* 'сломать, разбить', *сǰкә* 'галка', *йеǰеш* 'мокрый', *ǰап* 'ответ', *ǰǰ* 'битва, бой', *тǰǰ* 'первый'.

В ауслауте после широких гласных она ярче всего обнаруживает свой шумный характер; ср. *бай* 'веревка', *тǰǰ* 'первый', где она восходит к этимологическим *ʀ или *ʙ (*таʀ > *таǰǰ* 'гора', *баʀ > *бай* 'веревка', *суб > *һыǰ* 'вода'). В анлауте и инлауте, особенно в интервокальном положении, напротив, фонема /ǰ/ сонантизируется: *ǰаба* 'холера', *ǰǰкил* 'представитель, поверенный, уполномоченный', *таǰǰк* 'курица', *таǰǰиш* 'звук, шум, голос', *кеǰат* 'мопс'. В этой позиции она восходит к этимологическим *ʙ, *ʋ, *п: *көбүк > *көпүк* > *кеǰек* 'подобно', *ǰǰғәзә* 'обещание', *ǰǰлук* 'валек (в экипаже)'.

Позиционные модификации фонемы /ǰ/, исключая ее видоизменение по сингармонизму, особых отклонений от артикуляционно-акустических свойств основной ее разновидности не имеют. В целом эта фонема в современном языке единообразна и устойчива. В аффиксальных морфемах фонема /ǰ/ также модифицируется в рамках описанных ее позиционных изменений.

Ф о н е м а /ф/ — губно-зубная глухая щелевая согласная, сравнительно недавно освоенная благодаря иноязычным заимствованиям, прочно вошедшим в стабильный фонд общенародной лексики: *дәфтәр* 'тетрадь', *хәрәф* 'буква', *файза* 'польза', *фән* 'наука', *картуф* 'картошка', *Фатима* (жен. имя), *ифрат* 'очень', *Сафа* (муж. имя), *Сафар* (муж. имя), *флаг*, *кофта*, *фабрика*, *фронт*, *шкаф*. В исконно башкирских словах фонема /ф/ встречается лишь в междометии *уф!* 'ох!', производном глаголе *уфтан-* 'охать, каять' и т. п.

Представленная во всех позициях, фонема /ф/, помимо ее модификации по сингармонизму, имеет два основных аллофона: 1) в составе сравнительно новых заимствований из русского языка типа *фронт*, *фабрика* и в ауслауте остальных слов реализуется в губно-зубном варианте: *саф* 'чистый', *шкаф*; 2) в прочих условиях реализуется в губно-губной разновидности с еле заметным озвончением, особенно в интервокальном положении: *яфа* 'мука, страдание', *Өфө* 'Уфа', *сәфәр* 'путешествие', *фәкир* 'бедный, бедняк'.

Ф о н е м а /в/ — губно-зубная звонкая щелевая согласная, артикуляционно-акустически отличающаяся от своего русского соответствия ослаблением смычки и плавным звучанием, очень близким к /ǰ/. Она освоена лишь в немногих заимствованиях типа *Волга*, *вагон*, *завод*, *велосипед*, *вита́мин*, *вулкан*, *пиво*. В ауслауте эта фонема реализуется в оглушенном варианте, фонетический тождественный с /ф/: *Котдосов* > *Котдософ* (но: *Котдосова*), *Филманов* > *Филманов* (но: *Филманова*). Этот ее аллофон менее ясно представлен в редких словах типа *Киев*, где чаще слышится нечто близкое к палатальному варианту фонемы /ǰ/.

ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ

Ф о н е м а /д/, выступающая как звонкий коррелят фонемы /т/, — переднеязычная апикулярная смычная. Образуется она плавным смыканием слабо выраженной смычки, создаваемой прижатием кончика языка вместе с передней его частью к задней стороне основания передних верхних зубов.

Фонема /д/ в исконно башкирских корневых морфемах представлена лишь в аплауте: *дүрт* 'четыре', *дым* 'влага', *дары* 'просо', *дау* 'ссора', *дүн-* 'разубеждаться'. В инлауте она встречается лишь в немногих исконных производных словах типа *күлдәк* 'рубашка, платье' и в новых заимствованиях из русского языка (*ударник*, *сода*). В этой позиции фонема /д/ в исконных корневых морфемах и в ранее освоенных иноязычных заимствованиях перешла в /з/ (1), а в отдельных исконных производных словах — в /т/ или /й/ (2): 1) *коза* 'сват', *каза-* 'вопить, воткнуть', *бөзрә* 'кудрявый, курчавый', *әзәм* 'человек', *назан* 'неграмотный', *бизрә* 'ведро', *биза* 'бсда'; 2) *ете* 'семь', *йәтәс* 'душка', *айыу* 'медведь', *бейек* 'высокий'. Исключение составляют

лишь отдельные устаревшие иноязычные заимствования вроде *бандэ* 'человек', *йэдит* 'ждает'.

В ауслaute фонема *ð* практически не допустима. Она представлена лишь в составе вновь освоенных иноязычных заимствований, да и то, как правило, в оглушенном варианте: *экскурсовод*, *электрод*, *завод*. В этой позиции она в старых иноязычных заимствованиях последовательно оглушается, что отражает также их правописание; *Махмут*, *Фарит*. В конце исконно тюркских слов фонема /д/ претерпела эволюцию: либо выпадает (*алд > *ал* 'передняя сторона, часть'), либо переходит в *й*: (*буй* 'стан, рост, длина') и т. п.

В соседстве с /н/ и губными /у/ и /ү/, фонема /д/ неизменно приобретает дорсальный характер, свойственный русской фонеме /д/, которая произносится значительно более напряженно, чем баш. *ð*: *дус* 'друг', *дүнән* 'трехгодовалый жеребец', *дим* 'уговаривание', *дилбегэ* 'вожжи'. При этом в анлауте она теряет плавность и заметно оглушается (в инлауте иноязычных слов, в интервокальном положении, напротив, ее звонкость усиливается: ср. *идара* 'правление, управление', *одеколон*, *градус*).

Глухой аллофон фонемы /д/ регулярно встречается в конце иноязычных заимствований: *Ленинград*.

Фонема /д/ имеет в целом сравнительно ограниченную употребительность, вызванную ее эволюцией в инлауте и ауслaute исконно тюркских слов.

Ф о н е м а /т/, представляющая собой глухой коррелят смычной звонкой фонемы /д/, отличается от нее не только последовательно выраженной глухостью, но и своим дорсальным характером и широкой употребительностью во всех позициях слова: *туй* 'свадьба, пиршество', *тир* 'пот', *үтэ* 'слишком, насквозь, через', *утыз* 'тридцать', *ит* 'мясо', *һөт* 'молоко'. Образуется мгновенным ненапряженным устранением смычки, которую создает передняя часть или кончик языка, прижатый к задней стороне передних верхних зубов.

Фонема /т/ имеет лишь один основной аллофон — апикальный, который регулярно возникает в соседстве с /а/ и /о/, а также после /ы/, /у/, /э/, /е/: *ата* 'самец, отец', *ат* 'лошадь', *тот-* 'ловить, держать', *отош* 'выигрыш', *корт* 'червь, пчела', *һырт* 'спина, хребет', *эйт-* 'сказать'. Остальные позиционные модификации этой фонемы заметных артикуляционно-акустических отклонений от основной ее разновидности не обнаруживают.

Фонема /т/ характеризуется этимологической сохранностью. В анлауте сфера ее употребления значительно расширена за счет оглушения этимологического звонкого ее коррелята /д/: *де-* > *ти* 'сказать, говорить', *димгел* > *тимгел* 'пятно, сыпь'.

Ф о н е м а /з/ — межзубный шумный звонкий спирант, артикуляционно близко стоящий к звонкой щелевой фонеме /з/, от которой отличается главным образом ясно выраженным межзубным произношением. По своим артикуляционно-акустическим характеристикам фонема /з/ представляет коррелят межзубного спиранта /ç/, отличающегося от нее только глухостью.

Ф о н е м а /з/ представлена во всех позициях исконно башкирских слов и ранее освоенных иноязычных заимствований, очень широко употребляется в ауслaute (*без* 'мы', *тиз* 'быстро') и инлауте (*азак* 'конец', *озон* 'длинный'). В анлауте она встречается лишь в составе корневой морфемы *зур* 'большой' и производных слов, образованных от нее: *зурлык* 'величина', *зурзар* 'взрослые' и др. Кроме того, фонема /з/ представлена в начале частиц *за*, *забаһа*, *-зер* на правах аллофона полифонем, представленных в аффиксальных морфемах.

Во всех позициях в велярном и палатальном вариантах фонема /з/ обнаруживает независимо от характера звукового окружения сравнительно единообразную и устойчивую артикуляционно-акустическую природу: ср. *баз* 'подпол', *буз* 'серый, сизый', *биз* 'железа', *һез* 'вы', *изел* 'большая река', *азан* 'коренной (зуб)', *тазрә* 'окно', *изән* 'пол'.

Представляя одну из специфических фонем башкирского консонантизма, межзубной спирант /з/ выступает вместо этимологических общетюркских

*д и *з (1), в отдельных же словах восходит к этимологическому *т (2): 1) *биз > без 'мы', жада > жаза- 'вонзять, воткнуть'; 2) *ат-на > азна 'неделя'.

Ф о н е м а /ç/ — коррелят межзубного шумного спиранта ç, отличающегося от него только по признаку глухости. Из других согласных фонетически /ç/ ближе всего стоит к /с/, но последовательно и четко отличается от него межзубным произношением и звучанием.

Фонема /ç/ представлена в инлауте и ауслауте исконно башкирских слов вместо этимологического общетюркского *с: аç- 'вешать', баça 'посконь', уçal 'злой', үç- 'расти', эсе 'жарко, жаркий, горячий'. Соответственно и в раннее освоенных заимствованиях она выступает вместо /с/: оста 'мастер', мәсәлә 'напримёр', өстәл 'стол'. В отличие от своего звонкого коррелята ç, фонема /ç/ не представлена в аффиксальных морфемах.

Фонема /ç/ во всех позициях независимо от природы звукового окружения характеризуется артикуляционно-акустическим единообразием и устойчивостью. При всем своем вялом произношении она всюду имеет четкую фонологическую опознаваемость. Это обусловлено ее межзубным произношением, резко отличающим ее от других артикуляционно-акустически близких фонем. От своего звонкого коррелята /з/ фонема /ç/ отличается тоже четко, образуя нередко фонологические оппозиции типа иçән 'здоровый' — иҙән 'пол'.

Ф о н е м а /з/ — переднеязычный дорсальный звонкий щелевой согласный, представляющий коррелят глухой аналогичной фонемы /с/. Она имеет в целом вялое произношение, предельно сближающее ее с межзубной /з/. Лишь палатальный ее вариант характеризуется артикуляционно-акустической четкостью; ср., с одной стороны, зыж кун- 'поднять шум, гвалт', зыңла- 'звенеть', зыркыуыт 'дупель' (зоол.), зырыдак 'волчок', зырылда- 'крутиться с жужжанием', с другой, — кәзә 'коза', изге 'добрый, священный, святой'.

Фонема /з/ представлена лишь в редких исконно башкирских словах приведенного рода. Сфера ее употребления расширилась за счет иноязычных заимствований типа заман 'время', риза 'согласен', завод, зал, газ, где, однако, в народно-разговорном языке она по-прежнему преимущественно заменяется межзубным ç (чаще всего произносят заман, риза, зауыт). Благодаря тому, что количество таких заимствований довольно-таки велико, фонема /з/ в литературном языке освоена достаточно широко. Не употребляется она в аффиксальных морфемах.

Ф о н е м а /с/ — переднеязычная зубно-нёбная щелевая согласная, составляющая глухой коррелят фонемы /з/. Произносится вяло, но значительно более напряженно, чем /ç/.

Фонема /с/ широко представлена во всех позициях как в исконных, так и в иноязычных словах: саң 'пыль', әсә 'мать', ас 'голодный', саф 'чистый', срок, термос. В исконно башкирских словах она за редким исключением восходит к этимологическому общетюркскому *ч: *ағач > ағас 'дерево', *чап- > сап- 'косить, хлестать, скакать', *кач- > кас 'прятаться'⁶.

Палатальный вариант фонемы /с/ является дорсальным (1), исключая положение после э и ө, где он носит апикальный характер (2): 1) күс 'рой', әс 'живот, внутренность', исем 'имя'; 2) әсе 'кислый', өсен 'для'.

В соседстве с /и/ и /ү/ фонема /с/ приобретает свистящий оттенок, особенно в ауслауте: үс 'месть', кис 'вечер'.

В остальных условиях своей реализации фонема /с/ обнаруживает артикуляционно-акустическое единообразие. От межзубного ç она отличается сравнительно более четко, чем ее звонкий коррелят /з/ от межзубного /з/.

Ф о н е м а /ж/ — твердонёбная щелевая звонкая согласная, произносимая плавно, без напряжения, с удлинением фокусом.

⁶ В нескольких словах баш. с соответствует согласным с, ш и т других тюркских языков: ср. баш. сәс 'волосы', сәс- 'сыпать, сеять' — др.-тюрк. сач, сач-; баш. сис- 'развязать', сөсө 'пресный', сөскөр- 'чихать' — тат. чии-, точе, төчкер-.

Она представлена в середине и конце немногих исконно башкирских слов, где обычно соответствует аффрикате /ɟ/ татарского и некоторых других кыпчакских языков: *бажа* 'своjak', *ғыж-ғыж кил* 'хрипеть, сицеть'. Сфера ее функционирования расширилась за счет освоеня иноязычных заимствований из арабского и русского языков: *ижад* 'творчество', *журнал*, *дежур* 'дежурный'. Соответственно появился палатальный вариант фонемы /ж/, которая ранее сочеталась лишь с гласными заднего ряда, исключая отдельные слова типа *ижәу* 'половник', где она лишь незначительно палатализируется: *ижек* 'слог', *жираф*, *жюри*, *жилет*. Палатальный вариант фонемы /ж/, представленный в крайне ограниченном числе слов, носит апикальный характер, тогда как велярный является твердонёбным согласным, очень близким к среднеязычным.

Фонема /ж/ характеризуется ясной опознаваемостью и очень ограниченной употребительностью.

Ф о н е м а /ш/ — длиннофокусная твердонёбная щелевая глухая согласная, образуемая без напряжения и взрыва. По артикуляционно-акустическим свойствам она ближе всего к /ж/, отличаясь от нее главным образом своей глухостью и несколько опередненным фокусом.

Фонема /ш/ относится к числу немногих широкоупотребительных и устойчивых согласных, наиболее полно сохранивших свое первоначальное распределение в исконно тюркских корневых морфемах и аффиксах. Сфера употребления фонемы /ш/ на почве башкирского языка значительно расширена за счет частного, лексикализованного чередования ее с /с/ (*шыыж* 'жидкий') и /ч/ (*шышма* 'ручей') и т. п.

Случаи преобразования этимологической фонемы /ш/ единичны: ср. *сис* — 'развязать', *һурпа* 'бульон'.

Фонема /ш/ широко представлена во всех позициях и независимо от характера звукового окружения и других условий своей реализации всюду сохраняет четкую фонологическую опознаваемость: *шау* 'шум', *таш* 'камень', *кеше* 'человек'.

Палатальный вариант фонемы /ш/ относится к разряду апикальных согласных: *биш* 'пять', *түш* 'грудь', *төш* 'сновидение', *шеш* 'опухоль, нарыв', *шәм* 'свеча', *шәп* 'хорошо, быстро'. Велярный же вариант в зависимости от звукового окружения по месту образования обнаруживает довольно значительную подвижность: в соседстве с узким гласным /у/ и губными согласными он мало отличается от палатального варианта (ср. *буш* 'порожний, свободный', *шыма* 'гладкий'), а рядом с *a* и *o* приближается к среднеязычным, особенно под влиянием предыдущего или последующего увелярного согласного (ср. *каш* 'бровь', *ошо* 'этот', *Шағалий* — муж. имя, *кош* 'птица', *ашкана* 'столовая', *якшы* 'хороший'); в прочих случаях ее велярный вариант образуется в области твердого нёба: *аша* 'через', *тышау* 'путы'.

В остальном модификация фонемы /ш/ зависит от условий ее употребления, носит частный характер и не имеет заметных отклонений от ее основных характеристик. Таково, в частности, ее незначительное озвончение в интервокальном положении в словах типа *өшө* 'мерзнуть' (в этом случае фонема /ш/ сохраняет свой релевантный различительный признак по глухости: ср. *ижек* 'слог' и *ишек* 'дверь'), усиление шипящего оттенка в аудите после губных /у/ и /ү/ в словах вроде *һуш* 'чувство, сознание', *хуш* 'хороший', *түш* 'грудь', усиление оглушения в аудите и т. п.

Ф о н е м а /р/ — переднеязычный сонант, произносимый без напряжения, при сближении слегка приподнятого кончика языка с альвеолами или передней частью твердого нёба благодаря еле уловимому колебанию кончика языка под давлением воздушной струи.

Палатальный вариант фонемы /р/ после губных согласных и в соседстве с /у/ и /и/ относится к разряду надзубных, в остальных случаях имеет апикальный характер: ср., с одной стороны, *бер* 'один', *бире* 'сюда', *түр* 'почетное место в комнате, горнице', *буре* 'волк', с другой, — *кер* 'белье, грязь', *йөр* — 'ходить', *ер* 'земля', *һөрөм* 'копоть', *һәр* 'каждый', *эрйә* 'ларь, ящик'.

Велярный же ее вариант образуется в области твердого нёба или его передней части в зависимости от характера соседнего гласного: в соседстве с /a/ и /o/ является средненёбным, рядом с /y/ — передненёбным, при /ы/ занимает промежуточное положение. Ср. *ара* 'расстояние', *оран* 'ключ, призыв', *урман* 'лес', *ырыу* 'род, племя'. Это колебание усугубляется в зависимости от качества предыдущего или последующего согласного. Так, например, под влиянием /к/, /г/ и /h/ велярный вариант фонемы /р/ отодвигается еще более назад: ср. *карак* 'вор', *хары* 'желтый', *богарзак* 'дыхательное горло'.

В исконно тюркских корневых морфемах фонема /р/, сохраняя свое первоначальное распределение, представлена в ауслауте и инлауте: *бар* 'есть', *жара* 'черный', *эре* 'крупный', *бер* 'один'. В иноязычных заимствованиях и производных словах, образованных на их основе, она, кроме того, может быть также и в аплауте: ср. *раç* 'верный, верно', *риза* 'согласен', *рэхэт* 'удовольствие, наслаждение', *раçла-* 'подтвердить, утвердить', *рамла-* 'вставить раму', *рус* 'русский', *революция*.

/р/ — во всех позициях полнозвонкая фонема, за исключением ауслаута, где она заметно оглушается: *кар* 'снег', *тар* 'узкий'. Фонема /р/ характеризуется устойчивостью не только в корневых, но и в аффиксальных морфемах. Лишь в отдельных словах и аффиксах она обнаруживает следы прежнего чередования с /л/ и /з/: *хурпа* 'бульон', *аркыры* 'поперек, через', *сизэм* 'целина', *яткыр-* (*яткыз-* 'уложить').

Ф о н е м а /л/ — щелевой альвеолярно-нёбный сонант, произносимый плавно, без напряжения.

Палатальный ее вариант является апикальным и переднеязычным: *ил* 'страна', *эл* 'вешать', *көл* 'зола', *күл* 'озеро'. Велярный же вариант относится к разряду среднеязычных согласных: *бала* 'ребенок', *оло* 'большой', *күл* 'рука', *йыл* 'год'. При всех своих артикуляционных расхождениях палатальный и велярный варианты фонемы /л/ акустически отличаются друг от друга мало, поскольку первый из них характеризуется не столько собственно палатальностью, сколько опередненностью по сравнению со вторым. Только в соседстве с губными согласными и гласными /и/ и /ү/ палатализация усиливается, однако, не достигая степени мягкости русск. л, ср. *бил* 'поясница', *бүл-* 'делить'. Артикуляционно-акустически заметную веляризацию претерпевает /л/ под влиянием увулярных /к/, /х/, /h/ после /a/ и /o/: ср. *һол* 'способность, сноровка', *һоло* 'овес', *көл* 'раб', *һакал* 'борода', *халк* 'народ'. Эти две крайние разновидности фонемы /л/ с основанием могут быть квалифицированы как ее аллофоны. Исключая их, фонема /л/ имеет в целом единообразное звучание.

Фонема /л/ характеризуется четкой фонологической различимостью во всех позициях и вызванной этим устойчивостью своего распределения в исконно тюркских корневых морфемах (но в инициале аффиксальных морфем она претерпевает самые радикальные модификации — см. раздел «Сведения по фонеморфологии»). Только в отдельных словах типа *хурпа* 'бульон', *йондоз* 'звезда', *аркыры* 'поперек, через' она изменилась и в некоторых словах при их агглютинации выпала в ауслауте (ср. *ул* 'он, она', — *уға* 'ему, ей', *шул* 'тот' — *шунан* 'оттуда' и т. п.).

В исконно башкирских словах фонема /л/ представлена главным образом в инлауте и ауслауте, значительно реже встречается в аплауте: *бал* 'мед', *ала* 'пестрый', *лапы* 'валежник', *лаçбыр* 'лохматый'.

Ф о н е м а /н/ — смычно-щелевой альвеолярно-нёбный носовой сонант, произносимый без напряжения, плавно. В палатальном варианте она представляет переднеязычный апикальный согласный, особенно в соседстве с узкими гласными переднего ряда /и/ и /ү/: *ни* 'что', *ник* 'почему', *дун-* 'разубеждаться', *көн* 'день', *мен-* 'подниматься', *тән* 'тело'. Ее велярный вариант образуется в области среднего нёба и примыкает к среднеязычным, в окружении же широкого /a/ и полушпрокого /o/, особенно под влиянием заднеязычных согласных /к/, /г/, /х/ и увулярного /h/ относится к среднеязычным согласным: *ана* 'вот, вон', *кан* 'кровь', *хан* 'хан', *көн* 'месть', *ко-*

нан 'жеребец от двух до трех лет', һон- 'протянуть', һын 'телосложение, стан', һунар 'охота'.

Фонема /н/ чаще всего встречается в ауслауте, реже — в инлауте и еще реже — в анлауте исконно башкирских слов: һан 'число', һил 'ты', инде 'уже, еще', энэ 'игла', нык 'крепкий', һәмэ 'вещь, предмет'. Она обнаруживает этимологическую устойчивость и сравнительно большое акустическое единообразие независимо от условий своей реализации. Лишь перед /к/, /г/, /к/ и /г/ в ряде слов типа *караңғы* 'темно', /н/ перешла в /ң/. Это явление, характерное не только для тюркских языков, спорадически наблюдается также в некоторых других производных словах вроде *боронго/боронго* 'древний', *иртәңге / иртәнге* 'утренний', где ң условно может быть выделен как позиционно обусловленный аллофон фонемы /н/. В отличие от своего употребления в корневых морфемах фонема /н/ имеет существенные модификации в начале аффиксов (см. ниже, «Сведения по фонеморфологии»). Модификации фонемы /н/ в зависимости от прочих условий ее реализации существенных отклонений от приведенных ее характеристик не имеет.

Фонема /ч/ в большинстве случаев своей реализации представляет глухой слабосмысленный твердонебный передне-среднеязычный согласный звук, образуемый без взрыва и напряжения. Характеризуется он, как и /к/ и /г/, отсутствием сильной смычки, свойственной русск. /ч/ и /г/. Фонема /ч/ освоена сравнительно недавно благодаря заимствованиям из русского языка. В исконно башкирских словах не употребляется.

В соответствии с законом сингармонизма фонема /ч/ распадается на палатальный и веларный варианты. Из них первый является переднеязычным и апикальным: *чек, чех, член*. Второй образуется в области твердого неба при участии средней части спинки языка: *Чапаев, чашка, чума*.

Фонема /ч/ в русских заимствованиях употребляется не только по исконному назначению, но и замещает русск. *щ*: *плащ > плач, плач, щетка > чоткы/чотка, щи > ччи*.

СРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ

Фонема /й/ — среднеязычный целевой полусонант, образуемый при сближении средней части спинки языка с твердым небом. В палатальном варианте, произносимом при более узкой щели и продвинутой значительно вперед спинки языка, она тяготеет к шумным, ее сонорность в этом случае исчезает, особенно в соседстве с узкой гласной /ү/ и полуузким /е/: *йун* (орф. *юнь*) 'толк, способность', *йүтэл* (орф. *ютэл*) 'кашель', *йем* (орф. *ем*) 'корм', *кой* 'мотив', *йэй* 'лето'. В веларном варианте щель заметно расширяется и отодвигается назад, произношение становится плавным и соответственно значительно более ясно проступает сонорность фонемы /й/: *йар* (орф. *яр*) 'берег', *йөн* 'шерсть', *йыл* 'год', *йул* (орф. *юл*) 'дорога'. Сонорность наиболее четко проявляется в интервокальном положении: *айаҡ* (орф. *аяк*) 'нога', *койо* 'колодец', *уйын* 'игра'. Только в ауслауте фонема /й/ резко сокращается и приобретает шумный характер, лишаясь сонорности: *бай* 'богатый', *уй* 'мысль', *кой-* 'лить', *тый-* 'усмирить', *кей-* 'одевать', *сей* 'сырой', *сөй* 'шипль, шип, клин, гвоздь'.

Как видно из примеров, фонема /й/ представлена во всех позициях. Она сочетается со всеми гласными, кроме /и/.

Широко употребляясь в анлауте вместо тат. *ж* и аналогичного звука некоторых других тюркских языков, фонема /й/ представляет одну из ярких особенностей башкирского консонантизма. Она характеризуется устойчивостью по своему исконному распределению в собственно тюркских корневых морфемах и выпала лишь в инлауте в отдельных словах типа *һасан* 'когда'. В этой позиции фонема /й/ возникла на почве *д (ср. др.-тюрк. *адак, бадрук бедук, бугдай* и соответственно баш. *аяк* 'нога', *байрак* 'знамя', *бейек* 'высокий', *бойзай* 'шленица'), *з и *в (ср. др.-тюрк. *тегиң* 'соболь', *тевэ* 'верблюд' и баш. *тейен* 'белка', *дөйэ* 'верблюд'). В ауслауте /й/ тоже нередко

восходит к этимологическим *д и *г: ср. др.-тюрк. *тег-*, *кед-* и баш. *тей* 'касаться, трогать', *кей-* 'одевать'. *Й*, очень широко употребляемый во всех позициях в корневых морфемах, представлен также и в аффиксах, где он часто являет собой энтезу или субститут гласного *а/э* (ср. *бар-а-сак* 'пойдет' — *барма-й-асак* 'не пойдет').

Ф о н е м а /г/ — среднеязычная звонкая смычная согласная, характеризующаяся крайне слабо выраженной смычкой и плавным произношением без напряжения.

Ранее она была представлена лишь в палатальном варианте, т. е. в соседстве с гласным переднего ряда, и только в анлауте и инлауте: *гел* 'постоянно', *гел* 'цветы (комнатные)', *гор кил-* 'галдеть', *үгәй* 'перодной', *игез* 'двойня, близнецы', *игэт* 'приданое' (в соседстве с узкими гласными /ү/ и /и/ фонема /г/ реализуется в предельно опередненном и суженном аллофоне).

По мере освоения иноязычных заимствований фонема /г/ стала употребляться и в веларном варианте: ср. *газ*, *гараж*, *гармун* 'гармонь', *горчица*, *гудок*, *агроном* (в соседстве с /а/ она реализуется в заднеязычном аллофоне).

За исключением названных двух своих поляризованных разновидностей фонема /г/ имеет в целом единообразное звучание. Она характеризуется последовательной противопоставленностью заднеязычной звонкой /г/ по месту и отчасти способу образования и своему глухому корреляту /к/ по признаку звонкости.

Ф о н е м а /к/ — глухая среднеязычная слабосмычная согласная, произносимая плавно, без взрыва и напряжения. В исконно башкирских словах она представлена лишь в сочетании с гласными переднего ряда. В отличие от /г/ широко употребляется не только в анлауте и инлауте, но и в ауслауте: *күз* 'глаз', *ике* 'два', *күк* 'небо'. Как и /г/, фонема /к/ характеризуется устойчивостью распределения в исконно тюркских корнях.

Веларный вариант фонемы /к/, отличающийся от палатального варианта главным образом отодвинутостью назад, представлен во всех позициях только в иноязычных заимствованиях: *Камал* (муж. имя), *квас*, *квартира*, *клуб*, *колхоз*, *закон*, *указ*, *барак*, *батрак*. В соседстве с широкой /а/ он приобретает заднеязычную окраску: *каран* 'корабль'.

Фонема /к/ в ауслауте при присоединении к слову аффикса с начальным гласным реализуется в звонком аллофоне: *күк* 'синий, голубой' — *күг-эр* 'синеть, посинеть, плесневеть', *түк-* 'вылить' — *түг-ел-* 'вылиться', *срок* — *срок-ы* 'его срок'.

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ

Ф о н е м а /ғ/ — щелевая звонкая увулярная согласная, произносимая без напряжения, плавно при опущенном мягком нёбе почти смыкающемся с поднятой вверх задней частью спинки языка, где образуется щель. При ее артикуляции задняя часть спинки языка и язычок смыкаются и размыкаются, создавая конусообразную восходящую щель.

Фонема /ғ/ представлена в анлауте и инлауте исконно башкирских слов в соседстве с гласными только заднего ряда: *ғауға* 'шум, гам', *ғырла-* 'хрипеть', *ағай* 'старший брат; дядя'. Но в арабизмах и фарсизмах она широко освоена также и в сочетании с гласными переднего ряда: *ғилем* 'знание, наука', *ғөрөф* 'обычай', *ғүмер* 'жизнь', *иглан* 'объявление', *игтибар* 'внимание', *мәғәнә* 'смысл, значение', *Тәғзимә* (жен. имя), *ғәмүмән* 'вообще, в общем', *ғәзәт* 'привычка', *ғишшәк* 'любовь', *ғүмер* 'жизнь'. В этом случае при произнесении /ғ/ щель на выходе резко сужается, благодаря чему звучание опередняется и артикуляция приобретает заметную напряженность. В соседстве с узкими передними гласными /и/ и /ү/ с полным основанием можно выделить предельно опередненный аллофон.

Фонема /ғ/ во всех случаях своей реализации обнаруживает четко выраженную фонологическую опознаваемость, чем, должно быть, и объясня-

ется ее устойчивость. Лишь в ауслауте по нормам башкирского консонантизма она не допустима. В силу этого *ʁ в данной позиции выпал (ср. *улуʁ > *мо* 'большой', *саруʁ > *һары* 'желтый', *туʁ- > *тыу-* 'родиться') или оглушился (*балыʁ > *балык* 'рыба'), *тағыʁ > *тауык* 'курица'. В современном башкирском языке этимологический *ʁ существенные модификации имеет лишь в аффиксах (см. ниже «Сведения по фономорфологии»).

Ф о н е м а /к/ — коррелят звонкой фонемы /т/, отличающийся от нее слабо выраженной смычностью и последовательной глухостью. Она произносится значительно менее напряженно, чем соответствующий согласный киргизского, алтайского, казахского и других тюркских языков. Это особенно заметно в инлауте в интервокальном положении, где смычка может быть предельно ослаблена. Отмечено даже озвончание /к/ в слове *ага* 'воротник'. За исключением этого случая фонема /к/ обнаруживает в корневых морфемах большую устойчивость во всех позициях: *кыш* 'зима', *аҡ* 'белый', *баҡыр* 'красная медь', *баҡа* 'лягушка', *һаҡал* 'борода'.

Перед начальным аффиксальным гласным фонемой /к/ в ауслауте при аглютинации регулярно озвончается: *юк* 'нет' — *юғ-ал-* 'потеряться', *кунак* 'гость' — *кунағ-ым* 'мой гость'. Это, как и озвончение конечного к в той же позиции, отражается на письме. В потоке речи при отсутствии паузы в рамках интонационно объединенной сиптагмы ʁ и к спорадически озвончаются на стыке слов в соседстве с гласным: *кунағ айо* 'горница' (орф. *кунак*), *суг ат* 'серый конь', *ике ғуллан* 'обеими руками', *ике геше (кеше)* 'два человека'. Применительно к этому случаю правомерно выделять озвонченный аллофон обеих фонем, который регулярен в ауслауте при наличии последующего аффикса с начальным гласным.

Фонема /к/, как правило, употребляется в исконно башкирских словах в сочетании с гласными заднего ряда. Из гласных переднего ряда она сочетается только с /ә/ и /и/, и то лишь в единичных словах: *кәйнә* 'свекровь', *кәрҙәш* 'родственник', *сикан* 'чирей', *сирак* 'голень'. В последних двух примерах артикуляционно-акустическая природа звука к не меняется, поскольку узкий и входит в другой слог. В непосредственном же соседстве с /ә/ палатальный вариант /к/ получает предельное ошерднение и заметно напряженное звучание. Этот сдвиг еще более усугубляется в соседстве с узким и в иноязычных заимствованиях типа *киммәт* 'дорогой, ценный', *кибла* 'направление к Каабе (в Мекке) (рел.)', *киҙғәт* 'облик, выражение лица'. В этом и сходных условиях смычка при образовании ʁ усиливается и переходит в узкую щель, особенно перед и, а само звучание перемещается вперед в область среднего нёба. Сфера употребления этого аллофона фонемы /к/ расширилась за счет прочно вошедших в обиход арабизмов и фарсизмов типа *кәләм* 'карандаш', *кәҙер* 'почет, честь', *кәбер* 'могила', *кәһәр* 'проклятие'. В других иноязычных заимствованиях, в частности русизмах и заимствованиях через русский язык, фонема /к/ не употребляется. В исконно тюркских корневых морфемах ее распределение в целом стабильно. Можно отметить лишь случаи озвончения на стыке компонентов сложных слов вроде *карағош* 'орел', *кыргаяк* 'мокрица' и появления ʁ вместо заднеязычного увулярного /х/, например в словах *катыл* 'жена, женщина', *аҡшы* 'хороший, хорошо'. Согласный ʁ устойчиво применяется в аффиксах, обычно как субститут этимологического *ʁ: *бат-как* 'топь', *кайт-кан* 'он вернулся'.

Ф о н е м а /х/ — щелевая глухая заднеязычная увулярная согласная, употребляется преимущественно в инлауте, в ауслауте и инлауте встречается редко: *халыҡ* 'народ', *юха* 'очень хитрый, корыстный, лизоблюд', *тарих* 'история', *ухылда-* 'пыхтеть, охать', *ух!* 'ах!'.

В исконно башкирских словах фонема /х/ преимущественно выступает в велярном варианте (т. е. в сочетании с гласными заднего ряда), характеризующемся ясно выраженной увулярной окраской. В этом варианте она широко освоена и в иноязычных заимствованиях: *оҗмах* 'рай', *наһак* 'несправедливый', *никаһ* 'религиозный обряд бракосочетания', *хокук* 'право', *ашхана* 'столовая', *характер*, *хор*, *колхоз*. В велярном варианте увулярный оттенок фонемы /х/ сглаживается или даже исчезает лишь в сочетании с губ-

ным *y*, когда благодаря его влиянию ее звучание намного опередняется: *кудня, художник, хурла* — 'поносить'.

В палатальном варианте фонема /x/ чаще всего встречается в иноязычных заимствованиях, особенно в арабизмах и фарсизмах: *хикәйә* 'рассказ', *хоком* 'приговор, решение', *хөрмәт* 'уважение', *химия, хирург*. Этот вариант /x/ произносится при сильном дополнительном подъеме средней части спинки языка и при очень узкой щели, образуемой между всей задней частью спинки языка и твердого нёба. Хотя и в этом случае *x* имеет заднеязычное образование, он получает как бы дополнительную артикуляцию в области средней части спинки языка, во всяком случае — очень опередненное звучание. Более переднее звучание *x* возникает особенно перед узким гласным *i*: *хис* 'чувство', *химия* (но после *i* это не столь заметно: ср. *ихата* 'изгородь', *ихтимал* 'возможно', *ихтыяр* 'воля, желание', *ихтирам* 'уважение').

/x/ относится к числу сравнительно устойчивых фонем. Лишь в отдельных словах типа *хатын* 'жена, женщина', *якшы* 'хороший, хорошо' ее велярный вариант необратимо перешел в *к*. /x/ не употребляется в аффиксах.

Ф о н е м а /ц/ — заднеязычный носовой смычной сонант, характеризующийся слабой напряженностью и очень незначительной шумностью. Образуется смыканием задней части спинки языка с мягким нёбом в момент его опущения путем его краткой вибрации. Встречается только в середине и конце слова. По месту звучания *ц* значительно колеблется в зависимости от характера соседнего гласного.

Велярный вариант фонемы /ц/ имеет обычно ослабленную смычку. Исключение составляет вариант /ц/ в положении рядом с узкой /у/, где он и по звучанию приближается к среднеязычным: *уң* 'правый', *туң* 'мерзлый' (но если *у* стоит после увулярного *к* или фарингального *h*, то /ц/ сохраняет заднеязычную природу: *куңыз* 'жук', *куңыр* 'бурый', *һуң* 'поздно'). В соседстве с /а/ велярный вариант /ц/ реализуется в увулярном аллофоне: *аң* 'сознание', *аңкы-* 'благоухать', *аңкау* 'небо' и др. Этот аллофон встречается также после /ы/ в окружении увулярных согласных: *кыңгырау* 'колокол'.

Палатальный вариант фонемы /ц/ образуется при более ясно выраженной смычке, переходящей перед гласными в щель. Он выделяется опередненностью своего звучания, а при узких передних гласных, кроме того, — значительной напряженностью артикуляции и усилением шумности, особенно в ауслaute и перед последующим согласным: ср. *киң* 'широкий', *тиң* 'равный', *миң* 'родинка', *куңел* 'душа', *уң* 'эмаль', *уңер* 'передняя часть шеи', *уңаз* 'плесень, грибок', где фактически представлен апикальный от среднеязычного до заднеязычного аллофон фонемы /ц/. После *e* местоположение фокуса /ц/ колеблется в зависимости от характера предыдущего согласного: *мең* 'тысяча', *һең-* 'впитываться'. После *ө* палатальный вариант фонемы /ц/ становится обычно среднеязычным: *өң* 'берлога', *өңөш* 'проходка' (горн.), а после *ә* он сближается с заднеязычными: *әңгә* 'беседа', *тәңкә* 'рубль', *кәңәш* 'совет'.

Во всех своих разновидностях фонемы /ц/ обнаруживает четкую фонологическую опознаваемость и устойчивость. Она в исконно тюркских словах сохранилась в тех же позициях, что и в большинстве тюркских языков. Сфера ее употребления значительно расширилась в результате фонемизации фонетически сходного с ней аллофона фонемы /н/, широко употребляемого перед *к*, *к*, *г* и *г*: *һөңгө* 'копьё' (от *һон-* 'протянуть'), *төңгө* 'ночной', *төшөңкө* 'припущенный', *иртәңге* 'утренний', *борөңгө* 'древний'.

В аффиксальных морфемах согласный *ң* тоже характеризуется устойчивостью: *без-зең* 'наш'.

ФАРИНГАЛЬНЫЕ

Ф о н е м а /һ/ — плавный гортанный глухой спирант, представленный на месте широкоупотребительного этимологического *с в анлауте и инлауте исконно тюркских корней перед гласным в начале слога: *һан* 'число', *һин* 'ты', *анһат* 'легкий, нетрудный'. В арабизмах и фарсизмах она встречается

также и в ауслауте: *мәһим* 'важный', *гәһәһ* 'грех', *һәр* 'каждый'. Фонема /h/ произносится без всякого напряжения и на слух воспринимается как легкий произвольный выдох через суженную глотку с еле заметным участием голоса, непосредственно переходящим в экскурсию последующего гласного.

В начале слова, как и в конце его, *h* — глухой согласный. В интервокальном положении *h* озвончается: *яһа* 'делать', *әһәмәт* 'значение', *кәһәр* 'проклятие'.

Велярный и палатальный варианты фонемы /h/ довольно четко отличаются друг от друга и артикуляционно, и акустически. В велярном варианте она представляет плавный гортанный спирант, легко образуемый глубоко в глотке или даже ниже ее: *һаҡ* 'пост', *һағыз* 'сера', *һоғалан-* 'есть торопливо', *һыж-* 'выжимать, сжимать'. Только перед губным *y* гортанный отщенок несколько сглаживается, поскольку в этом случае и сам звук образуется выше глотки: *һул* 'левый', *һул* 'рубль', *һут* 'сок'.

В палатальном варианте *h* произносится также плавно в виде произвольного выдоха перед произнесением последующего гласного, образуется над гортанью при суженном резонаторе в полости рта. Сужение его, производимое поднятием средней или передней части спинки языка, зависит от характера последующего гласного. Например, при широком *ə* сужение резонатора происходит минимально, при полушироком *o* — больше, а при узких *y* и *u* — максимально: ср. *һәм* 'и', *һәһәк* 'вилы', *һөт* 'молоко', *һойәк* 'кость', *һипкел* 'веснушки', *һис* 'отнюдь', *һуз* 'слово', *һул* 'сукровица', *һут-* 'распороть, разбирать'. Соответственно происходит и опереднение /h/: перед узкими *y* и *u* /h/ локализуется примерно в области передней части твердого нёба, перед *ə* — в задней его части, перед *ө* — в средней, перед *e* — между передней и средней его частью (ср. *һер* 'тайна', *һез* 'вы' и *һуз-* 'чувствовать', *һөр-* 'пахать').

В палатальном варианте к основной артикуляции присоединяется, таким образом, дополнительная артикуляция средней или передней части спинки языка. Это значительно меняет и акустический эффект — в данном случае заметно увеличивается шумность *h*, тогда как во всех остальных условиях *h* характеризуется придыханием, в том числе и в анлауте. В известной мере меняется также степень напряженности произносительных органов — она более заметна перед узкими *u* и *y* и в нисходящем порядке убывает при *e*, *ө*, *ə*, *y*, *o*, *a*.

Фонема /h/ относится к числу самых устойчивых и широкоупотребительных согласных, составляющих национальную специфику башкирского консонантизма. Лишь в отдельных регионах просторечия и в некоторых говорах она выпадает в анлауте: *һауа* > *ауа* 'воздух', *һәр* > *әр* 'каждый', *һаман* > *аман* 'все еще'. Это объясняется упомянутой ее легкостью, плавностью⁷, граничащей с обычным произвольным выдохом почти без участия голоса перед произношением последующего гласного, на артикуляцию которого настроены произносительные органы при его образовании.

ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ В ПОТОКЕ РЕЧИ

А С С И М И Л Я Ц И Я

Ассимиляцией называется уподобление одного звука другому. В тюркологии этим термином чаще всего обозначается изменение согласных в речевом потоке. Согласные могут уподобляться полностью или частично. Подвергаются изменению последующие или предыдущие согласные, происходит также взаимовлияние согласных. В соответствии с этим различают следующие виды ассимиляций: полная, частичная, прогрессивная, регрессивная, взаимная.

⁷ В некоторых южных говорах представлен вульгарно-ларингальный велярный *h* с элементом вульгарного *x* в словах типа *тах^xтамал* 'полотенце'.

Ассимиляция согласных чаще всего происходит на стыке корня или основы и аффикса или частицы, а также в условиях сандхи, если между словами отсутствует пауза.

ПРОГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ

При прогрессивной ассимиляции последующий звук подвергается воздействию предыдущего.

После глухих согласных начальный *д* аффиксов и частиц оглушается, а после согласных *р, з, й* и *у /в/, ү /в/* переходит в *з*, например: *тыш-та* 'на улице', *жош-тор* 'наверное, птица', *яр-зан* 'с берега', *тау-за* 'на горе', *бар-зы* 'ходил', *айыу-зай* 'как медведь'. Начальный *л* аффикса мн. числа *-лар* переходит в *т* после глухих согласных, в *д* после *л, м, н, ң, з, ж*, в *з* после *р, й, з, у/в/, ү /в/*: *таш-тар* 'камни', *кис-тэр* 'вечера', *урам-дар* 'улицы', *кул-дар* 'руки', *жор-зар* 'тетерева', *кой-зэр* 'мелодия', *утрау-зар* 'острова'.

Прогрессивная ассимиляция может быть 1) полной или 2) частичной, например: 1) *ат-тар* 'кони', *каз-зар* 'гуси', *кайт-ты* 'вернулся', *яз-зы* 'написал', *күк-кә* 'в небо', *йык-кан* 'свалил'; *с, з, ш* в диалектах и просторечии ассимилируют последующие *н, ң, з*: *эс-сез* < *эс-һез* 'без живота', *ас-саң* < *ас-һаң* 'если откроешь', *калмаç-сың* < *калмаç-һың* 'не останешься', *баш-шыз* < *баш-һыз* 'без головы'; 2) *яп-ты* 'закрыл', *жош-ка* 'к птице', *баш-та* 'на голове', *там-ды* 'кашнул'.

В башкирском языке установились следующие типы ассимилятивного варьирования аффиксов мн. числа, падежей, очевидного прошедшего времени, *-дай* и др., имеющих в начале *л* (за исключением словообразовательных *-лыж, -лы, -ла, -лай* и т. п.), *н* и *д*:

1) после глухих согласных корня или основы аффиксы начинаются с *т*: *иптәш-тең* (< *-нең*) 'у товарища', *хат-тар* (< *-лар*) 'письма';

2) после *л, м, н, ң, з, ж*, выступающих в конце корня или основы слова, данные аффиксы начинаются с *д*: *мал-дың* (< *-ның*) 'у скота', *тал-дар* (< *-лар*) 'ивы'.

3) после согласных *р, й, з, у /в/, ү /в/*, выступающих в конце корня или основы слова, данные аффиксы начинаются с *з* (< *н*): *боз-зоң* (< *-ның*) 'у льда', *кыз-зар* (< *-лар*) 'девочки, девушки', *каз-зы* (< *-ды*) 'копал', *тау-зай* (< *-дай*) 'с горы'.

В восточном диалекте четырехгласное варьирование *л-* в аффиксах проводится наиболее последовательно.

РЕГРЕССИВНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ

Изменение предшествующего звука под воздействием последующего называется регрессивной ассимиляцией. Этот вид ассимиляции в башкирском языке менее распространен по сравнению с русским.

Регрессивная ассимиляция может быть частичной (*төңгө* < *төнгө* 'ночной'; предыдущий *н* переходит в *ң* под влиянием последующего *г*; уподобление по месту артикуляции) и полной (*алғаммын* < *алғанмын* 'я взял', предыдущий *н* полностью переходит в *м* под влиянием последующего *м*).

Можно отметить следующие явления регрессивной ассимиляции:

1) межзубные *з* и *ç* в диалектах и разговорной речи полностью уподобляются последующему *с*: *кыргызса* < *кыргыз-са* 'по-киргизски', *килегессе* < *килегез-се* 'приходите же', *һүссән* < *һүз-сән* 'словоохотливый', *төссө* < *төç-сө* 'цвет же';

2) небно-зубный сонорный *н* переходит в заднеязычный сонорный *ң* в позиции перед *к, к, ғ, г*: *алдыңғы* < *алдын-ғы* 'передовой', *бөгөнгө* < *бөгөн-гө* 'сегодняшний', *иртәңге* < *иртән-ге* 'утренний'; это явление может быть и на стыке слов, между которыми отсутствует пауза: *һиң* (*һин*) *кайза* 'Где ты?'; *Кайзаң* (*кайзан*) *килгән?* 'Откуда он пришел?'; *Болаң* (*болан*) *кеүек елә* 'Несется как олень'; *уң* (*ун*) *кыз* 'десять девушек';

3) нёбно-зубный *n* переходит в губно-губной *m* в положении перед шумным губно-губным *b*: *ум бер* < *ун бер* 'одинадцать', *һикһәм биш* < *һикһән биш* 'восемьдесят пять', *тум бир* < *тун бир* 'дай шубу', *Бурамбай* < *Буранбай* (имя собств.), *кәмбағыш* < *көнбағыш* 'подсолнечник', *жәмбайыш* < *көнбайыш* 'запад', *кайымбика* < *кайынбикә* 'старшая сестра жены';

4) Сонорный *n* в разговорной речи часто полностью уподобляется последующему *m*: *кабаламма* < *кабаламма* 'не торопиться', *иреммә* < *иренмә* 'не лениться', *уйыммы был* < *уйынмы был* 'разве это игра';

5) в народно-разговорном языке аналутный *s* может полностью уподобиться ауслутному *ш*: *шукыш* < *сукыш* 'клюв', *шукеш* < *сукеш* 'молоток', *шатраш* < *сатраш* 'клетка', *шебеш* < *себеш* 'цыпленок', *шырыш* < *сырыш* 'морщинистый'.

ДИССИМИЛЯЦИЯ

Диссимилиация, или расподобление — явление обратное ассимиляции.

Случаи диссимилиации мало представлены в башкирском литературном языке. Примером может служить оформление глаголов аффиксами страдательного залога *-н*, *-ын/-ен*, *-он/-он* вм. *-л*, *-ыл/-ел*, *-ол/-өл*, если в основе глагола имеется звук *л*: *каплан* 'закрыться', *тышлан* 'быть облицованным', *һаплан* 'быть насаженным', *алын* 'быть взятым', *һалын* 'быть положенным'; ср. *ябыл* 'закрыться', *сәсел* 'быть засеянным', *укыл* 'быть прочитанным'. В восточном диалекте страдательный залог оформляется афф. *-н* чаще, так как здесь глаголообразующий *-ла* дает варианты с начальным *т*, *д*, *з* (*-та*, *-да*, *-за*): *каптал* 'закрыться', *тыштал* 'облицовываться', *һаптал* 'быть насаженным'.

В связи с этим можно отметить сохранение глухих согласных *т*, *к*, *к*, *п* и др. в позиции после сонорных согласных:

1) в корнях или основах: *ярты* 'половина', *ярка* 'половина', *алты* 'шесть', *иркен* 'свободный', *төлкө* 'лиса', *талкыу* 'мять', *йылкы* 'лошади', *ялкын* 'пламя', *күркә* 'индюк', *алтын* 'золото', *бүлкә* 'раздел', *ялкау* 'лентяй', *йолк* 'сорвать', *карта* 'кишка', *урта* 'средний', *бүртә* 'карий', *көйөнтә* 'кормысло', *йөнтәс* 'волосатый', *толпар* 'пегас', *өлкәр* 'Малая медведица', *һуллән* 'медленный', *һурпа* 'бульон', *арпа* 'ячмень', *кәрпек* 'ресница', *күрпә* 'шуба из шкур овец' и др.;

2) в формантах: *һөр-онтә* 'пахота', *ур-енте* 'поросль', *куш-ымта* 'добавка', *һыҫ-ымта* 'заключение', *эл-емтә* 'связь'.

В среднем говоре южного диалекта регулярно выступают глухие *т*, *к*, *к* после сонорных во всех морфемных частях слова, например: *контос* 'бобер' (лит. *контос*), *юлташ* 'спутник' (*юлдаш*), *тантыр* 'теплый' (*тандыр*), *ямкыр* 'дождь' (*ямғыр*), *еңкә* 'сноха' (*еңгә*), *дамка* 'знак, тавро' (*тамға*), *урамтан* 'с улицы' (*урамдан*), *таңка* 'к рассвету' (*таңға*), *иртәңке* 'утренний' (*иртәңге*), *туңқан* 'замерз' (*туңған*), *алдым* 'взял' (*алдым*), *уңды* 'уродился' (*уңды*), *тамты* 'кашнул' (*тамды*), *антай* 'такой' (*ундай*), *ул та һин тә* 'и он и ты', *барғантыр* 'может быть ходил' (*барғандыр*), *һин кенә* 'только ты' (*һин генә*), *язған ғына* 'ну и написал' (*язған ғына*).

МЕТАТЕЗА

Взаимное перемещение звуков в составе ряда слов на ассимилятивной и диссимилиативной основе более всего характерно для согласных. Явления метатезы обнаруживаются обычно при сравнении исторических, территориальных и других вариантов слов, например:

1) смежная метатеза: *тирбәл* — *тибрәл* 'колебаться', *темекеп* — *темекеп* 'рыскаль', *акһа* — *аска* 'хромать', *ышкы* — *ыжшы* 'тереть';

2) метатеза на расстоянии: *кымырска* — *кырмайска* 'муравей', *боларт* — *боралт* 'вносить беспорядок', *илгәзәк* — *изгәзәк* 'ласковый', *һыргый* — *һыйғыр* 'длинный (о дереве)', *балауыз* — *базауыл* 'воск'.

Могут перемещаться гласные и согласные, а также части слов: *ярлыка* — *ярлыкка* 'прощать', *алдығызмы* — *алдымығыз* (сев.-вост. говоры) 'взяли ли вы'.

СЛОГ И СЛогоВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Слово распадается на столько слогов, сколько гласных звуков в нем представлено. Каждый слог включает в себя один гласный. Являясь обязательным конституирующим элементом слога, гласный звук составляет его вершину независимо от состава и качества входящих в него согласных и своего местоположения в слого.

Слог может состоять и из одного гласного. Но чаще всего он включает в себя, кроме гласного, от одного до четырех согласных, расположенных в строго определенной последовательности, обусловленной правилами сочетаемости согласных в пределах слога.

По фонемному составу различаются следующие структурные типы слогов, характерные для башкирского и других тюркских языков.

1. Одна гласная (Г): *а-як* 'нога', *э-се* 'кислый', *ы-шык* 'укрытое, защищенное место', *э-йэк* 'подбородок', *о-йок* 'чулок', *ө-рө* 'навар', *у-сак* 'осина', *Ү-зән* 'долина', *и-ген* 'хлеб, злаки'. Этот тип слога, представленный всеми девятью исконными башкирскими гласными, чаще всего наблюдается в начале двусложных и многосложных тюркских слов. В немногих иноязычных именах он может быть, однако, в конце и в середине слова, не нарушая его границы, т. е. не образуя дифтонга: *киэ-фэт* 'облик', *тәрби-э* 'воспитание, уход'. Самостоятельную морфему представляет собой данный тип слога лишь в междометных *ә!* 'а!' и *и!* (первое означает догадку, второе — удивление, изумление) и в противительном союзе *э*. Кроме того, в качестве условной корневой морфемы данный тип слога используется в названиях гласных букв.

Рассматриваемый тип слога, представленный главным образом в начале исконно тюркских слов и в середине имен арабского происхождения, характеризуется устойчивостью независимо от последующей их агглютинации. Лишь в конце имен арабского происхождения при их осложнении аффиксами с начальным согласным он деформируется: *Фәни-э* — *Фәни-э+ң* > *Фәни-ән* 'твоя Фания'.

2. Согласная и гласная (СГ): *ал-ты* 'шесть', *ба-ла* 'ребенок', *кэ-мэ* 'лодка', *кө-ро* 'сухой', *сө-сө* 'пресный', *бы-уа* 'пруд', *кө-ше* 'человек', *бу-ға* 'бык', *ту-бэ* 'вершина, холм, крыша, кровля', *ти-ре* 'шкура'. Это один из наиболее распространенных типов слогов, характеризующийся прежде всего позиционной незакрепленностью и стабильностью своей структуры, исключая конечную позицию в немногих корневых морфемах и некоторых словоформ, где он деформируется при их наращении аффиксом с начальным гласным (ср. *ка-ра-* 'смотри', *ка-ра-й* > *ка-рай* 'смотрит', *бар-ма-й* > *бар-май* 'не ходит').

Данный структурный тип слога, как и предыдущий, крайне редко совпадает со структурой корневой морфемы; *ти-* 'сказать', *мә!* 'на!' *йә!* 'ну! ну-ка!', *йә* (союз) 'или, либо'. Зато он часто представляет собой аффиксальную морфему: *ал-ма* 'не бери', *ал-ды* 'взял', *без-зә* 'у нас', *без-зе* 'нас', *без-гә* 'нам'. Тем не менее чаще всего он встречается не в конце, а в начале и середине словоформы, в том числе в начале неодносложных корней. Согласные в интервокальном положении, представляющем наиболее типичные условия их реализации в ишлауте тюркского слова, при слогоделении обязательно тяготеют к последующему гласному. Этим объясняется высокая употребительность описанного типа слога в середине слова, тем более, что в башкирском языке исключено непосредственное сочетание двух гласных подряд не только в пределах слога, но и на стыке слогов.

Как и в остальных тюркских языках, оба рассмотренных типа открытого слога широко представлены в начале исконно тюркских слов, в том числе и в корневых морфемах.

3. Гласная и согласная (ГС) — кратчайший тип закрытого слога, характеризующийся позиционной закрепленностью, представлен значительным числом односложных исконных корней типа *аҫ* 'белый', *ай* 'луна', *ал-* 'брат', *аң* 'сознание', *ат-* 'стрелять, кидать, бросать', *ат* 'имя', *ат* 'лошадь', *аш* 'пища, суп', *ит* 'мясо', *ил* 'страна', *им* 'лекарство', *ин-* 'войти', *ир* 'мужчина', *иҫ* 'чувство, сознание', *иш* 'пара, ровня', *оп* 'мука', *өй* 'дом', *өң* 'берлога', *өи* 'звук', *өс* 'три', *ут* 'огонь', *үз* 'свой', *үл-* 'умирать', *үң* 'эмаль', *үп-* 'целовать', *үт* 'железь', *үс* 'месть', *эз* 'след', *эс* 'живот', *эт* 'собака', *эш* 'работа', *эз* 'мало' и в начале многих двусложных и многосложных слов типа *инде* 'теперь', *иңкеш* 'пшмель', *урта* 'середина', *иҫке* 'старый', *иртә* 'рано, утро', *иркә* 'изпеженный', *өлгө* 'пример, образец, модель', *өлгөр* 'проворный, ловкий'.

В остальных позициях этот тип слога не может быть представлен. К тому же он, как и всякий закрытый слог, в односложных корнях при их осложнении аффиксом с начальным гласным неизбежно деформируется — конечная согласная переходит в состав последующего слога, превращая тем самым закрытый слог в открытый: *ат* 'лошадь', — *а-ты* 'его, ее лошадь', *ал-* 'брат' — *а-ла* 'берет', *аҫ* 'белый' — *а-гырак* 'белее', *эз* 'мало' — *э-зәрәж* 'меньше'. Структура данного типа слога стабильна лишь в единичных морфологически неизменяемых корневых морфемах типа *эй!* 'эй! уф! ох!', *аһ!* 'эх!, ох!'.

4. Гласная, сонант и шумная глухая согласная (ГСС) — сравнительно редкий морфонологически строго ограниченный тип закрытого слога (предполагает сочетаемость исключительно названных двух типов согласных), закрепленный за немногими корневыми морфемами типа *арт* 'задний, тыл, задняя сторона', *ант* 'клятва', *эйт-* 'сказать', *илт-* 'доставить (туда)', *ирк* 'свобода', *орк-* 'встрепенуться, шарахнуться в сторону, испугавшись (о животных, обычно о лошади)', *урт* 'десна, мышцы щеки, прижимающиеся к десне', *урт* 'пал', при осложнении которых соответствующими аффиксами деформируется, превращаясь в предыдущий тип закрытого слога (ср. *арт* 'задняя сторона' — *ар-ты* 'его, ее задняя сторона', *эйт-* — *эй-тә* 'он говорит', *илт-* 'доставлять' — *ил-теп бир* 'доставь туда и вручи').

5. Согласная, гласная, согласная (СГС) — один из наиболее распространенных типов закрытого слога, структурно совпадающий с самым значительным числом корневых морфем типа *баш* 'голова', *бар* 'есть', *бир-* 'дай', *бер* 'один'. Характеризуется позиционной незакрепленностью. В конце слова при его осложнении аффиксом с начальным гласным деформируется: *биш* 'пять' — *би-шен-се* 'пятый', *кил-* 'приходить' — *ки-лә* 'он, она приходит', *бар-маж* 'палец' — *бар-ма-ғым* 'мой палец'.

6. Согласная, гласная, сонант и глухая согласная (СГСС) — один из редко встречающихся типов закрытого слога, в котором представлены немногие корни: *бирт-* 'повредить что-л.', *бурк* 'шапка', *бурт-* 'набухать', *дурт* 'четыре', *дәрт* 'душевный подъем', *жарт* 'старый', *корт* 'сугроб', *кайт-* 'возвращаться', *жорт* 'червь, пчела', *курж-* 'испугаться', *кырк* 'сорок', *мурт* 'хрупкий', *мәрт* 'летаргия', *тарт-* 'тянуть', *төрт-* 'тыкать', *һырт* 'спина', *һорт-* 'вытереть' и довольно многочисленный состав звукоподражательных слов типа *шарт* 'трах', *гәрс* 'бух' и некоторые образоподражательные слова подобно *йалт-йолт* 'сверкая'. Включая в себя конечные согласные строго определенного характера, этот тип слога позиционно закреплен в корневых морфемах. При их осложнении аффиксом с начальным гласным он деформируется — замыкающая его согласная переходит в последующий слог: *дурт* 'четыре' — *дур-те* 'четвертое число', *төрт-* 'тыкать' — *төр-тә* 'тыкает'.

Таким образом, структурной устойчивостью характеризуются в башкирском языке лишь открытые слоги. Все типы закрытых слогов в процессе агглютинации преобразуют свою структуру как в односложных корнях, так и в конце двусложных и многосложных слов. Они стабильны лишь в составе морфологически неизменяемых слов, в частности в междометиях, зву-

коподражаниях, образоподражаниях и служебных частях речи, частицах, послелогах, союзах, модальных словах. Таких слов со стабильным составом слоговой структуры в целом не очень много. И, напротив, слова с подвижным слогоделением занимают доминирующее положение. Соответственно возрастает удельный вес производных слогов, возникающих на стыке корневой морфемы и аффикса в результате перехода замыкающего ее согласного в последующий вновь образуемый слог во главе с инициальным гласным аффиксальным. Это касается особенно открытого слога типа СГ (за счет преобразования закрытых слогов типа ГС, ГСС и СГС), получившего в речи самое широкое распространение. Но употребительности за ним следует закрытый слог типа СГС. Самую меньшую сферу распространения имеет закрытый слог типа ГСС. Предпоследнее место по употребительности занимает закрытый слог типа СГСС.

В конце слога допускается сочетаемость двух согласных лишь в случае, если первая из них является сонантом, а вторая глухой (см. п. 4, 6). Во всех остальных случаях смежные согласные внутри слова распределяются по разным слогам: *ал-ма* 'яблоко', *таш-баш* 'пескарь', *кыр-рын* 'мор', *тук-хан* 'девятисто'. При стечении трех согласных на стыке слова и аффикса слоговая граница проходит перед конечным из них: *карт-тар* 'старики', *эйт-тек* 'мы сказали', *кырк-лап* 'около сорока'. В начале слога не допускается стечение двух согласных, исключая лишь окказиональные слоги типа *к(е)ше* 'человек', возникающие в беглой речи в определенных синтаксических позициях.

За последние десятилетия в связи с неуклонным расширением состава заимствований из русского языка по мере массового их освоения в условиях возрастающего двуязычия постепенно стали осваиваться новые структурные типы слогов, ранее подвергавшиеся адаптации в соответствии с описанными основными нормами башкирского слогоделения:

- 1) согласная, согласная и гласная (ССГ): *шпа-гат*, *шпи-он*, *ста-нок*;
- 2) согласная, согласная, гласная и согласная (ССГС): *шкаф*, *срок*, *стаж*, *трак-тор*, *трам-вай*, *шнур*, *шлак*, *клуб*;
- 3) согласная, согласная, согласная, гласная, согласная (СССГС): *шпрот*, *штраф*.

В иноязычных заимствованиях в конце слога может быть две согласных фонемы, независимо от их качества: *кокс*, *митинг*, *ленинизм*, *акт*, *факт*, *спирт*, *штурм*.

Слогоделение с морфемным членением не совпадает. Поэтому конечные закрытые слоги в иноязычных заимствованиях при их агглютинации деформируются на общих основаниях — замыкающая их согласная переходит в состав вновь образуемого слога во главе с инициальным аффиксальным гласным на общих основаниях: *тракторист* — *тракторист-ы* > *тракторист-ты* 'тракториста' (вин. п.). Закрытые конечные слоги при агглютинации деформируются и в двух других случаях, когда аффикс не имеет аллофона с начальным гласным: 1) из двух одинаковых конечных согласных одна выпадает: *клас-һыз* 'бесклассовый', *грам-ға* 'грамму', *метал-лы* 'содержащий металл', 2) конечные *д* и *т* из звукосочетания *эд*, *ст*, замыкающего иноязычное слово, при агглютинации выпадают: *поез-да* 'в поезде', *халк артист-е* 'народный артист'.

Слоговая структура слова составляет основу его акцентно-ритмического строения, находящегося с ней в единстве и взаимодействии. Слог является предельной составляющей в акцентно-ритмической структуре слова, характеризующейся акцентностью. Слогоделение, сопровождаемое интонационным членением слова по слогам при резком выделении ударного слога в ущерб акцентно-ритмическим характеристикам неударных слогов, сохраняется в любом случае реализации данного слова, хотя в зависимости от его синтаксических позиций общее интонационное соотношение слов внутри синтагмы и предложения и обнаруживает резкие колебания. Акцентно-ритмическое соотношение ударного и неударных слогов, как и вообще их инто-

национная градация, остается при этом неизменным. В зависимости от синтаксической позиции слово в синтагме и предложении меняется лишь количественно: когда слово занимает зависимое синтаксическое положение, его общий интонационный облик резко ослабевает; когда же оно стоит в синтаксически ведущем положении и актуализируется, напротив, получает оптимальную просодическую характеристику, предельно увеличивая свою общую длительность и акустическую четкость. И в том, и в другом случае соблюдается одно и то же общее исходное акцентно-ритмическое соотношение слогов.

Корни преимущественно односложны. Но из них лишь очень немногие функционируют вне сочетания с аффиксами как на уровне лексическом, так и, в особенности, на уровне словоизменительной морфологии. Соответственно даже лексические основы башкирских слов в целом характеризуются многосложностью, не говоря уже об их грамматических формах, особенно глаголы и имена существительные, из которых первые при словоизменении могут получить до пяти и более дополнительных слогов (ср. *эш-ләт-мәгән-һе-гез* 'вы не заставили работать'). Особенной многосложностью отличаются, естественно, сложные слова, занимающие в башкирской лексике значительное место (1), а также производные лексические единицы, созданные способом редупликации (2). Ср.: 1) *аккош* 'лебедь', *алабалык* 'сиг', *алабуга* 'окунь', *алъяпкыс* 'фарук, передник', *ашказан* 'желудок', *ашъяулык* 'скатерть', *баш-баштаклык* 'самоуправство', *башваткыс* 'головоломка', *башкисәр* 'головорез', *баштүбән* 'головой вниз', *гәлләмеш* 'шиповник', *йыланбалык* 'угорь', *карабойзай* 'гречиха', *караганат* 'подлещик', *кулъяулык* 'носовой платок', *кызылганат* 'красноперка', *терегәмеш* 'ртуть', *урымбаһар* 'заместитель', *юлбаһар* 'разбойник', 2) *аркыры-торкоро* 'крест-накрест; как попало', *ашык-бошоҡ* 'наспех, торопливо', *берәм-һәрәм* 'порознь', *иске-моҫҡо* 'старье, рухлядь, ветошь, хлам', *кап-кара* 'черный-пречерный', *кып-кызыл* 'красный красный', *соҡор-саҡыр* 'ухабистый', *тишек-тошоҡ* 'изрешеченный дырами', *урык-һурык* 'урывками'.

Многосложностью характеризуются также и некоторые производные слова аффиксального происхождения: ср. *баксасылык* 'садоводство', *купселек* 'большинство', *какшаткыс* 'расшатывающий', *коткарыусы* 'спаситель', *тәмһезләндер-* 'обезвкусить, сделать невкусным', где производящая основа обрастает рядом слогов, из односложной лексемы превращается сразу в трехсложное слово (*куп-селек*). При этом обращает на себя внимание наличие целого ряда двусложных деривационных аффиксов: ср. *дүртәү-ләшеп* 'четвером', *күмәк-ләшеп* 'совместно', *йом-оро* 'круглый', *бөк-өрө* 'горбатый', *борол-малы* 'извилистый', *йыйыл-малы* 'складной', *тай-галак* 'скользящий', *кой-гәлләк* 'беспокойный', где это особенно бросается в глаза при односложных производящих основах-корнях. При аффиксальном способе словообразования иногда происходит сокращение последнего слога двусложной или многосложной производящей основы: ср. *соскәлтәм* 'пресноватый' от *сәсә* 'пресный', *һаргай-* 'желтеть' от *һары* 'желтый'.

Слоговая структура слова, обусловленная составом гласных в нем, находится в тесном взаимодействии с акцентно-ритмическим его строением.

УДАРЕНИЕ

Ударение в башкирском языке, которое принято считать обычно экспираторным¹, по существу является экспираторно-квантативным: оно заключается не только в резком усилении экспирации ударного слога по сравнению с неударным, но и в одновременном увеличении его длительности чуть ли не вдвое, как в этом можно убедиться хотя бы на основании экспериментальных данных².

Ударение падает на последний слог слова и характеризуется подвижностью — при аффиксации последовательно переходит на вновь образуемый слог, замыкающий словоформу: *балá* 'ребенок', *балалáр* 'дети', *балаларга́* 'детям'.

Исключения.

1. неподвижное ударение на первом слоге имеют морфологически неизменяемые слова следующего рода:

1) сложные наречия типа *бары бер* 'все равно', *көнө-төнө* 'днем и ночью', *көнө буйы* 'весь день', простые наречия *яңы* 'только что', *тамам* 'окончательно', *хәзер* 'сейчас', *һаман* 'все еще', *күпме* 'сколько ни' и прилагательные, например *барлыҡ* 'весь';

2) вопросительные местоимения *күпме* 'сколько', *кайза* 'где', *кайһы* 'который', *калай* 'как, каким образом', *касан* 'когда', *нисә* 'сколько', *нисек* 'как, каким образом', *ниндәй* 'какой', *нимә* 'что', *кемдәр* 'кто', *кемегез* 'кто из вас' и т. п., а также производные формы, образованные от них типа *кайзан* 'откуда', *кайзағы* 'находящийся где', *кайһыһы* 'который из них', *касанға* 'на какое время', *касанғы* 'к какому времени относящийся', *касанаң* 'с каких пор', *нисәнсе* 'который по счету', *нисәне* 'сколько из них', *нисегерәк* 'приблизительно как', *ниндәйерәк* 'какой примерно', *кемдәргә* 'кому', *кемдәрегеҙ* 'кто из вас';

3) союзы *тағы* 'еще', *берсә* 'то', *бәлки* 'но', *йәғни* 'то есть', *хатта* 'даже', *сөнки* 'потому что', *ләкин* 'но', *гәрсә* 'хотя', *ғүйә* 'будто, как будто';

4) усилительная частица *лабаһа* / *ләбаһа* (*дабаһа* / *дәбаһа*, *забаһа* / *зәбаһа*, *табаһа* / *тәбаһа*).

2. На первый слог ударение ставится для придания слову большей выразительности:

1) для усиления значения формы 2-го лица повелительного наклонения: *Башла!* 'Начинай!', *Ултырығыз!* 'Садитесь!', *Ташлағыз!* 'Бросьте!';

2) для выражения перечисления с соответствующей интонацией: а) при счете в двусложных количественных числительных: *бер, ике, өс, дүрт, биш, алты, ете, һиҗез, түғыз...* 'раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять...'; б) в однородных членах, сопровождаемых обычно обобщающим словом: *бәренсә, икенсә, Һөнсә, дүртенсә класс укыусылары* 'ученики первого, второго, третьего, четвертого классов';

3) для усиления значения кратности или длительности действия при повторении спрягаемых форм глагола: *Бөгөлөп, бөгөлөп көләләр* 'Сильно (букв.: то и дело нагибаясь) смеются'; *Укыным, укыным, бер нәмә лә аңламаным* 'Я читал, читал, но ничего не понял'; *Эзләнем, эзләнем, ләкин таба алманым* 'Я искал, искал, но не нашел'.

3. неподвижное ударение на предпоследнем слоге имеют:

1) производные наречия на *-са/-сә* и *-дай/-дәй*, *-тай/-тәй*, *-зай/-зәй*, *-лай/-ләй*: *башкортса* 'по-башкирски', *ауылса* 'по-деревенски', *әүлгесә* 'по-прежнему', *бүрләй* 'как волк', *аттай* 'как лошадь';

¹ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 40; Киекбаев Ж. Ф. Башкорт эзби теленең дәрәҗә эйтелеше. Офе, 1964, с. 62.

² Шариф Г. Совокупная длительность татарских гласных. — Вестник научного общества татароведения. Казань, 1928, № 8, с. 201—227.

2) производные прилагательные-неологизмы на *-ик*, образуемые от иноязычных основ путем отсечения их окончаний и аффиксации: *социалистик* 'социалистический', *практик* 'практический', *экономик* 'экономический'.

4. Неподвижное ударение не на последнем слоге сохраняют вновь освоенные заимствования из русского языка независимо от возможности расширения состава их слогов за счет аффиксации: *газэ́та* — *газэ́тала* 'в газете', *ра́дио* — *ра́дионап* 'по радио', *тра́ктор* — *тра́кторзар* 'трактора'. Из ранее освоенных иноязычных заимствований этим свойством обладают лишь отдельные фарсизмы типа *háммэ* 'весь' (ср. *háммэ́не* 'каждый', *háммэ́гез* 'каждый из вас', *háммэ́без* 'каждый из нас').

5. Неподвижное ударение на последнем слоге своего первого компонента имеют двухкомпонентные слова и грамматические формы с полуслитным написанием:

1) все типы повторов со стабильной слоговой структурой: а) звукоподражания и образоподражания типа *шау-шыу* 'галдеж, шум, гам', *шылыр-шылыр* (*аф-*) '(течь) журча', *шыптыр-шыптыр* 'шурша, шелестя', *ялт-йолт* 'сверкая с переливами'; б) наречия и прилагательные, образованные путем простой или морфологизированной и морфонологизированной редупликации типа *илке-налкы* 'лениво', *урык-хурык* 'урывками', *а́зда-һанда* 'там-сям', *аз-маз* 'понемногу, мало-помалу', *урынлы-урынлыз* 'невнопад', *күзмэ-күз* 'не взирая ни на что', *көпэ-көндөз* 'среди белого дня', *гүмер-гүмергэ* 'во веки веков', *борон-борондан* 'издавна, издревле, испокон веков', *туйыр-туймас* 'ни сыт, ни голоден, недоедая', *ашар-ашамас* 'есть, едва прикасаясь к пище', *эсер-эсмэс* 'пить, едва пригубливая', *ашык-бошок* 'наспех, торопливо, кос-как', *аркыры-торжоро* 'крест-накрест, вкось и вкривь', *берэм-һэрэм* 'порознь, поодиночке, по одному', *борма-борма* 'изгибами, изгибистый', *буй-буй* 'полосатый, в полоску', *тишек-тошок* 'дырявый, ветхий', *бульыр-булмас* 'сомнительный'; в) формы интенсива прилагательных, представляющие редупликацию первого их слога с вставкой структурной морфемы *п*, *м*: *кып-кызыл* 'красный-красный', *кап-кара* 'черный-пречерный', *йэм-йэшел* 'зеленый-презеленый'; г) редуплицированные формы деепричастия на *-а/-а/-й*: *ашыга-ашыга* 'торопясь', *эшлэй-эшлэй* 'работая', д) синтаксический интенсив прилагательных типа *оло-оло* (*өйзэр*) 'большие-большие (дома)';

2) копулятивные сложные слова: а) деепричастия с полуслитным написанием их компонентов типа *йөгорэ-атлай* 'почти бегом', *бата-сума* 'погружаясь', *этеп-төртөп* 'расталкивая', *тирләп-бешеп* 'обливаясь потом'; б) наречия и прилагательные типа *аллы-артлы* 'гуськом', *арлы-бирле* 'туда-сюда', *аллы-гөллө* 'цветастый', *бөтмэс-төкәнмэс* 'нескончаемый', *эзме-күпме* 'более или менее'.

6. В своей словарной (нулевой) форме ударение на последнем слоге первого компонента имеют также и следующие типы двухкомпонентных слов, в которых, однако, оно на общих основаниях переносится на последний слог при увеличении состава слогов в результате аффиксации:

1) копулятивные сложные существительные с полуслитным написанием их компонентов, именуемые обычно парными словами: *ағай-эне* 'родня', *азык-тулек* 'провизия, еда (всякая)', *алым-һалым* 'налоги', *атай-эсэй* 'родители', *бала-саға* 'детвора', *бәлә-жаза* 'бедствие', *катын-кыз* 'женщины';

2) существительные с собирательным ироническим значением, образованные путем морфонологизированной редупликации с полуслитным написанием их компонентов: *ақһақ-туқһақ* 'разные хромые', *карт-коро* 'старички всякие', *карсык-жорсок* 'старухи всякие', *малай-шалай* 'мальчишки', *сожор-сажыр* 'рытвины и ухабы', *тимер-томор* 'железные изделия всякие';

3) сложные существительные: а) в основе которых лежит сочетание прямого дополнения с глаголом: *бозваткис* 'ледокол', *илбасар* 'разбойник', *урынбасар* 'заместитель'; б) первый компонент которых выражен количественным определением: *бишбармак* — название национального блюда, *есмой өш* 'треугольник', *күпмойөш* 'многоугольник' (но: *кырғаяк* 'мокрица');

в) второй компонент которых представляет архаичную форму имени действия на *-ыш/-еш*: *консыгыш* 'восток', *конбайыш* 'запад', *конбагыш* 'подсолнух';

4) значительная часть определительных сложных существительных типа *бибабу* 'кушак', *ташаяк* 'глиняная посуда', *алабалык* 'еиг', структурно организованные по образцу слов типа *табагас* 'сковородник'; *акнакал* 'аксакал', *акжош* 'лебедь', *гөлийемеш* 'шиповник', имеющих ударение на последнем слоге на общих основаниях.

7. Всегда безударны: 1) аффиксы сказуемости, при наличии которых имя сокращает свое исходное ударение: а) на последнем слоге: *языусымын* 'я писатель', *бәхетләнең* 'ты счастлив', *таныйшыгыз* 'вы знакомы', *ужытыусыбыз / ужытыусыларбыз* 'мы учителя', б) не на последнем слоге: *урынбасарлыгыз* 'вы заместитель', *акнакаллыгыз* 'вы аксакалы', *юлбасарның* 'ты разбойник';

2) аффиксы категории лица при спрягаемых формах глагола, замыкающие его словоформу и занимающие заударное положение: *баргайның* 'ты ходил', *йоклаганмын* 'я оказывается спал', *ужыныгыз* 'вы читали', *барасаклыгыз* 'вы пойдете', *барырман* 'я пойду', *килһәгез* 'если придете';

3) заударные деепричастные аффиксы (*-гансы/-гәисе*, *-кансы/-кәисе* и *-ганса/-гәисә*, *-канса/-кәисә*), выражающие ограничительное предшествование или сравнение (первый) и образ действия с элементами сравнения (второй), замыкающие словоформу глагола: *туйғансы* (*-аша-*) '(есть) досыта', (*мин*) *әйткәнсә* (*әшлә*) '(работай) так, как это предложил (я)';

4) заударные аффиксы повелительного (*-һың/-һең*, *-һындар/-һендәр*, *-ыгыз/-егез*) и желательного (*-йым/-йем*, *-айым/-әйем*; *-йык/-йек*, *-айык/-әйек*) наклонений, замыкающие словоформу глагола: *ужыһын* 'пусть читает', *караһындар* 'пусть посмотрят', *барыгыз* 'идите', *баилайым* 'начну-ка', *барайык* 'пойдемте-ка', 'давайте пойдём';

5) заударный отрицательный афф. *-ма/-мә*, после которого могут быть аффиксы с гласными, в других случаях несущие с собой ударение: *ужыма* 'не читай', *ужыманык* 'мы не читали', *тыңламағанлыгыз* 'вы не слушали', *килмәһәгез* 'если не придете'.

Односложные знаменательные слова по ударению приравниваются к ударному слогу двусложных и многосложных слов.

Ударный и неударный слоги слова просодически поляризованы.

На первом слоге многосложных словоформ, особенно открытом, проследживается второстепенное ударение³; *ба-ла-лар-зы-кы* 'принадлежащий детям', *а-сык-кан-лык-тан* 'из-за голода'.

Безударные слоги многосложного слова имеют восходящую просодическую градиацию, в том числе и по длительности произношения. По мере удаления от места ударения они получают все менее четкую просодическую характеристику, исключая лишь первый слог со второстепенным ударением. В этом отношении особняком стоят сложные слова и повторы, в которых ударение падает на последний слог их первого компонента: последний слог второго их компонента имеет второстепенное ударение, просодически мало чем отличающее его от неударного слога первого компонента; неударный же слог второго компонента имеет самую минимальную просодическую характеристику. Ср. *ка-ра-гус-кыл* 'темного оттенка', *кап-ма-кар-шы* 'полярно противоположный', *йәшел-зәңгәр* 'медный купорос'. С точки зрения акцентно-ритмической все эти и сходные слова обнаруживают полный изоморфизм с синтагмой, включающей в себя синтаксически ведущее и зависимое слово, в частности сочетание знаменательного слова с двусложным последогом или частицей: ср. *һинең өсөн* 'ради тебя', *килде ләбәһа* 'пришел же'.

В сложных глагольных формах с раздельным написанием компонентов наблюдается такое же акцентно-ритмическое строение: *бара инем* 'я шел; пошел бы', *баргайным* 'я ходил', *бара торгайнык* 'мы бывало ходили'.

В сложных словах и повторах с ударением на конечном их слоге второстепенное ударение возникает на последнем слоге первого их компонента:

³ Дмитриев П. К. Указ. соч., с. 41.

егерме биш 'двадцать пять', *алабуга* 'окунь'. В этом случае минимальную просодическую характеристику получает неударный слог первого компонента. Ударный же его слог приравнивается в этом отношении к неударному слогу второго компонента, несущего в себе словесное ударение.

Данный тип акцентологии в свою очередь находит полный изоморфизм с интонационной иерархией, характерной для двухкомпонентных определительных словосочетаний с окситонным выделением ударного слога определяемого слова. Интонационное соотношение компонентов сложных слов, аналитических грамматических форм и повторов, как и вообще неударных слогов тюркской многосложной словоформы во многом являет собой своеобразную сложную систему, не отраженную в существующей специальной литературе.

Централизующее ударение, которое падает на один из компонентов сложного слова, влияет на интонационную природу другого компонента по-разному, в зависимости от общего числа слогов сложного слова и характера фонем на стыке слагаемых компонентов. Так, односложные производящие основы, расположенные перед компонентом, который несет с собой централизующее ударение, обычно сливается с ним таким образом, что сложное слово в принципе ничем не отличается с точки зрения своей интонации от «простого» двусложного или многосложного слова, особенно если на стыке компонентов возникают благоприятные морфонологические условия для их интонационного слияния в единое слово, в частности сочетание гласного с согласным или наоборот, сочетание сонорного согласного с шумным согласным и т. п.: *Ағизел* 'Белая' (название реки), *аръяк* 'та, противоположная сторона', *алъякыс* 'фартук', *ашъяулык* 'скатерть', *берауык* 'немного, некоторое время', *бербыуып* (мат.) 'одночлен', *бергауым* 'немного, несколько', *бөгөн* 'сегодня', *бытып* 'в этом году', *зурат* 'продолговатая большая копна снопов в поле', *елгыуар* 'ветрогон', *уз-ара* 'между собой, обоюдно', *узйөрөшлө* 'самоходный', *кулбаи* 'плечо', *кушаға* 'собрат, приятель'. Лишь при появлении на стыке компонентов сложного слова необычного сочетания согласных типа *арт һан* 'задняя часть' (туши), *башжога* 'главный сват', *ташбаи* 'пескарь' ощущается заметная пауза между двумя производящими основами.

Двусложные и многосложные производящие основы под влиянием централизующего ударения, падающего на другую производящую основу, резко сокращают свою длительность, сохраняя, однако, свое обычное интонационное членение (1), но при наличии названного рода благоприятных фонеморфологических условий и в данном случае нередко наблюдается интонационное слияние компонентов (2): 1) *ташбака* 'черепаха', *коштабак* 'деревянная миска', *азыктамыр* 'корнеплод', 2) *алмагас* 'яблоня', *Жаризел* 'название реки', *алабуга* 'лебедя', *табарас* 'сковородник'.

Описанное интонационное соотношение компонентов обнаруживают и аналитические формы: ср. *килд инек* 'мы шли (сюда)', *алыр инем* 'я бы взял', *кайтаны ине өйгә* 'вернуться бы домой'.

Производные слова и формы слов, образованные способом редупликации, обычно имеют централизующее ударение на первом компоненте, при этом другой компонент неизменно сохраняет свое интонационное членение по слогам и отграничивается от первого ударного компонента заметной паузой. Такое своеобразие интонационного рисунка вызвано, очевидно, фонеморфологическим противопоставлением ведущего компонента другому компоненту: ср. *аппак* 'белый-пребелый', *йәм-йәшел* 'зеленый-презеленый', *тимер-томор* 'всякие железные изделия', *аз-маз* 'понемногу, мало-по-малу', *акһак-туһак* 'всякие хромые и другие калески', *берәм-һәрәм* 'порознь', *тишек-тошон* 'дырвый, ветхий'.

В зависимости от синтаксической роли слова его ударный слог может стать носителем логического ударения в рамках предложения или словосочетания: *Мин бәрманым ул кәндө* 'В тот день я не ходил', *ситтән өсөнсө* 'третий с краю'.

БАШКИРСКИЙ АЛФАВИТ И ОРФОГРАФИЯ

Письменность башкир до 1930 г. основывалась на арабском алфавите, который в 1930 г. был заменен латинским, а с 1940 г. — русским, дополненным буквами *ґ, җ, ҙ, ҫ, һ, Ҡ, Ө, Ү, Ә* для обозначения специфических башкирских фонем.

СОВРЕМЕННЫЙ БАШКИРСКИЙ АЛФАВИТ

Таблица 3

Буквы	Название букв	Буквы	Название букв	Буквы	Название букв	Буквы	Название букв
А а	а	Й й	кыҫка «и»	Р р	эр	Шш	ша
Б б	бә	К к	ка	С с	эс	Щщ	ща
В в	вә	Ҙ Ҙ	кы	Ҫ ҫ	ҫә	Ъъ	калынлык билдәһе
Г г	гә	Л л	эль	Т т	тә	Ыы	ы
Ғ ғ	ғы	М м	эм	У у	у	Ьь	йомшаклык билдәһе
Д д	дә	Н н	эн	Ү ү	ү	Ээ	э
Ә ә	ә	Ң ң	эң	Ф ф	эф	Өө	ө
Е ө	е	Ц ц	эц	Х х	ха	Юю	ю
Ё ё	ё	О о	о	Һ һ	һа	Яя	я
Ж ж	жә	Ө ө	ө	Ц ц	цә		
З з	зә	Ҫ ҫ	ҫә	Ч ч	чә		
И и	и	П п	пә				

Буквы *ё, ц, щ* употребляются лишь в заимствованиях из русского языка в соответствии с нормами русской орфографии.

Буквами *а, д, ҙ, ж, з, и, й, җ, к, л, м, н, ң, п, р, с, ҫ, т, ф, х, һ, ч, ш, ә* обозначаются строго определенные отдельные фонемы (в этом случае в основе правописания лежит последовательно проводимый фонологический принцип). Буквы *б, г, ғ* также соотносятся с определенными фонемами: *бабай* 'дед', *гол* 'цветы (комнатные)', *ағас* 'дерево'. Но они используются и для обозначения звонких аллофонов соответствующих копечных корневых глухих согласных: *шәп* 'хорошо, быстро' — *шәб-ерәк* 'лучше, быстрее', *түк* 'вылить' — *түг-ел* 'вылиться', *аҡ* 'белый' — *ағ-ыраҡ* 'белее'. Отражая, таким образом, фонетическое совпадение фонемы с аллофоном другой фонемы, правописание в данном случае строится на чисто фонетическом принципе — за буквой в конечном итоге оказывается закрепленным определенный звук, а не фонема. Буква оказывается однозначной лишь на фонетическом уровне и двузначной на фонологическом.

Буквами *в, е, о, у, ү, э, ы, ю, я* обозначаются две разные фонемы, отнюдь не совпадающие также и на фонетическом уровне.

в в анлауге исконно башкирских слов обозначает губно-губной среднеязычный велярный (*ваҡ* 'мелкий') или палатальный (*вәғәҙә* 'обещание') сонант, передаваемый в других позициях соответственно буквами *у* и *ү* (*жауын*

'дыня', *кеук* 'подобно, похоже', *арьу* 'сносный', неплохой', *килеу* 'приход, прибытие'), а в заимствованиях соответствует русск. *в* (*вагон, Волга*).

е в аялауте исконно башкирских слов обозначает йотированное сочетание *й+е* (*ел* 'ветер'), в остальных позициях — полуузкий передний неогубленный краткий гласный (*кеше* 'человек'), передаваемый в аялауте буквой *э* (*эш* 'работа'), исключая русские заимствования, где соответствует русск. *е* (*кремль, орден*).

о обозначает в исконно башкирских словах слабоогубленный полуширокий гласный заднего ряда (*оло* 'большой'), а в русских заимствованиях русск. *о* (*колхоз, комсомол*).

у в интервокальном положении и в аялауте после *а, ы* и *о* соответствует губно-губному среднеязычному всляриному сонанту (*һауа* 'воздух', *аһау теш* 'коренной зуб', *байы-* 'богатеть', *ос-* 'летать'), в остальных позициях обозначает полуузкий слабоогубленный гласный заднего ряда (*ут* 'огонь', *туң* 'мерзлый').

ү в интервокальном положении и в аялауте после *э, ө*, и *е* соответствует палатальному варианту губно-губного среднеязычного сонанта (*сеү* 'тише, перестать', *сеүәтә* 'деревянная чаша'), в остальных позициях обозначает слабоогубленный гласный переднего ряда (*үс* 'месть', *күз* 'глаз').

э в аялауте исконно башкирских слов обозначает негубной полуузкий краткий гласный переднего ряда, который в середине и конце слова передается буквой *е* (*эре*), а в заимствованиях из русского языка сохраняет свое исконное значение (*экзамен, электр, электричество*).

ы обозначает в исконно башкирских словах полуузкий негубной краткий гласный заднего ряда (*ырзын* 'гумно', *асы* 'кислый'), а в русских заимствованиях сохраняет свое исходное значение, но воспринимается и произносится как сочетание башкирского гласного *ы* с последующим *й* (пишется: *музыка*, произносится: *музыка / музйкы*).

ю в зависимости от сингармонизма обозначает либо *й+у* (*юк* 'нет'), либо *й+ү* (*юкә* 'липа'). В исконно башкирских словах и словоформах *ю* употребляется, как правило, в первом из этих двух значений; в заимствованиях из русского языка применяется в соответствии с русским правописанием (*июль, июнь, юбилей*).

я обычно обозначает *й+а* (*ял* 'грива', *таяк* 'палка', *картаямын* 'старсю'), и лишь в иноязычных заимствованиях типа *ясле* 'ясли', *Суфия* (жен. имя) соответствует йотированному сочетанию *й+э*.

Не однозначны по своему употреблению мягкий (ь) и твердый (ъ) знаки. Они выполняют три функции: 1) в заимствованиях из русского языка используются по своему исконному назначению в соответствии с нормами русского правописания: *большевик, адъютант*; 2) после конечного согласного первого компонента сложного слова перед йотированным гласным *я* второго его компонента выполняют разделительную функцию — отграничивают чаще всего сингармонически разные компоненты друг от друга: *алъялкыс* 'фартук', *ашъяулык* 'скатерть', *жульязма* 'рукопись', *көнъяк* 'юг', *төнъяк* 'север'; 3) в арабизмах *тәъмин* 'снабжение', *тәъсир* 'влияние', *Мәъмунә* (жен. имя), *Мәъминә* (жен. имя), и отдельных словах звукоподражательного происхождения типа *мәъмай* 'собака' (в языке детей), *мәъләдә* 'блеять' обозначают гортанную смычку-отступ (гамзу) после первого открытого слога, четко отграничивая его от последующего слога (например, *мәсъәлә* 'задача, проблема', где такой смычки нет и мягкий знак применяется по старой орфографической традиции для графического выделения гамзы).

ХАРАКТЕР И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПИСЬМА

В 1940—1941 гг. на основании указа Президиума Верховного Совета Башкирской АССР от 23 ноября 1939 г. одновременно с новым алфавитом был введен в обиход свод правил правописания¹, который впоследствии был

¹ Башкорт ғзоби теленең алфавите һәм орфографияһы. Яуаплы ред. Т. Ф. Башшев. Өфө, 1940.

постепенно расширен и уточнен с учетом сложившейся практики башкирского правописания².

Современная башкирская орфография в целом основана за небольшим исключением на фонетическом принципе, максимально сближающем ее с давно установившимися нормами литературного произношения³. Это обеспечивает сравнительно точное и легко доступное усвоению отражение фонематической системы башкирского языка, поскольку почти за каждой фонемой закреплена отдельная буква, последовательно выражающая все разновидности ее реализации.

Отклонений от фонетического принципа письма в целом немного, и они касаются главным образом вновь освоенного большого пласта заимствований из русского языка, которые, в отличие от старых заимствований, претерпевших фонетическую адаптацию, пишутся в соответствии с нормами русской орфографии. Исключения же применительно к исконно башкирским словам сводятся в основном к следующему.

1. Прогрессивная и регрессивная ассимиляция согласных, довольно часто наблюдаемая в потоке речи на стыке двух слов в рамках одной синтагмы, на письме не отражается: *көн буйы* (> *көм буйы*) 'целый день, в течение всего дня', *ун биш* (> *ум биш*) 'пятнадцать', *ете кеше* (> *ете геше*) 'семь человек'.

2. Элизия гласных на стыке слов в потоке речи, объединенных интонационно в одну синтагму-словосочетание, на письме тоже не обозначается: *кара урман* (> *карурман*) 'дремучий лес', *коро утын* (> *корутын*) 'сухие дрова'. На стыке компонентов сложных слов, где элизия носит необратимый характер, она обозначается по фонетическому (а не фонологическому) принципу: *олатай* (< *оло атай*) 'дед', *олэсэй* (< *оло эсэй*) 'бабушка', *алмағас* (< *алма агас*) 'яблоня', *кушамат* (< *кушама ат*) 'прозвище', *иртук* (< *иртә үк*) 'спозаранку'.

3. Переход конечного *в* в *ф* на письме не обозначается: *Якупов* (> *Якупоф*), *Аюпов* (> *Аюпоф*).

4. В ряде корневых морфем типа *бур(е)к* 'шапка', *кыр(ы)к* 'сорок', *ир(е)к* 'свобода', *мил(е)к* 'имущество', *хал(ы)к* 'народ', *тол(о)к* 'нрав, характер' редуцированные гласные *ы, е, о, ө* после сонантов *р, м, н, ң, л* не пишутся⁴, в то время как в сходных остальных фонематических условиях они последовательно обозначаются (ср. *бигерәк* 'особенно', *урыны* 'его место'). В настоящее время эти правила пересматриваются.

5. Позиционные модификации фонем /и/, /б/ и др., граничащие с переходом в другие звуки (ср. *бабай* > *бауай* 'дед', *Ғәли* > *Ғәлий*, *әзәби* > *әзәбий* 'литературный') в правописании не отражаются.

Почти во всех перечисленных случаях правописание строится на фонологическом принципе.

Правописание гласных производится в соответствии с законами сингармонизма, исключая лишь иноязычные и сложные слова типа *китап* 'книга', *кино*, *билбау* 'кушак', *Ағизел* 'Белая', в которых этот закон не соблюдается. Аффиксальные гласные в этом последнем случае уподобляются конечному гласному основы: *китабым* 'моя книга', *киноға* 'в кино', *билбауым* 'мой кушак', *партиялы* 'партийный', *Ғәлигә* 'Галии' (дат. п.). В односложных иноязычных словах типа *литр* с гласным переднего ряда характер

² Башкорт әзәби теленең алфавите һәм орфографияһы. Өфө, 1951. — Существующая практика башкирского правописания наиболее полно отражена в орфографическом словаре К. З. Ахмерова, к которому приложен самый полный свод правил, разработанный во многом автором этого словаря (Әлмәр К. Башкорт әзәби теленең орфография һүзлеге. М., 1952, с. 9—37).

³ Кыекбаев Ж. Ф. Башкорт әзәби теленең дорос әйтелеше. Өфө, 1964; *Он же*. Башкорт теленең фонетикаһы. Өфө, 1958.

⁴ При наращении аффиксов с начальным согласным в указанных словах происходит стечение трех согласных (ср. *халыҡа* 'народу', *күрктә* 'он испугался', *иртә* 'на свободе'), что мало свойственно башкирскому языку и отрицательно сказывается на стихосложении.

аффиксального гласного обуславливается природой конечного согласного по признаку твердости/мягкости, но в целом здесь, как правило, пишутся гласные заднего ряда: *тип-тар* 'типа', *цифр-лы* 'содержащий цифры'.

Правописание не отражает варьирование согласных по законам сингармонизма. Исключение составляет лишь губно-губная сонорная фонема /ʃ/, которая в начале слова в обоих сингармонических вариантах обозначается буквой *в* (*вак* 'мелкий', *вағҙә* 'обещание'), в инлауте и ауслауте в веларном варианте передается буквой *у*, а в палатальном сингармоническом варианте — буквой *ү* (*тауыж* 'курица', *кеүек* 'подобно, наподобие', *бау* 'веревка', *тәү* 'первый').

Исконно башкирские многосложные слова и производные словоформы с *о* и *ө* в первом слове пишутся с соблюдением закона губной гармонии гласных (1), который в последующих слогах нарушается лишь после *а*, *э*, *у*, *ү* (2): 1) *тормош-о-боз-зоң* 'нашей жизни', *көмөш-өм* 'мое серебро', *йөр-ө-нө-м* 'я ходил', 2) *йөрәмә-нәм* 'я не ходил', *колағым* 'мое ухо', *осоу-сы* 'летчик', *көтөү-се* 'пастух', *бөтә-без* 'мы все'.

Как и в русских заимствованиях, фонема /й/ в сочетании с последующим гласным *у* и *а* в башкирских словах и производных словоформах передается соответственно через *ю* и *я*: *юл* 'дорога', *яз* 'весна', *таяж* 'палка', *бармаясак* 'не пойдет'. Сочетание *й* с *е* пишется через *е* лишь в начале башкирских слов: *йеләк* > *еләк* 'ягода', *йете* > *ете* 'семь'; в середине и в конце слова и производной словоформы оно передается аналитически: *кейем* 'одежда', *эие* 'да'.

Иноязычные заимствования, освоившие в общенародном языке до установления современной литературной нормы, пишутся в адаптированной форме, характерной для разговорного языка. В соответствии с установившимся в целом единообразным произношением правописание старых заимствований из русского языка отражает, в частности: 1) нарушение слоговой структуры слова: а) добавление протетического гласного перед звуко сочетанием *ск*, *ст*, *шт*, *см* в начале слова: *өстәл* 'стол', *эскерт* 'скирда', *ыштан* 'штаны', *ысмала* 'смола', б) вставку протетического гласного между звуко сочетанием *бр* в начале слова: *бүрәнә* 'бревно', в) добавление протетического гласного перед начальным *р*: *арыш* 'рожь', г) отпадение конечного неударного *а*: *нар* 'пара', *жар* 'жара', *кәрт* 'карта', *миһут* 'минута', *секунд* 'секунда', *һалам* 'солома'; 2) палатализацию слова по законам сингармонизма: *валүк* 'валёк', *кәңфит* 'конфета', *кәбестә* 'капуста', *сәйнүк* 'чайник', *энис* 'анис', *бизрә* 'ведро', *мискә* 'бочка', *тәрилкә* 'тарелка', *көршәк* 'горшок', *бәрхәт* 'бархат'; 3) выпадение отдельных звуков: *сират* 'очередь', *өйәз* 'уезд'; 4) прочее приспособление звукового состава заимствования к фонетической системе башкирского языка: *кәрән* 'хрен', *күстәнәс* 'гостиница', *күсән* 'кочан', *мөгәрәп* 'погреб', *кирбес* 'кирпич', *бур* 'вор', *самауыр* 'самовар', *лум* 'лом', *йәллә* 'жалеть', *суйын* 'чугун', *ужым* 'озимь', *жамыт* 'хомут' и т. п.

Русские заимствования послеоктябрьского периода, мощным потоком влившиеся в башкирскую лексику, в большинстве случаев оседают, не подвергаясь столь значительным фонетическим преобразованиям, нередко входят в обиход в звуковом оформлении, не свойственном артикуляционным навыкам носителей башкирского языка. В связи с этим данный пласт заимствований пишется в исходной форме согласно нормам русского правописания: *автомашина*, *коммунист*, *ударник*, *елка*, *орден*.

Когда в заимствованиях при их агглютинации на стыке основы и аффикса возникает звуко сочетание, непривычное для башкирского языка, в правописании допускаются известные отклонения от этого общего правила: 1) обозначается озвончение конечного *п* и *к* в положении между гласными: *принцип-е* 'его принцип', *тип-ы* 'его тип', *техник-е* 'его техник', 2) при стечении трех одинаковых согласных на границе основы и аффикса пишутся только два: *металл* — *метал-лы* 'содержащий металл', 3) перед аффиксом с начальным согласным опускается один из одинаковых конечных согласных основы: *клас-һыз* 'бесклассовый', *грамм* — дат. п. *грам-ға*, из конечного звуко сочетания основы на *ст*, *зд* перед аффиксом выпадают *т* и *д*: *поез-да* 'в поезде', (*халж*) *артист-е* '(народный) артист', 4) во избежание сте-

чения более двух согласных в заимствованиях на *нг, ск, нк, амп* и т. п., исключая слова на *мп, кт* (*темп, продукт*), перед аффиксом с начальным согласным вставляется соединительный гласный *ы, е* или *и*: *лозунг-ы-лар* 'лозунги', *митинг-е-нэн* 'с митинга', *киоск-ы-ла* 'в киоске', *Магнитогорск-и-гә* 'в Магнитогорск', *банк-ы-га* 'в банк', *штамп-ы-һыз* 'без штампа' (но: *Горькийбез* 'наш Горький', *Горькийгә* и т. п.).

Иногда, в случае существования двух фонетических (1), фonomорфологических (2) или морфологических (3) вариантов слова, имеющих одинаковое распространение, допускается обозначение обоих вариантов: 1) *козок / коток* 'колодец', *тиклем / тикле* 'до', 2) *уткен / уткер* 'острый', *асы / әсе* 'кислый', *әзрәк / азрак* 'немного, поменьше, маловато', *ажрын / әкрен* 'медленно', 3) *һеззәсә / һеззекенсә* 'по-вашему', *докладчик / докладсы*, *ударник / ударсы*, *колхозник / колхозсы*, *австралиеү / австралиялы*.

Частицы пишутся раздельно, кроме гипотетической частицы *дыр / тыр, дер / тер, дор / тор, дөр / төр*, выражающей неуверенное предположение, possessительной частицы *мы / ме, мо / мө*, усилительной частицы *сы / се, со / со*, которые наравне с аффиксами пишутся слитно, замыкая словоформу: *бирсе* 'дай-ка, дай, пожалуйста', *килдеме?* 'пришел ли он?', *алғандыр* 'наверное, он взял'.

Сложные слова пишутся слитно, полуслитно (через дефис) и раздельно.

Практика слитного и раздельного их написания не отличается последовательностью, носит в целом традиционный характер, очень трудно поддается по этой причине научному обоснованию и обобщению в виде определенных правил. Более или менее ясно вырисовываются здесь лишь немногие правила.

Последовательно проводится полуслитное написание сложных слов. Полуслитно пишутся все так называемые парные слова: 1) копулятивное сочетание семантически близких или синонимичных компонентов: *дус-иш* 'друзья-приятели', *бәлә-каза* 'бедствие', *арымай-талмай* 'поустанно', 2) копулятивное сочетание семантически контрастирующих или противопоставленных компонентов: *атай-әсәй* 'родители', *юк-бар* 'сплетня, вздор, чужь', *агай-әнә* 'родня', *катын-кыз* 'женщины, представительницы женского пола', *ир-ат* 'мужчины', *алыш-биреш* 'торговля', *килде-китте* 'всякие посетители, пришельцы', *аслы-тужлы* 'впроголодь', *урынлы-урынһыз* 'неуместно, непода', *улай-былай* 'так-сяк', 3) копулятивные сочетания компонентов типа *йәшел-зәңгәр* 'железный купорос', *азык-түлек* 'провизия', *өс-баи* 'одежда'.

Полуслитно пишутся, кроме того, все повторы; 1) слова, образованные способом полной редупликации: *буй-буй* 'полосатый', *борма-борма* 'изгибистый, изгибами', *бәү-бәү* 'бай-бай', *айырым-айырым* 'врозь, порознь', *ашыға-ашыға* 'спешно, торопливо', 2) повторы с самыми различными фonomорфологическими изменениями редуликата-второго компонента: *акһак-тужһак* 'разные хромы', *аз-маз* 'понемногу, мало-помалу, немного', *алжы-һалжы* 'лениво, неохотно', *урык-һурык* 'урывками, редко', *тимер-томор* 'железо всякое, железные изделия вообще', *малай-һалай* 'мальчишки', *сокор-сажыр* 'ямы, рытвины, ухабы', *ашык-бошоқ* 'наспех, торопливо', *тишек-тошоқ* 'дырявый', *аржыры-торжоро* 'крест-накрест, вкось и вкривь, как попало', *берәм-һәрәм* 'поодиночке, по одному, порознь', 3) форма превосходной степени прилагательных и наречий, представляющая повторение первого слога или части основы с добавлением структурной морфемы *-ли* или (очень редко) *-м*: *кып-кызыл* 'красный-красный', *жап-жара* 'черный-пречерный', *йәм-йәшел* 'зеленый-презеленый', *тып-тын* 'тихо-тихо', *тып-тыпыс* 'очень спокойно, тихо', 4) повторы, представляющие две различные аффиксальные словоформы слова: а) объединение грамматически противопоставленных парадигм: *ашар-ашамаҕ* 'есть, едва прикасаясь к пище', *әсәр-әсмәҕ* 'лить, едва пригубливая', *туыйыр-туыймаҕ* 'ни сыт, ни голоден, недоеда', б) повторы, содержащие грамматические архаизмы, не соответствующие живым нормам современного языка: *кәпә-кәндәз* 'среди белого дня', *күзмә-күз* 'не взирая ни на что', *борон-борондан* 'издавна', *ғүмер-ғүмергә* 'во веки веков'.

Слитно пишется значительная часть сложных существительных: 1) сложные слова, один из компонентов которых ныне не имеет в башкирском языке самостоятельного употребления: *торомбаиш* 'головенка, брус, чурка', *һарут* 'пырей', *алабута* 'лебеда', 2) сложные слова, компоненты которых необратимо скреплены фонетическим или фонеморфологическим преобразованием одного из них: а) видоизменением по закону сингармонизма: *бөгөн* 'сегодня', б) элизией на стыке компонентов: *алмагас* 'яблоня', *кашаяж* 'посуда', *жайнаға* 'шурин', в) ассимиляцией согласных на стыке компонентов: *карағош* 'орел', *терегөмөш* 'ртуть', *һороғорт* 'трутень', 3) сложные слова, где первый компонент указывает на цель, которой служит второй: *аишана* 'столовая', *китапхана* 'библиотека', *билбау* 'пояс, кушак', 4) сложные слова, состоящие из названия производителя действия (агенса) и зависящего от него прямого дополнения: *бозватҡыс* 'ледокол', *уринбаһар* 'заместитель', *илбаһар* 'разбойник'.

По традиции слитно пишется, кроме того, значительная часть копулятивных сложных существительных типа *гойһемеш* 'пищовник', *иңбаиш* 'плечо', *таишаиш* 'цескарь', *таишака* 'черепаха', *тәлмәрйен* 'лягушка', *туһранбаиш* 'клевер' и многие детерминативные существительные типа *акһакал* 'аксакал', *акһош* 'лебедь', *бишбармак* (название национального мясного блюда), *өсмөйөш* 'треугольник', *көнсығыш* 'восток', *көнбайыш* 'запад'.

Однако в целом самая многочисленная часть имен существительных, в основе которых лежат модели определительных словосочетаний, пишется раздельно: *аяк кейеме* 'обувь', *бәнес бармак* 'мизинец', *журай еләге* 'малина', *кейез итек* 'валенки', *кун итек* 'сапоги', *тимер һәнәж* 'вилы', *жайын еләге* 'земляника'.

Сложные прилагательные и наречия пишутся раздельно, исключая перечисленные случаи их полуделитного написания и некоторые композиты типа *карағускыя* 'темного оттенка', *яланаяк* 'босиком', *баиштүбән* 'вииз головой', которые имеют слитное написание по традиции.

Все сложные числительные пишутся раздельно: *ун ике* 'двенадцать', *егерме биш* 'двадцать пять'.

Раздельно пишутся все спрягаемые сложные глаголы (1) и аналитические формы глагола (2): 1) а) глаголы, образованные за счет имен и других частей речи (*ял ит-* 'отдыхать', *йөкө кил-* 'хотеть спать', *асыу кил-* 'сердиться', *юк ит-* 'уничтожить', *тап бул-* 'встретиться', *доға кыя-* 'читать молитву, соблюдая обряд', *ялт ит-* 'блеснуть', *дыу кил-* 'поднять шум, гвалт'), б) многочисленный пласт сложных глаголов внутриглагольного происхождения, именуемых обычно формами глагольного вида (*ужып сык-* 'прочитать', *буялып бөт-* 'измазаться, запачкаться', *язып куй-* 'записать', *ашап ал-* 'закусить слегка'), в) сложные глаголы, первый компонент которых представляет форму инфинитива, заимствованную из русского языка: *буксовать ит* 'буксовать', *заправить ит-* 'заправить', *танцевать ит-* 'танцевать', г) формы модальности, граничащие с категорией наклонения типа *барғым килә* 'хочу идти, ехать', *барырга куш-* 'поручить, предложить ехать, идти', *үлә язғым* 'я чуть не умер', *шиләгән бул-* 'делать вид, что работаешь', 2) сложные формы: а) формы прошедшего времени изъявительного наклонения типа *бара инем* 'я шел', *бара торғайнык* 'мы бывало ходили, ездили', *барғаным бар* 'я ездил, ходил', б) формы наклонения намерения (*бармаксы ине* 'он был намерен пойти, поехать'), условного наклонения (*барған булһа* 'если ходил', *бара калһа* 'если вздумает пойти, поехать' и т. п.), сослагательного наклонения (*барыр ине* 'пошел бы, поехал бы' и т. п.), повелительного наклонения (*бара күрмә* 'смотри, не ходи', и т. п.) и др.

Из всех сложных глаголов пишутся не раздельно, а через дефис только парные слова типа *тирләп-бешеп* 'обливаясь потом', *югерә-атлай* 'чуть не бегом', *бата-сума* 'погружаясь в грязь', бытующие лишь в форме деепричастия.

В целом в башкирском языке преобладающее большинство сложных слов пишется раздельно. Раздельно пишутся все фразеологические единицы:

йөзө кара 'проклятый', *баш аша* 'погубить', *һанга һукма* 'пренебрегать, игнорировать', *йән кисәк* 'душечка', *жамыт аяк* 'кривоногий', *эрәм тамак* 'дармояд, нахлебник'.

Действующие правила башкирского правописания близки к нормам литературного произношения, хорошо и полно отражают специфику национальной фонетики и легко доступны как пониманию, так и усвоению. Они, следовательно, вполне удовлетворяют необходимым требованиям письма. Вместе с тем существующая практика башкирского правописания во многом нуждается в улучшении: она могла бы быть более единообразной и последовательной. С этой точки зрения необходимо, например, упорядочить правила относительно слитного и раздельного написания частиц (одни из них — *-һана/-һәнә*; *-сы/-се*, *-со/-со*; *-дыр/-дер*, *-тыр/-тер*, *-тор/-төр*, *-зыр/-зер*, *-зор/-зөр*, *-лыр/-лер*, *-лор/-лөр*, пишутся слитно, наравне с аффиксами, а другие, в частности *да/дә*, *ук/ук*, *ғына/генә*, *лаһа/ләһә* и т. п., — раздельно, на правах полнозначного слова) и сложных слов с одинаковым строением (типа *купкыр* мат. 'многогранник', *кубаяк* зоол. 'многоножка', *куп мойош* 'многоугольник', *куп быуын* 'многочлен').

В соответствии с наметившейся сравнительно недавно практикой написания редуцированных гласных в словах типа *халык* 'народ', *кырык* 'сорок', *бурек* 'шапка' (вм. *халк*, *кырк*, *бурк* по своду правил орфографии) следовало бы упорядочить их отражение на письме также и в остальных случаях (ср. *бигерәк* 'особенно' и *кук(е)рәк* 'грудь'). В исконно башкирских сложных словах типа *альяпкыс* 'фартук' без всякой нужды пишется по традиции твердый знак. Его употребление могло быть ограничено в соответствии с нормами русского правописания только иноязычными заимствованиями типа *адъютант*. Представляется столь же избыточным употребление букв *я* и *ю* для обозначения йотированных сочетаний *й + а*, возникающих на стыке основы слова и аффикса при словообразовании и словоизменении (*бармай + асак* > *бармаясак* 'не пойдет'), тем более что оно заслоняет структуру и тем самым отрицательно сказывается в школьной практике при анализе структуры слов.

Написание некоторых заимствований из арабского и персидского языков типа *сифат* 'качество', *Фатима* (женское имя) не согласовано с укоренившимся их произношением с соблюдением законов сингармонизма (*сыйфат*, *Фатыйма*). Сложившуюся практику произношения недостаточно полно отражает также существующий опыт написания личных имен типа *Фәниә* (*Фәнейә*).

Насущную задачу составляет обобщение сложившейся практики письма на предмет расширения и улучшения существующего свода правил башкирской орфоэпии. В прямой связи с этим стоит давно назревшая задача составления возможно полного орфографического словаря башкирского языка, включающего в себя и ономастику.

СВЕДЕНИЯ ПО ФОНОМОРФОЛОГИИ

Изменение фонетической природы основы и аффикса при агглютинации и производящих основ при сложении и редупликации, составляющее предмет тюркской фонеморфологии, и, в особенности, фонологическое использование звуковых изменений при редупликации и отчасти при сложении до сих пор не отражены достаточно полно и ясно ни в одной из существующих грамматик тюркских языков. В лучшем случае частично описываются лишь чисто фонетические явления на стыке морфем. В частности, как спорадические фонетические изменения эти явления отмечаются в разделах фонетики, посвященных вообще всякой частной ассимиляции, диссимиляции, элизии и т. п., тогда как они происходят исключительно на уровне словообразовательной и словоизменительной морфологии и к тому же в очень многих случаях представляют одно из дополнительных, а иногда и совершенно необходимых средств формального выражения и уже по одной этой причине подлежат рассмотрению под иным углом зрения.

Звуковое варьирование морфем и слов, когда они вовлекаются в сферу словообразования и формообразования, фонетические изменения на стыке морфем производного слова и словоформы, преобразование акцентно-ритмической и отчасти слоговой структуры объединяемых морфем с централизованным ударением — широко распространенные явления, имеющие примеры о одинаковом отношении и к фонетике и к морфологии. Они заслуживают специального исследования и теоретического обобщения как с практической, так и с научной точки зрения. Предлагаемый первый опыт их отдельного описания, естественно, нуждается в расширении и углублении.

ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПРИ АГГЛЮТИНАЦИИ

В тюркской морфемике едва ли не самые многочисленные и разнообразные фонеморфологические процессы наблюдаются в сфере аффиксальных морфем, варьирование которых в зависимости от условий реализации носит в целом закономерный характер, составляющий объект не столько собственно фонетики, сколько именно морфонологии.

Вариативность аффиксов вызвана общими и частными законами специфического звукового строения тюркского слова.

В соответствии с законами сингармонизма все аффиксы и их морфонологические разновидности представлены двумя последовательно противопоставленными универсальными вариантами — переднерядным и заднерядным. Соответственно аффиксальные гласные по принципу дихотомического противопоставления объединяются в следующие сингармонические пары: *a : ə*, *y : e*, *o : ɔ*¹. Согласные же при этом варьируются не меняя своего качества, т. е. выступают либо в велирном варианте (после основ, содержащих гласные заднего ряда), либо в палатальном (после основ, содержащих гласные перед-

¹ В башкирском языке в исконных аффиксах фонемы /и/, /у/ и /ү/ вообще не представлены.

него ряда): *бар-зым* 'я ходил, ездил', *күр-зем* 'я видел', *бар-ма* 'не ходи', *кил-мэ* 'не приходи'; *тор-һон* 'пусть стоит', *кол-һон* 'пусть смеется'. Исключения составляют лишь согласные, объединяемые в противопоставленные сингармонические варианты единой фонемы: *к ~ к, г ~ г, у ~ ү*. Примеры: *ат-ка* 'коню', *эт-кэ* 'собаке', *бар-һалһың* 'ты ходил (туда)', *күр-гәнһең* 'ты видел', *бар-ыу* 'ходить (туда)', *кил-еү* 'приходить'.

Широкие аффиксальные гласные *а* и *э* варьируются лишь по сингармонизму и объединяются в единую фонему /а ~ э/ с аллофоном *й*, который регулярно выступает после основ с конечным гласным, когда эта фонема представляет самостоятельную аффиксальную морфему: *ал-а* '(он) берет', *ал-ма-й* '(он) не берет', *кил-э* '(он) идет (сюда)', *кил-мэ-й* 'не идет (сюда), не приходит'.

Аффиксальные гласные *ы* и *е*, составляющие единую фонему /ы ~ е/, варьируют не только по сингармонизму, но и по закону башкирской губной гармонии гласных: после основ с *о* в м. *ы* следует *о* (*тор-мош* 'жизнь'), с *ө* в м. *е* появляется соответственно *ө* (*көн-дөз* 'днем'), если этому не препятствуют гласные *а* и *э* и согласные *й* и *й̣*, после которых губная гармония прекращается. Губные аффиксальные *о* и *ө* в их отношении к фонеме /ы ~ е/ предстают как ее позиционно обусловленные аллофоны.

В синхронном плане из аффиксальных согласных стабильны только *м*, *н*, *с*, *ç*, *һ*, *ш* и *р*², которые варьируют лишь по сингармонизму, сохраняя свои основные различительные признаки (велярные и палатальные). Остальные же аффиксальные согласные, в частности *д*, *т*, *з*, *л*, *н*, *к*, *ғ*, *к*, *г*, стабильны исключительно в середине и в конце аффиксов, неизменно замыкающих словоформу: *үс-енте* 'росток', *куш-ымта* 'окончание, приложение', *сүз-ләэ* 'присесть', *күзәлдерек* 'очки', *сөй-өлдөрөк* 'супонь'.

В начале и отчасти в конце аффиксов глухие *к*, *к* и *т* в зависимости от характера соседнего согласного и в интервокальном положении варьируют, помимо сингармонизма, по признаку звонкости и глухости, а инициальные этимологические *л, *н и *д, кроме того, имеют в начале аффикса и более разительные видоизменения. Так, чистые переднеязычные и увулярные смычные, распадающиеся на сингармонические пары *г : г*, *к : к*, по признаку глухости и звонкости объединяются в единую фонему и распределяются следующим образом: в начале аффикса после глухих согласных выступают на правах вариантов фонемы (ее аллофоны) сингармоническая пара *к* (после велярных основ) и *к* (после палатальных основ), а сингармоническая пара *ғ* (после велярных основ) и *г* (после палатальных основ) на тех же началах употребляется после остальных согласных и гласных³: *кыр-ғыс* 'скребок, скребница', *кыс-кыс* 'щипцы', *эл-гес* 'вешалка'; *ян-ғын* 'пожар', *ос-жон* 'искра'. Полную парадигму этой модификации имеют, однако, лишь продуктивные аффиксы приведенного рода. Непродуктивные и древние аффиксы находятся нередко вне этой закономерной модификации, отражающей, очевидно, былую стройную систему смычных данной группы, характерную для того или иного диалекта: ср. *ел-кен* 'рваться, порываться, стремиться', *иң-кэй-* 'наклоняться, нагибаться', *күр-кэ* 'индюк', *һер-кэ* 'гнида' и т. п., где глухой аффиксальный *к* вопреки общему правилу следует за сонорным согласным.

Вариативность переднеязычных чистых смычных *д* и *т* и сонорных *л* и *н* в начале аффикса идет еще дальше и имеет в целом еще более пеструю картину, связанную, очевидно, со смещением на уровне литературного языка фономорфологических особенностей разных территориальных диалектов и говоров.

1. Этимологический *д в начале аффикса: 1) сохраняется обычно лишь после сонорных *л*, *м*, *н*, *ң*: *ал-дык* 'мы взяли', *күм-дек* '(мы) зарыли', *миндә*

² Однако в отдельных аффиксах *р* чередуется с *з*, рудиментарно отражая их былое соответствие: ср. *мен-гер-* ~ *менгез-* 'доставить вверх'.

³ В форме дательного падежа от личных местоимений конечный *н* в сочетании с последующим аффиксальным *г* в соответствии с общей фонетической закономерностью, характерной не только для тюркских языков, переходит в *ң*: *мин-+-гә* > *миңә* 'мне', *һин-+-гә* > *һиңә* 'тебе'.

'у меня', *таң-дан* 'с зари'; 2) после глухих согласных оглушается: *тап-тым* 'я нашел', *эштэ* 'на работе', *арт-тан* 'сзади'; 3) после *р, з, й, ъ, ы* переходит в межзубные *з*: *бар-зы* 'он ходил (туда)', *без-зэ* 'у нас', *кай-за* 'где', *тау-за* 'на горе', *тәу-зэ* 'в начале'; 4) после гласных переходит в аффиксах прошедшего времени *-ды/-де*, исходного падежа *-дан/-дән* в *н*, а в аффиксах именного словообразования *-даш*, местного падежа *-да/-дә*, в частицах *да/дә*, *-дыр/-дер* в *л*: *кара-нык* 'мы смотрели', *кала-нан* 'от города', *кала-ла* 'в городе', *үзе лә* 'и сам', *бала-лыр* 'наверное, ребенок', *фамилия-лаш* 'однофамилец'. Начальный *д* полную модификацию имеет лишь в части аффиксов. В ряде случаев он чередуется лишь с глухим *т* (обычно после глухих согласных, но далеко не всегда), а иногда также и с *з* (после *з, р, й, ъ, ы, ы*): ср. *йогон-то* 'впечатление, влияние', *кисен-де* 'отрезок', *кисен-те* 'вырезка', *урен-де* 'росток', *сыгын-ты* 'выступ', *йыйын-тык* 'сборник', *ян-тык* 'наклонный', *табыл-дык* 'найденный; находка', *кул-тык* 'подмышка', *урын-дык* 'табурет', где нет определенной закономерности в соотношении *д ~ т*.

2. Начальный этимологический аффиксальный *л обычно сохраняется: ср. *акыл-лы* 'умный', *буш-лай* 'бесплатно', *умарта-лык* 'пасека', *урман-лык* 'лес, лесистое место', *урмансы-лык* 'лесоводство', *тор-лак* 'жилище', *йомар-лак* 'ком, комок', *эш-лә* 'работать', *акса-лата* 'деньгами'. По в аффиксе мн. числа *л* сохраняется лишь после гласных (*бала-лар* 'дети', *кешеләр* 'люди'), а в остальных случаях модифицируется в соответствии с закономерностями восточного диалекта башкирского языка: 1) после глухих согласных переходит в *т* (*жарт-тар* 'старики', *йәш-тәр* 'молодежь', *иптәш-тәр* 'товарищи'), 2) после *л, м, н, ң, ж* переходит в *д* (*мал-дар* 'скот', *кейем-дәр* 'одежда', *көн-дәр* 'дни', *ең-дәр* 'рукава', *таж-дар* 'короны, венцы'), 3) после *р, з, й, у, ү* переходит в *з* (*кар-зар* 'снега', *кыз-зар* 'девушки', *ой-зәр* 'дома', *тау-зар* 'горы', *берәү-зәр* 'одни'⁴).

3. Начальный *н* в аффиксах винительного и родительного падежей и в аффиксе принадлежности *-ныкы/-неке* сохраняется лишь после гласных (*баланы* 'ребенка', *бала-нык* 'ребенка', *бала-ныкы* 'принадлежащий ребенку'). В остальных позициях *н* видоизменяется согласно особенностям восточного диалекта башкирского языка: 1) после глухих согласных дает *т* (*китап-ты* 'книгу', *ағас-тың* 'дерева', *калак-ты* 'ложку', *эск-тең* 'из кишки', *иптәштеке* 'принадлежащий товарищу'); 2) после *л, м, н, ң* переходит в *д* (*бал-ды* 'меда', *кәләм-де* 'карандаша', *Мәрйәм-деке* 'принадлежащий Марьям', *он-до* 'муку', *улың-ды* 'сына твоего'); 3) после *р, з, й, у, ү* переходит в *з* (*һыйыр-зы* 'корову', *баз-зың* 'погреб', *бай-зы* 'богача', *бау-зы* 'веревку', *кыз-зыкы* 'принадлежащий девушке', *белеү-зең* 'знания'). Такую модификацию имеет начальный *н*, однако, лишь в составе названных трех аффиксов. В остальных же случаях в начале аффикса *н* сохраняется: *бир-нә* 'приданое', *ау-на* 'валяться', *мыш-на* 'пыхтеть'.

Многие аффиксы варьируют по наличию и отсутствию начального неширокого соединительного гласного *ы/е*, появление которого обусловлено невозможностью сочетания в пределах одного слога последующего аффиксального согласного непосредственно с предшествующим согласным, замыкающим агглютинируемую основу. Выбор соединительного гласного регулируется законами сингармонизма и губной гармонии гласных: если последний слог основы возглавляет гласный заднего ряда, то появляется *ы* или его позиционно обусловленный вариант *о* (при наличии *о* в предшествующем слоге); если же вершиной последнего слога основы является гласный переднего ряда, то в качестве соединительного гласного выступает *е* или его разновидность *ө* по губной гармонии (при наличии *ө* в последнем слоге основы).

Четырем фонеморфологическим вариантам аффикса противостоит в данном случае его вариант с начальным согласным, характеризующимся устой-

⁴ В восточном диалекте сходную модификацию имеет начальное *л* в составе и других аффиксов (см.: *Максимова И. Х.* Восточный диалект башкирского языка. М., 1976, с. 44).

чивостью независимо от своего качества (он варьирует лишь по сингармонизму, сохраняя при этом свои различительные признаки, т. е. выступает либо в велярной, либо в палатальной своей разновидности). Большинство аффиксов этого типа содержит всего один согласный, составляющий морфему, по отношению к которой четыре вокализованные ее разновидности представляют собой по существу алломорфы, хотя из их состава можно выделить за редким исключением соединительный гласный в качестве чисто структурной морфемы, не имеющей прямого отношения ни к агглютинируемой основе, ни к последующему аффиксу. Среди них: *-ык/-ек* с возможными аллофонами *-ок/-өк* : *к/к* (*бул-ек* 'отдел', *һыз-ык* 'линия', *яр-ык* 'дыра'); *-ыш/-еш*, *-аш/-өш* : *-ш* (*бар-ыш* 'ход, течение', *ултыр-ыш* 'заседание', *куреш-еш* 'вид, явление', *от-өш* 'выигреш', *кара-ш* 'взгляд'); *-ыт/-ет*, *-от/-өт* : *-т* (*йылы-т* 'согреть', *һыт-ыт* 'укрепить', *коро-т* 'сушить'), *-ыл/-ел*, *-ол/-өл* : *-л* (*яз-ыл* 'записаться', *бир-ел* 'отдаваться', *жор-өл* 'быть построенным', *бөг-өл* 'согнуться', *һа-л* 'быть сделанным, сделаться') и т. п.

Значительную группу составляют двусложные аффиксы с соединительными гласными, которые, как правило, образованы из двух аффиксов путем сложения: ср. *-ы(-о)м-та/-е(-ө)м-тә* (*жуш-ым-та* 'приложение, окончание', *сере-м-тә* 'перегной', *өз-өм-тә* 'отрывок'); *-ы(-о)у-сы(-со)/-е(-о)у-се(-сө)* (*уку-у-сы* 'ученик', *көт-оу-се* 'пастух'); *-ы(-о)л(-да)-е(-о)л-дә* (*һыр-ыл-да* 'храпеть', *һөр-өл-дә* 'шуметь, гудеть') и т. п. Этот структурный тип аффиксов, помимо своей модификации по составу соединительного гласного, осуществляемой на общих основаниях, варьирует по характеру второго своего гласного таким же образом, что и обычный аффикс, составляющий слог: аффиксы с широким гласным распадаются на два сингармонических варианта (*һызыр-ырак* 'интереснее', *йәш-ерәк* 'моложе'), аффиксы же с неширокими гласными имеют к тому же вариант с губным гласным (*баҫ-ыһы* 'тихий, кроткий', *кутар-енке* 'приподнятый', *төш-өнкө* 'приниженный, низкий'). Говоря иначе, варьирование такого аффикса по началному (соединительному) и второму гласному производится на общих основаниях модификации аффиксального гласного.

Вне описанной общей системы модификации аффиксальных гласных находится лишь видоизменение инициальных гласных в отдельных древних аффиксах типа *-а(-ә)р* (*аг-ар-* 'белеть, бледнеть', *куг-әр-* 'плесневеть, синеть')/*-ы(-е)р* (*уҫ-ер-* 'опынить')/*-р* (*уҫке-р-* 'устареть', *куйы-р* 'сгущаться'), варианты которых с широкими начальными гласными *а/ә* представлены в башкирском языке, очевидно, как древнее наследие, отражающее принципиально иное соотношение широких и нешироких аффиксальных гласных, в частности прежнее соответствие *ы ~ а*, *е ~ ә* и т. д. Полная парадигма модификации такого аффикса в башкирском языке состоит теоретически из семи вариантов: *-ар/-әр*, *-ыр/-ер*, *-ор/-өр* и *-р* (*-ор/-өр* и *-ыр* практически не отмечены).

Остальные аффиксы с инициальными широкими гласными *а* и *ә* не имеют вариантов с неширокими гласными. Они противопоставлены третьему их варианту с опущенным начальным широким гласным: ср. *ят-ак* 'общезитие', *иләк* 'сито', *көрәк* 'лопата', *ур-ак* 'серп'; *баш-ак* 'колос', *үз-әк* 'центр', *быс-ак* 'нож', *киҫ-әк* 'кусок', *буш-ат-* 'освободить', *төз-әт-* 'наладить', *уя-т-* 'разбудить', *калын-ай-* 'толстеть, становиться толстым', *киҫ-әй-* 'расширяться', *кара-й-* 'чернеть, пачкаться', *бар-асақ* 'непременно пойдет', *курә-сәк* 'обязательно увидит', *кил-әсәк* 'обязательно придет'⁵.

Опущение начального широкого аффиксального гласного после основ с конечным гласным, который в целом характеризуется устойчивостью не только в ударном, но и в предударном положении, вызвано абсолютной несочетаемостью в исконно башкирских словах двух гласных подряд. В силу этого обстоятельства при стечении двух гласных на стыке основы и аффикса

⁵ Однако после отрицательного аффикса *-ма/-мә* вм. ожидаемого варианта с опущенным начальным гласным *-сақ/-сәк* выступает как исключение уникальный вариант *-ясақ/-йәсәк* (*кил.мәйәсәк* 'не придет', *бармаясақ* 'не пойдет').

в отдельных случаях во избежание зияния между ними появляется эпен-теза *й* (1), которая при аффиксах, состоящих из одного широкого гласного, вытеснив этот гласный, выступает в качестве их равнозначного третьего морфонологического варианта (2): 1) *эшлэ-й-эсэж* 'будет работать', *эшлэ-мэ-й-эсэж* 'не будет работать', *нора-й-асак* 'будет спрашивать', 2) *бара-бара* 'идя (туда)', *кара-й-кара-й* 'оглядываясь', *эшлэ-й-эшлэ-й* 'работая', *кил-э-кил-э* 'идя (сюда)'; *бар-а-м* 'иду', *уки-й-ым* 'читаю', *күр-энең* 'видишь', *эшлэ-й-без* 'работаем'. В первом случае эпентеза являет собой чисто структурную морфему фономорфологического уровня, во втором же она превратилась в полнозначную аффиксальную морфему.

Гораздо труднее сколько-либо убедительно и однозначно решить вопрос о том, является ли эпентеза *-й-* структурной морфемой применительно ко всем аффиксам с начальными неширокими гласными, противопоставленными их варианту с инициальным согласным. Ясно лишь, что в большинстве случаев гласный перед конечным согласным данного аффикса представляет собой тоже структурную морфему, возникшую в силу несочетаемости двух согласных на границе основы и аффикса в пределах слога, возглавляемого ударным гласным основы. Но при каких именно аффиксах начальный неширокий гласный является такой эпентезой, а при каких — этимологическим, пока что ясного ответа нет.

Аффиксы, составляющие прикрытый слог, обычно эпентезы не требуют, ср. например: *эш-лэ* 'работать', *теш-лэ* 'кусать', *тор-мош* 'жизнь', *мин-дэ* 'у меня', *кил-тер-* 'принести', *как-ша-* 'распашиваться', *кил-һэ* 'придет', *бар-ғас* 'когда пришли (туда)', *кап-сык* 'мешок', *бер-гэ* 'вместе', *тот-ка* 'ручка', *көс-кэ* 'насилу, с трудом'. Исключение составляют лишь аффиксы принадлежности *-быз/-без*, *-ғыз/-гез* и аффикс повелительного наклонения *-ғыз/-гез*, которые после основы с конечным согласным употребляются с соединительными гласными *ы* или *е*, вместо которых выступают соответственно *о* или *ө*, когда в последнем слоге содержатся губные *о* и *ө*, ассимилирующие их по закону губной гармонии: ср., с одной стороны, *китаб-ы-быз* 'наша книга', *мәктәб-е-гез* 'ваша школа'; *кил-е-гез* 'приходите', *тор-о-ғоз* 'встаньте', с другой — *барасақбыз* 'мы непременно пойдем', *килер-без* 'мы придем', *шатбыз* 'мы рады', *алған-быз* 'мы взяли (оказывается)', где омонимичный аффикс присоединяется к любой основе без эпентезы независимо от характера последнего ее согласного.

Своеобразную эпентезу, связанную с исторической морфологией, представляет *-н-* перед аффиксом дательного падежа, которая появляется: 1) после аффикса принадлежности 3-го лица ед. числа: *баш-ы-н-да* 'на его голове', *көсә-һе-н-дә* 'в его кармане', 2) после отдельных местоимений: *бы-н-да* 'здесь' (от *был* 'этот'), *ошо-н-да* 'тут' (от *ошо* 'этот'), *ун-да* 'там' (от *ул* 'тот').

Наряду с описанными регулярными видоизменениями внешней формы аффиксов можно указать на отдельные частные модуляции аффиксальных морфем типа *-ы* (аффикс принадлежности 3-го лица ед. числа после велярных основ с конечным согласным): *-һы* (тот же аффикс после велярных основ с конечным гласным), *-е*: *-һе*, *-о*: *-һо*, *-ө*: *-һө*, граничащие с супплетивизмом. Есть и явно супплетивные варианты-омонимы отдельных аффиксов. Таковы, например, формы каузатива: ср. *эс-ер-* 'поить', *аша-т-* 'кормить' и т. п.

Изменение конечных звуков аффиксов производится на общих основаниях модификации конца слова при агглютинации: конечные глухие *п*, *к* и *к* аффикса озвончаются, если последующий аффикс содержит начальный гласный — *кыкыр-ыб-ырак* (*уки*) 'читай громче', *тара-ғ-ым* 'моя расческа', *ус-ег-еу* 'озлобляться'. Специфична здесь лишь рудиментарная вариативность типа *мен-гер-/мен-гез-* 'доставить наверх', спорадически отражающая этимологическое чередование **р ~ *з*.

Что касается модификации начала аффикса в зависимости от фонетической природы предыдущего аффикса, то она производится на общих основаниях варьирования аффиксальных морфем, описанных выше. Иными словами, на стыке смежных аффиксов происходят точно такие же фономорфологические изменения, что и на границе основы и аффикса.

Так же варьируют и частицы — по сингармонизму и начальном согласному, за исключением лишь частиц *эле* (ср. *бар эле* 'иди-ка', *кит эле* 'уходи-ка') и *бит* (*ул бит* 'он же', *мин бит* 'я же'), бытующие лишь в приведенном варианте. Гласные в их составе делятся на сингармонические пары *а/э*, *ы/е* (*о/ө*), *у/ү*, из которых *о* и *ө* представляют собой лишь аллофоны единой фонемы *ы/е*, регулярно появляющиеся в силу губной гармонии гласных (когда в последнем слоге предыдущего слова есть губные *о* или *ө*). Гласный *и* при этом сочетается и с веларным, и с палатальным вариантами: *ул мы ни* 'разве это он', *ошо мо ни* 'это ли', *мөжкн ме ни* 'разве можно?'.
 Начальные *ғ*, *к*, *г* и *к*, составляющие одну фонему, и *д*, *т*, *з*, *л*, объединяемые в другую единую фонему, распределяются в составе частиц точно таким же образом, что и соответствующие инициальные согласные аффикса. Остальные согласные частиц варьируют только по сингармонизму, при этом *ж* и *к* являются единой фонемой не только в начале частицы: ср. (*бегон*) *үк* 'сегодня же', (*бая*) *үк* 'еще (давеча)'.
 Как и в аффиксах, максимально допустимая вариативность частиц 16 алломорфов, минимальная — 2: ср., с одной стороны, *үк/үк* (ограничительная частица — *хәзер үк* 'сейчас же', *шул үк* 'тот же'), с другой, — *дыр/дер*, *дор/дөр*, *тор/төр*, *тыр/тер*, *зыр/зер*, *зор/зөр*, *лыр/лер*, *лор/лөр* (модальная частица со значением неуверенного предположения — *ошо-лор* 'наверное, это', *килгән дер* 'наверное, пришел'). Усилительная частица *дабаһа* 'ведь', составленная, очевидно, из двух морфем, варьирует лишь по первому своему компоненту: *дабаһа/дәбаһа*, *табаһа/тәбаһа*, *забаһа/зәбаһа*, *лабаһа/ләбаһа* (*был таньш табаһа* 'это же знакомый', *был таньш кеше ләбаһа* 'это же знакомый человек').
 От сочетания с частицей предыдущее полнозначное слово никаких фонеморфологических изменений не претерпевает, исключая разве варьирование синтаксической интонации при модальных частицах *мы* (вопросительная частица), *үк/үк* (усилительная частица), *сы/се эле*, *сы/се* (выражает просьбу при форме императива: *бар сы*, *бар сы эле* 'иди-ка, пожалуйста'): ср. *мин генә* 'только я', *якшы лыр* 'наверное, хорошо', *әйттем бит* 'я же говорил', *кайткан дыр* 'наверное, вернулся'.
 Этого нельзя сказать применительно к основе слова, когда она осложняется аффиксом, хотя и принято считать, что при агглютинации корень или основа никаких звуковых изменений не претерпевает⁶. При агглютинации существенно меняется акцентно-ритмическая структура слова и соответственно длительность слогов и звуков, особенно гласных, от которой в первую очередь зависит степень полноты проявления их различительных признаков: ударение переносится с последнего слога основы на аффикс и происходит перераспределение восходящей интонационной градации слогов. И это неизменно повторяется с прибавлением к данной словоформе с аффиксом каждого последующего аффикса, за исключением лишь нескольких безударных аффиксов: *ябай* 'простой', *ябай-лаш* 'упрощаться' — *ябайлаш-тыр* 'упрощать' — *ябайлаштыр-ыл* 'упроститься' — *ябайлаштыр-ыл-ған* 'упрощенный' — *ябайлаштыр-ыл-ған-лыктан* 'из-за упрощенности'. Напротив, с устранием каждого аффикса с конца словоформы ударение опять восстанавливается в нисходящей последовательности. Вне этой закономерности стоят лишь иноязычные заимствования с неподвижным ударением не на последнем слоге. Кроме того, некоторые отклонения от общего принципа акцентно-ритмической структуры слова имеют сложные слова с ударением на последнем слоге первого их компонента.
 При агглютинации за редким исключением происходит преобразование конечного закрытого слога основы, оказавшегося перед последующим аффиксальным или эпендетическим соединительным гласным — замыкающий согласный последнего слога как в корне, так и в производной основе, обра-

⁶ Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967, с. 270; Гурсунов Д., Хасенова Б., Исламов А., Бейсенбаева К., Ишанов К. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Алма-Ата, 1967, с. 48.

зованной с помощью аффикса, неизменно переходит в этом случае в состав производного слога, возглавляемого инициальным аффиксальным гласным или элизитезой *ы/е (о/о)*: *дурт* 'четыре' — *дур-тен-се* 'четвертый', *баи* 'голова' — *ба-шым* 'моя голова', *ал-* 'брат', *а-лым* 'прием', 'способ'. Конечные согласные *п, к* и *к* агглютинируемой основы, независимо от того, является ли она корнем или производной аффиксальной словоформой, закономерно озвончаются: *китап* 'книга' — *кита-бым* 'моя книга', *срок* — *сро-гылда* 'в срок', *бармак* 'палец' — *бар-ма-ғым* 'мой палец'.

В ряде случаев аффиксация вызывает также и изменения фонемного состава агглютинируемой основы: 1) в винительном и родительном падежах в местоимениях регулярно выпадают конечные *л* и *м*: *мин* + *не* > *мине* 'меня', *мин* + *нең* > *минең* 'моя', *һин* 'ты' — *һин* + *не* > *һине* 'тебя', *һин* + *нең* > *һинең* 'твоя', *ул* 'он' — *ул* + *ны* > *уны* 'его', *ул* + *һың* > *уһың* 'его' (ср., кроме того, *у-лар* 'они', *у-лай* 'так'); 2) при осложнении прилагательных аффиксом *-кыл(т)/-кел(т)/-ғыл(т)/-гел(т)* выпадает их конечный слог: *кызыл* 'красный' — *кыз-ғылт* 'красповатый', *һары* 'желтый' — *һар-ғылт* 'желтоватый', *һоро* 'коричневый' — *һор-ғолт* 'коричневатый', *йәшел* 'зеленый' — *йәш-келт* 'зеленоватый', *дымлы* 'влажный' — *дым-кыл* 'влажноватый', *каты* 'твердый' — *кат-кыл* 'твердоватый', *сөсө* 'пресный' — *сөс-көлтөм* 'пресноватый'; 3) в ряде случаев, особенно перед аффиксами с широкими гласными, выпадают конечные ударные гласные *ы* и *е*: *урин* 'место' — *урн-аш-* 'разместиться, поместиться', *уйын* 'игра' — *уйн-а-* 'играть', *кыйын* 'трудно' — *кыйн-а-* 'бить', *һары(р)* 'желтый' — *һаргай-* 'желтеть', *коро(р)* 'сухой' — *коргак-һы-* 'рассыхаться', *ғилем* 'наука' — *ғилми* 'научный', *тыу-* 'родиться' — *туған* 'родственник', 4) имеется немало частных случаев изменения фонемного строения слов при их агглютинации типа *ат* 'имя' — *а-җаи* 'тезка', *ир-* 'быть' — *ир + де* > *ине* 'был'; из состава иноязычных заимствований на *-ст, -зд, -сс* и т. п. перед аффиксами выпадает их конечный согласный: *артист* — (*халк*) *артист-е* '(народный) артист', *поезд* — *поезда* 'в поезде', *класс* — *класта* 'в классе'.

Особый случай фонемологии простого (несложного) тюркского слова представляет нередкое варьирование его по сингармонизму типа *аз/эз* 'мало', *асы/эсе* 'кислый', *акрын/экрен* 'медленно, тихо'², оставившее в тюркских языках значительные следы (во-первых, во многих языках на одинаковых началах до сих пор бытуют оба сингармонических варианта ряда слов, вторых, очень многие слова в одном из тюркских языков представлены в волярном варианте, в другом — в палатальном).

ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИ СЛОВОСЛОЖЕНИИ И АНАЛИТИЧЕСКОМ ФОРМОБРАЗОВАНИИ

При сложении слов ударение обычно размещается на последнем слоге замыкающего компонента: *акһакал* (< *ак-һакал*) 'аксакал', *билбай* (< *бил-бай*) 'купак'. Иными словами, ударение на втором компоненте в сложном слове превращается в так называемое централизирующее ударение, интонационно объединяющее оба компонента. При этом ударение первого компонента сложного слова становится по значимости второстепенным, мало чем отличающимся по своему качеству от интонационной характеристики предударного слога второго компонента. Соответственно меняется вся интонационная градация неударных слогов, следовательно — их длительность, обуславливающая ясность звучания каждого гласного и согласного звука: ср. *егерме* 'двадцать' и *егерме биш* 'двадцать пять', *айырым* 'отдельный' и *айырым-асык* 'предельно четко, ясно', *алá* 'пестрый' и *алабуға* 'окунь'.

Такая цельность акцентно-ритмической структуры сложного слова вызывает нередкое значительные фонемологические изменения на стыке

² См. об этом более подробно: *Киекбаев Д. Г.* Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы в башкирском языке. — Уч. зап. Башкирского пед. ин-та им. А. К. Тимирязева, 1955, вып. 5. Сер. филол., № 1.

его компонентов, особенно если на их границе возникает звукосочетание, не соответствующее нормам фонемного и слогового строения слова в башкирском языке. Во-первых, в большинстве случаев, особенно в часто употребляющихся словах, совсем исчезает пауза между компонентами: ср. *ажкош* 'лебедь', *ун биш* 'пятнадцать', *берук* 'пожалуйста', *Миннэхмэт* (муж. имя), *Ғалиәбану* (жен. имя), *Ишембай* (название города), *карабойзай* 'гречиха', *туҗранбаш* 'клевер', *яланаяк* 'босиком'. Во-вторых, именно в силу этого иногда происходит необратимое озвончение начальных и конечных глухих *к* и *к* в интервокальном положении или в соседстве с гласным и сонантом (1), элизия (2), сингармоническое выравнивание первого компонента по фонемному строению второго (3) и другие частные фонематические изменения (4): 1) *Ағизел* 'р. Белая', *алағарға* 'ворона', *алағанат* прои. 'летун', *байғош* 'неясыть', *дәяғош* 'страус', *карағалпаҡ* 'каракалпак', *карағанат* 'подлещик', *карағош* 'стервятник', *карағускыл* 'темного оттенка', *кызылғанат* 'красношерка', *кызылғойроҡ* 'горихвостка', *терегөмөш* 'рлуть', *тутыйғош* 'павлин', *ярганат* 'летучая мышь'; 2) *алмағас* 'яблоня', *табағас* 'сковородник', *Каризел* — название реки, *олатай* 'дед', *өләсәй* 'бабушка', *кушамат* 'прозвище', *кырғаяҡ* 'мокрица', 3) *бөгөн* 'сегодня', *кәйенбиҡә* 'своиченица', *кәйенһеңгә* 'родственница по браку', *ғомбағаш* (диал.) 'подсолнух', 4) *быйыл* 'в этом году', *кәйенһеңлә* 'золотка', *байғура* (уст.) 'буржуа', *аяғурә* 'стоя', *беләзек* 'браслет', *карағморон* 'плоскогубцы', *былтыр* 'в прошлом году', *кашмау* — женский головной убор.

Описанное акцентно-ритмическое преобразование претерпевают и компоненты аналитических грамматических форм (1), в отдельных случаях также приводящее к изменениям фонематического порядка (2): 1) *бар(а)* алманым 'я не смог пойти', *барғаным бар* 'я ходил', *бара күрмә* 'смотри, не ходи', 2) *барғайным* (*барған инем*) 'я ходил', *эшләгәйнек* (*эшләгән инек*) 'мы работали', *эшләй торғайны* (*торған ине*) 'он бывало работал'.

Значительный пласт сложных слов имеет принципиально иную акцентно-ритмическую структуру. Их цементирующее ударение совпадает с ударением первого компонента, второстепенное ударение совпадает с ударением второго компонента и соответственно меняется вся интонационная градация неударных слогов. И хотя при этом неизменно исчезает пауза между компонентами, фонемное их строение сохраняется, т. е. в данном случае морфонологических явлений описанного рода не бывает.

Таким акцентно-ритмическим строением наделены копулятивные сложные слова, в частности: 1) морфологически неизменяемые слова: а) деепричастия типа *йөгәрә-атлай* 'почти бегом' и типа *тирләп-бешеп* 'обливаясь потом', б) наречия и прилагательные типа *аллы-артлы* 'гуськом', *аллы-гөллө* 'двустастый'; 2) морфологически изменяемые существительные: а) с копулятивным сочетанием компонентов типа *атай-әсәй* 'родители', *катын-кыз* 'женщины', б) со вторым отглагольным компонентом типа *бозваткыс* 'ледокол', и *көнбайыш* 'запад', в) с детерминативным сочетанием компонентов типа *өсмөйөш* 'треугольник' и *алабалык* 'сиг'. Вторая группа сложных слов по акцентно-ритмической и слоговой структуре выравнивается при агглютинации по аналогии с обычными словами с подвижным ударением на последнем слоге: ср. *катын-кыззар* 'женщины' — *катын-кыззарға* 'женщинам', *катын-кызза-ры-ғыз* 'ваши женщины'.

ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЛОВА ПРИ РЕДУПЛИКАЦИИ

При всякой редупликации общее (цементирующее) ударение падает на последний слог первого компонента, а второстепенное (побочное) ударение на последний слог второго компонента. Однако при агглютинируемых словах и словоформах оно переносится обычно на вновь образуемый аффиксальный слог, замыкающий словоформу: *сокор-саҡыр-лы* (*урын*) 'ухабистое (место)', *иске-моҗоларығыз* 'ваше всякое старье', *малай-шалайзарға* 'всяким мальчишкам'. В этом случае носителем цементирующего, т. е. основ-

ного, словесного ударения становится редуликат с обновленным фонемным строением, лишенный признаков самостоятельного слова. Исходное же слово фактически теряет его — становится носителем лишь побочного ударения, характерного для первого слога обычного многосложного слова.

Редупликация, исключая полную, сопровождается значительными фонеморфологическими процессами — редуликат частично, иногда и радикально изменяет фонемное строение исходного слова, лишая его возможности самостоятельного употребления. Самое радикальное фонеморфологическое изменение претерпевает препозитивный редуликат, представляющий форму интензива прилагательных и наречий: повторяется лишь первый их слог (или его часть), который получает централизирующее ударение. После него неизбежно появляется чисто структурная морфема *-n-* (или ее алломорфы *-nn-*, *-m-*, фактически закрепленные лишь за отдельными словами); основное слово лишается словесного ударения, которое преобразуется в побочное, не являющееся характерным признаком для самостоятельного слова. Ср. *кызыл* 'красный' — *кы-п-кызыл* 'красный-красный', *кара* 'черный' — *ка-п-кара* 'черный-черный', *тиз* 'быстро' — *ти-п-тиз* 'очень быстро', *ак* 'белый' — *а-пн-ак* 'белый-белый', *йәшел* 'зеленый' — *йә-м-йәшел* 'зеленый-зеленый'.

В постпозитивных редупликациях, имеющих в целом слабоцентрализирующее ударение на последнем слоге первого компонента, наблюдаются главным образом следующие фонеморфологические преобразования: 1) вставка перед ними структурных морфем *-m-*, *-h-*: *агас* 'дерево' — *агас-м-агас* 'всякие деревья' (ирон.), *имеш* 'якобы' — *имеш-м-имеш* 'всякие слухи, сплетни' (ирон.), *урык* (самостоятельно не употребляется) — *урык-h-урык* 'урывками', *ит* 'мясо' — *ит-м-ит* 'всякое мясо' и т. п. (прон.); 2) замена инициального согласного исходного слова: *һирәк* 'редко' — *һирәк-мирәк* 'изредка', *кыйык* 'кривой' — *кыйык-мыйык* 'вкривь и вкось'; 3) замена первого гласного исходного слова фонемой того же ряда: *сокор* 'яма, рытвина' — *сокор-сақыр* 'ухабистое место', *жаты* 'твердый' — *жаты-кото* 'сухомятка', *шау* — звукоподражание — *шау-шыу* 'гвалт, шум'; 4) присоединение сингармонически противопоставленного варианта слова с частным изменением его фонемного состава, в частности гласных и некоторых согласных: *тимер* 'железо' — *тимер-томор* 'всякие железные изделия, лом', *иске* 'старый' — *иске-моско* 'всякое старье'; 5) более частные (не поддающиеся обобщению) преобразования фонемного строения исходного слова типа *акһак-тукһак* 'всякие хромые' от *акһак* 'хромо́й', *әпен-тәпон* '(поесть) кое-как' от *әпен*, которое самостоятельно не употребляется.

МОРФОЛОГИЯ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Структура слова и его форм, составляющая основной предмет морфологии, представляет слово в двух принципиально различных аспектах: как лексическую единицу и как грамматическую единицу.

По своей морфологической структуре слово как единица словаря является корневой морфемой или иноязычным заимствованием либо представляет собой один из основных типов производных лексических единиц. Эти типы следующие:

1) производное слово, образованное путем прибавления деривационного аффикса: а) к корневой морфеме: *баш* 'голова' — *баш-ла-* 'начинать', *биш* 'пять' — *биш-лек* 'пятерка'; б) к производной лексеме предыдущего типа и сходного строения: *башла-н-* 'начинаться', *башлан-ғыс* 'начальный'; в) к сложным словам: *богөн* 'сегодня' — *богөн-гө* 'сегодняшний', *бийыл* 'в этом году' — *бийыл-ғы* 'этого года', *аң-белем* 'образование, знание' — *аң-белем-ле* 'образованный', *ата-эсә* 'родители' — *ата-эсә-һез* 'круглый сирота', *бер катлы* 'наивный' — *бер катлы-лык* 'наивность'; г) к производным словам, образованным способом редупликации: *сожор-сажыр* 'ухабистое место' — *сожор-сажыр-лы* 'ухабистый'; *шау-шыу* 'шум, гам' — *шау-шыу-һыз* 'без шума'; д) к звукоподражаниям: *шыж-ла* 'шипеть', *ғыр-ла-* 'хрипеть', *терт-лә* 'вздрагнуть', *шығыр-за-* 'скрипеть';

2) сложное слово, в котором в качестве производящих основ могут быть использованы корневые морфемы (*билбау* 'кушак') и производные слова аффиксального происхождения (*көнбайыш* 'запад'), и иные типы производных лексем: *ялт ит-* 'сверкать', *ялт-йолт ит-* 'сверкать с переливами';

3) производное слово, образованное способом редупликации: *кыйык-мыйык* 'вкривь и вкось', *тимер-томор* 'всякие железные изделия, железный лом';

4) звукоподражания: *доңк!* 'бац!';

5) производное слово, созданное комбинациями различных способов словообразования, в частности: а) сложения и аффиксации: *аталы-уллы* 'отец с сыном', *ирле-катынлы* 'супруги (оба)', *эрле-бирле* 'туда-сюда, взад-вперед', *һатып ал-* 'купить', *тирләп-бешеп* 'обливаясь потом'; б) звукоподражания и редупликации: *сылтыр-сылтыр* 'журча', *шыпырт-шыпырт* 'тихоноcko, втихомолку'; в) звукоподражания, редупликации и сложения: *ығы-зығы кил-* 'суетиться, поднимая шум', *ыж-мыж ит-* (реже: *ыж-мыж кил-*) 'запинаться, мяться (не найдя нужного слова)';

6) производное слово иноязычного происхождения, созданное путем дезаффиксации: *революцион* 'революционный', *пролетар* 'пролетарский' и т. п.

Хотя все эти структурные типы слов на собственно грамматическом уровне и выступают в принципе на одинаковых правах не только как словарные, но и как морфологические единицы¹, их морфемное членение, морфологическое строение и т. д. не могут не быть предметом морфологии. Во-первых, и сло-

¹ Части речи объединяют слова с самой различной морфологической структурой, которые единственно используются формобразованием и синтаксическими функциями, характерными для данной части речи (например, существительные, глаголы, наречия и др.).

вообразование и формобразование осуществляются в принципе одними и теми же способами формального выражения — аффиксацией, сложением и редупликацией; во-вторых, словообразовательные формы слова за очень небольшим исключением сами по себе характеризуют его с точки зрения категориальной принадлежности, составляющей один из необходимых признаков слова как основной единицы грамматики, что применительно к тюркской морфологии в силу известных причин приобретает особо важную значимость; в-третьих, словообразовательный процесс производится в основном в грамматически организованном порядке, имеющем прямое отношение к морфологии хотя бы по сущности морфемного членения производной лексемы и производных грамматических форм, образованных от нее; в-четвертых, как это наглядно подтверждают процессы лексикализации собственно грамматических форм² и нередко встречающиеся явления грамматикализации некоторых словообразовательных форм³, между словообразованием и формобразованием применительно к ряду ярко выраженных категорий глагола (формы залога, формы возможности типа *бара ал* — 'мочь пойти' и т. п.), и имен (степени сравнения прилагательных и наречий, в какой-то мере уменьшительные формы имен существительных и т. п.) нет четких границ. К тому же грамматическая квалификация производных форм числительных (особенно порядковых, приблизительных, неопределенных и т. п.) и местоимений до сих пор продолжает оставаться неясной, хотя их словообразовательный характер и представляется совершенно очевидным хотя бы по выполняемой ими синтаксической функции.

Вместе с тем ясно, что морфологическая структура слова как единицы словаря составляет лишь особый, отнюдь не основной предмет морфологии, а именно словообразовательную морфологию, тогда как структура слова и его форм как единиц грамматики занимает в морфологии центральное место.

Все слова как грамматические единицы по своей структуре делятся на два морфологических разряда: 1) морфологически изменяемые слова, представленные более чем одной формой при одном и том же лексическом значении, закрепленном за их лексической основой — словарной формой, 2) морфологически неизменяемые слова.

В морфологически неизменяемом слове, словарная форма которого представляет его единственную словоформу как единицу морфологии, морфемное членение производится, естественно, на общих основаниях лишь на уровне словообразовательной морфологии.

В морфологически изменяемом слове словарная форма, независимо от своей структуры, представляет лишь одну из возможных его словоформ, именуемую обычно нулевой, как это имеет место, например, при склонении имени существительного или при его изменении по числам. И то не всегда: ни одна из словоформ глагола, в том числе и форма 2-го лица ед. числа императива, представляющая собственно лексическую основу, которая обязательно сопровождается соответствующей модальной интонацией, полностью не совпадает с глаголом как с лексической единицей. Глагол как лексема в так называемой нулевой форме выделяется поэтому весьма условно. Фактически эта его форма представляет отнюдь не словоформу — парадигму, а всего лишь лексическую основу, от которой образуются соответствующие глагольные словоформы. Говоря иными словами, все словоформы глагола по своему характеру являются производными от его лексической основы, тогда как одна из словоформ других изменяемых частей речи, в частности существительного, прилагательного и наречия, является исходной, полностью совпадающей со словом как с лексемой, а все остальные — факти-

² Юдашев А. А. Лексикализация тюркских грамматических форм. — ВЯ, 1977, № 1.

³ Например, словообразовательная форма на *-лык/-лек* в причастиях на *-ыр/-ер* приобрела по сути особое значение причастия: *барырлык* 'способный ходить', *танырлык* 'представляющий возможность узнать'. Далеко за пределы собственно словообразования выходит значение отыменных форм на *-лы, -лез*, именно поэтому нередко трактуемых как особые формы падежей.

чески производными от нее, хотя в их составе она и выделяется отнюдь не как словоформа, а лишь в качестве их лексической основы.

Производные словоформы образуются от лексической основы слова независимо от ее морфологической структуры тремя способами формального выражения: 1) с помощью аффиксов или их сочетаний, 2) аналитическим путем, 3) редупликацией.

Аффиксация была и остается основным средством образования грамматических форм слова, особенно в создании словоформ имен существительных. Аффиксальные словоформы обладают двойкой природой: одни из них образуются непосредственно от лексической основы (например, форма мн. числа имен на *-лар/-ләр*, форма интенсива прилагательных и наречий на *-рак/-рәк*, формы императива на *-һын/-һен* и т. п.), другие же — только от соответствующей грамматической формы слова (например, формы лица и числа в индикативе, обязательно предполагающие аффиксы категории времени, и т. п.), третьи могут быть образованы на одинаковых началах и непосредственно от лексической основы (ср. формы падежа) и от соответствующих словоформ (ср. те же формы падежа, образованные от формы мн. числа на *-лар/-ләр* или от форм принадлежности). Это предопределяется соотношением и сочетаемостью грамматических категорий данной части речи в пределах одной и той же словоформы⁴.

Существует строгая последовательность расположения аффиксов в рамках словоформы, обусловленная главным образом степенью абстрагированности грамматической категории, которую представляет тот или иной аффикс. Так, аффиксы лица в глагольных словоформах всегда замыкают их, аффиксы же склонения и времени неизменно становятся перед ними (ср. *бар-һа-м* 'если я пойду'). Аффиксы падежей тоже неизменно замыкают словоформу существительного, которая может содержать аффиксы категории принадлежности, занимающие в ней предпоследнее место, и аффикс множественности, обязательно расположенный перед аффиксом принадлежности (*бала-лар-ым-ды* 'моих детей').

Многomorphicные словоформы последовательно делятся на два члена, из которых правый — аффиксальный компонент уточняет левый в его отношении к определенной грамматической категории. Соответственно с устранением правого члена мы всякий раз получаем новую словоформу вплоть до нулевой формы данной части речи, совпадающей с лексической основой слова: ср. *балаларығызға* 'вашим детям' — *балаларығыз* 'ваши дети' — *балалар* 'дети' — *бала* 'ребенок'. По такому же строго дихотомическому принципу строится и многоморфемная лексема, возглавляемая одной корневой морфемой. Она тоже последовательно делится справа налево на два члена, из которых левый является производящей основой, а правый деривационным аффиксом. Устраняя правый член, мы последовательно получаем новую лексическую единицу: ср. *балыксылык* 'рыболовство' — *балыксы* 'рыболов', *балык* 'рыба'; *башкарыусы* 'исполнитель' — *башкар-* 'исполнять' — *баш* 'голова'.

В принципиальном строении лексемы агглютинативного происхождения и производной грамматической формы, образованной от нее с помощью аффикса, при всем изоморфизме есть и существенная разница: если в первом случае сочетание морфем дает в принципе семантически цельную качественно новую лексическую единицу, в рамках которой возможность осмысления этих морфем в отрыве друг от друга очень затруднена или вовсе исключается, то во втором случае каждая из сочетающихся морфем несет с собой строго определенное и к тому же самостоятельное, принципиально отличное от другого значения — лексическая основа выделяется как носитель лексического содержания словоформы, а аффикс как носитель ее грамматического

⁴ Чем меньше абстрагирована категория, которую представляет данный аффикс, тем ближе к лексической основе расположен ее показатель. Таковы, например, категория числа имени, категория глагольного отрицания, бытующие в морфемике на правах словообразовательной формы.

значения, наслаиваемого на лексическое значение слова без ущерба для него. Морфемное членение аффиксальной словоформы поэтому обычно совпадает с ее семантическим членением, чего нельзя сказать в целом о структуре лексем, образованной путем аффиксации⁵. Значение аффикса, представляющего ту или иную грамматическую категорию характеризуется не только ясностью и четкой раздельной формальной выраженностью, но и независимостью от лексического значения основы. И лишь некоторые периферийные грамматические категории, в частности категории числа имен, пространственные падежи существительных и т. п., в нарушение данного общего правила, в известной мере видоизменяют свои типичные грамматические значения в зависимости от характера лексического значения основы, от которой они образуются.

Аффиксы, с помощью которых образуются производные грамматические формы слов, принято считать обычно однозначными. Но по меньшей мере половина таких аффиксов имеют по два и более значений, каждое из которых реализуется в зависимости от определенных условий применения аффикса. Причем среди них немало и таких аффиксов, которые, вопреки утвердившемуся явно априорному мнению, выражают одновременно два или более принципиально различных грамматических значения. Так, например, аффиксы, выражающие категорию лица, сказуемости и принадлежности, одновременно представляют и категорию числа, исключая лишь аффикс *-лар/-лэр*, который, напротив, выражает категорию числа и одновременно представляет и категорию 3-го лица мн. числа. Аффиксы повелительного наклонения *-һын/-һен*, *-ығыз/-егез*, как и нулевая форма этого наклонения, несут с собой одновременно значение данного наклонения, лица и числа.

Формообразующие аффиксы характеризуются в целом не только полисемантичностью, но и полифункциональностью. За исключением аффиксов, выражающих сугубо частные грамматические категории (интенсив прилагательных и наречий на *-раж/-рәж*, категория числа, залог и т. п.), все формообразующие аффиксы не только выражают ту или иную грамматическую категорию (падеж, наклонение, время, лицо и т. п.), но и служат средством формального выражения синтаксических отношений слов, в частности синтаксической соотнесенности слова со словоизменительным аффиксом с другими словами. Причем многие аффиксы и в случае выражения синтаксических отношений несут одновременно две нагрузки: оформляют связь данного слова с другим и служат определяющим (конституирующим) элементом структуры соответствующей синтаксической конструкции. Таковы, например, аффиксы условного наклонения, которые уточняют глагол с точки зрения наклонения, указывают на его зависимость от последующего сказуемого, а тем самым и на зависимость всей предшествующей части предложения от последующей, и служат наиболее ярким формальным признаком условного периода, являясь фактически конституирующим его необходимым структурным элементом. Таковы, далее, вообще все многочисленные словоформы имен (падежные аффиксы) и глаголов (формы дееспричастия, некоторые формы причастия и т. п.), оформляющие так называемые синтетические придаточные предложения и принципиально сходные изоморфные конструкции, являясь их обязательным организующим структурным компонентом — зависимым сказуемым.

Все словоизменительные ударные аффиксы, замыкающие словоформу, используются как сигнал для интонационного выделения соответствующих

⁵ Правда, и в словообразовательных формах диахронически выделяются типовые словообразовательные значения вроде 'занимающийся тем, что обозначено производящей основой' (*умартасы* 'пчеловод', *балыксы* 'рыбак'), на базе которого создается индивидуальное лексическое значение вновь образуемого слова. Но оно не может быть соотнесено только с аффиксом или производящей основой в отдельности, поскольку возникает как значение всей формы в зависимости от характера лексического значения производящей основы. Поэтому один и тот же деривационный аффикс при производящих основах данного семантического разряда приобретает одно такое типовое словообразовательное значение, при других производящих основах — другое.

частей предложения. Многие грамматические категории слов являются достоянием лишь данной части речи. Соответственно их аффиксальные показатели служат дополнительным средством формального выражения категориальной принадлежности данного слова.

Однозначно осмыслить значение смежных морфем помогает порядок следования аффиксов. Например, аффиксы лица в глаголе уточняют находящуюся слева словоформу целиком, указывая на соотношенность ее содержания со строго определенным действующим лицом; одновременно эти аффиксы способствуют только однозначному осмыслению содержания предыдущего аффикса наклонения или времени, который в той же позиции вне сочетания с личными аффиксами является вовсе не показателем временной формы, а собственно причастием или деепричастием.

При всей строгой закреплённости за каждым аффиксом определенной формообразующей функции между смежными аффиксами в зависимости от характера выражаемых ими грамматических значений возникают иногда частные смысловые связи, не предусмотренные законами их сочетаемости в словоформе и обусловленные чаще всего спецификой лексического значения основы. Так, например, деепричастный аффикс *-ғас/-ғәс*, выражающий обычно ограничительное предшествование как условие, при котором совершается последующее действие, после аффикса глагольного отрицания *-ма/-мә* неизменно выражает причинно-следственные отношения, тогда как предыдущий аффикс выступает в своем обычном значении. Очень много сходных модификаций значений имеют аффиксы пространственных падежей в зависимости от аффиксального оформления лексической основы типа *алғанға*, *алғанлыжтан* 'из-за того, что взял', *алыу-ға* 'к тому времени, когда взял'. Сами пространственные падежи, в свою очередь, могут входить в частные словообразовательные отношения с деривационными аффиксами: ср. *анда* 'там' — *андағы* 'находящийся там', *беззә* 'у нас' — *беззәге* 'находящийся у нас'.

На базе сходных частных смысловых связей между смежными аффиксами происходят иногда и необратимые семантические сдвиги, приводящие к образованию качественно нового цельного сложного аффикса, представляющего сложение двух аффиксов. Именно таким путем возникли, например, аффикс целевого инфинитива на *-(ы)рға/-(е)ргә*, исторически представляющий сложение аффикса причастия *-ыр/-ар* и аффикса дательного падежа *-ға/-гә*, аффикс наклонения намерения *-максы/-максе*, восходящий к слиянию аффикса имени действия *-мак/-мак* с аффиксом имен деятеля *-сы/-се*.

Монолитных сложных аффиксов, в рамках которых их составляющие части лишены самостоятельного осмысления в отрыве друг от друга, особенно много в области словообразования как современного (1), так и древнего (2): 1) *-лат/-ләт* (< *-ла+-т/-лә+-т*), *-лан/-лән* (< *-ла/-лә+-н*), *-лаш/-ләш* (< *-ла/-лә+-ш*) и т. п., где слагаемые аффиксы, взятые отдельно, несут в себе взаимоисключающие значения (переходность/непереходность, активность/неактивность, действие/состояние), которые унифицируются значением замыкающего компонента, нейтрализующего, таким образом, взаимоисключающее значение предыдущего компонента; 2) *-елдерек* (ср. *күз-елдерек* 'очки', *сой-өлдөрөк* 'супонь'), *-ала/-әлә* (*жыуала* 'гонять, погонять', *жуала* 'порошить, мять', *сүгәлә* 'приседать'), *-арла/-әрлә* (ср. *йомарла* 'скатывать', *бөгәрлә* 'мять', *ботарла* 'разламывать'), *-енте* (*һоронтө ер* 'папня', *һуренте ер* 'питка, выдернутая из ткани'), *-декле* (*белдекле* 'знарок, знающий свое дело', *булдыжлы* 'способный') и т. п.⁶ Несмотря на очевидный производный характер, такие аффиксы в современном языке воспринимаются и функционируют как неделимые аффиксальные морфемы⁷. Соответственно при

⁶ Эти аффиксы выделяются на том основании, что образуют глаголы непосредственно от именных основ: ср. *ярай-лан* 'обеднеть', *урын-лаш* 'устраиваться' (нет глаголов *ярай-ла-*, *урын-ла-*).

⁷ Часть сложных аффиксов сходного рода возникла в результате потери продуктивности деривационного аффикса, предполагавшего производящую основу определенной структуры: ср. *ары-м-тал* (*кеше*) 'легко утомляющийся (человек)', *йөрө-м-тал* (*ат*) 'ходкий'

морфемном членении слова они выделяются как одна морфема, дальнейшее членение которой значимо лишь в исторической морфологии и в исторической лексикологии.

Для аффиксов в историческом плане характерна в известной мере и эволюция их значений. Так, аффиксы, выражающие ныне категорию времени индикатива, почти все восходят к формантам причастий или деепричастий, бытующим ныне с ними в одном ряду на правах совершенно изолированных омонимов. Аффиксальная омонимия еще чаще прослеживается в области словообразования. Немало аффиксов, которые в одном из своих значений бытуют в сфере формообразования, в другом — в словообразовании, представляя собой также лишь омонимы. Таковы, в частности, аффиксы деепричастий, широко используемые в словообразовании глагола в совершенно ином качестве — лишь как структурная морфема, лишенная всякого значения⁸.

Для аффиксальных морфем характерна также и синонимия, особенно для деривационных аффиксов. В этом отношении очень показательна система отыменного аффиксального образования глаголов состояния с единым типовым словообразовательным значением 'приобрести свойство, названное производящей основой', в котором выделяется целая серия аффиксов, вовлекающих в словообразование названия качества, в частности прилагательное и т. п. В результате появляются абсолютные синонимы вроде *насарлан-/насарай-* 'ухудшаться', расширяющие стилистические возможности языка.

По внешнему строению аффиксы характеризуются большой вариативностью. Причем их фонеморфологические модификации в башкирском языке в целом как по вокализму, так и, в особенности, по инициальному согласному *д, н, л* гораздо шире, чем в большинстве тюркских языков. Достаточно сказать, что один и тот же аффикс в зависимости от условий своего употребления может иметь до 16 алломорфов, в их числе четыре алломорфа только по составу гласных. При аффиксации некоторые фонеморфологические вариации допускает и основа слова. Но в этом отношении как раз башкирский язык мало отличается от остальных тюркских языков.

Аффиксация как способ формального выражения широко применяется в образовании аналитических форм и отчасти при редупликации.

Аналитические формы по своей природе бывают двух видов:

1) большинство их исторически представляет сложение соответствующей аффиксальной формы слова, в частности деепричастия, со служебным словом, которое, семантически сливаясь с предыдущим аффиксом, замыкающим лексическую основу (ядро) данного слова, выделяется и существует вместе с ним как одна сложная морфема аффиксального характера, регулярно прибавляемая к основе слова в одном и том же значении: ср. *бар-а инек* 'мы шли', *бар-ыр инек* 'я бы пошел', *бар-а торғас* 'идя (туда)', где выделяются сложные аффиксоподобные формативы *-а ине*, *-ыр ине*, *-а торғас* как устойчивые показатели соответствующей грамматической категории (первая морфема выражает прошедшее незаконченное время индикатива, вторая — сослагательное наклонение, третья — деепричастие со значением следствия);

2) многие аналитические формы предстают как устойчивые, но в принципе свободные сочетания одной из словоформ слова со служебным словом, уточняющим ее в отношении какой-либо грамматической категории: ср. *бармаксы* 'он намерен идти' и *бармаксы ине* 'он был намерен идти', а также нулевые формы сказуемости типа *кызык* 'интересный', *артист* в их отношении к синтаксическому индикативу типа *кызык ине* 'было интересно', *кызык булманы* 'было не интересно', *артист булды* 'он стал артистом'.

(копь)', *ошо-м-тэл (кеше)* 'мерзлячка', где производящей основой служила рудиментарная форма имени действия на *-ым/-ем*, аффикс которого слился со словообразующим аффиксом *-тал/-тэл* по мере потери его продуктивности.

⁸ Юлдашев А. А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977, с. 86—133; Азтямов М. Х. Образование лексико-грамматических омонимов (омоформ) в башкирском языке. — В кн.: Башкирская лексика. Уфа, 1966, с. 24; Джурабаев М. А. Аффиксальная омонимия в узбекском языке. Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Ташкент, 1975.]

В первом случае непосредственно составляющие элементы аналитической формы фактически лишены характера значащей морфемы, в ее рамках они не могут быть даже осмыслены в отрыве друг от друга, представляя лишь в своей совокупности как одна сложная семантически цельная морфема аффиксального типа. Во втором случае служебное слово выделяется в относительно автономном грамматическом значении, которое обычно передается аффиксом. Первый случай чередует мостик к аффиксации, как об этом наглядно свидетельствует принципиальная возможность превращения аффиксоподобного сходного форманта в собственно сложный производный аффикс типа *(бар)ғайны* < *(бар)ған ине* 'он ходил', *(кил)ғэйне* < *(кил)ған ине* 'он приходил'. Во втором же случае обнаруживается в принципе полный изоморфизм с сочетанием полпозначного имени с послелогом, от которого аналитические формы отличаются, однако, своим сугубо грамматическим значением и входением в этом значении в бинарное противопоставление с нулевой формой слова.

Нулевая форма представляет значимое отсутствие служебного слова — ср. формы на *-максы/-максе* и *-максы ине/-максе ине*, где первая форма сама по себе не имеет положительного содержания настоящего времени и не выражает его, а получает это содержание лишь постольку, поскольку положительное содержание времени, в частности значение прошедшего, однозначного выражено формально в составе отмеченного члена противопоставления на *-максы ине*, по отношению к которому неотмеченный член *-максы/-максе* и воспринимается как непрошедшее время наклонения намерения⁹.

Первая группа аналитических форм характерна главным образом для парадигматики и словообразования глагола, вторая — преимущественно для имен в позиции сказуемого со связкой.

Аналитические формы в целом особенно большое место занимают в системе глагола, где они прочно стали в одном ряду со словообразовательными и собственно грамматическими аффиксальными формами.

Редупликация, необычайно широко используемая как продуктивный способ создания эмоционально-экспрессивной лексики, в частности звукоподражаний, образоподражаний, существительных и отчасти наречий с собирательным ироническим значением, представлена в башкирском языке следующими основными разновидностями:

1) полная редупликация: а) звукоподражательных или образоподражательных комплексов, обычно не имеющих самостоятельного употребления (*шыптыр-шыптыр* 'шурша, шелестя, с шумом', *шыпын-шыпын* 'тихомолку'), б) словарных форм слов, в частности прилагательных типа *оло-оло өйзәр* 'большие-большие дома', в) аффиксальных форм слова типа редуплицированной регулярной формы деепричастия типа *бара-бара* 'идя', *укий-укий* 'читая', представляющей одну из парадигм глагола;

2) повторение лишь первого слога слова с добавлением структурной морфемы *-п-* (в отдельных случаях *-пп-*, *-м-*) и с перенесением ударения на редупликацию типа *кып-кызыл* 'красный-красный', *кап-кара* 'черный-черный';

3) повторение с изменением фонемного строения слова: а) фонемологическое контрастирующее варьирование по признаку сингармонизма типа *тижер-томор* 'разное железо, железный лом', *иске-мошко* 'всякое старье', б) замена первого гласного или начального согласного слова типа *һирәк-мирәк* 'изредка', *кыйык-мыйык* 'вкривь и вкось', *сокор-сақыр* 'ухабистое место', *каты-кото* 'сухомятка', в) вставка структурной морфемы типа *-м-*, *-һ-*; *ағас-мағас* 'деревья всякие', *имеш-мимеш* 'слухи всякие', *урьк-һурьк* 'урьками', г) более частные, но не менее существенные изменения фонемного состава слова типа *акһак-туһак* 'всякие хромые', *әпен-тәпәп* 'кое-как (поест)'. Из этих структурных типов повторов в целом наиболее широкое

⁹ Более подробно о природе аналитических форм см.: Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965; Оралбаева П. Аналитические формы глагола в современном казахском языке. Автореф. дис. . . . д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1971.

применение имеют первый и последний. В формообразовании участвуют лишь второй и отчасти первый (повторение формы деепричастия) структурные типы.

Грамматические формы слов независимо от того, каким из рассмотренных трех основных способов формального выражения они образованы, представляют соответствующие категории, существующие в принципе на одинаковых правах. Так, деепричастия представлены главным образом аффиксальными словоформами, в одном ряду с ними бытуют отдельные аналитические формы деепричастия типа *-a торғас* и редуцированная регулярная форма деепричастия на *-а/-ә, -й*. Формы прошедшего времени индикатива в большинстве случаев образуются аналитическим способом, и лишь две из них образуются с помощью аффиксов. Оба структурных типа форм являются совершенно равноправными парадигмами глагола.

Как и в других тюркских языках, в башкирском языке более или менее развешленную систему словоформ имеют лишь имена существительные и глаголы, поляризованные по категориальному значению, парадигматике и синтаксическим функциям. Кроме них, в формообразовании участвуют лишь имена прилагательные и наречия, образуя две разновидности интензива, или степеней сравнения. Местоимения и имена числительные в необходимых случаях пользуются на общих основаниях грамматическими формами, характерными для имени существительного.

В словоизменительной морфологии по сравнению с другими тюркскими языками во многом своеобразной представляется только лишь парадигматика глагола, почти полностью совпадающая лишь с парадигматикой глагола в татарском языке. Словообразовательная же морфология имеет в целом гораздо более значительные особенности как по составу словообразовательных типов и форм, так и, в особенности, по степени их продуктивности. В этом отношении башкирская морфология во многом существенно отличается даже от татарской.

Кроме того, в морфологии современного башкирского литературного языка обращает на себя внимание наличие синонимичных форм типа *барғым килә/барһым килә* 'хочу идти', а также очень близких по значению форм вроде *бармаксы* 'он намерен идти', *барырга итә/барырга иҫәпләй/барырга уйлай* 'он собирается идти', *барырга булды* 'он решил пойти' и т. п.

Все слова современного башкирского литературного языка как единицы грамматики сообразно со своим категориальным значением, морфологической изменяемостью или неизменяемостью и по синтаксическим функциям делятся на 12 частей речи: существительное, местоимение, числительное, прилагательное, наречие, глагол, подражательные слова, модальные слова, междометия, послелог, союзы, частицы.

По степени лексико-семантической полнотности и самостоятельности и по способности выступать на уровне синтаксиса в качестве отдельного члена предложения или словосочетания части речи объединяются в два разряда: первые девять частей речи составляют знаменательные слова, последние три — служебные слова, противопоставленные знаменательным частям речи главным образом своей неспособностью выполнять функцию отдельного члена предложения и своим назначением для выражения семантико-синтаксических отношений между знаменательными словами или частями предложения.

Среди знаменательных частей речи по своей грамматической значимости выделяются две поляризованные части речи — существительное и глагол, составляющие основу грамматического строя тюркских языков. Противопоставленные друг другу и парадигматически, и синтагматически, они генерализуют вокруг себя почти все остальные части речи. Да и по коммуникативной значимости существительное и глагол занимают в речи ведущее положение, представляя субъект и предикат всякого суждения. Соответственно они доминируют и в словаре — существительные составляют в целом половину лексики, далее по численности следует глагол, насчитывающий примерно более 15 тыс. стабильных основ. Остальные части речи, вернее ста-

бильный их лексический состав, в сумме составляют немногим более четверти всего словаря.

Существительное и глагол уже на лексико-семантическом уровне характеризуются четкой и последовательной дифференцированностью и противопоставляются друг другу по своим категориальным значениям и синтаксическим потенциям, не говоря о дифференцированности разветвленной системы их словообразовательных и словоизменительных форм, однозначно определяющих их категориальную принадлежность и одновременно отличающих их как друг от друга, так и от остальных частей речи.

Из всех частей речи и существительное и глагол обладают самой многочисленной системой словоформ, которые и представляют их грамматические категории, исключая использование одной из них в роли другой, тогда как любые другие части речи могут быть осмыслены как существительные. Даже общие для них обоих грамматические категории представлены разными формами (ср. предикативные формы глагола и существительного), в том числе и принципиально разными способами формального выражения (ср. отрицание, выражаемое при существительном лексико-синтаксически, а в глаголе специальным аффиксом), исключая множественное число, выражаемое главным образом афф. *-лар/-лар*.

Четко распределены роли существительного и глагола в синтаксисе, где они в своих основных словоформах, составляющих их сущность как части речи (основной падеж существительного и личные формы глагола), тоже противопоставлены друг другу по выполняемой синтаксической функции, исключая функцию сказуемого, где существительное выравнивается по аналогии с глаголом, принимая формы сказуемости. Глагол неизменно управляет существительным и в предложении выступает, будучи сказуемым, ведущим конституирующим структурным элементом всего предложения, соотносящимся с подлежащим-существительным.

Существительное генерализует все остальные именные части речи, послелоги и частицы: прилагательное, послелоги и частицы взаимодействуют с ним на разных началах как зависимые, подчиненные ему слова, предназначенные для уточнения его содержания, а местоимения и числительные по существу распадаются на лексико-семантические разновидности существительного (личные местоимения, часть всех остальных разрядов местоимений; количественные и собирательные числительные) и прилагательного (часть указательных, вопросительных, определительных и неопределенных местоимений, порядковые, разделительные, приблизительные числительные), которые по морфологической изменямости, синтаксическим функциям и категориальному значению мало чем отличаются от собственно существительных и прилагательных, по аналогии с которыми они выравниваются в каждом данном своем употреблении. (Среди самих общепризнанных существительных также есть разряды, например собственные имена определенного профиля, которые в сфере формообразования и по синтаксическому использованию обнаруживают значительные отклонения от общих правил функционирования остальных существительных.)

Из именных частей речи по степени своей лексико-семантической, морфологической и синтаксической дифференцированности и обособленности после существительного можно назвать, таким образом, только прилагательное, выражающее признак предмета. Местоимения и числительные как в свободном, так и, в особенности, в связанном употреблении так или иначе в конечном итоге функционируют либо как существительные, либо как прилагательные, а часть их в зависимости от условий реализации может быть и в том, и в другом качестве, однако, преимущественно лишь в одном из них¹⁰.

По категориальному значению и морфологической изменямости к прилагательному ближе всего стоит наречье, предназначенное, однако, для выражения не признака предмета, а признака самого признака, причем пре-

¹⁰ Значительная часть вопросительных местоимений по сути бытует на правах наречий (ср. *касан килэ?* 'когда придёт?').

имущественно признака живого действия как его определенного параметра в пространстве и времени (этим и объясняется принципиальная возможность использования одной и той же лексемы и как прилагательного, и как наречия не только в тюркских языках, но и в языках иных семей). При всей естественной лексико-семантической близости к прилагательному наречие на собственном грамматическом уровне входит в сферу принципиально иного синтаксического полюса — глагола, подчиняется ему, зависит от него, характеризуя его как часть речи.

По категориальному значению к наречию сравнительно близко стоит большинство модальных слов. Но они, в отличие от наречий и прилагательных, не связаны с определенной частью речи и характеризуют обычно не столько определенный член предложения, сколько все предложение или его часть. Более того, многие модальные слова имеют преимущественно предикативное употребление и в этом отношении сближаются с глаголом (а слова типа *кэрэж* 'нужно, надо', *тейеш* 'должен' даже частично пользуются формобразованием глагола). Некоторые же модальные слова функционально весьма близки к частицам. Будучи в целом разнородными семасиологически и синтаксически, модальные слова тем не менее не совпадают полностью ни с одним другим классом слов. Это и позволяет выделить их как самостоятельную часть речи.

По сравнению с остальными частями речи особняком стоит междометия, которые на синтаксическом уровне тоже характеризуются обособленностью: находятся, по существу, вне структурной схемы предложения, появляются в нем лишь соотносясь с коммуникативными запросами; нередко выступают и как самостоятельное высказывание, особенно в диалогической речи. Из всех частей речи известную общность на морфологическом и синтаксическом уровнях междометия имеют лишь с некоторыми модальными словами, а также с отдельными предикативно употребляемыми звукоподражаниями и образоподражаниями. Среди междометий особый по назначению класс слов составляют вокативы-императивы, в частности, особые звательные лексические единицы, предназначенные для отгона и подзыва животных и т. п. Отдельные из таких вокативов выделяются также и по фонемному составу. Так, вокатив *тррр*, предназначенный для остановки лошади, содержит губно-губной *р*, радикально отличающийся от обычного *р* и представленный только в этом единственном слове. Междометные звательные слова в целом функционально близки к глагольным императивам типа *эйзук!* 'проходите!', *йэгез!* 'давайте!'

Морфонологически к междометиям близко стоят звукоподражания и образоподражания, которые в свободном употреблении имеют преимущественно предикативное назначение, наподобие глагола. Одни звукоподражания и образоподражания имеют устойчивое фонемное строение и обладают регулярной воспроизводимостью в одном и том же значении во всех нужных случаях, т. е. наделены всеми необходимыми признаками полнозначного слова, а другие в определенных пределах и случаях допускают без ущерба для их значения замену одного звука другим и к тому же нередко создаются непосредственно в момент речи для данного высказывания по определенным типовым образцам и после их единичного употребления как бы «рассыпаются» и в качестве готовой стабильной лексической единицы больше не существуют. В словарях регистрируются, естественно, лишь регулярно воссоздаваемые более или менее стабильные звукоподражания и образоподражания. Мобильный состав звукоподражательных слов большей частью представляет предмет специальных морфологических описаний, где и дано их строение по выработанным типовым моделям.

Другую характерную особенность звукоподражаний и образоподражаний составляет их преимущественно связанное употребление с глаголом *ит-* 'делать' или в составе производной глагольной основы, образованной с помощью деривационного аффикса. Свободным же употреблением обладает в целом лишь часть звукоподражательных и образоподражательных слов.

При этом они обычно выполняют функцию сказуемого или же представляют даже самостоятельное высказывание.

Среди служебных частей речи высокой развитостью и большей значимостью на грамматическом уровне выделяются послелогои, предназначенные главным образом для выражения синтаксических отношений при имени, а при глаголе, в частности, при имени действия, и причастии употребляемые постольку, поскольку эти формы по категориальному значению выравниваются по аналогии с существительным (при этом причастия принимают даже формы соответствующих падежей, тем самым на общих основаниях подчиняясь падежному управлению данного послелогоа).

Послелогои весьма разнородны по сфере своего употребления, значениям и функциям, а также по управлению падежами. Одни из них, в частности, *аржыры*, *аша* 'через', *утэ* 'сквозь', *хажта*, *турала* 'о', употребляются только при имени. Другие, например *күрә* 'благодаря', *сәбәле* 'по причине, благодаря' и т. п., преимущественно выступают при глаголе. Послелогои *һуң* 'после', *борон* 'до', *алын* 'начиная', *айжанлы* 'из-за' и т. п. представляют лексико-грамматические омонимы соответствующих знаменательных слов и образуют послелогожно-глагольные конструкции для выражения целого ряда структурных типов связанного сказуемого.

Подавляющее же большинство послелогогов выступает преимущественно при имени и отчасти при разных формах глагола, как правило, в одном и том же значении (таковы, в частности, сравнительные послелогои *кеуек*, *шикелле*, *һымаж* 'как, подобно', причинные послелогои *өсөн* 'для', *сәбәле* 'по причине, благодаря', послелогои с временным или пространственным значением типа *бирле* 'начиная', *тиклем* 'до', а также послелогои *хажында*, *тураһында* 'о'). Отдельные послелогои при имени обнаруживают одно значение, при глаголе — другое. Таков, например, послелог *менән*, который при существительном имеет орудное или совместное значение (*балта менән* 'топором', *кызар менән* 'вместе с девушками'), а при имени действия выражает ограничительно-временное значение (*килеу менән* 'как только прибыл').

Послелогои *өсөн*, *кеуек*, *шикелле*, *һымаж*, *һайын*, *бирле*, *тиклем*, *сажлы*, *хәтлем*, *кәзәре* широко применяются в значении подчинительного союза в составе придаточной части сложноподчиненных предложений.

В предлагаемом ниже очерке о послелогогах охарактеризованы по традиции далеко не все из них, как в этом можно легко убедиться, ознакомившись с соответствующими разделами синтаксиса, восполняющими этот традиционный пробел.

Очерк о послелогогах не включает в себя также и обзор так называемых служебных имен, которые принято описывать в одном ряду с послелогогами. Это вызвано принципиальными соображениями, которые обоснованы на уровне как башкирского, так и общетюркского языкознания¹¹.

Служебные имена как таковые могут быть выделены только с точки зрения их переводимости на русский язык действительно служебной частью речи — предлогами. Из них служебную функцию, сходную с назначением послелогогов, выполняют лишь лексикализованные формы *аржаһында* 'вследствие, по причине' и, отчасти, *өст(өндә)*, *буй(ы, -ына)*, *арт(ынан)*, *алд(ында)*, когда они, теряя категориальное свойство существительного, после названий абстрактных понятий выражают отвлеченные пространственные и временные отношения.

Слово *өстөндә* в сочетании с абстрактным названием *тема*, *проблема* приобретает служебное значение 'над' (1), а при названии действия типа *эш* 'дело, работа', лексикализуется (2): 1) *Была тема өстөндә ике йыл эшләнем* 'Я работал над этой темой два года'; 2) *эш өстө* 'страда', *урак өстө* 'жатва, период жатвы', *бесән өстө* 'сенокос, период сенокоса'. Лексикализованная форма *буйы* (*буй* 'рост, длина'), сочетаясь с названиями времени типа *сәғәт*

¹¹ См.: Юлдашев А. А. К характеристике служебных имен в башкирском языке. — Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1972, с. 39—51; Он же. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972, с. 304—325.

'час', *көн* 'день', означает 'на протяжении времени, названном предыдущим именем': *йыл буйына* 'в течение года', *ике ай буйы* 'в течение двух месяцев'. В сочетании с существительными, выражающими неопределенное множество предметов, абстрагируется и по своему положению напоминает послелог *араһында* (*ара* 'промежуток'): *халыҡ араһында* 'среди народа', *япраҡ араһында* 'среди листвы'. Форма *артынан* (*арт* 'задняя сторона'), находясь после дополнения перед глаголами движения типа *бар-* 'идти', *кил-* 'прийти', в зависимости от контекста может означать 'за кем-л./чем-л. (цель)' или 'следом за кем-л./чем-л.': *справка артынан килдем* 'я пришел за справкой', *машина артынан барҙыҡ* 'мы шли (ехали) вслед за машиной' и 'мы ходили, ездили за машиной (цель)'; *артындан килдем* 'я пришел за тобой (чтобы увести тебя)' и 'я шел за тобой (следом)'. В известной мере абстрагируется в зависимости от условий своего употребления форма *алдында* (*алд* 'передняя сторона'), *халыҡ алдында оят* 'стыдно перед народом'.

В остальных же случаях эти существительные, как и все так называемые служебные имена, выступают в своем обычном лексическом значении в качестве существительных: ср. *һыу өстөндә* 'на поверхности воды', *тау баһында* 'на вершине горы', *тау битендә* 'на склоне горы', *тау бороһонда* 'на выступе горы', *тау аһтында* 'у подножья горы', *кул йөзөндә* 'на глади озера', *кул тиҙәһендә* 'вокруг озера', *кул яһында* 'около озера', *урам уртаһында* 'на середине улицы', *мәктәп эргәһендә* 'около, вокруг школы', *алдында* 'передо мною', *артында* 'за мною', *өй эсендә* 'внутри дома' и т. п.

Обозначая синтаксические отношения между именами или между именем и глаголом, собственно послелоги функционально ближе всего стоят к союзам. Этим и вызвано широкое использование ряда послелогов в роли союзов.

Собственно союзов в башкирском языке в целом немного. Они характеризуются четкостью своих значений и функций. Наряду с ними необычайно широко употребляются союзные слова *тип* 'для; чтобы; с тем, чтобы', *тигән* 'такой'. Кроме того, говоря о союзах, нельзя обойти молчанием широко употребительные в составе сложных предложений одиночные и парные относительные слова, как и союзы, предопределяющие структуру и семантику ряда так называемых авалитических сложноподчиненных предложений.

В функции союзов выступают некоторые послелоги и усилительная частица *да/дә, та/тә, ҙа/ҙә, ла/лә*. Союзы, в целом не получившие в башкирском языке значительного развития, тесно взаимодействуют с остальными средствами выражения синтаксической связи слов, членов и частей предложения, особенно со специальными словоформами такого назначения, которые доминируют над ними на уровне усложненного простого предложения и в синтаксисе сложного предложения. Нередко союзная связь без ущерба для нее может быть заменена словоформой сказуемого. В ряде случаев употребление союза носит факультативный характер (в частности, союзы *әгәр* 'если' при условном наклонении глагола, *һәм* 'и', значение которого может передаваться интонацией и местоположением членов и частей предложения). Вместе с тем, многие союзы составляют необходимый конституирующий элемент ряда структурно-семантических типов сложных предложений (см., например, раздел «Сложносочиненное предложение с союзами»).

Самый малочисленный, но очень разнородный класс слов составляют частицы, большинство из которых функционирует на правах аффиксов, хотя за небольшим исключением и имеет раздельное написание, отражающее возможность интонационного выделения частиц. Одни из них по назначению близки к модальным словам (таковы все модальные частицы, например частица *дыр/дер*, выражающая неуверенное предположение), другие — к наречиям (такова частица *әле*, обозначающая преимущественно временные отношения), третьи мало чем отличаются от аффиксов (такова вопросительная частица *мы/ме*, которая может быть представлена перед замыкающим аффиксом словоформы: *һаумыһығыҙ* 'здравствуйте').

Большинство частиц в одинаковом значении употребляется и при именах и при глаголе. Однако отдельные частицы по значению в этих двух случаях не совпадают: ср. *ул сы* 'он же' и *кил се* 'иди-ка', *без ҙә* 'мы тоже' и *килгәс тә*

‘как только явились’, *без генә* ‘только мы’ и *килгәс кенә* ‘лишь после прихода’. Частицы *сы/се* и *әле* модифицируют свое значение также в зависимости от формы глагола: ср. *белмайем се* ‘я ведь не знаю’ и *бир се* ‘дай, пожалуйста’; *кил әле* ‘иди-ка’ и *килмәне әле* ‘еще не явился’.

Усилительная частица *да/дә* характеризуется полифункциональностью. Помимо своего исходного назначения она употребляется в функции соединительного союза и, кроме того, участвует в создании аналитической формы уступительности на *-һа/-һә*, *-ла/-лә* (*барһа ла* ‘хотя и ходил, несмотря на то, что ходил’), аналитической формы деспричастия типа на *-ғас та* (*килгәс тә* ‘как только явился’), *-п та* (*йәй етеп тә кон йылыммай* ‘хотя и наступило лето, дни не потеплели’).

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имя существительное — часть речи со значением предметности в ее статике. Им обозначаются живые существа, предметы, явления реальной действительности, их отношения и состояния, абстрактные понятия.

Имя существительное в башкирском языке выступает в грамматических категориях падежа, числа, принадлежности, сказуемости.

На синтаксическом уровне имя существительное является одной из наиболее широкоиспользуемых частей речи, выполняющих чаще всего функцию подлежащего и дополнения, значительно реже — сказуемого, определения и обстоятельства.

В лексико-семантическом аспекте существительные делятся на имена собственные и нарицательные. К первой группе относятся имена людей, названия местностей, единичных предметов, прозвища и т. п. Имена нарицательные, составляющие половину лексики, являются обобщенными названиями множества однородных предметов, явлений, их отношений и состояний.

Одушевленность / неодушевленность в башкирском языке морфологически не выражена. Оставаясь на семантическом уровне, она в тюркских языках отчасти получает отражение в категориальной противопоставленности «личность / неличность», контролируемой подстановкой местоимения *кем* ‘кто’ только для наименования человека и местоимений *ни*, *нимә* ‘что’ — для названий всех остальных живых существ, предметов и явлений.

В башкирском языке, как и в других тюркских языках, нет грамматической категории рода. Существуют только лексические средства обозначения признаков пола.

Существительные, противопоставленные по обозначению мужского и женского пола, различаются лексически: *бабай* ‘дедушка’ — *әбей* ‘бабушка’, *үгез* ‘бык’ — *һыйыр* ‘корова’, *этәс* ‘петух’ — *тауыҡ* ‘курица’ и т. д. При отдельных названиях лиц, животных и птиц, не охарактеризованных по полу, в целях выражения этого признака употребляются слова-определители — *ир* ‘мужчина’, *кыз* ‘девочка’, *ата* ‘самец’, *инә* ‘самка’: *ир бала* ‘мальчик’ (букв. ‘мужчина-ребенок’) — *кыз бала* ‘девочка’ (букв. ‘девочка-ребенок’); *ата бесәй* ‘кот’ (букв. ‘самец-кошка’) — *инә бесәй* ‘кошка’ (букв. ‘самка-кошка’); *ата ҡаз* ‘гусак’, — *инә ҡаз* ‘гусыня’ и т. д.

В немногих названиях лица, особенно в личных именах арабского происхождения выделяется афф. -ә, который служит для различения лиц женского пола: *шағир* ‘поэт’, *шағирә* ‘поэтесса’, *Ғәлим* (муж. имя) — *Ғәлимә* (жен. имя), *Йәмил* — *Йәмилә*, *Кәрим* — *Кәримә* и т. п.

В личных именах персидского происхождения такого морфологического противопоставления нет, поэтому отдельные из них даются лицам мужского и женского пола: *Мәрүәр*, *Сәруәр*, *Фирзәүес* и др. В последнее время наблюдается усиление тенденции к наращиванию заимствованных женских имен, оканчивающихся обычно на согласные, финалями на гласные *-(и)ә*: *Ғәмбә-*

риэ в.м. Гэмбар, Гүзалиэ в.м. Гүзэл, Дилбарэ в.м. Дилбар, Гәүһәриэ в.м. Гәүһәр и т. д.

Следы обозначения пола морфологическими средствами имеются в зоонимах монгольского происхождения: *жонан* 'жеребец-трехлетка' — *жонажын* 'кобыла-трехлетка', *дунэн* 'жеребец-четырёхлетка' — *дунэжен* 'кобыла-четырёхлетка'. В некоторых терминах родства и свойства сохранились специфические древнетюркские аффиксы для обозначения лиц женского пола -са, -сә: *жозаса* 'сваха (молодая)', от *жоза* 'сват', *бисә* 'жена, женщина' от *бей* 'бей'; -ым, -эм: *ханым* 'ханша' от *хан*, *бикәм* 'старшие сестры мужа (по отношению к невесте, снохе)' от *бик*, *бәк* 'бек'; -сар, -сәр: *ейәнсәр* 'внучка' от *ейән* 'внук', *бүләсәр* 'правнучка' от *бүлә* 'правнук'.

Морфологическое различение пола в названиях лиц наблюдается и в новых заимствованиях из русского языка, в частности, в словах, обозначающих профессию, род занятий, звание и т. п.: *артист* — *артистка*, *комсомолец* — *комсомолка*, *санитар* — *санитарка*, *официант* — *официантка* и т. д. Однако такая дифференциация не проводится последовательно по всем разрядам заимствованных слов. И, наконец, под влиянием русского языка развились окончания мужского и женского рода в фамилиях и отчествах -ов(а), -ев(а), -ин(а); -ович, -евич, -ич, -евна, -овна; *Галимов* — *Галимова*, *Мухтарович* — *Мухтаровна* и т. д.

Все приведенные средства обозначения пола в основном остаются на лексико-семантическом и лексико-синтаксическом уровнях; они так и не грамматикализовались, благодаря чему согласование по роду между определением и определяемым, подлежащим и сказуемым отсутствует.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

А Ф Ф И К С А Ц И Я

ВЫСОКОПРОДУКТИВНЫЕ АФФИКСЫ

Афф. -лык/-лек, -лок/-лөк

Среди именных словообразующих формантов афф. -лык в современном башкирском языке является самым продуктивным. Им образовано более 15% всех имен существительных. При этом из четырех фонетических вариантов данного аффикса неогубленные -лык и -лек значительно преобладают над огубленными -лок и -лөк. Достаточно отметить, что с первыми в «Башкирско-русском словаре» (М., 1958) зарегистрировано 1150 слов, а с последними 90.

Семантика слов, образованных с помощью афф. -лык очень широка и многообразна. Поэтому есть мнение, что правомерно рассматривать отдельные формы с этим аффиксом как омонимичные образования. Однако материалы современного башкирского языка подтверждают правильность другого, высказанного проф. Н. К. Дмитриевым, определения сущности этого показателя: «Несомненно, что при всем разнообразии функций природа аффикса -лык едина»¹. Исходя из этого положения, Н. К. Дмитриев выделил четыре основных значения афф. -лык: 1) концентрация отдельных конкретных предметов в каком-либо месте; 2) обозначение абстрактных понятий; 3) название прибора, инструмента или приспособления; 4) значение известной целеустремленности или направленности².

Позднее, на материале ряда других тюркских языков были отмечены еще два значения -лык: название местохранилища и название положения, состояния или обязанности лица³.

¹ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 67.

² Там же, с. 66—67.

³ Севортян Э. В. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. — Вопросы теории и истории языка. М., 1952, с. 311.

Все шесть значений характерны для афф. *-лыж* в современном башкирском языке. Последующий материал приводится для раскрытия этих значений, их конкретизации и большей дифференциации.

1. От названий различных предметов и явлений природы *-лыж* образует имена существительные со значением 'местность, избыливающая или характеризующаяся тем, что выражено производящей основой': *ағаслыж* 'роща, лесок', *баткаклыж* 'топь', *бозлож* 'ледник', *болонлож* 'луга', *ерлек* (перен.) 'почва, основание', *иңкеулек* 'склон', *калкыулык* 'возвышенность', *комлок* 'пески', *кыуаклыж* 'кустарник', *сабыллыж* 'покосы', *сокорлок* 'овражистая, изрытая местность', *сәскәлек* 'цветник', *текәлек* 'крутизна', *уйһыулык* 'пизменность', *урманлыж* 'лесистое место', *эремәлек* 'попесье' и т. д.

По мнению Н. К. Дмитриева именно эта функция афф. *-лыж* легла в основу всей многозначной и чрезвычайно емкой семантики данного аффикса, что подтверждается и тем, что многие из приведенных слов относятся к категории так называемых собирательных имен существительных, а, как известно из истории развития человеческого познания, понятия о собирании или объединении каких-либо предметов и их качеств предшествовали возникновению идей, обобщающих или абстрагирующих эти реалии и их свойства.

Любопытно, что в условиях горно-лесной Башкирии многие (если не все) названия пород деревьев и т. п. дали в сочетании с афф. *-лыж* обозначения собирательных понятий 'лес', 'заросли': *имәнлек* 'дубняк', *йүкәлек* 'липовая роща', *кайылыж* 'березняк', *камышлыж* 'заросли камыша', *карағайлыж* 'сосняк', *карамалыж* 'вяз(ов)ник', *сейәлек* 'вишневик', *таллыж* 'ивняк', *туйыралыж* 'дубнячок'.

2. От некоторых основ, обозначающих природные объекты, обработанные человеком, афф. *-лыж* образует названия места действия и хранилищ: *бесәнлек* 'сеновал', *сүплек* 'свалка мусора', *тимерлек* 'кузница', *утынлыж* 'дровяник'.

3. Присоединяясь к названиям лиц по свойству, афф. *-лыж* образует имена существительные с отвлеченным значением. При этом в качестве основ могут выступать не только имена существительные, но и прилагательные, числительные, причастия и т. п. Так, от имен существительных образованы: *батырлыж* 'героизм', *егетлек* 'джигитовка', *кешелек* 'человечность', *кәллөк* 'рабство', *мактансыклыж* 'хвастовство', *торғонлож* 'застой, депрессия', *хаталыж* 'ошибочность', *йәшлек* 'молодость', *картлыж* 'старость', *куржаклыж* 'трусость' и т. д.

От качественных и относительных имен прилагательных *-лыж* образует опредмеченное качество: *баш-баштажлыж* 'своеволие', *бейеклек* 'высота', *бейөклөк* 'величие', *йышылык* 'частота', *калылыж* 'толщина', *караңгылыж* 'темнота', *катылыж* 'твердость', *комағайлыж* 'жадность', *окишайлыж* 'подобие', *сибәрлек* 'красота', *тәрәнлек* 'глубина', *яңылыж* 'новость', *матурлыж* 'красота', *тукылыж* 'сытость' и др.

Афф. *-лыж* легко соединяется с заимствованными словами, ср. новообразования: *агрессивлек* 'агрессивность', *актуаллек* 'актуальность', *вульгарлыж* 'вульгарность', *гуманлыж* 'гуманность', *объективлек* 'объективность', *реаллек* 'реальность', *простойлыж* (разг.) 'простота'.

К этой же рубрике могут быть отнесены многочисленные случаи, когда *-лыж* присоединяется к основам имен на *-лы* и на *-һыз*:

бер башлыклылыж 'единоначалие', *болотлолож* 'облачность', *булдыклылыж* 'предприимчивость', *ике йөзлөк* 'двуличие, двурушничество', *идеялылыж* 'идейность', *күңеллек* 'веселость', *нәтижелек* 'результативность', *образлылыж* 'образность', *партиялылыж* 'партийность', *планлылыж* 'плановость', *радиоактивлек* 'радиоактивность', *эзмә-эзлек* 'последовательность', *яуаплылыж* 'ответственность', *үз һүзлек* 'своеобразие';

гонаһһызлыж 'повиновность', *игелекһезлек* 'бесполезность', *кешелекһезлек* 'бесчеловечность', *көсһезлөк* 'беспиллие', *мәғәнәһезлек* 'бессмысленность', *осһозлож* 'дешевизна', *ризаһызлыж* 'несогласие', *тәртинһезлек* 'безобразие, не-

устроенность', *уңайһыҙлыҡ* 'неудобство', *оятһыҙлыҡ* 'бесстыдство', *шиһезлек* 'безработица'.

От имен числительных афф. *-лыҡ* образовано небольшое количество слов, в том числе *берлек* 'единство', *беренселек* 'первенство'.

От наречий могут быть образованы имена типа *бергәлек* 'общность, общество', *берҙәйлек* 'тождество', *үзенсәлек* 'особенность' и т. д.

4. От имен — названий человека по его деятельности, профессии, положению и т. п. *-лыҡ* образует имена существительные со значением положения, состояния, профессии, занятий или должности данного лица: *авторлыҡ* 'авторство', *банкротлыҡ* 'банкротство', *инвалидлек* 'инвалидность', *инженерлек* 'профессия инженера', *лауреатлыҡ* 'звание лауреата', *сәсәнлек* 'искусство сказителя'.

Сюда же относятся и образования с *-лыҡ* от основ, не называющих лиц, а лишь указывающих на них; чаще всего в их роли выступают личные местоимения, реже — другие части речи: *Караһаҡалдың кемлеген белер өсөн үз янына саҡырҙы* (фолькл.) 'Чтобы узнать, кто такой Карасакал, он позвал его к себе'; *Ажырган башлыҡ түгел, ажылы бар башлыҡ* (посл.) 'Не тот вождь, кто кричит, а тот кто мыслит'.

Особо следует выделить случаи, когда основой, к которой присоединяется афф. *-лыҡ*, является имя деятеля на *-сы*. Так образуются названия отвлеченного понятия профессии, круга обязанностей лица и т. д.: *баҡсасылыҡ* 'садоводство', *игенселек* 'хлебопашество', *илселек* 'посольство', *йәшелсәселек* 'овощеводство', *малсылыҡ* 'животноводство', *ударсылыҡ* 'ударничество', *ужытыусылыҡ* 'учительство', *хәйерселек* 'пищевство' и др.

Имеется целый ряд образований на *-лыҡ* от основ с афф. *-сы*, самостоятельно не употребляющихся. Так, при существующем *азсылыҡ* 'меньшинство' не существует *азсы*, при *арзансылыҡ* 'дешевизна' — *арзансы*, *батырсылыҡ* 'богатство' — *батырсы*, *кустарсылыҡ* 'кустарничество' — *кустарсы*, *күпселек* 'большинство' — *күпсе*, *кәмселек* 'недостаток' — *кәмсе*, *түбәнселек* 'смирение' — *түбәнсе* и др. Ср. также *аңлашмаусылыҡ* 'недоразумение' (но *аңлашмаусы*?), *килешалмаусылыҡ* 'непримиримость' (но *килешалмаусы*?) и т. д.

Происхождение подобных форм объясняется, очевидно, словообразованием по аналогии. Но здесь правомерно считать, что в современном башкирском языке складывается новый аффикс *-сылыҡ*, *-селек*, *-солоҡ*, *-сөлөк*.

5. От имен числительных и других именных частей речи, содержащих в своей семантике количественное значение, афф. *-лыҡ* образует существительные со значением конкретной единицы меры, расчета или исчисляемости еи субстанции, которая выражена в основе: *ун йыллыҡ* 'десятилетка', *беркөнлөк* (зоол.) 'однодневка, поденка', *15 тинлек* '15-копеечная монета', *өс тәүлек тулыуға* 'на исходе третьих суток' и др.

Возможны также исключения, т. е. случаи опущения числового определения при образовании на *-лыҡ*. Сюда, прежде всего, относятся те слова, в которых *-лыҡ* сочетается непосредственно с количественными числительными: *берлек* 'рублевка', *өслөк* 'трешка', *бишлек* 'пятерка', *унлыҡ* 'десятка', *иллелек* 'пятидесятирублевка', *йөزلөк* 'сотенная купюра' и др.

6. От названий некоторых предметов афф. *-лыҡ* образует имена существительные со значением целевой направленности: названия лица и продуктов: *жазылыҡ* (анат.) 'сальник', *ашамлыҡ* 'еда, кушанье', *ашлыҡ* 'хлеба', *эсемлек* 'напиток', *орлоҡ* 'семена'; названия предметов одежды: *кейемлек* 'материя на костюм', *юлыҡ* 'головной платок' и др.; названия приборов и приспособлений различного характера и назначения (часть из них образована от названий органов тела): *аркалыҡ* 'чересседельник', *ауыҙлыҡ* 'удила', *башлыҡ* 'башлык, кашюшон', *битлек* 'маска', *күзлек* 'очки'; *буйлыҡ* 'основа (ткани)', *дәреслек* 'учебник', *еллек* 'поддувало', *ситлек* 'клетка', *төнлөк* 'дымоход', *һүҙлек* 'словарь, лексикон' и др. Сюда же относятся слова с различными оттенками значений, наиболее важными из которых остаются все же целевые: *көтөүлек* 'пастбище', *сәйлек* (уст.) 'чайевые', *яғыулыҡ* 'топливо'; *Улар юлыҡ һәм ашарлыҡ эшләгәндәр* (М. Гафури) 'Они заработали на дороге и еду'.

Иногда в качестве основы образований на *-лыж* выступает отрицательная форма причастия на *-мас* / *-мәс*. На русский язык слова на *-маслыж*. переводятся как обычные причастия настоящего времени, реже — как прилагательные с приставкой *не-*: *алмаслыж* 'неберущийся', *какшамаслыж* 'неувядаемый', *онотолмаслыж* 'незабываемый', *туймаслыж* 'ненасытный', *һунмәслек* 'неугасимый'.

Афф. *-лыж* образует слова от имен существительных в местном падеже: *истәлек* 'воспоминание, память', *көндәлек* 'дневник', *эстәлек* 'содержание'; *Яйык аша кисеузең кайзалығын күрергә барган, ти* (фолькл.) 'Он пошел посмотреть, где находится брод через Яик'; *Кәс кемдәлеген бар донъя белһен* (М. Гафури) 'Пусть узнает весь мир, у кого сила'.

Формант *-далыж* нельзя рассматривать как сложный словообразующий аффикс, однако он существенно отличается от составных аффиксов *-ырлыж* или *-маслыж*. Сочетаясь с падежной формой имени (иногда окаменевшей и превратившейся в наречие *кайза* или послелог *алда*), афф. *-лыж* сохраняет свои словообразовательные свойства, в то время как в составе причастия он лишь придает всему комплексу значение большей абстрактности, не создавая при этом нового самостоятельного слова (иначе говоря, он выступает в формообразующей роли).

Многofункциональная природа афф. *-лыж*, его полисемия являются причиной возникновения омонимов на *-лыж*.

Так, в зависимости от контекста *төшлек* может быть понято и как 'полдень' и как 'юг, южная сторона'; *емешлек* — 'фруктовая местность' и (бот.) 'пестик', *башлыж* — 1) 'руководство, главенство'; 'глава' и 2) 'башлык' (часть одежды).

В отличие от большинства других аффиксов башкирского языка *-лыж* может неограниченно образовывать новые слова от разных частей речи, с легкостью присоединяясь как к именным, так и глагольным основам. Выше уже были приведены примеры на подобное словообразование (главным образом, от имен существительных), поэтому здесь можно ограничиться немногими примерами:

от имен прилагательных: *емереклек* 'руины', *тәрәнлек* 'глубина';

от имен числительных: *Берлектә тереклек* (посл.) 'В единении — жизнь';

от местоимений — *мин-минлек* 'ячество (прославление себя)', *нилектән?* 'отчего, почему?'; *Кемлегендә белдек инде* 'Теперь уж мы узнали, кто ты есть';

от модальных слов: *кәрәклек* 'необходимость', *мөмкинлек* 'возможность', *тейешлек* 'долженствование';

от глагольных основ: *тоткарлык* 'задержка';

от послелогов: *баһыу ашалыж* 'чересполосица'.

Интересны образования на *-лыж* от модальных слов *бар* и *юк*. *Юклыж* означает 'отсутствие, небытие' (*Өйҙә бүтән пероһы юклығын белә тороп, Миңлебай, эләнәргә керешкән кеше булды* («Пионер») 'Миңлебай, хотя и знал, что дома у него нет другого пера, сделал вид человека, занятого поисками'), а слово *барлык* — 'наличие, присутствие' (*барлыкка килеү* 'появиться, возникнуть'). Ср. также философский термин *ысынбарлык* 'действительность'.

Афф. *-лыж* свободно сочетается с любой заимствованной, обычно именной, основой, давая на башкирской почве многочисленные, весьма интересные, а иногда и неожиданные результаты.

Так, от различных арабских основ в башкирском языке образованы следующие слова: *вәкилле* 'представительство' (от ар. *вакил* 'представитель, депутат'), *ғәрипле* 'уродство' (*ғарип* 'чужестранец'), *ғорурлык* 'гордость' (*ғурур* 'высокомерие'), *сабырлык* 'терпение' (*сабр* 'терпение'), *сафлык* 'моральная чистота' (*саф* 'чистый, ровный'), *мәһрүмлек* 'обездоленность' (*маһрум* 'лишенный чего-либо'), *рәхәтлек* 'радость' (*раһат* 'благоденствие'), *фәжирлек* 'бедность' (*факир* 'бедный') и др.

От некоторых основ, заимствованных из персидского языка, произведены следующие башкирские слова: *азатлык* 'свобода' (перс. *азад* 'свободный'), *дуслык* 'дружба' (*дост* 'друг'), *дошманлык* 'вражда' (*дошман* 'враг'), *назанлык* 'невежество, неграмотность' (*надан* 'невежда'), *насарлык* 'дурное' (*начар*

'вынужденный, беспомощный'), *осталык* 'мастерство' (*остад* 'искусный, мастер'), *шатлык* 'радость, веселье' (*шад* 'веселый, радостный'), *батшалык* 'царство' (*пәдишәһ* 'падишах'), *паклык* 'нравственная чистота' (*пак* 'чистый, непорочный'). Во всех этих случаях *-лык* соответствует персидскому суффиксу, образующему имена существительные абстрактного значения (так называемого «йай-е мәсдари») и арабскому показателю *-ийат*.

Имеется незначительное количество слов, образованных афф. *-лык* от заимствований дооктябрьского периода.

Однако особенно широко используется афф. *-лык* для новообразований от русских и интернациональных (также через русский язык) заимствований в последние десятилетия: *активлек* 'активность', *бюрократлык* 'бюрократизм', *валентлек* 'валентность', *дежурлык* 'дежурство', *дилетантлык* 'дилетанство', *интенсивлек* 'интенсивность', *конкретлек* 'конкретность', *народниклек* 'народничество', *пассивлек* 'пассивность', *членлек* 'членство', *шефлык* 'шефство' и мн. др.

В заключение отметим, что в силу своей полисемантической специфики афф. *-лык* способствует эффективному пополнению башкирского словаря все новыми и новыми терминами из самых различных сфер науки и техники. Приведем некоторые примеры из философской терминологии: *мәжһинлек* 'возможность', *кәрәклек* 'необходимость', *осраҡлылык* 'случайность'; общественно-политической терминологии: *агрессивлек* 'агрессивность', *эшһезлек* 'безработица'; исторической терминологии: *крепостнойлык* 'крепостничество', *йәрлек* (от монг. *дзар* 'известие, воззвание') 'ханский ярлык'; языкознания: *ымлык* 'междометие', *ярҙамлык һуҙ төркөмдәре* 'вспомогательные служебные части речи'; зоологии: *кыуышлык* 'подость'; ботаники: *үсемлек* 'растение'; геологии: *руда яткылыктары* 'рудные месторождения' (букв. 'залежи руды').

Многозначность афф. *-лык*, его легкая сочетаемость с различными частями речи, различными семантическими группами слов обуславливают высокую продуктивность афф. *-лык* в современном башкирском языке.

Афф. *-сы/се, -со/-сө*

В «Башкирско-русском словаре» (М., 1958) зарегистрировано 537 имен существительных, образованных данным аффиксом, причем 521 — с неогубленными вариантами этого аффикса (312 с афф. *-сы* и 209 с афф. *-се*) и лишь 9 слов с афф. *-со* и 7 с афф. *-сө*. Как и в других аналогичных ситуациях, причина подобного распределения алломорфов с губными и негубными гласными зависит не столько от малого числа основ с лабиальным гласным в последнем слоге, сколько от принятого в современном башкирском языкознании принципа оформления всех заимствованных основ исключительно нелабиальными парадигмами.

Основные значения афф. *-сы* сводятся к образованию названий деятеля (субъекта действия), которые в зависимости от характера лексического значения производящей основы имеют следующие модификации.

1. От именных основ образуются названия лиц по их свойству или профессии, по роду деятельности, связанной или предопределяемой тем, что выражено производящей основой. От названий объекта приложения действия или от наименования результата действия образуются следующие имена деятеля: *көмөшсө* 'серебряных дел мастер', *көршәксе* 'горшечник, гончар', *ташы* 'каменщик', *телсе* 'лингвист', *умартасы* 'пасечник', *эшсе* 'рабочий', *юлсы* 'путник', *һалсы* 'плотовщик', 'плотогон', а также *докладсы* 'докладчик', *заказсы* 'заказчик', *монтажсы* 'монтажник', *нефтсе* 'нефтяник'. Как видно, в качестве производящих основ здесь могут быть названия различных реалий, конкретных предметов, материала, вещества и т. п., представляющие так или иначе объект действия в его широком смысле.

Положение не изменяется, когда в основе заключено какое-либо название одушевленного предмета, который может быть объектом приложения действия: *балыксы* 'рыбак', *кейексе* 'зверолов', *малсы* 'скотовод', *төлкөсө* 'охотник на лис' и пр.

2. Многочисленны названия лиц по свойству, образованные от наименований характера их деятельности, специализации, постоянных занятий или увлечений: *етэксэ* 'предводитель, руководитель', *йомошсо* 'посыльный', *кәңәшсе* 'советник', *юлбашсы* 'вождь' (первоначально, видимо, и 'вожак, проводник'), *ялсы* 'наемный (работник)'; *законсы* 'законовед', *нәрәтсе* 'нарядчик', *пейзажсы* 'пейзажист', *подрядсы* 'подрядчик', *сихырсы* 'колдун', *футболсы* 'футболист', *шахматсы* 'шахматист'; *димсе* 'увещеватель' и т. д.

3. От названий различных орудий труда образованы названия деятеля типа: *балтасы* 'плотник', *ишкәксэ* 'гребец', *ужсы* 'стрелок из лука', *моторсы* 'моторист', *тракторсы* 'тракторист', *комбайнсы* 'комбайнер', *экскаваторсы* 'экскаваторщик' и др. Сюда же относятся профессиональные названия музыкантов типа: *журайсы* 'кураист', *гармунсы* 'гармонист', *барабансы* 'барабанщик', *скрипкасы* 'скрипач', *флейтасы* 'флейтист' и др.

4. От названий мест, а также учреждений, предприятий или коллективов образуются наименования лиц по роду занятий: *йәшеләксэ* 'овощевод, веленщик', *буфетсе* 'буфетчик', *гардеробсы* 'гардеробщик', *китапханасы* 'библиотекарь', *колхозсы* 'колхозник', *заводсы* (уст.) 'заводчик', *хорсы* 'хорист' и др. К этому же разряду слов относятся *курортсы* 'курортник', *фатирсе* 'квартирант'.

2. С помощью афф. *-сы* образуются также наименования лиц по их отношению к какому-либо социально-политическому направлению или течению, массовой организации, памятному событию или общественному деятелю. Почти все слова этого разряда созданы и создаются на базе заимствованных основ: *йәзитсе* (ист.) 'джадидист', *мәғрифәтсе* 'просветитель', *республикасы* 'республиканец', *ватансы* 'патриот'.

В советскую эпоху в башкирском языке развились названия лиц с афф. *-сы*, которые образуются от собственных имен и характеризуют человека по его принадлежности к какому-либо идейному направлению, массовому движению, научному течению, в качестве последователя того или иного общественного деятеля, ученого, возглавляющего данное направление, движение и т. п.: *ленинсе* 'ленинец', *стахановсы* 'стахановец', *челюскинселәр* 'челюскинцы', *гегәлсе* 'гегельянец', *дарвинсе* 'дарвинист'. Ср. также кальки типа: *искрасы* 'искровец'; *ударсы* 'ударник'.

3. Немногочисленную группу производных на *-сы* составляют обозначения лиц по какой-либо черте их характера, наклонности, страсти (большей частью отрицательной), выраженной производящей основой: *алдаксы* 'обманщик, плут', *баскылы* 'налетчик', *биләмсе* 'праздношатающийся', *боласы* 'смутьян', *енәйтсе* 'преступник', *фетнәсе* 'мятежник, путчист', *хәйерсе* 'нищий', *янъялсы* 'скандалист, дебошир'. Особняком стоит тяготеющее к прилагательным слово *көнсө* в двух значениях: 'ревнивец' и 'завистник'.

От отдельных слов со значением меры могут быть созданы названия лиц типа *көнләксө* 'подсизник' (*көнләк* 'рассчитанный на определенный срок').

В исключительных случаях афф. *-сы* может образовать слово со значением не имени деятеля (т. е. субъекта действия), а названия предмета (т. е. объекта действия), например, довольно редкое слово *һөйөнсө* 'радостная весть, подарок, вознаграждение за радостную весть', образованное от глагольной основы глагола *һөйөн-* '(об)радоваться'; ср. также *тамсы* 'капля' (от *там-* 'капать').

4. Особый и самый многочисленный разряд имени деятеля составляет глобальная по охвату глагольной лексики форма имени действия на *-уу/-еу, -оу/-өү*, наращенная афф. *-сыл/-се*. Варианты *-сол/-сө* здесь не встречаются, ибо неслоговой элемент (графич. *-у/-ү*) прерывает гармонию гласных по лабиализации. В имеющихся грамматиках башкирского языка не совсем последовательно относят все подобные дериваты к «причастиям настоящего времени», хотя и с оговоркой о частоте и легкости перехода их в существительные⁴. В действительности же субстантивы типа *йөзөүсе* 'пловец', *тегеүсе* 'портной',

⁴ См.: Киекбаев Ж. Ф. Башкорт теле. Педагогия училищләре осон дәреслек. Өфө, 1976, б. 246—247.

языкусы 'писатель', попадая в предложении на место определения, осмысливаются как причастия и прилагательные, хотя в целом выступают преимущественно как имена существительные.

По-видимому, для башкирского языка рано еще говорить о наличии особого монологического афф. *-ыусы/-еусе, -оусы/-өусе, -усы/-үсе*, как самостоятельного словообразовательного дериватора существительных.

Основная функция афф. *-сы* в сочетании с основами на *-ыу* заключается в назывании производителя действия, обозначенного основой: *атыусы* 'стрелок', *агартыусы* 'белильщик, просветитель', *башжарыусы* 'исполнитель', *бейеусе* 'танцор, плясун', *билэусе* 'владелец', *яклаусы* 'сторонник, защитник'. Многие слова, созданные по данной модели, относятся к терминам различных сфер знания: *ғәйепләусе* 'обвинитель' и *ғәйепләнеусе* 'обвиняемый' (юр.), *бүлеусе* 'делитель', *ваклаусы* 'знаменатель', *жабатлаусы* 'множитель', *кабатланыусы* 'множимое' (матем.), *илмезеусе* 'млекопитающее', *кимереусе* 'грызун', *көйшэусе* 'жвачное' (зоол.).

Иногда данный аффикс присоединяется к сочетанию двух, реже трех слов, из которых последнее является именем действия на *-ыу*: *бағып алыусы* 'захватчик', *взятка алыусы* 'взяточник', *ижад итеусе* 'творец, создатель', *уйлап сығарыусы* 'изобретатель'.

Форма на *-ыу* помимо упомянутых именных свойств обладает и рядом собственно глагольных характеристик: способностью принимать аффикс отрицания *-ма/-мә* (*әйтмәусе* 'тот, кто не говорит', *тыңламаусы* 'тот, кто не слушает'), возможностью залогоизменения (*белеусе* 'знающий' — *беленеусе* 'тот, которого узнают' — *белешеусе* 'тот, кто осведомляется' — *белдереусе* 'осведомитель', *белдертеусе* 'глашатай') и т. д.

Но для афф. *-сы* совершенно безразлично, как выглядит основа: *котжарыу* 'спасать' или *котжарылыу* 'спасаться', *укыу* 'читать, учиться' или *укытыу* 'учить других', ибо не эти второстепенные (в данном случае) оттенки значений в итоге определяют семантику образований типа *котжарыусы* 'спаситель', *котжарылыусы* 'спасенный', *укыусы* 'ученик; читатель' и *укытыусы* 'учитель'. В основе грамматического значения этих слов лежит категориальная соотношенность с именем существительным, формальным выражателем которой как раз и выступает афф. *-сы*, однозначно характеризую имя действующего лица как данную часть речи.

Таким образом, словообразующий формант *-сы* вовлекает в словообразование довольно разнообразные по своему лексическому содержанию типы основ и, вступая с ними во взаимодействие, образует новое слово с весьма различными типовыми словообразовательными значениями, располагая их по соответствующим ступеням грамматической (а значит, и словообразовательной) абстракции.

Правда, из этого отнюдь не следует, что сами производящие основы никак не организованы и любая из них может сочетаться с рассматриваемым аффиксом. Факты говорят о том, что афф. *-сы* может присоединяться лишь к таким основам, которые представляют или название самого действия, как это имеет место с формой на *-ыу* или, по крайней мере, его результатов, а то и отдельных его элементов (предмет, место и т. п.). Поэтому нельзя, например, образовать такое слово, как *жояшы*, ибо его основа *жояш* 'солнце' не содержит указания на действие, зависящее от субъекта.

В этом динамика словообразовательного процесса, где грамматические и лексические акты находятся в тесном взаимодействии.

5. Особое место занимают случаи, когда афф. *-сы* присоединяется к форме на *-мак/-мәк*, которая для башкирского языка является пережиточной и образуется от весьма ограниченного круга глагольных основ. Однако достаточно к морфеме *-мак* присоединить показатель *-сы*, как вновь полученный сложный афф. *-максы/-мәксе* может образовать от любого глагольного корня новые слова со значением намерения субъекта выполнить действие, названное основой.

Но при этой пироте (почти глобальной) возможностей афф. *-максы* производства новых форм и кроется опасность для него как словообразующего

форманта, ибо неправомерно рассматривать возникающие образования в качестве новых самостоятельных слов, употребляющихся нередко лишь при вспомогательных глаголах *бул-* 'быть, сделаться, стать' и *и-* 'быть', не претерпевая при этом коренных смысловых изменений: *Ул минең менән тигезләшкәс, ярышын та карамаксы булғайным* («Пионер») 'Когда он поравнялся со мной, я хотел было даже попробовать потягаться с ним'; *Шулай куркытмаксы була улар, башка эмәл-сара калмағас.* . (М. Гафури) 'Так они хотят запугать, поскольку исчерпаны другие возможности'.

В тех случаях, когда вспомогательный глагол формально отсутствует, его функцию выполняет показатель (хотя бы и нулевой) категории сказуемости: *Айсуюакты бөгөн Кусәрбайзар баструкка тотоп япмаксылар* (К. Даян) 'Кусярбай и его приятели собираются сегодня поймать Айсуака и посадить его в острог'; *Бәй, шәплегә сыжмаксы был эш!* (Д. Исламов) 'Ба, да это дело как-будто идет к лучшему!'.

Все это доказывает, что афф. *-максы* утратил черты словообразующего форманта и перешел в разряд формообразующих средств — явление, не столь уже редкое в языке: достаточно указать на словообразующий аффикс имен прилагательных *-һыз*, который может выступать и в роли формообразующего элемента прилагательных.

Форма на *-максы* собственно словообразовательную природу обнаруживает лишь в слове *үрмәксе* 'паук', образованном, по всей видимости, от ныне мертвой формы **үрмәк* 'вить, плести', так что по существу мы имеем здесь дело не с корнем *үр-* 'вить, плести' и сложным афф. *-мәксе*, а с основой *үрмәк*-и парачением *-се* (ср. тат. *үрмәкүч* 'паук' из *үрмә* 'завиток' и *-күч/-кеч* или *-күче*)⁵.

Таким образом, афф. *-сы* . . . выступает в качестве одного из наиболее продуктивных словообразующих формантов башкирского языка.

Производные слова на *-сы* широко представлены во всех стилях и жанрах письменной и устной речи, в фольклоре: *Иң яхшы корашеләр, йырсылар, курайсылар, бейеүселәр, сәсәндәр йыйылган бында* (З. Бишпева) 'Здесь собрались самые лучшие борцы, певцы, кураисты и сказители'; *Безең лагерҙән төрлө һөнәр осталарын табып була: йәш фотосымы, оҫта сигеүсеме, радио һөйүсеме, йәш художник тиһеңме, сәхнә мастерҙары тиһеңме — барһы ла бар* («Пионер») 'В нашем лагере можно найти мастеров на все руки: и юных фотолюбителей, и искусных вышивальщиц, и радиолюбителей, и юных художников, и артистов сцены — у нас все есть'.

Изо дня в день растет, как это видно из приведенных примеров, и число неологизмов (большей частью от основ, заимствованных из русского языка) со словообразующим афф. *-сы*. Некоторые из них создаются от основ, не совпадающих с аналогичными русскими: *мотоциклетсе* 'мотоциклист', а не *мотоциклсы* — из-за недопустимости стыка трех согласных в инлауте.

Афф. *-ыш/-еш, -ош/-өш, -иш*

С данным аффиксом в «Башкирско-русском словаре» представлено 158 слов, из которых 53 оканчиваются на *-ыш*, 46 на *-еш*, 45 на *-иш* после основ с гласным исходом, 9 на *-ош* и 5 на *-өш*. Число дериватов постепенно пополняется за счет свежих неологизмов типа *магнитләнеш* 'намагниченность', *нурландырыш* 'облучение'; *нурланыш* 'излучение', *төртөлөш* 'столкновение'; *суд башкарылышы* 'судопроизводство', *йылы биреш* 'теплоотдача', *артыж йөкләнеш* 'перегрузка', *алға китеш* 'развитие' и др., не отмеченных в указанном словаре.

Основное назначение афф. *-ыш* — образовывать от глагольных основ имена существительные с отвлеченным значением способа, формы, манеры, а нередко и результата действия или процесса. Таковы, например, *ағыш* 'течение (о времени)', *әйтелеш* 'произношение', *әйтеш* 'словесное состязание народных сказителей-импровизаторов', *инеш* 'вступление', *бәйләнеш*

⁵ См. также: Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 545.

‘связь, взаимосвязь’, *юнәлеш* ‘направление’, *йыйылыш* ‘собрание’, *күренеш* ‘явление, вид’, *казаныш* ‘достижение, успех’, *королош, тозолеш* ‘стройка, строительство, строй’, *отош* ‘выигрыш’, *отторош* ‘проигрыш’, *сыуалыш* ‘волнение’, *талаш* ‘ссора, бунт’, *уңыш* ‘успех’, *һуғыш* ‘война, сражение, битва’; *Алыш бармы, корәш бармы*. (З. Бишпева) ‘Схватка или борьба?’; *Ертыңлар батыр, ергә ятып тыңлап, ярыштың барышы тураһында иптәш-тәрәнә хәбәр итеп торған* (Там же) ‘Богатырь-слухач лег на землю и, прислушавшись, стал передавать своим товарищам сообщения о ходе состязания’; *Алыш та бар, һатыш та бар* (Т. Арслан) ‘И купля есть, и продажа есть’; *Ул миңең төртөн ебәрәүемде аңланы һәм миңә үкенесле ҡараш ташланы* (Ө. Вәли) ‘Он понял мой толчок и бросил на меня досадливый взгляд’.

Иногда этим аффиксом образуются имена существительные с конкретным значением: *артылыш* ‘перевал’, *артыш* ‘можжевелик’, *кереш* ‘тетива’, *сукыш* ‘клюв’, *сүжеш* ‘молот’.

В отдельных случаях афф. -ыш образует и названия качеств людей (субстантивированные формы имен прилагательных): *Ай-һай, йолҡош тимә, һылыуы ошо егет алып куймаһын* (К. Мәргән) ‘Э, не говори «оборванец», как бы этот парец не отхватил красавицу’.

Обращает на себя внимание легкость присоединения афф. -ыш не только к корневым словам, но и к основам, осложненным залоговыми показателями: *сығарылыш* ‘выпуск’, *тиҙләнеш* ‘ускорение’, *һелтәнеш* ‘размах’ и т. д.

Изредка в основе дериватов на -ыш . . . лежат заимствования: *рәһиеш* ‘обида’ (из арабск.).

Афф. -ма/-мә

В «Башкирско-русском словаре» отмечено 76 слов на -ма и 60 на -мә. Этот аффикс образует от глаголов (преимущественно переходных) отвлеченные имена существительные — названия различных процессов или результатов действия: *искәрмә* ‘замечание, ремарка’, *йөкләмә* ‘обязательство’, *кәңәшмә* ‘совещание’, *кулланма* ‘руководство’, *пығытма* ‘(у)крепление’, *ойошма* ‘организация’, *өстәмә* ‘надбавка’, *сағыштырма* ‘сравнение’, *таһытма* ‘свидетельство’, *язма* ‘запись, надпись’. С помощью афф. -ма/-мә создаются наименования многих конкретных реалий: *ашлама* ‘удобрение’, *баһма* ‘приступок, моток’, *бүлмә* ‘комната’, *быума* ‘родимчик’, *күргәзмә* ‘выставка’, *күтәрмә* ‘крыльцо’, *каралама* ‘черпачок’, *тартма* ‘ящик (выдвижной)’. Особый разряд составляют названия некоторых кушаний и продуктов питания: *җабартма* ‘пышка’, *җатлама* ‘слойка’, *җуллама* — род мясной лапши, *һалма* ‘салма’, *ярма* ‘крупа’ (и, возможно, *торма* ‘редька’).

Отдельные реликты употребления так называемого усеченного инфинитива на -ма/-мә (по сравнению с «полным» инфинитивом на -мак/-мәк, -мок в огузских и уйгурском языках) обнаруживаются в башкирском устном творчестве: *Барҙым, барҙым, баҗмаға, фашист башын җаҗмаға* (фолькл.) ‘Ходил я, ходил я в дозор, чтобы пристукнуть фашиста’. Подчас этимологический состав образований на -ма. . . представляется нерасчленимым: *койма* ‘забор’, *төймә* ‘пуговица’ и т. д., хотя их корни исторически известны⁶.

Афф. -ма/-мә образует имена как от корневых слов, так и от основ с наращенными залоговыми оформителями: *сәсәтмә* ‘коклюц’, *эретмә* ‘раствор’, *аңлатма* ‘объяснение’, *төшөрмә* ‘сноска’, *җаптырма* ‘крючок одежный’, *кушылма* ‘смесь’, *тағылма* ‘прицеп, придаток’, *күрһәтмә* ‘указание’. Ср. также неологизмы *изелмә* ‘ящур’, *түшәлмә* ‘гать’ и пр.

Афф. -кыс/-кес, -җыс/-җес, -җос/-җөс, -кос/-көс

По данным «Башкирско-русского словаря» этим восьмивариантным аффиксом образовано 107 слов (статистически они соотносятся как 38 : 24 : 15 : 15 : 6 : 4 : 3 : 2). Подавляющее большинство их — это производные

⁶ Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki, 1969, S. 297; Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, с. 264—265.

от переходных глаголов. В основном они обозначают различные орудия действия, инструменты и приспособления: *аскыс* 'ключ', *аткыс* 'самострел', *баҫкыс* 'лестница', *башваткыс* 'головоломка', *баргес* 'боек', *бозваткыс* 'ледокол', *болғаткыс* 'мутовка', *йыуғыс* 'мочалка для мытья', *сәскес* 'сеялка', *тамызғыс* 'пипетка', *төйгәс* 'пестик', *улытырғыс* 'стул', *һойзоргәс* 'привораживающий (букв.: влюбляющий) талисман', *һөзгәс* 'шумовка, фильтр', *әлгес* 'вешалка'.

В немногих случаях этот аффикс образует имена деятеля: *белгес* 'знарок', *йырткыс* 'хищник' (букв. 'рвач'), *жороткос* 'вредитель' (букв. 'защипыватель').

От осложненных залоговых основ образованы: *имезгес* 'сосок, соска', *йылыткыс* 'грелка', *йыуылғыс* 'умывальник', *килтгерес* 'промокашка, сушилка', *кайтаткыс* 'кипятильник', *кыржкыс* 'резец' и др.

Неологизмы: *батырғыс* 'грузило' (букв. 'утопитель'), *һизгес* 'щупальце' (букв. 'осязатель, чувствователь'), *һоҫкос* 'совок' и пр. Заимствования в основах не отмечены.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПУТЕМ СЛОЖЕНИЯ

Большое место в словообразовании имен существительных в современном башкирском литературном языке занимает основосложение.

По синтаксической структуре сложные существительные соотносительны со словосочетаниями, различаясь по типу подчинения и сочинения. Тем не менее, их нельзя отождествлять с синтаксическими словосочетаниями. Между компонентами сложного слова существуют только словообразовательные отношения и отсутствуют синтаксические.

По характеру словообразовательных отношений своих компонентов сложные существительные разделяются на два основных типа: 1) копулятивные сложения с соединительной связью компонентов (или парные слова), 2) детерминативные сложения с подчинительной связью компонентов.

ПАРНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Парные имена существительные образуются путем сложения двух автономных основ. Поэтому компоненты парных имен существительных соотносительны со словосочетаниями сочинительного типа, хотя между их компонентами нет даже перечислительной интонации.

Парные имена существительные могут состоять: а) из двух самостоятельных основ, б) из самостоятельной и несамостоятельной основ. Сочетаются основы либо как антонимы, либо как синонимы. В обоих случаях обычно создается название обобщенного понятия с собирательным значением, нередко сопровождаемым ироническим или юмористическим оттенком.

Парные имена существительные, образованные из двух самостоятельных основ, могут быть трех типов.

1. Антонимичные: *алыш-биреш* 'купля-продажа', *керем-сығым* 'приход-расход', *килгән-киткән* 'заезжие' (букв. 'прибывший-убывший'), *килем-китем* 'приход-расход', *һатыу-алыу* 'купля-продажа' и др.

К рассматриваемому типу парных слов можно отнести такие образования, как: *ата-ана*, *ата-әсә* 'родители', *ашамлык-әсемлек* 'еда и питье', *аш-һыу* 'кушанье, угощение' (букв. 'еда и вода'), *баш-аяк (-тояк)* 'рожки да ножки' (букв. 'голова и ноги'), *ер-һыу* 'земля-вода', *ир-катын* 'супруги', *коза-козағыйлык* 'кумовство, семейственность', *урман-дала* 'лесостепь', *юк-бар* 'чушь, вздор, ерунда, дребедень, безделица' (букв. 'нет-есть'), где в основе подбора компонентов лежит тот же принцип антонимии, хотя их смысловое отношение не отвечает полностью этому принципу.

Тип продуктивен.

2. Синонимичные: *аш-һый* 'угощение', *буй-һын* 'облик, внешность, стан, телосложение' (букв. 'рост и фигура'), *бәлә-жаза* 'горе, несчастье, беда'.

зар-моң 'горе-печаль', *зат-ырыу* 'род, родословная', *исәп-хисап* 'учет, взаимные расчеты', *кайғы-хәсрәт* 'горе-печаль', *кәрҙеи-ырыу* 'родня', *нәсел-нәсеп* 'родственники', *табаж-һауыт* 'кухонная посуда', *тауыш-ғауға* 'крик-шум', *туған-ырыу* 'родные, родичи' и т. п.

Сюда же можно отнести образования типа: *ата-баба* 'предки' (букв. 'отец и дед'), *катын-кыз* 'женщины и девушки', хотя смысловое соотношение компонентов строится здесь не на началах полной синонимии.

Тип весьма продуктивен.

3. Особую разновидность парных слов составляют существительные с собирательным значением, компоненты которых семантически близки по тематике, разряду, классу, роду и т. п., но не имеют синонимических отношений: *алтын-көмөш* 'всякое золото и серебро', *аяк-кул* 'конечности', *бит-кул* 'лицо и руки', *болон-кыр* 'луга и поля', *еләк-емеш* 'фрукты и плоды-ягоды (вообще)', *йорт-ил* 'дом и край родной', *йорт-йыһаз* 'дом и утварь', *кәзә-һарык* 'мелкий скот' (букв. 'коза-овца'), *үпкә-бауыр* 'ливер' (букв. 'легкие и печень'), *һөт-катык* 'молочные продукты' (букв. 'молоко и кислое молоко'), *һый-хөрмәт* 'угощение и почет', *эс-карын* 'нутро, внутренности' и др.

Тип весьма продуктивен. Парные слова данного рода активно употребляются в фольклоре, устной речи, художественной литературе и публицистике.

Компоненты парных имен существительных, состоящих из двух самостоятельных основ, могут быть:

1) по составу: а) корневыми: *бәлә-каза* 'горе, несчастье, беда', *буй-һын* 'фигура, стан, телосложение', *дус-иш* 'друзья-приятели', *ир-ат* 'мужчины', *өс-баш* 'всякая одежда', *эс-бауыр* 'потроха, требуха'; б) производными: *белеш-таньыш* (*таньыш-белеш*) 'знакомые', *карындаш-ырыу* 'родственники'; в) корневыми и производными: *йәш-елкәнсәк* 'молодежь', *коза-козағыйлыҡ* 'кумовство, семейственность';

2) по смысловому значению: а) конкретными: *ел-дауыл* 'буря с ветром', *тау-урман* 'горы и леса', *һарык-кәзә* 'мелкий скот', *һөт-катык* 'молочные продукты', *эсәк-карын* 'потроха, требуха'; б) абстрактными: *зар-моң* 'горе', *исәкыл* 'сознание, разум', *кайғы-хәсрәт* 'горести-печали', *кәзәр-хөрмәт* 'почет и уважение';

3) по происхождению: а) исконно башкирскими: *ағас-таш* 'деревья и камни', *ауыз-морон* 'часть лица ниже глаз' (букв. 'рот и нос'), *бөрө-ботак* 'отводок', *ел-ямғыр* 'ненастье' (букв. 'ветер с дождем'), *емеш-еләк* 'фрукты-ягоды и плоды (вообще)', *тау-таш* 'горы', *тирә-як* 'окрестности' и др.; б) заимствованными (преимущественно из арабского или персидского языка): *бәлә-каза* 'горе, несчастье, беда', *газета-журнал* 'газеты и журналы', *зар-моң* 'горе', *исәп-хисап* 'учет', 'взаимные расчеты', *кәйеф-сафа* 'веселье и потеха', *кәм-хур* 'позор', *йәбер-золот* 'притеснение, иго', *мал-тыуар* 'скот', *сағра-дала* 'степи и долины', *хәйер-сазажа* 'подавание, пожертвование', *хәйер-фатиха* 'благословение' и др.

Компонентами парных существительных, образованных из двух самостоятельных основ, обычно выступают сами же имена существительные, но могут быть субстантивированные прилагательные и причастия: *тапқан-таяған* 'все приобретенное, нажитое', *узған-барған* 'всякий прохожий, проезжий'.

Существует твердый порядок расположения компонентов у преобладающего большинства парных имен существительных, образованных из двух самостоятельных основ. Например, компоненты парных имен существительных *ағай-әне* 'родственники мужчины', *ағас-таш* 'деревья и камни (в значении стройматериала)', *аң-белем* 'знание, образование', *дус-иш* 'друзья-приятели', *ер-һыу* 'земля-вода', *ир-ат* 'мужчины', *эс-карын* 'нутро, внутренности', *эсәк-карын* 'потроха, требуха' и т. п. располагаются только в таком порядке, а не наоборот: *әне-ағай*, *таш-ағас* и т. д. Однако у некоторых парных существительных порядок расположения компонентов допускает вариантность: *аяк-кул* и *кул-аяк* 'конечности человека', *буй-һын* и *һын-буй* 'фигура, стан, телосложение', *таньыш-белеш* и *белеш-таньыш* 'знакомые', *еләк-емеш* и *емеш-еләк* 'фрукты, ягоды и плоды (вообще)', *зар-моң* и *моң-зар*

'горе', *һарык-кәзә* и *кәзә-һарык* 'мелкий скот', *катык-һот* и *һот-катык* 'молочные продукты' и т. п. Из этих пар вторые употребляются редко, предпочтение отдается первым.

Особую разновидность парных имен существительных составляют сложения самостоятельной и несамостоятельной основы. Вторыми, не имеющими самостоятельного употребления компонентами подобных парных имен существительных могут быть следующие основы.

1. Основы *-мазар* и *-фәлән* 'что-либо подобное тому, что названо первым компонентом': *ағас-мазар (-фәлән)* 'дерево и что-либо подобное', *картуф-мазар (-фәлән)* 'картофель и что-либо подобное', *кеше-мазар (-фәлән)* 'кто-нибудь', *китап-мазар (-фәлән)* 'книга и что-либо подобное', *һайғы-мазар (-фәлән)* 'горе и что-либо подобное', *тоҡ-мазар (-фәлән)* 'мешок и что-либо подобное', *эт-мазар (-фәлән)* 'собака или что-либо похожее на нее', *эйбер-мазар (-фәлән)* 'какие-либо предметы (вещи)'.

Тип чрезвычайно высокопродуктивен.

Парные имена существительные с основами *-мазар* и *-фәлән* 'что-либо подобное тому, что названо первым компонентом', могут образовываться теоретически от всех имен существительных.

2. Устаревшие или вышедшие из употребления основы: *бала-саға* 'детвора', *ғалим-ғәләмә* 'ученые, ученый мир', *йылан-саян* 'змеи', *кейем-һалым* 'одежда, одяние', *кәйеф-сафа* 'веселье, утеха', *ут-күз* 'бедствия', *фәкир-фәкара* 'беднота', *хәл-әхүл* 'жизнь-бытье, состояние здоровья', *һауыт-һаба* 'посуда'.

Тип малопродуктивен.

Следует отметить, что первыми компонентами парных имен существительных, образованных от самостоятельных и несамостоятельных основ, выступают обычно имена существительные: *им-том* 'заговор, заклинание болезни', *кеше-кара* 'кто-нибудь', *һый-һай* 'отбросы, мусор', *үлем-етем* 'смертность'. Однако в качестве первых компонентов таких парных имен существительных могут выступать субстантивированные прилагательные и причастия: *ваҡ-тәйәк* 'всякая мелочь', *калған-боҫқан* 'остатки, остаток', *миң-тош* 'ровесники, ровня'.

Крайне редко встречаются парные имена существительные, оба компонента которых не имеют ныне самостоятельного употребления: *үкән-төкән* 'моллюски', *ығы-зығы* 'суматоха, сумятица, переполох, сутолока'.

Все парные имена существительные имеют значение собирательности, и первый тип образования парных имен существительных является самым продуктивным.

ДЕТЕРМИНАТИВНЫЕ СЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Детерминативные сложные существительные (с подчинительными отношениями компонентов основ) бывают сращенными и составными.

Сращенные существительные

1. Сращенные имена существительные содержат опорный второй компонент — существительное (простое или наращенное аффиксом) — и предшествующую ему основу определительного, уточнительного, конкретизирующего характера. В основе большинства их лежат атрибутивные отношения. Реже встречаются существительные, созданные из управляемого существительного и управляющего отглагольного имени типа *башватҡыс* 'головоломка', *бозватҡыс* 'ледокол', *алъяпҡыс* 'передник, фартук', еще реже — иные типы подчинительной связи между компонентами сложных существительных рассматриваемого вида.

В качестве первого компонента выступают основы следующих частей речи.

1. Существительные: *айбалта* 'секира', *айбалыҡ* 'луна-рыба', *айыубалан* 'жимолость обыкновенная', *айыуғорт* 'медведка, рак земляной', *айыутапан*

'аконист высокий', *алъяпкыс* 'передник, фартук', *ашъяулык* 'скатерть', *балауыз* 'воск, вощенка', *башваткыс* 'головоломка', *баш-кала* 'столица', *безсужыш* 'шило-клюв', *беләуташ* 'сланец', *билбау* 'кушак', *бозваткыс* 'ледокол', *дойягош* 'страус', *йыланбалык* 'угорь', *көнбағыш* 'подсолнечник', *көнбайыш* 'запад', *көнсығыш* 'восток', *көнъяк* 'юг' и др.

Иногда компоненты сращенных имен существительных теряют свои отдельные морфологические показатели, в частности аффиксы принадлежности: *алмагас* 'яблопя' (< *алма агасы* букв. 'дерево яблока'), *ашказан* 'желудок' (< *аш казаны* букв. 'котел пищи'), *кулбаи* 'плечо' (< *кул башы* букв. 'голова руки'), *култамға* 'подпись' (< *кул тамгаһы* букв. 'метка руки'), *ойокбаш* 'носки' (< *ойок башы* букв. 'голова чулков'), *тамакбау* 'супонь' (< *тамак бауы* букв. 'веревка горла') и т. д.

Довольно часто оба члена основообразования на стыке подвергаются фонетическим изменениям (озвончению глухих, выпадению гласных и т. п.): *балкалак* 'чайная ложка' (< *бал калагы* букв. 'ложка для меда'), *кылгойрок* 'шилохвост' (< *кыл койрок* букв. 'волосяной хвост'), *мөгөзгойрок* 'рогохвост' (< *мөгөз койрок* 'роговой хвост', *ярганат* 'летучая мышь' (< *яры канат* 'перепончатое крыло').

Очень часто компоненты сращенных имен существительных теряют и свой прямой смысл, т. е. новое понятие, выраженное сращенным именем существительным, не является простой суммой значений компонентов: *ағасъяңак* 'жерех, шереспер' (букв. 'деревянная челюсть'), *айголак* 'жабры' (букв. 'лунообразное ухо'), *гәлйемеш* 'шиповник' (букв. 'цветастый плод'), 'фрукт', *кәтәсбаш* 'груздь' (букв. 'шапкообразная голова'), *куянтубык* 'дикая морковь' (букв. 'заячье колено'), *салмабаш* 'одуванчик' (букв. 'клецковидная голова'), *сүмесбаш* 'головастик' (букв. 'ковшевидная голова'), *сыбыкTIMER* 'провода' (букв. 'прутовидное железо'), *ташбаш* 'пескарь, бычок' (букв. 'каменная голова'), *ташжабак* 'кабачки' (букв. 'каменная тыква'), *торбатомшоҡ* 'хобот' (букв. 'трубовидная морда'), *уҡбаш* 'севрюга' (букв. 'стреловидная голова').

Некоторые сращенные имена существительные настолько изменились, что их первоначальное значение восстанавливается с трудом: *беләзек* 'браслет' (< *беләк йөзөгө* 'шерсть запястья'), *кузгалак* 'щавель' (< *кузы колагы* 'ягнячье ухо') и др.

Рассмотренные имена существительные по своему внешнему строению восходят чаще всего к так пазываемым первому или второму типам изафета, однако в современном башкирском языке они не соотносятся со структурой омоформных словосочетаний и связаны с пей только генетически.

Тип продуктивен.

2. В качестве первого компонента выступает основа прилагательных (простых или аффиксальных): *акбалык* 'белорыбица', *аккош* 'лебедь', *актамыр* 'пырей', *акһаҡал* 'старейшина', *алабалык* 'сиг', *Алатау* 'Алатау (гора)', *алғышарт* 'предпосылка', *аръяк* 'противоположная сторона', *Асылыкул* 'Асли-куль (озеро)', *байтирәк* 'многолетняя высокая ветвистая ива', *бирьяк* 'эта сторона', *бушбоғаз* 'фразер, пустослов', *кесазна* 'четверг', *күзлүт* 'пикульник', *күкбаш* 'синеголовник', *карабалык* 'линь', *карабойзай* 'гречиха', *карағанат* 'подлещик', *Каратау* 'Каратау (гора)', *кушамат* 'прозвище', *кушбаш* 'голавль', *кушкөбәк* 'двухстволка', *кушъяулык* 'двойной платок', *кызылғанат* 'красноперка' и т. п.

Компоненты данного типа сращенных имен существительных при слиянии также подвергаются фонетическим изменениям: *Ағизел* 'Белая' (< *ак изел* 'белая река'), *карағас* 'лиственница' (< *кара ағас* 'черное дерево'), *карағаш* 'стервятник' (< *кара кош* 'черная птица'), *Каризел* 'Каридель' (башкирское название реки Уфимки; < *кара изел* 'черная река') и т. п.

Значения отдельных компонентов при слиянии изменились настолько, что сложные некогда слова воспринимаются как простые: *күмәс* 'хлеб из кислого теста' (< *күммә аш* 'зарытое кушанье'), *ситек* 'ичиги' (< *эске итек* 'внутренний сапог').

Тип высокопродуктивен.

3. В качестве первого компонента выступают причастия: *калырсана* 'последний санний путь весной', *Янгантау* — название курорта.

4. Первый компонент выражен именем числительным: *бербыуын* 'одночлен', *бишбармак* 'бишбармак' (кушанье), *бишбулак* 'Бижбуляк' (село), *кыргаяк* 'мокрица', *кыржбыуын* 'хвост', *өсмөйөш* 'треугольник', *һигезаяк* 'осьминог, спрут', *һигезгүз* 'крестик'.

5. Первым компонентом является наречие: *кунбыуын* 'многочлен', *кункыр* 'многогранник', *кунмөйөш* 'многоугольник', *эрәмтамак* 'дармод'.

6. Первый компонент представляет повторяющееся определительное местоимение *үз* 'сам': *үзәгас* 'древесина', *үзәгыш* 'самотек', *үзәң* 'самосознание', *үзидара* 'самоуправление', *үзтымәт* 'себестоимость', *үзмаксет* 'самоцель'.

7. Первый компонент выражен словом *ярым* 'полу-', повторяется как словообразующий элемент: *ярымколония* 'полуколония', *ярымкүсәр* 'полусось', *ярымсумма* 'полусумма', *ярымсул* 'полупустыня', *ярымтура* 'полуостров', *ярымшар* 'полушарие', *ярымъясылык* 'полуплоскость'.

II. В сращенных именах существительных с опорным вторым компонентом — субстантивированным причастием на *-(а)р* — в качестве первой основы могут выступать следующие части речи:

1. Существительные: *башкүсәр* 'головорез', *елғыуар* 'ветрогон', *илбасар* 'захватчик', *Илгизәр* 'Илгизар' (собств. имя), *Илһөйәр* 'Илсуяр' (собств. имя), *Кульотар* 'Кульютар' (сказочное имя), *урынбасар* 'заместитель', *юлбасар* 'разбойник'.

2. Числительные: *алтатар* 'револьвер' (букв. 'шестистрелка'), *меңяпрак* 'тысячелистник'.

3. Деепричастия: *алынһатар* 'перекупщик'.

III. Особое место среди сращенных имен существительных занимают сложения со связанными опорными повторяющимися компонентами (преимущественно персидского происхождения), не употребляющимися в качестве корней простых слов. Такие повторяющиеся компоненты используются только в сложениях данной структуры и самостоятельно в башкирском языке не функционируют. Поэтому они по аналогии со словообразующими аффиксами воспринимаются как аффиксальные морфемы.

Наиболее употребительны типы со следующими опорными компонентами:

1) *-намә* в архаичных названиях некоторых письменных документов — *вәкәләтнамә* 'доверенность, верительные грамоты', *мөрәжғәтнамә* 'воззвание, письменное обращение', *рәхсәтнамә* 'письменное разрешение, виза', *шәһәдәтнамә* 'свидетельство, удостоверение, диплом, аттестат', 2) *-(о)стан* в названиях республик, стран, государств, населенных определенной национальностью — *Аджарстан* 'Аджария', *Афғанстан* 'Афганистан', *Башкортостан* 'Башкирия', *Ғәрәбстан* 'Аравия', *Дағстан* 'Дагестан', *Қазақстан* 'Казахстан', *Қырғызстан* 'Киргизия', *Татарстан* 'Татария', *Һиндостан* 'Индия' и т. п.; 3) *-хана* в названиях некоторых предприятий специальной назначения и помещений, ими занимаемых: *аишхана* 'столовая', *кунакхана* 'гостиница', *сәйхана* 'чайная', *һыраһана* 'пивная' и др.

Составные существительные

В составных именах существительных с опорным компонентом-существительным, наращенным аффиксом категории принадлежности 3-го лица, в качестве первой уточняющей и конкретизирующей основы используются основы существительных: *ажыл теше* 'зуб мудрости', *дейеү пәреие* 'демон, див', *дойә қошо* 'страус', *ер еләге* 'клубника', *йорт куяны* 'кролик', *күз караны* 'зрачок', *журай еләге* 'малина', *тел белеме* 'языкознание', *уртаклык юнәлеше* 'взаимный залог', *эш көнө* 'трудодень'.

В составных именах существительных с опорным компонентом-существительным в форме основного падежа в качестве первого компонента выступают: 1) существительные в функции определения: *баш жоза* 'сват', *таш күмер* 'каменный уголь', *төп килеш* 'именительный падеж'; 2) прилагательные:

кесе тел 'язычок', кара бойзай 'гречиха', кызыл борлоган 'костяника', кызыл якжт 'рубин', матур эзбиэт 'художественная литература', туңмай 'сало'.

Сложносокращенные существительные (аббревиатуры)

При аббревиации производное слово создается на базе сочетания нескольких слов, которые входят в него не целиком, а частями, сокращенно. В башкирском языке имеется несколько разновидностей образования аббревиатур. Наиболее распространены следующие.

1. Производное состоит из начальных звуков каждого слова: *ӨК* (*Өлкә комитете*) 'ОК (Областной комитет)', *ПХР* (*Польша Халык Республикаһы*) 'ПНР (Польская Народная Республика)', *ҮК* (*Үҙәк Комитет*) 'ЦК (Центральный комитет)'.

2. Производное состоит из названий начальных букв каждого слова: *БДНИ* (*Башкорт дәүләт педагогия институты*) 'БГПИ (Башкирский государственный педагогический институт)', *БДУ* (*Башкорт дәүләт университеты*) 'БГУ (Башкирский государственный университет)', *ГДР* (*Германия Демократик Республикаһы*) 'ГДР', *РСФСР* (*Россия Совет Федератив Социалистик Республикаһы*) 'РСФСР'.

3. Производное состоит из начальных частей слов: *завком* (*завод комитете*), *партком* (*партия комитете*), *райком* (*район комитете*).

4. Производное состоит из начальной части первого слова и целой основы второго: *драмтуңарәк* (*драматик туңарәк*) 'драмкружок (драматический кружок)'.

5. Производное состоит из начальной части первого слова и основы второго слова: *партойошма* (*партия ойошмаһы*) 'парторганизация (партийная организация)', *райсовет* (*район совете*).

6. В башкирском языке существуют аббревиатуры и усечения инициального типа: 1) образования из сочетаний начального звука фамилии с целым именем: *Ф. Сәләм* (*Фәлимов Сәләм*) 'Т. Саям'; 2) образования из сочетаний начального звука имени с усеченной фамилией: *М. Тажи* (*Мөхәтдин Тажетдинов*) 'М. Тажи'; 3) образования из сочетаний усеченного имени и фамилии с частичным изменением первого: *Мостай Кәрим* (*Мостафа Кәримов*) 'Мостай Карим'; 4) образования из сочетаний целого имени с усеченной фамилией: *Баязит Бикбай* (*Баязит Бикбаев*) 'Баязит Бикбай', *Сәләх Кулибай* (*Сәләх Кулибаев*), *Шәриф Биккол* (*Шәриф Бикколов*); 5) образования из сочетаний целого имени с усеченной фамилией: *Назар Нәжми* (*Назар Нәжметдинов*); 6) образования из сочетаний целого имени с усеченной и измененной фамилией *Гәйнан Әмири* (*Гәйнан Әмиров*), *Мәжит Гафури* (*Мәжит Гафуров*).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПУТЕМ РЕДУПЛИКАЦИИ

Способом редупликации образован широкий круг эмоционально-экспрессивной лексики существительных с собирательным значением, обычно дополненным юмористическим или ироническим оттенком типа *тимер-томор* 'всякие железные изделия', *малай-шалай* 'всякие мальчишки'.

При этом редупликация сопровождается значительными фонеморфологическими изменениями двоякого характера.

1. Фонетически измененные варианты первого, полнозначного компонента основы: *ағас-мағас* 'всякие деревья', *ботак-сатак* 'всякие ветки, сучки, коряги', *карсык-корсоқ*, *әбей-һәбей* 'разные старухи', *малай-шалай* 'всякие мальчишки', *сыбык-сабык* (*сытыр-сатыр*) 'хворост', *тамыр-томор* 'разные корни' и др.

2. Основы, фонетически отдаленные от первого, полнозначного компонента: *егет-елән* 'парни', *етем-еҫер* 'сирота', *кеше-кара* 'кто-нибудь', *күрше-*

күлән 'соседи', мал-тыуар 'скот и птица (домашние)', мулла-монтағай 'служащие культа у мусульман', сун-сар 'мусор, рухлядь, утиль, отбросы, хлам, заваль', тай-тулак 'молодняк (о лошадях)' и т. п.

СУБСТАНТИВАЦИЯ

СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Субстантивированные прилагательные в словообразовательной системе существительных занимают значительное место.

Следует выделить две категории субстантивированных имен прилагательных.

1. Существительные, возникшие в результате субстантивации простых прилагательных: *ак* 'молочные продукты' (от *ак* 'белый'), *бай* 'богач' (от *бай* 'богатый, состоятельный'), *батыр* 'герой, храбрец' (от *батыр* 'храбрый, смелый'), *вак* 'мелочь' (от *вак* 'мелкий'), *ғәрип* 'урод, калека' (от *ғәрип* 'уродливый, увечный'), *ирмәк* 'забава, потеха' (от *ирмәк* 'забавный', 'потешный'), *иртә* 'утро' (от *иртә* 'ранний'), *йылы* 'тепло' (от *йылы* 'теплый'), *күк* 'небо', (от *күк* 'синий, голубой'), *кара* 'чернила' (от *кара* 'черный'), *карт* 'старик', (от *карт* 'старый'), *карун* 'скряга, скупец' (от *карун* 'скупой, жадный'), *макау* 'тушица' (от *макау* 'неспособный'), *матур* 'красавец' (от *матур* 'красивый'), *оят* 'стыд, совесть' (от *оят* 'постыдный, неприличный'), *рәхәт* 'удовольствие, наслаждение, блаженство' (от *рәхәт* 'благодатный, приятный, блаженный'), *сит* 'край, сторона, чужбина' (от *сит* 'чужой, чуждый'), *таз* 'парша' (от *таз* 'паршивый'), *тинтәк* 'глупец, дурень' (от *тинтәк* 'бестолковый, глупец'), *тура* 'прямая' (от *тура* 'прямой'), *һак* 'пост' (от *һак* 'осторожный, бдительный'), *һалкын* 'холод, мороз' (от *һалкын* 'холодный, морозный'), *һары* 'желтуха' (от *һары* 'желтый'), *һыбай* 'всадник, верховой' (от *һыбай* 'верховой'), *һыуык* 'мороз, холод' (от *һыуык* 'холодный, морозный'), *ысын* 'правда' (от *ысын* 'правильный, истинный'), *юләр* 'глупец, дурак' (от *юләр* 'глухой'), *ярлы* 'бедняк' (от *ярлы* 'бедный'), *яуыз* 'злодей' (от *яуыз* 'злой') и т. п.

2. Существительные, возникшие в результате субстантивации отдельных аффиксальных форм прилагательных: *аҗыллы* 'умница' (от *аҗыллы* 'умный'), *аңра* 'глупец, тушица' (от *аңра* 'глупый, несообразительный'), *артык* 'излишек, избыток' (от *артык* 'излишний, избыточный, лишний'), *бысрак* 'грязь' (от *бысрак* 'грязный'), *илак* 'плакса' (от *илак* 'плаксивый') *инсафлы* 'скромник' (от *инсафлы* 'воспитанный, скромный'), *иҫәр* 'глупец' (от *иҫәр* 'глупый'), *көлкө* 'смех, потеха' (от *көлкө* 'смешной, забавный'), *караңғы* 'темнота' (от *караңғы* 'темный'), *кызык* 'потеха, забава', (от *кызык* 'интересный, забавный'), *кылансык* 'кокетка' (от *кылансык* 'кокетливый'), *кәрҙеи* 'родственник' (от *кәрҙеи* 'единокровный'), *оятһыз* 'бесстыдник, наглец, нахал' (от *оятһыз* 'бесстыдный, нахальный, наглый'), *партиялы* 'партиец' (от *партиялы* 'партийный').

СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЧАСТИЙ

В башкирском языке могут субстантивироваться причастия настоящего и будущего времени: *бирәсәк* 'долг, задолженность', букв. 'то, что нужно отдать' (*бир-* 'давать'), *килер* 'приход, доход' (*кил-* 'приходить'), *киләсәк* 'будущее, будущность' (*кил-* 'приходить'), *озатыусы* 'сноровка, сновальщик' (*озат-* 'сновать'), *тегеүсе* 'портной' (*тек-* 'шить'), *ужыусы* 'ученик' (*ужы-* 'читать'), *языусы* 'писатель' (*яз-* 'писать').

СУБСТАНТИВИРОВАНИЕ ДРУГИХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ

Субстантивируются глагольные основы, что исторически перекликается с первичной нерасчлененностью именных и глагольных корней: *алмаш* 'смена' (от *алмаш-* 'обменивать'), *атыш* 'перестрелка' (от *атыш-* 'перестре-

ливаться'), *ауыш* 'наклон' (от *ауыш-* 'наклоняться'), *буталыш* 'путаница, суматоха' (от *буталыш-* 'перемешиваться'), *көрәш* 'борьба' (от *көрәш-* 'бороться'), *күс* 'рой' (от *күс-* 'перемещиваться'), *жорот* 'курут' (от *жорот-* 'сушить'), *өй* 'дом' (от *өй-* 'складывать'), *өң* 'берлога' (от *өң-* 'рыть'), *табыш* 'находка' (от *табыш-* 'находить друг друга'), *талаш* 'ссора' (от *талаш-* 'ссориться'), *талкы* 'мялка' (от *талкы-* 'мять'), *тартыш* 'ссора, спор' (от *тартыш-* 'ссориться'), *тибеш* 'биение' (от *тибеш-* 'пинаться, лягаться'), *туй* 'свадьба' (от *туй-* 'наедаться'), *тырма* 'грабли' (от *тырма-* 'сгребать'), *узыш* 'соствязание в беге' (от *узыш-* 'обгонять друг друга'), *уй* 'долина' (от *уй-* 'вырезать'), *убеш* 'поцелуй' (от *убеш-* 'целоваться'), *һал* 'плот' (от *һал-* 'класть'), *һикереш* 'прыжок' (от *һикереш-* 'соствязаться в прыжках'), *шеш* 'нарыв' (от *шеш-* 'нарывать'), *ызғыш* 'ссора' (от *ызғыш-* 'ссориться'), *ярыш* 'соревнование' (от *ярыш-* 'соревноваться').

Субстантивизируются имена действия: *асырау* 'прислуга' (букв. 'содержание'; *асыра-* 'содержать'), *белдерәү* 'объявление' (*белдер-* 'извещать'), *булу* 'краска' (*буя-* 'красить'), *игәү* 'напильник' (*игә-* 'точить'), *йәйләү* 'летняя стоянка' (*йәйлә-* 'жить на летней стоянке'), *көтәү* 'стадо' (*көт-* 'пасти'), *жилау* 'зимовка', (*жила-* 'зимовать'), *һайлау* 'выборы' (*һайла-* 'выбирать').

3. Исторический инфинитив на *-маж* дал в современном башкирском языке немногочисленные существительные конкретного и отвлеченного значения: *артмаж* 'вьюк' (*арт-* 'вьючить'), *базмаж* 'клавиша' (*баз-* 'давить'), *йырмаж* 'канавка, прорытая водой' (*йыр-* 'прорывать'), *жатмаж* 'верхний обледенелый слой стога или скирды' (*жат-* 'затвердевать'), *жоймаж* 'олады' (*жой-* 'лить'), *табырмаж* 'загадка' (*табыш-* 'находить друг друга').

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Грамматическая категория числа является одной из наиболее общих. Она охватывает почти все существительные. В ее основе лежат противопоставление понятий единичности и множественности. Полного соответствия между логическим и лингвистическим понятием числа нет, хотя в принципе они совпадают. Различие заключается в том, что грамматические формы числа в ряде случаев могут не выражать соответствующие им количественные значения.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Ед. число не имеет специального морфологического показателя. Слово в ед. числе формально совпадает со словом как лексической единицей: *ат* 'конь', *болон* 'луг', *әстәл* 'стол', *һазлык* 'болото' и т. д. Соотнесенность нулевой формы с реальной единичностью зависит от характера лексического значения существительных. Имена, фамилии, прозвища, названия географических объектов, планет и т. п. имеют только форму ед. числа ⁷, совпадающую с реальным числом.

Нулевая форма многих нарицательных существительных нейтральна по отношению к числу. Например, словосочетание *ат көтәү* может быть понято как 'пасти одну лошадь', так и 'пасти нескольких лошадей'; *ағас япраж яра* 'дерево распускает // деревья распускают листья', *сәс ағарған* 'волос поседел' // 'волосы поседели' и т. п. Актуализация числового значения нулевой формы в данном случае зависит от наличия количественных, качественных и других определителей. Так, единичность в следующих примерах выявляется только при оформлении слов аффиксами принадлежности

⁷ Аффиксы мн. числа сохранились лишь в отдельных названиях населенных пунктов, которые имеют этнонимическое происхождение и сейчас воспринимаются в значении ед. числа как цельные названия, а не расчлененные множества: *Озонлар* (населенный пункт в Архангельском р-не БАССР), *Бишәүзәр* (населенный пункт в Салаватском р-не), *Күлләр* (населенный пункт в Гармаскалинском р-не) и др.

и в сочетании с определительными словами: *атымды кәтәм* 'пасу свою (одну) лошадь', *баксалағы ағас япрак яра* 'дерево, которое в саду, распускает листья', *бер сәс ағарған* 'один волос поседел', *күңелле кеше* 'веселый человек' и т. п.

Определенная группа существительных, особенно названия абстрактных понятий, в силу специфики своего лексического значения употребляется преимущественно без аффиксов мн. числа:

1) названия отвлеченных понятий типа *аң* 'сознание', *эхлак* 'нравственность', *арауык* 'пространство', *йәшиәйеш* 'бытие'; сюда же можно отнести обозначения стран света: *тошлок*, *көнъяк* 'юг', *төнъяк* 'север' и др.;

2) имена существительные с отвлеченным значением, оформленные афф. *-лык*: *бөйөкләк* 'величие', *донъялык* 'этот свет, бытие', *именлек* 'безопасность', *кызыллык* 'краснота', *муллык* 'обилие', *тыныслык* 'мир, спокойствие', *юклык* 'отсутствие' и др.;

3) имена существительные со сложным афф. *-сылык*, обозначающие профессии, род занятий, круг единомышленников как абстрактное понятие: *азсылык* 'меньшинство', *күпселек* 'большинство', *йәзитселек* 'джадидизм', *малсылык* 'животноводство', *милләтселек* 'национализм', *ударсылык* 'ударничество', *умартасылык* 'пчеловодство', *һөнәрселек* 'занятие ремеслом' и т. п.;

4) названия с собирательным значением, обозначающие несчетаемые вещества: *бал* 'мед', *бесән* 'сено', *йөп* 'шерсть', *көм* 'песок', *һөт* 'молоко', *он* 'мука', *шәкәр* 'сахар'; образование форм мн. числа от таких существительных возможно лишь при обозначении совокупности видов, сортов этих вещей или употреблении их для выражения дополнительных значений с эмоциональным оттенком преувеличения, подчеркивания множества;

5) названия парных частей тела, выражающие в контексте идею парности: *аяктан йығылыу* 'свалиться с ног' (букв. 'свалиться с ноги'), *күзгән ярыу* 'лишиться глаз', *күлдан зәғифләнеу* 'искалечить руки', *колакка һаты туг на уши*.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Мн. число имен существительных, а также прилагательных, местоимений, отдельных разрядов числительных, отглагольных имен и глаголов в форме 3-го лица выражается афф. *-лар* и его алломорфами *-ләр*, *-тар/-тәр*, *-дар/-дәр*, *-зар/-зәр*⁸.

-лар присоединяется к основам, оканчивающимся на гласные *-а*, *-о*, *-ы*: *балалар* 'дети', *борғолар* 'горны', *быкылар* 'пилы'.

-ләр наращивает основы на *-ә*, *-ө*, *-е*: *бәләләр* 'беды', *бөйөләр* 'тарантулы', *бүреләр* 'волки'.

-тар/-тәр образует мн. число от слов с конечным глухим согласным: *ағастар* 'деревья', *беснәктәр* 'синицы'; после звонких финалий заимствованных основ *-б*, *-д*, *-г*, *-в* также принято употреблять глухие варианты аффиксов, поскольку орфоэпически конкретные согласные оглушаются: *клубтар* — в произношении [клубтáр], *парадтар* [параттáр] и др.

-дар/-дәр присоединяется к основам, оканчивающимся на сонорные *-л*, *-м*, *-н*, *-ң*: *колдар* 'рабы', *урамдар* 'улицы', *меңдәр* 'тысячи'.

-зар/-зәр прибавляется к основам, оканчивающимся на гласный *-и*, полу-гласные *-й*, *-у*, *-ү*, согласные *-р*, *-з*: *көнжизәр* 'коньки', *өйзәр* 'дома', *айыу-зар* 'медведи', *каразар* 'снега', *кыззар* 'девушки' и т. п.

В говорах южного диалекта башкирского языка после сонорных *-м*, *-н*, *-ң* употребляется афф. *-нар/-нәр*: *колоннар* 'жеребята', *кәләмдәр* 'карандаши', *таңнар* 'зори' и т. д.

⁸ В башкирском языке сохранилось несколько архаичных слов преимущественно заимствованных в форме мн. числа, например: *халайык* 'народ', *фокара* 'бедняк' (из арабского языка), *у(ғ)лан* 'сып', *яран* 'приближенный' (из персидского языка). Такие слова воспринимаются в значении ед. числа и соответственно могут принимать аффикс мн. числа: *халайыктар* 'народы', *фокаралар* 'бедняки', *ярандар* уст. 'сподвижники', *уландарым* 'дети мои'.

Аффиксы мн. числа присоединяются большей частью непосредственно к основе слова, т. е. располагаются перед аффиксами падежа, сказуемости и принадлежности: *кала-лар-за* 'в городах', *бала-лар-зы* 'детей', *күрше-лар-зе-ке-н* 'того, что у соседей' и т. п.

В терминах родства показатель числа следует после аффикса принадлежности: *агай-ым-дар-за* 'у моих братьев', *өлэсэй-ем-дэр-гэ* 'к моим бабушкам'.

Аффиксы ласкательности-уменьшительности ставятся перед показателем числа: *бала-кай-зар* 'детки', *колон-сак-тар* 'жеребятки' и т. п.

Основным (контекстуально и ситуативно наименее обусловленным) значением формы мн. числа является выражение неопределенного множества неопределенных предметов, живых существ и т. д.⁹ *балыктар* 'рыбы', *өйзэр* 'дома', *таштар* 'камни', *кешелэр* 'люди', *коштар* 'птицы'.

Оттенки значений форм мн. числа обусловлены лексико-семантическим своеобразием существительных и характером контекстуального окружения.

Существительные, семантически выражающие неразделимое множество веществ, материала и т. п., в форме мн. числа приобретают значение совокупного множества видов, сортов данного продукта или вещества: *майзар* 'разные масла', *иттэр* 'разное мясо'; обозначают повторяющиеся или имеющие протяженность во времени явления природы: *көндэр* 'дни', *һууыктар* 'холода', *ямгырзар* 'дожди', *яззар* 'весны'; в абстрактных словах появляется значение интензива: *һағыштар* 'сильная тоска', *усаллыктар* 'злосыхальство', *этлектэр* 'козни, мытарства' и т. п.

Присоединяясь к именам собственным, а также к терминам родства и свойства, аффиксы числа выражают коллективное множество, характеризуя данное лицо как представителя неуточненного множества, т. е. служат обозначением лица и его окружающих, составляющих единое целое (семью, круг друзей, близких и т. д.): *Ғарифуллалар бөгөн жырза тары уралар ине* (М. Гафури) 'Гарифулла и его семья сегодня на поле жали просо'; *Ғилмияр-зарзан бик әсем бошоп кайттым* (С. Агиш) 'Я пришел от Гилмияра очень огорченным'; *Бибеш апайымдар кайтмаймы? Байрастар килмәйме?* (З. Бишева) 'Не возвращаются ли моя сестра Бибеш со своими? Не придут ли Байрас и его друзья?'; *Ана атайымдар за буран тип тормаған, . . . бесәнгә киткән* (СБ) 'Вон мой отец и его товарищи, несмотря на буран, выехали за сеном'.

Аффикс мн. числа придает некоторым собственным именам оттенок обобщения, уподобления данным предметам, явлениям и лицам: [*Шэрәф:*] *Мин ябай укытыусы ғына тугел, мин мәғрифәтсе. Миндә Чернышевскийзәр каны* (С. Агиш): 'Я не простой учитель, я просветитель. Во мне кровь Чернышевских'; *Яуап бирзе һакмар, Ағизелдәр, мең йәшәгән олат сал таузар* (ЙК) 'Ответили Сакмары, Агидели, тысячелетние седые горы'.

Употребляясь в названиях населенных пунктов, районов и т. д., аффикс мн. числа обозначает коллектив людей, жителей, население данной местности: *баймактар* 'баймаковцы' (представители г. Баймака и Баймакского р-на), *борйәндәр* 'бурзянцы' (жители Бурзянского р-на); *Шулай итеп, был аслык илсеғолдарға ла . . . ғәмһез йәшәргә тырышыузың ақылһызык икәннен якшы аңлатты* (З. Бишева) 'Таким образом, этот голод хорошо дал понять илсегульдам (жителям деревни Ильсегул), что, оказывается, попытка прожить беспечно есть безрассудство'; *Өмәтбайзар, был кәмселектәргә сик куйылар, тип өмәтләнә* (СБ) 'Уметбаевцы надеются, что будет положен конец этим беспорядкам, недочетам'.

Некоторые из таких образований могут иметь вариативное оформление: *бөр-йәндәр* — *бөрйәнлеләр* 'бурзянцы', *мәскәүзәр* — *мәскәүлеләр* 'москвичи' и т. п.

Существительные со значением времени, возраста и места в форме мн. числа в сочетании с аффиксами падежей и принадлежности выражают при-

⁹ Иногда оно называется разделительным множественным. См.: *Колонов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка*. М.; Л., 1956, с. 67.

близительность¹⁰: *ай баштарында* 'примерно в начале месяца', *йыл азактарында* 'примерно в конце года', *йэй урталарында* 'примерно в середине лета', *сэгәт ундарза* 'примерно около десяти часов'; *Бер мең туғыз йөз егерменсе йыл. Июнь айының баштары* (С. Агиш) 'Тысяча девятьсот двадцатый год. Первые числа июня'.

Форма мн. числа в сочетании с формой принадлежности может выражать не количество данных предметов, лиц, а множество или неопределенное число субъектов, обладающих этими единичными предметами и т. п.¹¹: *Аталары һаман кайтмаған, эсләре генә өйзә* 'Отец их еще не вернулся, только мать их дома'; *Гөлийемеш өйзәренә беренсе тапкыр ингән укытыусынан тәүзә тартыһа ла, азақ тиз үк эйәләште* (Н. Дәүләтшина) 'Гульемеш, хотя вначале очень стеснялась учительницы, вошедшей впервые в их дом, затем довольно быстро свыклась'; *Өләсәймәдрәҙен капкаларын шығырзатмай ғына асып индем дә туктаным* (Н. Мусин) 'Я без скрипа отворил ворота дома своих бабушек, вошел и остановился'.

В песенном фольклоре очень часто имена собственные и некоторые названия единичных предметов употребляются в форме мн. числа, которая усиливает экспрессивно-эмоциональную окрашенность текста и создает полноту рифмованных слогов, но не имеет числового значения: *Ағизелкәйзәрзә ай кискәндә, Бер йырланым ишкәж ишкәндә* 'Переправляясь, эх, через Агидель, Запел я как-то раз, гребя веслами'; *Өфөләрҙән Мәскәүзәргә саклы Сакрым менән юлдар исәплә* 'От Уфы до Москвы дороги верстами измерены'; *Һауаларза оскан ай һар микән, Һанат оскайзарын күргән бар микән* 'В небе (букв.: в небесах) не сарыч ли летает, Довелось ли кому видеть кончики его крыльев'; *Урамдарҙан узып бара, Күзенән жишы Һара* 'По улице проходит, Брови сго темнее очей'; *Йәндәрәмде өзөп бирер инем, Йәндиң башжа йөрөр хәлем юк* 'Душу свою бы вырвав, отдал бы, Да ходить без души нет мочи'.

Формы местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа, принимая аффиксы мн. числа, выражают подчеркнутую вежливость и почтительность. Они употребительны преимущественно в фольклоре и старописьменных памятниках, в современной же литературе встречаются лишь в особых речевых ситуациях: *Эй, туғандар, туғандар, хуш, исән-һау булығыҙ, Оһотмағыҙ беззәрзә, искә алып тороғоз* (фолькл.) 'Эй, родные, родные прощайте, будьте живы-здоровы, Не забывайте нас, вспоминайте иногда'; «*Йософ китабы*» *көйө менән көйләйем мин, Үз хәлемде һеззәргә һойләйем мин* (фолькл.) 'Напеваю я на мелодии «Книги Юсуфа», О себе я рассказываю Вам'; *Безгә хәсрәт индениһә, һеззәр яһай йәрминкә!* (Ш. Бабич) 'Когда к нам приходит горе, Вы устраиваете ярмарку!'.

Аффиксы мн. числа, присоединяясь к основам отдельных прилагательных, числительных и существительных, образуют новые слова: *актар* 'белые', *кызылдар* 'красные', *йәшелдәр* 'зеленые', *йәштәр* 'молодежь' и др.

Аффикс мн. числа является конструирующим элементом при калькировании русских определительных словосочетаний терминологического характера. Русские прилагательные в таких конструкциях переводятся на башкирский язык в форме мн. числа существительных: *балалар баксаһы* 'детский сад' (букв. 'сад детей'); *граждандар һуғышы* 'гражданская война' (букв. 'война граждан'); *иптәштәр суды* 'товарищеский суд' (букв. 'суд товарищей') и др.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

В тюркских языках, в том числе и в башкирском, широко представлены парные слова, которые наряду с лексическим значением выражают и соби-

¹⁰ Аффикс мн. числа при вопросительных местоимениях и паречиях времени выражают предположительность, приблизительность: *Һасандары* 'примерно когда', *Һайзәрзә* 'где-то, в каких-то краях', *иртәгәләре* 'во сколько-то завтра', *бөгөндәре* 'во сколько-то сегодня'.

¹¹ *Киекбаев Ж. Ф.* Хөзәргә башкорт төле. Өфө, 1966, с. 63.

рательное множество без его оформления показателями числа: *ата-эсэ* 'родители' (букв. 'отец-мать'), *бала-сага* 'детвора', *егет-елэн* 'парня', *кеше-кара* 'всякий люд', *кош-корт* 'птицы', *эс-карын* 'внутренности', *туган-тумаса* 'родственники', *ярлы-абагай* 'бедняки' и т. д.

Парные слова всегда выражают собирательное множество, поэтому в нулевой форме они не противопоставляются по признаку единичности / множественности. В то же время к ним могут присоединяться и аффиксы мн. числа. При этом усиливается идея множественности и подчеркивается совокупность разных типов предметов, явлений, лиц и т. п.: *ата-эсалэр* 'разные (там) родители', *науыт-набалар* 'разная посуда', *мил-тыуарзар* 'всякий скот'; *Тауга сьжкан кыз-кыркындар бер кондо. Яззы мактай, йырын йырлай һәр кеме* 'На горку вышли девушки. Весну восхваляет, песню поет каждая' (фольк.); *Кыззың эһне лә, агай-энеләре лә бар* (Г. Дәүләтшина) 'У девушки есть и мать, и много родня'.

Парные слова на *-лы/-ле* в сочетании с фамилиями употребляются только в форме мн. числа: *аталы-уалы Ишбаевтар* 'отец и сын Ишбаевы'; *агалы-энеле Гәзизовтар* 'братья Газизовы'; *Апалы-һеңелле Рәйсә һәм Кәфиә Филәжевәларзың эштәрен һәр сәж мактап бәтә алмайзар* (СБ) 'Работой сестер Райсы и Кафии Гиляжевых каждый раз не могут нахвалиться'.

В словах, обозначающих часть чего-либо или местоположение, идея множества может передаваться повторами с одновременным оформлением редупликата аффиксами принадлежности 3-го лица (морфолого-синтаксический способ выражения числа): *ос-осо* 'концы', *баш-башы* 'начала', *сит-сите* 'края'; *Айырым механизаторзар үз бурьстарына шуаһыз карай: һөргән сакта ерзең баш-башында сей калдыралар* (СБ) 'Отдельные механизаторы к своим обязанностям относятся безответственно: при вспашке по краям клина оставляют огрехи'; *Заятуләк як-ягына карай* (фольк.) 'Заятуляк оглядывается по сторонам'; *Як-ягында киң ялан йоклап ята тыл-тын ғына* (Ш. Бабич) 'Вокруг меня тихо, как во сне, лежит широкая равнина'.

Слова-повторы в целях усиления значения обилия чего-либо могут принимать и аффиксы мн. числа.

Категория числа непосредственно связана с идеей определенности / неопределенности. Это особенно ярко проявляется при лексико-синтаксическом способе выражения числового значения.

Сочетание существительного с количественным определением исключает морфологическое выражение мн. числа: 1) при наличии количественного числительного: *биш бот* 'пять пудов' (букв. 'пять пуд'), *ун бала* 'десять детей', *өс бурна* 'три бревна', *утыз йыл* 'тридцать лет', *кырк көн* 'сорок дней' и т. д.; 2) при наличии разделительного и приблизительного числительного: *ун бишләп өйрәк* 'около пятнадцати уток', *бишәр күлдәк* 'по пять рубашек', *егермешәр бот иген* 'по двадцати пудов зерна'; 3) при наличии слов, выражающих неопределенное количество, неуточненное множество: *байтак халык* 'значительное число людей', *байтак иген* 'значительное количество зерна', *хәтһез вақыт* 'достаточно большое время', *күп укыусы* 'множество учащихся', *бер нисә кеше* 'несколько человек', *күпме дәфтәр* 'сколько тетрадей', *нисәмә кәләм* 'сколько карандашей' *канса йыл* 'сколько лет' и т. д.

Однако при выражении части целого некоторые из существительных с количественным определением принимают аффикс мн. числа: *Дәүләтхан поселкаһы халкының күп кенә кеше ләре бигерәк тә көз көндәрен кис менән станция буйына сығырға яраталар* 'Многие из жителей в поселка Давлетхан любят, особенно осенними вечерами, выходить на пристанционную площадь' (С. Агип); *Күп тәзрәләр эрзә уттар янмайзар* 'В большинстве окон огни не светятся' (Д. Юлтый).

Одним из способов выражения множественности является употребление перед существительными в нулевой форме определений-повторов с семантикой меры, счета и т. п.; так обозначают обобщенное множество, исключаящее оформление существительных афф. *-лар/-ләр*. ∴ *көтөү-көтөү һарык* 'несколько отар овец', досл. 'отары-отары овец'; *өйөр-өйөр йылкы* 'несколько

табунов лошадей', *кәштә-кәштә китан* 'несколько полок книг', *полк-полк һалдат* 'несколько полков солдат', *тәнән-тәнән һары май* 'несколько бочонков топленого масла', *казан-казан ит* 'несколько котлов мяса'; *Ямғыр апай, яу-яу, иген үҫкән тау-тау* (фолькл.) 'Тетья дождик, лей-лей, пусть родится хлеб гора-горой'.

Употребление повторов-прилагательных требует постановки определяемого слова в форме мн. числа. В данном случае с помощью определения-повтора выражается собирательное множество: *борма-борма юлдар* 'извилистые-извилистые дороги', *оло-оло ойҙар* 'большие-пребольшие дома'.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Сущность категории принадлежности, наиболее точно определенная Н. К. Дмитриевым, заключается в выражении данной категорией одновременно и предмета обладания, и одного из трех лиц его обладателя¹². При этом необходимо иметь в виду, что не во всех случаях грамматическое значение формы совпадает с лицом реального обладателя¹³. Ср.: *буркем* 'моя шапка' (шапка принадлежит мне), но *илем* 'моя страна', *ауылым* 'моя деревня', *мәктәбем* 'моя школа'.

Принадлежность в тюркских языках является общей морфологической категорией, охватывающей существительные, субстантивированные прилагательные, числительные, местоимения, имена действия, причастия. Ведущим ее грамматическим значением является выражение принадлежности чего-либо или кого-либо к лицу, обозначенному аффиксами принадлежности.

Категория принадлежности выражается специфическими аффиксами с фонетическими вариантами, которые распределяются в зависимости от абсолютного конца слова и огласовки слова в целом.

В башкирском языке употребляются следующие аффиксы.

После основ, оканчивающихся на гласные:

Ед. число

- 1 л. -м: *балам* 'мой ребенок', *кәмам* 'моя лодка'
- 2 л. -ң: *балаң* 'твой ребенок', *кәмаң* 'твоя лодка'
- 3 л. -һы, -һе, -һо, -һө: *балаһы* 'его ребенок', *кәмәһе* 'его лодка'.

Мн. число

- 1 л. -быз, -без, -боз, -бөз: *балабыз* 'наш ребенок', *кәмәбез* 'наша лодка'.
- 2 л. -ғыз, -гез, -ғоз, -гөз: *балағыз* 'ваш ребенок', *кәмәгез* 'ваша лодка'.
- 3 л. -лары, -ләре: *балалары* 'их ребенок', или 'их дети', *кәмәләре* 'их лодка' или 'их лодки'.

После основ, оканчивающихся на согласные:

Ед. число

- 1 л. -ым, -ем, -ом, -өм: *кылысым* 'моя сабля', *өйөм* 'мой дом'.
- 2 л. -ың, -ең, -оң, -өң: *кылысың* 'твоя сабля', *өйөң* 'твой дом'.
- 3 л. -ы, -е, -о, -ө: *кылысы* 'его или их сабля', *өйө* 'его или их дом'.

Мн. число

- 1 л. -ыбыз, -ебез, -обоз, -өбөз: *кылысыбыз* 'наша сабля', *өйөбөз* 'наш дом'.
- 2 л. -ығыз, -егез, -оғоз, -өгөз: *кылысығыз* 'ваша сабля', *өйөгөз* 'ваш дом'.
- 3 л. -тары, -ләре, -дары, -дәре, -зары, -зәре: *кылыстары* 'их сабля // сабли', *өйҙәре* 'их дом // дома'.

Аффиксы принадлежности¹⁴ присоединяются к основе слова, а при наличии показателей мн. числа — после них. Падежные аффиксы распола-

¹² Дмитриев Н. К. Указ. соч., с. 54.

¹³ Севортян Э. В. Категория принадлежности. — ИСГТЯ, т. 2, с. 43.

¹⁴ Н. К. Дмитриев к категории принадлежности относил также аффикс -лы (см.: Дмитриев Н. К. Категория принадлежности. — ИСГТЯ, т. 2, с. 24). Такую точку зрения нельзя считать правомерной потому, что существительные с данным аффиксом безотносительны к лицу, и выступают только в форме ед. числа. Этот показатель следует

гаются в слове после форм принадлежности: *игендэр-е-без-зе* 'наших хлебов', *дуҫ-тар-ы-ғыз-зан* 'от ваших друзей' и т. п.¹⁵

В формах 1-го и 2-го лица принадлежность однозначно выражена исчерпывающим образом, тем не менее при существительном в форме принадлежности 1-го и 2-го лица может быть представлено имя обладателя — личное местоимение в родительном падеже: *минең илем* 'моя страна', *һинең илең* 'твоя страна'.

Понятие принадлежности выражается и лексико-синтаксическим способом, т. е. личными местоимениями в родительном падеже ед. и мн. числа: *минең малай* 'мой мальчик', *һинең малай* 'твой мальчик', *безең малай* 'наш мальчик', *һезең малай* 'ваш мальчик'.

Употребление личных местоимений в форме родительного падежа в сочетании с существительными с аффиксами принадлежности создает особую эмоциональную насыщенность, подчеркивая принадлежность предмета именно тому лицу, о котором идет речь: *Был кул минең һарайым*, *Көн дә коштай койонам* (фольк.) 'Это озеро — мой дворец, каждый день я, как птица, купаюсь'; *Күкә ашкан Уралым*, — *Минең изге той эгем*, *һезе һәйә йөргөм* (С. Юлаев) 'Урал мой, возвысившийся до небес, мое святое пристанище, Вас любит мое сердце'; *Бына, хәҙрәт, безең кызыбыз үстә, төрлө яктан яусылай баһиланылар* (Ғ. Дәүләтшина) 'Вот, хазрет, наша дочь, выросла, стали ее сватать отовсюду'.

В 3-м лице, в отличие от форм 1-го и 2-го лица, обязательно оформление существительного аффиксами принадлежности независимо от наличия или отсутствия имени обладателя: *уның атаһы* 'его отец', *уларҙың атаһы* 'их отец'; *ысынлап та бит ошо көндә Ғаяз бай за, уның балалары ла ауылда тыныс яталар* (Л. Юлтый) 'В самом деле, ведь в эти дни и Гаяз-бай, и его дети спокойно отлеживаются в деревне'; *Борон заманда бер карт менән карсыҡ булған, ти. Уларҙың бер генә ир балалары донъяға килгән* (фольк.) 'В давние времена жили, говорят, старик со старухой. У них родился один единственный сын'.

Формы 1-го и 2-го лица ед. числа допускают инверсию в местоположении членов притяжательной конструкции. Тем самым достигается выражение эмоциональности¹⁶, усиливается интонационное выделение группы принадлежности: *Йөрәккәйем минең эллә нишләй*, *Асып карар инем, аскыс юк* 'Что-то с сердечком моим неладно, посмотрел бы, открыв, — да ключа нет' (фольк.), *Бер битенң — ай һинең*, *Бер битенң — нуры көн* 'Одна щека твоя — луна, другая — светлое солнце' (фольк.).

Особенности функционирования форм принадлежности заключаются еще и в том, что 1-е и 2-е лицо могут употребляться в речи независимо от наличия или отсутствия названия самого обладателя, поскольку сама форма исчерпывающе выражает и лицо обладателя, и предмет обладания. В 3-м же лице название обладателя обязательно хотя бы в предыдущем контексте. Ср.: *Бына һиңә курайымды калдырам* (фольк.) 'Вот тебе с мой курай оставляю'; *Истәрмән сыжмай Уралкайым, шиммәләре, сәхрә, тугайы* (фольк.) 'В памяти моей Урал мой, его родники, раздолья, луга'.

Употребление формы принадлежности и лица обладателя может быть контактным и дистантным, однако во всех случаях отношения принадлежности сохраняются: *Минең ситкә китеп укырга теләүемә эсәйем* *риза булма ла, атайым бик үк күнәп етмәне* (Т. Йәнәби) 'Хотя моя

отнести к словообразовательным формантам существительного и прилагательного, выражающим наличие, а не принадлежность.

¹⁵ В словах с конечной гласной 1-е лицо мн. числа категории принадлежности совпадает с формой 1-го лица мн. числа сказуемости, но отличается по месту ударения. Аффикс принадлежности всегда составляет ударный слог, аффикс сказуемости безударен. Ср.: *балабыз* 'наш ребенок', но *балабыз* 'мы — дети', *кешебез* 'наш человек', *кешебез* 'мы — люди' и т. п.

¹⁶ *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 58.

м а т ь и была согласна с моим желанием учиться на стороне, м о й о т е ц еще не очень-то соглашался'; *Беззөң большевистик ярзам уларга, караңгы төндө яктырткан факел нымак, кэрэк* (Г. Дөүлөтшина) 'Н а ш а большевистская п о м о щ ь нужна им как факел, освещающий темную ночь'; *Уның балауызан койоп эшлэнгэн һын шикелле, һығылма зифа аяк т а р ы н диңгез тулкындары һак жына һыйнап йыуа...* (З. Бишева) 'Е е стройные, упругие п о г и, словно отлитые из воска, осторожно омывают морские волны. . .'

Форма 3-го лица ед. числа категории принадлежности весьма активно функционирует как средство связи между двумя существительными, составляя одну из продуктивных моделей словосочетаний — изафетную конструкцию. Оформленность или неоформленность управляющего существительного аффиксами родительного падежа зависит от степени лексикализованности словосочетания, а также от наличия определительных слов при управляющем слове: первый компонент сочетания *күгәрсен күзе* в терминологическом значении 'незабудка' не может принять аффикса родительного падежа, в значении же 'глаза голубя' это возможно: *минен күгәрсенден күзе* 'глаза моего голубя' и т. п.

Существительные с пространственным и временным значением, а также названия конкретных предметов и некоторые другие активно выступают в конструкциях с аффиксами принадлежности 3-го лица.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ФОРМ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Форма 1-го лица ед. числа в составе ласкательных и уменьшительных слов уже не обозначает конкретную принадлежность, а выражает ласковое обращение: *акыллым* 'умница моя', *иркәм* 'ласковый мой', *кәзерлем* 'дорогой мой', *йөрәкәйем* 'сердечко мое', *туғаным* 'родной мой' и т. п.

Некоторые из таких словоформ лексикализуются и без аффиксов принадлежности в данном значении уже не употребляются: *аппагым* букв. 'беленький мой' (ласк.), *күз нурым* 'свет моих очей'; слова-обращения друг к другу близких подруг: *былбылым* 'соловей мой' (ласк.), *күгәрсенем* 'голубь мой', *акыным* 'близкая моя', *сәсәгем* 'цветок мой' и т. п.

Форма 2-го лица ед. числа в зависимости от контекста может быть употреблена в целях выражения восхищения, восхваления: *Баҗа бит е г е т е ң, э, өзә генә!* 'Как отплясывает т в о й п а р е ң - т о , как отбивает!'; *А ф а й ы ң үзе тотонһа, жуямы ни ул* 'Д я д я т в о й, если сам примется, то уж не бросит'; *Шәп көрәшә к а р т ы ң, — тинем мин укытыусы иптәшкә* (С. Агиш) 'Здорово борется с т а р и к т в о й, — сказал и учителю'.

Форма 3-го лица ед. числа определенных типов слов выражает некоторые частные значения:

1) в отдельных терминах родства — почтительность при обращении родителей друг к другу в присутствии детей: *атаһы* букв. 'отец его', *әсәһе* букв. 'мать его' и т. д.;

2) в названиях предметов, вещей и т. п. при наличии усилительных частиц подчеркивается обилие названного: *Оло Эйек буйында й ы у а һ ы л а, күзгә ла а ф ы л а, жуянтубығы ла етерлек* (З. Бишева) 'В долине Большого Ика достаточно и д и к о г о л у к а, и щ а в е л я, и д и к о й м о р к о в и'.

3) в собственных именах, названиях должностей — пренебрежительно-осуждающее значение: *Фәйнуллаһы нишләгән була тағы?* 'Чего еще замышляет этот Г а й н у л л а?'; *Иреге ни тигән була инде?* 'Что еще там говорит И р и к?'; *Губернаторы ла жәпәскес...* *усал бәндә булып сикти* (Г. Дөүлөтшина) 'И г у б е р н а т о р - т о оказался таким же жестоким кровопийцей'.

4) при повторах, первые компоненты которых оформляются аффиксами родительного падежа, а вторые имеют аффикс принадлежности, выражается уничижительное или одобрительное отношение к данному лицу или пред-

мету: *Йәш булуға карамастан, Ғум әрзең Ғум әре хәрби инженер булырға әзерләңә* (С. Агиш) 'Несмотря на то, что молод, даже Гумер и тот готовится стать военным инженером' (С. Агиш); *Аттың аты дүрт аяклы булһа ла һөрөнә түгелме ни!* (СБ) 'Конь и тот, хоть и о четырех ногах, — спотыкается!'

В ряде тюркских языков принадлежность выражается также и аффикс *-ныкы/-неке*, который не содержит указания на сам предмет обладания. В тюркологии принято называть эту форму абстрактной принадлежностью¹⁷.

В башкирском языке в зависимости от основы слова этот аффикс выступает в следующих фонетических вариантах: *-ныкы/-неке*, *-ноко/-поко* (после гласных), *-тыкы/-теке*, *-токо/-токо* (после глухих согласных), *-дыкы/-деке*, *-доко/-доко* (после звонких согласных), *-зыкы/-зеке*, *зоко/зоко* (после сонорных *р, ʒ*).

Отличие данной формы от форм конкретной принадлежности заключается не только в том, что предмет обладания выражается здесь отдельно (т. е. лексически), но и в синтаксической позиции лица-обладателя. Форма принадлежности на *-ныкы* всегда находится в постпозиции по отношению к предмету обладания и выполняет роль сказуемого: *өй беззеке* 'дом наш', *балта уныкы* 'топор его', *йозак шкафтыкы* 'замок шкафа' и т. п.

Форма же принадлежности на *-(ы)м* (с вариантами аффикса принадлежности) выражает атрибутивные отношения и имеет восходящую интонацию, в то время как образования с *-ныкы* характеризуются нисходящей интонацией.

Возможно и совместное употребление обеих форм, при этом достигается акцентированное выражение идеи принадлежности: *мытмык атайымдыкы* 'ружье моего отца' ('ружье принадлежит моему отцу'); *бүрек һинең ағайыңдыкы* 'шапка твоего брата' ('шапка принадлежит твоему брату').

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Определенность/неопределенность основана на конкретизации или отвлеченности названия предмета-существительного¹⁸. Она находит отражение в формах числа, принадлежности, падежа, а также выражается лексико-синтаксическими средствами и их комбинациями.

Актуализация категории определенности/неопределенности происходит в зависимости от цели и задач коммуникации и затрагивает глубинную структуру языка.

Универсальным показателем неопределенности имени существительного в башкирском языке является слово *бер* в значении 'некий, некоторый, какой-то', соответствующий по функции неопределенному артиклю в индоевропейских языках. В сочетании с разными разрядами имен *бер* может выражать различные оттенки понятия неопределенности¹⁹.

При названиях поддающихся счету предметов, лиц и т. д. *бер* выражает общую неопределенность единичного предмета: *бер кеше* 'какой-то человек',

¹⁷ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 55.

¹⁸ В тюркологии еще не выработано единого понимания сущности и форм проявления категории определенности/неопределенности. Отдельные авторы и сейчас не выделяют ее в самостоятельный раздел грамматики, хотя Н. К. Дмитриев еще в 40-е годы рассматривал эту категорию как самостоятельную (см., например, его «Синтаксис балкарского языка» в кн.: Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 362—365). Дж. Г. Киекбаев применил теорию определенности/неопределенности в диахронном аспекте исследования морфологии и на ее основе объяснил происхождение некоторых форм имени и глагола в башкирском языке, а также в ряде урало-алтайских языков (см.: Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языковедение. Уфа, 1972; *Он же*. О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности-неопределенности. — В кн.: Вопросы методики и методологии лингвистических исследований. Уфа, 1966; и др.).

¹⁹ Сочетаясь со словами, обозначающими меру, *бер* выступает только в своем числовом значении «один», а неопределенность выражается его синонимом *берәй*, который, однако, здесь одновременно обозначает и неуточненное количество. Ср. *бер бот ашлыҡ* 'один пуд зерна' — *берәй бот ашлыҡ* 'около пуда зерна', *бер сынак сәй* 'одна чашка чая' — *берәй сынак сәй* 'одна или несколько чашек чая' и т. п.

бер китап 'какая-то книга'; *Бер көндө Әбэйлил, ана шул кабыктарзы күтөрөп, бер күл ягына барган* (фольк.) 'Однажды Абзелил, прихватив эти лубки, пошел в сторону какого-то озера'; *Офөгә якин бер ауылга ебәрһәгез, балки, барырман* (М. Тажи) 'Если направите в какую-нибудь деревню поближе к Уфе, может быть, и поеду'; *Мин бара торған магазин алдында бер милиционер баһын тора* (С. Агиш) 'Возле магазина, в который я иду, стоит какой-то милиционер'.

В той же функции со значением 'какой-то, какой-нибудь' выступают и *берэй, берэр*, производные от слова *бер*: *Берэй батыр егет килеп сығып, мине коткарыр эле тигэйлем, шул егет һин булаһың икән* (фольк.) 'Так и полагала, что появится какой-нибудь смелый джигит и вызовет меня, это значит — ты'; *Берэй урынға барып эшкә ипергә кәрәк* (Д. Юлтый) 'Надо где-то устроиться на работу'; *Йә, Корманбай ҡусты, җарышыңа арнап берәр нәмә һөйләһәңсе*. . (Т. Хәйбуллин) 'Ну, браток Курманбай, расскажи-ка что-нибудь о старшине'.

Бер при количественных числительных выражает приблизительное число предметов, связанное с неопределенностью: *Бер биш килограмм шәкәр кәрәк ине* 'Нужно было около пяти килограммов сахара'; . . . *һин китеп, бер ун көн узғас* (Т. Йәнәби) 'Дней через десять после того, как ты уехал. . .'

Своеобразно употребление слова *бер* с личными именами. В речи собственные имена обычно обозначают определенное (известное) для собеседников лицо. Но когда впервые упоминается только имя, а его обладатель — нет, употребляется особая конструкция со словами *тигән бер* и *тигән берәү* 'некто, какой-то': *Важтылы хөкүмәттән Гучков тигән берәү ошо турала сығып һөйләгән икән* (Н. Дәүләтшина) 'От Временного правительства, оказывается, выступал об этом некий Гучков'; *Яратышып йөрөгәндәр булып кәрәк. Юдин тигән берәүзе бик йыш хәтергә ала ул* (С. Агиш) 'Наверно, они любили друг друга. Очень часто она вспоминает какого-то Юдина'.

Неопределенность, выраженная словом *бер*, может несколько усиливаться в ограниченном круге слов уменьшительно-ласкательным аффиксом *-кай/-кәй* и модальной частицей *-дыр/-дер*, выражающей неуверенное предположение: *бер кешекәй* 'какой-то человек', *бер ирекәй* 'какой-то мужчина', *бер кызыккай* 'какая-то девушка', *бер йәнлектер инде* 'наверно, какой-нибудь зверь'.

Общему значению неопределенности имени, выраженному словом *бер*, противопоставляется определенность, однозначно конкретизируемая указательными местоимениями *был, ошо* 'этот', *анау, теге* 'тот' и различными определениями (особенно — причастными) при существительном: *Тейен . . . ергә төшкән һап-һары сәтләүектәрзе ауызына йыйып йөрөй* (А. Карнай) 'Белка собирает в рот упавшие на землю желтенькие орехи'; *Килен, ошо кулджте мин һиңә бирәм* (Н. Нәжми) 'Сноха, я это платье тебе даю'; *Сәми җарт үзенең тотқан балыктарын йөкмәп базарға китте* (Д. Юлтый) 'Старик Самей пошел на базар, взвалив на спину свой улов'.

Категория определенности/неопределенности соприкасается с категорией числа, что в свое время было отмечено и Н. К. Дмитриевым²⁰. Взаимопроникновение этих и ряда других категорий наиболее отчетливо показал С. Н. Иванов²¹ на материале тюркоязычного памятника XVII в. Выявленное им соотношение разных грамматических значений и форм является общей для многих современных тюркских языков — во всяком случае, это можно определенно сказать относительно башкирского языка.

Определенность/неопределенность существительных в форме ед. числа проявляется в позиции прямого дополнения. Форма мн. числа также может в зависимости от семантики существительного и структуры сочетания выражать определенность или неопределенность (см. раздел о категории числа). Существительные противопоставляются по определенной единичности (*был китап* 'эта книга') — определенной множественности (*был китаптар* 'эти

²⁰ Дмитриев Н. К. Строй турецкого языка. М.; Л., 1939, с. 44—45.

²¹ Иванов С. Н. Курс турецкой грамматики. Л., 1975, ч. 1, с. 44—49.

книги'), неопределенной единичности (*бер китап* 'какая-то книга') — неопределенной множественности (*китаптар* 'книги').

В функции сказуемого существительное во мн. числе также может выражать определенную множественность: *Хэсэн менэн Хөсэин — игеэ балалар* 'Хасан и Хусаин — близнецы'.

Мн. число существительного в сочетании с количественными числительными выражает неопределенность: *миллион йыл* 'миллион лет' — *миллион йылдар* 'миллионы лет', букв. 'миллион годов'; *ун биш сәғәт* 'пятнадцать часов' — *ун биш сәғәттәр* 'около пятнадцати часов' и т. п.

Дифференциация форм существительных по линии определенности/неопределенности последовательно проявляется также в винительном и родительном падежах, формам которых, выражающим наряду со своим падежным значением определенность, противопоставляется нулевая форма существительных в значении этих же падежей, характеризующая их как неопределенность.

Аффиксом винительного падежа, выражающим определенность в функции прямого дополнения, как правило, оформляются имена собственные, существительные, имеющие аффиксы принадлежности, производные имена с отвлеченно-предметным значением.

Топонимы являются названиями единичных объектов (1), а личные имена — конкретных лиц (2), поэтому они, как и вообще собственные имена, конкретны по своему значению и в роли прямого дополнения обязательно оформляются аффиксами винительного падежа: 1) *Ленинградты күрзек* 'мы видели Ленинград', *Өфөнө яратам* 'я люблю Уфу' и др.; 2) *Хэсәнде күрзек* 'видел Хасана', *Зөһрәне көтәбез* 'ждем Зухру'; *Бәләкәй генә торғас, Ажйегет менән Әпекәйге алып иңделәр* (Ғ. Дәүләтшин) 'Немного погода, ввели Акзигита с Апекаем'; *Муратшин Зөлфәкәрзе беләм. Безең күршегә төшөп йорой* (С. Агиш) 'Я знаю Муратшина Зульфакара. Он останавливается у наших соседей'.

Форманты винительного падежа обязательны также для существительных, осложненных аффиксом принадлежности, который в данном случае конкретизирует имена в аспекте определенности. При этом для существительных с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица в качестве показателей определенности выступают аффиксы винительного падежа *-ды/-де* (с фонетическими вариантами), а для 3-го лица — аффиксы принадлежности *-ы/-е* и определенности *-и*: *атымды* 'мою лошадь', *атыңды* 'твою лошадь', *атын* 'его лошадь', *атыбызды* 'нашу лошадь', *атығызды* 'вашу лошадь', *атын* 'их лошадь'; *Атам белде серемде, мин һойләгән уйымды* (фолькл.) 'Отец разгадал тайну мою, мысли мои, что я тебе говорила'; *Һабуллашжан сакта килә минең қайыныңды жосоп илағым* (Ө. Таһирова) 'Когда прощаюсь, мне хочется плакать, обняв березу твою'; *Ғәлимә апай Утәева ла һәр сәк балалары кеше булһын тип йәшәй. Был иге мақсат өсөн ул көсөн дә, һаулығын да йәлләмәне* (СБ) 'Галима-апа Утяева живет, чтобы вырастить детей настоящими людьми. Ради этой святой цели она не жалела ни сил, ни здоровья'.

Однако в функции прямого дополнения существительные с аффиксами принадлежности могут факультативно оформляться винительным падежом. Существительные, имеющие аффиксы принадлежности 1-го и 2-го лица, могут выступать и без аффиксов винительного падежа, в форме же 3-го лица это недопустимо. Данное положение можно объяснить лишь тем, что 1-е и 2-е лица более определенны по самой своей сути, а форма 3-го лица менее определена, поэтому последняя не может допускать нулевой формы. Ср. *Дошмандан илең һакла, ярамһактан серең һакла* (посл.) 'От врага страну береги, от подхалима — тайну'; *Сәсэн барза телең тый, оҫта барза кулығын тый* (посл.) букв. 'При хвастателе язык придержи, при мастере — руки' (т. е. 'Не хвастайся своим красноречием при сказителе, а уменьем при мастере'); *Хафиз. . . әйләнен қараһа — буркен, яғһын, хатта мыйғын да бәс қаплаған Төһфәт баһын тора* (С. Агиш) 'Обернулся Хафиз — а перед ним Тухват, у которого шапка, воротник и даже усы покрыты пнеем'.

Показатель определенности *-н* сохраняется также и в местно-временном падеже у сочетаний существительных типа изафетов II и III: *Ватан һуғыш-ы-н-да* 'В Отечественной войне', *ой баш-ы-н-да* 'на крыше дома', *тау итәг-е-н-дә* 'у подножия горы', *кыш урта-һы-н-да* 'в середине зимы'; *тундрәк күлдең төбө-н-дә* 'на дне круглого озера' и т. п.

Показатели принадлежности 3-го лица, в именах существительных, оформленных винительным падежом, в некоторых случаях могут терять свое грамматическое значение и употребляться в целях усиления экспрессивности и эмоциональности речи: *Донъя гиззем, Расәй буйлап та — Балтиген дә күрзәм, Байкалын* (Н. Нәжми) 'Изъездил свет, Россию тоже — видел и Балтику, и Байкал'; *Инде, — тинем, — мөззин агай, бесәнен дә саптым, игенен дә иктем. Мине эшләмәне, бушка икмәк ашаны тимәсәң* (С. Агиш) 'Вот, — сказал я, — муэдзин-ага, я и сено косил, и хлеба жал. Пикак не скажешь, что я не работал и даром хлеб ел'.

На оформленность существительного показателем определенности оказывает влияние и его местоположение в предложении: *Тимерзе кызыбында һук* (посл.) 'Куй железо пока горячо'; *Кешене эштә һынайзар* (посл.) 'Человека испытывают в труде'; *Кошто аңғармастан тотток* 'Птицу мы поймали неожиданно'.

В данной позиции возможно употребление существительного только в винительном падеже, при изменении местоположения слова оформленность существительного аффиксами винительного падежа со значением определенности оказывается не нужной. Ср.: *Батырзы яуза һынайзар* 'Батыра испытывают в бою' — *Яуза батыр һынайзар* (посл.) 'В бою испытывают батыра'.

Производные слова на *-лык* с отвлеченно-предметным значением в силу специфики своей семантики в функции прямого дополнения обязательно принимают аффиксы винительного падежа: *етешһезлектәрзе ботороу* 'ликвидировать недостатки', *матурлыкты һаклау* 'беречь красоту', *ойшканлыкты көсәйтеу* 'поднять организованность'; *Малсылықты үстереу азык муллыгына һәм торлактарзың йылы буллыгына бәйләнгән* (СБ) 'Развитие животноводства связано с обилием кормов и теплым состоянием помещений'.

Оформленность или неопределенность существительных по линии определенности/неопределенности в пределах родительного падежа зависит от характера связи между компонентами словосочетания, имеющих конструкцию изафета «существительное + существительное».

Препозитивное существительное может иметь двойное оформление. При актуализации его атрибутивной функции оно выступает без аффикса родительного падежа: *ағас тамыры* 'корень дерева', *һыйыр һөтө* 'молоко коровы', *ой кыйығы* 'крыша дома' и т. п. Однако при акцентировании внимания на принадлежности предмета, первый компонент конструкции получает аффикс родительного падежа и выражает определенность с помощью соответствующего определения: *теге ағастың тамыры* 'корень того дерева', *ала һыйырзың һөтө* 'молоко пестрой коровы', *ауыл ситендәге өйҙөң кыйығы* 'крыша дома, находящегося на краю деревни'; *Әсәй шул байтарзың аштарын бешерә, керҙәрен йыуа.* (М. Гафури) 'Мать готовит еду для тех баев, стирает белье...'

Такая перестройка невозможна для словосочетаний, которые не могут выражать принадлежность: *таң еле* 'утренний ветер', но не *тандың еле*; *күкрәк һөтө* 'грудное молоко', но не *күкрәктең һөтө* и т. п. Здесь играет роль также лексикализация словосочетаний.

Обязательно оформление аффиксом родительного падежа первого компонента конструкции при наличии определений (иногда выраженных указательными местоимениями) у второго компонента: *завод эшсәһе* 'рабочий завода' — *заводтың алдыңғы эшсәһе* 'передовой рабочий завода', *партия съезы* 'съезд партии' — *партияның егерме бишенсе съезы* 'двадцать пятый съезд', *колхоз председателе* 'председатель колхоза' — *колхоздың яңы председателе* 'новый председатель колхоза'.

Когда конструкция выражает часть целого, первый компонент также оформляется аффиксом родительного падежа со значением определенности:

ашлыктың центнеры 'центнер зерна', *ситсаның метры* 'метр ситца', *майзың казагы* 'фунт масла', *шәкәрзең килограммы* 'килограмм сахара'.

При выражении принадлежности предмета конкретному лицу компонент — собственное имя обязательно получает форму родительного падежа: *Хайҙарзең сәғәте* 'часы Хайдара', *Зиннәттең аҙмышы* 'судьба Зинната' и т. п.

При именах собственных термины родства и свойства в формах принадлежности могут выражать не принадлежность, а отношение говорящего (чаще пренебрежительное) к называемому лицу; в таких случаях имя собственное выступает в форме основного падежа: *Хәсәндең балаһы* 'дитя Хасана' — *Хәсан балаһы* 'Хасанов ребенок' (пренебрежительно).

Таким образом, охарактеризованность существительных по категории определенности/неопределенности зависит от характера лексического значения слова, структуры конструкции, акцентирования внимания на определенном члене словосочетания и экспрессивно-эмоционального содержания словосочетания.

КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОСТИ

Сказуемость является специфической категорией, представляющей морфологически и лицо, и его признак, одновременно соотносимый с временем и наклоном. Слово в форме сказуемости можно расчленить на субъект и предикат, логически же оно имеет структуру предложения. Поэтому синтетические и аналитические формы сказуемости вне контекста взаимозаменяемы: *эшсемен* — *мин эшсе* 'я рабочий'; *йырсыһың* — *һин йырсы* 'ты певец' и т. п. Форма сказуемости одновременно выражает и значение числа, т. е. каждой форме лица соответствует и определенное числовое значение.

В современном башкирском языке сказуемость в 1-м и 2-м лице ед. и мн. числа выражается специальными аффиксами²², которыми оформляются не только именные части речи, но и некоторые разряды служебных слов (послелог, частицы). В зависимости от огласовки слова варьируется и состав гласных в аффиксах. Для 3-го лица специальных аффиксов нет.

Ед. число

1 л. -*мын*||-*мен*||-*мон*||-*мән*: *ташсымын* 'я каменщик'

2 л. -*һың*||-*һең*||-*һоң*||-*һөң*: *ташсыһың* 'ты каменщик'

Мн. число

1 л. -*быҙ*||-*без*||-*боҙ*||-*бөҙ*: *ташсыбыҙ* 'мы каменщики'

2 л. -*һығыҙ*||-*һегеҙ*||-*һогоҙ*||-*һөгөҙ*: *ташсыһығыҙ* 'вы каменщики'

Аффиксы сказуемости всегда находятся в абсолютном конце слова и не имеют ударения: *Үз дәрәжәде, урынымды яҡшы беләмен* — *мин кендек әбейең улымын* (М. Кәрим) 'Хорошо знаю себе цену, свое место — я сын повивальной бабки'; *Башҡортостан сикһеҙ Үзәлһең һин, Уралтаужай шидәй мөһабәт!* (Б. Ноғоманов) 'Башкирия, ты безгранично прекрасна, как величавы горы Урала!'

Аффиксы сказуемости могут присоединяться не ко всем семантическим разрядам существительных, а лишь к существительным, характеризующим лицо, обозначающим лицо по свойству. Эти ограничения определяются семантикой слова. Так, отвлеченные понятия и предметы безотносительны к лицу, поэтому слова, обозначающие их, не принимают аффиксов сказуемости.

Категорией сказуемости охватываются порядковые и собирательные числительные: *беренсемен* 'я первый', *икенсеһең* 'ты второй', *унынсыбыҙ* 'мы десятые', *егерменсеһегеҙ* 'вы двадцатые'; *берәүмен* 'я один', *бишәүһегеҙ* 'вас пятеро', *алтауҙар* 'их шестеро' и т. п.

Аспект отрицания категории сказуемости в башкирском языке выражается словом *туғел* 'не', к которому и присоединяются аффиксы сказуе-

²² В тюркологии принято возводить аффиксы сказуемости к личным местоимениям. См.: Дмитриев И. К. К истории аффиксов сказуемости. — ИСГТЯ, ч. 2, с. 5.

мости: *Рус түгелмен, ләкин Россиялымын* (М. Кәрим) 'Не русский я, но Россиянин'; *Безгә булыр йәр түгелһең, йөрәмә йөрәк яндырып* (фольк.) 'Не нам ты достанешься, не тревожь сердце'.

Как уже было отмечено, параллельно с формой сказуемости в современном башкирском литературном языке употребляется синтаксически синонимичная с ней конструкция «личное местоимение + имя»: *Языусымын — мин языусы* 'я писатель', *бәләкәйһең әле — һин бәләкәй әле* 'ты еще мал', *өсәубез — без өсәу* 'нас трое' и т. п.

Возможно и сочетание морфологически выраженной сказуемости и двусоставных предложений с местоимениями в одной конструкции, что характерно преимущественно для поэзии, фольклора и — в целом — для возвышенного стиля художественной и официально-деловой речи²³: *Мин бер батша жызымын, Жызарының зурымын* («Урал») 'Я — дочь одного царя, самая старшая из его дочерей'; *Мин — тапшымын, Таузы яра сабам* (Ғ. Дәүләтов) 'Я — каменщик, разрубаю гору пополам'; *Һаумы, байраҡ! Еңеу байрағы! . . . һин ябайһың . . . Ябай тукыма* (П. Нәжми) 'Здравствуй, знамя! Знамя победы! . . . Простое ты . . . Простая ткань'.

Аффиксы сказуемости одновременно категориальны и по числу: *уқыусымын* 'я ученик' — *уқыусыбыз* 'мы ученики', хотя здесь возможно и употребление форм множественности: *уқыусыларбыз* 'мы ученики'.

Формы сказуемости могут сочетаться с аффиксами пространственных надежд. При этом форманты сказуемости всегда располагаются после падежных аффиксов.

Аффиксы сказуемости в сочетании с исходным падежом: *ауылданмын* 'я родом из деревни' или 'я — деревенский', *ярыларзанһың* 'ты из бедняков', *алың яктарзанбыз* 'мы из дальних краев', *кайһы илдәрҙәнһегез?* 'из каких вы стран?' и т. п.

Аффиксы сказуемости в сочетании с местным падежом: *өйҙәмен* 'я дома', *алыштабыз* 'мы находимся далеко', *юлдаһығыз* 'вы в дороге', *кунакталар* 'они в гостях', *Йылмая ата: — Үзең өсөнсө кластаһың, Ә уйың хата* (Р. Ниғмәти) 'Улыбается отец: — Сама ты в третьем классе, а мысли твои не верны'.

С формами других косвенных падежей аффиксы сказуемости не употребляются.

Аффиксы сказуемости сочетаются также с аффиксами принадлежности: *балаһың* 'ты мой ребенок' (1-е лицо принадлежности и 2-е лицо сказуемости), *балаңмын* 'я твой ребенок' (2-е лицо принадлежности и 1-е лицо сказуемости), *балаһымын* 'я его ребенок' (3-е лицо принадлежности и 1-е лицо сказуемости), *балаһыһың* 'ты его ребенок', *балаһығыз* 'вы мои дети', *балаларығызбыз* 'мы ваши дети'; *Хәҙер ана, Раис, з в е н о б а ш л ы ғ ы м ы н тигән булып, кайһылай купрайып йөрөй* (Н. Мусин) 'Сейчас вон Раис, ходит голым, от того что он вожатый звена'; *Икегез ҙә балаһыңыз, Күзебезең ҡарамһыңыз, Тешәр сағығыҙ үтмәгән, Быуынығыҙ катмаған* («Акбузат») 'Вы оба — дети мои, свет очей моих, вы еще не окрепли, вы еще не выросли'; *Тере калдыҡ . . . Ә мин шуларҙың — Тере калғандарҙың берһемен* (П. Нәжми) 'Остались живы. . . А я один из оставшихся в живых'.

Аффиксы сказуемости присоединяются иногда к существительным (1) и местоимениям (2), осложненным аффиксом принадлежности -*дыкы/-деке, -ныкы/-неке, -зыкы/-зеке* и т. п.: 1) *партияныкымын* 'я принадлежу партии', *атайыңдыкыһың* 'ты принадлежишь своему отцу', *илеgezзекһегез* 'вы принадлежите своей стране' и т. д. 2) *минекһең* 'ты мой', *һинкемен* 'я твой', *үзебезекһегез* 'вы наш', *кемдекелар?* 'они чьи?' и т. д.

Таким образом, формы сказуемости, принадлежности и числа, а отчасти и падежа сочетаются в одном слове и составляют сложную словоформу существительных. Форма сказуемости 1-го лица мн. числа в словах, оканчи-

²³ Киекбаев Ж. Ғ. Хәҙерге башҡорт теле, с. 66.

вающихся на гласный звук, совпадает с формой принадлежности 1-го лица мн. числа, но различаются они по ударению.

Аффикс принадлежности принимает ударение, однако при оформлении слова аффиксом сказуемости ударение падает на предыдущий слог: *кәтәүсебәз* 'наш пастух' — *кәтәүсебәз* 'мы пастухи', *әсәбәз* 'наша мать' — *әсәбәз* 'мы матери', *балабыз* 'наш ребенок' — *балабыз* 'мы дети' и т. д.

При стечении в одной словоформе различных грамматических показателей аффиксы сказуемости, как обычно, замыкают словоформу: *якындагыһымын* 'и тот из них, который находится близко', *жалалагыһың* 'ты тот из них, который находится в городе'; *өйзәгеләребез* 'мы те из нас, которые находятся дома'; *тәүгеләреһегез* 'вы те из ваших, которые являются первыми' и т. п.

Все перечисленные формы сказуемости соотносятся с глаголом настоящего времени изъявительного наклонения. Кроме того, функционируют синтаксические формы выражения категории сказуемости со служебным глаголом *бул-* 'быть', констатирующие состояние в настоящем времени. Ср., например, конструкции: *ағайыңмын* 'я твой брат' — *мин һинең ағайың булам* 'я есть твой брат'; *карауылсың* 'ты сторож' — *һин карауылсы булайың* 'ты есть сторож'; *мин килеһегез булам* 'я буду (в значении 'есть') ваша сноха' — *мин һезең килеһегез* 'я ваша сноха'; *һин һандугас буһаң, мин карлугас, һайрашырбыз икәү пар булгас* (фольк.) 'Если ты соловей, то я ласточка, запоем, когда станем парой'; *Эт әйтә: — минме? — ти, — мин Вәлә булырмын* (фольк.) 'Собака говорит: — Я? Я и есть Беда'.

Значение сказуемости может соотноситься и с прошедшим временем, при этом оно выражается сочетанием существительного со вспомогательным глаголом-связкой *инә* 'был': *уҡытыусы инем* 'я был учителем', *балыҡсы иһең* 'ты был рыбаком'; *Горький яҙған даулы жошо кеүек, Берәу яуга уҡтай атылды. Был — Кусимов иһе, батыр улы, һөйгән улы башҡорт халқының. . .* (Р. Нигмәти) 'Как буревестник, описанный Горьким, кто-то ринулся стрелой в битву. Это был Кусимов, храбрый сын, любимый сын башкирского народа'.

В прошедшем и будущем времени категория сказуемости выражается только синтаксически, т. е. конструкцией «имя + вспомогательный глагол *инә* или *бул-*»²⁴.

Сочетание имени с глагольной связкой *бул-* может выражать значение будущего времени индикатива: *һин уҡытыусы булырһың* 'ты будешь учителем', *без журналистәр буласаҡбыз* 'мы будем журналистами'. Формами вспомогательного глагола *бул-* могут выражаться значения условного, желательного наклонений и наклонения намерения: *бригадир буһаң* 'если буду бригадиром', *уҡытыусылар булайыҡ* 'будем учителями', *артист буһаң иһе* 'быть бы артистом', *тракторист булмаҡсымын* 'намерен стать трактористом', *студент булмаҡсы инем* 'был намерен стать студентом'.

Такие словосочетания следует рассматривать как составные именные сказуемые, содержащие в себе признаки имени и глагола. В отрыве от имен-

²⁴ П р и м е ч а н и е р е д. Категория сказуемости обнаруживает полный изоморфизм с категорией времени, наклонения, лица и числа глагола, поскольку позиция сказуемого закреплена за глаголом как за частью речи. Соответственно она представлена не только морфологическим (с помощью аффиксов сказуемости) и синтаксическим (с помощью связки *инә* в форме прошедшего времени) индикативом, но и аналитическим сослагательным, желательным наклонением и под.: *Уҙең киһаң, яҡшы булыр иһе* 'Было бы хорошо, если бы пришел ты сам'; *Кәрим инженер булыр иһе, дипломы юҡ* 'Карим стал бы инженером, (но) у него нет диплома'; *(һин) артист буһаң иһе, кызык булыр иһе* 'Было бы интересно, если бы (ты) стал артистом'; *Кыш йылы буһын иһе* 'Была бы зима теплой' и т. п. Да и в индикативе категория сказуемости представлена рядом аналитических форм: *Быйыл һин депутат буласаҡһың (булырһың)* 'В этом году депутатом станешь ты'; *Лекциялар элеккерәк кызык була торғайны* 'Лекции раньше были интересными' и т. п.

По отношению к этой разветвленной системе аналитических форм аффиксально выраженная сказуемость, не содержащая указания на время и наклонение, предстает как нулевая форма сказуемости в настоящем времени индикатива. Стало быть, и в ней имя адаптируется по аналогии с глаголом, за которым позиция сказуемого закреплена как за частью речи. Вот почему в этой позиции выступает далеко не всякое имя, а только названия лиц и их свойства.

ной части глагольная связка не выражает предметность, а имеет совершенно другое лексико-грамматическое значение.

Категория сказуемости охватывает не только имена, но и модальные слова. Имена существительные в сочетании с модальным словом *икэн* 'оказывается' выражают значение сказуемости с модальным оттенком опосредованного узнавания, догадки: *һәйбәт кеше икәнһең* 'ты, оказывается, хороший человек', *апаың һауынсы икэн* 'твоя сестра, оказывается, доярка', *һунарсы икәнһеңеҙ* 'вы, оказывается, охотники' и т. п.

Модальное слово отрицания *түгел* 'не', принимая аффиксы сказуемости, способно сочетаться с именами: *ул дуҫ түгел* 'он не друг', *һин ниңә комсомолец түгелһең?* 'ты почему не комсомолец?', *ғалимдәр түгелбеҙ* 'мы не ученые', *һеҙ күрше түгелһеңеҙ* 'вы не соседи' и др.

Однако не все модальные слова, принимающие аффиксы сказуемости, могут сочетаться с именами и функционировать как составные сказуемые. В частности, такой возможностью не обладают модальные слова *ярай* 'можно', *ярамай* 'нельзя', *юк* 'нет' и некоторые другие.

Категория сказуемости не охватывает также такие разновидности существительных, как собственные названия местностей, наименования единичных предметов, учреждений и т. д., в то время как имена людей пользуются этой категорией в полной мере. Это, видимо, обусловлено тем, что категория сказуемости имеет отношение прежде всего к лицу, т. е. связано с категорией одушевленности.

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

Падеж — это грамматическая категория имени, обозначающая с помощью специальных аффиксов или их сочетания с послелогом синтаксическое отношение данного существительного к другому существительному, наречию или глаголу. Это отношение может определяться характером лексического значения подчиняющего слова, его формой, принадлежностью к определенной части речи или семантикой зависимого существительного. Падежные значения реализуются только в словосочетании и предложении.

В башкирском языке, как и во всех тюркских языках, падежные формы в основе своей едины для именных частей речи во мн. и ед. числах. Система значений падежей, их соотношение и взаимозаменяемость довольно сложна и трактуется в учебной и научной литературе по башкирскому языку по-разному²⁵.

В определении количественного состава падежей мы исходим из установленной в тюркском языкознании и единой для большинства тюркских языков (кроме якутского, чувашского и хакасского) шестипадежной системы: основной, родительный, дательный, винительный, исходный, местный.

Основной падеж не имеет грамматических показателей и совпадает с корнем или производной лексической основой (ядром) слова. Для падежных аффиксов башкирского языка характерна многовариантность, возникающая в зависимости от огласовки слова и качества конечного согласного основы.

Род. п.: *-дың/-дең*, *-доң/-дең* после согласных *з, ж, л, м, н, ң*: *колхоздың* 'колхоза', *гараждың* 'гаража', *кулдең* 'озера' и др.; *-тың/-тең*, *тоң/-төң* после всех глухих согласных: *аттың* 'лошади', *икмәктең* 'хлеба' и т. п.; *-зың/-зең*, *-зоң/-зоң* после согласных *з, р, у, ү, й*: *каззың* 'гуся', *ерзең* 'земли' и др.; *-ның/-нең*, *-ноң/-ноң* после всех гласных: *каланың* 'города', *кешенең* 'человека' и т. п.

Соответственно оформляются винительный, исходный и местный падежи.

Вин. п.: *-ды/-де*, *-до/-до*, *-ты/-те*, *-тој/-тө*, *-зы/-зе*, *-зо/-зо*, *-ны/-не*, *-ној/-нө*.

²⁵ В учебнике для башкирских педучилищ выделено два винительных падежа — определенный и неопределенный (см.: Башкорт теле. Педучилищеләр өсөн дәреслек. Өфө, 1968, с. 166). Р. Ф. Зарипов в своей кандидатской диссертации доводит число падежей до 19, причисляя к данной категории ряд словообразовательных аффиксов (Зарипов Р. Ф. Категория падежа в башкирском языке. Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Уфа, 1971, с. 12).

Исх. п.: *-дан/-дэн, -тан/-тэн, -зан/-зэн, -нан/-нэн.*

Местн. п.: *-да/-дэ, -та/-тэ, -за/-зэ; -ла/-лэ.*

Дат. п.: *-га/-гэ* (после гласных и звонких согласных), *-жа/-жэ* (после глухих согласных).

Существительные с аффиксами принадлежности имеют некоторое отличие в склонении. В дательном падеже к существительным в форме принадлежности 1-го и 2-го лица ед. числа присоединяется афф. *-а/-э*: *атайыма* 'отцу', *эсэйме* 'матери', *дусуңа* 'твоему другу', *ойвэңэ* 'твоему дому' и т. п.

Существительные же с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица мн. числа оформляются типичными формами дательного падежа на *-га/-гэ*: *колхозыбызга* 'нашему колхозу', *танышыгызга* 'вашему знакомому', *кешебезгэ* 'нашему человеку'.

Существительные в форме принадлежности 3-го лица в дательном падеже имеют окончание *-на/-нэ*: *баксаһына* 'его саду', *куршеһенэ* 'его соседу', *уқтыысыларына* 'их учителям', *ейөндэрэнэ* 'их внукам', в винительном падеже — *-н*: *атын* 'его коня', *аттарың* 'его коней', *рәсемн* 'его рисунка', *рәсемдәрен* 'его рисунков'; в местном падеже — *-нда/-ндэ* (т. е. с добавлением элемента *-н*, который отсутствует при склонении существительных без аффиксов принадлежности): *бүлмәһендә* 'в его комнате', *куршеһендә* 'у его соседа', *эшендә* 'в его работе' и т. п.

Падежные показатели в слове занимают место, как правило, после аффиксов словообразования, числа и принадлежности, но не всегда находятся в абсолютном конце слова, как это принято считать. Существительные в форме исходного и местного падежей способны принимать аффиксы сказуемости 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа: *ауылданмың* 'я из деревни', *жунактанһың* 'ты из гостей', *куршеләбез* 'мы в соседях'; *өйҙәһегеҙ* 'вы дома', *китапханаламың* 'я в библиотеке' и т. п.

После падежных форм к слову могут присоединяться: афф. *-дыр/-дер* (в его фонетических вариантах), выражающий сомнение, неуверенное предположение: *атайыңдыңдыр* 'наверное, твоего отца', *беззелер* 'наверное, нас', *кемдеңдер* 'что-то', *каланандыр* 'наверное, из города', *куршеләргәҙер* 'наверное, в соседях', *дачағалыр* 'наверное, на дачу' и т. п.; вопросительный афф. *-мы/-ме*: *калағамы?* 'в город что-ли?', *өйҙәһиме?* 'из дома, что-ли?', *эштәме?* 'на работе ли?' и т. п.

К некоторым падежным формам присоединяются морфемы *-ғы/-ге, -са/-сэ* и др., образуя сложные аффиксы: *бүлмәләге* 'находящийся в комнате', *безгәңсә* 'по-нашему', *урындағыса* 'по местному' и т. п.

Падежные формы выражают сложный комплекс значений, противопоставляемых или взаимозаменимых по функции.

ОСНОВНОЙ ПАДЕЖ

Основной падеж представляет собой исходную форму слова и как прямой падеж противопоставит всем другим, так называемым косвенным, падежам не только по отсутствию аффиксов, но и по своему значению и грамматической роли, как падеж подлежащего, хотя эта его функция не является единственной. Существительное в форме основного падежа отвечает на вопросы: *кем?* 'кто?' (по отношению к человеку), *нимә?* 'что?' (по отношению ко всем одушевленным существам, а также к предметам и явлениям). Существительные в основном падеже имеют как независимую (самостоятельную), так и зависимую позицию. Независимая позиция показывает отсутствие синтаксических отношений. Этой позицией основной падеж противопоставляется всем остальным падежам, выступающим в большинстве случаев в зависимой позиции.

В самостоятельном употреблении имя в основном падеже выполняет функцию подлежащего, обозначая предмет, явление и процесс: *Кояш байыуға тартым* (Г. Гүмәр) 'Солнце склоняется к закату'; *Кешеләр, эйелер, аяҡ астарынан һиндәйҙер дүрткел кағыз кичкәтәре алалар* (Ф. Исәнғолов) 'Люди, нагибаясь, достают из-под ног какие-то четырехугольные клочки бумаги'.

Имена в основном падеже могут выступать в качестве назывного предложения и обращения: *Вокзал. Шау-шыу. Йишел вагондар* (Х. Кәрим) 'Вокзал. Шум-гам. Зеленые вагоны'; *Бөгөн һилең тыуған көнөң, һеңлем* (Р. Бикбаев) 'Сегодня день твоего рождения, сестра моя'.

Все остальные значения и функции существительного в основном падеже являются зависимыми и обусловлены его позицией, контекстом и характером значения сочетающегося с ним слова.

Основной падеж выступает в функции простого (1), составного именного (2) и составного глагольно-именного сказуемого (3): 1) *Абайым — укытыусы* 'мой отец учитель', *Ғали — бригадир* 'Гали — бригадир'; *Әйткән һүз — атқан ук* (посл.) 'Слово сказанное — стрела выпущенная'; *Бер жунак — шатлык, ике жунак — артык, өс жунак — йөк* (посл.) 'Один гость — радость, два — излишек, три — тягость'; 2) *Мәкәл — һүз курке* (посл.) 'Пословица — краса речи'; *Ауызың да уймак, теиеш — ынйы, телен генә оймак аскысы* (фолькл.) 'Рот твой наперсток, зубы — жемчужины, речь же твоя — райские ключи'; *Һэйкәлдәр — тереләр өсөн* (Ф. Исәнғолов) 'Памятники — для живых'; — *Һин, Зөлхизә, язғы кояһи һымакһың* (З. Бишшева) 'Ты, Зулхиза, как весеннее солнце'; 3) *Мин укытыусы булам* 'Я буду учителем' и т. п.

Имя в роли сказуемого имеет характеризующее значение, показывая кем или чем был, является или станет названное лицо, предмет и т. п., т. е. типологически сближается с глаголом состояния. В силу этого в данной позиции выступают не всякие имена, а лишь те, которые способны выражать состояние субъекта как его признака.

Основной падеж является одной из распространенных форм определения. В непритяжательных словосочетаниях существительное-определение во многих случаях аналогично прилагательному: *алтын алка* 'золотые серьги', *ағас көрәк* 'деревянная лопата'; *кан жызыл* 'крово-красный', *Безең өй такта койма менән уратып алынған* (М. Кәрим) 'Наш дом окружен дощатым забором'. В данном случае преимущественно используются названия вещества, материала и т. п., воспринимаемые как названия признака.

Выступая определением в притяжательной конструкции, существительное в основном падеже соотносится с родительным падежом в той же позиции. Существительное-определение в этой конструкции может приобретать и показатель родительного падежа, образуя грамматическую вариантность типа *Кәрим малайы — Кәримдең малайы* 'сын Карима'.

Именное определение в основном падеже (изафет II) непосредственно примыкает к имени с притяжательным аффиксом, тогда как форма родительного падежа имени допускает вставку других определений: *калаһың иң зур баксаһы* 'самый большой сад города', *әғәймең аҡыллы кәңәштәре* 'мудрые советы моей матери'.

Есть самостоятельные типы изафета II, где постановка определения в форме родительного падежа не допускается²⁶:

1) когда существительное в основном падеже выступает в составе географического названия, или цельного наименования чего-либо: *Өфө калаһы* 'город Уфа', *Күгәрсен районы* 'Кугарчинский район', *«Ырғыз» романы* 'роман «Ирғиз»', *«Зифа» магазины* 'магазин «Зифа»', *«Ағизел» колхозы* 'колхоз «Агидель»', и т. п.;

2) когда существительное в форме основного падежа определяет название родового, а существительное с притяжательным аффиксом — видового понятия: *кыр казы* 'дикий гусь', *осрашыу шатлығы* 'радость встречи', *эи бүлмәһе* 'рабочая комната', *языу өстәле* 'письменный стол' и т. п.

Основной падеж широко употребляется в функции прямого дополнения, соотносясь при этом с формой винительного падежа, всегда выражающей определенный объект. Основной же падеж показывает неопределенность объекта действия и располагается в контексте в отличие от дополнения в форме винительного падежа непосредственно перед глаголом: *хат языу*

²⁶ См. также: Иванов С. Н. Указ. соч., с. 19—21.

'писать письмо'; *Кояш сығыр алдынан бисаләр, кун эктәр тотоп, һыйыр һауырға сықтылар* (С. Агиш) 'Перед восходом солнца женщины, прихватив ведра, вышли доить коров'; *Ул арала Арыслангаленең энеһе Усмангәлә ат эсереп кайтып килде* (Ғ. Дәүләтшин) 'Тем временем, вернулся, напоив коня, братишка Арыслангәлә Усмангәлей'; *Торналар шул убаларға йла һайын осоп килеп, йомортжа һалып, бала сыгарған* (И. Солтанов) 'Журавли, каждый год прилетая к тем курганам, клали яйца, вывели детенышей'.

В народно-разговорном языке, фольклоре и произведениях башкирских авторов XIX в. зафиксировано довольно частое употребление основного падежа вместо дательного: *базар сығыу* 'выехать на базар', *Уфа китеу* 'уехать в Уфу'; *Бер уйлайым Бохар китергә, бер уйлайым донъя көтөргә* (фольк.) 'То думаю уехать в Бухару, то думаю (здесь) жить да поживать'; *Которған эт һауа җарап өргән менән асманда торған айзың нуры китмәс* (М. Акмулла) 'Оттого, что бешеная собака будет лаять, здрав пасть небу, не померкнет свет луны на небосклоне'. Однако в современном башкирском литературном языке данное употребление не стало нормой.

При сочетании существительных, обозначающих время, с указательными местоимениями основной падеж конкурирует с местным: *шул көн(дә)* 'в тот день', *теге йыл(да)* 'в тот год', *анау ваҡыт(та)* 'в то время' и т. п.

Основной падеж широко сочетается с послелогами. Эти сочетания в разных своих значениях функционально могут заменять формы других падежей, тем самым образуя разветвленную систему морфолого-синтаксических средств выражения одних и тех же грамматических значений.

Основной падеж с полисемантическим послелогом *менән* 'с' обозначает:

1) совместность, соучастие (функция косвенного дополнения): *Мәскәүҙән һуң пионерҙәр менән бер вагонда барҙы Сәйҙәлдәр* (Ғ. Сәләм) 'После Москвы Сайдели ехали в одном вагоне с пионерами'; *Һыялғол менән килешкәнең аҗыһы булар* (Ғ. Дәүләтшина) 'Для тебя хорошо помириться с Пиязгулом';

2) лицо, на которое распространяется действие другого лица (косвенное дополнение, являющееся логическим субъектом): *кеше менән үсәнләшеу* 'поздороваться с человеком', *кыз менән танышыу* 'познакомиться с девушкой'; *Карт кеше менән шаярырға ярамай* (С. Агиш) 'Нельзя шутить с пожилым человеком';

3) орудие, материал и предмет действия (функция дополнения): *балта менән сабыу* 'рубить топором', *шифер менән ябыу* 'покрыть шифером', *сәғәт менән бүләкләу* 'наградить часами', *лимон менән сәй эсеу* 'пить чай с лимоном', *документ менән танышыу* 'ознакомиться с документом'; *Кәртә башын һалам менән яттым* (Б. Бикбай) 'Крышу сарая покрыл я соломой';

4) способ действия (функция обстоятельства образа действия): *аҡыл менән йәшәу* 'жить с умом', *иғтибар менән тыңлау* 'слушать с вниманием', *тырышлыҡ менән еңеу* 'победить старательностью', *хөрмәт менән өндәшеу* 'обращаться с уважением', *түбәнселек менән үсәнләшеу* 'здороваться с почтением'; *Кайғыны ла, шатлыҡты ла кешеләр йыр менән аңлата* (Б. Бикбай) 'И горе, и радость люди выражают песней'; *хәйлә менән алдырыу* 'взять хитростью', *катылыҡ менән тотоп* 'держат в строгости';

5) способ передвижения (функция обстоятельства образа действия): *самолет менән осоу* 'полететь самолетом', *автобус менән кайтыу* 'возвращаться автобусом', *поезд менән барыу* 'поехать на поезде', *ат менән йөрөү* 'ездить на лошади'; данная конструкция может заменяться формой местного падежа: *самолетта осоу* 'полететь на самолете', *автобуста кайтыу* 'возвращаться на автобусе' и т. д.; место, направление действия: *юл менән барыу* 'идти дорогой', *урман менән атлау* 'шагать лесом'; *Әйтсе бурыл, эһуң йәшәр өсөн кайһы һуҡмаҡ менән баралар* (Ғ. Сәләм) 'Скажи же, чалый, по какой тропе идти, чтобы жить'; соответствует исходному падежу: *Юлдан атлау* 'шагать дорогой', *һуҡмактан барыу* 'идти тропой';

6) цель действия (функция обстоятельства цели): *эш менән йөрөү* 'ходить по делу', *уй менән кайтыу* 'вернуться с мыслью', *йомош менән килеу* 'прийти за чем-либо';

7) время действия (функция обстоятельства времени): *тиз мээн 'с зари'*, *яз мээн 'с весны'*; *Иртэ мээн ораган матур мыйыкы милиционер зэ билеп етте* (С. Агит) 'Подшел и милиционер с красивыми усами, встретившийся утром'; *Кояш мээн яткан малайзар этэс мээн бергэ торалар* (Г. Амантай) 'Мальчики, лежащиеся спать с закатом, встают с петухами'; данная конструкция функционально соответствует исходному падежу со значением времени; ср.: *таң мээн — таңдан 'с зари'*, *иртэ мээн — иртэнэн 'с утра'*;

8) логический субъект действия (косвенное дополнение): *Котлоярзың балэжэ кенэ кирбес ойо. . . халык мээн тулган* (Н. Дәүләтшина) 'Маленький кирпичный домик Кутлуяра заполнен народом'; *Ауыл инде күптэн уянган, урамдар ығы-зығы мээн тулган* (Ф. Рохимголова) 'Деревня давно уже проснулась, улицы полны движения'; *Күп тэ үтмэй, кич болонлож бесэн бакуй-зары мээн каплана* (СБ) 'Проходит немного времени и широкий луг заполняется скошенным сеном'; *Сокорзар, өңөлгән урындар һыу мээн тула* (К. Мәрғән) 'Ямы и выбоины заполняются водой';

9) средство, источник жизни (функция косвенного дополнения): *малсылык мээн көн куреу* 'жить скотоводством', *корт мээн шөгөллэнэу* 'заниматься пчеловодством', *иген мээн аякка барыу* 'встать на ноги благодаря хлебу';

10) характеристику лица (функция дополнения): *халко мээн тас олатаһы* 'характером вылитый дедушка', *ир эше мээн таныла* 'мужчина делом прославляется';

11) разновидность болезни (функция косвенного дополнения): *аппендицит мээн ауырыу* 'болеть аппендицитом', *тапма мээн ятыу* 'лежать с малярией', *үпкэ мээн яфаланыу* 'мучиться болезнью легких', *йөрэк мээн больницаға инеу* 'лечь в больницу с больным сердцем'; *Тиф мээн ауырыған береһе тизгәндэй һаңраулана ла тәзлә* (Н. Дәүләтшина) 'Чуть ли не каждый, заболевший тифом, становится глухим и поправляется';

12) в сочетании со словом *баш* 'голова' в притяжательной форме выражает модально-оценочное значение с отрицательным оттенком, образуя синтаксический фразеологизм: *ир башың мээн 'будучи мужчиной'* (не считаясь с этим, несмотря на это); *профессор башы мээн 'будучи профессором* (не считаясь с этим)'; *Комсомол башың мээн һиненг пальто өсөн һатыулашың йөрөргә!* (С. Агит) 'Будучи комсомольцем, стану я еще торговаться за твоё пальто!';

Основной падеж в сочетании с послелогом *өсөн* 'для, за' означает:

1) цель действия (функция обстоятельства цели): *тыныслык өсөн көрәш* 'борьба за мир'; *Эшлекле норма өсөн йөрөр, эшлекһез форма өсөн йөрөр* (посл.) 'Трудолюбивый работает ради нормы, лентяй ради формы'; *Арыммай-талмай йәштән ойрәтәмен ирек өсөн көрәш юлдарын* (Г. Амантай) 'Учу смолоду безустанно (идти) путем борьбы за свободу'; *КПСС халык өсөн йәшэй һәм халыкка хезмәт итә* (СБ) 'КПСС существует для народа и служит народу';

2) назначение предмета, цель действия (функция обстоятельства цели): *ужыу өсөн түләу* 'плата за обучение', *Ир-егет үзе өсөн тыуа, иле өсөн үлә* (посл.) 'Джигит рождается для себя, погибает за свой народ'; *Быя йыр-зарзы күкрәп үскән йәштәр өсөн язамын* (Г. Сәләм) 'Эти песни я пишу для процветающей молодежи'; *Һәм канымдың һуңғы тамсыһын илем, халкым өсөн бирермен* (Х. Кунакбай) 'И последнюю каплю крови отдаю за Родину свою, за народ мой';

3) направленность действия (функция косвенного дополнения): *бала өсөн хафаланыу* 'беспокоиться о ребенке'; *уңған кеше өсөн көн дә ураж өстө* (посл.) 'Для трудолюбивого каждый день — сграда'; *Үзгән Айзакбайзарын был хәлдә ташлап китеу Айбулат өсөн бик кыйын иле* (Н. Дәүләтшина) 'Покинуть свое Айдакаево в таком положении было очень трудно для Айбулата'; *Етәксө өсөн белеу генә аз, үтә һизгер булыу за кәрәк* (Б. Бикбай) 'Для руководителя мало знать, надо еще быть очень прозорливым'; в этих случаях основной падеж, сочетаясь с послелогом, соответствует по функции дательному падежу;

4) причину действия (функция обстоятельства причины): *ғәйеп өсөн әрләу* 'ругать за провинность', *тәжжит өсөн әзәрләу* 'преследовать за кри-

тику'; *Балыксылар Бураншаны ла ошо кылыктары осон яраттылар* (З. Бишева) 'Рыбаки и Бураншу полюбили за эти привычки'.

Основной падеж с послелогом *буйынса* 'по' означает:

1) соответствие действия, предмета и т. п. чему-либо (функция обстоятельства образа действия): *Закон буйынса хэл итеу* 'решить по закону', *күрһәтмә буйынса эшләу* 'работать согласно указанию'; *план буйынса* 'по плану';

2) отношение к действию, предмету и т. д. (функция косвенного дополнения): *доклад буйынса фекер алышыу* 'обмениваться мнениями по докладу'; *Мурзин, Григорий, Вася. . ошо резолюция буйынса бик куп кенә фекер алыштылар* (Г. Дәүләтшина) 'Мурзин, Григорий, Вася. . долго обменивались мнениями по этой резолюции';

3) род профессиональной деятельности, область занятий (функция определения): *укуы буйынса урынбаҫар* 'заместитель по учебе', *төзөлөш буйынса йөкләмә* 'обязательство по строительству', *медицина буйынса белгес* 'специалист по медицине'; *Анна Константиновнаның ире . . сауза эштәре буйынса бәлҫәй генә китаптар язған* (С. Агиш) 'Муж Анны Константиновны . . . писал брошюры по вопросам торговли';

4) пространственные и временные отношения (функция обстоятельства места и времени): *район буйынса планды үтәү* 'выполнение плана по району', *ике-өс сәғәт буйынса эшләу* 'работа в течение двух-трех часов'; *Яңы кешеләр, яңы картиналар юл буйынса күзгән үтәләр* (Г. Сәләм). 'Новые люди, новые картины всю дорогу стоят перед глазами'.

Основной падеж с послелогам *кеүек*, *һымак*, *шикелле* ²⁷ 'как, подобно' означает качественное и количественное сравнение, уподобление, выполняя функции:

1) определения: *көзгө кеүек боз* 'лед как зеркало', *мамык кеүек җар* 'снег как пух'; *Ат шикелле таза ир* (Б. Бикбай) 'Мужик здоровый как лошадь'; *Мин был төш кеүек булган вакиғанал алтырап җалдым* (С. Агиш) 'Я растерялся от этого события, случившегося как во сне';

2) сказуемого: *Кайнарлыкта җояш — йөрәк кеүек, йөрәк кайнар, җояш шикелле* (Р. Ниғмәти) 'Солнце — как сердце, а сердце как солнце горячо'; *Һин миңә ямғыр кеүекһең, ә мин — ҫым көткән ағас* (М. Ғәли) 'Ты для меня как дождь, а я как жаждущее влаги дерево';

3) обстоятельства образа действия: *балык кеүек йөз* 'плыть как рыба', *җош кеүек һайра* 'петь как птица', *җолон шикелле сап* 'скакать как жеребенок'. При этом основной падеж может быть осложнен определением в форме родительного падежа: *Халықтың кымырҗа кеүек кайнаган еренә, буфеткә табанырак, барғайныҗ* (Т. Йөнәби) 'Пошли было туда, к буфету, где народу, как в муравейнике'.

Основной падеж с послелогам *хакында*, *тураһында* 'о, об' означает предмет мысли или разговора, выполняя функцию дополнения: *Ватан матурлығы тураһында Стальский шашып йырланды* (Р. Ниғмәти) 'Стальский вдохновенно пел о красоте Отчизны'; *Хафиз җарт һуғыш тураһында үзенең җарашын белдерзе* (М. Тажи) 'Старик Хафиз высказал свои взгляды о войне'; *Тәүзә егет һүзәң кемдәр хакында барғанын да төшөнмәй торзо* (Ф. Иҫәнғолов) 'Сначала парень никак не мог понять, о ком же идет речь'.

Обычно управляющие дательным падежом послелог *хәтле(м)*, *саҗлы*, *тикле(м)*, *кәзәр(ле)* 'величиной с', сочетаясь с существительными в форме основного падежа, выражают сравнение по величине и количеству. В этом случае основной падеж с послелогом выполняет функции:

1) определения: *өй хәтлем таш* 'камень с дом', *башмак хәтле буре* 'волк как бычок', *бала саҗлы болот* 'туча величиной с палас'; 2) сказуемого: *Эшләр эштәр, ана, йондоз хәтле* (Ө. Вахитов) 'Дел как звезд на небе'; *Табылмаған мал тау хәтле* (посл.) 'Не приобретенное богатство (кажется величиной) с гору'.

²⁷ Послелог *шикелле* выражает также модальное значение сомнения, предположения: *теге килгән атайым шикелле* 'тот, идущий, кажется, мой отец'.

Данные послелогов, находясь между повторяющимися именами, имеют эмоциональный оттенок восторженности: *Мәскәү тиклем Мәскәүгә юк йомошто бар итен тә тукталаһың инде ул* (Г. Гүмәр) 'В Москве-то уж как остановишься, то хоть и делать нечего, а находишь дела'.

Основной падеж с послелогом *һайын*, 'еже-, каждый' выражает что-либо периодически повторяющееся и выполняет функцию обстоятельства времени: *Йыл һайын килә* 'приезжает ежегодно', *көн һайын эшләй* 'работает ежедневно'; *Без Новиковтың Аликсакин эргәһенә сакырлыуыи минут һайын көтә башланьык* (Д. Юлтый) 'Мы стали ждать каждую минуту вызова Новикова к Аликсакину'. Данная конструкция означает также ряд лиц, предметов, на который распространяется действие, распределяется что-либо поровну (функция дополнения): *Һалдат һайын тейеп кала берәр кашык буткаһы* (фольк.) 'Каждому солдату достается по ложке каши'; *Бригада һайын берәр трактор* (Б. Бикбай) 'В каждой бригаде по одному трактору'; *Кулдарыңда — алтын йөзөк бармак һайын* (Ш. Бабич) 'На руках — золотые кольца на каждом пальце'.

Послелог *аркаһында* 'из-за', употребленный с основным падежом, означает причину совершения или несовершения действия: *Бер куй аркаһында мең куй һыу эскән* (посл.) 'Где (если) пощет одна овца, напьется тысяча'.

Послелог *айканлы* 'по, по случаю' с основным падежом означает повод действия: *байрам айканлы* 'по случаю праздника', *тыуған көн айканлы* 'по поводу дня рождения', *туй айканлы* 'по случаю свадьбы' и т. п.

Имя в основном падеже с послелогом *тарафынан*²⁸ выражает логический субъект действия, при этом глагол употребляется в форме страдательного залога: *Был приют шиндәйзер бер тол бай катын тарафынан һалынған* (Д. Юлтый) 'Этот приют построен какой-то богатой вдовой'; *Партиябыз ораны һәр ваҡыттағы кеүек халык тарафынан ишетелде һәм қабул ителде* (Р. Ниғмәти) 'Клич партии, как всегда, был услышан и воспринят нашим народом'.

Сравнительно реже с именем в основном падеже употребляется послелог *сәбәпле* 'по, по причине'. Обычно он сочетается с именами действия и указательными местоимениями: *Көндөң королого, аттарзың егәрлелеге, тамактарының һыйлылығы сәбәпле, көн һайын Зильскийҙең дүрт десятина ере сабыла* (Г. Дәүләтшин) 'Потому, что погода сухая и лошади выкормлены, с Зильского (участка) скашивается по четыре десятины (земли) ежедневно'.

Послелогов *менән, өсөн, кеүек, хәтле, саҡлы, буйынса, турала*, управляя родительным падежом личных и указательных местоимений, имеют те же значения, что и в сочетании с основным падежом.

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

(афф. -ны/-не, ғы/-ҙе, -ты/-те, -ды/-де)

Основным значением винительного падежа является обозначение прямого объекта, на который распространяется действие. Винительный падеж выполняет функцию прямого дополнения и в этой позиции соотносится с основным падежом, отличаясь, однако, от него по выражению категории определенности/неопределенности. Винительный падеж, как и родительный, употребляется без послелогов.

Существительные и субстантивированные части речи, выступая в функции прямого дополнения, принимают аффикс винительного падежа в зависимости от характера своего лексического значения, сочетающегося с ним глагола и контекстуального выражения определенности.

1. Винительный падеж в функции прямого дополнения управляется переходными глаголами: *А у ы л д ы у з ғ а с та, матур-матур туғайзар*

²⁸ Послелог *аркаһында* (от *арка* 'спина'), *тураһында* (от *тура* 'напротив'), *тарафынан* (от *тараф* 'сторона') Н. К. Дмитриев рассматривает как переходный тип между служебными именами и послелогом (Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 233).

китэ (Ж. Киекбасв) 'Как только пройдешь деревню, начинаются красивые луга с кустарниками'; Шунда гына Зыя Гимадиев Ишмуратовты танып, жосаклап алды (Ф. Исаңғолов) 'Только тогда Зия Гимадиев, узнав, обнял Ишмуратова'; Айырылганды айыу ашар, бүленгэнде бүре ашар (посл.) 'Отколовшегося медведь съест, отделившегося волк съест'.

Форма винительного падежа обязательна, если прямое дополнение отделено от управляющего глагола другими словами; прямое дополнение в форме основного падежа может выступать только непосредственно примыкая к глаголу: *Һэнэкте көрөккә һаплама* (посл.) 'Не насаживай вилы на лопату'; *Сабатаны бабай базарға илтәп һата* (фольк.) 'Старик лопати несет на базар и продает'; *Бажыры кунме йышһаң да алтын булмаҫ* (посл.) 'Сколько ни три медь, она золотом не станет'.

2. Существительные с временным значением в форме винительного падежа ед. числа (мн. число неупотребительно) выполняют функцию обстоятельства времени, управляются переходными и непереходными глаголами²⁹, при этом конструкция с винительным падежом синонимичны конструкциям с местным падежом: *Фәтхи һалдат ошо уж кисте* (можно — *кистә*) *үзенең һойгәне Зөлхизәне. . . күрешергә сақырзы* (С. Агин) 'Фатхи-солдат в этот же вечер пригласил на свидание свою возлюбленную Зульхизу'; *Катыны бала табыр төндө* (или *төндә*) *шул батша төш күргән* (фольк.) 'В ночь, когда должна была родить его жена, тот царь увидел сон'; *Быйылғы йылды бесән алтындан кәзерле* (СБ) 'В нынешнем году сено дорожке золота'.

3. Винительный падеж в некоторых конструкциях косвенной речи выступает в функции логического субъекта действия: *Ата-йыңды бөгөн китә тинеләр* 'Сказали, что твой отец уезжает сегодня'; *Ғәзизде кайткан тип ишеттем* 'Слышал, что Гәзиз приехал'. В таких конструкциях вместо винительного падежа без изменения содержания может употребляться и основной падеж.

Отдельные глаголы, обозначающие непосредственное воздействие на объект, имеют вариативное управление — винительным падежом и дательным, хотя между этими формами существует некоторое семантическое различие: в винительном падеже объект охватывается действием полностью, а в дательном — частично: Ср. *атты менеү — атка менеү* 'сесть на коня'; *Бер үрзе менгәс, карт атын туктатып хәл алдырзы* (М. Тажи) 'Когда преодолели (один) подъем, старик, остановив лошадь, дал ей отдохнуть'; *Һөнәрле ир үргә менер, һөнәрһез ир гүргә инер* 'Сноровистый мужчина поднимется на высоту, несноровистый отправится на тот свет'; *Гәрәй бай ғәйепләнеүсене һугып ебәрзе* (Б. Бикбай) 'Гарей-бай ударил обвинеяемого'; *Үземдең атка берзе һужтым* (Д. Юлтый) 'Один раз ударил своего коня'; *Карт. . . аты һужты ла дилбәгәһен кузғатты. . .* (Ғ. Дәүләтшин) 'Старик. . . ударил коня и натянул вожжик'.

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

(Афф. *-ның/-нең, -тың/-тең*), *дың/-дең, -зың/зең*)

Основным значением родительного падежа в тюркских языках является выражение принадлежности отношений. Этим значением он противопоставит всем остальным падежам и соотносится с основным падежом, отличаясь от последнего по категории определенности/неопределенности. Имена и местоимения в форме родительного падежа сочетаются только с существительными, именами действия на *-(ы)у* и причастиями, функционируют в составе особого типа определительных словосочетаний (изафет III), т. е. управ-

²⁹ В значении неопределенного времени в сказках употребляется конструкция «исх. падеж + бер 'один' + вин. падеж»: *көндәрҙән бер көндө* 'в один из дней', *төндәрҙән бер төндө* 'в одну из ночей'.

ляются именами, а не глаголами в отличие от всех остальных падежей. Слова, сочетающиеся с именем в родительном падеже, принимают форму соответствующего лица и числа.

Родительный падеж, выполняя функцию приименного определения, выражает:

1) определенную принадлежность предмета, свойства: *колхоздың тәзәуселәр бригаданы* 'строительная бригада колхоза', *хәзерге замандың иң мәһим вақиғаны* 'самое важное событие современности'; *сәскәннең матурлығы* 'красота цветка'; *һыузың тазалығы* 'чистота воды'; *Б а л а к а й ы м д ы ң һулышы кайнар, йөрәге күкрәгенән сығырзай булып дөпөлдәп тибә* (Ф. Рәхим-голова) 'У деточки моей дыхание горячее, сердце бьется, готово выскочить из груди'; *Д а у ы т о в т а р з ы ң ете балаһы бар* (СБ) 'У Д а у т о в ы х семеро детей'; *А л д а к с ы н ы ң тәле бер колас* (посл.) 'У плута язык длинный';

2) часть целого (определение в форме родительного падежа показывает целое, а определяемое в форме лица — его часть): *көзгөң башы* 'начало осени', *күлдәктең еңе* 'рукав платья', *айзың һуңғы көнө* 'последний день месяца', *өйзөң кыйығы* 'крыша дома'; *Алтмыштан артык бейә һ а р а й з ы ң тар коридорына килеп тулды* (СБ) 'Более шестидесяти кобыл пабилось в тесном коридоре с а р а я'.

Родительный падеж имеет специфические значения, обусловленные особенностями его употребления.

1. В сочетании с последующим управляющим числительным, прилагательным и причастием родительный падеж имеет выделительное значение: *балаларзың олоһо* 'старший из детей', *китаптың кызыклығы* 'интересное из книг', *сейәнең беишкәндәре* 'самые спелые вишни'; *Һалкының көндәре з е ң иретер ғәйрәтем, ярһуыым бар, һылыу* (Р. Бикбаев) 'Студеность д н е й способная расплавить сила есть у меня, красавица'; *Йәш һауынсы, комсомолка Фәниә Сайфуллина Салауат р а й о н ы н ы ң Хамматов исемдәге колхозда алдыңғы һ а у ы н с ы л а р з ы ң береһе* (СБ) 'Молодая доярка, комсомолка Фания Сайфуллина — одна из передовых в колхозе имени Хамматова Салаватского р а й о н а'.

В данном значении родительный падеж синонимичен исходному, но последний здесь менее употребителен: *һауынсыларҙан береһе* 'одна из доярок'.

2. Родительный падеж, образуя словосочетания от однокорневых словоформ, имеет актуализированное, выделительное значение: *батырҙарзың батыры* 'батыр из батыров', *матурҙарзың матуры* 'красивый из красивых'; *К ө н д ө ң көнө буйы тышта егермәләп баш эре малды жарарға кәрәк* (Н. Дәүләтшина) 'Ц е л ы й д е ң ь надо во дворе присматривать за крупным скотом — около двадцати голов'.

3. Родительный падеж в составе изафета обозначает логический субъект действия, если второй член изафета входит в глагольный фразеологизм (1) или выражен отглагольным именем (2): 1) *Һуялдың бик асылы килә быға* (фольк.) 'Заяц очень рассердился на это'; 2) *Халықтың асылы рәүештә шулай кысқырыуларын күргәс, миндәге куркыу тағы ла артты* (М. Кәрим) 'Услышав гневные выкрики людей, я еще больше испугался'; *Безҙән һуң киләсәк быуындың да йәшәйһе бар бит* (СБ) 'Надо ведь жить и тому поколению, которое будет после нас'; *Бүренең комағай икәнән һәр кем белә* (посл.) 'Что волки жадны, всякий знает'.

4. Существительное в родительном падеже обозначает логический объект действия, когда второй член изафета выражен именем действия в страдательном залоге: *Урак ваҡытында безҙең менән ураҡка барғанда ла, ул (Ғәлимә) Үзенең уңғанлығы, шаһанлығы менән бөтә ауырлыҡтың онотолоуына сәбәт була* (М. Ғафури) 'Во время страды, когда с нами ходила на жатву Галима, она своим трудолюбием и шутивостью заставляла забыть все тяготы'.

При сочетании имени в родительном падеже с притяжательным местоимением *үзе* 'сам', изменяющимся по категории падежа и принадлежности, подчеркиваются лицо, предмет, соотносительные с ним: *директорзың үзендә* 'у самого

директора', редакторзың үзгн 'самого редактора'; Хайуандар был хакта арысландың үзгнә лә хәбәр иттәләр, ти (фольк.) 'Звери об этом сообщили самому льву'.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

(Афф. -га/-гә, -ка/-кә)

Среди падежей, именуемых пространственными, дательный падеж по значению противопоставляется исходному (исходный пункт) и местному падежам (местонахождение), обозначая конечный пункт движения, направление, причину и цель действия. Он отличается от других падежей многозначностью и широкой сочетаемостью с именами, глаголами, модальными словами, послелогоми и др., имея самостоятельное и обусловленные значения.

1. Дательный падеж обозначает направленность действия к объекту (однонаправленность), отвечая на вопросы кемгә 'кому', нимгәгә 'чему'. Это «адресатное значение» является ведущим, менее всего обусловленным (функция косвенного дополнения): укытыусыга әйтеу 'сказать учителю', кешегә ышаныу 'верить человеку', жарга батыу 'провалиться в снег', Зифага өйләнеу 'жениться на Зифе', машинага ултырыу 'сесть в машину', күршегә тапшырыу 'вручить соседу'; [Йәштәр] якын киләсәктә йәмғиәткә этәкселек итеүгә үз кулына аласак быуын (СБ) 'Молодежь является тем поколением, которое в ближайшем будущем возьмет в свои руки управление обществом'; Егет балыкка ла теймәгән, ары киткән (фольк.) 'Джигит не стал трогать и рыбу, пошел дальше'; Илсе итеп эт ебәрһәң, илеңә яу килтерер (посл.) 'Пошлешь собаку послом, приведет войско в страну'; Тыуған илгә күберәк иген бирәйек! (СБ) 'Дадим стране больше хлеба!'; Карама беләккә, кара йөрәккә (посл.) 'Не суди по руке, суди по сердцу'.

2. Адресатно-целевое значение выражается дательным падежом, управляемым именами³⁰ с конкретным или отвлеченным значением: душка саләм 'привет другу', әсәйгә хат 'письмо матери', Ғалигә бүләк 'подарок Галии', малга азык 'корм скоту', утынга агас 'дерево на дрова', кешегә ярзам 'помощь людям', йәмғиәткә файза 'польза обществу'.

3. Обстоятельно-целевое значение выражается при сочетании с глаголами абстрагированного действия: бурышка алыу 'взять в долг', тәрбиәгә алыу 'взять на воспитание', кәтәсәккә биреу 'дать в долг', коллокка һатыу 'продать в рабство'; Юлай карттарзы үз янына кәңәшкә саҡырзы (С. Злобин) 'Юлай пригласил стариков к себе на совет'.

Отдельные значения дательного падежа еще более заметно обусловлены характером лексического значения самого имени или сочетающихся с ним слов.

1. При сочетании с глаголами движения дательный падеж имеет собственное направительное значение, показывает пространственный предел, конечный пункт движения, отвечая на вопрос кайза? 'куда?' (функция обстоятельства места): Калага барыу 'поехать в город', тауға менеу 'взойти на гору', ауылға күсеу 'переехать в деревню'; Сәйер ямғыр был: ергә ямай, ерҙән күккә һибелә (М. Кәрим) 'Станный этот дождь: льется не на землю, а с земли на небо'.

2. В зависимости от лексического значения существительного дательный падеж обозначает протяженность во времени, срок, или предел действия во времени (функция обстоятельства времени): айға китеу 'отправиться на месяц', йылға һузылыу 'затянуться на год', таңға кайтыу 'вернуться на заре', төшкә барып теу 'добраться к обеду', йөз йәшкә теу 'дожить до ста лет', кышка 'зимой', осәисә азнаға китте 'пошла третья неделя'.

Очень часто существительное в данной форме адвербиализуется: иртәгә 'завтра', киләсәккә 'на будущее' и т. п.

³⁰ При управлении прилагательными дательный падеж теряет свое падежное значение и в составе словосочетания выступает в функции определения и сказуемого.

3. Формой дательного падежа выражается цель действия (обстоятельство цели): *балыкка барыу* 'пойти на рыбалку', *еләккә йөрөү* 'ходить за ягодами'; *Утынга, бесәнгә китһәм дә, йоклаһам да, торһам да, Ғәзизәнең төсө күңелдән, исеме тел осонан китмәй башлань* (С. Кулибай) 'Посду ли за дровами или за сеном, сплю или бодрствую, облик Газизы всегда в моем сердце, а ее имя на языке'.

4. При сочетании с глаголами страдательного залога дательный падеж представляет объект действия (функция косвенного дополнения): *шалға ураныу* 'закутаться в шаль', *кормға баялыу* 'измазаться в саже', *тупракка күмеләу* 'зарыться в землю'; *Тирә-яктағы тигез ялан ап-аң карға каплаһан* (С. Агиш) 'Ровное поле вокруг белым-бело от снега'; [*Кыздарзың*] *икәүһе эллә шаршауға, эллә зур ашъяулыкка төрөлгән оло-оло төйөнсөктәрен беләктәренә асқан* (Ф. Исәнғолов) 'У двух девушек на руках большие узлы, завязанные то ли в занавески, то ли в скатерти'.

5. При сочетании с количественными числительными дательный падеж при некоторых глаголах показывает предел по счету (1) или меру (2): 1) *Һарык йөз башка артты* 'Поголовье овец увеличилось на сто'; *Европа экономик берләшмәһе илдәрәндә эшһезҙәр һаны 5,8 миллион кешегә етте* (СБ) 'В странах Европейского экономического сообщества число безработных достигло 5,8 миллионов человек'; 2) *биш һумға һатты* 'продал за 5 рублей'; *ике тингә һаттып алдым* 'я купил за 2 копейки'.

6. Дательный падеж выражает объект, являющийся источником воздействия, влияния и т. п., а сочетающийся с ним глагол обозначает ответное действие или противодействие. В таких словосочетаниях действие характеризуется как разнонаправленное (от объекта к действию и от действия к объекту)³¹: *Кояш кыззыра, көп җе, акрын елгә Днепр буйындағы карт ағастар шаулай* (Б. Дим) 'Солнце налит, день жаркий, старые деревья на берегу Днепра шелестят на легком ветру'; *Тауышка кеше лә уянған* (Ө. Биколов) 'От шума проснулся и человек'; *Карсык был асык йөз, татлы һүзәргә һыуанып, йоклап китте* (С. Агиш) 'Старуха, обрадовавшись этому приветливому приему, приятным словам, уснула'.

В данном случае форма дательного падежа функционально соответствует исходному падежу: *донъяга зарлануу — донъянан зарлануу* 'обижаться на весь мир', *тауышка уянуу — тауыштан уянуу* 'проснуться от шума', *җегә курлыуу — җәһәннә курлыуу* 'завянуть от жары', *һыуыкка шартлау — һыуыктан шартлау* 'треснуть от холода' и т. п. Такая заменяемость логически вполне объяснима, ибо действие, заключенное в глаголе, является ответной реакцией, или следствием того, что выражено именем, являющимся источником предшествующего действия.

При обозначении конечного пункта движения дательный падеж может заменяться местным падежом, обозначающим местонахождение: *Бер ваҡыт поезыбыз бер бәләкәй станцияға // станцияла туктаны* (А. Таһиров) 'Однажды наш поезд остановился на одной маленькой станции'.

В некоторых случаях возможна даже взаимозаменяемость дательного, исходного и местного падежей: *елгә елберзәу — елдән елберзәу — елдә елберзәу* 'колыхаться на ветру, колыхаться от ветра'.

7. В сочетании с глаголом абстрагированного значения дательный падеж указывает на полный охват объекта данным действием: *хыялға биреләу* 'предаться фантазии', *бәләгә тарыу* 'попасть в беду', *моңға күмеләу* 'быть охваченным мелодией', *ахмактыкка төшөү* 'впасть в дурачество', *кайғыға калыу* 'впасть в горе', *һүзгә биреләу* 'увлечься разговором', *уйға батыу* 'впасть в раздумье', *йокоға китеу* 'погрузиться в сон'.

8. Дательный падеж может обозначать логический субъект действия: *Макираға, агроном булыуҙан бигерәк. бригадир хезмәтен башкарырға тура килде* (Х. Филәжев) 'Магире приходилось больше выполнять работу бригадира, нежели агронома'; *Кыздарға күптән өйҙәрәнә таралырға ваҡыт* (СБ) 'Девушкам давно пора расходиться по домам'.

³¹ Иванов С. Н. Указ. соч., с. 81.

Дательным падежом управляют послелогои *карағанда* 'по сравнению', *карай*, *табан* 'в направлении', *күрә* 'согласно, соответственно', *карата*, *тиклем* 'до', *кариш* 'против, напротив', *бәйлә* 'связанное с'.

Послелог *кариш* 'против, напротив, к', отличается своей многозначностью. С именем в дательном падеже он выражает:

1) расположение лица, предмета напротив (функция косвенного дополнения): *ишеккә кариш тәзрә бар* 'есть окно напротив двери', *койшкә кариш ултырыу* 'сесть напротив солнца'; *Өстәл эргәһендә Юлияға кариш ултырыска ултырзы ул* (Н. Дәүләтшина) 'Он сел на стул напротив Юлии, которая находилась около стола';

2) предшествующее время (функция обстоятельства времени): *базарға кариш кис* 'вечером накануне базара', *йәжиәмбегә кариш юлға сыктым* 'выехали накануне воскресенья', *каникулға кариш кайтырбыз* 'вернемся ближе к каникулам', *тонгә кариш* 'к ночи' (в этом значении *кариш* конкурирует с послелогом *карай*);

3) движение против, навстречу (функция косвенного дополнения): *елгә кариш атлау* 'шагать против ветра', *Үзен-үзе онотоп, ажгырып яткан тулкындарға кариш йәзоп киткән* [Азнагол] (З. Бишева) 'Не думая о себе, Азнагол поплыл навстречу бушующим волнам';

4) ответное действие (функция косвенного дополнения): *йырга кариш йыр йырау* 'отвечать песней на песню', *һорауға кариш яуап биреу* 'ответить на вопрос'; *Тукта әле, китмә, тороп тор, хаткә кариш хат язайым* (Ш. Бабич) 'Постой-ка, не уходи, подожди, напишу-ка я ответное письмо';

5) противодействие (функция косвенного дополнения): *байзарға кариш күтарелеу* 'подняться против богачей', *дингә кариш көрәш* 'борьба против религии'; *. . . һуғышка кариш восстание яһарға кәрәк* (Д. Юлтый) 'Надо поднять восстание против войны'; *Бәлки, был мәсьәлә буйынса Сыртлановка кариш әйтергә кәрәк булгандыр* (С. Агиш) 'Может быть, по этому вопросу надо было возразить Сыртланову'; (*Ғәзимә*) *үзенең иренә кариш . . . тел әйтмәккә өйрәнгән* (Н. Дәүләтшина) 'Газима научилась не перечить своему мужу'.

Дательный падеж с послелогом *карағанда* выражает сравнение одного предмета с другим и выполняет функцию косвенного дополнения: *Афзал Төхфәткә карағанда алты йәшкә олорак* (С. Агиш) 'Афзал старше Тухфата на шесть лет'; *Утын да, аш-һыу за, мал азығы ла башкә йылдарға карағанда мул кәрәк* (Н. Дәүләтшина) 'И дров, и пищи, и кормов нужно больше, чем в другие годы'; *Сөгәлдөр еренә минераль ашламалар узған йылыларға карағанда күберәк һибелде* (СБ) 'Минеральных удобрений на свекловичных полях внесено больше, чем в прошлые годы'. Данная конструкция может заменяться формой исходного падежа без послелога: *атаһы улына карағанда көслөрәк — атаһы улынан көслөрәк* 'отец сильнее сына' и т. п.

Послелог *карағанда* с дательным падежом может быть средством связи вводного предложения с главным, выражая при этом ссылку, аргументацию последующей мысли: *Хаттарға карағанда, әлдә лә безең кескенә ауылдан куп кеше юк* (Д. Юлтый) 'Судя по письмам, не стало многих людей из нашей маленькой деревни'.

Дательный падеж с послелогоми *карай*, *табан* обозначает:

1) направление движения (функция обстоятельства места): *ауылға карай атлау* 'шагать по направлению к деревне'; *Бәтәһе лә йөзгәрен ишеккә карай борзолар* (М. Ғафури) 'Все повернулись лицом к двери'; [Айбулат] . . . *тирмәләр короласаң калжыуға табан атланы* (Н. Дәүләтшина) [Айбулат] . . . *зашагал по направлению к возвышенности, где должны ставиться юрты*;

2) направление во времени (функция обстоятельства времени): *кышка карай* 'к зиме', *йәйгә табан* 'к лету', *байрамға табан* 'к празднику'; *Кискә табанырак Сәмигулла ауылына кайтып китте* 'Самигулла к вечеру отправился домой в деревню'; *Төшкә карай кымыз көтәбез, бесәнселәр эргәһенә барабыз* (СБ) 'К обеду ждем кумыс, едем к косцам'.

Послелог *карай* с дательным падежом имеет также значение соответствия, равноценности и в этом случае синонимичен послелогам *күрә*, *карата*. Конструкция характерна для пословиц и поговорок: *Әшенә күрә тахы* 'По ра-

боте и оплата'; *Сазакаһына карай доһаһы* 'По подаянию и молитва'; *Заманына карай көлкөһө, тауына карай төлкөһө* 'Каково время, такова и забава, какова гора, таково и зверье' и т. п. Послелог же *карата* с дательным падежом выражает, кроме того, направленность действия: *дуска карата* 'по отношению к другу', *Ғалимгәгә карата* 'по отношению к Галиме'; *Фатимаға карата тыуа башлаган йәшерен мөхәббәтен бер кемгә әйтмай, үзә менән алып китте Хәсәйен* (Ж. Киекбаев) 'Хусаин никому не сказал о своей зарождающейся любви к Фатиме, унес эту тайну с собой'.

Дательный падеж с синонимичными послелогоми *тикле(м)*, *саклы*, *хәтле(м)*, *кәзәр(е)* 'до, вплоть до' выражает предел в пространстве и во времени, выполняет функцию обстоятельства времени и места: *Бөгөн тағы таңға тиклем Хәйзәрзәң күзенә йөкә төйөлмәне* (Ф. Исәнғолов) 'Сегодня опять до зари Хайдар не мог заснуть'; *Кәзәрәттең атаһы Шәрифйән һуғышка т и к л е м әле Хайрулланьң йәшлек дуһы булды* (М. Хәйзәрөв) 'Отец Кудрата Шарифьян еще до войны был другом молодого Хайруллы'; *Йәй көнө кара төнгә саклы урамда уйнайһың* (Т. Йәнәби) 'Летом играешь на улице до глубокой ночи'.

Конструкция с *саклы*, *хәтле* может быть заменена формой на *-ғаса*: *язға саклы* // *язғаса* 'до весны', *урманға хәтле* // *урманғаса* 'до леса' и т. п.

Дательный падеж с приведенными выше послелогоми выражает при некоторых глаголах крайний предел распространения действия в пространстве: *Өйзә байрам төсө, со л а н д а р ғ а т и к л е м һап-һары итеп кырып йыуылған* (С. Агипш) 'В доме празднично, даже чуланы выскоблены, вымыты до желтизны'; *Йонсотқос ямғырзан ер генә түгел, өйзәр, кәртәк у р а л а р ғ а х ә т л е бурһыл, шешенеп бөткән* (З. Бишшева) 'От надоедливового дождя не только земля, но и дома и постройки разбухли и заплесневели'. Данная конструкция употребляется иногда с модальным оттенком уничтожительности, пренебрежения, конкурируя с именем, осложненным усилительными частицами *-ла/-лә*, *-да/-дә* или с синтаксическим фразеологизмом, представляющим редупликацию на основе III изафета: *Юлайға тиклем көрәшә — Юлай за көрәшә — Юлайзың Юлайы көрәшә* 'И даже Юлай борется' и т. п.]

Дательный падеж с послелогом *бәйле* показывает отношение зависимости, выступая в составе сложного сказуемого или определения: *(Юлияның) кисәгә икеләнеүе ошо бер зур мәсәләгә бәйле ине* (Ғ. Дәүләтшина) 'Вчерашние сомнения Юлии были связаны с этим большим вопросом'; *Ансамблдең уңыштары уның етәксене Салишан Нуриэхмәтов исеменә бәйле* (СБ) 'Успехи ансамбля связаны с именем его руководителя Салишана Нуриахметова'; *Мин уның тормошонда уның күзенә бәйле һиндәйзер фажигә булғанын төшөндөм* (Ғ. Әмири) 'Я понял, что в его жизни произошла какая-то трагедия, связанная с глазами'.

Форма дательного падежа имен действия с послелогом *карамастан* 'несмотря на' связывает уступительные предложения с главным: *Ул, етмеш йәштән узыуға карамастан, мыкты ине әле* (Ә. Чаныш) 'Он, несмотря на то, что перешел за седьмой десяток, был еще крепок'.

ИСХОДНЫЙ ПАДЕЖ

(Афф. *-дан/-дән, -зан/-зән, -тан/-тән, -нан/-нән*)

Исходный падеж является одним из наиболее употребительных и многозначных падежей. Противопоставляясь дательному, он обозначает исходный момент, исходную точку, источник. Обширны его синтаксические функции — косвенное дополнение, различные типы обстоятельств, сказуемое и др. Актуализация всех значений и функций исходного падежа происходит только при сочетании с глаголами, именами и другими частями речи.

Синтаксически обусловленные значения исходного падежа, возникающие в зависимости от характера лексического значения управляющего слова, следующие.

1. Обозначение исходного пункта при глаголах движения, удаления от исходной точки (однонаправленное действие). В этом значении исходный падеж наиболее употребителен, наиболее обширен и охват слов, вовлекаемых в данный круг, например: *өйзән сығуу* 'выйти из дома', *ерзән күтәрелеу* 'подняться с земли', *таузан төшөу* 'спускаться с горы', *клубтан кайтыу* 'вернуться из клуба', *жаланан китеу* 'уехать из города'; *Был булһын эше менән игенселәрҙең берлеге, тузған ауылдан яңы ауылға күсеүҙең билгеһе* (Т. Йәнәби) 'Пусть это будет знаком единения хлеборобов с рабочими, перехода от нищей деревни к новой'.

2. При глаголах с семантикой чувственного восприятия, физического и психического состояния исходный падеж обозначает источник воздействия или состояния, побудительную причину: *һимезлектән* 'беситься с жиру', *эшеһлектән интегеу* 'мучиться от безделья', *эттән куркыу* 'пугаться собаки', *кыуаныстан илау* 'плакать от радости'; (*Әжәл*) *бәһлеуән Урал батырҙан, уғың йәшен уты сығарыр кылысынан шөрләй икән* (из эпоса) 'Смерть, оказывается, боится Урал-батыра, его огненного меча'; *Халыҡ инде өсөнсө йылға һузылған каплы һуғыштан бик ныҡ йөзгән* (С. Агиш) 'Народ очень сильно устал от кровавой войны, которая тянется уже три года'; *Каскын асыҡтан, һуыҡтан, жызырып йөрөгән интеккәйне* (С. Злобин) 'Беглец измучился от голода, холода, от бродячего образа жизни'.

3. При сочетании с глаголами физического действия исходный падеж обозначает объект воздействия (действие одностороннее — направлено к объекту): *күздән тотоу* 'держат за руку', *икмәктән тотоноу* 'приниматься за хлеб', *майынан ашағыз* 'ешьте масло', *итәктән тартыу* 'тянуть за подол', *маңлайҙан үбеу* 'целовать в лоб'; (*Ғәйникамал инәй*) . . *килененең сал төшә башлаган сәстәрәнән һыйпаны* (Я. Вәлиев) 'Бабушка Гәйникамал . . погладила седеющие волосы своей снохи'. Сюда же можно отнести сочетания исходного падежа с глаголами отвлеченного значения, превратившиеся в устойчивые словосочетания типа *аяҡтан йығылыу* 'свалиться с ног', *күздән эҙғифләнеу* 'изувечить руку', *күзгән яҙыу* 'потерять зрение', *телдән калыу* 'лишиться дара речи' и т. п.

4. При сочетании с глаголами, имеющими значение отделения, выделения, извлечения, исходный падеж указывает на источник этих действий: *күзгән йәш ағыу* 'слезы из глаз текут', *йөрәктән моң һарҡа* 'мелодия исходит из сердца', *илдән айырылыу* 'расстаться с Родиной', *бәләһән котолоу* 'избавиться от беды', *уҡытыусынан дәрес алыу* 'получить урок у преподавателя'; *Бер-беребеҙҙең йырын отоп алдыҡ уҡыуҙарҙан бушап калғанда* (Р. Бикбаев) 'Песне учились друг у друга, когда были свободны от учебы'.

5. Количественно-отделительное значение выражается именами в исходном падеже, имеющими количественное определение и сочетающимися с глаголами отделения, изъятия, выделения: *институттан ике кеше* 'два человека из института', *агитаторҙарҙан берәү ҙә юҡ* 'ни одного из агитаторов нет', *көтөгән биш һарыҡ юғалған* 'из стада потерялось пять овец'.

6. Имя в исходном падеже выражает генетивное отношение при сочетании со словами соответствующей семантики: *яҡшы тоғомдан тыуған мал* 'скотина хорошего потомства', *тыумыштан егәрле* 'трудолюбивый с рождения', *наҫелдән килгән ауырыу* 'болезнь, передаваемая по наследству'. Сюда же можно отнести словосочетания с отвлеченным значением типа *ирзән уңыу* 'быть удачливой в замужестве', *катындан бәхетле* 'счастливая женой' и т. п.

7. При сочетании с прилагательным имя в исходном падеже выражает сравнительное значение: *Күк сәскәле сирендәрҙән беҙҙең йәшлек йәмләрең* (К. Даян) 'Наша молодость красивее сирени синих цветов'; *һөйгәнғәлләр һине, илем, барлыҡ йырым һинең хакта; Ғүмерҙән дә кәҙерләрең, тимәк, һиңә биргән ант та* (Ф. Соләйманова) 'Все песни мои о тебе, Родина моя, потому что люблю тебя, дороже жизни данная тебе клятва моя'.

8. При сочетании с глаголами в попутительном и страдательном залогах исходный падеж обозначает косвенный субъект действия: *кешенән макталыу* 'быть восхваляемым людьми', *жәйзән эрләнеу* 'быть выруганным матерью',

баланап ймузырыу 'заставить вымыть ребенка'; *Киленеңдән жызыу итеп мунса яктыр*, — тине Баллыбанат (М. Кәрим) 'Заставь споху жарко истощить баю, — сказала Баллыбанат'.

Значения исходного падежа, обусловленные лексико-грамматическим содержанием самого существительного:

1) название лица в форме исходного падежа при сочетании с глаголами действия типа *ал-* 'взять', *бел-* 'узнать' обозначают объект воздействия, источник: *укытыусынан белеу* 'узнать от учителя', *атайзан һорау* 'спросить у отца'; *Дәүләтшиндән миң дә шикләнем, ләкин паникаға бирелергә ярамай* (А. Карнай) 'Я тоже опасуюсь Давлетшина, но нельзя предаваться панике'; *Дошмандан илең һакла, ярамһактан серең һакла* (посл.) 'От врага Родину береги, от угодливого — тайну'. При этом имя в форме исходного падежа выполняет функцию косвенного дополнения;

2) названия веществ, предметов и т. п. в форме исходного падежа предстают как материал для осуществления активного действия (при соответствующих глаголах) или как материал, из которого приготовлен данный предмет: *йөндән бәйлә* 'связать из шерсти', *таштан һалынған һарай* 'сарай, сложенный из камня', *талдан үр-* 'сплести из прутьев', *юкәнән ши-* 'скрутить из мочалки'; *Вокзалдың изне цементтән катырылған* (Ғ. Хәйри) 'Пол вокзала залит цементом'; *Көсөктәрзең дә баштары алтындан, койроктары көмөштән, ти* (фольк.) 'Головы у щенков якобы из золота, а хвосты из серебра'; *Өйзең стеналары һайланһып йыйылған караһайзан боткән* (Ғ. Дәүләтшин) 'Стены дома сложены из отборной сосны'.

В зависимости от цели высказывания и структуры предложения данный тип словосочетания с исходным падежом может выполнять функции косвенного дополнения, сказуемого и определения.

Существительные в форме исходного падежа выступают в функции обстоятельств в следующих значениях:

1) названия пространства, места действия (при глаголах движения — функция обстоятельства места): *һауанап осоу* 'лететь по воздуху', *юлдан йөрөү* 'ходить по дороге', *урмандан үтеү* 'проходить по лесу'; *Кузьманың тәннен эселе-һуыжлы кан югерзе* (С. Агиш) 'По телу Кузьмы побежала горячая кровь';

2) существительные на *-лык* с отвлеченным значением выражают в исходном падеже причину, обусловленность действия (функция обстоятельства причины): *йәшлектән килә* 'происходит из-за молодости'; *Шул күлдә һуу юкһыктан суртан үлергә ята* (фольк.) 'В том озере из-за отсутствия воды щука издыхает'; *Минең бөтә тәнем эселектән журылды* (С. Агиш) 'Все мое тело высохло от жары';

3) названия места, из которого что-либо выделяется (при именах): *Ситтән килеүселәргә дәйәм ятактан урын бирелә* (СБ) 'Иногородним предоставляется место в общежитии';

4) названия единиц измерения в исходном падеже, сочетаясь с нумеративными словами, обозначают меру в пространстве и времени (функция сказуемого и обстоятельства времени): *Операция ун биш-егерме минуттан артык бармағандыр* (Ғ. Әмири) 'Операция шла, паверпое, не более пятнадцати-двадцати минут'; *Ауылдың бер осонап икенсе осона тиклем биш километрҙан артык* (И. Абдуллин) 'От одного конца деревни до другого больше пяти километров';

5) в словосочетании с качественным определением исходный падеж при некоторых глаголах выражает способ, образ действия (функция обстоятельства образа действия): *саф күңелдән һой-* 'любить чистосердечно', *ысын йорәктән әйт-* 'сказать от чистого сердца', *бер тауыштан һайла-* 'выбрать единогласно', *бер төптән (тор-)* '(стоять, действовать) дружно';

6) в сочетании с количественным определением исходный падеж от названий единиц измерения обозначает при соответствующих глаголах меру, стоимость: *килоһын егерме тиндән алдык* 'покупали кило за двадцать копеек'; *өс һумдан һатыу* 'продать по три рубля' и т. п. В этом случае он со-

ответствует дательному падежу с некоторым оттенком в значении. Ср. *бер һумдан биреу* 'отдать по рублю' — *бер һумға биреу* 'отдать за рубль'.

В широко распространенных синтаксических фразеологизмах, в основе которых лежит редупликация, исходный падеж имеет выделительное значение, в котором может быть употреблен вместо него родительный падеж: *ябайзарзан ябай* — *ябайзарзың ябайы* 'простой из простых', *батырзарзан батыр* — *батырзарзың батыры* 'батыр из батыров' и т. п.

Послелогов, управляющих исходным падежом, в башкирском языке сравнительно немного, причем все они однозначны и сочетаются с ограниченным кругом слов: *бирле*, *бире* 'с момента, с', *башка*, *бүтән* 'кроме', *һуң*, *азак* 'после', *алда*, *әүәл*, *элек* 'до', *тыш* 'кроме', *кире*, *тубән* 'с (этого)', *ала* 'по'.

Послелогои *һуң*, *азак*, *әүәл*, *алда* в зависимости от контекста выступают и как наречия, *башка* и *бүтән* — как наречия и прилагательные.

Послелогои *бирле*, *бире* 'начиная с' в сочетании с формой исходного падежа имени означают продолжительность действия с какого-либо момента (функция обстоятельства времени): *былтырзан бире* 'с прошлого года', *бала сактан бирле* 'с детства', *иртәнән бирле* 'с утра', *Кисәнән бирле күземде лә йомғаным юк* (М. Гафури) 'Со вчерашнего дня глаз не смыкала'.

Исходный падеж с послелогоми *башка*, *бүтән* 'кроме' имеет выделительно-ограничительное значение и выполняет функцию дополнения: *Өйөп киткән утын урынына көл өймәнән башка бер нәмә лә юк, ти* (фольк.) 'На месте сложенных дров ничего не оказалось, кроме вороха золы'; *Азнағолдан башка донъяла егет юк Зөлхизә өсөн* (З. Бившева) 'Для Зульхизы нет джигита на свете, кроме Азнагула'; *Ара-тирә генә өрөп қалған эттәрҙән бүтән ауылдың тынлығын бозоусы булманы* (Б. Ишемғол) 'Кроме лая собак, раздававшегося время от времени, ничто не нарушало тишину деревни'.

В названиях результата действия или события исходный падеж с послелогоми *һуң*, *азак* 'после' приобретает ограничительно-временное значение — выражает предшествование как исходный момент, за которым следует действие, названное глаголом: *байрамдан һуң кил* 'прийти после праздника', *туйҙан азақ һойләшербез* 'поговорим после свадьбы'; *Волком ултырышынан һуң Сәғидуллин . . үзенең тыуған ауылы Тартышка ҡайтты* (А. Карнай) 'После заседания волкома Сагидуллин . . вернулся в свою родную деревню Тартышево'; *Надия был һүҙәрҙән һуң нык ҡына қаушап ҡалды* (С. Ағиш) 'Надия после этих слов изрядно растерялась'.

Послелогои *элек*, *алда*, *әүәл* (менее употребителен) 'перед' с исходным падежом характеризуют выражаемое именем событие, результат действия и т. п. как предшествующее действию, о котором идет речь: *йыйылыштан алда булды* 'состоялось перед собранием', *байрамдан элек осраным* 'я встретил перед праздником', *кешенән алда килде* 'явился раньше людей'. По значению здесь исходный падеж с послелогом близок дательному падежу с послелогом *тиклем* 'до': *туйҙан алда (элек)* 'перед свадьбой' — *туйға тиклем* 'до свадьбы'.

Кроме указанных послелогов исходным падежом управляют послелогои *тыш*, *ала*, *кире* обычно с ограничительным временным и пространственным значением, в котором они сочетаются лишь с немногими именами: *Бынан бер тәүлек элек булып уткән ҡайһы бер ваҡиғалар үз иркеһән тыш* (Фәһимдең) *башынан үтте* (Ф. Исәнғолов) 'Некоторые события, происшедшие за сутки до этого, приходили в голову Фәгима помимо его воли'; *Бынан кире гел яманһуу үтер инде көндәрәм* (фольк.) 'После этого всегда тоскливо дни мои пойдут'; *Кеше ҡайғыһы төштән кире, үземдеке иртәнән бирле* (посл.) букв. 'Чужая нужда после обеда, своя — с утра', соотв. 'Своя рубаха ближе к телу'; *Билдән ала жарға баттым* 'Провалился в снег по пояс'.

МЕСТНЫЙ ПАДЕЖ

(Афф. -да/-дэ, -за/-зэ, -та/-тэ, -на/-нэ, -ла/-лэ)

Местный падеж обозначает местонахождение предмета, действия, но не в плане направления к нему или, наоборот, удаления, как дательный и исходный падежи, а в плане пребывания, нахождения на данном месте. В названиях времени, имеющих количественное определение, он выражает протяженность действия в определенном промежутке времени безотносительно к начальному или исходному моменту действия.

Основным, наименее обусловленным значением местного падежа является обозначение места совершения действия, представленного управляющим глаголом (функция обстоятельства места): *ауылда үсгү* 'вырасти в деревне', *калала йэшиэ* 'жить в городе', *санаторийдэ ял итгү* 'отдыхать в санатории'; *Яззы ауылда жаршылау күчелле* (К. Мэргэц) 'Встречать весну в селе в деревне'; *Нестров бөгөн, үзгэ эйткэнсэ, госпиталдэ түгел, э бер заводта булган* (Г. Эмири) 'Нестров сегодня, как он говорил, был не в госпитале, а на каком-то заводе'; *Балалар йортонда үсергэ тура килде мицэ* (Н. Мусин) 'Мне пришлось расти в детском доме'.

Ряд значений местного падежа обусловлен характером лексического содержания слов, припимающих форму данного падежа.

1) значение местонахождения у названий пространства и места (функция обстоятельства места): *алда* 'вперед', *артта* 'позади'; *Урамда артык кеше күрөмзгэс кенэ, капканын сыгып, мээрэсгэ карай югерзем* (М. Гафури) 'Когда на улице уже никого не было видно, я вышел из ворот и побежал в медресе'; *Аръякта ферма башы ябыл матлышкан тазөүселэр эргденэ сыгып китэ карт* (Р. Солтангарев) 'Старик уходит к строителям, которые делают крышу фермы на той стороне';

2) значение протяженности во времени у названий времени, имеющих количественное определение (функция обстоятельства времени): *бер йылда* 'в течение года, за один год', *икэ азнала* 'за две недели', *кайлы кендэ* 'в какой день, иногда'; *Кайлы вакытта атайым бик күчелгез була тэргайлы* (М. Гафури) 'Иногда отец мой бывал очень грустным'; *Тракторлар батты . . . Тендэ уларзы сыгарып булманы* (И. Физзатуллин) 'Тракторы застряли . . . Ночью их не смогли вывести'; *Һуғыштан һуғы йылдарза ны, атым талһаң, камыты булмай, кымыты буһа, арбыны ватыж* (Д. Бүләков) 'В послевоенные же годы лошадь находишь — хомута нет, хомут есть — телега разбита';

3) значение состояния, положения, в котором находится субъект (функция сказуемого): *Көсло буран. Ауыл тын йокола* (Ж. Даян) 'Сильный буран. Деревня в спокойном сне'; *Кала хэрби халдэ* (Ф. Исәнғолов) 'Город в военном положении'; сюда можно отнести несколько абстрагированное обозначение местонахождения: *Ажыл йэшитэ түгел, башта* (посл.) 'Ум не в возрасте, а в голове'; *Һиндэ — Салауаттың яралары, миндэ — һыҙлануы Кинийәнең* (Р. Бикбаев) 'В тебе — раны Салавата, во мне — страдания Кинзи'.

4) обозначение объекта действия (функция косвенного дополнения): *Бер кемдең дә Зиннэттэ эше юк* (СБ) 'Никому нет дела до Зинната'.

В сочетании с предыдущим качественным определением местный падеж выражает обстоятельственно-характеризующее значение (функция обстоятельства образа действия): *ауыр халдэ жалыу* 'попасть в трудное положение', *кыйын шарттарза эшлэу* 'работать в трудных условиях'; *Һыз шул һауалы киэфәтендэ аяғостө калды* (Ф. Исәнғолов) 'Девушка продолжала стоять с тем же высокомерным видом'.

При глаголах движения местный падеж, образованный от названий средств передвижения, обозначает способ передвижения (функция обстоятельства образа действия): *автобуста барыу* 'ехать автобусом', *атта сабыу* 'скакать на коне', *велосипедтэ йөрөү* 'ездить на велосипеде'; *Мин вокзалга төштөм жаршыларга, э һин — самолётта килгәнһең* (Г. Сәләм) 'Я пошел встречать (тебя) на вокзал, а ты прилетел самолетом'; *Без вагонда барабыз. Тышта йэйге ямгыр яуа* (С. Агиш) 'Мы едем в вагоне. На дворе идет летний дождь'.

Функционально данному значению соответствует конструкция основного падежа с послелогом *менэн*: *самэлэтти осоу* 'лететь на самолете' — *самэлэт менэн осоу* 'лететь самолетом' и т. п.

Объектно-обстоятельственное значение выражается словосочетанием типа *изафет II*, где форма местного падежа, замыкающая его, осложнена в 1-м и 2-м лицах обычным аффиксом принадлежности, а в 3-м лице — аффиксом принадлежности и элементом *-н*, выражающим определенность: *уз телемдә язам* 'пишу на своем языке', *башкорт тглендә укыу* 'учиться на башкирском языке', *эш озтәндә хәл итәү* 'решить на месте работы', *уз гүмеремдә беренсе талкыр* 'впервые в своей жизни', *һүз уңайында айтәп ебәрәү* 'сказать к слову' и т. п.

Принято считать, что местный падеж не управляется послелогам. Однако в современной башкирской литературе встречаются случаи употребления формы местного падежа с послелогом *көйө*, *көйөнгә* в значении 'нахождение в определенном состоянии, устойчивое неподвижное положение в пространстве': *Салават эйәрҙә көйө бәуелен китте лә ишенә килде* (С. Злобин) 'Салават качнулся в седле и пришел в себя'; *Ике сакрым самаһы осорон алып барғандан һуң, (аждаһа) баланы сәңгелдәгендә көйө ергә тәшөрөп китә* (Д. Буракаев) 'После того, как дракон пронес ребенка на лету около двух километров, он опустил его в люльку на землю'; *(Әхмәт) күсерҙә көйө ҡаныл боролдо* (ӘБ) 'Ахмет, находясь на месте извозчика, резко повернулся'.

ЗНАЧЕНИЯ И ФУНКЦИИ ПАДЕЖЕЙ

Таблица 4

Названия падежей	Значения падежей	Факторы, обуславливающие значения падежей	Синтаксические функции
1. Основной падеж	1) обозначение субъекта, явления, процесса 2) определительно-характеризующее значение 3) неопределенный объект 4) характеризующее значение	пезависимая позиция синтаксическая обусловленность (типом словосочетания) категория неопределенности (прилагание непосредственно к управляющему глаголу) синтаксическая позиция и обозначение предмета как состояния субъекта	подлежащее, назывное предложение, обращение определение дополнение
с послелогом <i>менэн</i> 'с'	1) совместность, участие 2) орудие, материал и предмет действия 3) способ действия 4) цель действия 5) время действия 6) лицо, на которое распространяется действие 7) логический субъект действия 8) способ передвижения 9) средство, источник жизни 10) характеристика лица	лексическое значение послелога лексическое значение сочетающихся слов и контекста » » » » лексическое значение основы имени » » »	ковс. дополнение дополнение Обст. образа действия обст. цели обст. времени ковс. дополнение » » »

Таблица 4 (продолжение)

Названия падежей	Значения падежей	Факторы, обуславливающие значения падежей	Синтаксические функции	
с послелогом <i>өсөн</i> 'за'	11) разновидность болезни	лексическое значение основы имени	ковс. дополнение	
	12) модально-оценочное значение с отрицательным оттенком	фразеологизированность самой конструкции	»	
	1) цель действия	лексическое значение послелога	»	
	2) назначение предмета, лица и т. п.	»	»	
с послелогом <i>буйынса</i> 'по'	3) направленность действия на кого-л., что-л.	лексическое значение сочетающихся слов	»	
	4) причина действия	»	обст. причины	
	1) соответствие действия, предмета чему-л.	»	ковс. дополнение	
	2) отношение к действию, предмету и т. п.	»	»	
с послелогом <i>буйынса</i> 'по'	3) род деятельности по профессии или область чего-л.	»	определение	
	4) пространственные или временные отношения	»	обст. места и времени	
	с послелогом <i>кечек, һымак, шикелле</i> 'как, подобно'	сравнение, уподобление по качеству и количеству	лексическое значение послелога	определение сказуемого
		с послелогом <i>хаткында, тураһында</i> 'о, об'	предмет мысли, разговора	»
с послелогом <i>хатле(м), тикле(м), саклы, кәзәрле</i> 'до, величинной с'	сравнение по величине и количеству		характер лексического значения сочетающихся слов	определение, сказуемое
	с послелогом <i>сәбәпле</i> 'по, по причине'	причина действия	сочетание с производным именем на <i>-лык</i>	обст. причины
2. Винительный падеж		1) определенный объект действия	управление переходными глаголами	прям. дополнение
	2) время действия	лексическое значение имени (при дистанционном расположении по отношению к глаголу)	обст. времени	
3. Родительный падеж	3) логический субъект действия	синтаксическая обусловленность	прям. дополнение	
	1) определенная принадлежность предмета, качества	имя в составе пзифета III	определение	
	2) часть целого	»	»	
	3) выделительное значение	сочетание с числительными, прилагательными, причастиями	»	
	4) логический субъект действия	сочетание с глаголом или отглагольным именем	подлежащее	
	5) объект действия	сочетание с глаголами в страд. залоге	прям. дополнение	
4. Дательный падеж	6) выделительное значение	повторение основы слова в фразеологизированной конструкции	определение	
	1) направленность действия к объекту	независимое положение	ковс. дополнение	

Названия падежей	Значения падежей	Факторы, обуславливающие значения падежей	Синтаксические функции
	(«адресатное значение»)		
	2) адресатно-целевое	именное управление	ковс. дополнение
	3) обстоятельственно-целевое	сочетание с глаголами абстрагированного действия	»
	4) предел, конечный пункт движения	сочетание с глаголами движения	обст. места
	5) цель действия	»	обст. цели
	6) объект действия	глагол страдательного залога	ковс. дополнение
	7) предел во времени, направлении в пространстве	зависимость от значения существительного	обст. времени и места
	8) логический субъект действия	конструктивная обусловленность	подлежащее
	9) объект, являющийся источником воздействия	значение сочетающихся слов	ковс. дополнение
	10) полный охват действия	значение сочетающегося глагола	составное сказуемое
	11) предел по счету	сочетание с числительным	
с послелогом <i>жаршы</i> 'против, напротив'	1) расположение предмета лицом к чему-л.	контекст	ковс. дополнение
	2) время, предшествующее чему-л.	»	обст. времени
	3) движение навстречу чему-л., кому-л.	»	ковс. дополнение
	4) ответное действие	»	»
	5) действие против воли, вопреки чему-л.	»	»
с послелогом <i>жараганда</i> 'по сравнению'	1) сравнение	»	ковс. дополнение
	2) обоснование, аргументация	»	средство синтаксич. связи предложения
с послелогом <i>жарай, табан</i> 'по направлению'	1) направление движения	значение самого послелога	обст. места
	2) канун чего-л., предшествующее чему-л. время	контекст и лексическое значение самого существительного	обст. времени
с послелогом <i>жарай, кўрә, жарата</i> 'по'	соответствие, равноценность	контекст	ковс. дополнение
с послелогом <i>жарата</i> 'по отношению к'	направленность действия	»	»
с послелогом <i>тиклем, саклы, хэгле, жэзаре</i> 'до, вплоть до'	1) предел в пространстве и во времени	»	обст. времени и места
	2) крайний предел по охвату действием	»	ковс. дополнение
с послелогом <i>байле</i> 'с'	зависимое отношение чего-л., кого-л. с чем-л.	»	составное сказуемое, определение
с послелогом <i>жармастан</i> 'несмотря на'	средство связи утвердительного предложения с главным	»	»

Таблица 4 (продолжение)

Названия падежей	Значения падежей	Факторы, обуславливающие значения падежей	Синтаксические функции
5. Исходный падеж	1) исходный пункт движения	сочетание с глаголами движения	обст. места
	2) источник воздействия, возбуждения	сочетание с глаголами чувственного восприятия, психического состояния	косв. дополнение
	3) объект, подвергасмый действию	сочетание с глаголами физического действия	»
	4) источник, из которого что-л. извлекается	сочетание с глаголами с семантикой отделения, выделения	»
	5) количественно-отделительное значение	имена с количественным определением	косв. дополнение
	6) генитивное значение	у слов со сходной семантикой	»
	7) сравнительное значение	при сочетании с прилагательными	»
	8) логический субъект действия	сочетание с глаголами в страд. и попуд. залогах	»
	9) объект действия	существительные с семантикой лица в сочетании с глаголами	»
	10) обозначение материала	названия веществ в сочетании с глаголами	»
	11) пространство, место, через которое совершается движение	существительные с соответствующей семантикой	обст. места
	12) причина, обусловленность действия	отвлеченные существительные на <i>-лмж</i>	обст. причины
	13) местонахождение	контекст	обст. места
	14) мера в пространстве и во времени	сочетание с нумеративами	обст. времени и места
	15) характеризует действие	словосочетания особой конструкции	обст. образа действия
	16) мера, цена, стоимость	сочетание с числительным и нумеративами	обст. меры
	17) выделятельное значение	конструкции с повтором	косв. дополнение
с послелогами <i>бирле, бире 'с'</i>	продолжительность действия с какого-то момента	слова с семантикой времени	обст. времени
с послелогами <i>башка, бутэн 'кроме'</i>	выделительное значение	синтаксическая обусловленность	косв. дополнение
с послелогами <i>һуң, азак 'по, после'</i>	действие, совершаемое по истечении другого действия	»	обст. времени
с послелогами <i>элек, аада, әүәл 'перед'</i>	предшествование чему-л.	»	»
с послелогами <i>тыш, ала, кире</i>	пространственные и временные значения	»	обст. времени и места
6. Местный падеж	1) место действия вообще	позависимое положение	обст. места
	2) местонахождение	названия пространства и места	»
	3) время	слова с семантикой времени	обст. времени

Названия падежей	Значения падежей	Факторы, обуславливающие значения падежей	Синтаксические функции
	4) состояние, положение	синтаксическая обусловленность	сказуемое
	5) объект действия	»	косв. дополнение
	6) обстоятельство-по-характеризующее значение	»	обст. образа действия
	7) способ передвижения	сочетание с глаголами движения	косв. дополнение
	8) объектно-обстоятельное значение	словосочетание с аффиксом принадлежности	различные типы об-стоятельства
с послелогом <i>көйө</i> , положение в предложении <i>көйөңсө</i> 'в положении'	странстве	синтаксическая обусловленность	обст. места

МЕСТОИМЕНИЕ

Местоимение — часть речи, которой объединяются слова, заменяющие имена существительные, прилагательные, числительные и наречия. Тем самым местоимение противопоставляется другим знаменательным частям речи, которые выражают предметы, качества, признаки, числа. Например, под 1-м лицом личных местоимений *мин* 'я' понимается говорящий, под 2-м лицом *һин* 'ты' — собеседник, под 3-м лицом *ул* 'он' — лицо или предмет, не принимающее непосредственного участия в речи.

Местоимение характеризуется некоторыми свойственными ему одному морфологическими признаками. Например, если имена существительные и другие субстантивированные слова при склонении имеют полносоставные падежные аффиксы, то в отдельных местоимениях представлены неполные аффиксы. Ср. осн. п. *ат* 'конь' — род. п. *атпың* 'коня', осн. п. *бала* 'ребенок' — род. п. *баланың* 'ребенка', вин. п. *баланы* 'ребенка'; осн. п. *мин* 'я' — род. п. *миңең* 'меня', вин. п. *миңе* 'меня', осн. п. *шул* 'того' — род. п. *шунуң* 'того' и т. д.

По сравнению с существительными весьма своеобразно управление послелогов местоимениями.

Такие послелоги, как *өсөн* 'для', *шыккал*, *кзүек*, *төслө* 'как', *менән* 'с', управляющие основным падежом существительных, требуют постановки личных и некоторых указательных местоимений только в форме родительного падежа: *шунуң өсөн* 'за это', 'за то', *ошонөң шыккал* 'как это самое', *ана шунуң өсөн* 'воп за то', *бынуң өсөн* 'за это', *уның өсөн* 'за него', и др.

Местоимения, выполняющие функции определения, не принимают никакого морфологического показателя.

Местоимение имеет особенности и в области словообразования, которые также отличают его от других именных частей речи. Например, местоименные основы типа *мин* 'я', *һин* 'ты', *шул* 'того', *ул* 'он, тот' и т. п. непосредственно не принимают словообразовательные аффиксы. Для того, чтобы к указанным местоимениям присоединился афф. *-са/-сә*, образующий наречия от данных слов, эти местоимения должны иметь форму родительного падежа, например: *миңеңсә* (*һойлә*) '(говори) по-моему', *һиңеңсә* (*һойләмәйем*) '(я не буду говорить) по-твоему', *уныңса* (*эмлә*) '(делай) так, как он', *шунуңса* (*ал*) '(бери) столько, сколько того' и т. д.

В предложении местоимение обычно не может иметь при себе определяющего слова. Исключения составляют лишь отдельные словосочетания

типа *ана шунда* 'вон там', *ана тегендә* 'вон там', *ана шул* 'вон тот', *улар үззәреңең* 'они своих', *һин үзең* 'ты сам' и т. д.

В современном башкирском языке функционируют следующие разряды местоимений: 1) личные местоимения (лицо говорящего, лицо слушающего, лицо, которое является объектом в данной ситуации или речи); 2) указательные местоимения, которые указывают и на лицо, и на предмет; 3) вопросительные местоимения; 4) определительные местоимения; 5) неопределенные местоимения; 6) отрицательные местоимения и 7) притяжательные местоимения.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Разряд личных местоимений составляют слова: *мин* 'я', *һин* 'ты', *ул* 'он', *без* 'мы', *һез* 'вы', *улар* 'они'. Местоимения *мин*, *без* обозначают говорящего, *һин*, *һез* — слушающего или собеседника, *ул*, *улар* выражают как человека, так и другие предметы — одушевленные и неодушевленные. 3-е лицо может присутствовать или отсутствовать в момент данной речевой ситуации, что отличает его от первых двух лиц. Тем самым 3-е лицо выступает в языке как лицо неопределенное. Личное местоимение в ед. числе выражает только одно лицо, личное местоимение во мн. числе обозначает множество лиц. В практике публицистической и научной речи местоимение 1-го лица мн. числа *без* довольно часто употребляется и относительно самого говорящего, например: *Ошо хат юлға саҡырҙы ла инде безҙе* (СВ) 'Вот это письмо и повало нас в дорогу'.

Под влиянием русского литературного языка местоимение 2-го лица мн. числа *һез* регулярно употребляется вместо ед. числа, при этом выражается вежливость и уважение к собеседнику, например: *Белеүемсә, һез тәһеҙгә һуғыш йәрәхәттәре генә түгел, ярсыҡтар ҙа йөрөтһеҙгә* (М. Кәрим) 'Как я знаю, Вы на теле носите не только раны, но и осколки'.

Личные местоимения изменяются по падежам. Оформление падежными аффиксами местоимений ед. числа *мин*, *һин*, *ул* в некоторой степени отличается от оформления местоимений мн. числа *без*, *һез*, *улар*. Первые, за исключением местного падежа, в своей парадигме имеют неполные падежные аффиксы, вторые — полносоставные. В современном башкирском языке личные местоимения имеют следующую парадигму склонения.

	Ед. число	Мн. число
Осн.	<i>мин, һин, ул</i>	<i>без, һез, улар</i>
Род.	<i>миңең, һинең, уның</i>	<i>безең, һезең, уларҙың</i>
Дат.	<i>миңә, һиңә, уға</i>	<i>безгә, һезгә, уларға</i>
Вин.	<i>мине, һине, уны</i>	<i>безҙе, һезҙе, уларҙы</i>
Местн.	<i>миндә, һиндә, унда</i>	<i>безҙә, һезҙә, уларҙа</i>
Исх.	<i>минән, һинән, унан</i>	<i>безҙән, һезҙән, уларҙан</i>

Местоимения 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа не могут принимать аффиксы принадлежности, тогда как местоимение 3-го лица *ул* принимает аффикс принадлежности *-һы*, присоединяющийся к основе *уны* 'его' (вин. п.): *уныһы дөрөс* 'это верно'; *уныһы миңең эш* 'это мое дело'.

Личные местоимения в родительном падеже употребляются в значении притяжательных местоимений: *миңең* 'мой', *һинең* 'твой', *уның* 'его', *безең* 'наш', *һезең* 'ваш', *уларҙың* 'их'. В местном падеже личные местоимения могут принимать афф. *-ғы/-ге* и в данном случае обозначают «находящийся у (меня, тебя и т. д.)»: *миндәге* 'находящийся у меня', *һиндәге* 'находящийся у тебя', *ундағы* 'находящийся у него', *безҙәге* 'находящийся у нас', *һезҙәге* 'находящийся у вас', *уларҙағы* 'находящийся у них'.

Личные местоимения всех трех лиц ед. и мн. числа в форме основного падежа принимают словообразовательный афф. *-һыз/-һез*: *минһез* 'без меня', *һинһез* 'без тебя', *уныһыз* 'без него', *безһез* 'без нас', *һезһез* 'без вас', *уларһыз*

‘без них’, например: *Күзгә күренмәй, кеше унһыз тора алмай* (загадка) ‘Глазам не видно, а человек без него не может существовать’.

Личные местоимения в предложении выступают в роли подлежащего, сказуемого, в форме родительного падежа выполняют функцию определения, а в других падежных формах употребляются как дополнение, обстоятельство. Ср. *Улар — миңең өлкән агаларым, Мин — уларзың тоғро вәрисе* (Г. Рамазанов) ‘Они — мои старшие братья, я — их верный наследник’; *Һин миңә миңә бәрелдең? Һин миңең санам менән һуғыш!* (Г. Хәйри) ‘Зачем ты меня трогал? Ты дерись с моими сапями!’.

Личные местоимения могут принимать некоторые словообразовательные аффиксы, среди которых особо выделяется афф. *-са/-сә*, образующий наречие от местоимения в родительном падеже, например: *Һыузы ташырга мөмкин, ул ғәйеп түгел, ләкин һ и н е ң с ә ташыу бик зур ғәйеп. — . . Шуньң осон дә без уныңса түгел, үзөбезсә шат булырга тейешбез, — тине Вахит. — Кыргыз беренсе сәләкте эсергә, — тине Ғали, — м и н е ң с ә, мөмкин. .* (Г. Хәйри) ‘Можно таскать воду, это нельзя ставить в вину, и о т в о е м у таскать — эта большая вина. — . . Поэтому и мы по - с в о е м у, не как он, должны быть радостными, — говорил Вахит. — Сорок первое ведро воды, — говорил Ғали, — п о - м о е м у, можно пить. ’.

Личные местоимения, принимающие афф. *-са/-сә*, в предложении выступают в функции обстоятельства образа действия и вводного слова.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Указательные местоимения в современном башкирском языке включают в свой состав следующие слова: *был* ‘это’, *теге* ‘тот’, *шул* ‘тот’, *ошо* ‘это самое’, *ул* ‘тот’, *бынау* ‘это’, *анау* ‘тот’; *бындай* ‘такой’, *ундай*, *тегендәй*, *шундай* ‘этакий’, *былай*, *ошолдай*, *улай* ‘эдак’ и др. Последние местоимения классифицируются также по заменяемой ими части речи: а) *бындай*, *тегендәй*, *шундай*, *ошондай*, *ундай* употребляются вместо имен прилагательных, б) *былай*, *тегелдәй*, *шулай*, *ошолдай*, *улай*, *шунса* — вместо наречий. Указательные местоимения заменяют прилагательные: *Баварияның гүзәл тау юлдары аша үткәндә, ошондай һокландыргыс алтын ямғырзарга йыш тап булдык* (М. Кәрим) ‘Когда мы ехали по красивым горным дорогам Баварии, нам очень часто встречались такие удивительные золотые дожди’; *Әйе, шундай уңдырышлы ине был Илсеғол ере. Шундай йомарт еренең ырзамына таяндылар* (З. Бишшева) ‘Да, такая плодородная была земля Илсеғуловская. Они опирались на помощь такой щедрой земли’.

Указательные местоимения в башкирском языке, как и в остальных тюркских, по их семантике можно разделить на две группы.

Был, *ошо*, *бынау* указывают на предметы, расположенные перед глазами говорящего или находящиеся на близком расстоянии: *был урам* ‘эта улица’, *ошо кеше* ‘этот человек’ и др.

Теге, *шул*, *анау*, *ул* указывают на более удаленные предметы, знакомые до момента данной речевой ситуации: *Шул болала юғалып, азашып калмаһа ине* (З. Бишшева) ‘Боюсь, как бы он не потерялся, не заблудился в той суматохе’; *Ана тегендә, Раһмәйҙәрҙең ауылында, төнгө уттар йымылдаһа* (Ф. Мәксүтов) ‘Воп там, в деревне Рахмаевых, мелькают ночные огни’.

Благодаря названной семантической особенности указательных местоимений второй тип местоимений почти всегда выступает в роли обобщающего слова — *шул*, *ул*, *теге* и производные от них *шуньң*, *шуга*, *шундай*, *ундай*, *унда* и т. д.: *Карасәс әбейҙәр тәңгәлендә Һатыбал, Хәснәлхак, Әхмәтша җарак, Собхан старшиналар Тимербайы тукмайҙар . . Тимербай, тегеләр һуғып йыҗкан һайын . . . торорға тырыша* (З. Бишшева) ‘Сатыбал, Хуснулхак, конокрад Ахметша и старшина Субхан бьют Тимербая против дома старушки Карасяса. Тимербай каждый раз старается подняться, когда те ударом сваливают его’. Нельзя сказать: *Тимербай, былар һуғып йыҗкан һайын, торорға тырыша*, ибо до установления другого факта, как следствия

названных, образуется промежуток во времени и пространстве, что обуславливает употребление указательных местоимений второй группы.

Необходимость постановки указательных местоимений *шул, ул, теге* и т. п. весьма ярко обнаруживается в сложноподчиненных предложениях: *Ижад итеп йэшү генэ якшы — матурлыгы шу ул да кешенең* (Р. Гәрипов) 'Хороша та жизнь, когда живешь и творишь — красота человека в э т о м'; *Беззең, эштәр бик мөшкөл бит эле — шу ны үзең беләңнеме икән? . . .* (фольк.) 'Ты знаешь о т о м, что неважны наши дела'; *Кемдәр иген игә, йорттар һала — һәр сак шу ла р менән булырга* («Ленинсе») 'Нужно быть всегда с т е м и, кто хлеб выращивает, строит дома' и т. д.

Местоимения *бына, бынау* 'вот' и *ана, анау* 'вон' различаются по своей семантике. *Бына, бынау* указывают на более близкий предмет, а *ана, анау* — на более дальний предмет: *Бына, олатай, сибьк булды! — тине ул ярамнаклы тауыш менән* (З. Бишшева) 'Вот, бабушка, есть прутик! — сказал он вкрадчиво'; *Карасәле, апай, бик йөзәнем дэбаһа бынау малайзан* (Г. Дәүләтшина) 'Тетя, уж очень я замучилась с этим мальчиком'. Указанными семантическими особенностями связана и определяется сочетаемость этих местоимений с другими местоимениями. Местоимение *бына* может предшествовать только местоименному слову *ошо, ана* — слову *шул*: *Бына ошо мизгелһез сакта взодын кабул итте Әхтәм* (Ә. Хәкимов) 'Вот в такое неурочное время принял Ахтәм свой взвод'; *Ана шул дөйләргә лә берәй малай кеше булһа ине. . .* (Г. Дәүләтшина) 'Надо было бы какого-нибудь мальчика, который мог бы присматривать воп за теми верблюдами'.

Местоимения *бына, ана, бынау, анау* не соотносятся с какой-либо определенной частью речи. *Бына, ана* не принимают никакого морфологического показателя, тогда как *бынау, анау* могут принимать аффикс принадлежности, ср. *Әй һармак та инде бынауы!* (Г. Дәүләтшина), букв. 'Ой, и чудак же вот этот [Айбулат]!'

Бына, ана, по-видимому, образовались как формы дательного падежа местоимений *бы/бу* 'это' и *о/у* 'он, тот'.

Указательные местоимения, употребляясь без определяемого слова, субстантивируются и изменяются по падежам. В системе склонения данного разряда местоимений обнаруживаются следующие особенности: 1) местоименная *был, ул, шул* изменяют свою основу, т. е. при склонении элемент *-л* переходит в *-н* и *-ғ*; 2) местоименные слова *ошо, теге, бынау, анау* полностью сохраняют свою основу:

Осн.	<i>был</i>	<i>теге</i>	<i>бынау</i>
Род.	<i>бының</i>	<i>тегенең</i>	<i>бынауың</i>
Дат.	<i>быға</i>	<i>тегегә</i>	<i>бынауға</i>
Вин.	<i>быны</i>	<i>тегене</i>	<i>бынауы</i>
Местн.	<i>бында</i>	<i>тегендә</i>	<i>бынауҙа</i>
Исх.	<i>бынан</i>	<i>тегенән</i>	<i>бынауҙан</i>

При субстантивации данные местоимения принимают аффикс мн. числа *-лар*. У местоимений *был, шул, ул* аффиксом мн. числа выступает показатель *-ар*, который довольно часто встречается и в других тюркских языках и диалектах. При этом парадигма их склонения ничем не отличается от парадигмы склонения имени существительного. Ср. осн. п. *былар* 'эти', род. п. *быларзың*, дат. п. *быларға*, вин. п. *быларзы*, местн. п. *быларҙа*, исх. п. *быларҙан*.

Форма местного падежа местоимений *был, шул* может употребляться в значении дательного. Ср. *Уның [Гөлийөзөмдөң] артынан Хәлимә менән Разифа ла шу ул да ыңғайланылар* (Г. Дәүләтшина) 'Следом за ней [Гульюзум] с ю да направились и Халима с Разифой'. Отдельные указательные местоимения принимают осложненный афф. *-ғаса-гәсә*: *Быға са өшөү жайғыһы булдымы ни? — тине Айһылыу уйсан ғына* (З. Бишшева) 'Разве до с и х п о р было до озноба? — задумчиво сказала Айсылу'.

Форма местного падежа указательных местоимений может принимать аффиксы *-ғы/-ге*, при помощи которого образуется относительное имя прилагательное: *бындағы (кешеләр)* 'находящиеся здесь (люди)', *шундағы (ялан)* 'находящаяся там (поляна)', и т. д.

Указательные местоимения в предложении прежде всего выступают в роли определения: *О ш о н д а й ямғырза кайза кайтаһың?* . . . *Мин — яҡын. Был йорттоң ишегенән сыҡтың иһә, безең ишек* (Г. Хәйри) 'В т а к о й дождь куда ты идешь?' . . . *Мне близко. Как только выйдешь из двери этого дома, наша дверь*'.

Субстантивированные местоимения, как и другие именные части речи, в предложении могут выступать в функции различных членов предложения — подлежащего, сказуемого, обстоятельства, дополнения, например: *К е м д э р бөгөн һынауға килгән и у л а р кударын күтәрһендәр!* (С. Ағиш) 'Т е , к т о сегодня пришел сдавать экзамены, пусть поднимут руку'; *Бурьыш у л а й: алты эш кононда бойзай, һоло сәсеп бөтөргә!* (З. Бишева) 'З а д а ч а т а к о в а : закончить сев шеницы и овса за шесть рабочих дней'; *Мин үзем өсөн комиссар түгел, ярлы халыҡ өсөн — аңла һын и у н ы!* (А. Карнай) 'Я не для себя комиссар, а для бедных — пойми ты э т о !' и т. д.

Указательные местоимения довольно часто выступают и в роли союзных в сложноподчиненных предложениях. При этом они получают различное морфологическое оформление, могут сочетаться с отдельными послелогоми, например: *шуға күрә* 'потому', *шуның өсөн* 'из-за этого', *шуның һөҙөмтәһендә* 'в результате этого', *шунлыктан* 'из-за того', *шул арҡала, шуның арҡаһында* 'из-за того', *шул сәбәпле* 'по причине того' и др.; *Вахиттең бәтә планы емерелгәйне, и у н л ы к т а н ул артыҡ күп һөйләшмәне* (М. Гафури) 'Все планы Вахита рухнуди, п о э т о м у он ничего не говорил лишнего'.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Вопросительные местоимения в современном башкирском языке представлены *кем* 'кто', *нимә* 'что', *ни* 'что', *кайһы* 'который', *нисә* 'сколько', *һиндәй* 'какой', *кайза* 'где, куда', *күпме* 'сколько' и т. д. Отдельные местоимения имеют несколько форм, в основе которых лежит одна общая морфема. Например, от корневой морфемы *кай* образовались *кайһы* 'который', *кайза* 'где, куда', *кайсан* (лит. *касан*) 'когда', *калай* < *кайһылай* 'какой', *кайһынһы* 'который'; от *ни* — *нимә* 'что', *һиндәй* 'какой', *нисә* 'сколько', *һишләү* < *ни шиләү* 'что делать', *ни саклы* 'сколько' и т. д.

Вопросительные местоимения в предложениях выступают чаще всего в качестве оформителей вопроса: — *Әйт, улым, эйт, н и м э булды?* — *тише, Шәйхи бабай* (Г. Хәйри) 'Говори, сын мой, говори, ч т о случилось? — спрашивал дедушка Шайхи'; *Әйт, к а й з а ул кыз? Мин уны һисек белмәйем?* (З. Бишева) 'Скажи, г д е эта девушка? К а к , я ее не знаю?'

В сложноподчиненных предложениях данные местоимения функционируют и как относительные слова, связывающие придаточные предложения: *К е м д э к е м уза, и у л зур байрамға безең өкил булып барыр* (А. Карнай) 'К т о летит быстрее, т о т пойдет нашим представителем на большой праздник'; *К а й з а ауырлыҡ, к а й з а эште рәтләргә, к а й з а еңеу ойошторорға кәрәк, и у л ергә коммунистарҙе ебәрәләр* (Ө. Ихсан) 'Г д е трудно, г д е нужно налаживать работу, г д е надо организовать победу, т у д а направляют коммунистов'.

Местоимение *ни* в башкирском языке встречается в нескольких значениях: 1) в предметном значении: *ни кәрәк һиңә?* 'что тебе нужно?'; 2) в значении неопределенной частицы: *Уны мин түләйемме ни?* (Н. Дәүләтшина) 'Что, это я должна платить?'; 3) в функции усилительной частицы: *Н и нәмәне шул Сәлимә буралкының эте менән һөйләшеп тораһың, атай, кыу за сығар!* (Н. Дәүләтшина) 'Ч т о , ты, отец, разговариваешь с этой собакой Салимы, выгони вон!' и т. д. Многозначность и полифункциональность местоимения *ни* обусловлена, видимо, тем, что оно более употребительно по отно-

нению к абстрактным, психологическим понятиям. Ср., например: *Бып ни эш был, был ни эш?* — *тип кыскырып ебэргэн Умарзэн оялып, Айбулат сығып югерзе* (Г. Дәүләтшина) 'Степяясь крика Умара «Что это такое, что это?», Айбулат выбежал из дома'.

Местоимение *ниндэй*, кроме употребления в значении вопросительного слова, довольно активно выполняет роль усилителя выражения эмоции в восклицательных предложениях, ср. *Рус тугелмен, ләкин россиян мин, Россиян мин — ниндэй горурлык!* (М. Кәрим) 'Не русский я, по россиянин. Россиянин — какая (эта) гордость!'

Местоимение *кем* в башкирском языке, как и в других тюркских, употребляется в отношении человека. Для других одушевленных и неодушевленных предметов выступают слова *ни, нимэ*.

Вопросительные местоимения довольно часто субстантивируются, при этом они изменяются по падежам, принимают форму принадлежности и показатель мн. числа *-лар/-ләр*.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

В современном башкирском языке разряд определительных местоимений составляют слова: а) *һәр, һәр кем, һәр бер* 'каждый'; б) *ботә (ботәһе, бөтөнһө), бары (барлык, барлыгы), көллө (көллөһө), һәммә (һәммәһе)* 'весь', *үз* 'сам'. Местоимения, образованные путем сочетания *һәр* 'каждый' со словами *кем* 'кто', *бер* 'один, некий', указывают на единичные предметы; *ботә, бары (-һы), көллө, һәммә* 'весь' указывают на обобщенные предметы, *үз* 'сам' — на индивидуальный.

Местоимение *һәр* заимствовано из персидского языка, употребляется в роли определения к имени существительному, морфологически неизменяемо. Чаще всего оно определяет имя существительное, обозначающее человека, и слова с семантикой времени и пространства: *һәр кеше* 'каждый человек', *һәр ваҡыт* 'всегда', *һәр сәк* 'каждый момент', *һәр көн* 'каждый день', *һәр кис* 'каждый вечер', *һәр аҙым* 'каждый шаг'.

Местоимение *һәммә* арабского происхождения, употребляется как синоним собственно башкирских слов *ботә(һе), көллө, бары* 'весь'. Местоимение *һәммә* и его синонимы в предложении выступают в роли определения: *Ботә ер дерелдәй* (Г. Әмири) 'Вся земля дрожит'. При субстантивации они принимают аффиксы принадлежности и падежа и в предложении могут функционировать как подлежащее, сказуемое, дополнение, например: *Өс йөз егет — бер ауылдан к ө л л ө б ө з — Өс йөз ат зйәрләnek иң дандарын* (М. Кәрим) 'Триста джигитов — в с е м ы из одной деревни — оседлали триста самых хороших коней'.

Местоимения *һәммә, бары, ботә*, принимая аффикс принадлежности, очень часто выступают в предложении в роли обобщающего слова при однородных членах. При этом за ними следует частица *ла/лә*, например: *Ер, һыу, урман, фабрик-завод — Барыһы ла үзебеззекә* (фольк.) 'Земля, вода, лес, заводы и фабрики — все свои'; *Туғайзарзағы көтөүзәр, йомшак елгә тулҡынлануусы иген басыузары, сәскәнән сәскәгә күсеп шәрбәт эзләүсе бал көрттары — һәммәһе лә Билаловты канатландырҙы, кыуандырҙы* (Д. Юлтый) 'Стада, пасущиеся на лугах, колыхающиеся на мягком ветру хлебные поля, пчелы, собирающие мед из цветов, — все окрыляло и радовало Билалова'.

Определительное (или возвратное) местоимение *үз* 'сам' получает свое конкретное содержание при помощи аффиксов принадлежности: ед. ч. — 1 л. *үзем* 'я сам', 2 л. *үзең*, 3 л. *үзе*; мн. чл. — 1 л. *үзөбөз*, 2 л. *үзегеҙ*, 3 л. *үзәре*. Они могут сочетаться с личными местоимениями: *мин үзем, һин үзең, ул үзе, без үзөбөз, һез үзегеҙ, улар үзәре*; *Без үзөбөз Дим буйынан, Без үзөбөз ишимләр* (М. Кәрим) 'Мы сами из долины Демы, Мы сами — ишиминцы'. При этом местоимение *үз* выполняет функцию не только определения, но и выступает членом предложения, выражающим отношение предмета к субъекту, например: . . . *Һез үзегеҙ бер көтөү ясы*

була торон, шул кәртәне лә бәтмәйһеһез. . . (Г. Дәүләтшина) 'Вас так много, словно целая группа поденщиков, а до сих пор не можете закончить изгородь'; Ул үзе баләкәй була ла, Хаяттың эшләгән ғәзәлһезлеген яҡшы аңлай (Г. Дәүләтшина) 'Она сама хотя и маленькая, но хорошо понимает несправедливость Хаят' и т. д. В аналогичных конструкциях личные местоимения могут заменяться именами существительными: Мәғфүрә, улай за кайнаға үзе килмәгән икән ғле, — тине (Г. Дәүләтшина) 'Мағфура сказала: — Выходит, что деверь сам не приехал'.

В современном башкирском языке, хотя очень редко, үз сочетается с существительным в основном падеже: Үз күцеләң таза була — булды (Г. Дәүләтшина) 'Если твоя душа чиста — это хорошо'; Үз һүҙен Сәлимә һүз итте (Г. Дәүләтшина) 'Салима настаивала на своем'. Данный тип сочетания с местоимением үз, несмотря на редкость употребления в современных тюркских языках, имеет свою долгую историю. Ср. др.-тюрк. Бу бизниң өз киши ол (ДЛТ, 1, с. 80) 'Это наш, свой близкий человек'; Тәгмә киши өз болмас (Там же, с. 406) 'Каждый человек не станет своим'.

Местоимение үз 'сам', оформленное аффиксом принадлежности, изменяется по падежам: осп. п. Үзем, род. п. Үземдең, дат. п. Үземә, вып. п. Үземде, местн. п. Үземдә, исх. п. Үземдән и т. д.

Местоимение үз с аффиксами принадлежности иногда может принимать словообразующий афф. -сә, переходя при этом в наречие: Шуның өсөн дә без уның са түгел, үз еб ез сә шат булырға тейешбез, — тине Вахит (Г. Хәйри) 'Поэтому мы не должны быть как ои, а должны быть рады по-своему, — сказал Вахит'.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНА

В разряд неопределенных местоимений входят әллә кем 'кто-то', әллә нимә, әллә ни 'что-то', әллә ниндәй 'какой-то', әллә нисек 'как-то', әллә қасан 'давно, давным-давно', әллә қайза 'где-то', 'куда-то', әллә нисә 'неизвестно сколько', а также сочетания слов қайһы бер 'некоторые', телдә кем 'кто хочет, хоть кто', телдә қасан 'хоть когда' и т. д.

Как видно, данные местоимения образованы путем сочетания неопределенной частицы әллә с вопросительными местоимениями. Заменяя различные части речи, неопределенные местоимения принимают словоизменительные аффиксы. Неопределенные местоимения указывают на неопределенность предметов и их признаков, на неопределенность различных обстоятельств, в которых протекает действие и т. п.: Үзе кешәләренән әллә нисәр әзләй (Г. Дәүләтшина) 'Сам что-то ищет в кармапах'; Март айының урталары яҡынлашқас, әллә қайзан һалдаттар қилә башлань (Г. Дәүләтшина) 'К середине марта откуда-то начали прибывать солдаты' и т. д.

Значение неопределенности давных местоимений также достигается путем присоединения к ним модальной частицы -дыр/-дер, -тыр/-тер, -зыр/-зер, -лыр/-лер, выражающей сомнение: қасандыр 'когда-то', қайзальыр 'где-то, куда-то', кемдер 'кто-то', или әллә кемдер 'кто-то'. Частица -дыр/-дер. . . присоединяется после аффиксов принадлежности, падежа и мн. числа: кемелер 'кто-то из них', кемдеңдер 'у кого-то из них', кемдәрҙер 'кто-то', кемдәрҙеңдер 'у кого-то', кемдәрғәлер 'кому-то', нимәләрғәлер 'что-то', кемдәрғәлер 'у кого-то', нимәләрғәлер 'у чего-то', кемдәрҙәндер 'от кого-то' и т. д.

Неопределенные местоимения с частицей әллә, которые обозначают место или время, указывают на более удаленные предметы или давно происшедшие события и явления: Әллә ни ндәй зәр уйға қалған (Г. Дәүләтшина) 'В этот час им овладели как ие-то думы'. Ср. в том же значении Әллә әллә ниндәй уйға қалған; Әллә қайзан қилеп еттеләр зә, яралыларҙы ла, үлгәндәрҙә лә тейән, әллә қайза алып китә башланьлар (Г. Дәүләтшина) 'Откуда-то сразу же присехали и, погрузив раненых и уби-

тых, повезли их куда-то'; ср. *Кайзандыр килеп еттелэр зэ, яралларзы ла, үлгэндэрзе лэ тейэп, кайзалыр алып китэ башланьлар.*

В современном башкирском языке некоторые неопределенные местоимения образуются при помощи слов *бер* 'один, некий, нечто', *берэй* 'какое-то': *бер кеше* 'какой-то человек', *берэй эш* 'какое-то дело'.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Отрицательные местоимения образуются путем сочетания вопросительных местоимений с частицей *һис* 'ничто, нисколько', а также с числительным *бер* 'один, нечто, некий': *һис кем* 'никто', *һис нәмэ* 'ничто', *һис һиндэй* 'никакой', *һис һисек* 'никоим образом', *һис һасан* 'никогда', *һис һайза* 'нигде, никуда', *һис бер һи (һимэ, кем)* 'ничто, никто'; *бер зэ* 'нисколько', *бер һимэ лэ, бер һи зэ* 'ничто', *бер кем дә* 'никто', *бер кем* 'никто', *бер һимэ, бер һи* 'ничто'. Некоторые отрицательные местоимения образуются от имени существительного вместо ожидаемого вопросительного местоимения, например: *Ул [Шаһизэ] үзенең, шундай батыр үлеме менән үлгән улының хөрмәтен бер ваҡытта ла илап, зарланып кәмһетмәккә һүз биргән* (Г. Дәүләтшина) 'Она [Шагида] дала себе слово, и н и к о г д а не плакать и не говорить, чтобы не унижать славное имя своего сына, который погиб смертью храбрых'.

В современном башкирском языке некоторые образования синонимичны: *бер кем* — *бер кеше, бер эһәм* 'никто', *бер һайза* — *бер ерзэ, бер урын да* 'нигде' и т. д. Иногда первый компонент может состоять из двух слов, например: *һис бер һасан* — *һис бер ваҡыт та* 'никогда'.

Отрицательные местоимения *һис кем, һис һимэ, һис һиндэй* принимают аффикс принадлежности: *һис кемэ, һис һимәһе, һис һиндәһе*; первые два из них могут иметь формы *һис кемем, һис һимэм, һис кемән, һис һимән*.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Местоимения, называемые притяжательными, образуются путем присоединения афф. *-һыкы/-һеке, -зыкы/-зеке, -дыкы/-деке* к личным и другим местоимениям, например: *һинекә* 'мой, принадлежащий мне', *һинекә* 'твой, принадлежащий тебе', *уһыкы* 'его, принадлежащий ему', *һеззекә* 'наш, принадлежащий нам', *һеззекә* 'ваш, принадлежащий вам', *уһарзыкы* 'их, принадлежащий им'; *һыһыкы* 'этого, принадлежащий этому', *һуһыкы* 'того, принадлежащий тому', *кәмдеке* 'чей' и т. д.

Этот разряд местоимений всегда находится в постпозитивном положении в отношении существительного, обозначающего предмет обладания: *китап һинекә* 'книга моя, книга принадлежит мне', *китап һинекә* 'книга твоя, книга принадлежит тебе' и т. д. В силу постпозитивного расположения эти местоимения в предложении довольно часто выступают в роли сказуемого: *Һыйыр кем деке буһа, бызау — уһыкы* (посл.) 'Чья корова, того и теленок'; *Ер, һыу, урман, фабрик-завод — барыһы ла үзәбәззекә* (Х. Кәрим) 'Земля, вода, лес, фабрики и заводы — все это и а ш е'.

Притяжательные местоимения изменяются по падежам.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имя числительное, как часть речи, характеризуется особой семантикой: оно обозначает количество предметов или их количественный признак. В современном башкирском языке представлены следующие разряды числительных: количественные, порядковые, разделительные, собирательные, приблизительные, дробные и числительные меры.

Среди числительных насчитывается немногим более 20 базовых слов: а) названия единиц: *бер* 'один', *ике* 'два', *өс* 'три', *дурт* 'четыре', *биш* 'пять', *алты* 'шесть', *ете* 'семь', *һигез* 'восемь', *туғыз* 'девять'; б) названия десятков: *ун* 'десять', *егерме* 'двадцать', *утыз* 'тридцать', *қырк* 'сорок', *илле* 'пятьдесят', *алтмыш* 'шестьдесят', *етмеш* 'семьдесят', *һикһән* 'восемьдесят', *тукһан*¹ 'девяносто'; в) названия сотни, тысячи и др.: *йөз* 'сто', *мең* 'тысяча' и др. Они служат основой для образования сложных количественных числительных и производных разрядов числительных типа *бишенсе* 'пятый', *бишәр* 'по пяти', *бишәү* 'впятером', *бишләп* 'около пяти', *биштәрҙә* 'около пяти (часов)', *биштән ике* 'две пятых', *бишле (галош)* '(галоши) пятого размера' и др.

Числительные обычно обозначают количественный признак какого-нибудь предмета, название которого представлено либо в позиции определяемого слова, либо в качестве подлежащего (в последнем случае они являются сказуемым). Вне этого контекста числительные указывают лишь на абсолютные и отвлеченные количественные величины. В таких случаях они, выступая на правах существительного, принимают падежные формы, аффиксы принадлежности, форму мн. числа на общих основаниях: *Ир булған ир — егерме биштә баш булыр, ир булмаған ир — иллелә лә йәш булыр* 'Мужественный мужчина в двадцать пять станет главой, немужественный мужчина в пятьдесят будет недорослем'; *Береһе эйткәнде икенсәһе ярты һүҙҙән аңлап тора* (Н. Мусин) 'То, что один из них говорит, второй понимает с полуслова'; *Берәүҙәр уны яманлар, икенселәре мактар, өсөнсөләре шомланыр* (З. Бишева) 'Одни его станут хаять, другие — хвалить третьи — опасаться'.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Простые и сложные количественные числительные представлены базовыми словами (см. их перечень выше) или их сочетаниями.

Сложные количественные числительные начинаются с названий второго десятка. В них числа высшего порядка предшествуют числам низшего порядка: *ун ике* 'двенадцать', *егерме ике* 'двадцать два', *бер йөз қырк бер* 'сто сорок один' и т. д. В пределах тысячи, сотни тысяч и далее сложные количественные начинаются с названий единиц: *ике йөз илле биш* 'двести пятьдесят пять', *өс йөз алтмыш мең ике йөз илле биш* 'триста шестьдесят тысяч двести пятьдесят пять' и т. д.

Количественные числительные, находясь в составе определительных словосочетаний типа *алты китап* 'шесть книг', имеют ударение на последнем слоге. Для того, чтобы придать эмоционально-экспрессивную окраску акту счета, числительные первого десятка могут иметь ударение на первом слоге, при этом числительные в предложении выступают без определяемых слов и произносятся с перечислительной интонацией, характерной для нераспространенных однородных членов предложения. Эмоционально-экспрессивный оттенок при счете получают также числительные, которые имеют

¹ Определенный интерес вызывает способ образования таких слов, как *һигез* 'восемь', *туғыз* 'девять', *утыз* 'тридцать', *алтмыш* 'шестьдесят' и т. д. В них *һиг(к)-*, *туғ(к)-*, по всей вероятности, представляют собой корневую морфему, а *-ез*, *-ыз* восходят к аффиксу мн. числа (ср. показатели мн. числа в именном и глагольном спряжении). Слово *утыз* 'тридцать' также состоит из двух частей: *ут* (< *от*) + *ыз*. Слова *алтмыш* (< *алтмышыш*), *етмеш* (< *етемеш*), видимо, состоят из двух частей: *алты*, *ете* — корневые морфемы, *-мыш*, *-меш* — аффиксальные морфемы. В формантах *-мыш*, *-меш*, должно быть, фуаировано несколько элементов, каждый из которых в древности функционировал как показатель определенной грамматической категории. По своему морфологическому составу слова *һикһән*, *тукһан* представляют результат сращения *һигез* и *туғыз* со словом *ун*. При этом согласный *з* превратился в *һ*, гласный же *у* стал произноситься как *а/э*.

при себе афф. -ау, -әу: *беррәу, иккәу, оссәу, дурттәу, бишшәу, алттау, еттәу, һиггез, тугъғыз* 'в одиночку, вдвоем' и т. д.

Данная особенность в употреблении количественных числительных показывает, что они обозначают не только количество исчисляемых предметов, но и отвлеченные понятия числа. Последние могут употребляться самостоятельно и независимо от других слов. Тем самым они близки к категории существительного, хотя и выражают идею числа.

При обозначении количества исчисляемых предметов числительные в предложении выступают в роли определения: *Григорийзең алыҫ Нарымский крайға һорғонғә озатылыуына ла озакламай дурт йыл тула* (Г. Дәүләтшина) 'Скоро исполняется четыре года, как Григорий был отправлен на каторгу в далекий Нарымский край'.

Количественные числительные, выражая отвлеченное количество и приближаясь к имени существительному, принимают аффиксы надежда принадлежности, числа и выполнения функции различных членов предложения — 1) подлежащего: *Утыҙ оскә буленә* 'Три дцать делится на три'; *Бала ғына әле. Уни кеһе аңы тулып килә* (М. Кәрим) 'Дитя еще. Ему двенадцать только исполняется'; 2) дополнения: *Беләге йыуан берҙе йыккан, беләме булған меңдә йыккан* (посл.) 'У кого рука сильна, тот одного победит, у кого знание есть, тот тысячу победит'; 3) обстоятельства: *Йөҙ йәшә, йөҙ йыл уҡы* (посл.) 'Сто лет живи, сто лет учись'.

Часто между количественным числительным и определяемым им словом вставляется поясняющее слово, так называемый нумератив. Нумеративы соотносятся с качеством исчисляемых предметов и употребляются избирательно по отношению к определенным лексико-семантическим категориям. Так, *баш* 'голова' чаще всего применяется для исчисления скота: *ун баш һарыҡ* 'десять голов овец', *егерме баш ат* 'двадцать голов лошадей', *өс баш һыйыр* 'три коровы'. Этот же нумератив нередко встречается со словами, обозначающими штучные предметы: *биш баш һуған* 'пять головок лука', *өс баш ҡорот* 'три головки курута'.

По своему происхождению нумеративные слова подразделяются на 1) исконно башкирские (многие из которых являются общетюркскими): *ағас* 'дерево', *ая* 'ширина в четыре пальца', *бөртөк* 'крушинка', *буй* 'длина', *бәйләм* 'вязанка, тюк, пучок, моток', *йомарлам* 'комок', *йомғаҡ* 'клубок', *йотом* 'плоток', *өйөм* 'куча', *өйөр* 'табуз, косяк лошадей', *табак* 'чаша' (обеденная) и 2) заимствованные: *гектар, метр, минут* 'минута', *секунд* 'секунда', *центнер* и т. д.

При указании времени в часах само слово 'час' может опускаться: *йыйылыш (сәғәт) алатыла башлана* 'собрание начинается в шесть (часов)'. Эта конструкция с точки зрения структуры башкирского предложения является правильной. Однако в литературном языке встречаются и конструкции типа *йыйылыш алты сәғәттә башлана* в том же значении. Словосочетание *алты сәғәттә* употребляется при акцентировании внимания на определенном отрезке времени, в которое происходило то или иное действие: *Без алты сәғәттә ауылға ҡайтып еттек* 'Мы вернулись в деревню за шесть часов'.

Особого внимания заслуживает употребление числительного *бер* 'один'. Оно характеризуется многозначностью и различными синтаксическими функциями.

Числительное *бер* выступает в качестве конкретного количественного определителя предмета: *бер дәфтәр* 'одна тетрадь', *бер ҡитап* 'одна книга'; *Бер ағастан өй булмаҫ* 'из одного дерева дом не будет'; *Бер тиренән тун булмаҫ* (посл.) 'Из одной шкуры шубы не будет'.

Бер функционирует в роли неопределенного артикля. При этом оно стоит непосредственно перед определяемым словом: *Борон-борон заманда булған, ти бер бабай менән бер әбей* (фольк.) 'Давным-давно жили-были, говорят, старик со старухой'. *Бер* может стоять между определением, выраженным собственным именем или прилагательным, и определяемым: *Әлек Ҡушлаҡ исемле бер батыр булған, һунарға сыккан һайын ул ете өйрәк,*

ете торна, ете жаз, ете боландан да кэм алмай торган булган (фольк.) 'Был один батыр по имени Кушлак, который каждый раз, выходя на охоту, брал не меньше семи уток, семи журавлей, семи гусей и семи оленей'.

В близком значении используется и слово *берэй* 'какой-нибудь': *Әллә берэй асыу һаҡлай микән?* (Б. Бикбай) 'Может хранит он какой-нибудь плев?'. Оно может употребляться и в функции имени существительного, принимая присущие последнему аффиксы: *Үслек менән берэйһе тоткан да буяғандыр* (Б. Бикбай) 'Со злобы кто-то один из них взял да и выкрасил, на-верное'.

Числительное *бер* участвует в образовании фразеологических единиц типа *бер фекерҙән* 'единодушно', *бер һүҙҙән* 'единогласно', *бер һүҙһеҙ* 'безоговорочно, без всяких возражений', *бер ыңғай* 'обычно, обыкновенно, своим чередом', *бер ыңғайҙан* 'заодно, попутно', *бер юлы* 'заодно, сразу', *бер ары* 'в одно место, куда-нибудь' и т. д.

В современном башкирском языке довольно часто встречаются фразеологические единицы, поговорки и пословицы, в которых сакраментальные числительные *биш* 'пять', *ете* 'семь', *кырк* 'сорок', *илле* 'пятьдесят', *алтмыш* 'шестьдесят', *етмеш* 'семьдесят', *туғһан туғыз* 'девятью девять', *йөз* 'сто' и *мең* 'тысяча' обозначают не столько конкретные числа, сколько неопределенную множественность: *бит һыуын биш түгеу* 'унижать себя перед кем-л. много раз', *биш былтыр* 'давным-давно', *бишкә арылырҙай булыу* 'готов разорваться на части', *биш (ете) кат тиреһен тунау* 'содрать семь шкур', *ете кат үлсә, бер кат киҫ* 'семь раз отмерь, один раз отрежь', *кырк кабат* 'сорок раз', *кырк қорама* 'сорок заплаток', *егет кешегә етмеш төрлә һөнәр ҙә аз* 'доброму молодцу и семидесяти ремесел мало', *йөз һум аҡсаң булғансы, йөз дуҫың булһын* 'не имей сто рублей, имей сто друзей'.

Сочетание числительного в исходном падеже с той же основой в нулевой форме подчеркивает наличие или отсутствие последующего предмета: *Эй карт, берҙән - бер балабыҙ ниткән яманлыҡ уйлаһын* (Б. Бикбай) 'Эй, старик, он же один единственный наш ребенок, как же он замыслил дурное'. Ср. также *икәүҙән-икәү* 'только вдвоем'.

При описании действий нескольких лиц, а также при последовательной характеристике явлений первое числительное в предложении бывает количественным, второе же получает форму другого разряда (обычно — порядковое числительное): *Береһе эшләгәндә и кенсәһе кул қаушырып қарап тороусан булғандар* (фольк.) 'На то, что делал один из них, второй взирал сложа руки'.

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Порядковые числительные образуются от соответствующих количественных путем присоединения к их основам афф. *-(е)нсе-(ы)нсы/-(ө)нсө*: *алтынсы* 'шестой', *етенсе* 'седьмой', *туғзынсы* 'девятый', *һигезенсе* 'восьмой', *өсөнсө* 'третий' и т. д. В сложных числительных этот аффикс принимается конечным компонентом: *мең туғыз йөз етмеш дүртенсе йыл* 'тысяча девятьсот семьдесят четвертый год'.

Порядковые числительные выражают идею числа как естественной последовательности предметов, осознаваемой в качестве их признака. Эта особенность сближает порядковые числительные с именами прилагательными.

Синтаксически порядковые числительные функционируют как определение: *Комбайндар икенсе бригада баһуына күскән* (Ә. Вәли) 'Комбайны перешли на поля в второй бригады'.

Порядковые числительные в предложении могут употребляться и без определяемого слова — в этом случае они принимают показатели имен существительных и выступают в функции 1) подлежащего: *Икенсе отряд Казаккол тирәһендә, өсөнсөһө Тирлән йәки Урайы ауылында булырға тейеш* (Я. Хамматов) 'Второй отряд должен находиться около Казаккулово, третий в Тирляне или в деревне Уразаево'; 2) сказуемого: *миң — беренсе*

‘я первый’, *һин* — *икенсе* ‘ты второй’, *Бишенсе кластарзың командаһы беренсе ине, беззекеләр икенсе булды* (СБ) ‘Команда пятых классов была первой, наши стали вторыми’; 3) дополнения: *Бер мәсьәләне бөтөрөп, икенсеген тикшерә башлағанда, Нигмәтулла килеп инде* (Я. Хамматов) ‘Когда закончили обсуждать один вопрос и начали второй, вошел Нигматулла’; 4) обстоятельства: *Без был тауға беренсе күтәрелдек* (Ш. Янбаев) ‘Мы впервые поднялись на эту гору’.

Порядковые числительные в форме исходного падежа в последовательном порядке, начиная с первого числа, выступают в роли вводного слова: *Икенсенән, унда эшселәрҙең, комсомол ойошмаһының башланғысына колак һалмағаны осөн Назарғолов иптәшкә иҫкәртеү яһап китергә кәрәк булыр. Шулаймы? Өсөнсөнән, миңеңсә, без бынау һуңғы фактты ла аша атлап үтергә тейеш түгелбез* (К. Мөргән) ‘Во-вторых, за невнимательность к начинанию рабочих и комсомольской организации товарищу Назаргулову надо будет сделать предупреждение. Так? В-третьих, по-моему, мы не должны пройти мимо и этого последнего факта’.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Разделительные числительные — производные основы от количественных числительных, образующиеся присоединением к ним афф. *-(ш)ар/-(ш)әр*: *икешәр* ‘по два’, *алтышар* ‘по шести’, *етешәр* ‘по семи’, *берәр* ‘по одному’, *өсәр* ‘по три’, *бишәр* ‘по пяти’, *туғызар* ‘по девяти’, *унар* ‘по десяти’. Эта группа числительных использует идею абстрактных чисел для разбивки предметов по однородным группам².

Разделительные числительные в предложении употребляются в качестве определения: *Без эшләгән ошо дүртәр катлы ике йорт аңы өйләнешкән кешеләр өсөн һалынғайны* (З. Бишева) ‘Эти два четырехэтажных дома, построенные нами, были предназначены для молодежи’; *Икешәр, өсәр кешегә бүленеп, старателдәр төрлө урындан шурф җазылар* (Я. Хамматов) ‘Разделившись по два, по три человека, старатели копали шурфы в разных местах’. Разделительное числительное иногда может употребляться перед глаголом: *икешәр-икешәр киттеләр* ‘ушли по два’.

При отсутствии определяемого разделительное числительное само принимает показатели существительных: *Дүйә, Борис Касимович, сығып берәрҙе көйрәтәйек, — тине генерал. .* (Д. Исламов) ‘Выйдем, Борис Касимович, закурим по одной, — сказал генерал. .’.

Разделительные числительные образуются и путем повторения своих основ. При этом могут повторяться и одинаковые, и разные основы: *икешәр-икешәр* ‘по двое’, *өсәр-өсәр* ‘по трое’, *дүртәр-бишәр* ‘по четыре-пять’, *унар-ун бишәр* ‘по десяти — пятнадцати’.

Сочетание, состоящее из двух одинаковых разделительных числительных, указывает на равномерное разделение количества: *Дүрт ятҡа һәр поска и кеше әр - и кеше әр кеше, элементә өсөн бер кеше куйығыз* (Б. Дәүләтшина) ‘Поставьте по два человека на каждый пост с четырех сторон и одного человека для связи’. Вторая разновидность парных разделительных числительных выражает распределение предметов по группам, показывающим на неравное или неконкретное количество единиц: *Ун-ун икешәр сәғәт таш күмер ақтарғанда ла бирешмәне* (Д. Исламов) ‘Он не поддавался и тогда, когда работал по десяти-двенадцати часов на разработках каменного угля’.

Встречаются и разделительные числительные, содержащие по два аффикса, первый из которых восходит к показателю принадлежности 3-го лица, а второй совпадает с уже известными *-шар/-шәр*: *Дәфтәрҙәрҙе бүлделәр, уҡыусы һайын һи ғезешәр дәфтәр тейҙе* ‘Разделили тетради, на каждого ученика пришлось по восемь тетрадей’.

² Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 95.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Собирательные числительные образуются от основ количественных числительных от единицы до семи и отдельно от десяти преимущественно при помощи афф. *-ау/-эу*: *берэу* 'в одиночку', *икэу* 'двое', *есэу* 'трое', *дүртэу* 'четверо', *бишэу* 'пятеро', *алтау* 'шестеро', *етэу* 'семеро' и *унау* 'десятеро', очень редко *йозэу* 'сто': *Без куп инек — йозэу инек* 'пас было много — сто было'.

Семантика собирательных числительных — концентрация отдельных единиц. Эти числительные более предметны и поэтому довольно часто употребляются как имена существительные: *Ит бешеп сыжжас жына, берэу ишек тужылдаткан* (фолькл.) 'Только сварилось мясо, и кто-то постучал в дверь'; *Кемдэн алғаныңды берэу гә лә зйтмә* (фолькл.) 'У кого брал, никому не говори'; *Егәрленең кулы етэу, ужыгандың теле икэу* (посл.) 'У расторопного семь рук, у образованного два языка'.

Собирательные числительные типа *икэу* 'двое' в пределах десятка, кроме *һигез* и *туғыз*, очень часто употребляются при счете предметов, они заменяют в этом случае количественные числительные и выступают без определяемых слов.

Собирательные числительные могут выступать в роли приложения: *Ул хужаларының икэу һенен дә кулдарын жыжжас, санаһына яйлап ултырып алып, дилбегәһен жакты* (Б. Бикбай) 'Он пожал руки обоим хозяевам, степенно уселся в свои сани и дернул вожжи'.

Собирательные числительные в форме родительного падежа (иногда с аффиксами принадлежности) служат определениями: *Берэу һенен аты үтә жаты база* (М. Кәрим) 'У одного лошадь очень тяжело ступает'; *Берэу зең итәге жыжжас, еңе озон, берэу зең еңе жыжжас, кулы озон* (посл.) 'У одного полы коротки, рукава длинные, у другого рукава коротки, руки длинные'.

Собирательное числительное *берэу* вместе с частицей *зә* и в форме *берэуһенә лә* 'никому' может быть использовано в качестве местоимения, например: *Хисмәтулла прииск контораһында берэуһен дә оската алманы* (Я. Хамматов) 'Хисматулла ни одного человека не мог застать в конторе прииска'.

Собирательные числительные могут принимать дополнительные аффиксы: *-лашып/-ләшеп* и *лап/-ләп*. Осложненные этими аффиксами, они выступают в предложении как обстоятельства: *Улар дүртэүләшеп өстәлде уратып ултырып, әңгәмәләшә-әңгәмәләшә, ашап-эсергә тотондолар* (Г. Дәүләтшина) 'Они четвером сели вокруг стола, и, беседуя между собой, начали есть и пить'; *Улар икэүләшеп, ужыусыларга төрлә һораузар биреп, русса һөйләштерергә тырыштылар* (Г. Дәүләтшина) 'Они вдвоем, задавая учащаясь разные вопросы, старались говорить по-русски'.

При обозначении действий, совершенных представителями однородных групп, употребляются собирательные числительные на правах существительных во мн. числе с факультативным присоединением аффикса принадлежности 3-го лица: *Ат ярыштыра берэүзәр, берэүзәр һөйләй буре, берэүзәр «жүргәндәрем» тип, борсақты яра эре* (М. Кәрим) 'Одни устраивают состязание копей, другие рассказывают про волков, третьи плетут лебедицу о том, что они «видели»'; *Берэүзәре түбәндә бурәналәрзе ыргакка элктәреп торзо, икенселәре, остә уны ыскындырып алып, тейешле жкка яйлап һала барзылар* (Ә. Вәли) 'Одни внизу крюком подцепляли бревна, вторые наверху отцепляли их и складывали по порядку'.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Приблизительные числительные обозначают неточное, примерное количество предметов. В отличие от других разрядов числительных они характеризуются различными способами образования — морфологическим и лексико-синтаксическим.

При морфологическом способе образования к количественному числительному присоединяются:

1) афф. *-лап/-лэп* (< *-ла+п/-лэ+п*): *ун бишлэп* 'примерно пятнадцать'; *Самат, яз етеу менэн, коммунаға язылған утызлап кеше менэн сәсеүгә әзерләнергә тотондо* (И. Мусин) 'Самат с приближением весны п р и м е р н о с т р и д ц а т ь ю человеками, записавшимися в коммуны, начал готовиться к севу';

2) афф. *-лаган/-лэгэн* (< *-ла+ган/-лэ+гэн*), где последний компонент восходит к причастной форме: *унлаган* 'около десяти', *утызлаган* 'около тридцати', *йөзлэгэн* 'около ста' и др.; этот сложный аффикс более употребителен с большими числами, нежели с единицами: *Мең әрләгән кош, бөжәктәр, хайуандар тауышы озлөкһөз ишетелә* (Я. Хамматов) 'Беспрерывно слышен голос т ы с я ч птиц, насекомых и животных'; *Ошо гүзәл йорттарға йәшәгән бәхетле кешеләр менән бергә һин дә, миллионлаған исемһез геройларҙың береһе булып, киләсәккә, коммунизмгә барып етерһең* (З. Бишшева) 'Вместе со счастливыми людьми, которые живут в этих прекрасных домах, и ты, став одним из м и л л и о н о в безымянных героев, доживешь до будущего, до коммунизма'.

В реальной речи не приняты образования вроде *өслэгән* 'около трех', *бишлэгән* 'около пяти', ибо в пределах немногих единиц трудно подчеркнуть неопределенность количества. Зато вполне допустимо употребление *өс-дүртлэгән* 'около трех-четырёх', *биш-алтылаган* 'около пяти-шести' именно по причине усиления неопределенности множества благодаря повтору числительных, из которых второе количественно превосходит первое.

С тем же наращением от основ разделительных числительных на *-ар/-әр* образуются приблизительные числительные типа *унарлаган* 'примерно десять', *Инеу менән, осрайһың һин унда йөзәрләгән катын-кыздарға* (М. Гафури) 'При входе встречаешь ты с о т н и женщин'; *Тағы ла меңәрләгәндәрге коткарыр* (И. Мусин) 'Еще спасет тысячи'.

В современном башкирском языке ограниченно представлены приблизительные числительные, образованные путем присоединения афф. *-дарса/-дәрсә, -зәрсә*: *ундарса* 'десятки', *йөззәрсә* 'сотни', *меңдәрсә* 'тысячи'; *Берҙән-бер көндә «Куштирәк» - тең ундарса мунсалары аяз июль күгөн зәңгәр төтөнгә күмә башланьлар* (Д. Исламов) 'В один из дней десятки бань «Куштиряка» начали покрывать голубым дымом ясное июльское небо'.

Если приблизительные числительные стоят перед нумеративами, то аффиксы, выражающие приблизительность количества, присоединяются к нумеративным словам: *Мең башлап һыйыр малы ғына бар, һарыктар за байтаҡ. Көтөүсеге, һауынсыһы-фәләне алтмышлап булып килә* (И. Мусин) 'У него (колхоза) о к о л о т ы с я ч и г о л о в коров и овец довольно много. А пастухов, доярок и других около шестидесяти человек'.

С помощью аффикса мн. числа *-лар/-ләр* в форме местного падежа на *-да/-дә* от количественных числительных образуются приблизительные числительные, обозначающие примерную точку отсчета во времени: *Сәғәт дүрттәрҙә ауырыуҙар алына килеүселәрҙе илдәрә башланьлар* (С. Агип) 'Примерно в четыре часа к больным начали пускать посетителей'; *Майҙың биштәрәндә генә қабул ителәһе ителәп, йыйылаһы йыйылып бөткәндәй булды* (Ш. Япбаев) 'Только к пятым числам мая как будто бы закончился прием и собрание того, что должно было быть принятым и собранным'. Ср. также употребление в этом значении нумеративов и близких к ним слов: *бынан бер нисә йылдар элек* 'несколько лет тому назад', *ноябрь баштарына тиклем* 'до начала ноября'.

Лексико-синтаксический способ образования приблизительных числи-

тельных сводится к парному сочетанию количественных числительных по восходящей линии, т. е. числительное, обозначающее меньшее количество, предшествует большему: *ике-өс* 'два—три', *өс-дүрт* 'три—четыре', *һигез-туғыз* 'восемь—девять'. С увеличением чисел, составляющих парные сочетания, разница между ними резко увеличивается: *ун-ун биш* 'десять—пятнадцать', *егерме-егерме биш* 'двадцать—двадцать пять', *утиз-қырк* 'тридцать—сорок', *йөз-йөз илле* 'сто—сто пятьдесят'.

Лексико-семантический способ образования приблизительных числительных может быть осуществлен с использованием слов типа *ашыу* 'более', *самаһы* 'приблизительно', *тиклем* 'до', *тирәһе* 'около', *яжын* 'близко' вместе с названиями чисел и нумеративами: *Ул өс ай самаһы больницада дауаланып кайткан* (Я. Хамматов) 'Он вернулся, примерно месяца три пролежав в больнице'.

Довольно часто наблюдается лексико-грамматический способ образования приблизительных числительных, который сводится к сочетанию количественных числительных в форме исходного или дательного падежа со словами типа *яжын* 'около': *егермегә яжын* 'до двадцати'; *Без иллеләп кенә кеше, ул ар й ө з з ә н а ш ы у и не* (Б. Бикбай) 'Нас всего примерно пятьдесят человек, а их было более ста'; *Бармак башындай үзе, й ө з з ә н а р т ы к т ы р күзе* (загадка) 'Сам с кончик пальца, а глаз более ста'.

При этом числительные, предшествующие словам *артык*, *ашыу*, *куберәк* 'более, сверх, свыше' ставятся в исходном падеже: *ундан артык* 'сверх десяти', *йөзән ашыу* 'свыше ста', *илленән күберәк* 'более пятидесяти'.

Приблизительные числительные в предложении чаще всего выступают в роли определения и предшествуют определяемому именам существительным: *Медсанбатта и ке й ө з з ә н а ш ы у ауыр яралы йыйылды* (Д. Исламов) 'В медсанбате собралось более двухсот тяжелораненных'; *Шулай итеп, без бер барыуза и л л е л ә п б ү з ә н ә алып кайттык* (Д. Юлтый) 'Стало быть, мы за одну охоту привезли около пятидесяти перепелов'.

ДРОБНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Данный разряд числительных образуется синтаксическим способом. При этом знаменатель ставится на первом месте в форме исходного падежа, а числитель, следующий за ним, в именительном падеже: *дүрттән өс* 'три четвертых' (букв. 'из четырех три'), *биштән дүрт* 'четыре пятых'. В устной речи наблюдается и употребление конструкции *дүрттән өс өлөш* 'три четверти' (букв. 'из четырех три части'), *биштән дүрт өлөш* 'четыре пятых' (букв. 'из пяти четыре доли').

Количественные числительные вместе со словами *ярым* 'половина' относятся к разряду дробных числительных: *бер ярым* 'один с половиной', *ике ярым* 'два с половиной', *ете ярым* 'семь с половиной'.

Слово *ярты* 'половина' может сочетаться с числительными *мең* 'тысяча' и *тистә* 'десяток': *ярты мең* 'половина тысячи', *ярты тистә* 'половина десятка'.

Слово *сирек* 'четверть' функционирует большей частью самостоятельно, но: *беренсе сирек* 'первая четверть', *икенсе сирек* 'вторая четверть'.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ

Путем присоединения афф. *-лы/-ле/-лө* к количественным числительным образуются числительные меры, которые синтаксически являются определениями: *өслө галош* 'галoши третьего размера'; *етеле лампа* 'семилинейная лампа', *утизлы лампа* 'тридцативаттная лампа'. В последнее время количество подобных числительных заметно возрастает: *қырк алтылы күлдәк* 'рубашка сорок шестого размера', *утиз һигезле ботинка* 'ботинки тридцать восьмого размера'.

Числительные в предложении сочетаются с различными частями речи, чаще всего с именными (особенно с существительными в качестве стержневых слов), а также с глаголами.

В именном словосочетании количественное числительное выражает точное количество предметов, обозначенных главенствующим именем: *Егерме бер телдэ хойлэжикэн егерме бер миллэт халкы вэкилдэренэн ун меңгэ жың гэскэр ине был* (Я. Хамматов) 'Это было войско, состоящее примерно из десяти тысяч солдат, представителей двадцати одной нации, говорящих на двадцати одном языке'.

В роли зависимого компонента выступает и порядковое числительное: *Икенсе партага күсеп ултырзым* 'Я пересел за другую парту'.

Конкретизирующий компонент из парных числительных выражает приблизительное количество предметов или лиц, обозначенных стержневым именем: *егерме-егерме биш аршынга тиклем барып етте* 'дошло до двадцати-двадцати пяти аршин'.

Разделительное числительное в составе именных словосочетаний — *ун бишэр һыйыр* 'по пятнадцати коров', *өсэр кеше* 'по три человека'.

Гораздо реже подчиняющим словом оказывается само числительное. Порядковые числительные подчиняют имена существительные в исходном падеже и выражают начало отсчета: *баштан беренсе* 'первый с начала', *остан өсөнсө* 'третий с конца', *тубэндэн бишенсе* (юл) 'пятая строка снизу'.

Имена существительные, подчиненные количественному или собирательному числительному, обозначают предметы, а также лица, из состава которых выделяется столько, сколько указано подчиняющим числительным: *Таусиларзан б и и э у коммунистик хезмэт ударниге исеме алды* 'П я т е р о и з горняков получили звание ударника коммунистического труда'; *Һыбайлыларзың б е р е һ е атын һуға индерергэ ни тиклем генэ тырышһа ла булдыра алмань* (Ә. Бикчәнтәев) 'О д и н и з всадников, как ни старался, не смог ввести своего коня в воду'.

Употребительны и такие словосочетания, в которых имена существительные подчиняются числительным посредством послелога *менэн* 'с': *бөтәгез менэн ун* 'со всеми вами десять', *был көбөн менэн туғыз* 'с этим стогом девять'.

Весьма разнообразно представлены глагольные словосочетания с числительными. Вот их наиболее распространенные типы: *өскә бүлеу* 'разделить на три', *алтыга кабатлау* 'умножить на шесть', *ос тапкыр кайттым* 'я три раза возвращался', *өсөнсө тапкыр китте* 'третий раз ушел', *Ике ятып, бер төшөмә инмэй* (погов.) 'Два раза спал, ни разу во сне не видел', *өсэр-өсэр ултырыу* 'сидиться по три', *икешәр-икешәр үткәреу* 'пропускать по два', *өсәү киттеләр* 'ушли трое', *дүртәүләп югерзеләр* 'побежали вчетвером', *икенсе төрлө* 'по-другому говорить'.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное обозначает статический признак предмета, его качество, свойство, присущие или приписываемые ему, и противопоставляется, с одной стороны, парчию, выражающему динамический и статический признак действия, с другой стороны — существительному, как обозначению самого предмета.

В количественном отношении прилагательные уступают только существительным и глаголам.

В морфологическом отношении имя прилагательное чаще всего выступает, как и в других тюркских языках, в словарной (нулевой) форме —

ауыр 'тяжелый', бейек 'высокий', етез 'быстрый', ецел 'легкий', кук 'синий', тере 'живой' и др. и в формах степеней сравнения — йэшкелт 'зеленоватый', кослөрэк 'сильнее', олорақ 'старше' и т. п.

Прилагательные имеют специфические аффиксы словообразования, например: -ғы/-қы (алғы рэт 'передний ряд', кышкы юл 'зимняя дорога'), -дағы/-даге (алдағы йылы 'будущий год'), -и (синфи көрәш 'классовая борьба', тарихи қарар 'историческое постановление'), -ғак/-гәк (тайғак юл 'скользящая дорога', һөзгәк кыйыр 'бодливая корова') и др. (подробнее об этом см. ниже, в разделе о словообразовании).

Основной синтаксической функцией прилагательных является функция определения, закрепленная за ним как за частью речи, чему и соответствует его категориальное значение и назначение. Прилагательное может быть определением при существительном, другом прилагательным и некоторых разрядах числительных. Сочетается оно с определяемым словом без оформления какими-либо грамматическими показателями, т. е. исключительно способом примыкания: ақ һары төс 'светло-желтый цвет', елбәзәк қар 'пушистый снег', етди йөзлә кеше 'человек с серьезным лицом', һомғол егет 'стройный парень'; Лампалар һүнде. Экранға зәңгәр нур борқолдо (С. Қудаш) 'Свет погас. На экран направились голубые лучи'; Ул урта йәштәрзә, шазрақ битлә, җара мыйыкы баларақ жына җара һақаллы кеше (Ғ. Хәйри) 'Он человек средних лет, с рябоватым лицом, с черными усами, с небольшой черной бородой'.

Прилагательное активно функционирует также в качестве сказуемого, выступая в нулевой форме (1) или принимая показатели числа и сказуемости (2): 1) Бала музыкаға һәләтлә 'Ребенок способен к музыке'; Халықтары беззең Ватандың күп һанлы, төрлә-төрлә, берәһе — ақ, берәһе — қара, берәһе — һары йөзлә (Р. Ниғмәти) 'Народов у нашей Родины много, они разные, разные, одни — белые, другие — чернокожие, третьи — желтолицые'; 2) Күгәрсендәр зә түгел, қарғалар улар, шулай за һөйкәмләр (С. Ағиш) 'Не голубы они, а грачи, но все равно такие милые'; Көн дә урманға барып, қош ояһы өҗгөргә бик шәһегез бит (Ж. Кнекбаев) 'Очень уж прытки вы каждый день разорять в лесу птичьи гнезда'.

Аффиксами сказуемости могут оформляться не все прилагательные. Ограничения здесь обусловлены лексическими значениями прилагательных. Категория сказуемости относится к лицу, поэтому ее аффиксами оформляются прилагательные, характеризующие лицо, исключая в известной мере лишь форму 3-го лица.

Функция сказуемого предполагает модально-временную охарактеризованность прилагательного, как и других имен, в частности его вхождение в сферу синтаксического наклонения и времени. Обычно прилагательное входит в сферу настоящего времени синтаксического индикатива, не принимая для этого специфических форм: Көн йылы 'День теплый'; Аш эйһе менән татлы (погов.) 'Еда вкусна в присутствии хозяина'; [Мәғфурә] Кешегә асақ, һүзгә ипле . . (И. Дәүләтшина) '[Мағфура] приветлива к людям, сдержанная в разговоре. .'. В сочетании с вспомогательным глаголом ине оно имеет значение прошедшего времени синтаксического индикатива: Былар ботһе лә миңә өсөн төнгө җара урман эсе кеүек серлә һәм қараңғы ине (Д. Исламов) 'Все это для меня было таинственным и покрыто мраком, как темный лес ночью'; Без ул сакта йәш инек 'Мы тогда были еще молоды'; Күккә җараным, йондоғзар атылған күзәттем. Қис бик матур ине (С. Ағиш) 'Смотрел на небо, наблюдал, как падали звезды. Вечер был очень красивым'.

В сочетании с вспомогательным глаголом бул- в зависимости от его формы прилагательное может иметь значение будущего, настоящего или прошедшего времени синтаксического индикатива (1), условного наклонения (2), повелительно-желательного наклонения (3) и сослагательного наклонения (4): 1) Зәйнәп, бәлкем, анау шырыш кеүек, һәр сақ йәшел булмақ булалыр (Ғ. Сәләм) 'Зайнап, быть может, как вон та ель, хочет всегда быть молодой

(букв.: зеленой)', *Алама ағаста ботак йыуан була* (посл.) 'На плохом дереве сучки толсты'; *Нинаһың төсө күм-күк булған* (Ф. Исәнғолов) 'У Нины был бледный вид'; 2) *Кис болотло була, иртән аяз булмаҫ* (посл.) 'Если вечер облачный, то утро не будет ясным'; *Ял итеу кондәрәндә көн матур, сыуаклы була, айырыуса күңелле була бит ул* (Т. Йәнәби) 'В дни отдыха, если погода выдается хорошая, солнечная, бывает особенно радостно'; 3) *Бер булһын, берәгәйле булһын* (посл.) 'Пусть будет единственным, да удалим'; *Түрә булһаң, баһлы бул, йыйырылмаҫ ҡаһлы бул* (посл.) 'Если ты начальник, то будь умным, будь добрым'; 4) *Көн йылы булһын ине* 'Был бы день теплый'.

Прилагательные в башкирском языке при употреблении без определяемого существительного субстантивизируются, принимая окончания числа, падежа, принадлежности и выступая в функции подлежащего (1) и дополнения (2): 1) *Т ә у ә к к ә л таш ярыр, бу л д ы к һ ы з баш ярыр* (посл.) 'С мел ы й камень расколется, р а с т я п а голову сломит'; *Я ң ғ ы з з ы ң йәйәһе ла юғалыр, кү м ә к т е ң уғы ла юғалмаҫ* (посл.) 'У о д и н о к о г о даже лук потеряется, а в к о л л е к т и в е уделест и стрела'; 2) *Иртән аяз буласағы тураһында хәбәр биреп, күкте җ ы з ы л ғ а буяп, ҡояш байһыны* (К. Мөргән) 'Закапилось солнце, обогрив небосклон и предвещаая на завтра ясную погоду'; *А җ ы л һ ы з з а н маҡталғансы, а җ ы л ы л ы н а н эрләп* (посл.) 'Чем похвалу о т д у р а к а получить, лучше о т у м н о г о замечание'.

Часто прилагательные без изменения формы выступают в функции обстоятельства: *аҡыллы* 'умный' — *аҡыллы* (*һөйләш-*) 'умно (говорить)', *ауыр* 'тяжелый' — *ауыр* (*күтәр-*) 'тяжело (поднимать)', *ауыр* (*йәшә-*) 'тяжело (жить)', *ауыр* (*һула-*) 'тяжело (дышать)', *йомшаҡ* 'мягкий' — *йомшаҡ* (*өндәш-*) 'мягко (говорить)' и т. д.

Определенная часть корневых прилагательных совмещает в себе признаки прилагательного и существительного или прилагательного и наречия, а) находясь при этом в омонимичных отношениях: *аҡ* (*таш*) 'белый (камень)' — *аҡ* 'молочные продукты', *туңарәк* (*кул*) 'круглое озеро' — *туңарәк* 'кружок', *якшы ат* 'хороший (конь)' — *якшы* (*эшлә-*) 'хорошо (работать)', б) либо оставаясь на уровне лексико-грамматической связанности: *алама* (*кейем*) 'изношенная (одежда)' — *алама* (*йый-*) 'собирать (тряпье)', *китек* (*ҡалак*) 'отломленная (ложка)' — *китек* 'отлом' и т. п.

Некоторые производные прилагательные в изафетных конструкциях также приобретают значение существительных: *азналыҡ* (*эш*) 'недельная (работа)' — *китап азналығы* 'неделя книги', *айлыҡ* (*журнал*) 'ежемесячный журнал' — *урман айлығы* 'месячник леса', *актыҡ өмөт* 'последняя надежда' — *ондоң актығы* 'остатки муки'.

Многие существительные, обозначающие материал, вещество и т. п., в свою очередь, могут употребляться в функции прилагательного, т. е. в роли приименного определения: *ағас* 'дерево' — *ағас корәк* 'деревянная лопата', *таш* 'камень' — *таш күпер* 'каменный мост'. В таких случаях прилагательное и существительное формально не различимы.

Отдельные разряды местоимений и числительных также могут выступать в качестве определения при имени: *бөтөн* (*халыҡ*) 'весь (народ)', *беренсе* (*азна*) 'первая (неделя)' и др.

По лексико-грамматическому значению прилагательные делятся на качественные и относительные. Эти два разряда прилагательных противопоставлены по лексико-грамматическому значению, отчасти по форме и функциям, хотя данное противопоставление и проявляется не всегда последовательно.

Качественные прилагательные, составляющие многочисленную группу данной части речи, характеризуют признаки, присущие самой природе предметов, явлений, живых существ и т. д. Они могут быть корневыми — *кызыл байраҡ* 'красное знамя', *матур кыз* 'красивая девушка', *һыуыж һыу* 'холодная вода' и производными — *тәмле аш* 'вкусный суп', *тайғаҡ юл* 'скользящая дорога' и т. п.

Относительные прилагательные, занимающие в лексике в целом небольшое место, выражают признаки 1) через отношение одного предмета к другому предмету по принадлежности: *машиналы кеше* 'человек, имеющий машину', *салбарлы кыз* 'девушка в брюках', *аталы бала* 'ребенок, имеющий отца' и др., по местоположению: *баксалагы сәскә* 'цветок, находящийся в саду', *күктәге йондозлар* 'звезды на небе', *урьндагы вақыт* 'местное время'; по времени: *бытырғы бесән* 'прошлогоднее сено', *иртәнге һауа* 'утренний воздух', *йыллыҡ план* 'годовой план', *язғы ел* 'весенний ветер', 2) через действие к предмету: *емерек койма* 'разрушенный забор', *ташландыҡ өй* 'заброшенный дом', *ватыҡ тәҙрә* 'разбитое окно' и др. Относительные прилагательные всегда производны.

Качественные прилагательные в большинстве своем имеют степени сравнения и интелсива, относительные прилагательные не обладают этой категорией. Качественные прилагательные употребляются в функции обстоятельств чаще, чем относительные.

Безусловно, взаимопереходность между указанными двумя разрядами прилагательных существует, поэтому не всегда удается их четко разграничить.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

А Ф Ф И К С А Ц И Я

Деривативные прилагательные в современном башкирском языке составляют более 80%.

Ведущим способом деривации выступает аффиксация (приблизительно 2300 производных), которой заметно уступает деаффиксация (свыше 200 так называемых усеченных слов) и смешанные аффиксально-деаффиксальные типы (около 200 единиц). Оба последних способа образования башкирских прилагательных связаны с процессами заимствования.

Исконный пласт прилагательных может быть рассмотрен с различных точек зрения: по характеру производных основ, по формальной простоте или сложности аффиксов, по семантической характеристике, по фузириванности/нефузириванности с корнем и, наконец, по продуктивности/непродуктивности дериваторов.

Материал исследования убеждает в том, что традиционная в описательных грамматиках отыменная либо отглагольная направленность сцепления аффиксов со своими основами оказывается сплошь и рядом недостаточно веской и в то же время довольно противоречивой в отношении многих группировок прилагательных. К глагольным основам присоединяется свыше 15 аффиксов: *-ан, -ар, -гер, -гес, -ғай, -ғын, -дыҡ, -ез, -еш, -кеу, -ма, -наҡ, -пы, -сек, -ый* с их вариантами и немногие другие. Около 10 аффиксов избирательно присоединяется к именным основам: *-а, -даш, -са, -сел, -тыҡ, -һел, -һел, -эм* с их алломорфами и ряд других. Подавляющее же большинство остальных словообразовательных типов, в том числе самых продуктивных в кругу прилагательных (*-ле, -һез, -сан, -ге, -лек, -һеу, -аҡ, а также -ғас, -кел, -дәм, -мек* с модификациями и еще несколько десятков показателей), является одновременно и отыменным, и отглагольным или относится к таким разрядам слов, лексико-грамматический характер которых окончательно не ясен. Следовательно, значимость настоящего критерия значительно уменьшается.

ПРОДУКТИВНЫЕ АФФИКСЫ

Из 19 продуктивных аффиксов наиболее продуктивными являются *-лы, -һез, -сан* и *-ғы* (каждый с соответствующими фонетическими вариантами). *-лы/-ле, -ло/-лә*. В составе четырехалломорфной парадигмы ведущими по продуктивности вариантами являются *-лы/-ле*, тогда как *-ло/-лә* менее продуктивны. Из 942 дериватов с данным аффиксом 500 на *-лы*, 374 на *-ле*

42 на -*ло* и 26 на -*ло*¹. Эта неравномерность объясняется по преимуществу вовлечением в башкирское словообразование все возрастающего количества заимствованных основ, допускающих парадигма аффиксами лишь с пегубными гласными².

Генетическая связь -*лы* с -*лык*, отмечаемая большинством тюркологов, косвенно подтверждается и материалами современного башкирского языка, в котором насчитывается несколько десятков прилагательных на -*лык*.

Имена абстрактные на -*лык* с присоединением афф. -*лы* образуют новые слова со значением окачественной предметности: *иззелекле* 'доброжелательный' (*иззелек* 'добро, благодетель'), *кешелекле* 'человечный' (*кешелек* 'человечество'), *туклыклы* 'питательная' (*туклык* 'сыт(н)ость'), *эзмэ-эзлекле* 'последовательный' (*эзмэ-эзлек* 'последовательность').

Присоединяясь к определительным сочетаниям имен, афф.-*лы* создает сложные прилагательные: *бер катлы* 'бесхитрый, наивный' (*бер кат* 'одни слой'), *күп милләтле* 'многонациональный' (*күп милләт* 'много наций'), *тиң хокуклы* 'равноправный' (*тиң хокук* 'равные права').

Гораздо реже -*лы* присоединяется к именам действия на -(*ы*)/-(*е*)у. Возникающие при этом производные сохраняют в своем значении оттенок глагольности, не растворяющейся в общей семантике статической качественности, что сближает их по несколько противоречивой смысловой характеристике с причастиями: *егеүле* 'запряженный' — от *егеү* 'запрягание', *коршаулы* 'с обручем' — от *коршау* 'обтягивание обручем', *мактаулы* 'почетный' — от *мактау* 'хвала, восхваление'.

Весьма незначительно число производящих основ, в роли которых выступают названия цветов спектра, являющиеся древнейшими прилагательными в башкирском и других тюркских языках. В подобных случаях в значение новообразований с -*лы* привносятся не столько качественные, сколько количественные характеристики: *күкле-йәшелле* 'сине-зеленый' (*күк-йәшел* 'сине-зеленый'), *каралы* 'с черным фоном, с преобладанием черного цвета, темная материя' (*кара* 'черный'), *караңғылы-яктылы* 'сумеречный' (*караңғы* 'темный' и *якты* 'светлый'); *Ажлы ситса күлдәк кейзем* 'Я надела платье из светлого ситца' (*аж* 'белый').

Чисто количественную и даже числовую характеристику приобретают прилагательные с -*лы*, в основе которых лежат имена числительные, придающие всему комплексу значение точно определенной меры: *икеле* (*каса*) бот. 'двойная (чашечка)' — от *ике* 'два', *өсло* (*жагизә*) 'тройное (правило)' (мат.) — от *өс* 'три', *етеле галош* 'седьмой номер галош' — от *ете* 'семь'.

Редки случаи образования прилагательных от наречия: *йәйәүле* 'пеший' — от *йәйәү* 'пешком'.

Древний афф. -*лы* в современном башкирском языке является высокопродуктивным дериватором, с помощью которого создаются все новые и новые имена прилагательные.

В связи с относительной бедностью собственно прилагательных в тюркских языках, довольно медленным расширением круга их основ, необходимых для создания новых слов, и (может быть, главным образом) потому, что во многие тюркские языки вошло большое число заимствований (в основном именных), афф. -*лы* стал с исключительной легкостью вовлекать в словообразование иноязычные основы. В результате этого очень интересного

¹ Здесь и далее цифровые данные об аффиксах приводятся по «Башкирско-русскому словарю» (М., 1958; далее — БРС).

² Сходную картину наблюдаем в близкородственном татарском языке, где по данным «Татарско-русского словаря» (М., 1966; далее — ТРС) 63% исконных основ образуют прилагательные с -*лы/-ле*, алломорфы же -*лы/-ло* по литературным канонам эксплицитно не актуализируются; 24% основ формируются за счет заимствований из русского языка и через русский, а 13% представляют собой арабизмы и фарсизмы. Ср. несколько иные подсчеты в кн.: Ганиев Ф. А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974, с. 160.

процесса в башкирском языке устоялись целые пласты слов, образованных от иноязычных основ при посредстве афф. *-лы*. . .

Так, от арабских основ образованы прилагательные: *вакытлы* 'временный' (араб. *вакыт* 'время'), *дәрәжәле* 'остепененный' (*дәрәжә* 'степень'), *кәзерле* 'дорогой' (*кәзер* 'почет, честь'), *нигезле* 'обоснованный' (*нигез* 'основа'), *серле* 'секретный' (*сер* 'секрет'), *хәйерле* 'счастливый' (*хәйер* 'милость'), *шартлы* 'условный' (*шарт* 'условие') и др.

От персидских имен образованы следующие прилагательные на *-лы*: *абруйлы* 'авторитетный' (от перс. *абруй* 'авторитет'), *данлы* 'славный' (*дан* 'слава') и т. д.

Примеры на прилагательные с афф. *-лы*, образованные от других заимствований родственных и неродственных языков: *бикле* 'запертый' (монг. *бик* 'запор (дверной)'), *буранлы* 'вьюжный' (монг. *буран* 'вьюга, буран'), *ныклы* 'твердый' (монг. *нык* 'твердый, прочный'); *дымлы* 'влажный' (фин. *дым* 'влага, сырость'), *ылысылы* 'хвойный' (удм. *ылыс* 'хвоя'); *боросло* 'перечный' (инд. *борос* 'перец'), *күперле* тех. 'мостовой' (гр. *күпер* 'мост'); *кәрәзле* 'сотовый' (и.-е. *кәрәз* 'соты'), *ынылы* 'распичтый жемчугом' (кит. *ыны* 'жемчуг').

Наиболее широко представлены дериваты от основ, заимствованных из русского языка. Так, еще задолго до революции в башкирские говоры проникли и стали производящими основами такие слова, как: *мүкле* 'мшистый' (*мүк* 'мох'), *парлы* 'парная' (*пар* 'пара'), *рәтле* 'порядочный' (*рәт* 'ряд, порядок').

Особенно многочисленны послеоктябрьские образования на *-лы*. . .: *автономиялы* 'автономная', *авторитетле* 'авторитетный', *гарантиялы* 'гарантийный' и др.

Общая семантика всех прилагательных на *-лы* — «обладающий тем, что мотивировано основой»³.

-hez/-hыз, -hoz/-hөз. Из 308 прилагательных, образованных данным аффиксом, отмечено 139 слов на *-hez*, 136 слов на *-hыз*, 18 слов на *-hoz* и 15 слов на *-hөз*. Здесь, как и в случае с афф. *-лы*, имеет место та же тенденция присоединения первой пары вариантов аффиксов к большему количеству основ, включая почти все заимствованные.

Функция *-hez* в основном одина и сводится к обозначению отсутствия свойства или качества, названного основой, реже — неполноты его проявления. Таким образом, прилагательные с афф. *-hez* оказываются почти всегда антонимами по отношению к словам, произведенным от аналогичных основ при посредстве афф. *-лы*. . . Ср. *керhez* 'чистый, безупречный, невинный' (*кер* 'грязь'), *юнhez* 'бестолковый, непристойный' (*юнь* 'толк'); *Сикhez зәңгәр күктән әле ул, әле был ерендә, шаян күззәр кеүек бызылдашып, якты йондоzzар калктылар* (Г. Дәүләтшина) 'То в том, то в другом месте безграничного голубого неба, перемигиваясь как шаловливые глаза, появились светлые звезды' (*сикhez* от *сик* 'граница'). Данный аффикс присоединяется большей частью к именным основам, образуя прилагательные со значением привативности.

Однако в редких случаях он присоединяется и к глагольным основам: *аяһыз* 'беспощадный' (*ая-* 'жалеть'), *яраһыз* 'непригодный' (*яраш-* 'соответствовать'); ср. также *булдыкһыз* 'беспомощный' от архаического имени действия *булдык* 'бытие, натура'⁴, *тоткарһыз* 'бесперебойный' (*тоткар* 'препятствие')⁵.

В качестве основ для образования прилагательного с афф. *-hez* могут выступать и местоимения: *Дуҫтар, hezhez йәшәү күңелhez* (М. Хәй) 'Друзья, без вас житье безрадостно'.

³ Пясичин В. Ш. Обладательный падеж. — Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1975, с. 41—42; Ганиев Ф. А. Указ. соч., с. 160; ср.: Проспект «Грамматики современного башкирского литературного языка». Уфа, 1974, с. 35.

⁴ Раблов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911, т. 4, с. 1852 (далее — РСл.).

⁵ М. Ясичин считает это слово монголизмом: *Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki, 1969, S. 502.*

Прилагательные с данным аффиксом довольно широко участвуют в создании парных слов (как и их аналоги с *-лы*): *йортһоз-ерһез* 'бездомный', *осһоз-кырыйһыз* 'бескрайний' и т. п.

Производные прилагательные с иноязычными основами: *асфальтһез* 'без асфальта, неасфальтированный' (фр. *асфальт*), *келәймәһез* 'неклеяемый' (сканд. *келәймә* 'клеимо'), *рәхимһез* 'безжалостный, беспощадный' (ар. *рәхим* 'милость'), *абруйһыз* 'неавторитетный' (перс. *абруй* 'авторитет'), *намыһыз* 'бесчестный' (перс. *намыс* 'честь') и т. п.

Неологизмы на *-һез* не столь многочисленны в сооставлении с терминами на *-лы*, да и то речь идет скорее о новых значениях — переосмыслении свободных словосочетаний, фразеологических выражений, чем о ранее не существовавших лексических единицах: *билдәһез* 'неопределенный', *шаһитһез* лингв. 'неочевидное' (время).

Афф. *-сан/-сән*. Из 120 прилагательных с данным аффиксом 75 оформлены вариантом *-сан*, а 45 — *-сән*. Прилагательные на *-сан* обозначают склонность предмета (часто одушевленного) к действию, либо к другому предмету, мотивированному основой. Они образуются преимущественно от глаголов: *оялсан* 'застенчивый' (*оял-* 'стыдиться'), *эйәрсән һөйләм* лингв. 'придаточное предложение' (*эйәр-* 'следовать, присоединяться'). Причем более продуктивно образование от имен действия на *-(ы)у/-(е)у*, особенно путем калькирования: *мауығыусан* 'увлекающийся' (*мауығыу* 'увлечение'), *ыуалыусан* 'рассыпчатый' (*ыуалыу* 'рассыпание, крошение'), *ышанмаусан* 'недоверчивый' (*ышанмау* 'недоверие') и др.

Прилагательные на *-сан/-сән*, образованные от имен: *талымсан* 'разборчивый в еде' (*талым* 'привередничество'), *уйсан* 'задумчивый' (*уй* 'дума'), *һуғышсан* 'боевой' (*һуғыш* 'бой'), *һүзсән* 'словоохотливый' (*һүз* 'слово'), *эшсән* 'трудолюбивый' (*эш* 'работа').

Иногда в качестве основ фигурируют заимствованные имена: *талапсан* 'требовательный' (ар. *талап* 'требование'), *хезмәтсән* 'трудолюбивый' (ар. *хезмәт* 'труд').

Афф. *-ғы/-ге, -го/-гө, -кы/-ке, -кө/-кө*. В «Башкирско-русском словаре» отмечено 107 прилагательных с указанным аффиксом (на *-ғы* — 37, *-ге* — 25, *-кы* — 19, *-ке* — 13, *-кө* — 6, *-гө* — 4, *-кө* — 2, *-го* — 1).

Присоединяясь к разнообразным основам, этот восьмивариантный аффикс образует относительные (*nomina relativa*) имена прилагательные, характеризующие признак предмета с точки зрения его положения в пространстве и времени. Отсюда функционирование данного аффикса со значением: 1) обладание пространственно-временной характеристикой, названной в основе; 2) нахождение внутри, либо в пределах объекта основы; 3) результат действия, мотивированного основой.

В первом значении им образованы прилагательные от имен, наречий и глагольных форм: *һуңғы* 'последний' (*һуң* 'конец, поздно'), *тубәнге* 'нижний', *йәйге* 'летний', *арткы* 'задний', *кышкы* 'зимний', *азаккы* 'последний', *киске* 'вечерний', *ситке* 'крайний', *өскө кейем* 'верхняя одежда', *төшкө* 'полуденный', *бөгөнгө* 'сегодняшний', *төнгө* 'ночной', *көзгө* 'осенний', *боронго* 'древний' и т. п.

Второе — инессивнос — значение всему комплексу придает аффикс местного падежа *-да/-дә, -за/-зә, -ла/-лә, -та/-тә* в сочетании с афф. *-ғы*: *ағымдағы* 'текущий' (*ағымда* 'в течении'), *бындағы* 'здешний' (*бында* 'здесь'), *һыуағы* 'находящийся в воде' (*һыуа* 'в воде'), *тирә-яктағы* 'окрестный' (*тирә-якта* 'в окрестности'), *йөрәктәге* 'находящийся в сердце' (*йөрәктә* 'в сердце'), *күктәге* 'находящийся в небе' (*күктә* 'в небе').

В языке сохранились пережиточные случаи присоединения рассматриваемого аффикса к форманту древнего аллатива — дательного-направительного падежа — *-(ға)ры* с элизией финального гласного основы: *элгәрге* (*йыл*) 'прошлый (год)' (*элгәре* 'прежде'), *юғарғы* (*жат*) 'верхний (этаж)' (*юғары* 'высоко').

Как и от падежных словоформ, прилагательные на *-ғы* способны образоваться и от основ, представляющих собой косвенные формы глагольного

залога, прежде всего возвратного на *-ын/-ен, -он/-он*. В этом случае они получают такие значения, как «свойство характера», «результат действия», «потенция к акту» и т. п.: *кабарынкы* 'нышний' (*кабарын* 'пушиться'), *һалынкы* 'отвисший' (*һалын* 'ошуститься, обвиснуть').

Когда же залоговые формы актуализируют свои не столько грамматические, сколько лексические значения, становится возможным выделять автономный афф. *-ынкы*. (о нем см. ниже, «Сложные аффиксы»).

Встречаются и прилагательные, образованные непосредственно от «чи-стых» глагольных корней (т. е. от прямого залога): *менге* (*ат*) 'верховая (лошадь)' (*мен* 'сесть верхом'), *һоҫко* (*көрәк*) 'совковая (лопата)' (*һоҫ* 'черпать').

Посредством афф. *-ғы* образованы немногие неологизмы: *ахырғы* (юрид.) 'окончательный' (ар. *ахыр* 'конец'), *йәйенке* (*мөйөш*) (мат.) 'тупой (угол)' (*йәйен* от *йәй* 'развернуть').

Афф. *-дай/-дәй, -зай/-зәй, -лай/-ләй, -тай/-тәй*. Этот по существу наречный аффикс, иногда квалифицируемый и как формант уподобительного падежа имен существительных, может конверсироваться в показатель прилагательных, единственным условием чего выступает синтаксическая позиция определения, в которой оказывается форма на *-дай*: *башмактай* 'с годовалую телку' (*башмак* 'годовалая телка'), *имәндәй* 'как дуб' (*имән* 'дуб'), *таузай* 'как гора, с гору' (*тау* 'гора'), *төймәләй* 'с пуговицу' (*төймә* 'пуговица'). Этот аффикс способен присоединяться практически к любым основам существительных, семантика которых допускает сравнение.

Рассмотренные пять аффиксов обладают наиболее развернутыми парадигмами алломорфов — в среднем по пяти на один словообразовательный тип. Что же касается структурно-схематических моделей, то их только две: СГС (54% всего материала) и СГ (46%). 10 аффиксальных модификаций варьируют лишь по линии гласных (две по их рядности и восемь еще и по лабиализации), 16 учитывают и консонантные различия (поровну между передне- и заднеязычными согласными).

Всего посредством небольшого числа высокопродуктивных показателей в башкирском языке образовано свыше 1500 слов, что составляет почти половину прилагательных, представленных в «Башкирско-русском словаре».

Афф. *-лык/-лек, -лөк/-лок*. В БРС представлено три варианта этого аффикса: *-лык* (38 слов), *-лек* (21), *-лок* (3). Ср., однако, *һоҫколок* (*һан*) 'рукоятка, предназначенная для совка' (от *һоҫко* 'совок').

Основы прилагательных с этим показателем относятся преимущественно к именным и, в меньшей мере, глагольным и наречным формам.

Общая смысловая структура прилагательных на *-лык* включает в себя почти всегда обязательную схему «рассчитанный на то, что выражено основой». Внешним оформителем подобных конструкций выступает обычно числовое определение перед прилагательным: (*бер*) *кабымлык* (*ит*) '(один) кусок (мяса)', букв. 'рассчитанный, чтобы откусить один раз' (от *кабым* 'откусывание'); (*кырж*) *сакрымлык* (*ара*) 'сорокаверстное расстояние' от *сакрым* 'верста').

Прилагательные, мотивированные временными основами, числового определения могут не принимать: *азналык* (*запас*) 'недельный (запас)', *айлык* (*журнал*) 'ежемесячный (журнал)', *йыллык* (*дүңгәләк*) 'годовое кольцо (дерева)', *мәңгелек* (*дан*) 'вечная (слава)'.

Афф. *-лык* придает словам значение направленности и приспособленности: *кейемлек* (*материя*) 'материя для одежды' (*кейем* 'одежда'), *эйәлек килеш* (грам.) 'притяжательный падеж' (*эйә* 'хозяин'); *Мәһәрлек мал табырмын*, *Таңсулпан* (К. Даян) 'Я добуду состояние для выкупа невесты, Тансулпан'.

К этой функции весьма близки конструкции типа «причастие будущего времени на *-ыр/-лык*» в значении «способный, годный для выполнения действия, обозначенного основой»: (*бер*) *яғырлык* (*утын*) 'дрова на (одну) растопку' — от *як* 'топить (печку)'; *Уның ҡалған ғүмеренә етерлек нағрат бирерҙәр* (М. Ғафури) 'Ему дадут награду, достаточную на всю оставшуюся

жизнь' (етерлек от *ет-* 'хватать, доставать'). Ср. также отрицательную форму на *-мас*: *онотолмаслык* (*вакига*) 'незабываемое (событие)' — от *онотол-* 'быть забытым'.

Достаточно продуктивно в последние десятилетия афф. *-лык* образует прилагательные от заимствованных основ: *докторлык* (*диссертация*) 'докторская (диссертация)', *ярзамлык* (*һүҙ*) 'служебное (слово)' — от перс. *ярзам* 'помощь'.

Афф. *-к/-к, -ык/-ек, -ок/-ок*. Этим аффиксом образовано свыше 60 прилагательных — около 30 слов на *-к*, до 15 на *-ык*, 5—6 на *-ок*, *-ек* и одно слово на *-ок*: *өтөк демократия* (полит.) 'урезанная демократия' (от *өт-* 'палить', перен. 'урезать').

Присоединяясь к глагольным основам, этот аффикс дает производное большей частью пассивного значения — результат действия, выраженного основой: *Тымык* (*океан*) 'Тихий (океан)' — от *тым-* 'утихать', *бозок* 'испорченный' — от *боз-* 'портить', *йомок* (*фигура*) (матем.) 'замкнутая (фигура)' — от *йом-* 'смежить, сомкнуть', *тонок* 'прозрачный' — от *тон-* 'отстояться (о жидкости)'.

Особую группу составляют прилагательные, образованные от вторичных глагольных основ со значением звуко- и образоподражания: *ғырылдак* (*тауыш*) 'хриплый (голос)' — от *ғырылда-* 'храпеть', *сыйылдак* (*бала*) 'писклявый (ребенок)' — от *сыйылда-* 'пищать', *серелдәк* (*қош*) 'щебетливая (птица)' — от *серелдә-* 'щебетать'.

Изредка в качестве словообразующих основ выступают имена, в том числе и глагольные: диал. *йокәк* 'тоненький' — от *йока* 'тонкий', *кысқак* 'совсем короткий' — от *кысқа* 'короткий'.

Афф. *-сыл/-сел, -сөл*. Первые два алломорфа образуют по 16 прилагательных, афф. *-сөл* лишь два: уст. *кәлсөл тупрак* 'подзолистая почва' — от *кәл* 'зола' и *кәнсөл қатын* 'ревнивая женщина' — *кәңлә-* 'ревновать'. Данный аффикс присоединяется к именным основам и образует прилагательные со значением склонности к тому, что выражено основой, чаще всего с указанием на душевные свойства человека, свойства его характера: *ваксыл* (*кеше*) 'мелочный (человек)' — от *вак* 'мелочь', *изгелкәсел* 'благотестивый' — от *изгеләк* 'благоденствие', *кунәксыл* 'гостеприимный' — от *кунәк* 'гость'. Ср. также *иртәсел* (*әтәс*) 'ранний петух' — от *иртә* 'утро, рано'.

Характерно, что в башкирском языке, а также в татарском третья часть всех слов с этим аффиксом составляют производные иноязычного происхождения: *бизәсыл* 'капризный' — от русск. *биза* 'беда', *бәләсел* 'бедовый, скандальный' — от перс. *бәлә* 'беда', *дәғүәсел булмаған* 'непритязательный' — от ар. *дәғүә* 'тяжба', *енәйтәсел* (*элемент*) 'преступный (элемент)' — от ар. *енәйт* 'преступление', *кыйбатсыл* (*һатыусы*) '(продавец) запрашивающий повышенную цену' — от араб. *кыйбат* 'дорогой', *хыянәтсыл* (*рәүештә*) 'предательским (образом)' — от араб. *хыянәт* 'предательство, измена'.

К числу неологизмов относятся *ленинсел* (*милли политика*) 'ленинская (национальная политика)' — от имени собственного *Ленин*.

Афф. *-ғыс/-гес, -кыс/-кес, -гәс/-кәс*. С помощью этого аффикса образовано свыше 30 прилагательных: на *-ғыс* — 15 слов, *-кес* — 7, *-кыс* — 6, *-гес* — 4, *-гәс* — 1. В речи встречаются варианты с *-гәс* и *-кәс* (в ВРС они не отмечены): *тонсоқторғәс* (*газ*) 'удушливый (газ)', от *тонсоқтор-* 'удушить', *откәс* (*кеше*) 'придирчивый, дотошный (человек)' — от *өт-* 'опалить', *йонсоқкәс* 'изпурительный' — от *йонсоқ-* 'изпурять'.

Прилагательные на *-ғыс* образуются от глагольных основ и выражают свойство, связанное с действием, обозначенным основой: *башланғыс* 'начальный' — от *башлан-* 'начаться', *кәр йыуғыс* (*машина*) 'стиральная (машина)' — от *йыу-* 'мыть', *ял(ы)қтырғыс* 'утомительный, нудный', от *ял(ы)қтыр-* 'утомить', *цәрткәс* 'опьяняющий' — от *цәрт-* 'пьянить', *сереткәс* (*бактериялар*) 'гнилостные (бактерии)' — от *серет-* 'гноить', *әсеткәс* (*матдәләр*) 'дубильные (вещества)' — от *әсет-* 'квасить' и др.

Афф. *-ма/-мэ*. На каждый вариант данного аффикса в БРС дается более 20 образованных от глаголов прилагательных со значением признака процесса или результата действия: *башкарма* 'исполнительный' — от *башкар* 'исполнять', *йыйылма* (команда) 'сборная (команда)' — от *йыйыл* 'собираться', *койма* (ямгыр) 'проливной (дождь)' — от *кой* 'лить', *өстәмә* (сығымдар) 'накладные (расходы)' — от *өстә* 'добавить', *һайланма* (әсәрҙәр) 'избранные (произведения)' — от *һайлан* 'избираться', *һһалма* 'искусственный' — от *һһал* 'делаться'.

Афф. *-как/-кэк, -гак/-гэк*. Около 20 прилагательных с этим аффиксом употребляются в значении «склонный к тому, что мотивировано глагольной основой»: *оскак* 'летучий' — от *ос* 'лететь', *йәбешкэк* 'липкий' — от *йәбеш* 'липнуть', *һөзгэк* 'бодливая' — от *һөз* 'бодать', *тузгак* 'растрепанный, непричесанный' — от *туз* 'растрепаться'. Он присоединяется преимущественно к глаголам, но изредка и к именным основам: *аскак* (*кеше*) 'не насытанный (человек)' — от *ас* 'голодный'.

Афф. *-сак/-сэк*. Более 10 прилагательных с этим аффиксом образуется как от именных, так и от глагольных основ со значением склонности к проявлению того, что выражено производящей основой: *уйысак* (*бала*) 'игривое (дитя)' — от *уйын* 'игра', *елкенсэк* (*тәбиғәт*) 'порывистая (натура)' — от *елкен* 'порываться'; *оронсак* (*ат*) 'игривая лошадь'.

Афф. *-сык/-сек*. Этот аффикс, вероятно, связан с предыдущим, что подтверждается близостью формы и семантики. Однако он образует не более 10 прилагательных от глагольных основ исключительно возвратного залога: *өйрәнсек* (*малай*) 'мальчик-подмастерье' — от *өйрән* 'учиться', *буталсык* 'запутанный' — от *бутал* 'запутаться', *болғансык* 'мутный' — от *болған* 'мутиться'.

Афф. *-һыу/-һоу*. Присоединяясь к основам имен существительных, этот аффикс образует прилагательные со значением признака, соотношенного с предметной семантикой основы: *көлһыу* (*тупрак*) 'подзолистая (почва)' — от *көл* 'зола', *көлһоу* (*ер*) 'супесчаная (земля)' — от *көл* 'песок', *яманһыу* 'грустный' — от *яман* 'зло'. Образованные от названий цветов спектра и их оттенков прилагательные имеют значение «обладающий в уменьшенной степени качеством мотивирующей основы»: *акһыу* 'беловатый' — от *ак* 'белый', *алһыу* 'румяный' — от *ал* 'алый', *зәңгәрһыу* 'голубоватый' — от *зәңгәр* 'голубой', *көрәнһыу* (*күз*) 'карий (глаз)' от *көрән* 'бурый'.

Этот аффикс насчитывает всего 11 производных. Ср. его диалектный вариант *-һеу*: *киңерһеу* (*аи*) 'плохая на вкус (еда)'.

Афф. *-са/-сэ*. Присоединяясь к именным основам, этот аффикс образует около 10 прилагательных со значением ограниченности качества, выраженного основой: *какса* 'сухопарый' — от *каж* 'сухой, худой', *озонса* 'продолговатый' — от *озон* 'длинный', *уртаса* *буйлы кеше* 'человек среднего роста' — от *урта* 'середина', *һалкынса* (*ел*) 'прохладный (ветер)' — от *һалкын* 'холод(ный)'.

Благодаря некоторой контаминации *-са/-сэ* с оморфным дериватором наречий, башкирский язык пополняется относительными прилагательными типа *башкортса* — *русса* (*һүзлек*) 'башкирско-русский (словарь)' — от *башкорт* 'башкир' и *рус* 'русский', *геологтарса* (*тағьылым*) 'геологическая (споровка)' — от *геологтар* 'геологи', *коммунистарса* (*ҡараи*) 'коммунистическое (воззрение)' — от *коммунистар* 'коммунисты', *ҡаһармандарса* (*көрәш*) 'героическая (борьба)' — от *ҡаһарман* 'герой', *мөйөшсә* (*тизлек*) физ. 'угловая (скорость)' — от *мөйөш* 'угол'.

Афф. *-ак/-эк*. Фонетически и семантически этот аффикс близок аффиксу *-ж*, однако согласно тюркологической традиции он рассматривается отдельно. В башкирском языке он образует около 10 прилагательных со значением ослабленного конечного результата действия, мотивированного глагольной либо именной основой: *бакырак* (*һыйыр*) 'мычащая (корова)', от *бакыр* 'орать', *бушак* (*тығыи*) 'слабая (пробка)' — от *буш* 'пустой, свободный', *еңмешэк* (*бала*) 'неуступчивый (ребенок)' — ср. *ең* 'побеждать', *өркэк* 'пугливый' — от *өрк* 'пугаться' (о животных), *тәпәшэк* 'приземистый' — ср.

тәпәй 'ножка', 'лапка', ултырак (тормош) 'оседлая (жизнь)' — от ултыр- 'сесть', шешәк (кәзә) 'дважды окотившаяся (коза)' — от шеш- 'опухать', куркак 'пугливый, трусливый' — от курк- 'бояться'.

Афф. -даш/-дәш, -заш/-зәш, -лаш/-ләш, -таш/-тәш. Этот аффикс образует от исконных либо заимствованных именных основ, преимущественно от существительных, прилагательные (в том числе и неологизмы) со значением общности, сходства или подобия с семантикой производящей основы: билдәш (кәзә) '(коза) с пояском шерсти другого цвета вокруг живота' — от бил 'поясница', оялаш (һүзәр) (лигв.) 'одногнездные (слова)' — от оя 'гнездо', системалаш (телдәр) 'односистемные (языки)', союздаш (республикалар) 'союзные (республики)', үзәктәш (туңәрәктәр) (матем.) 'концентрические (круги)' — от үзәк 'центр.' Ср. также артылаш йөн (костюм) 'полушерстяной (костюм)' — от арты 'пловина'.

Афф. -(ы)у. Омоморфен аффиксу отглагольных имен, переходящих в существительные и прилагательные: арыу (егет) 'неплохой (парень)' — от *ар 'чистить'⁶ (ср. эрсе- 'обчищать'), йонсоу (көн) 'пасмурный (день)' — от йонсо- 'утомиться', макау (кеше) 'неспособный (человек)' — ср. диал. макаһын- 'не уважать', лит. макта- 'хвалить', сағыу (жыңғырау) 'звонкий (колокольчик)' — от сак- 'жалить', татыу (йәшәу) 'дружное (житье)' — от тат 'сладость', һаркыу (юл) 'покатая (дорога)' — от һарк- 'клониться'.

Афф. -ыр/-ер, -ор/-өр, -р. Этимологически причастные формы с этим аффиксом, утратив процессуальность, образуют отглагольные прилагательные, постепенно утрачивающие связь с мотивирующей основой: алтмыш йәшәр (жарт) 'шестидесятилетний (старик)' — от йәшә- 'жить', ауыр 'тяжелый' — от ау- 'валиться' (?)⁷, кайнар (һыу) 'кипящая (вода)' — от кайна- 'кипеть', кумыр (малай) 'неугомонный (мальчуган)' — ср. кумар- 'выкорчевать', куңыр 'бурый' — ср. куңыз 'жук', кутыр (егет) 'чванливый (джигит)' — от куп- 'лопнуть', кысыр (аш) 'постный суп' — от кыс- 'жать, теснить', мөтәр (колак) 'корноухий' — ср. чаг. мут 'клоп' (?)⁸, сағыр (диал. сәгер) (күз) 'водянистые (глаза)' — ср. сағыу 'яркий', сыбар 'пестрый' — ср. сыба 'домотканый халат', этн. токор ойок 'короткий чулок, носок' — ср. тоғ 'мешок' и тоған 'узел, петля', шағыр (йылан) 'серая (змея)', ср. выше сағыр; һужыр 'слепой'.

Афф. -ай/-әй. Преимущественно отыменный аффикс, не отмеченный в специальной литературе по башкирскому и татарскому словообразованию. Формально и семантически сближается с наречными и отчасти глагольными дериватами: вакай (ир) 'пунктуальный (мужчина)' — от вак 'мелкий', диал. колакай (жарт) 'глухой (старик)' — от колак 'ухо', кулай (әш) 'сподручное (дело)' — от кул 'рука', ирон. самаһыз-сапатай (тел биштәһе) 'не знающий меры (говорун)', сатай-ботай 'корявый' — от сат 'развилка', ситай 'белобрысый' — от сит 'чужой' с примечательным нарушением нереднерядного сингармонизма, что свидетельствует об инновационном характере самой реалии, тикәй (көн) 'будничный (день)' — от тик 'просто', уңай 'удобный' — от уң 'правый, выгодный', ямакай (бишмәт) 'заплатанный (бешмет)' — от ямак 'заплата', диал. яндырай (егет) 'пылкий (джигит)' — ср. яндыр- 'сжечь, спалить'. Ср. также мөтрәй (әт) 'корноухий (пес)'.
Постоянным признаком продуктивности всех рассмотренных аффиксов является их регулярная воспроизводимость по четырем сингармоническим каналам, причем во всех без исключения случаях ведущим оказывается принцип рядности. В половине словообразовательных моделей учитывается лабиальность; менее типичным выглядит использование вариативности по тоновости и сонорности. В трех аффиксах использован вокалический нуль.

Самым распространенным морфологическим составом продуктивных аффиксов выступает трехлитеральный — СГС (59%), за которым следует

⁶ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974, с. 185.

⁷ См. также: Севортян Э. В. Указ. соч., с. 85—86.

⁸ Räsänen M. Op. cit., p. 348.

два двойных оформителя — СГ (20%) и ГС (16%), замыкается же ряд моноконсонантным аффиксом — С 5%.

Количество слов, образованных последними 15 аффиксами, вряд ли превышает 300, однако вместе с первыми четырьмя оно достигает едва ли не двух третей общего числа прилагательных в современном башкирском языке.

МАЛОПРОДУКТИВНЫЕ АФФИКСЫ

Афф. *-ыс/-ес*. Производящими основами для него служат глаголы главным образом в форме возвратного залога. Небольшое количество образуемых им прилагательных, выражает главным образом эмоциональные признаки: *ерәнес* 'отвратительный, омерзительный' — от *ерән* 'брезговать', *журкыныс* 'страшный' — от *журкын* 'страшиться заранее', *кызғанис* 'жалкий, жалобный' — от *кызған* 'жалеть'.

В следующих словах представлены глагольные основы нулевой залоговости: *ашығыс* 'скорый' — от *ашыж* 'спешить' и *тыныс* 'спокойный' — от *тын* 'утихать'.

Афф. *-ыш/-еш, -ош, -иш* — отглагольный, с признаковым значением результата действия или процесса, обозначенного основой: *белеш* 'знакомый' — от *бел* 'знать', *борош* (*ағас*) 'закрученное (дерево)' — от *бор* 'крутить', *салыш* 'кривой' — от *сал* 'резать; захлестывать', *таныш* (*журенеш*) 'знакомый (вид)' — от *тан(ы)* 'узнавать', *ығыш* (*кеше*) 'медлительный (человек)' — от *ыж* 'клониться', *йыуаш* 'смирный' — *йыуан* 'утешаться'.

Неологизмы: *өнокшаш һәм һынокшаш һүзәр* 'звуко- и образоподражательные слова' — от *окша* 'быть похожим'.

Афф. *-кыр/-кер, -көр, -ғыр/-гер*. От глагольных основ этим аффиксом образованы немногие прилагательные со значением повышенной способности, моментальной реакции на мотивированное действие: *откор* 'сметливый' — от *от* 'выиграть, уловить', *тапкыр* (*һүз*) 'меткое, находчивое слово' — от *тап* 'найти', *һизгер* (*әсә*) 'чуткая (мать)' — от *һиз* 'чувать', *алкыр* 'проворный' — от *ал* 'брать, взять', *уткер* (*һүз*) 'острое (слово)' — от *ут* 'проходить', *йылғыр* 'подвижный, пронырливый' — от *йыл* 'ползать, вертеться'⁹, ср. *йылан* 'змея'.

Афф. *-ым/-ем, -өм* образует названия качеств и свойств по действиям или состояниям, обозначенным основами, в роли которых выступают глаголы, а также образные и звукоподражательные слова: *айырым* 'отдельная' — от *айыр* 'отделять', *бер бешерем* (*ит*) '(мясо) на одну варку' — от *бешер* 'варить', *өзәрем* (*юл*) 'заброшенная (дорога)' — от *өз* 'прерывать'.

Афф. *-һак/-һәк* — отыменный, близкий по форме и значению к рассмотренному ранее *-сак/-сәк*: *ашамһак* (*кеше*) 'любящий поесть (человек)' — ср. *ашамлык* 'провизия', *карһак* (*төлкө*) 'степная (лисица)' — от *кар* 'снег' (?)¹⁰.

Афф. *-кыл/-кел, -көл* наблюдается в нескольких прилагательных отыменного и отглагольного происхождения: *баткыл* (*урын*) 'топкое (место)' — от *бат* 'тонуть', *өскөл* (*хат*) 'треугольное (письмо)' — от *өс* 'три', *сөскөл* (*там*) 'пресноватый (вкус)' — ср. *сөсө* 'пресный', *төпкөл* 'глубокий' — от *төп* 'дно'.

Афф. *-дыж/-дек* сохраняется как пережиточное (огузско-кыпчакское?) явление в немногих именах прилагательных с пассивным значением. В качестве производящей основы выступают преимущественно глагольные (косвенно-залоговые) формы: *табылдыж* 'найденный' — от *табыл* 'найтись', *ташландыж* 'заброшенный'.

Афф. *-ғылт/-келт, -ғолт* — отыменный, придает прилагательным главным образом со значением цветов спектра оттенки уменьшения или смяг-

⁹ Räsänen M. Op. cit., p. 200.

¹⁰ Ср.: Щербак А. М. Познавая домашних и диких животных в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 135; Немет Ю. Два кыпчакских географических названия в Венгрии. — В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 26—29.

чения: *йэшкелт* 'зеленоватый' — от *йэш* 'молодой; зеленый', *кызгылт* (*энэлек*) бот. 'крово-красный боярышник' — от *кыз* 'горячий, красный', *эскелт* 'горьковатый' — от *эсе* 'горький'.

Афф. *-ан/-эн* — отглагольный, обнаруживается в нескольких прилагательных со значением характеристики действия, названного в основе: *ицэн* 'здоровый' — от *иц-* 'дуть', *кыс* (*ан*) (*ер*) 'тесный (участок)' — от *кыс-* 'сжать, теснить', *сабан* (*ат*) 'ленивая (лошадь)' — от *сап-* 'скакать', *нүрэн* 'сыроватый, недопеченый', перен. 'нерадивый' — ср. *нурел-* 'охлаждаться'.

Афф. *-һыл/-һел* — отыменный показатель прилагательных со значением ослабления качества: *акһыл* 'белокурый, беловатый' — от *ак* 'белый', *күһел* 'синеватый' — от *күк* 'синий', *уйһыл* 'низменная местность' — от *уй* 'дол', *һуһыл* (*емеш*) 'водянистый (плод)' — от *һуу* 'вода'.

Афф. *-ғыс/-жас/-жэс* образует прилагательные от имен: *атажас* (*малай*) 'похожий на отца (мальчик)' — от *ата* 'отец', *яланғас* 'голый, не одетый тепло' — от *ялан* 'открытый', *кыйғас* 'кривой, угловатый', ср. *кыйык* 'косяк'.

Афф. *-ын/-ен, -өн* — отглагольный, часто спаянный с непроизводной основой: *ағын* (*һуу*) 'проточная (вода)' — от *ак-* 'течь', *бөтөн* (*алма*) 'целое (яблоко)' — от *бөт-* 'кончать', *йэшерен* (*урын*) 'потайное (место)' — от *йэшер-* 'прятать', *һауын* (*һыйырзар*) 'дойные (коровы)'. Ср. также неразложимые ныне *акрын* 'медленный', *озон* 'длинный' и др.

Афф. *-ар/-эр* — отглагольный, близкий по значению (а в говорах — и омоформный) форманту причастия будущего времени на *-ыр/-ер, -ор/-ор, -р* (ср. выше): *ағар* (*күл*) 'сточное (озеро)' — от *ак-* 'течь', *быуар* (*йылан*) 'удав (змея)' — от *быу-* 'душить', *ицэр* 'глупый' — ср. *ицер-* 'пьянеть', *янар* (*газ*) 'горючий (газ)' — от *ян-* 'гореть'; *ужар* (*кеше*) 'свирепый (человек)', *сибэр* 'симпатичный, красивый'.

Пеологизм: *жушар* (*һуҙәр*) лингв. 'парные (слова)' — от *жуш-* 'соединять'.

Афф. *-л* встречается редко, присоединяется к именным основам, оканчивающимся на *-(е)нсе*, поэтому его иногда смешивают с *-сел*: *беренсел* (*материал*) 'первичный (материал)' — от *беренсе* 'первый', *икенсел* (*осор*) 'вторичный (период)' — от *икенсе* 'второй'. Ср. также *марксистик-ленинсел* 'марксистско-ленинский'.

Афф. *-меш*, присоединяясь к глагольным основам положительного и отрицательного аспектов, образует названия человеческих качеств: *йэшэмеш* (*жарт*) 'живучий, жизнестойкий (старик)' — от *йэшэ-* 'жить', *белмэмеш* (*кеше*) 'несведущий (человек)'.

Афф. *-ғын/-ген* — отглагольный, генетически связанный с формантом причастия прошедшего времени *-ған/-гэн, -жан/-кэн*: *азғын* 'избалованный' — от *аз-* 'озорничать, вести себя вызывающе', *кискен* 'резкий' — от *кис-* 'резать', *кыуғын* (*малсылык*) 'отгонное (животноводство)' — от *кыу-* 'гнать', *талғын* 'умеренный' — от *тал-* 'утомиться'.

Афф. *-дэр/-тар* встречается в прилагательных *саптар* (*ат*) 'игреневая (лошадь)' (по М. Рясанену, — монголизм в значении 'белая лисица'¹¹), диал. *телдэр* (*бала*) 'говорливый (ребенок)' — от *тел* 'язык'.

Афф. *-дам/-дэм, -зэм* сочетается с основами — мотивированными глаголами и числительными: *йылдам* (*егет*) 'проворный (парень)' — от *йыл* 'ползать, вертеться', *күлдэм* 'шклядистый' — от *кун-* 'соглашаться', *берзэм* 'дружная, сплоченная' — от *бер* 'один'.

Афф. *-ақ/-әс* (имеет фонетические варианты *-әз/-әс, -с*, не всегда канонизируемые литературным языком и потому рассматриваемые как непродуктивные формативы): *еләс* 'прохладный' — от *ел* 'ветер', *тунақ* 'грубый' — ср. *тунай-* 'выдаваться шишкой'.

Афф. *-мақ/-мәк* содержится в отглагольных прилагательных, конверсированных из общетюркских инфинитивов(?): *һалмақ* 'неторопливый' — от *һал-* 'класть' и *кэйелтмәк* (*юл*) 'раскатистая (дорога)' — от *кэйелт-* 'заставить скользить'.

¹¹ Räsänen M. Op. cit., p. 94.

Афф. *-ка/-кэ* присоединяется не только к глагольным, но и к именным основам: *башка* 'другой' — от *баш* 'голова'¹², *бүскэ* (*жунэк*) 'неполная (кадка)' — от диал. *бүс-* 'обвалить, продавить, разорвать', *кыска* 'короткий' — от *кыс-* 'жать', *сөңкэ* (*казан*) 'глубокий (котел)' — ср. *сөм* 'глубокий (о посуде)'. Ср. также *пескэ* 'тонкий' и диал. *сомжа* (*койрок*) 'куцый (хвост)'

Афф. *-шы* присоединяется к глагольным и именным основам: *калма-каршы* 'контрастный, диаметрально противоположный', — от *кар-* 'кончаться, смешаться'¹³, *күпшы* 'щеголоватый' — от *күп-* 'подняться'¹⁴, *кытыршы* 'шероховатый' — от *кытыр* 'шероховатость', *шакшы* 'поганый, крайне грязный' — ср. диал. *шакай* 'глупый, бестолковый', *якшы* 'хороший', от *як-* 'соединять, приближать'¹⁵.

Афф. *-а/-э* — отыменский, выражающий качество, представленное производящей основой как стабильный признак предмета: *ала* 'пегий, пестрый' — от *ал* 'алый' (ср. тюрк. 'оранжевый' и — по Г. Вамбери — просто 'окрашенный')¹⁶, *бөзрә* 'кудрявый, вьющийся' — от *бөз(ә)р* 'рябой', *иркә* 'изнеженный' от *ир(ә)к* 'свобода, воля'; ср. *кола* (*ялан*) 'голая, пустынная (степь)' и диал. *коба* (*каз*) 'дикий (гусь)'

Афф. *-ыл/-ел* присоединяется к непроизводным ныне основам: *йәшел* 'зеленый' — от *йәш* 'зеленый, незрелый'; *кызыл* 'красный'. Ср. *еңел* 'легкий'.

Афф. *-лы* — отглагольный, обнаруживаемый в *ялы* (*халык*) 'бедный (народ)' — от *ял* (?), *йылы* (*жатын*) 'вертливая (женщина)' — от *йыл-* 'вертеться, ползать', *һаллы* (*колаж*) 'вислоухий' — от *һал-* 'класть, опускать'. Ср. диал. *саллы* (*кеше*) 'злой (человек)'

Афф. *-шак/-шәк* образует прилагательные от разных частей речи: *көпшәк* (*жар*) 'рыхлый (снег)' — ср. *көплә-* 'покрыть сверху', *шапшак* 'неряшливый' — от *шап-* 'хлоп' (?).

Афф. *-мек/-мык* образует от имен названия конкретных качеств: *тере-мек* (*жарт*) 'бодрый (старик)' — от *тере* 'живой', *һаз(л)амык* (*болон*) 'болотистый (луг)', ср. *һазлан-* 'становиться болотом'. Ср. также диал. *маймык* (*тал*) 'молодая гибкая (ива)' — ср. *маймы/маймак* 'малец'.

Афф. *-жай/-кәй* оморфен показателю уменьшительности-ласкательности, но расходится с ним по значению, будучи лишен диминутивной семантики: *аумакай* 'неустойчивый' — от *аума* 'опрокидывание', ср. диал. *әумәкәй* 'непостоянный'.

Афф. *-кыш* образует негативно-уничжительные наименования человеческих качеств: *тыңкыш* (*танау*) 'курносый (нос)' — ср. *тыңла-* 'слушать', *тыркыш* (*кеше*) 'печистоплотный (человек)' — ср. *тырна-* 'царапать, чесать'.

Афф. *-ләс* образует прилагательные со значением повышенного качества, мотивированного именной, либо глагольной основой: *берләс* (*бәрән*) 'единственный (баран), баран из пары' — от *бер* 'один', *киртләс* 'зазубренный, с зубьями' — от *кирт-* 'зарубать'.

Афф. *-тык* придает значению именной основы оттенок ограниченности, ослабленности: *йыуантык* 'толстоватый' — от *йыуан* 'толстый', *янтык* (*кеше*) 'кривобокый (человек)' — от *ян* 'лук' (оружие).

Афф. *-әү* встречается в отыменных прилагательных в ограничительно-временном значении качества: *кисәү* (*һыйыр*) 'поздно отелившаяся (корова)' — от *кис* 'вечер' и *тешәү* (*һарык*) 'двухлетняя (овца)' — от *теш* 'зуб', ср. еще диал. *тешәү* (*теш*) 'молочный (зуб)'

Афф. *-ыс/-ес* — отыменный: *кырыс* 'однечалый, дикий, неуравновешенный' — от *кыр* 'поле, грань', *тирес* (*як*) 'северная сторона' — ср. *тискәре* 'обратный', диал. *бүрес* (*эт*) 'зловредная (собака)' — от *бүре* 'волк' (?).

Афф. *-әл* выявляется в прилагательных *гүзәл* 'прекрасный, красивый' — ср. *күз* 'глаз' (?), и, возможно, в *теүәл* (*вакыт*) 'точное (время)'

¹² Räsänen M. Op. cit., p. 65.

¹³ Там же, с. 235.

¹⁴ Там же, с. 281.

¹⁵ Там же, с. 180.

¹⁶ Севортян Э. В. Указ. соч., с. 130.

Афф. *-ез/-ыз* преимущественно отглагольный: *етез* 'проворный' — от *ет-* 'достичь', *тығыз* 'тесный' — от *тыж-* 'втыкать', *һимез* 'жирный' — ср. *һимер* 'жиреть', *тигез* 'ровный' — ср. *тик* 'только, просто' (?)¹⁷.

Афф. *-рал/-рэ* трудно выделить из основы: *аңра* 'глухой' — от *аң-* 'сознание' — ср. монг. *аңгар* 'смеющийся с открытым ртом'¹⁸, *тура* 'прямой' — из ср.-тюрк. *тоғра* 'прямой'¹⁹, *һәррә* (*катын*) 'неряшливая (женщина)' — ср. *һәптән* 'чуждой, чудак'; возможно, сюда же относится и *шазра* 'рябой' — если это не связано с монгольским *шатара* из перс. *шатрандж* 'шахматы' (?)²⁰.

Афф. *-так/-тәк* зафиксирован как отыменный показатель: *баш-баштак* (*кеше*) 'своевольный (человек)' — от *баш* 'голова', *йыуантак* (*кәүзә*) 'толстоватое (туловище)' — от *йыуан* 'толстый', *тинтәк* 'бестолковый' — ср. монг. *тэнэг* в том же значении²¹, *аурынтак* (*бәһлеуән*) 'плечистый (силач)' — от *аурын* 'заплечье'.

Афф. *-дыр/-тыр, -тор/-төр* выделяется в звуко- и образноподражательных прилагательных: *былдыр* (*кеше*) 'быстро и невнятно говорящий (человек)' — ср. *былт-былт ит-* 'булькать', *йылтыр* (*күз*) 'с блестящими (глазами)' — ср. монг. *йыл-* 'сиять в отдалении'²². См. также *сомтор* (*пальто*) 'короткое, не по росту (пальто)' и диал. *сомтор* (*койрок*) 'куций (хвост)'.

Афф. *-шык/-шек, -шок*: *боршок* (*йылмайыу*) 'кривая (улыбка)' — от *бор-* 'свернуть', *ешек* 'слякотный, мокрый' — ср. *ебе-* 'мокнуть', *йәмшек* 'сплюснутый, вогнутый' — ср. *йәм* 'красота' и ее антоним *яман* 'дурной' (?), диал. *кыйшык* 'кривой' — от *кый-* 'косо срезать'.

Афф. *-быр*, присоединяясь к образным основам, образует прилагательные: *лаңбыр* (*сәс*) 'косматые (волосы)', *һалбыр* (*эт*) 'лохматый (пес)' — от *һал-* 'опускать' (?), *ялбыр* (*Алабай*) 'мохнатый (Алабай — собачья кличка)' — ср. *ял* 'грива'.

Афф. *-ғай* — отглагольный, выделяемый в прилагательных: диал. *салғай* (*күз*) 'косой (глаз)' — от *сал-* 'заплетать' ср. *салғы* 'коса', *ыңғай* 'попутный, удобный, положительный' — от *уң-* 'быть удачным' (с переогласовкой по делябиализации)²³, *ялағай* 'лестливый, заискивающий' — от *яла-* 'лизать'.

Афф. *-нак* образует прилагательные от глагольных основ: *аунак* 'неустойчивый' — от *ау-* 'опрокинуться', *йыйнак* 'уютный, собранный' — от *йый-* 'собрать', *тыйнак* 'послушный' — от *тый-* 'унять'.

Афф. *-най* встречается преимущественно в разговорной речи: *ыспай* 'опрятный, элегантный' — от *еҫ* 'дух' (?) с переогласовкой по ряду²⁴, диал. *һумнай* (*азымдар*) 'тяжеловесные (шаги)' — ср. *һум ит* 'мякоть', *торнай* (*күз*) 'грубое (слово)' — от *тор-* 'стоять (торчком?)'.

Афф. *-нак* выделяется в составе сросшихся основ: *кырпак* (*кар*) 'пушистый (снег)' — ср. *кырау* 'заморозки', *тырпак* (*мыйык*) 'торчащие (усы)' — ср. *тырна-* 'царапать, чесать', *ялпак* (*таш*) 'плоский (камень)' — ср. *ял* 'отдых' (?)²⁵.

Афф. *-ий* — отглагольный формант в *быйы* (*икмәк*) 'недопеченый (хлеб)' — от звукоподражания *бис*, *кыйы* (*күз*) 'косой (глаз)' — ср. *кылан-* 'кривляться', *һырый* (*бәндә*) 'живучий (человек)' — от *һыр-* 'облепить'.

Афф. *-тын/-тен* — отглагольный по происхождению, сохраняющийся при двусложных основах: *йәшертен* 'секретный' — от *йәшер-* 'таить', диал. *урытын* (*ер*) 'укромное (место)' — ср. *урын* 'место'²⁶; *ақтырын* 'скрытый'.

¹⁷ См. также: Räsänen M. Op. cit., p. 470.

¹⁸ Räsänen M. Op. cit., p. 21.

¹⁹ Там же, с. 484.

²⁰ Там же, с. 440.

²¹ Räsänen M. Op. cit., p. 473.

²² Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения пострагических языков. М., 1971, с. 230.

²³ Севортян Э. В. Указ. соч., с. 457.

²⁴ Там же, с. 381.

²⁵ Räsänen M. Op. cit., p. 183.

²⁶ См.: Севортян Э. В. Указ. соч., с. 477—479.

Афф. -лэж — диалектный: *мүклэж* 'безрогий' — ср. в монг. *моку* 'недостаток'²⁷, *сэүсэлэж* 'привередливый' — ср. *сэүкэ* 'галка' (?)²⁸.

Афф. -с от названий родителей образует прилагательные со значением 'похожий, весь в . . .': *атас (малай)* '(мальчик вылитый отец' — от *ата* 'отец', *инэс (кыз)* 'дочка вылитая мать' — от *инэ* 'мать'.

Афф. -аз иногда рассматривается как вариант -эз/-ыз (см. выше): *быуаз (харыж)* 'суягная овца' — от *быу-* 'затягивать'; *аяз* 'ясный (о погоде)' — от *ай-* 'становиться ясным (как месяц)' (ср. *айыж* 'трезвый').

Афф. -бей/-бый: *кылтымбый (катын)* 'обидчивая (женщина)' — от *кылтым* — тжз и *үтембей (ур)* 'пропырливый (мужчина)' — ср. *үтемле* 'ходкий'.

Афф. -мөр/-мыр: *бөтмөр (эшсе)* 'аккуратный (работник)' — от *бөт-* 'кончать', *быжмыр (кеше)* 'медлительный (человек)' — ср. *быжыс-* 'увядать, преть'.

Афф. -пан/-пэн. Формы с этим аффиксом семантически разошлись с самостоятельными однокорневыми словами: *карпан (колаж)* 'лопоухий' — ср. *карпы-* 'плескаться (в воде), ловить на лету', *хулпэн* 'нерасторопный' — ср. *хул* 'сукровица', а также *хулы* 'вянуть'.

Афф. -тай представляет омонимичную морфему одного из вариантов сравнительного афф. -дай: *накалтай* 'бородатый' — от *накал* 'борода', диал. *хумалтай (кеше)* 'грубый (человек)' — ср. *хумалаж* 'ком глины'.

Афф. -һыр/-һэр от одной и той же основы в разных говорах образовал морфонемические модификации с характерным нарушением рядноподъемного сингармонизма: *аумаһыр* и *аумәһэр (кеше)* 'непостоянный, легко подверженный влиянию (человек)' — от уст. *аума* 'опрокидывание'.

*

Данный подраздел — самый многочисленный по словообразовательным типам (54) и их разновидностям (106). Однако в отличие от продуктивных групп аффиксов здесь обнаруживается гораздо меньше сингармонических парадигм — собственно, ни одной полной, если не считать бинарных оппозиций *а/э*. Появляется новый тип дериватов-одиночек (-аз, -быр, -гай, -кыш, -а, -меш, -наж, -най, -с, -тай, -шы, -эл и др. — всего 19, т. е. более трети).

Как и в прежних рубриках, ведущим структурным комплексом является СГС (59% всего материала), далее следует ГС (28%), С (5%), СГ и СГСС (по 3%), Г (2%). Кстати, две последние схемы представляют собой новые морфонемические модификации.

Среднее же количество слов, образованных внутри каждой модели, не превышает двух, часто совпадая с наличием у нее алломорф.

Явная узость круга непродуктивных прилагательных, усугубляемая к тому же довольно ограниченной семантикой, — это, как правило, названия разных черт психического склада или внешности живых существ (большей частью негативного свойства), несколько компенсируется значительной пестротой самих дериваторов, так что общее количество слов подобного разряда в башкирском языке никак не менее 250—300 (до 10% всех прилагательных).

НЕПРОДУКТИВНЫЕ АФФИКСЫ

Здесь рассматриваются разрозненные форманты, встречающиеся каждый лишь в одном прилагательном, причем именные и глагольные основы могут быть как непроезводными, так и производными, а сами аффиксы — простыми и сложными: *йомарт* 'щедрый, радушный' — от *йом-* 'сомкнуть', *елбэгэй (сарафан)* '(сарафан) разлетайка' — от *ел* 'ветер', *һыргый (урман)* 'корабельный (лес)' — от *һыр* 'грань, узор' (?), *иңкеү* 'покатый' — от диал. *иң-* 'нагнуться', *берләм (юл)* 'единственная (тропка)' (ср. также диал. *берләм (жәмә)* 'цельнодолбленная (лодка)' и лит. синоним

²⁷ Räsänen M. Op. cit., p. 347.

²⁸ РСл., 3, с. 1942.

берзам — от *бер* 'раз, один', *итлэс* 'мясистый' — от *ит* 'мясо', *һазмат* (*ер*) 'кочковатая (земля)' — от *һаз* 'болото', *йылымсы* 'тепловатый' (ср. диалектную метатезу *йылымсы* 'тепленький', а также сложный аффикс в *йылымса* — см. ниже), *тоғро* 'верный' — ср. куман. *тоғру* 'прямой', а также *тура*, *кулсыр* (*һатыусы*) 'нечистый на руку' — от *кул* 'рука', *тыңсыу* 'затхлый' — от *тын* 'дыхание', *илэс-милэс* 'шалльной' — от *илэ* 'выделывать кожу'; *йөнтэс* 'мохнатый' — от *йөн* 'шерсть' (см. также выше афф. -лэс), *танһык* (*аш*) 'еда) пришедшая по вкусу пз-за давнего ее употребления) — от *тан* 'отказаться' (?), *акһым* (*матдә*) 'белковое (вещество)', *акшар* (*малай*) 'белобрысый (мальчик)' — от *ак* 'белый', *күкшел* 'синеватый' — от *күк* 'сизый', *емшеу* (*шыйжса*) 'теплая (жидкость)' — от *ем* 'корм', *куркам* 'прелестный' — от *курк* 'красота', *көлэс* 'любящий смеяться' (жизнерадостный) — от *көл* 'смеяться', *яңғыз* 'одинокий', — от общеалт. *йал/йан* 'одинокий' ²⁹.

Среди диалектных дериватов отметим *һазберек* 'привередливый' — от перс. *һаз* 'нега', *һиңмай* (*кеше*) 'тупой (человек)' — ср. *һиңке* - 'трястись', *елэз* (*көн*) 'ветреный (день)', ср. также лит. *елэс* — от *ел* 'ветер'.

Из прилагательных со сложными аффиксами представлены одиночные производные *алабарман* и его синоним *алаңжуһар* (*кеше*) 'опрометчивый (человек)' — от *ал* 'обман, хитрость' ³⁰, *йол*(*л*)*макай* (*буйһоноусы*) 'подхалимствующий (подчиненный)' — ср. *йол* - 'спасать', *жуңалтак* 'нищенский' — ср. *жуңыс* 'голенище', *кылымһыр* 'своенравный' — от *кыл* - 'делать', *һумалтыр* 'неуклюжий' — ср. диал. *һум* 'карбункул', *тилэскәу* (*һыйыр*) 'блудливая (корова)' — ср. диал. *тил* - 'приучать сосать другую матку' и др.; *карағускыл* 'темного оттенка' — от *һара* 'черный' (ср. тат. *кучкыл* 'черноватый').

В данном подразделе количество аффиксальных типов равно числу их вариантов (по 32 единицы). В то же время здесь представлены наиболее разнообразные структурные схемы аффиксов: от четырех уже известных -СГС (52%), -ГС (10%), -С и -СГ (по 3%) до 6 новых — большей частью двух- и даже трехсложных (всего 32%).

Общее количество слов, образованных по непродуктивным моделям, может быть увеличено в несколько раз за счет привлечения диалектизмов, сохранивших немало уникальных дериватов.

СЛОЖНЫЕ АФФИКСЫ

Определяющую роль в решении вопроса, какой аффикс считать сложным, призван сыграть семантико-грамматический критерий, а именно возможность реального функционирования связанных основ в речи. Например, аффиксы, представленные в словах *йыуынты* (*һыу*) 'помойная, букв. обмывочная (вода)' и *һөрөнтө* (*ер*) 'пахотная (земля)', квалифицируются по-разному: в первом случае — простой афф. -ты при сложной основе *йыуын* - 'умыться', во втором — сложная морфема -өнтө при корне *һөр* - 'пахать'. Иное понимание затруднено из-за смысловых ограничений: -ынты при нейтральном корне *йыу* - 'мыть', не способствует негативной семантической окраске всего комплекса, а -тө практически не приложим к основе *һөрөн* - 'слоткнуться', поскольку последняя уже существенно отделилась от всей исходной семантики — 'пахота'.

Ниже рассматриваются некоторые типические проявления сложных аффиксов прилагательных, находящихся в стадии становления и упрочения.

С внешней стороны почти все они состоят из двух слогов. Продуктивность рассматриваемых типов очень мала, колеблясь от шести до двух (одиночные образования приведены выше).

Афф. -малы/-мәле. Не все производные с данным окончанием считаются содержащими сложный аффикс. Если в языке существует соответственно именная база на -ма, то она может быть осложнена простым формантом

²⁹ Räsänen M. Op. cit., p. 187.

³⁰ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 193.

-лы: так образована *боролмалы* 'извилистый' — от *боролма* 'извилина, изгиб'. Но, например, *асмалы* (*шэм*) 'висячая (лампа)' может связываться с *ас* 'вешать' и/или *асма* 'отвес'.

Приведем бесспорные примеры на *-малы*: *йыйылмалы* 'складной' — от *йыйыл* 'собраться (при *йыйылма* 'совокупность')', *һыгылмалы* (*пружина*) 'гибкая (пружина)' — от *һыгыл* 'прогнуться', *ябылмалы* (*бусаж*) 'складной (нож)' — от *ябыл* 'быть крытым', *һутелмале* 'разборный' — от *һутел* 'быть разобранным'.

Афф. *-ыры/-ере, -оро/-өрө*. Часть основ этимологически затемнена и определяется с помощью внешней реконструкции: *йоморо* 'круглый' — от *йом* 'сжать в комок', *оторо* 'идуший наизуток' — от *от* 'выиграть', *бөкөрө* 'горбатый' — от *бөк* 'гнуть', *көмөрө* (*күпер*) 'горбатый (мост)' — метатеза от *бөкөрө, кәкере* 'кривой' — от ср.-тюрк. *кәк* 'ненависть'³¹.

Афф. *-ымһак/-мһэк* присоединяется к основе глагола: *йөрөмһэк* (*агай*) прон. 'непоседливый (дядя)' — от *йөрө* 'ходить, ездить', *кайтымһак* (*уку-усы*) 'непоследовательный ученик' — от *кайт* 'вернуться', *тартымһак* (*туган*) 'стеснительный (родственник)' — от *тарт* 'тянуть' (не нужно смешивать с омонимом *тартымһак* 'тянущийся к родне' — от *тартым* 'тяга, склонность, притяжение'). Ср. также малопродуктивный афф. *-һак/-һэк*.

Афф. *-калак/-гәлэк, -галак* — отыменно-отглагольный, имеющий тенденцию к смещению к простым афф. *-к*, нарацивающим глагольные основы на *-кала*: *аскалак* (*зат*) 'прожорливое (существо)' — от *ас* 'голодный', *көйгәлэк* 'беспокойный' — от *көй* 'горевать', *каскалак* (*һыйыр*) 'выбивающаяся из стада (корова)' — от *кас* 'убегать', *тайгалак* 'скользящий' — от *тай* 'скользнуть' (ср. диал. перен. *тайкала* — 'обмануть').

Афф. *-өнкә/-ынкы* отглагольный, имеющий аналог *-ке*, присоединяемый к основе возвратного залога: *төшөнкә* (*рух*) 'подавленное (настроение)' — от *төш* 'опускаться, падать', *кысынкы* 'узкий' от *кыс* 'жать, теснить'.

Афф. *-мтэл/-мтал* присоединяется к «чистым» глагольным основам, в случае же, если есть афф. *-м*, он трансформируется в *-тэл*. ∴ *арымтал* 'легко утомляющийся' — от *ары* 'уставать', *йөрөмтэл* (*ат*) 'ходкий (конь)' — от *йөрө* 'ходить, ездить', *өшөмтэл* (*йән зйәһе*) 'быстро мерзнущее (существо)' — от *өшө* 'мерзнуть'.

Афф. *-агай/-эгәй* — отыменный показатель в *берәгәй* (*һуҙ*) 'настоящее (слово)' — от *бер* 'один раз' и *кырагай* 'дикий' — от *кыр* 'поле, край'.

Афф. *-ака/-әкә* обнаруживается как отглагольный аффикс в *һалака* (*уку-усы*) 'нерасторопный (ученик)' — от *һал* 'класть, положить' (?), возможно, *мәркә* 'забавный', если это не рефлекс ар. *маррака* 'петь'.

Афф. *-ғары/-кәре* исторически представляет собой формант адитива в именах, возводившихся к позднепатюркским основам: *тысқәре* 'обратный, противоположный, упрямый' — от *тирес* 'вывороченный' с эффонической диерезой одного из двух одинаковых слогов *-ре*, *юғары* 'высокий' — от ср.-тюрк. *йок* 'поднятие', т. е. из *йок-қару*³².

Афф. *-ғырау* встречается в межтюркских производных от именных либо звукоподражательных основ: *кыңғырау* (*сәскә*) бот. 'колокольчиковый (цветок)' — от **кың-* (подражание звону?)³³. См. также *миңрәу* (**миңгерәу?*) 'глупый' — ср. *миңрәт* — 'оглушить'.

Афф. *-дыклы/-декле* состоит из двух простых аффиксов — отглагольного *-дык* и отыменного *-лы*: *белдекле* 'сведущий, знающий' — от *бел* 'знать', *булдыклы* 'способный' — от *бул* 'быть, стать'.

Афф. *-енте/-өнтө* — отглагольный: *һөрөнтө* (*ер*) 'пахотная (земля)', *һурөнтө* (*ен*) 'выдернутые из ткани (нитки)' — ср. диал. *һур* 'дергать (нитки из ткани)', а также *һур* 'вытягивать' (?).

Афф. *-елйем/-ылым* образует прилагательные от названий цвета со значением ослабления качества: *ағылым* 'белесый' — от *ак* 'белый', *күгелйем* 'сизый' — от *күк* 'синий'.

³¹ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

³² Räsänen M. Op. cit., p. 205, 476.

³³ См. РСЛ., 4, с. 286—288.

Афф. *-закай/-тэжэй* — пережиточная форма с неполной парадигмой: *елтэжэй* (*егет*) 'ветренный, легкомысленный (парень)' — от *ел* 'ветер', *тарзакай* (*ағас*) 'ветвистое (дерево)' — ср. *тара-* 'расчесать', *тарал-* 'расходиться'.

Афф. *-келтем/-келтом* диминутивный аффикс при названиях вкусовых качеств: *соскөлөтөм* 'пресноватый' — ср. *сөсө* 'пресный'; *эскелтем* 'кисловатый, горьковатый' — ср. *эсе* 'кислый, горький'. Ср. также малопродуктивный афф. *-ғылт/-келт*, *-голт*.

Афф. *-мса/-мсә* не типичен для сложных аффиксов, поскольку состоит из одного слога. Присоединяется к именным основам, смягчая их семантические признаки: *йылымса* 'тепленький' — от *йылы* 'теплый', диал. *тилемсә* (*кеше*) 'придурковатый (человек)' — от *тиле* 'шалый, дурной'. Ср. также его простые формы *-мыс* и диал. *-мсы* (см. выше, «Непродуктивные аффиксы»).

Афф. *-уыж* от образных и звукоподражательных глаголов с основами на *-а* образует прилагательные на *-ыж*, получающие во избежание хиатуса вставной гласный *-у* неслоговой. Формально может быть представлен и как наращение имени действия на *-дау*. . . : *дыңғырзауыж* (*арба*) 'громыхающая (телега)' — от *дыңғырза-* 'громыхать', *сылтырауыж* (*шишмә*) 'журчащий (ручей)' — от *сылтыра-* 'журчать', *ғырылдауыж* (*таушы*) 'хриплый (голос)' — от *ғырылда-* 'хрипеть', *ялтырауыж* (*жуңызар*) зоол. 'блестянки (жуки)'.

Здесь рассмотрено 17 сложных аффиксов с их 35 вариантами по рядности, увулярности (заднеязычности), лабиальности и т. д. (всего 7 оппозиций), в совокупности составляющих 11 структурно-схематических моделей: 3-СГСГС, по 2-ГСГ, -ГССГ, -ГССГС, -СГСГ, -ССГ и -ССГС, по 1-ГСГС, -СГС, -СГСССГ и -СГСССГ.

Всего с помощью данных конструктивных типов образовано около 50 прилагательных.

ЗАИМСТВОВАННЫЕ АФФИКСЫ

В связи со все возрастающими потребностями в номинации отношений между предметами и явлениями действительности в башкирском языке постепенно развивается ранее практически отсутствующая категория относительных прилагательных³⁴. Значительную роль в этом процессе играют заимствования.

С у ф. *-и*. Еще с дореволюционной поры и главным образом через посредство языка «тюрки» и старотатарского башкирский язык заимствовал несколько десятков арабо-персидских прилагательных с суффиксом относительности *-и* («йа-е нисби»): *ғилми* 'научный, ученый', *даими* 'постоянный', *жәтғи* (*бойорок*) 'категорический (приказ)', *матди* (*ярзам*) 'материальная (помощь)', *синфи* 'классовый', *тәбиғи* 'естественный', *фани* (*донъя*) 'бренный (мир)', *хосуси* (*милек*) 'частная (собственность)' и др. Все они появились первоначально не на башкирской языковой почве и должны рассматриваться как обычные лексические (а не «морфологические»³⁵) заимствования.

Однако благодаря одновременному освоению в башкирском связанных основ (предмущественно арабских имен существительных) современное языковое сознание вычлениет приблизительно в 20 единицах суффикс *-и*: *ғәскәри* 'воинский' (ар.-перс. *ғәскәр* 'войско'), *дини* 'религиозный' (ар.-перс. *дин* 'религия'), *ижади* 'творческий' (ар.-перс. *ижад* 'творчество'), *мәжбүри* 'обязательный' (ар.-перс. *мәжбүри* 'обязательный'), *рухи* 'духовный' (ар. *рух* 'дух'), *тарихи* 'исторический' (ар. *тарих* 'история').

Между основами, оканчивающимися на гласные, и показателями относительных имен во избежание зияния вставляется билабиальный *у/ү* (неслоговой), также являющийся фактом арабского языка³⁶: *мәғәнәүи* (*төҙөлөш*) 'смысловое (строение)' (ар.-перс. *мәғәнә* 'смысл'), *тәрбиәүи* (*әһәмиәт*) 'воспитательное (значение)' (ар.-перс. *тәрбия* 'воспитание').

³⁴ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 79—81.

³⁵ Кисебаев Ж. Ф. Башкорт теленең фонетикаһы. Оҫо, 1958, с. 108.

³⁶ См.: Ковалев А. А., Шарбатова Г. Ш. Учебник арабского языка. М., 1960, с. 92.)

От арабо-персидского этимона *фәни* 'наука' образовано прилагательное *фәни* (*хезмәт*) 'научный (труд)', а не *фәни*, как это кажется при сопоставлении с *фән*.

Лишь в псевдонимах национальной писательско-артистической интеллигенции, знакомой с элементами арабского словообразования, можно усмотреть наличие некоего заимствованного аффиксоида $-(y)u$, указывающего на прозвище (локальное, этническое и т. п.), образованное от местных антропонимических основ: *Фафури* 'Гафури' (букв. 'Гафурский'), *Нигмәти* 'Нигмати', *Тажу* 'Тажу', *Әмири* 'Амири' и др.

Ср. также дореволюционные образования от комонимов и этнонимов Урало-Поволжья: *Бакыргани* 'Бакыргани' (букв. 'Бакырганский, из Бакыргана'), *Ғәйнәүи* 'Гайнави' (букв. 'Гайнинский, из племени гайна'), *Соқорой* 'Соқорой' (букв. 'Соқорский, из аула Соқор'), *Әл-Башқурди* 'Ал-Башқурди' (букв. 'Башкирский, из башкир') и др.

А ф ф и к с о и д ы *-евой/-овой*, *-евый/-овый*, *-ный*, *-ский*. В башкирском языке значительное количество относительных прилагательных заимствовано из русского языка. Более 20 из них употребляется в русской грамматической форме: *актовый* (*зал*), 'актовый (зал)', *БАССР Верховный Совете* 'Верховный Совет БАССР', *земский (соброр)* 'земский (соброр)' и др.

Заимствованные прилагательные всегда имеют форму мужского рода, ср.: *строевой (часть)* 'строевая (часть)', *крепостной (право)* 'крепостное (право)', *камерный (музыка)* 'камерная (музыка)', *учредительный (собрание)* 'учредительное (собрание)', *штатский (кейем)* 'штатская (одежда)' и пр.

Суф. *-ик* (французского происхождения, в башкирский вошел довольно поздно. Особенно интенсивно прилагательные с суф. *-ик* начали заимствоваться из русского языка во время и после латинизации. В последние десятилетия по мере роста башкирско-русского двуязычия эти же прилагательные, образованные от интернациональных основ (встречающихся и как заимствованные существительные), стали осмысляться в башкирском языке как содержащие новый «суффикс», субституировавший русское окончание *-ический*: *дипломатик* 'дипломатический' — от *дипломат*, *туристик* 'туристический' — от *турист* и т. д.

Ныне в башкирском языке это единственный высокопродуктивный заимствованный формант (в БРС насчитывается до 200 слов на *-ик*): *ботаник* 'ботанический', *математик* 'математический', *политик* 'политический', *техник* 'технический'.

ДЕЗАФФИКСАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (НУЛЕВЫЕ АФФИКСЫ) ▬

В башкирский язык интернациональные основы относительных прилагательных проникли либо в неизменном виде, либо в усеченной форме, без русского окончания *-ный*. И в том, и в другом случае это привело к тому, что современный башкирский язык располагает ныне до 150 прилагательных, основы которых оканчиваются на *-аль* (свыше 80 слов), *-ион* (около 40), *-ар* (примерно 10), *-яр* и *-ель* (по 2—4) и *-иль*, *-ор*, *-юр*, *-яль* (по 1). Примеры: *-аль* — *коллегияль* 'коллегиальный', *материаль* 'материальный', *социаль* 'социальный', *формаль* 'формальный'; *-ион* — *агитацион* 'агитационный', *реакцион* 'реакционный', *традицион* 'традиционный'; *-ар* — *элементар* (*киҫкәкәләр*) 'элементарные (частицы)'; *популяр* 'популярный'; *-иль* — *стабиль* 'стабильный' и т. д.

СЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

К сложным прилагательным относятся парные прилагательные, составные прилагательные, прилагательные-сращения и прилагательные-повторы.

Они образуются синтаксическим и морфолого-синтаксическим способами с сочинительными и подчинительными отношениями основ. Сложения

с сочинительным отношением основ представлены парными прилагательными, все же другие сложные прилагательные характеризуются подчинительным отношением их компонентов.

ПАРНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Парные прилагательные образуются путем сложения двух самостоятельных прилагательных. Они обозначают единый признак, который в своей обобщенной совокупности семантически представляют слагаемые их основы. В свою очередь, основы подобных прилагательных могут быть как простыми, так и осложненными аффиксами.

1. В роли производящих основ выступают самостоятельные прилагательные и причастия, относящиеся друг к другу как антонимы: *аклы-каралы* 'белым-черным', *алай-былай эштар* 'такие-сякие дела', *сейле-бешиле* 'недопеченый', *уйынлы-ысынлы (һүз)* 'полушутливо-полуправдиво (сказанное)', *барлы-юклы* 'пустяковый, ничтожный', *килгән-киткән (кеше)* 'приезжие люди', *эреде-вакылы (сумазандар)* 'большие и маленькие чемоданы', *калынлы-нәзекле (тауыштар)* 'низкие и высокие голоса'.

2. В качестве основ выступают самостоятельные прилагательные и причастия, относящиеся друг к другу по значению как синонимы: *озон-узама (быскак ямғырҙар)* 'продолжительный (накрапывающий дождь)', *ошоҙ-кырыйһыҙ* 'бескрайний-бесконечный', *тәмле-татлы (азыҡ)* 'вкусная-превкусная (еда)'; *озон-озаҡ (йылдар)* 'долгие-долгие (годы)'.

3. Примыкают друг к другу два не состоящих между собой в синонимических или антонимических отношениях самостоятельных аффиксальных прилагательных, причем самым употребительным аффиксом выступает -лы: *аклы-күкле* 'бело-голубой', *аклы-кызыллы* 'бело-красный', *күкле-йәшелле* 'синеваго-зеленоватый', *карлы-ямғырлы* 'снежно-дождливый'.

4. Парные прилагательные образуются из парных существительных путем аффиксации: *ата-әсәле — аталы-әсәле (балалар)* 'имеющие родителей (дети)', *ел-дауыллы — елле-дауыллы (көн)* '(день) с ветром и бурей', *ел-ямғырлы — елле-ямғырлы (төн)* 'дождливо-ветренная (ночь)'.

При всей сложности и противоречивости толкования семантической структуры парных прилагательных, затрудняющих буквальный перевод на другие языки, все же могут быть выделены два значения: 1) разнообразие признаков, лежащих в основе обоих компонентов, 2) оттенок пренебрежительности, иронии или юмора по отношению к называемым качествам, свойствам.

В отличие от прилагательных-повторов оба компонента парных прилагательных имеют как бы равнозначное ударение³⁷: *кәкере-бөкөрө (саған)* 'весь искривленный (корявый клен)', *эреде-вакылы (алмалар)* 'крушые вперемешку с мелкими (яблоками)'.

5. Калькируются сложные прилагательные русского языка: *башкортса-русса (һүзлек)* 'башкирско-русский (словарь)', *ижтимағи-политик* 'общественно-политический', *марксистик-ленинсе* 'марксистско-ленинский', *фәнни-техник* 'научно-технический', *электронлы-исәпләү (машинаһы)* 'электронно-вычислительная (машина)'.

Парные прилагательные образуются также от существительных с помощью повторяющегося первого (*үз* 'свой') или второго (*ара* 'меж, между') компонента: *вуз-ара* 'межвузовский', *завод-ара* 'межзаводской', *континент-ара (ракета)* 'межконтинентальная (ракета)', *кала-ара (телефон)* 'междугородный телефон', *өлкә-ара* 'межобластной', *район-ара* 'межрайонный', *үз-ара* 'взаимный'.

³⁷ Ср.: Кукбаев Ж. Ф. Указ. соч., с. 189.

1. В прилагательных с опорным компонентом — непроизводным прилагательным в качестве первой, уточняющей, производящей основы выступают:

1) прилагательные в своей исходной форме: *ала кызыл (сәскә)* 'ало-красный, розовый (цветок)', *асык кызыл (кара)* 'ярко-красные (чернила)', *ераи ала (айғыр)* 'рыже-пегий (жеребец)', *зәңгәр йәшел (кулдәк)* 'синевато-зеленое (платье)', *зәңгәр күк (яулык)* 'небесно-голубой, сине-голубой (платок)', *күк ала (бейә)* 'сизо-пегая (кобыла)', *кара ала (жолон)* 'черно-пегий (жеребенок)', *кара күк (сумка)* 'темно-синяя (сумка)', *кара йәшел (костюм)* 'темно-зеленый (костюм)', *кара көрән (пальто)* 'темно-коричневое (пальто)', *кара туры (тай)* 'каре-гнедой, темно-гнедой (жеребенок-двухлетка)' и др.; тип продуктивен;

2) прилагательные в форме уменьшительной степени: *аһһыл зәңгәр* 'беловато-синий', *аһһыл күк* 'светло-голубой', *аһһыл йәшел* 'беловато-зеленый', *аһһыл көрән* 'бежевый', *алһыу зәңгәр* 'ало-голубой (лиловый)', *зәңгәрһыу кызыл* 'синевато-красный', *йәшкәлт һары* 'зеленовато-желтый', *күгәйлем кара* 'синевато-черный (сизый)', *карағускыла йәшел*, *караһыу йәшел* 'темно-зеленый', *карағускыла күк* 'темно-синий'; тип продуктивен (написание составных прилагательных в башкирском языке до сих пор не урегулировано, они пишутся то отдельно, то через дефис);

3) производные прилагательные на *-һыҙ*: *карағыһыҙ аҡты* 'светлый до того, что невозможно смотреть', *сикһез зур* 'безгранично большой'; *алһыһыҙ каты* 'беспощадно суровый', *сикһез зур* 'непомерно большой'; тип продуктивен;

4) производные прилагательные на *-тай*: *буреләй зур* 'большой как волк', *йылдай озон* 'длинный как год', *өйрәктәй һимез* 'жирная как утка', *таштай каты* 'твердый как камень', *имәндәй таза* 'здоровый как дуб'; тип продуктивен;

5) фразеологические сочетания: *ис китмәле матур* 'изумительно красивый', *ис киткес зур* 'поразительно большой', *кәт оҫҡос ямаҡ* 'ужасающе некрасивый', *үзәк өзгөс әсе* 'душераздирающе резкий'; тип продуктивен;

6) существительные в основном падеже: *тимер күк (бейә)* 'темно-сивая (кобыла)', *алма сыбар (юртаҡ)* 'серый в яблоках (рысак)'; тип этот непродуктивен, и подобные образования в башкирском языке встречаются редко;

7) сочетания существительного с прилагательным *төҫлө* 'цветной': *муйыл төҫлө кара* 'черный как черемуха', *сейә төҫлө кызыл* 'красный как вишня'. Тип продуктивен.

2. В прилагательных с опорным компонентом — аффиксальным прилагательным на *-лы* в качестве первой производящей основы выступают:

1) прилагательные в своей исходной форме: *аҡ ойокло* 'в белых чулках', *аҡ сәсле* 'седоволосый', *ауыр кәүҙәле* 'неуклюжий, грузный', *бейек табанлы* 'на высоких каблуках', *бөҙрә сәсле* 'с кудрявыми волосами', *зифа буйлы* 'со стройной фигурой', *зәңгәр күҙле* 'голубоглазый', *иске модалы* 'старомодный' *киң күкрәкле* 'с широкой грудью', *кара күҙле* 'черноокий', *кара кашлы* 'чернобровый', *кара тәнле* 'чернокожий', *кызыл сырайлы* 'краснолицый', *куйы кара мыйыклы* 'с густыми черными усами', *куңыр йөзлө* 'с загорелым лицом', *куңыр күҙле* 'с темными глазами', *кыска күңыслы* 'с короткими голенищами', *озон буйлы* 'высокорослый' и др.; данный тип высокопродуктивен; он очень широко употребляется в художественной литературе, в устном народном творчестве, в разговорной речи;

2) производные прилагательные в исходной своей форме: *асык йөзлө* 'с приветливым лицом', *асык күңелле* 'добродушный', *баҫалкы тәбиғәтле* 'со спокойным характером', *йәйенке битле* 'широколицый', *көслө елле* 'с сильным ветром', *йомшаҡ тәбиғәтле* 'мягкосердечный', *көслө ихтиярлы* 'с сильной волей', *күтәрәнке рухлы* 'с приподнятым настроением', *кызыу канлы* 'вспыльчивый', *кыркыу елле* 'с резким ветром', *кырлас танаулы* 'с продолговатым носом', *кысык күҙле* 'узкоглазый', *осло моронло* 'узконосый', *сығыңкы*

яцаклы 'с выступающими скулами', тынгыһыз тэбигэтле 'с беспокойным характером', уйсан карашлы 'с задумчивым взглядом', уткер күзле 'остроглазый', халкынса хауалы 'с прохладной погодой'; тип высокопродуктивен (первые компоненты этого и предыдущего типов могут употребляться в формах сравнительной и превосходной степеней: алһуу йөзлө 'румянолицый', ап-аж сәсле 'с совершенно седыми волосами', йәмшиегерәк танаулы 'немного курносый носом', кып-кыска пальтолы 'в очень коротком пальто');

3) существительные в основном падеже: агас һаплы 'с деревянной рукояткой', алтын укалы 'вышитый золотым позументом', бала йәнле 'простодушный', батыр йөрәкле 'храбрый', гәүһәр кашлы 'с вставленными бриллиантами', көрәк һакалы 'с лопатообразной бородой', тимер рәшәткәле 'с железными решетками', тимер табанлы 'на железных полозьях', һипкел битле 'с веснушчатым лицом'; тип высокопродуктивен;

4) простые числительные — количественные и разделительные: алты майошлө 'шестистенный', алты тәзрәле 'шестиоконный', бер ижекәле 'одно-сложное (слово)', бер шаршаулы (пьеса) 'одноактная (пьеса)', биш осло 'пятиконечный', егермешәр сажинле 'длиною в двадцать саженей', дүрт ишкәкле 'четырёхвесельная', ике асмалы 'двухстворчатый', ике этажлы 'двухэтажный', кырк градуслы 'сорокоградусный'; тип продуктивен;

5) составные числительные: ун биш сакрымлы (ара) 'пятнадцатикилометровое (расстояние)', ун дүрт катлы 'четырнадцатитажный'; тип продуктивен;

6) прилагательные-повторы: зур-зур сумазанлы 'с большими-большими чемоданами', матур-матур кулдәкле 'в красивых-красивых платьях', озон-озон сәсле 'с длинными-длинными волосами'; тип продуктивен;

7) наречия: аз балалы 'малодетный', аз ерле 'малоземельный', аз тиражлы 'малотиражный', аз тәжрибәле 'малоопытный', аз һүзле 'немного-словный', күп милләтле 'многонациональный', күп катлы 'многоэтажный'; тип продуктивен;

8) местоимения (указательные, определительные, неопределенные): бер нисә кырлы 'с несколькими гранями', ошо төслө 'такого цвета', әллә нисә төрлө 'многообразный'; тип малопродуктивен;

9) производные прилагательные на -лы: осло япраклы 'с остроконечными листьями', һипкелле битле 'с веснушчатым лицом', көслө куллы 'с сильными руками'; тип малопродуктивен;

10) причастия на -ған: ажайған күзле 'лупоглазый, с вытаращенными глазами', күгәргән йөзлө 'с синяками на лице'; тип малопродуктивен;

11) фразеологические сочетания: Күзгә төртһәң күренмәслек караңғы төйлө (көз) '(осень) с поразительно темными почвами', иң киткес моңло (өндәр) 'удивительно мелодичные (звуки)'; тип малопродуктивен.

3. В прилагательных с опорным компонентом — аффиксальным прилагательным на -ғы (образованным из формы местного падежа с аффиксом принадлежности или без него) в качестве первой основы могут выступать:

1) существительные в основном падеже: бакса тирәһендәге (үлән) '(трава) растущая около сада', газ хәлендәге (матдә) 'газообразное (вещество)', жәртә эсендәге (мал) 'находящийся за оградой (скот)', өй эргәһендәге 'находящийся рядом (с домом)', юл ситендәге 'находящийся около дороги'; тип продуктивен;

2) прилагательные простые и производные: ауыр осорзағы (тормош) '(жизнь) в трудный период', зәңгәр төстәге (лампочка) 'синего цвета (лампочка)', урта йәштәрзәге (катын) 'средних лет (женщина)'; тип продуктивен;

3) личные местоимения: милең яндағы (китап) 'лежащая около меня (книга)', улар эргәһендәге (бағана) 'находящийся около них (столб)'; тип продуктивен;

4) числительные простые и сложные: ун йәштәрзәге (малай) '(мальчик) десяти лет'; тип непродуктивен;

5) составные прилагательные: һарғылт кызыл төстәге 'желто-красного цвета', акһыл күж төстәге 'светло-голубого цвета'; тип непродуктивен.

4. В прилагательных с опорным компонентом — аффиксальным прилагательным на *-ғыс* в качестве первого компонента выступают существительные в винительном или дательном падеже: *баш(ты) катырғыс(зи)* 'головоломное (дело)', *баш(ты) әйләндергес (мәсәлә)* 'головокружительная (задача)', *иң киткес — иңте китергес* 'изумительный', *йөрәк(те) әрнеткес* 'щемящий сердце', *йөрәк(те) яргыс (өзгөс)* 'душераздирающий' и др.; тип продуктивен.

5. В прилагательных с опорным компонентом — прилагательным на *-лык*, образованных от основ существительных, прилагательных и причастий, в качестве первого компонента выступают:

1) числительные простые и усложненные разделительным аффиксом и составные: *бер ботлок (зер)* 'однопудовая (гиря)', *биш йыллык* 'пятилетний', *ете сәғәтлек* 'семичасовой', *илле йыллык* 'пятидесятилетний', *ике мең йыллык (тарих)* 'двухтысячелетняя (история)', *ике сәғрымлык* 'двухвостное', *ун биш йәшлек* 'пятнадцатилетний', *бишәр сәғәтлек (зи)* 'пятичасовая (работа)', *икешәр көнлек (азык)* '(продукты) на два дня', *берәр йыллык (запас)* '(запасы) на один год'; тип продуктивен;

2) существительные в форме основного или направительного падежа: *бармак йыуанлык* 'толщиной с палец', *баш зурлык (өй)* 'величиной с голову (дом)', *искә алмаслык (һүҙ)* '(слово), которое не стоит вспоминать', *кеше ышанмаслык (хәбәр)* '(известие), которому люди не поверят', *кәйеф кырылырлык (һүҙ)* '(слово), которое способно испортить настроение', *камсы озонлок* 'длиною с хлыст'; тип продуктивен;

3) деепричастия на *-ып*: *ашап бөтөрлөк (һылык)* '(кусок), который можно скушать', *басып торорлок (урын)* '(место) достаточно, чтобы стоять', *йоклап алырлык (вакыт)* '(время) достаточно для сна', *ырғып сығырлык (сожор)* '(рытвина), которую можно перепрыгнуть'; тип продуктивен;

4) сочетания существительных в форме второго изафета: *Таштуғайзың буйы жуй башы зурлык йоморо таштарзан ғибәрәт* (Ф. Дәүләтшин) 'Долина Таштугая состоит из круглых камней в е л и ч и н о й с овечью голову'; тип непродуктивен.

6. В прилагательных с опорным компонентом — прилагательным на *-дай* (образованных от основ существительных) в качестве первой основы используются:

1) существительное в основном падеже: *бала карлуғастай* 'величиною с детеныша ласточки', *бармак башындай* 'величиною с палец', *өй зурлығындай* 'величиною с дом', *тал сыбыжтай (жыз бала)* 'тонкая как ивовый прут (девочка)'; тип продуктивен;

2) прилагательные: *куш табактай (бит)* '(лицо) величиною с две тарелки'; тип непродуктивен.

7. В прилагательных с опорным компонентом — нумеративным словом в качестве первой основы выступают простые или составные числительные (количественные, разделительные или приблизительные): *бер иң (тақта)* '(доска) шириною в один палец', *бер-ике казак (май)* 'весом в один-два фунта (масло)', *бер-ике бөртөк (кеше)* 'один-два (человека)', *бер кабым (ит)* '(мясо) достаточно, чтобы взять в рот в один прием', *ете баш (һыйыр)* 'семь голов (коров)', *ике арба (бесән)* 'две телеги (сена)', *кырк һаба (жымыз)* 'сорок посуды (кумыса)', *есәр бот (арыш)* 'по три пуда (ржи)', *ун биш-егерме сәғрым (ер)* 'расстояние в пятнадцать-двадцать (верст)'. Тип продуктивен.

8. В прилагательных с опорным компонентом — прилагательным *самаһы* 'приблизительный' в качестве первого компонента выступают сочетания нумеративного слова (существительного) и числительного (простого или составного, количественного или разделительного): *бер йөк самаһы (бесән)* '(сено), которого будет примерно один воз', *егерме гектар самаһы (ер)* '(земля), которой будет примерно двадцать гектаров', *ике йөк самаһы (утын)* '(дрова), которых будет примерно два воза'. Тип продуктивен.

9. Особое место занимают прилагательные с опорными компонентами:

1) *валентле* '-валентный' (в химических терминах), т. е. способный соединяться с атомами другого элемента в пропорции, названной в первой основе: *бер (ике, өс, күп) валентле (элемент)* '(двух- трех-, поли-) одновалентный (элемент)';

2) *сортлы* '-сортный' (о товарах, изделиях), т. е. того или иного сорта *беренсе* (*икенсе*, *өсөнсө*) *сортлы* (*саңғы*) '(лыжи) первого (второго, третьего) сорта;

3) *сызамлы* '-упорный', '-стойкий', '-выносливый', т. е. не поддающийся воздействию того, что указано в первой части: *ауырлыкка сызамлы* (*кеше*) 'выносливый (человек)', *кышка сызамлы* (*арыш*) 'зимостойкая (рожь)', *утка сызамлы* (*кирбес*) 'огнеупорный (кирпич)', *әсегә сызамлы* (*металл*) 'жаростойкий (металл)'.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ-СРАЩЕНИЯ

1. В прилагательных-сращениях с опорным компонентом — прилагательным уточнительный компонент выражается:

1) местоимением *үз* 'сам': *үзәгшилы* (*һуғарыу*) 'самотечное (орошение)', *үзаллы* (*дәүләт*) 'самостоятельное (государство)', *үзйөрөшлө* (*комбайн*) 'самходный (комбайн)'; *Уны... үзһүзлә кешекәй тип йөрөгән булдылар* (Б. Бякбай) 'Его считали своевольным человеком';

2) существительным в основном падеже: *әскерлә* (*кеше*) 'коварный (человек)', *әскерһез* 'добродушный, доверчивый';

3) прилагательным: *акбуз* (*ат*) 'светло-серая (лошадь)'.

2. В прилагательных-сращениях с опорным компонентом — причастием уточнительный компонент выражается существительным: *атказанған* (*артист*) 'заслуженный (артист)', *елгыуар* (*әзәм*) 'ветренный (человек)'.

3. Прилагательные-сращения образуются калькированием сложных прилагательных, заимствованных из русского языка: *үзешмәкәр* (*түңәрәк*) 'самодеятельный (кружок)'; *Европала именлек һәм хезмәттәшлек өсөн Халык-ара комитете* 'Международный комитет за европейскую безопасность и сотрудничество'.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ-ПОВТОРЫ (РЕДУПЛИКАЦИЯ)

Прилагательные-повторы образуются прежде всего путем удвоения простых основ: *бәләкәй-бәләкәй* (*йылгалар*) 'маленькие-маленькие (реки)', *вак-вак* (*таштар*) 'мелкие-мелкие (камни)', *озон-озон* (*әскерттәр*) 'длинные-длинные (скирды)', *якшы-якшы* (*аттар*) 'хорошие-хорошие (лошади)' и т. п.

Удваиваются на таких же началах и аффиксальные прилагательные: *ашыгыс-ашыгыс* (*эштәр*) 'срочные-срочные (работы)', *көслө-көслө* (*егеттәр*) 'сильные-сильные (парци)', *төрлө-төрлө* (*ташмалар*) 'разные-разные (ленты)', *тынгыһыз-тынгыһыз* (*кешеләр*) 'беспокойные-беспокойные (люди)', *уткер-уткер* (*басактар*) 'острые-острые (ножи)' и т. п.

Существительные при таких прилагательных-повторах обычно употребляются во мн. числе: *матур-матур* (*күлдәктәр*) 'красивые-красивые (платья)', *куркыныс-куркыныс* (*төштәр*) 'страшные-страшные (сны)', *төрлө-төрлө* (*булулар*) 'разные-разные (краски)'.

Однако бывают случаи, когда существительное представлено в форме ед. числа, хотя выражает по существу мн. число: *буйлы-буйлы* (*тукыма*) 'полосатая-полосатая (ткань)', *тәмле-тәмле* (*аштар*) 'вкусная-вкусная (пища)'. Обе разновидности прилагательных-повторов очень продуктивны. Не могут удваиваться лишь прилагательные с афф. -кы: невозможны повторы типа *кисәге-кисәге* (*вакигалар*) 'вчерашние-вчерашние (события)', *кышкы-кышкы* (*көндәр*) 'зимние-зимние (дни)' и т. д.

Прилагательные-повторы широко образуются путем фономорфологического изменения редупликата, представляющего собой как бы эхо. Редупликат не имеет автономного значения, но усиливает семантику основного прилагательного: *ала-сола* (*изән*) 'пятнистый (пол)', *салыш-солош* (*имән*) 'весь перекошенный (дуб)', *һары-һары* (*үлән*) 'неровно-желтая (травя)'; *Артык-борток аксаңды йыя бар* (Г. Дәүләтшина) 'Накапливай свои лишние и прочие деньги'.

Редупликат стоит обычно после самостоятельного прилагательного: *каты-кото* (икмәк кичәктәре) 'твердые-засохшие (куски хлеба)'; *Минең алдымда батымус тултырып тәмле-томло аштар куйылған* (М. Кәрим) 'Передо мной поставлен поднос, полный вкусной-превкусной еды'.

Однако редупликат может изредка располагаться и перед самостоятельным прилагательным: *Йә без икәүләшеп икһез-сикһез дала буйлап стәкләшеп атлайбыз* (Ф. Иҫәнғолов) 'Или же мы вдвоем, взявшись за руки, шагаем по безграничной-бескрайней степи'.

Оба члена в повторах-прилагательных несамостоятельны, причем второй из них является морфонологическим вариантом первого: *аркыс-торкос* (утын) 'беспорядочно сложенные (дрова)', *иләс-миләс* (ел) 'шалной (ветер)', *такты-токо* (бесән) 'кое-какое (сено)', *урык-һурык* (эштәр) '(работа) урывками', *ыбыр-сыбыр* (балалар) 'маленькие (дети), мелюзга'.

К прилагательным-повторам могут быть отнесены случаи морфологизированного удвоения основ, из которых первая наращивается аффиксом исходного падежа и получает основное ударение, а вторая остается неизменной: *зурзан-зур* (йорт) 'большое-пребольшое (здание)', *кәсләнән-кәсло* (ир) 'сильный-пресильный (мужчина)', *яңылан-яңы* (эш) 'новая-преновая (работа)'.

Сюда же относится прилагательное-фразеологизм *берзән-бер* 'единственный', представляющее собой одно и то же существительное *бер* 'один' в исходном и основном падежах: *берзән-бер малай* 'единственный мальчик'.

Логическое ударение при прилагательных-повторах падает на первый компонент: *йыуан-йыуан* (бурәнәләр) 'толстые-толстые (бревна)', *зурзан-зур* (йорттар) 'большие-пребольшие (здания)', *озон-озон* (хаттар) 'длинные-длинные (письма)', *осо-осо* (кәләмдәр) 'острые-острые (карандаши)', *оясан-оясан* (кыздар) 'застенчивые-застенчивые (девушки)'.

Прилагательные-повторы могут быть образованы от повторов-существительных путем осложнения их афф. *-лы/-ле*: *тишек-тошоқло* // *тишекле-тошоқло* (кыйык) 'изрешеченная дырами (крыша)'; *Башкортостандың көпбайыш яғында, соҡорло-саҡырлы һәм ваҡ таулы Туймазы далаһында яңы кала тыуҙы* (К. Мәргән) 'На западе Башкирии в овражестой и холмистой степи возник новый город'; *Ул шау-шыулы көндәрҙе бик ярата ине* (Б. Ишемғолов) 'Она очень любила шумные дни'.

А Д Ъ К Т И В А Ц И Я

АДЪЕКТИВАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Особенно часто в разряд прилагательных переходят причастия на *-ған*.

В настоящее время многие причастия на *-ған* в башкирском языке, лишившись своего грамматического значения, перешли в ряды прилагательных с обозначением постоянного качества: *ашалған* (яр) 'размытый (берег)', *журған* (балык) 'жареная (рыба)', *танылған* (артист) 'известный (артист)', *тутлаган* (бысаҡ) 'заржавленный (нож)', *һырылған* (юрған) 'стеганое (одеяло)', *шымарған* (таш) 'гладкий, стертый (камень)'; *көйгән* (икмәк) 'подгорелый (хлеб)', *күмһегән* (һөт) 'подгорелое (молоко)', *өшөгән* (картуф) 'мороженный (картофель)', *серегән* (тирес) 'перепревший (перегонный)', *һөрһөгән* (ит) 'тухлое (мясо)'; *ауыртқан* (кул) 'больная (рука)', *кабыкқан* (бесән) 'прелое (сено)', *кәткән* (ер) 'затвердевшая (земля)', *көмокқан* (бал) 'засахарившийся (мед)', *журышқан* (жулдар) 'заскорузлые (руки)', *тутыкқан* (бысаҡ) 'заржавленный (нож)', *кыпкән* (кәр) 'высохшее (белье)', *кыттерелгән* (еләк) 'сушеные (ягоды)', *кисеккән* (юлы) 'запоздалый (путник)', *үткән* (йыл) 'прошлый (год)'.

Процесс активного перехода причастий на *-ған* в разряд прилагательных известен в башкирском языке с давних времен.

Переход причастия на *-(ы)р* в прилагательные встречается гораздо реже. В «Башкирско-русском словаре» зарегистрировано, например, единственное причастие на *-р*, которое перешло в разряд прилагательных: *кайнар* (һыу) 'кипяченая (вода)'.

Переход причастий на *-ыусы* в прилагательные в словаре не зафиксирован.

В разряд прилагательных переходят и другие глагольные формы, например основы глаголов: *алмаш (бригада)* 'сменная (бригада)' — от *алмаш-* 'менять', *аралаш (хан)* 'смешанное (число)' — от *аралаш-* 'смешиваться', *ауыш (ясылык)* 'наклонная (плоскость)' — от *ауыш-* 'наклоняться', *белеш (кеше)* 'знакомый (человек)' — от *белеш-* 'узнавать, справляться', *бойож (кыз)* 'печальная, грустная (девушка)' — от *бойож-* 'быть забитым, опечалиться, грустить', *бөрөш (ауыз)* 'сморщенный (рот)' — от *бөрөш-* 'сморщиться', *етеш (кеше)* 'проворный (человек)' — от *етеш-* 'быть обеспеченным', *йылы (һыу)* 'теплая (вода)' — от *йылы-* 'стать теплым', *йәшерен (урын)* 'потайное (место)' — от *йәшерен-* 'прятаться, укрываться, таиться', *кабалан (эш)* 'спешная (работа)' — от *кабалан-* 'спешить', *куш сәтләүек* 'двойной орех' — от *куш-* 'соединять, сливать', *кызык (уйын)* 'интересная (игра)' — от *кызык-* 'интересоваться', *ныкыш (егет)* 'настойчивый (парень)' — от *ныкыш-* 'упорствовать', *ойжаш (исемдәр)* 'сходные (имена)' — от *ойжаш-* 'сгущиваться', *өлгөр (малай)* 'прыткий, рьяный (мальчик)' — от *өлгөр-* 'успевать', *өшән (ат)* 'ленивая (лошадь)' — от *өшән-* 'утомляться', *серәш (ишәк)* 'упрямый (осел)' — от *серәш-* 'упрямиться', *сөрөш (бит)* 'морщинистое (лицо)' — от *сөрөш-* 'морщиться', *таныш (кеше)* 'знакомый (человек)' — от *таныш-* 'знакомиться', *туң (ер)* 'мерзлая (земля)' — ср. *туң-* 'мерзнуть', *тырыш (укусы)* 'прилежный (ученик)' — от *тырыш-* 'стараться', *шым (урын)* 'укромное (место)' — от *шым-* 'умолкать', *ыгыш (кеше)* 'медлительный (человек)' — от *ыгыш-* 'копаться, медлить', *ябыж (һыйыр)* 'тощая (корова)' — ср. *ябыж-* 'худеть, истощаться', *яңылыш (караш)* 'ошибочный (взгляд)' — от *яңылыш-* 'ошибаться'.

Адъективируются и имена действия на *-ыу/-еу*: *бәркәу (көн)* 'душный (день)', *иреу (ит)* 'мясо, которое начало таять', *йонсоу (мал)* 'утомленный, изнуренный (скот)', *кызыу (вакыт)* 'горячее (время)'; *Й о н с о у* аттар. . . *ауыл ягына ыңғайланьлар . . .* (Б. Бикбай) 'И з н у р е н н ы е лошади . . . направились в сторону деревни'.

АДЪЕКТИВАЦИЯ МЕСТОИМЕНИЙ

Семантически и функционально к прилагательным тяготеют многие указательные и некоторые неопределенные местоимения: *анауындай (күлдәк)* 'такое (платье)', *бындай (кағыз)* 'такая (бумага)', *бынауындай (китап)* 'такая (книга)', *ошондай (остәл)* 'такой (стол)', *тегендәй (урын)* 'такое (место)', *ундай (һыйыр)* 'такая (корова)', *шундай (сәскә)* 'такой (цветок)', *әллә һиндәй (кешеләр)* 'какие-то (люди)'.

Переход местоимений в прилагательные сопровождается приобретением ими некоторых категориальных признаков прилагательных, в частности степеней сравнения: *ошондайыраҡ (остәл)* 'вот такой примерно (стол)', *шундайыраҡ (сәскә)* 'вот такой примерно (цветок)', *әллә һиндәйерәк (кеше)* 'какой-то не такой (человек)'.

АДЪЕКТИВАЦИЯ НАРЕЧИЙ

Некоторые наречия в башкирском языке перешли в разряд прилагательных: *акрын (темп)* 'медленный (темп)', *алыс (ара)* 'далекое (расстояние)', *анһат (эш)* 'легкая (работа)', *арыу (кеше)* 'неплохой (человек)', *йыраҡ (ауыл)* 'дальняя (деревня)', *һулһән (кеше)* 'вялый, медлительный, неповоротливый (человек)'.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ

Степени сравнения прилагательных показывают различия в полноте проявления одного и того же признака в разных предметах и выражаются специфическими грамматическими показателями, отчасти же — лексическими средствами.

Нулевая, или исходная форма прилагательного, называемая положительной степенью, выражает качество, признак безотносительно к свойству дру-

гих предметов: *йәшел үлән* 'зеленая трава', *киң урам* 'широкая улица', *алдығы эйсе* 'передовой рабочий', *кискен көрәш* 'острая борьба', *уйсан караш* 'задумчивый взгляд' и др.

Сравнительная степень выражает признак предмета большей или меньшей интенсивности, чем признак другого предмета.

Сравнительная степень в башкирском языке образуется с помощью афф. *-рак/-рәк* (после основ на гласный звук): *әсе* 'горький' — *әсерәк* 'более горький', *-ырак/-ерәк*, *-орақ/-орәк* после основ на согласный: *йыуан* 'толстый' — *йыуанырак* 'толще', *бейек* 'высокий' — *бейегерәк* 'выше', *озон* 'длинный' — *озонорақ* 'длиннее', *сәм* 'глубокий' — *сәмерәк* 'глубже'.

Прилагательные с данными аффиксами выступают в следующих синтаксических функциях:

1) как предикат, обозначающий более сильный признак имени существительного в основном падеже, сравниваемого с именем в исходном падеже *Ағизел Димдән озонорақ* 'Агидель длинее Демы'; *Дөрөслөк кояштан я к ты рақ* (посл.) 'Правда светлее солнца'; *Һүз яраһы һеңгә яраһынан к а т ы р а қ* (посл.) 'Рана нанесенная словом, сильнее, чем нанесенная копьем';

2) как определение при другом определении — прилагательном, подчиненном имени существительному в форме основного падежа; формы на *-рак* в данном случае выражает несколько ослабленный признак по сравнению с основным значением³⁸: *шаҙрарақ битле кеше* 'человек с рябоватым лицом', *моңһоуырақ карашлы кыз* 'девушка с грустноватым взглядом'; *Киске һалкыһсаһрақ йомшаҡ һауа ерзе койондорған, паклаған* (Д. Юлтый) 'Вечерний мягкий прохладный воздух увлажнил и освежил землю'; *Хәләһезерәк ағастар, карзың ауырлығын күтәрә алмай, нәзек озон кәүзаләрен бөгәп ултыралар* (Ғ. Дәүләтшин) 'Тонкие деревья, не вынося тяжести снега, наклонили свои длинные стволы'; в этой же позиции прилагательное с афф. *-рак* может выражать и усиление признака сравниваемого предмета: *Миңә кызығырақ китап бирегез әле* 'Дайте-ка мне книгу поинтереснее'; *Шунда ла күңелдең көслөрәк яғы был кыздан алыслашыу яғында иһе* (Т. Иәнәби) 'Все же что-то более сильное в душе было за отдаление от этой девушки'; *Һин кем? — тил тағы ла к а т ы р а қ тауыш менән һораны тее малай* (Ф. Исәнғолов) 'Кто ты? — спросил тот мальчик погромче'.

В сходных конструкциях прилагательное может употребляться и без афф. *-рак*, при этом выражается не усиление или ослабление, а значительное преобладание в степени качества сравниваемых предметов³⁹. *Бала балдан татлы* (посл.) 'Дитя слаще меда'; *Һүз кылыстан үткер* (посл.) 'Слово острее сабли'; *Җамыр батыр . . . донъяла минән дә көслөрәк кеше бармы икән, тил уйлай, ти* (фолькл.) 'Җамыр-батыр думает: есть ли на свете человек сильнее меня'.

Конструкции с прилагательным на *-рак* и существительным в исходном падеже имеют морфолого-синтаксические синонимы с послелогатами *карағанда* 'в сравнении', *сағыштырғанда* 'по сравнению': *Курғаш тимергән ауырырак* 'Олово тяжелее железа' — *Курғаш тимергә карағанда ауырырак* — *Курғаш тимер менән сағыштырғанда ауырырак* 'Олово тяжелее по сравнению с железом' и т. п.

Афф. *-рак* употребляется не только с прилагательными. Он присоединяется: 1) к наречиям (*арырак* 'подальше', *тизерәк* 'побыстрее', *иртәрәк* 'пораньше'); 2) к деепричастиям на *-а/-ә*, *-й* (*етәрәк* 'приближаясь', *йәшгәйерәк* 'поживя', *торарақ* 'погода'), на *-ғас/-гәс*, *-кас/-кәс* (*тынғасырак* 'когда станет потише', *үткәсерәк* 'пемшого пройдя'); 3) к деепричастиям на *-п* (*абайлабырак* 'повнимательнее', *көтөбөрәк* 'погода'); 4) к существительным в про-

³⁸ Н. К. Дмитриев правильно отмечает, что афф. *-рак* может усиливать основное понятие и ослаблять его, как в туркменском и других тюркских языках. См.: Дмитриев Н. К. Указ. соч., с. 87.

³⁹ Исхаков Ф. Г. Имя прилагательное. — ИСГТЯ, ч. 2, с. 163.

страстных падежах и послелогам с пространственным значением (*сит-жэраж* 'немного в сторону', *ақтарак* 'чуть пониже', *урғә табанырак* 'вверх').

Сравнительную степень с афф. -*рак* не имеют относительные прилагательные, некоторые прилагательные, обозначающие масти животных (*бурыл бейә* 'чалая кобыла', *саптар ат* 'игренивый конь' и т. п.), слова со значением физического состояния живых существ типа *тере* 'живой', *үле* 'мертвый'.

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ УСИЛЕНИЯ И ОСЛАБЛЕНИЯ ПРИЗНАКА

Исходной форме прилагательного в лексико-грамматическом плане противопоставляются формы усиления интенсива и ослабления признака предмета. Они проявляются менее последовательно, чем сравнительная степень.

Интенсивность признака выражается редупликацией первого слога прилагательного с вставкой структурной морфемы -*н*, а в единичных случаях — *м*. При этом ударение переходит на редупликат: *еп-еңел мәсьәлә* 'легонькая задача', *кап-кара каш* 'черные-пречерные брови', *көп-коро ел* 'очень сухой ветер', *сып-сыбар тауык* 'очень пестрая курица', *сөп-сөсө жамыр* 'очень пресное тесто', *йәм-йәшел үләп* 'презеленая трава', *күп-күк һауа* 'сивий-пресиний воздух'.

Особую форму интенсива образуют прилагательные *яңғыз* 'одинокий', *яңы* 'новый', где редупликат имеет несколько вариантов: *өр-яңы*, *яп-яңы*, *оп-өр-яңы* 'совершенно новый' (в последнем примере выступает двойной редупликат), *яп-яңғыз*, *япаяңғыз* 'совершенно одинокий', *типә-тиң* 'совершенно равный'⁴⁰.

Значение интенсива признака может выражаться и способом редупликации прилагательного. При этом определяемое всегда употребляется во мн. числе: *бейек-бейек таулар* 'высокие-превысокие горы', *көлкөлө-көлкөлө хәбәрҙәр* 'смешные-пресмешные вести', *матур-матур сәскәләр* 'красивые-прекрасивые цветы', *тәмле-тәмле аштар* 'вкусные-превкусные кушанья', *зәре-зәре балыктар* 'крупные-крупные рыбы' и др. Редуплицированные прилагательные имеют еще дополнительные семантические оттенки — они подчеркивают неодинаковость, разнообразие признаков предмета. Данная форма прилагательных не употребительна в функции сказуемого.

Формы усиления признака не образуются от относительных прилагательных.

Формы ослабления качества в ряде исследований по грамматике тюркских языков рассматриваются в разделе словообразования прилагательных⁴¹. Представляется, что эти формы тяготеют больше к грамматическому уровню, нежели словообразовательному как по семантике, так и по функционированию, хотя они могут присоединяться не ко всем прилагательным.

Формы проявления качества в меньшей степени, чем в исходной, охватывают прилагательные, обозначающие признаки цвета, вкуса, физического состояния. Каждая из них распространяется не более чем на четыре-пять слов. При оформлении прилагательных аффиксами *-кыл(т)*, *-кел(т)*, *-ғыл(т)*, *-гел(т)*, отбрасывается конечный слог слова или его часть: *кызыл* 'красный' — *кызғыл(т)* 'красноватый', *һары* 'желтый' — *һарғыл(т)* 'желтоватый', *һоро* 'бурый' — *һорғол(т)* 'буроватый', *йәшел* 'зеленый' — *йәшкел(т)* 'зеленоватый'; *каты* 'твердый' — *каткыл* 'твердоватый', *сөсө* 'пресный', *сөскөл(т-әм)* 'пресноватый', *әсе* 'кислый, горький' — *әскел(т-ем)* 'кисловатый'.

⁴⁰ Употребление существительных, наречий и других слов в функции усилителей признака типа *сейә кызыл* 'красный, цвета вишни', *ут йәшел* 'зеленый, цвета травы', *дом караңғы* 'совсем темный', *шоморт кара* 'черный, цвета черемухи', *салт аяз* 'совершенно ясный', *тома һужыр* 'совершенно слепой' или апалитических конструкций *бик һай бәт (кеше)* 'очень хороший (человек)', *ғәжәп зур (пароход)* 'удивительно большой (пароход)' и т. п. представляет собой скорее лексико-синтаксическое явление, нежели грамматическое, и подлежит описанию в других разделах.

⁴¹ Исхаков Ф. Г. Указ. соч., с. 147 и сл.

Афф. *-һыл/-һел, -һыу/-һеу*⁴², *-шел, -шин* образуют прилагательные ослабленного качества без изменения основы слова: *аж* 'белый' — *ажһыл* 'беловатый', *ажшин* 'беловатый', *жук* 'синий' — *жукһел* 'синеватый', *жукһел* 'синеватый', *ал* 'алый' — *алһыу* 'аловатый', *зәңгәр* 'голубой' — *зәңгәрһыу* 'голубоватый', *кара* 'черный' — *караһыу* 'черноватый'.

На грани словообразовательного уровня находится аффикс *-са/-сә*, имеющих и значение ослабленности качества: *озон* 'длинный' — *озонса* 'продолговатый', *еңел* 'легкий' — *еңелсә* 'легонький', *һалҡын* 'холодный' — *һалҡынса* 'прохладный'.

Некоторые аффиксы, выражающие ослабление качества, присоединяются лишь к одному или двум прилагательным: *аж* 'белый' — *аж-ыл-йым* 'беловатый', *жук* 'синий' — *жук-ел-йем* 'синеватый', *кара* 'черный' — *кара-ғус-кыл* 'черноватый'.

К прилагательным с ослабленной степенью качества может присоединяться афф. *-рак*, образующий от них форму сравнительной степени: *корәнһыуырак* 'буроватый', *зәңгәрһыуырак* 'голубоватый', *әскеһтемерәк* 'кисловатый' и т. п.

Из перечисленных форм в функции словообразовательных аффиксов выступают *-һыу/-һеу, -һыл/-һел, -са/-сә*, придавая производным прилагательным значения неполноты признака: *һыуһыл* 'водянистый', *алтынһыу* 'золотистый' и т. п., другие же не имеют такой функции.

НАРЕЧИЕ

В современном башкирском языке наречие выделяется как особая часть речи, получившая свое лексическое и грамматическое выражение. Семантически и структурно наречие ближе всего стоит к прилагательному. Специфика заключается в том, что прилагательное указывает на признак предмета, а наречие главным образом на признак действия и лишь отчасти на признак признака. Наречие иногда может выражать и признак предмета, т. е. выступать в качестве определителя имени существительного. Однако атрибутивную функцию могут выполнять не все наречия: в башкирском языке этой способностью обладают лишь единичные наречия, главным образом отдельные наречия на *-са*.

В морфологическом плане наречия отличаются от других частей речи прежде всего словообразованием: они характеризуются такими специальными аффиксами, как *-са/-сә, -лай/-ләй, -лата/-ләтә*. Одной из особенностей словообразовательной структуры наречий в башкирском языке, как и в других тюркских языках, является наличие довольно значительной группы изолированных и лексикализованных древних и живых падежных форм имен, а также некоторых деепричастных форм. Очень продуктивными являются словосложительные типы наречий, как, например, парные наречия (*азмы-кунме* 'более или менее', *тора-бара* 'со временем'), сложные наречия, образованные по моделям словосочетаний (*быйыл* 'в этом году', *ошо арала* 'в ближайшее время', *берғауым* 'некоторое количество') и др. Среди наречий выделяется также небольшая группа лексико-грамматических омонимов типа *яҡшы* 'хороший', 'хорошо', *буш* 'пустой', 'даром, бесплатно', которые одинаково регулярно функционируют в рядах и прилагательных и наречий.

С точки зрения формообразования наречия близко стоят к качественным прилагательным, с которыми обнаруживают значительную общность, и те и другие одинаково пользуются: 1) формой сравнительной степени на

⁴² В языке башкир Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областей, относящемся к южному диалекту башкирского языка, для передачи меньшей интенсивности качества употребляется афф. *-лау/-ләу*: *каралау* 'черноватый', *һарылау* 'желтоватый', *йәшелләу* 'зеленоватый' и др.

-рак, например: *ак* 'белый' — *агырак* 'более белый', *көслө* 'сильный' — *көслөрәк* 'более сильный' (прилагательные); *һуң* 'поздно' — *һуңырак* 'позднее', *элек* 'рано' — *элегерәк* 'ранее' (наречия); 2) формой интенсификации типа *кып-кызыл* 'красный-красный' (прилагательное) и *әп-әз* 'мало-премало', *кәпә-кәндөз* 'среди бела дня' (наречия).

В предложении наречие функционирует как обстоятельство или определение при прилагательном или наречии.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАРЕЧИЙ

Наречие, как и другие знаменательные части речи, является довольно древней языковой категорией, возникшей как одно из средств речевого общения.

Сопоставляя лексику башкирского и других тюркских, а также алтайских языков, можно обнаружить значительное количество соответствий в области наречий. Большая часть этих совпадений обнаруживается в пределах корневых наречий: баш. *күп*, *күмәк*, др.-тюрк. *камағ*, др.-монг. *qашу* 'много'; баш. *каршы*, др.-тюрк. *qarşı*, монг. *хариш* 'против, навстречу'; баш. *кәм*, монг. *гэм* 'меньше'; баш. *мәңгә*, др.-тюрк. *menğü*, монг. *мөнх* 'вечно'; баш. *бик*, др.-тюрк. *бек*, монг. *бэх* 'очень, сильно'; баш. *иң*, др.-тюрк. *en*, монг. *эн* 'самый'; баш. *юрый*, нанайск. *яро*, ненецк. *сюри* 'нарочно'; баш. *иртә*, др.-тюрк. *ertä*, монг. *эрт*, нанайск. *эрдэ* 'рано'; баш. *әле*, нанайск. *әлэ* 'пока, только что'; баш. *кинәт*, калм. *генткн*, монг. *гэнэт* 'неожиданно' и др.

Значительное количество лексических совпадений представляет собой застывшие, омертвелые формы других частей речи, в основном имени существительного в двух падежах — древнего направительного с аффиксом *-гары/-гәре* и древнего творительного с аффиксом *-ын/-ен*, а также другие лексикализованные формы, употреблявшиеся ранее, как и в современных тюркских языках, только в качестве наречий: баш. *көзән*, др.-тюрк. *küzün* 'осенью'; баш. *әлгәре*, др.-тюрк. *ilgäri* 'раньше'; баш. *ирекһезҙән*, др.-тюрк. *erksizän* 'поневоле'; баш. *тегендә*, др.-монг. *tente*, мапш. *terede*, *tede* 'там'.

Лексические соответствия имеются и среди некоторых словообразовательных форм наречий — как аффиксальных, так и аналитических: баш. *ботөнләй*, тунг. *бутунну* 'весь, целиком'; баш. *аңғанса*, др.-тюрк. *ançanisa* 'между тем, в это время'; баш. *минәңсә*, нанайск. *миниңи* 'по-моему'; баш. *һинәңсә*, нанайск. *синиңи* 'по-твоему'; баш. *арқыры-торжоро*, др.-тюрк. *arçu-ıurçu* 'вдоль и поперек, как попало' и др.

Все это говорит о том, что наречия как особая группа слов, выражающих отвлеченное обстоятельственное значение, бытовали еще на ранней стадии развития тюркских и алтайских языков.

Дальнейшее пополнение и совершенствование лексической и грамматической структуры наречий связано с расширением сферы их употребления. Кроме корневых наречий появились многочисленные образования, которые выделились из общего фонда лексики башкирского языка только в значении признака действия или признака признаков. Примерно пятая часть из них образовалась при помощи специальных аффиксов от других частей речи и отчасти от самих наречий, ср. *тошолай* 'целиком', *элеккесә* 'по-прежнему', *яңыса* 'по-новому', *аңсалата* 'деньгами', *урталай* 'пополам', около трети возникло путем лексикализации некоторых падежных и иных словоизменяемых форм имен и дееспричастных форм глагола в обстоятельственной функции: *баштан* 'сначала', *каршыға* 'навстречу', *кырка* 'резко', *ысынлап* 'всерьез', *аңғармастан* 'невзначай', более четверти образовано аналитическим способом путем сложения слов: *артабан* 'в дальнейшем', *бийыл* 'в этом году', *яланаяк* 'босиком', *ара-тирә* 'изредка', *өзәп-йыртып* 'кое-как', *дөбөр-шатыр* 'с грохотом', *бермә-бер* 'точь-в-точь' и др. Именно эти перечисленные структурные типы и представляют в основном стабильный состав наречий современного башкирского языка. Большинство подобных

наречий встречается во многих тюркских языках, т. е. они являются межтюркскими, а отдельные корневые наречия — общеалтайскими.

Небольшая группа наречий башкирского языка представляет собой заимствованные слова из арабского и персидского языков. Как свидетельствуют памятники, в состав лексики тюркских языков они вошли еще в древнюю эпоху, а теперь освоены и считаются «своими», тем более что полностью подчинены фонетическим законам заимствовавших языков. Таковы *тамам* 'совсем, окончательно', *ғәйәт* 'очень', *хәҙер* 'сейчас', *әүәле* 'раньше', *мәжиббән* 'с усердием', *фаҡәт* 'лишь, исключительно' — из арабского языка; *һаман* 'все еще', *дәррәу* 'тотчас' — из персидского.

РАЗРЯДЫ НАРЕЧИЙ

По лексико-грамматическому значению наречия принято делить на две группы — определительные и обстоятельственные наречия.

Определительные наречия, выражая признак признака или действия, дают им качественную или количественную характеристику и могут сочетаться как с глагольными формами, так и с прилагательными и наречиями, а некоторые из них — даже с существительными. К определительным наречиям относятся: 1) наречия образа действия: *аксалата* 'деньгами', *аллы-артлы* 'гуськом', *йәйәу* 'пешком', *кушкуллап* 'обими руками', *әзмә-әз* 'последовательно'; 2) наречия уподобления: *байрамса* 'по-праздничному', *башкаса* 'по-иному', *йәштәрсә* 'по-юношески', *әлеккәсә* 'по-прежнему'; 3) наречия меры и степени: *аз-маз* 'мало-мальски', *байтаҡ* 'значительно', *бөтөнләй* 'окончательно', *икеләтә* 'вдвойне', *кәскә-кәскә* 'еле-еле'.

Обстоятельные наречия выражают пространственные и временные отношения, мотивы действия. К ним относятся: 1) наречия времени: *бая* 'давеча', *иртәләрән* 'по утру', *җышың* 'зимой', *ошогаса* 'до сих пор', *капылда* 'пока', *әүәл-әүәлдән* 'исстари'; 2) наречия места: *алда* 'впереди', *йәнәшлә* 'рядом', *унда-һанда* 'там и сям, кое-где', *бында* 'здесь'; 3) наречия причины и цели: *аңғармаҫтан* 'невзначай', *курәләтә* 'явно, заведомо', *топ-томағға* 'ни с того, ни с сего', *юрамап* 'нарочно'.

Некоторые наречия имеют полисемантический характер. Их конкретное значение можно определить лишь в контексте. Так, наречие *артабан* употребляется в значениях 'туда, дальше' и 'в дальнейшем', т. е. может обозначать как место, так и время действия, наречия *ары-бире* 'туда-сюда', 'кое-как', *өйбөрәнсә* 'в каждом доме', 'из дома в дом' совмещают в себе значения места и образа действия, а наречие *башкаса* 'по-иному', 'в другой раз' — уподобления и времени и т. д. Все это говорит об условности деления наречия на семантические разряды.

КОРНЕВЫЕ НАРЕЧИЯ

В башкирском языке функционирует около 90 наречий, которые с точки зрения современного языка воспринимаются как непроизводные. Все они осознаются только как наречия и составляют ядро собственно наречий. Среди них выделяются: 1) бесспорные корневые морфемы типа *аз* 'мало', *бая* 'давеча', *бик* 'очень', *гел* 'всегда', *йәһәт* 'проворно', *кинәт* 'вдруг', *кәм* 'меньше', *нәк* 'точь-в-точь', *теүәл* 'равно' и др.; 2) наречия, не поддающиеся морфемному членению в рамках современного башкирского языка, но исторически представляющие, быть может, производные слова: *ары* 'дальше', *бире* 'сюда', *ғомумән* 'в общем', *елбәғәй* 'нараспашку', *инде* 'теперь', *иртә* 'рано', *йәйәу* 'пешком', *кире* 'обратно', *капыл* 'внезапно', *куңалтаҡ* 'на босу ногу', *салҗан* 'навзничь', *әлек* 'раньше', *уғата* 'очень, слишком', *юғары* 'высоко' и др. В результате специальных этимологических исследований в ряде случаев удастся установить производный характер некоторых из них. Так, наречия *юғары* 'высоко'; *әлгәре* 'сперва', по общему

мнению тюркологов, образовались при помощи аффиксов древнего направительного падежа *-ғары/-ғәре*. Ср. др.-тюрк. *joǧaǧı üǧäǧü* уйг. *илгири, жужири* в тех же значениях. По Н. К. Дмитриеву и А. И. Исканову, производными являются также наречия *ары, бире, кире*, в которых элементы *-ры, -ре* — показатели древнего направительного падежа, а элементы *а-, би-, ки-* — рефлексy первоначальных корневых морфем, подвергшихся фонетическим изменениям. Производящие основы таких наречий в свое время употреблялись как самостоятельные лексические единицы и, естественно, легко выделялись как исходные корни. Однако в процессе исторического развития языка они слились с аффиксальными элементами и лишились самостоятельного функционирования. Установлению морфемного состава таких наречий способствует наличие их первых элементов в ряде слов и их наличие в родственных языках. Так, элементы *эл, ир, йу(к)* входят в наречия *элгәре, элек 'перед', иртә 'рано' юғары 'высоко'*. Ср.: баш. *иртә*, чув. *ир*, турк. *ир 'рано'*; баш. *юғары 'высоко'*, др.-тюрк. *joǧ*, туркм. *йок 'возвышенность'*, азерб., узб. *јуксәк 'высокий'*, тур. *yokuş 'подъем'*; баш. *элгәре*, тур. *ileri 'вперед', ilk 'первый'*, узб. *илғари 'раньше'* и т. д.

Корневые наречия относятся к числу древнейших пластов в составе лексики башкирского языка. Многие современные корневые наречия почти в неизменном виде встречаются в древнетюркских письменных памятниках.

Особое место среди корневых наречий занимают наречия интенсивности, усиления признака, или так называемые усилительные слова. В башкирском языке их насчитывается около тридцати: *бик, үтә, гәйт, уғата, ифрат 'очень, слишком', 'чересчур', иң 'самый', тап, тас, нәк 'точь-в-точь', тамам 'окончательно', бойтом, шактай, байтак 'значительно, довольно', шыр, шау, шар, лыс, лыжа, манма, тома 'весь, полностью, совершенно'* и др.

Усилительные наречия обычно сочетаются с прилагательными, наречиями, глаголами и служат для интенсификации их значения; в пределах словосочетания они принимают основное логическое ударение: *Сания апай һүзгә б и к аз жысыла 'Сания-апа очень редко вмешивается в разговор'* (С. Агиш); *Ш а ж т а й арыган Мораһымдың куңеле күтәрепел китте 'У сильно уставшего Мурадыма настроение поднялось'* (Г. Амири).

Однако сфера употребления усилительных наречий типа *шыр, шау, лыс, лыжа, манма* и т. д. очень узка, многие из них выступают лишь при одном-двух определяемых. Так, наречия *шыбыр, лыс, лыжа* сочетаются исключительно с перечисленными словами: *шыбыр тир (бул-) 'сильно вспотеть', лыс һыу 'совсем мокрый', лыжа тулы 'полный, битком набит'*.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ

В современном башкирском языке словообразование наречий осуществляется с помощью аффиксации, редупликации, словосложения, адвербиализации: а) конверсии, б) изоляции и лексикализации грамматических форм других частей речи.

АФФИКСАЦИЯ

1. Наречия на *-са/-сә* являются наиболее продуктивными из всех аффиксальных форм. В словообразовательном отношении среди них можно выделить ряд разновидностей, которые определяются характером производящих основ, профилем типового значения и продуктивностью.

Продуктивной является модель, образующая от имен существительных наречия уподобления и образа действия. Данная модель представлена двумя структурными разновидностями: 1) производящая основа — имя существительное в форме ед. числа: *ауылса 'по-деревенски', байрамса 'по-праздничному', заманса 'по-современному', татарса 'по-татарски'*; 2) в большинстве же случаев производящая основа — имя существительное — выступает

в форме мн. числа: *балаларса* 'по-детски', *дустарса* 'по-дружески', *ййштарса* 'по-юношески', *хужаларса* 'по-хозяйски' и др.

По своей словообразовательной структуре ко второй разновидности примыкают наречия типа *азналарса* 'неделями', *йылдарса* 'годами' и т. п., образовавшиеся от существительных, обозначающих определенный отрезок времени, в форме мн. числа и указывающие на длительность протекания действия.

От основ имен прилагательных наречия с афф. *-са/-сә* образуются по двум моделям: а) в качестве производящей основы выступает лишь несколько качественных прилагательных, от которых образуются наречия образа действия: *важытлыса* 'временно', *еңелсә* 'слегка', *иркенсә* 'вольготно', *кыҗкаса* 'вкратце', *төрлөсә* 'по-разному'; б) в качестве производящей основы выступают относительные прилагательные на *-ғы/-ге*, *-жы/-же*, а производимые наречия обозначают сравнение, сходство с тем, что обозначено исходной основой: *боронғоса* 'по-старому', *богонғосә* 'по-сегодняшнему', *былтырғыса* 'как в прошлом году', *көндәгесә* 'как повседневно', *кәзимгесә* 'по-обыкновенному', *әлеккесә* 'по-прежнему' и др.

Выделяется своей специфичностью, хотя и является малопродуктивной, модель, образующая наречия уподобления от притяжательных местоимений типа *минекә*, а также от единичных существительных, прилагательных и модальных слов, оформленных аффиксами принадлежности 3-го лица и винительного падежа: *беззекенсә* 'по-нашему', *үзәркенсә* 'по-своему', *киреңенсә* 'наоборот', *тейешенсә* 'как следует' и т. д.

Другая разновидность этой модели, производящая наречия со значением меры и степени действия, представлена лишь несколькими словами типа *барыса* 'по-возможности', *кубәненсә* 'преимущественно'; к ним близко стоят наречия *һәүетемсә* 'мирло, по-дружески', *хәлемсә* 'по мере возможности', образовавшиеся от именных основ с аффиксом принадлежности 1-го лица без надежного оформления.

От форм родительного падежа личных местоимений афф. *-са/-сә* образует наречия со значением сходства, уподобления с тем, что выражено исходной основой: *минәңсә* 'по-моему', *һинәңсә* 'по-твоему', *уныңса* 'как он', *беззәңсә* 'по-нашему' и т. д.

Малопродуктивной является модель, производящая при помощи афф. *-са/-сә* наречия со значением предела во времени. В качестве производящей основы она использует: а) формы дательного падежа некоторых указательных местоимений: *бығаса* 'до сих пор'; б) наречия типа *хәзергә*, *әлегә*: *хәзергәсә*, *әлегәсә* 'до сих пор, доныне', *ғүмергәсә* 'навечно'.

Кроме указанных типов наречий с афф. *-са/-сә*, бытуют еще единичные формы типа *айырыуса* 'особенно', *бүтәнсә* 'в другой раз, по-иному', *сағыштырмаса* 'сравнительно', которые по отношению к перечисленным моделям стоят особняком.

2. Афф. *-лай/-ләй* — один из самых специфических аффиксов наречий. В современном башкирском языке насчитываются около 50 наречий с этим аффиксом, образованных от различных основ.

Довольно распространенной является модель, производящая от имен прилагательных наречия образа действия с типовым значением «сохранить то качество, тот вид, какой обозначает исходная основа»: *булай* 'бесплатно', *ййшләй* 'сызмала', *сейләй* 'в сыром виде', *тереләй* 'живьем' и т. д.

С рассмотренной моделью сближаются в известной мере следующие четыре наречия образа действия, образованные посредством афф. *-лай/-ләй* от существительных, выражающих пространственные отношения и меру: *буйлай* 'вдоль', *тирәләй* 'вокруг', *урталай*, *яртылай* 'пополам'.

Другая модель в качестве производящей основы вовлекает относительные прилагательные на *-ғы/-ге* и образует наречия со значением уподобления, сходства с тем, что характерно для исходной основы: *боронғолай* 'как в былые времена', *богонғолай* 'как сегодня, по-сегодняшнему', *ундағылай* 'как там', 'по-тамашнему' и др.

Среди образований с афф. *-лай/-лэй* особое место занимают наречия со значением времени, момента действия, выраженного исходной основой, и образованные от: 1) некоторых отглагольных имен существительных на *-(ы)ш/-(е)ш*: *барышлай* 'мимоходом, по пути', *кайтышлай* 'при возвращении', *утешлэй* 'мимоходом, попутно'; 2) имен существительных — названий времени года или частей суток: *кышлай* 'зимой', *караңгылай* 'затемно', *яктылай* 'засветло, до сумерек'; 3) наречий *башкаса*, *бүтәнсә* и числительного *икенсе*: *башкасалай*, *бүтәнсәлэй*, *икенселэй* 'в другой раз, вторично'.

От слов *бөтөн*, *тотош*, *үтэ* афф. *-лай/-лэй* образует наречия со значением образа, меры и степени действия: *бөтөнлэй* 'совсем, целиком, вовсе', *тотошлай* 'целиком', *үтәлэй* 'насквозь'.

Малопродуктивной является модель, образующая от некоторых указательных местоимений наречия со значением уподобления и образа действия: *былай*, *ошолай*, *тегелэй*, *улай*, *шулай* 'так, таким образом'.

3. Наречия с афф. *-лата/-лэтэ* образуются от существительных, имеющих конкретно-вещественное значение, от некоторых количественных числительных и отдельных качественных прилагательных: *аксалата* 'деньгами', *ашлыклата* 'хлебом', *игенлэтэ* 'зерном, хлебом', *натуралата* 'натурой', *онлата* 'мукой', *эйберлэтэ* 'вещами, натурой'; *сейлэтэ* 'в сыром виде', *терелэтэ* 'живьем'; *икелэтэ* 'вдвойне', *өслэтэ* 'втройне'. Наречие *күрәлэтэ* 'заведомо, нарочно' — единственный случай, когда *-лата* в словообразовании вовлекает глагол.

4. Наречия на *-лап/-ләп* типа *азлап* 'попемногу', *азналап* 'педелями', *берәмләп* 'поодиночке', *детәлләп* 'детально', *күмәртәләп* 'оптом', *тәүләп* 'впервые' образуются по аналогии с дееспричастными формами, но минуя стадию глагола, путем непосредственного присоединения афф. *-лап/-ләп*. В отличие от дееспричастий на *-лап* типа *уйлап* 'обдумывая', *һуңлап* 'опаздывая', *эшләп* 'работая', они не содержат никакого глагольного оттенка в значении, а в предложении всегда служат лишь обстоятельством. Поэтому их иногда называют ложнодееспричастными формами.

РЕДУПЛИКАЦИЯ

Наречия, образованные путем редупликации, или так называемые наречия-повторы, составляют довольно значительную часть производных наречий.

С точки зрения словообразовательной структуры можно выделить следующие типы наречий-повторов.

1. Наречия — полные повторы, образуемые от: а) некоторых имен существительных: *вакыт-вакыт* 'временами', *кат-кат* 'многократно', *өйкәм-өйкәм* 'кучами, группами', *тимгел-тимгел* 'иятнами', б) разделительных числительных: *берәр-берәр* 'по одному', *бишәр-бишәр* 'по пяти' и т. д., в) некоторых наречий: *аз-аз* 'попемногу', *кабат-кабат* 'неоднократно', *башка-башка* 'в отдельности', *кәскә-кәскә* 'еле-еле, насилу', *әзләп-әзләп* 'попемногу', г) звукоподражательных слов: *быш-быш* 'шепотом', *сылтыр-сылтыр* 'журча'. Большинство наречий-повторов выражает образ действия.

2. Наречия-повторы с фономорфологическим изменением редупликата — второго компонента. Этот способ образования наречий является очень продуктивным. Особенностью наречий-повторов данного типа является то, что второй компонент в силу фономорфологического изменения служит своеобразной рифмой к первому компоненту, является как бы его отзвуком. Этот тип наречий иначе именуют парно-повторным. По характеру производящей основы и особенности изменения второго компонента можно выделить следующие разновидности парно-повторных наречий:

1) первый компонент имеет самостоятельное значение, а второй, в силу фономорфологического изменения, никакой семантикой не обладает: *аз-маз* 'мало-помалу', *алмай-тилмәш* 'вперемежку', *ашык-бошук* 'наспех, торопливо', *өстән-мөстән* 'поверхностно' и т. д.;

2) оба компонента не обладают самостоятельным значением и употреблением: *алпан-толпан* 'вразвалку', *илке-һалкы* 'кое-как, спустя рукава', *урык-һурык* 'урывками', *эпен-төпөн* 'кое-как' и др.; характер изменения второго компонента у обеих рассмотренных разновидностей аналогичен: начальный согласный звук заменяется при втором компоненте другим согласным звуком; если слово начинается с гласного, перед ним добавляется при втором компоненте согласный звук;

3) в качестве производящей основы выступают только подражательные слова, а второй компонент образуется от первого путем замены гласных звуков, главным образом *a* на *o*, *э* на *ө*: *даһыр-доһор* 'с грохотом', *шалтыр-шолтор* 'гремя' и пр.

Парно-повторные наречия относятся к эмоционально-экспрессивной лексике.

3. Повторы с различным морфологическим оформлением компонентов. В качестве производящей основы чаще выступают имена существительные и прилагательные, реже — наречия, местоимения и числительные. В зависимости от характера изменения компонентов этот тип наречий-повторов имеет несколько структурных разновидностей:

1) первый компонент стоит в форме основного падежа, а второй — дательного: *ғүмер-ғүмергә* 'навечно', *як-якка* 'по сторонам, вокруг'; компоненты могут быть осложнены аффиксом притяжательности: *алды-алдына* 'порознь, вразброд', *өсто-өстөнә* 'один на другой';

2) первый компонент стоит в форме основного, а второй — исходного падежа: *борон-борондан* 'издавна', *үз-үзенән* 'самопроизвольно', *ысын-ысындан* 'по-настоящему';

3) первый компонент стоит в форме дательного, а второй — основного падежа: *бергә-бер* 'один на один', *йөзгә-йөз* 'лицом к лицу';

4) первый компонент стоит в форме исходного, а второй — в форме основного падежа: *асыктан-асык* 'откровенно', *йылдан-йыл* 'из года в год', *туранан-тура* 'прямо, непосредственно', *алдән-але* 'то и дело';

5) первый компонент стоит в исходном, а второй — в дательном падеже: *буйҙан-буйға* 'во всю длину', *буштан-бушка* 'впустую, зря', *телдән-телгә* 'из уст в уста';

6) первый компонент имеет афф. *-ма/-мә*, второй стоит в форме основного падежа: *бермә-бер* 'точь-в-точь', *һүзмә-һүз* 'дословно', *эзмә-эз* 'последовательно'.

Кроме рассмотренных форм к повторам этого типа относятся такие отдельные образования, как *йылдың-йыл* 'ежегодно', *үзле-үзенә* 'каждый сам по себе', *тейешле-тейешһезгә* 'без надобности', стоящие особняком по отношению к перечисленным типам.

С Л О В О С Л О Ж Е Н И Е

Более четверти всех производных наречий современного башкирского языка образовано путем словосложения. В зависимости от морфологических и лексико-семантических особенностей компонентов, характера отношений между ними можно выделить следующие структурные типы сложных наречий.

1. Копулятивные сложные наречия. Наиболее многочисленными среди них являются так называемые парные наречия, которые образуются:

1) путем сложения близких, синонимичных по значению слов, главным образом деспричастий: *ауа-түнә* 'пошатываясь', *жаса-боҫа* 'скрытно', *этә-төртә* 'кое-как', *алгә-тәгәрәй* 'торопливо', *тартып-һузып* 'с натяжкой'; случаи использования других частей речи в качестве синонимичных компонентов парных наречий единичны: *дөбөр-шатыр* 'с грохотом', *ғүмер-бакый* 'испокон веков';

2) путем соединения противоположных по смыслу слов; в качестве коррелятивных пар здесь выступают: некоторые имена существительные: *аллы-артлы* 'гуськом', *аслы-өслө* 'слоями', *ара-тирә* 'изредка'; прилагательные: *аслы-туғлы* 'впроголодь', *әселе-һууыклы* 'то в жар, то в холод'; местоиме-

ния: *унан-бынан* 'когда-как', *тегендэ-бында* 'там и сям'; наречия: *йэйен-кышын* 'летом и зимой', *көнөн-тонөн* 'днем и ночью'.

Парные наречия второго типа различаются также по внешнему оформлению компонентов, т. е. оба компонента могут быть корневыми: *ары-бире* 'туда-сюда', *көн-төн* 'днем и ночью', или иметь форму одного из пространных падежей: *унда-бында* 'там и сям', *уңға-һуңға* 'направо и налево', или же — афф. -лы/-ле: *ирле-бисәле* 'совместно с мужем и женой', *уйымлы-ысынлы* 'и в шутку и всерьез'.

Остальные типы копулятивных сложных наречий представлены немногими словами типа *көнозон* 'целыми днями', *юльгәй* 'попутно' (сущ. + прилаг.), *баштубән* 'вниз головой', *көнәлгәре* 'раньше' (сущ. + наречие), а также словами *икәү-ара* 'наедине', *үз-ара* 'между собой'.

2. Сложные наречия, образованные по моделям словосочетаний. Самая большая группа этих наречий структурно организована по моделям атрибутивных словосочетаний.

В качестве первого компонента сложных детерминативных наречий регулярно выступают местоимения *был, шул, ошо, һәр, һис* и *кайһы*, второго компонента — чаще всего слова, обозначающие абстрактное время: *вакыт, заман, сәк* 'время, период, пора', *йыл* 'год', *көн* 'день' и т. д. или вопросительные местоимения *касан* 'когда', *кайза* 'где', *кайзан* 'откуда': *быйыл* 'в этом году', *шул заман* 'тогда, в то время', *һәр вакыт* 'всегда', *һәр кайза* 'везде', *һис вакыт* 'никогда', *кайһы вакыт* 'иногда, временами'.

Имена существительные *юл* 'путь, способ, средство' в основном падеже и *як* 'сторона' в дательном падеже, оформленные аффиксом принадлежности, сочетаясь с указательным местоимением *был* 'этот', образуют сложные наречия времени: *был юлы* 'на этот раз', *был ягына* 'отныне'.

Продуктивными являются сложные наречия, в качестве первого компонента которых выступает числительное *бер* 'один'. Среди них выделяются два типа:

1) сложные наречия, в которых *бер* функционирует лишь в качестве неопределенного члена (артикля), а вторым компонентом выступают: а) имена существительные, обозначающие абстрактное время: *бер вакыт* 'однажды, как-то раз', *бер сәк* 'однажды'; б) слова, выражающие количество, степень чего-либо: *берғауым, бер талай* 'несколько, некоторое количество', *бер аз* 'немного' и т. д.; наречия этого типа выражают время, меру и степень действия;

2) сложные наречия, в которых *бер* сочетается со вторым компонентом как именная основа; в качестве второго компонента выступают: а) некоторые существительные в форме исходного падежа: *бер ауыздан* 'единогласно', *бер күңелдән* 'единодушно', *бер уңғайзан* 'заодно'; б) некоторые прилагательные на *-һыз/-һез*: *бер туктауһыз* 'бесперывно', *бер һүҙһез* 'безоговорочно'; наречия, образованные по этой модели, выражают образ действия; в) вопросительные местоимения *касан, кайза, нисек*: *бер касан* 'когда-нибудь', *бер кайза* 'где-нибудь', *бер нисек* 'как-нибудь'; некоторые из этих наречий могут иметь в своем составе частицу, которая служит для усиления или ограничения их значения: *бер үк вакытта* 'одновременно', *бер ни кәзәр* 'немного, несколько', *бер нисек тә* 'никак, никоим образом'.

Сложные наречия, восходящие к другим типам словосочетаний, единичны: *аяғөстө* 'стоя' (*аяк* 'нога' + *өстө* 'верх его' — II тип изафета), *тәл күтәрә* (дополнение + управляющий глагол), *тәү башлап* 'сначала' (обстоятельство + управляющий глагол), *көмузарзан* 'наперегонки' образовано по модели двуставного предложения.

3. Сложные наречия, образованные при помощи частиц и послелогов.

1) наречия с послелогоми *һуң, ары, бирле*, выражающие время действия; первым компонентом таких наречий выступают в основном некоторые наречия и указательные местоимения, оформленные аффиксом исходного падежа: *байтактан бирле* 'порядочно (по времени), довольно', *күптән бирле* 'издавна', *бынан һуң* 'отныне', *бынан ары* 'отныне, в дальнейшем'.

2) наречия с послелогом *тиклем*, *сажлы*, *кәзәр*, *хәтле(м)*; данная модель имеет две структурные разновидности: а) в качестве первого компонента вовлекаются указательные местоимения в форме дательного падежа ед. числа, а образованные сложные наречия обозначают предел во времени: *ошога тиклем* 'до сих пор, доньше', *ошога хәтлем* 'до сих пор'; б) первым компонентом выступают указательные местоимения *был*, *шул* в форме основного падежа ед. числа, а образованные сложные наречия выражают меру и степень действия, признака: *шул тиклем*, *шул кәзәр*, *был хәтлем* 'так, настолько, до такой степени';

3) наречия с послелогом *һайын*, выражающие регулярную повторяемость во времени; в качестве первого компонента выступают имена существительные, обозначающие определенные отрезки времени, в форме основного падежа ед. числа: *көн һайын* 'ежедневно', *йыл һайын* 'ежегодно', *азна һайын* 'ежедневно', *сәғәт һайын* 'ежечасно';

4) наречия с послелогом *менән*, выражающие время действия; в качестве первого их компонента выступают имена существительные, обозначающие части суток: *таң менән* 'очень рано, с зарей', *иртә менән* 'рано утром', *кис менән* 'вечером'; особую разновидность рассматриваемой модели представляют собой сложные наречия типа *төнә менән* 'ночью', *вакыты менән* 'со временем', образованные путем сочетания послелога *менән* с существительными, оформленными аффиксом принадлежности;

5) незначительная часть сложных наречий современного башкирского языка образуется путем прибавления к некоторым именам и наречиям частицы *да/дә*, *ла/лә*, *за/зә*, *ук/ук:*: *көн дә* 'ежедневно, каждый день', *йыл да* 'ежегодно', *бер зә* 'совсем, несколько', *эле лә* 'все еще', *баяк (бая + ук)* 'давно, порядком', *шундук (шунда + ук)* 'тотчас'.

4. Сложные наречия, представляющие собой фразеологические единицы: *күз асын йомғанысы* 'в мгновение ока', *ете төн уртаһында* 'глубокой ночью', *башы-тояғы менән* 'полностью, целиком', *һә тигәнсә* 'моментально' и др. Отличительной чертой таких наречий является, как и у всех фразеологических единиц, их образность, экспрессивность.

А Д В Е Р Б И А Л И З А Ц И Я

Адвербиализация, т. е. переход других частей речи в наречие, является одним из продуктивных способов пополнения состава наречий в башкирском языке. Она осуществляется в основном двумя способами: 1) путем конверсии, когда слово, не меняя своей исходной формы, приобретает наречное значение в определенном контексте; 2) путем изоляции и лексикализации грамматических форм других частей речи.

1. Наречия, образованные путем конверсии.

В башкирском языке функционирует около 70 лексико-грамматических омонимов типа *алыс* 'далеко' и 'далекий', *аһһат* 'легкий, нетрудный' и 'легко, нетрудно', *йәтеш* 'удобный' и 'удобно', *кыйын* 'трудный' и 'трудно', *һирәк* 'редко' и 'редкий', *якшы* 'хороший' и 'хорошо' и т. д., которые в зависимости от контекста, не меняя своей формы, функционируют и как прилагательные, и как наречия. Эти слова, выступая одинаково регулярно и как прилагательные, и как наречия, занимают как бы промежуточное положение между данными частями речи. Такая двойная сущность этих слов ставит их в зависимость от условий функционирования. Условия реализации слова заслоняют все его значения, кроме одного — актуального для данного случая. Поэтому когда названные слова обозначают качество предметов и употребляются как определения к существительным, являются прилагательными, а когда эти слова обозначают качество действия и сочетаются с глаголом, они являются наречием: *Якшы һүз ташты иретә* 'Хорошее слово и камень плавит' (посл.), но *Көн якшы ук йылыткан* 'Значительно потеплело' (БРС, 717); *Йылға аръяғынан һирәк кенә урман баһлана* 'За рекой начинается редкий лес', но *Картуфты һирәк ултырткандар* 'Картофель посадили редко'.

2. Наречия, образованные путем изоляции и лексикализации грамматических форм других частей речи.

Эта форма адвербиализации в башкирском языке является наиболее продуктивной. Большинство наречий, образованных этим путем, составляют изолированные падежные формы имен. Среди них обнаруживаются два пласта: древние и современные.

Архаические падежные формы представляют: 1) наречия на *-н, -ын/-ен*, восходящие к древнему творительному падежу; эта форма сохранилась в основном в словах, образованных от существительных, выражающих названия времен года или частей суток: *йэйен* 'летом', *кисен* 'вечером', *төнөн* 'ночью', а также в словах *жырын* 'боком' и *остөн* 'выше'. В памятниках древнетюркской письменности аффикс *-ын/-ен* представлен как живой морфологический показатель с орудийным значением: *qanatin* 'крыльями', *atın* 'конем': *quş qanatin, er atın* 'птица — крыльями, мужчина — конем' (МК, 1, 34); 2) два наречия на *-тын/-тен*, восходящие к древнему исходному падежу: *ақтырын* 'исподтишка', *йәшертен* 'тайком, скрытно'.

Из современных падежных форм в качестве наречия изолируются формы пространственных падежей.

В форме дательного падежа изолируются: 1) существительные: *ғүмергә* 'навек', *заяға* 'напрасно, бесполезно', *көскә* 'насилу', *мәңгелеккә* 'навечно', *өскә* 'наверх'; сюда же относятся наречия *көнөнә* 'за день', *иртәгәһенә* 'позавтра', у которых падежный аффикс следует за аффиксом принадлежности 3-го лица; 2) прилагательные: *бушқа* 'зря, напрасно', *назаһқа* 'несправедливо', *кәрәкһезгә* 'зря', *тейешһезгә* 'незаслуженно', *файзаһызға* 'бестолку, тщетно', *һуһға* 'налево'; 3) числительное *бер* 'один'; модальное слово *юк* 'нет'; *бергә* 'вместе, совместно', *юкка* 'зря, попусту'.

В форме исходного падежа изолируются: 1) существительные: *алдан* 'заранее, впереди', *баштан* 'сначала', *йәшлектән* 'по молодости', *телдән* 'устно', *яттан* 'наизусть'; 2) прилагательные: *уңдан* 'справа', *яңынан* 'снова, заново', *аңһыҙан* 'печально', *ирекһезән* 'невольно', *сараһыҙан* 'поневоле, вынужденно'; 3) указательные местоимения: *бынан*, *ошонан* 'отсюда', *шунан* 'потом'; 4) некоторые слова с аффиксом принадлежности 3-го лица: *жутараһынан* 'сильно, чрезмерно', *һуңынан* 'после, впоследствии'.

В форме местного падежа изолируются: 1) существительные: *алда* 'впереди', *аһырза* 'наконец', *башта* 'сначала, сперва', *ғәмәлдә* 'в действительности', *төндә* 'ночью'; 2) прилагательные: *аулакта* 'наедине', *уңда* 'на правой стороне'; 3) указательные местоимения: *бында* 'здесь, тут', *шунда* 'там', *тегәндә* 'там'; 4) существительные *ваҡыт* 'время' и *заман* 'время' с аффиксом принадлежности 3-го лица: *ваҡытында* 'вовремя, своевременно', *заманында* 'в свое время, когда-то'; 5) причастия *көтмәгән* 'нежданный' и *көтөлмәгән* 'не ожидаемый', которые, субстантивирясь, принимают аффиксы местного падежа: *көтмәгәндә* 'нежданно-негаданно', *көтөлмәгәндә* 'неожиданно, нежданно-негаданно'.

В дальнейшем по аналогии с наречиями — изолированными падежными формами имен образовались другие наречия, минуя процесс изоляции собственно падежной формы. В этих наречиях падежный аффикс выступает уже как словообразующий элемент. В качестве производящей основы здесь выступают в основном сами наречия: *борондан* 'издавня', *бөтөнләйгә* 'навсегда, совсем', *кайтнан* 'заново', *капылда* 'пока', *хәзергә* 'покуда'. Образованы, минуя процесс изоляции, также наречия типа *абайламастан* 'нечаянно', *аңғармастан* 'невзначай', *искәрмәстән* 'внезапно', *кисекмәстән* 'немедленно', *уйламастан* 'неожиданно', в качестве производящей основы которых выступает отрицательная форма некоторых причастий 3-го лица будущего времени. В этих словах аффикс исходного падежа тесно связан с предыдущим аффиксом основы *-мас/-мәс* и составляет вместе с ним как бы единую морфему, предназначенную для образования наречий.

Небольшая группа наречий образована путем изоляции и лексикализации деепричастий, главным образом деепричастий с аффиксом *-(ы)п/-(е)п*, образованных от отыменных глаголов на *-лаш/-ләш*: *бергәләшеп* 'совместно,

сообща', *икәүләшеп* 'вдвоем', *күмәкләшеп* 'коллективно, сообща', *сиратлашып* 'поочередно'. Формы деепричастий на -а, изолированные в значении наречия, ограничиваются словами *кайта* 'наоборот', *кырка* 'резко', *жутара* 'сильно, помногу', *үтә* 'слишком', *яза* 'мимо, неточно', ср. др.-тюрк. *jaz* 'ошибаться, допускать промах' — ДТС, 250. Эти формы настолько изолировались от деепричастий на -а, что по аналогии с наречиями — изолированными падежными формами имен некоторые из них принимают даже падежные окончания: *кайтанап* 'заново', *үтәнән-үтәгә* 'насквозь'.

Некоторые наречия образовались путем изоляции и постепенной лексикализации редких форм типа *өзлөкһөз* 'беспрерывно', *хәтһөз* 'изрядно, довольно много', *әһһөз* 'бесследно', *яртылаш* 'наполовину', *күлдәксән* 'в одной рубашке'. Адвербиализовались также некоторые имена с аффиксом принадлежности 3-го лица: *ғүмере* 'никогда', *йыйыныһы* 'всего, итого', *барлығы* 'всего, в общем'. Этот же аффикс, присоединяясь уже к наречию, совместно с аффиксом множественности придает ему значение приблизительности: *иртәгә* 'завтра' — *иртәгәләре* 'примерно завтра', *былтыр* 'в прошлом году' — *былтырлары* 'примерно в прошлом году'.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ НАРЕЧИЙ

В башкирском языке прилагательные и наречия одинаково пользуются: 1) формой сравнительной степени и 2) формой интенсива.

Форма сравнительной степени наречий, как и прилагательных, образуется при помощи афф. *-рак/-рәк* после гласных и *-ырак/-ерәк*, *-орак/-өрәк* после согласных: *аз* 'мало' — *азырак* 'меньше', *иртә* 'рано' — *иртәрәк* 'пораньше', *тиз* 'быстро' — *тизерәк* 'быстрее', *озак* 'долго' — *оҙағырак* 'дольше'.

Однако форма сравнительной степени на *-рак* менее характерна для наречий, чем для прилагательных; если она образуется от всех качественных прилагательных, то по крайней мере половина наречий не может иметь эту форму. Так, подавляющее большинство наречий меры и степени, причины и цели, многие наречия времени, половина такой многочисленной группы наречий, как наречия образа действия, некоторые наречия уподобления не допускают формы на *-рак*. Лишь наречия места все без исключения могут образовывать форму сравнительной степени.

Возможность или невозможность образования формы на *-рак* у наречий трудно подвести под какое-либо правило, это зависит от семантических особенностей каждого из них.

Сравнительная степень наречий в предложении конкретно реализуется в следующих двух случаях: 1) название предмета, с действием которого сравнивается действие основного предмета, находится в позиции косвенного дополнения в форме исходного падежа, а наречие, управляя этим падежом, следует за ним: *Ул һинән тизерәк килде* 'Он пришел быстрее тебя'; 2) название сравниваемого предмета стоит в форме дательного падежа, но в этом случае за ним следует послелог *карағанда*, управляющий этим падежом, и только после него идет наречие: *Ул һиңә карағанда тизерәк килде* 'Он пришел быстрее, чем ты'.

Но если прилагательное в таких сравнительных конструкциях в основном выполняет функцию сказуемого, то наречие выступает в своей обычной функции — в функции обстоятельства. Это связано с категориальными значениями данных частей речи. Прилагательное показывает признак предмета, и поэтому в сравнительных конструкциях типа *бүре эттән зурырак* 'волк больше собаки' оно, выражая качественное отношение между сравниваемыми предметами, выполняет функцию сказуемого. Наречие же обозначает признак действия или признака и поэтому в сравнительных конструкциях типа *Ул һинән иртәрәк торҙо* 'Он встал раньше тебя' показывает отношение не между исполнителями, а между их действиями, выполняя функцию обстоятельства. Лишь наречия *аз*, *күн*, а также наречия типа *алда*, *өстә*, представляющие собой изолированные формы местного падежа имен, могут высту-

пать, подобно прилагательным, в функции сказуемого вышеуказанных сравнительных конструкций: *Улар безгә караганда азыраҡ* 'По сравнению с нами их меньше', *Һин эйткән урын бынан алдараҡ* 'Место, о котором ты говорил, несколько впереди'.

Форма интенсива, или усиления качества, выражает оптимальную меру, полноту качества, признака.

Интенсивная форма наречий в башкирском языке, как и у прилагательных, образуется путем частичной редупликации: к началу наречия добавляется первый его слог, на который наращивается структурная морфема *n*, если слог этот открытый: *ары* 'дальше' — *ан-ары* 'значительно дальше', *капыл* 'внезапно' — *кап-капыл* 'совершенно внезапно', *күмәк* 'много' — *күп-күмәк* 'много-премного'; если слог закрытый, то его конечный согласный заменяется структурным элементом *n*: *аз* 'мало' — *ан-аз* 'мало-премало', *бушка* 'зря, ни за что' — *бун-бушка* 'ни за что, ни про что', *иртә* 'рано' — *ип-иртә* 'довольно рано, рано-прерано'.

Количество наречий, пользующихся формой интенсива, в башкирском языке не превышает сорока (тогда как среди качественных прилагательных она носит глобальный характер). Большинство из них составляют корневые наречия.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ НАРЕЧИЙ

Обычной функцией наречия является роль обстоятельства при глаголе, а также роль определения при глаголе, прилагательном и наречии. В следующих предложениях наречия в зависимости от их семантики выступают в качестве различных обстоятельств: 1) образа действия: *Ошо урында һүҙҙе кырка өҙгө* 'Тут он резко оборвал разговор' (С. Агиш); 2) времени: *Тизҙән теге яр ситендә каты бәрелеш тоҡанып китте* 'Вскоре на том берегу началось ожесточенное сражение' (Р. Хакимов); 3) места: *Өтүбән дән тауыш-тынһыз ғына Агизел ағып ята* 'А в низу бесшумно течет Агидель' (М. Тажи); 4) меры и степени: *Һәүбән көзгөлө һарайҙа тыуған үскән ерҙрел күргәс, урта ашкынған* 'Увидев в зеркальном дворце свои родные места, Хаубан очень разволновался' (фолькл.); 5) цели: *Егеттәр уға юрый юл бирмәс өсөн күҙгалманылар* 'Чтобы нарочно не дать ему дорогу, парни не двинулись' (Х. Давлетшина).

Синтаксическая функция наречий не ограничивается выражением различных обстоятельств совершения действия. Показывая признак признака, наречие сочетается с прилагательными и наречиями, т. е. выступает в качестве их определителя, усиливая или ослабляя их значение. В качестве признака признака могут выступать наречия меры и степени, в том числе все так называемые усилительные слова типа *байтаҡ* 'значительно', *бик* 'очень', *үтә*, *ифрат* 'слишком', а также некоторые наречия угодобления: *Көн ғәзәт тән тыш сасқау булғанлыҡтан, мин өшөп кайтып ингәйнем* 'День был чрезвычайно холодным, поэтому я вернулся очень замерзшим' (С. Кулибай); *Ул минән байтаҡ көслө* 'Он гораздо сильнее меня'; *Политбүлек начальниге үз өсөн ғәжәп* 'Начальник политотдела по-своему доволен' (Ф. Исаңголов). Наречия, выступающие в роли определения при прилагательных и наречиях, ни одна другая часть речи не может заменить.

В редких случаях наречие может употребляться в атрибутивной позиции, т. е. выполнять роль определения при существительном. В этой функции употребляются в основном некоторые наречия уподобления на *-са/-сә*, а также отдельные наречия меры и степени типа *күп* 'много', *байтаҡ* 'значительно', *бер талай*, *бер килке*, *бер ни тиклем* 'некоторое количество', *әз* 'мало', *әз-мәз* 'мало-помалу, чуть-чуть', имеющие чисто количественное значение: *иркенсә тормош* 'жизнь в достатке', *жаласа кейем* 'одежда по-городски', *алыса қараш* 'взгляд по-новому'; *байтаҡ иген* 'значительное количество хлеба', *бер ни тиклем утын* 'некоторое количество дров'.

Некоторые наречия могут выступать в качестве самостоятельного сказуемого и принимать предикативные показатели. В этой позиции наречие как главный член предложения оказывается одним из носителей основного понятия высказывания и может иметь при себе зависимые слова и управлять ими, т. е. образует группу сказуемого: *Исәһеҙҙек малы теуәл* 'У того, кто не умеет считать, все н а л и ц о' (погов.); *Без һәр сәк бергә без* 'Мы всегда в м е с т е'; *Шоморт җара күҙҙәре генә үзгәрмәгән, элеккесә* 'Только черные глаза не изменились, к а к и п р е ж д е' (Н. Мусин); *Ә бында эш бөтөнләй киреһенсә* 'А тут дело обстоит совсем н а о б о р о т' (З. Бишева).

Как известно, в башкирском языке при именном сказуемом могут употребляться модальные слова *икән, имеш*, которые придают высказыванию соответствующий их значению модальный оттенок; *Кыуыш тигәнем кәбән имеш* 'То, что я принял за шалаш, оказывается, стог'. Точно так же и наречия, выступая в позиции сказуемого, могут принимать указанные модальные слова: *Бында еләк күп икән* 'Тут ягод м н о г о, о к а з ы в а е т с я (фольк.); *Тышта һалжыһса, имеш* 'На улице, оказывается, п р о х л а д н о'. В этих предложениях модальные слова *икән* и *имеш*, входя в состав наречного сказуемого, осложняют его значение оттенками внезапного умозаключения или удивления. Слово *имеш* может внести также оттенок сомнения: *Уға барыбер, имеш* 'Ему якобы безразлично'.

Для передачи отрицания, как и при именах, употребляется слово *туғел*: *Халыҡ күп туғел* 'Народу немного'; *Бына шулай, ә киреһенсә туғел* 'Вот так, а не наоборот'.

ГЛАГОЛ

Категориальное значение глагола как части речи составляет обозначение действия в его процессуальности. В лексико-семантической основе глагола наряду с номинацией процессуального действия заложены определенные параметры, характеризующие именно живое действие: соотносительность с его производителем, а в ряде глаголов с определенным объектом в его обобщенном представлении. Так, глагол *йом-* 1) 'смыкать, зажмурить', 2) 'закрывать, сомкнуть' по своей семантике предполагает соотносительность со строго определенным субъектом, наделенным уже заданным объектом — глазами (в первом своем значении), ртом и ладонью (во втором значении). Эти и сходные синтаксические потенции однозначно вытекают из самого лексического значения глагола, имплицитно «записаны» в нем таким образом, что носитель языка, осмысливая содержание глагола на собственно лексико-семантическом уровне, одновременно воспроизводит их.

Процессуальность несовместима с предметностью, составляющей категориальное значение имени существительного. Соответственно осмысление действия как процесса, характерное для глагола, уже само по себе исключает возможность его понимания как предмета, и наоборот. В силу этого глагол без соответствующего оформления даже как лексема не может стать именем существительным (и наоборот), хотя действие в принципе может быть осмыслено не только как процесс, но и как предмет¹ (ср. *уйын* 'игра' и *уйна-* 'играть', *улем* 'смерть' и *ул-* 'умирать', а также *шау-шыу* 'гвалт, шум' и т. п.). Эти две части речи полярно противопоставлены друг другу даже на уровне лексико-семантическом, в том числе и в виде корневых морфем². Поэтому собственно глагольная лексема (а не имя действия, образованное от нее), в отличие от всех остальных частей речи, не субстантивизируется, тем более

¹ Обозначением действия без указания на его процессуальность может быть в принципе и местоимение типа *был* 'это', *ошо* 'это'.

² Наличие единичных синкретических корней типа *шеш-* 'нарывать', *шеш* 'нарыв', представляющих, по всей вероятности, неэтимологическую омонимию в результате метафорического переноса значения действия на его результат, не противоречит этому.

в своих спрягаемых грамматических формах, являющихся морфологическими разграничителями.

Действие, выражаемое глаголом, в известном смысле может быть рассмотрено как признак предмета. Но его процессуальность, динамичность не совместима с номинацией признака, передаваемого другими частями речи, в частности именем прилагательным, характеризующим статический признак. Соответственно глагольная лексема противопоставлена и частям речи, выражающим признак предмета³. Противопоставлена она и всем остальным частям речи. В данном случае также обоюдно исключена возможность конверсии. Таким образом, глагольная лексика вообще непроницаема. Правда, глагол необычайно широко используется для образования других частей речи, как и наоборот. Но это возможно исключительно при условии, если он принимает соответствующую словообразовательную форму. Другие части речи вовлекаются в ряды глагола при таком же строгом условии, однозначно характеризующем производное слово только как глагол.

В отличие от других частей речи глагольная лексика непроницаема и для прямых иноязычных заимствований, в том числе и глаголов, которые в необходимых случаях используются лишь в качестве производящей основы, неизбежно принимающей глагольную словообразовательную форму. И это вовсе не потому, что глагол не нуждается в них, а исключительно по незабываемым законам глагольной морфологии.

Морфологически не охарактеризованы лишь корневые глаголы, насчитывающие максимум 600 морфем, и производные сложные глаголы, образованные с их помощью за счет других частей речи и иноязычных заимствований. Все остальные глагольные лексемы, составляющие половину глагольной лексики, насчитывающей минимум 15 000 стабильных слов, уже в своей словарной форме отмечены глагольными словообразовательными морфемами, однозначно характеризующими их с точки зрения категориальной принадлежности.

Независимо от того, имеет ли лексическая основа глагола словообразовательную форму глагола или нет, она немыслима вне грамматической системы глагола. Глагол, как лексема, выделяется, собственно, лишь теоретически. И то весьма условно. Правда, лексическая основа глагола внешне, т. е. графически, совпадает с формой 2-го лица ед. числа повелительного наклонения, которая, однако, на деле немыслима без формального выражения — императивной интонации, местоположения глагола в предложении⁴, структуру и семантику которого она предопределяет, эллипсиса подлежащего. Это совпадение, по существу, является лишь омографическим. Глагольная лексема принципиально не может быть вне системы словоизменения. Это и естественно. В глагольной лексеме обозначаемое действие представлено лишь в крайне абстрагированном его выражении, вне пространства и времени. Между тем, живое действие, как бы оно ни было абстрагировано от неисчислимого множества его конкретных разновидностей и проявлений, не может быть вне этого измерения, вносимого как раз грамматическими категориями глагола, специально предназначенными для уточнения конкретных условий его проявления.

Глагольная лексема включает в себя лишь то, что обще всем глагольным словоформам, которые можно образовать от нее, тогда как каждая слово-

³ В отличие от предыдущего случая здесь, естественно, гораздо больше синкретических корней (но не более десятка) типа *жоро* 'сухой' — *жоро-* 'сохнуть', *туң* 'мерзлый' — *туң-* 'мерзнуть', *ылы* 'теплый' — *ылы-* 'согреться', *эсе* 'кислый' — *эсе-* 'киснуть'. Большинство их возникло в результате отпадения этимологического конечного *р* или *ж* от глагольных прилагательных типа *һаҗыж* 'вопучий' (ср. тат. *һасы-* 'тухнуть' и *һасы-* 'вопучий'). Происхождение остальных омонимов типа *туң* может быть объяснено семантическим способом словообразования — метафорическим переносом значения по общности какого-либо его компонента.

⁴ Предупреждая возможное возражение, заметим, что позиционная закреплённость морфемы и словоформы составляет один из распространённых (ср., к примеру, морфологию китайского языка) способов формального выражения грамматических категорий. См. об этом: Юлдашев А. А. К проблеме аналитизма в тюркских языках. — ВЯ, 1965, № 1.

форма по-своему уточняет и конкретизирует это применительно к данным условиям. Именно грамматическая система глагола, его собственно грамматические категории «оживляют» действие, названное лексической основой глагола в самых общих чертах. Формальное выражение действия как действия по существу достигается именно этим, хотя носителем собственно лексического значения и продолжает оставаться только лексема, за которой оно закреплено на общих основаниях, характерных для всех частей речи. С этой точки зрения глагольная лексема обнаруживает изоморфизм с содержанием корня в составе однокорневых производных слов, объединенных тоже высокоабстрагированным константным компонентом значения.

Из всех частей речи глагол обладает самой разветвленной системой категорий, чрезвычайно разнородных по степени своей грамматикализованности и сфере охвата его лексического состава, характеризующегося вполне достаточной развитостью сообразно с современными коммуникативными запросами⁵.

Каждая из этих категорий по своему уточняет и дополняет лексическое содержание глагола применительно к данному его употреблению, благодаря чему глагол приобретает способность выразить отдельное действие в конкретном его проявлении с указанием даже конкретного его исполнителя (я, ты, он, мы, вы, они), его реальности, нереальности, времени совершения по отношению к моменту речи и т. д.

Еще до поступления в распоряжение собственно грамматической системы глагола его лексическая основа может быть уточнена по содержанию с самых разных точек зрения, характерных для глагола. При этом ее константное значение наподобие содержания корня в составе однокорневых производных слов не меняется сколько-либо существенно, а лишь модифицируется на том же лексико-семантическом, а не грамматическом уровне, хотя и производится в грамматически организованном порядке, т. е. с помощью специальных форм. Примерно такую же модификацию допускают частично и существительные, принимая определенную лексико-грамматическую форму, ср. *брат — братик, братец, братва; друг — дружок, дружище; дом — домик, домище; сила — силища, силенки*, а также прилагательные, изменяясь по степеням сравнения: *умный — умнее, умнейший; главный — главнее, (наи)главнейший*.

Лексико-семантическая модификация глагольной лексемы характеризуется чрезвычайной разветвленностью, не укладывающейся ни в какие схемы глагола (вроде аспектов или способов глагольного действия) языков иных систем. Вне зависимости от своей разнородности их объединяет одно: исходная глагольная лексема при всякой ее модификации в конечном итоге удерживает свое константное лексическое значение, лишь видоизменяет его. В то же время любое это видоизменение, как бы оно ни было минимальным, в конечном итоге нарушает тождество глагола как лексемы.

Модификация каждый раз так или иначе дает относительно автономную производную лексему, не говоря уже о том, что она нередко приводит к резким семантическим сдвигам, когда между исходной основой и обновленной ее разновидностью смысловая связь угадывается лишь с трудом: ср. *ау- 'валиться, опрокидываться'* и *ауыр- 'болеть'*; арх. *һор- 'гнать'* и *һорт- 'вытереть'*, *һорон- 'спотыкаться'* и т. п. Иными словами, здесь мы имеем дело так или иначе со своеобразным внутриглагольным словообразованием, если даже в некоторых случаях (типа *аҗ- 'течь'*, *ағып ят- 'течь'*, *ағып ултыр- 'течь'*) трудно говорить о сколько-нибудь существенном изменении именно самого лексического значения исходной глагольной основы. Такова, в частности, модификация исходной глагольной лексемы аналитическим способом, имеющаяся обычно видообразованием. К ней примыкает по характеру ныне

⁵ Достаточность глагольной лексики в башкирском языке подтверждается хотя бы тем, что в ней так или иначе более или менее точно или по крайней мере близкие эквиваленты находят едва ли не каждый русский глагол, исключая их видовые и родовые модификации, а также отдельные фразеологизмы типа *пожимать плечами*, передаваемые на башкирский язык не лексически, а лишь описательным путем.

непродуктивная по сути аффиксация типа *көлөмкөрө* 'улыбаться', *йокм-һора* 'испытывать сонливость', *жараштыр* 'посматривать', *укыштыр* 'читать время от времени'.

По своей сущности сводится к внутриглагольному словообразованию и вся система залоговой модификации исходной лексической основы глагола, исключая разве формы страдательного залога, образуемые от исходной основы глагола в рамках ее же лексического значения (ср. ал- 'взять' и *алын*- 'быть взятым' и т. п.). Во всяком случае, значительное большинство форм косвенных залогов в их отношении к лексическому значению своей производящей основы являет собой относительно автономные производные лексические единицы, как это косвенно подтверждает давно устоявшаяся традиция включения их в словари в качестве заглавных слов на общих основаниях.

Особую модификацию глагольной лексики представляет образование от нее форм модальности типа *бара ал*- 'мочь пойти', *барып бул*- 'быть в состоянии пойти', *баргым кил*- 'хотеть пойти'. В этом случае действие, выражаемое модифицируемой лексемой, становится всего лишь объектом другого действия (мочь, хотеть и т. п.), составляющего водущее содержание образуемой формы, которая лишь в целом выступает в грамматической системе глагола на правах единой лексической основы глагола, принимая грамматические формы наклонений, времени, лица и числа, деепричастий, причастий и даже имен действия на общих основаниях: *бар*- 'идти' — *бара ал*- 'мочь идти': *бара алманым* 'я не мог идти', *бара ала инем* 'я бы мог идти', *бара алабыз* 'мы можем идти', *бара алмак* 'если сможем пойти', *бара алмагас* 'поскольку не мог идти', *бара алмайынса* 'не будучи в состоянии идти', *бара алмаган (кеше)* '(люди) не сумевшие идти', *бара алыу* — имя действия, *бара алыусы* — имя деятеля.

Таким образом, происходит своеобразное сложение, характеризующееся высокой организованностью на собственно грамматических началах с ясно выраженным модальным содержанием и тем не менее не имеющее прямого отношения к грамматической категории наклонения. Об этом со всей очевидностью свидетельствует сочетание рассматриваемых форм с формами как изъявительного, так и косвенных наклонений. Не менее интересна возможность образования форм модальности чуть ли не от всякой исходной глагольной лексики и от огромного числа вторичных глагольных основ, созданных при так называемом видообразовании и залогообразовании.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА

Словообразование глагола, представляющее очень разветвленную систему, осуществляется путем аффиксации и сложения лексем, из которых в современном языке наиболее продуктивным является способ словосложения.

С Л О В О С Л О Ж Е Н И Е

В современном словообразовании глагола самое большое место занимает сложение двух глагольных основ, т. е. внутриглагольное сложение, которое к тому же производится в серийном (организованном) порядке, составляющем объект деривационной морфологии. Образование же глагола за счет других частей речи, в частности их использование в качестве первой производящей основы, объединяемой с последующей глагольной основой, имеет место ныне несравненно реже. Причем, такие отыменные сложные глаголы создаются обычно в индивидуальном (не серийном, или организованном) порядке без использования определенных словосложительных стереотипных моделей, что делает их объектом не столько словообразования, сколько словаря и исторической лексикологии, а отчасти — фразеологии и фразеологического словаря.

Внутриглагольное сложение сводится главным образом к так называемому видообразованию, под которым ныне уже принято, наконец, понимать словообразование, а не собственно грамматическую категорию вида, в конечном итоге связанную со словообразованием даже в русском языке, где она получила наибольшее развитие и грамматикализацию. Кроме того, сюда относится очень продуктивное сложение спрягаемого глагола *ит-* 'делать' с предыдущим русским инфинитивом типа *танцевать ит-* 'танцевать', которые объединяются, однако, с множеством отыменных глаголов вроде *ялт ит-* 'сверкать', в свою очередь, находящихся в системных отношениях с отыменными глаголами активного действия на *-ла/-лэ* (ср. *терт ит-* / *тертлэ-* 'вдрогнуть').

Во внутриглагольном словообразовании ранее участвовала также и аффиксация. В частности, многие производные глаголы созданы с помощью афф. *-ш, -л, -н, -т, -тыр* и т. п., которые впоследствии стали показателями взаимного, страдательного, возвратного и поудительного залогов, лишившись своей прежней словообразовательной функции.

В свое время довольно продуктивным было также образование производных глаголов с аффиксами, выражающими характер протекания действия: различные оттенки интенсификации или, напротив, ослабления, неполного проявления действия (1), эпизодическую повторяемость или раздробленность действия во времени, совершаемого без усердия, как бы мимоходом (2): ср. 1) *аб-ып-* 'спотыкаться' (*аб-* > *ау-* 'упасть, свалиться'), *бок-лэ-* 'загибать, сгибать' (*бок-* 'гнуть'), *көллэ-ш-* 'ревновать, завидовать' (*көллэ-* 'ревновать'), *кыу-ала-* 'погонять' (*кыу-* 'гнать'), *кыс-та-* 'торошить, погонять' (в работе), 'упрашивать поест' (*кыс-* 'жать, прижимать, теснить'), *кызык-һыл-* 'заинтересоваться' (*кызык-* 'интересоваться'), *көләм-һөрә-* 'улыбаться' (*көл-* 'смеяться'), 2) *тэрт-көллэ-* 'подталкивать' (*тэрт-* 'толкать'), *югер-геллэ-* 'побегать' (*югер-* 'бегать'), *кара-штыр-* 'посматривать, поглядывать' (*кара-* 'смотреть'), *кара-штыр-ғыла-* 'посматривать, поглядывать время от времени', *уҡы-штыр-* 'почитывать' (*уҡы-* 'читать'), *уҡыштыр-ғыла-* 'почитывать время от времени', *кил-геллэ-* 'приходить время от времени' (*кил-* 'прийти, приехать, прибыть') и т. п. Из этих словообразовательных форм в современном языке свою продуктивность более или менее сохранили, однако, лишь формы на *-штыр/-штыр* и на *-ғыла/-геллэ*, выражающие эпизодическую повторяемость или раздробленность во времени неинтенсивного действия.

За этим небольшим исключением современное внутриглагольное словообразование производится аналитическим путем: 1) по сложившимся стереотипным моделям, отдельные из которых переросли, по существу, в регулярные словосложительные формы аффиксального характера, 2) способом сложения десемантизированной формы деепричастия на *-н* или на *-а/-э, -й* со спрягаемым глаголом, при этом оба компонента лишены раздельного осмысления.

В первом случае словообразование осуществляется в организованном порядке — глагол имеет словообразовательную структуру, составляющую объект словообразовательной морфологии. Во втором — в индивидуальном порядке, не имеющем прямого отношения к морфологии, поскольку здесь не приходится говорить о создании одного производного слова по образцу другого. Ко второму разряду сложных глаголов, составляющих объект словаря и отчасти исторической лексикологии, относятся также и производные глаголы, унаследованные в башкирском языке от общетюркского языка-основы и, быть может, созданные по определенным моделям, уже не участвующим в современном башкирском словообразовании. И в том, и в другом случае первый компонент сложного глагола выступает в форме деепричастия, лишённого всякого значения и синтаксической функции. Во всем остальном сложный глагол выделяется по общим критериям сложного слова; исключение составляет лишь раздельное написание его компонентов.

Многие сложные глаголы второго разряда структурно совпадают с первым разрядом: ср. *тартып ал-* 'вырвать (из рук), отнять, отобрать силой' в его отношении к модельному сложению типа *ашап ал-* 'закусить слегка', *йоклап ал-* 'поспать'. Нередко одна и та же форма в одном контексте выступает как глагол первого разряда, в другом — как второго: ср. *ул укып тора* 'он стоит и читает' и *ул кылган бер газетаны укып тора* 'он читает всякую газету, которая поступает'. Поскольку, к тому же, модельное сложение исторически в конечном итоге формируется на базе отдельных сложных слов, созданных в индивидуальном порядке, необходимо хотя бы вкратце рассмотреть оба эти способа сложения, сосредоточив внимание, однако, на первом из них. Тем более, что и при организованном сложении производный глагол нередко обнаруживает значительное отклонение от типового значения данной словообразовательной модели, по которой он образуется, как это наблюдается, впрочем, и при аффиксальном словообразовании.

Организованное сложение

Организованное внутривербальное сложение производится либо по стереотипной деривационной модели, где компоненты, претерпевая частичную или сильную десемантизацию, принимают в создании нового лексического значения примерно одинаковое доленое участие, либо с помощью сложной словообразовательной формы, в составе которой деепричастный аффикс в сочетании с последующим спрягаемым глаголом, лишенным своего исконного значения, выделяется как сложный формант с необратимым словообразовательным значением наподобие аффикса: ср. *язып бир-* 'написать для кого-л.' и *кыскырып ебэр-* 'закричать', *йырлап ебэр-* 'запеть' и т. п.

В большинстве случаев словообразование производится по второму способу, при котором многие формы в зависимости от характера лексического значения производящей основы выступают, однако, и в качестве словосложительной модели: ср., с одной стороны, *тороп тор-* 'постоять пока, подождать', *ултырып тор-* 'посидеть, сидеть пока', *йөрөп тор-* 'походить, ходить пока', с другой стороны — *язып тор-* 'записывать', *карап тор-* 'наблюдать' и т. п., где *тор-* в первом случае полностью десемантизован и выделяется лишь как компонент сложного форманта *-п тор-*, а во втором выступает в качестве одной из двух производящих основ, на паритетных началах, мотивирующих вновь создаваемое лексическое значение, как это наблюдается во всяком сложном слове.

В сложной словообразовательной форме выделяется лишь одна производящая основа, которая мотивирует производимое значение в совокупности со сложным формативом: ср. *тор-оп тор-* 'в ожидании кого-/чего-л. некоторое время выполнять действие, названное производящей основой'. Здесь новое слово создается по существу отнюдь не путем собственно сложения, а по принципу аффиксации.

Ни к словосложительным моделям, ни тем более к сложным словообразовательным формам не имеют прямого отношения так называемые формы на *-а/-э*, *-й башла-*, *-п бот-* и т. п., в существующих источниках рассматриваемые обычно в одном ряду с ними. Ибо глаголы *башла-* 'начинать, приступать' и *бот-* 'кончать, заканчивать' реализуются здесь в своем обычном лексическом значении, предполагающем прямой объект, в качестве которого и выступает предыдущее деепричастие, рудиментарно отражая свое бывшее употребление в функции инфинитива: ср. *укуу башланды* 'учеба началась' и *укый башланьж* 'мы начали учиться'; *эш боттө* 'работа закончена' и *эш-лөп бөттө* 'я закончил работу'. Это подтверждается возможностью замены

⁶ Другое дело, когда глагол *бот-* десемантизируется и в сочетании с предыдущим деепричастием, тоже лишенным своего значения, создает производные слова с типовым значением вроде *арып бөт-* 'крайне устать', *буялып бөт-* 'измазаться, вымазаться', *иттеген бөт-* 'известись, измучиться', *сатнап бөт-* 'растрескаться' и т. п.: *Бөтөнлай күзгөрем тилип бөттө* (К. Мөргөв) 'Глаза мои очень утомились'; *Юлө күз таба алмай*

деепричастия при глаголе *башла-* инфинитивом на *-рга/-ргә*⁷: *Бер оратор сығып һойләргә башлань* (Д. Юлтый) 'Вышел какой-то оратор и начал выступать'; *Юлда арып, туңып килгән кешеләр, кайныһы стенаға һойәлеп, кайныһы чемодандарына баштарып һойәп, хырылдарға башланьлар* (Д. Юлтый) 'Изможденные и окоченевшие в пути люди по прибытии захрапели, кто прислонившись к стене, кто положив голову на свой чемодан'; *Ғилажи калай кружканан бер нисә йотом сәй һемерзе лә һойләшергә башлань* (А. Таһиров) 'Ғилажи, выпив несколько глотков чая из жестяной кружки, начал говорить'.

К образованным собственно сложением композитам не могут быть отнесены также и обстоятельственно-копулятивные глагольные словосочетания типа *югереп сык-* 'выбежать', в которых компоненты тоже реализуются в своих обычных значениях, первое действие, представленное деепричастием, выражает способ совершения второго действия, производимого одновременно с ним одним и тем же лицом. Способ или образ действия выражен здесь грамматически в полном соответствии с одним из основных синтаксических назначений деепричастия на *-п* без всякого ущерба для лексического значения обоих глаголов, сочетающихся друг с другом по структурной схеме синтаксиса.

Нельзя без оговорок включать в число словообразовательных форм также и чрезвычайно распространенные в башкирском языке копулятивные словосочетания типа *барып (килеп, сығып, менеп, тошоң* и т. п.) *ултыр-* 'пойти (выйти, прийти, взобраться, спуститься) и усесться', *кереп (килеп, менеп* и т. п.) *ят-* 'зайти (прийти, взобраться) и улечься', предназначенные для выражения двух самостоятельных последовательно совершаемых действий с заметной актуализацией последнего из них. Здесь деепричастие на *-п* выполняет другую свою функцию — присоединительную, противопоставляя предшествующее действие последующему точно таким же образом, что и союз *да/да* (ср. *барзым да ултырзым* 'я пошел и уселся'). Оба глагола реализуются в своих значениях, соотносенных друг с другом на названных началах благодаря форме деепричастия и ее местоположению.

По данной структурной схеме копулятивного глагольного словосочетания нередко создаются и сложные глаголы промежуточного характера с относительно цельным лексическим значением, отнюдь не во всем совпадающим с исходными лексическими значениями своих производящих основ: ср. *күрешеп сык-* 'зайти, поздороваться и выйти', *һойләшеп сык-* 'зайти, поговорить и выйти'. Среди них встречаются и бесспорные композиты типа *алып кайт-* 'привезти', *алып кит-* 'увесть, унести'. Но все эти производные глаголы, образуемые обычно в индивидуальном порядке благодаря специфике лексической сочетаемости двух глаголов, не могут быть поставлены в один ряд с названными свободными копулятивными словосочетаниями, составляющими типологическое свойство тюркских языков⁸.

Словосложительные модели и деривационные сложные формы обнаруживают общность с перечисленными тремя типами свободных глагольных сочетаний — объектные, обстоятельственнокопулятивные, копулятивные — лишь внешне, как это свойственно и всем остальным типам и разновидностям свободных глагольных словосочетаний, первый компонент которых выражен деепричастием.

тирләп бөтәтөм (Т. Йәнәби) 'Не найдя нужных слов, я даже испотел'. Сходную функцию выполняет в сочетании с деепричастием на *-п* и производный глагол *бөтөр-*: *Шунда инде аллаһ низәр уйлап бөтөрҙөм, әй* (Т. Йәнәби) 'О чем только не подумал я тогда'.

⁷ В таком свободном словосочетании с инфинитивом на *-рга/-ргә* может быть заменен и сам глагол *башла-* синонимом *тотон-* 'начинать, приступать': *Улар икәһе һойләшергә тотондолар* (Т. Йәнәби) 'Они вдвоем начали говорить'; *Һуңынан был укһен-укһен аларға тотондо* (З. Хисмәтуллин) 'Потом она стала горько плакать'. В отдельных тюркских языках, например турецком и чувашском, и при глаголе *башла-* употребляется не деепричастие, а только инфинитив, как это имеет место в данном случае.

⁸ Как это давно замечено, из двух совершаемых одно за другим действий первое должно быть обозначено деепричастием на *-п* (*Мелиоранский П. М.* Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. II. Синтаксис. СПб., 1897, с. 36).

По степени своей грамматикализованности, по характеру лексического значения производимых глаголов, по градации мотивированности этого значения и по продуктивности словосложительные модели и сложные словообразовательные формы очень разнородны. Поэтому каждая модель или форма рассматривается ниже отдельно, как это и должно быть при описании всякой словообразовательной формы.

Форма на *-п ят-*

Форма на *-п ят-*, выражающая процессуальность при полной десемантизации своих компонентов и представляющая собой необратимый сложный формант аффиксального типа, вовлекает в словообразование сравнительно широкий круг глаголов состояния типа *йэшэ* 'жить', *ак-* 'течь', *ян-* 'гореть' и некоторые глаголы активного действия вроде *эшлэ* 'работать', *яз-* 'писать': *Был ауылдарза халк ботәллэй каласа тил эйтерлек йэшәп ята* (К. Мәргән) 'В этих деревнях народ живет, можно сказать, совсем по-городскому'; *Шәп кенә эшләп яталар* (Ғ. Әмири) 'Они довольно хорошо работают', где действие, выраженное производящей основой, представлено как находящаяся в процессе его совершения.

При глаголах активного действия, совершаемого субъектом в лежачем положении, оба компонента этой формы (деепричастие на *-п* и полнозначное слово *ят-* 'лежать') выступают в своем обычном значении, исключая возможность ставить их сочетание в один ряд с монолитной формой на *-п ят-*: ср. *ужып ята* 'лежит и читает', где без нарушения структурной схемы свободного обстоятельственно-копулятивного словосочетания оба компонента могут быть свободно заменены (ср. *ужып ултыра* 'он сидит и читает' и *карап, шаярып, кәләп, һөйләшәп, ғырылдап* и т. п. *ята* 'он лежит и наблюдает, балуется, смеется, разговаривает, храпит') или осложнены зависимым словом (ср. *газета ужып ята* 'лежит и читает газету', *бик жаты ғырылдап ята* 'лежит и очень сильно храпит', *миңең менән һөйләшәп ята* 'лежит и разговаривает со мной', *шаржылдап кәләп ята* 'лежит и громко смеется').

Форма на *-п ултыр-*

Форма на *-п ултыр-* во всех отношениях стоит очень близко к форме на *-п ят*. Семантически она отличается от нее только тем, что выражает процессуальность, протекающую на глазах говорящего, тогда как в форме на *-п ят-* некоторые глаголы типа *йэшэ* 'жить' обнаруживают значение длительности, не допустимой при форме на *-п ултыр*. Образуется она от небольшого числа глаголов состояния типа *үс-* 'расти', *ян-* 'гореть', *ак-* 'течь': *Кайһы бер ағастар, шәм кеүек, тәп-тәз, зифа буйлы булып үсәп ултыралар* (Ғ. Әмири) 'Некоторые деревья растут так стройно, что напоминают свечу'.

От глаголов активного действия, соотношенного с названием лица, *-п ултыр-* образует свободные обстоятельственные словосочетания, в которых все их компоненты, в том числе и деепричастие на *-п*, реализуются в своих значениях, не имеющих отношения к рассмотренной монолитной форме на *-п ултыр*: ср. *жасып ултыра* 'сидит и прячется', *һүгенәп ултыра* 'сидит и ругается', *төкөрәп ултыра* 'сидит и плюется', *карап ултыра* 'сидит и наблюдает, смотрит' и т. п. Деепричастный компонент при этом свободно пользуется своими синтаксическими потенциями и морфологической изменяемостью, допустимой в рамках данного словосочетания: ср. *телен күрһәтәп ултыра* 'сидит и показывает свой язык', *хат язып ултыра* 'сидит и пишет письмо', *һинән кәләп ултыра* 'сидит и смеется над тобой', *кәлмәй ултыра* 'сидит и не смеется', *һөйләшә алмай ултыра* 'сидит, не будучи в состоянии говорить' и т. п. Это лишнее раз доказывает неправомочность рассмотрения *ултыр* как компонента сложного глагола. В этом случае он выступает как полнокрюпная синтаксическая единица.

Форма на *-п тор-*, характеризующаяся грамматикализованностью и высокой продуктивностью, выступает в четырех основных значениях, обусловленных характером лексического значения производящей основы.

1. В непереходных глаголах состояния форма на *-п тор-* выражает процессуальность либо как постоянное свойство (а), либо как необычное новое свойство (б) подлежащего, проявляемое в данный момент: а) *Төндэ кала өстө бөтэ тирэ якка нур хибеп тора* (К. Мэргэн) 'Ночью зарево над городом освещает всю окрестность'; *ел өрөп тора* (Д. Юлтый) 'дует ветер'; *асылынып тора* 'висит'; *һелкөнөп тора* 'шатается, трясется'; б) *Кул ницэлөр бөгөн тулкынланып тора* (С. Агиш) 'Озеро сегодня что-то волнуется'; *ямгыр алып тора* 'пошел дождь'; *һалкынайтып тора* 'что-то погода стала холодной'.

2. В переходных и некоторых непереходных глаголах, выражающих обычно законченное действие, форма на *-п тор-* характеризует его как эпизодически или регулярно повторяющийся процесс: *Фронт хэбэрзэрен белеп торабыз* (Д. Юлтый) 'Фронтовые вести слышим регулярно'; *Һөйләп китһэ, ундай халдар булып жына тора инде ул* (З. Хисмәтуллин) 'Если уж говорить без обиняков, такие случаи бывают нередко'; *Ул көп һайын иренец кайгыһын, шатлыгын уртаклашып тора* (К. Мэргэн) 'Она каждый день разделяет и радость и горе, переживаемое ее мужем'.

3. В непереходных глаголах состояния типа *ултырып тор-* 'посидеть, сидеть некоторое время', *тороп тор-* 'стоять, стоять некоторое время; подождать' и в отдельных непереходных глаголах действия типа *йөрөп тор-* 'походить, ходить некоторое время', выражающих обычно незаконченное действие, форма на *-п тор-* обозначает процессуальность как непродолжительный предварительный акт, совершаемый, как правило, в ожидании кого/чего-л.: *Без уны-быны жарамайынса стена буйына сумкаларзы һалдык та, шуларзың өстөнә у л т ы р ы п т о р з о ж* (Д. Юлтый) 'Мы, не обращая внимания ни на что, сложили свои сумки вдоль стены и посидели на них некоторое время'.

4. В некоторых глаголах активного действия форма на *-п тор-* означает 'заниматься тем, что выражено производящей основой', ср. *Мин һөйләйем, эһин азып тор* 'Я буду говорить, а ты записывай'.

В третьем значении дееспричастный компонент формы может быть представлен в отрицательном аспекте: *Мин тәүҙә аңламай торҙом* (Ә. Вәли) 'Вначале я не понял (букв.: некоторое время находился в таком состоянии)'; *Был бик һылыу, мәнәбәт кыз, миңә илтифат итмәз тип күңел ышанмай торҙо* (Т. Йәнәби) 'Мне некоторое время не верилось, что такая красивая, обаятельная девушка может удостоить меня вниманием'⁹. Когда второй компонент формы ставится в отрицательном аспекте (*-п торма-*), она приобретает самостоятельный характер с регулярным типовым значением 'не стоит заниматься тем, что обозначено производящей основой': *Уньһын һөйләп тормаймын* (Т. Йәнәби) 'Об этом я не стану говорить; *Алып торма* 'Не бери, не стоит брать'.

С помощью формы на *-п тор-* сложные глаголы создаются в одном из названных четырех значений в серийном порядке по стереотипным моделям. Некоторые сложные глаголы на *-п тор-* по своей словообразовательной природе не укладываются в эти модели. Созданные, по всей вероятности, в индивидуальном порядке, они стоят особняком: ср. *биреп тор-* 'дать взаймы на время', *һизеп тор-* 'предчувствовать, знать заранее', *үлеп тор-* 'души не чаять'. Среди них можно указать на ясно мотивированные сложные глаголы типа *баһыл тор-* 'стоять' (букв. 'стоять, стоять'), близкое к свободным словосочетаниям.

⁹ На базе отрицательного варианта рассмотренной формы сложилась самостоятельная форма дееспричастия на *-май/-мәй тороп* с ограничительно-временным обстоятельством значениям: *Сәлмәнде үз кулы менән ултыртып ебәрмәй тороп, урынман жуғалманы* (К. Мэргэн) 'Пока не проводил Сальмана, усадив его своими собственными руками, не сдвинулся с места'.

Во всех случаях, когда глагол *тор-* реализуется в своем обычном значении, предыдущее деепричастие на *-n* выражает либо способ совершения действия, обозначенного им, или же информативно второстепенное действие, совершаемое одновременно с другим действием, представленным последующим глаголом *тор-* 'стоять, жить': *Ошонда хуғыш бөткэс килеп, иркеллэп рэхэтлэп торға ине* (Д. Юлтый) 'Вернуться бы сюда после войны и пожить, наслаждаясь вволю'; *Моталов урынынан һикереп үк торзо* (Ә. Вәли) 'Муталов мгновенно соскочил со своего места'; *Мин тәмже тоқандырып, тээрәнән карап торам* (Д. Юлтый) 'Я, закурив, стою и наблюдаю из окна', где *тор-* является ведущим компонентом свободного глагольного словосочетания.

Форма на *-n йөр-*

Форма на *-n йөр-*, семантически примыкающая к рассмотренным трем формам выражения процессуальности, образует сложные глаголы по двум моделям:

1) в глаголах состояния, в частности в глаголах чувственного восприятия, соотносенных с названием лица, она имеет единое типовое значение 'находиться в состоянии, обозначенном производящей основой': *асыуланп йорой* 'он сердится', *кайгырып йорой* 'он печалится';

2) в непереходных глаголах активного действия обнаруживает объединяющее их типовое значение 'заниматься тем, что обозначено производящей основой: *килеп йөрөй* 'он приходит', *уқып йөрөй* 'он учится, занимается учебной', (лекция) *уқып йөрөй* 'он занимается чтением (лекций), *зиллэп йөрөй* 'он работает', *кайтып йөрөй* 'возвращается регулярно'.

Оба типовых значения формы на *-ып йөр-* заметно мотивированы лексическим содержанием глагола *йөр-*, который, однако, в составе этой формы отдельно не осмысливается. Этим форма на *-n йөр-* отличается от предыдущих трех форм, где компоненты *ят-*, *улыыр-*, *тор-* полностью десемантизированы.

Отрицательный эквивалент ее *-n йөрәмә-* выступает как самостоятельная довольно продуктивная словообразовательная форма с типовым значением 'не стоит заниматься тем, что обозначено производящей основой.' Она вовлекает в словообразование главным образом непереходные глаголы активного действия: *барып йөрәмә* 'не ходи, не стоит ходить', *кереп йөрәмә* 'не заходи, не стоит заходить'.

Когда глагол *йөрө-* 'ходить' выступает в своем обычном значении, то предыдущее деепричастие используется по своему назначению как член свободного словосочетания, выражающий чаще всего способ действия или его цель (реже): ср. *һанан йөрөй* 'он ходит и считает', (*дәфтәр*) *өләшеп йөрөй* 'он ходит и раздает (тетради)', *һине эзлэп йөрөй* 'он ходит, разыскивая тебя'.

Форма на *-n бар-* (*кил-*)

Оба варианта этой формы (*-n бар-/ -n кил-*) совершенно одинаково выражают процессуальность как постепенное приближение конечного ее этапа, если производящая основа выражена непереходным глаголом состояния: *Кеҗәбегзә сәтләуж тә эз әй еп бара* (Г. Йәнәби) 'Постепенно кончатся и орехи в кармане'; *бөтөп бара (килә)* 'кончается', *бозолоп бара (килә)* 'портится', *бешеп бара (килә)* 'дозревает', 'доваривается'. В глаголах же активного действия она выступает обычно в первом своем варианте и означает 'регулярно заниматься время от времени тем, что обозначено производящей основой': *уқып бар-* 'прочитать', *язып бар-* 'записывать', *тикшереп бар-* 'систематически проверять'. В некоторых подобных переходных глаголах форма на *-n бар* не имеет значения повторяемости, выражает длительное действие как единый процесс: *Ә безең иптәштәр, һорау була җалһа, арнан һис кемде бирмәу тураһында агитация алып баралар* (Д. Юлтый) 'А наши товарищи ведут агитацию о том, чтобы в случае проявления любопытства никого из нас не выдать'.

В отдельных глаголах движения форма на *-n бар* обозначает внезапную исчерпанность действия, его законченность: *Ул баш эйзе лә китеп тә барзы*

(С. Агш) 'Он поклонился и был таков'. Но в форме настоящего времени изъявительного наклонения она в глаголах движения выражает, напротив, процессуальность, протекающую на глазах, что мотивировано лексическим значением глагола *бар-* 'идти, ехать' (туда), частично реализуемым наряду со значением предыдущего глагола: *сыгып бара* 'он выходит (туда)', *үтөп бара* 'проходит мимо', *китеп бара* 'уходит', *төшөп бара* 'спускается (туда)', *менеп бара* 'поднимается (туда)'. Точно на таких же началах выступает в глаголах движения и форма на *-п кил-*, выражающая направленность совершающегося на глазах говорящего действия в его сторону: *сыгып килэ* 'выходит (сюда)', *менеп килэ* 'поднимается (сюда)'.

В составе обеих форм в мотивации их профилирующего значения, помимо двух производящих основ, определенное доленое участие принимает также и деепричастный афф. *-п*, характеризующий первое действие как способ совершения второго. Тем не менее вновь создаваемое значение представляется в принципе цельным, не позволяющим раздельно осмысливать производящие основы. В силу этого все перечисленные типы образования на *-п бар-/п кил-* могут быть квалифицированы как сложные глаголы, образуемые по единой модели сложения (а не с помощью монологической формы, поскольку здесь ни один из компонентов сложного глагола полностью не десемантирован).

Отдельные сложные глаголы, образованные по данной модели, бытуют на правах омонима свободного словосочетания: ср. *кайттып кил-* 1) 'возвращаться (в данный момент)', 2) 'съездить домой и вернуться'.

Форма на *-а/-э, -й бар-*

Эта форма активно употребляется для выражения нарастания процесса, обозначенного производящей основой глагола состояния: *Ике донъя араһында көрәш артабан да бер генә минутка ла туктаманы, киреһенсә, ул кесейә, алуһызлығын арттыра барзы* (Ғ. Әмири) 'Борьба между двумя мирами и в дальнейшем не прекратилась ни на минуту, она, напротив, усиливалась, становилась все более ожесточенной'; *Ә ул һаман алыслаша, кырыслаша, бөтә әйләнә тирәһе бизеү, ситһенеү тойғоһона бирелә генә бара* (З. Бишева) 'А он постоянно избегал людей, все более дичал и становился чужим и замкнутым'. В зависимости от контекста при некоторых глаголах эта форма выражает регулярную повторяемость определенного процесса: *Нефтселәр көн һайын һиндәйзәр уңышка ирешә барзылар* (К. Мәргән) 'Нефтяники каждый день добивались какого-нибудь успеха'.

Форма на *-а/-э, -й төш-*

Данная продуктивная форма выражает незначительную интенсификацию процесса или реже действия, обозначенного производящей основой: *Сәлмәндең асыуы бер аз баһыла төштө* (К. Мәргән) 'Гнев Сальмана несколько остыл'; *Уларҙы курғас, Ғаяз бай ҡаушай төштө бугай* (Д. Юлтый) 'Увидев их, Ғаяз бай, кажется, несколько растерялся'.

Форма на *-а/-э, -й тор-*

Образуемая от очень широкого круга глаголов действия и некоторых глаголов состояния, эта форма выражает непродолжительную процессуальность как предварительный акт в ожидании кого-либо или чего-либо: *Сәтләүек ашай тор* (Т. Йәнәби) 'Ешь пока орехи'. В некоторых глаголах движения она выражает постулативное нарастание действия: *Яңынан-яңы егеттәр килә торалар* (Т. Йәнәби) 'Парни все прибывают и прибывают'.

Форма на *-а/-э, -й бир-*

Эта форма выражает преимущественно продолжение действия (1) или состояния (2) как процесса, протекающего в данный момент: 1) *Ғәйшә Муталова сәғәтенә лә ҡарап тормай эшләй бирә* (Ә. Вәли) 'Гайша Муталова продолжает работать, даже не глядя на свои часы'; *Үзҙәрененә заманы шулай бит инде, йөрөй бирһен* (Һ. Дәүләтшина) 'Таково уже их время, пусть про-

должает ходить'; 2) *Кояш кыззыра бирэ* (Ө. Бикчэнтэев) 'Солнце все печет и печет'. В императиве глагол активного действия выражает, кроме того, нарастание процессуальности перед конечным ее этапом: *кайната бир* 'покипяти еще немного', *йылыта бир* 'подогрей еще'.

Форма на -н ебэр-

В отличие от предыдущей группы форм, выражающих ту или иную разновидность процессуальности, эта форма, как и многие последующие формы, обозначает, напротив, исчерпанность определенной фазы действия, а именно — внезапной интенсивной его завязки применительно к глаголам типа *кыскыр* 'кричать', *йырла* 'петь', *кол* 'смеяться, хохотать', отражающим обычно реакцию в виде изданного звука. Для нее характерно употребление в прошедшем времени на -ды и реже в императиве. Причем в сфере прошедшего времени на -ды с ней широко конкурирует ее стилистический вариант на -ды ла *ебэрзе*: ср. *Иуғыштан куркын кайза барайык?* — *тине ла, шаркылдап колөп ебэрзе* (Д. Юлтый) 'Куда же нам деваться, если бояться войны?' — сказал он и громко захохотал'; *Шулай килэ торгас, Зобэйза туташ шыркылдап колдө лэ ебэрзе* (Т. Йәнэби) 'Пока мы шли так, барышня (моя) Зубайда не выдержала — взяла да громко засмеялась'.

В глаголах действия, не связанных с выражением звучания, форма на -н *ебэр*- выражает исчерпанность его совершения в один прием и результативность: *Вот, безең компании хэзер офицерскей!* — *тип, папирсты тожандырып ебэрзе* (Д. Юлтый) 'Вот, наша компания теперь офицерская! — сказал он и закурил папиросу'; *Байғужа менэн Буранбаев кайзандыр алама септэ табыл ингэндэр. Уны асқа түшпн ебэрзек* (Д. Юлтый) 'Байғужа с Буранбаевым где-то нашли и притащили ветхую рогожу. Мы ее постелили под себя'. Глагол *ебэр*- 'отпустить, послать', частично реализуя свое исходное значение, нередко выступает также в качестве замыкающей производящей основы сложных глаголов типа *кыуып ебэр*- 'прогнать, отогнать, отпугнуть', *кайтанып ебэр*- 'отпустить домой', отдельные из которых вроде *сығарып ебэр*- 'выпустить' (букв. 'отпустить, выпустить') с ясно мотивированным значением, вытекающим из их структуры, близко стоят к свободным словосочетаниям.

Форма на -н ал-

Эта форма выражает, как правило, исчерпанность энергичного проявления активного одноактного действия: *Ул ғәзэт буйылыса безең кемдәр икән-небезе, кайзан килеүебезе һорашып алды* (М. Гафури) 'Он по привычке расспросил нас, кто и откуда мы'. В некоторых глаголах типа *ашап ал*- 'поест', *йоклап ал*- 'послать' она характеризует частичное проявление такого действия. В зависимости от характера лексического значения производящей основы она выражает также и более частные оттенки законченного действия, не отличающиеся такой типизированностью: *белеп ал*- 'разнюхать, узнать (неожиданно)'; *язып ал*- 'записать (для себя)', *күреп ал*- 'замечать, увидеть вопреки ожиданиям', *тотоп ал*- 'схватить, поймать'.

Во всех случаях, где глагол *ал*- 'взять' выступает в своем обычном значении, предыдущее деепричастие на -н выделяется как синтаксическая единица, чаще всего выражая способ совершения действия: *һорап ал*- 'взять с разрешения', *кереп ал*- 'зайти и взять', *йыйып ал*- 'собрать (и взять)', *тартып ал*- 'отобрать, вырвать' (букв. 'взять, вырвав, притянув к себе').

Форма на -н ташла-

Эта форма выражает главным образом исчерпанность энергичного совершения действия в один прием: *Уйламаған бер эш эшлән ташланым бит* (Д. Юлтый) 'Я же неожиданно совершил один поступок'. При этом она чаще всего привносит субъективную оценку пренебрежения, особенно в глаголах типа *язып ташла* — 'написать', *яһап ташла*- 'сделать, смастерить'.

В сочетании с предыдущим деепричастием типа *сығарып*, выражающим способ совершения действия и сохраняющим исходное лексическое значе-

ние глагола, *ташла-* 'бросать, кидать' реализуется в своем обычном значении как ведущий компонент свободного словосочетания: *сыгарып ташла* 'выбросить, выкинуть' (букв. 'вынести и выбросить, выкинуть'), *алып ташла* 'выбросить, выкинуть' (букв. 'взять и выбросить, выкинуть'). Это подтверждается возможностью замены такого деепричастия спрягаемой формой глагола в сочетании с союзом: ср. *сыгар за ташла, ал да ташла*.

Форма на *-п ет-*

Данная форма менее идиоматична, чем предыдущие. В ее составе *ет-* заметно реализует свое исходное значение 'достигать'. Она выражает достижение предела состояния или действия: *Бик ауыр сэгэт килеп етте* (Ө. Бикчәнтәев) 'Настал очень трудный час'; *Паркка барып еттек* (Т. Йәнәби) 'Мы дошли до парка'. Тем не менее глагол *ет-*, как и предшествующее деепричастие, лишен раздельного осмысления. Это и позволяет считать его типизированным (повторяющимся в одном и том же качестве при ряде глаголов) компонентом сложившейся словообразовательной модели (не формы, ибо здесь нет полной десемантизации).

В прошедшем очевидном времени *-п ет-* свободно может быть заменена стилистическим эквивалентом *-ды-ла етте-*: *Морат иптәш миңең арттан килеп тә етте* (Т. Йәнәби) 'За мной пришел товарищ Мурат'.

Значительно более идиоматичен (менее ясно мотивирован по своему значению) отрицательный эквивалент этой модели — *-п етмә-*, всегда выражающий недосовершенство действия или состояния: *Уньһының мәғәнәһен мин аңлап етмәнем* (Ө. Бикчәнтәев) 'Его смысл я не понял до конца'; *Ул миңә окшاپ етмәне* 'Он не совсем понравился мне'. С ним конкурирует на началах стилистического варианта форма на *-п еткәрмә-*: *Мин әле ул сағында был һүҙең мәғәнәһен дә аңлап еткәрмәй инем* (Н. Котдосов) 'В то время я еще недопонимал даже смысла этого слова'. В отличие от положительного аспекта оба отрицательных эквивалента данной формы с полным основанием могут быть квалифицированы как самостоятельные словообразовательные формы, отличающиеся сравнительно высокой продуктивностью.

Форма на *-п сык-*

Эта форма выражает законченное действие с исчерпывающим охватом его объекта: *Салман быларзың барыһын да берәм-берәм хәтерләп сықты* (К. Мәргән) 'Салман одно за другим вспомнил каждое из этих событий'; *Таз фәжирәргә алтын, байзарға көмөш таратып сықты* (фолькл.) 'Таз (прозвище — Паршивец) раздал бедным и калекам золото, богачам — серебро'. Форме на *-п сык-* омонимичны: 1) сложные глаголы типа *булып сык-* 'оказаться, получиться', *барып сык-* 'получиться; приходиться как-нибудь', *жайнап сык-* 'закипеть', *алып сык-* 'вынести, вывести, выйти, захватив кого-что-л.', *һөйләшеп сык-* 'зайти, поговорить и выйти', *күрешеп сык-* 'зайти, поздороваться и выйти' и т. п., в которых при отсутствии названного типового значения формы в известной мере так или иначе реализуется исходное лексическое содержание глагола *сык-*, 2) устойчивые словосочетания типа *югереп сык-* 'выбежать', где первый компонент выражает способ совершения действия, представленного вторым компонентом.

Форма на *-п кит-*

Эта форма во множестве глаголов состояния типа *батырланып кит-* 'осмелеть', *дэртләнеп кит-* 'вдохновиться', *жартайып кит-* 'постареть', *кызарып кит-* 'раскраснеться', *кызып кит-* 'разгорячиться', *тулкынланып кит-* 'взволноваться' выражает внезапную интенсификацию процесса как законченного акта: *Приказ алғас, Новиков йәнләнен китте* (Д. Юлтый) 'Получив приказ, Новиков оживился'; *Миңең йөрәж шыу итеп китте* (Т. Йәнәби) 'У меня зашемило сердце'.

В зависимости от характера лексического значения производящей основы форма на *-п кит-* иногда выражает внезапное проявление и законченность действия (1) или просто его исчерпанность, необратимость (2):

1) *Әллә кыззар искә төшөп киттеме?* (Т. Йәнәби) 'Уж не вспомнил ли ты девушек?'; 2) *Йәшлек үтөп китте* (Д. Юлтый) 'Молодость прошла (безвозвратно)'. В первом предложении из названных частных значений описанная форма может быть заменена стилистическим ее эквивалентом на *-дыла китте*: *Тейәлделәр дә, сыктылар за киттеләр* (А. Таһиров) 'Погрузили вещи и уехали'; *Көрән ат өстөндә малай тотмай, йығыла ла китә* (Д. Юлтый) 'Игреновый конь не дает мальчика ездить верхом, — падают, и все'.

Сочетание деепричастия с глаголом *кит-* 'отправиться, уйти, уехать' используется также в создании сложных слов в индивидуальном порядке, которые обычно характеризуются ясной мотивированностью своего значения, лексическим содержанием обеих производящих основ: *Луылдың тирәяры баксалык, ауылдың артынан урман бузылып киткән* (Д. Юлтый) 'Вся околица в огородах, за деревней простирается лес'; *Гәтиә апай хушланып кайтып китте* (Т. Йәнәби) 'Тетя Гатия распростилась и пошла домой'.

Форма на *-п куй-*

Образуемая от широкого круга глаголов типа *яз-* 'писать', *ал-* 'брать', *ас-* 'открыть', *яп-* 'закрыть', *һал-* 'положить', эта форма выражает исчерпанность и результативность действия, совершаемого обычно энергично, в один прием: *Үзе рәтләп куйзы Зөләйхә туташ* (Т. Йәнәби) 'Барышня Зулейха наладила сама'; *Ә Янтимер агай инде алдан уж үзе хәстәрән күрәп куйзы* (К. Мөргән) 'А дядя Янтимир уже заранее сам принял необходимые меры'. С глаголами же состояния она чаще всего выражает частичное или непродолжительное проявление процесса как законченного акта: «*Чистый шаянланғанһың икән, малай!*» *тип келәп куйзы* (Т. Йәнәби) «Ты, оказывается, превратился в настоящего озорника, парень!» — сказала она и улыбнулась»; *Йәндәй күргән кешененәң исеме сыкнас, Зөбәйзә сак жына кызарып куйзы* (Г. Әмири) 'Услышав имя человека, в котором она души не чаяла, Зубайда слегка покраснела', *Бабай минән жолақ какты, тип йыламайып куйзым* (Ә. Бикчәнтәев) 'Я улыбнулся, подумав, что дед проворонил меня'.

В первом значении форма на *-п куй-* может быть заменена ее стилистическим эквивалентом, оба компонента которого спрягаются: *Ултыра торғас, мин теге кесәләге сәтләүекте бөтөргәнмен дә куйғанмын* (Т. Йәнәби) 'Пока мы так сидели, я, оказывается, израсходовала все орехи, которые были в кармане'.

Форма на *-а/-ә, -й һал-*

С глаголами типа *әйт-* 'сказать', *ал-* 'взять', *һорә-* 'спрашивать' эта форма выражает внезапную совершенность действия: *Һүз ошо тәңгәләгә килеп еткәс тә ул йомошон әйтә һалды* (О. Вәли) 'Как только речь зашла об этом, он тотчас же изложил свою просьбу'; *Шәйхи карт тулы, кич йөзөн өскә кутареп гәжәһенәу менән һорай һалды: «Һез нисек?»* «Старик Шайхи, приподняв свое широкое и полное лицо, с удивлением спросил: «А почему вы?»'.

В этом же значении с данной формой конкурирует вариант на *-п һал*: *Янтимер агай уны-быны һизмәй, Маратка икенсе вахтага күсереләуен шунда уж әйтәп һалды* (К. Мөргән) 'Дядя Янтимир, ничего не подозревая, тут же выложил Марату, что он переведен на другую вахту'; *Ул йөрәгәндә ши бар, бөтәһен дә әйтәп һалды* (К. Мөргән) 'Он высказал все, что наболело на сердце'.

Форма на *-а яз-*

В отличие от предыдущих форм, выражающих определенную разповидность незаконченности, незавершенности или, напротив, законченности действия и процесса, эта форма, как и последующие три, связана с обозначением модальности: она характеризует произвольное действие или состояние как несостоявшийся акт, чуть не совершившийся помимо вмешательства субъекта, например: *Аяғымды һындыра яззым* (Д. Юлтый) 'Я чуть не сломал себе ногу'; *кәрә яззы* 'чуть не вошел', *һүпә яззы* 'чуть не погас'. Она характеризуется высокой употребительностью и образуется от широкого круга глаголов.

Форма на *-н кара-*

Форма на *-н кара-* выражает пробную завязку действия как законченного интенсивного акта: *Ә һин һейләшеп кара* (Г. Әмири) 'А ты попробуй поговорить'; *Янтимер агайзан ни булганын һорашып караны* (К. Мөргөн) 'Он попытался выведать у дяди Янтимира, что случилось'. В том же значении, но очень редко употребляется ее отрицательный эквивалент на *-май/ -мэй кара*: *Хәзер бирелгән бойороктарзы эшләмэй кара эле* (Г. Дөүләтшин) 'А ты попробуй-ка не выполнить приказы, отданные сейчас'.

Когда нужно выразить повторяемость пробной завязки действия, первый компонент формы редуцируется: *Уйлап-уйлап карайым, бер зә килештереп булмаҗ кеүек тойола* (Т. Йәнәби) 'И по всякому пробую думать, но мне кажется, что не смогу придумать ничего подходящего'.

Форма на *-н маташ-*

По своей природе эта форма носит промежуточный характер — близко стоит к свободным словосочетаниям: в ее составе глагол *маташ-* реализуется в своем значении, а предшествующее деепричастие выступает в роли инфинитива, занимающего позицию дополнения.

По значению она очень близка к предыдущей форме. Если форма на *-н кара-* означает 'попробовать совершить действие, представленное производящей основой', то форма на *-н маташ-* регулярно выступает в типовом значении 'пытаться, силиться совершить действие, выраженное производящей основой': ср. *Башта мин жарышып маташтым, улар ихтияр бир-мәңеләр; һуңнан жарышманым* (Д. Юлтый) 'Вначале я сопротивлялся, но они принуждали меня и в конце концов я не стал противиться'.

Отрицательный эквивалент данной формы означает 'не стоит заниматься тем, что выражено производящей основой': *язып маташма* 'не пиши, не стоит писать'. В диалектах в том же значении выступает и форма на *-н булышма*: *язып булышма* 'не пиши, не возись с письмом'.

Форма на *-н күрһәт-*

Эта форма означает 'показать на деле, как нужно совершить действие, выраженное производящей основой': *Укыл күрһәт эле* (С. Агиш) 'Ну-ка почитай'. Значение ее мотивировано главным образом исходным лексическим содержанием глагола *күрһәт-* 'показать'. Как и предыдущая, она являет собой словосложительную модель с двумя производящими основами, а не сочетание производящей основы со сложным формативом, как это имеет место во всех остальных формах, описанных выше. Более того, она и по своей словообразовательной структуре напоминает свободное сочетание глагола *күрһәт-* с деепричастием, отличаясь от него по сути лишь десемантизованностью деепричастного афф. *-н*, лишаящего производящие основы раздельного осмысления.

Форма на *-н бир-*

Эта форма тоже не отличается достаточной грамматикализованностью. Выделяется как словосложительная модель с типовым значением 'совершить для кого-л. действие, названное производящей основой': *җариза язып бир-* 'написать заявление для кого-л.', *балаға җурсак яһап бир-* 'смастерить для ребенка куклу'. Это ее типичное значение, ясно мотивированное формой деепричастия и глаголом *бир-* 'дать', несколько ослабевает в глаголах типа *һөйләп бир-* 'рассказать (присутствующим)', *уқыл бир-* 'прочитать (присутствующим)', где предполагается совершение одноактного действия в один прием на глазах присутствующих.

Наряду с образованием сложных глаголов в серийном порядке по единой модели *-н бир* она также участвует в создании разрозненных сложных глаголов типа *алып бир-* 'достать и вручить', где в формировании нового лексического значения одинаковое участие принимают обе производящие основы.

В современном башкирском языке часто наблюдается сочетание одной из описанных словообразовательных форм с другой в пределах одной и той же глагольной основы. Поскольку при этом обе сочетающиеся формы выступают обычно в своем типичном значении, их сочетание отнюдь не является собой качественно новую словообразовательную единицу, как это часто бывает при аффиксации (ср. *тәмһез-лә* 'сделать невкусным', *тәмһезлән-н* 'сделаться невкусным', *тәмһезлән-дер* 'сделать невкусным'). В этом случае первая словообразовательная сложная форма выступает в принципе как одна производящая основа, к которой прибавляется новый сложный формант в порядке обычной аффиксации: *Юлбаев һижереп урыннан жуғалды, аяҡ урә басты һәм егеттәрҙең икенен дә бешеп алып китте* (К. Мәргән) 'Юлбаев мгновенно вскочил, встал на ноги и стал бить обоих царней'; *Уны һүтөп алалар һәм бер яҡка һөйөп куя баралар* (К. Мәргән) 'Они разбирают его и столбы' ставят стоймя в стороне', где в первом случае форма на *-п ал-* осложнена формой на *-п кит-*, а во втором форма на *-п куй-* выступает как производящая основа формы на *-а бар-*.

Среди сходных комбинаций удалось отметить только одну, а именно форму на *-п килә ят-*, второй компонент которой (форма на *-а ят-*), по значению соответствующий форме на *-п ят-*, структурно организован иначе, чем описанные выше формы: *Кис менән балта күтәрөп урмандан кайтып килә ятканда, җаранғы төшкән сакта, элге яңы килгән ике унтер-офицер урман эргәһендә һөйләшеп ултыралар* (Д. Юлтый) 'В сумерках, когда и возвращался из леса с топором в руках, эти два вновь прибывших унтер-офицера сидели на опушке леса и разговаривали'.

Неорганизованное сложение

Создание сложных глаголов в индивидуальном порядке на базе уникальной лексической сочетаемости двух глагольных основ (а не по стереотипным сложившимся моделям) занимает в целом большое место. Оно структурно осуществляется двояко: 1) как и при организованном сложении, первая глагольная основа берется в десемантизированной форме деепричастия, а вторая — в спрягаемой форме: *батыра һуҡ-* 'сразить ударом', 2) обе слагаемые основы морфологически оформляются одинаково: *өндәшмэй-нитмэй* 'не проронив ни слова, молча'.

Доминирующее положение по своей продуктивности занимает первый структурный тип, который по соотношению своих компонентов распадается на три основные разновидности: 1) как и при организованном сложении, вновь создаваемое лексическое значение мотивировано главным образом первым компонентом, второй же компонент лишь уточняет его семантический взнос: *әйтөп ышкындыр-* 'ляпнуть, сказать неожиданно для себя, проговориться', *сығып тай-* (*сығып һыз-*) 'удрать', *килеп төш-* 'прибыть неожиданно', *әйтөп ебәр-* 'предупредить, известить через кого-л.', *әйләндереп ал-* 'окружить', *булып сыҡ-* 'оказаться'; 2) семантической опорой создаваемого глагола служит, напротив, второй его компонент: *һалып йөж-* 'свалить ударом', *тибеп осор-* 'отбросить, толкнув ногой', *бәрөп сыҡ-* 'пробиться', *басып ин-* 'вторгаться, оккупировать', *һатып ал-* 'купить', *ятып йөжлә-* 'спать, лечь спать'; 3) в создании нового значения компоненты принимают примерно одинаковое участие: *тулып ят-* 'изобиловать чем-л.', *көрөп сыҡ-* 'зайти не надолго и выйти', *барып кайт-* 'сходить, съездить' (букв. 'пойти, поехать туда и вернуться обратно').

Первая группа сложных глаголов обычно характеризуется идиоматичностью и образностью своего содержания, свойственной собственно фразеологическим единицам, а последующие две — ясной мотивированностью лексического значения вновь создаваемого глагола и многочисленностью. Ко второй и третьей группам примыкают многие спорные образования типа *килтереп яп-* 'привести и закрыть', *килеп кер-* 'забрести', *барып кушыл-* 'слиться (пойти и слиться)', *саҡырып ал-* 'пригласить, позвать', *алып кит-*

‘унести, увезти’, *хайлап ал* ‘выбрать’, близко стоящие к свободным словосочетаниям.

Второй структурный тип представляет собой адитивное соположение синонимичных, во всяком случае, семантически очень близких друг другу основ, чем и вызвано их одинаковое морфологическое оформление: *Зөлэйха туташым кызарынды-буртенде, ык-мык итте* (Т. Иппеби) ‘Барышня моя Зулейха, смутившись, покраснела, замялась’; *Гильметдин бабай шул кагыззарзы өндэшимэй-тынмай ғына өстэлгэ куя* (Н. Котдосов) ‘Дед Гильмутдин положил эти документы на стол, не проронив ни слова’; *Тиз генэ тукмэй-сэмэй һойлэ* (Д. Исламов) ‘Быстренько Расскажи, не утайвая ничего’.

Самое значительное число сходных глаголов создается и функционирует исключительно в форме деепричастия: *ауа-тунэ* ‘шатаюсь, пошатываясь’, *бата-сума* ‘утоная, погружаясь (в грязь, воду)’, *инэлэ-ялбара* ‘умоляя, упрашивая’, *жаса-боҗа* ‘скрываясь’, *этэ-төртэ* ‘толкаясь’, *югерэ-атлай* ‘идя почти бегом’, *кейенеп-яһанып* ‘наряжаясь’, *илап-һыктап* ‘плача горькими слезами’, *өшөп-туңыл* ‘замерзая’, *тирлэт-бешен* ‘обливаясь потом’, *һөйлэшимэй-нитмэй* ‘даже не поговорив’, *кутәренеп-тейәнен* ‘нагрузив поклажу на себя’. Большинство таких деепричастий носит стабильный характер. Многие же создаются «прямо на глазах»: *Ул этешэ-тортөшэ вагонга күтәреде* (Ш. Янбаев) ‘Расталкивая (других), он поднялся в вагон’; *Заһира һаман шулай һөзөп каран, һөйлэшимэй-өндэшимэй генэ бер сынажк сөй эсте, унан, килгәндәге кеүек үк, хушлашмай-һаулашмай за сығып китте* (З. Бишева) ‘Загира вышла чашку чая, по-прежнему глядя в упор, затем молча покинула пас, не прощаясь — также, как пришла, не поздоровавшись’.

ОБРАЗОВАНИЕ СЛОЖНЫХ ГЛАГЛОВ ЗА СЧЕТ ДРУГИХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

В глагольной лексике большое место занимают сложные глаголы, второй компонент которых выражен спрягаемой формой глагола, а первый другой частью речи.

Одни из таких глаголов создаются по образцу, т. е. по определенным моделям, серийно. Другие возникают в индивидуальном порядке на базе уникальной лексической сочетаемости двух слов в рамках той или иной структурной схемы свободного глагольного словосочетания. В первом случае второй компонент повторяется в составе целого ряда сложных глаголов, объединяя их единым типовым значением наподобие глаголообразующего аффикса.

В качестве такого повторяющегося компонента чаще всего выступают глагол *ит-* ‘сделать, совершить, поступить’. Функционально сближаясь с глаголообразующим афф. *-ла/-лэ*, вовлекая подобно ему в словообразовании самые различные разряды производящих основ, он образует следующие вполне сложившиеся модели:

1) от звукоподражательных и образных слов глаголы состояния (т. е. непереходные) с типовым значением ‘произнести то, что обозначено производящей основой, что напоминает эту основу по звучанию или образу, впечатлению’ по следующим образцам: а) *голт ит-* ‘вспыхнуть с шумом’, *йылт ит-* ‘сверкнуть’, *шап ит-* ‘произвести хлопающий звук’; б) *ялт-йолт ит-* ‘сверкать с переливами’, *гөп-гөп ит-* ‘грохотать, издавать глухой шум’;

2) переходные, отчасти и непереходные глаголы от русских заимствований в форме инфинитива типа: а) *заправить ит-* ‘заправить’, *паять ит-* ‘запаять, припаять’ с типовым значением ‘подвергнуть (реже — подвергать) тому, что обозначено производящей основой’, б) *буксовать ит-* ‘буксовать’ с типовым значением ‘проявлять свойство по основе’; 3) глаголы активного действия (следовательно, переходные) от именных основ по образцам типа: а) *хур ит-* ‘осрамить, скомпрометировать, скопфузить’, *харап ит-* ‘загубить, погубить’, *юк ит-* ‘уничтожить’ с типовым значением ‘возбудить, вызвать свойство, назвавшее производящей основой’, б) *тәҗсир ит-* ‘влиять, повлиять’ *магрүм ит-* ‘лишить’, *мыҗкыл ит-* ‘глумиться, издеваться’, *ғәфү ит-* про-

щать' с типовым значением 'подвергать (подвергнуть) тому, что обозначено производящей основой';

4) непереходные глаголы действия типа *байрам ит-* 'праздновать', *гез-мэт ит-* 'служить', *ял ит-* 'отдыхать' с типовым значением 'заниматься тем, что названо производящей основой';

5) непереходные глаголы состояния вроде *сабыр ит-* 'ждать терпеливо, проявить терпимость', с типовым значением 'проявлять свойство по основе'.

Из этих моделей первые две ныне наиболее продуктивны.

Отдельные отыменные глаголы, образованные с помощью служебного глагола *ит-*, идиоматичны, по отношению к описанным моделям стоят особняком: ср. *ауыз ит-* 'пробовать, дегустировать', *серем ит-* 'поспать'.

Кроме *ит-* в отыменном сложении в качестве повторяющегося глагола-образующего компонента участвуют *бул-* 'быть', становиться', *кил-* 'приходить, приезжать, прибывать', *бир-* 'дать', *һал-* 'положить', *сык-* 'выйти', *сығар-* 'вывести, вынести' и т. п. Но они встречаются в считанном числе сложных глаголов и не представляют собственно модельного, серийного словообразования с единым типовым значением. В этом случае приходится говорить лишь об определенной тенденции к становлению модели или же об образовании одного сложного глагола по образцу другого: ср. *һуштан яз-* 'потерять сознание', *исән яз-* 'потерять сознание', *ажылдан яз-* 'лишиться разума'; *дежур тор-* 'дежурить', *карауыл тор-* 'караулить, нести караульную службу'; *ашлаж һук-* 'молотить', *киндер һук-* 'ткать холст'; *уйға бат-(сум-, жал-)* 'задуматься, приунуть'; *иргә (кейәүгә) бар-* 'выйти замуж', *кейәүгә сык-* 'выйти замуж'; *йөз (сырай) һыт-* 'хмуриться, морщиться' и т. п.

Непродуктивную модель отыменного сложения представляют глаголы с *бул-* типа *алһырыш бул-* 'спутаться (о питках)', *аймылыш бул-* 'разминуться, разойтись в пути', *балы бул-* 'стать совершеннолетним', *рашиж бул-* 'влюбиться', *харап бул-* 'пропасть', *һаләк бул-* 'погибнуть', *юк бул-* 'потеряться, исчезнуть' с типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой'. По этой модели возникают лишь единичные новообразования вроде *контужен бул-* 'быть контуженным'.

Целый ряд глаголов типа *тап бул-* 'встретиться неожиданно', *тиз бул-* 'поторопиться, ускорить', *кәрәк бул-* 'понадобиться', *насип бул-* 'выпасть на долю', не имеет названного типового значения и по своей словообразовательной природе стоит особняком. Среди них можно отметить и идиомы типа *күз жолак бул-* 'присмотреть; быть бдительным' с образным значением.

С исторической точки зрения словосложительную модель с типовым значением 'хотеть того, что выражено производящей основой' представляют глаголы *асыу кил-* 'злиться', *йөкә* 'кил- хотеть спать', на базе которых с названным типовым значением возникла специальная высокопродуктивная оптативная форма глагола на *-ғы/-ге (-һы/-һе)* *кил-*.

Другие образцы отыменного сложения, представленные двумя или более сложными глаголами, стереотипного характера не приобрели. Таковы, в частности: 1) *ау һал-* 'ловить рыбу сетями', *кармак һал-* 'удить', *тамға һал-* 'таврить, клеймить', *боғал һал-* 'арканить', *налог һал-* 'обложить налогом', *штраф һал-* 'штрафовать', *кан һау-* 'палиться кровью' (обычно о глазах), *күз һал-* 'присмотреть'; 2) *вәғзә бир-* 'согласиться, дать согласие', *һүз бир-* 'дать слово', *һиз бир-* 'выдать замуж (девушку)', *сер бирмә-* 'не подавать виду', *күңел бир-* 'оказать расположение чему-л.', *диққәт бир-* 'внимать', *апелляция бир-* 'апеллировать'; *сәләм бир-* 'приветствовать', *честь бир-* 'козырять, приветствовать', *команда бир-* 'дать команду, командовать', *яуап бир-* 'отвечать'; 3) *тауыш сығар-* 'учинить скандал, шум', *һуғыш сығар-* 'учинить драку, бой', *ут сығар-* 'устроить пожар', *закон сығар-* 'издать закон, постановить', *хисап сығар-* 'решить задачу'; 4) *дыу кил-* 'поднять гвалт, шум', *ығы-зығы кил-* 'галдеть', *сыр-сыу кил-* 'шуметь'; 5) *һуңға жал-* 'опоздать', *көлкөгә жал-* 'стать посмешищем'. *йөкә жал-* 'беременеть'; 6) *ут ал-* 'зажечь огонь, свет', *үс ал-* 'отомстить', *көт ал-* 'испугать', *ғибрәт ал-* 'подражать достойному примеру'; 7) *атака яһа-* 'атаковать', *декларация яһа-* 'декларировать', *ассоциация яһа-* 'ассоциировать' и т. п.

Очень многие отыменные сложные глаголы созданы вообще без всякого образца, индивидуально, в результате необычной сочетаемости лексических значений управляемого имени и глагола или, реже, подлежащего и сказуемого. Причем, самое большое их число образовано на основе уникальной смысловой связи прямого дополнения и управляющего глагола вследствие их семантического слияния: *ауыз ас* - 'разговляться, начать есть в конце дня во время поста', *аяж сал* - 'дать подножку, чинить препятствия'; *бала тап* - 'родить', *баш кутәр* - 'восстать', *баш тарт* - 'отказаться, не повиноваться', *баш төзәт* - 'опохмеляться', *баш һапла* - 'приделывать головку к поношенным сапогам', *җазап сик* - (*күр*) - 'мытариться', *җүмер һөр* - (*көн күр*) - 'существовать, жить', *күз кыс* - 'подмигивать', *күз буя* - 'заниматься очковтирательством, делать видимость', *күңел ас* - 'развлекаться', *күңел йыуат* - 'тошнить, успокоить', *кул куй* - 'подписать', *ләстим һат* - 'сплетничать', *май яз* - 'сбивать масло', *теңкәне корот* - 'довимать, надоедать', *тын ал* - 'дышать', *ут төрт* - 'поджечь', *хәл ал* - (*йый*) - 'отдохнуть', *һыу ин* - 'купаться (в реке и т. п.)'

Среди приведенных глаголов немало фразеологических единиц с образным значением, относящимся к определенным стилистическим условиям употребления: *баш аша* - 'погубить кого-л.', *көн күрһәтмә* - 'травить, преследовать кого-л.', *тауыш кутар* - (*күтәр*, *сыгар*) - 'учинить скандал, ссору', *җүмер һөр* - 'существовать, влечить существование'.

Следующей по численности группой являются сложные глаголы, представляющие смысловое слияние:

1) косвенного дополнения в дательном падеже с управляющим глаголом; *акылга ултыр* - 'стать разумным, рассудительным', *барлыкка кил* - 'зародиться, возникнуть, сформироваться', *башка сык* - 'выделиться из семьи родных, обзаводясь своей семьей', *бракка сык* - 'быть забракованным', *вальска бейе* - 'вальсировать', *искә ал* - 'вспоминать', *искә төш* - 'вспомнить неожиданно для себя', *йөккә кал* - 'забеременеть', *йөкога тал* - 'погружаться в сон, испытывать сонливость', *йөкога кит* - 'уснуть', *көлкөгә кал* - 'оказаться в смешном положении, стать посмешищем', *кулға ал* - 'арестовать', *тауышка куй* - 'голосовать, ставить на голосование', *телгә һалыш* - 'пререкаться, препираться', *телгә ал* - 'упомянуть', *тормошка аш* - 'осуществиться', *төшкә кер* - 'присниться', *тунка тот* - (*утка тот*) - 'бомбить', *тәртипкә индер* - 'приводить в порядок', *хәрәткә кил* - 'прийти в движение', *һанға һукма* - 'игнорировать', *һуңға кал* - 'опоздать';

2) подлежащего и сказуемого в целях обозначения чувственного восприятия, физиологических процессов, явлений природы и т. п.: *асыу кил* - 'злиться', *баш ейләп* - 'испытывать головокружение', *баш ет* - 'уразуметь, додуматься, догадаться', *еҗ кил* - 'пахнуть', *еҗ тей* - 'угореть', *ис кит* - 'поразиться, удивиться', *ит үр* - 'зажечь (о ране)', *йөко баҗ* - 'испытывать сонливость', *йөко асыл* - 'прийти в бодрое состояние после сна, проснуться ранее обычного времени', *йөко кил* - 'хотеть спать', *йэйән һук* - 'пострадать от молнии', *көзән йыйыр* - 'сводить судорогами', *күз бэйләп* - 'смеркаться', *күз тей* - 'сглазить', *күз төш* - 'приглянуться, понравиться с виду', *күңел болған* - 'испытывать тошноту', *күңел бул* - 'удовлетвориться', *күңел кырыл* - 'расстроиться, впасть в уныние', *караңгы төш* - 'смеркаться', *карыш (корһаж) ас* - 'проголодаться', *жомары төш* - 'войти в азарт', *таң ат* - 'рассветать', *таң һызыл* - (*белен*) - 'брезжить', *төҗ кит* - 'побледнеть', *ут сык* - 'загореться (о пожаре)', *хәтер кал* - 'обижаться', *эс бош* - 'хандрить, тосковать', *эс кит* - 'страдать поносом' и т. п.;

3) косвенного дополнения в исходном падеже и управляющего глагола: *акылдан яз* - 'лишиться разума, сойти с ума', *баштан үткәр* - 'пережить, перенести', *исән сык* - 'забыть', *кулдан кил* - 'быть в состоянии сделать, суметь сделать посылно', *учеттап төш* - 'сняться с учета', *зитән сык* - 'выбиться из сил, изнуряться';

4) обстоятельства и глагольного сказуемого: *шак кат* - 'поразиться', *зыж куп* - 'поднять гвалт, шум, переполох', *карыш ал* - 'встречать', *ауыр һула* - 'тяжело дышать', *тура кил* - 'попасться, встретиться', *рәт кит* - 'разладиться' и т. п.

Как и в организованном сложении, производимом по моделям, в индивидуальном сложении в качестве первого компонента производного слова выступают главным образом имена существительные, реже всего — наречия и звукоподражательные слова.

А Ф Ф И К С А Ц И Я

Образование глаголов от других частей речи с помощью аффиксов представляло собой в свое время разветвленную систему, состоящую из продуктивных, малопродуктивных и непродуктивных аффиксов. Но, за исключением *-ла*, *-лаи-*, *-лаиш*, *-ылда/-ырза* и отчасти *-ай*, аффиксы на почве башкирского языка развития не получили, в современном словообразовании фактически не участвуют и новых образований более не дают.

Преобладающее большинство таких форм представлено считанными производными глаголами состояния (следовательно, непреходимыми) с единым типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой' (следовательно, производящие их основы являют собой названия свойств, выраженных преимущественно прилагательными и их аналогами).

Форма на *-ай/-эй* была среди них наиболее продуктивной: *азай-* 'уменьшаться', *арзанай-* 'удешевляться, подешеветь', *бөкөр(ө)эй-* 'сторбиться', *вагай-* 'мельчать', *иркенэй-* 'стать просторным, свободным', *ишэй-* 'множиться, возрастать численно', *киңэй-* 'расширяться', *корэй-* 'становиться упитанным', *көсэй-* 'усиливаться', 'стать сильным', *кубэй-* 'множиться, возрастать численно', *кәкр(е)эй-* 'скривиться', *кар(а)ай-* 'чернеть, грязнеть', *картай-* 'стареть', *кый(ы)ғай-* 'скривиться, покоситься', *кый(ы)шай-* 'накрениться, покоситься, столпаться', *кырысай-* 'дичать, становиться дерзким, резким, жестоким', *моңай-* 'печалиться, унывать', *озонай-* 'удлиняться', *олоғай-* 'стареть, становиться пожилым', *салышай-* 'перекашиваться', *таңырай-* 'становиться гладким, укатанным', *тарай-* 'суживаться', *һар(ы)ғай-* 'желтеть', персн. 'сильно переживать', *юнал-* 'улучшаться, поправиться после болезни' и т. п.

Форма на *-р*, *-ар/-эр*, *-ыр/-ер*, *-ор/-өр* преимущественно выступала в том же значении: *ағар-* 'белеть, стать чистым, сесть', *исер-* 'пьянеть', *искер-* 'устаревать, ветшать', *йокар-* 'стать тоньше', *йәшәр-* 'молодеть, зеленеть', *күгәр-* 'сипеть, плесневеть, ржаветь, появиться (о синяке)', *куйыр-* 'сгущаться', *кызар-* 'краснеть, разрумяниться', *кыскар-* 'укорачиваться', *нескәр-* 'уточаться, становиться тоньше', *остар-* 'стать мастером своего дела, наловчиться в чем-л.', *тазар-* 'стать чистым, здороветь, поправляться, свежеть', *тилер-* 'беситься, дурачиться, палить, взбеситься, сойти с ума', *шымар-* 'становиться гладким, отшлифоваться', *һимер-* 'полнеть, жиреть, поправляться', *яктыр-* 'светлеть, светать', *якшыр-* 'улучшаться', *яңыр-* 'обновляться'.

Данная форма участвовала также в образовании отдельных глаголов чувственного восприятия типа *кайгыр-* 'печалиться, горевать' и многих глаголов активного действия типа *ким-ер-* 'глодать', *кайыр-* 'вывертывать, сворачивать, заворачивать в сторону, повернуть назад', *жотор-* 'беситься', *эйәр-* 'следовать за кем-л.', в том числе отглагольных производных лексических единиц типа *ауыр-* 'болеть', *ашыр-* 'осуществить', *кейер-* 'растягивать, паять, вынатить', *күпер-* 'лениться, вздыматься', *күсер-* 'переместить, переписать, списать' и т. п.

Остальные формы отыменного словообразования, в частности формы на *-ал/-эл*, *-л* (1), *-ан/-эн*, *-н* (2), *-ык/-ек*, *-к* (3), *-ыл/-е* (4), *-на/-нэ* (5), в рассматриваемом значении оставили еще менее заметный след: 1) *карал-* 'грязнеть', *терел-* 'выздороветь', *тозал-* 'исправиться, поправиться, заживать (о ране и т. п.)', *юғал-* 'потеряться, исчезнуть', *юнал-* 'поправиться, улучшаться', 2) *йылын-* 'согреться', *һыуын-* 'остыть, охладиться', *уйан-* 'проснуться', 3) *асык-* 'проголодаться', *тутык-* 'ржаветь', *канык-* 'пристраститься', 4) *байы* 'обогащаться', *нығы-* 'крепнуть', *кәме-* 'убавляться', 5) *сатла-* 'треснуть, дать трещину'. Эти формы, как и предыдущая форма, не отличались к тому же однозначностью — в составе остальных глаголов обнаруживают иную словообразовательную природу: ср. 1) *йәйел-* 'раски-

путься, простираться', *тарал-* 'расходиться' и т. п., 2) *көсөн-* 'тужиться, силиться, напрягаться', *шешен-* 'ощухать, распухать', *тартын-* 'стесняться', *тошон-* 'понять, постичь', *һизен-* 'чуют', *һорөн-* 'спотыкаться' и т. п., 3) *ашык-* 'спешить', *күнек-* 'освоиться, привыкать', *кызык-* 'заинтересоваться', *һырык-* 'ласкаться', 4) *таты-* 'пробовать на вкус', 5) *ауна-* 'валиться', *сырна-* 'облепиться, окружить', *тырна-* 'царапать', *һына-* 'испытывать'.

Наряду с рассмотренным основным типом с характерным для него общим значением 'приобрести свойство, выраженное производящей именной основой' глаголы состояния создавались также и с иной словообразовательной природой с помощью ряда аффиксальных форм, ставших ныне непродуктивными. Среди таких форм по характеру производимого глагола выделяются малопродуктивная форма на *-һын/-һен* и непродуктивная на *-(ым)һыра-(ем)һерэ*, оставившие целый ряд глаголов чувственного восприятия.

Первая из них означала 'испытывать чувство неудовлетворенности тем, что названо производящей основой': *азһын-* 'считать недостаточным, не удовлетворяться из-за количественной недостаточности', *күпһен-* 'тяготиться количественной избыточностью, считать излишним то, что предоставлено', *келһен-* 'тяготиться, считая себя ниже других, терзаться самоунижением', *тарһын-* 'тяготиться ограниченностью, считать себя недостаточно широким', *ятһын-* 'тяготиться незнакомым обществом или отдельным незнакомым человеком, стесняться в присутствии незнакомого человека'.

Помимо этой типичной модели данная форма использовалась также и для создания несколько иного типа глаголов чувственного восприятия: ср., с одной стороны, *жөрәкһен-* 'почувствовать надобность, считать нужным, необходимым', с другой — *кызыкһын-* 'интересоваться, проявлять интерес', *ымһын-* 'соблазняться чем-л. (обычно едой), не имея возможности удовлетворить этот соблазн', *юкһын* 'скучать, тосковать по ком-л., томиться'.

Вторая форма составила всего несколько глаголов типа *көлөһерэ-* 'улыбаться', *йөкөһора-* 'испытывать сонливость' с общим значением 'испытывать проявление признаков того, что названо производящей основой'. Остальные деривационные формы данной группы, имеющие иные типовые значения, представлены единичными производными глаголами вроде *йонсо-* 'изнуряться, умориться, известить', *һыуһа-* 'испытывать жажду', *изерэ-* 'размякнуть, протираться, обветшать, обессилеть, раскисать', *сәсерэ-* 'брызгать, распыляться в виде брызг', *йотлок-* 'захлебываться', *атлык-* 'ринуться, рваться, стремительно соскочить с места', *өзлок-* 'заболеть повторно (не оправившись после первой болезни)' и т. п.

Состав непродуктивных, как и, впрочем, живых, деривационных форм глаголов активного действия крайне ограничен. К тому же все эти формы представлены всего несколькими производными глаголами, не имеющими единого типового значения. Сравнительно значительное число семаггически разнородных глаголов образовано лишь формой на *-а/-э*: а) глаголы действия типа *ата-* 'именовать, называть', *аша-* 'купать', *кый (ы)на-* 'бить', *остэ-* 'добавить', *телэ-* 'желать', *тозэ-* 'целиться, нацеливаться', *уй(ы)на-* 'играть', *ут-а-* 'полоть', *һана-* 'считать', *һына-* 'испытывать', *һора-* 'спрашивать', *уртэ-* 'палить, изводить', б) глаголы состояния вроде *буша-* 'освободиться, ослабляться', *һана-* 'кровоточить', *йдиэ-* 'жить, существовать, бытовать'. Эта форма во второй своей функции сохранила продуктивность лишь применительно к звукоподражаниям и образоподражаниям на *-ыр/-ер*, при этом произошла ее контаминация с тематическим замыкающим согласным *р*: *ялт(ы)ра-* 'блестеть, сверкать', *шалтыра-* 'гремять, звякать, лязгать, бряцать', *бәлтерэ-* перен. 'раскисать, ветшать', *мәйерэ-* 'дрихлеть', *ылдыра-* 'истрепаться' и т. п., по образцу которых могут быть созданы новые глаголы.

По своей продуктивности далее идет форма на *-кыр/-кер* с типовым значением 'произвести действие, названное производящей основой (1) или напоминающее по звучанию, впечатлению то, что выражает производящая основа' (2): 1) *еткер-* 'доводить (до конца, до места), дотянуть до предела во времени или пространстве', *яткыр-* 'уложить, привести в лежащее по-

ложение' и т. п., 2) *акыр-/бакыр-* 'орать, вопить', *бышкыр-* 'фыркать (о животных)', *кикер-* 'рыгать', *жакыр-* 'харкать', *кыскыр-* 'кричать', *сакыр-* 'звать', *сөскөр-* 'чихать', *төкөр-* 'плевать', *укер-* 'выть', *һеңгер-* 'высморкаться', *һыңыр-* 'свистеть'. Во втором случае данная форма вовлекает в словообразование звукоподражания и образноподражания для выражения различных физиологических процессов-действий, связанных обычно с определенным звучанием.

Преобладающее большинство глаголов действия образовано непродуктивными формами с общим типовым значением 'проявить или вызвать свойство, названное производящим именем': ср. *алда-* 'обманывать', *макта-* 'хвалить', *онта-* 'толочь (превращая в муку), размельчать', *тап(т)а-* 'топтать, давить, травить' (но: *өндә-* 'звать, уговаривать'); *кәмет-* 'убавлять, уменьшать', *йылыт-* 'согреть', *һыуыт-* 'охладить, остудить', *нығыт-* 'укреплять', *кәмһет-* 'унижать', *үрһет-* 'расплодить, разводить (животных, птиц и т. п.)'; *озат-* 'провожать', *төзәт-* 'наладить, отремонттировать'; *быжтыр-кулинарн.* 'морить, томить', *ылыжтыр-* 'вовлекать, втягивать', *сағыштыр-* 'сравнивать, сопоставлять', где представлены аффы. *-та/тә, -ыт/-ет, -ат/-әт, -һет,-тыр.* Гораздо реже встречаются производные глаголы действия с типовым значением 'воздействовать тем, что обозначено производящей основой: *елгәр-* 'веять что-л.', *һыуғар-* 'орошать', *елпе-* 'опахивать, обмахивать кого-л.', еще реже — в других значениях: *еҫкә-* 'нюхать', *сайжа-* 'полоскать', *алға-* 'присоединять'.

Хотя перечисленные формы в современном словообразовании и не участвуют, многие из них, а именно все деривационные формы с единым ясным типовым значением, воспринимаются как живые структуры в силу своей словообразовательной мотивированности.

Аффиксальных форм, сохранивших свою продуктивность и ныне, немного. Из них наиболее активной была и остается форма на *-ла/-лә.* С ее помощью образовано более 600 производных глаголов самого различного семантического профиля. Многие из этих глаголов являются наследием далекого прошлого, не играющим роли в современном словообразовании. Сюда относятся прежде всего более 50 глаголов типа *битәрлә-* 'ругать в лицо', *ботарла-* 'разламывать', *дөмбәслә-* 'колотить, лупить, дубасить', *тәғәйенлә-* 'назначить', производящие основы которых в современном языке как лексические единицы вовсе не представлены. Далее идет значительный пласт словообразовательно немотивированных слов типа *жушарла-* 'распределить или привязать попарно' (*жушар* 'предплечье'), *көнлә-* 'ревновать' (*көн-* 'день'), *ташла-* 'бросать' (*таш* 'камень'). Затем следуют словообразовательно вполне понятные глаголы с производящими основами в архаичном морфологическом оформлении, затемняющем их структуру, типа *битәрлә* 'ругать в лицо', *ботарла-* 'разламывать', *йомарла-* 'скачивать (в комок)', *бешеклә-* 'ошпаривать, обваривать', *туракла-* 'разрезать, разрубить на части'. Замыкают список омертвевших структур на *-ла* глаголы типа *һөйлә-/(һүзлә-)* 'говорить', словообразовательная природа которых затемнена вследствие фонетических изменений производящей основы.

К современному словообразованию не имеют прямого отношения многие ясные структурные типы глаголов на *-ла,* поскольку их образование на почве башкирского языка прекратилось. Таков, в частности, довольно многочисленный состав отыменных глаголов состояния, связанных с выражением чувственного восприятия, мышления и т. п. (1), явлений природы (2), рождения детенышей (3) и некоторые другие семантические разряды (4): 1 (*аскажла-* 'проголодаться, нуждаться в питании', *аңла-* 'понимать', *ислә-* 'помнить, примечать', *тымаула-* 'схватить насморк', *утлә-* 'переест', *үпкәлә-* 'обижаться'), 2 (*буранла-* 'мести (о буране)', *йәшенлә-* 'сверкать (о молнии)'), 3 (*балала-* 'родить', *бәбәйлә-* 'родить', *бәрәслә-* 'родить (об овце, козе), обьягниться, окотиться'), 4 (*бетлә-* 'завшиветь', *кортла-* 'очервиветь, покрыться червями'; *зыяңла-* 'издыхать (о домашних животных)', *йәйлә-* 'жить на летней стоянке', *сатанла-* 'хромать', *эйлә-* 'приживаться' и т. п. Ряды глаголов состояния на *-ла* в известной мере пополняются в разговорной речи исклю-

чительно за счет звукоподражаний и образоподражаний по устоявшимся образцам типа *сымырла*- 'чувствовать мурашки (на теле)', *тертлэ*- 'вздрагнуть', *шаңла*- 'испытывать шум в ушах', *шартла*- 'взрываться, лопаться', трескаться с шумом', *шорлэ*- 'трусить' и т. п.

В современном словотворчестве практически не участвуют также и те глаголы на *-ла*, которые созданы за счет глагольных основ (1), наречий и модальных слов (2), поскольку их образование давно прекратилось: 1) *боклэ*- 'загибать, сгибать, перегибать', *кыуала*- 'погонять', *илаула*- 'плакаться, горько жаловаться', *усеклэ*- 'дразнить, травить', и т. п., 2) *иртэлэ*- 'делать что-л. раньше обычного времени', *йэйәулэ*- 'идти пенком', *һакла*- 'сторожить, беречь', *барла*- 'проверять, поверять' и т. п. Словообразование ныне не производится также по образцам типа *билэ*- 'владеть', *козала*- 'сватать', *аржала*- 'выгораживать, заступиться', *башла*- 'начинать', *буйла*- 'измерять, проверять глубину ростом', *сарбайла*- 'поднимать крик, визжать' и т. п., в качестве производящих основ которых выступают названия лиц по профессии, ремеслу, должности и чину, названия и клички животных (например: *Сарбай* — кличка собаки), названия частей тела. Глаголы на *-ла* с перечисленного рода производящими основами с точки зрения современного языка являются обычно словообразовательно немотивированными.

Современное словообразование на *-ла* сводится лишь к созданию отыменных переходных глаголов активного действия. И то их образование по ряду ранее продуктивных моделей ныне либо прекратилось, либо резко сократилось. Так, все более непродуктивной становится древняя и широко распространенная в тюркских языках модель создания переходных глаголов активного действия от названий инструментов, по которой ранее было образовано множество глаголов. Особенно резко сократилось образование глаголов типа *арканла*- 'привязать веревкой', *аяла*- 'расчесывать козий пух особым гребнем', *бығаула*- 'заковать в кандалы', *бысажла*- 'резать, колоть, ударить пожом', *ихатала*- 'обносить оградой', *кәртәлэ*- 'обносить оградой из жердей.'

Новые глаголы, возникшие по образцу этих слов, исчисляются единицами: *тормозла*- 'тормозить', *торпедала*- 'торпедировать', *утеклэ*- 'утюжить', *штампала*- 'штамповать', из которых прочно утвердился в глагольной лексике только предпоследний глагол, остальные же всеобщего признания и употребления так и не получили. По существу до сих пор не привились и новые образования типа *шөрәп-лә*- 'звинтить, закрепить шурупом', *винт-лә*- 'привинтить', предложенные в терминологических и общих словарях. Ибо модель эта на почве башкирского языка уже не представляется живой, хотя она и дала ранее немало глаголов приведенного рода.

В башкирском языке самое широкое развитие получила древняя общетюркская модель с типовым значением 'вызвать свойство, названное производящей основой'. Она представлена несколькими разновидностями, имеющими различную продуктивность при едином типовом значении: 1) в качестве производящей основы выступает сравнительно ограниченный круг прилагательных или их аналоги: *акла*- 'побелить, реабилитировать', *боғансыжла*- 'замутить', *караңғыла*- 'затемнять, темнить, производить светомаскировку', *лайыкла*- 'сделать достойным, приемлемым', *кәзерһезлә*- 'опоплять', 2) в качестве производящей основы вовлекаются в словообразование существительные, обозначающие свойство, средство, материал: *алтынла*- 'позолотить, вызолотить', *бальзамла*- 'бальзамировать', *бронзала*- 'покрывать бронзой', *броняла*- 'бронировать, покрывать бронью'; *бизәклэ*- 'отделать узорами, украшать, разрисовать', *бормәлэ*- 'сделать оборки'; *валсыкла*- 'превратить в крошки, искрошить, накрошить', *лайлала*- 'покрыть слизью, превратить в слизь', *баррикадала*- 'забаррикадировать', *гербарийла*- 'поместить в гербарий', *брошюрала*- 'сброшюровать' и т. п., где в отличие от предыдущей разновидности общее типовое значение представлено в вариантах 'сделать таким, как обозначает производящая основа', 'возбудить свойство по основе', 'сообщить объекту свойство, названное производящей основой'. На базе второй разновидности модели возникла и ныне развивает

свою активность самостоятельная словообразовательная модель с типовым значением 'подвергаться тому, что названо производящей основой': ср., с одной стороны, более ранние образования типа *ағыула* 'отравить, протравить', *одурманить*, *дарыула* 'лечить', *һыйла* 'угощать', *арала* 'разнять, выгородить кого-л.', *биклә* 'запереть', *иркәлә* 'нежить, баловать, ласкать', *иркһезлә* 'неволить', *мазаһыла* 'беспокоить', *тынышыла* 'беспокоить, тревожить, волновать', *бағауылла* 'контролировать' и т. п., с другой — сравнительно новые и новейшие производные глаголы типа *карауылла* 'караулить', *ғәйеплә* 'обвинять', *кәзерлә* 'почитать, дорожить, нежить', *шелтәлә* 'упрекать', *тәнкитлә* 'критиковать', *кәһрлә* 'проклинать', *вальцовкала* 'вальцевать', *инсценировкала* 'инсценировать' и т. п.

Эта модель вовлекает в словообразование широкий круг названий средств, свойств, в том числе и обвлеченных понятий о действии и его результатах вроде *тәнкит* 'критика', *шелтә* 'упрек'. Последний разряд производящих основ послужил базой для новой разновидности данной модели, пользующейся уже непосредственно названиями действия: ср. *дегазацияла* 'дегазировать', *изоляцияла* 'изолировать', *нейтрализацияла* 'нейтрализовать', *реабилитацияла* 'реабилитировать' и т. п. В этом случае определенную роль сыграла, очевидно, ранее существовавшая продуктивная общетюркская модель образования непереходных глаголов действия, вовлекавшая в словообразование звукоподражания и образноподражания, типа *шаула* 'шуметь', *ғөжлә* 'жужжать', *ғыжла* 'хрипеть, сипеть, клокотать', *ғызла* 'шипеть', *ғырла* 'хрипеть', *мыраула* 'урчать (о кошке)' с характерным для них общим значением 'произвести звучание, напоминающее производящую основу' (по этой модели образованы также единичные отыменные глаголы типа *йырла* 'петь', *көйлә* 'напевать, настраивать (музыкальный инструмент), регулировать, уговаривать' (с производящими основами, выражающими звуко- и образноподражания, результат действия).

Древняя модель на *-ла*, ставшая ныне малопродуктивной, легла в основу самостоятельной продуктивной модели образования непереходных глаголов действия от звукоподражаний и образноподражаний на *-ыл/-ел* и *-(ы)р/-(е)р*, при которых начальный *-л-* в аффе. *-ла/-лә* перешел в *-д/-з*: ср. *ғыжла/-ғыжылда* 'хрипеть, сипеть, клокотать', *ғырла* 'хрипеть' и *ғырылда* 'храпеть', *бездә/-бездәдә* 'жужжать (о насекомых)', *шыжла/-шыжылда* 'шипеть', где прослеживается полная изоморфность двух рассматриваемых моделей. Названные тематические звуки, замыкающие звукоподражание или образноподражание, слились с аффе. *-да/-дә*, *-за/-зә* в единый форматив — сложный аффикс. И модель переросла в самостоятельную словообразовательную форму, хотя она по значению ничем не отличается от предыдущей модели: ср. *ахылда* 'ахать, охать', *аһылда* 'запыхаться, охать, ахать', *быжкылда* 'крякать', *быжкылда* 'быть дряблым, рыхлым', *бызылда* 'стрекотать', *быштырза* 'копошиться, работать медленно', *бышылда* 'шипеть, шептать', *гәлтәлдә* 'вспыхивать', *горәлдә* 'шуметь, гудеть', *горһәлдә* 'грохотать, рокотать', *дөборзә* 'гремять, громыхать', *дөпәлдә* 'издавать глухой шум', *дырылда* 'дребезжать', *зырылда* 'крутиться быстро с жужжанием', *мыйкылда* 'трястись тучным телом при движении', *мыркылда* 'хрюкать', *мышкылда* 'всхлипывать', *лығырза* 'тараторить', *кетерзә*, 'хрустеть', *кеткәлдә* 'хихикать', *каңғылда* 'гоготать', *пырылда* 'тарахтеть, фыркать (о моторе)', *серәлдә* 'щебетать', *серкәлдә* 'чирикать', *сыңғырза* 'звенеть, лязгать', *сыркылда* 'чирикать, стрекотать', *сырылда* 'пищать, визжать', *сытырза* 'трещать, хрустеть', *сәңкәлдә* 'тявкать', *сәпәлдә* 'плескаться', *сәркәлдә* 'орать, визжать, вопить', *уфылда* 'охать', *ухылда* 'пыхтеть, охать', *хихылда* 'хихикать', *шапылда* 'шлепать, хлопать', *шаркылда* 'громко раскатисто смеяться', *шыбырза* 'шуршать, шептать', *шығырза* 'скрипеть', *шыптырза* 'шурпнать', *ижылда* 'свистеть (о ветре)', *ырылда* 'рычать' и т. п.

Образованная от глаголов типа *йырла* 'петь', *шаула* 'шуметь' форма на *-ылда* по своему значению полностью совпадает с формой на *-ла* также и по выражению значения незаконченности, которого, однако, она может лишиться в зависимости от контекста. По значению незаконченности она

противопоставлена форме на *-ла*, в преобладающем большинстве глаголов выражающей обычно законченное действие, но нередко нейтрализующей это противопоставление, выражая незаконченное действие: ср., с одной стороны, *шартла* 'взорваться', *бызаула* 'отелиться', *балала* 'родить', *боросла* 'наперчить', *ташла* 'бросить, кинуть', *тертла* 'вздрогнуть', *эйэрлэ* 'оседлать' и т. п., с другой — *деңгөрзэ* 'грохотать', *тыпырза* 'выбивать дробь ногами' и т. п. С формой на *-ла* по выражению значения законченности смыкается отыменная сложная форма на *-ит*, тоже преимущественно характеризующая действие как законченный акт: ср. *хур ит* 'осрамить', *харап ит* 'погубить', *заправить ит* 'заправить', *дөп ит* 'издать глухой шум' и т. п., которые могут выражать незаконченное действие лишь в зависимости от контекста (а звукоподражательные глаголы — с помощью редупликации: ср. *дөп-дөп ит* 'грохотать'). Эти две формы в своем преимущественном употреблении изоморфны. Иногда они создают даже синонимичные параллели типа *брошюрала* // *брошюровать ит* 'брошюровать', *мобилизацияла* // *мобилизовать ит* 'мобилизовать', *шнурла* // *шнуровать ит* 'шнуровать', *эксплуатацияла* // *эксплуатировать ит* 'эксплуатировать'. Обе формы занимают в современном отыменном образовании глаголов действия ведущее положение, постепенно вытесняя остальные словообразовательные формы данного названия. При этом большее число новых отыменных глаголов действия создано и создается с помощью сложной формы на *ит*.

Форма на *-лан/-лэн* в отыменной аффиксации по своей продуктивности занимает второе место после формы на *-ла*. С ее помощью создано более 200 непереходных глаголов по двум основным моделям¹⁰, сохранившим свою продуктивность и ныне. Самая многочисленная часть этих глаголов образована по единой модели с профилирующим значением 'приобрести свойство, названное производящей основой, превратиться в то, что выражено производящей основой, стать таким, каким обозначает производящая основа'. Эта модель, постепенно вытеснившая деривационные формы того же профиля, в частности формы на *-ай*, *-ар*, *-ыж*, *-ы(-е)*, *-ал* и т. п., вовлекает в словообразование главным образом названия признака, свойства, т. е. прилагательные (1) и их субстантивные аналоги (2): 1) *алалан* 'стать нестрым, пятнистым', *аламалан* 'стать плохим, дурным', *аллан* 'порозоветь, стать алым', *анһатлан* 'облегчиться, сделаться нетрудным', *арыулан* 'улучшиться, выздороветь', *башкалан* 'измениться, сделаться иным, принять иной облик', *бешелэн* 'уплотняться, сделаться плотным, крепким', *балжэйлэн* 'уменьшаться (в объеме, размере)', *елэслэн* 'посвежеть (о погоде)', *етезлэн* 'стать расторопным, проворным', *зэҕифлэн* 'искалечиться, изувечиться', *зэңгэрлэн* 'голубеть, стать голубым, сизым, синим', *йәшеллэн* 'стать зеленым, зеленеть', *кызыллан* 'стать красным, раскраснеться', *кызыулан* 'ускориться (о работе)', *кыйбатлан* 'подорожать', *кыркыулан* 'перекиснуть, перебродить, стать резким', *сабанлан* 'облениться, стать ленивым', *сафлан* 'стать чистым, очиститься', *саләмэтлэн* 'выздороветь', *тоноҕлан* 'потускнеть', *тулылан* 'пополняться, полнеть', *тэрэнлэн* 'стать глубоким, углубиться', *һалмаклан* 'сделаться медлительным, неторопливым', *һулпәнлэн* 'стать вялым', *һурәнлэн* 'охладеть, остыть, стать вялым, неторопливым' и т. п.; 2) *баткажлан* 'стать толстым', *ғайрәтлэн* 'стать мужественным, отважным', *дымлан* 'отсыреть, увлажниться', *йәмлен* 'стать уютным, красивым', *йәнлэн* 'ожить, оживиться', *ружлан* 'стать бодрым, приободриться', *кейезлэн* 'свалиться, приобретая свойство войлока', *камырлан* 'превратиться в тесто', *мамыжлан* 'сделаться пушистым, пышным', *уңғэзлэн* 'плесневеть', *хәллэн* 'окрепнуть', *рахимлэн* 'подобреть', *ружлан* 'стать бодрым, приободриться', *шыялан* 'осклизнуть, сделаться слизистым', *ярмалан* 'сделаться зернистым, рассыпчатым' и т. п.

¹⁰ Эта форма ранее давала также отдельные переходные глаголы действия типа *жуллан* 'пользоваться', по образцу которых возникли в порядке редкого исключения лишь отдельные переходные глаголы типа *файзалан* 'пользоваться'. Ныне же она создает только непереходные глаголы.

Модель с аффт. — *лан!*-*лэн* в целом очень активна и семантически стройна. Отклонений от общего типового значения немного. В частности, можно отметить две ее разновидности:

1) от существительных, обозначающих результат действия или состояния, образуются непереходные глаголы состояния с типовым значением 'приобрести частично то свойство, которое названо производящей основой': *бозлан*- 'обледенеть', *быулан*- 'запотеть, отпотеть (о предметах)', *бэслэн*- 'покрыться инеем, плесенью', *керлэн*- 'загрязниться (о теле и белье)', *кубеклэн*- 'вспениться', *карлан*- 'покрыться снегом', *кайышлан*- 'засалиться, замусолиться, залосниться' (перен. 'обтесаться, став таким, которого ничем не проймешь'), *йонлэн*- 'обрасти шерстью, покрыться перьями, опериться', *канатлан*- 'опериться, научиться летать' (перен. 'окрылиться'), *туллэн*- 'набирать яичник, жиреть (о птицах)', *могозлэн*- 'обрасти рогами, обрести рога', *һөтлэн*- 'прибавить молока' (перен. 'налиться' — о хлебных злаках) и т. п.;

2) от названий плодов, листья и т. под. форма на *-лан* образует непереходные глаголы состояния, выражающие появление признаков того, что названо производящей основой, т. е. превращение завязи в плод, зачатка в цветок, почек в листву и т. п.: *башаклан*- 'выколоситься', *быуышлан*- 'образоваться', *емешлэн*- 'завязаться (о превращении завязи фруктовых деревьев в плод)', *көпшлэн*- 'пойти в трубку (о растениях)', *кауынлан*- 'завязаться (о дынях)', *кыярлан*- 'завязаться (об огурцах)', *милэшлэн*- 'завязаться (о ягодах рябины)', *мэжлэн*- 'завязаться (о маке)', *сэскэлэн*- 'зацвести', *тамырлан*- 'пустить корни (о растениях)', *төймэлэн*- 'завязаться (о превращении пестика в завязь)', *тэлгэшлэн*- 'появиться (о гроздьях, кистях)', *һөркэлэн*- 'зацвести (о злаках), опыляться', *япраклан*- 'появиться (о первоначальном этапе развития листвы деревьев и т. под.)' и т. д.

Особую частную разновидность рассмотренной модели представляют глаголы *ойлэн*- 'жениться', *кораллан*- 'вооружаться', *эйэлэн*- 'приобрести хозяина; выйти замуж, жениться', *тасыллан*- 'приобрести навык, сноровку, ловкость', *һазэтлэн*- 'обрести привычку' с объединяющим их типовым значением 'приобрести то, что названо производящей основой'.

Хотя все эти три разновидности первой модели и воспринимаются как живые словообразовательные стереотипы, они, особенно вторая из них, ныне продуктивностью не отличаются. Основная же модель, напротив, была и остается самой продуктивной из всех словообразовательных форм, имеющих типовое значение 'приобрести свойство, названное именной производящей основой'. Она постепенно вытеснила фактически все остальные конкурирующие с ней формы (на *-ай*, *-(а)р*, *-(а)л*, *-(а)н*), оставив следы своей эволюции в виде параллелизмов типа *такырай*-/*такырлан*- 'утопаться, сделаться гладким', *якшыр*-/*якшылан*- 'улучшаться', *насарай*-/*насарлан*- 'ухудшаться'. По ней создано в целом около 150 производных глаголов состояния с непереходным значением.

Вторая словообразовательная модель на *-лан*, охватывающая всего около 50 непереходных глаголов, характеризуется типовым значением 'проявлять свойство, названное производящей основой'. Она вовлекает в словообразование главным образом названия свойства, одновременно употребляемые обычно и как названия лица по его свойству: *аумакайлан*- 'проявлять непоостоянство', *кирелэн*- 'упрямиться, артачиться, упираться', *куншышлан*- 'щеголять', *кылансыклан*- 'кривляться, кокетничать', *үзһүзлэн*- 'упорствовать', *һөмһөзлэн*- 'нахальничать, проявлять наглость', *йүләрлэн*- 'дурить', *якшатлан*- 'дебезить' и т. п.

Эти же названия свойства в большинстве случаев служат производящей основой одновременно и для первой деривационной модели на *-лан*, создающей глаголы с типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой': *алыотлан*- 'дурить, поглупеть', *диуаналан*- 'дурачиться, помешаться', *наяман*- 'лукавить, стать лукавым, хитрым'. Таковы в особенности почти все названия свойства на *-һыҙ!*-*һез*, употребляющиеся, как правило, и как названия лица по его свойству: *жомһозлан*- 'жадничать'

и 'стать жадным', *оятһыҙлан*- 'нахальничать, проявлять беззастенчивость' и 'стать бессовестным', *тыйнаҡһыҙлан*- 'озорничать, шалить, проявлять непослушание' и 'стать непослушным', *түҙемһеҙлән*- 'проявлять нетерпение' и 'стать нетерпеливым', *холокһоҙлан*- 'обнаруживать дурной характер' и 'испортиться (о характере)', *эҙһеҙлән*- 'поступать безнравственно' и 'стать безнравственным', *эрһеҙлән*- 'проявлять беззастенчивость, наглость' и 'обнаглеть' и т. п.

Значительно реже пользуется вторая модель на *-лан* в качестве производящей основы названиями одушевленных предметов по их свойству и названиями животных в переносном значении, характеризующем лицо: *енлән*- 'бесноватая', *иблеслән*- 'двурушничать', *йомакайлан*- 'подлизываться', *кәҙәлән*- 'упрямиться', *төлкөлән*- 'хитрить', *этәслән*- 'петушиться', *ярамһаҡлан*- 'заискивать, угождать' и т. п. Еще реже используются названия результата действия или состояния: *бизалан*- 'капризничать', *ғоруран*- 'гордиться', *дәртлән*- 'воодушевляться', *зарлан*- 'жаловаться, роптать', *нафрәтлән*- 'негодовать', *рыялан*- 'лицемерить', *тауышлан*- 'шуметь', *әмәтлән*- 'надеяться', *рахәтлән*- 'блаженствовать, наслаждаться', *хафалан*- 'беспокоиться', *хозуран*- 'блаженствовать', *хыялан*- 'мечтать, фантазировать', *грезит*, *тәһсирлән*- 'расчувствоваться' и т. п.

Эта группа глаголов по словообразовательной структуре близко стоит к особой разновидности второй модели на *-лан*, которая наряду с типовым значением второй модели обнаруживает в известной мере типовое значение первой модели: ср. *асыулан*- 'сердиться (проявлять сердитость)' и 'рассердиться' (т. е. приобрести свойство, названное основой *асыу*), *ғәжәплән*- 'удивляться' и 'удивиться', *шатлан*- 'радоваться' и 'обрадоваться' и т. п., которые составляют промежуточное звено между первой и второй моделью на *-лан*.

По отношению к описанным моделям и их разновидностям несколько особняком стоят лишь отдельные глаголы типа *атлан*- 'сесть верхом' (на лошадь), *азыҡлан*- 'питаться', *арҡалан*- 'полагаться', *аяҡлан*- 'стать на ноги', *теҙлән* // *тубыҡлан*- 'встать на колени', имеющие своеобразную словообразовательную структуру. Все же остальные глаголы на *-лан* образованы по одной из описанных моделей с ясно выраженным типовым значением.

Форма на *-лан* обнаруживает полный изоморфизм с формой на *-ла*, осложненной афф. *-н* и послужившей базой для ее зарождения. Последняя также распадается на две модели, синонимичные с соответствующими моделями на *-лан*: ср. 1) *турылан*- (от *турыла*-) 'сделаться прямым', *тигезлән*- (от *тигезлә*-) 'сделаться ровным' и т. п., которые объединяются типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой', 2) *азаплан*- (от *азапла*-) 'возиться, мучиться', *этлән*- 'мучиться' (от *этлә*-), *ызалан*- (от *ызала*-) 'исстрадаться', *яфалан*- (от *яфала*-) 'терзаться' и т. п., которые имеют типовое значение 'подвергаться' тому, что названо производящей основой.

По составу моделей и их природе форма на *-лан* синонимична также и форме на *-лаш*, отличающейся от нее лишь гораздо меньшей продуктивностью и использованием в качестве производящих основ главным образом заимствованных русских имен.

Форма на *-лаш*, производящая непереходные глаголы, представлена тоже двумя основными моделями.

Первая из них, характеризующаяся наибольшей продуктивностью, образует глаголы состояния с типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой — прилагательным (1) или существительным (2)'. Она используется как исконно тюркскими (а), так и, в особенности, заимствованными (б) именными основами:

1а) *йоплаш*- 'распределиться попарно, сделаться парными', *кискенләш*- 'обостряться', *жыйыллаш*- 'сделаться трудным', *ситләш*- 'удалиться, отколотся', *татыулаш*- 'помириться', б) *активләш*- 'активизироваться', *үзләш*- 'освоиться', *вульгарлаш*- 'вульгаризироваться', *камилләш*- 'усовершенствоваться', *коллективләш*- 'коллективизироваться', *легальләш*- 'легализоваться', *популярләш*- 'популяризоваться', *пролетарлаш*- 'пролетаризи-

роваться', *революционлаш*- 'революционизироваться', *специальләш*- 'специализироваться', *стабилләш*- 'стабилизироваться', *стандартлаш*- 'стандартизироваться';

2а) *берләш*- 'объединиться', *сплотиться*, *иренләш*- 'лабиализоваться', *дошманлаш*- 'стать врагом', *туғанлаш*- 'сродниться', *автоматлаш*- 'автоматизироваться', *демократиялаш*- 'демократизироваться', *дуслаш*- 'подружиться', *дифтонглаш*- 'дифтонгизироваться', *законлаш*- 'узакониться, принять силу закона', *ионлаш*- 'ионизироваться', *кристаллаш*- 'кристаллизироваться'.

Вторая модель на *-лаш* производит глаголы активного действия с типовым значением 'проявлять свойство по основе': *даулаш*- 'скандалить, добиваясь своего', *жаршылаш*- 'перечить', *мутлаш*- 'плутовать, хитрить', *этләш*- 'постоянно добиваться своего, причинять неприятности', *усләш*- 'проявлять злобу', *көсләш*- 'насиловать', *судлаш*- 'сутяжничать', *телләш*- 'пререкаться'. К этой модели, ныне непродуктивной, примыкают глаголы действия типа *аралаш*- 'общаться', *бәхилләш*- 'прощаться', *гәпләш*- 'разговаривать, беседовать', *вәгәзәләш*- 'уговориться, условиться', *кәңәшләш*- 'советоваться', *сәжаләш*- 'драться, перекидываться колкостями', *усмаклаш*- 'драться на кулаках', *әрепләш*- 'пререкаться, препираться' с характерным для них значением 'заниматься совместно с кем-л. тем, что обозначено производящей основой'. Из них только *бәхилләш*- и *вәгәзәләш*- употребляются преимущественно в значении совершенного вида. Остальные глаголы, как и все глаголы второй модели, напротив, имеют значение несовершенного вида, которое может быть нейтрализовано, однако, с помощью контекста. Первая же модель производит глаголы состояния в значении совершенного вида, тоже поддающиеся нейтрализации в зависимости от контекста.

При всей своей синонимичности формы на *-лаш* и *-лан* дают редко параллели типа *уңайлаш*- // *уңайлан*- 'сделаться удобным', *якынлаш*- // *якынлан*- 'приблизиться', *сәмләш*- // *сәмлән*- 'раззадориться'. Они ныне дифференцированы по вовлечению в словообразование исконно тюркских (форма на *-лан*) и заимствованных имен (форма на *-лаш*).

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА

КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ

В грамматической системе глагола особое место занимает форма отрицания на *-ма/-мә*, образуемая за небольшим исключением от любой глагольной лексемы в рамках ее спрягаемых и неспрягаемых парадигм, вне которых она практически немыслима. Хотя отрицательный афф. *-ма/-мә* и следует всегда непосредственно за лексической основой глагола, он отрицательно характеризует содержание не столько данной основы, сколько всей словоформы. Соответственно форма на *-ма/-мә* представляет отрицательный эквивалент не самой глагольной лексемы, а соответствующей грамматической формы, которая от нее образована. Отрицательный и неотрицательный варианты спрягаемых и неспрягаемых форм на лексико-семантическом уровне тождественны. Они противопоставлены друг другу на морфологическом уровне и по структуре и по характеру значения, вносимого формой на *ма/-мә*, которая и выступает в качестве маркированного члена этого бинарного и последовательного противопоставления: ср. *бар!* 'иди!' — *барма!* 'не ходи!', *барзык* 'мы ходили' — *барманык* 'мы не ходили', *барайык* 'идемте-ка', 'давайте пойдем' — *бармайык* 'давайте не пойдем', *барған (кеше)* 'ходивший (человек)' — *бармаған (кеше)* '(человек) который не ходил', *уқып* 'читая' — *уқымай* 'не читая' и т. п.

Все это позволяет квалифицировать форму на *-ма/-мә* в соотношении с нулевой формой, противопоставленной ей, как грамматическую категорию глагола, имеющую универсальный характер: она представлена в рамках и спря-

гаемых и неспрягаемых парадигм глагола. Вместе с тем она функционирует исключительно в пределах грамматических форм глагола.

Форма на *-ма/-мэ* из всех глагольных форм имеет в целом самую широкую сферу распространения. Тем не менее она может быть образована далеко не от всякой глагольной лексемы. Да и не во всех парадигмах глагола она может быть представлена. Многие глагольные лексемы и некоторые грамматические формы по своему содержанию совершенно невозможны в отрицательной форме. Так, форма на *-ма/-мэ* логически не совместима с множеством производных отглагольных лексем, характеризующих действие в определенном, собственно глагольном измерении, которое принято считать видовой модификацией основного глагола.

В частности *-ма/-мэ* не присоединяют словообразовательные формы на: 1) *-штыр/-штер*, *-гыла/-гелэ*, *-штыргыла/-штергелэ*, выражающие эпизодическую повторяемость или кратность действия, типа *килгелэ* 'приходить время от времени', *караштыр*-, *караштыргыла*- 'посматривать время от времени'; 2) *-п тор*, *-п ултыр*, *-п ят*-, выражающие действие в его течении, типа (ел) *өрөп тора* '(ветер) дует', *ағып ултыра* || *ағып ята* 'течет'; 3) *-а/-э(-й) бир*, выражающие продолжение совершаемого действия: *эшлэй бир*- 'продолжать работать' или незначительную добавочную его интенсификацию перед завершением: *жайната бир*- 'покипятить еще немного'; 4) *-п бар*, *-п кил*, выражающие постепенное приближение результата состояния: *бозолоп бар*- 'портиться' или действия: *кереп бар*- 'входить'; 5) *-а/-э(-й) төш*, выражающие интенсификацию действия типа *тизләтэ төш*- 'ускорять еще более'; 6) *-а/-э(-й) тор*, выражающие предварительное действие в ожидании кого-, чего-л. типа *бара тор*- 'идти пока'; 7) *-п ебар* типа *йырлап ебар*- 'запеть', выражающие внезапную завязку действия как исчерпанный акт; 8) *-п ал* типа *ашап ал*- 'закусить', выражающие исчерпанность частичного проявления энергичного действия; 9) *-п ташила* типа *эшлэп ташила*- 'сделать', выражающие исчерпанность быстрого осуществления действия в один прием; 10) *-п сык* типа *ужып сык*- 'прочитать', выражающие исчерпывающий охват объекта действия; 11) *-п кит* типа *жызып кит*- 'разгорячиться', выражающие внезапную интенсификацию законченного действия; 12) *-п куй* типа *язып куй*- 'записать', выражающие исчерпанность и результативность одноактного действия; 13) *-п һал* типа *эйтеп һал*- 'ляпнуть, высказать внезапно', выражающие быструю завязку действия; 14) *-п бөт* типа *буялып бөт*- 'измазаться, вымазаться', *арып бөт*- 'крайне устать', *сатилап бөт*- 'растрескаться', выражающие пепереходное законченное действие. Кроме того, в отрицательной форме на *-ма/-мэ* практически не употребляются многие производные образования типа *ялт-йолт ит*- 'сверкать с переливами', *серем ит*- 'вздremнуть', *каса-боҗа* 'скрываясь', а также глагольные фразеологические единицы типа *эйтеп ыжындыр*- 'выдать, ляпнуть неожиданно', *сыгып тай*- 'удраться', *килеп төш*- 'свалиться как снег на голову'.

Глаголы, по своему лексическому значению совместимые со значением формы на *-ма/-мэ*, принципиально не допускают ее в следующих своих словоформах: 1) в редуцированной форме деепричастия на *-а/-э, (-й)* типа *бара-бара* 'идя', а также в малоупотребительном исходном ее варианте в сочетании с афф. *-рак/-рэк* типа *барып етэрэк* 'доезжая, доходя'; 2) в форме деепричастия на *-гансы/-гәнсе*, выражающей ограничительно-временные, ограничительно-пространственные и обстоятельственно-сравнительные отношения типа *барып еткәнсе* 'до самого приезда, прибытия (туда)'; 3) в форме деепричастия на *-ганса/-гәнсә*, выражающей образ действия с элементами сравнения типа *мин эйткәнсә* 'как я говорил'; 4) в спрягаемых формах на *-максы/-мәксе*, *-максы/-мәксе ине*, *-максы бул*-типа *мин бармаксы* 'я намерен пойти', выражающих намерение; 5) в формах условного наклонения на *-а калһа*, *-а/-э, -й торған буһа*, *-дымы/-деме* типа *барзымы* 'как только пойдет', *бара калһа* 'если вздумает пойти', *бара торған буһа* 'в случае, если пойдет'; 6) в форме повелительного наклонения на *-п кал*, выражающей увещание типа *типтереп кал* 'воспользуйся возможностью погулять'; 7) в форме деепричастия на *-ғас/-ғәс*, в сочетании с частицей *та/тә* или

жына/кенэ, выражающей ограничительное предшествование типа *баргас та* 'как только пришел', *биргэс кенэ* 'лишь после того, как отдал, вручил'; 8) в сложной форме деепричастия на *-а/-э, -й торгас*, выражающей ограничительное предшествование как предпосылку для другого действия в виде его следствия или результата: *ужый торгас арып бөттөм* 'Я читал столько, что устал'; 9) в форме деепричастия на *-ышлай*, выражающей действие, совершаемое по пути типа *жайтышлай* 'возвращаясь домой'; 10) в сложной форме долженствования на *-аһы (-he) бар* типа *бараһым бар* 'мне надлежит идти, мне нужно идти'. В остальных словоформах этих глаголов категория отрицания может быть представлена свободно. Ее аффиксальный показатель *-ма/-мэ* неизменно следует непосредственно за лексической основой. Аффиксы же спрягаемых и неспрягаемых форм глагола ставятся после него: *ужыманым* 'я не читал', *бармаһым* 'пусть не пойдет', *килмэйэсэж* 'не придет'.

Форма на *-ма/-мэ* характеризуется в целом мопосемантической. Лишь при отдельных формах глагола она приобретает позиционно обусловленные значения, не свойственные ей:

1) в словообразовательных формах на *-п тор, -п йөр*, образованных от глаголов активного действия, она означает 'не стоит заниматься тем, что выражено производящей основой': *кереп торма, кереп йөрөмэ* 'не заходи, не стоит заходить';

2) при деепричастии на *-гас/-гэс*, выражающем ограничительное предшествование, а в зависимости от контекста и причину, форма на *-ма/-мэ*, наряду со своим обычным значением выражает в совокупности с названным аффиксом причинно-следственные отношения: *Һин бармагас, мин дә барманым* 'поскольку не ходил ты, не ходил и я';

3) в сочетании с деепричастным афф. *-й* отрицательный афф. *-ма/-мэ* представляет по существу самостоятельную форму деепричастия на *-май/-мэй*, выступающую в двух значениях: а) в значении образа действия как отрицательный эквивалент многозначной формы деепричастия на *-п* (а не деепричастия на *-а/-э, -й* и редуцированного его варианта, как это должно быть по структуре), реализованной только в значении образа действия: *асып* 'открывая' — *асмай* 'не открывая'; б) в контекстно обусловленном значении ограничительного предшествования как условия для совершения другого действия: *яз этмэй көп йылынмай* 'пока не наступит весна, дни не становятся теплыми';

4) в обоих значениях, названных в предыдущем пункте, на одинаковых началах бытует и другая самостоятельная производная форма деепричастия — на *-майынса/-мэйенсэ*: *Апай, бер һүз өндәшмэйенсэ, икенсе ишекте асты* (Р. Габдрахманов) 'Тетя, не проронив ни слова, открыла другую дверь'; *Һин килмэйенсэ башламайбыз* 'Не начнем, пока ты не придешь';

5) в составе самостоятельной сложной формы деепричастия на *-май/-мэй тороп* с помощью отрицательного аффикса выражена причинно-следственная и ограничительно-временная обусловленность двух действий: *Ә ул пулеметты кем дә буһа дәмәктөрмэй тороп, иңән калыуға өмөтләнеү бик ситен* (Д. Исламов) 'А пока кто-нибудь не заглушит тот пулемет, очень трудно рассчитывать остаться в живых';

6) с помощью отрицательного аффикса самостоятельная форма на *-маганды/-мәгәнде* выражает определенную разновидность условного наклонения: *Ана һөтө менән кермәгәнде, тана һөтө менән кермәс* (погов.) 'Если уж молоко матери не впрок, то коровье молоко и подавно' (т. е. 'если уж не воспитали родители, то потом не перевоспитаешь');

7) форма на *-ма/-мэ*, теряя свое обычное значение, широко применяется в качестве необходимого структурного компонента копулятивных сложных глаголов-деепричастий типа *өндәшмэй-тынмай* 'не проронив ни слова', *һөйләшмэй-нитмэй* 'не поговорив', *түкмэй-сәсмэй* 'не утаив ничего'.

За исключением перечисленных случаев форма на *-ма/-мэ* выступает в одном и том же значении, отрицательно характеризуя содержание той словоформы, в рамках которой она представлена как ее отрицательный эквивалент.

Отрицание при будущем времени на *-сак/-сак* может быть представлена и формой на *-ма/-ма* и модальным словом *түгел* 'не', отражающим именное ее происхождение: *бармаясакмын — барасак түгелмен* 'не пойду ни за что'.

В сложной форме прошедшего времени на *-ган/-ган бар* отрицание представлено модальным словом *юж* 'нет', заменяющим названный их замыкающий компонент: *барганым бар* 'я ходил' — *барганым юж* 'я не ходил'.

КАТЕГОРИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ/НЕПЕРЕХОДНОСТИ

Переходность / непереходность — одна из специфических характеристик глагольной лексики, вытекающая из ее содержания, уточняя и дополняя его.

По той роли, которую переходность / непереходность играет в функционировании глагола, она относится к сфере синтаксиса, где получает конкретное выражение. Вне синтаксиса же эта роль сводится к имплицитному выражению определенных синтаксических потенций глагольной лексики, представляя одну из разновидностей глагольного управления. С этой точки зрения переходность / непереходность, обуславливающая соответствующую структуру объектного глагольного словосочетания, представляет собой категорию грамматического характера, тем более что глагольная лексика по данному признаку без остатка четко и последовательно делится на два противопоставленных разряда.

Однако значение переходности / непереходности выделяется так или иначе лишь на лексико-семантической основе. Выделяется весьма условно, ибо такое значение в конечном итоге немислимо в отрыве от лексического значения глагола, вытекает из него как неотъемлемый его компонент. А главное — это значение по существу своему сводится к уточнению содержания глагольной основы на лексико-семантическом уровне.

В непроемных глаголах, как и в сложных отыменных глаголах, образованных с их помощью, переходное или непереходное значение представлено на таких же началах, что и их собственно лексическое значение без особого формального выражения. В производных же глагольных лексемах, исключая лишь небольшую их часть, переходное или непереходное значение, можно сказать, представлено их словообразовательными формами, действительно однозначно характеризующими их с этой точки зрения. Но и здесь оно обусловлено характером лексического значения основы, предопределяемым самой словообразовательной формой. Его и здесь невозможно и неправомерно выделять в отрыве от лексического значения производимой лексики, вернее — от того его существенного компонента, который содержится во всех производных глаголах с данной словообразовательной структурой в виде типового значения последней. Так, многие отыменные словообразовательные формы образуются с объединяющим их типовым значением 'приобрести свойство, названное именной основой', которое само по себе характеризует глагол как непереходный: *агай-* 'белеть', *һаргай-* 'желтеть', *һысқар-* 'укоротиться', *тутык-* 'ржаветь', *буша-* 'освободиться, ослабнуть', *кәме-* 'уменьшаться', *кипише-* 'подсохнуть'. Словообразовательные же формы с типовым значением 'вызвать, проявлять свойство, выраженное производящей основой', напротив, уже в самом их словообразовательном значении включают указание на переходность и активность обозначаемого ими действия: ср. *һирәклә-* 'разрядить', *һығыт-* 'укреплять', *төзәт-* 'исправить', *йүнәт-* 'поправить, привести в порядок' и т. п.

Даже в тех нередких случаях, когда сама сущность словообразования сводится на первый взгляд к превращению переходного глагола в непереходный или наоборот, значение переходности / непереходности лишь сопутствует их словообразовательному значению: ср. *күбәй-* 'умножиться' и *күбәйт-* 'умножить', *якынлаш-* 'приблизиться' и *якынлат-* 'приблизить', *ябайлаш-* 'упрощаться' и *ябайлаштыр-* 'упрощать', которые содержат одно из двух названных выше типовых словообразовательных значений и находятся в одном ряду с отыменным словообразованием типа *һылын-* 'согреться' — *һылыт-* 'согреть',

һыуын- 'остыть' — *һыуыт-* 'охладить, остудить', *төзәл-* 'поправиться' — *төзәт-* 'исправить'.

Обусловленность значения переходности/непереходности смыслом самой словообразовательной формы наглядно подтверждают полисемантические деривационные формы, которые в одном из своих словообразовательных значений дают переходные глаголы, в другом — непереходные; например, форма на *-ла/-лә*, во всех своих основных значениях образующая переходные глаголы типа *эшлә-* 'работать', *ремонтла-* 'ремонттировать' (совершать действие, названное основой), *быраула-* 'бурить', *тырмала-* 'боронить' (воздействовать орудием, названным основой), *уткерлә-* 'заострить', 'точить', *тигезлә-* 'разровнять' (вызвать свойство по основе), и лишь в отдельных значениях производящая непереходные глаголы типа *шартла-* 'взорваться', *шаула-* 'шуметь', *балала-* 'родить'; форма на *-ра/-рә* (*ср. озра-* 'встретить' и *изрә-* 'размякать'), форма на *-а/-ә* (*ср. жана-* 'кровоточить' и *һана-* 'считать'), форма на *-ы/-е* (*ср. байы-* 'обогатиться' и *төзә-* 'строить') и т. п. Здесь прослеживается полный изоморфизм с многозначными непроизводными глаголами типа *кер-* 'входить' (но: *һыу кер-* 'купаться', *муңса кер-* 'мыться в бане'), *мен-* 'подниматься' (но: *ат мен-* 'сесть на коня'), которые в своих основных значениях являются непереходными, а в частных — переходными. И в том и в другом случае значение переходности / непереходности выделяется, собственно говоря, не столько на лексическом, сколько на собственно семантическом уровне в пределах лексемы. И выделяется постольку, поскольку выделяется лексическое значение как относительно автономная элементарная смысловая единица. Выделяется к тому же в неразрывной связи с ним, а не как сколько-нибудь самостоятельный его компонент. Значение переходности и непереходности мыслимо в отрыве от лексического значения слова. Оно органически вытекает из него и сопутствует ему неизменно.

По своей сути значением переходности или непереходности обладает глагольная лексема постольку, поскольку оно является свойством самого действия, выраженного ею. Ведь направленность действия на прямой объект даже в самом ее абстрактном понимании есть отнюдь не глобальный признак всякого глагола, а свойство лишь определенного разряда действий, обозначаемых глаголом. Оно представлено в глаголе отнюдь не абстрактно, как мы это устанавливаем умозрительным путем, тем же способом противопоставляя переходное значение непереходному в своем стремлении увидеть здесь собственно грамматическую бинарную оппозицию, а в вполне конкретном выражении, угадываемом по смысловому содержанию глагола. Подобно тому, как не всякое действие может быть направлено на прямой объект, последним может служить при переходном глаголе отнюдь не всякий предмет, а лишь строго определенный тип предметов, причем считанное их множество (*ср. зажмурить* — глагол, предполагающий в качестве прямого объекта только глаза и т. п.).

Выражая переходное действие лексемой, мы одновременно отражаем так или иначе и его индивидуальное свойство быть направленным на какой-либо один тип предметов, его соотносительность с ними (иначе его нельзя отграничить от сходных в определенных отношениях действий). Соответственно, воспроизведя его по глагольной лексеме, мы одновременно воспроизводим и его имплицитную и тем не менее обязательную соотносительность с заранее определенным разрядом прямых объектов, получающих реальное выражение на синтаксическом уровне (иначе мы не можем верно понять лексему, как в этом убеждает четкая ограниченность одного лексического значения от другого одновременно и по их соотносительности с определенными объектами в многозначных глаголах типа *уғы-* 'читать, учиться'). Сфера дополнений специфична не только для каждого переходного глагола, но и для каждого его отдельного лексического значения, предполагающего заранее заданную лексическую сочетаемость. И эта специфика в конечном итоге есть свойство самого действия, выраженного лексемой.

Переходное значение наряду с имплицитным выражением соотносительности действия с определенным кругом прямых объектов включает в себя также и указание на активный характер действия, больше того — на его соотносен-

ность отнюдь не со всяким субъектом, а лишь с названиями одушевленных предметов, способных осуществлять данное действие. Соответственно переходное значение, за исключением переходных глаголов с внутренним объектом типа *ултыр-* 'садиться' (т. е. 'посадить себя'), связано обычно с выражением состояния, носителем, а не производителем которого является субъект. Эти смысловые отношения, тоже представляющие имплицитно выраженные синтаксические потенции глагола, органически вытекают и из самого лексического значения основы, обусловлены им и в конечном итоге тоже являют собой индивидуальное свойство самого обозначаемого действия.

Правда, соотношенность с субъектом, вернее с подлежащим, предполагает любая глагольная лексема как часть речи. Но она в данном случае конкретизирована, что уже выходит за пределы собственно грамматики и является достоянием лексико-семантического уровня, поскольку представлена в рамках самой лексемы. Глагольная лексема заранее предопределяет состав не только возможных объектов-дополнений, но и субъектов-подлежащих. Уже в самом ее лексическом значении заключен их потенциальный состав, т. е. пределы лексической сочетаемости данного глагола.

Значение переходности/непереходности, представляющее, таким образом, синтаксические потенции глагола двойного рода, находится в теснейшем взаимодействии с его собственно лексическим значением, из которого оно вытекает в порядке производного его компонента, совершенно необходимого для его полноты и возможной точности. В зависимости от состава и характера прямых объектов, а иногда и потенциально возможных субъектов нередко резко меняется само лексическое значение глагола. Так, лексема *тот-* 'держат, поймать', реализующая эти свои значения в соотношении с бесчисленным множеством самых разнообразных объектов-прямых дополнений при относительно ограниченном и вполне определенном составе субъектов-подлежащих, в применении к *балык-* 'рыба' означает 'заниматься ловлей (рыбы)', в частности, 'удить'. Лексема *тор-* 'стоять' только в применении к названиям одушевленных предметов-субъектов, вернее названиям лиц означает 'встать' (т. е. 'поднять себя'). Лексема *аша-* в соотношении с подлежащим — названием одушевленных предметов означает 'есть, кушать', а в сочетании с подлежащим *кояш* 'солнце' выражает 'выцветать', с подлежащим же типа *тут* 'ржавчина' — 'разъедать' (*тут тимерзе ашай* 'ржавчина разъедает железо'). Сходных примеров можно привести бесчисленное множество. И все они свидетельствуют об изменяемости лексического значения глагола в зависимости от его взаимодействия со значением переходности в конкретном его проявлении, каким оно только и может быть при каждом лексическом значении глагола.

Об этом же говорит и тот очевидный факт, что одно и то же действие в применении к различным объектам-дополнениям выражается нередко разными глагольными лексемами: ср. *яп-* в значении 'закрыть' с необычайно широким кругом возможных объектов-дополнений в его отношении к *йом-* 'закрыть' (только глаза, рот и т. п.), *ур-* 'плести' (косу, корзину и т. п.) в его отношении к (*селтар*) *бэйлэ-* 'плести (кружева)' и т. п.

Переходность/непереходность в известной мере обуславливает также степень полноты и ясности выражения лексического значения глагола, его очерченность и объем. Переходные глаголы, как это давно замечено, характеризуются в целом емкостью и гибкостью своего лексического значения в ущерб его конкретности, точности, которую оно получает обычно лишь по мере охарактеризованности объекта обозначаемого действия, т. е. в речи: ср. лексему *яһа-* 'делать' с непомерно широким и разнородным составом объектов, только в конкретном соотношении с которыми приобретающую необходимую очерченность своего значения (*остал яһа-* 'смастерить стол', *буит яһа-* 'бунтовать', *атака яһа-* 'атаковать', *мылтыкты яһа-* 'заряжать винтовку'), *ал-* 'брать' с более или менее ясно очерченным, но очень широким лексическим значением, уточняемым в речи в зависимости от конкретных объектов обозначаемого действия.

В переходных глаголах, соотносенных с широким и не вполне ясно очерченным кругом объектов-дополнений, явно ощущается недостаточная выраженность обозначаемого ими действия в их пределах, незаконченность его характеристики в самой лексеме, требующей поэтому конкретизации с помощью прямого дополнения. Чем менее узок и ясен состав объектов, на которые может быть направлено данное действие, тем полнозначнее оно отражается в лексеме: ср. *йыра-* 'петь', *йом-* 'закрыть (глаза, рот, ладонь)', *имез-* 'кормить (грудью)' и т. п.

Непереходные глаголы по сравнению с переходными имеют в целом более ясно очерченное лексическое значение, с возможной полнотой выраженное в их пределах, т. е. не требующее уточнения с помощью дополнений-объектов. Исключение составляют лишь отдельные глаголы типа *ит-* 'делать', *бул-* 'быть, стать' с сверхабстрагированным лексическим значением, охватывающим подобно местоимению содержание всякого другого глагола данного семантического профиля.

Особенной полнозначностью и конкретностью характеризуются непереходные глаголы действия с внутренним объектом: ср. *сук-* 'стать на колени', *улыыр-* 'садиться', *бас-* 'встать', *тор-* 'вставать' и т. п.

Как это вытекает из изложенного, переходность/непереходность, как и все другие синтаксические потенции глагола, является достоянием самой глагольной лексемы и поэтому в лучшем случае может быть квалифицирована как лексико-грамматическая категория глагола.

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

Залог — особая лексико-грамматическая категория глагола, выражающая отношение действия к агенсу-подлежащему как его производителю, если оно даже не является реальным исполнителем действия.

По содержанию и функции формы залога составляют грамматическую категорию, поскольку они предназначены для выражения в пределах самого глагола его определенных синтаксических потенций, обуславливающих появление подлежащего, прямого и косвенного дополнения, т. е. управляемого глаголом слова в определенной грамматической форме. Но по формальному выражению своего значения, сфере охвата глагольной лексики и по соотношению залоговых форм между собой эта категория далеко не удовлетворяет критериям выделения собственно грамматических категорий словоизменительного типа:

1) основной залог, в отличие от остальных залогов, охватывает глагольную лексику глобально, по своей употребительности занимает преимущественное положение, но характеризуется, во-первых, многозначностью (соответствует и действительному залогу и среднему, выражающему состояние, носителем, а не производителем которого является подлежащее), во-вторых, отсутствием единой формы — в его сферу входят глаголы не только в своей исходной форме, но и в формах всех остальных залогов, лишенных их собственно залогового значения и играющих чисто словообразовательную роль, в-третьих, отсутствием сколько-нибудь существенного и последовательного противопоставления основного залога остальным залогам, исключая лишь страдательный, с которым в принципе он взаимодействует аналогично тому, как в индоевропейских языках, правда не столь последовательно и не всегда на чисто грамматической основе (нередко страдательный залог от основного в тюркских языках отличается и лексически);

2) страдательный залог по своей природе в целом действительно противопоставлен основному, но в отличие от него: а) образуется от весьма ограниченного и строго определенного круга глаголов в полной зависимости от характера их лексического значения, образуется к тому же по двум разным формам, одна из которых совпадает с возвратным залогом, по значению близко стоящему к нему, но фактически входящему в сферу основного залога-актива как его разновидность; употребление страдательного залога обусловлено не столько коммуникативными, сколько чисто стилистическими

причинами как синтаксического эквивалента основного залога; коммуникативная же роль страдательного залога, в далеком прошлом отражающего обожествление субъекта, ныне сводится к актуализации направленности действия на объект без ущерба его соотносительности с реальным субъектом, которая в данном случае лишается лишь информативности;

3) остальные залоговые — повелительный, взаимный, возвратный — по существу являются собой лишь определенную разновидность действительного залога; образуются от строго ограниченного состава глаголов в полной зависимости от профиля их лексического значения и имеют в целом весьма ограниченную сферу употребления, особенно возвратный;

4) формы всех четырех названных косвенных залогов в очень многих случаях играют чисто словообразовательную роль, отличную от значения данного залога; при этом производные лексические единицы внутриглагольного происхождения входят в сферу основного залога;

5) в собственно залоговом значении эти формы также нередко приводят к изменению исходного лексического значения глагольной основы;

6) грамматические значения форм косвенных залогов не отличаются единством: все они многозначны;

7) повелительный и страдательный залоговые образуются с помощью разных аффиксов, а взаимный, образуемый посредством единого аффикса, имеет совершенно различные грамматические значения, не укладывающиеся в рамках единого залога;

8) косвенные залоговые даже в собственно залоговом их значении не обладают сколько-либо ясно выраженной и последовательной залоговой противопоставленностью, что неоспоримо доказывается давно замеченной и общепризнанной совместимостью одного из них с другим в пределах одного и того же глагола;

9) все залоговые тесно и неразрывно переплетаются с лексикограмматической категорией переходности и непереходности, не имеющей единого и последовательно проводимого формального выражения, преимущественно базирующейся на лексическом значении самого глагола и тем не менее обладающей бинарным последовательно проводимым коррелятивным противопоставлением, характерным для собственно грамматической категории, обслуживающей синтаксис (в нашем случае — способностью или неспособностью глагола управлять прямым объектом);

10) хотя формы косвенных залогов все до единой последовательно и однозначно выражают категорию переходности или непереходности, трансформируя безобъектный глагол в объектный или наоборот и тем самым осуществляя внутриглагольное словообразование¹¹, однако это их свойство тоже не составляет их сущности и даже прямого их назначения: во-первых, выражение переходности и непереходности формами косвенных залогов при всей своей последовательности есть, так сказать, побочный результат либо реализации собственно словообразовательной функции этих форм (в данном случае последние ничем не отличаются от остальных словообразовательных форм глагола, которые тоже неизменно выражают либо переходность, либо непереходность, хотя и предназначены для преобразования лексического значения производящей основы), либо залогообразования, стоящего на ином уровне, чем чистое словообразование; во-вторых, что самое главное, категория переходности/непереходности при всей своей тесной связи с залогом отличается от него тем, что залог обозначает субъектные отношения, а данная категория выражает исключительно объектные отношения на основе лексического значения глагола независимо от его морфологической структуры.

В непроизводных глаголах значение переходности/непереходности вообще не имеет никакого формального выражения. В производных, в том числе и глаголах, созданных с помощью залоговых аффиксов, последние

¹¹ Как это справедливо замечено грамматистами, изменение значения переходности/непереходности глагола, связанное с залогом, входит в сферу словообразования также и потому, что это значение для каждого глагола специфично (Иванов С. Н. Родословное древо тюрк Абу-Гази-хана. Ташкент, 1969, с. 121—122).

являются неотъемлемым элементом их лексической структуры и в силу этого — показателем значения переходности или непереходности, неразрывно связанного с лексическим значением данного глагола, обуславливающим его (но не наоборот).

Все эти противоречивые свойства тюркского залога, порождающие нескончаемые споры в отношении его грамматической квалификации, вызваны тем, что залог как грамматическая категория формировался на базе словообразовательных форм и именно поэтому не получил сколько-либо стройного и последовательного развития.

ОСНОВНОЙ ЗАЛОГ

Основной залог — это универсальная лексико-грамматическая категория, в которой прежде всего и главным образом бытует любой глагол. Значение основного залога по своему существу есть одно из категориальных свойств всякого глагола как части речи, а именно — неизменная имплицитная или (отчасти) эксплицитная соотносительность глагола с грамматическим субъектом-подлежащим, которое в отличие от логического субъекта вовсе необязательно должно быть производителем данного действия или состояния, хотя в целом, за небольшим исключением, и является им.

Совпадение значения основного залога с категориальным значением глагола как части речи и обуславливает отсутствие его специального морфологического выражения. (В этом отношении не составляет исключения и довольно многочисленный пласт производных глаголов, образованных с помощью десемантизированных залогообразующих аффиксов, поскольку они как лексические единицы немислимы без этих аффиксов, органически входящих в их структуру).

Бытующий в исходной форме глагола как лексическая единица, основной залог синтаксически реализуется в двух разновидностях: объектный (переходные глаголы) и безобъектный (непереходные). Морфологически это различие выражено косвенно лишь в части глаголов, образованных с помощью деривационных аффиксов, которые, однако не всегда обозначают только переходность или непереходность (ср., например, глаголы на *-ла/-лаэ*, обладающее большинство которых переходны, но значительная часть непереходны, а отдельные глаголы в одном своем значении переходны, в другом — непереходны). В остальных глаголах (в непроизводных и сложных, в своей совокупности составляющих едва ли не половину глагольной лексики) данная их синтаксическая потенция целиком обусловлена лишь их семантической основой. Тем не менее различие глаголов по переходности и непереходности проводится глобально, включая каждое значение многозначного глагола.

Семантически, а в меру своей формальной выраженности и морфологически (производные глаголы с аффиксами, однозначно представляющими категорию переходности/непереходности) основной залог имеет две разновидности: 1) действительный залог, при котором подлежащее обозначает реального производителя данного действия или состояния и который обычно различается и контролируется синтаксически (наличие или отсутствие, недопустимость прямого объекта), например: *Мин ул турала күптән бойорук бирзем* (Г. Гүмөр) 'Об этом я давно приказал'; *Мин кайтам!* (Ф. Ифэнголов) 'Я ухожу домой!' и 2) средний залог, при котором подлежащее является носителем, а не производителем состояния или (реже) действия: *Көн озак үтте* (А. Агиш) 'День тянулся долго'; *Бөгөнгө норма шуның менән ботто* (С. Кулибай) 'Сегодняшняя норма этим закончена'.

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Страдательный залог — это грамматически организованная трансформация объекта действия в позицию подлежащего без ущерба для его логического содержания, как и для субъекта, теряющего, однако, при этом свою информативность. Суть его заключается не в субъектно-объектной обрати-

мости, как это принято считать, а в актуализации объекта действия путем выдвижения в позицию подлежащего, отчего он не перестает быть логическим объектом, подобно тому, как логический субъект тоже сохраняет свою соотнесенность с действием, хотя они оба в этом случае и оформлены иначе, чем обычно и в соответствии с этим занимают не собственные им синтаксические позиции. Говоря иными словами, глагол в собственно страдательном залоге сохраняет свою имплицитную соотнесенность как с реальным субъектом, так и с объектом действия, несмотря на их формальную взаимозаменяемость в целях актуализации действия в его отношении к объекту. В то же время по своим формальным признакам страдательный залог, заслоня роль субъекта, не укладывается в рамках какого бы то ни было другого залога и противостоит им, в частности действительному залогу как особая форма выражения субъектно-объектных отношений, а именно — как инверсия действительного залога, по смыслу близкого к среднему залогу, особенно когда субъект не назван в данном высказывании (ср. *хат язылды* 'письмо написано' и *ағас үсә* 'дерево растет').

Страдательный залог образуется от основы глагола с помощью афф. $-(y/e, o/\theta)л$ и отчасти афф. $-(y/e, o/\theta)н$.

Афф. $-(y/e, o/\theta)н$ употребляется при основах с конечным (*ал-ын* 'быть взятым', *эл-ен* 'быть повешанным') или предпоследним (*башла-н* 'начинаться', *шлә-н* 'быть сделанным') этимологическим $*-л$, а также после двусложных основ, первый слог которых замыкает $-л-$, а последующий — $-а$ или $-ә$ (*алда-н* 'быть обманутым'). В остальных случаях выступает афф. $-(y/e, o/\theta)л$. Страдательный залог образуется от широкого круга переходных глаголов, а также от некоторых непереходных глаголов действия с внутренним объектом типа *ултыр-* 'садиться' (т. е. 'посадить себя').

Описанная природа страдательного залога наиболее ярко проявляется в переходных глаголах — в данном случае субъект чаще всего устраняется из высказывания и в связи с этим глагол, лишаясь соотнесенности с ним, превращается в неопределенно-личный, хотя формально по категории лица он и согласован с подлежащим-объектом: *Бязер Юсупованың халыж алдында хезмәттәре бик күп тапқыр үсә алынды* (С. Агиш) 'Заслуги Бязер Юсуповой перед народом упоминались очень много раз'.

Многие глаголы в форме страдательного залога не допускают субъекта обозначаемого им действия, неизменно представляют действие как самопроизвольный безличный акт. Таковы, например, *асыл-* 'открываться', *башлан-* 'начинаться', *бозол-* 'портиться', *ватыл-* 'сломаться, разбиться', *емерел-* 'разрушаться, развалиться, обвалиться', *озол-* 'оборваться, оторваться', *сисел-* 'развязаться, отвязаться', *табыл-* 'найтись', *һутел-* 'распороться, расплетаться', *һытыл-* 'раздавиться' и т. п. Хотя это правило остальных страдательных форм и не касается, они обычно бытуют тоже без субъекта, выражая активное действие в отвлечении от его исполнителя и тем самым характеризую его как неопределенно-личный акт: *Ошо көндә алып донъя иккә бүленде — капитализм һәм социализм донъяларына* (Ғ. Әмири) 'С этого дня мир разделился надвое — на социалистический и капиталистический'; *Тугыз катлы йорт һалына башлан* (Ә. Бикчәнтәев) 'Началось строительство девятиэтажного дома'.

Правда, в коммуникативно необходимых случаях при некоторых глаголах данного вида субъект может быть представлен в форме родительного падежа (когда он выражен личным местоимением) или основного падежа (когда он выражен существительным), выполняющего по сути роль эргатива, в сопровождении послелогов *тарафынан* (если субъект — название лица) или *менән* (если он представлен названием неодушевленного предмета): ср. *Приказ командир тарафынан бирелде* 'Приказ дан командиром'; *Почта самолет менән килтерелә* 'Почта доставляется самолетом', где имеется возможность трансформации в действительный залог (ср. *Командир приказ бирзе* 'Командир дал приказ'; *Самолет почта килтерә* 'Самолет доставляет почту', где актуализируется роль субъекта как подлежащего; *Приказды командир бирзе* 'Приказ дал командир'; *Почтаны самолет килтерә*

‘Почту доставляет самолет’, где в отличие от предыдущего случая актуализирован объект как прямое дополнение в его отношении к действию почти таким же образом, что и в страдательной конструкции). Но эти страдательные конструкции, зародившиеся на почве тюркских языков, очевидно, под иноязычным влиянием, представляются несколько искусственными, а иногда и надуманными и, вероятно, по этой причине широкого распространения в общенародном башкирском языке не получили, закрепившись более или менее прочно главным образом за книжным стилем письменного языка, и то сохранив свою калькированную природу, особенно в переводах с русского языка. Во всяком случае, они представляют наименее употребительную разновидность страдательного залога, зато наиболее грамматикализированную, т. е. не затрагивающую ни лексического значения глагола, ни его способности управлять прямым объектом.

Собственно грамматический характер, не связанный с изменением лексического значения и синтаксической потенции глагола по переходности/непереходности, носит и предыдущая разновидность страдательного залога, поскольку она сводится к изменению лишь обычных субъектных отношений, превращая личный глагол, соотношенный с определенным лицом в соответствии с показателем грамматического лица, в неопределенно личный: ср. *Бер төрлө сәскәләр иртән асыла, икенсе төрлөләр — көндөз, өсөнсөләр — кис* (Ө. Вәли) ‘Одни цветы раскрывают свои лепестки утром, другие — днем, третьи — вечером’; *Кәңшәмә йыйылды* (Ғ. Әмири) ‘Совещание созвано’; *Ошо ваҡытта ла ябылмаһа осон асыла Бәзәр Юсупова осон сәһнә һәрҙәһе бер ваҡытта ла ябылмаһа осон асыла* (С. Агиш) ‘После этого события занавес сцены для учительницы Базер Юсуповой открылся навсегда’.

Лишь отдельные глаголы при этом претерпевают изменение своего исходного лексического значения: *Иштуғандың кәйеһе кырылды* (З. Бишева) ‘Настроение Иштугана испортилось’ (*кыр-* ‘скоблить, брить, точить, истребить, разбить’, из которых лишь последнее значение отдаленно связано с приведенным видоизменением содержания данного глагола). В составе же некоторых глаголов сходного рода форма на *-ла* в одном случае своего употребления имеет описанное чисто залоговое значение, в другом — собственно словообразовательное, совершенно не связанное со страдательным залогом: ср. *яз-* ‘писать’ — *языл-* а) ‘быть написанным’, б) ‘записаться’; *сәһс-* ‘колоть, вонзать’ — *сәһсел-* а) (быть воткнутом, вонзиться, втыкаться’, б) ‘издохнуть’.

Периферийную разновидность страдательного залога, граничащую, с одной стороны, с возвратным залогом, с другой — со словообразованием, представляют возвратно-страдательные формы, совмещающие объект и субъект действия, образованные от переходных глаголов; производителем обозначаемого ими действия является одушевленный предмет, чаще всего название лица: ср. *айырыл-* ‘разъединяться, разлучаться, расставаться, разводиться’, *бөгөл-* ‘сгибаться’, *эйел-* ‘наклоняться’, *йыйыл-* ‘собираться’, *тарал-* ‘расходиться’, *тезел-* ‘строиться’, *туктал-* ‘остановиться’, *кушыл-* ‘присоединиться’ и т. п., которые применительно к названиям лица выражают направленность действия на него как на объект (‘разлучить себя, сгибать себя, наклонять себя, собирать себя и других лиц, ставить себя и других в строй, остановить себя, присоединить себя к кому-л.’).

Страдательный залог, образованный от непереходных глаголов, формально обозначает неопределенно-личное, вернее — неличное действие, как бы внесенное извне. На деле же действие здесь соотносится с первым лицом как с говорящим, который в порядке умозаключения постфактум приходит к выводу, что, оказывается, он как бы невольно совершил его. В связи с этим последним обстоятельством страдательный залог в этом случае обычно функционирует в прошедшем времени на *-ған*, в применении к 1-му лицу, выражающему именно такое действие, а в остальных лицах — прошедшее действие, очевидцем которого говорящий не был: *кисә бик күп йоралған, ултырылған, йокланған* и т. п. ‘вчера, оказывается, много ходил, (долго) сидел, спал’ и т. под. В форме же прошедшего очевидного на *-ды* действие чаще всего соотносится с 1-м лицом мн. числа.

В последнем из описанных значений страдательный залог чаще всего выступает в переходных глаголах типа *аша-* 'есть, кушать', *эс-* 'пить': *кисэ бик күп эселгэн* 'вчера, оказывается, очень много пил'. Но в целом в данном частном своем значении оп бывает реже всего.

В очень многих случаях форма на *-л* выделяется исключительно как чисто словообразовательная, даплю лишенная, однако, продуктивности, хотя в свое время с помощью аффт. *-л* создавались даже отыменные глаголы типа *тере-л-* 'ожить, выздороветь' (от *тере* 'живой'), *басыл-* 'затихать, стихать; успокоиться (о боли)' (*баз-* 'заглушать, умирять; давить, нажать; вставать; ступать'), *бозол-* 'испортиться' (*боз-* 'портить, нарушать; извращать'), *борсол-* 'беспокоиться' тревожиться, волноваться; заботиться' (*борсо-* 'беспокоить; утруждать'), *бутал-* 'запутаться, сбиться; путаться с кем-л.; перемешаться' (*бута-* 'размешать, перемешать; тасовать; зацутать'), *бэрел-* 'удариться (обо что-л.), задеть (при движении)' (*бэр-* 'бить, ударить'), *жагыл-* 'трогать, коснуться, касаться' (*жаж-* 'забить, заколотить; выколачивать, встряхивать, выбивать; стучать; звонить; притеснять') *отол-* 'проиграть, прогадать, оказаться в убытке' (*от-* 'выиграть, выгадать; уловить, запомнить'), *хуғыл-* 'заходить, заехать по пути' (*хуж-* 'ударить, бить'), *тарал-* 'расходиться, рассыпаться, распространиться' (*тарат-* 'раздавать, рассевать'), *тезел-* 'строиться' (*тез-* 'панизовать, выстраивать') и т. п.

Передко одна и та же форма выступает и как страдательный залог (а) и как производная лексическая единица, из состава которой аффт. *-л* не может быть устранен (б): *айырыл-* а) 'быть разлученным', б) 'расторгнуть брак'; *асыл-* а) 'открыться', б) 'проясниться, очиститься; раскрыться, разоблачить'; *буыл-* а) 'быть покрашенным', б) 'вымазаться (краской), пачкаться (грязью)'; *буыл-* а) 'быть запруженным, быть затянутым (перевязавшись)', б) 'давиться, удавиться, задыхаться'; *бирел-* а) 'быть данным', б) 'сдаться, пасть; увлекаться'; *өзол-* а) 'оборваться, быть прерванным, сорванным', б) 'страдать по кому-л., переживать; радушно принять кого-л.; умереть' и т. п.

Это обстоятельство крайне затрудняет квалификацию страдательного залога как грамматической категории, хотя он за исключением этих редких случаев, где можно усмотреть омонимию, и дает для этого веские основания. Можно отметить отдельные формы на *-л*, в пределах одного и того же лексического значения belonging в зависимости от контекста и как страдательный залог (а) и как производная лексема, из состава которой аффт. *-л* не может быть устранен (б): а) *токумэт тарафынан демократиялаштырыл-, документлаштерел-* 'демократизироваться, документироваться правительством', б) *демократиялаштырыл-* 'демократизироваться', *документлаштерел-* 'приобрести документированность'.

В целом форма на *-л* чаще всего служит для трансформации переходного глагола в непереходный без существенного изменения его лексического содержания, лишь модифицируя его синтаксические потенции: ср. *һөйрэл-* 'тащиться, волочить' (*һөйрә-* 'тащить, волочить'), *һөйлә-* 'прислоняться, привалиться; опираться' (*һөйлә-* 'прислонять, приставлять'), *тойол-* 'ощущаться, казаться' (*той-* 'ощущать, чувствовать'), *туғел-* 'выливаться, пролиться; просыпаться, рассыпаться; истратиться, затратиться' (*туж-* 'вылить, пролить, высыпать'), *урал-* 'мотаться, наматываться, накручиваться; виться, клубиться; крутиться около кого-л.', (*ура-* 'мотать, наматывать, накручивать; обертывать, завертывать, укутывать; ходить, ездить окольным путем'); *өстәл-* 'набавляться, надбавляться, добавляться' (*өстә-* 'добавить, прибавить, набавить, дополнить') и т. п., которые имеют со страдательным залогом лишь отдаленную смысловую связь, заслоненную значением непереходности, тесно переплетающимся с лексическим содержанием этих производных глаголов. Говоря иными словами, в составе данного многочисленного пласта глаголов форма страдательного залога тоже имеет словообразовательное назначение, хотя изменяет исходное лексическое содержание производящей основы минимально.

Ее словообразовательную природу подтверждает наличие отыменных глаголов вроде *тере-л-* 'ожить, выздороветь' (от *тере* 'живой'), *жа-*

рал- 'загрязняться' (от *жара* 'черный'), *оял-* 'стыдиться, стесняться' (от арх. *уя* или *уй* со значением 'стыдливый, застенчивый, робкий', представленным не только в тюркских языках¹²), *югал-* 'теряться, пропасть, исчезнуть' (от *юк* 'нет'), *тезэл-* 'исправиться' (от *тез* 'прямой, точный, меткий', в названном отношении 'исправный', ср. также *тезек* 'исправный'), *юнал-* 'исправиться' (восстановиться в прежнем качестве); поправиться (после болезни)' (от *юнь* 'толк, способность, состоятельность'), *хурел-* 'остыть, затихать' (ср. *хурэн* 'вялый, неживой, недостаточно истопленный, испеченный'), а также слова (с утратившими свою самостоятельность корнями), существующие в двух формах — со словообразовательным аффиксом — показателем непереходности *-л*, и с таким же деривационным аффиксом — показателем переходности *-т*: *кузгал-* 'прийти в движение, трогаться, шевелиться, сдвинуться, возобновиться, возбудиться' — *кузгат-* (то же самое в переходном значении); *тарал-* 'расходиться, рассеиваться, рассыпаться, распространяться' — *тарат-* (то же самое в переходном значении), *таркал-* 'распасться, разрозняться, разлагаться' — *таркат-* 'приводить в такое же состояние или в упадок', *ярал-* 'зарождаться и ярат- арх. 'создать, обеспечить бытование' и т. п.

О том же свидетельствуют некоторые этимологически затемненные явно производные образования на *-л* со значением непереходности и приобретения определенного свойства, характерным для собственно словообразовательной формы на *-л*: *таушал-* 'мяться, износиться'; *тайпыл-* 'уклоняться в сторону, увертываться'; *сыуал-* 'путаться, суетиться, мутиться (о сознании)'; *тирбэл-* 'колебаться, качаться, колыхаться'; *өйөрөл-* 'вихриться, клубиться' (должно быть, от *өйөр* 'сгонять в кучу', например стадо, в частности лошадей), *урел-* тянуться, потянуться' (обычно вверх или в сторону для того, чтобы достать что-л. (здесь можно усмотреть корень *ур* 'возвышенность, подъем' в каком-л. ином его прежнем значении¹³).

Во всех рассмотренных типичных случаях использования формы на *-л* для образования совершенно нового или семантически лишь частично обновленного производного глагола она входит в сферу среднего залога, представляющего широко распространенную разновидность основного залога.

В значении же собственно страдательного залога, характеризующемся по сравнению с остальными залогами относительным единством, форма на *-л*, как и ее эквивалент на *-и*, носит в целом грамматический характер, в том числе и в рамках рассмотренных выше не очень многих полисемантических глаголов, где залогообразование производится лишь на уровне лексемы, т. е. залог образуется только от одного из лексических значений данного многозначного глагола без ущерба для значения как такового, не затрагивая остальных лексических значений этого слова. Тем более, что противопоставление страдательного залога действительному проводится последовательно в рамках одной и той же лексической единицы.

Противопоставление осуществляется двояко: 1) в порядке корреляции с действительным залогом по бинарному принципу глагол в одном и том же лексическом значении может быть либо в одном, либо в другом из этих двух взаимоисключающих залогов в зависимости от своей формы и коммуникативных условий, 2) глагол вообще не допускает одного из этих залогов, находясь неизменно в сфере другого, таковы, например, формы с собственно повелительным залоговым значением, входящим, в принципе, в состав действительного залога, как это будет показано ниже.

Из всех собственно залоговых форм, кроме основного, совпадающего со словарной формой глагола, страдательный залог может сочетаться лишь с взаимным, и то очень редко. При этом показатель взаимного залога ставится перед аффиксом страдательного залога, выступающего в своем значении. Взаимный залог сохраняет свое значение, но лишается характерного для него залогового управления, т. е. своей синтаксической потенции:

¹² Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 576.

¹³ См.: Севортян Э. В. Указ. соч., с. 542 и сл.

һойләш- 'разговаривать с кем-л.' — *һойләшелә* 'бывает, что разговор имеет место'; *талаш-* 'ссориться с кем-л.' — *талашыла* 'бывает так, что приходится ссориться'. Обратная сочетаемость форм этих залогов приводит к созданию новой или обновленной лексической единицы, входящей в сферу основного залога: ср. *айырыл-* 'быть разлученным; расставаться, разделяться' — *айырылыш-* 'разводиться, расторгнуть брак, разлучаться'; *языл-* 'быть написанным; записаться' — *язылыш-* 'оформить брак, расписаться'; *йыйыл-* 'быть собранным; собираться' — *йыйылыш* — 'собираться (о многих)', где форма взаимного залога образуется отнюдь не от страдательного залога, а от лексикализованной его формы.

ВЗАИМНЫЙ ЗАЛОГ

Форма с афф. *-ш* после гласных и *-ыш/-еш*, *-ош/-өш* после согласных, образуемая от широкого круга глагольных основ, характеризуется многозначностью и полифункциональностью, не укладывающейся в рамках единой лексико-грамматической категории. При всей своей высокой употребительности она меньше всего выступает в значении взаимного залога в принятом его довольно определенном узком понимании: 1) осуществление активного действия двумя или более (реже) исполнителями на паритетных началах, предполагающих обычно направленность этого совместного действия на них же как на объект, 2) соучастие данного лица как активное переходное действие, основным исполнителем которого является другое лицо при актуализации первого из них путем выдвижения его названия в позицию подлежащего и отнесения второго в позицию косвенного дополнения в форме дательного падежа и тем самым превращения его в своеобразный (вторичный) объект независимо от наличия или отсутствия в данном высказывании прямого дополнения-объекта (первичного).

Форма на *-ш* в обоих названных значениях по своему существу с точки зрения как типологической, так и собственно грамматической (по оформлению субъектных и объектных отношений) представляет одну из структурно-семантических разновидностей действительного залога, отличаясь от него наличием своего аффиксального выражения, не имеющего, однако, однозначного осмысления, как того требует всякая собственно категориальная форма. Оба значения угадываются лишь на лексико-семантической (главным образом) и семантико-синтаксической (отчасти) основе, из коих первая обуславливает вторую, по которой можно контролировать ее косвенным путем.

Первое значение, находящееся, как и второе, в полной зависимости от характера лексического значения и вытекающих из него синтаксических тенденций данного глагола, обнаруживают немногие формы на *-ш*, образованные от переходных глаголов активного действия типа *осра-* 'встретить', *косакла-* 'обнимать', *ул-* 'целовать' и лишённые своего искомого грамматического значения переходности. Оно выражается обычно с помощью послелога *менән* 'с', выполняющего роль соединительного союза между двумя однородными подлежащими: *Кез Владимир Ильич менән осраша алдыгызмы?* (Ә. Бикчәнтәев) 'Вы смогли встретиться с Владимиром Ильичем?'. Непереходные глаголы в данном значении встречаются крайне редко. В форме на *-ш* они приобретают значение направленности совместного действия на самих его исполнителей, т. е. признаки переходности, одинаково характерные и для первой группы форм на *-ш*: *Мәзин менән кунакка йөрөшә* (З. Бишева) ('Он и муэдзин ходят друг к другу в гости').

Хотя в приведенных и всех подобных им примерах рассматриваемое значение по своей природе не без влияния наших укоренившихся в силу традиции представлений и кажется на первый взгляд грамматическим, свойственным словоизменению, оно органически переплетается с исходным лексическим содержанием глагольной основы таким образом, что афф. *-ш* фактически превращается в замыкающую морфему лексической основы (ядра) глагола, от которой образуются не только последующие собственно грамматические формы глагола (форма отрицания на *-ма/-мә*, формы времени и наклонений, лица и числа), но и имя действия на *-(ы)у/-(е)у*, выступающее за

редким исключением как собственно существительное: *Ошонда ул атаһы менән Никитаның осрашыуын күрзе, тап ошо майҙанда синьфтар бәре-лешенә юлыҡты* (З. Биишева) 'Здесь он наблюдал встречу своего отца с Ни-китой, именно на этой площадке он столкнулся с классовой борьбой'; *Ленин менән осрашыу хақында һөйләне* (Ө. Бикчәнтәев) '(Он) рассказал о встрече с Лениным'. От такого имени действия свободно образуется имя деятеля: *осрашыусы* 'встречающийся', 'встречающиеся'; *бәреләшеусе* 'тот, те кто стал-кивается друг с другом', *һөйләшеусе* 'тот, те, кто разговаривает' и т. п.

Вхождение формы на *-и* в рассматриваемом ее значении в лексическую основу глагола особенно наглядно прослеживается, когда ее образование сопровождается трансформацией переходного глагола в непереходный, при которой субъекты совместного действия одновременно оказываются и его объектом (а), не говоря уже о том, что это нередко приводит и к заметным семантическим сдвигам производящей основы (б): ср. *күр-* 'видеть' и *күреш-* а) 'видеться с кем-л.', б) встречаться с кем-л.; здороваться за руку с кем-л.; *һөйлә-* 'говорить' и *һөйләш-* а) 'говорить с кем-л. о чем-л.'; б) разговаривать, переговариваться с кем-л.; договориться с кем-л.'

О словообразовательном характере взаимного залога не менее убедительно говорят еще три доказательных факта.

1. В ряде глаголов помимо изменения их значения непереходности, всегда связанного со словообразованием, форма на *-и* одновременно выра-жает и рассматриваемое значение взаимного залога с определенными син-таксическими характеристиками (наличие двух названий лиц-субъектов, их морфологическое оформление, появление послелога *менән*) и новое (либо обновленное) лексическое значение — *таныш-* 'узнать, опознать, признать; разбирать (почерк) — *таныш-* 'познакомиться с кем-л.'; *талаш-* 'грабить, насиловать; кусать (о насекомых)' — *талаш-* 'ссориться с кем-л., драться (о зверях); *тарт-* 'тянуть, дергать' — *тартыш-* 'тягаться с кем-л., состя-заться, перетягивая друг друга; ссориться'; *уз-* 'пройти, проехать' — *узыш-* 'состязаться в беге' и т. п., — что приводит к несовпадению численного со-става значений формы на *-и* и ее производящей основы и что, в свою очередь, тоже характерно лишь для словообразовательных форм.

2. Совместимость формы на *-и* в рассмотренном ее значении с некоторыми глаголами в их же пределах: а) с формой повелительного залога в ее ти-пичном значении: *таныштыр-* 'познакомить кого с кем', *талаштыр-* 'устро-ить драку (собак), бой (петухов)', *кожаглаштыр-* 'позволить кому-л. обни-маться с кем-л.' и т. д.; б) с формой страдательного залога, употребленной в своем залоговом значении или примененной для создания новой лексиче-ской единицы при сохранении оттенка залогового значения.

3. Отсутствие единого залогового управления. Во-первых, не все гла-голы в форме на *-и* являются непереходными, как того требует взаимный за-лог в изложенном его понимании, на одинаковых основаниях образуемый и от переходных (преимущественно), и от непереходных (лишь от некоторых) глаголов типа *һуғыш-* 'драться', *йөрөш-* 'ходить друг к другу' глаголов: ср. *Куян дусы менән төлкә бергәләшеп, җайын төбөндә торалар сер һөйләшеп* (С. Кулибай) 'Лиса вместе со своим другом зайцем стоит под березой, секрет-ничая'; *Без уның менән башта ике йыл буйы хат алыштык* (или: *языштык*), *тик һуңынан ғына күрешеп таныштык* 'Мы с ним сначала на протяжении двух лет переписывались и только затем встретились и познакомились', где *һөйләш-*, обычно выступающий в непереходном значении, представлен в переходном, а *алыш-* — в своем неизменном переходном значении. Во-вто-рых, что самое главное, описанное залоговое значение формы на *-и* на син-таксическом уровне по усмотрению говорящего, т. е. в зависимости от цели высказывания, реализуется по-разному:

1) данное значение, предполагает чаще всего раздельное лексическое выражение названий взаимодействующих двух лиц, из коих первое неза-висимо от категориальной принадлежности обозначающего его имени всегда является субъектом — подлежащим в форме основного падежа, а название 2-го лица оформляется двояко и соответственно выступает либо как однород-

ное подлежащее, соединенное с предыдущим подлежащим послелогом *менэн* 'с' или союзом *һәм* 'и' (реже), либо как косвенное дополнение в родительском падеже, сопровождаемом послелогом *менэн*, что зависит только от того, выражено ли второе действующее лицо существительным (первый случай) или местоимением (второй): ср. *Укытыусылар укыусылар менэн* (или: *укытыусылар менэн укыусылар*) *осрашты(лар)* 'Состоялась встреча учителей с учениками (или: учителей и учеников)'; *Улар укыусылар менэн дә, минең менэн дә танышты(лар)* 'Они познакомились и с учениками, и со мной'; *Без уның менэн* (но: *улар менэн*) *һөйләштек* 'Мы с ним (но: с ними) разговаривали', где показано варьирование оформления подлежащего и сказуемого по категории числа и лица;

2) действующие лица могут быть выражены лексически лишь одним словом, обязательно содержащим указание на их число (множественность): *Без күрештек* 'Мы встретились'; *Эттәр бик каты талашты(лар), ә эйәләрә затта һуғыша яззылар* 'Собаки грызлись ожесточенно, а их хозяева чуть не подрались друг с другом';

3) действующие лица, однозначно названные в составе самого глагола-сказуемого, вообще могут быть не представлены в данном высказывании: *Бөгөн осрашып кәңәшербез улай булгас* 'В таком случае встретимся сегодня по советуемся, где одним взаимодействующим лицом является говорящий, другим — его собеседник; *Килешһәгез ине!* 'Помирились бы вы!' (с лицом, названным в предыдущем высказывании);

4) название действующего лица может быть осложнено аффиксом принадлежности и усилительной частицей: *Гиләжи атлыларзың барыһы менэн дә кул бирешеп күреште* (А. Таһиров) 'Гилажи поздоровался за руку со всеми кавалеристами'.

Таким образом, форма на *-ш* в рассмотренном своем довольно распространенном лексически обусловленном значении даже в его чистом виде, не затрагивающем ни исходного лексического содержания глагольной основы, ни ее грамматического значения непереходности может быть квалифицирована как взаимный залог крайне условно. Фактически мы здесь имеем дело с сравнительно продуктивным грамматически организованным серийным внутривглагольным словообразованием, составляющим одну из его живых моделей, как об этом, помимо изложенного позволяет судить рудиментарное параллельное образование глагола и имени типа *кәңәш-* 'советоваться' и *кәңәш* 'совет', *таныш-* 'знакомиться' и *таныш* 'знакомый', *һөйләш-* 'разговаривать, говорить' и *һөйләш* 'говор', *тартыш-* 'ссориться' и *тартыш* 'ссора', *талаш-* 'ссориться' и *талаш* 'ссора, распря, раздор', *көрәш-* 'бороться' и *көрәш* 'борьба' и т. п.

Еще более очевиден словообразовательный характер второго из названных выше значений формы на *-ш*, относимых обычно к сфере взаимного залога, а именно — значения соучастия данного лица в осуществлении действия, производимого другим лицом. Его соучастие сводится к оказанию помощи, изображается как частичное проявление действия, находящееся в центре внимания, заслоняя доленое участие другого лица в его осуществлении. Актуализация частичного проявления действия, его выдвижение во главе данной информации в ущерб реализации обычного значения глагола достигается постановкой названия основного исполнителя действия в позицию косвенного дополнения в форме дательного падежа: *Вахта вахта менән ярыша, алдынғыһы артағыһына булыша* (К. Мәргән) 'Вахта соревнуется с вахтой, передовая вахта помогает отстающей'; *Кисә мин эсәймә бәрәңге алыштым* 'Я вчера помогал матери убирать картошку'. Это явно обновленное лексическое значение, обогащенное резким изменением синтаксической валентности производящей основы, обнаруживают в целом немногие переходные глаголы вроде *айыр-* 'разнимать, отделить, отграничить, разъединять', *эрсә-* 'очистить, облупить, вышелушить, чистить (картошку)', *бизәклә-* 'украсить', *ботарла-* 'разломать, разорвать на части', *буя-* 'красить', *эй-* 'гнуть', *кәнтлә-* 'окантовать', *классификациялла-* 'классифицировать', *күм-* 'зарыть', *күтәр-* 'поднять', *һуғар-* 'оросать', *тура-* 'крошить, разре-

зять, изрубить (на кусочки)', *сайжа-* 'позоскать', *сожо-* 'ковырять, копать', *ййу-* 'мыть', *ййй-* 'собирать', которые в сочетании с *-ш*, не изменяя своего значения переходности, представляют семантически единообразную грамматически организованную живую словообразовательную модификацию глагола, вовлекающую в свою сферу в качестве производящей основы и неологизмы на *-ла* типа *бинтла-* 'забинтовать', *штукатурла-* 'штукатурить'. По отношению к этой модели семантически особняком стоит лишь отдельные немотивированные образования типа *булыш-* (от *бул-* 'быть, становиться').

Действительно грамматический характер носит форма на *-ш* лишь в составе многочисленного пласта глагольной лексики — в непореходных глаголах действия, в частности в звукоподражаниях, да и вообще в глаголах, отражающих звучание типа *ажыр-* 'орать', *йырла-* 'петь' и проявление чувственного восприятия типа *ила-* 'плакать', *кол-* 'смеяться', а также в глаголах движения типа *югер-* 'бежать', *хикер-* 'прыгать', где она выражает категорию мн. числа, т. е. просто соотносимость обозначаемого активного действия с неопределенным множеством его исполнителей, подчеркивая, в отличие от обычной формы множественности на *-лар*, одновременность раздельно производимого ими действия: *ажыр(ыш)-* 'орать, вопить (о многих)', *бакылда(ш)-* 'квакать (о многих)', *безелдэ(ш)-* 'жужжать (о многих)', *ила(ш)-* 'плакать (о многих)', *йырла(ш)-* 'петь (о многих)', *кол(ыш)-* 'смеяться (о многих)', *мырау-ла(ш)-* 'мурлыкать (о многих кошках)', *суньырза(ш)-* 'плескаться (о многих утках и др.)', *сыркылда(ш)-* 'чиркать (о многих воробьях и др.)'. Но и в этом своем наиболее распространенном значении, трактуемом отдельными тюркологами как разновидность взаимного залога, форма на *-ш*, собственно говоря, семантически с этим залогом не имеет ничего общего и вне всякого сомнения относится к сфере действительного залога.

Лишь по выражению множественности, не имеющей отношения к собственно залого, форма на *-ш* в данном и первом из описанных ее трех значений мало чем отличается от действительного залога, особенно при благоприятных условиях контекста: *Аттар кешинеш, кешелэр һойләшеп таньшалар* (А. Таһиров) 'Лошади знакомятся друг с другом, издавая ржание, люди — разговаривая', где в первом глаголе это значение проявляется на грамматической основе, не затрагивая его лексического значения, в последующих двух глаголах, в составе которых форма на *-ш* обнаруживает значение взаимного залога в изложенном его понимании, частично изменяя их лексическое содержание, явного указания на множественность лет — ее значение вытекает из контекста, поскольку оба эти глагола в соответствии со своими лексическими значениями в зависимости от контекста могут быть и при одном единственном действующем лице-подлежащем (*мин һойләшэ белэм* 'я умею разговаривать', *жүльязман менэн таньштым* 'я ознакомился с твоей рукописью'), и при двух и более, как в данном случае.

Хотя форма на *-ш* в данном, третьем из своих регулярных значений и покрывает собой по существу обычную форму множественности на *-лар* и может вполне заменять ее, эти две формы свободной взаимозаменяемостью не обладают, поскольку первая из них, в отличие от второй, содержит добавочный оттенок значения одновременности и интенсивности разрозненных действий. Правда, при наличии первой вторая во избежание плеоназма чаще всего опускается: *Каргалар каркылдаша* 'Вороны каркают'; *Балалар илаша* 'Дети плачут'. Но это правило, вызванное, очевидно, нормами исконно тюркского синтаксиса (говорят *Балалар укый* 'Дети учатся', а не *Балалар укыйзар*, как это ныне нередко наблюдается под иноязычным влиянием), для современного языка, пожалуй, нормативной силы не имеет: ср. *Бакса артындагы сирэмдэ балжэс жазар қаңылдаштылар* (К. Мәргән) 'Гусята, находившиеся за огородом на (целинной) траве, гоготали'; *Бисалэр көлешеп ебарзелэр* (Н. Дәүләтшина) 'Бабы дружно засмеялись'.

Как и форма на *-лар*, форма на *-ш* в данном ее значении несколько не изменяет ни лексического содержания производящей основы, ни ее синтаксических характеристик.

Находясь по своему грамматическому существу в синонимических отношениях с формой на *-лар*, форма на *-ш*, хотя она в данном своем значении и охватывает глагольную лексику гораздо шире, чем во всех остальных своих значениях, взятых вместе, большого уступает ей по своей продуктивности: первая относится к разряду глобальных грамматических форм, вторая — к числу лексически ограниченных, что вызвано спецификой ее значения, с которой совместима далеко не всякая глагольная основа. Тем не менее в этом случае мы имеем дело с формообразованием, а не со словообразованием, как в предыдущих двух, где форма на *-ш* разве только с точки зрения грамматически организованного изменения синтаксической валентности глагола выходит за пределы словообразования и поэтому может быть условно квалифицирована как своеобразная лексико-грамматическая модификация глагола, граничащая со словоизменением, входя в сферу основного залога как одна из его разновидностей.

Во всех остальных случаях, т. е. при отсутствии одного из трех рассмотренных значений форма на *-ш* выделяется исключительно как структурный тип неорганизованного и отчасти модельного внутривлагольного словообразования.

Организованно деривация производится по двум ясно очерченным моделям, из которых более или менее продуктивна лишь первая, а вторая, исчерпав себя переросла в активную самостоятельную производную модель отыменного словообразования на *-лаш*.

1. От переходных и отчасти непереходных глаголов активного действия форма на *-ш* в зависимости от характера их лексического значения образует непереходные глаголы активного действия, которое изображается как занятие, ремесло или свойство его производителя или как одно из проявлений этого типичного свойства: *алдаш*- 'иметь обыкновение врать, обманывать' от *алда*- 'обманывать', *юныш*- 'заниматься обтесыванием ножом, иметь обыкновение делать это, заниматься этим в данный момент' от *юн*- 'тесать, обточить ножом', *ялганлаш*- 'заниматься обманом, обманывать' от *ялганла*- 'обманывать', *көнләш*- 'ревновать, проявлять ревность как типичное свойство' от *көнлә*- 'ревновать, проявить ревность', *языш*- 'заниматься письмом' от *яз*- 'писать', *этләш*- 'проявлять пронырливость, изворотливость; одурачивать' от *этлә*- 'мучить, измучить', *даулаш*- 'сутяжничать, добиваться своего, поднимая скандал' от *даула*- 'претендовать, притязать, требовать настойчиво', *урлаш*- 'воровать, заниматься воровством' от *урла*- 'украсть, похитить', *хэйләш*- 'ухищряться, проявлять хитрость, изворотливость' от *хэйлә*- 'хитрить', *дауайлаш*- 'настойчиво добиваться своего', *һораиш*- 'расспрашивать' от *һора*- 'спросить'.

Отдельные глаголы в одном своем значении примыкают к этой модели, в другом — к одной из двух предыдущих, связанных с выражением взаимности или соучастия: *һөйләш*- 'обладать способностью говорить (*ауырыу һөйләш* *баиланы* 'больной стал говорить'); разговаривать, переговорить с кем-л.', *һатыш*- 'заниматься торговлей; помочь торговать'.

2. В свое время форма на *-ш* служила для образования непереходных глаголов состояния от переходных глаголов на *-ла* с профилирующим значением 'приобрести свойство, названное (их) производящей именной основой' (1); впоследствии это словообразовательное значение закрепилось за самим сочетанием аффиксов *-ла-ш*, переросшим в самостоятельную активную деривационную морфему (2): 1) *уңайлаш*- 'стать удобным' от *уңайла*- 'сделать удобным', *ябайлаш*- 'упрощаться' от *ябайла*- 'упростить', *яйлаш*- 'сделаться удобным, наладиться' от *яйла*- 'налаживать, приспособить', *кразмаллаш*- 'частично превратиться в крахмал, крахмализироваться; помочь крахмалить', *бронзалаш*- 'приобрести свойства бронзы' от *бронзала*- 'покрыть бронзой'; 2) *алыслаш*- 'отдаляться' от *алыс* 'далекий', *якынлаш*- 'сближаться, приближаться' от *якын* 'близкий', *кискенләш*- 'обостряться' от *кискен* 'резкий, ожесточенный', *берләш*- 'объединяться' от *бер* 'один', *туғанлаш*- 'сродниться' от *туған* 'родственник, родной', *активләш*- 'ак-

тивизироваться' от *актив* 'активно', *стабиллаш* 'стабилизироваться' от *стабил* 'стабильный'.

С помощью афф. *-лаш* отыменное словообразование производится также и по другой модели, не получившей развития и семантически примыкающей к первой модели организованного внутриглагольного словообразования на *-ш*, описанной выше: ср. *мутлаш* 'плутовать, хитрить', от *мут* 'хитрый, плутоватый', *каришыллаш* 'перечить кому-л.' от *кариш* 'против, наперекор, встречный, противоположный'.

Остальные довольно многочисленные производные глаголы на *-ш*, образованные от глагольных основ, по своей словообразовательной природе стоят особняком и к тому же большей частью характеризуются немотивированностью: *ауш* 'накрепиться', от *ау* 'свалиться, опрокинуться', *алыш* 'обменять, помснять' от *ал* 'брат', *белеш* 'узнавать, наводить справки' от *бел* 'знать, узнать', *биреш* 'уступить, сдать (в борьбе, состязании)' от *бир* 'дать', *булыш* 'возиться, копошиться; приставать'; 'помогать' от *бул* 'быть, становиться', *бөрөш* 'сморщиться' от *бөр* 'сделать сборки', *ваклаш* 'проявлять мелочность'; 'помочь размельчать' от *вакла* 'размельчать, разменять (монету)', *калыш* 'отстать в чем-л. от кого-л.' от *кал* 'оставаться', *катыш* 'присоединиться' от *кат* 'заправить чем-л. (суп)', *кереш* 'приступить', от *кер* 'войти', *килеш* 'прійтись по душе, по вкусу, быть к лицу, подходить, подойти кому-л.' от *кил* 'прибыть', *жорош* 'сжегиться' от *жоро* 'сохнуть', *орош* 'отчитать, отругать' от *ор* 'ударить', *ойош* 'слепляться, сбиться в комок, свернуться (о крови); сплотиться, организоваться' от *ойо* 'киснуть, свернуться (о молоке и под.)'; *һалыш* 'притворяться, предаваться чему-л.' от *һал* 'класть', *етеш* 'созреть, поспеть; быть в достатке' от *ет* 'достигать; поспевать'; *һырыш* 'жаться, льнуть' от *һыр* 'облеплять'; *ондәш* 'кликать' от *өндә* 'уговаривать, агитировать' и т. п.

Как это вытекает из вышеизложенного, образования на *-ш* слишком разнородны по своим значениям, чтобы включить их в какую бы то ни было единую грамматическую или лексикограмматическую категорию. Единственно, что их действительно объединяет с точки зрения собственно залоговой — это их принадлежность к основному залогу в качестве своеобразной его разновидности, семантически отличающейся от остальных его форм лишь в пределах двух первых регулярных значений формы на *-ш*.

ПОНУДИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Сюда относится целый ряд суплетивных внутриглагольных форм, обычно без всяких оговорок трактуемых как понудительный залог, в частности высокопродуктивные формы на *-т*, *-ыт/-ет*, *-от/-өт* и на *-дыр/-дер*, *-тыр/-тер*, *-тор/-төр*, *-дор/-дөр* и непродуктивные формы на *(-ы/-е, -о/-е, -а/-ә)р*; *-кыр/-кер*, *-кор/-көр*, *-жар/-кәр*, *-каз/-кәз*; *-кыз/-кез*, *-ғыз/-ғез*, *-ғоз/-ғөз*; *-ыз/-ез*, *-өз/-өз*; *-һат/-һәт*. Примеры: *бетөр* 'кончать' от *бет* 'кончаться', *бешер* 'варить, печь' от *беш* 'свариться, испечься', *осор* 'дать улететь, осуществить полет' от *ос* 'летать', *кайтар* 'вернуть, завернуть назад' от *кайт* 'возвращаться', *яткыр* 'уложить, укладывать кого-л.' от *ят* 'лежать', *үткәр* 'проводить, пропускать, проносить, переносить, пережить' от *үт* 'пройти, проходить, проникать', *ағыз* 'дать возможность течь, вызвать течение, лить, слить, пролить, сплавлять по воде (лес и т. под.)' от *ақ* 'течь', *менгез* 'доставить вверх' от *мен* 'подниматься', *курһәт* 'показывать' от *кур* 'видеть'.

Все эти формы разнородны не только по структуре и продуктивности, но и по значениям. Их объединяет лишь то, что они в преобладающем большинстве случаев своего употребления служат грамматически организованным средством превращения непереходных глаголов состояния и отчасти действия в переходный, не имеющий отношения к понудительному залогу в общепринятом его понимании.

В самом деле, что общего между типичными собственно понудительными формами вроде (*Хатты улыңдан*) *укыт* 'Пусть прочитает (письмо твой сын)',

(*баланы*) *ашат-* 'кормить (ребенка)', образуемыми от узкого круга глагольных основ с своеобразным залоговым значением, и многочисленными образованиями типа *агарт-* 'белить, почистить, вычистить (от *агар-* 'белеть, побелеть, сделать белым, чистым)', *арзанландыр-* 'удешевлять (от *арзанлан*) 'удешевиться', *аңлат-* 'объяснять (от *аңла-* 'понять'), *тамыз-* 'наливать кашлями' (от *там-* 'капать'), в принципе не отличающимися от любого переходного глагола данного семантического профиля?

Указанная основная функция, которую в современном языке особенно активно развивают формы на *-т* и на *-дыр*, целиком и полностью входит в сферу внутриглагольного словообразования. Превращение непереходного глагола в переходный влечет за собой коренное изменение его синтаксических потенций, неразрывно связанных с лексическим содержанием этого глагола и во многом обуславливающих его содержание. Если при непереходном глаголе подлежащее является всего лишь носителем, а не производителем процесса, не направленного на объект и в связи с этим выраженного в нем, глаголе, исчерпывающим образом, то при переходном глаголе подлежащим может быть только реальный субъект (как правило, название лица), а производимое им действие обязательно должно быть направлено на объект — прямое дополнение, которое в зависимости от характера своего лексического значения очень часто существенно уточняет или видоизменяет лексическое содержание переходного глагола, выраженное в нем самом (как это давно замечено) недостаточно полно и четко, во всяком случае, отнюдь не исчерпывающим образом.

Например, *сыгар-* (от *сыж-* 'выйти') по отношению к живым существам означает 'выводить' (т. е. 'сделать так, чтобы они сами вышли'), в применении же к неодушевленным предметам — 'вынести, вывезти'. Ср. также *ак-* 'течь' и *агыз-* 'предоставить возможность течь, лить, слить, пускать (воду и т. п.); сплавать по воде (лес и т. п.); проливать (слезы)'. Лексическое значение меняется также и в зависимости от соотносительности глагола с подлежащим: ср. *бешерэм* 'я варю, пеку' и *жояш бешерэ* 'солнце печет'; ср. также *беш-* 'вариться, печься' в его отношении к 'обжигаться, обвариться, опшариться (о пальцах), зреть (о плодах)'.
 Уже это само по себе есть создание относительно автономной лексической единицы (1), не говоря уже о многочисленных неоспоримых семантических сдвигах, которыми сплошь и рядом сопровождается трансформация непереходного глагола состояния или действия в переходный глагол активного действия (2):

1) *арзанайт-* 'удешевить' (*арзанай-* 'удешевиться'), *балкыт-* 'вызвать сияние, излучение' (*балжы-* 'сиять, излучать свет'), *батыр-* 'топить, погружать (*бат-* 'тонуть, погружаться, вязнуть'), *ботор-* 'кончать, заканчивать, заключать, устранять, изжить' (*бот-* 'кончаться, завершаться, израсходоваться, выйти'), *бейгэйт-* 'сделать высоким' (*бейгэй-* 'становиться высоким'), *бушат-* 'разгружать, выгружать, опоражнивать; ослаблять; освобождать' (*буша-* 'разгружаться, пустеть; слабнуть; освобождаться'), *бушайт-* 'ослаблять' (*бушай-* 'слабнуть'), *бөкөрэйт-* 'горбить что-л.' (*бөкөрэй-* 'горбиться, сутулиться'), *вағайт-* 'размельчать' (*вағай-* 'размельчаться'), *ябайлаштыр-* 'упрощать' (*ябайлаш-* 'упрощаться'), *ишэйт-* 'множить, увеличивать (в числе), размножать' (*ишэй-* 'множиться численно, размножаться'), *йомшарт-* 'смягчать, делать мягким, разрыхлять; ослабить' (*йомшар-* 'сделаться мягким, размягчаться, размякнуть'), *карайт-* 'чернить, очернить, окрашивать в черный цвет; грязнить' (*карай-* 'чернеть, темнеть; загрязняться'), *күбэйт-* 'множить, умножать, размножать' (*күбэй-* 'множиться, размножаться'), *турайт-* 'выпрямить' (*турай-* 'выпрямиться'), *төзэйт-* 'выпрямить, сделать прямым' (*түбэй-* 'сделаться прямым, выпрямиться'), *тубәнэйт-* 'снижать, понижать' (*түбәнэй-* 'снижаться, понижаться'), *тынысландыр-* 'успокоить' (*тыныслан-* 'успокоиться'), *уңайлаштыр-* 'сделать удобным, приспособлять' (*уңайлаш-* 'стать удобным, приносить пользу'), *тамыз-* 'капать, наливаться, проливать каплями' (*там-* 'капать') и т. д., среди которых самая многочисленная часть образована и ныне образуется по единой высокопродуктив-

ной словообразовательной модели с профилирующим значением 'придать, вызвать то свойство, которое выражено именпой основой';

2) *ауурт-* 'испытывать боль, болеть (о частях тела)' (*ауур-* 'болеть'), *арттыр-* 'увеличивать, прибавлять; повышать, превышать; мат. умножать, усиливать, усугублять; пересаливать; хватить через край' (*арт-* 'увеличиваться, множиться; прибывать'), *эст-* 'саднить, есть; квасить тесто' (*эс-* 'киснуть, прокисать, бродить, перебродить'), *бастыр-* 'травить (зверя на охоте и т. п.), гнаться, преследовать бегом; придавить' (*баç-* 'встать, ступать, давить'), *бушат-* 'разгружать, ослаблять, освободить (от работы и под.)' (*буша-* 'пустеть, слабнуть, расшатываться; освобождаться'), *булдыр-* 'справляться с чем-л., приобретать, создавать, предоставить возможность, учреждать' (*бул-* 'быть, становиться'), *йбеиштер-* 'заклеивать, приклеивать, прилеплять, залеплять' (*йбеиш-* 'прилипать, приклеиваться; цепляться, приставать, привязаться, хвататься; приниматься за что-л.'), *йорот-* 'водить, носить, возить; 'заставить ходить' (*йор-* 'ходить, ездить; циркулировать; быть в обращении'), *кабыз-* 'зажигать (огонь, свет), вздувать огонь, включать свет; прикуривать' (*ут кап-* 'загораться, зажигаться, воспламениться'), *кайтар-* 'возвращать, вернуть назад; позволять уйти, уехать домой; *отворачивать* (воротник и т. п.); дать (сдачу)' (*кайт-* 'возвращаться домой; убывать (о воде и т. п.); рассасываться'), *биззер-* 'падосдать, приедаться; отучать (*биз-* 'охладевать к кому-, чему-л.; надоедать, приедаться'), *кайгырт* 'заботиться; печалиться, огорчать' (*кайгыр-* 'горевать, тужить, сокрушаться, печалиться, грустить, унывать, беспokoичиться'), *йозт-* 'надоедать, докучать кому-л.; дергать, изводить, изматывать, мучить, изнурять, досаждать' (*йоз-* 'мучиться, изнуряться'), *катыр-* 'сделать твердым; пачкать' (*кат-* 'затвердеть, стать твердым; засыхать, черстветь; грубеть, заскорузнуть; костенеть (от холода); замирать (от испуга)'), *керт-* 'вводить, выпускать, заводить, вносить, ввозить, заносить, завозить; включать (в число и т. п.); внедрять; проводить (электричество и т. п.)' (*кер-* 'входить, заходить, въезжать, заезжать; вступать, поступать'), *кэмет-* 'убавлять, отбавлять, сбавлять, уменьшать; умалять' (*кэме-* 'уменьшаться, убавляться, убывать, спадать'), *килтер-* 'доставлять (сюда), приносить, приводить, привозить (сюда); причинять (убыток), наносить (ущерб); приводить (пример и т. п.); привести к чему-л.', (*кил-* 'прибыть, прийти, приехать'), *кисер-* 'прощать, извинять; переносить (тяготы), переживать' (*кис-* 'идти по воде; переправляться (через брод и т. п.)'), *кусер-* 'перемещать, переносить, перетаскивать, перевозить, перебрасывать; переключать; списывать, переписывать' (*кус-* 'переселяться, перемещаться, пересажать, перебираться, переходить'), *мендер-* 'доставить наверх; помочь влезть наверх; позволить подниматься' (*мен-* 'взбираться, входить, подниматься'), *ныгыт-* 'чинить; крестить, укреплять' (*ныгы-* 'крепнуть'), *ожишат-* 'полюбить что-л., понравиться, прийти по вкусу, принимать за кого-, что-л.' (*ожиша-* 'походить, быть похожим, подобным; нравиться'), *тондор-* разг. 'сильно ударить кого-л.' (*тон-* 'закладывать уши, глохнуть от шума; потемнеть в глазах'), *торгоз-* 'поднимать, поднять кого-, что-л. на ноги или стоймя' (*тор-* 'стоять; жить; вставать; держаться; состоять; стоить'), *сыгар-* 'выносить, вывозить, выводить; выпускать (наружу), издавать, выпускать в свет; выносить решение и т. п.; решать задачу и т. п., добывать нефть и т. п.; исключать, увольнять; вызвать пожар и т. п.; высиживать (птенцов); переправлять' (*сык-* 'выйти, выехать; выступать наружу; вскакивать; пробиваться, показаться'), *ыргыт-* 'бросать, кидать, метать' (*ыргы-* 'прыгать'), *ярат-* 'любить' (*яра-* 'быть пригодным, годиться, подойти по какому-л. признаку'), *ултер-* 'убить' (*ул-* 'умирать'), *үсектер-* 'дразнить кого-л.' (*үсек-* 'приставать, придирааться, привязываться; обнаружить злобу, иметь зуб на кого-л., обижаться'), *үстер-* 'растить, выращивать; воспитывать; повышать знания и т. п.; отращивать' (*үс-* 'расти, вырастать'), *еллэт-* 'проветривать' (*еллэ-* 'проветриваться, выветриваться; высыхать на ветру; становиться ветренным (о погоде)'), *тазарт-* 'чистить, очищать, вычищать; оздоравливать' (*тазар-* 'становиться чистым; поправляться, здороветь, свежеть').

Многие формы, образованные от переходных глаголов, тоже обнаруживают ясно выраженную неоспоримую словообразовательную природу, не имеющую никакого отношения ни к понудительному залогу, ни к каузативу: ср. *айырт* — ‘сепарировать молоко’ (*айыр* — ‘отделить, разделять, разъединять, разобщать, разлучать, изолировать; разнимать; размыкать; отучать, отнимать ребенка от груди; развести мужа с женой; роиться’); *аңлат-* ‘объяснять, толковать, трактовать, освещать’ (*аңла-* ‘понимать, уяснять, осмысливать, осознавать’), *болгат-* ‘мутить; мешать, помешивать, размешивать’ (*бола-* ‘махать, помахивать’), *белдер-* ‘дать знать, извещать, уведомлять, оповещать, осведомлять, информировать; заявлять, объявлять; знаменовать; оказывать; извьялять’ (*бел-* ‘знать’), *йырт-* ‘рвать, разорвать’ (*йыр-* ‘прорывать, например пруд’), *курһат-* ‘показывать, демонстрировать; указывать; проявлять, обнаруживать, выказывать; представлять, предъявлять документы и т. п., (*кур-* ‘видеть; замечать’), *кыстыр-* ‘вкладывать, всовывать; прищемлять палец и т. п.’ (*кыс-* ‘жать, прижимать, сжимать, теснить, притеснять, угнетать, тиранить; зажать, т. е. присвоить чужое’), *кисер-* ‘прощать, извинять; переносить тяготы, переживать, выстрадать’ (*кис-* ‘идти по воде; переправляться, переплыть’), *осрат-* ‘натолкнуться, наткнуться; встретить, увидиться с кем-л., застать кого-л.’ (*осра-* ‘попадаться навстречу, встречаться; претерпевать, подвергаться чему-л.’), *төзөт-* ‘исправлять; чинить, ремонтировать, починить’ (*төзө-* ‘целить, нацеливать, целиться’), *үткэр-* ‘проводить; пропускать, дать дорогу; переносить; продевать’ (*үт-* ‘пройти, проехать, проникать’), *укуйт-* ‘учить, обучать, преподавать; проучить’, но: ‘заставить читать, позволять, предоставить возможность учиться’ (*уки-* ‘читать, учиться’), *таныт-* ‘заркомендовать себя, неожиданно показать себя с отрицательной стороны, выдать себя’ (*таны-* ‘узнавать, опознавать; познавать, угадывать; разбираться в письме, знать грамоту’), *һелкет-* ‘трясти, шатать; шевелить’ (*һелк-* ‘махать, качать’), *һиззер-* ‘дать почувствовать, дать знать’ (*һиз-* ‘чувствовать, чуют; замечать; ощущать’); ср. также *һиззермә-* ‘сделать что-л. втихомолку, втайне, украдкой’ и т. п.).

Основная функция суплетивных форм, без всяких оговорок относимых к понудительному залогу, не сводима к созданию лишь грамматического значения переходности, тем более, что среди них немало непереходных глаголов типа *ошөт-* ‘знобить’.

В своем преимущественном употреблении все эти формы выступают в целом как словообразовательные, объединяющиеся не столько по значению переходности, сколько по принадлежности к разряду глаголов активного действия, входящего в сферу действительного залога. Помимо изложенного, их словообразовательная сущность наглядно подтверждает необратимость целого ряда форм на *-т, -жар* и т. п., невозможность функционирования их производящих основ в качестве самостоятельной лексической единицы вне сочетания с одним из так называемых каузативных аффиксов, выступающих в описанном значении актива и входящих в противопоставление с соответствующим непереходным глаголом, образованным от той же производящей основы с помощью афф. *-л* или *-н*, обычно выражающего пассивное состояние или действие: ср. *йыуат-* ‘утешать, успокаивать; забавлять, занимать’ — *йыуан-* ‘утешаться, находить утешение, забаву, отраду’; *имгэт-* ‘калечить, увечить; надрываться’ — *имгән-* ‘калечиться, увечиться’; *котжар-* ‘спасти, освободить, избавить, выручить’ — *котол-* ‘спастись; освободиться, избавиться’; *кузгат-* ‘сдвинуть с места, трогать с места, смешать, подвинуть; шевелить, тормошить, колебать; привести в движение; возбуждать, затрагивать, разбередить’ — *кузгал-* ‘трогаться с места, двигаться; прийти в движение; шевелиться, пошевеливаться; возобновляться, повторяться’; *өйрэт-* ‘обучать, учить’ — *өйрән-* ‘научиться, обучаться, изучать; приучаться, привыкнуть’; *сылат-* ‘мочить, промочить, — *сылан-* ‘промокать, намочать’; *тарат-* ‘раздавать, распространять; распускать’ — *тарал-* ‘расходиться, разбредаться, рассыпаться; распространяться’; *тирбэл-* ‘колебаться, колыхаться’ — *тирбэт-* ‘качать, баюкать, раскачивать; колыхать, колебать’; *уят-* ‘будить, пробуждать; возбуждать’ — *уян-* ‘просыпаться,

пробуждаться'; *юнэт*- 'налаживать, исправлять, обзавестись чем-л.' — *юнэл*- 'улучшаться, наладиться, исправляться, поправиться'.

Большинство этих глаголов образовано, очевидно, непосредственно от именных основ. Об этом позволяют судить отыменные глаголы с тем же строе-нием и объединяющим их значением переходности и актива типа *башжар*- 'исполнять' (*баш* 'голова'), *кузэт*- 'наблюдать' (*куз* 'глаз'), *эшкэрт*- 'обра-ботать' (*эш* 'работа'), *искэрт*- 'предупредить' (*ис* 'чувство, память'), *һыуғар*- 'орошать' (*һыу* 'вода'), *озат*- 'проводить' (*озон* 'длинный', *озак* 'долго') и т. п.

К словообразованию не имеют отношения рассматриваемые формы, в частности формы на *-т* и на *-дыр*, лишь в случаях, когда они служат для выражения неопределенно-личного действия, формально соотносённого с 3-м лицом ед. числа, фактически же являющегося безличным: ср. *һалкынайт*- 'похолодать (о погоде)' от *һалкынай*- 'охладиться', *туңдыр*- 'мо-розить (о явлениях природы)' от *туң*- 'замерзнуть', *өшөт*-/*өшөттөр*- 'знобить, испытывать озноб' от *өшө*- 'зябнуть', *укишит*- 'тошнить, испыты-вать тошноту' от *укиш*- с тем же значением, соотносённым с определённым лицом, *кикерт*- 'рыгать, испытывать отрыжку' от *кикер*- с тем же значением, *коштор*- 'блевать' от *кош*- с тем же значением и т. п.¹⁴, которые за редким исключением значением собственно понудительного залога вовсе не обла-дают.

Перечисленные типичные случаи употребления рассматриваемых форм составляют минимум 80% от общей сферы их функционирования. В осталь-ных случаях своего бытования они действительно обнаруживают одно из двух общепризнанных основных значений понудительного залога при условии, если обозначаемое ими активное действие осуществляется при участии двух субъектов — одушевленных предметов, из которых один должен быть обязательно подлежащим (обычно названием лица), соотносённым с глаголом-сказуемым по нормам действительного залога, а другой незави-симо от своей роли в исполнении данного действия лишается информатив-ности и именно по этой причине грамматически оформляется исключительно лишь как объект действия — как прямое или косвенное дополнение, а то и устраняется из высказывания:

1) выражают реальное действие субъекта-подлежащего, обязательно обращённое на такой объект — прямое дополнение (типа *бала ашат*- 'кор-мить ребенка', *баланы кейендер*- 'одевать ребенка' или косвенное типа *балага һыу эсер*- 'поить ребенка водой'), который, испытывая стимулирующее воз-действие подлежащего, по возможности содействует ему в осуществлении этого, как правило, переходного действия: *ашат*- 'кормить' от *аша*- 'кушать', *имез*- 'кормить грудью' от *им*- 'сосать', *һыуындыр*- 'мыть, купать' от *һыуын*- 'мыться, купаться', *һыу индер*- 'купать' от *һыу ин*- 'купаться', *яткыр*- 'уло-жить' от *ят*- 'ложиться' и т. п.;

2) выражают осуществление активного действия (обычно переходного) не самим подлежащим при возможном участии другого лица (на которое обра-щено это действие), как это имеет место в предыдущем случае, а обязательно другим лицом по инициативе или воле (побуждению, принуждению, позво-лению) подлежащего, обеспечивающего или допускающего это действие и на этом основании охарактеризованного как его субъект — ответственный исполнитель, хотя оно и не принимает в нем непосредственного участия: *һөйлэт*- 'заставить говорить' от *һөйлә*- 'говорить', *яззыр*- 'заставить писать'

¹⁴ Список таких форм в целом обширный. Но большинство их безличное действие выра-жает лишь при отсутствии (не эллипсисе!) подлежащего: *Бөгөн бик өшөттөрә* 'Сегодня озноб ощущается очень сильно'. В противном же случае они соотносятся с подлежащим на общих основаниях, характеризуя его как источник или причину порождения дан-ного состояния или действия: *Эш кайғыны оюттора, күңелде тыңсыландыра торгайны* (Ө. Вәли) 'Работа бывало отвлекала от горя, успокаивала душу'. Ср. *Бик һыуһатты бит әле* 'Что-то очень захотелось пить' и *Эсе һыуһата* 'Жара вызывает жажду'. К числу сходных двойко функционирующих форм относятся широкоупотребительные *һағын-дыр*- от *һағын*- 'скушать, истосковаться', *асыкыр*- от *асык*- 'голодать, проголодаться' и др.

от *яз-* 'писать', *яһат-* 'заставить сделать' от *яһа-* 'делать, строить', *атлат-* 'заставить шагать, идти пешком' от *атла-* 'шагать', *тектер-* 'пить у кого-л.' от *тек-* 'пить', *үттер-* 'позволить целовать себя' от *уп-* 'целовать', *жундыр-* 'позволить переночевать' от *жун-* 'почевать, переночевать', *тукмат-* 'побудить кого-л. побить; позволить, дать себя побить, не будучи в состоянии противостоять этому' от *тукма-* 'бить', *һаузырма-* 'не дать доить' от *һаума-* 'не доить' и т. п.

Первое значение свойственно всем рассматриваемым формам, которые обнаруживают его, однако лишь в зависимости от характера лексического содержания глагольных основ в составе весьма ограниченного их круга. Второе же могут выражать только формы на *-т* и на *-тыр*, если оно совместно с лексическим содержанием глагола (в этом значении их допускают тоже немногие основы приведенного рода).

Все формы понудительного залога в первом его значении, помимо названного своего семантического своеобразия, характеризуются переходностью независимо от того, образованы они от переходного или непереходного глагола. В последнем случае они управляют только винительным или основным падежом, выступающим исключительно как прямое дополнение: *кейендер-* 'одевать кого-л.' от *кейен-* 'одеваться'. Понудительный залог от переходного глагола имеет вариативное двойное управление и предполагает двойной объект: исходный, обусловленный лексическим значением глагола (ср. *һыу эс-* 'пить воду' и соответственно *һыу эсер-* 'пить водой'), и вторичный, характерный для самой каузативной формы и частично выполняющий роль субъекта (*атты* или *ат эсер-* 'поить лошадь').

Когда в высказывании представлен только один из объектов, он неизменно занимает позицию дополнения в соответствующем оформлении. Когда же при каузативной форме коммуникативно необходимо выразить оба объекта, то позицию прямого дополнения занимает исходный объект, а вторичный обязательно ставится в позиции косвенного дополнения в форме дательного падежа, которую он может занимать также и при отсутствии исходного объекта: *балаға һыу эсер-* 'поить ребенка водой'. Это и понятно — подлежащее в понудительном залоге в рассматриваемом его первом значении предстает не столько как побуждающее лицо, сколько как непосредственный исполнитель данного действия, заслоня роль вторичного объекта в его исполнении, которая угадывается лишь на логической основе и в лучшем случае сводится к соучастию, а главное — не имеет информативности, чем и обусловлено названное своеобразное грамматическое оформление вторичного объекта, обеспечивающее его восприятие лишь как объекта описываемого действия. Это особенно ясно прослеживается в отрицательном аспекте: ср. *һин уны ебэрмэ, ятжырма, кайтарма* 'ты не отпускай его, не дай ему ложиться, возвращаться'.

Глагол в понудительном залоге, таким образом, в корне меняет свою синтаксическую валентность: непереходный становится переходным, а переходный приобретает способность управлять двойным объектом. И то и другое производится в грамматически организованном порядке и отражает объективные отношения, неразрывно связанные с лексическим содержанием глагола, базирующиеся на нем и входящие в сферу словообразования¹⁵.

Говоря иначе, формы, выражающие понудительный залог в первом его значении, по своей природе относятся к основной массе форм, описанных выше и представляющих собой относительно новые лексические единицы. Среди них эти формы выделяются лишь на лексико-семантической основе как особая модель внутриглагольного словообразования. Это наглядно подтверждают глаголы типа *сығар-* (от *сығ-* 'выйти'), которые в соотношении с объектом-лицом имеют каузативное значение (*балаларҙы урағға сығар-* 'вывести детей на улицу'), а в отношении к объекту-неодушевленному предмету лишены его (*эйберҙәрҙе урағға сығарҙым* 'я вынес вещи на улицу'),

¹⁵ Иванов С. Н. Указ. соч., с. 122—123; Кормушин И. В. О грамматическом и лексическом в глагольных каузативах. — Тюркологический сборник. М., 1966, с. 70—71.

а также несовпадение состава лексических значений полисемантических производимой и производящей основ, наблюдаемое сплошь и рядом (ср., к примеру, *аша-* и *ашат-*, *эс-* и *эсер-*, *ят-* и *яткыр-*).

Переходя к раздельному рассмотрению форм на *-т* и на *-тыр*, выражающих понудительный залог во втором его значении, нужно заметить, что они приводят к тем же существенным изменениям синтаксических характеристик глагольной основы, что и формы понудительного залога в первом его значении: непреходящий глагол становится переходным, а переходный, сохраняя это свое грамматическое значение, приобретает способность управлять вторичным объектом, — косвенным дополнением, но в форме исходного падежа, выполняющего функцию эргатива, т. е. содержащего однозначное указание на реального исполнителя действия. Помимо этого в понудительном залоге во втором его значении исходная глагольная основа претерпевает гораздо более глубокое семантическое изменение — можно сказать, преобразование: принимая форму понудительного залога, она выражает в данном случае по существу два действия, производимых двумя субъектами, — 1) действие, названное производящей основой в обычном порядке, т. е. имплицитно соотношенное с реальным субъектом, 2) проявление инициативы, побуждения к нему, верное выполнение роли ответственного его исполнителя (обычно путем привлечения действительного субъекта, имплицитно предполагаемого по исходному лексическому содержанию глагола). Второе действие тоже на общих основаниях имплицитно соотношено со своим производителем-субъектом. Кроме того, оно ясно охарактеризовано как способ совершения первого действия. Помимо двуактности и двусубъектности понудительный залог во втором его значении содержит четкое указание на соотношение как самих действий, так и, в особенности, их исполнителей — актуализирует второе действие (соответственно, и его субъект), сливая его со вторым и тем самым лишая информативности его реального исполнителя.

Все эти характеристики, по которым понудительный залог во втором его значении в целом резко отличается от первой своей разновидности¹⁶ и в известной мере сближается с взаимным и даже страдательным залогами¹⁷, возникают как неделимое синтезированное достояние всей формы на *-т* и на *-тыр* (а не самого залогообразующего аффикса). И именно поэтому эти характеристики устанавливаются на лексико-семантической основе по аналогии со сходными однопотными формами точно таким же образом, что и типовое лексическое значение словообразовательной модели. Индивидуальное лексическое значение предопределяется и угадывается по исходному содержанию глагольной основы, а описанное семантико-синтаксическое своеобразие формы устанавливается по ее структуре как типовое ее значение. Иначе говоря, понудительный залог в описанном его втором значении выделяется по существу лишь как своеобразная словообразовательная модификация глагола, семантико-синтаксически близко стоящая к словоизменению — к собственно залогу, по лексико-семантически и струк-

¹⁶ Доказательством этого, помимо изложенного, служит тот неоспоримый факт, что в коммуникативно необходимых случаях понудительный залог во втором его значении образуется от своей первой разновидности на общих основаниях, сохраняя свое типовое значение: *кейендер-т-* 'заставить кого-л. одеть кого-л.' от *кейендер-* 'одеть'; *эсер-т-* 'позволять, заставить пить' от *эсер-* 'пить'.

¹⁷ Как и во взаимном залоге, в обеих разновидностях понудительного залога выражается осуществление активного действия путем определенного взаимодействия двух субъектов. Но само взаимодействие во всех этих трех случаях производится на принципиально разных началах: соучастие в действии, фактически производимом основным субъектом-подлежащим (понудительный залог в первом его значении); взаимодействие субъектов на паритетных началах или оказание помощи одного субъекта другому (взаимный залог); субординативное взаимодействие двух субъектов с актуализацией одного из них и игнорированием другого (понудительный залог во втором его значении). По этому последнему признаку, заключающемуся в субъектно-объектной обратимости, понудительный залог напоминает страдательный залог, тем более, что при них в положение объекта ставится основной исполнитель действия.

турино-грамматически организованная как обычный переходный глагол действительного залога.

О словообразовательной сущности понудительного залога кроме изложенного, свидетельствуют также:

1) вариативность описанного наиболее характерного его значения, зависящая и обусловленная профилем лексического значения исходной основы глагола, что свойственно в первую очередь и главным образом деривационным формам — в ряде случаев форма выражает не принуждение, побуждение, а допущение, разрешение, позволение совершить действие (ср. *тоттор* — 'дать себя поймать', *косажат* — 'позволить обнимать себя', *ултырт* — 'разорвать сестру'), оказание помощи (ср. *атландыр* — 'помочь сестре на коня'), проявление попустительства (ср. *урлат* — 'дать себя обворовать', *тешилэт* — 'дать себя укусить'), небрежности (ср. *йоктор* — 'по небрежности подхватить заразную болезнь', *акхат* — 'из-за небрежного обращения вызвать у лошади и под. «хромание»), преднамеренной пассивности (ср. *кыстат* — 'заставлять упрямиться себя' и т. п.);

2) отсутствие единого и твердого залогового управления: во-первых, название одного и того же фактического исполнителя действия при переходных глаголах выступает как прямое дополнение в форме основного или винительного падежа, тогда как при переходных занимает позицию косвенного дополнения в форме исходного падежа, во-вторых, многие переходные глаголы типа *урлат*-, *акхат*-, *ултырт*-, *атландыр*- вовсе не обладают этим свойством, в-третьих, управление косвенным объектом, выполняющим роль субъекта, у переходных глаголов, как и вообще, является слабым — большинство глаголов типа *акжурлат*-, *акжат*-, *анализлат*-, *бизажат*-, *бронзалат*-, *бронжалат*-, *буят*-, *бозралэт*-, *жазыт*-, *калайлат*-, *жургашиллат*-, *көмөшлэт*-, *коршаулат*-, *биялалат*-, *йыузыр*-, *муклэт*-, *ремонтлат*-, *һаплат*-, несущие с собой собственно понудительное значение в наиболее типичном его виде, преимущественно употребляются без уточнения фактического исполнителя действия (т. е. вне сочетания с косвенным дополнением в форме исходного падежа) в силу того, что его роль попросту игнорируется и по существу приписывается номинальному субъекту действия, оформленному как подлежащее;

3) несовпадение лексических значений исходной основы и образованной от нее понудительной формы не только по профилю, но и по численному составу, которое наблюдается сплошь и рядом у многозначных основ: ср., к примеру, *күтэрт* — 'заставить поднять; дойти до крайнего истощения (о домашних животных)' и *күтэр* — 'поднимать, повышать, возводить (в чин и т. п.), заирать'; *укут* — 'заставить читать; обучать, преподавать; проучить (наказывать) и *уку* — 'учиться; читать'; *яззыр* — 'заставить писать; выписывать (газету и т. п.)' и *яз* — 'писать; записать'; *ултырт* — 'заставить сидеть, сесть; ставить, поставить (напр., столб); сажать (в тюрьму); сажать (овощи и т. п.); обмануть, надуть' и *ултыр* — 'сидеть; садиться; находиться в тюрьме; осесть, укоротиться' и т. п., где к тому же понудительное значение возникает лишь от части лексических значений исходной основы;

4) совместимость понудительного значения со значением взаимного и возвратного залогов, представленных в рамках одной и той же глагольной основы: ср. *һөйлэштэр* — 'заставить, вынудить разговаривать' от *һөйлэш* — 'разговаривать с кем-л.'; *таныштыр* — 'познакомить кого-л. с кем-л.' от *таныш* — 'знакомиться с кем-л.'; *кейндерт* — 'заставить кого-л. одеть кого-л.', *йыуындырт* — 'заставить кого-л. мыть кого-л.';

5) формы понудительного залога, сохраняя свое характерное значение, выступают производящей основой при дальнейшем аффиксальном словообразовании, в частности при образовании имени действия на *-(ы)у.-(е)у*, бытующего на правах существительного: *атлатыу* — 'заставлять идти пешком', *һөйләтеу* — 'заставить разговаривать; побуждение к разговору' и т. д.

Словом, формы понудительного залога во втором его значении, как и первая разновидность понудительного залога, при всем их смысловом своеоб-

разии в лучшем случае могут быть истолкованы как особая разновидность действительного залога, и то лишь с точки зрения семантико-синтаксической, поскольку грамматически в соответствии со своим оформлением они выравниваются по аналогии с обычными переходными глаголами, имеющими морфологическое выражение своей соотносительности с прямым дополнением. Суть же их сводится к словообразованию, исключая лишь их использование для обозначения безличного действия и множественности.

ВОЗВРАТНЫЙ ЗАЛОГ

Основным назначением данной формы, образуемой от широкого круга глагольных основ, является превращение переходного глагола в непереходный, сохраняя (1) или заметно, а то и в корне (2) изменяя сам профиль его лексического значения: 1) *тозлан*- 'солиться, стать соленым' от *тозла*- 'солить', *башлан*- 'начинаться' от *башла*- 'начинать'; 2) *һөйөн*- 'обрадоваться' от *һөй*- 'любить, ласкать', *тартын*- 'стесняться' от *тарт*- 'тянуть, дергать, прельщать'.

В первом случае формы на *-н* по своему значению чаще всего относятся к сфере страдательного залога: *һайла*- 'выбирать' — *һайлан*- 'быть избранным' (но: 'привередничать'), *ал*- 'взять, получать, вынимать, черпать', мат. 'отнять, вычитать' — *алын*- 'быть взятым'. И только в составе считанного числа глаголов она обнаруживает значение возвратного залога в принятом его понимании — выражает направленность действия на самого его производителя как на объекта, совпадение субъекта и объекта в одном лице: *бизә*- 'украшать, наряжать' — *бизән*- 'наряжаться, краситься', *бөркә*- 'покрыть с головой' — *бөркән*- 'покрыться с головой'.

Называя объект не синтаксическим, а морфологическим способом внутри самого глагола, в своей исходной форме предполагающего его синтаксическое обозначение и в силу этого испытывающего известную ущербность, неполноту своего лексического содержания, возвратная форма не только восполняет этот пробел, но и обогащает и обособляет свое содержание настолько существенно, что оно воспринимается как относительно автономное качественно новое образование, свойственное самостоятельной лексической единице. Этому способствует целый ряд обстоятельств:

1) обозначение объекта действия внутри самого непереходного глагола и лексическим способом — в так называемых глаголах с внутренним объектом, наглядно свидетельствующим о его вхождении в состав самого лексического значения глагола в качестве неотъемлемого его компонента: *мен*- 'подниматься', т. е. 'поднимать себя', *ултыр*- 'садиться', т. е. 'посадить себя', и т. д.;

2) структурное различие исходной основы и образованной от нее возвратной формы, выполняющей в преобладающем большинстве случаев неоспоримую явно словообразовательную функцию;

3) несовпадение основы и образованной от нее возвратной формы (имеющей описанное типовое залоговое значение) по составу их лексических значений, не позволяющее их считать одной и той же лексической единицей: ср. *кей*- 'надевать, носить' и *кейен*- 'одеваться, переодеваться'; *йыу*- 'мыть, помыть, умыть', перен. 'обмыть, отметить что-л. выпивкой; омывать (окружать водами)' и *йыуын*- 'умываться, мыться'; *буя*- 'красить, окрашивать, раскрашивать, пачкать, подкрашивать, подводить' и *буян*- 'краситься, подкрашиваться, мазаться', *ура*- 'мотать, наматывать, обертывать, укутывать: ходить окольным путем' и *уран*- 'кутаться, укутываться' и т. д.;

4) довольно часто наблюдаемое резкое изменение природы исходного лексического значения производящей основы: ср. *кырын*- 'бриться' от *кыр*- 'скоблить, скрести; тереть; истреблять'; *сабын*- 'париться, хлестать себя венником' от *сап*- 'хлестать, ударить со звоном; косить; рубить; скакать на лошади; мчаться, издавая топание'; *кысын*- 'чесаться' от *кысы*- 'зудеть';

5) использование возвратных форм в качестве производящих основ при образовании имени действия и имени деятеля, а также широкое их употреб-

ление в форме причастия, выполняющего функцию прилагательного: *жырыныу* 'бритье', *жырыныусы* 'бреющийся', *жырынган (жеше)* 'бреющийся (человек)', *жырыныр урын* 'место для бритья' и т. п.;

б) вхождение афф. *-н* в состав необратимых лексических единиц типа *тирбэн-* 'качаться', *имгэн-* 'калечиться, увечиться', *өйрэн-* 'научиться', противостоящих соответствующим переходным глаголам *тирбэт-*, *имгэт-*, *өйрэт-*, производящие основы которых тоже не могут быть выделены в современном языке как самостоятельные лексические единицы в отрыве от залоговых аффиксов.

Возвратные формы в принципе сходны с остальными непереходными глаголами активного действия с внутренним объектом типа *баз-* 'встать' (т. е. 'поднять себя'), *төш-* 'спускаться' (т. е. 'спустить себя'), в совокупности с которыми они составляют особый лексико-семантический разряд переходных глаголов. Выделяемые лишь на лексико-семантической основе, с точки зрения своих грамматических характеристик, они входят в сферу действительного залога. Среди других форм на *-н*, образуемых от переходных глаголов, они предстают как семантически ясно очерченная малопродуктивная деривационная модель, вовлекающая в словообразование строго определенный состав производящих основ, предполагающих в качестве объекта лицо, которое в данной форме может стать субъектом того же самого действия.

Среди словообразовательных форм на *-н* тоже на лексико-семантической основе выделяется очень продуктивная модель с типовым значением 'приобрести свойство, названное именной производящей основой', вовлекающая в словообразование преимущественно отыменные глаголы на *-ла/-лэ*: *тэмһезлэн-* 'сделаться невкусным' от *тэмһезлэ-* 'обезвкусить', *яралан-* 'получить ранение' от *ярала-* 'ранить', *шазралан-* 'стать рябым' от *шазрала-* 'шершавить', *хлорлан-* 'хлорироваться' от *хлорла-* 'хлорировать', *уңайһызлан-* 'сделаться неудобным; испытывать неудобство' от *уңайһызла-* 'сделать неудобным', *турылан-* 'выпрямиться, сделаться прямым' от *турыла-* 'выпрямить, сделать прямым', *тозлан-* 'просолиться' от *тозла-* 'солить', *тигезлэн-* 'выровняться, сделаться ровным; уравниваться' от *тигезлэ-* 'ровнять, уравнивать, выравнивать, подравнивать' и т. д.

По мере своей активизации и нормализации эта модель стала производить глаголы с тем же типовым значением непосредственно от именных основ: ср. *арзанлан-* 'подешеветь, удешевиться', *аламалан-* 'стать плохим, дурным', *бозлан-* 'обледенеть', *азғынлан-* 'развратиться', *жырыслан-* 'одичать', *ялкаулан-* 'облениваться' и т. п., где *-н* являет собой, собственно, лишь элемент сложного ныне неделимого афф. *-лан/-лэн*.

За этой моделью по своей продуктивности идет семантически тоже ясная и единообразная словообразовательная модель с типовым значением 'проявлять свойство по основе', по которой возникают обычно глаголы несовершенного вида, лишь благодаря контексту теряющие это свойство: *актарын-* 'шарить', разг. 'рыться, копаться' от *актар-* 'переворочить, шарить', *каран-* 'озираться, осмотреться' от *кара-* 'смотреть', *карман-* 'шарить вокруг себя' от *карма-* 'щупать, ощупывать', *осон-* 'кичиться, чваниться' от *ос-* 'летать', *һузен-* 'чуять, предчувствовать' от *һуз-* 'чувствовать', *һоран-* 'расспрашивать, разузнавать, побираться, попрошайничать' от *һора-* 'просить, спрашивать', *һызлан-* 'испытывать ноющую боль в костях, суставах' от *һызла-* 'нить, ломить, разболеться', *һуген-* 'ругаться, браниться' от *һук-* 'ругать, обругать, бранить', *һөйлэн-* 'ворчать про себя, болтать' от *һөйлэ-* 'говорить', *тартын-* 'стесняться' от *тарт-* 'тянуть, дергать, привлекать', *тапан-* 'топтаться на месте' от *тапа-* 'топтать, давить, месить ногами', *телэн-* 'клякчить' от *телэ-* 'желать', *тығын-* разг. 'жрать' от *тык-* 'сунуть, втыкать', *уқын-* 'читать что-л. про себя' от *уқы-* 'читать', *суқын-* 'креститься; копошиться, заниматься копанием' от *соқо-* 'копать, ковырять, долбить', *сөйлан-* 'охаивать кого-л. за глаза' от *сөйнэ-* 'жевать', *этен-* 'возиться, копошиться напрасно' от *эт-* 'толкать', *ялан-* 'облизывать' от *яла-* 'лизать, лакать', *ярһын-* 'проявлять ярость, разъяриться' от *ярһы-* 'сильно

возбудиться', *екерен*- 'раскричаться, орать' от *екер*- 'кричать, орать', *утен*- 'умолять' от *ут*- 'пройти' и т. д.

От этой модели впоследствии отделилась производная деривационная модель с тем же значением, в массовом порядке производящая глаголы непосредственно от именных основ: ср. *аумакайлан*- 'проявлять непостоянство', *кирелэн*- 'упрямиться, упираться', *енлэн*- 'бесноваться', *этэслэн*- 'петушиться', *ярамһажлан*- 'заискивать, угодничать', *йомакайлан*- 'подлизываться', *казалан*- 'упрямствовать', *бизалан*- 'капризничать', *ғорурлан*- 'гордиться', *тулжылан*- 'волноваться' и т. д., где афф. -л слился с предыдущим словообразовательным афф. -ла/-лә в монолитную сложную морфему того же рода.

Остальные словообразовательные формы на -н, образованные от переходных глаголов, стоят особняком, не имеют типовой словообразовательной структуры: ср. *тотон*- 'приступать' (от *тот*- 'держат, поймать'), *һөрөн*- 'спотыкаться' от *һөр*- 'устранить; выслать; пахать' (?), *һөйөн*- 'обрадоваться' от *һөй*- 'любить, ласкать' и т. п. Лишь глаголы *йылын*- 'греться, согреваться, нагреваться' (от *йылы*- с тем же значением) и *һыуын*- 'остыть, охладиться, остужаться; перен. охладевать, остывать' от *һыуы*- 'становиться холодным' созданы по единому образцу, примыкающему к описанной выше модели.

Формы на -н, образованные от непереходных глаголов, семантически вообще не имеют ничего общего ни с возвратным, ни со страдательным залогом. Они по отношению к исходной основе являют собой относительно автономные лексические единицы, возникшие в организованном порядке по определенной словообразовательной модели (1) или в индивидуальном порядке вне такой модели (2): 1) *шашын*- 'горячиться, проявлять горячность; бесноваться' от *шаш*- 'беситься', *шыңшыын*- 'скулить', 'хныкать, ныть' (от *шыңшы*- с тем же лексическим значением, лишеным, однако, значения несовершенного вида), *һикерен*- 'подпрыгивать, припрыгивать' от *һикер*- 'прыгать' и т. п., которые возникли по описанному выше стереотипному образцу с объединяющим их групповым значением 'проявлять (не проявить) свойство по основе'; 2) *арын*- 'вырваться, освободиться' (от *ары*- 'уставать' (?)), *тошон*- 'понять, постичь' от *төш*- 'спускаться, опускаться, слезать' (?), *сизен*- 'отступать' от *сик*- устар. 'терпеть, претерпевать; отступать', *шешен*- 'опухать, пухнуть, распухать (например, от голода)' (от *шеш*- 'опухать, распухать') и т. п.

Таким образом, формы на -н, за исключением тех из них, которые входят в сферу страдательного залога, имеют словообразовательную сущность. Самая многочисленная их часть распадается на семантически разнородные четко очерченные три модели, отличающиеся друг от друга как по типовому своему значению, так и по характеру лексического значения производящей основы, предопределяющего первое. Среди этих моделей лишь одна и к тому же наименее продуктивная обладает значением возвратного залога, которое, однако, не может быть выделено в отрыве от лексического значения глагола, обуславливающего его.

ФОРМЫ МОДАЛЬНОСТИ

В современном башкирском языке существуют специализированные аналитические конструкции модальности, где основным элементом является определенная глагольная форма, а в роли компонирующей части выступают служебные глаголы или модальные слова. В отличие от глагольных наклонов, представляющих чисто грамматические средства выражения модальности, аналитические сочетания можно квалифицировать в целом как лексико-грамматический способ выражения модальных значений. Степень грамматикализации аналитических конструкций весьма различна.

В современном башкирском языке активно употребляется ряд аналитических конструкций, выражающих разнообразные модальные значения.

КОНСТРУКЦИИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ МОДАЛЬНОСТЬ

1. Гипотетическая конструкция, образованная сочетанием имени действия с аффиксами принадлежности и модального слова *бар* 'есть': *кайттыуым бар* 'может быть, приеду', *кайттыуың бар* 'может быть, приедешь', *кайттыуы бар* 'может быть, приедет'.

Данная аналитическая конструкция выражает потенциальную допустимость, вероятность совершения будущего действия с элементами предостережения или (реже) сомнения говорящего. Чаще всего эта конструкция употребляется в сочетании с предшествующим глагольным сказуемым, которое как бы представляет предпосылку для гипотетического действия: *Сураман карт, артыңды уйлап һөйлә, күпте белһең, Себер китеуең бар* (Б. Бикбай) 'Сураман, говори, да не заговаривайся, если очень много знаешь, могут и в Сибирь отправить'; *Куй, йөрәмәгез, көн болокһон тора, ямғыр астында калыуығыз бар* (Б. Бикбай) 'Оставь, не ходите, погода начинает портиться, можете попасть под дождь'. В этих примерах предшествующее сказуемое с описываемой конструкцией выражают потенциально реальные причинно-следственные отношения.

2. Значение более или менее уверенного предположения передается сочетанием формы имени действия, осложненной аффиксами принадлежности, с модальным словом *мөмкин* 'можно': *кайттыуым мөмкин* 'возможно, приеду', *кайттыуың мөмкин* 'возможно, приедешь'. Например: *Был эштең бик насар барыл бөтөүе мөмкин* (Д. Исламов) 'Это дело может закончиться очень скверно'; *Әйе, был хакта тик Маһикамалдың ғына һөйләүе мөмкин* (Ш. Насыров) 'Да, об этом может проговориться только Магикамал'.

3. Значение чисто интуитивно-гипотетического представления о действии выражается аналитической конструкцией, образованной из сочетания причастия на *-ған/-гән*, осложненного афф. *-дай/-дәй*, и вспомогательного глагола *бул*-или *ит*¹⁸. *һизенгәндәй була* 'кажется, догадывается', *алгандай итә* 'кажется, получает'. *Бара торғас, кыҙҙар бер-береһенә эйәләшә төшкәндәй булдылар* (Ф. Гүмәр) 'Спусти некоторое время девушки, кажется, немного привыкли друг к другу'; *Йөрәгем бер зәурынында түгел, әллә нәмәне һизенгәндәй була* (Ф. Гүмәр) 'Сердце мое не на месте, будто бы что-то предчувствует'; *Ныж тужыланһам да, берәй нәмәне ауыр кисерһәм дә, йөрәгем тужтап-тужтап алгандай итә* (Д. Бүләков) 'Если сильно волнуюсь и тяжело переживаю, то мне кажется, что сердце вот-вот остановится'. Вместо вспомогательного глагола *бул* может употребляться полнозначный глагол *күренәу*: *уқығандай күренә* 'кажется, читает'; *Уны бизгәк тотжандай күренә* (Б. Бикбай) 'Кажется, его лихорадит'.

КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТИ

Модальное значение возможности в современном башкирском языке передается несколькими аналитическими конструкциями.

1. Неделимое сочетание деепричастия на *-а/-ә*, *-й* и десемантированного вспомогательного глагола *ал-*: *бара ала* 'может пойти', *килә алам* 'могу прийти', *уҡый алаһың* 'можешь учиться'. Данная модальная конструкция выражает способность конкретного лица совершить данное действие. Эта форма модальности изменяется по лицам и временам.

¹⁸ Примечание ответ. ред. Конструкция на *-ған бул*-, как это отметил еще Н. К. Дмитриев, выражает притворно-показное действие: *эшләгән бул*- 'делать вид, что работаешь'. Отрицательный вариант такого действия представляет аналитическая конструкция на *-ләмешкә һалыш-*: *күрмәшкә һалыш-* 'сделать вид, что не видишь'.

Парадигма спряжения

Прошедшее определенное время

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>укий алдым</i> 'я мог учиться'	<i>укий алдык</i> 'мы могли учиться'
2 л. <i>укий алдың</i> 'ты мог учиться'	<i>укий алдыгыз</i> 'вы могли учиться'
3 л. <i>укий алды</i> 'он мог учиться'	<i>укий алдылар</i> 'они могли учиться'

Настоящее время

1 л. <i>укий алам</i> 'я могу учиться'	<i>укий алабыз</i> 'мы можем учиться'
2 л. <i>укий аладың</i> 'ты можешь учиться'	<i>укий алаһыгыз</i> 'вы можете учиться'
3 л. <i>укий ала</i> 'он может учиться'	<i>укий алалар</i> 'они могут учиться'

Будущее определенное время

1 л. <i>укий аласакмын</i> 'я непременно смогу учиться'	<i>укий аласакбыз</i> 'мы непременно сможем учиться'
2 л. <i>укий аласакһың</i> 'ты непременно сможешь учиться'	<i>укий аласакһыгыз</i> 'вы непременно сможете учиться'
3 л. <i>укий аласак</i> 'он непременно сможет учиться'	<i>укий аласактар</i> 'они непременно смогут учиться'

Будущее неопределенное время

1 л. <i>укий алырмын</i> 'я смогу учиться'	<i>укий алырбыз</i> 'мы сможем учиться'
2 л. <i>укий алырһың</i> 'ты сможешь учиться'	<i>укий алырһыгыз</i> 'вы сможете учиться'
3 л. <i>укий алыр</i> 'он сможет учиться'	<i>укий алырзар</i> 'они смогут учиться'

Модальность возможности может иметь формы давнопрошедшего времени, а также условного и сослагательного наклонений: *эшлэй ала торғайны* '(он) мог работать, был в состоянии работать', *эшлэй алһа* 'если сможет работать, если будет в состоянии работать', *эшлэй алһа ине* 'если бы был в состоянии работать, если бы мог работать'.

Отрицательная форма образуется при помощи афф. *-ма!/-мэ:* *укий алһа* — *укий алһаһа*, *укий ала* — *укий алмай*. Примеры: *Юмагузин был тишкәре атты кискә генә тотта алды* (СБ) 'Юмагузин смог поймать этого коня только к вечеру' *Билал калала кызылдарзан бер кешене лә оската алмань* (А. Таһиров) 'В городе Билал не смог встретиться ни с одним красноармейцем'; *Юк, һугыш та, кайғы ла халыктың йырга, йәшәүгә булган мөхәббәтен һүндәрә алмаясак* (З. Бишшева) 'Нет, ни война, ни горе, не смогут погасить любовь народа к жизни, к песне'.

2. Дееспричастная форма на *-ын* в сочетании с вспомогательным глаголом *бул-* 'быть'. Эта конструкция выражает потенциальную возможность осуществления действия при наличии определенных условий. Она является безличной, имеет все формы времени изъявительного, условного и сослагательного наклонений: *язып була* 'можно писать', *язып булды* 'удалось написать', *язып булыр* 'можно будет писать' — изъявительное наклонение; *язып булһа* 'если можно написать', *язып булһа ине* 'если можно было писать' — условное наклонение, *язып булыр ине* 'можно было бы писать' — сослагательное наклонение. Примеры: *һиңә үз йәшенде түгел, бәлки егерменән ашыузы биреп була* (З. Бишшева) 'Тебе можно дать больше двадцати'; *Бисә-сәсэнәң ауызына мульк каплап булмай* (Ә. Мирзахитов) 'Женщинам невозможно закрыть рот платком'.

3. Безличная аналитическая форма, образованная сочетанием инфинитива на *-(ы)рға!-(е)ргә* и вспомогательного глагола *бул-*, как и предыдущая, обозначает возможность реализации действия в определенных обстоятельствах. Вспомогательный глагол *бул-* здесь употребляется только в форме 3-го лица ед. числа настоящего и будущего времени индикатива: *эшләргә була*

‘можно делать’, *язьрға була* ‘можно писать’, *язьрға булыр* ‘можно будет писать’. Примеры: *Бындай якташтар менэн утка ла, һыуға ла инергә була* (С. Агиш) ‘С такими земляками можно пойти в огонь и в воду’; *Уяу баш менэн тотонмаһаң, бик тиз билде һындырып жуйьрға була* (З. Бишпева) ‘Если не взяться за дело с ясной головой, то быстро можно сломать поясницу’. В отличие от предыдущей, данная аналитическая конструкция в соответствующем контексте может выражать и значение намерения, решения: *Бер йыл уткәс, Миңзифа тыуған иленә жасырға була* (Ф. Аллаяров) ‘Через год Минзифа собирается убежать на свою родину’.

Если вспомогательный глагол в составе данной конструкции принимает форму прошедшего времени, то она всегда выражает модальное значение намерения, решения совершить какое-либо действие: *Улар кәзерле жунактары боронғоса, туған тумасаны һәм күрше-тирәне сақырып, һыйларға булдылар* (З. Бишпева) ‘Они решили угостить дорогих гостей по давнему обычаю, пригласив родственников и соседей’.

Прошедшее время данной конструкции образуется также при помощи вспомогательного глагола *ине*, который значительно видоизменяет ее значение: *алырға булыр ине* ‘можно было бы взять’, *язьрға булыр ине* ‘можно было бы писать’, где конструкция в целом выражает значение сослагательного наклонения.

4. Значение реальной возможности также передается посредством сочетания инфинитива на *-(ы)рға!-(е)ргә* и модального слова *можкин* ‘можно’: *Эште дәрәс ойошторғанда ғына, продукция сығарылышын байтаж арттырырға можкин* (СБ) ‘Выпуск продукции можно увеличить только при правильной организации труда’; *Уға Айбулат менән башжортса ла һойләшергә можкин* (И. Дәүләтшина) ‘Ему с Айбулатом можно говорить и по-башкирски’.

КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ И НЕОБХОДИМОСТИ

В современном башкирском языке для выражения модального значения долженствования и необходимости существует целый комплекс лексико-грамматических средств, среди которых аналитические конструкции употребляются особенно активно. К ним относятся следующие.

1. Аналитическая конструкция, состоящая из инфинитива или имени действия и модального слова *кәрәк* ‘надо’, ‘необходимо’: *барьрға кәрәк*, *бармак кәрәк*, *барыу кәрәк* ‘необходимо идти’.

В семантическом плане эти формы почти идентичны: выражают обязательную необходимость совершения какого-либо действия, причем эта необходимость обусловлена объективными условиями, не зависящими от субъективного желания говорящего. Имеются различия только в сфере их употребления. Так, конструкция *барьрға кәрәк* наиболее часто употребляется в официальной речи и в публицистических произведениях, *барыу кәрәк* — в разговорной речи, *бармак кәрәк* — в произведениях устного народного творчества.

Отрицательная форма данной конструкции образуется при помощи аффикса *-ма!-мә*, который присоединяется к модальному слову *кәрәк*: *Миңә барьрға кәрәкмәй* ‘Мне не нужно идти’. Модальная конструкция на *-мак!-мәк кәрәк* особенно употребительна в вопросительных предложениях: *Коралһыз ни эшләмәк кәрәк?* (З. Ихсанов) ‘Что можно делать без оружия?’; *Ят кешенән ниндәй мәрһәмәт кәтмәк кәрәк?* (Ш. Насыров) ‘Что можно ожидать от чужого человека?’; *Турәне бында сақырыу кәрәк* (Ф. Дәүләтшин) ‘Начальника надо пригласить сюда’; *Көн әсеп китмәс борон эшләп калыу кәрәк* (Т. Йәнәби) ‘Пока прохладно, надо поработать’.

Синтаксической особенностью данных конструкций является их употребление в функции сказуемого только в безличных предложениях.

Указанные конструкции с помощью вспомогательных глаголов *бул-*, *тор-*, *ине* выражают значения соответствующих наклонений и времен: *уқырға кәрәк ине* ‘надо было учиться’, *уқырға кәрәк булыр ине* ‘надо было бы

учиться', *уқырға кәрәк булһа* 'если необходимо будет учиться', *уқырға кәрәк булды* 'необходимо было учиться', *уқырға кәрәк буласак* 'необходимо будет учиться' и т. д.

2. Аналитическая конструкция, состоящая из инфинитива на *-рға/-ргә* и модального слова *тейеш*. Она также имеет модальное значение долженствования и необходимости. В отличие от предыдущей модальной конструкции, в состав которой входит модальное слово *кәрәк*, данная конструкция выступает в качестве сказуемого только в личных предложениях. Модальная конструкция «инфинитив + *тейеш*» имеет все формы времени и наклонения, а также изменяется по лицам и числам.

Настоящее время

Ед. число		Мн. число	
1 л.	<i>уқырға тейешмен</i> 'я должен учиться'	<i>уқырға тейешбез</i> 'мы должны учиться'	
2 л.	<i>уқырға тейешһең</i> 'ты должен учиться'	<i>уқырға тейешһегез</i> 'вы должны учиться'	
3 л.	<i>уқырға тейеш</i> 'он должен учиться'	<i>уқырға тейештәр</i> 'они должны учиться'	

Значение будущего времени передается гораздо реже употребляемой трехчленной конструкцией, в которой спрягается только вспомогательный глагол *бул*: *мин уқырға тейеш булам* 'я должен буду учиться', *һин уқырға тейеш булаһың* 'ты должен будешь учиться', *ул уқырға тейеш була* 'он должен будет учиться', *без уқырға тейеш булабыҙ* 'мы должны будем учиться'.

Прошедшее определенное время употребляется тоже редко:

Ед. число		Мн. число	
1 л.	<i>уқырға тейеш булдым</i> 'я должен был учиться'	<i>уқырға тейеш булдык</i> 'мы должны были учиться'	
2 л.	<i>уқырға тейеш будың</i> 'ты должен был учиться'	<i>уқырға тейеш будыңыз</i> 'вы должны были учиться'	
3 л.	<i>уқырға тейеш булды</i> 'он должен был учиться'	<i>уқырға тейеш булдылар</i> 'они должны были учиться'	

Эта конструкция употребляется, как и предыдущая, редко.

Форма давнопрошедшего определенного времени, которая еще менее употребительна, образуется при помощи вспомогательных глаголов *бул* и *тор*-, располагающихся за модальной конструкцией «инфинитив + *тейеш*»: *мин уқырға тейеш була торғайным* 'я должен был систематически учиться', *без уқырға тейеш була торғайнык* 'мы должны были учиться' и т. д.

В аналитических конструкциях с модальным словом *тейеш* говорящий выражает свою убежденность в необходимости совершения действия: *Без үзөбөзгә үзөбөз хужа булырға тейешбез* (Ш. Насыров) 'Мы должны быть хозяевами своей судьбы'; *Йәштәрҙе коммунистик рухта тәрбиәләү өсөн бөтә көсөбөзгә һалырға тейешбез* (Я. Хамматов) 'Мы должны отдать все силы для воспитания молодежи в коммунистическом духе'; *Үгәй ағай ғына, мин уға буйһонорға тейеш түгелмен* (И. Мостафин) 'Он мне не родной дядя, я не должен подчиняться ему'.

3. Аналитическая конструкция, образованная сочетанием причастной формы на *-аһы/-әһе* (после согласных основ) *-йһы, -йһе, -йһо/-йһө* (после гласных) и модального слова *бар*: *яҙа-һым бар* 'мне нужно писать', *уҡы-йһым бар* 'мне нужно читать'. Она имеет значение долженствования.

Эта конструкция выражает необходимость совершения конкретным лицом какого-либо действия, как неизбежного: *Нисек әйтһең дә туй мәшәкәтен үткәрәһе бар* (Я. Хамматов) 'Как ни говори, необходимо справить свадьбу'; *Аксәскәнен бөгөн кис юлға сығаһы бар* (Б. Бикбай) 'Аксаяк се-

годня вечером должна отправиться в путь'; *Станциянан ашлама кайтараһы бар* (Ә. Гәрәев) 'Необходимо вывезти удобрение со станции'.

Отрицательный аспект значения необходимости передается при помощи аналитической конструкции, состоящей из той же причастной формы на *-аһы/-әһе* и модального слова *юк*: *язаһым юк* 'я не должен писать; нет, я не стану писать', *уҡыйһым юк* 'я не должен читать; нет, я не стану читать'. Данная конструкция выражает решительный отказ конкретного лица совершить какое-либо действие: — *Былан ары кулдарыңа ирек бирәһем юк* (Ә. Бикчәнтәев) 'Нет, больше не дам волю рукам твоим'. Она очень часто употребляется в безличном значении: *Безгең халықты урман эшенә ойратәһе юк* (Н. Мусин) 'Нет необходимости обучать наш народ лесному делу'.

От положительной формы долженствования при помощи вспомогательного глагола *ине* образуется форма долженствования прошедшего времени: *язаһым бар ине* 'я тогда должен был писать' или 'мне необходимо было писать', *язаһым юк ине* 'я тогда не должен был писать'. Она выражает долженствование как несостоявшийся акт.

Парадигма спряжения модальной конструкции
-аһы/-әһе + бар

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>миңең бараһым бар (ине)</i> 'мне необходимо (было) идти'	<i>безгең бараһыбыз бар (ине)</i> 'нам необходимо (было) идти'
2 л. <i>һинең бараһың бар (ине)</i> 'тебе необходимо (было) идти'	<i>һезгең бараһығыз бар (ине)</i> 'вам необходимо (было) идти'
3 л. <i>уның бараһы бар (ине)</i> 'ему необходимо (было) идти'	<i>уларҙың бараһылары бар (ине)</i> 'им необходимо (было) идти'

Значение долженствования и необходимости в современном башкирском языке очень часто передается модальной конструкцией «инфинитив + *тура килә*»: *безгә эшләргә тура килә* 'нам приходится работать'. Данная конструкция употребляется также в прошедшем и будущем временах: *безгә барырға тура килде* 'нам пришлось идти' (прошедшее определенное время); *безгә барырға тура килер* (киләсәк) 'нам придется идти' (будущее время); *безгә барырға килә торғайны* 'нам приходилось ходить' (давнопрошедшее определенное время).

Эта модальная конструкция обозначает необходимость совершения действия в силу сложившихся обстоятельств: *Кораллы һалдаттарға юл биреп, мөйөштә озак көтөп торорға тура килде* (Ф. Исәнғолов) 'Чтобы пропустить через дорогу вооруженных солдат пришлось долго ждать на углу'; *Ә бына Байғилде ағайҙарға бик етди уйланырға тура килер* (З. Бишшева) 'А вот дяде Байгилде придется очень серьезно подумать'; *Касыуҙы әзерәк кенә кисектереп торорға тура килер һезгә* (Ф. Исәнғолов) 'Вам придется отложить побег на некоторое время'; *Колсобай отряден революцион тәртипкә һалыу осон безгә күп көс һалырға тура киләсәк* (Я. Хамматов) 'Чтобы навести в отряде Колсобая революционный порядок, придется потратить немало сил'.

Значение прошедшего времени долженствования 'нужно было бы, следовало бы' передается аналитической конструкцией типа *алаһы булған* 'нужно было взять'. Эта конструкция выражает долженствование как несовершенный акт. Причем говорящий выражает сожаление по поводу несовершения данного действия: *Плац кейәһе булған да, ямғыр яуырын кем белгән* (Р. Солтангәрәев) 'Нужно было надеть плащ, да кто знал, что пойдет дождь'; *Үз аныма саҡыртып, берәйһенең башын әйләндертәһе булған икән* (Ш. Насыров) 'Надо было, пригласив к себе кому-нибудь вскружить голову'.

КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЖЕЛАНИЯ

Основным средством реализации оптатива в современном башкирском языке являются формы желательного наклонения глагола. Кроме них имеются специализированные формы, выражающие различные оттенки жела-

ния. К ним относится прежде всего аналитическая конструкция, представляющая монопольное сочетание архаичной формы имени действия на *-ғы/-ге* и спрягаемого десемантизированного глагола *кил-*.

Модальное значение этой формы, образуемой от многих глаголов, сводится к выражению произвольного желания. Примеры: *Атай, аңла мине, үз юльмдан й өр өг өм кил э* (И. Йомағолов) 'Отец, пойми меня, я я хочу идти своей дорогой'; *Уларзы беззэн бәхетлерж итеу өсен коршеп й эш өг өм кил э* (З. Бишпева) 'Хочу жить и бороться, чтобы они были счастливее нас'; *Хәзер үк халықты й и й ғы һ ы кил өе уның* (Р. Солтангәрәев) 'Ему захотелось сейчас же собрать народ'.

Эта высокоупотребительная аналитическая конструкция спрягается с помощью аффиксов принадлежности. Причем аффиксы лица принимает только первый компонент, т. е. имя действия на *-ғы*, а служебный глагол *кил-* принимает аффиксы времен и некоторых наклонений, а также аффикс отрицания.

Ед. число

Мн. число

1 л. <i>минен барғым кил э</i> 'мне хочется идти'	<i>беззэн барғыбыз кил э</i> 'нам хочется идти'
2 л. <i>һинен барғың кил э</i> 'тебе хочется идти'	<i>һеззэн барғығыз кил э</i> 'вам хочется идти'
3 л. <i>уның барғыһы кил э</i> 'ему хочется идти'	<i>уларзың барғылары кил э</i> 'им хочется идти'

Наряду с формой *-ғы кил-* широко употребляется другая, синонимичная ей форма на *-һы кил-*: *бараһым кил э* 'мне хочется идти', *бараһыбыз кил э* 'нам хочется идти', *бараһығыз кил э* 'вам хотелось идти'. Ср. *Уны кайза буһа ла, жасан буһа ла бер осратаһы кил э* (Н. Мусин) 'Хочется встретить его где-нибудь и когда-нибудь'.

Значение желания с оттенком несбыточного мечтания передается сочетанием инфинитивной формы и вспомогательного глагола *ине*: *барырға ине* 'пойти бы', *язырға ине* 'написать бы', например: *Был сәскәләргә һеңлемдең тыуған көнөн алып барырға ине* (СБ) 'Эти цветы хотелось бы приподнести сестре в день ее рождения'; *Әх, был һуғыштың азағына сығырға ине* (Ш. Биккол) 'Әх, хочется дойти до самого конца войны'.

Данная конструкция употребляется только в безличных предложениях и не имеет форм времени и наклонений.

Различные оттенки желания в современном башкирском языке передаются так же аналитическими конструкциями типа *бараһы ине*, *бараһы икэн*, *бараһы булған*, *бараһы калған*, образованными из причастной формы на *-аһы/ -һе* и вспомогательных глаголов *ине*, *икэн*, а также *бул-* и *кал-* в форме прошедшего неопределенного времени. Примеры: *Ерзе әйләнен осоп сығаһы ине* (Ф. Исәнғолов) 'Облететь бы весь земной шар'; *Тизерәк һожумға күсдә ине* (М. Кәрим) 'Скорее бы перейти в наступление'; *Быйыл йәйзе ауылда уткәрәһе икэн* (С. Ағиш) 'Надо было лето провести в деревне'; *Бер юль уларға инеп сығаһым калған* (З. Бишпева) 'Желательно было зайти и к ним заодно'.

Сочетание глаголов *күр-*, *куй-* в отрицательной форме с деспричастной формой основного глагола выражает нежелание говорящего, чтобы определенное лицо совершило какое-либо действие, его опасение относительно возможности совершения этого действия: *Кара уны, Бикбулаттың башын албырғатып куймаһын* (Р. Пизамов) 'Смотри, что бы она не вскружила голову Бикбулата'; *Кунактар бөгөн килеп төшә күрмәһен* (Ф. Дәүләтшин) 'Как бы гости не приехали сегодня'.

Значение желания с оттенком опасения передается также сочетанием формы условного наклонения и модального слова *ярар ине* 'было бы хорошо': *килмәһә ярар ине* 'хорошо было бы, если бы он не пришел'; *Бәхетһез генә булмаһа ярар ине* (З. Бишпева) 'Как бы не стал он несчастным человеком'; *Кала яғы тартып, сығып китмәһән ярар ине* (З. Бишпева) 'Как бы не потянулся в город'.

Кроме наклонения намерения, которое является основным грамматическим средством выражения данного модального значения, в современном башкирском языке функционируют аналитические конструкции для выражения различных оттенков намерения совершить действие, представленное глагольной основой.

1. Значение намерения как решения передается посредством сочетания инфинитива на *-(ы)рға!-(е)ргә* и вспомогательного глагола *бул-*. Эта конструкция имеет формы прошедшего и настоящего времени изъявительного наклонения: *эшләргә булды* 'решил работать'; *Тура өйгә кайтмайынса, башта Кунакбай ауылына инеп сығырға булдым* (Ә. Чаныш) 'Сначала решил я заехать в деревню Кунакбаево, и только потом вернуться домой'; *Йыйкбай мәжлескә бер аз һуңлабыраҡ инергә була* (фольк.) 'Яикбай решил зайти на вечер, хотя и опоздал на некоторое время'.

2. Решение говорящего совершить какое-либо действие после обдумывания передается сочетанием инфинитива на *-(ы)рға!-(е)ргә*, *-маға!-мәгә* и вспомогательных глаголов *ит-*, *тор-*, *уйла-*; *барырға тора* 'намеревается ехать', *барырға уйлай* 'думает поехать', *барырға итте* 'решил поехать'. Примеры: *Гәләү, был вакиғанан фәйзаланып, үз йомошон хәл итеп калырға уйланы* (Т. Йәнәби) 'Воспользовавшись этим событием, Гәләү задумал решить свое дело'; *Хасбулат ағай ошо арала үзенең бәтә комарткыларың мәтәккә бирергә тора* (З. Бишева) 'Дядя Хасбулат на днях намеревается передать школе все свои исторические реликвии'; *Зәйнәп егетте танырға итте, тик караңғыла уларзың йөззәрен танырлыҡ тугел* (Д. Бүләков) 'Зайнап решила узнать парня, однако в темноте было трудно различить их лица'; *Сәй эсеп, йырлап ултырмаға итәһеңме әллә?* (Ж. Киекбаев) 'Ты намерен петь во время чаепития?'.

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

Грамматическая категория наклонения глагола выражает отношение действия к действительности, и отношение говорящего к содержанию высказывания. Факты, события и явления, будучи содержанием нашей речи, могут мыслиться говорящим как реальность и нереальность, т. е. как действительное и возможное, необходимое, а также как желательное или долженствующее, предполагаемое и т. д.

Категория наклонения представлена специальными спрягаемыми формами. В современном башкирском языке различаются следующие наклонения: изъявительное, повелительное, желательное, условное, сослагательное, наклонение намерения.

Каждое наклонение характеризуется, помимо специальной формы, своими грамматическими и семантическими особенностями. Так, для изъявительного наклонения характерна категория времени. Другим наклонениям грамматическая категория времени не свойственна. Однако каждое из них, в отличие от изъявительного наклонения, имеет свои специальные грамматические характеристики.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Изъявительное наклонение не имеет специальных морфологических примет. Изъявительное наклонение реализуется в спрягаемых формах времени, и аффиксы временных форм одновременно являются показателями изъявительного наклонения.

Изъявительное наклонение выражает реальный или достоверный факт, соответствующий объективной действительности.

Таким образом, модальным содержанием изъявительного наклонения является выражение убеждения говорящего в реальности действия. Однако это основное модальное значение в речи может быть изменено в плане ослабления или усиления как самими формами времени, так и, в особенности, при

помощи лексических средств: ср. *Ул Мәскәүҙә институт бөтөргән* 'Он окончил институт в Москве', но *Ул Мәскәүҙә институт бөтөргән бит* 'Он же окончил институт в Москве', *Ул Мәскәүҙә институт бөтөргән булһа карж* 'Он, кажется, окончил институт в Москве'. В первом предложении выражен реальный факт, без особого указания отношения говорящего к содержанию высказывания. Во втором же предложении представлен тоже реальный факт, однако подлинность, достоверность и несомненность его особо подчеркивается при помощи модальной частицы *бит* 'ведь'. В третьем предложении модальное значение реальности, выражено как предположение с помощью специального словосочетания *булһа карж* 'видимо', 'кажется'.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

В современном башкирском языке грамматическая категория времени, наряду с категориями наклонения и лица, является наиболее важным и существенным признаком глагола как части речи. Именно эти категории провозглашают почти всю систему глагола и противопоставляют его всем остальным частям речи.

В строгом смысле грамматическая категория времени свойственна лишь изъявительному наклонению. Ибо в системе глагола только оно выражает реальное действие, обязательно соотношенное с определенной точкой отсчета — с моментом речи.

Категория времени глагола выражает время совершения действия в его отношении к моменту высказывания о нем или к моменту речи. Кроме того, она выражает в определенных случаях также и отношение между моментом данного действия и моментом другого действия, т. е. соотношенность двух или более действий во времени в рамках единого предложения разными спрягаемыми формами.

Если время действия, выраженного глагольной формой, определяется по отношению к моменту речи, то употребление временных форм рассматривается как абсолютное. По отношению к моменту речи действие соотносится тройко: 1) предшествует моменту речи, 2) одновременно с моментом речи, 3) может произойти после момента речи. Соответственно различаются: 1) прошедшее время, 2) настоящее время, 3) будущее время. Каждое из них представлено специальными спрягаемыми грамматическими формами, в совокупности составляющими изъявительное наклонение.

Категория времени тесно связана с категорией модальности. Так, например, прошедшее время на *-ды* и прошедшее время на *-ған* различаются только по модальности: прошедшее на *-ды* выражает действие достоверное, очевидцем которого был говорящий, тогда как прошедшее на *-ған* выражает действие неопределенное, очевидцем которого говорящий не был.

Будущее на *-саж* выражает уверенность говорящего в том, что действие в будущем осуществится обязательно. Будущее на *-ыр*, напротив, передает действие, осуществление которого в будущем является для говорящего проблематичным, предположительным.

Таким образом, все формы прошедшего и будущего времени по модальности подразделяются на 1) временные формы, выражающие модальное значение определенности, или категоричности, 2) временные формы, выражающие модальное значение неопределенности, некатегоричности. Эти основные различительные модальные значения временных форм, в свою очередь, осложняются дополнительными оттенками модальности, особенно в сфере прошедшего времени, представленного целым рядом форм.

Прошедшее время

Формы прошедшего времени отличаются от других форм времени своей многочисленностью и весьма своеобразным соотношением между собой по значению, структуре и употреблению. По семантическому содержанию они подразделяются на определенные и неопределенные. По соотношенности времени совершения действия с моментом речи или с временем совершения другого действия формы прошедшего времени делятся на абсолютные и относи-

төштө, мал жазерен белер егет булып уште (Ф. Исәнғолов) 'Муллайи постепенно стал прислушиваться к наставлениям отца и вырос человеком, который хорошо знал цену богатства'.

Прошедшее неопределенное время (форма на -ған)

Прошедшее неопределенное время образуется путем присоединения к глагольной основе афф. -ған (и его фонетических вариантов). Аффиксы лица следуют за показателем времени.

Ед. число

1 л. алғанмын 'я, оказывается, взял'	килгәнмен 'я, оказывается, пришел'
2 л. алғанһың 'ты, оказывается, взял'	килгәнһең 'ты, оказывается, пришел'
3 л. алған 'он, оказывается, взял'	килгән 'он, оказывается, пришел'

Мн. число

1 л. алғанбыз 'мы, оказывается, взяли'	килгәнбез 'мы, оказывается, пришли'
2 л. алғанһығыз 'вы, оказывается, взяли'	килгәнһегеҙ 'вы, оказывается, пришли'
3 л. алғандар 'они, оказывается, взяли'	килгәндәр 'они, оказывается, пришли'

Грамматическая природа данной формы прошедшего времени в современном башкирском языке двойка.

1. Применительно ко 2-му и 3-му лицу она употребляется для выражения действий, участником и очевидцем которых говорящий не был. По своему значению прошедшее неопределенное время как форма выражения неочевидного действия противопоставляется прошедшему определенному времени на -ды/-де, как форме, выражающей очевидные действия: *Заһитте күрә алманым, өйҙә юк, әллә кайза киткән* (Ф. Исәнғолов) 'С Загитом я не смог увидеться, не было дома, куда-то уехал'.

2. В зависимости от контекста в 1-м лице эта временная форма обозначает результативность, умозаключение говорящего *post factum*.

При помощи этой формы говорящий сообщает о событии, которое произошло в прошлом, однако, полной уверенности в том, что это событие действительно состоялось, у него нет, ибо действие совершалось не на глазах говорящего. Он знает об этом из других, косвенных источников, в достоверности которых не уверен, например: *Икенсе көндө полкты, бәләкәй генә ауылға күсереп, ялға куйғандар* (Ф. Исәнғолов) 'На другой день полк перевели в маленькую деревушку и дали отдых'; *Байғужа көндөз үк бында килгән, һуңынан уны тылға озатқандар* (Д. Юлтый) 'Байгужа пришел сюда еще днем, потом его отправили в тыл'; *Без һөйләшкән арала, йорт хужаһының ҡызы Нюра тауыш-тынһыз ғына сығып киткән* (Г. Хәйри) 'Пока мы говорили, хозяйская дочь Нюра бесшумно ушла из дома'.

Прошедшее неопределенное время очень часто встречается в значении перфекта: говорящий может удостовериться в подлинности фактов и явлений только по их результатам в настоящее время. Ср. *Бөтә ер һары, тау башындағы аңғыз кайыңдың да япрактары койолған* (Г. Хәйри) 'Все кругом пожелтело, и у одинокой березы на горе онали листья'; *Милең бөгөнгө көндө йәшәп ятқан күп һаллы тугандарым, уларҙың балалары, ейәндәре ошо быуындан таралған* (Б. Бикбай) 'Все мои дожившие до сегодняшнего дня родственники, их дети и внуки вышли из этого рода'; *Ни тиклем кайғы-хәсрәт, ауырлыҡтар кисерһә лә, ул артыҡ бирешмәгән* (Д. Юлтый) 'Несмотря на то, что он перенес столько невзгод, он выглядел не так уж плохо'.

Перфектное значение особенно рельефно проявляется в 1-м лице этой формы. Говорящий употребляет форму неопределенного прошедшего времени тогда, когда он свои прошлые действия может охарактеризовать только по их результату в порядке умозаключения, а не как очевидец: *Была эи*

менэн без оятка жалганбыз (Т. Йөнөби) 'Это поставило нас в неловкое положение'; *Гэфу ит, иптэи командир, мин яңылышканмын* (И. Насыри) 'Извини, товарищ командир, я опшибся'.

Формой прошедшего неопределенного времени выражается некатегорическое утверждение о том, состоялся или не состоялся тот или иной факт. Поэтому данная форма может сочетаться с модальными словами и частицами, выражающими сомнение, что несовместимо с формой на *-ды*: *Бейеуга килгәндә, моғайын, уларҙан да уҙырыусылар булмағандыр* (Б. Бикбай) 'Если взять танцы, пожалуй, лучше их никто не плясал'; *Бәлкәм, ул үзе лә тырышлығының яҡшы һөҙөмтәһен күрөп шатланғандыр, ауыр тормошон тойоп торғандыр* (Б. Бикбай) 'Возможно, он радовался, увидев результаты своего старательного труда, и забыл на время о своей трудной жизни'.

Прошедшее неопределенное время в соответствии со своим значением широко употребляется во всех жанрах речи как маркированный член последовательного противопоставления очевидности и неочевидности. Оно, как и другие формы прошедшего времени, выражающие неочевидное действие, является основной формой, закрепленной за повествовательной речью. Вместе с тем эта временная форма особенно активно употребляется в сказочном жанре. В сказках обычно рассказывается о событиях давно минувших времен, очевидцем которых говорящий не мог быть. Для передачи именно таких давнопрошедших действий как раз и используются преимущественно неопределенные формы прошедшего времени, среди которых форма на *-ған/-гән* занимает по употребительности самое большое место. Примеры: *Борон-борон заманда күрше булып ике хан йәшәгән* (фольк.) 'В давние времена по соседству жили два хана'; *Элекке заманда һоптай тигән ауылда бер карт менән бер карсыҡ ярлы ғына кон иткән* (фольк.) 'В прежние времена в ауле Сунтай жили и бедствовали старик со старухой'; *Шулай итсә, көмһөз сауҙагәр бөтөнләй аҡсаһыз тороп жалған, ә крәстиән ете йөз һум аҡсаны кешәһенә һалып, бик көнәғәт булып кайтып киткән, ти* (фольк.) 'Таким образом, жадный купец совсем остался без денег, крестьянин, положив в свой карман семьсот рублей денег, очень довольный пошел домой'.

Прошедшее незаконченное время (форма на *-а ине-*)

Прошедшее незаконченное время образуется сочетанием формы деепричастия на *-а/-ә, -й* и спрягаемого вспомогательного глагола *ине-*.

Ед. число

Мн. число

1 л. *ала инем* 'я брал (тогда)
2 л. *ала инең* 'ты брал (тогда)
3 л. *ала ине* 'он брал (тогда)

ала инек 'мы брали (тогда)
ала инегез 'вы брали (тогда)
ала инеләр 'они брали (тогда)

Данная форма обозначает незаконченное действие в прошлом, которое соотносено с другим действием, представленным, как правило, в предыдущем контексте или в рамках одного и того же предложения в других формах времени. Примеры: *Без урамға сыжканда, Хәйрулла бабай, һис ашыҡмай ғына, өйҙәрәнә кайтып килә ине* (С. Агиш) 'Когда мы выходили на улицу, Хайрулла бабай, не торопясь, шел домой'; *Ғалиәхмәт ағайҙар ул сакта ауыл уртаһындарак, оло урамға сыға торған тыкрыҡ мойошондә торалар ине* (Б. Бикбай) 'В то время Галиахмет агай со своей семьей жил тогда на середине деревни, у переулка, который выходил на большую улицу'; *Ул партияның район комитетенә килеп ингәндә, Хашимов менән Дауытов һөйләшеп ултыралар ине* (Б. Бикбай) 'Когда он пришел в райком партии, там беседовали Хашимов и Даутов'.

Предпрошедшее определенное время (форма на *-таймы*)

Предпрошедшее определенное время образуется при помощи афф. *-таймы/-гәйне*, который присоединяется к глагольной основе.

1 л. <i>алгайнм</i> 'я уже (раньше) взял'	<i>алгайнык</i> 'мы уже (раньше) взяли'
2 л. <i>алгайның</i> 'ты уже (раньше) взял'	<i>алгайнығыз</i> 'вы уже (раньше) взяли'
3 л. <i>алгайны</i> 'он уже (раньше) взял'	<i>алгайнылар</i> 'они уже (раньше) взяли'

Данная форма относительного времени означает очевидное действие в прошлом, которое произошло раньше другого действия. Это другое действие может быть выражено по-разному: либо оно передается другими формами прошедшего времени, либо при помощи контекста, а также придаточными предложениями времени: *Сагит сыкканда, йылкысы, корогон эргенен куйып, тэрэн йокога киткэйне* (А. Таһиров) 'Когда Сагит вышел во двор, коневод уже спал, положив рядом с собой свой аркан'; *Айбулат бөгөн дә, Рэхимә менән һүз корәштеревезең кәрәкһез икәнән уйлап, өйзән сығып китергә уйлагайны* (Н. Дәүләтшина) 'Айбулат, хорошо знавший бесполезность спора с Рахимой, решил выйти из дома'; *Айсууак килеп еткәндә, больница тирәһендә йән әсәре калмағайны* (Т. Килмохәмәтов) 'Когда Айсувак приехал в больницу, там уже не было ни одной живой души'; *Заһит ревкомдан сыкканда, буран көндөзгөгә караганда ла көсәйгәйне* (Я. Хамматов) 'Когда Загит вышел из ревкома, уже шел сильный буран'.

Предпрошедшее неопределенное время (форма на *-ған булған-*)

Предпрошедшее неопределенное время представлена аналитической спрягаемой формой на *-ған/-гән булған-*:

1 л. <i>алған булғанмын</i> 'я уже (оказывается) взял'	<i>алған булғанбыз</i> 'мы уже (оказывается) взяли'
2 л. <i>алған булғанһың</i> 'ты уже (оказывается) взял'	<i>алған булғанһығыз</i> 'вы уже (оказывается) взяли'
3 л. <i>алған булған</i> 'он уже (оказывается) взял'	<i>алған булғандар</i> 'они уже (оказывается) взяли'

Предпрошедшее неопределенное время выражает неочевидное однократное действие в прошлом, которое произошло раньше другого действия. Говорящий не знает, произошло событие в прошлом или оно не произошло, ему становится известно об этом только из косвенных источников информации. Эта форма времени, как относительное время, очень часто употребляется в сложноподчиненном предложении. Предпрошедшее неопределенное выполняет функцию сказуемого в главном предложении. Примеры: *Емештәр ойгә кайтып илгәндә, әңер төшөп, киске аш вақыты еткән булған* (З. Бишшева) 'Когда Емеш и ее подруги пришли домой, уже наступил вечер, пора было ужинать'; *Фәтхи һалдат Зөлхизәнәң ботә йырын да белгән булған* (С. Агип) 'Солдат Фатхи знал все песни Зульхизы'.

Для выражения действия, которое систематически повторялось в прошлом, в современном башкирском языке употребляется аналитическая форма на *-ған була*. Здесь вспомогательный глагол *бул-* в отличие от временной формы на *-ған булған* употребляется в форме настоящего времени: *алған була*. Сравните: *Атайым кайтыуға төшкө аш бешкән булған* 'Когда отец пришел домой, обед был уже готов' (действие однократное) и *Атайым кайтыуға төшкө аш бешкән була* 'К приходу отца обед всегда бывает готовым' (действие многократное).

Формы давнопрошедшего определенного времени

Давнопрошедшее определенное время представлено тремя аналитическими формами, из которых самой употребительной является спрягаемая сложная форма на *-а/-ә, -й торғайны-*.

- 1 л. *ала торғайным* 'я брал в то время (давно)'
 2 л. *ала торғайның* 'ты брал в то время (давно)'
 3 л. *ала торғайны* 'он брал в то время (давно)'
 1 л. *килә торғайным* 'я приходил тогда (давно)'
 2 л. *килә торғайның* 'ты приходил тогда (давно)'
 3 л. *килә торғайны* 'он приходил тогда (давно)'

Мн. число

- 1 л. *ала торғайлыҡ* 'мы брали в то время (давно)'
 2 л. *ала торғайлығыҙ* 'вы брали в то время (давно)'
 3 л. *ала торғайнылар* 'они брали в то время (давно)'
 1 л. *килә торғайныҡ* 'мы приходили тогда (давно)'
 2 л. *килә торғайлығыҙ* 'вы приходили тогда (давно)'
 3 л. *килә торғайнылар* 'они приходили тогда (давно)'

Основное грамматическое значение этой формы давнопрошедшего определенного времени заключается в том, что она выражает в виде воспоминания действия, систематически повторявшиеся в прошлом. В отличие от прошедшего неопределенного времени эта форма обозначает действие, которое произошло в сравнительно далеком прошлом, но на глазах говорящего: *Яланда, . . . арбаға салған тошон ятып, һауала аҡкан болоттарҙы сәғәт-тәр буйына күзәтә торғайным* (Б. Бикбай) 'Бывало, в поле, лежа на спине, я часами наблюдал за облаками'; *Халыҡ ул сапта иртәнән җара кискә, кәрәк икән тәнән дә алһыз-ялһыз эшләй торғайны* (Ә. Вахитов) 'В то время народ неустанно работал с раннего утра до поздней ночи, если надо и ночью трудился'; *Заманында җар күзе асылыр-асылмастан туп һуғырға ялан аяҡ сығып югерә торғайныҡ* (Р. Нигмәти) 'В свое время мы с зари (букв.: когда снег еще не успел раскрыть свои глаза), босиком выходили играть в мяч'; *Күрше сабынсылар за кәбәндәрен күтәргәс, ослуу эшендә ярҙамға мине саҗыра торғайнылар* (Б. Бикбай) 'Соседи, работающие на сенокосе, приглашали меня, чтобы помочь им складывать стог'.

Вторая форма давнопрошедшего определенного времени образуется из причастия будущего времени на *-ыр/-ер, -ор/-өр, -р* и вспомогательного глагола *ине*: *алыр ине* 'он, бывало, брал', *килер ине* 'он, бывало, приходил'.

Данная форма давнопрошедшего определенного времени указывает на очень давние события, поэтому может употребляться только в 3-м лице, так как действия, выраженные формами времени в 1-м и 2-м лице, являются относительно близкими к моменту речи. Когда рассказчик (очевидец) рассказывает о чьей-либо жизни, о главных чертах характера человека, о его делах, с подчеркнутым уважением вспоминает о нем, то пользуется данной формой давнопрошедшего определенного времени, которая особенно активно употребляется в современной повествовательной прозе, а также в произведениях устного народного творчества: *Олатайым, етмеш йәштә булыуына карамастан, таң һарыһы менән торор ине, кистән калған мурзаларын җарарға китер ине* (Б. Бикбай) 'Мой девушка, несмотря на свои семьдесят лет вставал очень рано и уходил осматривать свои снасти'; *Ул, ашылҗар бешкәс, баһуҙан җайтып килмәс ине* (Ш. Янбаев) 'Он, во время уборки урожая, вообще домой не приходил'; *Кешеләр менән тауышын күтәрмәй генә һөйләшер ине, уларҙың йомошон йомошларға тырышыр ине* (Н. Мусив) 'Он с людьми разговаривал очень спокойно, вежливо, старался выполнить их просьбы'.

Давнопрошедшее определенное время, помимо описанных двух форм, выражается следующими аналитическими формами: 1) формой на *-а/-ә, -й торған булды*: *ала торған булды* 'он, бывало, брал'; *килә торған булды* 'он, бывало, приходил', 2) формой на *-(ы)р булды*: *алыр булды* 'он, бывало, постоянно брал', 3) формой на *-а/-ә, -й торған булған*: *ала торған булған* 'он, оказывается, постоянно брал', 4) формой на *-(ы)р* (с названными вариантами) *булған*: *алыр булған* 'он, оказывается, постоянно брал'.

В отличие от формы на *-ыр/-ер ине*, все эти формы имеют полную парадигму спряжения:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>ала торған булдым</i> 'я, бывало, брал'	<i>ала торған булдык</i> 'мы, бывало, брали'
2 л. <i>ала торған булдың</i> 'ты, бывало, брал'	<i>ала торған булдығыз</i> 'вы, бывало, брали'
3 л. <i>ала торған булды</i> 'он, бывало, брал'	<i>ала торған булдылар</i> 'они, бывало, брали'

Данная форма прошедшего определенного времени обозначает действия, систематически повторявшиеся в сравнительно далеком прошлом. В отличие от форм типа *алыр ине* эта форма не передает подчеркнутого, особо уважительного отношения к тому лицу, о котором идет речь в предложении. Значение повторяемости действия в прошлом предстает в данном случае как типичное явление: *Ғуңғы вақытта Закир ағайың эсәһе безгә килеп кайғы-хәсрәттәрҙе уртаклашып китә торған булды* (М. Гафури) 'В последнее время мать Закир ағая часто (обычно) приходила к нам и выражала сочувствие нашему горю'; *Ул Хаматтың үзен күреу генә түгел, тауышы ишетһә лә қаушап кала торған булды* (З. Бишшева) 'Она обычно терялась не только когда видела Хаммата, но и когда слышала его голос'.

Параллельно с формой на *-а/-ә, -й торған булды* для передачи давнопрошедших очевидных действий употребляется также форма на *-ыр/-ер булды*, которая функционально абсолютно тождественна первой. Обе формы имеют совершенно идентичное значение. Они одинаково образуют отрицательную форму: *ала торған булды — алмас булды, алыр булды, — алмас булды*. Примеры: *Атайым Рауилде, өйрәнһен, күнһен тип, кырза йөрөгәндә лә үзе менән алып сығыр булды* (К. Кийәбулатова) 'Отец мой обычно брал с собой в поле и Равиля, чтобы тот учился у него и приучался к делу'; *Шул замандан бирле Носрай җарт ошо кәсебенән айырылмас булды* (Н. Мусин) 'С этого времени старик не расставался со своей профессией'.

Давнопрошедшее неопределенное время

Давнопрошедшее неопределенное время представлено двумя аналитическими формами: 1) формой на *-(ы)р* (с фонетическими вариантами) *булған*: *алыр булған, барыр булған*; 2) формой на *-а/-ә, -й торған булған*: *ала торған булған* 'брал', *бара торған булған* 'ходил'.

Основным грамматическим значением обеих форм давнопрошедшего неопределенного времени является обозначение действия, которое неоднократно происходило в очень давние времена и свидетелем которого говорящий не был: *Салауат батыр, үзенең ғәскәрҙәрен һуғышка саҡырған сәктя, ошо борғоно кысқырта торған булған* (З. Бишшева) 'Салават батыр, когда звал свое войско на войну, играл на этом горне'; *Элегерәк ялан яҡ жазактары мал-тыуарзаны менән Урал буйзарына йәйләүгә килер булғандар* (Ф. Аллаяров) 'В очень давние времена степные казахи со своим скотом обычно выезжали на Урал на летовку'.

По характеру временные формы подразделяются на абсолютные и относительные (релятивные).

В современном башкирском языке в определенном контексте и в определенных синтаксических конструкциях все абсолютные времена могут иметь относительное значение, но не все временные формы могут употребляться в абсолютном плане. Некоторые формы времени употребляются только как относительные, в частности: 1) прошедшее незаконченное на *-а ине-*, 2) предпрошедшее определенное на *-ғайны*, 3) предпрошедшее неопределенное на *-ған булған-*.

Настоящее время

Форма настоящего времени в башкирском языке образуется при помощи присоединения к лексической основе глагола афф. -й (после основы на гласный), -а/-э (после основы на согласный) и последующих аффиксов лица.

Положительная форма

С гласным в конце основы

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>уҡыйым</i> (-мын) 'читаю' <i>эшләйем</i> (-мен) 'работаю'	<i>уҡыйбыз</i> 'читаем' <i>эшләйбез</i> 'работаем'
2 л. <i>уҡыйһың</i> 'читаешь' <i>эшләйһең</i> 'работаешь'	<i>уҡыйһығыҙ</i> 'читаете' <i>эшләйһегеҙ</i> 'работаете'
3 л. <i>уҡый</i> 'читает' <i>эшләй</i> 'работает'	<i>уҡыйҙар</i> 'читают' <i>эшләйҙәр</i> 'работают'

С согласными в конце основы

1 л. <i>алам</i> (-мын) 'беру' <i>киләм</i> (-мен) 'иду'	<i>алабыз</i> 'берем' <i>киләбез</i> 'идем'
2 л. <i>алаһың</i> 'берешь' <i>киләһең</i> 'идешь'	<i>алаһығыҙ</i> 'берете' <i>киләһегеҙ</i> 'идете'
3 л. <i>ала</i> 'берет' <i>килә</i> 'идет'	<i>алалар</i> 'берут' <i>киләләр</i> 'идут'

Отрицательная форма

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>уҡмайым</i> 'не читаю' <i>эшләмәйем</i> 'не работаю' <i>алмайым</i> 'не беру' <i>килмәйем</i> 'не иду'	<i>уҡмайбыз</i> 'не читаем' <i>эшләмәйбез</i> 'не работаем' <i>алмайбыз</i> 'не берем' <i>килмәйбез</i> 'не идем'
2 л. <i>уҡмайһың</i> 'не читаешь' <i>эшләмәйһең</i> 'не работаешь' <i>алмайһың</i> 'не берешь' <i>килмәйһең</i> 'не идешь'	<i>уҡмайһығыҙ</i> 'не читаете' <i>эшләмәйһегеҙ</i> 'не работаете' <i>алмайһығыҙ</i> 'не берете' <i>килмәйһегеҙ</i> 'не идете'
3 л. <i>уҡмай</i> 'не читает' <i>эшләмәй</i> 'не работает' <i>алмай</i> 'не берет' <i>килмәй</i> 'не идет'	<i>уҡмайҙар</i> 'не читают' <i>эшләмәйҙәр</i> 'не работают' <i>алмайҙар</i> 'не берут' <i>килмәйҙәр</i> 'не идут'

Наиболее употребительной формой в 1-м лице является вариант типа *уҡыйым*, *язам*, вариант же типа *уҡыймын*, *язамын* в современном башкирском языке употребляется реже, и преимущественно в поэтических произведениях: *Кайза барма, һилең күгеңдәге Йондоззарзы күрәм, табамын. Мин ғүмергә ҡапҡа асыусы малай һәм шул малай булып ҡаламын* (Н. Пәжми) 'Где бы я ни был, всюду вижу Те звезды, что и пад тобою'; *Китәм, һылыу, китәмен, Үз илемә етәмен, Аты юкка ат булып, Батырға ҡоршап булып, Шүлдә ғүмер итәмен* (Фольк.) 'Уезжаю, сестра, уезжаю, На свою родину уезжаю, Стану товарищем батыру, Сотрапезником тому, у кого нет коня, Буду жить на родине'.

Настоящее время в современном башкирском языке имеет широкий круг значений.

1. Форма настоящего времени обозначает действие, совпадающее с моментом высказывания¹⁹. В зависимости от лексического значения глаголь-

¹⁹ Это значение в лингвистической литературе часто квалифицируется как «актуальное настоящее». В башкирском языке данное значение передается полуграмматикализированной апалитической конструкцией, образованной сочетанием деспричастной формы и одного из вспомогательных глаголов — *улыр-*, *йөрө-*, *тор-*, *ят-*, *кил-*, *бар-*,

ной основы продолжительность действия может быть предельно краткой или неопределенно длительной. Иначе говоря, настоящее время может включить часть будущего и прошедшего времени, т. е. момент высказывания может совпадать с протеканием действия только в одной точке: *Ауылымдың тугайзары аша Алыстарзан жайтып киләмен. Шишмәләрзән ятып һыузар эсәм һәм әйелеп өзәм еләген* (М. Кәрим) 'Возвращаюсь в родной аул издалека, По долинам родным иду, Пью воду из родников И землянику, нагнувшись, рву'; *Был йәһәттән колхоз агрономы Д. Басыров зур осталык һәм таһылык күрһәтә* (СБ) 'В этом деле большой сноровкой и умением отличается колхозный агроном'.

Значение актуального или конкретного настоящего времени может выражаться лексически. В этом случае конкретность действия подтверждается наличием в предложении слов со значением настоящего времени типа *хәзер, бөгөн, әле*: *Бөгөн безең бәтә уйбыз партияның буласак съезына барып бәйләпә* («Ағизел») 'Все наши мысли сегодня связаны с предстоящим съездом партии'; *Әле калабызга капитал төзөлөштөң киң программаһы ғәмәлгә ашырыла* (СБ) 'Сейчас в нашем городе осуществляется широкая программа капитального строительства'; *Хәзер илдең экономик үсешенең һан күрһәткестәре менән бер рәттән беренсе планға уның сифат күрһәткестәре лә жуйыла* («Ленинсе») 'В экономическом развитии страны наряду с количественными показателями теперь на первый план выдвигаются и качественные показатели'.

2. Формы настоящего времени выражают действия, которые происходят всегда и являются обычно постоянными и повторяющимися. Эти значения особенно отчетливо выделяются, когда настоящее время употребляется для выражения постоянной характеристики лица или предмета: *Алыс юлга әйәрләйзәр Аттарзың иң яхшыһын, зур йомошка ебәрәләр Ирзәрзәң иң яхшыһын* (М. Кәрим) 'На дальнюю дорогу Принято седлать доброго коня, Важное поручение принято давать Самому лучшему мужчине'; *Катындары йорт хужалығын карарға жалһалар, ирзәре аттарын егәләр зә төрлө ауылағ изән буйарға, бизрә төпләргә һәм батмус бизәкләргә таралалар* (Х. Филәжев) 'Жены остаются дома, чтобы заняться хозяйством, а мужья запрягают коней и разъезжаются по деревням, чтобы лудить ведра, красить пол и разрисовывать подносы'.

Значение постоянности, вневременности событий особенно наглядно прослеживается в пословицах и поговорках, а также в сходных умозаключениях, представленных в произведениях публицистического и научного жанров. *Берәү туйып кикерә, берәү туңып һикерә* (посл.) 'Один прыгает от сытости, другой прыгает от холода'; *Күлде камыш матурлай, ирзе намыс матурлай* (посл.) 'Озеро прекрасно камышом, мужчина честностью'.

В произведениях художественной литературы различных жанров, особенно в повествовательной прозе, форма настоящего времени активно используется в изобразительной функции для поэтического описания природы, явлений окружающей действительности: *Бына үзән буйлап экрән генә күк томан һарыла. Офокта назланып, иркәләп кенә ал таң кагына. Елбәзәк ел сәскәләргә һойә, иркәләй, тыуасаң таң юлына хушбуй бөркөп сыға. Һандугастар был якка ғына хас ярһуу дәрәт менән урманды назлы йырга күмә* (З. Бишшева) 'Вот долина тихо застилается синим туманом. На горизонте ласково пробуждается заря. Легкий ветерок нежно ласкает цветы. Соловьи с особым задором поют, заполняя лес нежной песней'.

Форма настоящего времени нередко используется в функции прошедшего времени. Такое стилистическое употребление представляет действия и события, имевшие место в прошлом, как бы происходящими в момент высказывания. «Настоящее историческое» придает повествованию живость и образность. Это употребление имеет место в повествовательном стиле изложе-

например: *уқып йөрәй* 'учится в данный момент', *уқып ултыра*, *уқып ята* 'учится в данное время', *китеп бара* 'идет в данный момент', *жайтып килә* 'возвращается в данный момент', *һойләп тора* 'рассказывает в данный момент'.

ния, в частности, в исторической прозе, в биографических описаниях, а также в языке сказок, фольклора, особенно, если план прошлого уже однозначно обозначен соответствующей формой прошедшего времени индикатива: *Халыҡ шаптығынан ни эшләргә лә белмәй, тик саузагарҙәр менән обывателдәр генә, күҙҙәрен-каштарың емереп, капкаларың бикләп йөрөйҙәр. Урамдар буйлап йәйәулеләр, тунсылар, атлылар йырлап үтәләр. Майҙандарға митингеләр ойошторола, кешеләр үҙҙәре теләп ҡызылдарға язылып китәләр* (СБ) 'Народ от радости не знает что и делать, только купцы и обыватели закрывают свои ворота, по улицам идут с песнями, на площадях организируются митинги, люди добровольно записываются в Красную Армию'.

Обычно при этом употреблении в начале отрывка приводится одно или два предложения, где глагол имеет форму прошедшего времени, чтобы показать, что действие происходит в прошлом. Далее изложение ведется в формах настоящего времени.

В сказках для описания событий тоже очень часто употребляется форма настоящего времени: *Шунан һуң егет юлға сығып китә. Эй, бара был, эй бара, эт тә унан бер тотам калмай. Бара торғас, быллар эҙәм аяҡ баҫмаған, коштар ғына осоп килә торған бер ҡараңғы урманға килеп етәләр. Ул арала булмай, тон етә, койоп ямғыр яуа башлай* 'После этого события джигит отправляется в путь. Идет он долго, очень долго. И собака ни на шаг не отстает от него. Потом, пройдя длинный путь, они подходят к лесу, где не ступала нога человека, сюда прилетали лишь птицы. Неожиданно наступает ночь, начинается сильный дождь'.

Форма настоящего времени может быть употреблена в значении будущего времени. Особенно часто употребляются в значении будущего времени глаголы движения. Они обозначают действия, которые с точки зрения говорящего могут быть осуществлены в ближайшем будущем: *Мин Мәскәүгә осам* 'Я лечу в Москву'; *Мин ауылға китәм* 'Я еду в деревню'. В таких предложениях обычно план будущего времени создают обстоятельства времени типа: *иртән* 'утром', *иртәгә* 'завтра', *иртәнсәк* 'завтра утром', *кисен* 'вечером', *тиҙҙән* 'скоро', *тәшитән һуң* 'после обеда', *һуңынан, аҙаҡ* 'после', *иртәнән һуң* 'послезавтра' и т. д.

Значение будущего времени форма настоящего времени выражает в главном предложении сложноподчиненного предложения, если придаточное предложение структурно организовано с помощью форм времени на *-ғас*. Например, значение будущего времени выражается при условии, если в роли сказуемого придаточного времени выступает деепричастие на *-ғас/-ғәс, -ғас/-кәс*: *Яз еткәс тә, яңы көстәр туплап, Уралға мин сығып китәм* (Б. Бикбай) 'С наступлением весны, собрав новое войско, уеду на Урал'.

Будущее время

В современном башкирском языке для выражения значения будущего времени используются две грамматические формы глагола изъявительного наклонения: будущее неопределенное и будущее определенное.

Будущее неопределенное время

Будущее неопределенное время образуется при помощи афф. *-ыр* (и его фонетических вариантов *-ер, -ор, -өр* — после согласных основ и *-р* — после гласных основ):

Ед. число

- 1 л. *уҡырмын* 'буду читать'
- 2 л. *уҡырһың* 'будешь читать'
- 3 л. *уҡыр* 'будет читать'

Мн. число

- уҡырбыз* 'будем читать'
- уҡырһығыҙ* 'будете читать'
- уҡыр(за)р* 'будут читать'

Данный тип спряжения имеет преимущественное употребление в письменном литературном языке. В общенародном разговорном языке в ед. числе повсеместно употребляется усеченная форма, ср. 1 л. *уҡырмын* > *уҡырым*, 2 л. *уҡырһың* > *уҡырың*.

Отрицательные формы в 1-м лице также имеют ряд специфических особенностей спряжения в литературном и разговорном языке:

Литер. язык	Разгов. язык
Ед. ч.: 1 л. <i>бармам 3</i>	<i>бармасмын, бармасым</i> 'не пойду'
Мн. ч.: 1 л. <i>бармабы</i>	<i>бармасбыз, бармасыбыз</i> 'не пойдём'

Грамматическим значением будущего неопределенного времени является обозначение неуверенного предположения говорящего о будущем действии. Действительно, в семантике будущего неопределенного времени преобладают модальные значения неопределенности, предположительности действий, а значение времени отодвигается на второй план, ибо сама форма будущего времени не указывает на конкретный момент будущего. Это и естественно, формы будущего времени в отличие от форм прошедшего и настоящего времени, обозначают события, которые еще не произошли и не происходят, поэтому в формах будущего времени темпоральное значение ослабевает, на первый план выступает модальное значение предположения.

В контексте это общее парадигматическое значение будущего неопределенного времени часто может быть нейтрализовано и тогда оно воспринимается читателем и слушателем как выражение уверенного предположения будущего действия. Не случайно, будущее неопределенное время весьма часто употребляется в различных жанрах литературного языка. Частотность употребления будущего неопределенного времени по сравнению с будущим определенным временем намного выше и в общенародном разговорном языке.

Неуверенность говорящего в совершении действия особенно отчетливо выражается в тех предложениях, где формы будущего неопределенного времени сочетаются с модальными словами, выражающими предположение, сомнение: *Исэн булһаж, бәлкем, оһраһырбыз* (Ж. Кисекбаев) 'Если будем живы, мы, возможно, встретимся'; *Мин, һөйһөндөктө күрһәм, жауһап калырмын төһө* (Б. Бикбай) 'Если увижу Суюндука, то, мне кажется, я разволнуюсь'; *Карт көнөмдә эҙәм көлкөһөнә калырмын һымак* (К. Даяп) 'Мне кажется, что на старости лет я стану посмешищем'. Особый интонационный строй речи и контекст придают высказыванию оттенок уверенного предположения говорящего лица: *Аһсыуағым минең йөрөгөмдә тамыр йәйгән, уны һис кем, һис ваҡытта йөлкөп ала алһас* (К. Даяп) 'Айсуак — в моем сердце, никто никогда не сможет вырвать его из моего сердца'; *Былай бик шашына башлаһалар, күрһәтермен әле мин уларға* (Б. Бикбай) 'Если они так будут беситься, тогда я им покажу'; *Караңғынан яктыға сыкһанбыз икән, түбәнгә таш яһна ла кирегә боролоу булһас* (З. Биһшева) 'Раз мы из темноты вышли на свет, пусть камень упадет с неба, к старому не возвратимся'.

Будущее определенное время

Будущее определенное время образуется путем присоединения к основе глагола афф. *-асаж/-эсж* (после согласных), *-ясаж/-йэсж* (после гласных): *аласаж* 'он обязательно возьмет', *килэсж* 'он обязательно придет', *уқыясаж* 'он обязательно прочитает', *йәшйэсж* 'он обязательно будет жить'. Отрицательные формы образуются при помощи афф. *-ма/-мә*: *аласаж — алһаясаж, килэсж — килһәйэсж*. Параллельно с чисто глагольной формой отрицания одинаково активно употребляется и именная аналитическая форма отрицания, которая образуется путем сочетания формы будущего времени и спрягаемого модального слова түгел: *Мин аласаж түгелмен* 'Я не возьму (ни за что)'.

Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>аласажмын</i> 'возьму (обязательно)'	<i>аласажбыз</i> 'возьмем (обязательно)'

- 2 л. *аласакһың* 'возьмешь (обязательно-но)'   *аласакһығыз* 'возьмете (обязательно)'
 3 л. *аласак* 'возьмет (обязательно)'   *аласактар* 'возьмут (обязательно)'

Отрицательная форма

Ед. число

Мн. число

- 1 л. *алмаясаҡмын, аласак түгелмен* 'ни в коем случае) не возьму'   *алмаясаҡбыз, аласак түгелбезд* '(ни в коем случае) не возьмем'
 2 л. *алмаясаҡһың, аласак түгелһең* 'ни в коем случае) не возьмешь'   *алмаясаҡһығыз, аласак түгелһегезд* '(ни в коем случае) не возьмете'
 3 л. *алмаясаҡ, аласак түгел* '(ни в коем случае) не возьмет'   *алмаясаҡтар, аласак түгелдәр* '(ни в коем случае) не возьмут'

Основное грамматическое значение будущего определенного времени заключается в выражении действия, в совершении которого говорящий твердо убежден: *Культура йорто Бөйөк Октябрь байрамына эзәр буласак* (Д. Исламов) 'Дом культуры будет построен к празднику Великого Октября'; *Бөйөк Ватан һуғышының ауыр йылдарында миллиондарса колхозсыларҙың тиңдәшһез батырлығы халыҡ хәтерендә мәңге һаҡланасак* (СБ) 'Беспримерный героизм миллионов колхозников во время Великой Отечественной войны вечно будет жить в памяти народа'.

Сфера употребления будущего определенного времени ограничена только письменным языком. В произведениях устного народного творчества, да и вообще в устной речи, эта форма будущего времени почти не встречается.

Таким образом, изъявительное наклонение глагола в современном башкирском языке имсет две формы будущего времени, которые различаются между собой не временным значением, а по выражению модальных значений.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Повелительное наклонение представлено супплетивными формами 2-го и 3-го лица, объединяющимися выражением побуждения к действию, относящемуся к будущему времени. Эти формы являются обычно конституирующими элементами побудительного предложения, противопоставленного повествовательному и вопросительному предложениям по структуре, интонации и коммуникативному назначению.

Повелительное наклонение в наиболее характерном его значении представляют формы 2-го лица ед. и мн. числа, обозначающие одновременно и категорию наклонения, и категорию лица и числа. Форма ед. числа 2-го лица являет собой лексическую основу глагола, именуемую нулевой или словарной формой глагола, обязательно сопровождаемую императивной интонацией. Форма же мн. числа образуется от лексической основы глагола с помощью афф. *-ғыз/-гезд, -ғоз/-гөзд*. Характер повеления чаще всего уточняется интонацией. *Ашарға килтерегез! Билмән!* — тип *бойорҙо* (Б. Бикбай) 'Принесите кушать! Пельмени! — приказал он'; *Ас баз ҡапҡасын, — тине Сафа ҡарт ҡарсығына аҫрын тауыш менән* (Ф. Әмири) 'Открой створку погреба!', — сказал старик Сафа своей старухе тихим голосом'; *Әсәйем дә сызаманы, аркамдан һөйөп, йомшаҡ ҡына тауыш менән:* — тырыш, балам, безҙе оңтма, — тип күҙен һөртөп ҡуйҙы (М. Фафури) 'Мама моя тоже не выдержала, погладив меня по спине, нежным голосом сказала: — Старайся, дитя мое, не забывай нас, — и вытерла глаза'. В первом примере выражено строгое приказание, во втором — вежливое повеление, в третьем — совет, что угадывается, однако, помимо интонации, по контексту.

В уточнении характера повеления-побуждения большую роль играет контекст. Причем существуют устоявшиеся приемы контекстуального выражения характера побуждения. Так, наличие личного местоимения, обращения, особенно оформленного аффиксом принадлежности, ласкательно-уменьшительными аффиксами и т. п., заметно смягчает даже безапелляцион-

ный приказ или требование: *Бир хин уны* (Б. Бикбай) 'Дай ты это'; *Ярар шаярма, агай, Бир хатты!* (Б. Бикбай) 'Ладно, не пути, дядя, отдай письмо'; *Йокла, балажайым, йокла* (Ф. Әмири) 'Спи, дитя мое, спи'. Побуждение, сопровождаемое доводами, приобретает обычно значение совета или уговаривания: *Балам, китмэ, китергэ ярамай* (М. Фафури) 'Дитя мое, не уходи, нельзя уходить'; *Хэмизэ еңгэ, хин сабыр ит, Ғалимгэ бер һүз эйтмэ, ул гонаһһыз* (М. Фафури) 'Тетья Хамида, прояви терпение, не говори Галиме ничего, она невинна'.

Глаголы, выражающие действие, исполнителем которого не может быть субъект-подлежащее, в частности глаголы чувственного восприятия и т. п., не совместимы с собственно императивом, при них формы повелительного наклонения, как правило, выражают совет в виде пожелания: *һау буһа, кайтыр эл. Кайғырма* (С. Мифтахов) 'Если он жив-здоров, вернется. Не горюй'; *Ултыр, жырым, тартынма* (И. Абдуллин) 'Садись, доченька, не стесняйся'.

В предложении, содержащем умозаключение в отношении обобщенного лица, повелительное наклонение приобретает назидательный смысл: *Юрғаныңа қарап аяғыңды һоп* (посл.) 'Протягивай ноги по размеру одеяла'; *Кеше ышанмаһ һүзге ысын буһа ла һөйләмэ* (посл.) 'То, чему нельзя верить, не говори, если даже это правда'; *Тиләнән һорама, үзе эйтер* (посл.) 'Дурака не спрашивай, сам скажет'; *Аузың кыйыж буһа, козгоғә үпкәләмэ* (посл.) 'Если рот крив, не пеняй на зеркало'.

Часто характер побуждения улавливается по общему контексту, отражающему речевую ситуацию: *Таралығыз хәзер үк урындырығызға!* (М. Фафури) 'Расходитесь сейчас же по местам!'; *Тере көйө алығыз!* 'Захватите живым!'; *Белмәһегез, белегез: Әлтәф карт катыны менән богон күрше ауылға кунакка киткән* (Ф. Хәйри) 'Если еще не знаете, знайте: старик Альтаф сегодня со своей старухой отправился в гости в соседнюю деревню'; *Минең адресте алығыз, үлһәм минең семьяға хат язығыз* (Д. Юлтый) 'Запишите мой адрес, если погибну, сообщите моей семье'; *Олатайҙар, агай-узамандар . . . Ат алығыз, қорал тоғоғоз. Безге луға сақыра Салауат* (Б. Бикбай) 'Деды, братья, товарищи. . . На коней, за оружие. Нас зовет Салават к вокзалу'. В первых двух примерах выражен приказ, в третьем — увещевание, в четвертом — просьба, в пятом — призыв.

Характер побуждения может быть уточнен также и некоторыми специализированными средствами формального выражения. Среди них самым распространенным является осложнение формы повелительного наклонения модальными частицами (-)сы/(-)се, (-)со/(-)со и (-)әле, представляющими побуждение в виде просьбы-призыва: *Ятып йоклагызсы, балалар, иртән бит байрам түгел* (Б. Дәүләтшина) 'Ложитесь-ка спать, дети. Завтра же не праздник'; *Көлмә әле, йәнемде көйҙөрөп* (Б. Бикбай) 'Пожалуйста, не смейся, причиняя мне боль'; *Уйна әле бер еңел генә көйзө* (С. Агиш) 'Сыграй-ка какую-нибудь веселенькую песню'. Эти частицы могут быть представлены также и одновременно как стилистический прием усиления: *Айһылыуым, эйтсәле* (фолькл.) 'Айсылу моя, скажи-ка'; *Куйсәле, бисәкәй, юк осол кайғырма* (Б. Бикбай) 'Оставь-ка, женушка. Не волнуйся из-за пустяков'. Частица *әле* в том же значении широко употребляется также и в сочетании с формой 3-го лица повелительного наклонения, тогда как частица *-сы* здесь обычно не допускается.

Убедительная просьба-побуждение в виде увещевания передается самостоятельной апалитической формой *-а/-й күр* (ед. ч.) и *-а/-й күрегез* (мн. ч.), в том же значении образуемой также и от формы повелительного наклонения 3-го лица: *Ундай-бындай хәбәр буһа, безгә белдерә күр* (А. Таһиров) 'Дай знать, пожалуйста, если поступит какое-либо сообщение'; *Сәлмән күз-қолақ булырмаж, яраһ итеһтереберәж йөрөй күрһен иһде* (К. Мәрған) 'Пусть Сальман присматривает, помогает время от времени'. В отрицательном аспекте эта форма выражает предостережение: *Зинһар тиәм, сыға күрмә* (М. Фафури) 'Ради бога прошу, не выходи'; *Әй, улыжайым, улы-*

жайым! Хазер китербез, тик һин бер үзең урамга сыга күрмә (Ө. Вәли) 'О, сынок мой, сынок! сейчас уйдем. Но, ты не выходи на улицу один'.

Увещевание как совет воспользоваться данным случаем выражается аналитической формой на *-п кал* (ед. ч.) и *-п калыгыз* (мн. ч.), одинаково широко образуемой в том же значении и от формы 3-го лица повелительного наклонения: *Картайгастын үкәнерһең, Тинтереп кал йәшлектә* (фольк.) 'Когда состаришься, пожалеешь, поэтому пользуйся возможностью погулять в молодости'.

Строгое повеление-запрет, исключаящее всякую возможность возражения со стороны адресата — 2-го лица, выражается специальной аналитической формой на *-һы/-һе булма* (ед. ч.), *-һы/-һе булмагыз* (мн. ч.): *Минең йортома жайтын инһе булма!* (М. Фафури) 'Не вздумай возвращаться в мой дом!'; *Ишетһеңме, кызы үсекләйһе булма!* (Ө. Бикчәнтәев) 'Слышишь, не вздумай дразнить девочку!'; *Якшылан һорайым, һыҙга тейһе булма!* (Ө. Бикчәнтәев) 'Прошу по-хорошему, не вздумай трогать девочку!'; *Йылғаға инһе булмагыз!* (Ө. Бикчәнтәев) 'Ни в коем случае не лезьте в реку!'. Менее распространен вариант этой формы на *-а/-й торған булма*: *Бынан һуң ундай эш тураһында ауызыңды аса торған булма!* (А. Таһиров) 'Отныне не вздумай говорить о таких вещах!'; *Иллә мәгәр, бынан һуң минең алда Гөлнәфисә килеңгә һүз тейгезһе булма!* (К. Мөргән) 'Но отныне не вздумай при мне обижать сноху Гульнафису.'

Побуждение в виде безапелляционного приказа передко выражается в применении ко 2-му лицу в форме настоящего времени изъявительного наклонения в виде стилистического приема: *Колой ағай, һин яланға с ы к м а й һ ы ң, һинең бригада барыһы ла бында к а л а* (С. Мифтахов) 'Дядя Кулай, ты не пойдешь в поле, Твоя бригада вся о с т а е т с я здесь'; *Тезелегез, хазер фатирзәргә б а р а б ы з!* — *тигән команда булды* (Д. Юлтый) 'Прозвучала команда: Смирно! Строиться! Сейчас о т п р а в и м с я по квартирам!'.

Строгий приказ в адрес обобщенного 2-го лица регулярно выражается формой целевого инфинитива на *-(ы)рға/-(е)ргә*: *Батальон, дежурный һейләй: беренсе рота, тыңлайһыңмы? Батальонды тревога менән кузғатарға!* (Ғ. Әмири) 'Батальон, говорит дежурный: первая рота, слушаешь? Поднять батальон тревогой!'; *Сәскәләрҙе өзмәскә!* (Ө. Вәли) 'Цветы не рвать!' При отсутствии императивной интонации эта форма в письменном литературном языке широко применяется для выражения приказа в заголовках газетных статей: *Комбайндар ремонтлауың темпы һәм сифатын күтәргә* 'Повысить темп и качество ремонта комбайнов'.

Форма 3-го лица образуется с помощью афф. *-һын/-һен* (ед. ч.) и *-һын-дар/-һен дәр* (мн. ч.). Она во многом отличается по значению от формы 2-го лица и соответственно не во всем совпадает с ней по сфере своего употребления. В этом случае действие должно быть осуществлено по волеизъявлению говорящего 3-м лицом через посредство 2-го лица, которому как бы поручается передать ему распоряжение, повеление или категорическую просьбу от 1-го лица: *Улай булғас мәктәп директорына эйтегез. Уҡыусыларҙы алып сыжһын* (З. Хисмәтуллин) 'В таком случае передайте директору. Пусть выводит учеников'; *Һин дә бына кызыңа эйтен куй: минең улымды ҡараһыра йөрөһөн* (К. Мөргән) 'Ты тоже предупреди свою дочь: пусть присматривает время от времени за моим сыном'. Как бы ни был категоричен тон говорящего, ввиду отсутствия лица-исполнителя действия, требуемого говорящим, эта форма сугубо императивного значения не имеет. В зависимости от контекста она передко обозначает разрешение, допущение: *Ғаяз эфәнде «Зөләйхә» килгән сборҙың бөтәһен дә ала икән, ала бирһен* (А. Таһиров) 'Если господин Ғаяз присваивает себе весь сбор от «Зулейхи», пусть продолжает присваивать'; *Кем кейһә лә кейһен бирсәткәнде* (С. Ғүдаш) 'Пусть кто-угодно оденет мои перчатки'. Но чаще всего данная форма в глаголах действия обозначает опосредствованное распоряжение, требование. Благодаря контексту она здесь может выражать повеление в адрес 2-го лица: *Улай икәләп һейләмәгез, арағыҙҙан берегеҙ генә һөйләһен* (М. Фафури) 'Да не говорите вы оба,

пусть расскажет один из вас'; *Кемдэр шаһит булһа. . . шулар алғараж сыкһындар* (М. Гафури) 'Пусть те, кто является свидетелями, выйдут чуть вперед'; *Байзар килгәндә кулдарығыз эштә булһын* (М. Гафури) 'Когда подойдут богачи, будьте за работой'.

В пословицах с назидательным содержанием форма 3-го лица повелительного наклонения выражает увещевание и совет в адрес обобщенного лица: *Яман менән дуҫ булһаң, бысағың ялһыңда булһын* (погов.) 'Если подружисься с плохим (человеком), имей при себе поз'.
В применении к глаголам состояния форма 3-го лица повелительного наклонения выражает обычно пожелание, в том числе и зложелания: *Йәшәһен, дуҫтар, тыныслыҡ, Ҡупмаһын канлы дауыл* (Ф. Әмири) 'Да здравствует, друзья, мир. Пусть не разразится кровавая буря'; *Йөзө ҡара булһын. Бәд-доға һуҡһын* (М. Гафури) 'Пусть опозорится, Пусть будет проклят'. В зависимости от контекста пожелание тесно переплетается с уверенным предположением: *Тукта әле. Һөйләшербез әле. Оҙерәк кәйеф килһен* (Д. Юлтый) 'Подожди-ка. Поговорим еще. Пусть немного поднимется настроение'.

Форма повелительного наклонения от глаголов состояния чаще всего организует восклицательное предложение, тогда как при глаголах действия обычно является конституирующим элементом побудительных предложений: *Улай булһа ярай, башкаса булмаһын* (Ф. Әмири) 'Ладно, если так, пусть не будет иначе!'; *Инде хәҙер зә отмаһам, мине ер йотһон!* (Ә. Бикчәнтәев) 'Если и сейчас не выиграю, провалиться мне сквозь землю!'

В отдельных случаях форма повелительного наклонения претерпела лексикализацию: *К у й с ы, к у й с ы! һиңә эйтһәң дә бер, эйтмәһәң дә бер* (Г. Дәүләтшина) 'О с т а в ь, о с т а в ь! Нет смысла тебе предупреждать'; *Т о р о п т о р, мин һөйләп бөтөрмәнем* (Б. Бикбай) 'П о д о ж д и, я еще не кончил говорить'; *К а р а с ы, бөтөнләй йәшәрәп, матурлаһын киткән бит кайһағам, тфу-тфу, күз теймәһен* (Б. Бикбай) 'С м о т р и - к а, совсем помолодел и похорошел старший брат моей жены, тфу-тфу, как бы не сглазить'.

Многие формы повелительного наклонения стали неотъемлемыми компонентами синтаксических фразеологизмов: *Шайтан белһен инде. Бә-лә!* (Б. Бикбай) 'Чорт его знает! Бе-да!'; *Ҡара һин уны, һалҡын алдырғандыр* (Б. Бикбай) 'Да что ты говоришь, видимо, простудился'; *Тыңлайым һеззе. Рәхим итегеҙ, ағай кеше* (Ә. Вәли) 'Слушаю вас. Пожалуйста, уважаемый дядя'; *Куй әле, Шәүәли!* (Б. Бикбай) 'Брось, Шавали!'

В уступительном предложении форма повелительного наклонения 3-го лица, теряя свое значение, выражает уступку: *Купме генә замандар узмаһын, империализмдең асылы тәбиғәте шул килеш калды* (Ф. Әмири) 'Сколько бы времени ни прошло, сущность, природа империализма осталась прежней.'

Отрицательная форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа, осложненная замыкающим ее аффиксом -й и служебным глаголом *калма* с отрицательным аффиксом, выражает, лишаясь отрицательного значения, убедительную просьбу как необходимость: *килмәй калма, кил, иркәм* (из песни) 'Обязательно приходи, приходи, милая'.

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ПАКЛОЕНИЕ

Желание совершить действие, представленное глагольной основой, в башкирском языке однозначно и регулярно выражается спрягаемой аналитической формой глагола на -ғы/-ге, -һы/-һе *кил*, которая сочетается с формой изъявительного и условного наклонений и поэтому не может быть квалифицирована как самостоятельное наклонение, хотя и выражает модальность, в языках иных семей рассматриваемую именно как желательное наклонение или оптаив.

В сферу желательного наклонения в башкирском языке входят структурно и семантически разнородные формы, связанные с выражением опре-

деленной разновидности оптатива и противопоставленные остальным наклонениям.

Среди них широко распространенная в тюркских языках форма 1-го лица на *-ай/-эй*, которая в применении к ед. числу (с афф. лица *-м*) выражает побуждение-решение совершить данное действие (1), а в применении к мн. числу (с афф. лица *-ыж/-ек*) — призыв совместно совершить действие, выраженное глаголом (2): 1) *Бир эле, тагы бер карайым* (О. Бикчентэев) 'Дай-ка, посмотрю еще раз'; *Мин hine шуның менэн таныштырайым* (Т. Йөнәби) 'Дай-ка я тебя познакомлю с ней'; 2) *Ултырыгыз, — тине комиссар йылайып, — һойләшәйек* (Ф. Әмири) 'Садитесь, — сказал комиссар, улыбаясь, — давайте поговорим'; *Бөтәбез зә бер һүззә булайык* (Ә. Бикчентэев) 'Давайте будем последовательно единомышленными'.

В зависимости от контекста форма ед. числа иногда выражает пожелание с оттенком намерения: *Кайғылы минуттарымда һинең менэн булайым* (из песни) 'Да буду я с тобою в грустные минуты'; *Ялан еркәйзәрзә, әй, туйзырзы, үз Уралкайыма кайтайым* (из песни) 'Степь мне опостылела, вернуться бы мне на свой Урал'.

Форма мн. числа в целях актуализации значения призыва выполнить волеизъявление-желание говорящего сочетается с модальными частицами *эле, әйзә, әйзәгез* 'давайте': *Әйзә инәйек эле* (А. Таһиров) 'Давайте-ка зайдём'; *Әйзәгез, улай булһа, папирос тартып сбарәйек* (Д. Юлтый) 'Давайте, в таком случае, закурим'; *Әйзәгез, ултырайык!* (Ф. Әмири) 'Давайте сидем!'; *Кана, сәй эсеп алайык эле* (Н. Дәүләтшина) 'Давайте-ка попьём чаю'; *Давай без шул заманды котөп торайык. Тотайык та үзәбезең өйзә балалар баксаһына бирәйек* (Ә. Вәли) 'Давайте дождемся этого времени. Возьмем и отдадим в детский сад в нашем доме'. С формой ед. числа из этих частиц более или менее часто сочетается лишь *эле*: *Мин шулай за барайым эле* (Ә. Вәли) 'И все-таки, давайте-ка, я пойду'.

Форма мн. числа *әйтәйек* выступает в двух значениях: 1) в обычном: *Шуға карамастан, әйтәйек, тыңлагыз* (Ф. Әмири) 'Несмотря на это, я скажу, слушайте'; 2) как вводное лексикализованное слово в значении 'допустим, скажем'.

Желание говорящего в виде мечтания, часто несбыточного, передается широко употребительной безличной аналитической формой на *-һы/-һе ине*: *Калайтып йорорзәр ине икән бынаузар! Күрәһе ине* (Ф. Дәүләтшин) 'Что бы стали делать они (букв. эти люди)! Увидеть бы!'; *Шуларзың атта уйнауларың күрәһе ине* (Ф. Әмири) 'Посмотреть бы, как они будут играть на конях!'. Это модальное значение очень часто выражается также с помощью самостоятельного употребления спрягаемой аналитической формы условного наклонения на *-һа/-һә ине*: *Ой, Сәлмән, белһәң ине!* (К. Мәргән) 'О, Сальман, знал бы ты!'. ■

Мечтание в виде благого пожелания обычно выражается аналитической формой на *-һын/-һен ине*: *Улар булһын ине, булһын ине* (Ф. Хәйри) 'Были бы они!'; *Һеңлем Зәйнәпкә арнап бер шиғыр язһы ине, ул уны бер ишетәүзә ятлап алырлыҡ булһын ине* (С. Агит) 'Написать бы стихотворение, посвятить его сестренке Зайнап. Как бы хотелось, чтобы оно запомнилось ей сразу, как только она его услышит'.

В том же модальном значении широко используется сочетание целевого инфинитива на *-ырга/-ергә* с неспрягаемым вспомогательным глаголом *ине*, представляющее собой самостоятельную аналитическую форму: *Аз ғына йоклап алырға ине* (Д. Юлтый) 'Поспать бы хотя бы немного'; *Сәй кайнатып алырға ине* (Д. Юлтый) 'Скипятить бы чаю'; *Барырга ине, күрергә ине Әфлисундың үскәнеп* (фольк.) 'Поехать бы, увидеть бы, как растут апельсины'.

В чисто оптативном значении (потенциальная возможность осуществления реального желания-действия) широко используется в своем самостоятельном употреблении (т. е. вне сочетания с формой условного наклонения) аналитическая спрягаемая форма сослагательного наклонения на *-ыр/-ер*

ине: *Мин шуларзың бөтәһен дә ойрәнер инем* (Д. Юлтый) 'Я бы изучил все это'²⁰.

Частную разновидность желательного наклонения представляет безличная рудиментарная форма на *-кыры/-кере/-гыры/-гере*, выражающая обычно зложелание: *Ни һойләйһең, хозай һуккыры!* (С. 'Кудаш') 'Что ты говоришь, порази тебя бог!'; *Кулың коргоро!* 'Отсохни у тебя руки!'; *Кәһәр һуккыры!* 'Пропади ты пропадом!'; *Ауызыңды корт саккыры!* 'Ужаль тебя пчела в рот!'; *Ер йотжоро!* 'Провались ты!'; *Тамағыңа һойәк казалагыры!* 'Подавься ты костью!'.
У СЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Условное наклонение характеризует данное действие как условие, вызывающее другое действие как его следствие, т. е. условно-следственную связь между двумя действиями.

Оно представлено рядом спрягаемых форм, которые выступают лишь как зависимое сказуемое, предполагающее наличие подчиняющего сказуемого в определенной форме. Форма условного наклонения предопределяет тем самым структуру и значение всего предложения в целом, являясь его конституирующим элементом.

Наиболее употребительная форма условного наклонения образуется с помощью афф. *-һа/-һә*, 1-е лицо представлено афф. *-м* (ед. ч.) и *-к/-к* (мн. ч.), 2-е лицо — *-ң* (ед. ч.) и *-ғыз/-ғез* (мн. ч.), 3-е лицо — пулевой формой (ед. ч.) и афф. *-лар/-ләр* (мн. ч.).

Форма на *-һа/-һә* многозначна. В зависимости от формы последующего сказуемого и контекста она может иметь следующие основные значения.

1. В сочетании с последующей формой настоящего времени индикатива выражает условно-следственную связь между двумя действиями как закономерность, действующую вне определенного времени. Форма на *-һа* в этом значении чаще всего употребляется в афоризмах, пословицах, поговорках и т. п., содержащих обобщающее условное суждение, в том числе в формулах и теоремах: *Кем санаһына ултырһаң, шуның йырын йырлайһың* 'С кем поведешься, от того и наберешься' (букв. 'В чьи сани сядешь, тому и подпоешь'), *Ысын дуҫ алға киткән яқты курһә, китәйһөзә айзай асылып* (М. Гафури) 'Если настоящий друг заметит, что ты идешь вперед, то лицо его засияет как луна'; *Әгәр кушылыусыларзың ниндәй зә булһа берһенә бер нисә берәмекте килтереп кушһаң, ә икенсе кушылыусылан шул тиклем үк берәмекте алһаң, ул сакта сумма үзгәрешһез қала* 'Если увеличить какое-либо из слагаемых на несколько единиц, а у другого слагаемого отнять столько же единиц, то сумма не изменится'.

В зависимости от контекста условно-следственная связь может быть представлена и в конкретном ее проявлении: *Мин югерһәм — ул да саба, акрынлаһам — акрынлаһа* (З. Хисметуллин) 'Когда я бегу, скачет и он, когда замедляю шаг, он — тоже'.

Единичное проявление условно-следственных отношений регулярно выражает форма на *-һа* в том случае, если последующая форма настоящего времени изъявительного наклонения выступает в значении будущего времени: *Улар һуғыш башлаһалар, билләһи, башлап үзәм китәм* (М. Гафури) 'Если они начнут войну, клянусь богом, первым пойду сам'.

Когда последующая форма настоящего времени индикатива выступает в своем обычном значении (соотносит данное конкретное действие с моментом речи), то форма на *-һа*, образованная от глаголов типа *бар-* 'идти', 'ехать', *кара-* 'смотреть', вовсе лишается названного своего типичного значения и вы-

²⁰ Эта форма в самостоятельном употреблении в современном языке, особенно в его книжном стиле, выступает также и как стилистический вариант формы настоящего времени индикатива: *Мин һезгә иртәрәк килергә тәкдим итер инем* 'Я бы предложил Вам приходить пораньше'.

ражает ограничительно-временную обусловленность двух действий: *Керһэ, катыны һаман изән уртаһында баһын тора* (О. Бикчәнтәев) 'Когда он вошел, его жена все еще стояла посреди комнаты'; *Әйһәнәп караһалар, баһын аҗға эйеп кулына кейемдәрен тоткан Рифкәт тора* (Н. Котдосов) 'Когда они обернулись, увидели: стоит Рифкәт, склонив голову и держа свою одежду в руках'; *Караһам, артымда безең мастер тора* (З. Хисмәтуллин) 'Оглядываюсь и что же вижу: позади меня стоит наш мастер'. В этом ограничительно-временном значении выступает форма на *-һа* также и в сочетании с последующей формой прошедшего времени на *-а ине*, выражающей незаконченное действие: *Уяһын китһәк, тәһрәлә коһи балкый, ә коһитан да һығыраҗ әһәймдең йөзө балкый ине* (Н. Котдосов) 'Когда мы проснулись, в окно сияло солнце, но ярче солнца сияло лицо моей мамы'.

2. В сочетании с последующей формой будущего времени индикатива форма на *-һа* выражает условно-следственную связь между двумя конкретными действиями как реальное предположение: *Курһәк, үзең дә ғашиҗ булырһың* (Г. Хойри) 'Если увидишь, то сам влюбишься'; *Исән буһаҗ, бергә бергә йәшәрбез әле* (Н. Котдосов) 'Если будем живы, проживем еще вместе'; *Бурысты шулай үтәһәк, яһиш булыр* (Г. Дәүләтшина) 'Если задачу выполним таким способом, то будет хорошо'; *Түҗмаһаң, бары бер кешегә әйтәһәк* (Г. Дәүләтшин) 'Если его и побьешь, все равно выдаст'; *Кеше килеп сыһна, эш харап, бәтә планыбыз юкһа сыһасак* (О. Бикчәнтәев) 'Если кто-нибудь повинится, дело примет опасный оборот: пропадут все наши планы'.

Если последующая форма будущего времени на *-р* имеет повременное значение, относящееся к обобщенному лицу, то форма на *-һа* характеризует условно-следственную связь между двумя обобщенными действиями как закономерность: *Әйрәк бирһәк, ҡаз алырһың* (погов.) 'Если утку дашь, то гуся получишь'; *Ауызың беһһә, ороп ҡабарһың* (погов.) 'Если обожжешь рот, то впредь будешь дуть'.

3. В сочетании с последующей формой сослагательного наклонения форма на *-һа* выражает потенциально возможное в прошлом условие, при котором могло бы иметь место потенциальное следствие: *Әһәр ошондай һүҙҙәр ише-тәһәген алдан белһә, Сәләмән бында аяҡ та баһмаған булыр ине* (К. Мәргән) 'Если бы Сәләман заранее знал, что услышит такие слова, он ни за что не явился бы сюда'. Если при этом нужно актуализировать форму на *-һа*, она может быть представлена на правах самостоятельного сказуемого: *һа-а-ай, уның атаһы, мәрхүм Сәләймән ағай, исән буһа! Хәһәр иһде ул беренсе класһы мастер иһеме алған булыр ине* (К. Мәргән) 'Ой-ой, если бы был жив его отец, покойный дядя Сулейман! Теперь бы он добился звания первоклассного мастера'.

4. В сочетании с формой прошедшего незаконченного времени на *-а ине*, употребленной в воспоминаниях, форма на *-һа* выражает повторяющееся условие, при котором закономерно и регулярно совершалось другое действие как следствие: *Салауат батыр ир ине; Менгән аты кир ине. Яуырыһына үк тейһә, Себен тешләй тир ине, Күкрәгенән ҡан сыһна, тирем сыға тир ине, Тирем сыға тир ине* (из кубaira «Салауат батыр») 'Салават батыр был мужчиной; Ездил верхом на мухортом коне, Если в плечо попадала стрела, говорил, что муха укусила. Если из груди его сочилась кровь, говорил, что это льется пот'.

5. В сочетании с последующей формой повелительного наклонения форма на *-һа* выражает предпосылку, при наличии которой следует выполнить пожелание говорящего: *Биҗ аһылы буһаң, әйрәтеп ҡара!* (О. Бикчәнтәев) 'Если ты очень умен, то попробуй научить', *Әйтер һүҙең буһа әйт* 'Если есть что сказать, говори'; *Яман менән дуҗ буһаң, быһағың яһында буһың* (посл.) 'Если станешь другом плохому человеку, имей при себе нож'; *Ауызың кыйыш буһа, көзгөгә үпкәләмә* (посл.) 'Если рот крив, не пеняй на зеркало'.

6. В зависимости от лексической сочетаемости двух глаголов и общего контекста форма на *-һа* довольно часто выполняет роль противительного сочинительного союза, лишаясь своего обычного значения: *Тәһиғәт, яз килеу менән, төрлө буһаға, төрлө моңға бизәһә, Сәһибә лә сибәрләһде* (Г. Хәйри)

‘С наступлением весны природа расцветала и наряжалась, хорошела и Сяхиба’; *Бер аягы ерзэ булһа, икенсеһе — гүрзэ* (Ф. Хэйри) ‘Если он одной ногой стоял в могиле, то другой — на земле’.

7. Лишаясь своего обычного значения, форма на *-һа* широко употребительна также в составе различных синтаксических фразеологизмов: *Көлһаләр көлһөндәр* (З. Хисмәтуллин) ‘Пусть смеются’; *Әш шулай китһә, китә бит ул* (Ә. Вәли) ‘Если работа спорится, то она и дальше пойдет хорошо’; *Юк, кеше үзгәрмәһә, үзгәрмәй икән* (З. Хисмәтуллин) ‘Удивительно, как это не изменяется человек’; *Булһа булыр, Камали менән исләнәһен торон булмаҫ* (Ф. Хэйри) ‘Пусть так, но с Камали здороваться не стану’; *Томаланған күззәре менән иренә жараны, ләкин уны таныманы булһа кәрәк* (Ф. Әмири) ‘Туманными глазами она посмотрела на своего мужа, но, кажется, не узнала его’; *Сигенәү зә кемдең дә булһа жушыуы буйынса эшләнә икән* (Ә. Бикчәнтаев) ‘Отступились, оказывается, тоже происходит по чьему-то указанию’; *Әле лә булһа килмәне* ‘Не явился до сих пор’; *Мин барманым, ни өсөн тикән, ваҡытым булманы* ‘Я не ходил, потому что у меня не было времени’.

Как видно из примеров, форма на *-һа* в своем значении оформляет не только условный период (см. шп. 4, 6 и др.). В каком-нибудь одном из своих типичных значений она выступает, кроме условного периода, в составе весьма различных сложноподчиненных предложений: *Көн артынан көн нисек үтһә, шулай үтә бирә ине* (Ә. Вәли) ‘Шел день за днем, как это было и раньше’; *Ауыл эз генә эшһез булһа, унда ауылса кунаклашыу башлана* (Ф. Хэйри) ‘Стоит деревне освободится от работы, как начинают обычно ходить друг к другу в гости’; *Ә күпселек кем яғында булһа, шул еңсәк* (Х. Мохтар) ‘Победит же тот, на чьей стороне будет большинство’; *Кыш ни тиклем каты, ызғарлы һәм һалкын булһа, йылғалар кыштан үс алған кеүек, шул саклы нык ташыусан булалар* (С. Кудаш) ‘Насколько зима сурова и холодна, настолько велик, как бы в отместку зиме, бывает разлив рек в период половодья’.

В диалоге форма на *-һа* в своем значении может возглавлять реплику — вопросительное предложение, которое, однако, имплицитно соотнесено с определенным главным предложением на правах придаточного предложения, выражающего условно-следственные отношения:

— *Минеңсә, кемдең кеҫһе калын булһа, шул кеше яшшы кейәү була.*

— *Әгәр зә ул бай кеше ишәк булһа?*

‘— По-моему, хорош тот жених, у кого больше денег.

— А если этот богач — осел?’

От формы на *-һа*, не имеющей определенного временного значения, а приобретающей его в необходимых случаях исключительно в зависимости от временной охарактеризованности последующей спрягаемой формы глагола, образован ряд самостоятельных форм условного наклонения, каждая из которых по-своему дифференцирует его. Кроме того, от формы на *-һа* образована однозначная монолитная спрягаемая форма на *-һа ла/-һә лә*, по своему значению и функции соответствующая русскому союзу *хотя и* в составе уступительного сложноподчиненного предложения: *Бер нисә айға булһа ла калдырыл торорға ине* (С. Агиш) ‘Приостановить хотя бы на несколько месяцев’; *Барыбер мин зат ызһам да һинең бойороғоңдо үтәгән булмайым* (А. Таһиров) ‘Если я даже напишу письмо, все равно это не будет означать, что я выполнил твой приказ’.

Среди самостоятельных форм условного наклонения по своей специфике и употребительности особенно выделяются формы на *-ған/-гән булһа*, *-һа ине*, *-а/-ә*, *й калһа*, *-а/-ә торған булһа*. Форма на *-һа ине* выражает условие в виде неосуществимого желания, мечтания. Соответственно и следствие приобретает характер желания, относящегося к прошлому. Поэтому следствие и выражено формой сослагательного наклонения: *Их, бөгөн атайым менән эсәйм мине күрһәләр ине, нисек шатланырҙар ине улар* (Ә. Вәли) ‘Эх, если бы меня увидели сегодня мои родные, как обрадовались бы они’. В этом случае оптативное значение соотнесенных форм по своей информативности

мало чем отличается друг от друга, стирая синтаксическую зависимость первой от второй.

В силу этого обстоятельства форма на *-һа ине* нередко употребляется также и в качестве самостоятельного сказуемого: *Ой, Сәләмән, белһаң ине!* (К. Мәргән) 'О, Сальман, знал бы ты!'; *Исмаһам, алдаһһа ине йәки хәйлә һорһа ине* 'Уж лучше обманывал бы, хитрил бы, по крайней мере'. В этом же оптативном значении как самостоятельное сказуемое, но гораздо реже встречается и форма на *-һа икән*: *Ул да бер аһыл, тик һарыһа бер унлап саңғы табыһа икән* (А. Таһиров) 'И это дело, но найти бы с десяток пар для того, чтобы добраться'. Еще реже встречается в сходном оптативном значении с оттенком сожаления форма на *-һа* в сочетании с модальным словом *икән* или с частицей *сы*: *әйткән буһаңсы* 'о, если бы ты сказал, предупредил', *һарһам икән* 'о, если бы я ходил'.

Если форма на *-һа ине* дифференцирует условное наклонение с чисто модальной точки зрения, то форма на *-ған буһа* характеризует его соотнесенность с планом прошлого — выражает условие в виде потенциально возможного, но не состоявшегося условия, при котором могло бы быть следствие, представленное обычно последующей формой сослагательного наклонения: *Моратһа ваһытһнда әйткән буһаһ, бәлки ул безге тыңлар ине* (К. Мәргән) 'Если бы мы Мурата предупредили своевременно, он, возможно, послушался бы нас'; *Китаһ алған буһа, ваһыт тизерәк үткән буһыр ине* (З. Хисмәтуллин) 'Если бы он взял книгу, то время прошло бы быстрее'; *Әгәр үзе тураһһнда бер һүзгә әйтмәгән буһалар, үзен күрһәтмәгән буһалар, Сәләмән, бәлки, аптыраһ калыр ине* (К. Мәргән) 'Если бы ничего не сказали о нем, не упомянули его, Сальман, быть может, удивился бы'.

В данном значении условного наклонения употребляется также и форма на *-а/-ә, -й торған буһа*, которая, однако, отличается от предыдущей тем, что содержит заметный оттенок допущения, предположения: *Булмас, атмаһтар, мин ыһанмайым. Ата торған буһалар, комиссарҙары иһеп көләкәлә һөйләһмәһ ине* (А. Таһиров) 'Нет, не расстреляют, я не верю. Если бы они были намерены расстрелять, то их комиссар не заходил бы, не стал бы разговаривать, улыбаясь'. От формы на *-ған буһа* она отличается, кроме того, отсутствием в ее содержании указания на план прошедшего времени, с которым она соотносится только при условии, если последующий глагол стоит в сослагательном наклонении. Чаще же всего она сочетается с формой изъявительного наклонения или реже — с императивом, особенно когда нужно строить предположение — условное суждение в виде допущения: *Хәҙер без каланы ташлаһ китеһ, аһтар иһә торған буһалар, үзған йыһдағы кеүек кенә калмаһтар* (А. Таһиров) 'Если мы покинем город и его займут белые, они не ограничатся лишь тем, что делали в прошлом году'.

Другим типичным условием употребления формы на *-а торған буһа* является повторяемость обозначаемого действия или его длительная процессуальность: *Рәйсә, һинең бүтән бозһоҡһоҡтарың ғыһа етмәгәндәй, көһ һайһһ быһай ыҙғыһһа, талаша торған буһаһ, безгә артыһ бергә торорға тура килмәһ* (Ғ. Дәүләтһһһһһ) 'Райса, если вдобавок к остальным своим проступкам станешь каждый день так ссориться и устраивать скандалы, нам больше не придется жить вместе'; *Быһай иһеп, безге эһәм көһкөһнә калдырыһ йөрөй торған буһаһ, бер көһ дә торма* (Ғ. Дәүләтһһһһһ) 'Если и впредь будешь так позорить нас, не оставайся с нами ни одного дня'.

Гораздо менее характерно для этой формы ее использование в сочетании с последующей формой будущего времени в ограничительно-условно-следственном значении типа *Әгәр зә башһа ваһытта миңә куһ һуза торған буһаһ, теһтәреңде кәһңә һалыһ кайтырыһ* (Ғ. Хәйри) 'Если в другой раз вздумаешь поднять на меня руку, домой вернешься, свои зубы положишь в карман'. В этом случае форма на *-а торған буһа* по отношению к форме на *-һа* является идиографическим синонимом, мало чем отличающимся от формы на *-а калһа*. Иногда форма на *-а торған буһа*, теряя свое ограничительное

значение условного наклонения, выступает на правах стилистического эквивалента формы на *-һа*, ничем не отличаясь от нее семантически: *Әгәр зә һин минән элек үлә торған булһаң, мин уны картайғас та һөйләп йорормән* (С. Агиш) 'Если ты умрешь раньше меня, я буду вспоминать об этом и в старости'.

Форма на *-а/-ә, -й калһа*, употребляемая чаще всего в 3-м лице ед. числа, в сочетании с последующей формой будущего времени индикатива выражает ограничительную условно-следственную зависимость двух действий в виде предусмотрительного предположения на ближайшее будущее: *Ундай-бындай хәл була калһа, безгә үпкәләмгез* (А. Таһиров) 'Если что-нибудь случится, то не обижайтесь на нас'; *Ошо минутта осрай калһа, йәнен алам* (Ә. Бикчәнтәев) 'Если в эту минуту он встретится мне, убью'; *Уның атаһы ары-бири һораша калһа, ни йозоң менән уға карап, ауыз асып һүз әйтмәк кәрәк инде* (Ә. Бикчәнтәев) 'Если его отец надумает расспрашивать, что мне сказать в ответ, глядя ему в глаза'.

В названном своем типичном значении форма на *-а калһа* иногда выступает также в сочетании с последующей формой сослагательного наклонения, относящей условное суждение-предположение к прошлому: *Ундай хәл була калһа, һинең ватһаны таратырлар ине* (К. Мөргән) 'Если бы такое случилось, то твою вахту распустили бы'. Еще реже она употребляется, теряя свое профилирующее значение, на правах стилистического эквивалента формы на *-һа* в сочетании с последующей формой будущего времени индикатива: *Мин алдағы ял алдынан, осрай калһа, өйрәк йә булмаһа күркә алып кайтырмын әле* (С. Агиш) 'Перед следующим выходным, если встретится, принесу домой утку или же индюка'.

Форма на *-ды/-де- иһә* выражает стимулирующую ограничительно-временную и причинно-следственную обусловленность двух действий как закономерную связь между ними: *Шайтан алһыи, аз ғыла көндәр йымынды иһә, тотам да үзем китәм* (А. Таһиров) 'Черт побери, как только дни потеплеют, возьму да и сам отправлюсь'; *Ә кәсе көп-коро, кулга алдыһиһәң, таралырға тора* (А. Таһиров) 'А дерн сухой-пресухой, возьмешь в руки, того и гляди рассыпится'.

В том же значении употребляется и форма условного наклонения на *-дымы*, противопоставляя стимулирующее ограничительное предшествование следованию: *Теге кысқырып ебәрземе, һәиәк менән уға кизәнәм* (З. Хисмәтуллин) 'Как только он начинает кричать, я грожу ему вилами'; *Фәкир артһымы — бай байыға* (С. Агиш) 'Когда бедняков становится больше, богат богатеет'; *Кис булдымы, Байым кәмәлә бакен токандырып йөрөй* (З. Хисмәтуллин) 'Как только наступает вечер, Байм зажигает бакены'. Ограничительную причинно-следственную обусловленность двух действий вне временной их охарактеризованности эта форма может выражать лишь в редком контексте типа *Бисә татарзан булдымы, иң алдан өстәлгә һурпа килтереп куя* (К. Мөргән) 'Если жена татарка, то она прежде всего ставит на стол суп'.

Форма на *-а/-ә, -й икән* характеризует обуславливающее действие как субъективное допущение или обоснование для совершения другого действия, оформленного в индикативе или императиве: *Бындай какшамаҫ берзәмлек йәшәй икән, безгең көрәш мотлағ еңеүгә ирешә, ә империализм һис шикһез сигенергә мәжбүр була* (Ғ. Әмири) 'Раз существует такое непоколебимое единство, наша борьба увенчается справедливым успехом, а империализм вне всякого сомнения будет вынужден отступить'; *Квартира бирәләр икән, алайык. Ә өйгә һатайык* (Ә. Вәли) 'Раз дают квартиру, давай получим. А избу продадим'.

В соответствии с формой последующего глагола форма на *-а икән* выражает предшествование в пределах настоящего или будущего времени. Когда же обозначаемое ею действие нужно отнести в план прошедшего времени, вместо нее выступает форма на *-а/-ә, -й -ған/-гән икән*, имеющая в целом весьма ограниченное употребление: *Әгәр Сталинградты төзөү эшенә*

бөтә кала халкы күтәрелеп сыжкан икән, уларзың ошо өлгөһө безге ле рухландырырга тейеш (К. Мөргән) 'Если на строительство Сталинграда вышло все городское население, то этот пример должен вдохновить и нас'; *Һез изге ниәттән Һиндостанға ярзам итәм тип, юлга сыжканһығыз икән, мин һезгә булышырга тейешмен* (Ә. Бикчәнтәев) 'Раз вы из благих намерений отправились в путь, чтобы оказать помощь Индии, я должен оказать вам содействие'.

Паряду с описанным наиболее характерным значением форма на *-а икән* в зависимости от контекста может выступать и в других значениях условного наклонения, регулярно выражаемых иными его формами, в частности формой на *-һа*: *Әгәр зә бер вахта авария була икән, шул ук вахта уны төзәтергә тейеш* (К. Мөргән) 'Если в какой-либо вахте случается авария, то ее должна ликвидировать та же вахта'; *Әгәр зә өзгәзәңде бозорға уйлайһың икән, кара! Вәгәзә тизәр уны* (Ф. Хәйри) 'Если вздумаешь нарушить свое обещание, смотри! Это же обещание'; *Әйзә кайтырга өлгөрөрһөң әле, Филәжи ағай, сәй эсеп кит, унан һуң, журкаһың икән, үзөбөз озатып куйырбыз* (А. Таһиров) 'Еще успеешь домой, дядя Гиляжи, давай попей чаю, а затем, если боишься, сами проводим тебя'. Кроме того, форма на *-а икән* употребляется в составе отдельных синтаксических фразеологизмов: *Ғаяз әфәнде «Зөләйха» нан килгән сборзың бөтһөн дә үзәнә ала икән, ала бирһен* (А. Таһиров) 'Если господин Гаяз присваивает весь сбор от «Зулейхи», пусть'.

Форма на *-ғанда/-гәндә* выражает потенциально возможное (1) или ирреальное, т. е. лишь предполагаемое, но уже неосуществимое (2) условие, влекущее за собой такое же следствие. В первом значении она сочетается обычно с настоящим или будущим временем индикатива, реже — с формой сослагательного наклонения: *Атам атын биргәндә ике куллап алырһың; Атам бысақ биргәндә уң кул менән алырһың* (из эпоса «Акбуз ат») 'Если мой отец даст копя, возьми обеими руками; Если мой отец даст нож, возьми правой рукой', где наряду с условно-следственной связью между двумя действиями отражена ограничительно-временная обусловленность второго действия: *Шуны куйғанда һайбәт булыр ине* (К. Мөргән) 'Было бы хорошо, если назначить его', где временное соотношение действий менее заметно, чем их причинно-следственная обусловленность. Во втором значении как предпосылка, так и вытекающее из нее следствие изображаются лишь мысленно с оттенком сожаления, что ни то, ни другое уже не осуществимо: *Шулайрак жороп ебәргәндә, без өс йөз метр менән генә калмаған булыр инек* (К. Мөргән) 'Если бы было организовано хоть вот так, то мы не ограничились бы тремястами метров'.

Особую модальную разновидность условного наклонения представляет редко употребительная форма на *-мағанды/-мәгәнде*, выражающая несостоятельное действие как субъективное обоснование для совершения другого действия, входящего обычно в сферу будущего времени индикатива: *Ана һәтә менән кермәгәнде, тана һәтә менән кермәс* (погов.) 'Если уж молоко матери не пошло впрок, то коровье молоко и подавно не пойдет впрок'.

Большинство форм условного наклонения помимо своего описанного собственно модального значения связано с выражением временного соотношения между условием и следствием — первое характеризуется как предшествование, второе — как следование. Как это отмечено выше, временное значение отдельных форм выдвинуто даже на передний план как стимулирующее ограничительное условие для совершения последующего действия (см. профилирующее значение форм на *-дымы*, *-а калһа* и др.).

Формы на *-һа*, *-ған булһа*, *-а торған булһа*, *-ғанда* объединяются также возможностью их осложнения ограничительной частицей *ғына/генә*, благодаря которой в соответствии с ее основным значением условие изображается как исключительный фактор, способный вызвать последующее действие-следствие: *үзәң сақырһаң ғына барам* 'пойду лишь при условии, если позовешь сам'. В этом ограничительном значении форма на *-һа* с частицей *ғына* наиболее часто встречается в служебном глаголе-связке *булһа* при именном сказуемом: *Мин һөйәрмен һине, иркәм, Күңелең саф булһа ғына, үзәң кеүек йәш илеңдең һөйгәне булһаң ғына* (М. Хәй) 'Я буду любить тебя, мой милый,

если только твоя душа чиста, если ты любим страной, Такой же молодой, как и ты сам'.

Условное наклонение при именном сказуемом представлено главным образом формой на *-ha* от служебного глагола *бул-* 'быть, становиться' в описанных ее обычных значениях: *Ат якшы булһа, сыбырткы кэрэкмэй* (погов.) 'Если конь хорош, то кнут не нужен'; *Ике кулым канат булһа, барыр инем яныца* (фольк.) 'Если бы мои руки были крыльями, полетел бы к тебе'; *Колхоз иҗән булһа, мин дә, әсәйем дә, Санияң да һинең һау булыр* (Р. Нигмәти) 'Если будет цел колхоз, то будем живы-здоровы и мы, и мать твоя, и твоя Сания'; *Һин кулыңа сүкеш тоткан эшсе булһаң, мин кулыма урақ тоткан игенсемен* (С. Кудаш) 'Если ты рабочий, с молотом в руках, то я — земледелец, с серпом в руках'; *Һезең йөрәк булһа каты тимер, безең йөрәк каты коростан* (М. Фафури) 'Если ваше сердце — твердое железо, то наше сердце тверже стали'.

В других формах условного наклонения, характерных для собственно глагольного сказуемого, связка *бул-* при именном сказуемом ставится в целом весьма редко: *Әгәр зә берәй подразделениегә мастер кәрәк була икән, уны ғына, курайсы Әхмәтшинде генә сакырлар* (К. Мәргән) 'Если нужен мастер для какого-нибудь подразделения, то вызывают только его, мастера по кураю Ахметшина'. Когда условие, выраженное именным сказуемым, пужно отразить с оттенком пожелания, связка выступает в аналитической форме на *булып калһа*: *Һиндәй бәхет, әгәр булып калһа, был шығырым уның бер ташы* (Б. Бикбай) 'Какое счастье, если этот стих мой составит один из его камней'. Особую форму условного наклонения именного сказуемого образует модальное слово *икән*: *Тауарзың баһаһы бөгөн күтәрәнке икән, иртәгә төшөп китә* (Ф. Хәйри) 'Если цены на товары сегодня высоки, то завтра неожиданно снижаются'.

От причастия на *-ырзай* со значением 'почти такой, что выражено производящей основой', условное наклонение образуется на правах именного сказуемого с помощью служебного глагола *булһа*. Но по сути форма эта употребляется как стилистический вариант собственно глагольной формы на *-һа* в ее обычном значении: *Акса етерзәй булһа, барыһын да алырға тырышырмын* (Ф. Дәүләтшин) 'Если хватит денег, то постараюсь купить все'.

На периферии условного наклонения, характеризующегося разветвленной системой активно употребляемых форм, особняком стоит моносемантическая продуктивная форма на *-һа лаһә лә* с ясно выраженным уступительным значением 'хотя и, несмотря на то, что', 'если даже', 'кто бы ни'. В противоположность условному наклонению, эта форма выражает отношения обратной стимулирующей обусловленности действия, обозначенного последующим глаголом, а именно — сообщает, что действие это совершается, совершится или совершилось вопреки условию-действию, выраженному ею: *Шәриф шул урында бер аз ни котөп торһа ла, бер зә эш тура килмәне* (М. Фафури) 'Хотя Шариф и искал некоторое время на том месте работу, никакой работы не подвернулось'; *Кем генә килһә лә, һи: нәмәгә карамай һөжүм итәм* (Ф. Әмири) 'Кто бы ни пришел, буду наступать, не считаясь ни с чем'; *Кем кейһә лә кейһен перчаткамды* (С. Кудаш) 'Пусть оденет мою перчатку кто угодно'. Поскольку к тому же форма на *-һа ла* образует особую структуру уступительного сложноподчиненного предложения, близко стоящего к противительным сложносочиненным предложениям, она с вескими основаниями может быть истолкована как самостоятельное уступительное наклонение. Во втором случае ее нельзя отнести к собственно условному наклонению, как это принято.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Сослагательное наклонение характеризует действие как предположение или суждение говорящего о его вероятности при определенном условии, выраженном условным наклонением глагола, или желательности вне условия, т. е. вне соотносительности с ним. Соответственно сослагательное наклонение

может быть употреблено либо в условном периоде в сочетании с условным наклонением, либо самостоятельно. И в том, и в другом случае действие, выражаемое им, может быть локализовано во времени лишь условно. Исключение составляет в этом отношении лишь единственный случай, когда благодаря форме условного наклонения на *-ган булһа*, представляющей действие как нереализованную возможность в прошлом, действие, выраженное сослагательным наклонением, предстает тоже как нереализованная вероятность его совершения в прошлом в виде предположения говорящего: *Аяк каймыкмаған булһа, стенаға таялыр за кутәрелер инем* (З. Хисмәтуллин) 'Если бы не вывихнул ногу, я бы поднялся, опираясь на стену'; *Йәш вакытта укыу тейгән булһа, мин хәзер народный артист СССР булыр инем* (И. Абдуллин) 'Если бы мне удалось учиться в молодости, я бы теперь стал народным артистом СССР'.

Сослагательное наклонение представлено спрягаемыми аналитическими формами на *-р ине*, *-а/-ә*, *-й ине*, *-асақ/-әсәк*, *-ясақ/-йәсәк ине*, *-ған/-гән*, *-кан/-кән булыр ине*. При спряжении аффиксы лица и числа на общих основаниях принимает лишь замыкающий компонент *ине*: *инем*, *инең*, *ине*, *инек*, *инегез*, *ине (лар)*. Из перечисленных форм наиболее употребительной является первая — форма на *-р ине*, — представляющая сослагательное наклонение в названном его характерном значении: *Атайым исән булһа, и кыуаныр ине* (С. Агиш) 'Если был бы жив отец, как бы он обрадовался'. В отличие от всех остальных форм сослагательного наклонения, рассматриваемая форма широко используется в опитативном значении вне условного периода в самостоятельных предложениях типа *Ә ул берәү иң, иң һойкәмләһә булып калыр ине йөрәктең* (Р. Ниязәти) 'А она одна стала бы в сердце самой-самой любимой'; *Исмаһам шул кәһәр һуккырын кайнар һыу һибеп үлтерер инең* (Ғ. Әмири) 'Убил бы ты, что ли, этого проклятого, облив кипятком'. Да и в условном периоде форма на *-р ине* нередко представляет действие тоже как желаемую возможность: *Осон барып күрер инем йәнем күбәләк түгел* (фольк.) 'Полетел бы, посмотрел бы, да душа моя не бабочка'.

Другое свойство формы на *-р ине*, отличающее ее от остальных форм сослагательного наклонения, составляет возможность ее употребления в зависимости от контекста в побудительном значении применительно к 1-му лицу: *Мин уны больницаға һалырга кәүәш итер инем* (Б. Бикбай) 'Я бы посоветовал положить его в больницу'.

Форма на *-а/-ә*, *-й ине*, в отличие от предыдущей выражает обычно значительно более уверенное предположение о вероятности обозначаемого ею действия: ср. *Әгәр буровой вал менән уратылмаған булһа, ул да диңгез эсендә тороп кала ине* (К. Мәргән) 'Если бы буровая не была обнесена валом, она бы тоже осталась на дне моря'; *Кайтмаған булһам, катын бер ни за белмәй зә, үзенең Сабитен дә козаламай ине* (И. Абдуллин) 'Если бы я не вернулся домой, жена бы ничего не узнала, но и не стала бы сватать своего Сабита'.

Форма на *-асақ/-әсәк*, *-ясақ/-йәсәк ине*, характеризующая употреблением преимущественно в письменной речи, выражает тоже категоричное предположение о возможности данного действия в виде нереализованной вероятности его осуществления: *Юлға сығыу хакында алдан ук хәбәр иткән булһа, жаршы аласақ инем* 'Я бы (обязательно) встретил, если бы он заранее сообщил о своем выезде'. Эта форма в том же значении может быть представлена и вне условного периода: ср. *Пианино алыр өсөн әле яңынан бер-ике айһыз акса арттыра алмаясақ ине* (К. Мәргән) 'Раньше одного—двух месяцев он бы не смог добавить денег на покупку пианино'.

Форма на *-ған/-гән*, *-кан/-кән булыр ине*, в отличие от всех остальных форм сослагательного наклонения, представляет действие как нереализованную и уже неосуществимую возможность в прошлом: *Әгәр юкты һөйләһәләр, мин уларзы судка биреп телдәрен кыскарткан булыр инем* (С. Агиш) 'Если бы они рассказали небылицу, я бы укоротил их язык, подав в суд'; *Ундай хәл килеп сыға калһа, Сәлмән үзеп гәйепләгән булыр ине. Иптәштәренек ышанысы булмауына үкенгән булыр ине* (К. Мәргән) 'Если бы такое случилось,

то Сальман обвинял бы себя. Сожалел бы, что нет доверия со стороны товарищей'.

Сослагательное наклонение при именном сказуемом представлено соответствующей формой служебного глагола-связки: *Өйгә инеп сәй куйып килһәң, якшырақ булыр ине* (Ә. Бикчәнтәев) 'Было бы лучше, если бы ты даже зашел домой и поставил самовар'; *Тик һуңламаһа ғына ярар ине* (Н. Котдосов) 'Хорошо было бы, только бы не опоздал'.

НАКЛОНЕНИЕ НАМЕРЕНИЯ

Намерение совершить действие, выраженное глагольной основой, регулярно и однозначно представляют специализированные спрягаемые формы глагола, возникшие в результате переосмысления архаичной формы имени деятеля на *-максы* или архаичной формы имени действия на *-мак*.

Основной из них является форма на *-максы*:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>-максымын / мәксемин</i>	<i>-максыбыз / -мәксебез</i>
2 л. <i>-максыһың / мәксеһең</i>	<i>-максыһығыз / -мәксеһеҙеҙ</i>
3 л. <i>-максы / мәксе</i>	<i>-максылар / -мәкселәр</i>

Образуемая от любого глагола активного действия, эта форма преимущественно употребляется в 3-м лице в названном значении как планируемое реальное предположение на ближайшее будущее: *Улар еңмәкселәр, Кол итеп безҙе һаман измәкселәр* (М. Фафури) 'Они намерены победить и, превратив нас в рабов, снова угнетать нас'.

Когда намерение относится к плану прошлого как нереализованный факт, форма осложняется вспомогательным глаголом *ине*: *Новиков тағы нәмәләр һойләмәксе ине* (Д. Юлтый) 'Новиков намеревался сказать еще что-то'; *Ул ике аралағы эшлекле, иптәштәрсә ябай аралашыу аша килеп тыуған мөнәсәбәттә, зурайтыбырақ, тәрәпәйтеберәк ебәрмәксе ине* (К. Мәргән) 'Он намеревался расширить, углубить отношения, зародившиеся в результате делового и по-товарищески простого общения между двумя сторонами'; *Без уның үзен күрөп эш һорамаксы инек* (М. Фафури) 'Мы были намерены увидеть его самого и попросить работу'; *Тағы ла нығырақ биреп, тештәрен һиндырмаксы инем* (М. Фафури) 'Я хотел ударить еще сильнее, выбить ему зубы'.

В целом разновидность формы с *ине* употребляется гораздо шире, чем предыдущая. Это объясняется все большей активизацией в современном языке ряда специализированных аналитических форм, выражающих намерение совершить данное действие в ближайшем будущем. Среди них прежде всего обращает на себя внимание форма на *-максы бул*, которая выражает намерение не столько как волеизъявление, сколько как принятое решение совершить данное действие по мотивам, остающимся неизвестными.

Форма на *-максы бул* сильно отличается от предыдущих двух по своей структуре и соотношению с другими наклонениями. Если форма на *-максы*, *-максы ине* принципиально несовместима с формами других наклонений и на этом основании выделяется как самостоятельное наклонение с достаточно специфическим модальным значением, то данная форма намерения представлена с аффиксом настоящего или прошедшего времени изъявительного наклонения, сохраняющим свое значение.

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>-максы / -мәксе буламы, булдым</i>	<i>-максы / -мәксе булабыз, булдык</i>
2 л. <i>-максы / -мәксе булаһың, булдың</i>	<i>-максы / -мәксе булаһығыз, булдығыз</i>
3 л. <i>-максы / -мәксе була, булды</i>	<i>-максы / -мәксе булалар, булдылар</i>

Более того, в названном значении эта форма может быть представлена даже в сфере условного наклонения: ср. *бармаксы булаһаң* 'если решишь,

надумаешь пойти', бармаксы була 'если он вздумает пойти' и т. п. Это делает проблематичным выделение ее как самостоятельного наклонения. Однако поскольку, она взаимодействует с наклонением намерения на -максы, -максы ине, дифференцируя его значение, ее условно можно рассматривать как одну из форм описываемого наклонения.

Форма на -максы бул-, образуемая от всех глаголов активного действия, обладает высокой употребительностью, особенно в прошедшем времени на -ды. При этом намерение предстает отнюдь не как нереализованный акт, а как принятое твердое решение, сохраняющее свою силу и в настоящее время. Когда же форма на -максы бул- осложняется аффиксом настоящего времени изъявительного наклонения, она констатирует решение как благос намерение субъекта. Ср. *Мин кылымды алып, шул йылы тәнде капшамаксы булам* (Д. Юлтый) 'Я хочу, освободив руку, пощипать это теплое тело'; *Әһә, беззе уатыртмаксы булаһың икән!* (Ә. Бикчәнтәев) 'Ага, ты, оказывается, собираешься надуть нас!'; *Әхмәзи асыуынан үзенең билдәләрен һызып ташламаксы булды* (Ә. Бикчәнтәев) 'Ахмади, обозлившись, решил зачеркнуть свои знаки'. Менее употребителен вариант этой формы на -мак бул-, по значению полностью совпадает с ней: *Мин инде, курише, Салмәнде үземдән бригадала алмак булам* (К. Мәргән) 'Я, сосед, собираюсь взять Сальмана в свою бригаду'.

С формой на -максы бул- в современном языке активно конкурирует вполне сложившаяся спрягаемая аналитическая форма на -(ы)рга|-(е)ргә бул-, означающая принять или прийти к решению совершить данное действие. Она тоже представлена в тех же двух вариантах, что и форма на -максы бул-:

Ед. число

Мн. число

1 л. -(ы)рга|-(е)ргә булам, булдым

-(ы)рга|-(е)ргә булабыз, булдык

2 л. -(ы)рга|-(е)ргә булаһың, булдың

-(ы)рга|-(е)ргә булаһығыз булдығыз

3 л. -(ы)рга|-(е)ргә була, булды

-(ы)рга|-(е)ргә булалар, булдылар

Из них практически употребляется преимущественно вариант на -(ы)рга|-(е)ргә булды. Примеры: *Шул байлыгыңа ла кәнәгәт итә алмайһың, берҙән-бер кыз балаңды бер батрактың посубиһенә ташламаксы булаһың* (А. Таһиров) 'Не можешь удовлетвориться таким своим богатством, единственную дочь собираешься отдать на иждовение какого-то батрака'; *Без земляңкаға кайтырға булдык* (Д. Юлтый) 'Мы решили вернуться в землянку'; *Тегеләр үз-ара кәңәшләшкәндән һуң, тупты Хәмәтов тибергә булды* (Н. Котдосов) 'После того, как они между собой посоветовались, мяч решил пойти Хаматов'; *Азағында, бер башкорт көйөн йырларға булдым* (Д. Юлтый) 'В конце я решил спеть одну башкирскую песню'; *Гинуар аҙақтарында колхоздың отчет-һайлау йыйылышында колхозсылар курише ауылдарҙы берләштергән бәлкәй артель менән кушылырға булдылар* (Ә. Вәли) 'В конце января на отчетно-выборном колхозном собрании колхозники решили слиться с маленькой артелью, объединяющей соседние деревни'; *Йәйге отпускыны мин Өфөлә иптәшем Сабит менән үткәрергә булдым* (З. Хисмәтуллин) 'Я собрался провести свой летний отпуск в Уфе с моим товарищем Сабитом'; *Ул башжаларҙан алда килеп эшләп карарға булды* (К. Мәргән) 'Он решил явиться раньше других и попробовать поработать'.

Форма на -(ы) рга|-(е) ргә бул- иногда встречается также в сфере других форм прошедшего времени: *Бәхеткә юл табыр өсөн егет укырға булған* (Ф. Әмири) 'Чтобы пробить дорогу к счастью, парень решил учиться'; *Мин уны күптән һорарға булғайным* (Ф. Хәйри) 'Я это давно собирался спросить', где каждая из двух сочетающихся форм выступает в своем типичном значении.

В применении ко 2-му лицу как стилистический эквивалент форм на -максы булдың, -(ы)рга булдың выступает иногда форма на -(ы)һе иттең: *Нисек былай киләһе иттең?* (С. Агиш) 'Как это ты так решился прийти?'.

Поряду с описанными специализированными сложившимися формами намерение и желание может быть выражено свободным сочетанием инфинитива на *-(y)rga/-(e)rga* с глаголом *телә* 'желать' и *уйла-* 'думать, намереваться': *Сами Хикмет налдат шикелле халыжка табан эйләнеп тагы колорга теләне* (Ф. Хәйри) 'Сами хотел, как и солдат Хикмет, повернуться лицом к народу и еще посмеяться'; *Балалар, бөгөн торорга уйлайһығызмы, южмы?* (Н. Котдосов) 'Дети, вы думаете сегодня встать, или нет?'

НЕСПРЯГАЕМЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Деепричастие — это неспрягаемая грамматическая форма глагола, обозначающая действие в его отношении к другому глагольному действию.

Действие, обозначенное деепричастием, характеризуется процессуальностью, присущей глаголу как части речи, и однозначной соотносительностью не только со своим агенсом-подлежащим, наличие которого является обязательным условием функционирования всякого деепричастия²¹, но и с определенным модально-временным планом: оно неизменно входит в сферу того же грамматического времени и склонения, что и связанное с ним другое действие, выраженное последующим глаголом-сказуемым, имеющим соответствующую форму времени и склонения²². Это объединяет деепричастие со спрягаемым глаголом, которому оно, однако, как особая, экстраординарная соотносительная форма глагольного сказуемого противостоит обычным, ординарным глагольным (абсолютным) монопредикативным формам, выступающим в сочетании с деепричастием, замыкая данное предложение: *Кеүәтов, дилбегәһен еңел генә тартып, атын туктатты* (Ә. Вәли) 'Куватов, легонько натянув вожжи, остановил свою лошадь'. Кроме того, деепричастное сказуемое отличается от спрягаемых форм и противопоставляется им следующими своими особенностями.

1. Если спрягаемые формы глагола структурно организованы как законченные предикативные единицы, по содержанию соответствующие двусоставному глагольному простому предложению и в силу этого способные реализоваться в этом качестве без подлежащего, то деепричастное сказуемое осуществляет предикацию не само по себе, а лишь на синтаксическом уровне, но осуществляет ее неизбежно: с его появлением обязательно наличие соотносительного с ним подлежащего, благодаря чему оно уточняет свое содержание по категории лица; столь же неминуемым становится и появление соотносительного с ним последующего сказуемого в личной форме глагола, с помощью которого оно тоже синтаксическим путем приобретает и остаточные необходимые признаки предикативности — грамматическое значение времени и склонения.

2. Предикация, создаваемая личными формами глагола, по своему характеру является свободной и к тому же не закрепленной за определенной структурой предложения (она может быть представлена как в простом, так и сложном предложении, причем в любой его части), тогда как деепричастное сказуемое порождает связанную предикацию в единстве и с помощью свободной предикации. Это лишает связанную предикацию возможности реализоваться в виде отдельного предложения в отрыве от свободной предикации и фактически делает первую закрепленной либо за позицией первого

²¹ И с к л ю ч е н и е: контекстуальный эллипсис подлежащего допускается лишь при условии, если оно представлено в предыдущем предложении, в частности при вынесении деепричастия за пределы предложения в качестве самостоятельного высказывания — при его парцелляции.

²² В тех крайне редких случаях, когда соотносительное с деепричастием сказуемое выражено модальным словом или именем, оба сказуемых входят в сферу настоящего или прошедшего времени синтаксического предикатива, формально выраженного наличием или отсутствием связки *иле* при именном сказуемом, реже — в сферу императива или опатива с помощью служебного глагола *буһын* 'пусть будет' при именном сказуемом.

из соподчиненных сказуемых слитного предложения, либо за позицией сказуемого первого компонента сложного предложения, в том числе и сложно-сочиненного.

3. Деепричастное сказуемое предопределяет структурную схему и характер предложения, в состав которого оно входит, является ее ведущим конституирующим элементом, тем более, если его связь с последующим сказуемым строится в формах подчинения. Этим свойством обладают лишь формы императива и условного наклонения, да и то не всегда.

4. Деепричастное сказуемое за редким исключением является грамматически организованное средство актуализации соотнесенного с ним сказуемого в личной форме глагола в ущерб своей информативности, особенно, когда оно синтаксически подчинено сказуемому.

5. Указанная специфика деепричастного сказуемого, которой лишены личные формы глагола, вызвана тем, что оно (сказуемое) на предикативной основе и без всякого ущерба для нее в зависимости от своей формы (такова лишь моносемантическая форма на *-гансал-эгисэ*) и типичных условий ее применения (таковы все остальные формы, особенно общетюркская самая употребительная форма на *-л*) выражает по отношению к последующему сказуемому в личной форме глагола определенные собственно глагольные обстоятельственные (1) или (реже) обстоятельно-характеризующие (2) значения. Деепричастное сказуемое синтаксически зависимо от сказуемого в личной форме точно так же, как сказуемое придаточного предложения зависит от сказуемого главной части любого сложноподчиненного предложения, где первое, как и деепричастное сказуемое, при всей своей синтаксической подчиненности второму и информативной второстепенности, прежде всего и главным образом выступает именно как сказуемое, если даже при этом само по себе или с помощью контекста и выражает чисто обстоятельственные отношения, сходные со следующими: 1) ограничительное предшествование или следование (реже) как фон, на котором разворачивается другое действие, или как условие, а то и причина совершения другого действия; 2) одновременность как цель совершения другого действия (реже) или как обстоятельство, при котором совершается другое действие; 3) одновременность или предшествование (реже) как образ или способ совершения другого действия²³.

6. Тем или иным обстоятельным значением, наслаиваемым на неоспоримую предикативную функцию деепричастного сказуемого, обладают все его формы, кроме формы на *-л*, по своей коммуникативной значимости и употребительности занимающей среди них доминирующее положение и приобретающей обстоятельное значение обычно лишь с помощью контекста. Это практически означает, что все формы деепричастного сказуемого, в том числе и форма на *-л*, когда она при некоторых глаголах состояния в зависимости от контекста приобретает соответствующее обстоятельное значение, вступают с последующим сказуемым в личной форме глагола в тесную и необратимую подчинительную синтаксическую связь, характерную для сказуемых придаточной и главной частей сложноподчиненного предложения. Однако при этом деепричастие не превращается в легко устранимый придаток сказуемого, не играющий существенной роли в строении предложения — в приглагольное определение или обстоятельство образа действия в принятом его понимании.

Соответственно деепричастное сказуемое при наличии своего отдельно выраженного подлежащего организует определенный структурно-семанти-

²³ Это последнее значение деепричастия, которое принято неправомерно возводить к обстоятельству образа действия в синтаксическом его понимании, является в лучшем случае сопутствующим значением и к тому же по своему профилю входит в сферу собственно глагольной семантики, как в этом убеждает его типологическое сходство с профилирующим значением необычайно разветвленной системы так называемых видовых форм глагола, специально предназначенных для выражения способа или образа действия средствами самого глагола на уровне собственно глагольной морфологии, где, как и в данном случае, пользоваться названным синтаксическим термином в принятом его осмыслении неправомерно.

ческий тип сложноподчиненного предложения или его разновидность по общей структурной схеме. Когда же деепричастное сказуемое связано с тем же подлежащим, что и подчиняющее сказуемое в личной форме глагола, оно выступает в качестве конституирующего элемента двусоставного слитного предложения с единым предикативным ядром, обуславливающим взаимодействие соподчиненных сказуемых на уровне членов простого предложения. Деепричастное сказуемое и в том, и в другом случае проявляет по отношению к последующему сказуемому в личной форме глагола одно и то же обстоятельственное значение, соответственно — одну и ту же степень синтаксической зависимости от него; в этом плане здесь прослеживается полный изоморфизм. Меняется лишь состав предикативного ядра (в первом случае их два, во втором — только одно), соответственно — статус предложения (в первом случае оно являет собой сложение двух предикаций в целях создания цельной коммуникативной единицы высшего разряда — сложного предложения, во втором — особую разновидность простого предложения, близко стоящую к сложному) и уровень взаимодействия сказуемых: если во втором случае в предложении рассматривается соотношение сказуемых как таковых, то в первом — не столько это, сколько соотношение частей предложения, которые они возглавляют. Говоря иначе, меняется лишь предикативная основа, на которой деепричастное сказуемое выражает то или иное обстоятельственное значение.

7. В зависимости от характера обстоятельственного значения степень синтаксической подчиненности деепричастного сказуемого последующему сказуемому в личной форме глагола резко колеблется: наибольшая зависимость обнаруживается, когда оно выражает способ, образ действия, наименьшая, граничащая с сочинительной синтаксической связью — при обозначении цели действия, промежуточная — при обозначении остальных обстоятельственных значений. Помимо самого профиля обстоятельственного значения, здесь немалую роль играет и то, насколько четко оно выражено: чем менее ясно оно проступает, тем ближе связь между деепричастием и другим глаголом к ее сочинительному типу, и наоборот. Это особенно касается значения способа, причины и цели действия, выражаемого формой деепричастия на *-л* в зависимости от характера лексического значения глагольной основы и контекста.

8. При отсутствии собственно обстоятельственного значения деепричастное сказуемое, в частности, его форма на *-л* по своему синтаксическому положению в принципе не отличается от соотнесенного с ним последующего глагольного сказуемого. В этом случае связь между ними соединительная, свойственная сочинительному союзу *да* (*да, та/тэ, за/зэ, ла/лэ*). В силу этого деепричастная форма на *-л* здесь может быть свободно заменена соответствующей личной формой глагола с союзом или без него. Эта, как и обратная, замена широко практикуется и регламентируется только стилистическими причинами.

Деепричастие на *-л* в данном случае выступает в позиции однородного сказуемого или сказуемого первого компонента сложносочиненного предложения. При этом она обычно выражает относительное время в рамках одного и того же грамматического времени, обозначенного формой абсолютного времени последующего глагольного сказуемого, — предшествование как хронологическую последовательность двух действий. В меру этого форма на *-л* актуализирует последующее сказуемое в ущерб своей информативности.

По всем названным различительным признакам, в том числе и по своей морфологической структуре деепричастие противопоставлено личным формам глагола, с которыми оно связано также и отношением общности по категориальному значению и выполнению предикативной функции. Это взаимодействие и противопоставление, в котором деепричастие выступает как отмеченный его член в рамках единого предложения, и составляет сущность всякого деепричастия. Поэтому деепричастие и употребляется, как правило, лишь в сочетании с личной формой глагола. Его соотносительное

употребление с другим деепричастием, причастием и именем действия производно. И в этом случае деепричастие вызывает появление личной формы глагола, с которой оно соотносится через посредство связанной с ним неспрягаемой формы глагола, благодаря чему деепричастие приобретает соответствующее значение времени и наклонения.

В отличие от спрягаемых форм глагола, деепричастие не может обозначать безличное действие. Будучи (за исключением этого случая) своеобразным синтаксическим эквивалентом личных форм глагола, деепричастие, естественно, не может быть субстантивировано, что составляет его дополнительную характеристику, вытекающую из его собственно глагольных свойств и подтверждающую еще раз их достоверность.

Во всех случаях своего употребления глагол в форме деепричастия полностью сохраняет свою синтаксическую валентность и лексическую сочетаемость и проявляет эти свойства в зависимости от цели и задач коммуникации. Деепричастие образует те же структурные типы глагольных словосочетаний и в том же лексическом их наполнении, что и в личной форме. Это делает излишним отдельное рассмотрение деепричастия на уровне словосочетания, в частности, изложение структурных типов так называемых деепричастных оборотов.

Объединяясь в описанном аспекте, башкирские формы деепричастия обнаруживают большую разнородность по составу и характеру своих значений и функций, а также по своей употребительности и числу глагольных основ, от которых они могут быть образованы.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -И

Аффиксальный компонент этой формы представлен пятью алломорфами: *-ыл/-еп* (после согласных, следующих за *а, э, ы, е, и, у, ү*), *-он/-өн* (после согласных, следующих за *о* и *о*) и *-н* (после гласных).

Данная форма может быть образована далеко не от всех глагольных основ. Ее не допускает многочисленный пласт сложных глаголов, первый компонент которых выражен той же формой деепричастия, в частности:

1) глаголы со значением незаконченности, процессуальности типа *ағыл тор-* (*ят-, ултыр-*) 'течь', *янып ултыр-* (*тор-*) 'гореть', *балкып тор-* 'сиять', *һелкенеһ тор-* 'качаться, шататься', *язып ят-* 'писать', *үҫеп ултыр-* 'расти', в составе которых второй компонент полностью десемантизован;

2) глаголы со значением совершения действия в ожидании другого действия типа *тороп тор-* 'подождать', *йөрөп тор-* 'ходить, походить пока';

3) глаголы со значением нарастающего приближения конечного этапа процесса типа *ботоп бар-* (*кил-*) 'кончатся', *бешеп бар-* (*кил-*) 'дозреть, довариваться', *бозолоп бар-* (*кил-*) 'портиться';

4) глаголы действия (движения) со сходным видовым значением типа *менеп бар-* 'подниматься (туда)', *менеп кил-* 'подниматься (сюда)', *кереһ бар-* 'заходить (туда)', *кереһ кил-* 'заходить сюда', *китеһ бар-* 'уходить';

5) глаголы, выражающие движение к определенному пункту и обратно, типа *караһ кил-* 'сходить и посмотреть', *кайттыһ кил-* 'сходить, съездить домой и вернуться';

6) глаголы, выражающие нарастание действия перед его завершением, типа *һойләй бир-* 'продолжать говорить', *бара бир-* 'продолжать идти, ехать', *ашай бир-* 'продолжать кушать';

7) глаголы с ограничительным временным значением типа *бара тор-* 'идти пока', *уҡый тор-* 'читать пока';

8) глаголы со значением внезапности совершения одноактного действия типа *ала һал-* 'быстро взять', *сыға һал-* 'быстро выйти' и т. п. С деепричастием на *-н* не совместны также формы возможности на *-а -ә/-й ал-* (*бара ал-* 'мочь пойти, поехать') и на *-н бул-* (*эшләп була* 'работать можно').

Форма на *-н* не может быть образована и от многих простых (однословных) глаголов, в том числе от отдельных лексем ряда многозначных глаголов (например, невозможно образовать деепричастие на *-н* от глагола *тор-*

в значении 'держаться', 'стоять'; от глагола *тарт-* — в значении 'весить', 'быть похожим на кого-л.', 'вовлекать, привлечь к участию в чем-л.'; от глагола *елла-* — в значении 'становиться ветреным', от глагола *ерлаштер-* — в значении 'акклиматизировать').

Тем не менее по полноте охвата глагольной лексики форма на *-н* из всех деепричастных форм уступает только форме на *-гас*, имеющей почти глобальный характер.

Форма на *-н* не имеет единого значения, характерного для всех глаголов, от которых она образуется. Она многозначна: в зависимости от контекста выражает предшествование или реже одновременность, а в зависимости от характера лексического значения основы глагола — значение способа, причины и цели действия, и то большей частью с помощью контекста. Из этих значений лишь первое — выражение относительного времени пронизывает все формы деепричастия на *-н*. В большинстве случаев оно сопровождается более или менее ясно выраженным обстоятельственным значением, причем сравнительно широкое распространение имеет первое (способ действия), закрепленное главным образом за определенным кругом глаголов, связанных с подлежащим лишь условно (оно является здесь носителем, а не производителем состояния или действия), в остальных же случаях зависящее обычно от условий контекста и к тому же проявляемое не совсем ясно. Соотношение между собственно обстоятельственным значением и значением относительного времени бывает разным: чем ярче выражено первое, тем менее заметно второе, и наоборот²⁴. Соответственно колеблется и степень синтаксической зависимости деепричастного сказуемого от подчиняющего его последующего глагольного сказуемого, особенно при обозначении им наиболее яркого обстоятельственного значения — способа или образа действия.

Значение способа, образа действия, которое сопровождается значением одновременности, позволяющим контролировать первое, имеют в форме на *-н*:

1) сложные звукоподражательные глаголы с нулевой валентностью типа *шарт ит-* 'издать звук, напоминающий взрыв': *Иштуган, сэмләнеп, үз маңлайына үзе шап иттереп кугып алды* (З. Биешева) 'Раззадорившись, Иштуган сильно хлопнул себя по лбу';

2) некоторые глаголы состояния с нулевой валентностью и ослабленным категориальным значением глагольности, способным, однако, противостоять адвербиализации, типа *рэхэтлән-* 'испытывать удовольствие, наслаждение', *ирен-* 'лениться', *сэмлән-* 'раззадориться'²⁵: *Ул рэхэтләнеп көлдө* (Ә. Вәли) 'Он с удовольствием посмеялся'; *Кыз аптырап, атаһына кайтып эйтте* (фольк.) 'Девушка, озадачась, вернулась домой и доложила своему отцу'; *Кызарып, матур булып март кояшы күтәрелде* (Д. Юлтый) 'Заалев,

²⁴ При отсутствии этого условия глаголы состояния полностью сохраняют здесь свое категориальное значение и в силу этого выражают значение способа или образа действия недостаточно ясно, ср. *Фәрзәндә, журкып, артына сизенде* (Ф. Әсәпов) 'Фарзана, испугавшись, отступила', где помимо слабо выраженного значения способа действия прослеживается значение причины.

²⁵ Сходные формы частично (1) или полностью (2) адвербиализуются лишь при условии, если обрастают каким-либо наречным значением, не содержащимся в их лексической основе и заслояющим их связь с подлежащим, т. е. их значение глагольности: ср. 1) *акрылла-* 'замедлить, затихать' и *акрыллап а* 'постепенно, потихоньку', б) 'не торопясь, замедляясь'; 2) *эйбэтлә-* 'привести в хорошее состояние, в порядок' и *эйбэтлән* 'хорошенько, толком, как следует'. На базе и по образцу сходных адвербиализованных деепричастий возникли, а частично создаются и ныне наречия, лишь этимологически связанные с глаголами на *-ла*: ср. *Кыз яшымлап жына тары онлата. Яшымлап коймак изә* (фольк.) 'Девушка добросовестно готовит муку из пшена. Добросовестно месит тесто для оладьев'; *Мин инде Шакиров тураһында очерк яздыма ныллап ишандым* (Ә. Вәли) 'Теперь я уже твердо знал, что напишу очерк о Шакирове'; *Ә эңгәгез ысыллап та жылып китте* (Ә. Вәли) 'А тетя ваша и в самом деле развернулась'; *Баксабыз, үткәндә кыздар, куш сәен күләп сәсә* (Ш. Бабич) 'Когда проходят девушки мимо сада, он благоухает еще больше'; *Ауырыу аслап һауыга башланы* 'Большой стал постепенно выздоравливать' (*Яшымлап, ныллап, ысыллап, күләп, аслап* образованы непосредственно от основ *яши* 'хорошо', *ныл* 'крепкий', *ысыл* 'настоящий', *күл* 'много', *аз* 'мало').

красуясь, взопло мартовское солнце?'; *Аргынбай каушабырак яуап бирзе* (С. Агиш) 'Аргынбай ответил, несколько растерявшись';

3) отдельные глаголы непроизвольного действия типа *йылмай-* 'улыбаться', *көл-* 'смеяться': *Касим Шакиров миңе йылмайып каршы алды* (Ә. Вәли) 'Касим Шакиров встретил меня, улыбаясь';

4) некоторые глаголы действия типа *һойләш-* 'разговаривать', *атла-* 'шагать', *тырыш-* 'стараться', *ашык-* 'торопиться', в которых заложено определенное характеризующее значение (*атла-* 'передвигаться шагом', *һойләш-* 'осуществить разговор сообщая'; глаголы *тырыш-* и *ашык-*), содержат указание на способ достижения определенной цели: *Ике туған көрмәкләшеп, боғазға боғаз килеп, һуғыша башланьлар* (А. Таһиров) 'Два брата, столкнувшись и хватая друг друга за горло, начали драться'; *Салауат һәр вақыттағы кеүек, бөгөн дә ашығып, взводтан взводка йөрөй, айырым кызылармеецтарҙең ат, эйәрҙәрен карай* (А. Таһиров) 'Салават, как и всегда сегодня, спеша, ходит из взвода в взвод, просвиряет коней и седла отдельных красноармейцев'.

В остальных случаях значение образа или способа действия обусловлено контекстом, а не характером лексического значения самой формы на *-н*, ср. *Таң яҡынлашыуын хәбәр итеп, офоҡ сите ағарҙы* (Я. Хамматов) 'Край горизонта просветлел, предвещая приближение зари'; *Тайфа инәй ейәнсәренә қарап, һоқланьп бөтә алмань* (Д. Юлтый) 'Бабушка Тайфа не может налюбоваться, глядя на своего внука'.

В целом обстоятельственным значением способа, образа действия обладают (или допускают его с помощью контекста), относительно небольшое число форм на *-н*. Независимо от того, представлено ли это значение самой формой на *-н* или посредством контекста, выражено ли при этом ярко или слабо, его наличие подтверждается и контролируется, во-первых, наличием значения одновременности, во-вторых (что характерно только для данной формы деепричастия, и то лишь в описываемом ее значении), невозможностью при ней раздельно выраженного подлежащего.

Итак, деепричастное сказуемое на *-н*, осложненное значением способа или образа действия, функционирует лишь в составе слитного предложения, занимая в нем позицию соподчиненного сказуемого. В позиции сказуемого придаточной части сложноподчиненного предложения оно, судя по имеющимся материалам, выступает только в синтаксических кальках типа *Кем автомобилгә, кем һауа таксиенә ултырып, пассажирҙәр қалаға юнәлделәр*²⁶ 'Пассажиры направились в город, кто на автомобиле, кто на воздушном такси', где подлежащим является фактически одно лицо (*пассажирҙәр*), расчлененное по русскому образцу с помощью повторения местоимения (*кем* 'кто').

В значении способа, образа действия форма на *-н* может быть осложнена афф. *-ырап/-ерәк*, выражающим недостаточно полное проявление действия или состояния: *Аргынбай каушабырак яуап бирзе* (С. Агиш) 'Аргынбай ответил, несколько робея'; *Ул хәҙер жыза төшөбөрәк һөйләргә тотондо* (Ә. Вәли) 'Теперь он начал говорить, немного нервничая'.

Обстоятельное значение причины, сопровождаемое значением предшествования, устанавливается на логической основе — возникает при ограниченном числе глаголов типа *журк-* 'испугаться', *өрк-* 'испугавшись', *шархнутыя* в сторону (о лошади), *ишет-* 'услышать', *кур-* 'увидеть' лишь в соответствующем контексте. Поскольку в данном случае причина и вытекающее из нее следствие рассматриваются как обоюдно обусловленное явление, синтаксические отношения между двумя сказуемыми выходят за пределы обычной подчинительной связи, во всяком случае, находятся на границе с сочинительным типом связи. Это подтверждается возможностью замены деепричастного сказуемого на *-н* соответствующей спрягаемой формой глагола в сочетании с сочинительным союзом, выражающей с помощью

²⁶ Пример взят из кн.: *Сәйтбатталов Ф. Ф.* Башкорт теленең кушма һөйләм синтаксисе. Өфө, 1961, с. 137.

контекста те же самые причинно-следственные отношения, ср. *Ас тороп* (или: *торған да. — А. Ю.*) *йөззәре һарғайған* (М. Гафури) 'Ее лицо пожелтело от голода'; *Мин Ғабдулланьң атына рәтләп җарай алманым* (М. Гафури) 'Позарившись на лошадь Ғабдуллы, я толком не разглядел остальные вещи, находящиеся дома'.

В целях обозначения причинно-следственных отношений деепричастное сказуемое на *-n* одинаково активно употребляется как в слитном (1), так и сложноподчиненном (2) предложениях, являясь их ведущим конституирующим элементом: 1) *Элек бәләкәй генә булмалә тороп, бик илтеккәйлек* (Ә. Вәли) 'Раньше, живя в маленькой комнате, мы мучались'; 2) *Ул ғына етмәгән, көбәгәндә гильза арылып, берзән-бер пулемет атыузан тужтаны* (Ф. Исәнғолов) 'Мало того, в стволе разорвалась гильза, и единственный пулемет перестал стрелять', где вместо *арылып* без ущерба для передаваемого им содержания может быть употреблена форма *арылды ла*.

Обстоятельное значение цели форма на *-n* обнаруживает более или менее регулярно при некоторых глаголах типа *эзлә* 'искать', *телә* 'желать', если эти глаголы выступают в роли зависимого сказуемого слитного предложения (1) или главной части сложноподчиненного предложения (2): 1) *Мин, уны эзләп, яр буйлап киттем* (Ғ. Әмири) 'Я пошел искать его вдоль берега'; 2) *Ауыл күрәнгәс, Әкрәм Йомраньң, тағы атлап барырга теләп, тья тоштә* (А. Таһиров) 'Когда стала виднеться деревня, Акрам, желая ехать шагом, стал сдерживать своего Юмрана'. Во втором примере, в отличие от первого, целевое значение деепричастия на *-n* создается лексико-синтаксическим путем: благодаря свободному сочетанию глагола *телә* 'желать' с целевым инфинитивом на *-(ы)рга/-(е)ргә* лексическая основа инфинитива может быть заменена любым глаголом активного действия. Значение цели у деепричастия на *-n* создается также и чисто морфологическим путем — благодаря аналитической форме намерения на *-максы булып*, образуемый от широкого круга глагольных основ; но деепричастие в этом значении употребляется преимущественно в диалектной речи: *Һине күрмәксә булып, ул эллә қасан ук җайтый китте* 'Намереваясь встретить тебя, он давно ушел домой'.

В описанном значении деепричастие на *-n* близко стоит к целевому инфинитиву на *-рга, -(ы)рга/-(е)ргә*²⁷, который без особого ущерба для передаваемого ею смысла иногда может ее заменять: *Балаларымды алып, малымды эзләп* (или: *эзләргә. — А. Ю.*), *Урал эсенә китәм* (Ф. Исәнғолов) 'Взяв с собой детей, пойду на Урал искать свой скот'. Различие между ними сводится к тому, что первое выражает одновременность, а второй — следование.

В соединении с усилительной частицей *та/тә* форма на *-n* многих глаголов выражает уступительное значение, выполняя функцию соподчинения сказуемого уступительного слитного предложения (1) или сказуемого придаточной части уступительного сложноподчиненного предложения (2): 1) *Ауылға барып та ял итеп булманы* (Ш. Янбаев) 'Не пришлось отдохнуть и в деревне, куда я ездил'; 2) *Йәй етеп тә, көндәр һаман йылынмай* (Ә. Вәли) 'Хотя уже и наступило лето, дни все еще не потептели'.

По значению к форме на *-n та/тә* близко стоит широко употребительная монолитная аналитическая форма деепричастия на *-а/ә, -й тороп*, функционирующая, в отличие от первой, только как соподчиненное сказуемое слитного предложения: *Тимәж, һин дә җуркып, ошоларзы белә тороп, эйтмәйһеңме?* (З. Бишова) 'Значит, и ты, испугавшись, не говоришь, несмотря на то, что знаешь все это?'; *Уның элде көндән көн ауырлашканын күрә тороп*

²⁷ В сочетании с императивом на *-һил/һеп* и формой будущего времени на *-р, -ыр/-ер* грамматикализованная полифункциональная форма деепричастия *тип*, способная организовать придаточную часть целевого сложноподчиненного предложения, имеет регулярное целевое значение: *Һинә килдем әй т е р м е н т и п зур һуз* (М. Карим) 'Я к тебе пришел, чтобы сказать веское слово'; *Мин был кооператив квартирамды, балаларым ошонда иркәнләп йәшәһен т и п, һатып алгайтым* 'Я эту кооперативную квартиру купил с тем, чтобы дети мои жили в ней, не испытывая тесноты'.

his бер ярзам итмэйһегез? 'Хотя и видите, что ее состояние ухудшается изо дня в день, не оказывайте ей никакой помощи'; *Белә тороп айтмэйһегез* 'Хотя и знаете, не говорите'.

Некоторые формы на *-n*, выражающие способ действия типа *сунылдап* (*тама*) 'капает издавая плеск', употребляются в редулицированном виде, означая повторяемость действия, подчеркивая тем самым чисто глагольный характер этих форм: *тамсы сунылдап-сунылдап тама* 'капель падает, издавая повторяющийся плеск'. Ср.: *Улар за эстәрен тотоп, бөгөлөп-бөгөлөп коллалар* (С. Агин) 'Они тоже смеются, хватаясь за животы и то и дело нагибаюсь'; *Ул асынын-асынын жызы хакында уйланы* (Ә. Вәли) 'Испытывая горечь, он думал о своей дочери'. В отдельных случаях редуликация изменяет лексическое значение основы, ср. *ул сумыл йөзә* 'он плывет ныряя' (или: 'погружая голову в воду') и *ул сумыл-сумыл йөзә* 'он плывет, время от времени погружая голову в воду'²⁸.

В значении способа, образа действия (1), равно как и при обозначении последовательности совершения двух «равноправных» действий (2), форма на *-n* нередко обнаруживает стремление к семантическому слиянию с соответственным с ней последующим глаголом: 1) *Уйлап эшләгез* (Ғ. Әмири) 'Поступайте обдуманно'; *Язгы боркоу тондәрзәң берендә куржык уяндым* (Ғ. Әмири) 'В одну из весенних душевных ночей я проснулся от испуга'; 2) *Сәсемдә таран үрзәм* (О. Бикчәнтәев) 'Я причесалась и заплела косы'. Семантическая тяга деепричастия и последующего глагола друг к другу зависит от сочетаемости и соотношения их лексических значений, от коммуникативной роли этих сочетаний и обусловленной этим частотности употребления последнего. Определенную роль играет здесь, конечно, и соотношенность обоих глаголов-сказуемых с одним и тем же подлежащим.

Вместе с тем, благодаря своей непосредственной связи с подлежащим, деепричастие сохраняет и проявляет свою синтаксическую валентность и в силу этого не сливается с последующим глаголом, если даже для этого имеются все названные предпосылки — частные лексико-семантические связи с последующим глаголом, характерные для компонентов сложных глаголов, именуемых обычно глагольными видами. Ср. *Куян дусы менән төлкө бергәләшеп, кайыл төбөндә торалар сер һөйләшеп* (С. Кулибай) 'Лиса со своим другом зайцем стоит под березой, секретничая', где *һөйләшеп торалар*, при всей своей близости к сложным лексическим единицам названного рода, является принадлежностью синтаксиса.

И только там, где между деепричастием и последующим глаголом нет каких бы то ни было синтаксических отношений, действительно происходит их полное слияние в необратимую лексическую единицу: *Кайһылай асыллы план уйлап сыгарған бит!* 'Какой разумный план придумал, а!'; *Улым, йәһәт кенә яңы һепертке алып киләле* (Ә. Бикчәнтәев) 'Сынок, принеси — ка побыстрее новый веник'; *Хужа бер нисә көндән һуң базарға тагы ишәк һатып алып а барзы* (А. Таһиров) 'Ходжа через несколько дней опять ездил на базар, чтобы купить ишака'. Но здесь деепричастие, лишаясь своего значения и синтаксической функции, не может быть квалифицировано как таковое — его аффиксальный показатель являет собой чисто структурную (а не значащую) морфему, в принципе сходную с *о* в составе русских сложных слов типа *паровоз*, *пароход*. Поэтому о собственно словообразовательной функции деепричастия на *-n* в составе так называемых видовых форм говорить было бы так же неуместно,

²⁸ В известной мере редуликация связана со словосложением, а именно — с соединением синонимичных форм на *-n*, или семантически близких двух форм на *-n* в целях создания образных глаголов, функционирующих исключительно как деепричастия: *кейенеп-яканып* 'наряжаясь', *илап-һыктап* 'плача горькими слезами', *өшөп-туңып* 'замерзая как суслик', *тирләп-бешеп* 'дохода до седьмого пота'. Ср. *Нарат штабта тирләп-бешеп мәсәлә сисеп ултыра ине* (Ф. Осанов) 'Нарат, обливаясь потом, сидел в штабе и решал задачу'; *Улар бер аз һуңырак, күтәрелеп-тейҙенеп . . . ауыл урамынан атланылар* (Д. Исламов) 'Несколько позже они, нагрузившись поклажей. . . , шагали по деревенской улице'.

как и об его использовании в качестве показателя прошедшего времени в некоторых других тюркских языках.

Помимо описанных значений и функций, обусловленных либо характером лексического значения глагольных основ, либо синтаксическим контекстом, либо и тем и другим, деепричастие на *-n* широко используется просто в целях выражения относительного времени — предшествования, а то и без этого значения. В этом случае деепричастие выполняет три синтаксических функции.

1. Организует второстепенное придаточное предложение со значением ограничительного предшествования, примыкающее к основному придаточному предложению сложноподчиненного предложения временной обусловленности с констатирующим деепричастным сказуемым на *-гас* или *-гас та*, осуществляющим двустороннюю синтаксическую связь с остальными его двумя сказуемыми: *Малдар йорттарға таралышып, урмандағы саң бағыла төшкәс, өй алдарында бизрәләр шалтырай* (Ф. Әсәнов) 'Когда скот разбредется по домам и в лесу оседает пыль, во дворах раздается звон ведер'; *Иртән кояш сығып, көн бер ни кәзәре йылынғас та, улар юк булалар ине* (Г. Хәйри) 'Утром, как только начинало всходить солнце и воздух несколько прогрелся, они исчезали тотчас же'; *Тик, көй бөтөп, халык алғышлай башлагас кына, үсемә килдем* (Г. Локманов) 'Я пришел в себя только после того, как перестала звучать мелодия и народ начал аплодировать' (первая придаточная часть предложения синтаксически связана лишь со второй его частью и в совокупности с ней, через ее посредство соотносится с главным предложением в модально-временном плане).

2. Форма на *-n*, лишенная всякого собственно обстоятельственного значения, выступает в позиции однородного сказуемого, выражая предшествование, логически вытекающее из последовательности действий. Являясь формально избыточным, оно используется как грамматическое средство актуализации последующего глагола (1) или же для выражения ограничительного предшествования, противопоставленного с помощью синтаксической интонации значению следования (2):

1) ср. *Ул армия сафынан кайтып, нәрирәттә эшләй башланы* (С. Кулбай) 'Вернувшись из рядов армии, он начал работать в издательстве' — деепричастие можно заменить личной формой *кайтты* и соединительным союзом *һәм 'и'*, который при такой трансформации ряда однородных сказуемых на *-n* ставится лишь перед актуализируемым — замыкающим сказуемым как сигнал о том, что перечисление кончается и что за ним следует информативно более важное сказуемое: ср. *Теге кыз Шаһизәнең жаршыһына ултырып* (или: *ултырғы.* — А. Ю.), *өстәлдән осо һынған утмәс бысакты алып* (или: *алды һәм.* — А. Ю.), *тәҙрә төбөнән туңған боззарғы сокой башланы* (Г. Хәйри) 'Усевшись напротив Шагиды и взяв со стола тупой нож с отломленным концом, та девушка принялась счищать лед с подоконника'; *Пәсимә эшен куйып* (или: *куйғы.* — А. Ю.), *урынынан тороп* (или: *торҙо.* — А. Ю.), *алсыктап сықты* (Г. Дәүләтшина) 'Нәсима отложила свою работу, встала с места и вышла из лачуги';

2) *Бында сәй эсеп* (или: *эстек.* — А. Ю.), *тағы юлға сығып* (или: *сыктык һәм.* — А. Ю.), *кибла яғына юналдек* (А. Таһиров) 'Попив здесь чай, мы снова отправились в путь по направлению к югу' — любое из деепричастных сказуемых по усмотрению говорящего может быть свободно заменено личной формой на *-дык/-дек* в сопровождении противительно-соединительного союза *та/тә*, и наоборот — личная форма с этим союзом без ущерба для передаваемого смысла свободно может быть заменена формой деепричастия на *-n*: *Михаил Иванович урынынан торҙо ла* (или: *тороп.* — А. Ю.), *ситтәге кескэй өстәлдә торған графинан һыу койоп* (или: *койҙо ла.* — А. Ю.), *уны Гөлһәзирә еңгәгә һондо* (Г. Әмири) 'Михаил Иванович встал со своего места и, налив в стакан воду из графина, находящегося на маленьком столе в стороне, протянул его тете Гөлһәзире'; *Бөркөт һапыл юғарыға күтәрелде лә* (или: *күтәрелен.* — А. Ю.), *куяндың алдына төшөп* (или:

тоштө лә), контракага атылды (А. Таһиров) 'Орел вдруг взмыл выше, опустил перед зайцем и пакинулся на него'.

Когда семантико-синтаксическое соотношение однородных сказуемых, свойственное второй группе примеров, само по себе вытекает из контекста, оно чаще всего передается одной лишь формой на -п: *Ул жулына тоткан шиккен естәлгә куйып, маңлайындагы тирзәрен һыпырып, урындыгын Новиковка ягымырат куйып, бәхәсләшергә кереште* (Д. Юлтый) 'Он начал спорить, положив саблю, которую он держал в руках, на стол, вытерев пот со лба и пододвинув свою табуретку ближе к Новикову'. Здесь перечисление последовательно совершаемых одно за другим действий вплоть до предпоследнего производится без особого выделения значения следования, которое акцентирует и противопоставляет его значению следования лишь предпоследнее сказуемое, отграничивая одновременно пределы этого противопоставления, т. е. всю предыдущую группу сказуемых от замыкающего.

3. При отсутствии всякого обстоятельственного значения форма на -п регулярно выступает в позиции сказуемого первой части соединительного сложносочиненного предложения с закрытой структурой, распадающегося на две семантические разновидности: 1) предложения следования: *Кыш үтәп, яз етте* (М. Гафури) 'Прошла зима, и наступила весна'; *Йөрүзән буйзарына егерме кабат яз килеп, егерме кабат боззар китте* (Ф. Әсәнов) 'На Юрюзань двадцать раз приходила весна, двадцать раз трогался на ней лед';

2) предложения одновременности: *Ямгыры ла вакытында булып, еле лә вакытында иҗеп торзо* (Р. Ханнанов) 'Своевременными были и дожди и ветра'; *Мустафа үзенең полкын кыуып еткәндә, Степан да һауыгын әйләткән кайтып, улар Днепр ярларында торалар ине инде* (Д. Исламов) 'Когда Мустафа догнал свой полк, Степан, выздоровев, тоже вернулся, и они уже находились на берегах Днепра'; *Баһау менән икенсе тапкыр осорашыу кала театрында булып, Шәмсигә бер ни тиклем уның менән һөйләшеп йөрөгә тура килде* (Г. Хәйри) 'Вторая встреча с Багавом состоялась в городском театре, и Шамси должен был некоторое время ходить с ним и разговаривать'.

Особняком стоят два типичных случая самостоятельного употребления деепричастия на -п, когда оптимально выражены его предикативные возможности.

1. Авторские ремарки в пьесах оформляются в скобках с помощью формы на -п в виде вставочной синтаксической конструкции на правах самостоятельного высказывания с контекстуальным эллипсисом подлежащего без последующего глагола в личной форме, с которой оно обычно сочетается:

Әхмәтша. (Тыңлап). Пулемет тауышы бар (А. Таһиров) 'Ахметша. (Прислушиваясь). Слышен треск пулемета'.

Ишһылыу (үсекләп). Кәрәк, кәрәк именш (М. Хәйзәрөв) 'Ишсылу (дразня). Дескать, надо, надо'.

На первый взгляд представляется, что в этом случае в авторской речи, состоящей якобы из названия персонажа-подлежащего, деепричастия в скобках и заключающего ее, как и прямую речь (реплику персонажа), глагола *ди* 'говорить', последний просто опущен и что он подразумевается. Однако глагол здесь не опущен и не подразумевается: деепричастие соотносится не с глаголом, как это обычно бывает, а с самой «прямой» речью персонажа в целом как с неким действием, производимым агенсом-подлежащим (названием персонажа), которое одновременно связано также и с деепричастием (они разобщены лишь знаками препинания — скобками с точкой или без нее).

Вставочная конструкция, возглавляемая деепричастием, обычно лаконична. Но она может быть и развернутой: *Фәрзәнә (Бер аз Шиһапка карап тора ла, башын һелкәп). Бар икән, раббым, кешеләр!* (А. Таһиров) 'Фарзана (Некоторое время стоит и смотрит на Шигапа, затем, качая головой). Бывают же люди, боже мой!', где как с точки зрения информативности, так и синтаксически главенствует отнюдь не первое, а второе сказуемое, хотя в остальных сходных «нормальных» случаях и наблюдается обратное соотношение.

Подобные примеры, равно как и все последующие, наглядно подтверждают предикативную сущность всякого деепричастия вообще, рассматриваемой его формы — особенности.

2. Деепричастие на *-п*, как впрочем и на *-ғас*²⁹, может возглавлять присоединительную конструкцию, дистантно или контактно соотносительную с личной формой глагола, представленной в предыдущем предложении:

— *Мин бит инде мазинлекте лә таиланым . . . — тий ялыныслы тауышка ук күсеп китте мазин. Ул кешәнен газета алып, Иштуганга һондо.*

— *Мә, ышанмаһаң, укып кара! Кайһы берәүҙәр кеүек күз булу өсөн түгел . . . Т е л ә п, тиң хокуклы гражданин б у л ғ ы м к и л е п* (З. Бишева).

— Я же бросил должность муэдзина . . . — сказал муэдзин, переходя даже на жалобный тон. Он вынул из своего кармана газету и передал ее Иштугану.

— Па, если не веришь, читай! Не ради очковтирательства, как это делают некоторые . . . Д о б р о в о л ь н о, ж е л а я с т а т ь р а в н о п р а в н ы м г р а ж д а н и н о м'.

Таиланым 'бросил' и соотносительная с ним присоединительная конструкция с двумя деепричастиями разобцены авторской речью, несколько осложняющей их связь.

В устной речи более регулярны присоединительные конструкции, контактно (а не дистантно, как в предыдущем случае) расположенные по отношению к предложению, со сказуемым которого они соотносены. Говорящий с их помощью оформляет детали высказанной им мысли, вслушивающие в его сознании после ее изложения: *Туйзы бик һэйбәт итеп уткәрен ебәрәргә ине, еңгә. Үсеп килгән йәштәрҙең хәтерендә к а л ы р л ы к и т е п. Бынан ары йәштәр һәр кайһыһы шулай, яңыса кызыл туй менән өйләнергә т е л әр л е к и т е п* (З. Бишева) 'Свадьбу хотелось бы организовать, уважасмая тетя, как можно лучше. Ч т о б ы у подрастающей молодежи з а п е ч а т л е л о с ь это в памяти. Ч т о б ы отныне каждый из них, вступая в брак, п р и д е р ж и в а л с я нового (нерелигиозного) обряда свадьбы'.

3. Деепричастия на *-п* (правда, это связано с иноязычным влиянием) широко употребляются в заголовках газетных статей и художественных произведений (1), в дарственных надписях (2): 1) *Алыс ерҙәрҙе яҡын итеп* («Ағизел», 1974, № 5, с. 107) 'Считая далекие места близкими'; *Вөгөнгөнө уйлап, киләсәкте байкап* («Ағизел», 1974, № 1, с. 4) 'Учитывая современность, обозревая будущее'; *Һайлауҙарҙы каршылап* («Совет Башкортостаны», 1975 4 апр.) 'Встречая выборы'; 2) *Туғаным Мансурға бер иштәлек итеп* 'Брату Мансуру па память'.

Исконная отрицательная форма на *-ма/-мә* от деепричастия на *-п* в башкирском языке не сохранилась, ср. азерб. *дурмайыб* 'не вставая', *охумайыб* 'не читая'. Вместо нее используется форма на *-май/-мәй* или *-майынса/-мәйенсә*, образованная от рудиментарной формы деепричастия на *-а!/-ә, -й* со значением образа или способа действия, сопровождаемым значением одновременности: *Ул уйлап та тормай яуап кайтарҙы* (О. Вәли) 'Он ответил, даже не задумываясь'; *Хәмит уны тып да алмайынса, керек тә какмайынса тыңланы* (Р. Фабдрахманов) 'Хамит слушал его, затаив дыхание и даже не шелохнувшись'. В этом значении оба варианта отрицательной формы сходны, образуются от широкого круга основ и не могут иметь своего отдельно выраженного подлежащего, т. е. бытуют лишь в слитном предложении, нередко заменяя друг друга: *Ямал карсың, ни эшләргә белмәй, өйгә инде* (Ф. Хәйри) 'Бабушка Ямал, не зная что делать, вошла в дом'; *Фәрзәнә, ни эшләргә белмәйенсә, аптырап калды* (Ф. Әсәнов) 'Фарзана, не зная что делать, озадачилась'.

В соединении с формами, обозначающими будущее время, равно как и с императивом, формы на *-майынса* и на *-май* (реже) выражают стимулирующую причинно-следственную и временную (ограничительное предшест-

²⁹ Ср.: *Азактан алырһығыз. Әс-бауыр бушағансы һойләшкәс, кәңәшкәс* (Н. Хаматов) 'Возьмете после. Когда спокойно наговоримся вдоволь, посоветуемся'.

вание как условие) обусловленность двух действий: *Ошоно укыл бөтөр-мәйнсә (бөтмәйнсә) бармайым (барма)* 'Пока не прочту (прочтешь) это, не пойду (не ходи)'; *Эшенде тамамламай, кайтырға уйлау та бирмә* 'Даже и не думай идти домой, пока не завершишь свою работу'; *Йокоһо туймайынса (туймай) уялмаҫ* 'Пока не выспишься, наверное, не проснется'.

В названном значении обе формы чаще всего выступают в качестве сказуемого придаточной части сложноподчиненного предложения, причем вторая из них — не только самостоятельно, но и в составе активной аналитической формы деепричастия на *-май/-мәй тороп*: *Ә ул пулеметты кем дә булаһа демоктөрмәй тороп, иҫән калыуға омотләнеу бик ситен* (Д. Исламов) 'А пока кто-нибудь не заглушит этот пулемет, очень трудно рассчитывать остаться в живых'; *Ул үзе килмәйнсә, бер нәмә лә әйтә алмайым* 'Пока он сам не придет, ничего не могу сказать'; *Кояш сыҡмай, көн йылынмай* 'Пока не взойдет солнце, днем не станет теплее'. Как это видно и из первого примера, сказуемое главной части предложения может быть выражено не только глаголом: *ултырыш бөтмәйнсә, таралырға ярамай* 'Пока не кончится заседание, расходиться нельзя'.

С помощью рассмотренной формы путем сложения семантически близких или синонимичных словоформ созданы отдельные необратимые сложные глаголы, функционирующие исключительно как деепричастия, типа *әйтмәй-нитмәй* 'ничего не говоря', *түкмәй-сәкмәй* 'не пропуская никакие подробности', *арымай-талмай* 'не уставая', функционально близко стоящие к наречиям.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-а/-ә, -й*

Деепричастная форма на *-а/-ә, -й*, образуемая ныне лишь от отдельных глаголов типа *озат-* 'проводить', имела, очевидно, значение цели, в котором в современном языке употребляется инфинитив на *-ырға/-ергә*, сформировавшийся позже нее: *Мөнирә Нәзифәне машинаға тиклем озата барҙы* (Г. Локманов) 'Мунира ходила проводить Назифу до машины'; *Рахман Бануҙы озата сыҡманы* (Ә. Вәли) 'Рахман не вышел проводить Бану'. Обе формы вполне могут заменять друг друга (*Рахман Бануҙы озатырға сыҡманы*).

Рассматриваемая форма в сочетании с афф. *-рак/-рәк*, выражающим ограниченное проявление признака, функционирует в башкирском языке в качестве самостоятельной формы деепричастия со значением ограничительного предшествования, не доведенного до конца, которая не может иметь своего раздельно выраженного подлежащего и образуется лишь от некоторых сложных глаголов типа *барып ет-* 'доехать, прийти', выражающих конечный этап действия: *Ауылға барып етәрәк, Юмран юртыуынан туктаны* (А. Таһиров) 'Приближаясь к деревне, Юмран перестал двигаться ивоходью'³⁰; *Хат таратып бөтәрәк Фәһимдән күзе ауылдашы Пиҙайға төштө* (Ф. Иҫәнғолов) 'Заканчивая раздачу писем, Фахим заметил своего односельчанина Пиҙая'.

Отдельную, хотя и производную, морфологическую единицу составляет и редуцированная форма деепричастия на *-а/-ә, -й*, образуемая в целом от весьма ограниченного круга глагольных основ, не совместимая, к примеру, с множественством глаголов, выражающих законченное одноактное действие вроде *бөт-* 'кончать', *ашап ал-* 'закусить слегка', *сатнап бөт-* 'растрескаться', *курҡыл кит-* 'испугаться', *укыл сыҡ-* 'прочитать', *кереш-* 'приступать', *кител-* 'отколоться'. Неизменным ее значением является незаконченность длительного многоактного или повторяющегося действия или процесса. На это значение, характерное для самой редупликации, в зависимости от характера лексического значения глагольной основы или от синтаксического контекста, частично обусловленного им, наслаиваются еще два, свой-

³⁰ Сюда не относится широко употребительная лексикализованная форма *буларак* 'будучи, как, в качестве, в должности': *Кез. Әмма Тенисовна, коммунисттик тәһҙәт ударниге буларак, бында олакһан һауынсы булып эшләйәсәкһегеҙ* (Р. Ханнанов) 'Вы, Эмма Тенисовна, как ударник коммунистического труда будете работать здесь в должности старшей доярки'.

ственные уже природе именно данной редуцированной формы — деепричастию³¹.

1. Значение способа совершения другого действия или процесса, одновременно производимого одним и тем же лицом. В глаголах состояния это значение доминирует над чисто глагольным значением одновременности (1), в глаголах действия — наоборот (2); тем не менее оно и в последнем случае накладывает синтаксическое ограничение — деепричастие лишается возможности иметь свое отдельно выраженное подлежащее: 1) *Шунда ук ашыга-ашыга кейенэ башланы* (Ө. Бикчәнтәев) 'Он тут же начал торопливо одеваться'; *Кыз курка-курка гына карсык янына инэ* (фолькл.) 'Девушка со страхом заходит к старухе'; 2) *Шулай бер-беренен йыуата-йыуата атланьлар улар* (Ө. Бикчәнтәев) 'Они шагали так, утешая друг друга'; *Рауил һөйләнэ-һөйләнэ сисенде* (Ф. Әсәнов) 'Равил, болтая, разделся'.

2. Значение причинно-следственной обусловленности предшествования и следования, из коих первое обнаруживают только глаголы активного действия, а второе — обычно глаголы состояния: *Уны тазарта-тазарта йөзеп ботэ торғайнык* (Ө. Вәли) 'Очищая его, мы бывало испытывали мучение'; *Егет бара-бара бер тимерсегэ осорай* (фолькл.) 'Парень идет, идет и встречает одного кузнеца'; *Малайзар уны котэ-котэ арып бөттөлэр* (Ф. Әсәнов) 'Ребята, ожидая его, вконец устали'. В этом случае предшествование-причина противопоставляется следованию-следствию, что подтверждается возможностью трансформаций деепричастия в личную форму: ср. *Малайзар уны коттөлэр коттөлэр зэ арып бөттөлэр*; *Егет бара бара ла бер тимерсегэ осорай* (или: *Егет барзы барзы ла бер тимерсегэ осораны* 'Парень шел, шел и встретил одного кузнеца'). Правда, такую трансформацию допускают не все формы деепричастия. Но ее принципиальная возможность достаточно ясно говорит о близости рассмотренного деепричастия в этом его значении к личным формам глагола.

С помощью формы на *-а/-э, -й* нередко производится сложение синонимичных или близких по значению словоформ в целях создания необратимых лексических единиц с образным значением, бытующих только как деепричастия: *Ул этешэ-төртөшэ вагонга күтәрелде* (Ш. Янбаев) 'Он, расталкивая других, пробрался в вагон'; *Яппар жарт бата-сума уның артынан югерэ* (Ф. Локманов) 'Дед Яппар, увязая в грязи, побежал за ним'. Хотя эти сложные глаголы-деепричастия, как и сходные деепричастия на *-п*, и несут с собой ярко выраженное значение способа, образа действия, над этим их значением неизменно доминирует категориальное значение глагольности обусловливающее их сильную связь с подлежащим.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-ҒАС/-ҒЭС*

Данная форма деепричастия в отличие от всех остальных может быть образована от любой глагольной основы.

Форма на *-ғас/-ғэс* обычно выражает предшествование как условие, при котором совершается последующее действие в рамках одного и того же грамматического времени. В этом значении она активно употребляется как в слитном (1), так и сложноподчиненном предложении временной обусловленности (2): 1) *Һалдатка алынғас, һәр вақыт бергә булдык* (Д. Юлтый) 'Когда называли в армию, мы все время были вместе'; 2) *Концерт бөткәс, ула ишек алдына сықты* (Ф. Исәнғолов) 'Когда закончился концерт, они вышли во двор'. Форма на *-п* и другие формы деепричастия, стоящие перед деепричастием на *-ғас/-ғэс*, синтаксически подчиняются ему и только через его по средству соотносятся со сказуемым в личной форме глагола, с которым сама форма на *-ғас* неизменно имеет прямую связь, если даже они разобщены по

³¹ Ср.: *Ләкин бына мин кайһы вақытта уйлайым-уйлайым да аптырайым* (Ф. Хәйри) 'Но вот я иногда думаю, думаю и прихожу в недоумение'; *Пина йөрөнө-йөрөнө а артык түзә алманы* (Р. Ғабдрахманов) 'Нина ходила, ходила, но больше не выдержала', где прослеживается прямая связь со вторым из описанных ниже значений

следующим деепричастием: *Шулай һойләш-һойләш икешәрме-өсәрме рюмка бушаткас, ул диванда яткан иске генә аккордеонга урелде* (Д. Исламов) 'Когда, разговаривая таким образом, мы выпили не то две, не то три рюмки, он потянулся к старенькому аккордеону, лежащему на диване'; *Без кейенеп, тоңсайзарыбыззы асып, рәхмәт әйтәп курушкәс, уләр безгә юл өйрәтәп ебәрзәлар* (М. Гафури) 'Когда мы оделись, нагрузили на себя котомки и, поблагодарив хозяев, распростились с ними, они показали нам дорогу, по которой мы пошли'.

В зависимости от контекста значение предшествования часто осложняется более или менее ясно выраженным оттенком причинно-следственного значения: *Был хәбәрзе ишеткәс, Петро Иосифовичтең йөзөн кара һором капланы* (Г. Әмири) 'Услышав это известие, Петро Иосифович помрачнел'; *Иренәң һәләк булуы тураһында хәбәр ишеткәс, Рәүфәнәң эсәһе бик илань* (Ә. Вәли) 'Получив извещение о гибели своего мужа, мать Рауфы горько плакала'.

Причинно-следственную обусловленность предшествующего и последующего действий форма на *-ғас/-гәс* однозначно выражает обычно лишь в зависимости от характера лексического значения глагольной основы, в частности, при всех основах на *-ма/-мә* и в отдельных глаголах типа *бул* 'быть, стать', *аптыра* 'озадачиться': *Кеүәтов башка һүз әйтмәгәс, Флюра тағы уға өндәште* (Ә. Вәли) 'Поскольку Куватов больше ничего не сказал, Флюра снова обратилась к нему'; *Һин риза булғас, бригадир зә һүз әйтмәс* (Ф. Әсәнов) 'Раз ты согласен, то и бригадир не станет возражать'; *Ҡағышлы эс бошоуын еңә алмайыса аптырағас, асың тәзрә эргәнәң килеп урамға бакты* (Д. Исламов) 'Озадаченный тем, что не может одолеть свою гнетущую тоску, он подошел к открытому окну и посмотрел на улицу'.

В данном своем комбинаторном значении афф. *-ғас* лег в основу широко употребительной монологичной аналитической формы деепричастия на *-а/-ә, -й торғас*, характеризующей обозначаемое ею действие как длительный акт, в конечном итоге приводящий к результату, описанному последующим глаголом в личной форме в составе слитного (1) или сложноподчиненного предложения причинно-следственной и временной обусловленности (2): 1) *Шулай үз алдына үзе зәһәр сәсеп ултыра торғас, бер көндө ул баштан түзмәй ауырып китте* (З. Бийшева) 'Сидя и, злясь, он в конце концов однажды не выдержал — заболел'; 2) *Буш быуага һыузар төшә торғас, Бер мөл тапты, җапыл йырланы* (К. Даян) 'Вода, стекая в пустую плотину, однажды наполнила ее, стала переливаться через край, и плотина вдруг зашела'; *Без шулай һойләшә торғас, мәсьәлә асықланды* 'В результате нашего длительного разговора вопрос стал ясным'; *Шулай һойләшә-һайраша торғас, Ағиҙәдең текә ярына терәп ултырған тыуған-үскән ауыл да күренде* (З. Хисмәтуллин) 'Увлеченные разговором мы в конце концов дошли до места, откуда увидели свою родную деревню, расположенную на отвесном берегу Белой'.

Форма на *-ғас/-гәс* в сочетании с усилительной частицей *та/тә* составляет самостоятельную морфологическую единицу того же назначения с двумя регулярными значениями: 1) акцентированное ограничительное предшествование, противопоставленное следованию как временное условие его совершения, 2) ограничительное предшествование как препятствующее условие, вопреки которому совершается последующее действие. В обоих значениях форма на *-ғас та* выступает как в слитном, так и сложноподчиненном предложениях, причем чаще всего в первом из них, которое помимо изложенного содержит указание на отсутствие стыка между предшествованием и следованием: *Һүз ошо тәңгәләгә килеп еткәс тә, ул йомошон әйтә һалды* (Ә. Вәли) 'Как только речь дошла до этого момента, он сразу изложил свою просьбу'; *Ә без һеззән сигнал алғас та, мулла өйөн уратабыз* (Я. Хамматов) 'А мы, как только последует сигнал от вас, окружим дом муллы'. Во втором своем значении, находящемся в зависимости от контекста, форма на *-ғас та* встречается гораздо реже, чем в первом.

В сочетании с ограничительной частицей *кына/кенэ* форма на *-ғас/-ғәс* реализуется в значении ограничительного предшествования, обуславливающего проявление следования: *Бер ун биш көнләр самаһы утҡәс кенә очерк доһъя күрҙе* (Ә. Вәли) 'Очерк вышел в свет лишь по истечении дней пятнадцати'; *Атайым Тандон ағай менән байтаҡ һөйләшкәс кенә, ул бер аз йомшара төштө бугай* (Ә. Бикчәнтаев) 'Он, кажется, несколько смягчился лишь после того, как отец мой довольно долго говорил с дядей Тандоном'.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-ҒАНСЫ*

Форма на *-ғансы/-ғансе* после глухих согласных, *-ғансы/-ғансе* после остальных звуков выражает главным образом ограничительные временные отношения, а именно:

1) ограничительное следование, с наступлением которого прекращается или прерывается другое действие: *Ғалдаттар патрондары бөткәнсе аттылар* (А. Таһиров) 'Солдаты стреляли до тех пор, пока у них не кончились патроны'; *Вахит туйғансы ашаны* (Р. Ханнанов) 'Вахит ел до тех пор, пока не наелся';

2) несостоявшееся следование, устраненное с наступлением предшествующего действия: *Егет нимәләр әйтәргә өлгөргәнсе* (т. е. *өлгөрмәне*. — А. Ю.), *Мәстүрә югерә-атлай төн җараңғылыгында әреҗәйне инде* (Д. Исламов) 'Не успел парень промолвить и слово, как Мәстүрә исчезла в ночной темноте', где это значение возникает в зависимости от контекста;

3) ограничительную одновременность, что тоже зависит от контекста: *Ватан һуғышы башланғандан алып, һуғыш бөткәнсе, безҙең юлдар тағы айырылып торҙо* (С. Кулибай) 'С начала Отечественной войны до ее окончания наши дороги вновь разошлись'.

Форма на *-ғансы* с последующим глаголом в императиве или желательном наклонении широко употребляется в целях сопоставления двух действий, из которых второе в сравнении с первым является предпочтительным: *Бынау бәлкәй бүлмәлә т о р ғ а н с ы, безҙә с ы ж, безҙә күңелле* (Ф. Хәйри) 'Чем жить в такой маленькой комнате, переходи к нам, у нас весело'; *Тик ултырғансы, хат яҙып алайым эле* 'Чем сидеть без дела, напишу - ка лучше я письмо'. В этом значении она чаще всего выражает неопределенно-личное обобщенное действие, обусловленное тем, что предложение в целом носит обычно характер умозаключения, адресованного ко всем трем грамматическим лицам: *Мең тапкыр ишеткәнсе, бер тапкыр күрәү яҡшы, тизәр бит* (З. Хисмәтуллин) 'Говорят же: лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать'.

Как видно из примеров, форма на *-ғас* и в данном своем значении может быть представлена как в слитном, так и в сложноподчиненном предложениях

ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-ҒАНСА*

Форма на *-ғанса/-ғансә* (после глухих согласных), *-ғанса/-ғансә* (после остальных звуков) в отличие от предыдущей образуется от ограниченного числа основ. Она выражает способ или образ действия с оттенком сравнения: *Эмма Тенисовна әйткәнсә эшләне* (Р. Ханнанов) 'Эмма Тенисовна работала так, как это было предложено'; *Үзәбезҙә тор, теләгәнсә аша, теләгәнсә йөрө* (С. Ағиш) 'Живи у нас, ешь, сколько хочешь, ходи, куда хочешь'; *Ҡызым һил уны, эсәң өйрәткәнсә, әйбәтләп эсен дә, тышың да йыу* (Ә. Вәли) 'Доченька, ты вымой его тщательно и внутри, и снаружи, как учила твоя мать'.

В отличие от всех остальных деепричастий форма на *-ғанса* широко употребляется также в вводных предложениях (1), конструируя с формой на *-уыһса/-еуенсә*, возникающей тоже с помощью паречного афф. *-са/-сә*, и с лексикализованной формой деепричастия *әйтмешләй* 'как говорит кто-то' (2): 1) *Ә бына, үзегеҙ әйткәнсә, «көнсөл егет» булып барып, ығы-зығы кутар-зығыҙ* (Ф. Исағолов) 'А вот, появившись там, как Вы сами выразились, в качестве «ревнивого парня», Вы подняли скандал'; *Уның һөйләүенсә, эш*

былай була (Ф. Хэйри) 'По его рассказу, дело обстояло следующим образом';
2) Ул, шагирээр эйтмешлэй, уйзар дицгезендэ йозэ баилай ине (Ф. Хэйри)
'Он, как бы выразился поэт, начал погружаться в мир грёз'.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -ЫШЛАЙ

Форма на -(ы, о)шлай/-(е, ө)шлэй носит рудиментарный характер. Она представлена только глаголами движения *барышлай* 'идя (туда)', *килешлэй* 'идя (сюда)', *китешлэй* 'уходя', *кайтмышлай* 'возвращаясь', *узышлай* 'проходя мимо', *үтешлэй* 'проходя мимо' с общим профилирующим значением 'находясь в движении по направлению', в котором она бытует исключительно в функции сказуемого слитного предложения: *Сэжибэ, кире кайтмышлай, Мэхмутте осратты* (Ф. Хэйри) 'Сабиha на обратном пути, возвращаясь домой, встретила Махмута'; *Кис менэн зштэн кайтмышлай шоферзар, берэр кружка һыра эсен сыгырга тиг, трест ашханаһына инделэр* (Д. Исламов) 'Вечером, возвращаясь с работы, шоферы зашли в столовую, чтобы выпить по кружке пива'.

ПРИЧАСТИЕ

Причастие — особая неспрягаемая глагольная форма, имеющая грамматические свойства глагола и прилагательного. Обозначая действие предмета или лица как признак, протекающий во времени, причастие, подобно глаголу, имеет формы прошедшего, настоящего и будущего времени. Ему также свойственны следующие грамматические категории и формы глагола:

1) переходность/непереходность: а) *дэрсен эзерлэгэн укыусы* 'ученик, приготовивший уроки'; б) *театрга барасаж Халим* 'Халим, идущий в театр'; в первом примере глагол изъявительного наклонения и причастие *эзерлэгэн* являются переходными и обозначают действие, переходящее на прямой объект. Во втором примере глагол изъявительного наклонения и причастие *барасаж* являются непереходными;

2) залог: *язылган шиғыр* 'написанное стихотворение', *йылы кейенгэн кеше* 'человек, одетый тепло', *бесэн сабышкан агай* 'дядя, помогавший косить сено';

3) видовые формы: *безгэ килеп йорогэн кеше* 'человек, приходящий к нам', *һөйлэй башлаган докладсы* 'заговоривший докладчик', *укып сыжкан китан* 'прочитанная книга', *караштырган журнал* 'мельком просмотренный журнал', *ял итеп алган эшселэр* 'немного отдохнувшие рабочие';

4) формы возможности и невозможности: *кайта алган кеше* 'человек, который смог возвратиться', *кайта алмаган кеше* 'человек, который не смог возвратиться';

5) отрицательная форма на -ма/-мэ: *эшкэ китеүсе иптэштэр* 'товарищи, идущие на работу' — *эшкэ китмэүсе иптэштэр* 'товарищи, не идущие на работу', *кайнаган һыу* 'кипяченая вода' — *кайнамаган һыу* 'некипяченая вода';

6) управление падежами: *жалаға кайтыусы турист* 'турист, возвращающийся в город', *жаланан килгэн кунак* 'гость, приехавший из города', *ауылда калыусы йэштэр* 'молодежь, остающаяся в деревне' и т. д.

Причастие в отличие от спрягаемых форм глагола не имеет категории наклонения, лица и числа.

Причастие имеет следующие грамматические свойства имени прилагательного:

1) обозначает признак предмета: *хат язган кеше* 'человек, написавший письмо', *иртэгэ килэсжэ вэжил* 'представитель, приезжающий завтра', *был йортта йэзүсе кеше* 'человек, живущий в этом доме';

2) употребляясь вместо определяемого существительного, причастия очень часто выполняют его функции, т. е. употребляются в функции подлежащего, дополнения, а также в составе сложного сказуемого. При этом причастия принимают аффиксы падежа, числа, принадлежности и лица: *Донъя кургандэр был хэлде тиз аңланылар* (Ф. Исаңголов) 'Повидавшие жизнь

скоро поняли это положение'; *Әммә Дәүли карт үзе һөйләгәнгә үзе ышанмай* (М. Кәрим) 'Однако старик Давли не верит тому, что сам рассказал';

3) основная синтаксическая функция причастия, как и прилагательного, выступать определением: *Арыган кешеләрҙең кайһылары ятып, кайһылары ултырып ял итә* (Ә. Бикчәнтәев) 'Уставшие люди отдыхают либо сидя, либо лежа'; *Заһит рәхәтләнен тоҙ ялаган ҡыр кәзәләренән күҙен алмай* (Я. Хаматов) 'Загит не может оторвать глаз от диких коз, которые с удовольствием лижут соль'.

В причастии глагольные признаки преобладают и в грамматическом, и в семантическом планах; причастия обозначают динамические признаки, а прилагательные выражают статические признаки; у причастий грамматических категорий глагола намного больше, чем категорий прилагательного.

ПРИЧАСТИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Причастие прошедшего времени в современном башкирском языке представлено одной формой, которая образуется посредством афф. *-ған* и его алломорфов *-гән, -қан/-кән*: *алған йөкләмә* 'взятое обязательство'; *килгән кунак* 'приехавший гость', *кайтқан кеше* 'вернувшийся человек', *коткән хәбәр* 'ожидаемое известие'.

Отрицательная форма образуется при помощи афф. *-май/-мә*: *әйтелмәгән һүҙ* 'непроизнесенное слово', *эшкә бармаған кеше* 'человек, не поехавший на работу'.

Причастие на *-ған* выражает признак предмета по его действию и состоянию в прошлом; очень часто употребляется в функции определения. В этой функции оно занимает препозитивное положение и связывается с определяемым словом по способу примыкания, не согласуется с определяемым словом ни в числе, ни в падеже: *Баһузарға, калкыу урындарға ирегән қарған пар күтәрелә* (А. Карнай) 'На полях, на возвышенных местах поднимается пар от растаявших снегов'; *Әйткән һүҙ — атқан уҡ* (погов.) 'Сказанное слово — выпущенная стрела'.

Причастное определение на *-ған* бывает простым и распространенным. Простое (синтетическое) определение состоит из одной словоформы. Распространенное причастное определение может состоять из двух, трех и более компонентов: *Сәғидуллин алдында торған кешеләргә текләп қараны* (А. Карнай) 'Сагидуллин внимательно посмотрел на людей, стоящих перед ним'; *Яр буйында уйнап йөрөгән балалар уның артынан китәләр* (Ғ. Дәүләтшина) 'Дети, игравшие на берегу, пошли за ним'; *Озақламай ақ қар менән қапқанған ялан күренде* (С. Агиш) 'Вскоре показалось поле, покрытое снегом'.

Причастия на *-ған*, употребляясь без определяемого ими существительного, приобретают значение предметности и выступают в роли существительного. Эти причастия называют предмет или лицо по их признаку и выполняют синтаксическую функцию подлежащего и дополнения. Они принимают аффиксы падежей, числа и принадлежности: *Уның әйткәннен кайтмай торған ғәзәте бар* (Фольк.) 'У него привычка держать свое слово'; *Иә, кәзерле кунак, ишеткәндәрәнде һөйләй ултыр* (Ж. Клекбаев) 'Ну, дорогой гость, рассказывай о том, что видим, что слышал'; *Йөрөй белмәгән юл бозор, һөйләй белмәгән һүҙ бозор* (погов.) 'Не умеющий ходить испортит дорогу, не умеющий говорить испортит слово'.

Причастия на *-ған* употребляются в функции сказуемого различных придаточных предложений в составе сложноподчиненного предложения. При этом они часто принимают падежные аффиксы и нередко употребляются с различными послелогами.

Причастие прошедшего времени может быть сказуемым придаточных предложений других видов: *Байға сезмәт итеү ауыр булғанға күрә, ялылар тизерәк китеү яғын қарайҙар* (М. Фафури) 'Ввиду того, что работа у бая чрезвычайно трудная, батраки стараются скорее уйти от него' (придаточное причины); *Без һабан бәткәнде көтөп тора алмабыҙ инде* (Ж. Клекбаев) 'Мы не сможем ждать, когда закончится пахота' (придаточное дополнитель-

пое); *Ауылдан алыҫ түгел урман ситенә еткәндә, Фатима күсергә тағы ла бер нисә һүз әйтте* (А. Таһиров) 'Когда доехали до опушки леса возле деревни, Фатима сказала кучеру еще несколько слов' (придаточное времени); *Бөгөн күрше Якуп ауылында базар булганға күрә, ауыл урамдары ғәзәттәгенән шаулыраҡ ине* (З. Бишшева) 'Улицы деревни были более шумными, так как в соседней деревне сегодня собрался базар' (придаточное причины); *Күз алдыла катыны килеп баҫқан һайын, Бураҫасовтың кулы ихтиярһыҙ трубкаһына үрелә* (Ө. Вәли) 'Когда Бураҫасов вспоминал жену, то его рука невольно тянулась к (телефонной) трубке'; *Аш беишкәнгә тиклем, ҡорнаҡ асыл китер* (Ғ. Дәүләтшина) 'Пока суп будет готов, мы проголодаемся' (придаточное времени).

Как видно из приведенных примеров, причастие на *-ған* принимает все надежные аффиксы. При этом некоторые надежные формы употребляются с послелогоми.

Значение придаточного времени выражается также причастием на *-ған* в местном падеже и словами *саҡта, ваҡытта, мәлдә, арала: ул ҡайткан саҡта, ул ҡайткан мәлдә, ул ҡайткан арала* 'когда он возвращался'.

Время действия, выраженного причастием на *-ған*, определяется по времени действия сказуемого главного предложения. Если сказуемое главного предложения выражено формами прошедшего времени, то причастие на *-ған*, как правило, обозначает действие предшествующее основному: *Хисмәтуллыны күрөп һөйләшкәндән бирле Гөлъямал тыныслығын юғалтты* (Я. Хамматов) 'После разговора с Хисмәтуллой Гульямал потеряла свой покой'.

Форма на *-ған* в местном падеже выражает действие, которое происходит или произошло одновременно с действием главного сказуемого: *Һигезенсе март байрамы етеп килгәндә булды был хәл* (Б. Бикбай) 'Это случилось, когда приближался праздник 8-го марта'.

Причастия на *-ған* в редких случаях могут переходить в разряд прилагательных, утрачивая при этом грамматические свойства глагола и выражая постоянные признаки предмета или лица: *әсегән һөт* 'кислое молоко', *ҡайнаған һыу* 'кипячая вода', *беишкәнгән алма* 'спелое яблоко', *беишкән ит* 'вареное мясо', *һөрһөгән ит* 'тухлое мясо', *тыуған ер* 'родная земля'. Причастие на *-ған*, как правило, не субстантивруется.

ПРИЧАСТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

В современном башкирском языке две формы причастия настоящего времени.

Первая форма по своей структуре является простой и образуется при помощи афф. *-ыусы* с его алломорфами *-еүсе, -усы/үсе, -оүсе/-оусы*, например: *языусы* 'пишущий', *һикерөүсе* 'прыгающий', *укуусы* 'читающий', *эшләүсе* 'работающий', *көтөүсе* 'ожидаящий', *ярҙам итеүсе* 'помогающий', *алыусы* 'получающий'.

Эта форма весьма широко употребляется в функции подлежащего, в результате чего многие причастия субстантивировались, пополнив лексику: *ужытыусы* 'учитель', *һатыусы* 'продавец', *языусы* 'писатель', *укуусы* 'ученик', *көтөүсе* 'пастух', *сәсеүсе* 'сеятель' и т. п.

Основной синтаксической функцией причастия настоящего времени на *-ыусы* является выполнение роли определения: *орлоҡ ағыулаусы машина* 'машина, протравляющая зерно', *организмде азыҡландырыусы матдәләр* 'вещества, питающие организм', *ғазапланыусы кеше* 'человек, испытывающий мучения', *улы хажында ҡайғыртыусы әсә* 'мать, заботящаяся о сыне', *юлдан яҙырыусы кеше* 'человек, сбивающий с пути', *тура юлға юнәлтөүсе иптәш* 'товарищ, направляющий на верный путь'.

Причастия настоящего времени на *-ыусы* широко употребляются в речи без определяемого существительного, в субстантивном значении. Они принимают в этом случае аффиксы падежа, числа и принадлежности и выполняют функции подлежащего и других членов предложения: *Барлыҡ ауыл кешеге, ҡарты-йәше һуғышҡа китеүселәрҙе озатырға килде* (Ж. Ҡиәкбаев) 'Все

жители деревни, и стар и млад, пришли провожать уезжавших на войну'; *Хэйзэр инеүселэргэ дивандан урын күрһэтте* (О. Бикчэнтэев) 'Хайдар показал пришедшим место на диване'. Однако эти субстантивированные причастия являются грамматическими омонимами собственных причастий. Наряду с субстантивированными причастиями *һатыусы* 'продавец', *көтөүсе* 'пастух' употребляются и причастия настоящего времени: *һатыусы кеше* 'продающий человек' и *көтөүсе кешелэр* 'ожидающие люди'. Ср. *Базарза сэй һатыусы саузгэгэрзэр бөгөн күп булды* (Г. Дөүлөтшин) 'Сегодня на базаре было много купцов, продающих чай'; *Вокзал поезд көтөүсе халык менэн шығырым тулайны* (А. Таһиров) 'Вокзал был полон людьми, ожидающими поезд'.

Вторая форма причастия настоящего времени является аналитической и образуется посредством сочетания деепричастия на *-а/-э, -й* и вспомогательного глагола *тор-* в форме причастия на *-ған*: *шэл бэйлэй торған энэлэр* 'спицы, которыми вяжут шаль', *тиз бөтэ торған ауырыу* 'болезнь, которая проходит скоро', *Мэскүгэ оса торған самолет* 'самолет, летающий в Москву'.

Различие между первой и второй формами причастия настоящего времени заключается в следующем: 1) причастие на *-уусы* очень часто субстантивируется и переходит в разряд существительных: *икмэк бешереүсе* 'пекарь', *баһлап йырлаусы* 'запевала', *бала караусы* 'няня', *балык үретеүсе* 'рыбовод'. Причастие на *-а/-э, -й торған* употребляется вместо существительного весьма редко и, как правило, не переходит в разряд существительных; 2) причастие на *-уусы* обычно является определением к существительным одушевленным, тогда как причастие на *-а/-э, -й торған* может быть определяемым к существительным со значением одушевленности и неодушевленности: *мэсьлэ аңлатыусы укытыусы* 'учитель, объясняющий задачу', *балык ыслаусы* 'мастер (мастер-коптильщик рыбы)'; *беззең еңеүзе белдерэ торған факт* 'факт, говорящий о нашей победе', *эйткэнде белэ торған кеше* 'человек, знающий цену совета'.

ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Причастие будущего времени имеет три формы. Первая форма образуется при помощи афф. *-ыр* и его алломорфов *-ер, -ор/-өр, -р*. Отрицательная форма этого причастия образуется посредством присоединения к основе глагола показателя *-ма(с)/-мэ(с)*. Примеры: *алыр эйбер* 'вещь, которую необходимо купить', *килер көн* 'грядущий день', *йэшэр йорт* 'дом, в котором будут жить', *һөйлэр һүз* 'слово, которое будет сказано', *өйөр бесән* 'сено, которое нужно сложить', *торор кешелэр* 'люди, которые должны вставать', *һүһмэс дэрт* 'неугасимое желание', *һүһмэс дан* 'немеркнущая слава', *туймас эгэм* 'ненасытный человек', *еңелмэс крепость* 'непреодолимая крепость', *какшамас көс* 'непоколебимая сила', *айырыммас дуслык* 'неразрывная дружба'.

Причастие будущего времени на *-(ы)р* обозначает признак предмета, который является постоянным его свойством, или который, возможно, станет им в будущем: *килер кунак* 'гость, который, возможно, придет', *какшамас дуслык* 'нерушимая дружба'.

Наиболее типичной синтаксической функцией причастия на *-ыр* является выполнение роли определения: *Килер көн килер бэхет ул* (Э. Вахитов) 'Грядущий день — это грядущее счастье'; *Күзгэ күрөһмэс кеше инде ул беззең Фаһим* (Ф. Исаңголов) 'Незаметный он человек — наш Фагим'; *Булыр колон бэйзэ цыйнар* (погов.) 'Жеребенок, который будет хорошим конем, и на привязи будет игривым'; *Үлсәүзэргэ һыймас тэрәнлектәр күптәр беззең һәр бер диңгезгә* (Р. Нигмәти) 'У нас много неизмеримых глубин в каждом море'?

Некоторые причастия на *-(ы)р* окончательно перешли в категорию существительных: *урынбаһар* 'заместитель', *юлбаһар* 'разбойник', *һөтимәрзэр* 'млекопитающие', *үләнһарзэр* 'травоядные', *илгизэр* 'путешественник', *тик тормас* 'непоседа', *килер* 'доход' и т. д.

Причастия на *-(ы)р* активно употребляются в речи вместо существительного, принимая аффиксы падежа и принадлежности: *Килереңде алдан белгән булһам, үзөңде кунаҡ итер инем әле* (Р. Солтангәрәев) 'Если бы знал о твоём приезде, угодил бы я тебя'; *Алтмыш йишәрзән һорама, алты йишәрзән һора* (посл.) 'Не спрашивай у того, кто жил шестьдесят лет, спроси того, кто жил шесть лет'; *Быһ эшкә уның куды бармаһың яҡшы беләһең* (Ә. Вәли) 'Ты знаешь, что его рука не сделает такого' и др.

Парные сочетания, состоящие из комбинации положительной и отрицательной основы будущего времени одного и того же причастия на *-(ы)р*, перешли в разряд наречий: *теләр-теләмәс* 'неохотно', *уяһыр-уяһмаҫ* 'спросонья', *һизелер-һизеләмәс* 'еле заметно', *ашар-ашамаҫ* 'впроголодь', *үсәр-үсәмәс уатыра* 'еле растет', *курәнер-курәнемәс* 'еле заметно'.

Немногочисленные причастия на *-(ы)р*, обозначающие постоянный признак предмета, приближаются к именам прилагательным: *осар кош* 'летающая птица', *килер көн* 'грядущий день', *яһар тау* 'горящая гора' и т. д.

При помощи афф. *-зай*, *-лыж* и их фонетических разновидностей причастие на *-(ы)р* приобретает значение прилагательного: *әйтәп бирә алмаҫлыж шатлыж* 'радость, которую невозможно выразить', *беләнемәсләк эз* 'незаметный след', *кудан килерзәй эш* 'работа, которую можно выполнить', *уғыр-зай (кеше)* 'человек, который сможет учиться'. Примеры: *Юкка қағыз бысратма, кудан килерзәй эшкә тотон* (Ш. Насыров) 'Зря не марай бумагу, возьми за дело, которое ты можешь выполнить'; *Солтан Вахитович алмаштырмаҫлыж белгес иҫәпләнә* (С. Кулибай) 'Султан Вахитович является таким специалистом, которого невозможно заменить'.

Эти причастия-прилагательные могут выполнять и функцию сказуемого: *Йыл һайын яңы йорттар һалына, уларҙы һанап бөтөрлөк түгел* (Р. Низамов) 'Ежегодно строится много домов, их трудно сосчитать'.

И в функции определения, и в роли сказуемого данные причастия-прилагательные выражают модальное значение возможности и невозможности совершить какое-либо действие.

Вторая форма причастия образуется при помощи афф. *-асаж/-әсәж* после согласных основ и *-ясаж/-йәсәж* после гласных основ: *калаға барасаж автобус* 'автобус, который пойдет в город'; *безгә киләсәж кунаҡ* 'гость, который придет к нам'; *Мәскәүҙә уҡыясаж студент* 'студент, который будет учиться в Москве'; *Өфөгә йөрөйсәж поезд* 'поезд, который пойдет в Уфу'.

Причастие на *-асаж* выражает такой признак субъекта и предмета, который обязательно будет характеризовать их в будущем.

Основной синтаксической функцией причастия на *-асаж* является выполнение роли определения при именных частях речи: *Оло шахтер башланасаж забой урынын күрһәтте лә, үзә эшләгән участка ашыҡты* (Я. Хамматов) 'Старый шахтер показал то место, где начнется забой, и, торопясь, пошел на свой участок'; *Алдыбыҙға әле көрәшсәж йылдар бар* (С. Кулибай) 'Впереди у нас еще есть годы борьбы'. Данная форма в современном башкирском языке весьма редко переходит в разряд существительных: *киләсәж* 'будущее', *бирәсәж* 'задолженность', *аласаж* 'долг', *күрәсәж* 'испытание', *котәсәж* 'долг'. Примеры: *Байың алсағы күп, ярының бирәсәге күп* (погов.) 'У богатого много должников, у бедного — долгов'; *Уға киләсәккә юл күрһәтәүсе бәшевик Михаил булды* (Я. Хамматов) 'Дорогу в будущее ему показал бәшевик Михаил'.

В предложении причастие на *-асаж* часто выступает в функции имени существительного, принимая аффиксы падежей и принадлежности: *Ул буровойға барасағы хағында хәбәр итмәгән икән* (Р. Солтангәрәев) 'Оказывается, он не сообщил о своей поездке на буровую'; *Бына мин, пландарымдың тормошка ашаһына шатланып, умарталыҡта китеп барам* (Н. Мусин) 'Вот я, радуясь осуществлению своих планов, иду на пасечник' и т. п.

Третья форма причастия будущего времени образуется посредством афф. *-аһы/-әһе* (после согласных основ), *-йһы/-йһе*, *-йһо/-йһо* (после гласных основ): *бараһы ауыл* 'деревня, куда должны ехать', *һөйләшәһе һүз* 'разговор, который должен состояться', *уғыйһы китап* 'книга, которую нужно читать'.

эшлэйһе эш 'работа, которую нужно выполнить', *йөрөйһө ер* 'место, куда должны ходить'. Грамматическим содержанием данной формы является необходимость совершения действия, которое выражено определяемым членом предложения.

Причастие на *-аһы* с должноствовательным значением входит в состав различных модальных аналитических конструкций, которые выполняют в предложении функцию сказуемого: *Ағайымдың әле бит укып сығаһы бар* (Ш. Биккол) 'Брату еще необходимо выучиться'; *Әллә Йәнозакты сақырып һорашаһымы икән?* (Г. Дәүләтшин) 'Может быть, нам нужно пригласить Янузака и расспросить его?'; *Малдар үзе кайта, эзләп йөрөйһө юк* (Ш. Насыров) 'Возвращаются животные сами, нет надобности искать'; *Нишләт улай канып китәһе булған?* (Ф. Исәнғолов) 'Почему же он решил так неожиданно уехать?'; *Бып хакта үзәмдең күрше А. И. Гавриловтан һорайһы иттем* (З. Ураксин) 'Счел необходимым спросить об этом своего соседа А. И. Гаврилова' и др.

ИНФИНИТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Инфинитив является неличной формой глагола. В отличие от имени действия он функционирует исключительно как глагол, обозначает процессуальное действие.

Формы инфинитива, сочетаясь со спрягаемым глаголом, выражают цель действия и состояния. В зависимости от характера значения сочетающегося с инфинитивом слова эти формы могут выражать и модальные значения: необходимость, долженствование, желание, намерение, побуждение, приказание, возможность и т. д.

Инфинитив не изменяется по лицам, числам, временам и наклонениям, не принимает аффиксов принадлежности. Инфинитив употребляется преимущественно в роли обстоятельства цели, в глагольном словосочетании нередко выступает в качестве главного члена инфинитивно-модального односоставного предложения.

Основной формой инфинитива в современном башкирском языке является глагол с афф. *-рга* с фонетическими вариантами *-ргә*, *-ырга/-ергә*, *-орға/-оргә*; в говорах зафиксирован вариант *-арға/-эргә*, а в письменных памятниках *-урға/-ургә*. В этимологическом плане инфинитив на *-рга* возводится к сочетанию формы причастия будущего времени на *-р* и аффикса дательного-направительного падежа *-ға*. В живой разговорной речи в определенных синтаксических конструкциях выступает и усеченная форма инфинитива на *-(ы)р*: *кайтыр кәрәк* 'надо возвращаться', *барыр булһа* 'если решит пойти'.

Инфинитив на *-рга* образуется как от корневых, так и от производных глаголов. Данной форме глагола присущи категории переходности и непереходности, залога и вида. Она может употребляться в положительном и отрицательном аспектах. Отрицательная форма образуется афф. *-маҫка!* *-мәскә*: *бармаҫка* 'не ходить', *карамаҫка* 'не смотреть' и т. д.

Как показатель самостоятельной категории афф. *-рга* характеризуется однозначностью и употребляется только в качестве целевого инфинитива: не имеет категории лица, числа, времени и наклонения, в отличие от имени действия лишен категории склонения и принадлежности. Афф. *-рга*, таким образом, неизменно, замыкает словоформу — после него уже не может быть других аффиксов словоизменения, кроме модальных частиц *-мыр* с вариантами и *-мы*: *эшләргәлер* 'наверное, надо работать', *уқырғалыр* 'наверное, надо читать', *барырғамы?* 'надо пойти, да?' и т. п.

Различается зависимое и независимое употребление инфинитива, первое является более распространенным.

Независимый инфинитив употребляется главным образом в значении императива, используя свои синтаксические потенции на общих основаниях, ср. *эшкә сығырға* 'выйти (выходить) на работу', *Ленинсә йәшәргә, эшләргә һәм уқырға!* 'Йити, работать и учиться по-ленински!' В первом примере ин-

финитив выступает стержневым словом в словосочетании, во втором — центральным членом предложения.

Лексико-семантические признаки и синтаксические функции инфинитива наиболее полно проявляются в словосочетаниях с зависимым инфинитивом, в качестве главных членов которых выступают существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия, глаголы и модальные слова. Компоненты данных словосочетаний связываются способом примыкания, инфинитив находится в препозиции по отношению к подчиняющимся словам.

Именным словосочетаниям с инфинитивом на *-рга* присущи в основном целевые, реже объектные, предикативные и определительные отношения: *эсергә һыу юк* 'нет воды, чтобы попить', *тартырға тәмәкә бар* 'есть табак, чтобы покурить', *кайтырға ваҡыт* 'пора возвращаться'; *Миндә атта йөрөргә, сабырға ҡсталыҗ бар* (Д. Юлтый) 'У меня есть сноровка ездить, скакать на коне'; *Үзегеҙең ҡай дошманлығыҙ булған баярҙар менән ҡәһәлшәргә ваҡыт* (Г. Дәүләтшина) 'Пора вам сводить счеты со своими кровными врагами — боярами!'

В сочетании с прилагательным инфинитив на *-рга* выражает целевые и объектные отношения: *бейергә оҫта* 'мастер плясать', *Айлы төн аҙаишмаҫка яҡшы* (посл.) 'Лунная ночь хороша, чтобы не заблудиться'; *Һатыу итергә, донъя көтөргә бик булдыҗлы ине есет* (Ф. Хәйри) 'Он был очень способным парнем, чтобы заниматься торговлей, вести хозяйство' и т. п.

Сочетания инфинитива с наречиями выражают пространственно-объектные отношения: *барырға кыйын* 'идти трудно', *әйтергә оят* 'сказать стыдно', *китергә иртә* 'уходить рано', *барырға алыҫ* 'идти (ехать) далеко', *язырға аз* 'писать мало' и т. д.

В современном башкирском языке широко представлены сочетания инфинитива на *-рга* с модальными словами и служебным глаголом *ине*: *кейергә бар* 'есть во что одеваться' ('одеваться есть'), *эшләргә кәрәк* 'работать надо', *килергә тейеш* 'прийти должен', *йыйылырға ни* 'зачем же собираться', *инергә мөмкин* 'можно войти', *китергә ярай* 'можно уйти', *барырға икән* 'оказывается, надо идти', *уҡырға ине* 'надо бы учиться'. Они выражают необходимость, должествование, возможность, невозможность, запрет, желание, сомнение и др.

Самую многочисленную группу составляют глагольные словосочетания с зависимым инфинитивом, который может быть и объектным, и субъектным.

При объектном инфинитиве глаголы обозначают действия различных лиц: *Мин уға килергә куштым* 'Я велел ему прийти'. При субъектном же инфинитиве и подчиняющий глагол и зависимый глагол в форме инфинитива обозначают действие одного и того же лица: *Уҡырға барыу — Тимурҙең иң оло хыялы ине* (Б. Бикбай) 'Пойти учиться было самой заветной мечтой Темира'; *Алҫау уйларға ла иренә* (посл.) 'Лодырь ленится даже думать'.

Синтаксические функции инфинитива на *-рга* весьма обширны. Он может выполнять роль как второстепенных, так и главных членов предложения в зависимости от сочетаемости с различными семантическими и грамматическими разрядами слов, в зависимости от цели и задач коммуникации.

В роли обстоятельств обычно употребляется инфинитив, сочетающийся с глаголами движения, желания, намерения, а также физического состояния. Чаще всего эти глаголы выступают в функции обстоятельства цели: *уҡырға китеү* 'поехать учиться', *күрергә теләү* 'желать увидеть' и т. п.

В роли дополнения употребляются все объектные инфинитивы: *Түрә булырға килештерә* 'Ему идет быть начальником'; *Безҙе батыр көрәшергә Ленин бабай өйрәтте* (фолькл.) 'Храбро сражаться нас научил Ленин'.

Сравнительно небольшая группа инфинитивных глаголов, сочетаясь с существительными при помощи причастных форм глаголов *тигән*, *тиеүсе*, *торған* и модального слова *тейеш* (*тейешле*), может выступать иногда в функции определения: *Суд, Әлмәдизән айыу тиреһенең хаҡын Ваһапҡа тәләтергә тигән хәкөм сығарҙы* (Ж. Күнекбаев) 'Суд вынес решение о том, чтобы обязать Ахмадия уплатить Вагапу стоимость медвежьей шкуры'; *Быныһы*

дәүләткә тапшырылырға тейешле иген 'Это хлеб, подлежащий сдаче государству'.

В функции подлежащего инфинитив на *-рға* употребляется в составе наречных словосочетаний, в сочетании с вспомогательными глаголами в страдательном залоге и с модальными словами *бар* 'есть', *юк* 'нет': *кайтырға куржыныс* 'боязно возвращаться', *сығырға рәхәт ителмәне* 'выходить не разрешено', *ашарға бар, эсергә юк* 'еда есть, а пить нечего' (букв. 'кушать есть, пить нет').

В качестве главного компонента аналитической конструкции в двусоставном предложении инфинитив выступает в сочетании с ее десемантизованным компонентом *тотон-*, указывая при этом на начало действия: *Сөнәғәт ат тугарырға тотондо* (Ж. Киекбаев) 'Сунагат начал распрягать лошадь'. Данная конструкция может быть заменена сложной формой на *-а башла* (*тугара башланы*).

В сочетании с модальными словами типа *тейеш* 'должен' инфинитив может быть рассмотрен как ведущий компонент сложного сказуемого, хотя он здесь в принципе выполняет функцию объекта: *Был роман «Азғы ташкындар» тил аталырға тейеш ине* (С. Агиш) 'Этот роман должен был называться «Весеннее половодье»'.

Независимый инфинитив, как правило, выполняет функцию сказуемого в односоставных безличных побудительных предложениях: *Пленум һәм сессия карарҙарын киң пропагандаларға!* (СБ) 'Широко пропагандировать решения пленума и сессии!'

К собственным инфинитивным формам в башкирском языке относятся также глаголы с афф. *-(ы)уға, -маға, -макка*³², функционирующие только со значением цели действия. Они менее употребительны по сравнению с формой на *-(ы)рға* и обычно встречаются в разговорном языке, причем в его просторечной или диалектальной форме. Иногда при характеристике персонажей они используются в художественных произведениях в изобразительных целях.

Формы же на *-мак, -(ы)у* являются полифункциональными. Помимо инфинитивного значения они имеют значения и других неличных глаголов — имени действия, отглагольного имени, деепричастия.

В башкирском языке глагольная форма на *-(ы)у* выступает в значении инфинитива только в сочетании с модальными словами *кәрәк* 'надо, необходимо', *тейеш* 'должно', *мәмкин* 'можно', *ярай* 'можно', функционируя при этом параллельно с формой на *-рға*: *тизерәк китеү кәрәк // тизерәк китергә кәрәк* 'надо быстрее уйти, уехать' и др.

Все формы инфинитива объединяются общим целевым значением, но каждому из них присущи специфические оттенки значения или эмоционально-стилистическое своеобразие. Форма на *-мак* отличается большей номина tivностью. Обозначаемое ей действие носит более статичный характер, а инфинитивы на *-макка, -маға*, как и форма на *-рға*, выражают действие в его динамике: *Янсары, уны курмәк булып, артына боролон караһа, карт инде күҙ күрәме ер китеп өлгөргән була* (фольк.) 'Янсары, намереваясь увидеть его, вернулся было назад, но старик уже успел уйти довольно далеко'.

В определенных синтаксических конструкциях в стилистических целях инфинитив на *-рға* может заменяться формой имени действия на *-(ы)у* и формой деепричастия на *-а*: *йыйылышҡа һуңларға ярамай // йыйылышҡа һуңлау ярамай* 'пелызя опаздывать на собрание', *кайттып етергә кәрәк // кайтып етеү кәрәк* 'надо вернуться домой', *озатырға сықты // озата сықты* 'вышел провожать', *курергә килде // күрә килде* 'приехал увидеть'. Однако эта замена обычно представляет более низкий стиль или регионализм.

Употребляемость форм инфинитива в различные периоды истории языка была неодинаковой. В более ранних письменных источниках (XVI—XVII вв.),

³² В отдельных говорах восточного диалекта употребляется еще инфинитивный афф. *-ғалы*, зафиксированный и в древнетюркских памятниках. См.: Пасилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, с. 51 и сл.

в литературных произведениях, написанных на тюрки, в фольклоре активнее функционировала форма на *-мак*, тогда как в современном башкирском литературном языке доминирует инфинитив на *-рга*. Остальные формы дифференцировались в стилистическом плане. Для живой разговорной речи характерно употребление инфинитива на *-мак*, *-макка*, *-маға*, *-уга*, *-а*, в сфере же научной, общественно-политической и официально-деловой речи используется, как наиболее нейтральная, форма на *-рга*. Эти формы могут употребляться и параллельно в зависимости от жанра и стиля речи.

И М Я Д Е Й С Т В И Я

Имена действия сочетают в себе отдельные категориальные свойства как имени, так и глагола, однако употребляются они преимущественно в функции существительного³².

Имя действия в башкирском языке образуется с помощью афф. *-(ы)у/-(е)у*, *-у/-ү* с фонетическими вариантами: алломорфы *-у*, *-ү* присоединяются к глагольным основам, оканчивающимся на гласные: *тануу* 'узнать', *уйлау* 'думать', *йәшәу* 'жить', *тоҙәу* 'строить' и т. д.; к основам с согласным на исходе присоединяются в зависимости от их огласовки алломорфы с инициальным гласным, варьирующимся по закону гармонии гласных: *-(ы)у* следует за гласными *-а*, *-у*, *-ы*: *барыу* 'пойти', *кайтыу* 'возвращаться', *кырыу* 'истребить', *тыуу* 'рождаться', *һуғыу* 'ударить'; *-еу* — после гласных *э*, *ү*, *е*: *бәреу* 'кидать', *күреу* 'видеть', *әтеу* 'толкать'; *-оу* — после гласного *о*: *бороу* 'крутить', *короу* 'сооружать'; *-өу* — после гласного *ө*: *төйөу* 'толочь', *һөйөу* 'любить'.

Именам действия присущи такие свойства существительного, как категория принадлежности и падежа. Они принимают даже показатель мн. числа *-лар/-ләр*: *Бер туктауһыз тентеүзәр, кулга алыуҙар дауам итә* (С. Кудаш) 'Беспреданно продолжают обыски, аресты'; *Майҙандарзың төнгө балыуҙары — Мин бит ғашик уларға* (Р. Бикбаев) 'Ночные сверкания площадей — Я ведь влюблен, влюблен в них'.

Имена действия могут выступать в позиции первого и второго компонентов пазетной конструкции: *айырылышыу көнө* 'день расставания', *йәшәу бәхетә* 'счастье житья', *ғүмерҙең үтеуе* 'течение жизни', *кешенең атлауы* 'шагание человека'. По данной схеме образуется значительное число устойчивых словосочетаний.

В отличие от именных частей речи имена действия не образуют сказуемости.

Имена действия сочетаются с отдельными послелогоми, которые при этом выражают грамматические значения, характерные не для них, а для иных форм и конструкций, по отношению к которым сочетание имени действия с послелогоми является синонимом.

«Имя действия + послелог *менән* 'с'» выражает:

1) ограничительное предшествование другому действию; *Өскө каттағы коридорға илеу менән, мине Наилә жаршы алды* (С. Агипш) 'Как только я вошел в коридор верхнего этажа, меня встретила Наилә'; *Яз булып, үлән каплау менән [туғайҙы], миңең һәр кисем бында үтә* (Д. Юлтый) 'Как только настает весна и луга покрываются травой, каждый мой вечер проходит здесь'; данная конструкция синонимична форме деепричастия на *-ғас/-гәс* с частицей *та/тә*;

³² Примечание ответ. ред. Имя действия представляет собой отглагольное существительное со всеми присущими ему характеристиками. Как собственно глагол оно выступает лишь при условии, если, сочетаясь с модальными словами *кәрәк*, *бар* и т. п., приобретает значение инфинитива. Как словообразовательная форма существительного имя действия носит глобальный характер. Имя действия нередко служит производящей основой для образования новых слов: *бер туктауһыз* 'безостановочно', *барыу менән* 'с приходом' и т. д.

2) одновременность двух действий: *Остолар моңдар һауаға, йырашып кызғар менән, Мин тороп калдым койоп, эрнеп, Күңел һылау менән* (Ш. Бабич) (Смолкли песни, мелодии. Я остался с горькою болью в душе'; *Улем тынлығына кереп барған ауылда малайҙарға кызыкһыныу менән караусы кеше юк* (Б. Бикбай) 'В деревне, погружающейся в гробовую тишину, не было человека, который бы с любопытством глядел на мальчиков'; конструкция может заменяться деепричастной формой на *-(ы)п*: *Ер оҫтөнән аҫты артыж мең мәртәбә, Байҙар табанын ялау менән тужланһам!* (Т. Йәнәби) 'Тысячу раз лучше быть под землей, чем лизать блюда у богатей'; *Дан сығарыр ирҙәр йән йәлләмәс, Йәнде йәлләу менән дан булмаҫ* (фольк.) 'Мужи, способные прославиться, душу не станут беречь; душу беречь — не будет славы';

4) сомнения в необходимости причинной связи совершаемого действия с другим действием; при этом данные сочетания синонимичны с причастными конструкциями на *-ған/-гән*: *Буранбай за һөргөн китеү менән* (можно сказать: *киткәндән, киткәндән генә, киткәнгә генә*), *Баҫылыр микән илдең ирҙәре?* (фольк.) 'Тем только, что Буранбай будет сослан, утихомятся ли мужи края?'; *Атаж, кәйнәм, мейес сығарыу менән өйҙә фирештә жасалыр шул. . . — тине килен* (Т. Йәнәби) 'Что ты, свекровь, от того, что печь будет сложена, разве убегут из дома ангелы, — сказала своха'.

«Имя действия + послелог *өсөн* 'за'» выражает цель действия, что по значению соответствует инфинитиву на *-рға*: *Каһарман-батырға һуңғы хушлашыу һүҙен әйтеү өсөн ил халкы йыйылған* (фольк.) 'Чтобы сказать Каһарман-батыру последнее слово прощения, собрался весь народ'; *Республиканың ауыл эшәндәре малсылык продукттары етештереү өсөн бөтә нәмәне эшләргә тейеш* (СБ) 'Сельские работники республики должны сделать все для производства продуктов животноводства'.

«Имя действия + послелог *сәбәпле* 'по причине'» является синонимичной формой причастия на *-ған/-гән* в дательном падеже и с послелогом *өсөн* 'за': *Фронт якынлау сәбәпле, приют эвакуацияға әзерләнә* (Д. Юлтый) 'Ввиду того, что приближается фронт, приют готовится к эвакуации'; *Йәлләмәне ваҡытында килтермәү сәбәпле ташсылар йыш кына буш тора* (СБ) 'Ввиду того, что вовремя не подвозится раствор, каменщики часто простаивают'.

«Имя действия + послелог *буйынса* 'по'» выражает действие, совершаемое в соответствии с чем-либо: *Акмурза, кызың әйтеүе буйынса, дейеү кайта торған юлдағы таш күпер астына инеп ултырған* (фольк.) 'Акмурза по совету девушки спрятался под мостом, через который должен был возвращаться див'; *Айбулаттың тәу һойләшеүе буйынса ашау байҙан булырға тейеш ине* (Г. Дәүләтшина) 'По первоначальному уговору бай должен был кормить Айбулата'.

Имена действия сочетаются также с послелогам *тураһында, хажында* 'о, об', которые по значению совпадают с послелого-именными конструкциями.

Форма имени действия в сочетании с личными глаголами образует глагольные фразеологизмы, выражающие различные модальные значения — сомнение, опасение и др.: *барыуын-барабыз за* 'идти-то идем', *китәбез-китеүен* 'уходить уходим'; *эшләүен-эшләйбез инде* 'раз работать так работаем'; *Донъя күргән, өй хажын якшы белгән ағай-эне риза булмай жарай-жарауын. . .* (СБ) 'Видавшая виды родня, хорошо знающая цену дома, хотя и пробует не соглашаться, да. . .'

Имена действия на *-(ы)у/-(е)у* в башкирском языке имеют такие категории глагола, как залог, переходность / непереходность, отрицание, выраженное афф. *-ма/-мә*: *алмау* 'не брать', *тотмау* 'не держать', *килмәу* 'не приходиться', *курмәу* 'не видеть' и др. Аспект возможности и невозможности выражается при помощи модальных слов *мөмкин* 'можно', *мөмкин түгел* 'невозможно', долженствование — словом *тейеш* 'должно': *Ата-әсһәҙе йәшәүҙәре мөмкин, мөмкин түгел йәшәү Ватанһыҙ!* (Н. Нәжми) 'Без родителей жить еще можно, но жить без Родины невозможно'.

Аффиксы имени действия *-(ы)у/-(е)у* могут присоединяться к глагольным

основам в различных формах залога, кратности, полноты и неполноты действия: *йууу* 'мыть' — *йуулыу* 'смываться' — *йууныу* 'мыться' — *йуушыу* 'помочь мыть' — *йуузырыу* 'заставить мыть'; *йууғылау* 'мыть время от времени', *йууыкырау* 'помыть', *йуушытырыу* 'мыть кое-как, не до конца'.

Имена действия в отличие от личных форм глаголов нейтральны по отношению к лицу, падежению и времени.

Имена действия на *-(ы)у/-(е)у* могут выступать в функции всех членов предложения. Определенную роль они играют и в словообразовании, переходя в разряды прилагательных и существительных, являясь основой для образования новых слов с помощью других аффиксов.

В качестве имени действия в башкирском языке в определенных конструкциях выступает и глагол с афф. *-мак/-мәк*. Чаще всего он встречается в разговорном языке, в пословицах, поговорках, а также в произведениях дореволюционных писателей: *Рәт белмәй йерөгәндән мең кат артык, йәнең сығып яр астына кереп ятмак* (М. Гафури) 'Чем жить глупцом на свете, тысячу раз лучше, испустив дух, лежать под кручей'; *Урак урмак — уйнамак, бесән сапмак — йән сыжмак* (посл.) 'Жать хлеб — играть, косить сено — выдыхаться'; *Ир бирмәк — йән бирмәк* (посл.) 'Мужа отдать — душу отдать'; *Алмак күрке — бирмәк* (посл.) 'Долг платежом красен' и т. д.

Изменение имени действия на *-мак/-мәк* по падежам, лицам, залогам наблюдается только в дореволюционных башкирских текстах, в современном башкирском языке это фактически уже застывшая форма.

Сочетаемость имени действия на *-мак/-мәк* с послелогоми ограничена. В современном башкирском языке зафиксировано лишь послеложное сочетание *һынамак өсөн* 'в целях испытания, чтобы испытать'.

СЛУЖЕБНЫЕ И ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ПОСЛЕЛОГИ

Послелогии — служебные слова, выражающие пространственные, целевые, причинные, противительные, инструментальные, сопроводительные, сравнительно-уподобительные, ограничительные и другие отношения.

Послелогии следуют после сочетающихся с ними самостоятельных слов — имен существительных, местоимений, субстантивированных частей речи. Связь между послелогии и самостоятельными словами выражается способом управления и примыкания, при этом послелог выступает как управляющее, а знаменательное слово в роли управляемого: *һинең өсөн* 'из-за тебя', *кискә тиклем* 'до вечера', *йылғаға табан* 'к реке' и т. д.

По своей функции послелогии очень близки падежным аффиксам. Сочетаясь с именами в определенной падежной форме, послелогии уточняют ее значение, служат выражению тончайших оттенков семантико-грамматических отношений.

В разговорном языке наблюдается переход послелогов в падежные аффиксы, ср. *атайман* (< *атай менән*) 'с отцом', *балман* (< *бал менән*) 'с медом', *инэйберлә* (< *инэй менән*) 'с матерью'.

Послелогии, как правило, не принимают грамматических показателей: *Старшинаның өр-яңы җара костюменең туш кешәненән җазан кеүек туңәрәк корһағына хәтле йуан көмөш сәғәт сылбыры һалынған* (З. Бишшева) 'У старшины от нагрудного кармана нового черного костюма до круглого и большого, как котел, живота свисала толстая серебряная цепочка от часов'.

Однако некоторые послелогои, выражающие сравнительные и пространственные отношения, часто принимают аффиксы числа, падежа, сравнения, принадлежности: *һинең кеуегерәк* 'с тебя', *безҙең кеуектәрғә* 'таким, как мы', *унда табаныраҡ* 'в ту сторону', *һеҙгә табанға атланы* 'направился к вам'; *һиңә тиклемһе калмаған* 'никого не осталось, даже твоего возраста'; *Уның шикелһе һауалы кеше жыһ-тирәлә юк* 'Нет в окрестности такого гордого, как он'; *Йылдар буйы минең шикелһене эҙләгән* 'Годами искал такую, как я'.

Башкирский язык обладает развитой системой послелогов, в которой представлены общетюркские послелогои: *менән*, *белән* 'с' (тур. *ile*, туркм. *белен*, *биле*, тат. *белән*, кум. *булан*, узб. *билан*, каз. *мен*), *өсөн* 'для, ради, за', 'из-за' (тур. *için / çin*, туркм. *үчин*, *очен*, кум. *үчүн*, гаг. *ичин*, каз. *үшін*), *күрә* 'благодаря, из-за' (тур. *göze*, туркм. *горә*, узб. *кура*, аз., каз. *коре*, *кеуек* 'подобно, как' (тур. *gili*, гаг. *гиби*, тат. *кебек*, к.-бал. *кибик*, туркм. *киби*, *кими*, кум. *йимик*), *кәзәр* 'до, по' (тур. *kadar*, аз. *гәдәр*, туркм. *гадар*), и также послелогои, характерные лишь для кышакской группы тюркских языков: *таба*, *табан* 'к, по направлению' (каз. *таман*, тат. *таба*), *арқыры* 'через', 'благодаря' (каз. *арқылы*, тат. *аркылы*), *сәбәпле* 'за' (каз. *себепти*, тат. *сәбәпле*).

В башкирском языке функционируют и узколокальные послелогои, имеющие параллели в современных огузских языках, например: послелог *сары* 'до' (тур. *sarı*, аз. *сары*, туркм. *сары*) — *Һаткыға сары машина өстөндә барған* 'До Сатки он ехал на открытой машине'; послелог *тараф* 'по, до, по направлению' (тур. *taraf*, аз. *тәрәф*, туркм. *тарап*) — *Һеҙең тарафка икәулән киткәндәр ине* 'Они направились в вашу сторону вдвоем'.

По своей структуре послелогои делятся на две группы:

1) собственно послелогои типа *менән*, *өсөн*, *тиклем*, *һымак*, *шикелле*, *сажлым*, *кәзәре*, *кәзәр*, *таба*, *бирле*, *һайын*, *шайы*, *ише*, *тары*, *торо* и т. д.;

2) послелогои, образованные от различных частей речи: а) послелогои — изолированные формы имен *башка*, *бүтән*, *сәбәпле*, *хакында* и т. д., б) послелогои — изолированные формы наречий *арқыры*, *тура* и т. д., в) послелогои — изолированные формы глагола *жарай*, *жала*, *күрә*, *алып* и т. д., г) послелогои, образованные путем конверсии *һуң*, *аша*, *эҙәл*, *борон* и т. д. Послелогои этой группы по отношению к формам исходных слов, употребляющихся в самостоятельном значении, являются омонимами.

В башкирском языке отдельные послелогои могут сочетаться с именем существительным при наличии количественного определения: *Бер көн өсөн мине яндырзың*, *бер ай өсөн мине калдырзың* 'Ради одного дня ты заставил меня переживать, ради одного месяца ты меня оставил'.

Один и тот же послелог может сочетаться со словами различными способами связи — управлением и примыканием, передавая при этом идентичные отношения: ср. *күрмәс өсөн* 'чтобы не видеть', *эш өсөн* 'для работы'.

Некоторые послелогои употребляются лишь при причастиях (*жәйтмәс борон* 'до возвращения', *килмәс борон* 'до приезда', *күрмәс борон* 'до встречи', *барған килеш* 'после того, как пошел', *күргән килеш* 'после того, как увидел') или при местоимениях: *Һинән тыһ кем барһын* 'Кто пойдет, кроме тебя'.

Сочетания послелогов с различными падежными формами имени неодинаковы. Ряд послелогов управляет лишь одним падежом, многие — двумя падежами, некоторые — тремя. Это зависит от категориальной принадлежности управляемого слова. Так, послелогои *менән* и *өсөн* управляют основным падежом имени и родительным падежом местоимений: *атайым өсөн* 'ради отца', *һинең өсөн* 'ради тебя'.

В зависимости от падежной формы управляемых слов послелогои делятся на: 1) послелогои, управляющие основным падежом, 2) послелогои, управляющие дательным падежом, 3) послелогои, управляющие исходным падежом.

Менэн 'с, совместно с' в сочетании с именами и местоимениями имеет значение совместности, взаимности и соучастия (1), цели (2) и орудийности (3):

1) *Григорий Иванович менэн булган был беседа төн уртаһы ауғансы ултырып жына түгел, шәмде һундереп, йокларға яңынан тезелешеп ятжас та бик озакка һузылды* (Г. Дәүләтшина) 'Беседа с Григорием Ивановичем продолжалась не только до полуночи, но и после того, как потушили свет и снова легли спать'. Послелог *менэн* в этом значении управляет и родительным падежом, если управляемым словом выступают личные и указательные местоимения, а также имена с аффиксами принадлежности: *Һинең менэн миңең өсөн ошо ерҙән дә хозур ер юк* 'У нас с тобой нет благодатнее места, чем здесь'; *Йырың менэн йорҙеңде яндырың* 'Встревожил ты душу мою своей песней'; *Азатың менэн кил* 'Приходи со своим Азатом';

2) *Зур ниәт менән барган илем дә* 'Поехал было с большой надеждой'; *Атыр уйлап-уйлап, күз йәше менән йорҙен бер аз баҫжас, Бибеш шиңдәйҙер өмөтһоҙ ярыулыҡ менән өй йыйыштырырға керешеп китте* (З. Бишева) 'Бибеш задумавшись и успокаивая себя слезами, с каким-то необъяснимым возбуждением начала убирать дом';

3) *Балта менән сапкылап, бысак менән тураклап, изеп кенә һалаһың* 'Нарубишь топором, нарежешь ножом, сложишь измельчив'; *Һырлы уктар менән атжан кеүек, Була күңелемдең кошона* (М. Фафури) 'Как-будто душу мою пронзают тупой стрелой'; *Бар хәленә кизәнен балта менән сапты* 'Размахнувшись со всей силой, ударил топором'.

Менэн управляет отглагольными именами на $-(ы)у/-(е)у$. В сочетании с ними он образует специальную аналитическую форму глагола, выражающую ограничительное предшествование со значением «как только»: *Барыу менән хәбәр ит* 'Сообщи, как только доедешь'; *Күреу менән үпкәмде тапшыр* 'Как только увидишь, передай мои обиды'.

Послелог *менэн* полифункционален. В частности, он может выполнять функцию соединительного союза: *Хаммат менән Сәлимә үзәренең һуңлаң-кырап булһа ла табылған бәхеттәрен бер кем менән дә уртаклашырға теләмәһеләр* (З. Бишева) 'Хаммат с Салимой не хотели ни с кем делиться своим запоздалым счастьем'; *Йәмиллә менән Әхмәттең тәүге удары бына шулай тыуҙы* 'Так у Джамили с Ахметом родился первый сын'.

О с ө и 'за, из-за, благодаря, для, ради, чтобы' вместе с сочетающимися именами существительными, глагольными именами, прилагательными, местоимениями выражает:

1) цель: *Бына ошо үзәмдең антыма хыянат итмәс өсөн мин Александр Матросов тураһында китап яздым* (Ә. Бикчентаев) 'Чтобы не нарушить свою клятву, я написал книгу про Александра Матросова'; послелог *өсөн* в значении цели управляет и родительным падежом, если управляемыми словами выступают личные, указательные местоимения и некоторые глагольные формы — причастия, отглагольные имена: *Һинең өсөн* 'ради тебя', *шуның өсөн* 'поэтому'; ср. употребление в том же значении сочетания *өсөн тип*: *Һинең өсөн тип һакланым* 'Я хранил это для тебя';

2) назначение: *Уға мәнәре өсөн бер ат, бер һыйыр, кәзә-һарыҡ эйәртеп биреп, хужалықтың тәүге нигеҙ ташын һалып ебәрзе* (З. Бишева) 'За калым дал ему лошадь, корову, овец и коз и помог наладить хозяйство'; *Мин һезгә бөгөн башымдан үткән хәлдәрҙең иң ауырын, һезҙең өсөн иң ғибрәтле булғанын, былтыр ғына булып үткән бер хәлдә һойләйем әле* (Г. Дәүләтшина) 'Из перенесенных мною трудностей расскажу сегодня о самом поучительном для вас событии, которое случилось еще в прошлом году'; *Бирмәс өсөн ул төрлө сәбәп таба* 'Находит разные причины, чтобы не отдать';

3) условие: *Менеп елер өсөн ат кәрәк, атыр өсөн ук кәрәк, дәрәһәндәрер тартыр өсөн курай кәрәк тә, һөйөр өсөн матур кыз кәрәк* (фольк.) 'Для того, чтобы лететь, как птица, нужен конь, стрелять — стрела, играть — курай, а для того, чтобы любить — красивая девушка';

4) причину: *Хамматка был йылда ике семья өсөн эшлэргә тура килде* (З. Бийшева) 'Хаммату в этом году пришлось работать за две семьи';

5) время, определенный срок: *Бер көн өсөн мине калдырзың, бер ай өсөн мине ялдырзың* (фольк.) 'На один день оставил меня, на месяц всего лишил меня'; *Ике көн өсөн кәйефең бозолмаһын* 'Из-за двух дней не переживай'.

Кеүек, шикелле, һымак, саклы, ише, тиклем 'как, подобно' выражают сравнение, сопоставление, а также тождественность по качеству. В обиходно-разговорной речи послелог *кеүек* имеет варианты *кубек, кук*, послелог *тиклем* — варианты *тикле, тиктем, тиксе, тәксе*.

Примеры: *Кар өстө ак ком кеүек кыштырзай, атларга камасаулай* (Б. Дәүләтшина) 'Снег скрепит, как белый песок, затрудняет путь'; *Кара сәүкә кеүек халыктың таралыуы, уларзың асыулары басылып, үз йорттарына кайтыулары* (М. Гафури) 'Как черные галки расходились люди и, как-то успокоившись, шли по домам'; *Ишектән барып инәм дә Майгөл эбейзек тәгәрәгән йомгак кеүек, ишекле-турле йөрөен күзәтеп, катып тик торам* (К. Мәргән) 'Только войду в дверь, сразу начинаю наблюдать, как суетится бабушка Майгуль, напоминающая катящийся колобок'; *Офө ише калала тороу — бәхет инде* 'Счастье жить в таком городе, как Уфа'; *Үзен укытыуы һымак тотә* 'Держится как учитель'.

Послелог *тиклем, саклы, шайы* управляют также родительным падежом местоимений (1) и дательным падежом собственных имен и названий времени (2): 1) *Һинең, шайы саяны күргәнем юк ине* 'Такого много, как ты, я еще не видел'; *Уның шайы мин дә беләм* 'Знаю столько, сколько он'; *Һинең тиклем кызы бар* 'У него дочь с тобой'; 2) *Өфөгә тиклем кырк сакрымдан артык юл калманы* 'До Уфы не больше сорока километров'; *Сәйгә тиклем бер уратып инәем әле, тип каруанһарай ишек алдына сығырға булды* (А. Таһиров) 'Он вышел во двор каравансарая, чтобы обойти до чая еще раз'; *Мәстүрәгә шайы килгән, күңелле һүз, мәрәкәләшеү таңға тиклем һүзүлды* 'Пришли вплоть до Мастуры, и веселье, интересные беседы продолжались до утра'; *Таңға тиклем азатлык алған адъютанты ла офицерзәр* «йыйылышына» *китте* (И. Насыри) 'Получив отпуск до утра, его адъютант ушел на офицерское «собрание»'.

Кәзәр, кәзәре 'подобно, как' также выражают сравнение, сопоставление: *Һинең кәзәр эшләгән кеше булмагандыр могайын* «Искра» *колхозында* 'Не было, наверно, человека, который бы в колхозе «Искра» работал как ты'; *Кала кәзәрә булган да куйган ул Таштыгол* 'Ташлыгул стал как город'; *Уның кәзәрә тарихте белгән кеше юк* 'Нет подобного ему знатока истории'.

В данном значении эти послелогии выступают в сочетании с причастными формами (как послелог *кеүек*): *Ул белгән, күргән кәзәр һин дә мин дә белмәйбез* 'Мы не знаем столько, сколько он видел и знал'; *Тәғзимә ишеткән кәзәрәһен һөйләне лә* 'Тәғзима рассказала все, что только слышала'.

Послелог *кәзәр, кәзәрә*, управляя дательным падежом, подобно послелогу *тиклем*, выражают предел в пространстве и времени: *Макарға кәзәр машинала, теге яғын йәйәу киттек* 'До Макарово ехали на машине, дальше шли пешком'; *Сәғәт 10-ға кәзәр көтөп ултырзык* 'Ждали до десяти часов'.

Аркыры, аша 'через, благодаря, по' обозначают опосредствованное действие. Они синонимичны и в контексте взаимозаменяемы: *Ул Монасиҡә, һоро күзәрән зурыраж асып, күзлек аркыры жараны* (А. Таһиров) 'Он посмотрел на Мунасипа через очки, широко раскрыв свои карие глаза'; *Һинең аркыры күп хәлдәр миңә асык була* 'Благодаря тебе, мне многое становится ясным'; *Кышкы кейемеп почта аша һалған* 'Зимнюю одежду он прислал по почте'.

ПОСЛЕЛОГИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ДАТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ

Таба, табан 'по, к, по направлению' выражают пространственные и временные отношения: *Ул сәй эсеп бөтөү менән, тағы ла мейес алдына табан, бая ингәс ултырған урынына ултырзы ла тағы ла уйға батты* (М. Га-

фури) 'После чая она опять села на прежнее место у печки и задумалась'; *Кискэ таба котоу кайтты, зык кубып балалар мал курсурга сыкты* 'К вечеру вернулось стадо, на улицу с шумом высыпала детвора, чтобы загнать скот'; *Бына ошо кайгынан ике-өс көн буйына ауылга барып эсеп йөрөнө лә, иртәгәһен китергә тигән көндө таңга табан утарга кайтып йығылды* (К. Мөргән) 'После того горя он два-три дня ходил по деревне выпивши и перед тем, как уехать, лишь к утру вернулся в хутор и свалился'; *Кискэ табан кунактар кайтырға йыйындылар* (З. Бишшева) 'К вечеру гости стали собираться домой'.

Хәтләм, хәтлә, саклым, саклы 'до, вплоть до' выражают главным образом предел во времени и пространстве: *Бынан ары улар өйзәренә хәтлә һүзһез барзылар* (З. Бишшева) 'Дальше они ехали молча до самого дома'; *Исменә хәтлә үзәнә башка бит уның* (З. Бишшева) 'Все у него своеобразно, вплоть до имени'; *Азна-ун көн буйы озлөкһөз һибәләп торған йонсоткөс ямғырзан ер генә түгел өйзәр, кәртә-кураға хәтлә шешенеп бөткән* (З. Бишшева) 'От нудного беспрестанного дождя, который шел 8—10 дней, не только земля, но и дома, все постройки распухнут';

Карай 'к, в сторону, в направлении' выражает в отличие от синонимичного послелого *табан* неопределенность, неконкретность предпринимаемого действия: *Җабайга карай сығып китте* 'Поехал в сторону Сабаево'; *Таңга карай ос һыбайлының бөтә ауыл буйына сабышканын күрмәгән кеше аз булгандыр* 'На рассвете, наверно, все видели в деревне трех всадников'; *Җабанга карай кунак булышыулар туктап тора торғайны* 'Приближалось время пахоты — ходить в гости друг к другу перестали'; *Без шулай бик уңайһыз хәлдә торғанда, безрең ултырган ергә карай Хәмизә әбей килә ине* (М. Гафури) 'Когда нам было трудно, к нам приходила бабушка Хамида'; *Улар атка менеп калаға карай юнәлдәләр* (И. Насыри) 'Вскочив на коней, они направились в сторону города'.

Күрә 'по, согласно, судя' обозначает сравнение, сопоставление: *Үзәнә күрә эшләгән эше, тешләгән ашы насар түгел, тагы ни кәрәк* 'По его возможностям работа и еда вполне удовлетворительны, что еще нужно'; *Өйөнә күрә ялманы* (посл.) 'По дому и крыша'; *Санаһына күрә аты, хужаһына күрә әте* (посл.) 'Сбруя по ковью, собака по хозяину'.

В сочетании с указательным местоимением *шуға* послелог *күрә* образует уступительно-причинный союз: *Шуға күрә асыу мәсьәләһендә лә артык баш ватырға тура килмәне* (И. Насыри) 'И поэтому по поводу всяческих недоделаний, особо не пришлось ломать голову'.

ПОСЛЕЛОГИ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ИСХОДНЫМ ПАДЕЖОМ

Һуң 'с, после, затем' выражает:

1) исходный момент, пункт: *Лазаретән һуң уны тағы фронтка озаттылар* (З. Бишшева) 'После лазарета его опять отправили на фронт'; *Ямғырзан һуң һауа сафланып, үләндәр йәшәреп китте* 'После дождя воздух стал чище, позеленела трава';

2) следование: *Уның был һүзенән һуң Закир ағай уңайһызланып, кызарып китте* (М. Гафури) 'После его слов дядя Закир покраснел, застеснялся'; *Мәжгә төшкән бахыржай, ике көндән һуң ғына табып алдылар* (М. Гафури) 'Через два дня, после того, как она упала в колодезь, ее нашли';

Послелог *һуң* может сочетаться с постпозитивной усилительной частицей в вопросительных и восклицательных предложениях: *Алдығызмы һуң?* 'Взяли что-ли?'; *Безрең һакмарға башка һыу етәме һуң?* 'Сравнима ли Сакмара с другой рекой?'

Бирлә 'с' обозначает исходный момент времени: *Кисәнән бирлә үземде егет кеүек тоям* (З. Бишшева) 'Со вчерашнего дня чувствую себя парнем'; *Шунан бирлә урманда ятабыз* (И. Насыри) 'С тех пор мы находимся в лесу'.

Башка 'кроме' выражает:

1) ограничение, конкретизацию: *Минән башка бер кемгә лә күренмәй* (М. Гафури) 'Кроме меня он никому не показывается'; *Өйзә минән башка*

бер кеше лә калмағас, кулшәлен алып рәтләне лә, икегә бокләп кире ябынды (М. Гафури) 'Когда в доме никого не осталось кроме меня, она поправила платок и накрылась';

2) выделение, акцентирование: һуғыштан башка хәбәрҙәр артыҡ қолақка салынаманы 'Не воспринимались никакие события, кроме войны'.

Бутән, ғәйре 'кроме, без' в отличие от синонимичных послелогов башка, кала, тыш управляют лишь исходным падежом местоимений: һинән бүтән барыусы юк 'Кроме тебя идти некому'; Унан ғәйре Әсләм кала 'После него остается Аслям'; Куй инде, унан бутән кыҙҙар бәтмәгәндәр әле? (Л. Дәүләтшина) 'Неужели кроме нее нет других девушек?'.

Алып 'с, от' выражает исходный момент: Ҡыштан алып ауырый 'Болеет с зимы'; Олонан алып балаға тиклем 'От мала до велика'.

Тарафынан в книжном стиле литературного языка выполняет функцию русского творительного падежа в пассивных конструкциях с глаголом в страдательном залоге, если субъект действия выражен одушевленным предметом: Ғариза укытыусы тарафынан язылған 'Заявление написано учителем'. Когда же субъект представлен неодушевленным предметом, вместо тарафынан употребляется послелог менән: Почта самолет менән килтерелә 'Почта доставляется самолетом'. Послелог тарафынан осложнен аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа.

Применительно ко 2-му лицу аффикс принадлежности не употребляется: Һинең тарафтан ошо һүҙҙе ишеттем 'От тебя услышал я такие слова'.

В просторечии употребляется послелог терәп 'с, от': Апрельдән терәп ямғыр башланы 'С апреля месяца начались дожди'.

ЧАСТИЦЫ

Служебные слова, придающие отдельным словам, словоформам, словосочетаниям и предложениям дополнительные смысловые оттенки, называются частицами.

По синтаксической функции частицы близки к союзам, но отождествлять их с союзами нельзя именно потому, что союз, в отличие от частицы, — принципиально отдельное слово¹. Союз, выполняя связывающую роль между словами, членами словосочетаний или предложений, выражает синтаксические отношения, а частица придает лишь различные оттенки значений словам и словоформам (вопрос, желание, утверждение, ограничение, сомнение, неопределенность, эмоциональность и т. п.).

По своему происхождению частицы — это слова полуграмматического, полудеклического типа, имеющие значение, близкое к наречиям, с одной стороны, к союзам и послесловам — с другой.

Некоторые частицы, в особенности вопросительные, входящие в состав слова, очень близки к аффиксам, но отличаются от аффиксов тем, что не являются грамматическим показателем слова, а обуславливают семантико-синтаксическую среду, что характерно прежде всего для союзов.

В современном башкирском языке по значению различаются следующие частицы.

1. Вопросительные частицы:

-мы/-ме, -мо/-ме с оттенками конкретности, уверенности: Нәмә, әллә бында куйылармы үзәңде? Әллә укыуыңды ташлануңмы? (К. Мәргән) 'Почему тебя сюда поставили? Бросил учебу?'; Апайыңды күрҙеңме, һөйләштеңме? 'Ты увидел сестру? Поговорил?';

мы/-ме икән, -мо/-мә икән с оттенками неуверенности, неопределенности, сомнения: Исән кайттымы икән? 'Здоровым ли он вернулся?'; Ә һуң ул олмактағы хур кыҙҙары ла һаман торалармы икән, улар киләткә тиклем ҡартайып бәтмәстәрме икән? (М. Гафури) 'Живут ли эти там, в раю, райские девушки, они не постареют ли?';

¹ См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 129.

-мы/-ме ни, -мо/-мо ни с оттенком удивления, досады: *Өмөлө бай балалары мыскыл итеп колдоларме ни?* (Г. Гүмәр) 'Неужели там в меджлисе сыновья богачей издевались?'; *Шулай уж еңгэ безге баланан да тубән курәңме ни?* (И. Насыри) 'Сноха, неужели вы нас хуже детей считаете?';

сложными по составу вопросительными частицами -мы/-ме икән ни, -мо/-мо икән ни выражается риторический вопрос: *Минең бер хыялым да барып сыкмасмы икән ни?* 'Неужели не сбудется ни одна моя мечта?'; *Туйзан касалар тиме икән ни?* (М. Гафури) 'Разве со свадьбы убегают?'

2. Ограничительные частицы -ғына/-генә, -кыла/-кенә: *Кызыл сыбар кубәләк сәскәләр араһында назлы ғына кыланьп осоп йөрөй* (Ф. Әсәнов) 'Пестрая бабочка, как бы резвясь, перелетает с цветка на цветок'; *Үз-ара ғына һойлашеп мәсьәләне хәл итәйек* 'Решим это, лишь поговорив друг с другом'.

3. Усилительная частица ограничения ук/ук; ею передается значение мгновенности с некоторым оттенком предупреждения: *Шулар араһынан ук атаһының өстәлгә куйған ашын да ашамай, кейемле көйө атыуы үсенә төштө* (И. Насыри) 'Сразу после этого ему вспомнился отец: он лежал одетым, отказавшись от еды'; *Иртәгә үк безгә килеп ет* 'Завтра же приходи к нам'; *Егеттең был инициативаһын шунда ук әлеп алдылар һәм янына ук килеп кул сабып рух бирә башланьлар* (К. Мөргән) 'Тут же поддержали инициативу парня, воодушевляли аплодисментами'.

4. Частица -дыр/-дер, -зыр/-зер, -лыр/-лер, -тор/-төр, частица неуверенного предположения, передает оттенок сомнения, неуверенности в отношении события, действия, явления, предмета: *Кайтайым инде, әбей, өйзәлә көтә торғандарзыр* (К. Мөргән) 'Пойду я, бабушка, наверное, уж заждались меня дома'; *Ғәйеп үзегеззәләр, мин кушканса эшләмәгәннегеззәр әле, могайын* (фольк.) 'Виноваты, наверное, вы сами, — не сделали так, как я предлагал'; *Күренгәндер, ул бит ер астынан йөрөмәй* 'Наверное, появился, он же не ходит под землей'.

5. Частица -һана/-һәнә, выражающая просьбу, увещевание, выступает при глаголах в форме повелительного наклонения: *Килһәнә, күрһәнә, безге генә гәйепләп йөрәмә* 'Да приходи же, приходи, посмотри же, не обвиняй нас зря'; *Атлаһана, алла жоло, — тип ашыктырзы* (фольк.) 'Да шагай же, раб божий, — торопил он'.

6. Частица просьбы -сы/-се, -со/-сө; при форме повелительного наклонения глагола она содержит также оттенок сожаления, а иногда усиливает значение повеления: *Әй китсе-китсе, ошондай көндө өйзә тормасы* (З. Бишева) 'Да ты что, в такую погоду уж не сиди дома'; *Куйсы, харап иткәндәр үзен* 'Не говори уж, погубили его'.

7. Частицы подтверждения с оттенками удивления, иногда досады *дабаһа / забәһа / лабаһа / табаһа / даһа / заһа / таһа*: *Асы елдә баһып тормаһаң да ярай забәһа* (Ә. Бикчәнтәев) 'На холодном ветру можно же было и не стоять'; *Белмәй зә торабыз, безгә кунак бар икән дәбаһа!* (Б. Бикбай) 'У нас, оказывается, гость, а мы и не знали!'

8. Частица неопределенности *әле* следует главным образом после глагола: *Кил әле, кил әле, күрәйем әле* 'Иди-ка, иди-ка, посмотрю-ка я'; *Барма әле, һойләшмә әле* 'Не ходи-ка, не разговаривай'.

9. Различные экспрессивно-эмоциональные оттенки — подтверждение, уверенность, колебание, сомнение — выражаются усилительной частицей -та/-тә, -да/-дә, -за/-зә, -ла/-лә. Эти оттенки в известной степени обуславливаются значением и формой предшествующего частице слова: *Үзегез осоп дә һәйбәт, балалар өсөн дә . . . Минең дә күңелем тыныс булыр* (К. Мөргән) 'И для вас хорошо, и для детей, и моей душе спокойно'; *Тыныс жына ла ята, кислород та һулап карай Фәрит, әммә хәле рәтләnmәй* (Ф. Әсәнов) 'Спокойно лежит Фарит, пробует дышать кислородом, но у него состояние не улучшается'; данная частица в сочетании с формой условного наклонения выражает уступительное значение: *Белһәм дә әйтмәнем* 'Хотя знал, да не говорил'; объединяя однородные сказуемые в форме повелительного наклоне-

ния, частица *-та/-тә*. . . усиливает, конкретизирует просьбу или повеление: *Бар за тор!* 'Иди да живи!'; *Кур за һойләш!* 'Встреться да поговори!'. Эта частица омонимична с соединительным союзом.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Модальные слова как по своему лексическому составу и семантическому содержанию, так и по способу функционирования в предложении представляют собой своеобразный класс слов, не имеющий прямого отношения ни к одной из других частей речи.

Модальные слова выражают отношение говорящего лица к той связи, которая устанавливается им между содержанием высказывания и действительностью.

В современном башкирском языке модальные слова по своему семантическому содержанию подразделяются на следующие разряды: модальные слова, выражающие утверждение и отрицание; модальные слова со значением долженствования и необходимости; модальные слова со значением возможности; гипотетические модальные слова; модальные слова, выражающие побуждение.

Модальные слова по своей синтаксической функции делятся на две группы: 1) вводно-модальные слова, выполняющие функцию вводных слов в предложении; 2) модальные слова, употребляющиеся в функции различных членов предложения.

Модальные слова первой группы характеризуются следующими признаками: а) употребляются только в качестве вводных членов предложения; б) не обладают формами словоизменения и словообразования; в) образуют грамматические омонимы различных частей речи, ср. *дөрөс* 'правильно' — наречие и *дөрөс* 'правда, точно, истинно, верно' — модальное слово; *билдәле* 'известный' — имя прилагательное и *билдәле* 'разумеется, известно' — модальное слово, *курәһең* 'ты видишь' — личная форма глагола и *курәһең* 'видимо, по-видимому' — модальное слово и т. д.

К модально-вводным словам относятся: *әлбиттә* 'конечно, безусловно, несомненно', *ахыры* 'кажется, по-видимому', *буғай* 'кажется', *бәлки* 'может быть, возможно', *курәһең* 'очевидно, видимо', *белмәйем* 'едва ли, ой-ли', *белмәһең* 'может быть' и т. д.

К модальным словам, употребляющимся в функции различных членов предложения, относятся: *бар* 'есть, имеется'; *юк* 'нет, не имеется', *мөмкин* 'можно', *кәрәк* 'должно, нужно', *тейеш* 'необходимо', *түгел* 'нет, не'; *булһа кәрәк* / *булырға кәрәк* 'возможно', *булырға тейеш* 'может быть' и т. д.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

СО ЗНАЧЕНИЕМ УТВЕРЖДЕНИЯ И ОТРИЦАНИЯ

К ним относятся: *әйе* 'да', *бар* 'есть, имеется', *юк* 'нет, не имеется', *әлбиттә* 'конечно', *ысынлап*, *ысынлап та*, *ысындан*, *ысындан да* 'действительно, на самом деле', *дөрөс* 'подлинно', *билдәле* 'конечно', *түгел* 'нет, не', *һис шикһез* 'несомненно', *һис һүҙһез* 'безусловно', *асылда* 'на самом деле', *якшы* 'ладно, хорошо', *ярар*, *ярай* 'ладно, хорошо' и т. д.

Этот разряд модальных слов выражает твердую уверенность говорящего в реальности и достоверности или нереальности и недостоверности событий и действий, о которых идет речь в предложении.

Модальное слово *әйе* употребляется для выражения утверждения, а также согласия и подтверждения. Как правило, оно находится в начале предложения: *Әйе, геүләп торған замандар үтте* (Н. Дәүләтшина) 'Да, прошли те шумные времена'.

Очень часто *әйе* употребляется в сочетании с модальными частицами *бит* 'ведь', *лабаһа* 'конечно': *Әйе бит, Йөзөкәй, атаһы курмәгән бит* (Н. Дәүләтшина) 'Правда ведь, Юзукай, отец еще не видел ее'; *Әйе, лабаһа, жар*

ғына тотта алмас беззе (Г. Дәүләтшина) 'Конечно же, только снег нас не удержит'.

Модальное слово *юк* обозначает общее отрицание, а также несогласие с чем-либо. Оно преимущественно употребляется в диалогической речи при ответе на поставленный вопрос. При соответствующей интонации оно выражает категорическое возражение. Функциональной особенностью *юк* является его употребление как назывного предложения, например: *Урын табылмы һуң? — тин һораны ул. — Юк* (С. Агиш) 'Работу ты себе нашел? — спросил он. — Нет'.

Юк очень часто ставится в начале предложения. При этом глагольное сказуемое всегда принимает аффикс отрицания: *Юк, мин Әмирхановты был төслә булыр тин һис уйыма килтермәгәйнем* (С. Агиш) 'Нет, не представлял я Амирханова таким человеком'. Для усиления несогласия и возражения применяется прием повтора: *Юк, юк. Хөрмәт ағай, уттай эш вақытында индәй әсеү булһын* (Ә. Гәрәев) 'Нет, нет, дядя Хурмат, разве можно пить в такую горячую пору'.

Однако самой типичной синтаксической функцией слова *юк* является выполнение роли самостоятельного сказуемого: *Курәһең бит, һакалы ла юк, майһә та сәкмаған* (С. Агиш) 'Видишь же, и бороды нет, и усов нет'; *Һинең менән бергәләп башкараһы эштәр юк* (Я. Хамматов) 'У нас с вами нет общих дел'.

Модальное слово *бар* 'есть', как и *юк*, выделяется среди других модальных слов своей исключительно полисемантической и полифункциональностью. В функции самостоятельного сказуемого оно сообщает о наличии, присутствии каких-либо предметов и явлений действительности: *Бына ағайыңдан хат бар, уҡып ишеттер* (Г. Дәүләтшина) 'Есть письмо от брата, прочти его'; *Һәр эштең үзенең шиғриәте, үзенең матуралығы бар* (Р. Сафин) 'В каждом деле есть своя поэзия, своя красота'.

Бар также активно употребляется в составе сложного сказуемого и, смыкаясь с ним на лексико-грамматическом уровне, выражает различные модальные значения. В сочетании с причастием на *-ған* оно обозначает уверенное подтверждение совершения тех действий, которые выражены причастием: *Хәлиманең был турала күп ишеткәне бар* (Г. Дәүләтшина) 'Халима, конечно, слышала об этом много раз'.

Сочетание *бар* с причастиями на *-аһы/-әне* имеет значение долженствования и необходимости: *Йоз меңләгән кешене минераль ашламаларҙы белеп фәйзаланырға өйрәтәһе бар* (СБ) 'Необходимо научить сотни тысяч людей правильно использовать минеральные удобрения'.

Модальное слово *бар* в диалогической речи функционирует как назывное слово-предложение: *Был арала ауылға кайтканың бармы? — Бар* 'В эти дни ты бывал в деревне? — Да'.

Модальное слово *түгел* употребляется для отрицания всего содержания предложения. Поэтому оно в основном встречается либо в составе глагольного, либо именного сказуемого, чаще же всего употребляется в составе глагольного сказуемого, выраженного причастием и инфинитивом: *Безгә олатайзарҙан калған малды буләшәһе түгел* (Я. Хамматов) 'Нам не делить богатства, которое осталось от дедов'; *Разведкаға безгә бөгөн китергә түгел* (Ә. Гәрәев) 'Нам сегодня не идти в разведку'.

Түгел часто употребляется также для оформления именного сказуемого с отрицательным значением: *Тимәк, ул әле лә исәптән төшкән кеше түгел* (Р. Солтангәрәев) 'Следовательно, он и сейчас не сошел со счета'; *Юк, Фәйруш, йорәк берзә урынында түгел* (К. Даяп) 'Нет, Файруш, сердце мое никак не на месте'.

Отрицательная форма будущего категорического времени наряду с афф. *-ма/-мә* образуется также при помощи отрицания *түгел*, ср. *мин китмәй-жәкмен — мин китәсәк түгелмен*. Примеры: *Без берзәгә лә баш эйәсәк түгел-без* (Я. Хамматов) 'Ни перед кем мы не склоним головы'; *Әгәр тауға күтәрелә алмаһа ла, ул кире киләсәк түгел* (Д. Исламов) 'Если даже он не сможет подняться на гору, он сюда не вернется'.

Түгел образует отрицательную форму модальных слов *кәрәк*, *тейеш*, *мөмкин*: *кәрәк түгел* 'не надо', *тейеш түгел* 'не обязан', *мөмкин түгел* 'невозможно'. Примеры: *Миленә төндә өйҙә булмағанды һинән башка бер кем белергә тейеш түгел* (З. Бишшева) 'О том, что я ночью не был дома, никто не должен знать кроме тебя'; *Батшаны колатмай тороп, безгә тулы бәхеткә ирешеү мөмкин түгел* (Г. Дәүләтшина) 'Не свергнув царя, нам не добиться своего счастья'; *Ғүмер бергә йәшәп тә кешене үтәһән-үтә аңлап бәтәү мөмкин түгел* (Ш. Насыров) 'Невозможно понять человека до конца, даже прожив с ним целую жизнь'.

При сочетании *түгел* с другим модальным словом отрицательного значения, в частности с *юк* 'нет', образуется форма двойного отрицания *юк түгел* означаящая 'имеется, не без': *Мәғариф өлкәһендә лә уңыштарыбыҙ юк түгел* (СБ) 'Имеются успехи и в области народного просвещения'; *Безгә лә йөрәкле батырҙар юк түгел* (фольк.) 'И у нас тоже есть смелые батыры'.

Түгел в качестве самостоятельного сказуемого, как правило, не употребляется. Однако в диалогической речи встречается употребление модального слова в функции слова-предложения: — *Шулмы идеал бөгөн безең өсөн?* — *Юк, түгел* (Г. Сөләм) — 'Это ли идеал для нас сегодня? — Нет, не идеал'; — *Анау килгән Карим түгелме?* — *Түгел* (Ф. Исәһғолов) 'Не Карим ли тот, который идет сюда. — Нет, не он'.

Түгел употребляется с причастными формами на *-ырҙай/-ерҙәй*, *-ырлык/-ерлек*, *-малы/-мәле*, *-маслыҡ/-мәслек*, *-жыһыз/-кеһез*, когда они выступают в функции сказуемого: *барырҙай түгел*, *барырлык түгел*, *бармалы түгел*, *бармаслыҡ түгел*, *барғыһыз түгел*. Например: *Каланың зурлығына һокланып та, ғәжәпләнеп тә бәтөрлек түгел* (З. Бишшева) 'Невозможно не любоваться красотой и масштабами города'; *Иценә-буйына эллә ни саҡлы саҡрым-дарға һузылып киткән урманды һис кенә лә үтәп сығырҙай түгел* (фольк.) 'Невозможно пройти лес, который протянулся вширь и вглубь на многие километры'; *Бы һаҡһанан һис үтмәле түгел* (фольк.) 'Невозможно пройти через эти ворота'.

В современном башкирском языке широко представлены вводно-модальные слова, выражающие подтверждение реальности или нереальности, истинности или ложности, достоверности и недостоверности событий. Модальное слово *элбиттә* 'конечно, несомненно, непременно, безусловно, обязательно, разумеется' выражает уверенность говорящего в реальности событий, о которых идет речь в предложении. Модальное слово *элбиттә* по своему значению и функционированию весьма близко к модальному слову *билдәле* 'известно, естественно'. Как правило, они употребляются в начале предложения, но возможно их употребление и в середине, и в конце предложения. Примеры: *Элбиттә, кан күп койолаһаҡ* (Я. Хамматов) 'Разумеется, крови много прольется'; *Һүз, элбиттә, теге летчик тураһында бара* (Ә. Бикчәнтаев) 'Речь, конечно, идет об этом летчике'; *Көндөр аяғына, экскурсияға китер инек, билдәле* (З. Бишшева) 'Если бы наступили погожие дни, разумеется, мы поехали бы на экскурсию'.

Модальное слово *дөрөс* 'истинно, подлинно, действительно' используется говорящим для подтверждения несомненности, правдивости, истинности и бесспорности сообщаемой мысли: *Дөрөс, Хисмәтулла бөгөн килде* (Я. Хамматов) 'Правда, Хисмәтулла приехал сегодня'; *Бынан бер ай элек, дөрөс, улар утырлап жына кеше ине* (А. Карнай) 'Верно, месяц тому назад их было всего около тридцати человек'.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ И НЕОБХОДИМОСТИ

Данный разряд модальных значений выражается словами *кәрәк* 'надо, нужно, необходимо' и *тейеш* 'должно, необходимо'.

Модальное слово *кәрәк* выражает необходимость совершения какого-либо действия в силу объективных условий, не зависящих от субъективного

желания говорящего: *Буранбайга иртээг үк полкка китергээ кэрэж* (Д. Юлтый) 'Буранбаю завтра же необходимо уйти в полк'.

Кэрэж активно употребляется в качестве самостоятельного сказуемого: *Матурлыктан элек батырлык кэрэж* (погов.) 'Прежде всего нужна смелость, а лишь потом красота'; *Беззег гаскэргээ намыслы, батыр кешелэр кэрэж* (Я. Хамматов) 'Нашей армии нужны честные и смелые люди'.

Отрицательная форма *кэрэж* образуется не только посредством сочетания с *түгел*, но и при помощи афф. -*май-мэ*: *хин кэрэж түгелһең* — *хин кэрэжмэйһең* 'ты не нужен'. Однако форма отрицания слова *кэрэж* в прошедшем времени образуется исключительно с помощью афф. -*май-мэ*: *хин кэрэжмэһең* 'ты не нужен был', *мин кэрэжмэн* 'я нужен был'; *Юж, кэрэжмэй миңэ бүтэн бахет* (А. Игебаев) 'Нет, не нужно мне другого счастья'; *Бына нимэгээ кэрэж буласаж был аркан* (М. Керим) 'Вот для чего нужен будет этот аркан'; *Мал кэрэж буһна, яз берэр бэрэс табымыр эле* (Н. Дәүләтшина) 'Если нужен будет скот, то весной найдем ягненка'; *Кэрэжмэһ миңэ алтын тарак, һыу һөлөгө булғым килмэй минең* (З. Бишсева) 'Не нужна мне золотая гребенка, не хочу я быть русалкой'; *Кэрэжһэ, алыр иһең эле хин ул мылтыкты, кэрэжмэйһер* (Д. Юлтый) 'Если б нужно было, ты купил бы это ружье, видимо — не нужно'.

В атрибутивной функции *кэрэж* употребляется в сочетании почти со всеми лексико-семантическими разрядами существительных: *кэрэж кеше* 'нужный человек', *кэрэж эш* 'нужная работа'. Наиболее активно оно функционирует со словообразующими афф. -*ле, һез*: *кэрэжле китан* 'нужная книга', *кэрэжһез мәшәжәт* 'непужные хлопоты'.

Кэрэж очень часто субстантивируется, принимая аффиксы принадлежности и мн. числа, а также показатели всех падежей: *Хәзер кэрәгегез бөттө* (Б. Бикбай) 'Теперь вы нам не нужны'; *Әлеге кыскырып йөрөүзег кэрәге юк* (Н. Дәүләтшина) 'Пока не стоит об этом шуметь' и т. п.

Кэрэж может сочетаться с модальными частицами *инде, бит, -тер*, а также с послелогами *шыкелле, һымак, кеуек*: *кэрэж инде, кэрэж бит, кэрәжтер, кэрэж шыкелле, кэрэж һымак, кэрэж кеуек, кэрэж икән, кэрэж иһеһи* и т. д.

Формы условного наклонения образуются при помощи афф. -*һа/һә*: *кэрәжһә* 'если будет нужно'. Аналитическая форма условного наклонения образуется сочетанием *кэрэж* с вспомогательным глаголом *бул-*, который принимает аффикс условного наклонения: *кэрэж буһна* 'если будет нужно', *кэрэж буһган буһна* 'если было бы нужно' и т. д.

В синтаксической функции сказуемого модальное слово *кэрэж* выступает как спрягаемый глагол, принимая аффиксы всех временных форм и наклонений.

Изъявительное наклонение

Настоящее время

Ед. число		Мн. число	
1 л. <i>мин кэрэж (мен)</i>	'я нужен'	<i>без кэрэжбез</i>	'мы нужны'
2 л. <i>хин кэрэж (һең)</i>	'ты нужен'	<i>һез кэрэжһегез</i>	'вы нужны'
3 л. <i>ул. кэрэж</i>	'он нужен'	<i>улар кэрэж</i>	'они нужны'

Прошедшее время

Прошедшее время образуется не только посредством афф. -*те*, но и при помощи вспомогательных глаголов *бул-, иһе-*.

Ед. число

1 л. <i>мин кэрәжтем, кэрәж булдым (инем)</i>	'я был нужен'
2 л. <i>хин кэрәжтең, кэрәж булдың (инең)</i>	'ты был нужен'
3 л. <i>ул кэрәкте, кэрәж булды (ине)</i>	'он был нужен'

Мн. число

1 л. <i>без кэрәжтек, кэрәж булдык (инек)</i>	'мы были нужны'
2 л. <i>һез кэрәжтегез, кэрәж булдығыз (инегез)</i>	'вы были нужны'
3 л. <i>улар кэрәкте, кэрәж булдылар (икеләр)</i>	'они были нужны'

Будущее время образуется при помощи афф. *-ер, -эсэж* и вспомогательного глагола *бул-*.

Ед. число.

- 1 л. *мин кэрэггермен, кэрэгэсэжмен, кэрэж булырмын* 'я буду нужен'
 2 л. *һин кэрэггерһең, кэрэгэсэжһең, кэрэж булырһың* 'ты будешь нужен'
 3 л. *ул кэрэггер, кэрэгэсэж, кэрэж булыр* 'он будет нужен'

Мн. число

- 1 л. *без кэрэггербез, кэрэгэсэжбез, кэрэж булырбыз* 'мы будем нужны'
 2 л. *һез кэрэггерһегез, кэрэгэсэжһегез, кэрэж булырһығыз* 'вы будете нужны'
 3 л. *улар кэрэггер, кэрэгэсэж, кэрэж булыр* 'они будут нужны'

Модальное слово *тейеш* 'необходимо, обязан, должен' в отличие от *кэрэж*, не употребляется в функции самостоятельного сказуемого, а всегда входит в состав аналитических конструкций: *ужырға тейеш* 'должен учиться', *ужырға тейеш ине* 'он должен был учиться' и т. д.

Аналитические конструкции, состоящие из инфинитива и модального слова *тейеш*, выражают твердую убежденность говорящего в необходимости совершения какого-либо действия: *Без бер-беребезгә терэж булырға тейешбез* (Я. Хамматов) 'Мы должны быть опорой друг другу'.

Аналитическая конструкция с *тейеш* имеет все формы лица, числа, времени и наклонений. Формы времени и наклонений образуются при помощи вспомогательных глаголов *бул-, ине*: *ужырға тейеш инем* 'я должен был учиться', *ужырға тейеш булһа* 'если он должен учиться', *ужырға тейеш булыр ине* 'он должен был бы учиться', *ужырға тейеш булһа ине* 'если он должен был учиться' и т. д.

Таким образом, *кэрэж* и *тейеш* по своим структурно-семантическим и синтаксическим свойствам занимают среди других модальных слов особое место, выполняя функции как глагольных, так и именных форм.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТИ

К этому разряду относятся модальные слова *мөмкин* 'можно', *ярай* 'можно'.

Отрицательная форма слова *мөмкин* образуется при помощи *түгел* (*мөмкин түгел* 'невозможно'), а слова *ярай* — посредством глагольного отрицания *-ма* (*ярамай* 'нельзя').

Мөмкин выражает возможность совершения действия при наличии определенных условий. В качестве самостоятельного сказуемого *мөмкин* не употребляется. Оно функционирует только в качестве компонента составного сказуемого, представляющего аналитическую конструкцию, образующуюся из инфинитива на *-ырга!-(е)ргә* и модального слова *мөмкин*: *барырга мөмкин* 'можно идти': *Эште дөроҫ ойошторғанда ғына, продукция сығарылышы байтақ арттырырга мөмкин* (СБ) 'Только при правильной организации труда можно намного увеличить выпуск продукции'; *Заводтың музейендә эшселәрҙең данлы революцион традициялары менән танышырга мөмкин* («Ағизел») 'В заводском музее можно познакомиться со славными революционными традициями рабочих'.

Модальная конструкция *-(ы)рга!-(е)ргә — мөмкин түгел* выражает невозможность совершения действия: *Был турала һүзгә булырға мөмкин түгел* (З. Бишева) 'Об этом не может быть и речи'.

Очень часто употребляется конструкция, составленная из формы имени действия на *-уу* и модального слова *мөмкин*: *барыу мөмкин* 'можно пойти': *Ташлы ер өстөндә лә иген сәсеу мөмкин* (Ғ. Дәүләтшин) 'Хлеб можно сеять и на каменистой земле'.

Аналитическая конструкция, состоящая из инфинитива на *-рга* и модального слова *ярай*, выражает реальную возможность совершения опре-

деленного действия: *Эш бөткәс, уймарға ярай* (Ғ. Тукай) 'Закончив дело, можно поиграть'; *Был эште иртәгән һуң да башларға ярай* («Ленинсе») 'Эту работу можно начать и послезавтра'.

Отрицательная форма этой конструкции выражает значение невозможности совершения действий и запрещения: *Миңә бында оҙаҡ калырға ярамай* (Я. Хамматов) 'Мне здесь долго оставаться нельзя'; *Уйлаган эште ярты юлда калдырырға ярамай* (З. Бишшева) 'Задуманное дело нельзя оставить на середине'.

ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

К гипотетическим модальным словам (со значением предположения, сомнения и неуверенности) относятся: *ахыры* // *ахырыһы* 'кажется, по-видимому'; *буғай* 'видимо, кажется', *бәлки* // *бәлкем* 'наверное', *ихтимал* 'возможно, вероятно', *күрәһең* 'очевидно, видимо', *буһа кәрәк* 'по-видимому, должно быть, может быть', *булырға тейеш* 'должно быть, по всей вероятности', *белмәйем* 'может быть, едва ли, ой-ли', *белмәһең* // *белмәһең тағы* 'возможно, может быть, кто знает'.

Гипотетические модальные слова обозначают различную степень вероятности, возможности совершения действий. По своей семантике они подразделяются на два типа: 1) слова с оттенком большей вероятности и определенности: *күрәһең* 'очевидно', *булырға тейеш* 'должно быть', *ихтимал* 'вероятно, возможно', *булырға мөмкин* 'должно быть, может быть', 2) слова с оттенком меньшей вероятности и определенности: *бәлки* 'может быть', *буғай* 'кажется', *булырға кәрәк* 'кажется, по-видимому', *белмәйем* 'едва ли, может быть, ой-ли'. Примеры: *Күрәһең, олатайым был китап менән дә яҡшы таныш булғандыр инде* (Б. Бикбай) 'Очевидно, мой дед хорошо знал и эту книгу'; *Дйзә, барайыҡ, ул, моғайын, безгә берәй кәңәш бирер* (З. Бишшева) '— Давай, пойдём, может быть, он нам какой-нибудь совет даст'; *Бәлки ул элекке хатаһын аңлағандыр* (Я. Хамматов) 'Может быть, он понял свою прежнюю ошибку'.

Модальные слова *буғай*, *булырға тейеш*, *булырға кәрәк*, *булырға мөмкин*, *буһа кәрәк*, как правило, по отношению к сказуемому занимают постпозитивное положение: *Әйтәһем килгән һүҙҙәр ошоноң менән бөттө, буғай* (Б. Бикбай) 'Слова, которые я хотел высказать, видимо, на этом закончились'; *Хәмйтәһән бөтөнләй тынысланды булырға тейеш* (М. Кәрим) 'Хамитьян, кажется, совсем успокоился'; *Хәтәрәм алдамаһа, көн киләт килә ине буһа кәрәк* (Ғ. Хәйри) 'Если память мне не изменяет, дело было, кажется, к вечеру'; *Был эш бик насар барып бөтөргө мөмкин* (Д. Исламов) 'Это дело, возможно, закончится очень плохо'.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПОБУЖДЕНИЕ

Слова *зинһар* 'пожалуйста', *рахим итегез* 'добро пожаловать, извольте, пожалуйста', *белдәһегезме* 'знаете ли', *ғәфү итегез* 'извините', *күрәһегезме* 'видите ли, как видите', *аңлайһығыҙмы* 'понимаете ли', *куй*, *куйығыҙ* 'оставьте, оставь' употребляются в речи, чтобы будить слушателя к совершению определенных действий, обратив его внимание на какое-либо событие, состояние. Они также выражают призыв, просьбу, желание говорящего.

Синтаксической особенностью побудительных модальных слов является то, что они употребляются, как правило, в тех предложениях, где сказуемым является глагол повелительного наклонения, например: *Зинһар, үтенәм, үзегеҙгә калдырығыҙ! Бүтән барыр урыным юҡ миңә!* (Я. Хамматов) 'Пожалуйста, оставьте меня у себя! Больше некуда мне пойти!'; *Куйығыҙ, кеше күҙенә күрһәтмәгеҙ!* (фолькл.) 'Оставьте, не показывайте людям'.

МЕЖДОМЕТИЯ

Междометия — это особый разряд слов, выражающих различные чувства непосредственно в момент их проявления и эмоциональные отношения человека к высказываемому. В отличие от других частей речи они не обладают номинативностью, а лишь выражают душевное состояние, чувственную оценку происходящего; выступают самостоятельно, связываясь с предложением в целом по смыслу и интонационно; не обладают формами словоизменения и не имеют собственных аффиксов словообразования. Эти основные признаки и отличают междометия от внешне сходных с ними категорий слов, иногда причисляют звательные слова, употребляемые для подзыва и отгона животных, императивы, выражающие волеизъявление человека.

Звательные слова и императивы отличаются от междометий своим значением: они обладают назывной функцией, т. е. не обозначают непосредственно проявляемые чувства, хотя, как и междометия, ограничены парадигматически, имеют некоторые грамматические формы, например форму числа и лица (*мә 'на' — мәгез 'наге', сеу — сеугез! 'цыц!'*), наклонения (*куй — куйһаңсы 'оставь'*), являются членами предложения, входя в синтаксические отношения с членами предложения, а не с предложением в целом, как это происходит с междометиями, например: *выжт бынан! 'вон отсюда!', мә тот! 'на, держ!' и др.*

Семантика звательных слов и императивов довольно прозрачна, она может проявляться и без контекста, тогда как междометия обязательно поясняются контекстом, ситуативно (например, в диалоге) или интонационно. Безусловно, императивы тоже могут сопровождаться эмоцией, но это уже их вторичная, сопутствующая функция, первичной же является побуждение к действию. Следовательно, звательные слова необходимо рассматривать отдельно от междометий, а в словарях сопровождать соответствующими лексико-грамматическими пометами. Императивы же следует рассматривать как парадигматически и синтагматически ограниченную группу глагольных форм.

Междометия в современном башкирском литературном языке представляют собой довольно распространенный пласт лексики, хотя и считаются количественно ограниченной группой слов. Первичных междометий без учета фонетических вариантов и полнозначных слов-аффиктов, также способных выражать в определенном контексте и с соответствующей интонацией чувства и состояния человека, насчитывается около семи десятков.

Своеобразна морфонологическая структура междометий. По фонетическому строению междометия подразделяются на первичные и производные.

Первичные (или непроизводные) междометия имеют следующую звуковую структуру:

- 1) Состоят из одного гласного или трех одинаковых гласных, произносимых с паузой: *а, э, э-э-э, и, и-и-и, о, о-о-о, у, у-у-у;*
- 2) гласный + согласный: *ай, аһ, эй, их, уф, эх* и др.;
- 3) гласный + согласный + согласный: *эйй, уфф. .;*
- 4) гласный + согласный + гласный: *аһа, элә, эһә, иһи, ура* и др.;
- 5) согласный + гласный: *фу, һы, һе, һи, йә* и др.;
- 6) согласный + гласный + согласный: *бэй, вэй, һэй;*
- 7) согласный + согласный + гласный: *тфу;*
- 8) согласный + гласный + согласный + согласный: *тайт, һайт;*
- 9) гласный + согласный + дифтонг: *абау, эләу* и др.

Структурные типы междометий образуются и путем повторов: *ай-ай, аһ-аһ, вәс-вәс, һай-һай*, иногда с добавлением согласного перед повторяющейся гласной во второй части (парные междометия): *ай-бай, ай-һай, ах-вах* и др.

Своеобразием фонетической структуры междометий башкирского языка является и то, что в составе исконных междометий выступает редко употребляемый согласный «айн» — $\zeta(?)$, который в словах иных категорий встре-

чается лишь в арабских заимствованиях: *д'ем* (междометие производимое при внезапной боли, например, уколе, ожоге), *д'-д'-э* (радость от догадки), *хай'-хай'-хай* (удивление, восхваление).

Для междометий совершенно не характерны узкие гласные *ө, ү*, согласные *г, ф, д, з, к, м, н, п*; очень ограниченно употребляются сонорные *р, л*, чаще же всего выступают согласные *б, в, й, һ, х, ф*.

Производимые междометия по структуре бывают простыми, сложными и составными. Они либо полностью теряют свою полноточность, переходя в разряд междометий, либо выполняют функции междометий, представляя собой омонимичные пары полноточных единиц.

Производность некоторых простых междометий может быть доказана лишь этимологическими изысканиями, например: *атак, ваикэй, этак*.

Сложные междометия образуются сочетаниями междометий со словами других категорий (чаще всего с частицами и местоимениями): *бынагайыш* 'вот те на', *эттэгендхе* 'ой да' и др.

Составными являются сочетания междометий с полноточными словами и фразеологические единицы, выражающие чувства, состояние, эмоциональное отношение к окружающему: *абау алла!* 'о боже', *ай эттэгендхе* (огорчение, сожаление), *абау за инде* (умиление), *эйе лэ* (одобрение, подбадривание); *китсе эле* 'иди-ка, да ну тебя', *бына һин уны* 'иш ты', *кара һин уны* 'смотри-ка ты', *шул ғына этмэгэйме* 'этого только не хватало' и т. п.

По характеру функционирования междометия делятся на две группы.

1. Междометия, производимые человеком непроизвольно, и выражающие его чувство, состояние без отношения к окружающему. Они издаются при внезапном ощущении боли, неожиданном страхе и т. п., от других разрядов междометий отличаются особой интонацией, постоянным употреблением в начале предложения, в них обычно протяжно произносится конечный звук: *э, эм, ой, эээ, уфф* и т. п. '*Э, эм, калай эсе*', *тизэр за бешкэн аяктарын һууыж балсыкка тыгалар* (Г. Дәүләтшина) 'Ой-ой, какой горячий', говорят они и обожженные ноги суют в холодную глину'.

Этих междометий намного меньше, чем междометий второй группы. Они не имеют коммуникативной направленности, но все равно обладают вполне определенной семантикой, общепонятны носителям языка, информируют о физическом или душевном состоянии субъекта, поэтому представляют собой явление языка, а не речи.

2. Междометия, выражающие эмоциональное отношение субъекта к высказываемому. В отличие от первой группы этот разряд предполагает обязательную коммуникативность, выступает в составе предложения или реплики и составляет основную часть междометий по количеству, в сочетании с интонацией и мимикой выражает самые разнообразные эмоции человека.

Своеобразно функционирование междометий в составе предложения. Они не являются членами предложений, поэтому связываются с предложением в целом семантически и интонационно, или выступают в роли самостоятельного высказывания.

Наиболее распространенным является препозитивное по отношению к предложению или фразе употребление междометий. При этом они могут функционировать в различных типах предложений, но преимущественно при восклицательных, вопросительных и реже при повествовательных.

Сама речь может быть и монологической, и диалогической. Контекст, как правило, поясняет и конкретизирует значение междометий. Примеры: [Шатморат:] *Ә-һә. . . Ырыскул агайзар кайтып килә!* (Б. Бикбай) '[Шатмурат:] 'Ага. . . Возвращается дядя Ырыскул со своим!'; *Исхак курешен, һулашып боткенде лә көтмәй: — Эй, Айбулат, һин генә өйзә булмаһың. . . — тип һүзгә кереште* (Г. Дәүләтшина) 'Исхак, не дожидаясь, когда закончат здороваться, стал говорить: — Эх, Айбулат, тебя не было дома. . .'; *Их, шәп була бит безең Ырымбур яғының карбуздары* (С. Агиш) 'Эх, хороши же наши оренбургские арбузы'.

Очень часто междометия употребляются в предложениях с обращениями или в предложениях, неполных по структуре²: *хай, Зөлхизэ, Зөлхизэ. . Бер ни ээ аңламайһың, бер ни ээ күрмэйһең, балакай* (З. Бишшева) 'Эх, Зульхиза, Зульхиза. . Ничего ты не понимаешь, и ничего ты не видишь, дитя'; *Тәүкәй мулланың ауызы йырылды: — Һай, Ғәйни туған, оҗмахтың түрөндә булығы* (Т. Йәнәби) 'У Тавкее-моллы рот раскрылся: — О, Гайни, будь же ты в раю!'; *«Ә-ә-ә! Эләктеҗме?» — тил урман яңгыратыл җыжкырып ебәрзе һыбайлылардың береһе* (Ш. Насыров) 'А-а-а! Попался! — крикнул на весь лес один из всадников'; *Уф, һуу кәрәж. . . Тағы һуу килтерзеләр* (М. Ғафури) 'Ой, вода нужна. . Снова принесли воду'.

Для проявления значения междометий достаточно даже одного слова, употребляемого в роли назывного или вокативного предложения: *Уф-фф, әсе. .* (В. Нафиков) 'Ух-й, жарко. .'; *Ваай, үткән гүмер!* 'Да-а, сколько прожито!'

Реже встречается постпозитивное употребление междометий. При повествовательных предложениях место междометий не определено так строго (1), как в неполных восклицательных предложениях (2) при наличии обращений и других речевых конструкций. Примеры: 1) *.Короттай башың менән нарлана белдәһең, һай-һай* (П. Дәүләтшина) 'Умеешь же ты нежиться, хоть и совсем еще маленькая, эхе-эхе'; *Яулыгыңды ла искәнән ябыңырзар. Ҡунакка бараһыңмы әллә ул хәтле, аһ-аһ. .* (Ж. Киекбаев) 'И платок надо бы старый накинуть. В гости что-ли идешь, ну и ну. .'; 2) *Вәт әй, ә!* 'Вот да!' (возглас удивления, недоумения); *Ҡайт, а!* 'Вернись, да!' (возглас возмущения); *Алты йыл, аһ! Һәр йылым — зиндан, дөзах* (Ш. Бабич) 'Шесть лет, ах! Каждый год — темница'.

Своеобразно функционирование междометий в поэтических произведениях остроного народного творчества, их употребление в народных песнях и кубairaх, где они одновременно выполняют функцию выражения эмоции (одобрение, воодушевление исполнителя, радость, восторг) и создают ритмичность стихотворной строки. В фольклорных произведениях употребляется лишь незначительная часть междометий, например: *ай, ау, эй, һай, эй*. В отличие от других разрядов эти междометия встречаются не только в начале и конце предложения (1), но и в середине (2): 1) *Һай, эйелмәй, бөгөлмәй, матур баҫа түгелме?* (фолькл.) 'Ой, да, не сгибается, не наклоняется, пляшет-то как здорово'; *Эй-й, йәмле Дим буйы, бик һағындым был юлы* (фолькл.) 'Ой-да, красивы долины Демы, так соскучился по вас я на этот раз'; 2) *Батыр за күрке дан булыр, дан булыр ау, дан булыр* 'Укращением батыра будет слава, будет слава, ай, да будет слава' (кубайр).

Возгласы одобрения при исполнении песни или мелодии могут функционировать и как самостоятельное предложение. Таковы междометия *вай, вэй, вә-һэй, вәшкәй* и некоторые слова и словосочетания, выступающие в значении междометий типа *эйе лә* 'ой-да', *ана шулай* 'вот так', *шулай тиген* 'так скажи' и т. п.

Значения междометий, входящих в стабильный состав лексики башкирского литературного языка, следующие.

А — в зависимости от интонации и долготы выражает удивление, упрек, физическую боль, употребляется сравнительно редко: *Бар, а!* *Нишләп ултыраһың?* (В. Назаров) 'Иди же! Чего сидишь-то?'; *Ир тағы ланығыраҡ ыңғыраша: а-аа!* (В. Назаров) 'Мужчина стонет еще сильнее: о-оо!'

Абау — выражает испуг, отвращение: *Абау, һаҫыҡ, — тине бер ҡатын. .* (Ж. Киекбаев) 'Фу, какая вонь, — сказала одна женщина. .'

Ай — выражает внезапный испуг, упрек, сожаление: *Ай, харап ҡына булды, кем балаһы һууга төшөп китте икән?* (М. Тажи) 'Ой, пропал,

² Как риторическое обращение в поэтической речи употребляется заимствованное из русского языка междометие *о*. Оно интонационно и пунктуационно не отделяется от слова-обращения: *О рус ере! Ҡайза атлаһыҡ та, һин йөрөрһөң безҙең күңелдә.* (Р. Нигәмәти) 'О русская земля! Где бы мы ни шагали, ты будешь с нами в наших сердцах'; *О һин, әсә! Ҡасан күрәһең бар һис жорбанһыз булған көрәште* (Н. Нежми) 'О мать! Когда ты видела борьбу без жертв'.

чей же это ребенок упал в воду?»; *Ай, шаян кыз, билемде ауырттыраһын бит* (Н. Дәүләтшина) 'Ай-да, шаловливая девушка, причиняешь мне боль в пояснице'.

Особую функцию выполняет данное междометие в поэтических произведениях народного творчества (песнях, кубаирах и др.), дополняет рифму, усиливая эмоциональное воздействие: *Ай тыуған ер, тыуған ер, олатайҙар торған ер* 'О, родная земля, земля родная, земля, где жили деды наши' (кубаир); *Табак та ғына табак ай ак жағыз, Буранбайзың язған хаттары* 'Лист да лист белой бумаги, Это письма Буранбая' (народная песня).

Ай-ай — выражает огорчение, сожаление, упрек: *Ай-ай! Бик зур хурлыжка төшток бит* (Г. Әмири) 'Ай-ай! Опозорились же мы'; *Ай-ай-ай, элктең капканға. ! — тип мин үземде шелтәләп тә алам* (Ш. Насыров) 'Ай-ай-ай, попал же ты в капкан! — говорю я, сам себя ругая'.

Междометие *ай*, употребляясь с производными междометиями и другими словами, образует различные словосочетания с междометным значением: *ай алла* 'о боже', *ай эттә* (недовольство, упрек) и др.

Ай-бай — выражает сильное удивление: — *Ай-бай, зур икән, ә! — тине кемдер, йырткыстың зурлығына хайран калып* (Ж. Киекбаев) 'Ого, какой большой, а! — сказал кто-то, поражаясь величине зверя'.

Ай-һай — в зависимости от интонации может выражать сомнение или удивление: *Ай-һай, яраланған йәлектең куркыуы мөмкинме?* (Ә. Чаныш) 'Ой-ли, вряд ли раненый зверь струсит?'.

Атак (*атак-атак*) — выражает удивление от неожиданности: *Атак, балакайым, ни эшләп улай төсөң касып, кобаран осоп киткән, ни булды?* (Н. Дәүләтшина) 'Ой, дитя мое, на тебе лица нет, что с тобой?'; *Атак-атак! Был бисәләрге нишләп сходжа йыялар тагы?* (Б. Ишемғол) 'Ой-ой! С чего это баб снова на сход собирают?'.

Ах — в зависимости от интонации выражает сожаление, угрозу, радость, восторг: *Ах, мин әйтәм, берәй такта йәки ағас булһа, — тием* (Д. Юлтый) 'Ах, я говорю, была бы доска или бревнышко'; *Ах, сволочь, — тине Фәхри, жулындагы күсәген ергә атып бәреп* (Б. Бикбай) 'Ах, сволочь, — сказал Фәхри, обтросив кол, что держал в руке'; *Ах, яратам да инде газета сығарыуы* (М. Тажи) 'Ох, и люблю же выпускать газету'.

Аһ — выражает душевное угнетение, мучительное состояние и восхищение: *Аһ, нишләнем мин!?* 'Ах, что я наделал!'; *Аһ, һинең тауышың канун, ысын сизирлы мөжжизә. .* (Ш. Бабич) 'Ах, твой голос, истинно колдовское чудо. . .'

Аһ-аһ — выражает удивление, возмущение: *Аһ-аһ, мин нишләп картаяйым ти?* (Б. Бикбай) 'Ой, с чего это, — почему это я старею?'; *Кунакка бараһыңмы әллә ул хәтле, аһ-аһ. .* (Ж. Киекбаев) 'В гости что ли идешь, ой, да что же это. . .'

Аһа — выражает удивление: *Аһа, ниңә шак каттың?* (Д. Бүләков) 'Да что ты стоишь, как столб?'.

Бынагайыш — выражает удивление от неожиданности: — *Бынагайыш, — тип аптырай Ғәйзулла бабай, — бынау төндә ниндәй эше иреккән куркмай — орокмәй шулай йырып йөрөр икән* (Н. Мусин) 'Вот тебе на, — удивляется Гәйзулла-бабай, кто же в такую ночь, не боясь, ходит с песней'.

Бәй — употребляется при удивлении, одобрении чьих-либо слов: *Бәй, югарынан уға кул болғаусы кыздың ниңә кобараһы осжан* (Д. Бүләков) 'Ба, почему это девушка, помахивающая ему сверху, побледнела'; *Бәй, шулай итмәй ни, теге ни, булған булған инде, кисерешергә кәрәк* (Б. Бикбай) 'Ах да, так и надо, что было, то было, надо простить друг друга'.

Бәрәкәт, бәрәмәс, бәрәс — выражают удивление: *Бәрәкәт, индермәйзәр зәһә* (С. Агип) 'Баа, да не пускают же'; — *Бәрәмәс, бына һиңә кәрәк булһа! — тине Илбай җарт* (Х. Гиләжев) 'Вот тебе и на! — сказал старик Ильбай'.

Вай — выражает удивление, сожаление: *Ваай, үткән ғүмер!* 'Ваай, сколько прожито!'; при удвоенном употреблении выступает как возглас одобрения исполнителю песни, произносится с особой интонацией — долгой и нисходящей во второй части: *вай-ваай!*

В том же значении употребляются междометия *вай, вэ-һэй, вэс-вэс, вэжкэй*, соответствующие приблизительно русскому 'ой-да, ох-да': Урал *көйөнэ йырланы Юлдыбикэ эбей. Вэ-э-эй!* . . . *Әллә кемдең инәне, — тил күмәк бисләргә кушылып куйылар* (Т. Хайбуллин) 'Старуха Юлдыбикя спела на мотив песни «Урал». Ой-да! . . . Это же наша бабушка, — одобрительно отозвались женщины'.

И-һи-һи — выражает иронический смех: *И-һи-һи, . . . Бүләкте мин һинән элгәрәк бирзем инде* (Б. Бикбай) 'Э-хе-хе, . . . Подарок-то я раньше тебя вручил'.

И(и-и) — выражает теплое отношение, ласковое обращение: *И, сабий, атаһын күмгәндә аңы ғына аяғына баҫа башлагайны шул* (Р. Низамов) 'О, дитя, невинное, когда отца хоронили, ведь только-только на ноги встал'; *И-и-и, балакайымды ғына!* 'О-о, дитяtko мое!'

Их — одно из многозначных междометий, выражает в зависимости от тона сильную радость, восторг: *Их, рәхәт тә инде!* 'Эх, хорошо-то как!'; сильное желание: *И-их, миңең кулымдан килһә ине. Үз йөрәгемә баш була алмайым әле* (И. Абдуллин) 'Э-эх, было бы в моих силах. Не могу ведь своему сердцу приказать'; сильную тоску: *Их, ул көндәр! Һағынын һөйләргә генә калды* 'Эх, те дни прошедшие! С тоской лишь осталось вспоминать'; огорчение, печаль: — *Их, мырза, мырза, миңә былтыр бәтмәне һуң был һуғын?* (Р. Ғабдрахманов) — 'Эх, браток, браток; почему же в прошлом году не кончилась эта война?'

У(у-у) — в зависимости от интонации выражает угрозу, гнев: *У-у . . . Быуып кына үлтерергә лә бүрегә ташларга ине көсөктө* (З. Бишева) 'У-у . . . Задушить бы да выбросить на съедение волкам этого щенка'; недовольство: *-У-у-у! Бик озақ бит* (С. Агиш) 'О-о! Очень долго же'; удивление: *У, бында барыһы ла бар бит: бүре лә, төлкө лә, куян да. . .* (Ғ. Дәүләтшина) 'О, здесь все ведь есть: и волк, и лиса, и заяц. . .'

Уй — выражает боль, легкий испуг от внезапности: *Уй, Ишмырза ағай, һинме?* (Н. Мусин) 'Ой, дядя Ишмурза, это ты?'

Ура (ур-ра) — в зависимости от ситуации выражает радость, восторг или боевой клич: — *Ура! Әсәйем өйзә була!* (СБ) 'Ура, Мама будет дома!'; — *Ура! Яңылар килгән!* (Б. Бикбай) 'Ура! Новые прибыли!'

Уф (уф-ф) — выражает тяжелое душевное состояние при печали, горе: *Унда бер кеше лә калмағандыр, уф, уф* (Д. Юлтый) 'Там, наверное, ни одного человека не осталось, уф, уф'; нетерпение, усталость: *Уф-ф-ф! Доклад көскә бөттө* (С. Агиш) 'Уф-ф-ф! Еле-еле закончился доклад'; физическую боль: *Уф, башым зыңкый, аяҡ табандарым боз кечек һалкын* (М. Тажи) 'Уф, болит голова, подошвы ног холодны как лед'.

Ух (у-ух) — выражает угрозу: *Килеп карағыз, йә һез, йә мин . . . У-уух!* (И. Ғиззәтүллин) 'Попробуйте подойти, или вы, или я. . . У-уух!'; удивление с досадой: *Ух, көп һууык. Аяҡ ошой башланы* (Ғ. Дәүләтшина) 'Ух, и день холодный. Ноги начали мерзнуть'.

Һай — многозначное междометие, в зависимости от тона и долготы гласного может выражать восторженное сожаление: *Һай, ғүмер үтте китте, кайҙа китте ул заман* (Ш. Вабич) 'Хай, жизнь прошла, пролетела, где они, те времена'; *Һай, рәхәт ине Ғайсаға был минуттар!* (Н. Мусин) 'О, как приятны были эти минуты Гайсе'; одобрение, восхваление: *Һай, кейҙеген айтһең әле һин, уны үстәргән атаһын айт, һай, һай, һай!* (К. Мөргөн) 'Говоришь о зяте, а ты возьми отца, вырастившего его, вот это да!'; *Һай, айбарлы баһадирҙәр, ни генә кисермәгән. . .* (А. Игебаев) 'О, герои мужественные, что они только не пережили. . .'; порицание: *Күреш, һай, алайт* (З. Бишева) 'Поздоровайся, эх, дурень'.

Сдвоенное употребление междометия *һай-һай* усиливает выражаемое им чувство: *Һай-һай, Колой ағай, байып киткәнһең икән. . .* (С. Мифтахов) 'Ой-ой, Кулуй-ағай, разбогател, оказывается'; *Һай-һай, харап булған икән. Ороһна ла, һуҡһна ла үз ағаһы бит* (Ғ. Дәүләтшина) 'Подумаешь, случилось будто что-то. Если даже поругал или побил, свой же брат'.

Тфү — выражает отвращение, гнев: *Тфү, хәшәрәт йәһ!* (М. Тажи) 'Тфү, подлая душа!'; *Тфү, юһһеззәр!* — *Якуб асыу менән төкөрзә* (Б. Бикбай) 'Тфү, негодные! — Якуб рассерженно плюнул'.

Һайт — возглас гоньбы и выражения радости, ликования: *Һайт! Ана бара, тот!* 'Вон, вон, держи его!'; *Һайт-һайт! Җара һин уны (тейенде), һиндәй оскор, башы ла әйләнмәй . .* (М. Тажи) 'Смотри-ка на нее (белку), как она стремительна, и голова не кружится . . ?'.

Һе — выражает возмущение, недовольство: — *Һе! Әхмәдизең байталын Сәмигулла урлап куйган, иһеһ!* (Ж. Киекбаев) '— Хе! Неожеребившуюся кобылу Ахмадея якобы зарезал Смигулла'.

Һей — выражает пренебрежительное отношение: *Һей, тыңламағыз уны, план тикшергәндә төрлө һүз булырға мөмкин* (СБ) 'Хе, не слушайте его, при обсуждении плана могут быть всякие высказывания'.

Һи — выражает порицание, пренебрежительное отношение: *Һи-и, козағый, әйтерһең, улар һине рәһйетләр* (И. Абдуллин) 'Ха, будто они тебя обижают, сваха!'; *Һи-һи, тоһкә хәтле Әфһәнәң кайтырға була әле* (К. Мәргән) 'Хе-е, до обеда еще можно из Уфы вернуться'; — *Һи, алып кайтқан тархан бабайығыз оһомо?* (фольк.) 'Ха-ха, этот что-ли дед тархан, которого вы привезли?'

Әй — при обращении выражает упрек: *Әй, Сапура, Сапура! Писә йыл бергә ғүмер итәбез, ә шуны тәһи төһөнә алманың* (Ә. Чанышев) 'Әх, Сапура, Сапура! Сколько лет вместе живем, так и не могла понять этого'; сожаление, жалость: — *Әй, баһыр ғына, — тине Гәһйәзәм аптырап. — Һи булды икән, һиһләп кенә юлдан азы икән?* (Ғ. Дәүләтшина) 'Әх, бедная, — сказала Гульюзум, недоумевая. — Что же случилось, почему же сбилась с пути'; непослушание, отказ: *Әй, куй әле. «Сиңерткәнән куркқан иген икмәс» тигәндәр* (Т. Хәйбуллин) 'Әй, оставь. Говорят, «кто кузнечиков боится, тот хлеб не сеет»'.

Ә(ә-ә) — одно из самых многозначных междометий, в зависимости от интонации чаще всего выражает угрозу: *Ә-ә, һин шулай һөйләһиһеңме һи әле әсәң менән?* (З. Биһшева) 'А-а, это ты так разговариваешь с матерью?'; растерянность, замешательство: *Ә-ә-ә, был еһет минең хезмәтсем инде, — тһп, бһк җауһап җыһа яуап бирзе Шаһми* (Т. Йәнәһи) 'А-а-а, этот парень мой работник уже, — ответил Шаһми, сильно растерявшись'; злорадство: *Ә-ә-ә! Колхоз малыһ списать итеһе еһел, туһәһе ауырма һи!* (Н. Гәһимов) 'Списывать колхозное добро легко, платить трудно, да!'; удовлетворение чем-л.: *Ә-ә-ә, җәмһте оһомо һи уһың? — тһп һорайым* (Ғ. Дәүләтшин) 'А-а-а, это и есть его комедия? — спрашиваю я'.

Междометие *ә* при повторном произнесении с придыхательным звуком (айном) выражает злорадство: *«Ә-ә-ә! Әләктеңме!» — тһп урман яңғыратып кыҗкырып ебәрзе һыбайлыларзың берәһе* (Ш. Насыров) '«Ә-ә-ә! Поцался!» — крикнул на весь лес один из всадников'.

Әй — выражает досаду: *Әй, һиһләп шуһы һезгә һөйләп торам әле* (М. Тажи) 'Әх, зачем это я вам рассказываю'; *Әй, әһй, беззең һи, һаман да шул бер ыҙғыһ инде . .* (Ғ. Дәүләтшина) 'Әх, мама, у нас, та же самая ссора, недовольство'; *Әй шуһы!* 'Да ну его'; *Әй, Юлтый агай, илла һүзеңдә тормайһың да инде . .* (Н. Хафизов) 'Да ну, Юлтый-агай, да ты никак свое слово не удержишь . . ?'

Әл-л-л-л — выражает восторг: — *Ауылдары койоп куйған кеһек, тһ . . Әл-л-л-л-л! Вәт әй! Шулай тһме* (СБ) 'Деревня их, говорят, так красива . . Вот это да!'. *Әләй, әл, әләу* выражают физическую боль'.

Әстәк, әстәгин — выражают чувство удивления от неожиданности: *Әстәгин! . . Безгә был турала әһтеһсе буһманыһы?* (Д. Бүләков) 'Удивительно, никто нам об этом не говорил же?!'.

Әһә — в зависимости от речевой ситуации выражает злорадство: *Бара торғас, төһкәгә бүре оһрай. — Әһә, төһкә, хәһер итеңде алып калам һит, — тһ* (фольк.) 'Навстречу лисе попадается волк: — А-а, лиса, я ведь сейчас отниму твое мясо'; радость, удовлетворенность: *Мәһтүхәһең атаһы тәһрә яһыһа килде лә: — Әһә, җар яуған . .* (С. Аһиһ) 'Отец Маһтүһи подошел к окну

и сказал: — Ого, снег выпал. .'; *Фронтка ниндэй булж эзерлэн бирергэ һуң элэ? Әһә, уйлап таптым* (К. Кийәбулатова) 'Какой же подарок подготовить для фронта? Ага, придумал'; *Әһә, ул былай ғына ябай күренә икән!* (С. Кудаш) 'Эге, оц, оказывается, только простачком прикидывается!'

Ә ем — выражает внезапную боль: *Ә емм! Әллә энә яткан инде, бармакты сәестем* 'Ой! Иголка что-ли лежала, палец уколол!'

Как видно из приведенных материалов, междометия выражают самые различные оттенки чувств. Наибольшее их число означает удивление, затем следуют междометия, выражающие радость, восторг, физическую боль, сожаление, упрек и т. д.

Междометия не представляют собой совершенно изолированную от других частей речи группу слов. С одной стороны, полнозначные и служебные слова, утратив свою семантическую нагрузку, могут употребляться в функции междометий, как, например, *алла* 'бог, боже', *бәләи* 'пирог', *һүйсәле* 'неужели', *кит* 'иди ты', *китсәле* 'иди-ка ты', *әйтмә лә генә инде* 'не говори уж' и т. д., выражая различные оттенки чувств.

Отдельные междометия, в свою очередь, выступают в функции усилительных частиц: *Илла тыңғыһыз кеше булдың да һуң, жорзаһ!* (Б. Бикбай) 'Ох уж, беспокойным же человеком оказался ты, приятель!'; *Ысынлап карт дәрәс әйтә бит әй* (Д. Юлтый) 'А в самом деле правильно ведь старик говорит'; *Әй баралар былар, әй баралар . .* 'Идут они вот, и идут'.

Междометия могут субстантивироваться; правда, число таких междометий невелико: *Курай моңо ир азаматының аһы булып сытқан шул* (А. Вахитов) 'Мелодии курая изливались как горе, как печаль мужская'; *ура кыскыр* 'кричать ура', *ура тауышы* 'возглас ура' и т. п. Междометие *аһ* выступают в качестве компонента парного существительного *аһ-зар* 'горе, печаль'.

Некоторые из междометий функционируют в составе сложных глаголов в качестве его первого компонента. Примеры: *ах ит* 'ахать', *ах-ух ит*, *ах та ух кил* 'ахать да охать', *ах та вах кил* 'ахать да охать', *һау за уау кил* 'орать да лаять'. Ряд глаголов образуется от междометных корней: *аһылда* 'ахать', *ухылда* 'ухать', *уфылда* 'вздыхать', *уфтан* 'вдыхать' и т. п.

ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Подражательные слова обозначают подражание различным звучаниям, выражают представления о световых явлениях, создают образ или впечатление о действии или состоянии. Они составляют довольно значительный пласт башкирской лексики. Эти слова в преобладающем большинстве случаев обладают стабильным звуковым строением, зафиксированным общепонятным значением, регулярным употреблением в этом значении, коммуникативной и номинативной функциями³. Значительная их часть, обладающая названными свойствами, входит в состав устойчивой необходимой лексики башкирского языка. Многие из них используются в качестве производящей основы для создания новых слов, особенно глаголов.

Подражательные слова широко употребляются как в устной речи, так и в художественной литературе, вызывая конкретный, яркий, картинный образ отражаемых ими звучаний, движений, явлений и тем самым подчеркивая их выразительность, живость и динамичность. В художественной литературе они применяются для изображения различных явлений природы, особенно звуковых или зрительных впечатлений.

Чаще всего подражательные слова относятся к разговорному стилю литературного языка, являясь обиходными словами. Они, как правило, коло-

³ Юлдашев А. А. Принципы выделения и размещения в словарях тюркских языков звукоподражательных и образоподражательных слов. — Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971, с. 153 и сл.

ритно используются в речи, особенно диалогической, оживляя ее своей образностью, экспрессивностью.

Как выразительные средства языка подражательные слова входят в состав эмоционально-экспрессивной лексики, в которой они занимают особое место. Их эмоционально-экспрессивное своеобразие вытекает из самой их природы. Образность и выразительность обусловлены звуковым строением подражательных слов. В отличие от фонетической структуры обычных слов в них используется определенный фонемный состав, сочетаемость звуков и порядок их следования, в какой-то мере напоминающий обозначаемое звучание, движение и т. п. Здесь, однако, не менее важную роль играет установившаяся в языке традиция осмысления определенных типов звукосочетаний для выражения соответствующих явлений. Поэтому, несмотря на преимущественное употребление в составе подражательных слов строго определенных фонем и их сочетаний, как, например, *ж, з*, или непривычных позиций (*й, г, р, ж, з, л, п* — в анлауте, *ж, з* — в инлауте, сочетание согласных в ауслауте), эти подражания не доходят до уровня полной имитации, часто по-разному оформляются и заметно отличаются в языках не только различных семей, но и одной семьи. Ср. баш. *тарз*, як. *тас*, но русск. *трах* — о коротком звуке выстрела.

Особенностью семантики подражательных слов является образное выражение соответствующих понятий о звучании или способе действия с помощью специализированного фонемного строения лексической единицы. Конкретность их значения обусловлена весьма малой обобщающей силой подражаний, но зато им всегда сопутствует связанная с их природой большая экспрессивность.

Основным типом сочетания подражательных слов с другими частями речи является глагольный. В соответствии с этим их синтаксической функцией в составе предложения считается преимущественно функция обстоятельства образа действия. В то же время подражательные слова могут выступать в роли и других членов предложения.

Производные основы, образованные от подражательных комплексов посредством словообразовательных аффиксов и служебных глаголов, по лексико-грамматическим признакам принципиально отличаются от собственно подражательных слов и в связи с этим отнесены в раздел словообразования иных частей речи.

По своему назначению и функционированию, а также по семантическому различию подражательные слова делятся на звукоподражательные и образоподражательные.

Звукоподражательные слова являются подражаниями звуковым явлениям в природе. Они обозначают понятия о звучании. При передаче результатов слуховых впечатлений звукоподражательные слова включают элемент имитации в пределах артикуляционных возможностей человека, в силу чего значение их достаточно конкретно. Они часто употребляются самостоятельно.

Образоподражательные слова выражают образы, представления о световых явлениях, впечатления от движения и состояния. Строго говоря, в них отсутствует элемент подражания и потому такие слова было бы точнее именовать образными. Семантически образоподражательные слова передают целый комплекс представлений, поэтому значение их довольно абстрактно. Они очень редко употребляются самостоятельно, часто сопровождаясь словами, уточняющими их значение.

В то же время обе названные группы слов имеют некоторые общие черты в структуре (сочетаемость определенных согласных в конце, своеобразное чередование гласных, употребление в парно-повторном виде, наличие в составе двусложных основ сходных структурных элементов, неизменяемость в грамматическом отношении и синтаксических функциях, вхождение в глагольные словосочетания, функционирование предпочтительно в позиции обстоятельства образа действия). С этой точки зрения их целесообразно рассматривать вместе, имея в виду, однако, характерные отличительные признаки для каждой разновидности.

В состав звукоподражательных слов входят такие фонемы (начальные *й, ɛ, ʀ, ж, ɜ, л, п, ф, х, һ*, конечные *ж, ɜ*), которые не встречаются в образоподражательных словах, поэтому фонетическое строение последних однороднее и число структурных типов меньше. В звукоподражательных словах наблюдается удлинение гласных и некоторых фрикативных согласных. Характерный для многих образоподражательных слов начальный *й* отсутствует в звукоподражательных словах. Некоторые структурные элементы свойственны только образоподражательным словам (например, окончание *-ан*). Звукоподражательные слова могут выступать в значении любого члена предложения, образоподражательные слова чаще всего выполняют функции определений.

СТРУКТУРА ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

По характеру структуры эти слова делятся на две группы.

К первой относятся слова, созданные с учетом установившейся традиции в осмыслении соответствующих типов звуко сочетания, обладающие устойчивым фонемным строением, не допускающим замены одной фонемы другой. Они имеют общепонятное для всех членов языкового коллектива значение, регулярно употребляются в этом значении. Такие слова распространены во всех разновидностях национального языка, а также в других тюркских языках. Они входят в основной фонд необходимой нормативной лексики.

Вторую группу составляют слова с неустойчивым фонемным строением, создаваемые по структурным образцам первой группы подражательных слов. Поскольку они создаются непосредственно в речи для данного высказывания, они не обладают одним из основных признаков слова — воссоздаваемостью, характерной для первой группы слов, как и для любого полноценного самостоятельного слова.

С точки зрения фономорфологического и собственно морфологического строения подражательные слова делятся на корневые и производные.

КОРНЕВЫЕ СЛОВА

Корневые подражательные слова функционируют в виде одиночных, чаще всего односложных комплексов. Они могут быть и двусложными, при этом второй слог оканчивается на *-ыр, -ырт, -тырт, -ан*, иногда на *-ыл, -ау, -ак*, напоминая аффикс.

В монографических исследованиях по тюркским языкам морфемы такого типа рассматриваются как структурные элементы, образующие производные подражательные слова. К структурным элементам причисляются и конечные согласные в односложных словах, состоящих из четырех фонем. Однако в современном башкирском языке не все конечные согласные в односложных словах из четырех фонем поддаются членению. Так, если наряду с формами типа *йыжт, гөрҗ, ғыжт, даңк, деңк, зыйт, зыңк, жарк, ларҗ, ласт, пыр, сыр, тырт* употребляются самостоятельно и *йыж, гөр, ғыж, даң, дең, зый, зың, жар, лар, пыр, сыр, тыр*, где из состава первых формально можно выделить конечные элементы *к, җ, җ, т, х*, то в словах типа *балҗ, барҗ, булт, быск, гөлт, дарҗ, дорҗ, келт, керт, күрк, кырт, ләук, сылт, шалт* конечные *к, җ, җ, т* не выделяются.

Слова же с конечными *п, с, ш* совсем не разделяются на составные элементы. Существуют, например, слова *гөп, гөмп, дөп, кыри, терҗ, көрп* со своими значениями, но их нет в форме *гөл, гөм, дөм, кыр, тер, көр*. Так же обстоит дело и в отношении двусложных слов. Например, имеются слова *даңғыр, дөбөр, дығыр, дөмбөр, зыңғыр, селтер*, где формально можно выделить элементы соответственно *-к, -ыр (даң-к-ыр), -өр (дөп-өр), -ыр (дың-ыр), -өр (дөм-өр), -к-ыр (зың-к-ыр), -ер (селт-ер)*, но есть слова типа *даһыр, дөһер, кетер, мытыр, сытыр, шатыр*, которые без элемента *-ыр* самостоятельно не употребляются. Поэтому как односложные слова из четырех фонем, так и двусложные в современном башкирском языке рассматриваются как корневые.

Наиболее типичным фонемным строением корневых слов являются структурные типы СГС, СГСС, СГСГС, СГССГС, СГСГСС, СГССГСС, ГС, СГ, ГСС (С и Г обозначают соответственно согласные и гласные фонемы). Кроме слов типа СГ, насчитывающих небольшое количество, остальные представляют собой закрытые слоги. Образоподражательные входят только в состав типов СГСС, ГСС, СГ, СГС и СГССГС. По употребительности, продуктивности и значению они имеют следующее соотношение.

Т и п СГС. Сюда относятся больше 140 слов, что составляет почти половину общего количества выявленных подражательных слов, причем все они являются звукоподражательными. Круг явлений, охватываемых данными словами, обширен. Они выражают понятия о звуках, издающихся как голосовыми органами человека, животных и птиц, так и несодушевленными предметами: *сар* — подражание крику, *сый* — визгу, *сен/син* — писку цыпленка, *гыр/хыр* — хрипу, храпу, *без(з)* — жужжанию летающих насекомых, *уйж, жуу* — свистящему звуку промчавшегося предмета, *дөп/дөк* — глухому удару, стуку, *дөр/-гөр* — звуку горения огня, *геу(у)* — шуму ветра, *шар(р)* — шуму водопада и т. д.

Т и п СГСС. Слова этого типа составляют около 130 единиц, из них около 15 являются образоподражательными. Слов, изображающих звуки, издаваемые голосовыми органами живых существ, в данном типе незначительно. Эти слова в основном употребляются для выражения звуков, исходящих от различных предметов, и образных представлений о световых явлениях и о движении: *быж* — мигание лампы, *булк* — звук при выливании жидкости из бутылки и т. п., *бырс* — фырканье кошки, *бырх* — взрыв смеха, *гөп* — мгновенная вспышка огня, *сылт* — звяканье мелких металлических предметов, *карп* — образное представление 'наострить уши', *терт* — о дрожи, вздрагивании и т. п.

Т и п СГСГС. К этому типу относится около 40 слов, из них только *мыйау* (орф. *мылау*) и *мырау* являются подражанием мяуканью и мурлыканью кошки. Остальные выражают звуки, относимые к предметам и явлениям природы: *быыр(р)* — звук, возникающий при погружении предмета во что-либо жидкое, *бызыр(р)* — звук, возникающий при выходе воздуха из жидкости; *дөбөр(р)* — грохот, громыхание; *дыгыр(р)* — звук, возникающий при передвигании тяжелого предмета; *кетер(р)* — хруст, *мытыр(р)* — хруст суставов, сухих зерен и т. п., *шыбыр(р)* — шум дождя, обильно льющейся воды, *шыгыр(р)* — скрип двери, ворот, снега под ногами, ползьев саней и т. д.

Т и п СГССГС. Насчитывается около 30 лексических единиц этого типа. Все они являются подражанием звукам предметов и явлений природы: *гөлдөр(р)* — звук отдаленного грома, громыхание телеги, *гөмбөр(р)* — шум, возникающий при взбалтывании глубокой воды; *зыгыр(р)* — журчание ручья, звяканье мелкой монеты, *шалтыр(р)* — грохот, громыхание телеги по кочковатой дороге и т. п.; *шаптыр(р)* — стук дождевых капель, шуршание сухой листвы и т. д.

Т и п ы СГСГСС, СГССГСС охватывают слова, выражающие звуки предметов: *дөбөрт* — резко прерванный глухой удар, топот; *мытырт* — хруст оборвавшегося, переломившегося предмета; *сылтырт* — звук от удара тонкого металлического предмета об пол, *шыгырт* — резкий шум шороха.

Слова типов ГС, СГ и ГСС единичны в самостоятельном употреблении. Они передают звуки, издаваемые некоторыми животными, и шум в природе: *арс* — внезапный лай; *бө(ө)* — приглушенный рев быка, *мө(ө)* — бляканье овцы или козы, *өф(ф)* — дуновение ветра; *ыж(ж)* — свист ветра; *ыр(р)* — ворчание собаки.

Поскольку подражательные слова возникают как мотивированные знаки, фонем и фонемосочетания в составе их играют смысловозначительную роль.

Так, гласные фонемы используются для характеристики явлений по тону. Широкие (*а, э*) и полуширокие (*о, ө*) применяются обычно для изображения более сильных звуков или действий, узкие гласные (*е, и, у, ү, ы*) — для вы-

ражения сравнительно слабого звука или действия: *балк* — образное представление о моментальном появлении сильного света, *голт* — о вспышке огня, *голт* — подражание звуку при глотании жидкости; *без-э* — жужжание насекомых, *йым-йым* — представление о мерцании, *сэр-р* — подражание визгу. Противопоставление же по принципу «переднерядный мягкий — заднерядный твердый» применяется соответственно в словах, выражающих слабые, нежные и более сильные, губные звуки и действия: *тэс-тэс* — шлепанье, например ладонью по поверхности воды, *сип-сип* — писк пыленка, *кетер(р)* — хруст, *жэж(ж)* — звук сильного капля, *былк* — образное представление о мигании, *доңк* — о резком ударе.

Согласными фонемами передаются различия в характере звучания или действия. Начальные согласные определяют характер начала звучания или действия. Так, взрывные согласные употребляются для передачи резко, внезапно возникающих звуковых или двигательных явлений: *балк* — внезапное появление сильного света; *дөл* — резкий глухой удар; *көп* — звук, возникающий при ударе по мягкому и тонкому предмету; *пырх* — взрыв смеха. Наиболее часто встречающимся начальным с передаются свистящие и шипящие звуки: *саж(ж)* — шипение, возникающее при опускании раскаленного железа в воду, звук течения; *сай(й)* — пронзительный визг.

Особенно важную роль играют конечные согласные. Взрывные согласные употребляются в словах, обозначающих звуки или действия, возникающие неожиданно, резкие, отрывистые, моментальные и внезапно исчезающие, а краткий, моментально обрывающийся характер конечных взрывных *к, ж, п, т* хорошо виден из того, что они, замыкая комплексы в сочетании с предыдущими фриктивными *ж, з, й, с, ш* и сонорными *л, м, ң, р*, придают этим звукам дополнительный оттенок резкого обрывания: *быжк* — криканье утки; *былт* — о моментальном потухании, например лампы; *дыңк* — резко прерванный стук; *зыйк* — резко прерванный звук свиста (например, пули, когда она ударяется, встретив преграду); *йалп* (орф. *ялп*) — представление о мгновенном и неожиданном действии; *сылтырт* — утихание звука, например при падении на твердый предмет тонкого металлического предмета, *уйжт* — шум движения очень быстро промчавшегося предмета. Длительные или резонирующие звуки передаются с помощью конечных сонорных *ң, р: зың(ң)* — длительный звон; *зыр(р)* — звук при продолжительном однообразном вращении и т. д.

Набор фонем и их размещение в подражательных словах также специфичны. Например, почти все гласные в них размещаются в середине слога и слова, в то время как в междометиях и других лексических группах гласные применяются и в начальной, и в конечной позициях.

В качестве начальных употребляются следующие согласные (в порядке понижения частоты употребления): *с, ш, ж, д, т, б, л, м, к, й, э, з, һ, ғ, х, ж, у, н, э, ф*. Если сравнить с начальными согласными в неподражательных словах, где могли быть *б, д, й, ж, к, м, с, т, һ, ш*⁴, то бросается в глаза: 1) наличие *у, э, ғ, ж, з, л, н, ф, х* — фонем, не встречающихся в начальной позиции междометий и образоподражательных слов; 2) частое употребление в начальной позиции звукоподражательных слов согласных *с, к, ж, т, ш*.

В качестве конечных по степени частоты располагаются: *р, ж, т, п, ң, к, ж, у, й, ш, з, с, җ, х, ф, һ, ү*. Здесь наблюдается следующая аномалия в распределении корневых согласных: 1) наличие *ж, э, һ, ф, х*, одни из которых встречаются лишь в заимствованиях, редко — в междометиях, отдельных диалектальных словах; 2) отсутствие *э, л, м, н*, довольно частых в других словах; 3) крайняя редкость употребления *к, с, җ, ш*, сравнительно с остальными словами.

Особенностью структуры звукоподражательных слов следует считать удлинение в них гласных и согласных фонем. В башкирском языке это явление орфографией не отмечается, за исключением случаев в художественной литературе для выражения экспрессивности.

⁴ Дмитриев Н. К. Указ. соч., с. 29.

Важной особенностью ауслата довольно многочисленной группы звукоподражательных слов, а также образоподражательных, изображающих световые явления, следует считать стечение согласных, наблюдающееся в словах типов СГСС, СГСГСС, СГССГСС, ГСС.

ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА

Образование подражательных слов способом редупликации широко распространено в тюркских языках.

По способу редупликации и ушотреблению выделяются: 1) слова, образованные путем полной редупликации, т. е. без фонстического видоизменения, 2) слова, образованные путем изменения состава фонем.

Слова с полной редупликацией употребляются для передачи многократных, но ритмично, равномерно повторяющихся звуковых или образных явлений: *Каты йоко аралаш тук-тук иткэн тауыш Сурағолдоң қолағына салынды* (Г. Хэйбуллин) 'Сквозь сон Сурагул услышал «тук-тук»'; *Кояш нурзарында ялтыр таш кискәктәреме, йә башка бер нәмәме йымт-йымт итеп китә* (Г. Гүмәр) 'То ли куски камня, то ли что-то другое поблескивает в лучах солнца'. Здесь для выражения многократного, повторяющегося, длительного, но ритмичного, равномерного звукового явления и движения употреблены повторы *тук-тук*, и *йымт-йымт*.

Однако среди слов с данной структурой встречаются такие повторы, компоненты которых отдельно не употребляются в речи. Наличие подобных слов объясняется тем, что подражательные моменты звука или действия по своей природе являются многократными, повторяющимися. Так, если в тех же *тук-тук*, *йымт-йымт* компоненты могут употребляться и самостоятельно, то отдельно *кет* и *дөрт* ничего не передают, только сочетания *кет-кет* и *дөрт-дөрт* приобретают определенное значение. Подобные слова, употребляясь только в повторной комбинации, образуют стабильные в структурном отношении сочетания, составляя тем самым неразложимые единицы языка, имеющиеся в нем в большом количестве. Сюда относятся звуки, производимые огнестрельным оружием, работой машин, отражающие смех, разговор, голоса птиц и т. п. Примеры: *Һызылып та таңдар атқан сакта һандуғаскай һайрай за сүт-сүт итеп* (фолькл.) 'Когда занимается заря, соловушка заливается трелью'; *Усаж алына йыйылып, коро сыбыжтың сытыр-сытыр алыуына қарап тора башлашың* (К. Кинйәбулатова) 'Собравшись у очага, мы стали наблюдать, как с треском горит сухой хворост'.

Среди редуплицированных слов, образованных путем изменения фонем, выделяются следующие структурные типы.

Повторы с заменой гласного редупликата. При этом в односложных комплексах гласный первого компонента, всегда являющийся широким нелабиализованным, во втором компоненте замещается лабиализованными узкими $a > o$, $ə > \emptyset$, редко — y : *кәк-күк* — кукование, *лап-лоп* — звук при неуклюжей ходьбе, *сәп-сәп* — плеск воды, чмокание. В двусложных словах замены гласных первых слогов аналогичны, но гласный y второго слога первого компонента заменяется во втором гласным o : *дагыр-догор* — подражание грохотанию. В словах данного типа вторая часть, не имея реального значения и не употребляясь самостоятельно, как бы является «отзвуком», «словом-эхом» первой основы и рифмуется с ней. Эти слова используются для передачи неравномерных, неоднородных звуковых или световых явлений, а также сложных движений: *Визрәгә. . . картофтарзы даңгыр-доңгор ташлайым* (К. Кинйәбулатова) 'Я как попало с шумом кидаю картошку в ведро'; *Эй төшә Иблис, төшә зыр-зыр килеп, койроғо ялт-йолт итә йәшен кеүек, күлдәри лап-лоп итә ыласын кеүек* (Ш. Бабич) 'Эй, спускается Демон, спускается, хвост его крутится и сверкает, как молния, он хлопает руками как ястреб крыльями'.

Повторы с изменением согласных фонем в составе замыкающего компонента представлены следующими разновидностями: *гәп-тәп* — глухой удар или падение; *каж-гож* — глубокий кашель; *кый-сый* — шум, гам, гвалт;

жылдый-былдый — движение растопыренных ног и рук; *пых-кых* — шипение, например гуся, когда он хочет ущипнуть кого-либо; *сый-мый* — писк, визг; *сыр-сую* — разноголосый шум, гам; *тырт-мырт* — кривлянье, капризное поведение; *шырт-мырт* — хруст; *шыи-быи* — шушуканье.

Среди звукоподражательных слов выделяются две основные семантические группы: а) слова, передающие естественные голоса живых существ, и б) слова, передающие звуки неодушевленных предметов. Каждая группа слов, в свою очередь, делится по лексическому значению на несколько подгрупп:

1) Слова — подражания звукам, издаваемым речевым аппаратом человека: *быи-быи* — шепот; *кет-кет* — негромкий смех; *лар-лор* — крик, визг.

2) Слова — подражания голосам животных: *мекер-мекер* — тихое бляение овцы или козы; *бак-баж* — кваканье; *сыр-сыр* — щебет птиц; *хай-хай* — лай собак и т. д.

3) Слова, передающие произвольные звуки, издаваемые живыми существами: *фыж-фыж* — хриплое дыхание; *сап-соп* — чавканье, чмокание; *фарж* — звук отрывки и т. п.

4) Слова, передающие звуки движения: *без(з)* — жужжание летающих насекомых; *леп-леп* — порхание бабочки; *жый* — свист быстро проносящегося предмета; *тек-тек* — звук быстрых шагов по полу или асфальту; *тыпыр-тыпыр* — топот множества ног.

5) Слова, передающие звуки, возникающие при столкновении, соприкосновении предметов. Круг явлений, охватываемых словами данной группы, очень разнообразен: удар, стук, падение, хлопанье, шлепание, царапание, трение и т. д.: *даң(ң)* — гулкий звон металлического предмета; *сак-сок* — цоканье подков; *сылт* — звяканье мелких металлических предметов; *жап-жоп* — звук при ударе по полому предмету, *жапыр-жоптор* — шуршание, например сухой шкуры, шубы; *шыгыр-шыгыр* — скрежет, скрип и т. д.

6) Слова, передающие звуки сухого разрыва: *сытыр-сытыр* — потрескивание, *мырт* — хруст; *сурт* — треск при обламывании; *фури-фури* — хруст сена при жевании.

7) Слова — подражания механическим звукам: *бызж-бызж* — пиликанье на гармонии; *келт-келт* — тиканье часов; *тыр-тыр* — ныхтение, тарыхтение мотора машин или стрельба из пулемета.

8) Слова, передающие звуки природных и сходных явлений: *зеу(у)* — шуму ветра, *гәлбер(р)* — звук отдаленного грома; *сатыр-сотор* — громовые раскаты; *шар(р)* — шум водопада, сильного течения; *шыптыр* — шелест листьев, шорох травы.

Образоподражательные слова делятся в свою очередь на следующие три группы:

1) Слова, обозначающие световые представления: *балж* — моментальное появление сильного света; *гәлл* — огненная вспышка; *ем-ем* — блеск предмета; *йылк-йылк* — переливающийся блеск, например шелковой ткани, *йылт* — сверканье, блеск.

2) Слова, выражающие представления о движении, действии: *борж* — завихрение чего-либо легкого (например, пыли); *зымбыр* — дрожь в теле, *елбер-елбер* — легкое колыхание (например, флажка на ветру); *йыбыр-йыбыр* — ходить мелкими и быстрыми шагами; *йылп* — мгновенное исчезновение чего-либо; *кәлл-кәлл* — ловкая походка; *лүрк-лүрк* — бег трусой; *кыбыр-кыбыр* — медленное движение; *кыжмыр* — о движении множества насекомых (например, муравьев); *мыйкыл-мыйкыл* — зигзагообразное движение; *сырт* — хлопанье глазами; *һеңк-һеңк* — тряска (например, телеги при движении по кочкам); *кәлтән-кәлтән* — походка вперевалку.

3) Слова, выражающие представление о внешнем виде и состоянии предмета: *балк* — поникши (о голове); *карп* — об оттопыренных ушах; *мырк* — о мясистом, жирном теле; *мәлт* — о жидкости в капельной форме; *өрп-өрп* — о пушистом снеге; *тырт-мырт* — о кривлянии, капризном поведении.

Морфологически подражательные слова относятся к числу неизменяемых слов. Однако в синтаксическом плане они не изолированы и могут вступать в сочетания, являясь членами предложения. При этом для них характерна лишь подчинительная и подчиняющая связь с другими частями речи.

Чаще всего подражательные слова выступают в сочетании с глаголами *ит-* 'сделать', *кил-* 'приходить', которые при этом теряют свое лексическое значение и, следовательно, синтаксическую самостоятельность и превращаются в словообразовательный элемент подражательных глаголов: ср. *мырт ит-* 'хрустнуть (о суставе, тонком льде под ногами и т. п.)', *гәрс ит-* 'грохнуть', *келт-келт кил-* 'тикать (о часах)', *ялт-йолт кил-* 'сверкать, блестеть', *гәлт ит-* 'вспыхнуть (об огне)', где с полным основанием можно говорить о сложном звукоподражательном глаголе, поскольку между его компонентами нет никаких синтаксических отношений, а есть лишь деривационные отношения.

Из глаголов с самостоятельным значением подражательные слова чаще всего сочетаются с глаголами движения и реже — с глаголами речи. Однако в силу специфики своего значения каждое отдельное подражательное слово имеет в целом весьма ограниченную сферу лексической сочетаемости. Так, слово *дәп-дәп* может сочетаться с глаголами *как-* 'забить, ударить' и *һуж-* 'ударить, бить': *дәп-дәп как-* 'забивать с глухим ударом' (например, свай), *дәп-дәп һуж-* 'глухо ударить, стучать' (например, в дверь); слово *лурк-лурк* выражающее образное представление о беге трусдой, сочетается с глаголами *бар-* 'ехать, идти' и *юрт-* 'бежать рысью'. Слово *һөрп-һөрп* сочетается только с глаголом *эс-*: *һөрп-һөрп эс-* 'пить прихлебывая'. Как видно, каждое подражательное слово может сочетаться только с теми глаголами, которые семантически соотносительны с данными явлениями.

Поскольку подражательные слова чаще всего входят в глагольные сочетания, то ведущей их функцией является обстоятельственная, причем функция обстоятельства образа действия: *Дөбөр генә дөбөр юртайык, түңәрәккэй кыуак һелкенһен* (фольк.) 'Поскачем-ка с топотом, пусть кругленькая роца зашевелится'; *Ул ишекте шарт абын сығып китте* (Г. Дәүләтшина) 'Он вышел, сильно хлопнув дверью'.

В этой функции необычайно широко выступают сложные подражательные глаголы, образованные от множества звукоподражательных корней с помощью десемантизированных глаголов: *ит-* и *кит-*, которые в данном случае принимают форму деепричастия на *-еп*: *Улар ишек асып абыуға ул да шәм йылт итеп һунеп куйызы* (Г. Дәүләтшина) 'Дверь распахнулась, и фитиль, мигнув, погас'; *Атын юртырған сакта Миһран ике кулы менән тезгенгә йәбейә лә һалп-һалп итеп килә* (Ш. Шөһәр) 'Когда Мигран пускает лошадь рысью, то он держится обеими руками за поводья и постоянно приподнимается и опускается'; *Түшәмдәге кәкере сой һурылып сыжты ла изәнгә гәрс итеп йығылып төштәм* (фольк.) 'Гвоздь выскочил из потолка, и я с грохотом упал на пол'; *Курайсы. . . курайының башына дөңк-дөңк итеп өрөп ады ла дәртләндергес көйзә уйнап ебәрзе* (С. Агиш) 'Кураист несколько раз подул и заиграл зажигательную мелодию'.

Звукоподражательные слова могут выступать в позиции сказуемого, когда возникает необходимость ярко, живо, экспрессивно представить то действие, которое вызвало обозначенное ими явление. Поэтому употребление в данной функции ограничено особыми условиями: сказуемое, выраженное одним только звукоподражательным словом, должно быть уточнено, конкретизировано предыдущим или последующим глагольным словом: *Таң кызыла. Ә йығалар һаман да шылтыр-шылтыр* (М. Кәрим) 'Занимается заря. А реки все еще журчат'; *Бер ваҡыт секретарҙең телефоны шылтырр . . . Фәнзилә уға иғтибар итмәне* (Ш. Вәхитов) 'Через некоторое время у секретаря зазвенел телефон. Фанзиля не обратила на это внимания'.

Примеры, в которых сказуемое выражено одним только звукоподражательным словом, в башкирском и вообще в тюркских языках немногочисленны:

Дэхи барзыр пулеметы, һилкән борсақтай ата. Тауыштары та-та-та (фольк.) 'У них еще есть пулеметы, которые стрекочут та-та-та'. В этих случаях звукоподражательные и образоподражательные слова почти всегда сопровождаются вспомогательными глаголами, образуя аналитические формы.

В качестве подлежащего и дополнения образоподражательные слова не выступают, исключая звукоподражательные слова типа *шау-шыу*, *сыр-сыу*, которые давно перешли в разряд существительных. Роль подлежащего могут выполнять звукоподражательные слова только в случае субстантивации. При этом, как и всякое подлежащее, они могут иметь при себе зависимые слова: *Әлеге һойкәһәз кап-кәп тағы кабатланды* (Ф. Иҗәнғолов) 'То неприятное хлопанье опять повторилось'; *Бынау лау-лау бит килә лә жысыла* (С. Агиш) 'Этот горлан опять сюда суется'.

Выступая в качестве объекта, звукоподражательные слова могут выполнять функции как прямого, так и косвенного дополнения, имея при этом зависимые слова: *Ат-һыйырлы булып, оя короп, каптырымды яңы ташланым* (Д. Юлтый) 'Обзаведшись семьей и хозяйством, я недавно бросил свою (букв.: шуршащую) шубу'; *Яңғыз һыуыры саңқылдап Тинһененә саң бирәһи* (фольк.) 'Его одинокий сурок, звонко крича, подавал знак своим сородичам'; *Салғы сыңын йотоп болон тынды Туктау менән безрең салғылар* (С. Кудаш) 'Как только мы перестали косить, луг притих, поглотив звон стали'.

Подражательные слова могут вступать в сочетание с существительными в качестве их определения, обозначая признак существительного. При этом определяемому предмету приписывается в качестве признака тот звук или действие, которое им производится: *Кетер-кетер күмәсте сәйнәп бирер кеше кәж* (Ш. Биккол) 'Нет человека, который бы разжевал хрустящие хлебцы'; *Татлыбай . . . аҗ күлдәге өстәнән йылт кара камзулын кейзе* (Ш. Шәһәр) 'Татлыбай одел поверх белой рубашки черный лоснистый камзол'; [Зилә:] — *Институтка барып еткәһсе шағыр-шоғор трамвайҙарҙа аяктарым бәз булып жата ине* (Н. Асапбаев) '[Зилә:] — Каждый раз, пока ездила в институт на скрипучих трамваях, ноги мои леденели'.

Иногда в качестве определяемого может выступать и слово *тауыш* 'звук, шум', являющееся прямым дополнением при глаголе *сығар-* (*тауыш сығар-* 'издать звук') и *ишет-* 'услышать': *Кәңшәмәлә сығып һөйләгән һәр кеше графидән һыу койоп, ғолт-ғолт тауыш сығарып эсә лә, һүзән бөтөрөп, мажорка төрә* (А. Таһиров) 'Каждый выступающий на совещании, заканчивая речь, наливает из графина воду и пьет, издавая булькающий звук, а затем завертывает мажорку'; *Дөбөр-шатыр тауышты ишетеп, Котлобайҙың ярҙамсылары килеп инде* (Г. Дәүләтшина) 'Услышав громкий шум, вошли помощники Кутлубая'.

Структурная, семантическая и синтаксическая характеристика подражательных слов показывает резкое отличие их от междометий и наречий, к которым они стоят ближе всего. Вместе с тем анализ природы подражательных слов служит подтверждением того, что каждой категории слов присущи свои закономерности в возникновении, становлении и развитии, что и позволяет квалифицировать подражательные слова как особую часть речи.

ЗВАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Звательными называются слова, употребляемые для подзыва, отгона и гона домашних животных. По звуковому строю, по отсутствию словоизменительных и словообразовательных формантов они очень сходны с междометиями, поэтому авторы ряда грамматик рассматривают их в составе междометий. Представляется, что это лишь внешнее сходство, так как по значению, синтаксической функции и способу включения в речь звательные слова отличаются от междометий, хотя приравнивать их к другим категориям слов тоже нет основания.

Звательные слова не выражают, как междометия, чувства человека (некоторые из них могут лишь сопровождаться эмоциональным отноше-

нием к высказываемому), а являются как бы сигналами к действию (словесными обозначениями этих сигналов) и в этом близки глаголам в повелительной форме.

По значению и структуре различаются три вида звательных слов:

1) Слова, употребляемые для подзыва животных: обычно они состоят из двух или трех повторяющихся компонентов: *безэ-безэ* (к теленку), *бес-бес* (к кошке), *бэр-бэр* (к овце), *гэлэ-гэлэ*, *дегэ-дегэ* (к гусям), *кос-кос* (к щенкам), *кээ-кээ* (к козам), *маһ-маһ* (к собакам), *сип-сип* (к цыплятам), *тиби-тиби* (к курам), *ут-ут-ут* (к уткам), *һәү-һәү*, *һәүкәш-һәүкәш* (к коровам) и др.

2) Слова, употребляемые для отгона животных, звучащие как короткая команда: *берс* 'брысь (к кошке)', *дэррә* (к овце); *кешша* (к птицам), *пиол*, *себә* (к собаке), *һәш* (к корове).

3) Слова, употребляемые для остановки и движения животных в работе: *наа* — погон лошади, *тпр* — команда остановки, *һоп-һоп*, *эйзә* — погон быков, *сө* — погон верблюдов, *һөсс*, *һөзөй* — подстрекание собаки к нападению.

В отличие от междометий все звательные слова однозначны, выражают свое значение вполне самостоятельно, даже без контекста, в речи могут употребляться как предложение, чаще при обращении к животным в прямой речи: — *Актырнак, маһ-маһ*. . . 'Актырнак, сюда, сюда.'

Некоторые звательные слова (обычно обозначающие подзыв), принимая словообразовательные аффиксы, переходят в другие категории слов, преимущественно в существительные и глаголы. Примеры: *безәүкәй* 'теленочек' (в детской речи), *маһмай* 'собака' (в детской речи), *һәүкәш* 'корова' (в детской речи), *тиней* 'курица' (в детской речи); *һөскөрт* — 'подстрекать собаку к нападению' и др.

Звательные слова грамматически не изменяемы и этим признаком сходны со служебными словами и междометиями. Но по употреблению, способу связи с контекстом и значению резко отличаются от них. Поэтому их следует рассматривать как особую, количественно ограниченную, группу слов.

СОЮЗЫ

Служебные слова, выполняющие связывающую роль между членами словосочетания, предложения и целыми предложениями, называются союзами. Союзы лишены собственно лексического значения, самостоятельного употребления и не принимают грамматических показателей.

Союзы — средства связи, выражающие различные смысловые отношения, — не являются равноценными не только по выражению синтаксической связи, но и по значению, стилистическим характеристикам и синтаксическим потенциям. Некоторые союзы — *эгәр*, *һәм* 'и', *тағы*, *йәнә* 'еще', *шуға күрә* 'поэтому' и др. — носят факультативный характер, т. е. наличие или отсутствие союза не может влиять ни на смысловую сторону, ни на структуру предложения. Они могут быть заменены синтаксической интонацией и другими средствами выражения синтаксических отношений. Однако ряд союзов является необходимым для обеспечения семантической и структурной целостности предложений — *фәкәт*, *эммә* 'но, лишь', 'однако', *тик* 'но', *иллә мэгәр* 'но, однако', *шулай за* 'но', *йәһә* 'или' и т. д.

По морфологическому составу союзы делятся на простые (*йә*, *йәнә*, *ләкин*, *сөнки*, *тағы*, *фәкәт*, *һәм*, *ә* и др.) и сложные (*эгәр ки*, *эгәр за*, *эгәр за мэгәр*, *иллә мэгәр*, *шуға күрә лә*).

Синтаксическая роль союзов, особенно на уровне предложения, где они обуславливают структурно-смысловую специфику предложения, являясь его конституирующим элементом, весьма обширна.

По типу связи между словами, которую осуществляют союзы, они делятся на сочинительные и подчинительные.

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Сочинительные союзы по функциональному признаку разделяются на соединительные, противительные, разделительно-перечислительные и разделительно-определятельные.

Сочинительные союзы выражают связь между двумя или несколькими синтаксически равноправными членами предложения или между равноправными частями предложения.

СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

С помощью соединительных союзов осуществляется смысловая связь между однородными членами, однородными компонентами сложносочиненных предложений. Они выражают отношения одновременности, однотипности, однозначности, последовательности и при этом обеспечивают тесную логическую связь между соединяющимися частями.

С о ю з *һәм* 'и' употребляется между частями сложносочиненных предложений, сопровождаемыми перечислительной интонацией, а также перед замыкающим компонентом однородных членов предложения: *Ата-эсәһенең һәм Вахиттең кайғыларын уртаклашып, Вахит ағаһы менән иҗәнләшеп калыр өсөн килгән Мәрйәм дә эйтергә уйлап килгән һүзәрән эйтә алманы...* (М. Гафури) 'Марьям, пришедшая поделиться горем с родителями и Вахитом, не смогла вымолвить те слова, которые она думала сказать'.

Союз *һәм* может повторяться между компонентами предложения: *Шундай тынлык, эгәр ауыл эттәре һирәк-һаяк теләр-теләмәс кенә өрөп, үз-ара хәбәрләшеп куймаһалар һәм Һакмар буйындағы таллыкта жарлыккан тартай эленән-эле кыжкырмаһа, был тынлык тағы ла тәрэнерәк булыр, һәм был тирәлә һиндәй зә булаһа йән эйәһенең йәшәүенә ышанғы килмәс ине* (Д. Исламов) 'Такая тишина, что если бы не доносившиеся изредка ленивый лай собак и хриплые крики дергача с Сакмары, то трудно было бы представить, что здесь кто-то живет'.

Союз *һәм* употребляется в сочетании с союзом *тағы* 'также, еще', как бы представляя акцентуальную часть предложения с выражением перечисления, последовательности: *Кәңәшмәлә «Таулы» һәм тағы бер нисә промартель председателенең отчетын тыңланьлар* (Н. Мусин) 'На совещании были заслушаны отчеты председателя «Таулы» и еще нескольких промартелей'.

Союз *һәм* может стоять и в начале предложения, выражая логическое продолжение и последовательность предыдущих событий, действий: *Һәм миң үземдәге куркаклык, йомшаклык, шикләнеү сифаттарын бөтөрмәһәм, алғы көндә шактай кыйын буласағын һиззем* (К. Мәргән) 'И я почувствовал, что, если не пересилю в себе трусость, слабость, мнительность, то в будущем мне будет очень трудно'.

В народно-разговорном языке *һәм* часто выступает со значением подтверждения высказанного: *һәм килер, һәм китер, һәм эи итер* 'и придет, и уйдет, и сделает свое дело'.

С о ю з *да / дэ, за / зэ, ла / лэ, та / тэ* 'и' по своему значению близок к союзу *һәм*, употребляющемуся между однородными подлежащими, сказуемыми, дополнениями, а также однородными компонентами сложносочиненных предложений. В отличие от факультативного союза *һәм* союз *да* употребляется в большинстве случаев между глагольными членами предложения, противопоставляя одно действие другому во времени (последовательность, предшествование, следование и т. д.): *Ерекмэйзәр, киләләр зә китәләр* (Ф. Әсанов) 'Не приживаются, приезжают и уезжают'; *Кеше гүмере — йәшнән үткән йәшен, ялт итеп бер балкый за һүнә* 'Жизнь человека — сверкнувшая молния, вспыхнет раз и потухнет'.

В остальных случаях своего употребления союз *да* относится к числу факультативных. В предложении он может быть заменен интонацией — соединительной паузой, а между однородными именными членами предложения — союзом *һәм*: *Язғы тауыштар араһында моңло йырҙар за, жаркы-*

дауҙар за бар (Г. Омири) или: *Язғы тауыштар араһында моңло йырҙар һәм таркымдауҙар за бар* 'Среди весеннего шума слышится и мелодичное пение и карканье птиц'.

Тағы, тағы ла 'также, опять, еще, и' — функционально активные союзы. Употребляясь между компонентами сложносочиненных предложений, они не только выражают повторность явлений, процессов, но и придают усилительное значение следующему за ними члену предложения.

Йәнә 'также, еще, опять' является стилистическим синонимом союза *тағы*, выражая обычно повторность действий. Союз *йәнә* преимущественно употребляется в письменном языке и постепенно приобретает книжный характер: . . . *май уртаһында көн йәнә бозолдо* (Я. Хамматов) 'В середине мая опять испортилась погода . . .'; *Ахыр яҙмышка йәнә баш эйеп, башылан буркен алып шул «шафҡәтле» кейәүенә кайтып инә* (З. Бишева) 'Опять покоровшись судьбе, сняв шапку с головы, он возвращается к этому «благородному» зятю'.

Шуға күрә 'поэтому', выражая пояснительную связь, главным образом употребляется для соединения предложений. Предложения, которые связывает данный союз, на письме могут разделяться точкой. В этом случае союз находится перед последующим, или результативным, предложением: *Район үзәге һукай қола яланға, етмәһә калкыуыраҡ ергә урынлашкан. Шуға күрә лә унда буран күз астыһыҙ була* (Н. Мусин) 'Районный центр Сукаево расположен в голой степи да еще на возвышенности. Поэтому всегда здесь сильный буран'; *Ә ер мәңгелек. Шуға күрә уның бизәген уңдырмау өсөн айырыуса һаҡ кыланьыра кәрәк* (Н. Мусин) 'А земля вечна, поэтому с ней надо обращаться особенно осторожно, чтобы не потускнела ее красота'.

ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Из противительных союзов, выражающих понятия противоположности, противопоставления, наиболее употребительны в башкирском языке следующие.

Ләкин 'но, однако' выражает логически сильную противительную связь между частями сложносочиненных предложений и однородными членами предложения: *Ғәжәп эш, ташты тейҙерҙем, ләкин үзем шатланманым* (К. Мәргән) 'Удивительно, попал камнем в цель, но сам не обрадовался'; *Разилә лә яңғызлыҡты тап шулай кисерә, ләкин ул үз тойғоһон былай асыҡ итеп әйтеп бирә алмаһ ине* (Н. Мусин) 'И Разилия одиночество переносит так же, но она не смогла бы открыто выразить свои чувства'.

Союз *ләкин* от предшествующей части предложения отделяется в большинстве случаев запятой, однако при выражении логическо-экспрессивного противопоставления с разделительной паузой отделяется и точкой: *Бер нисә кешенең үксәһенә башты. Ләкин һизмәне* 'Наступал на пятки несколько человек. Но не чувствовал'; *Көн һыуыҡ ине. Ләкин ул һыуыҡты ла тойманым* (И. Насыри) 'День был морозным. Но он холода даже не чувствовал'.

Юғиһә, юкһә 'иначе, а то' являются обязательными союзами для выражения сопоставительно-пояснительного отношения между предложениями. Последующая часть предложения, которая начинается союзами *юғиһә, юкһә* несет больше пояснительной информации с семантикой конкретизации, уточнения: *Бына быһыһы өсөн рәхмәт, — тине ул кыуанып бәтә алмайынса, юғиһә мине лә зарықтыраһың, үзең дә ғазап сизгәһең* (Д. Исламов) 'Вот за это спасибо, — сказал он, радуясь, — а то и меня заставляешь томиться и сама переживаешь'; *Шулай за яраһа кәрәк, юғиһә кем белә, ултырған урыныңды һаҡлай за алмаһың* (Я. Хамматов) 'Нужно все-таки приносить, иначе, как знать, не сумеешь и удержаться на своем месте'.

Фәкәт 'но, лишь, только, однако лишь' выражает главным образом противительно-сопоставительное отношение с конкретно-ограничительной семантикой. Союз *фәкәт* в отличие от союзов *эмә, юғиһә* активно употребляется как в литературном языке (1), так и в устной речи (2): 1) *Уның атай, миһең әсәй улған, кайғылар бер, фәкәт төһ башка* (Х. Тунакбай) 'У него

отец, у меня мать умерли, печаль наша общая, но лица разные'; Ул вакыт Нина йоклай, фәжәт Иванов жына уяу була (Д. Юлтый) 'В это время Нина обычно спит, только Иванов бодрствует'; (2) Бәтә кешегә күңелһез, фәжәт һин генә көлһең 'Все́м гру́стно, ли́шь то́лько ты сме́ешься'.

Ә м м ә 'а, но, однако' выражает противительное значение без оттенка ограничительности. Союз әммә наиболее характерен для письменной речи: Төш аҗымлап бара, әммә колхозсылар эшкә сыгарга ашыҗмайзар әле (Б. Бикбай) 'Приближается полдень, а колхозники еще не торопятся выходить на работу'; Күпме урманда йөрөнәм, әммә осон йөрөй торған тейенде элгәҗә күргәнем юк ине (Я. Хамматов) 'Ско́лько ходил по лесу, но до сих пор не приходилось видеть летающую белку'.

Союз әммә характеризуется наличием конкретизации противопоставляемых предметов, явлений, действий.

В народно-разговорном языке, особенно в речи старшего поколения союз әммә и союз ләкин нередко употребляются в плеонастическом сочетании әммә ләкин 'но, однако' со значением эмоционально-экспрессивного противопоставления: Күргәнем бар кешеләрзе, әммә ләкин һинең кеугега ораганы юк ине 'Пришлось повидать людей, но такие, как ты, не встречались'.

С о ю з ә 'а' выражает сопоставительно-противительное отношение с оттенком экспрессивности: Бытайған ирендәре, һалыһып төшкән каштары, ә күзәре — һунгән күмер кеүек 'Пухлые губы, обвисшие брови, а глаза — словно потухшие угли'; Без өйләнешең бәтәк, ә ул һаман һайлана (К. Мәргән) 'Мы все уже пережились, а он все еще выбирает'.

Предложения, связанные союзом ә, могут быть разобщены. В данном случае они отделяются точкой: Безең башҡорт араһында күптәнән килгән йола. Ә иҗке сепрәк-сапраҗ менән булышма (Ғ. Әмири) 'Это у нас, башкир, древний обычай. А старьем-хламом всяким не занимайся'.

Т и к 'но', выражая противительное отношение, одновременно обладает значением ограничительности: Ыуу бәтә бысраҡты йыуа, тик хыялпатты ғына йыуа алмай 'Вода смывает всякую грязь, не смывает только предательство'; Әйҙә, тилем, пуля миңә тейһен, тик теймәһен генә Ватанға (Ғ. Сәләм) 'Пусть, говорю, пуля сразит меня, только бы Родину не задела она'.

Предложения, соединяемые союзом тик, могут быть разъединены: Көндәр шулай бер-бер артлы үтә тора. Тик һаман атайым ғына кайтмай (Н. Мусин) 'Так проходит день за днем. Но отец все не возвращается'.

Б а р ы 'только' по своему значению и функции близок к союзам тик, фәжәт, выражающим противительно-сопоставительные отношения. Отличается от них ограничительно-выделительным значением: Кайтыуына кәйһеңде бәтә күмәһен ашап бәтәргән, ти, бары берҙе генә ҡалдырған, ти (фольк.) 'К ее приходу свекровь съела все лепешки, оставила только одну'.

И л л а, и л л ә м ә г г ә р 'но, однако' преимущественно употребляются в народно-разговорном языке, помимо значения противопоставления, они обладают семантикой сожаления по поводу описываемых явлений, действий: Билалдың йәһәт тура җараны, иллә мәггәр аттарҙы йыуындырып, ҡызылармеецтарға һыуға төшөрҙә бирһең, иһә булыр ине (А. Таһиров) 'Смотрел прямо в лицо Билала: было бы хорошо разрешить красноармейцам искупаться и помыть лошадей'; Халыҡ йыһан тулы, иллә мәггәр җаршы сығып һөрән һалырҙай кеше табылманы 'Народу было много, однако не нашлось смельчака выступить против'.

Ш у л а й ҙ а 'но, а, тем не менее, все-таки, однако' выполняет роль соединения-противопоставления компонентов сложносочиненных предложений: Әммә һиңә дейеу алышырға тура киләсәк, шулай ҙа һин уның менән көрәшһе була (фольк.) 'Все-таки тебе придется состязаться с драконом, но ты не вздумай бороться с ним'; Вахит «ярылы халыҡ», «аңлау ҡлдары бикле» тигән һүзәрҙең мәгнәләрен аңламаны, шулай ҙа уға теге егет бик аҗын булып күренде (М. Ғафури) 'Хотя Вахит не понимал смысла слов «беднота», «закрыты дороги к пониманию», тем не менее тот парень показался ему близким'.

Данный союз часто употребляется в сочетании с противительными союзами *э* (*э шулай за*), *тик* (*тик шулай за*), *лэжил* (*лэжин шулай за*) в значении 'но, однако', выражая противительные отношения с оттенком сожаления: *Ужылган хүзээрзег бөтөхөнэ тошонэ, лэжил шулай за хүзээрзег бөтэ мэгэнэ тэрэнлеген аңлап этэ алмай* (Н. Дәүләтшина) 'Он понимает все прочитанное, но не может вникнуть в значение каждого слова'; *Күн кэрэшергэ тура килде, иптэштэр, э шулай за быйылга барып сьжманы* (К. Мэргэн) 'Пришлось много бороться, товарищи, однако шныче опять не получилось'; *Пи генэ эйтһэң дэ, барын да күтэрэм, тик шулай за сак жына миңең күземде тыңласы* (Ф. Гүмар) 'Все что скажешь, вынесу, только выслушай, пожалуйста, хоть немного, мои слова'.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНО-ПЕРЕЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Разделительно-перечислительные союзы *йэ*, *йэки*, *йэйһэ* 'или, ни ни', *бер-берсэ* 'то', *алла* 'то' употребляются в единичном, повторном или парном виде. Выражают чередование явлений, действий, указывают на осуществление одного из перечисленных явлений, действий.

С о ю з *йэ* 'или' повторяется перед однородными членами или частями (компонентами) сложносочиненных предложений и обозначает более конкретную разделительность, чем союзы *йэки*, *йэйһэ*: *Беззег арала ла йиши жына йэ берэй эзэби китап тураһында, йэ халык-ара хэл, йэ мөхәббәт тураһында бәхәстәр китә торғайны* (Ф. Әсанов) 'Между нами тоже часто возникали споры или о каком-нибудь художественном произведении, или о международном положении, или о любви'; *Йэ Фәнилдә, йэ миндә, йэ изәндә, йэ ерзә* (БК) 'Или у Фаниля, или у меня, или на полу, или на земле'.

Йэки 'или' выражает ограничительное значение. Посредством союза *йэки* часто выражается связь между взаимоисключающими явлениями: *Икенсе отряд Казаккол тирәһендә, өсөнсөһө Тирлән йэки Урайы ауылында булырға тейеш* (Я. Хамматов) 'Второй отряд около Казаккулово, а третий должен быть около деревни Тирляново или Уразаево'; *Ниндэйзер оло караһай йэки имән шығында үзенең кызыллы-һарылы сыбар кейемдә күпишыланып ултырыусы йәши саған миңә һәр сак туйына эзерләнеүсе кызсы хәтерләтә* (Д. Исламов) 'Растущий в тени под высокой сосной или дубом разноцветный молодой клен всегда напоминает мне принаряженную к свадьбе невесту'.

Берсэ 'то' выражает последовательность, очередность, повторяемость предметов, явлений и действий и одновременно носит определенную экспрессивность: *Зия, оялыуынан ни эиләргә лә белмәй, кызарынып-бүртенеп берсә эһенә, берсә Сәғизгә карап баскан ерендә шак катып калды* (М. Тажи) 'Зия со стыда не знал как поступить, весь покраснел, смотрел то на мать, то на Сагиду'; *Сабит берсә шул имән менән карамаға, берсә Ағизел менән тауга карап ала ла һойләүен дауам итә* (И. Ғиззәтуллин) 'Сабит, поглядывает то на дуб и вяз, то на Агидель и гору, и продолжает свой рассказ'.

Йэиһэ 'или', состоящий из союза *йэ* и форманта *һэ* с модальным значением условности, соединяет как однородные члены предложения, так и компоненты сложносочиненных предложений, выражая сомнение говорящего по отношению к повествуемым предметам, действиям, явлениям: *Мәрйәм донъя күргән, йэйһә тарбия итеүсәһе булған бер кыз булаһа ине* (М. Ғафури) 'Была бы Марьям девушкой, выдавшей виды или же имевшей воспитательницу'; *Салих йэйһә Муртаза барып күрһәләр икән баһырзы* 'Салих или Муртаза сходили бы, проведали беднягу'.

Бер 'то, либо' соединяет однородные члены предложения с разделительным значением, а также компоненты сложносочиненных предложений, повторяясь перед каждым из них. Он обозначает последовательность, регулярную повторяемость явлений и действий. Кроме того, он обладает значением конкретной разделительности: *Бер миңә, бер һүрткә карап шымып калды* 'Глядя то на меня, то на портрет, он молчал'; *Бер килеп, бер китеп йөрөнө* 'То приходил, то уходил'; *Врач күзлеген кейзе лә бер Васягә, бер*

Айбулатка караны (Н. Дәүләтшина) 'Врач, надев очки, смотрел то на Васю, то на Айбулата'.

Повторяющийся союз *э л л э* 'то, то ли; либо' выражает сомнение, неуверенность в реальности одного из перечисленных предметов, фактов, действий, явлений, из которых обычно одно исключает другое: *Эллэ цсереп, эллэ кисереп бер һүз эйтә алманы* 'То ли опьянев, то ли от переживания, не мог сказать ни слова'; *Эллэ бар ғүмер, эллэ юк ғүмер* (Н. Дәүләтшина) 'То ли есть жизнь, то ли нет ее'; *Эллэ йәшилек, эллэ цсәрлек менән үткән ғүмерҙе без һизмәnek* (фольк.) 'То ли по молодости, то ли по дурости не сумели мы заметить прожитые годы'.

Повторяющийся союз *э л е* 'то' обозначает регулярное чередование, последовательность явлений: *Ул да эле бер якка, эле икенсе якка әйләнен ята, мине лә йәкә алманы* (С. Агиш) 'Он то на один, то на другой бок переворачивался, и я не мог заснуть'; *Һөнәрсенең бәтә өйө тулып, йондоз кеүек йымылдашып ултырган ғәжәп зиға, ысын яһау көршәктәрҙең эле беренен, эле икенсенен алып, баш сайжап, тел сатылдатып торған* (З. Бишева) 'Он был восхитен алып, глядя то на одни, то на другие, удивительно красивые, переливающиеся как звезды предметы, которыми был переполнен весь дом мастера'.

Союз *эле* является стилистическим синонимом союза *йә*, но отличается от него нечеткостью выражения разделительного характера отношений между словами и отдельными предложениями.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Разделительно-определятельные отношения выражаются посредством союзов *хатта*, *бәлки* 'то, но, ибо, либо', *йәғни* 'то есть'. Эти союзы в большинстве случаев употребляются в одиночном виде и связывают члены словосочетаний и предложений.

Х а т т а 'то, но' выражает разделительно-определятельное отношение со значением ограничительности. Союз *хатта* как бы акцентирует, направляет внимание на последующем слове: *Уйлап эш иткәндә айырым колхозды ғына түгел, хатта районды ике йыл эсендә республикабыҙҙың иң алдыңғы хужалыктарының береһе итергә бәтә мөмкинлек бар* (Я. Хамматов) 'Если регулярно работать, то имеются все возможности, чтобы за два года превратить в одно из самых передовых хозяйств республики не только отдельный колхоз, но и район'; *Ағағыраҡ был яктарҙа алтын приискылары асылған, хатта был да Урал арты тәбиғәтен үзгәртә алмаған* (Ф. Әмири) 'Позже в этих местах были открыты золотые прииски, но даже это не могло изменить природу Зауралья'.

Б ә л к и 'то, ибо, либо, вероятно, возможно, быть может' в одиночном употреблении, кроме обозначения разделительно-определятельного отношения, обладает значением предположения и оттенком противопоставления предметов, явлений, действий (1); при повторении же выражает разделительно-перечислительное значение (2): 1) *Тормош юлымда укытыусы Сулпан апай осрамаған булһа, бәлки мин дә ауылда калған булыр инем* (Ф. Әсәнов) 'Не встретиться в моей жизни учительница Сулпан-апа, я, пожалуй, остался бы в деревне'; 2) *Уның бәхетһезлегендә бәлки мин, бәлки һин ғәйепле тип әйтеүе кыйын* 'Ведь не скажешь, что в ее несчастья виноваты либо я, либо ты'.

Й ә г н и 'то есть, или' придает определятельное и пояснительно-изъяснительное значения членам словосочетаний и предложений: *Был манифестең үзе тотошлай мосолман телендә, йәғни төркисә күсерелеп баһтырылған* (Н. Дәүләтшина) 'Весь этот манифест напечатан на языке мусульман, т. е. переведен на «тюрки»; *Һин мине үзәңә ярҙамсы итеп алаһың, йәғни һин ғәзәттәгесә көршәктәр эшләйһең. Ә мин уларҙы кейемгә әйләндерәм* (З. Бишева) 'Ты берешь меня в помощники, т. е. ты как обычно делаешь горшки, а я их превращаю в одежду'.

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Подчинительные союзы выражают подчинительную связь между главными и придаточными частями сложноподчиненных предложений. Они передают причинные, условные, сравнительные, изъяснительные, уступительные, целевые и другие обстоятельственные или обстоятельствоно-характеризующие отношения.

Әгәр, әгәр ҙә, әгәр ҙә мәгәр 'если' передают условные отношения, условную связь с экспрессивно-модальными оттенками, а также обусловленность одного действия другим в рамках определенного периода: *Әгәр ҙә уның урынына үзбебезең кешене куйһалар, биш артың булған булыр ине* (Я. Хамматов) 'Если бы на его место поставили своего человека, было бы гораздо лучше'; *Әгәр теге яҡ ярҙа дошман булһа, ниндәй қарар қабул итерһең* (Ә. Бикһәнтәев) 'Если на том берегу окажется враг, то какое примешь решение?'

Союз *әгәр* является факультативным. Его наличие лишь усиливает значение условного наклонения на *-һа*, при котором он употребляется, не являясь обязательным элементом самой структуры предложения.

С ө н к и 'потому что, вследствие чего, ибо' выражает причинное отношение, причинную связь между компонентами сложноподчиненных предложений (1) и между двумя самостоятельными предложениями (2): 1) *Нурий ҙа, Мортый ҙа һикереп торҙолар, сөнки ишектең қағылышы былай ғына килгән кешенең қағышы кеүек түгел.* . (А. Таһиров) 'Нури и Мурти вскочили, потому что стук в дверь был тревожным и непохожим на обычный'; 2) *Уларҙы алдағы ут та, кайнап ятқан дәрғялар ҙа туктата алмай. Сөнки улар инде сиркәнес алып өлгөргәндәр* (И. Насыри) 'Не останавливают их ни огонь, ни бушующие моря. Ибо они уже получили закалку'.

Г ү й э, г ү й э к и 'подобно, как, как будто' выражают сравнительное отношение, сравнительную связь между частями одного предложения или между двумя предложениями и употребляются преимущественно в письменной речи. Как и *сөнки*, союз *гүйэ* является обязательным союзом, организующим определенный структурно-семантический тип сложноподчиненного предложения: *Ике тәҙрәһе менән Урал йылғаһына қараған тәпәш йорт тып-тып. Гүйәки улар ҙа илашып, хужаһының қайғыһын уртақлашалар һымаҡ* (М. Хәйзәров) 'Низенький дом с выходящими к реке Урал двумя окнами казался притихшим, будто сочувствовал горю хозяина'; *Әйтерһең, бөгөн уның кулдары урынына қанаттар үскән, гүйэ ул басыу юлынан түгел, бөркөт менән ярышып һауала осоп бара* (Ф. Әсәнов) 'Кажется, сегодня вместо рук у него выросли крылья, как будто он не по полевой дороге идет, а летит вместе с беркутом в небе'.

Г ә р с э 'хотя, ибо' в современном башкирском языке употребляется редко, он характерен для стихотворного жанра письменной речи, передает в некоторой степени условное отношение, условную связь со смысловой модификацией противопоставления: *Имәндәрәм ғәмһез тимәгез һез, улар тоя, барын аңлайҙар, гәрсә имәндәр бит үй-хистәрен қапыл ғына әйтеп бармайҙар* (А. Игебаев) 'Не скажите, что дубы беспечны, и они чувствуют, и понимают все, хотя они не могут это выразить'.

Ш у ғ а, ш у ғ а к ү р э, ш у ғ а л а, т и м э к, ш у н ы ң ө с ө н,
ш у н л ы к т а н, ш у н ы ң һ ө з ө м т ә һ е н д э, ш у л а р к а л а,
ш у л а й б у л ғ а с 'поэту' обозначают изъяснительно-следственные отношения в сложноподчиненных предложениях. Большинство из них по структуре сложные.

Компонент, присоединяемый с помощью этих сложных союзов, передает значение следствия действий, явлений, заключенных в главном предложении: *Хәзер кәмһенә һыу керә уның, шуға күрә байлығын күз күргәндәрәнә тарата башлань* (Б. Бикбай) 'Сейчас ему стало туго, поэту и стал раздавать близким свое богатство'; *Шуға күрә йәшлектең кәзереп бик нык белегез.* . (Һ. Дәүләтшина) 'Поэту знайте цену молодости. .'; *Сәғизә Тәһзилә әбейең тел төбөнөң қайҙа барғанын һизҙе лә, шунлыҡтан ул был хакта һүҙе оҙонға*

һузмаҫка һәм тәрэнгә ебәрмәҫкә тырыша (М. Тажи) 'Сагида чувствует, куда клонит бабушка Ганзиля, поэтому решила не продолжать разговор об этом'; *Шул сәғәт һыуға батырыр, шул аркала һыузан сыға алмам кеүек тойола* (Д. Юлтый) 'Мне кажется в этот момент, что меня утопят и я не смогу выплыть из воды'.

Т и м ә к 'значит' выражает изъяснительную связь в виде умозаключения: *Әйе, ул важиға киске сәғәт биштәрҙә булды, тимәк уға ул ете-ун һигеҙ сәғәттәр уткән* (С. Агиш) 'Да, это событие произошло где-то в пять часов вечера, значит прошло семнадцать-восемнадцать часов'; *Ул өйҙә һиндәй хәл булғанлығын шуңда уҡ аңлап алды; тимәк хужа кулы юк икән* (Б. Бикбай) 'Он сразу понял, что произошло дома; значит, нет руки хозяина'.

В функции союза активно употребляется слово *тип* 'сказав'. С его помощью соединяются предложения, заключающие прямую или косвенную речь. Кроме того, *тип* в сочетании с инфинитивом широко используется для выражения целевых отношений: *«Әй, нәмә сүл бүреләре кеүек шаулайһығыҙ, ажрыныраҡ», — тип, һалдаттарҙың шау-шыуҙарын көсәйтәләр ине* (А. Таһиров) 'Это слова «Эй, что там шумите, как шакалы, потише», еще больше усилили шум солдат'; *Коммунист буларак, безҙең өсөн башкалар эшләһен тип, шымып йөрөргә хәжыбыҙ юк* (Я. Хамматов) 'Будучи коммунистами, мы не имеем права говорить, что пусть за нас работают другие'.

В качестве соединительного союза отдельные служебные слова, в частности послеслог *менән* 'с', употребляются со значением обобщения, собирательности: *Шул көндән башлап Сәриә менән Спартак араһындағы мөнәсәбәт тағы ла үзгәрҙе* (Я. Хамматов) 'С этого дня отношения между Сарией и Спартаким изменились'.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Синтаксис современного литературного башкирского языка представляет необычайно обширный и сложный объект лингвистического исследования, который в существующих источниках отражен в первичном описании более или менее полно лишь на уровне предложения, выступающего в качестве основной единицы речи. Словосочетание же стало предметом исследования лишь в последние годы. Естественно, что оно по сравнению с предложением разработано меньше.

Результаты проведенных исследований предложения и словосочетания в башкирском языке, как и в других тюркских языках, в плане охвата своего объекта довольно значительны. Однако они еще далеко неполно освещают этот объект с точки зрения теоретической. К тому же не все аспекты синтаксиса предложения и словосочетания изучены должным образом. В частности, все еще ожидает своего тщательного исследования функциональное и стилистическое соотношение семантически близких предложений одного и того же статуса и возможность адекватного выражения коммуникативного содержания данного предложения в зависимости от стилистических условий и речевой ситуации структурно разнородными конструкциями, столь широко и регулярно взаимодействующими в живом языке.

Кроме обширной области синтаксической синонимии, наглядно свидетельствующей о развитости и высокой жизнеспособности синтаксиса современного литературного башкирского языка, все еще остается неохарактеризованным возрастающее из года в год структурное обогащение синтаксиса и его стилистическая и функциональная дифференциация, особенно в сфере массовой коммуникации, где синтаксис сложного предложения, в особенности предложения с союзной связью, и по степени употребительности и по количественному составу структур во многом разительно отличается от состава и соотношения синтаксических конструкций обиходно разговорной формы литературного языка, в свою очередь как раз в этом отношении распадающейся на социальные и, в известной мере, региональные разновидности (ср. устную речь, с одной стороны, городского и сельского населения, с другой высококультурной башкирской интеллигенции — писателей, журналистов, ученых, преподавателей и остальных социальных слоев башкирского населения). В связи с этим со всей остротой встает проблема изучения синтаксиса разговорного языка во всех его разновидностях — на уровне литературного языка, просторечия и диалектов. Незавершенность этой проблемы не позволяет приступить к изучению исторического синтаксиса в сравнении с другими тюркскими языками, которое могло бы быть начато с исследования дошедших до нас немногих письменных памятников башкирского языка и богатейшего фольклора, собранного с возможной полнотой и частично уже опубликованного.

Синтаксис письменного литературного языка, впитавший в себя многие черты дореволюционного периода своего развития, не характерные для устного башкирского языка, еще при его обновлении на подлинно народной

основе в 20—30-х годах значительно отличался от синтаксиса обиходно-разговорной речи во всех ее разновидностях. В последующее время это усугубилось непрерывным структурным обогащением литературного письменного языка за счет ресурсов родственных тюркских языков и за счет множества синтаксических калек с русского языка. Последними изобилуют все бурно развивающиеся младописьменные литературные тюркские языки, ими обогатились стилистические возможности синтаксиса литературного языка, вызвали функциональную дифференциацию многих синтаксических конструкций, выявив тем самым удивительную мобильность синтаксических категорий. Их изучение в непосредственной связи со стилистической и функциональной дифференциацией синтаксических конструкций, равно как самой синтаксической стилистики, тоже относится пока что к числу нерешенных проблем.

Грамматическая квалификация ранее отмеченных и описанных структурно-семантических типов простого и сложного предложения и основных типов наиболее распространенных словосочетаний по необходимости произведена в предлагаемой грамматике на уровне большинства синтаксических описаний по современному тюркскому языку, хотя первоначально она и ставила своей целью усиленное ее углубление. Это расхождение между замыслом и его осуществлением, помимо всего прочего, вызвано естественным влиянием укоренившихся традиционных принципов описания синтаксиса, которые во многом не согласуются с неоспоримыми достижениями в разработке проблематики синтаксиса не только тюркских языков. В нарушение традиционных принципов описания тюркского синтаксиса в порядке первого опыта, требующего, естественно, критического осмысления и углубления, авторы настоящей грамматики в соответствии с ее проспектом решились лишь на следующие нововведения в этой области¹.

1. Члены предложения рассмотрены применительно не только к простому предложению, но и к сложному, поскольку в обоих случаях они выделяются на одинаковых началах.

2. Соответственно расширено описание типов сказуемого за счет связанного сказуемого, характерного для придаточных предложений и так называемых обстоятельственных оборотов, организуемых главным образом дееспричастиями. Остальные члены предложения имеют одну и ту же структуру и в простом, и в сложном предложении.

3. Выделение связанного сказуемого, в большинстве случаев обнаруживающего полный изоморфизм в составе придаточного предложения и в зависимых конструкциях, усложняющих простое предложение, поставило перед необходимостью квалифицировать именно дееспричастные и т. п. обороты как зависимые конструкции, наделенные предикативностью, одинаково характерной и для придаточного предложения. Соответственно простое предложение, содержащее такую зависимую конструкцию, квалифицируется как усложненное предложение. Это согласуется с давно наметившимся выделением усложненного сложного предложения на материале ряда тюркских языков.

4. Усложненные сложные предложения даны по рубрикам на семантико-синтаксической основе, позволяющей однозначно отнести их либо к партаксису, либо к гипотаксису, исключая лишь немногие конструкции, которые действительно трудно определить с этой точки зрения (см. раздел «Смешанные сложные предложения»).

5. Поставлен вопрос о статусе простого предложения, содержащего вставное простое или сложное предложение, обладающее предикативностью. Но вопрос этот в данной грамматике еще не решен, из-за неполноты материала (в частности, еще не изучена возможность усложнения вставным предложением сложного предложения).

¹ Проспект «Грамматики современного башкирского литературного языка». Сост. А. А. Юлдашев. Уфа, 1974.

6. В синтаксисе отведено достойное место парцелляции.

7. Во многом по-новому ставится и решается вопрос о сложных словосочетаниях.

8. Более, чем это принято делать в академических грамматиках, расширено рассмотрение связи слов в предложении. Это позволило более четко охарактеризовать основные типы словосочетаний.

Первоначально ставилась и проблема последовательной классификации сложных предложений на единой семантико-синтаксической основе², производимой до сих пор почему-то лишь применительно к сложно-подчиненным предложениям. Однако пришлось ограничиться традиционной рубрикацией сложносочиненных предложений по типам связи. Это, естественно, привело к ненужным повторениям (одни и те же типы выделены среди и бессоюзных и союзных сложносочиненных предложений), не говоря уже о том, что рассмотрение бессоюзных предложений в отрыве от предложений с союз-

ной связью не позволяет раскрыть системные отношения между теми и другими, основанными на семантико-синтаксическом их взаимодействии, в частности, на их взаимодействии по структуре типов предложений, представляющих соединительные, противительные, пояснительные, сопоставительные и т. п. отношения.

Наиболее отрицательным в традиционном делении сложносочиненных предложений только на союзные и бессоюзные, исходя из практики описания таких предложений на материале русского и других индоевропейских языков, является не только невозможность в его пределах надлежащим образом показать сложносочиненные предложения в живой их системе, но и искажение типологической особенности тюркских языков, а именно — неправомерное отнесение к числу бессоюзных действительно асиндетических конструкций широко распространенных в тюркских языках типов сложносочиненных предложений, первая часть которых связана со второй при помощи словоформы сказуемого — формы деепричастия на *-п*, выполняющей, по существу, роль соединительного союза, который одновременно выражает последовательность двух действий, описываемых в разных частях этой конструкции, и другие синтаксические отношения. Конstituирующая роль такой словоформы сказуемого придаточной части сложноподчиненного предложения как особого средства формального выражения синтаксических отношений ныне признана всеми. И такие предложения уже не причисляются к бессоюзным. Применительно к сложносочиненным предложениям это положение до сих пор не реализовано. Это вызвано, очевидно тем, что само сложносочиненное предложение рассматриваемого рода до сих пор не получило всеобщего признания среди синтаксистов-тюркологов. Между тем, оно представлено в каждом из тюркских языков рядом широкоупотребительных типов, характеризующихся закрытой структурой (состоит из двух частей, распространение третьей исключено):

1) соединительные предложения: а) предложения следования, обозначающие благодаря форме сказуемого и контексту хронологическую последовательность двух действий: *Өзерлек бөтөп, китер көн килеп этте* (М. Гафури) 'Подготовка закончилась, настал день отъезда'; *Кыш үтөп, яз этте* (М. Гафури) 'Прошла зима, наступила весна'; *Мустафин үзөңөң полкын кыуып эткәндә, Степан да һауығып әйләнеп кайтып, улар Днепр ярларында торалар ине инде* (Д. Исламов) 'Когда Мустафин догнал свой полк, Степан выздоровев, тоже вернулся, и они уже стояли на берегах Днепра'; б) предложения одновременности: *Күктә күгәрсендәр уйнап, буз тургайлар һайраһын* (М. Марат) 'Пусть на небе играют голуби и поют сизые воробьи';

2) предложения, первая часть которых поясняет вторую как побудительная причина свое следствие: *Ағалы-энеле егеттәр һүзгә килешеп, кесеһе өйҙән сығып китте* (К. Мәргән) 'Старший и младший братья-джигиты поссорились, и младший покинул дом'; *Ел сығып, болоттар таралды* (А. Таһиров) 'Поднялся ветер, и тучи рассеялись';

² Проспект «Грамматик. .», с. 84.

3) усилительные предложения, вторая часть которых по сравнению с первой содержит экспрессивно-подчеркнутую информацию: *Көн болотлап, ел дә көсәйгәндән көсәйә* (Ф. Хәйри) 'Погода стала пасмурной, и ветер усиливается все больше и больше'.

Правомерность отнесения конструкций приведенного рода к сложносочиненным предложениям подтверждается возможностью свободной замены деепричастного сказуемого спрягаемой формой глагола в сопровождении с союзом или без него, т. е. любым другим способом формального выражения тех же самых синтаксических отношений: ср. *Кыш үттеп (үтте / үтте һәм / үтте лә), яз этте* 'Прошла зима, и наступила весна'. Такая трансформация и модификация формального выражения одной и той же синтаксической связи убедительно говорит также и о том, что сложносочиненные предложения целесообразно классифицировать не по типам связи, которые нередко представляют, как в данном случае, лишь стилистическую вариативность структуры предложения, а на семантико-синтаксической основе, объединяя все три вида предложений одного семантического профиля в единую рубрику, как это давно разумно практикуется применительно к сложноподчиненным предложениям. Соответственно все союзные и бессоюзные сложносочиненные предложения, в том числе и с деепричастным сказуемым, можно разместить по таким же выработанным рубрикам, как соединительные, противительные, сопоставительные, пояснительные и т. п. предложения, внутри которых в свою очередь должны быть особо выделены союзные и бессоюзные предложения, включая сложносочиненные предложения с деепричастным сказуемым, играющим роль соединительного союза.

В выделении и трактовке сложноподчиненных предложений, вернее — спорной их части, авторы грамматики придерживаются известной концепции Н. К. Дмитриева³, в принципе отражающей господствующее воззрение на природу сложноподчиненных конструкций в русском языкознании⁴, которое ныне справедливо сведено к наличию в их составляющих частях ясно выраженной предикативности⁵, свободной или связанной, действительно предопределяющей статус сложного предложения вообще.

Концепция Н. К. Дмитриева, которую мы пытались развить применительно к придаточным предложениям с деепричастным сказуемым, имеющим свое раздельно выраженное подлежащее⁶, нуждается, на наш взгляд, в одном уточнении. Причастный оборот с раздельно выраженным подлежащим и сказуемым, квалифицируемый Н. К. Дмитриевым и его многочисленными сторонниками как придаточное определительное, примыкает непосредственно к определяемому слову даже без выделения паузой (пауза может быть только после определяемого слова, которое вместе с причастным оборотом имеет объединенную синтаксическую интонацию). Он не имеет отношения к сказуемому данного предложения, в котором представлен. В силу этого причастный оборот лишен собственно предикативности, составляющий необходимый признак всякого предложения или его части. Действие, выражаемое причастием представлено здесь в характеризующем значении, т. е. как определение. Оно не охарактеризовано по категории времени и наклонения.

Так что выделение придаточного определительного, представляющего на деле развернутое определение при подлежащем или дополнении, представляется в данном случае крайне проблематичным. В остальном воззрение Н. К. Дмитриева на природу придаточных предложений со сказуемым в неспрягаемой форме глагола лишь подтвердилось при дополнительном углубленном их исследовании: достаточно сказать, что при «неличных» формах

³ Дмитриев П. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 244—259.

⁴ Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения. — Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 424 и др.

⁵ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 652—655.

⁶ Юдашев А. А. Сравнение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977, с. 207—239.

личность производителя или носителя действия может быть представлена в самой словоформе: ср. *йоко- (-м, -ң, -һо, -ғоз, -боз, -лары) килеп (килгәс), өйгә жайтып китте (-м, -ң, -ек, -егез, -лар)* 'поскольку (мне, тебе, ему, нам, вам, им) захотелось спать, (я, ты, он, мы, вы, они) пошел домой'.

Действие, представленное неличной формой глагола, однозначно охарактеризовано по категории лица (благодаря соотносённости действия с его производителем-подлежащим), времени и наклонения (благодаря его соотносённости в этом плане с действием, выраженным так называемым основным глагольным сказуемым), что и составляет сущность предикативности: *Вахит өйгә инеү менән, өй эсендә каушау катыш шатлык тыузы* (М. Гафури) 'Как только вошел Вахит, дома воцарилась радость вместе с растерянностью'; *Иренең һәләк булуы тураһында хәбәр килгәс, Рауфәнең эсһе бик иланы* (Ә. Воли) 'Получив извещение о гибели своего мужа, мать Рауфы горько плакала', где действие, выраженное неличной формой глагола, однозначно относится к тому же времени и наклонению, что и действие, представленное главным сказуемым, а его соотносённость с подлежащим столь же ясно характеризует (его) по категории лица.

Один из интересных и неожиданных результатов исследования **придаточных** предложений рассматриваемого рода представляет возможность

их бытования в односоставном варианте: ср. *Ғилажиҙе һалкын һуғып, уның тамағы шешеп йөрөнө* (А. Таһиров) 'Гилажи простудился, и у него заболело горло', где *һалкын һуғып* обозначает безличное действие; *Таң атҡас эшкә киттек* 'Мы отправились на работу, когда рассвело'; *Косҡом килгәс, ул дарыу бирҙе* 'Поскольку меня тошнило, он дал лекарство'; *Әсем бошон мин жайтып киттем* 'Я захандрил и отправился домой'; *Укығың килмәгәс, мәктәпкә барып йөрәмә* 'Раз не хочешь учиться, не ходи в школу'; *Уның ике сөгәткә һундағанына асыуыбыз килгәс, тоттоҡ та жайтып киттек* 'Поскольку мы были возмущены его опозданием на два часа, мы взяли да и разошлись по домам'; *Без тапшырған бүләккә күцелә тулғас, Мәзинә илап ебәрҙе* 'Тронутая подарком, который мы вручили ей, Мадина заплакала'; *Күргән төштәрәмдән ҡотом осоп, уянып киттем* 'Я проснулся, испугавшись сновидений'. При этом обращает на себя внимание охарактеризованность обозначаемого дееспричастием действия по категории лица в пределах самого сложного глагола.

Другим существенным результатом проведенных исследований в соответствии с концепцией Н. К. Дмитриева является тот примечательный факт, ускользающий из поля зрения синтаксистов, что связанная предикация, характерная для рассматриваемого типа придаточных предложений и неспособная реализоваться в виде отдельного предложения, широко представлена и среди неоспоримых союзных сложносочиненных разделительных предложений открытой или закрытой структуры: ср. *Йә елләп ямғыр һибәләй, йә ҡараңғы тымҡ төн була, йә ай нуры төшә Йәзгә* (М. Кәрим) 'То моросит дождь, то бывает душная темная ночь, то лучи луны освещают Белую'; *Йә үзем барам, йә булмаһа үзе миңә килһен* 'Либо я пойду, либо пусть приходит сам ко мне'; *Әле быныһы аптырата, әле тегенеһе теңгәгә тейә* (фолькл.) 'То озадачивает это, то донимает другое'; *Берсә Турыҗай алға сыға, берсә Ерәнсай бәтһен дә узып китә* (фолькл.) 'То вырывается вперед (на скачках. — А. Ю.) Гнедой (кличка лошади), то всех опережает Рыжий (кличка лошади)'; *Әллә күзем әйбер айырмай башланы, әллә дарыуҙары бер торло инде* (Ш. Биккол) 'То ли глаза сами по себе не стали различать предметы, то ли не подходит лекарство'. Самостоятельное простое предложение для его превращения в компонент сложносочиненного предложения намеренно лишается признака самостоятельности путем вставки в него союза, а в последнем случае — путем замены спрягаемой формы глагола неспрягаемой его формой. И в том, и в другом случае часть сложного предложения не может быть реализована в качестве самостоятельного высказывания, т. е. сложное предложение являет собой сложение двух предикаций для получения еди-

ного высказывания, именно единой коммуникативной единицы, в принципе сходной с простым предложением.

Как свидетельствуют приведенные примеры, компонент сложного предложения вовсе не обязательно должен строиться полностью по структурной схеме простого предложения. Правда, компоненты сложного предложения даже при большой зависимости одного из них от другого в принципе выделяются именно на высшем уровне синтаксического членения — на уровне предикации — и выделяются так или иначе именно как предикативные единицы, как аналоги предложения. Но это не означает, что они по структуре обязательно должны соответствовать простому предложению и подобно ему иметь смысловую завершенность. Такому строгому требованию из всех сложных предложений удовлетворяют лишь бессоюзные сложносочиненные предложения с чисто соединительной связью, не осложненные выражением временной последовательности действий. Ни один другой тип сложного предложения не обладает способностью распадаться на отдельные два простых предложения в зависимости исключительно от стилистических запросов без ущерба для передаваемого им коммуникативного содержания и для своей структуры, обеспечивающий сообразно с ее типовым значением именно такое содержание.

В синтаксических описаниях по давно заведенной традиции порядок слов рассматривается лишь применительно к простому повествовательному предложению и всякий иной порядок расположения компонентов предложения, характерный для остальных типов предложений нередко квалифицируется как инверсия. Между тем применительно к вопросительным, восклицательным и побудительным простым предложениям, сложноподчиненным предложениям, составные части которых связаны с помощью словоформы сказуемого, соединительным сложносочиненным предложениям, передающим временную последовательность двух действий, пояснительным сложносочинительным предложениям, сложным предложениям, выражающим причинно-следственные отношения, условным периодам порядок расположения их компонентов составляет один из их структурных признаков, подлежащий обязательному учету и описанию. К сожалению, это элементарное требование далеко не полностью соблюдено и в предлагаемой грамматике.

Традиционно охарактеризованы в ней также и типы предложений по их коммуникативному назначению. Между тем, вопросительные, побудительные и восклицательные предложения встречаются и среди сложных предложений, подлежащих рассмотрению с названной точки зрения на одинаковых основаниях с простыми предложениями. Другое дело, что их здесь гораздо меньше, чем среди простых предложений, где они по сравнению с повествовательными предложениями занимают тоже небольшое место.

Удельный вес описанных в синтаксисе типов предложений охарактеризован лишь в разделе сложных конструкций.

Читатель не найдет необходимых сведений и о синтаксической интонации, играющей существенную роль в формальном выражении синтаксических отношений, особенно в вопросительных, побудительных и восклицательных предложениях и в синтаксическом членении сложных предложений. При всей смысловой целостности всякое предложение как коммуникативная единица расчленяется на составляющие смысловые части различной степени актуальности и завершенности. В этом наряду с другими средствами семантико-синтаксического членения предложения едва ли не самую важную роль играет синтаксическая интонация и ее градация, которые требуют, однако, обширного углубленного самостоятельного исследования современными инструментальными методами.

К сожалению, в предлагаемой грамматике отсутствуют сведения об актуальном членении предложения, об открытости или закрытости структуры данного типа сложного и простого предложения, а также по некоторым другим вопросам синтаксиса, назревшим давно и тем не менее еще не исследованным на материале башкирского языка. Сильные еще традиционные узы, которые должны быть преодолены в ближайшем будущем.

Изложение синтаксиса ориентировано главным образом на устоявшиеся нормы письменного литературного башкирского языка с возможным учетом, там, где это необходимо, специфики синтаксиса устной литературной речи.

Словосочетание и предложение, составляющие предмет синтаксиса, пользуются одними и теми же средствами формального выражения синтаксических отношений между своими компонентами: 1) словоформами знаменательных слов, 2) местоположением своих составляющих частей, 3) служебными словами собственно синтаксического назначения (союзами, союзными и относительными словами, послелогами и частицами), 4) синтаксической интонацией, 5) возможными комбинациями перечисленных средств.

Слово, вернее — словоформа на уровне синтаксиса, предстает как предельно составляющая и предложения и словосочетания, т. е. здесь дальнейшему членению она не подлежит. Следовательно, нельзя считать правомерным выделение так называемого составного члена предложения, или словосочетания, исходя из того, что он представляет собой сложную (аналитическую) словоформу — семантически неделимое сочетание «однословной» словоформы со служебным словом, тем более — из структуры лексической основы — ядра, состоящей из двух производящих основ типа *ун биш* 'пятнадцать', *ант ит-* 'дать клятву'.

Фиксированные синтаксические отношения, лежащие в основе сложных слов, устойчивых словосочетаний терминологического и фразеологического характера, идиоматики и сыгравшие определенную роль при их зарождении, не составляют предмета синтаксиса современного языка. Поэтому в дальнейшем изложении внимание направлено лишь на свободные, или живые (мобильные) синтаксические отношения в рамках словосочетания и предложения.

Рассмотрению наиболее распространенных типов словосочетаний предпослан первый очерк связи слов в башкирском языке — на основе подчинительной связи слов, стоящей в центре внимания очерка, возникают словосочетания, предопределяющие лексическую наполняемость всякого предложения как коммуникативной единицы, неизменно обладающей предикативностью и модальностью.

СВЯЗИ СЛОВ

В составе словосочетания и предложения слова находятся в смысловой и грамматической связи, причем способы связи могут быть различными. В синтаксисе изучается так называемая свободная сочетаемость слов, хотя вообще в языке абсолютно свободной сочетаемости не может быть. Между синтаксическими единицами существует два основных типа отношений, представляющие собой неравнозначные структуры: сочинительная связь и подчинительная связь.

СОЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ

При сочинительной связи две и более синтаксических единицы находятся в равных отношениях друг к другу. Способом сочинения связываются все разряды знаменательных слов, однотипные члены предложения, словосочетания, а также простые предложения в сложносочиненном предложении.

Сочинительной связью выражаются следующие отношения.

1. Перечислительные, представленные открытым рядом функционально тождественных (равноправных) синтаксических единиц с соответствующей интонацией перечисления: *Борон-борон заманда төлкө, буре, бүзәнэ үз-ара душлашып алгандар* (фольк.) 'Давным-давно подружились лиса, волк, перепелка'; *Бергә атлай йырзар, ал байрактар, язгы гөлдәр, кыззар, балалар* (Г. Сөләм) 'Рядом шагают песни, алые знамена, весенние цветы, девушки,

дети'; *Боландың мөгөзө, Ғалимдең нүзе, филдең теше, останың эше жиммэте* (посл.) 'У оленя рога, у ученого слово, у слона зуб, у мастера дело дорого'.

Ряд однородных членов может завершаться путем оформления последнего слова грамматическими формами числа или падежа, выражающими обобщение, при этом дальнейшее продолжение перечисления становится невозможным: *Хәлил Фәттәхов, Мизхәт Ибраһимов, Гөлдәр Мостафиналар ойштороп йөрөй бындай зитәрзе* 'Такие дела организуют Халил Фаттахов, Мидхат Ибрагимов и Гульдәр Мустафины'.

Употребление сочинительного союза *һәм* 'и' перед последним членом перечисления и синтаксического фразеологизма *һәм башкалар* 'и другие' в качестве завершающего члена перечислительного ряда особенно характерно для публицистики: *Базарза Мәжит Гафури, Сәйфи Кудаш, Мостай Кәрим, Зәйнәп Бишшева, Әнүәр Бикчәнтәев һәм башка язусылардың китаптарын табырға мөмкин* (СБ) 'На базаре можно найти книги Мажита Гафури, Сайфи Кудаша, Мустая Карима, Зайнап Бишшевой, Анвара Бикчентаева и других писателей'.

Сочинительный союз *һәм* 'и', а также послелог *менән* 'с' в значении союза чаще употребляются при двух однородных членах: *Мин ауылда биш көн яттым, биш айлыҡ дәрт һәм көс алып кайттым* (М. Хәй) 'Я в деревне пробыл пять дней, а силы и бодрости набрался как за пять месяцев'; *Мансур менән Фәхруш бик йй ғына шул яр яҡка җарап атлайҙар* (К. Даян) 'Мансур с Фохрушем медленно шагают по направлению к тому берегу'.

При выделении каждого однородного члена особой интонацией употребляются союзы *-да/-дә, -за/-зә, -ла/-лә, -та/-тә*: *Бүзәнә осмай ға җасмай ға, тоттормай ға* (фолькл.) 'Перепел и не летит, и не убегает, и не дает себя поймать'; *Инде тәҙрә янына барып етерлек кенә дәрт тә, дарман да бар кеүек* (М. Кәрим) 'Кажется, есть и стремление и силы подойти к окну'; *Мин шатланам да, борсолам да* (Ф. Гүмәр) 'Я и радуюсь, и беспокоюсь'.

2. Разделительные отношения, представленные союзами, союзными словами и соответствующей интонацией: *йә һин, йә мин* 'или ты, или я'; *йә үләм, йә йәшәү* 'либо смерть, либо жизнь'; *йә йәшәйбез, йә айырылышабыз* 'либо живем, либо разводимся'; *бер алға, бер артқа* 'то вперед, то назад'; *бер барайыҡ, бер бармайыҡ, нисек аңларға?* 'То пойдем, то не пойдем, как понять?'; *Сыуақай әбей ни эшләргә белмәй, берсә ишеккә, берсә урындыкка табан югерзе* (З. Бишшева) 'Старуха Сауақай, не зная что делать, бегала то к двери, то к нарам'. Такие же отношения выражаются повторяющимися при каждом однородном члене союзами: *әле. ., әле. .* 'ни. ., ни. .' и др.

3. Пояснительные отношения, выражаемые с помощью поясительных союзов, позиции слов, входящих в эти отношения, и интонацией: *Ҙайһы сақта никахта инеүселәрҙең берененең — ир йә җатындың — башка кеше менән никахта булыуын белмәй тороп, Ғалиә короу хәлдәре лә булғылай* (СБ) 'Бывают случаи, когда создают семью, не зная о том, что один из супругов — муж или жена — состоит в браке с другим человеком'.

Для выражения поясительной связи чаще всего употребляются союзы *йәғни* 'то есть', *йәғни мәсәлән* 'то есть, к примеру', более характерные для письменной речи: *Ул, йәғни Соләй байдың баш бисәнә, был йорттоң икенсә бәләҗәе ине* (С. Кулибай) 'Она, то есть старшая жена Сулейбая, была вторым полицейским этого дома'.

4. Модальные отношения, возникающие при употреблении обращения или вводного слова: *Сеү, Тимер, кеше күрер. . .* 'Тише Тимир, люди увидят. . .'; *Юк йәнем, Нурия, ышан* (К. Мөргән) 'Нет, душа моя, Нурия, поверь'; *Идрисов, һис шикһез, насарлыҡ эшләгән* (А. Карнай) 'Идрисов, безусловно, поступил плохо'.

Перечисленные отношения и формальные показатели сочинительной связи могут комбинироваться в пределах одной синтаксической конструкции.

ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ

Подчинительная связь является основным типом синтаксических отношений, определяющим формальную структуру словосочетаний. Она характеризуется неравенством соотносящихся единиц, большей или меньшей степенью определенности местоположения членов синтаксического ряда и выраженностью многих из этих отношений специальными грамматическими показателями. Естественно наличие при такой связи подчиняющего (главного) и подчиненного или подчиненных (зависимых) членов. Зависимая связь подчиняющего и подчиненного элементов сохраняется в любом контексте, хотя при более сложной организации речи этот же подчиняющий член может оказаться в роли зависимого по отношению к другим членам данного ряда.

В лингвистической литературе существуют разные принципы классификации подчинительных отношений. Почти во всех грамматиках стало традиционным выделение по характеру и средствам связи трех основных разновидностей подчинительного отношения — управления, согласования и примыкания. Дальнейшее дробление типов связи основывается уже на морфологическом принципе, исходным моментом для которого является принадлежность главного и зависимого слова к определенной части речи.

Различные виды подчинительной связи могут комбинироваться и в рамках одного сложного словосочетания: *ит һатыу буйынса биш йыллыҡ план* 'пятилетний план по продаже мяса' (управление и примыкание); *һинең атайыңдың төлкө туны* 'листья шуба твоего отца' (согласование и примыкание) и т. п.

В синтаксисе тюркских языков наиболее широко используются управление и примыкание. Согласование на материале тюркских языков имеет свою специфику. Оно значительно отличается от согласования слов в русском языке.

У П Р А В Л Е Н И Е

Управление — вид подчинительной связи, при котором грамматически подчиненные слова (как правило, существительные или субстантивированные части речи) ставятся в той или иной форме косвенных падежей в зависимости от синтаксических потенций управляющего слова (глагола, имени и др.), заложенных в его лексическом значении или вытекающих из его грамматических характеристик. По категориальной принадлежности управляющего слова и формальному выражению связи выделяются различные виды управления: глагольное, именное, послеложное, наречное и др.

ГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В словосочетаниях наиболее разнообразными формами управления обладают глаголы. Падежные формы зависимых слов определяются прежде всего семантикой глагола и его залоговыми значениями.

Форму винительного падежа именных частей речи требуют глаголы сильного управления, при этом управляемые слова обозначают прямой объект: *эште оют-* 'забыть дело', *туғандары оют-* 'забыть родственников', *уткәнде ислә-* 'помнить прошлое', *қарары хупла-* 'одобрить решение', *ғәйепте кисер-* 'простить вину', *ватанды һақла-* 'защищать родину'.

Обязательна постановка зависимого слова в форме винительного падежа при каузативных глаголах: *мәсьәләне конкретләштер-* 'конкретизировать вопрос', *халықты тынысландыр* 'успокоить народ', *эште йәнләндер-* 'оживить работу', *йорошты тизләт-* 'ускорить ход', *уқыусыны өйрәт-* 'научить ученика'; *Балык тәрәнде, мулла биргәнде ярата* (посл.) 'Рыба любит глубину, мулла — что дают'.

В других же случаях оформленность или неопределенность зависимого слова аффиксами винительного падежа обуславливается не только семантикой управляющего глагола, но и его охарактеризованностью по категории определенности / неопределенности. Такое управление можно назвать вариативным. Им обладают глаголы целенаправленного действия: *Хәмитте*

сакыр- 'пригласить Хамита', но *кунак сакыр-* 'пригласить гостя', *атыңды эзлэ-* 'искать свою лошадь', но *ат эзлэ-* 'искать лошадь', *йожоно ал-* 'отнять сон', *көстө ал-* 'отнять силы'; Алексей Григорьевич Илеи районунда булган бер халде якшы хәтерләй (СБ) 'Алексей Григорьевич хорошо помнит один случай, происшедший в Илишевском районе'.

Глаголы зрительного и слухового восприятия, речи и мышления также управляют винительным падежом: *тирә-якты күзәт-* 'наблюдать окружающее', *дәресте аңла-* 'понять урок', *таңыштарзы күр-* 'видеть знакомых'.

Одной из широко распространенных форм связи глаголов с существительными и субстантивированными частями речи в башкирском языке является управление дательным падежом, обозначающим косвенный объект. Данная форма управления обуславливается прежде всего характером лексического значения глагола. Дательным падежом управляют глаголы движения, воздействия, указывающие направленность действия к адресату или объекту, цель и назначение действия: *еләккә бар-* 'пойти за ягодами', *утынга бар-* 'поехать за дровами', *алыска кит-* 'уйти далеко', *косакка ал-* 'взять в объятия', *эшкә ал-* 'принять на работу', *партияга ал-* 'принять в партию', *һунарға йөрө-* 'ходить на охоту', *кунакка йөрө-* 'ходить в гости', *теләккә иреш-* 'достичь желанья', *бесэнгә аптыра-* 'испытывать недостаток в сене', *күкрәккә казал-* 'вонзиться в грудь', *урамга сыж-* 'выйти на улицу', *тунга уран-* 'завернуться в шубу' и т. д.

Дательным падежом управляют глаголы, обозначающие изменение состояния: *якшыга сыж-* 'оказаться хорошим', *икегә айырыл-* 'разводиться', *буйга үс-* 'пойти в рост', *сәскәгә тумал-* 'затянуться в цветок', *емгә туйын-* 'наливаться (о колосе)' и т. п.

Управляющий глагол в некоторых случаях, особенно в синтаксических фразеологизмах, требует от зависимого слова определенной словообразовательной формы: *аңламағанга һалыш-* 'притвориться непонимающим', *йожлағангаһ алыш-* 'притвориться спящим', *күңелһезлеккә бирел-* 'предаться унынию', *аптырашкә жал-* 'быть в удивлении' и др.

Управление дательным падежом осуществляется также формой взаимного залога со значением соучастия в осуществлении данного действия: *агайга эшләш-* 'помогать работать брату', *бабайга күтәреш-* 'помогать старику', *атка һөйрәш-* 'помогать лошади тянуть', *әсәйгә беһереш-* 'помогать матери варить' и т. п.

Глаголы управляют и местным падежом. Это прежде всего глаголы, обозначающие действия, совершающиеся в определенных пространственных или временных пределах, а также выражающие состояние: *урманда йәшә-* 'жить в лесу', *урманда йөрө-* 'ходить в лесу', *һауала ос-* 'летать в воздухе', *ойзә йокла-* 'спать дома', *тондә уян-* 'проспать ночью', *эштә бул-* 'быть на работе', *малайлыкта йәшә-* 'жить в работниках' *партизанлыкта йөрө-* 'партизанить, быть в партизанах'; *һы уә а балык йозәлер, һыу һалкынын һызәлер* (фольк.) 'Рыба в воде плавает, студентость воды чувствует'; *Хәйзәр әле ошо редакция бүлмәһенең д и в а н ы н д а йоклап йөрөй* (Ф. Исәнғолов) 'Хайдар сейчас ночует н а д и в а н е в этой редакционной комнате'.

Управление исходным падежом зависимых слов обуславливается характером лексического значения управляющего глагола. При этом выражаются объектные и обстоятельственные отношения. Исходным падежом управляют:

1) глаголы движения, предполагающие уточнение исходного пункта действия: *тауҙан төш-* 'спуститься с горы', *ерҙән күтәрел-* 'подняться с земли', *урмандан сыж-* 'выходить из леса', *мәктәптән кайт-* 'возвращаться из школы', *тәҙрәнән кара-* 'смотреть из окна' и т. п.;

2) глаголы чувственного восприятия и познания, предполагающие наличие источника объекта: *буренән курж-* 'бояться волка', *кешенән биз-* 'устать от людей', *ауырыуҙан йозә-* 'измучиться от болезни', *саф йөрәктән һөй-* 'любить от чистого сердца', *китаптан укы-* 'вычитать из книги', *кешенән бел-* 'узнать от людей' и др.; *А т а н а н күргән уҡ юнған, и н ә н ә н күргән тун теккән* (посл.) 'О т ц у подражающий стрелу наточит, м а т е р и подражающий шубу сошьет';

3) глаголы создания, предполагающие материал изделия: *аҫтан яһа* 'делать из дерева', *таштан һал* 'строить из камня', *йөндән бәйлә* 'вязать из шерсти', *талдан үр* 'сплетать из прутьев', *юкәнән иш* 'сплести из лыка', *бажырҙан сүкә* 'чеканить из меди', *камырҙан бешер* 'испечь из теста';

4) глаголы движения, требующие указания места приложения действия: *аржанан һой* 'гладить по спине', *билдән юсаҡла* 'обнять за талию', *муйындан ал* 'хватать за шею', *аяҡтан эләктер* 'хватать за ноги', *еңдән тот* 'держат за рукав' и т. п.

Исходным падежом зависимого слова управляют также глаголы различной семантики, не составляющие определенной группы: *кешенән күр* 'подозревать кого-либо', *эсенән яфалан* 'мучиться от жары', *ғәҙәттән арын* 'освободиться от привычки', *олонан башла* 'начать с большого, крупного', *эстән уйла* 'думать про себя', *жарттан көл* 'насмеяться над стариком', *күлдәктән кал* 'оставаться в рубашке' и т. п.

Управление исходным падежом зависит также от формы понудительного залога управляющего глагола: *останан эшләт* 'сделать, выполнить у мастера', *уҡыусынан яҙыр* 'заставить написать ученика'.

Описанные выше формы управления являются одиночными, когда глагол управляет лишь одной формой косвенного падежа зависимого слова. Двойным управлением обладает ограниченный круг глаголов.

Форм винительного и дательного падежей требуют переходные глаголы, обозначающие действия человека, имеющие отношения к другому лицу: *кешегә яҡшылыҡ телә* 'желать человеку добро', *хатты кыҙға тапшыр* 'вручить письмо девушке', *йырҙы атайға бағышла* 'посвятить песню отцу', *бүләкте эсәйгә тәғәйенлә* 'выделить подарок матери'; [Әптелмән бабай] *миңә үз башынан үткән хәл-вақиғаларҙы һойләне* (С. Кулибай) '[Абдулман бабай] рассказал мне то, что он сам пережил'.

В зависимости от характера своего лексического значения управляющий глагол может обуславливать постановку управляемых слов в форме винительного и исходного падежей: *һарыкты бүренән коткар* 'спасти овцу от волка', *имәндән шына яһа* 'сделать клин из дуба', *игенде уттан һаҡла* 'беречь хлеб от огня'; *Барығыз, осоп етегез ҙә ул кешенән безең балыбыҙҙы миңә ашамауын һорағыз*, — *тигән инә жорт* (фолькл.) 'Летите, догоните того человека и спросите у него, почему он не стал есть наш мед, — сказала пчелка-матка'.

Управление глаголов характеризуется и вариативностью. Так, отдельные глаголы управляют синонимичными формами дательного и исходного падежей: *тауышҡа уян* — *тауыштан уян* 'проснуться от шума', *аска интек* — *астан интек* 'мучиться от голода', *эсегә сыҙама* — *эсенән сыҙама* 'не выносить жары', *һыуыҡҡа шартла* — *һыуыҡтан шартла* 'лопаться от мороза', *елгә шаула* — *елдән шаула* 'шуметь от ветра' и т. п.

Полисемантические глаголы в разных значениях могут управлять различными падежными формами зависимых слов. Так, например, полисемичный глагол *кал* 'остаться' обуславливает употребление форм исходного, дательного и местного падежей: *атанан кал* 'лишиться отца', *өлөштән кал* 'лишиться доли', *оятка кал* 'опозориться', *көлкөгә кал* 'остаться в смешном положении', *өйҙә кал* 'остаться дома', *кар аҫтында кал* 'остаться под снегом' и др.

УПРАВЛЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Существительные, выступающие в роли главного компонента словосочетания, управляют различными формами косвенных падежей зависимого слова. По разнообразию и степени употребительности данного типа связи существительные уступают глаголам. Тем не менее, управление существительных в башкирском и в других тюркских языках широко распространено.

Управление дательным падежом осуществляется:

1) когда управляемое слово обозначает адресат, т. е. название лица, кому предназначен конкретный предмет, действие предмета: *эсәймә хат* 'письмо

к матери', жызма бұлэк 'подарок для дочери', башка бэлэ 'беда на голову', директорга телеграмма 'телеграмма директору', халыкка мөрәжгәт 'обращение к народу', душка сәләм 'привет другу', йырга моң 'мелодия песни', күршегә ярҙам 'помощь соседу' и т. п.;

2) когда управляемое слово имеет целевое значение, указывает назначение объекта по отношению к управляющему имени: ағзалыкка кандидат 'кандидат в члены', һуғымға мал 'скот на убой', малға бесән 'сено для скота', тауыкка ем 'корм для кур', төшлөккә аш 'еда на обед', атка бесән 'сено для лошади', сәсеүгә орлоқ 'семена для посева', улға каләш 'невеста для сына' и т. п.;

3) зависимое слово имеет пояснительное, конкретизирующее значение по отношению к управляющему слову: аксаға мохтажлык 'недостаток в деньгах', аитка тоғролок 'верность клятве', душка ышаныс 'доверие другу', һиңә өмөт 'надежда на тебя', киләсәккә ынтылыш 'стремление в будущее', йөрәккә операция 'операция на сердце' и т. п.

Управляемое слово оформлено исходным падежом, когда управляющее слово предполагает указание на исходный пункт, момент, источник, материал или лицо, от которого должен исходить другой предмет: туғандарҙан сәләм 'привет от родных', минән бұлэк 'подарок от меня', һалдаттан хат 'письмо от солдата', малсылыктан килем 'доход от животноводства', ирҙән бәхетте бар 'счастлива, имея мужа'.

Управление местным падежом: ерҙә тыныслык 'мир на земле', безҙә дуслык 'дружба у нас', һауала йондоҙ, һыуза кондоҙ 'на небе звезда, в воде бобер'; Селтәрле лә батмуста сын-сынаык Әсмәбикәй (фолькл.) 'На узорчатом подносе чашки настоящие, Асмабика'; һинән башка һиңә йәм юк, ят һыу-ҙарға бындай тәм юк (Ф. Рамазанов) 'Без тебя нет мне радости, чужие воды не сладки'.

Существительные управляют формой родительного падежа местоимений: минең уй 'моя дума', һинең тормош 'твоя жизнь', уның эш һасар түгел 'его дела неплохи', безең ер 'наша земля', һезең хәл 'ваше положение', уларҙың язмыш 'их судьба'. Ср. также конструкции с послелогоми: минең кеүек укытыусы 'учитель как я', һинең һымак йырсы 'певец как ты'; Фәрит һымак йырсы 'певец как Фарит', уның һаҡында мәкәлә 'статья о нем', китап һаҡында мәкәлә 'статья о книге', һезең тиклем ағай 'дядя ростом с вас'. Форму родительного падежа при этих послелогох не принимает только личное местоимение 3-го лица мн. числа: улар кеүек ир 'мужчина как они'.

В аналогичных конструкциях с послелогоми управляемое имя существительное с аффиксом принадлежности имеет форму основного падежа: атайым кеүек укытыусы 'учитель как мой отец', Фәрит һымак йырсы 'певец как Фарит'.

Одной из наиболее распространенных именных конструкций, построенных по способу управления, являются сочетания двух имен, одно из которых имеет форму родительного или основного падежа (управляемое), другое — аффикс принадлежности 3-го лица (иногда — безаффиксальную форму). Эти именные конструкции в тюркских языках получили название второго или третьего изафета. Относительно способа связи в этих конструкциях имеются различные точки зрения¹.

В башкирском языке границы между II и III типами изафета, довольно подвижны, что затрудняет определение способа связи слов в конкретных случаях.

В оформлении данных конструкций большую роль играют семантические и речевые факторы, которые и определяют, в сущности, способ и форму связи компонентов словосочетаний. Поэтому прежде всего следует выделить

¹ А. Н. Баскаков усматривает в подобной связи согласование (Баскаков А. Н. Слово-сочетание в современном турецком языке. М., 1974). Е. И. Убрятова, отмечая двусторонний характер отношения между определенным и определяемым, считает основным отношением определяемого к определению и выделяет данный вид как особый способ связи слов. (Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.; Л., 1950).

те случаи, когда обязательно употребление определяющего слова в форме основного падежа, определяемого — с аффиксом принадлежности 3-го лица, а затем — другие случаи, показав соотношение разных типов связи.

II тип изафета, имеющий внешне единую структуру «существительное в основном падеже + существительное с аффиксом принадлежности», функционирует по-разному.

Основной падеж управляемого слова заменяет родительный падеж при следующих условиях:

1) если определение указывает назначение определяемого: *азык магазин* 'продуктовый магазин', *быраулау станогы* 'буровой станок', *икмэж бысагы* 'нож для резания хлеба', *йоко булмаһе* 'спальня', *класс булмаһе* 'классная комната', *кан тамыры* 'кровеносный сосуд', *сэс бәкһе* 'бритва', *утын агасы* 'полено', *электр бағананы* 'электрический столб' и т. п.;

2) если определяющее слово указывает время, а определяемое его при- близительность или предел: *ай самаһы* 'около месяца', *азна тирәһе* 'с неделей', *йыл эйланһе* 'круглый год', *апрель айы* 'месяц апрель', *кәбисә йылы* 'високосный год', *аждаһа йылы* 'год дракона', *әзәбиәт азналағы* 'неделя литературы' и т. д.;

3) если определяемое слово выражает обобщенное родовое понятие, а определяющее — видовое: *ашау яғы яжишы* 'кушанье неплохое', *болот әрәре юк* 'нет ни облачка', *йоко кайғыһы китте* 'забота о сне пропала, сон пропал', *ир заты* 'из рода мужского', *һүз ынғайы* 'к слову' и т. п.;

4) если определяющее слово — производное существительное на -лыҡ: *ағзалыҡ взносы* 'членский взнос', *директорлыҡ вазифаны* 'директорская должность', *ужытыусылыҡ эше* 'учительская работа';

5) в названиях и наименованиях, когда определяющее слово является собственным именем или условным обозначением, а определяемый член представляет приложение: *Ашказар йылғаһы* 'река Ашкадар', *Күмертау калаһы* 'город Кумертау', *Салауат районы* 'Салаватский район', «Берлек» *колхозы* 'колхоз «Берлек», «Пионер» *журналы* 'журнал «Пионер», «Жан» *романы* 'роман «Кровь»' и т. п.

В указанных случаях постановка определяющего члена в форме родительного падежа вообще невозможна, ибо он в лексико-синтаксическом отношении больше тяготеет к адъективации, нежели к субстантивации.

Наряду со II типом изафета в современном башкирском языке функционируют словосочетания, где обязательна структура III изафета, т. е. с определяющим членом в форме родительного падежа и определяемым, имеющим аффикс принадлежности 3-го лица. Данная конструкция соотносится с категорией определенности / неопределенности, поэтому наличие аффикса родительного падежа в зависимом компоненте определяется не только семантическими факторами, но и контекстуально². Определяемое слово управляет формой определяющего, в то же время синтаксические отношения дополняются согласованием в лице.

Стержневой компонент обязательно требует форму родительного падежа зависимого слова в следующих случаях:

1) когда определяющее слово является именем собственным, а определяемое — названием произведения: *К. Дәүләтшинаһың «Ырғызы»* 'Иргиз Х. Давлетшиной', *З. Исмағилевтең «Салауат» операһы* 'опера З. Исмагилова «Салават»' и т. п.;

2) когда между компонентами словосочетания устанавливаются выделительные отношения, при этом определяемое указывает часть, а определяющее — дробное множество: *ата-әсәләрең күбеһе* 'многие из родителей', *ужытыусыларзың береһе* 'один из учителей', *балаларзың кайһылары* 'кто-то из детей', *һауынсыларзың күпселеге* 'большинство доярок', *дустарзың яңыһы* 'новый из друзей', *шағирҙәрҙең танылғаны* 'признанный из поэтов' и т. п.;

² В современном башкирском языке функционируют два словосочетания, где и определяющее и определяемое слово имеют аффиксы принадлежности; правда, в определяющем слове этот аффикс может и не быть: *көн(ө) буйы* 'весь день', *төн(ө) буйы* 'всю ночь'.

3) когда между определяемым словом и определяющим имеется еще и другое определение: *студенттарҙең кышкы каникулы* 'зимние каникулы студентов', *языусының яңы әсәре* 'новое произведение писателя', *илдең танылған кешеһе* 'человек, известный в стране', *кешенең рухи көсө* 'духовная сила человека'; *Ишембай ойок-ойокбаш фабрикаһы* — *каланың алдыңғы предприятиеһе* (СБ) 'Ишембайская чулочно-носочная фабрика — передовое предприятие города';

4) когда определяющим компонентом является личное или указательное местоимение: *миңең эшем* 'мое дело', *һинең ҡызың* 'твоя дочь', *безең дуслығыбыҙ* 'наша дружба', *ошоноң озонлоғо* 'длина этого', *бының яртыһы* 'половина этого' и т. п.

Взаимозаменяемость II и III типа изафета определяется контекстуальными условиями. Она невозможна, когда имя обладателя имеет форму принадлежности — в этом случае определяющее слово употребляется только в родительном падеже: *атайымдың мылтығы* 'ружье моего отца'. Ср. также словосочетания, в которых синтаксическим недопустима взаимозаменяемость и там, где определяющее существительное четко охарактеризовано с помощью контекста по категории определенности / неопределенности, в частности при наличии у него своего определения; ср. *ағас ботағы* 'сук дерева' — *теге ағастың ботағы* 'сук того дерева', *мәктәп директоры* 'директор школы' — *егерменсе мәктәптең директоры* 'директор двадцатой школы' и т. п.

В то же время в известных пределах допустима вариативность форм как определяющего, так и определяемого члена при отсутствии контекстуальных определителей у обоих компонентов: *Шәмси малайы* — *Шәмсиҙең малайы* 'мальчик Шамсия', *Рашит эше был* — *Рашиттең эше был* 'Это дело Рашита' — в первых двух случаях способ связи между компонентами является управлением, а в других вариантах управление переплетается с согласованием в лице. При варьировании формы второго компонента (определяемого слова с аффиксом принадлежности 3-го лица или без него) управление сопровождается примыканием. Если управляющее слово выступает без аффикса принадлежности, то постановка управляемого слова в форме родительного падежа обязательная, иначе вся конструкция потеряла бы отношения принадлежности и приобрела бы принципиально другой тип связи. Примеры: *Ғәзиздең хәле яҡшы* — *Ғәзиздең хәл яҡшы* 'положение Газиза хорошее', *миңең тормошом* — *миңең тормош* 'моя жизнь', *атайың ғүмере* — *атайың ғүмер* 'жизнь отца', *Ғаяндың күңеле тыныс* 'душа у Гаяна спокойна', *безең өйөбөҙ* 'наш дом'.

Конструкция управляющего слова без аффикса принадлежности характерна преимущественно для разговорной речи, иногда она проникает и в письменно-литературную речь.

В языке очень часто функционируют комбинированные словосочетания, которые конструируются различными типами связи слов или же имеют в своем составе комбинацию нескольких однотипных связей: *КПСС-тың Киров райкомы бюроһы* 'бюро Кировского райкома КПСС', *Өфө калаһының партия активе йыйылышы* 'собрание партийного актива города Уфы', *филология факультете студенте* 'студент филологического факультета', *трактор бригадаһы бригадире* 'бригадир тракторной бригады'; . . . *Ғаршылағына Шаһизуланың атаһы Кәһифулла ағайың . . . һалам түбәле тәпәш өйө ултыра* (М. Кәрим) 'Прямо напротив крытый соломой низенький дом отца Шагидуллы Кашфуллы-ага'.

Изафетные конструкции в башкирском языке очень часто лексикализуются, в той или иной степени теряя живые синтаксические отношения между компонентами, и превращаются в цельные неразложимые лексические или фразеологические единицы.

УПРАВЛЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Прилагательные могут подчинять имена существительные, управляя формами дательного, исходного и других падежей. Данная группа словосочетаний по сравнению с глагольными и именными, построенными способом

управления, занимает более скромное место. Свойством управлять обладают качественные прилагательные, обозначающие внешние признаки лиц, предметов, явлений.

Наиболее распространенными являются словосочетания, построенные на управлении дательным падежом: *аҡылға эғриф* 'умственно неполноценный', *балтаға оҫта* 'мастер по плотничеству', *буйға бәләкәй* 'ростом мал', *йәшкә оло* 'велик по возрасту', *күзгә насар* 'плохой зрением', *колакка каты* 'туг на ухо', *миңә кәҙерле* 'дорогое мне', *уҡыуға тырыш* 'старательный в учебе', *эшкә ипле* 'аккуратный в работе', *һезгә таныш* 'знакомый вам', *һүзгә шәп* 'мастер на слово'; *Өлкән ағай миңең атайға окшап, кәүзгә биж таза ине* (М. Кәрим) 'Мой старший брат, как и отец, ростом был очень высок'; *Шакир бәләкәстән үк эшкә сос малай* 'Шакир с малых лет проворный в работе мальчик'; *Бала эсгә бурылы* (СБ) 'Ребенок обязан матери'.

Сравнительно менее употребительны словосочетания, где прилагательное управляет формой исходного падежа субстантивированных слов. Такие словосочетания выражают: 1) сравнение: *имәндән каты* 'тверже дуба', *йәшәүҙән кәҙерле ни бар донъяла?* 'что лучше жизни на свете?' *уттан эсе* 'жарче огня', *минән көслө* 'сильнее меня'; *Бөгөнгө йомортка иртәгәге тауыҡтан киммәтерәк* (посл.) 'Дорого яичко к христову дню' (букв. 'Сегодняшнее яйцо дороже завтрашней курицы'); 2) исходный момент или источник: *ирҙән бәхетле* 'счастливая мужем', *тормоштан кәнәгәт* 'довольный жизнью'; *Терпенең аяҡтары тыумыштан кәкере* (фолькл.) 'Ноги у ежа кривые с рождения'; *Быйыл көзгән һалҡындар баһланды* 'В этом году с осени начались холода'.

Параллельной исходному падежу управляемого слова при прилагательном в сравнительных конструкциях может быть форма дательного падежа с послелогом *карағанда* 'по сравнению': *ағайынан көслө* — *ағайына карағанда көслө* 'сильнее брата', *минән аҡыллы* — *миңә карағанда аҡыллы* 'умнее меня', *айҙан аҡты* — *айға карағанда аҡты* 'светлее луны' и т. п.

УПРАВЛЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В современном башкирском языке сравнительно реже встречаются словосочетания, где роль управляющего слова выполняют числительные, в частности количественные, порядковые и собирательные.

Числительные управляют исходным падежом имен в словосочетаниях, выражающих выделение предмета, лица и т. п. Из общего ряда количества: *биштән бер* 'одна пятая', *ситтән өсөнсө* 'третий с края', *ундан икенсе* 'второй справа', *йөзгән берәү* 'один из ста', *полктан өсәү* 'трое из полка'.

Количественные и собирательные числительные управляют также дательным падежом названий меры (количества и времени): *айға бер* 'раз в месяц', *йылға ике* 'два раза в год', *гүмергә бер* 'раз в жизни', *меңгә берәү* 'один на тысячу', *йөзгә икәү* 'двое из ста', *көнөнә биш* 'пять раз в день', *алә һигә бер* 'изредка'. В таких словосочетаниях вместо дательного падежа в некоторых случаях может быть иногда местный падеж: *азнаға бер* — *азнала бер* 'раз в неделю', *көнгә бер* — *көндә бер* 'раз в день', *айына бер* — *айға бер* 'раз в месяц' и т. п.

Порядковые и собирательные, а иногда и количественные числительные управляют местным падежом: *районда беренсе* 'первый в районе', *калала берәү* 'единственный в городе', *ярышта икенсе* 'второй в соревновании'; *Һинең кеүек зифа, зирәк ауылда түгел, илдә бер* (фолькл.) 'Стройная, смышленная как ты, не в деревне, а в стране одна'.

УПРАВЛЕНИЕ НАРЕЧИЙ

Наречия управляют падежными формами существительных и субстантивированных слов, выполняя либо предикативную функцию, либо обстоятельственную.

Формой дательного падежа существительных, местоимений и субстантивированных частей речи управляют наречия, выражая меру или состояние: *йэнгә рәхәт* 'приятно душе', *күңелгә ауыр* 'тяжело на душе', *хәзергә яхшы* 'пока хорошо', *миңә һәйбәт* 'мне хорошо', *һиңә күп* 'тебе много', *безгә оҙаҡ* 'нам долго', *тыңлауға ығтеш* 'удобно для слушания', *йөрөгә яҡын* 'для ходьбы близко', *эшкә шәп* 'спорный в работе', *тәүжәрәшкә ябай күренеү* 'казаться простым на первый взгляд' и т. п.

Наречия с временным и пространственным значением управляют формой исходного падежа именных частей речи: *ауылдан алыс* 'далеко от деревни', *безгән азак* 'позже нас', *кешенән оят* 'стыдно от людей', *өйгән бейек* 'выше дома', *тауыштан тизерәк* 'быстрее звука'; *Сәғидуллин, Идрисов менән булған вақиғаны һуң, үзгәренеп өйөнә кайтты* (А. Карпай) 'Сагидуллин после случая с Идрисовым вернулся к себе домой'; *Малай атаһы менән осәһенән дә быллайыраҡ кыуанған* (фолькл.) 'Мальчик обрадовался больше матери и отца'.

УПРАВЛЕНИЕ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ

Способностью управлять падежными формами субстантивированных частей речи обладают модальные слова в предикативном употреблении, в частности: *ярай* 'можно', *тейеш* 'положено', *кәрәк* 'нужно', *мөмкин* 'возможно', *бар* 'есть', *юк* 'нет', которые требуют формы дательного падежа управляемого слова: *безгә ярай* 'нам можно', *атайыма кәрәк* 'отцу нужно', *уҡытыусыға мөмкин* 'учителю можно', *һезгә тейеш* 'вам положено'; *Исәпкә бар, һанға юк* (посл.) 'Для счета есть, для числа на самом деле нет' и т. п.

Некоторые модальные слова управляют также и местным падежом: *миндә бар* 'у меня есть', *ерҙә юк* 'на земле нет', *мәктәптә мөмкин* 'в школе можно', *күнакта ярамай* 'в гостях нельзя'; *Мунсала бар, ойҙә юк, урманда бар, кырҙа юк* (загадка) 'В бане есть, дома нет, в лесу есть, в поле нет'.

Таким образом, управление в башкирском языке характерно для ряда частей речи, особенно для глагола и имен. Оно занимает одно из центральных мест в синтаксической организации словосочетаний. Наиболее широко распространено управление дательным, исходным и местным падежами.

СОГЛАСОВАНИЕ

Согласование — это вид подчинительной связи, при котором оба компонента словосочетания имеют одинаковые морфологические показатели, в частности аффиксы лица и числа: *уҡыусылар киләндәр* 'пусть ученики приходят', *бәтәбәз зә барайыҡ* 'давайте пойдём все', *үзгәзгә килгәз* 'приходите сами'. Такое согласование бывает только между подлежащим и сказуемым.

Кроме того, с известными основаниями согласование можно усмотреть в определительном словосочетании, первый компонент которого выражен местоимением в родительном падеже, а второй именем в соответствующей форме принадлежности: *миңең уҡыусым* 'мой ученик', *һинең улың* 'твой сын', *уның ғүмере* 'его жизнь', *безнең эшебәз* 'наше дело', *һезнең кешегеҙ* 'ваш человек', *уларҙың карашы* 'их точка зрения' и т. п. Однако здесь согласования как такового нет, тем более что определяемое слово может быть употреблено без аффикса принадлежности, который при наличии определения-местоимения становится факультативным элементом: *безнең алдыбыҙа — безнең алда* 'впереди нас', *һезнең хажығыҙа — һезнең хакта* 'о вас', *миңең эргәмдә — миңең эргәлә* 'возле меня' и т. п.

ПРИМЫКАНИЕ

Примыкание — вид подчинительной связи, при котором зависимость одного слова от другого основывается на семантических отношениях, выражается исключительно их местоположением и синтаксической интонацией. Перемена места компонента словосочетания невозможна, — иначе будет меняться характер семантико-синтаксических отношений. Определение на-

ходится перед определяемым за исключением особых фразеологических случаев типа *атай мэргүм* 'отец покойный'.

Примыкание как вид синтаксической связи занимает в синтаксисе башкирского и других тюркских языков очень значительное место.

ИМЕННОЕ ПРИМЫКАНИЕ

Словосочетания, образованные при помощи именного примыкания, выражают атрибутивные, обстоятельственные и другие отношения и делятся на следующие подгруппы.

1. Два имени существительных, одно из которых является определением:

1) определяющее слово обозначает материал: *агас калак* 'деревянная ложка', *алтын йөзөк* 'золотое кольцо', *таш купер* 'каменный мост';

2) определяющее слово называет пол, возраст: *ир бала* 'мальчик' (букв. 'мужчина дитя'), *үгез бызау* 'теленос' (букв. 'бык теленок'), *бала этэс* 'молодой петух' (букв. 'ребенок петух');

3) определяющее слово характеризует определяемое через сравнение: *куй куз* 'бараньи глаза', *уймак ауыз* 'маленький рот' (букв. 'наперсток рот'), *бүкән баш* 'большоголовой' (букв. 'чурбан голова');

4) определяющее слово обозначает профессию, должность, звание и т. п., а определяемое — личное имя: *врач Ғүмәрәв*, *генерал Шайморатов*, *профессор Киекбаев*, *укытыусы Салим* 'учитель Салим'.

2. Существительные в форме основного падежа с соответствующими послелогами, а иногда и с модальным словом *тейеш*, примыкающие к:

1) существительным: *бажа тейеш кеше* 'человек, приходящий свояком', *сәкә кеүек кыз* 'девушка как цветок', *фән буйынса урынбаҗар* 'заместитель по науке';

2) прилагательным: *таш кеүек каты* 'твердый, как камень', *такта һымак такыр* 'ровный, как доска', *бүре һымак усал* 'злой, как волк';

3) глаголам: *ат кеүек сабыу* 'бегать как лошадь', *кош һымак осоу* 'летать как птица', *юл менән атлау* 'шагать по дороге', *кәләм менән языу* 'писать карандашом', *кеше тураһында ҡайғыртыу* 'заботиться о человеке', *ил өсөн һуғышыу* 'воевать за страну', *кәмә менән йөрөү* 'кататься на лодке' и т. п.

3. Существительные в форме дательного падежа с послелогом, примыкающие к глаголам: *йөзгә тиклем йәшәү* 'жить до ста лет', *дингә ҡаршы көрәшеү* 'бороться против религии', *станцияға тиклем озатыу* 'проводить до станции', *урманға табан атлау* 'шагать к лесу', *күлгә ҡарай барыу* 'идти по направлению к озеру', *һуғышка бәйлә вақиға* 'событие, связанное с войной'.

4. Существительные в форме исходного падежа, примыкающие к глаголам с помощью некоторых послелогов: *көзгән бирле ауырыу* 'с осени болеет', *таңдан бирле геуләй* 'с зари гудит' и др.

5. Имена действия на -(ы)у/-(ө)ү, примыкающие к глаголам посредством послелогов: *барыу менән языу* 'написать сразу после приезда', *күреү өсөн тырышыу* 'стараться, чтобы увидеть', *ҡаршылау өсөн эҙерләнеү* 'готовиться к встрече', *саҡырыу тураһында уйлау* 'думать о приглашении', *һөйләшеү буйынса килеү* 'прийти по договоренности'.

6. Прилагательное с определяемым существительным, при этом определение может состоять из одного слова или быть развернутым: *бейек йорт* 'высокий дом', *экономик бәйләнеш* 'экономическая связь', *урман ситендәге имән* 'дуб на опушке леса', *тау башындағы таш* 'находящийся на вершине горы камень', *көлтә койроҡ толкө* 'лиса с пушистым хвостом', *бүре күҙ Сәфәр* 'Сафар с волчьими глазами'.

7. Прилагательное, определяющее прилагательное: *кара ала* 'темно-пестрый', *ал кызыл* 'алый', *аҡһыл йәшел* 'светло-зеленый' и т. п.

8. Числительное, определяющее существительное: *беренсе класс* 'первый класс', *ике дуҫ* 'два друга', *өс көн* 'три дня'; перед существительным может стоять прилагательное: *дүрт ала ҡаҙ* 'четыре пестрых гуся'; числи-

тельное может примыкать и к глаголам: *ике килеу* 'приходить дважды', *бер айтеу* 'сказать один раз'.

9. Местоимения в форме родительного падежа с некоторыми послелогоми, примыкающие и определяющие существительные (*минең кеуек ир* 'мужчина, как я', *минең кеуек кеше* 'человек, как ты') и прилагательные (*уның һымак тырыш* 'старательный, как он', *минең һымак ажылы* 'умный, как ты', *бының һымак кыйыу* 'смелый, как этот').

Местоимения с послелогоми могут примыкать к глаголам: *безең өсөн кайғырма* 'не горюй за нас', *минең кеуек тырыш* 'старайся как я', *һезең такта һөйләштем* 'говоря о вас'.

ГЛАГОЛЬНОЕ ПРИМЫКАНИЕ

Глаголы определенных лексико-грамматических разрядов выступают в роли определителей и примыкают к различным группам слов. При этом возникают обстоятельственные и пояснительно-конкретизирующие отношения.

Глагол в форме инфинитива на *-рга*³ примыкает: 1) к существительным: *кайтырга вакыт* 'пора возвращаться', *китергә приказ* 'приказ уехать', *кейергә итек* 'сапоги, чтобы обувать'; 2) к наречиям: *йокларга иртә* 'спать (еще) рано', *кайтырга һуң* 'возвращаться (уже) поздно', *барырга озак* 'идти далеко'; 3) к спрягаемым глаголам: *йорергә ярат* 'любить ходить', *эшләргә телә* 'хотеть работать', *барырга йыйын* 'собираться поехать', *киптерергә эл* 'повесить сунуться'; 4) к модальным словам: *күрергә тейеш* 'должен видеть', *ашарга бар* 'есть (что) покушать'.

Причастия различных форм связываются с определяемыми существительными также способом примыкания, выражая атрибутивные отношения: *бараны ер* 'место, куда необходимо пойти', *күрдә кеше* 'человек, которого надо видеть', *килер кеше* 'человек, который должен прийти', *оскан кош* 'летающая птица', *тыуган ауыл* 'родная деревня', *ишеткән хәбәр* 'услышанная весть', *барасаң кеше* 'человек, который должен пойти', *һөйләнәсәң телмәр* 'речь, которая должна быть произнесена' и т. п.

Крайне редко встречаются в словосочетаниях в роли примыкающего определения архаичные причастия на *-мыш/-меш*: *ишетмеш хәбәр* 'услышанная от кого-то весть'.

Деепричастия примыкают к глаголам⁴, при этом возникают обстоятельственные отношения: *кыскырып һөйләу* 'громко говорить', *касыл жотолоу* 'спастись бегством', *кабалаңмай атлау* 'шагать не торопясь', *аңламайынса һөйләу* 'говорить, не понимая', *югерә-югерә арыу* 'устать от долгого бега', *күрмәй үтеу* 'пройти не видя', *һуңламай килеу* 'прийти не опаздывая' и т. п.

НАРЕЧНОЕ ПРИМЫКАНИЕ

Наречия соединяются с другими словами также способом примыкания. При сочетании их с глаголами возникают обстоятельственные и обстоятельно-характеризующие отношения: *аяғурә баһуу* 'встать на ноги', *башка килмәу* 'больше не приходить', *айырым йәшәу* 'жить отдельно', *озак һөйләшеу* 'долго разговаривать', *күп беләу* 'многое знать'; *Бергә йәшәу күңелле; бергә йәшәп, шат үткәрәйек сәскә кеуек түмерзе* (фолькл.) 'Жить вместе весело; живя вместе, радостно проведем нашу цветущую жизнь'.

Примыкая к прилагательным и другим наречиям, наречия выражают уточнительно-характеризующие отношения: *артык күп* 'очень много,'

³ В разговорной речи в роли примыкающего слова выступают также инфинитивные глаголы на *-мәт/-мәк*, *-мәтә/-мәкә*: *күрмәгә матур* 'красивый на вид', *жараматка һәйбәт* 'хороший на вид' и т. п.

⁴ Примыкающие деепричастия с подчиняющимися словами по форме сходны со сложными глаголами, где живые синтаксические связи уже потеряны. Они рассматриваются в разделе «Словообразование», например, *алып барыу* 'отнести', *килә атыу* 'идти', *төшенәп алыу* 'понять' и т. п.

бер аз киммэт 'дорогоовато', *бөтөнләй буш* 'совсем пусто', *рәжәт һайбәт* 'удивительно хорошо', *иртәгә иртәнсәк* 'завтра утром', *мәңге бергә* 'вечно вместе', *тик русса* 'только по-русски', *ифрат күңелле* 'очень веселый', *тиз йөрөшлө* 'скорый', 'быстроходный', *тайран тыңлаулы* 'очень послушный', *һамаң да йәш* 'все еще молод' и т. п.

При примыкании наречий к существительным возникают пояснительно-конкретизирующие отношения, *байтаж кеше* 'изрядное число людей', *оҙаҡ сакыт* 'длительное время', *күп йыл* 'много лет' и т. п.

В современном башкирском языке довольно часто употребляются сложные определения, связанные двойным примыканием: *арыш аралаш бойзай* 'пшеница, смешанная с рожью', *кар жатыш ямғыр* 'дождь со снегом'.

Различные способы связи слов могут быть даже в пределах одного словосочетания, не говоря уже о предложении. Например: *һүҙенә тоғро ир* 'мужчина, верный своему слову' (управление и примыкание), *язға табан яуған кар* 'снег, выпавший к весне' (управление и примыкание).

Примыкание, как способ связи слов, широко используется и для выражения некоторых морфологических категорий и для образования сложных лексических единиц: *ғомүмән алғанда* 'вообще', *һис һүҙһез* 'безусловно', *муйыл кара* 'черный, как черемуха', *сейә кызыл* 'вишнево-красный', *алтын һары* 'золотисто-желтое'; *киләсәк заман* (лингв.) 'будущее время', *ике туган кусты* 'двоюродный брат (младший)'.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ

Словосочетание — это неопределяемая (в отличие от слова), самостоятельная синтаксическая единица, лишенная коммуникативной значимости, предикативности и модальности, т. е. основных признаков предложения, и тем отличающаяся от него. В качестве коммуникативной единицы словосочетание может быть реализовано только в зависимости от речевой ситуации. Вне предложения некоторые разряды словосочетаний могут выполнять и номинативную функцию, характерную для отдельного слова.

Словосочетание состоит из двух и более знаменательных слов, соединенных на основе подчинительной связи (управления, согласования, примыкания); в нем обязательно наличие грамматически главенствующего и зависимого членов, между которыми устанавливаются различного рода отношения.

В языке существуют потенциальные модели сочетаемости слов, определяемые лексико-семантическими и грамматическими факторами, которые выступают в конкретной речевой ситуации в виде комбинации различных слов и словосочетаний. В предложении словосочетания реализуются как сочетание двух и более членов предложения, нередко — в качестве одного неделимого его члена.

Словосочетания классифицируются с различных точек зрения. По степени семантической спаянности компонентов словосочетания подразделяются на свободные и несвободные. Последние представляют принципиально иной уровень семантического развития и являются предметом описания в разделе лексикологии и фразеологии.

Словосочетание, как собственно синтаксическая единица, является в принципе только свободным, хотя в его рамках слово может быть реализовано и в несвойственном ему новом или обновленном, но потенциально возможном значении. При этом синтаксические связи между компонентами сохраняются. В составе словосочетания слово реализуется только в одном из своих значений (если оно многозначно).

Значительные затруднения вызывает отнесение некоторых типов словосочетаний к свободным или несвободным, в особенности словосочетаний терминологического порядка, имеющих характер цельной номинации. Наибо-

лее надежным критерием при их разграничении следует считать связанность значений компонентов словосочетания с исходным значением, если даже словосочетание в целом приобрело несколько видоизмененное значение и стало номинативной единицей. Например, в словосочетаниях *ат караусы* 'конюх', *мал караусы* 'скотник' и т. п. оба компонента сохраняют связь с исходным значением: *ат* 'конь', *мал* 'скот', *караусы* 'тот, кто присматривает, ухаживает'. Хотя в сочетании они обозначают единое понятие, их компоненты в том же значении используются и отдельно.

Сложные числительные строятся на постпозитивном примыкании определения¹. Такая структура словосочетаний наблюдается в синтаксисе других тюркских языков лишь в отдельных случаях, т. е. в конструкциях типа «имя собственное + определение-приложение, обозначающее родство, старинный титул»: *Ғали ағай* 'Гали агай', *Салим мулла* 'Салим мулла'.

Имеются не менее веские основания для отнесения сложных числительных к разряду сложных слов: во-первых, их компоненты в отрыве друг от друга лишены раздельного осмысления; во-вторых, их сочетание дает относительно автономное новое нечленимое номинативное лексическое значение, обычно выражаемое отдельным словом, например: *ике тизтә* 'два десятка' — *егерме* 'двадцать', *ос тизтә* 'три десятка' — *утыз* 'тридцать' и т. п.; в-третьих, компоненты не допускают ни разъединения (что возможно в словосочетаниях), ни перестановки их местами без нарушения данного сочетания и его смысла; в-четвертых, сочетание функционирует на правах предельной составляющей словосочетания или предложения².

Процесс образования сложных слов в языке находится в постоянной динамике, потому вполне закономерно существование промежуточных образований, которые по ряду качеств можно было бы отнести и к словосочетаниям, и к сложным словам. В особенности это касается словосочетаний типа *баш кала* 'столица', *бала сак* 'детство', *биш йыллыҡ* 'пятилетка, пятилетний' и некоторых других — их компоненты пишутся то слитно, то раздельно.

По составу и соотношению компонентов словосочетания принято делить на простые и сложные, хотя под этими терминами понимаются весьма различные конструкции, что свидетельствует об отсутствии единства в определении границ словосочетания³.

Простым следует считать словосочетание, состоящее из двух знаменательных слов. Соответственно сложным можно назвать такое словосочетание, которое включает в себя три и более членов. Однако понятие сложных словосочетаний требует некоторых уточнений. В этот круг иногда вовлекаются словосочетания, распадающиеся на простые, но не представляющие собой единое целое. Среди сложных словосочетаний различаются четыре вида⁴.

1. Словосочетания, построенные по дихотомическому принципу с последовательным подчинением и отличающиеся от простого словосочетания главным образом тем, что здесь подчиненное слово, непосредственно соотнесенное с грамматически главенствующим словом, имеет при себе зависимый член: *матур сәскә* 'красивый цветок' — *биш матур сәскә* 'очень красивый цветок', *шатлыклы хәбәр* 'радостная весть' — *кисәге шатлыклы хәбәр*

¹ Проспект «Грамматика современного башкирского литературного языка». Сост. А. А. Юлдашев. Уфа, 1974, с. 74.

² Там же, с. 74.

³ Многие тюркологи, как и исследователи синтаксиса русского языка, в состав словосочетаний включают сочетания только двух знаменательных слов. См., например: *Закеев М. З.* Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1954, с. 108—110; Современный татарский литературный язык (Синтаксис). М., 1972, с. 82—84; *Узбек тили грамматикасы*, т. 2. Ташкент, 1976, с. 29; *Проканович Н. Н.* Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974, с. 70—71 и др.; А. Н. Баскаков, наоборот, включает в круг словосочетаний и конструкции с знаменательным словом и послелогом — см.: *Баскаков А. Н.* Указ. соч., с. 28—29. — Несколькo нную точку зрения высказала Е. И. Убрятова. — см.: *Убрятова Е. И.* Указ. соч., с. 76—79.

⁴ Проспект «Грамматика. . .», с. 75.

‘вчерашняя радостная весть’, *бөтә калага билдәле кеше* ‘известный всему городу человек’.

2. Словосочетания с замкнутой группой подчиненных слов, ни одно из которых не может самостоятельно соотноситься с главным словом в отрыве друг от друга, хотя само словосочетание и строится по дихотомическому принципу с последовательным подчинением: *ике тапкыр герой* ‘дважды герой’, *калай тубәле йорт* ‘дом с жестяной крышей’, *өс көнлөк юл* ‘трехдневная дорога’, *үзе йөрөшлө комбайн* ‘самоходный комбайн’, *бер нисә йыл йәшә* ‘жить несколько лет’, *йөрәк йылыһын һыуы чыраға көсһөз* ‘бессильный охладить был сердца’, *халык менән тулы зал* ‘зал, полный народа’ и т. п.

3. Словосочетания с двумя или более соподчиненными зависимыми членами, каждый из которых порознь и непосредственно подчинен одному и тому же грамматически главенствующему члену: *Бабайҙан улы тураһында һораша* ‘Она расспрашивает старика о своем сыне’; *Батырҙы кыҙҙан эҙләмәгез* ‘Не ищите батыра на стороне’; *камырға май кушыу* ‘добавить масло в тесто’.

4. Словосочетания, в которых один из перечисленных принципов их построения сочетается с другим⁵: *Килдәне йәкшәмбелә урманға сығабыҙ* ‘В следующее воскресенье выходим в лес’; *Безҙең дивизияға ярайһы уҡ ауыр бурьыс йөкмәтәлде* (СБ) ‘На нашу дивизию была возложена довольно трудная задача’; *Ауылдың бер мәрхәмәтле кешеһе эбей менән бабайға бер тауыҡ менән этәс бүләк иткән* (фольк.) ‘Один сострадательный человек из деревни подарил старухе и старику курицу и петуха’.

По грамматически главенствующему члену словосочетания делятся на две большие группы — именные и глагольные. Дальнейшее дробление словосочетаний проводится по лексико-грамматическим признакам главного и зависимого (или зависимых) слова, а также по грамматической структуре зависимых компонентов.

ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

По характеру отношений между компонентами именные словосочетания подразделяются на атрибутивные с качественным или количественным определением, притяжательные и объектные словосочетания.

В атрибутивных словосочетаниях с качественным или количественным определением связь между компонентами осуществляется путем их соположения. В зависимости от характера определяющего члена простые именные словосочетания имеют следующие структурные разновидности⁶.

1. «Существительное в значении прилагательного + существительное». Оба компонента выступают в форме основного падежа. Такая структура является наиболее распространенной и в зависимости от лексического значения обоих компонентов, их местоположения членится еще на несколько подгрупп.

1) C_{n1} в значении прилагательного + C_{n1} . Определяющий член может иметь самую различную семантику (обозначать материал, профессию, пол, возраст, форму, время, пространственное положение определяемого предмета): *көмөш тәңкә* ‘серебряная монета’, *күрше йорт* ‘соседний дом’, *байрам көн* ‘праздничный день’, *тәңкә кар* ‘снег хлопьями’, *кыз бала* ‘девочка’, *хужа катын* ‘женщина хозяйка’, *тракторсы кыз* ‘трактористка’ и т. д.

Этот тип словосочетаний не допускает перестановки определяемого и определяющего, так как при перестановке меняется характер отношения между ними и интонация, словосочетание превращается в предложение. Вместе с тем в башкирском языке встречаются пережиточные конструкции, в ко-

⁵ Там же, с. 75, 76.

⁶ В моделях приняты следующие сокращения: существительное — С, имя прилагательное — и, имя собственное — сб, прилагательное — П, местоимение — М, числительное — Ч, глагол — Г, причастие — Пр, деепричастие — Дпр, основной падеж — 1, родительный — 2, дательный — 3, винительный — 4, исходный — 5, местный — 6, аффикс принадлежности 3-го лица — л, послелог — посл.

торых наблюдается постпозитивное употребление определяющего слова, выражающего особо почтительное отношение: *атай мэрхум* 'покойный отец', *олатай бахыр* 'бедный дедушка' и т. п.

2) $C_{n1} + C_{с61}$. Определяющий член обозначает должность, звание, прозвище, формулу обращения, определяемый член — личное имя или фамилию: *ипташ Махмутов* 'товарищ Махмутов', *инженер Галиев* 'инженер Галиев', *композитор Захир Исмагилов* 'композитор Захир Исмагилов' и др.

Такая структура возникла скорее всего под влиянием русского языка. Наиболее характерной была постройка определяющего члена после личного имени: *Азат ағай* 'дядя Азат', *Банат апай* 'тетя Банат', *Ғәлимә ханым* 'Галима ханум', *Хисам жоза* 'сват Хисам', *Хэйзәр старшина* 'старшина Хайдар', *Таймас һунарсы* 'охотник Таймас' и т. п.

2. «Прилагательное + существительное». Определяющий член может быть производным и непроизводным, перестановка компонентов не допускается. Определение характеризует различные свойства предметов, внешний вид, положение в пространстве и т. д.: *ак кағыз* 'белая бумага', *йомшақ кар* 'мягкий снег', *уткер кылыс* 'острая сабля', *һимез ит* 'жирное мясо', *диалектик бәйләнеш* 'диалектическая связь', *бикле ишек* 'запертая дверь', *иртәгәһе көн* 'завтрашний день', *кәзәрле кунак* 'дорогой гость', *якындағы урман* 'ближайший лес', *кояшыз көн* 'пасмурный день' и т. п.

В качестве определяющего члена выступает и производное прилагательное с аффиксом уподобления: *арысландай ир* 'мужчина, как лев', *гәрәбәләй иген* 'отборное зерно', *диңгездәй кул* 'озеро, как море', *йылдай көн* 'день долгий, как год'.

3. «Причастие + существительное». В качестве определения могут выступать все формы причастий: *уткән көн* 'прошедший день', *килер кеше* 'человек, обязанный прийти', *буласак механизатор* 'будущий механизатор', *гәрәктәнүе механизизм* 'движущийся механизм' и др.

Практически все субстантивированные части речи могут быть применимыми определениями и образовать двухчленные словосочетания, связываясь с определяемым словом способом примыкания в форме основного падежа.

В качестве определяющего члена непритяжательных словосочетаний выступают существительные в форме косвенных падежей, при этом способом связи является управление.

Средством связи двух существительных в форме основного падежа выступают послелоги *буйынса* 'по', *өсөн* 'за', *тураһында* 'о, об', *кәзәрле, саҡлы, тиклем* 'как, равно' (C_1 посл. + C_1): *көрәш буйынса ярыш* 'соревнование по борьбе', *сәнгәт буйынса белгес* 'специалист по искусству', *югеру буйынса беренселек* 'первенство по бегу', *өлгөрөш өсөн көрәш* 'борьба за успеваемость', *ер өсөн дау* 'спор за землю', *дуҫ тураһында һүз* 'слово о друге', *ил тураһында йыр* 'песня о стране', *кеше хақында хәстәрлек* 'забота о человеке', *йөзрөк хәтле таш* 'камень с кулак', *ашьяулыҡ тиклем ер* 'земля величиной со скатерть' и т. п.

В конструкции с двумя существительными послелоги *тиклем* 'как, равно, с'; *тоҫло, кеүек* 'подобно, как' могут быть заменены аффиксом уподобления *-дай/-тай, -зай, -лай*: *алтын төҫлө бал — алтындай бал* 'мед, как золото', *шар һымаҡ күз — шарзай күз* 'глаза круглые, как шар', *башмаҡ хәтле эт — башмаҡтай эт* 'собака с годовалого теленка'.

Определяющее слово в форме дательного падежа связывается с определяемым посредством послелога *бәйле* (C_3 посл. + C_1): *аксаға бәйле эш* 'дело, связанное с деньгами'. Данная конструкция может быть заменена синонимичной группой словосочетания с послелогом *менән* и причастием на *-ған*: *балаға бәйле хәл — бала менән бәйләнгән хәл* 'положение, связанное с ребенком'.

Словосочетания с определяемыми в форме дательного падежа ($C_3 + C_1$) более употребительны в газетных заголовках, названиях, часто встречаются в пословицах: *белемгә ынтылыш* 'стремление к знаниям', *ололарға ихтирам* 'уважение к старшим', *хезмәткә дан* 'слава труду', *власткә хокук* 'право на власть', *колхозға ярҙам* 'помощь колхозу', *дәүләткә иген* 'хлеб госу-

дарству', санаторийгэ путевка 'путевка в санаторий', Халыжка куберэж картуф һэм йәшелсә! (СБ) 'Больше картофеля и овощей населению!'

В качестве подчиненного члена могут выступать субстантивированные именные части речи: *һиңэ бахет* 'счастья тебе', *һезгә тыныслык* 'покоя вам', *якшыға якшылык* 'доброму доброе' и т. п.

Конструкция $C_5 + C_1$ встречается реже по сравнению с предыдущей, но является достаточно типичной для синтаксиса современного башкирского языка: *игенселектән килем* 'доход от зерновых культур', *картуфтан балеш* 'пирог из картофеля', *тубыктан кар* 'снег по колено', *дустарҙан сәләм* 'привет от друзей', *әсәрҙән өзөк* 'отрывок из произведения'.

Определяющее слово здесь характеризует определяемое как обозначающее исходный пункт, материал, меру и т. д.

Притяжательные именные словосочетания подразделяются на два вида:

1. «Существительное в форме основного падежа + существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица» ($C_1 + C_3$). Это весьма распространенный тип словосочетаний, где первый компонент может вступать со вторым в самые различные семантические отношения: *бойҙай бөртөгө* 'зерно пшеницы', *жарағай урманы* 'сосновый лес', *яз ҡояшы* 'весеннее солнце'.

2. «Существительное в форме родительного падежа + существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица ($C_2 + C_3$)». В данную группу условно объединяются все словосочетания, определяющая часть которых выражается именными частями речи, а определение является только существительным: *аштың тоҙо* 'соль для супа', *ҡулдың көсө* 'сила руки', *кемдең улы* 'чей сын'.

Определяемое обозначает субъект действия (производное существительное), определяющее — объект действия: *аш бешереүсө* 'повар', *кейем бәсеүсө* 'закройщик', *тат язусы* 'пишущий письмо'.

Объектные именные словосочетания (или словосочетания с глагольным определением) наиболее активно представлены сочетанием с инфинитивной формой глагола на *-(ы)рға*: *бәйләнергә сәбәп* 'причина придраться', *йәшәргә шарт* 'условия жить'; *Бөгөн безгә ғәскәри кейем менән сығырға приказ булғайны* (Д. Юлтый) 'Сегодня нам был приказ выходить в военной форме'.

Инфинитив на *-(ы)рға* со своим определяемым может сочетаться при помощи служебных слов *тигән*, *тейеш*: *бөтөрөргә тигән бойорок* 'приказ закончить', *көтөргә тигән һүз* 'слово ждать', *килергә тейеш кеше* 'человек, который должен прийти', *тапшырылырға тейеш иген* 'хлеб, который нужно сдать' и т. п.

СЛОЖНЫЕ ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Комбинации слов в языке очень многообразны, но обычно описываются их наиболее типичные сочетания. В современном башкирском языке функционируют словосочетания, весьма различные как по количеству, так и по форме.

1. $(C_1 + II) + C_1$. В качестве первого компонента подобных трехчленных словосочетаний могут выступать имена собственные и нарицательные, прилагательные, числительные, а второй член, с которым объединяется первый в качестве единого определения третьего члена, всегда является производным прилагательным (чаще на *-лы*, обозначающим наличие, обладание качеством, *-дағы/-дәге* и др.): *Азамат исемлө егет* 'парень по имени Азамат', *Салауат исемендәге кинотеатр* 'кинотеатр имени Салавата', *Нина етәкселегендәге отряд* 'отряд под руководством Нины', *һөйж һаплы бәке* 'ножик с костяной рукояткой', *ебәк күлдәклә кыз* 'девушка в шелковом платье', *алсаҡ йөзлә ҡатын* 'женщина с приветливым лицом', *биш ҡатлы йорт* 'пятиэтажное здание', *тулы хожуҡлы хужа* 'полноправный хозяин'; *Үзәренән утыз сакрымдарзағы ауылда уҡыған еренән ҡунакка ҡайтҡайны* (Б. Дәүләтшина) 'Он приехал в гости из деревни, (где они учатся) находящейся от них в тридцати километрах'; *Алты көбәклә миномёттар* (И. Физәтуллин) 'Шестиствольные минометы'.

Данная конструкция может осложниться постановкой к определяемому слову дополнительного параллельного определения, выраженного числительным, прилагательным, местоимением, и соотношенного непосредственно с ним наряду с первым определением, составляющим по существу самостоятельное определительное словосочетание: *арткы рэттэге бер катын* 'одна женщина из заднего ряда'; *Гэлиэ исемле таныш кыз* 'знакомая девушка по имени Галия'.

В словосочетаниях такой же структуры, но с корневым прилагательным, обозначающим цвет, распространение определительной части не допускается. В данном случае достигается концентрированное выражение цветового признака предмета: *кан кызыл сэскэ* 'крово-красный цветок', *ут йэшел келэм* 'травяно-зеленый ковер' и т. п.

2. $(C_1 + \Pi) + C_1$. Первый компонент выражается существительным с аффиксом принадлежности 3-го лица, а второй, объединяющийся с первым в единое определение, — прилагательным, обозначающим качественный признак. Фактически этот тип словосочетаний является синонимичным с предыдущим и в ряде случаев выступает структурным вариантом определенных групп словосочетаний типа $(\Pi + \Pi) + C_1$: *буйы озон егет* 'парень с высоким ростом', *сэе кара кыз* 'черноволосая девушка' — *кара сэсле кыз* 'девушка с черными волосами'.

3. $(C_1 + C_1) + C_1$. Определительная группа, состоящая тоже из двух слов, обозначает меру определяемого предмета, поддающегося подсчету, измерению и т. п.: *бер бау нуран* 'одна связка лука', *биш сынаж сэй* 'пять чашек чая', *ике килограмм шэжэр* 'два килограмма сахара', *өс косаг бесэн* 'три охапки сена', *өс сээтлек юл* 'трехчасовая дорога', *бер бешерем ит* 'мясо на одну варку' и т. п. Первый компонент в некоторых случаях может быть выражен и прилагательным: *һуңғы йотом сэй* 'последний глоток чая', *тэуге кабым икмэк* 'первый кусочек хлеба' и др.

Допускается осложнение определительной группы новыми определениями: *ике килограмм шакмаклы шэжэр* 'два килограмма комкового сахара', *йөз баш дебетле кэээ* 'сто голов коз, дающих пух'.

4. $(\Pi + C_3) + C_1$. Второй компонент стабилен по форме, первый, выступающий с ним в единстве как одно определение, может быть выражен прилагательным, числительным и местоимением: *бөтэ күңелдэн һөйөү* 'любовь от чистого сердца', *ысын йөрэктэн саләм* 'чистосердечный привет', *излас күңелдэн котлау* 'сердечное поздравление' и т. п. По структуре данный тип напоминает эллипсоидную форму словосочетаний с причастием, которое легко может быть восстановлено, например: *саф йөрэктэн әйтелгән һүз* 'слово, сказанное от чистого сердца'.

5. $(C_3 + \text{Пр}) + C_1$. Довольно распространенный тип словосочетаний, первый компонент которых, состоящий из двух слов, обозначает 1) материал: *кайыштан үрелгән сыбырткы* 'сплетенный из ремня кнут', *таштан һалынган койма* 'сложенный из камня забор', 2) исходную точку, направление: *ерзән күтәрелгән дым* 'поднимающийся из земли пар', *консыгыштан искән ел* 'дующий с востока ветер', 3) составную часть: *йәшитәрзән тозолгән команда* 'команда, состоящая из молодежи', *сэскэлэр менән бизэлгән сәнә* 'сцена, разукрашенная цветами'.

Определительная часть, составленная из двух слов, в свою очередь, может осложняться введением новых определителей: *шыыйк талдан үрелгән кәрзин* 'корзина, сплетенная из гибких прутьев'.

6. $(C_3 + \Pi) + C_1$. Первым компонентом определительной группы данного типа словосочетания может быть существительное и любая субстантивированная часть речи (прилагательное, местоимение, числительное, имя действия): *балаларга зас фәзэт* 'привычка, присущая детям', *кешегә билдәле вакига* 'событие, известное людям', *көнгә асык як* 'сторона, открытая солнцу', *күңелгә атышлы эш* 'дело по душе', *өскә якын һан* 'число, близкое к трем', *революцияга тиклемге осор* 'дореволюционный период', *һиңә таныш кеше* 'знакомый тебе человек' и др. Субстантивированная часть словосочетания может расширяться за счет новых определений: *күп кешегә билдәле аңылык*

'новость, известная многим людям', *электэн безгэ жыын дуу* 'друг, близкий нам давно'.

Данная модель словосочетания может быть заменена синонимичной ей конструкцией существительного в основном падеже с послелогом *менэн* 'с': *балалар осөн хас гэгэт* 'привычка, присущая детям', *кешелэр осөн билдэле яңылык* 'новость, известная людям'; *Цейтлер безге кунактар осөн тэгэйенлэнгэн урындарга ултырта* (М. Кэрим) 'Цейтлер сажает нас на предназначенные для гостей места'.

7. (II + II) + C₁. Определительная группа состоит из двух прилагательных, первое из которых характеризует второе, но в целом оба определения неотделимы в составе словосочетания: *йомшак күүцелле карт* 'мягкосердечный старик', *кыска буйлык кеше* 'человек не высокого роста'; *Озон урамлы, сиртмале койоло бер ауылга ингэндэ, агай дүртенсе тапкыр шул күзге кабатланы* (С. Агшин) 'Когда въезжали в деревню с длинной улицей и колодецем с журавлем, дядя в четвертый раз повторил то же слово'.

Первое определение в данной модели может выражаться относительным прилагательным с послелогам сравнения, уподобления *кеуек*, *һымак*, *шикелле*: *таузағы һымак таш* 'большой камень, как на горе', *кисеге кеуек көслө йишен* 'сильная, как вчерашняя, гроза' и т. д.

8. (C₄ + II) + C₁. Данная модификация менее употребительна по сравнению с предыдущими. Первый член определительной группы является прямым объектом в форме винительного или основного падежей, а второй — производное прилагательное от имени действия: *йиштэрзе тәрбиэләүзәге етешһезлектәр* 'недостатки в воспитании молодежи', *йорт һалмузағы яңылыктар* 'нововведения в строительстве домов', *иген сәсәүзәге кыйынлыктар* 'трудности в севе' и т. п.

9. (Ч + Пр) + C₁. Первый член определительной группы является количественным числительным, второй — причастием на -р: *йөз йишәр эбей* 'столетняя старуха', *алты йишәр бала* 'шестилетний ребенок'. Причастие может быть заменено производным именем на -лык: *алтмыш йишәр ир* — *алтмыш йишлек ир* 'шестидесятилетний мужчина' и т. п.

Во всех указанных разновидностях словосочетаний порядок следования членов строго определен, перемена их местоположения не допускается — иначе меняется характер отношения между ними и синтаксическая природа всей конструкции.

Своеобразную по структуре группу составляют сложные притяжательные словосочетания. Комбинация способов синтаксических связей образует различные структурные типы словосочетаний.

1. (C₁ + C₂) + C₁: *кешелек донъяһы тарихе* 'история человечества', *район совете депутаты* 'депутат районного совета', *кала комитете секретаре* 'секретарь городского комитета', *тел кафедраһы мәдире* 'заведующий кафедрой языка'.

2. C₂ + (II + C₂). В составе определительной группы второй член может быть выражен прилагательным и числительным: *кешенең шәхси тормошо* 'личная жизнь человека', *кыштың бер көнө* 'один день зимы', *яздың һуңғы айы* 'последний месяц весны', *студенттәрзең кышкы каникулы* 'зимние каникулы студентов', *ярыштың икенсе торо* 'другой вид соревнования'. Данная модель может осложниться введением определений к первому компоненту: *совет халкының ижади эше* 'творческое дело советского народа', *уныксы биш йыллыктың икенсе йылы* 'второй год десятой пятилетки'; *Коммунистик төзөлөш шарттарында марксистик-ленинсе партияның етәксә роле торган һайын косый бара* (СБ) 'В условиях коммунистического строительства все более усиливается руководящая роль марксистско-ленинской партии'.

В наименованиях учреждений, должностей и т. п. число членов словосочетаний доходит до пяти — шести и более: *хезмәтсәндәр депутаттарының район совете башкарма комитетенең культура бүлеге* 'отдел культуры исполнительного комитета районного совета депутатов трудящихся'. В то же время общая структура словосочетания сохраняется, поэтому оно может

быть расщеплено на несколько самостоятельных частей: *хежмэтсэндэр депутаттарының район совете* 'районный совет депутатов трудящихся', *район совете башкарма комитете* 'исполнительный комитет районного совета', *башкарма комитеттең культура бүлеге* 'отдел культуры исполнительного комитета'.

К этому же структурному разряду можно отнести словосочетания, представляющие синтаксический фразеологизм типа *йэйзең йэй буйы* 'все лето', *көндөң көн буйы* 'весь день', имеющий актуализированное выделительное значение.

3. $(C_1 + C_1) + C_{с.6}$ — одна из малоупотребительных, по живых моделей словосочетаний. Определяемое является собственным именем или фамилией, а определяющая часть обозначает его занятие, профессию и т. п.: *колхоз председатели Галимов* 'председатель колхоза Галимов', *завод эшече Хайдаров* 'рабочий завода Хайдаров', *Хезмэт героины Батырова* 'герой труда Батырова', *университет студенте Айзар* 'студент университета Айдар' и т. п.

4. $(П + C_1) + C_1$. В качестве первого члена определительной группы употребляются производные прилагательные или существительные в роли определения, остальная часть представляет собой обыкновенную притяжательную конструкцию: *уттай эи важыты* 'самый разгар рабочего времени', *райондагы милиция бүлеге* 'районное отделение милиции', *өлкә партия ойошмаһы* 'областная партийная организация'.

С Л О В О С О Ч Е Т А Н И Я

С У П Р А В Л Я Ю Щ И М И П Р И Л А Г А Т Е Л Ь Н Ы М И

В роли определяющей части в названном типе словосочетаний функционируют существительные в различных падежных формах, прилагательные, местоимения, неличные формы глаголов. Словосочетания с прилагательными занимают весьма значительное место в синтаксисе башкирского языка.

1. $C_3 + П$: *ата-әсәгә итәгәтле* 'уважительный к родителям', *балаға каты* 'строгий к ребенку', *ололарға игтибарлы* 'внимательный к старшим', *күңелгә ятышылы* 'приятное душе', *укууға кызык* 'интересное для чтения', *һуыҗка сызамлы* 'стойкий к холоду'; *Кәүзәгә зур ғына был катын телгә лә бай ғына ине* (С. Агиш) 'Эта довольно крупная женщина была и речиста'; *Ажылға һай — көскә бай, ажылға бай — көскә һай* (посл.) 'Умом недалеко — силой велик, умом богат — силой слабоват'.

2. $C_3 + П$. Определяющий член указывает причину, исходный момент в отношении определяемого или объект сравнения: *баштан аңлайышылы* 'попятное с начала', *жылыгынан билдәле* 'известное по действию', *таштан катырак* 'тверже камня', *уттан эсе* 'жарче огня', *таузан бейек* 'выше горы', *башынан серек* 'гнилой с головы', *эшенән кәнәгәт* 'довольный работой'.

3. $П + П$. В качестве определяемых членов выступают относительные прилагательные, а определение — качественное прилагательное: *тәбәнәк буйлы* 'невысокий ростом', *озон аяклы* 'длинноногий', *жара сәсле* 'черноволосый' и т. д.

4. $C_6 + П$. Определяющее слово показывает местонахождение, сферу распространения: *районда билдәле* 'известный по району', *ауылда атаклы* 'знаменитый в деревне'; *Эт ояһында көслә* (посл.) 'Собака в своей конуре сильна'.

5. $М_3 + П$. В роли определяющего члена употребляются личные местоимения в дательном падеже: *безгә кәзерле* 'дорогое нам', *миңә якын* 'близкий мне', *һиңә таныш* 'знакомый тебе', *кемгәлер билдәле* 'известный кому-то'; в родительном падеже с послелогом *өсөн* 'для': *безгең өсөн кәзерле* 'дорогое для нас', *миңең өсөн еңел* 'легкое для меня' и т. п. Эти конструкции синонимичны.

6. $Н + П$: *балаларса бержатлы* 'по-детски наивный', *артык мактансыж* 'излишне хвастливый'. Определение может быть выражено двумя наречиями: *якынса дорос исәп* 'приблизительно правильный счет'.

Прилагательные образуют также словосочетания по структурной схеме III изафета, принимая аффикс принадлежности 3-го лица: *сәскәнәң кызылы* 'красный цветок'.

С помощью соответствующих послелогов определяемое прилагательное с определяющим существительным образует сравнительную конструкцию: *мамык кеүек йомшак* 'мягкий, как хлопок', *жар кеүек ақ* 'белый, как снег', *айыу кеүек килбатһез* 'неуклюжий, как медведь', *таш һымаж ауыр* 'тяжелый, как камень'. В качестве первого компонента выступают и местоимения *үзе кеүек ажылы* 'умный, как он сам', *һинәң кеүек кыз* 'девушка, как ты' и др.

Прилагательное в качестве первого, зависимого члена словосочетания может иметь инфинитив на -(ы)рға — реже на -маға или имя действия на -(ы)у: *һойларғә оста* 'говорить мастер', *карамакка күркәм* 'на вид милый', *көрәшерғә оҫолло* 'бороться ловкий', *уҡыуға тырыш* 'учиться старательный'.

Сложные словосочетания, образованные управляющими прилагательными, не получили широкого распространения. Можно указать лишь несколько зафиксированных моделей: *эше буйынса иң алдыңғы* 'самый передовой по работе', *осталығы менән сикһез данлыҡлы* 'безгранично прославленный мастерством' и т. п.

НАРЕЧНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Наречия в роли главного слова образуют словосочетания с существительными, прилагательными, местоимениями и неличными формами глагола. Они управляют формами дательного, исходного и местного падежа имени существительного и субстантивированных слов.

1. С₃ + Н. В качестве первого компонента выступают существительные и все субстантивированные части речи: *миңә һуң* 'мне поздно', *шуға риза* 'в этом согласен', *һиңә күп* 'тебе много', *аксаға моттаж* 'нужда в деньгах'.

Некоторые наречия имеют вариативное управление формами дательного падежа или основного падежа с послелогом *өсөн* 'за, для': *атайға барыбер* 'отцу все равно', *атай өсөн барыбер* 'для отца все равно', *миңә яҡын* 'близкое мне', *минәң өсөн яҡын* 'близкое для меня' и т. п.

2. С₅ + Н: *йәкәнән алда* 'перед сном', *зитән һуң* 'после работы', *уйған етез* 'быстрее мысли', *катындан башка* 'отдельно от жены', *халыҡтан айырым* 'отдельно от народа'.

3. С₆ + Н: *өйҙә рәхәт* 'дома приятно', *ситтә кыйын* 'на стороне трудно', *кунакта күңелле* 'в гостях весело', *бейектә һалҡын* 'на высоте холодно' и т. п.

4. П + Н. Словосочетаний с такой структурой немного: *ғилми йәһәттән* 'с научной точки зрения', *даими рәүештә* 'постоянно', *шыыйк хәлдә* 'в жидком состоянии', *эсе көйө* 'пока горячо' и т. п.

5. Н + Н. В роли зависимого члена выступают коренные и производные наречия, которые могут выполнять функцию а) усиления: *артык күп* 'излишне много', *бөтөнләй буш* 'совсем бесплатно', *һәләж арзан* 'очень дешево', *ерле юҡтан* 'из-за пустяка', *төптө бушҡа* 'совершенно попусту'; б) уточнения, конкретизации: *бөгөн кис* 'сегодня вечером', *кисә төндә* 'вчера ночью', *һаман йәш* 'все еще молодой'.

6. Г + Н. В роли зависимого члена выступают причастие и инфинитив, а управляют ими обычно наречия с временным значением: *килерҙән алда* 'до прихода', *кайтҡандан һуң* 'после возвращения', *башиларға иртә* 'начинать рано', *сығырға һуң* 'выходить поздно' и т. п.

Некоторые наречные словосочетания носят нетипичный, индивидуальный характер — они скорее всего представляют синтаксические фразеологизмы публицистического жанра: *ғәжүмән әйткәндә* 'говоря в общем', *дәйом алғанда* 'вообще', *йәмғәт башиларғысында* 'на общественных началах' и т. п.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ В РОЛИ ГЛАВНОГО ЧЛЕНА

По численности и разнообразию моделей таких словосочетаний сравнительно немного. Количественные, порядковые и собирательные числительные в роли главного члена образуют сочетания с существительными в различных падежных формах, а при помощи некоторых послелогов — с наречиями, глаголами и числительными.

Наиболее характерна конструкция «субстантивированное слово в форме дательного, исходного и местного падежа + числительное»: *бегэ икэу* 'нам два', *колхозга өс* 'колхозу три', *көнөнэ бер* 'раз в день', *бишкэ бер* 'один на пять', *көтөүзэн берэу* 'один из стада', *ситтэн икенсе* 'второй с края', *ужууза беренсе* 'первый в учебе', *икэүгэ каршы берэу* 'один против двоих', *өсөү өсөн берэу* 'один за троих', *иртэнсэк бер* 'раз утром', *югерешкэндэ өсөсө* 'третий в беге' и т. п.

Сложные словосочетания с числительными образуются очень редко. Их структура не зависит от управляющего числительного, новыми словами обычно осложняются члены определительной части в зависимости только от ее синтаксических потенций.

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Наиболее распространенными, бесспорно, являются словосочетания с глаголами в роли главенствующего слова. С ними сочетаются управляемые и примыкающие имена в различных падежных формах, наречия, числительные, звукоподражательные слова, междометия, деепричастия, имена действия. В контексте глагольный компонент может выступать в личной и неличной форме. По составу глагольные словосочетания также делятся на простые, сложные и комбинированные. При этом между компонентами устанавливаются объектные и обстоятельственные отношения.

ПРОСТЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С УПРАВЛЯЕМЫМИ ИМЕНАМИ

Порядок следования компонентов в таких словосочетаниях строго не регламентируется, в речи возможно и такое их расположение, когда управляющий глагол находится впереди управляемых слов.

1. $C_3 + Г$. Глагольный компонент указывает направленность движения, переход действия на объект, выраженный существительным или субстантивированными частями речи в дательном падеже: *йыһанга өс* 'полететь в космос', *арзанга эшлэ* 'работать за дешевую плату', *йоклаганга һалыш* 'притвориться спящим', *кешегэ аптыра* 'удивляться людям', *кормга буял* 'измазаться сажеей', *юлга сык* 'отправиться в путь', *озакка һузыл* 'затягиваться', *эзергэ кил* 'приходить на готовое', *телэгэнгэ иреш* 'достигать желаемого', *Нарама белэккэ, кара йөрэккэ* (посл.) 'Не суди по рукам, суди по сердцу'.

Структурным вариантом данной конструкции являются словосочетания с послелогами *табан*, *карай* 'в направлении' (C_3 посл. + Г): *урманга табан атлау* 'идти в направлении к лесу', *кискэ табан килеу* 'прийти к вечеру', *ергэ карай өсоу* 'лететь в направлении к земле' и т. д.

2. $C_{1, 4} + Г$. В зависимости от характера управления глагола — сильного или слабого, — именной компонент может быть в форме винительного или основного падежа (подробнее об этом см. в разделе о глагольном управлении): *зыял килтер* 'принести вред', *дарыу эс* 'пить лекарство', *утыл кырк* 'рубить дрова', *дөрөсөн бел* 'узнать правду', *кунакты озат* 'проводить гостя', *дусты котла* 'поздравить друга'.

Существительные и субстантивированные слова в форме основного падежа с послелогами *менэн* 'с', *тураһылда* 'о', 'об', *өсөн* 'за' выступают в определительной части глагольных словосочетаний C_1 посл. + Г: *атай менэн бар* 'пойти вместе с отцом', *буш менэн булыш* 'заниматься пустяками',

кырк менэн бар- 'приближаться к сорока годам', бала өсөн шафалан- 'беспокоиться о ребенке', ир тураһында кайгырт- 'заботиться о муже', эш өсөн ян- 'печется о деле' и т. п.

3. С₅ + Г: ауырыузан арын- 'избавиться от болезни', булмәнән сыж- 'выходить из комнаты', таңдан тор- 'вставать на заре', Йығылған көршитән туймаҫ (посл.) 'Сраженный жаждет борьбы'; Айыузан куржкан — бургез тарыган, дошмандан куржкан — улемгә тарыган (посл.) 'Кто медведя боится, тот волку попадет, кто врага боится, тот смерть находит'; Юлжканын алғанда, эт итәктән ала (посл.) 'Когда враг за шиворот хватается, собака хватается за подол'; Ғали ағай уландарынан зарлана (СБ) 'Гали-ага жалуется на сыновей'.

4. С₆ + Г. Глагольные словосочетания с именами в местном падеже обозначают место, время и способ действия: камауза кал- 'попасть в окружение', саңғыла йөрө- 'кататься на лыжах', хезмәттә сыныж- 'закаляться в труде'; Кош һауала, ат тауза, егет дауза һынала (посл.) 'Птица познается в небе, конь — в горах, джигит — в споре'; Илдә булһа — иренгә тейә (посл.) 'Если в стране есть, то и нам достанется' (букв. 'и в рот попадет'); Без һаман да болоттар тәйәжләгән бейеклектә әйләнәбез (М. Кәрим) 'Мы все еще кружимся на высоте, где кочуют облака'.

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ПРИМЫКАЮЩИМИ ЧЛЕНАМИ

1. Н + Г. Примыкающие наречия показывают образ действия, время,

причину и т. п.: асыж изтерлә- 'ясно помнить', көн-төн шилә- 'работать день и ночь', капыл тор- 'встать внезапно', көтмәләнә кыскыр- 'неожиданно крикнуть', озак йәшә- 'долго жить'; Башмак таһа — б а ш к а а ш а р, егет таһа — б е р г э а ш а р (посл.) 'То, что добывает (достает) молодая корова, ест сама, то, что достает джигит — делится с другими'; Ни хәл, һау йок ланыңмы, кустым? (Н. Дәүләтшина) 'Здравствуй, браток, хорошо ли спал?'; Бер караганда, артык уйлана торган нәмһе лә юк (Н. Дәүләтшина). 'С одной стороны, о с о б о и д у м а т ь - т о нечего'.

2. П + Г. Прилагательное, выполняя функцию обстоятельства, примыкает к глаголу и образует один из структурных типов словосочетаний. Не могут сочетаться с глаголами качественные прилагательные, обозначающие цвет. Чаще всего употребляются относительные прилагательные: яғымлы һөйләш- 'разговаривать приветливо', моңло йырла- 'петь мелодично', бәхетле йәшә- 'жить счастливо', балыктай йөз- 'плавать как рыба', коштай ос- 'летать как птица', моңһоу кара- 'смотреть печально'.

3. Ч + Г. Примыкают к глаголам количественные и некоторые другие разряды числительных при их субстантивации. Такие словосочетания выражают обстоятельственные отношения. Порядок следования компонентов здесь более строгий, т. е. числительное ставится только впереди глагола: бер әйт- 'сказать один раз', ике йөрө- 'ходить дважды', өсәу йәшә- 'жить втроем', дүртенсә бул- 'быть четвертым', Батыр бер үл э, куржак мең үл э (посл.) 'Храбрый умирает один раз, трусливый умирает тысячу раз'; Салауат менән икәү калғас, Әминә бер туктауһыз һөйләнә (С. Злобин) 'Когда остались вдвоем с Салаватом, Амина говорила, не переставая'; Сөнәгәт езнәһендә ике йыл торғо. Ул ун дүрте менән бара ине инде (Ж. Киекбаев) 'Сунагат два года жил у зятя. Ему шел четырнадцатый год'.

4. М + Г. Из местоимений с глаголами сочетаются только вопросительные местоимения: кунме тора? 'сколько стоит?'; нисек йәшәй? 'как живет?'; каясан башлана? 'когда начинается?'; кем килә? 'кто придет?' и т. д.

5. Своеобразную группу составляют сочетания глаголов с звукоподражательными словами; обозначающими способ действия. К ним относятся только конструкции, образованные от полнозначных глаголов и звукоподражаний, ибо в результате сочетания последних со вспомогательными глаголами, как правило, образуются сложные глаголы или устойчивые образ-

ные выражения. В определительной части могут выступать некоторые одиночные звукоподражания типа: *шып тукта*- 'внезапно остановиться', *ялт борол*- 'вмиг повернуться', *зыр эйлан*- 'сильно крутиться', *шарт өзөл*- 'оборваться с треском' и т. п.

Чаще всего с глаголами сочетаются парно-повторные звукоподражательные слова, сохраняющие в словосочетании свою семантику и грамматическую функцию в предложении: *кырт-кырт көйшэ* 'жевать с хрустом', *ларс-ларс ер*- 'громко и отрывисто лаять', *шап-шоп хук-* 'ударять с хлопанием'; *Низай. . . бер-береһенэ куз кысышып ш ы р к - ш ы р к к и л г э н атлыларга тантана менэн караны* (Ф. Исәнғолов) 'Низай. . . с торжествующим видом смотрел на подмаргивающих друг другу, посмеивающихся конников'.

Глаголы могут сочетаться с отдельными глагольными формами также способом примыкания. В роли определительной части употребляются.

1. Инфинитив на *-(ы)рға + Г*: *бейергэ сык-* 'выйти плясать', *кайттырға тырыш-* 'стараться вернуться', *каршыларға кил-* 'прийти встречать', *ужырга ярат-* 'любить читать'; *Бер төлкө китперергэ элп куйған куян тиреһен урлай* (фолькл.) 'Одна лиса украли вывешанную сушиться шкуру зайца'.

2. Дпр. + Г. Наиболее распространенными являются словосочетания с деепричастиями на *-и*: *йырлашып йөрө-* 'ходить с несней' (букв. 'поя'), *озатып кил-* 'пойти проводить', *илап кал-* 'оставаться в слезах' (букв. 'плача'); *Дуҥ илатып ейрәтер, дошман көлдөрөп көйрәтер* (посл.) (букв. 'Друг научит (заставив плакать), враг, рассмешишь, в горе вгонит'); *Нәгим ишек алдында байтак уйланьп торзо* (Н. Дәүләтшина) 'Нагим долго стоял на дворе, задумавшись'!

Дпр. на *-ис/-гәс, -кас/-кәс + Г*: *уянғас та тор-* 'вставать сразу, как только проснулся', *кайткас та сык-* 'выходить тут же, как только вернулся', *килгәс тә хәбәр ит-* 'сообщить сразу, по приезду' и т. п.

Дпр. на *-а/-ә, -й + Г*: *картаймай йәшә-* 'жить не старея', *курмәй тузма-* 'не вытерпеть, не увидев'; *һуңламай кил-* 'прийти не опаздывая'; *Хәниф үзенең яратқан йырын ашыҡмай ғына, кысқырмай ғына йырлай* (И. Абдуллин) 'Ханиф, не торопясь, негромко поет свою любимую песню'.

3. Пр. на *-рзай + бул-* 'быть'; *барырзай бул-* 'быть готовым пойти', *касырзай бул-* 'быть готовым лопнуть'. Данная конструкция может быть заменена аналитической формой на *-рлык халдә бул-* 'быть в состоянии': *барырлык халдә бул-* 'быть в состоянии пойти', *торорлоҡ халдә бул-* 'быть в состоянии вставать'.

Парно-повторное причастие на *-р* с противопоставлением положительной и отрицательной форм + Г: *ишетелер-ишетелмәс һөйлә-* 'говорить негромко', *кайттыр-кайтмас йөрөү* 'ходить не зная, то ли возвращаться, то ли нет', *теләр-теләмәс тотоноу* 'приниматься нехотя, без желания', *әсәр-әсмәс ултырыу* 'сидеть, неохотно вышивая' и др.

Пр. на *-ғандай* и *+ бул-* 'быть' или *тойол-* 'казаться': *курғандәй бул-* 'будто бы видеть', *ишеткәндәй бул-* 'будто бы слышать', *туктанғандай тойол-* 'казаться, будто бы остановился', *ярылғандай бул-* 'будто бы расколосось' и т. п. Форма причастия на *-ғандай* может быть заменена причастием на *-ған* с послелогом *кеүек* 'подобно, будто', *курған кеүек бул-* 'будто бы видеть', *үткән кеүек тойол-* 'казаться, будто бы прошел'.

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Глаголы обладают наиболее разнообразными формами сочетаемости с другими словами, в них могут совмещаться разные типы синтаксической связи. Состав определительной части зависит от семантики и грамматической формы глагольного члена.

Словосочетания с глаголами, обладающими двойным управлением:

1) винительным и дательным падежами существительных ($C_4 + C_3 + Г$): *дустарзы кунакка сакыр-* 'пригласить друзей в гости', *кешене көлжөгә калдыр-* 'поставить человека в смешное положение', *беззе бәләгә төшөрзө* 'нас

в беду ввел', *туғыззы өскә бул*- 'делить девять на три', *агрегаттарзы баһыуға алып сыж*- 'вывести агрегаты в поле', *баһты алыотка һал*- 'прикинуться дурачком';

2) дательным и винительным падежами ($C_3 + C_1 + Г$): *атка һыу эсереу* 'поить коня водой', *тауыкка ем биреу* 'дать корм курам', *жунактарға буләж өлгәш*- 'раздавать подарок гостям', *зижә көс һал*- 'отдавать силы работе'; *Туйҙа катнашыусылар кейәу менән кыҙзы ихлас котлайҙар*, *йәш ғаиләгә бәхет ләтормош теләйҙәр* (СБ) 'Присутствующие на свадьбе сердечно поздравляют жениха и невесту, желают счастливой жизни и молодой семье'; *Ишмурза, бына Шәмсинур жоҙағы йыҙы Армакка медпунктка ғына илтеп килсе* (М. Кәрим) 'Ишмурза, от вези-ка пожалуйста, свяху Шамсинур в Армак в медпункт'; *Кемлегеңде белгең килһә, кыҙға яусы ебәр* (посл.) 'Если хочешь узнать, кто ты есть, пошли свата к девушке';

3) исходным и винительным падежами ($C_5 + C_4 + Г$): *һалжындан аяктарзы һаҡла*- 'беречь ноги от холода', *аслыктан жоштарзы коткар*- 'спасти птиц от голода', *дурттән икене ал*- 'отнять два от четырех'; *Дустан дошманды айыра бел* (посл.) 'Умей отличить врага от друга'; *Дошмандан илең һаҡла, ярамһаҡтан серең һаҡла* (посл.) 'Береги Родину от врага, а тайну от угодливого';

4) винительным и исходным падежами ($C_4 + C_5 + Г$): *якшыны насарҙан айыр*- 'отличать хорошее от плохого', *баланы имеүҙән бизҙер*- 'отучить ребенка от груди';

5) местным и дательным падежами ($C_6 + C_3 + Г$): *зиштә уңышка өлгәш*- 'достичь успеха в работе', *тормошта рәзәткә сыж*- 'в жизни добиться приятного', *ярышта еңеүгә иреш*- 'добиться победы в соревновании', *көрәштә беренсегә сыж*- 'в борьбе выйти на первое место' и т. п.

Связь между компонентами глагольных словосочетаний может осуществляться и с помощью вспомогательных глаголов, которые являются необходимым структурным элементом словосочетания в целом: *балтасы булып эшлә*- 'работать плотником', *инженер булып эшлә*- 'работать инженером', *уҡытыусы итеп ебәр*- 'послать учителем', *языусы тип таны*- 'признать писателем', *композитор булып таныл*- 'получить признание как композитор' и т. п.

Глагольные словосочетания, управляемый компонент которых имеет свое определение:

1) существительное или любая субстантивированная часть речи в основном падеже с определением, выраженным прилагательным или числительным: *алты ай эшлә*- 'работать шесть месяцев', *биш аҙым атла*- 'шагать пять шагов', *озон юл үт*- 'пройти долгий путь', *кыска күлдәк кей*- 'одеть короткое платье';

2) существительное в дательном, исходном и местном падежах с количественным определением: *бер кискә кил*- 'прийти на один вечер', *биш һумға һат*- 'продать на пять рублей', *зәңгәр төскә буя*- 'покрасить в голубой цвет', *өс йылға алын*- 'призваться в армию на три года', *күп айға һузыл*- 'протянуться на много месяцев', *өс көндә бәтәр*- 'закончить в три дня', *якын арада кайт*- 'возвращаться в ближайшее время'.

Определительная часть может сочетаться с глаголом и с помощью послелогов: *калын тауыш менән кыжыр*- 'кричать низким голосом', *моңло йыр менән озат*- 'проводить задумчивой песней', *таныш кеше аша ебәр*- 'отправить через знакомого человека', *уткер бысаҡ менән кырк*- 'резать острым ножом', *белгән кешең тураһында һөйлә*- 'рассказывать о человеке, которого знаешь' и т. п.

Распространенными типами сложных глагольных словосочетаний являются структурные модели, где на первое место ставится управляемое существительное, а на второе наречие.

1. $C_3 + Н + Г$: *бесәнгә иртә төш*- 'убирать сено рано', *дәрәскә ваҡытында кил*- 'прийти на урок во время', *зижә дәррәу тотон*- 'дружно прижиматься за работу', *жунакка һуң кил*- 'прийти в гости поздно', *клубка бергә ин*-

'войти в клуб вместе'; *Игенселэр юбилей йылы уңышы осөн социалистик ярышжа берзэм жушылды* (СБ) 'Хлебобобы дружно включились в социалистическое соревнование за урожай юбилейного года'.

2. $C_4 + H + G$: *йырзы ихлас башкар*- 'охотно исполнять песню', *йомошто тизүтә*- 'быстро выполнить поручение', *олоно оло кур*- 'почитать старших', *газета-журналды күп алдыр*- 'много выписывать газет и журналов', *тондо йокоһоз үткәр*- 'проводить ночь без сна'; *Ажылы, төплө кыз. Ундай азмак һүззе бер касан да эйтмәй эсәк* (И. Абдуллин) 'Умная, основательная девушка. Такую глупость никогда не скажет'; *1918 йылда кулактар Фибат һәм Абдрахман Кәлимуллин дәрзе йырткыстар аязалап үлтерәләр* (СБ) 'В 1918 году кулаки зверски убили Гибата и Абдрахмана Калимулиных'.

3. $C_5 + H + G$: *каланан кайтышлай тукталыу* 'остановиться по пути из города', *эштән тура кайтыу* 'возвращаться прямо с работы'; *шау-шыуҙан нык арыу* 'сильно устать от шума', *урындан тиз генә күзгалыу* 'быстро тронуться с места', *туғандан артык күреу* 'относиться к кому-либо лучше, чем к родному' и т. п.

4. $C_6 + H + G$: *бағыуза оҙаҡ эшләу* 'долго работать на поле', *урында тик тороу* 'стоять на месте', *ярышта алда барыу* 'в соревновании идти впереди'; *Эшелон бер станцияла йәнә туктаны* (Ф. Исәнғолов) 'Эшелон опять остановился на какой-то станции'.

Глагольное словосочетание может быть представлено наречием, имеющим свое зависимое слово (наречие). В данном случае каждый из наречных компонентов может самостоятельно составить словосочетание с глаголом, а вместе они уточняют и конкретизируют значение глагола: *йәштәрсә етез баҫ*- 'шагать по-молодому бодро', *ирекһезҙән капыл тор*- 'тут же невольно встать', *карттарса йй ғына хәрәкәтлән*- 'двигаться по-стариковски медленно', *торған һайын нығыраҡ ышан*- 'все крепче верить'; *Мотыйк үзенең урыҫса шәп белгәнән дә күрһәткән* (Ф. Исәнғолов) 'Мотыйк показал, что он хорошо знает по-русски'; *Мария Ивановна тағы ос көн торҙо. Оҙаҡ асыктан-асык һөйләштек* (Д. Исламов) 'Мария Ивановна жила еще три дня. Долго и откровенно говорили'.

Глаголы сочетаются и с изафетными конструкциями, особенно с II и III изафетом, сопровождаемым послелогом: *кеше язмышы осөн кайғыр*- 'горевать за судьбу человека', *баланың ужууы менән кызыкһын*- 'интересоваться учебой ребенка', *эсәнең һаулығы тураһында уйла*- 'думать о здоровье матери' и т. п.

Своеобразную группу составляют словосочетания той же структуры с глаголами передвижения, где определительная часть обозначает место, путь движения: *урман юлы менән бар*- 'пойти по лесной дороге', *уя эсе менән мен*- 'подниматься по ложбине', *Дрэмә араһы менән киткән юлдың тәгәрмәс эзәрәнә һәм урталағы ат һукмағына һарғайып койолған япрак тулған* (Ж. Киекбаев) 'Следы колес на дороге, проходящей по уреме, и утоптанная лошадьми тропинка по середине заполнены опавшими желтыми листьями'.

Определительная часть может быть заменена синонимичными конструкциями изафета, замыкающий компонент которого стоит в исходном падеже или сопровождается послелогом: *тау һыртты менән сап*- — *тау һыртынан сап*- — *тау һыртты буйлап сап*- 'скакать по хребту горы', *үзәк эсенән үрлә*- — *үзәк эсе буйлап үрлә*- 'подниматься по лощине'; *Без, урман һукмағы менән өскә күтәрелеп, өйгә кайттык* (Н. Нәжми) 'Поднявшись вверх по лесной тропинке, мы вернулись домой'.

С Л О В О С О Ч Е Т А Н И Я
С Г Л А Г О Л Ь Н Ы М И О П Р Е Д Е Л Е Н И Я М И

В определительной части словосочетаний выступает инфинитив на *-(ы)рга* в сочетании с различными частями речи.

1. $C_1 + Г + Г$: *йыр тыңларга бар-* 'пойти слушать песню', *балык тоторга эзерлән-* 'готовиться ловить рыбу'; *Гариф староста түрә булырга бик килештерә* (Ж. Кикбәев) 'Староста Гариф очень любит быть начальником'.

2. $C_3 + Г + Г$: *кешегә һөйләргә бирмә-* 'не давать другим говорить', *ағайга кәңәшләшәргә бар-* 'пойти к брату посоветоваться', *урамга сығарырга эзерлә-* 'подготовить, чтобы вынести на улицу'.

3. $C_4 + Г + Г$: *туғандарҙы табырга ярҙам ит-* 'помочь разыскивать родных', *эште тамамларга ынтыл-* 'стремиться завершить работу'; *Бердүҙәр безҙең аҡтарғағы утә кыска йәйзе озонайтырга теләгәндәй, көз етә башлагас, көньяктарга, Ҡара диңгез буйҙарына китә* (Ө. Чаныш) 'Некоторые, пытаясь продлить очень короткое лето в наших краях, к осени уезжают на юг, на берега Черного моря'; *Кошто осорға өйрәтмәйҙәр* (поговорка) 'Птицу не учат летать'.

4. $C_6 + Г + Г$: *көрәштә еңергә өйрәт-* 'научить побеждать в борьбе', *Мин көзгә урманда йөрөргә яратам* (Д. Йсламов) 'Я люблю ходить в осеннем лесу'.

5. $H + Г + Г$: *быйыл укырга ил-* 'поступить учиться в этом году', *нисек йәшәргә өйрәт-* 'учить как жить'.

6. $Г + C_1 + Г$: *көрәшергә хәл ет-* 'хватить сил бороться', *курергә теләк туй-* 'ощутить желание видеть', *теймәскә вәғзә бир-* 'дать обещание не трогать', *һугырга батырсылык ит-* 'осмеливаться ударить', *кайтырга көн тулған* 'настал день возвращения'; *Кемдең һин сибәрҙе рәнйетергә жыйулығы етте?* (Ғ. Имаев) 'У кого хватило смелости обидеть тебя — красавицу?'

КОМБИНИРОВАННЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ
СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Возможности комбинирования многочисленных словосочетаний с управляющими глаголами весьма обширны. По составу комбинированные словосочетания могут состоять из четырех и более членов, совмещая в своей структуре различные способы синтаксической связи.

1. Словосочетания с определениями у управляемого именного члена, который употребляется в различных падежных формах: *артта калған илдәргә ярҙам итеү* 'оказание помощи отстающим странам', *быйылғы социалистик ярышка йомғаҡ яһа-* 'подводить итоги социалистическому соревнованию нынешнего года', *халыҡ -ара коммунистик хәрәкәтте үстереү* 'развитие международного коммунистического движения'.

2. Словосочетания с управляемыми именами и несколькими примыкающими членами при глаголе: *ауылға быйыл оҙаҡка барабыҙ* 'в этом году надолго поедем в деревню'; *өйгә нисек яңынан инергә?* 'Как снова войти в дом?'; *ушынды тиз генә күп итеп кырҡ-* 'Быстренько нарубить много дров'; *Мустафин Дүсмәтовты тәрән ҡызыкһынчу менән күҙәтеп уатырҙы* (Н. Асанбаев) 'Мустафин с глубоким интересом наблюдал за Дүсмәтовым'.

3. Два управляемых имени со своими определениями при глаголе: *алдыңғы бригадаларҙан эшкә өйрән-* 'научиться работе у передовых бригад', *халыктар араһында дуҫлыҡ һәм туғанлыҡ мөнәсәбәттәре урынлаштыр-* 'установить отношения дружбы и братства между народами', *хезмәтсәндәрҙе капитал изеуенә җаршы көрәшкә рухландыр-* 'воодушевлять трудящихся на борьбу против гнета капитала'; *Петрушканын аһалған дарыуҙарҙы балаларға эсерергә мөмкин* 'Лекарство, приготовленное из петрушки, можно давать пить детям'; *Ул Ғимадиевте Саранскиҙә торған сактан уң белә ине* (Ф. Иҫәнғолов) 'Он знал Гимадиева еще с тех пор, когда они жили в Саранске'; *Бына шул урынға ун бишләп һунарсыны берәм-берәм ҡуялар* (фолькл.) 'Вот там и расставляют пятнадцать охотников'.

4. Сочетание управляемых и примыкаемых именных членов при глаголе. *Ул дэрт өстэй безгэ көрэштэ* (Я. Голмой) 'Это воодушевляет нас в борьбе'; *Ужыты сифатын бөтэ саралар менэн күтэрегез* (СБ) 'Всячески повышайте качество обучения!'; *Һуңғы йөз һум аксаны биреп, эсэ улын тағы калаға ебарэ* (фольк.) 'Отдав последние сто рублей, мать снова отправляет сына в город'.

5. В зависимой части словосочетания инфинитив и управляемые имена с определениями: *дәүләткә иген һатыузы арттырыу өсөн көрәш-* 'бороться за увеличение продажи зерна государству'; *Шул ерҙә йылан малайға эсәһе менән хушлашырға күшә* (фольк.) 'На том месте змея велела мальчику распрощаться с матерью'; *Һин дә бит тыуған ерҙеңдә китмәскә кайттың* (Н. Нәжми) 'Ты ведь тоже вернулся в родные края, чтобы больше не уезжать'.

6. Сочетание сложных глаголов, деепричастных форм и существительных, наречий в определительной части: *касыйн котолоу яғын кара-* 'норовить как бы сбежать', *үтөп китергә күптән ашкын-* 'давно стремиться перегнать', *тороп калмәскә якшы булыр* 'будет уроком не оставаться', *Митя лә миңең ағайым һымак, йылы буразна буйлап ялан тәпәй атларға ярата* (Ш. Янбаев) 'Митя тоже, как и мой брат, любит шагать босиком по теплой борозде'.

Как видно из описанных комбинированных словосочетаний, в них может быть не один стержневой член, а два и более, но и в этом случае глагольный член остается централизующим компонентом данной конструкции. При этом получается не механическое слияние двух самостоятельных словосочетаний, а качественно новое сложное словосочетание.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Предложение — это минимальная коммуникативная единица, принципиально отличающаяся от слова и словосочетания своей коммуникативной значимостью, модальностью и предикативностью.

Формируясь по определенным законам языка, оно выражает относительно законченную мысль, отношение говорящего к реальной действительности. В отличие от словосочетания, предложение может состоять из одного слова, но при этом обладающего предикативностью. Средствами выражения предикативности являются интонация сообщения, аффиксы сказуемости, формы наклонений, времени и порядок слов. Если конструкция «имя прилагательное + имя существительное» представляет словосочетание, то «имя существительное + имя прилагательное» является уже предложением со всеми необходимыми признаками.

Предложение тесно связано с суждением, между ними существует определенное диалектическое единство: предложение можно рассматривать как форму, суждение — как ее содержание. Подлежащее, сказуемое, определение, приложение, дополнение и обстоятельство представляют члены предложения, а субъект, предикат и связка — компоненты суждения; сочетание определения с определяемым, в целом соответствует субъекту, сказуемое, дополнение и обстоятельство — предикату суждения.

По существующей лингвистической традиции различаются простое и сложное предложение. Каждое из них представляет качественно другую самостоятельную синтаксическую конструкцию. Иными словами, механическое соединение двух или более простых предложений не образует сложного предложения. Между компонентами сложной синтаксической конструкции существует семантическая и грамматическая связь, причем, постпозитивные компоненты обычно зависят от препозитивного предложения.

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Полнозначные слова, входящие в состав предложения в качестве его непосредственно составляющих элементов, называются членами предложения. Различаются главные и второстепенные члены предложения.

ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Подлежащее и, в особенности, сказуемое играют решающую роль в организации предложения, составляя его предикативное ядро. Однако это не значит, что они являются необходимыми элементами всякого предложения, носителями его основной смысловой нагрузки. В зависимости от характера контекста и коммуникативного задания второстепенные члены тоже могут выражать основную идею высказывания, иначе говоря, выступать в качестве «ремы» или «нового». Между тем это — исключение. Общая закономерность такова: подлежащее и сказуемое являются носителями основной информации предложения.

С грамматической точки зрения между подлежащим и сказуемым существует подчинительная связь — согласование. Одна из особенностей башкирского языка заключается в том, что между главными членами согласование в числе последовательно не проводится (*улар килде* 'они пришли', *көндәр һалкынайзы* 'дни похолодали', *йәштәр үсә, карттар сүгә* 'молодые растут, старые старятся').

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

По своей структуре подлежащее бывает простым и составным. Если оно выражено одним полнозначным словом (с частицей или без нее), то оно называется простым; а если представлено двумя или более знаменательными словами, то оно именуется составным: *Хәзер эшсегә көслә беләк кенә түгел, катмарлы техниканы эшкә егә алырлык белем дә карәк* («Ағизел») 'В настоящее время рабочему нужны не только сильные руки, но и знания, позволяющие обуздать сложную технику'.

Подлежащее может быть выражено следующими частями речи:

1) именем существительным (в форме принадлежности и без нее): *Яһал-малылык — шағир кешегә улем менән бер ул* (Н. Нәжми) 'Искусственность — смерть для поэта';

2) личным или субстантивированным указательным местоимением: *Һез барыбер тыумыштан тәбиғәт балаларыһығыз* (Ф. Исәнғолов) 'Вы все равно от роду дитя природы'; *Улар үззәре кайһы берәүзәрҙең арт һабағын укыта* (Ө. Бикчәнтәев) 'Они и сами проучат кое-кого'; *Был — Семен Канатов* (К. Кинйәбулатова) 'Это — Семен Канатов'; *Былар хәзер өсәүләп һүмер итә башлағандар* (Ж. Кейекбаев) 'Они (букв.: эти) теперь стали жить втроем';

3) количественным числительным-существительным: *Йөз егермегә бүленә* 'Сто делится на двадцать';

4) субстантивированным прилагательным, порядковым числительным, причастием и т. п. *Карты ла, йәше лә хәйерле юл теләп калыу ғына түгел, кулдарынан килгәнсе һәр торла ярзам күрһәтмәләр* (М. Өзөзов) 'И стар и млад не только желали счастливого пути, но и старались оказать посильную услугу и помощь'; *Беренсеге яралык, калғаны бик насар* 'первые из них вполне слесни, остальные очень плохи'; *Иртәгә тигән — ирепгән, бөсөндән калған — бөлгән* (посл.) 'Тот, кто надеялся на завтра — поленился, кто не стал делать сегодня — дело погубил'; *Һыу ташканын күрмәгән — һыузың көсөн белмәгән* (погов.) 'Не видевший половодья — не знает силу воды';

5) именем действия: *укыу кыйын* 'учиться трудно';

6) субстантивным словосочетанием, замыкающий компонент которого как подлежащее-субъект не может быть выделен без своих зависимых слов: *Ленин партияһы ағзаһы булыу — зур хөрмәткә эйә булыу һәм юғары аяулылык йөрөтөү тигән һүз ул* (СБ) 'Великая честь и высокая ответствен-

ность — быть членом партии Ленина'; *Көшөггө хэийэр кутаруу — көс-һөзлөккэ билдэ генэ* (Н. Нэжми) 'Поднять кинжал на слабого — значит распилиться в собственной слабости'; *Үстөрөлгөн уңышты һуңгы бөртогөнэ тиклем һаңлау — зур, дэүлэт эһәмийәтендәге эш* (СБ) 'Сберечь до единого зерна выращенный урожай — дело большой государственной важности'; *Хәзер ауыл кешекен баһууза тракторһар гөрләүе генә түгел, унда самолеттар эшләүе лә аптырата алмай* (Ф. Исәнғолов) 'Сейчас сельского жителя не удивляет не только гудение трактора на поле, но и то, что поле обрабатывают самолеты'.

В заключение нужно отметить, что употребление подлежащего, соотнесенного со спрягаемым глагольным сказуемым, в простом предложении, в главной части сложноподчиненного предложения и в сложносочиненных предложениях носит в целом факультативный характер, поскольку субъект в этом случае однозначно отмечен в самом сказуемом: *Икәү бергә шулай йәнәш атлап үтһәк ине гүмер юлдарын, Менгәндә лә иң-иң бейек тауға, Кулда тойһаҡ кулдарзы* (М. Кәрим) 'Пойти бы нам вдвоем вместе по дорогам жизни, Было бы чувство локтя, Когда поднимаемся на высокую гору'; *Өй артында тал ултырттым, Төбөнә һиптем усаҡ колдәре* (фолькл.) 'За домом посадила я цветы, золой посыпала почву'; *Һына бакса ултырттыҡ, килһе йыл килгәндә үзәңде алма, карағаттар менән һыйларбыз* (А. Таһиров) 'Вот разбили сад, угостим тебя яблоками и смородиной, когда приедешь к нам в будущем году'.

В повелительном и желательном наклонениях применительно к 1-му и 2-му лицу подлежащее вообще употребляется крайне редко: *Күршебезгә кунаҡ килгән, инде ниләл итәйек? Түһмаҡ койорок жара бәрәс һуһып кунаҡ итәйек* (фолькл.) 'К соседям пришли гости, что теперь будем делать? Зарежем-ка черного барашка с круглым хвостом и угостим их'; *Бейәк Октябрь байрағына, революцияның ал байрағына һәр ваҡытта ла тоғро булайыҡ!* (СБ) 'Будем же всегда верны знамени Великого Октября, алому-знамени революции!'; *Пионер эшендә бер төрлөлөктән котолоғоз, балаларзы мауықтырығыз, кызыклы эштергә ылыжтырығыз, балаларға уҙаллылыҡ һәм үҙешмәкәрлек хисе тыузырығыз һәм үстерегеҙ* (СБ) 'Изживайте однообразие в пионерской работе, увлекайте детей живыми, интересными делами, будите и развивайте самостоятельность и самодеятельность ребят'.

С точки зрения чисто формальной в данном случае можно говорить даже о преимущественно односоставном характере предложения. Однако семантико-синтаксически все эти предложения являются двусоставными. Тем более что наличие подлежащего в определенных типах предложения при таком глагольном сказуемом почти обязательно (когда одно из однородных сказуемых выражено неспрягаемой формой глагола). Подлежащее при глагольном сказуемом, однозначно содержащем указание на субъект, опускается в соответствии с принципами экономии средств формального выражения чаще всего по стилистическим соображениям, вошедшим в обиход уже как традиция. Это подтверждается его более или менее регулярным употреблением при сказуемом, выраженном спрягаемым глаголом в форме 3-го лица, где субъект, в отличие от 1-го и 2-го лица обоих чисел выражен лишь имплицитно: ср. *Безҙең окоңжа икенсе бер полк һалдаттары килеп тулдылар* (Д. Юлтый) 'В наших окопах разместились солдаты других полков'; *Новиковка бына майҙан асылды. Ул бөтә һалдаттарзы үзенең ауызына каратып алды* (Д. Юлтый) 'Новикову предоставлена аудитория. Он увлек всех солдат, они смотрели ему в рот'.

В целом и при спрягаемом глаголе в форме 1-го и 2-го лица, представляющем сказуемое, подлежащее опускается не так уж часто. А если и опускается, то нередко это вызвано условиями контекста. Контекстуальный эллипсис подлежащего наблюдается действительно широко.

По своей структуре сказуемое бывает простым и составным, в том числе и состоящим из словосочетания. Оно может быть выражено:

1) спрягаемым глаголом: *Йәйзең һәр иртәһен коштар моңо ғына түгел, дәртеле борго тауыштары ла жаршылай* («Пионер») 'Каждое летнее утро встречается не только пением птиц, но и бодрящими звуками горна'; *Без сит дәүләттән килгән кешеләр түгел бит, үз илебезең мәнфәғәте өсөн йөрөй-бөз* (Ш. Янбаев) 'Мы же не иностранцы, прибывшие из чужой страны, а стараемся на благо собственной отчизны';

2) именем действия: *Донъяла иң ауыр эш — һөйгән кызыңа беренсе хатты языу* (М. Кәримов) 'Самое тяжелое дело в жизни — написать первое письмо любимой девушке'; *Безең эш — ат һатып алыу, уларҙы һаҡлап йөрөтөп, теуғал кейенсәғәскәргә илтөп тапшырыу* (Ф. Иҫәнғолов) 'Наше дело — купить лошадей, и в сохранности доставить войскам';

3) причастием — именем деятеля на -ыусы/-еусе: *Партия — йөрәктәрҙә ижади дәрт уятыусы, Еңеу байрағын гел юғары тотоусы; Партия — ул, юаһи һымаҡ, нур һибәүсе, Яҡтыһы менән тормошжа йәм биреүсе* (Н. Изелбай) 'Партия — сила, пробуждающая творческий дух, всегда высоко держащая знамя победы; Партия — проливающая свет, как солнце, животворящая мир своим светом';

4) существительным в основном падеже: *Әсә теле менән туған кой — бәлкәй кешегә ерҙең күп төрлө бизәген һәм моңон тәү тапкыр асырға ярҙам итеүсе алтын асыҡтар* (М. Кәрим) 'Материнская речь и родная мелодия — это те золотые ключи, которые помогают маленькому человеку впервые открывать многокрасочность, многозвучность земли';

5) существительным в основном падеже с послелогоми *һымаҡ, тураһында* или с модальным словом *түгел* 'не' (местоимением — в родительном падеже): *Юк, ул ағыл җаты алтын түгел. Ул ағын һыу, иҫкән ел һымаҡ; Дөрләгән ут, үскән ағас һымаҡ, Ямғырлы күк, йомарт ер һымаҡ* (М. Кәрим) 'Нет, тот пласт мудрости — не золото, он — как водное течение, как веющий востер, как бурлящий огонь, как растущее дерево, как дождливое небо и щедрая земля'; *Баязит Бикбайҙың да шиғырҙары һинең турала, миңең турала, заман тураһында* (П. Нөжми) 'Стихи Баязита Бикбая о тебе, обо мне, о современности';

6) изафетом с замыкающим именем: а) в основном падеже: *Әсә йыры! — безең күңелдәрҙә шыткан шиғрият сығанағы* (Р. Ғамзатов) 'Песня матери — пробившийся в нашей душе источник поэзии'. *Көз — ауылда хезмәт йылына йомғаҡ яһау осоро, киләһе уңышжа нигеҙ һалынған сәк* (СБ) 'Осень — пора итогов трудового года на селе, время, когда закладываются основы будущего урожая'; б) в местном падеже: *Оло юл ғына түгел, хатта кескәй һуҡмактарға хәтлөм күҙетеү астында* (Ә. Хәкимов) 'Не только большая дорога, но и маленькая тропинка — под наблюдением'; *Маяктарҙың яҡтыһы — безең юлдарға* (Н. Изелбай) 'Светлые маяки на нашем пути'; *Донъя именлеге — безең Ватаныбыҙың кеүәтендә. Халыктар ышанысы — социализмдең яңынап—яңы еңеүҙәрендә. Ил кеүәте, ер абруйы, тормош именлеге — кешеләр күлында* (М. Кәрим) 'Сохранение мира — в мощи нашей страны. Надежда народов — во всех новых победах социализма. Сила страны, авторитет земли, сохранность жизни — в руках людей'; *Басыуҙың йомартлығы — башақтың көсөндә* (поговорка) 'Щедрость нивы — в силе колоса';

7) существительным в местном падеже: *Ленинизм байрағы — баяж күлдарға* (Н. Изелбай) 'Знамя ленинизма — в крепких руках';

8) именем прилагательным и парцием: *Вокзалдың шокәтһез зур, бейек бинаһы буш һәм һалҡын* (Ф. Иҫәнғолов) 'Безмерно большое здание вокзала — пусто и холодно'; *Ер шарының кайһы китһаһында, һиндәй илендә йәшәмәһен, һиндәй телдә һойлашмәһен — балаһын юғалткан әсә кайғыһы бер үк дәрәжәлә тәрәп һәм ауыр, төпһөз һәм сикһез* (Ғ. Әмири) 'В каком бы глухом углу земного шара ни жила мать, на каком бы языке ни говорила, горе ее

потерявшей свое дитя, в одинаковой мере глубоко и тяжело, бездонно и безгранично'; Айбулат Янпаров үтэ түземле һэм сабыр, һалжын канлы шул ук вакытта сос һэм отжор (Ә. Чаныш) 'Айбулат Янпаров изливине терпелив, выдержан, кладнокровен, но в то же время, шустр и проворен'; Кешэ менэн бөтә тереклектең тормошо таза һыу муллыгына бәйләнгән икәне һәр кемгә мәғлүм (СБ) 'Каждому известно, что жизнь людей и всего живого на земле связана с обилием чистой воды'; Сынтимер бала һымак саф күңелле, ышаныусан, тәһсилләнеүсэн (Ш. Янбаев) 'Сынтимер доверчив, впечатлителен и наивен, как ребенок';

9) именем числительным: Ике икең — дүрт 'Дважды два — четыре';

10) местоимением: Минең яраткан дусым — һил 'Мой любимый друг — ты'; Сынтимерең тормошондағы иң изге, иң кәзерле, онотолмаз минуттар — ошолор?! (Ш. Янбаев) 'Наверное, это самые незабываемые минуты жизни Сынтимира';

11) притяжательной формой на -ныкы/-неке имен существительных и местоимений: Китап — минеке 'Книга моя'; Дәфтәр — Фәриттеке 'Тетрадь Фарита';

12) притяжательным словосочетанием, замыкающий член которого выражен формой на -ныкы/-неке, как предикат неотделимый от своего определения: Шишмәләр — улар безең быуындыкы ғына түгел, э килсәк быуын кешеләренеке лә (СБ) 'Родники — они принадлежат не только нашему поколению, но и людям будущих поколений'; Кызарып беикән емеитәр, гөрләп уңған иген — халыктың үзенеке (Й. Гәрәй) 'Румяно вызревшие плоды, поспевшие хлеба — собственность народа';

13) модальными словами: Йәшлеге үтмәгән кеше юк та был донъяла, тик үтеу менән үтеүең айырманы бар (М. Кәрим) 'Нет на этом свете человека, чьи бы годы не текли, но между тем, как они текут, есть разница'; Дуслык осон фекерзәр уртаклыгы, мәһфәзәттәр, идеалдар уртаклыгы кәрәк (Ә. Мирзахитов) 'Для дружбы нужна общность мыслей, взглядов, интересов и идеалов';

14) спрягаемой архаичной предикативной конструкцией на -ган- бар/юк, выражающей прошедшее время индикатива как обобщенно-типическое действие в прошлом: Без легендар совет разведчиге Советтәр Союзы Геройы Николай Иванович Кузнецовтың хайран калырлык каһарманлыктары тураһында китаптарҙан укығаныбыз, киноларға карағаныбыз бар («Ленинсе») 'Пам приходилось видеть в кино, читать в книгах о поразительном мужестве легендарного советского разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова';

15) сочетанием глаголов в спрягаемой и неспрягаемой формах, модальных слов и частиц. Сказуемое здесь выражает внутреннюю и внешнюю динамику действия, процесса, явления и события: Был донъяла ауызым та барлығын, уға каршы йән аямай көрәшергә кәрәклеген икәртә, канына һеңдерә килергә кәрәк булған (Н. Мусин) 'О том, что в этом мире есть зло и жестокость и против них надо всеми силами бороться, мне надо было постоянно напоминать ему'; Батыр Янгилин йәши есетте косаклап алырғай булды (И. Физзетуллин) 'Батыр Янгилин готов был обнять молодого царя'; Был юлы Оксана Белокурая озак көттөрмәү генә түгел, Микола артыман ук килеп етте (Ә. Бикчәнтәев) 'На этот раз Оксана Белокурая не только не заставила себя ждать, но сама тут же пришла вслед за Миколой'; Уныңса, күп булғас, дәфтәрҙе генә түгел, икмәкте лә, шәкәрҙе лә, кейем-һалымды ла эрәм-шәрәм итергә мөмкин булып сыға инде (Р. Ғабдрахманов) 'По нему получается: если что имеется в изобилии, то можно не только тетради, но и хлеб, сахар, одежду и прочее добро портить и расходовать сколько душе угодно'; Зиннурҙың ялыныуы команدىрҙе бер аз йомшарта төштө булһа кәрәк (К. Мәргән) 'Кажется, просьбы Зиннура несколько смягчили командира'; Дошман һезең кылған бар изге эшегеҙҙе юкка сығарып йөрөй түгелме һуң? (Ф. Иҫәнғолов) 'Не кажется ли вам, что враг сводит на нет все ваши праведные дела?'; Операция яһап бөткәнсе, аркамдан кара тирем аға,

агымда баһыл тора алмаһлыҡ халға киләм (Ш. Янбаев) 'Пока не окончатся операции, по спине течет черный пот, а состояние такое, что едва стою на ногах'; Юлбай алдына алғанды тиз генә куя торғандарҙан тугел ине (Н. Мусин) 'Юлбай был не из тех, кто быстренько выставляет то, что раньше прихватил'; Бәтә эйберҙәр лаһаһ аһтында бесән менән күмеп, йәшереп куйылған булып сыҡты (БК) 'Оказалось, что все вещи были припрятаны под логовом и завалены сеном'; Донъя һаһыл киңәйеп, яҡтырып киткәндәй итте (Р. Ғабдраһманов) 'Мир вдруг как бы посветлел и стал просторней';

16) именем прилагательным или наречием и служебным глаголом-связкой, представленной в одной из спрягаемых форм: *Ирек Ирбәк улы Азаматовтың тауышы менән һүҙҙәре һойләгән һайын ыһаныһлыраҡ һәм һығыраҡ була бара ине* (БК) 'Голос Ирека Ирбяковича Азаматова по мере того, как он говорил, становился увереннее и тверже'; *Булмала аңғызы ғына ултырыу Уралға күнелһез эә, уңайһыз эә була башлань* (М. Тажи) 'Сидеть дома одному становилось Уралу все тоскливее и неудобнее'; *Хезмәт торған һайын кызыклыраҡ, мауыҡтырғысыраҡ һәм ырамлыраҡ була бара* (БК) 'Труд становится все более интересным, увлекательным и производительным'.

СВЯЗАННОЕ СКАЗУЕМОЕ

Еще в первых грамматиках тюркских языков при описании сложноподчиненных предложений, деепричастных оборотов и сходных с ними бинопредикативных конструкций наряду со свободным сказуемым было отмечено подчиненное ему зависимое сказуемое, которое может иметь свое отдельно выраженное подлежащее или соотноситься на одинаковых правах с подчиняющим его сказуемым с одним и тем же подлежащим. Продолжая эту традицию, исследователи синтаксиса тюркских языков постепенно выявили и описали с той или иной полнотой наиболее распространенные структурные типы зависимого сказуемого, которое стало преимущественно называться второстепенным (исходя из его синтаксического положения и степени информативности) по сравнению со свободным сказуемым, способным, в отличие от него, организовать законченное самостоятельное предложение, как простое, так и сложное.

Второстепенный характер такого сказуемого в синтаксических конструкциях, особенно в сложноподчиненном предложении с бессоюзной связью весьма проблематичен, ибо здесь оно, и именно оно предопределяет как структурную схему всего предложения и ее конкретное лексическое наполнение, так и его семантику. Такова, пожалуй, в известной мере и актуальность этого сказуемого, информативность, которая отнюдь не всегда согласуется с собственно синтаксической ролью свободной и зависимой конструкции, хотя в целом зависимое сказуемое обычно и используется как грамматически организованное средство актуализации подчиняющего его сказуемого в ущерб своей информативности. Актуализирующая роль подчиненного сказуемого может быть в зависимости от коммуникативного назначения предложения нейтрализована обычными средствами актуализации, прежде всего с помощью синтаксической интонации и лексических средств. Более того, по информативности зависимое сказуемое может быть выдвинуто даже на первый план, ослабляя значимость содержания свободного сказуемого.

Поэтому рассматриваемое сказуемое лучше именовать зависимым или связанным (это согласуется с принятыми терминами — «свободная и связанная морфема, фонема»), а не второстепенным.

Связанное сказуемое, как бы оно ни назвалось, давно получило среди синтаксистов всеобщее признание, исключая лишь отдельные его структурные разновидности, не обладающие достаточно ясно выраженной предикативностью, в частности причастное сказуемое, непосредственно примыкающее к определяемому члену предложения даже без выделения паузой (она следует за определяемым словом).

Тем более поразителен тот факт, что ни в одном синтаксическом описании, посвященном типам и разновидностям сказуемого в тюркских языках, статус

связанного сказуемого до сих пор даже не упомянут. И это несмотря на обилие его структурных типов и разновидностей, большинство которых никем не отрицается, да и не может быть никак оспорено.

Поражает и другое — ныне, когда на уровне докторской диссертации изучаются даже так называемые третьестепенные члены предложения и появились десятки специальных монографий о главных и второстепенных членах предложения, до сих пор нет даже обобщающего обзорного очерка типов связанных сказуемых под единым углом зрения.

Между тем типы связанных сказуемых в каждом из тюркских языков многочисленны, главное — они играют огромную роль в синтаксисе сложного и простого предложения не столько как средство формального выражения особого вида бинопредикативности, т. е. связанной предикации, сколько как средство связи одной части предложения с другой. Достаточно напомнить, что все так называемые синтетические придаточные предложения, причастные, деепричастные, обстоятельственные отглагольно-именные обороты с послелогом или без них зиждутся, собственно, на связанной предикации — зависимом сказуемом.

Связанное сказуемое в таких необычайно распространенных в тюркских языках конструкциях выполняет не только централизующую роль в их пределах, но и влияет на статус предложения в целом, где оно представлено, в частности в сложноподчиненных предложениях. Именно оно при отсутствии союза представляет собой их конституирующий структурный элемент, без которого немислим данный структурно-семантический тип сложноподчиненного предложения. Да и в составе простого предложения связанное сказуемое неизбежно усложняет его структуру, а то и меняет его статус, превращая его в так называемое слитное предложение, занимающее промежуточное положение между собственно простым и сложным предложением¹. Как это давно замечено, на структуре предложения и его семантике сказывается не только характер зависимого сказуемого, но и однородного², которое обрastaет, как и свободное сказуемое, второстепенными членами предложения в соответствии с синтаксическими потенциями каждого глагола.

Переходя к рассмотрению зависимых сказуемых, необходимо прежде всего отметить, что они во многих случаях в составе определенных структурно-семантических типов сложноподчиненного предложения по своей природе ничем не отличаются от обычного свободного сказуемого и к тому же выделяются в предложении на общих с ним основаниях, отличаясь от него только тем, что занимают синтаксически подчиненное положение, характерное большей частью для собственно связанного глагольного сказуемого, которое имеет особую, соответствующую своему синтаксическому положению, структуру: ср. *Кем тауэжжал, шул ота* (М. Кэрим) 'Побеждает тот, кто смел' (в придаточном подлежащем предложении сказуемое выражено обычной спрягаемой формой глагола); *Минең һиңә әйтәһе һүҙ шул: утырайык әле, зинһар, утырайык* (А. Таһиров) 'Я скажу тебе только одно: давай посидим, пожалуйста, посидим' (в придаточном сказуемом пред-

¹ Зависимые конструкции со связанным сказуемым едва ли не впервые воедино собраны и описаны Х. М. Есеновым, который весьма противоречиво оценивает их роль в структуре предложения и в его коммуникативном содержании: с одной стороны, он отказывает им в наличии предикативности и главным образом на этом основании принижает их коммуникативную значимость, постоянно подчеркивая, что с их устранением не меняется ни структура, ни основное коммуникативное содержание предложения, с другой — совершенно справедливо утверждает, что так называемые синтаксические обороты, под которыми имеется в виду как раз приведенный нами случай, «усложняют как структуру, так и семантику простого предложения» (Есенов Х. М. Синтаксис предложений с зависимыми конструкциями в казахском языке. Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Алма-Ата, 1975, с. 10, ср. там же, с. 7 и др.). Из этого двоякого подхода к зависимым конструкциям в работе в целом, судя по автореферату, преобладает первый: В силу этого роль связанного сказуемого как структурного необходимого элемента всего предложения оспаривается, к сожалению, не раскрытой.

² Н. К. Дмитриев справедливо квалифицирует предложение с однородными глагольными сказуемыми как слитное предложение (Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 401).

ложении сказуемое выражено побудительно-желательной спрягаемой формой глагола); *Кайныһы яжшы, шунһын ал* 'Возьми из них то, что лучше' (в придаточном определительном зависимом сказуемом представлено императивом); *Кем дэ кем был эмерзе үтэмэй, шуга түләү һалыһыр* (Ж. Клекбаев) 'Кто не выполнит этого приказа, тот будет оштрафован' (придаточное дополнительное иного типа в качестве своего зависимого сказуемого имеет спрягаемую форму прошедшего времени индикатива); *Ер өстөндэ касак алтын бөтөр, шунда сығар хажлыж* (М. Гафури) 'Когда на земле псеякнет золото, тогда восторжествует справедливость' (зависимое сказуемое придаточного времени индикатива); *Кайза карама, шунда һауаға төтөнлө тупрак вулкандары күтәрелә* (К. Даян) 'Куда ни глянь, там изрыгаются в небо вулканы земли с чадом' (зависимое сказуемого придаточного места выражено спрягаемой формой настоящего времени индикатива)³.

Во всех этих и многочисленных сходных придаточных предложениях так называемого аналитического типа зависимое сказуемое по своей структуре и функции в принципе ничем не отличается от обычного сказуемого. К тому же оно здесь не играет конституирующей роли в структуре предложения, которую, как и семантику предложения, определяют относительные союзные слова или союзы. Стало быть, здесь речь может идти лишь о двух функциях обычных структурных типов сказуемого (о возможности их использования в зависимой и независимой синтаксической позициях в рамках сложноподчиненного предложения). Возможность использования обычного сказуемого в позиции зависимого члена сложного предложения может и должна быть охарактеризована при рассмотрении обычных структурных типов тюркского сказуемого в одном ряду с описанием типов и разновидностей подлежащего и второстепенных членов, одинаково характерных не только для простого, но и для всякого сложного предложения, что до сих пор в исследованиях по тюркским языкам упускалось из виду при рассмотрении синтаксического членения предложения, а именно — в описаниях членов предложения, по традиции приводимых только в разделе синтаксиса простого предложения.

Связанное сказуемое, неизменно подчиненное свободному сказуемому и структурно отличающееся от него по категориальной принадлежности, разделяется на глагольное и отглагольно-именное.

Глагольное связанное сказуемое в свою очередь подразделяется на спрягаемые и неспрягаемые типы.

Спрягаемые подчиненные глагольные сказуемые представлены лишь условными и уступительными формами, которые одинаково широко употребляются во всех разновидностях национального башкирского языка как со своим раздельно выраженным подлежащим (в этом случае они организуют придаточную часть условного периода или уступительного сложноподчиненного предложения), так и соотносясь с тем же подлежащим, что и подчиняющее их свободное сказуемое (в данном же случае образуемую ими конструкцию чаще всего принято именовать оборотом в составе простого предложения, что в предлагаемой грамматике названо усложненным простым предложением).

Связанные подчиненные глагольные сказуемые в условном наклонении представлены разветвленной системой форм, из которых основным и наиболее широкоупотребительным структурным типом является форма на *-һа/-һә*: *Әгәр оһотһаң, йәки оһотмайһыңса ла кермәйһеңсә калһаң, төшкө аһтан маһрум итермән* (С. Агиш) 'Если забудешь или не зайдешь, несмотря на то, что не забыл, то лишу обеда'; *Ә кәсе көп-коро, күлә алдыһиһәң, таралырға тора* (А. Таһиров) 'А дерн сухой-пресухой, если возьмешь в руки, то и гляди рассыпется'; *Фәкир арттымы, бай байыға* (С. Агиш) 'Если число бедняков возрастает, то богач богатеет'; *Мин алдағы ял алдыман, оспрай калһа, өйрәк,*

³ Примеры взяты из монографии: *Сәйтбатталов Ф. Ф.* Башкорт теленең кушма һейләм синтаксисе. Өфө, 1961.

йә булмаһа күркә алып кайтырмын әле (С. Агиш) 'В следующий выходной привезу утку или индейку, если встретится'; *Шуны куйғанда һәйбәт булыр ине* (К. Мәргән) 'Если назначить его, было бы хорошо'; *Атайым иҫән булһа, кыуаныр ине* (С. Агиш) 'Если бы был жив отец, о как бы он обрадовался'; *Куржаның икән, озатып куйырбыз* (А. Таһиров) 'Если боишься, проводим до дома'; *Хәзер каланы ташлап китеп, актар инә торған булһалар, узған йылдағы кеүек кенә калмастар* (А. Таһиров) 'Если мы оставим город и в него ворвутся белые, они поведут себя еще хуже, чем в прошлом году'; *Моратка важытында әйткән булһаң, балки, ул безге тыңлар ине* (К. Мәргән) 'Если бы Мурата предупредили вовремя, возможно, он послушался бы нас'; *Ундай хәл була калһа, һинең вахтаны таратырһар ине* (К. Мәргән) 'Если бы случилось такое, твою вахту распустили бы'.

Форма условного наклонения на *-һа/-һә* и ее эквиваленты в зависимости от контекста могут быть подчиненным связанным сказуемым в составе придаточного времени: *Әйләп караһалар . . Рифкәт тора* (Н. Котдосов) 'Когда они обернулись . . перед ними предстал Рифкат', и придаточного причины: *Бындай какшалмаҫ берзәмлек йәшәй икән, безең корәш мотлақ еңеүгә өлгәшә* (Ғ. Әмири) 'Раз существует такое нерушимое единство, наша борьба непременно увенчается успехом'.

Та же форма в зависимости от контекста может выступать и в составе противительного-сопоставительных сложносочиненных предложений: *Һин кулыңа сүкеш тоткан эһсе булһаң, Мин кулыма урақ тоткан игенсемен, Ал таң менән һин заводка эһкә китһәң, Куна ятып мин баһыза һабан һөрәм* (С. Кудаш) 'Если ты рабочий с молотом в руках, Я землепашец с серпом в руках, Если ты с зарей отправляешься на работу на завод, Я пашу поле, ночью там'.

В приведенных и сходных примерах связанное подчиненное сказуемое имеет свое отдельно выраженное подлежащее и организует часть сложноподчиненного или реже — сложносочиненного предложения. Но оно, сохраняя все свои синтаксические свойства, широко употребляется также, соотносясь с тем же подлежащим, что и подчиняющее его сказуемое: *Укыу язу таныһаң, Пионерга язылһаң, Алға китерһең һаман, Тырышып белем алһаң* (Т. Йәнәби) 'Если умеешь читать-писать, Записался в пионеры, Прилежно будешь учиться, то всегда будешь впереди'. В этом примере обнаруживаем полный изоморфизм с предыдущим (исключая лишь соподчиненность, или соотношенность с подлежащим, общим для обоих сказуемых), конструкцию, организуемую сказуемым в форме условного наклонения, принято квалифицировать то как обстоятельный оборот, то как обстоятельство условия. С этим трудно согласиться. Ибо здесь предикативность, составляющая основной необходимый элемент всякого предложения, налицо и неоспорима.

Группа сказуемого сообразно с коммуникативными запросами и синтаксическими потенциями самого глагола может быть распространена точно на таких же началах, что и в составе общепризнанного придаточного предложения. Здесь наличие или отсутствие членов предложения, относящихся к самому подчиненному сказуемому вовсе необязательно по структурной схеме, как это имеет место в структурной схеме всякого предложения — и придаточного, и главного, и простого. Раздельное выражение подлежащего при каждом из двух сказуемых сложного предложения не составляет столь важный фактор, чтобы игнорировать ярко выраженную предикативность, без которой действительно немислимо ни придаточное, ни главное, ни простое предложение. Ведь именно предикативность предопределяет статус предложения или составной части сложного предложения.

Форма условного наклонения на *-һа/-һә* в сочетании с усилительной частицей *ла/лә* представляет самостоятельный структурный тип спрягаемого связанного подчиненного сказуемого, организующего либо усилительное придаточное: *Кем кейһә лә кейһен перчаткамды* (С. Кудаш) 'Пусть кто хочет оденет мою перчатку'; либо уступительную конструкцию, входящую в состав простого или сложносочиненного предложения: *Кәкере булһа*

ла юл булһын, һужыр булһа ла кыз булһын (посл.) 'Пусть будет хоть кривая, но дорога, хоть слепая, но девушка'; Ни генә кылһа ла, ни генә һөйләһә лә, хатта тик кенә торһа ла, Хәмит Ғәлимәғә ғәжәп һойкомлә булып күренә (З. Бишпева) 'Что бы ни делал, чтобы ни говорил, и если даже абсолютно ничем не занимался, Хамит всегда представлялся Галиме обаятельным'; Һинән ул да тыймас, кыз за тыймас, тыйһа ла тормас (погов.) 'От тебя не родится ни сын, ни дочь, а если и родится, то не будет жить'.

Неспрягаемые подчиненные глагольные сказуемые представлены многочисленными широкораспространенными структурными типами.

Среди них по своей ярко выраженной предикативной природе и синтаксическому положению многие отличаются от спрягаемых форм лишь по формальному выражению категории лица. Таковы, в частности, деспричастные сказуемые, в которых глагол обязательно соотносится с подлежащим, образуя вместе с ним предикативное ядро конструкции, представляющее категорию лица, и неизменно входит в сферу того же грамматического времени и склонения, что и свободное глагольное сказуемое, подчиняющее их.

Основные активно употребительные деспричастные подчиненные сказуемые представлены следующими структурными типами.

1. Многозначной и полифункциональной универсальной формой на *-n* в усложненных простых предложениях (1), изоморфных частях сложных предложений (2) и в придаточных предложениях (3): 1) *Аттар, куркышып, төрләнә төрлө якка тайпылдылар* (Р. Ханнанов) 'Лошади, испугавшись, бросились в разные стороны' (причинное значение); *Куньр ер эзләп, кыр каззары каңғылдап үттө* (Х. Ғиләжев) 'Разыскивая почлег, с шумом пролетели дикие гуси' (целовое значение); *Ишекте етез асып, Әкрәм инде* (А. Таһиров) 'Быстро открыв дверь, вошел Акрам' (значение способа действия); *Кайзандыр ел сыгып, япрактар шаулань* (И. Насыри) 'Откуда-то появился ветер и листья зашумела' (причинно-следственное значение); 2) *Хатты бер нисә тапкыр укып сыжмас, Новиков, йәшел үләнгә салкан төшөп ятып, куккә карап, бик озак уйланды* (Д. Юлтый) 'Несколько раз перечитав письмо, Новиков лег на спину на траву, и долго думал глядя в небо (значение способа действия)'; 3) *Иртән кояш сыгып, көн бер ни тиклем йылынғас та, улар юк булалар* (Ғ. Хөйри) 'Утром, как только солнце выходило и день становился теплым, они тотчас же исчезли' (ограничительно-временное значение); *Карзәр иреп, йылғалар аға башлань* (Ф. Әсәнов) 'Снег растаял, и реки высвободились ото льда' (причинно-следственное значение); *Ғилажизе һалкын һуғып, уның тамағы иешеп йөрөнө* (А. Таһиров) 'Гилажи простудился, и у него заболело горло' (причинное значение).

2. Отрицательной формой на *-май/-мәй, -майынса/-мәйенсә* в значении способа действия (в этом значении в положительном аспекте ей эквивалентна форма на *-n*) в усложненном простом предложении (1), изоморфной части сложного предложения (2) и придаточном предложении (3): 1) *Ул, минең яуабымды көтмәй, ишеккә табан атлань* (Ә. Вәли) 'Он, не дожидаясь моего ответа, направился к двери'; *Хәмит уны тын да алмайынса, керпек тә какмайынса тыңлань* (Р. Ғабдрахманов) 'Хамит слушал его, затаив дыхание и не шелохнувшись'; 2) *Без өндәймәй ашай биргәс, ул үзәлдына мыгырзаны* (Ә. Вәли) 'Поскольку мы молча продолжали есть, он бормотал что-то сам себе'; 3) *Бер болғанмай һыу за тонмай; айырылмай, булмай, булмай* (фольк.) 'И вода не отстаивается, пока хоть раз не помутнеет; разлука неизбежна'; *Һин бармай, эш сыжмай* (Н. Мусин) 'Пока ты не пойдешь, ничего не получится'; *Яз етмәй, көп йылынмай* 'Пока не наступит весна, дни не станут теплыми'.

3. Формой деспричастия на *-арак/-әрәк*, образуемой обычно от глаголов движения в значении обстоятельства времени соотенком значения обстоятельства меры: *Ауылаға барып етәрәк, Йомран юртыгуынан туктань* (А. Таһиров) 'Дойдя почти до деревни, Юмран (кличка лошади) перестал двигаться иноходью'.

4. Рудиментарной формой деспричастия на *-а/-ә, -й*, выражающей цель: *Мөширә Нәзифәне машинаға тиклем озата барзы* (Ғ. Локманов) 'Мушира ходила провожать Назифу до машины' (деспричастие представляет объект

действия, обозначаемый обычно целевым инфинитивом). Ср. *Рахман Бануззы озата сыхманы*, — (Ә. Воли) — *Рахман Бануззы озатырға сыхманы* 'Рахман не вышел провожать Бану'. Эта форма подчиненного сказуемого, как и предыдущая, бытует лишь в усложненных простых предложениях и изоморфных частях сложного предложения, т. е. не имеет своего отдельно выраженного подлежащего.

5. Редуплицированной формой деепричастия на *-а/-э, -й*, выражающей способ совершения незаконченного длительного или повторяющегося действия в усложненном простом предложении: *Ул кулдарын һелтэй-һелтэй килешһез итеп югерэ* (С. Агиш) 'Размахивая руками, он бежит неуклюже' и в изоморфной части сложного предложения: *Егет нимәлер әйтергә өлгөрмәне, Мәстүрә югерә-атлай төн караңгылыгында әрегейне инде* (Д. Исламов) 'Не успел парень и слово вымолвить, как Мәстүрә уже растворилась в ночной темноте'; *Шулай һөйләнә-һөйләнә, икешәрме-өсәрме рюмка бушаткас, ул диванда яткан иҗке генә аккордеонға урелде* (Д. Исламов) 'Когда, разговаривая, таким образом, вышли не то две, не то три рюмки, он потянулся к старенькому аккордеону, лежащему на диване'.

6. Формой деепричастия на *-ғас/-гәс, -кас/-кәс*, выражающей в простом усложненном предложении (1) и в придаточном предложении (2) ограничительные временные отношения (а), реже, причем в зависимости от контекста — причинно-следственные отношения (б): 1) *Ғалдатка алынғас, һәр вақыт бергә булдык* (Д. Юлтый) 'Став солдатами, мы все время были вместе' (а); *Ғинең өсөн булғас, тырышып карармын* (Ф. Әсәнов) 'Раз это для тебя, постараюсь сделать' (б); 2) *Команда бирелгәс, карабиндар менән генә сафта тезелдек* (С. Кулибай) 'Когда была подана команда, мы встали в строй с одними карабинами' (а); *Ғин риза булғас, бригадиргә бер һүз әйтмәс* (Ф. Әсәнов) 'Раз ты согласен, то и бригадир ничего не скажет'. Отрицательный аспект данной формы неизменно выражает причинно-следственные отношения: *Заһира өндәшмәгәс, каты итеп толочмонан тарттым* (З. Бишева) 'Поскольку Загира молчала, я сильно дернул ее за косы'. Ограничительно-временную обусловленность двух действий выражает вариант данной формы на *-ғас та/-гәс тә, -кас та/-кәс тә*, подчеркивая отсутствие стыка между двумя действиями: 1) *Ул, техникумға барып бер ай самаһы уйғас та, бик нык ауырыны* (Ә. Вәли) 'Проучившись в техникуме около одного месяца, она очень тяжело заболела'; 2) *Бып уй башыма килгәс тә, һеззе эзләп сығып югерзем* (Ф. Әсәнов) 'Как только эта мысль пришла мне в голову, я тотчас же выбежал искать вас'.

8. Формой деепричастия на *-ғансы/-гәнсе, -қансы/-кәнсе*, выражающей действие, с наступлением которого прерывается и устранивается другое действие, представленное в усложненном простом предложении (1) или в сложно-подчиненном предложении (2) с придаточным времени (а), либо сравнения (б): 1) *Вахит туйғансы ашаны* (Р. Хапсанов) 'Вахит ел до тех пор, пока не наелся'; 2) *Ул алмалар үскәнсе һин торорһоң мы икән, бабай* (Ә. Вәли) 'Доживешь ли ты, дед, до того времени, когда вырастут эти яблони?' (а); *Якшы азык калғансы, яман корһақ ярылһын* (Б. Бикбай) 'Пусть лучше лопнет недоброе брюхо, чем пропадет добрая пицца' (б).

9. Формой деепричастия на *-ғанса/-гәнсә, -қанса/-кәнсә*, выражающей способ действия с оттенком сравнения в усложненном простом предложении: *Үзбездә тор, теләгәнсә аша, теләгәнсә йөрө* (С. Агиш) 'Живи у нас, ешь, сколько хочешь, ходи, куда хочешь'; и в придаточном предложении: *Миңә, һин уйлағанса, кыскырып каты бойорок бирергә лә мөмкин* (Ф. Исәнғолов) 'Мне, как ты полагаешь, можно давать даже с криком строгие приказы'.

10. Формой деепричастия на *-ышлай/-еишләй, -ошлай/-өишләй*, образуемой от глаголов движения для выражения попутного действия в усложненном простом предложении: *Сәхибә, кире кайтып килешләй, Мәхмүтте осратты* (Ғ. Хәйри) 'Сахиба, возвращаясь домой, встретила Махмута'.

11. Формой деепричастия на *-а/-э, -й торғас*, характеризующей действие как длительный процесс, в результате которого происходит последующее действие как его следствие, представленное в усложненном простом пред-

ложении: *Шулай үз алдына үзе эсенэн зәһәр сәсен ултыра торғас, бер көндө ул башынан түзмәй ауырып китте* (З. Бишшева) 'Предаваясь, таким образом, беспричинной злобе, он в конце концов однажды заболел от головной боли'.

12. Формой деепричастия на *-а/-э, -й тороп* или ее отрицательным вариантом на *-май/-мәй тороп*, выражающими уступительное (а) или ограничительно-временное значение как условие для совершения в составе усложненного другого действия (б) простого предложения (1) или сложноподчиненного предложения (2): 1) *Тимәк, һин дә куркып, ошоларзы белә тороп, әйтмәйһеңме?* (З. Бишшева) 'Стало быть, и ты, испугавшись, молчишь, несмотря на то, что знаешь все это' (а); 2) *Фашисте унан табан ялтыраттырмай тороп, туктау булмаясак* (Д. Исламов) 'Пока не заставим фашистов убраться оттуда, не остановимся' (б).

13. Формой деепричастия на *-п та/-тә*, выражающей уступительное значение в придаточном предложении: *Йәй итеп тә, көндәр һаман йылынмай* (Ө. Воли) 'Хотя и наступило лето, дни все еще не потептели' и усложненном простом предложении: *Ауылға барып та ял итеп булманы* (Ш. Янбаев) 'Хотя я и ездил в деревню, чтобы отдохнуть, но этого не получилось'.

14. Лексикализованной формой деепричастия *әйтмешләй* 'по мнению, по рассказу кого-то', по высказыванию, широко употребляемой во вводных предложениях: *Карттар әйтмешләй, тинһәм тимер өзәрзәй сағым миһең* (З. Хисмәтуллин) 'Как это говорят старики, я во цвете своих сил'.

15. Широко распространенными парными лексикализованными формами деепричастий на *-п* и на *-а/-э, -й*, выражающими способ действия в усложненном простом предложении: *Тиз генә түкмәй-сәсмәй һөйлә* (Д. Исламов) 'Рассказывая быстро, не утаивая ничего'; *Һыу, карағускыл төскә иһеп, әйләһеп-тулғанып аға* (Р. Ханнанов) 'Река, принимая бурый цвет, течет образуя водовороты'.

По своей грамматической природе к деепричастному подчиненному сказуемому близко стоят производные от причастия на *-ған/-гән, -қан/-кән*, формы на *-ғанда/-гәндә, -қанда/-кәндә*, на *-ғанлыҡтан/-гәнлектән, -қанлыҡтан/-кәнлектән* и на *-ғандай/-гәндәй, -қандай/-кәндәй*, осознанные ныне как собственно глагольные формы для выражения трех различных обстоятельственно-глагольных значений наряду с собственно деепричастными формами того же назначения. Как и последние, они одновременно служат и средством синтаксической связи разных частей предложения и организующим необходимым структурным элементом зависимых конструкций.

Первая из них выражает информативно второстепенное действие, на фоне которого одновременно совершается другое действие, представленное подчиняющим сказуемым в усложненном простом предложении (1), изоморфной части сложного предложения (2) и в придаточном предложении (3): 1) *Тауҙар араһынан килгәндә мин қая башында басып торған бер қоралай күрҙем* (фольк.) 'Когда я шел между отрогами гор, я увидел коосулю, стоящую на скале'; 2) *Килеп еткәндә, ат арығас, туктап ял иттек* 'Когда уже доезжали, мы остановились и отдохнули, поскольку лошадь устала'; 3) *Көн кискә ауышқанда, алты взводтың һалдаттары, җызылармеецтәре сәй җайнатқандар* (А. Таһиров) 'Когда солнце клонилось к заходу, красноармейцы шести взводов кипятили чай'.

Форма на *-ғанлыҡтан* в усложненном простом предложении выражает причину: *Әхмуш, баләкәйҙән үзенең һәр бер ғәйебенә һылтау табып үскәнлектән, шуның өстөнә биҙ кире булғанлыҡтан, һылтау менән үзен аҡларға тырыша, кирелек менән үс алырға тырыша* (Д. Юлтый) 'Ахмуш пытается оправдаться, изворачиваясь, и отомстить упрямством, поскольку он с малых лет привык свою вину оправдывать неблагоприятными предлогами и поскольку к тому же он непомерно упрям'. Эта форма широко употребляется также в зависимых конструкциях, входящих в состав частей сложного предложения самого различного рода: *Мәхмүт ағай, балаларына, бигерәк тә балаларының балаларына һәр ваҡыт аҗыл өйрәтеүзе үзенең изге бурысы итеп һанағанлыҡтан, былай тине: «Ғин бит рационализатор балаһы»* (С. Ағиш) 'Дядя Махмүт, считающий своим священным долгом всегда по-

учать своих детей, особенно внуков, сказал так: «Ты же сын рационализатора»'.

Причинно-следственные отношения выражает также широко употребительная форма на *-ғанға/-гэнгэ, -жанға/-кэнгэ*, которая, однако, в отличие от предыдущей формы на *-ғанлыктан*, в достаточно ощутимой мере сохраняет именную характер, своего происхождения, особенно в глаголе-связке при именном сказуемом, ср. *Новиков, үзенең фекере менән Томинжоның фекере якын булғанға, шатлана* (Д. Юлтый) 'Новиков радуется тому, что его мнение близко к мнению Томенко'.

Форма на *-ғандай* служит для выражения сравнительных отношений между данным реальным и предполагаемым действиями в простом усложненном предложении: *Гөлбәзәр, Риманы бер нисә йыл күрмәгәндәй, унал күзен ала алмайынса торҙо* (Б. Хәсән) 'Римма не могла оторвать свои глаза от Гульбажар, как будто не видела ее несколько лет', или сложноподчиненном предложении: *Ерҙә тормош мәңге бәтмәгәндәй, һиңә мөхәббәтем һис бәтмәй* (А. Игебаев) 'Подобно тому, как на земле жизнь вечна, моя любовь к тебе не иссякает' ⁴.

В целом именной характер обнаруживают связанные сказуемые, представляющие лексикализованные конструкции на *-ғандан/-гәндән алып, башлап* и сочетание этой формы причастия с послелогом *бирле*, а также сочетание причастия на *-ғанға/-жанға, -гэнгә/-кэнгә тиклем, саҡлы* и сочетание имени действия на *-(ы)у/-(е)у* с послелогом *айҡанлы, арҡаһында*: *Туй кисәһе башланғаннан алып бөткәнгә тиклем, гармун уйнауҙан туктаманы* (М. Тажи) 'Гармонь не перестала звучать от начала свадебного вечера до его окончания' (ср. *шул ваҡыттан алып, башлап* 'начиная с того времени'); *Бөгөн Илдар тураһында хәбәр алынғандан бирле, бәхәсләшәргә теләм күтәрелмәй* (Ғ. Әхмәтшин) 'С тех пор, как сегодня поступило известие об Ильдаре, я не решаюсь вступить в спор' (ср. *шунан бирле* 'с тех пор'); *Бер нисә көн буйы туктауһыз ямғыр яууу арҡаһында, комбайн ашығы ура алманы* (З. Бишева) 'Поскольку в течение нескольких дней непрерывно шел дождь, комбайн не смог жать' (ср. *йәшлек арҡаһында* 'из-за молодости').

Особый структурный тип связанного сказуемого представляет сочетание отдельных форм причастия и имени действия на *-(ы)у/-(е)у* с послелогом, которое с полным основанием может быть квалифицировано как аналитическая глагольная форма, если в ее составе послелог и предшествующий аффикс причастия или имени действия, лишаясь раздельного осмысления, образуют в своей совокупности нечто вроде составного семантически монолитного аффиксоподобного формата, выражающего в принципе те же грамматические значения, что и рассмотренные только что аффиксальные формы. Отдельные из таких монолитных сочетаний осознаны ныне как регулярные выразители определенных грамматических значений глагола, поэтому они тесно взаимодействуют не только с формами на *-ғанлыктан, -ғандай, -ғанда*, но и с деепричастиями нередко на правах их синтаксических синонимов: ср. *Институтты тамамлау менән, Әнүзә зикә ауылға китте* (З. Хисмәтуллин) 'Сразу по окончании института, Ануза поехала на работу в деревню', где *тамамлау менән* вполне можно заменить формой деепричастия *тамамлагас та*.

В качестве синтаксического синонима формы на *-ғанлыктан*, выражающей, как и отдельные формы деепричастия, причинно-следственные отношения, выступает аналитическая конструкция на *-ғанға/-гэнгэ, -жанға/-кэнгэ күрә*: *Күсерҙең аттарҙы бик шәп ҡыуыуына арба бик ныҡ һелкәнгәнгә күрә, без җаланы бер зә юнлән күрә алмайыҡ* (А. Таһирев) 'Поскольку телега сильно тряслась от того, что кучер со всех сил погонял лошадей, мы толком не смогли посмотреть город'. К этим двум конкурирующим формам по своему значению близко стоит сочетание причастия на *-ған/-гән, -жан/-кән* с послелогом *өсөн* 'для': *Туйындыра мине ерем, хезмәтем булған өсөн* (М. Тажи) 'Меня кормит земля моя, за труд свой'.

⁴ Примеры здесь и далее взяты из работ: *Сәйтбатталов Ф. Ф.* Указ. соч.; *Он же.* Башкорт телепәң абай һөйләм синтаксисе. Өфө, 1972.

С формой на *-ганда/-гэндэ, -канда/-кэндэ*, взаимодействующей с деепричастиями, выражающими одновременность совершения двух действий, конкурирует конструкция на *-ган/-гэн, -кан/-кэн сакта (малда)*, где замыкающий ее компонент сохраняет свое значение и где соответственно и причастие воспринимается в исконном своем качестве: *Иртэнге кояш кутарелгэндэ* (или: *кутарелгэн сакта. — А. Ю.*) *без инде . . . юлдан алга бара инек* (М. Гафури) 'К восходу солнца мы уже. . . шли по дороге вперед'.

С формой деепричастия на *-гас/-гэс, -кас/-кэс* в ограничительно-временном ее значении конкурирует послеложное сочетание на *-гандан/-гэндэн, -кандан/-кэндэн һуң*, отличаясь от нее своим именным характером: *Ашан, эсеп алгандан һуң улар йырлашып, бейешеп зык куттылар* (Б. Дәүләтшина) 'После того, как они поели, попили и отдохнули немного, они оживленно пели, плясали и веселились'.

В отличие от предыдущих двух конструкций с послелогоми *сакта (малда)* и *һуң*, как глагольные образования осознаны сочетания причастия на *-ган/-гэн, -кан/-кэн* с послелогоми *килеш, халда* и *көйөнсэ*. Эти сочетания служат для выражения образа действия, взаимодействуя с формами деепричастия, употребляемыми в данном значении: *Ул, тазрә яңагына таянган килеш, мулланы эрләне* (Ф. Хәйри) 'Он ругал муллу, прислонясь к косяку оконной рамы', где *таянган килеш* можно заменить деепричастием *таянып*; *Әмирханов, йөззәре күзгәргән халда, магазин уртаһында баһып тора* (С. Агиш) 'Амирханов с синяками на лице стоит посреди магазина'; *Сәлимйән, күлдәры өскә табан һузылган көйөнсэ, дерт итеп уянып китте* (Ф. Локманов) 'Салимйән, руки которого были протянуты кверху, встрепенувшись проснулся'.

Связанное глагольное сказуемое на *-ган/-гэн, -кан/-кэн һайын* выражает повторяемость действия во времени: *Без тынысландырган һайын, ул тынышһызлана* (Д. Юлтый) 'Он становится все более беспокойным по мере того, как мы пытаемся успокоить его'; *Барган һайын уны осратам* 'Каждый раз, когда еду, встречаю его'.

Самостоятельный структурный тип связанного глагольного сказуемого представляет сочетание послелога *өсөн* и послеложно-союзного слова *тип* со спрягаемыми формами глагола. Сочетание *өсөн* и *тип* с императивом выражает целевые отношения: *Урожай дошман кулына калмаһын өсөн, крәстиәндәрҙең яңы баш жосорға аһылашкан ашыҡтарыш сабырға приказ булды* (Д. Юлтый) 'Поступил приказ, косить готовые выколоситься хлеба крестьян, чтобы урожай не достался врагу'; *Һиңә килдем эйтермен тип зур һуң* (М. Кәрим) 'Я к тебе пришел, чтобы сказать великое слово. Тип в сочетании с другими формами глагола имеет также и причинное значение: *Арғымактар ажрып барыр тип, озон юлда арып калыр тип, поезд менән киткән егеттәр* (С. Кулибай) 'Парни выехали поездом, поскольку, по их мнению, рысаки скачут медленно и могут устать в таком далеком пути'.

Для выражения сравнительных отношений широко употребляется сочетание причастия на *-ган/-гэн, -кан/-кэн* с послелогоми *һымак, кеүек, шикелле*: *Сахиба күкрәгән кулы менән кысты, ул йөрәгәнә Мәхмүтте урынлаштырып иркәләгән, һөйгән, онотолоп кысқан шикелле тоя үзән* (Ф. Хәйри) 'Сахиба сжала свою грудь руками, она почувствовала, будто поместила Махмута в сердце, будто ласкала и сжимала его в забытьи'; *Аж кайындар япрак көткән кеүек, молотилка көттө арышты* (Р. Ниғмәти) 'Как белые березы ожидают листву, молотилка ждала рожь', *Уң яқта ла, алда ла, алышта бер тужырауһыз, күк күкрәгән һымак, туп тауышы ишетелер тора* (А. Таһиров) 'И справа и спереди беспрерывно слышится отдаленный гул пушек, будто гремит гром'.

Для обозначения меры и степени действия употребляется связанное сказуемое, выраженное причастием на *-ган/-гэн, -кан/-кэн* в сочетании с послелогом *тиклем*: *Студент футболды мин математиканы белгән тиклем дә белмәй* (Н. Хафизов) 'Студент не знает футбола даже настолько, насколько я знаю математику'.

Как уже отмечено, многие структурные разновидности связанного сказуемого с послелогоми, несмотря на свое именное происхождение, ныне носят в целом глагольный характер, особенно сочетания на *-(ы)у/-(е)у менэн, -га/-гә күрә*. Конструкции же на *-ған сакта, -ғандан һуң* воспринимаются как промежуточные образования, одинаково близкие и к глаголу, и к имени: ср. *Тәҙрәнең пәрзәләрен ике якка айырып жуйғандан һуң, йомшаҡ кына елдәр, өй эсенә шаярып кереп, гөл япрактарын һелкетте* (Г. Хәйри) 'После того, как занавески окон были раздвинуты, легкий ветерок, шаловливо ворвавшись в дом, шелохнул листья цветка'; *Бер көндө шулай, атай калаға киткән сакта, кибеттә бер үзәм генә һатыу итә инем* (Г. Хәйри) 'Однажды, когда отец уехал в город, в лавке я торговал один'.

Промежуточный характер носит и связанное сказуемое на *-ыуға/-еүгә*, выражающее временные отношения: *Приказ укылып бөтөүгә, клуб алдындағы йәштәр, бер тауыштан ура кыскырып, кул сабып ебәрзәләр* (С. Агит) 'Когда приказ был прочитан, молодежь, находившаяся около клуба, в один голос закричала «ура», зааплодировала', а также причинные отношения: *Дуганың кыңгырауы шалтырауға, Фариф һискәнен китте һәм тәҙрәнән жараны* (Ж. Киекбаев) 'Гариф встрепнулся от звона колокольчиков на дуге и взглянул в окно'. Но в целом это сказуемое стоит ближе к имени, чем к собственно глаголу. Таково и связанное сказуемое на *-ыузан/-еүзән*, выражающее причинно-следственные отношения: *Эскелек менән шөгәлләнеүсе кешеләр араһында йөрәк параличенән, мейгә кан китеүзән капыл үлеүселәр йыш осрай* (А. Дәүләтов) 'Среди пьющих часто встречаются смертные случаи от паралича сердца и кровоизлияния в мозг', где это наглядно подтверждает одинаковая оформленность аффиксом исходного падежа и существительного *параличенән*, и имени *кан китеүзән*.

Из собственно именных связанных сказуемых обращают на себя внимание лексикализованные формы местного и исходного падежей: *Һез юк та, дежурный начальник килеп инә яззы* (Д. Юлтый) 'Когда вас не было, чуть не зашел дежурный начальник'; *Хәуеф бар за, бергә ташландылар беренселәр булып дошманға* (Х. Кәрим) 'Когда была опасность, вместе бросались на врага первыми'; *Урын юк лык та и аяурә баһып торған ауырһузар кыззың тәждимәнән аптырап жалбылар* (И. Насыри) 'Больные, находившиеся в стоячем положении из-за нехватки мест, изумились предложением девушки'. В остальном зависимое именное сказуемое по структуре не отличается от свободного именного сказуемого.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

К второстепенным членам предложения относятся определение, приложение, дополнение, обстоятельство (обстоятельство времени, обстоятельство места, обстоятельство причины, обстоятельство образа действия, обстоятельство сравнения, обстоятельство меры и степени, обстоятельство условия, обстоятельство уступительное).

Широко распространено мнение, что определение и приложение поясняют подлежащее, а дополнение и обстоятельство — сказуемое предложения. Однако в зависимости от характера контекста и коммуникативного назначения предложения определение может относиться к сказуемому, а обстоятельство и дополнение — к подлежащему: *Шаян кеше — якшы кеше, яман кеше — шакшы кеше* (погов.) 'Веселый человек — хороший человек, злой человек — плохой человек'; *Иртәнсәк һалкын һыу менән йыуыңыу тәңгә рәхәтлек бирә* 'Умывание по утрам холодной водой доставляет удовольствие'.

Таким образом, определение может пояснить как подлежащее, так и сказуемое, выраженное существительным. Дополнение и обстоятельство в основном поясняют и раскрывают содержание глагола-сказуемого. В отношении подлежащего и второстепенных членов предложения они выполняют эту функцию лишь в том случае, если они выражены отглагольным именем, в частности именем действия.

При выделении и характеристике второстепенных членов предложения за основу принят структурно-семантический принцип.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Определение обозначает внешний признак, внутренний характер, количество и принадлежность предмета. Оно может быть выражено следующими.

1. Именем прилагательным: *һары елэллэ, һары йөзлө ябык кешенең башын һалкын ташка куйып моңлануыуына, туктауһыз күзенән йәш ағызыуына Шәрәфи агай аптырап оҙаҡ ваҡыттар карап торҙо* (И. Насыри) 'Дядя Шарафи долго с изумлением смотрел на то, как худой человек в желтом пыльнике, с желтым лицом долго изливал тоску, припав к холодному камню и непрерывно источая слезы'.

2. Причастием: *Уралдың көньяк тармактарының каяларында ирек һөйөр, бейеклеккә ынтылыр бер халыҡ йәшигән* (Ф. Әмири) 'Среди скал южных хребтов Урала жил народ, любящий свободу, устремленный ввысь'. Причастие может иметь свое определение: *Тыуғандан бирле кешегә катышып өйрәнмәгән, донъяның эсеһе менән сөсөнөн татымаған, кыз ваҡыттарында уҡ тәрбиә күрмәгән, тар ғына бер бүлмәлә гүмер һөргән һәм укыу-фәлән менән сыуалмаған был катындарҙан артыҡ ҫайҙалы нәмә өмөт итерлек түгел ине* (М. Гафури) 'От этих женщин, которые с рождения не привыкли общаться с людьми, не познали горести жизни, в девчестве не получили никакого воспитания, всю жизнь провели в четырех стенах и не обременяли себя учебой, нельзя было ожидать ничего путного'.

3. Именем существительным в значении прилагательного с послелогоми *кеүек, һымак, шикелле* (1) или без них (2): 1) *Һинең конфит кеүек кызларың, перәник һымак егеттәрең менән спектакль уйнауы безгә ауыр эш* (А. Таһиров) 'Нам трудно ставить спектакль с твоими конфетными девушками и пряничными парнями'; *Тыуған ул, Лидия Николаевна Расцветаева, Зәбиҙә Дәүләтшина, Зәйтүнә Кадикова шикелле гүзәл кыздар үстәргән ер өсөн гәзәл һуғыш бара!* (Ф. Әмири) 'Идет справедливая война за родную землю, за землю, которая вырастила таких прекрасных дочерей, как Лидия Николаевна Расцветаева, Забида Давлетшина, Зайтуна Кадикова'; 2) *таш күпер 'каменный мост', алтын балдак 'золотое кольцо'*.

4. Именем числительным: *Мин үҙемдең кырк беренсе түгел, бәлки йөз зәллә һисәһсе шәкерт икәнемде белеп шатландым* (М. Гафури) 'Я обрадовался, узнав, что я не сорок первый, какой-то там сотый ученик медресе'.

5. Местоимением: *Салауат Юлаевтың алға ынтылышы үткер карашы безең халықтың ауыр һәм героик тарихи үткәндәре тураһында һәр ваҡыт һөйләп торор төслө* (Р. Шөкүров) 'Устремленность вперед, пронзительный взор Салавата Юлаева кажется всегда будут нам напоминать о тяжелой и героической истории нашего народа'.

6. Именем действия с послелогом *кеүек*: *Был экспедицияла Шайморат бабай аш бешерәү, йомошка йөрөү, азык ташыу, аттарҙы карау, транспортка етәкселек итеү кеүек күп кенә эштәрҙе башкара* (Ә. Бикчәнтәев) 'В этой экспедиции Шаймурат бабай выполняет массу обязанностей, таких как: готовит пищу, выполняет мелкие поручения, руководит транспортом, приносит продукты, ухаживает за лошадьми'.

7. Адъективированным существительным в местном падеже с определенным афф. *-ғы/-ге*, обозначающим местонахождение: *Ауыл советендәге һәм партия ойошмаһындағы иптәштәр менән һис көтөлмәгән, ләкин бик кызыклы әңгәмәләр куйырып китте* (С. Агиш) 'С товарищами из сельского совета и партийной организации завязались совершенно неожиданные, но очень интересные разговоры'.

8. Именем существительным в основном падеже с послелогом *тиклем*: *Күк йөзөндә бейәләй тиклем дә болот сәре юк* (А. Таһиров) 'В небе нет ни намека на облачко, хотя бы величиной с рукавицу'.

Приложение — своеобразная разновидность определения, не только поясняющего предмет, но и дающего ему новое дополнительное наименование. Если определение может выражаться различными частями речи, то в роли приложения выступают только имя существительное и субстантивированные слова. В отличие от определения, приложение употребляется после определяемого слова.

Приложение может быть выражено следующим.

1. Собственными именами: *Бер аззан директор һәм укыу булеге мәдире менән бая ингән һоро пальтолы кеше — халык комиссары Шаһит Хозайбирзин килеп керзе* (С. Агиш) 'Через некоторое время вместе с директором и завучем вошел тот самый человек в сером пальто — народный комиссар Шагит Худайбердин'.

Если приложение и определяемое слово выражаются именем существительным, то между ними ставится тире.

Иногда приложение образуется путем простого повторения определяемого слова, но перед ним употребляются поясняющие определения. В подобных случаях приложение со своими определениями выделяется запятыми, при этом основная смысловая нагрузка предложения падает на поясняющие слова приложения: *Ана Рауза, миңең һөйөкләм Рауза, миң күңелен тәрән кайғыға һалған Рауза, буш аллея буйлап, башым түбән эйгән хәлдә, аяй ғына атлай* (Ф. Исәнғолов) 'Вон Рауза, моя любимая Рауза, ввергшая мою душу в глубокую скорбь Рауза, идет по пустой аллее медленно, низко наклонив свою голову'.

2. Изафетной конструкцией: *Стәрлетамакта сода, цемент заводтары эргәһендә тағы ла бер завод — синтетик каучук заводы үсеп сықты* («Пионер») 'В Стерлитамаке рядом с содовым и цементным заводами вырос еще один завод — завод синтетического каучука'.

Если перед приложением употребляются слова *бигерәк тә, йәғни, мәсәләи, шул исәптән*, то приложение отграничивается от определяемого слова запятыми: *Һуңғы йылдарҙа бай запасы Көнъяк Урал һоро күмер бассейне, шул исәптән Башкортостан күмер промышленносе, барлыҡка килде* (СБ) 'В последние годы открыт угольный бассейн Южного Урала с богатыми запасами, в том числе угольная промышленность Башкирии'.

3. Определительным местоимением: *Һуңғы көндәрҙә Тимербай үзе лә бик ныж үзгәрзе* (С. Агиш) 'За последнее время Тимербай и сам очень сильно изменился'.

В подобных случаях приложение от определяемого слова знаками препинания не отделяется.

Характерно, что в зависимости от контекста определяемое слово приложение может выступать в качестве сказуемого предложения: *Севастополь — герой ҡала, данлы хәрби һәм революцион традициялар ҡалаһы, үзеп үлемһез подвигтар менән данлаган ҡала* (СБ) 'Севастополь — город-герой, город славных военных и революционных традиций, прославивший себя своими бессмертными подвигами'.

Приложение имеет следующие семантико-функциональные особенности:

а) обозначает профессию, звание, должность, квалификацию, специальность: *рабочий токарь, инженер Бикметов, генерал Кусимов, космонавт Комаров, тракторист Вилданов, секретарь Умутбаев, председатель Султанов, студент-отличник*;

б) выражает возрастные особенности и родственные отношения: *Ибраһим җарт 'старик Ибрагим', Зөлхизә әбей 'старуха Зулхиза', Ғәлиә эхирәт 'подруга Галия', Зәлифә килеп 'сноха Залифа', Ришат бажа 'своjak Ришат', Рәсимә һылыу 'сестра Расима'*;

в) лексикализуясь, приложение обозначает предназначение предмета: *вагон-ресторан, вагон-баня, вагон-библиотека*;

г) обозначает географическое понятие, служит условным названием предметов: *Мэскәү калаһы* 'город Москва', *Дим йылғаһы* 'река Дема', *Урал тауы* 'гора Урал', «Коммунист» журналы 'журнал «Коммунист», «Таң» колхозы 'колхоз «Заря».

ДОПОЛНЕНИЕ

Различаются прямое и косвенное дополнения. Прямое дополнение характеризуется своей соотнесенностью только с глаголом, причем лишь с переходным, с которым оно имеет сильную связь. По сравнению с ним косвенное дополнение может быть относительно самостоятельным или зависимым компонентом глагольного или реже — именного словосочетания, ведущий компонент которого выражен отглагольным существительным.

По структуре дополнение бывает простым и сложным.

Прямое дополнение

В качестве прямого дополнения преимущественно выступают существительные в основном или винительном падеже. Падежное оформление прямого дополнения зависит от его охарактеризованности по категории определенности/неопределенности: *Студент хат яза* 'Студент пишет письмо (какое-то)' — неопределенное прямое дополнение, но: *Студент хатты яза* 'Студент пишет (данное) письмо' — определенное прямое дополнение.

В форме основного падежа, имеющего значение винительного, прямое дополнение может быть представлено существительным или другими субстантивированными частями речи: *Кәбир иртән иртүк китергә эзәрләнде: аягына кирза и тек, өстөнә кышкы пальто һәм башына ҡолаҡсы һәм буре кәйзе* (Яр. Вәлиев) 'Кабир приготовился уходить с раннего утра: надел на ноги кирзовые сапоги, натянул на себя зимнее пальто, а на голову — шапку-ушанку'.

В форме винительного падежа прямое дополнение может быть выражено существительным или другими субстантивированными частями речи: *В. И. Ленин үзәндә пролетар революционерҙең иң күренекле һыҙаттары: ғайәт зур аҡылды, бөтә нәмәне лә еңеп сыға алыуы иштыяр кәһәһе, колхозка һәм иҙеүгә ҡарата иҫке күрә алмаусылыҡты, революцион дәрттә, эзмә-эзлекле интернационализмде, массаларҙың ижади кәһәһенә икһез-сикһез ышанғылыҡты, бик зур ойоштороусанлык генийен туплағаны* (СВ) 'В. И. Ленин воплотил в себе самые выдающиеся черты пролетарского революционера: могучий ум, все преодолевающую волю, священную ненависть к рабству и угнетению, революционную страсть, последовательный интернационализм, безграничную веру в творческие силы масс, громадный организаторский гений'; *Балалар Салауат һэйкәлен дә, Дуслыҡ монументен дә, Ленин баһсаһын да, Ағидел аша һалып яткан яңы күперҙе лә, яңы ғына төзөлөп бөткән Спорт һарайын да күрөп өлгөрҙөләр* (Р. Фабрахманов) 'Дети успели осмотреть и памятник Салавату Юлаеву, и монумент Дружбы, и сад имени Ленина, и новый мост через Агидель, и только что построенный Дворец спорта'; *Манчары бығаса күҙҙәренә төрмөләр: ҡараларын да, зәңгәрҙәрҙән дә, һороларын да, шаттарын да һәм ҡайғылыларын да, ап-һыңҡарын да, шулай уҡ иркәләп ҡараһалар за, ышаныс уятмағандарын да күп күрҙе* («Пионер») 'Манчары до этого много видел разных глаз: черных, голубых и карих, радостных и печальных, ясных, а также таких, что излучают ласку, но не впускают, однако, доверия'.

Прямое дополнение обязательно ставится в форме винительного падежа, если оно охарактеризовано как совершенно определенный объект следующим образом:

1) если оно выражено собственными именами, которые по своей семантике всегда конкретны: *Шигыры осон Пушкин кэлэж булды, Лермонтовты шуға аттылар; Писаревте һуға батырҙылар, Некрасовты аҙмы кактылар* (Б. Бикбай) 'Пушкин погиб из-за стихов, и за это же Лермонтова расстреляли; Писарева утопили, Некрасова мало обижали?';

2) если дополнение представлено существительным, осложненным аффиксом принадлежности: *Һәр саҡ кеше һағынын йэшәһен: Туган ерен, туган әһәһен, Тилмереп һағынын балаһын, Тилереп һағынын кәләһен!* (С. Ғудәп) 'Пусть всегда человек скучает по родной земле, по родной матери, по детям и по невесте!'; *Дошманыңды һойөндөрмә, дуһыңды көйөндөрмә* (посл.) 'Не дай врагу радоваться, другу огорчаться';

3) если дополнение выражено нарицательным именем, употребленным после указательных местоимений и именных определений в форме *на-дағы!-дәге*: *Һин теге кешене күрмәңнеме?* 'Ты не видел того человека?'; *Колхоздарҙағы һәм совхоздарҙағы, заводтарҙағы һәм фабрикаларҙағы, уҡыу йорттарындағы һәм ғилми-тикшеренеу институттарындағы коммунистарҙе берләштергән тәүге партия ойошмалары — партиябыҙың һигеҙе ул* (СБ) 'Первичные партийные организации, объединяющие коммунистов колхозов и совхозов, заводов и фабрик, учебных заведений и научно-исследовательских институтов — основа нашей партии'.

Косвенное дополнение

Простое косвенное дополнение может быть выражено следующим:

1. Именем существительным, местоимением, именем действия и субстантивированным прилагательным в дательном падеже: *Тауҙары — алтын-көмөшкә, һуҙары — балыҡҡа, кырҙары — игенгә, урмандары һылыу ағастарға бай ул ерҙең* (Р. Ниғмәти) 'Горы тех мест богаты золотом и серебром, воды — рыбой, просторы — хлебом, леса — прекрасными деревьями'; *Кемгә кем окшамай за, кемгә кемдең күҙе төшмәй* (Д. Исламов) 'Кто кому только не понравится, и чей глаз на кого только не падет; *Йыр күңелгә — кыуаныс, күңелһеҙгә — йыуаныс* (посл.) 'Песня для веселого — радость, для печального — утешение'.

2. Именем существительным, субстантивированным прилагательным, именем действия в исходном падеже: *Ул һоғланһын йыйһы япраҡ: ҡараманан, сағандан, юкәнән, имәнән, йыланан, миләш менән баландан* (Ф. Дәүләтов) 'Он восхищенно собирал листья: с вяза, клена, липы, дуба, рябины и калины'; *Көсләнән курҡма, үсләнән курҡ* (погов.) 'Не бойся сильного, бойся мстительного'; *Мәликә кеүек үк, Катюша ла үҙен алмаштырыуһыға һәр бер һыйырын күрһәтеүән, уның холҡон, ғәҙәтен, аһпетитен, күлме һөт биреүен һөйләүән баһлань* (Д. Исламов) 'Катюша, как и Малика, пачала с того, что показывала своей сменнице каждую корову, подробно рассказывала о ее привычках, аппетите, сколько дает молока'.

3. Именем существительным, именем действия в местном падеже: *Айбулат был хәбәрҙе алғанһа ла һәр совет самолетын хәрәкәткә килтергән бензиндә, һәр совет танкһындағы кәрәсиндә үз атаһының хезмәте барлығын тоя ине* (Ф. Ибраһимов) 'Еще до того, как Айбулат получил это известие, он чувствовал, что в бензине, приводящем в действие каждый советский самолет, в керосине, движущем вперед советский танк, есть труд его отца'. *Ижтимағи тукланһу хезмәтсәндәрҙең материал конкурешен яширтыуһа, совет кешеләренең тормошон социалистик баһланғыстарға үзгәртеп ҡоруһа, бизерәк тәҡатын-кыҙарҙы аз етеһтереүсәнле йорт эшенән бушатыуһа, зур роль уйнай* (СБ) 'Общественное питание играет большую роль в улучшении материального благосостояния трудящихся, в социалистической перестройке жизни советских людей, в особенности в освобождении женщин от домашних дел'.

4. Инфинитивом: *Өйрәттеләр мине китаптарым Кеше һәм тормош то таньһа, Быһкымаһка, дөрләп яһыһа, Йырымды һәм һине таһыһа* (Х. Ғиләжев)

‘Учат меня мои книги, Людей и жизнь понимать, Не тлеть, а бурно пла-
менеть, Песню свою и тебя найти’.

Составное косвенное дополнение, выраженное именем в основном падеже в сочетании с послелогом, имеет следующие разновидности.

1. Дополнение — имя существительное в основном падеже, местоимение в родительном падеже с послелогом *менэн* ‘с’. Примеры: *Улың менэн мак-
танма, улыңдыц эше менэн мактан* (посл.) ‘Не хвались сыном, хвались де-
лами сына’; *Һезең менэн кыраузы ғына түгел, һалкын кышты ла еңеп буласаң*
(Р. Фабдрахманов) ‘С вами можно победить не только легкий мороз, но и хо-
лодную зиму’.

2. Дополнение — имя существительное в основном падеже с послелогоми
тураһында, хаҡында ‘о’: *Был донъяла кеше ос нәмә хаҡында тырышлыҡ
күрһәтергә тейеш: үзенең йәшәү шарттары хаҡында, кешеләр менән мөнә-
сәбәте хаҡында һәм үзенән һуң яҡшы ыстәлек калдырыу хаҡында* (Ә. Харисов)
‘В этой жизни человек должен заботиться о трех вещах: об условиях своей
жизни, об отношениях с людьми, о том, чтобы оставить о себе добрую па-
мять’. *Улар бәтәһе тураһында: һауа торошо, Россиялағы хәлдәр, апаны
Анна, уның ире Марк, кустыһы Дмитрий, Париждә тороп калған Надюша
хаҡында ла һойләштеләр* (БГ) ‘Они говорили обо всем: о погоде, положении
в России, о сестре Анне, ее муже Марке, младшем брате Дмитрие, и даже
о Надюше, оставшейся в Париже’; *Ер, урман, йылға, күлдәр һәм саф һауа,
үсемлектәр һәм хайуандар донъяһы тураһында кайғыртыу — быллар бәтәһе
лә безең изге коммунистик эш* («Пионер») ‘Забота о земле, лесах, реках, озерах,
чистом воздухе, растениях и животном мире — все это — наше священное,
коммунистическое дело’.

3. Дополнение — имя существительное в основном падеже, местоимение
в родительном падеже с послелогом *тарафынан/тарафтан*: *Һәр совет кеше-
һеһе съезд тарафынан асылған яңы бейеклектәрҙе, алдыбыҙағы яңы киңлек-
тәрҙе бәтә йөрәге менән тоя* (М. Кәрим) ‘Каждый советский человек всем
сердцем чувствует новые высоты, новые просторы, которые открывает ему
съезд’; *Һезең тарафтан да, минең тарафтан да бер хаталыҡ эшләнгән
икән — тыныс кына бәтәрәйек* (З. Бишшева) ‘Если и с вашей и с моей сто-
роны допущена ошибка, то давайте спокойно будем исправлять ее’.

4. Дополнение — имя существительное в основном падеже с послелогоми
артынан ‘сверх’, *буйынса* ‘по’, *урнына* ‘вместо’. Примеры: *Икмәк корһаң
артынан йөрәмәй* (посл.) ‘Хлеб за брюхом не ходит’; *Бикмәттең тәкдими
буйынса клуб эргәнә йәшен тарткыс куйылды* (С. Агиш) ‘По предложению
Бикмета у клуба был установлен громоотвод’; *Мин һине, кустым, Аһна-
зар урынына үземә ярҙам итеп алам* (Б. Бикбай) ‘Я тебя, брат, принимаю
своим помощником вместо Акназара’.

5. Дополнение — название лица в основном падеже со служебным гла-
голом *булып* или *итеп* в сочетании с именем, выражающим должность, назна-
чение лица: *Ауыл хужалығы мәктәбенә мәдир булып яңы кеше килде* (А. Та-
һиров) ‘Заведующим в сельскохозяйственную школу пришел новый чело-
век’; *Коммунизм өсөн көрәштә партия безе үзенең һалдаттары итеп сы-
ныктырҙы* (М. Кәрим) ‘В борьбе за коммунизм партия закаляла нас как
своих солдат’.

6. Дополнение — имя существительное в дательном падеже с послелогом
күрә ‘по’: *Кунағына күрә кәзере, үлегенә күрә кәбере* (посл.) ‘Как по гостю
почет, так по покойнику могила’.

7. Дополнение — имя существительное в исходном падеже с послелогом
башка ‘кроме’: *Мин композитор, музыканан башка бер нәмәгә ышанмайым*
(Б. Бикбай) ‘Я — композитор, кроме музыки ничему не верю’.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

В современном башкирском языке выделяются обстоятельства времени,
места, причины, цели, образа действия, сравнения и уступительные. Они
разнообразны по составу их структурных элементов, по их лексико-грам-

матической выраженности. По строению в каждом типе обстоятельства различаются простые и составные, также сложные обстоятельства.

Обстоятельство времени

Обстоятельства времени обозначают время совершения действия, выраженного глаголом. Они могут употребляться препозитивно, постпозитивно (в поэзии) и в середине синтаксической конструкции.

Простое обстоятельство времени преимущественно выражается:

1) наречием времени: *Йәйен дә, кышын да, язын да, көзөн дә тәбиғәттең сизри гүзәллегенә күмәлгән баксала үзәбеззе урмандағылай хис иттек* (БК) 'И летом, и зимой, и весной, и осенью в саду, погруженном в дивную красоту природы, мы чувствовали себя как в лесу'; *Кисә, бөгөн туккан костәребез һеззәң өсөн, йәштәр, аңлағыз!* (Б. Вәлит) 'Силы, которые мы тратили вчера. тратим сегодня, для вас, молодежь, поймите!';

2) именем в дательном падеже со значением наречия: *тәшкә әйләнен кайт* 'возвращайся к обеду';

3) именем в исходном падеже: *Санаңды йәйзән, арбаңды кыштан әзерлә* (посл.) 'Готовь сани летом, а телегу — зимой';

4) существительным, числительным, причастием в местном падеже: *Мең туғыз йөз кырк биштә Туғызынсы май көнө, Гитлер жорал һалды — һуғыштың бәткән көнө* (фольк.) 'В тысяча девятьсот сорок пятом, девятого мая, гитлеровцы сложили оружие — настал день окончания войны'; *Без килгәндә һуу аша сыжманың бит!* (Д. Юлтый) 'Когда сюда мы пришли, мы ведь через реку не переправлялись!';

5) деепричастием: *Ашты һеззәс макта, юлдашты белгәс макта* (посл.) 'Пищу хвали после усвоения, а спутника — после знакомства'.

Составное обстоятельство времени, выраженное основным падежом имени с послелогом, бывает двух видов:

1) с послелогоми *менән, һайын*: *Кенәздәр бөгөн таң менән бергә жалкылар һәм кояш менән бергә юлга сыжтылар* (И. Насыри) 'Князья сегодня поднялись вместе с рассветом и с заходом солнца вышли в дорогу'; *Яңы йыл һайын, байрам һайын, тыуған көндәре һайын бер-береһен котлап телеграмма һуғалар* (С. Агиш) 'В каждый новый год, каждый праздник и день рождения, поздравляя друг друга, шлют телеграммы';

2) с послелогоми *алдынан, элек*: *Учалы рудниге партияның егерме беренсе съезы алдынан ғына эшкәртелә башланы, үзенең тәүге тонна рудаларын бирзе* (М. Хәйзәров) 'Учалинский рудник стал разрабатываться перед самым XXI съездом партии, дал первые тонны своей руды'; *Вәлкәм, Пушкин бик күп йылдар элек Ошо тауға басып торғандыр* (Р. Ниғмәти) 'Может быть, много лет тому назад Пушкин стоял на этой горе'.

Составное обстоятельство времени, выраженное косвенными падежами со служебным словом, представлено следующими разновидностями:

1) названием времени в дательном падеже с послелогоми *жаршы, тиклем, саклы, табан*: *Ял көнөнә жаршы Юньсовиц тағы һуу буйына йыйына башланы* (Б. Бикбай) 'Перед выходным днем Юнусович опять стал собираться на берег реки'; *Киске сәғәт һигеззән иртәнге һигезгә тиклем урамда йөрөү тыйыла* (Ф. Исәнголов) 'С восьми часов вечера до восьми часов утра движение по улицам запрещается';

2) названием времени в исходном падеже с послелогоми *бирле, һуң, алып, башлан*: *Сабиров иртәнән бирле бер мәсьәләне сисә алмай бутала* (С. Агиш) 'Сабиров с утра никак не может решить одну задачу'; *1922 йылдың 18 июленән башлап яңы Баш ЦИК бәтә «Оло Башкортостан» менән идара итә башланы* (ӘБ) 'С 18 июля 1922 года новый Баш ЦИК начал управлять всей большой Башкирией';

3) развернутым словосочетанием, представляющим чаще всего синтаксический фразеологизм типа: *Бөйөк Ватан һуғышының беренсе көндәренән алып дошманды тар-мар иткәнгә саклы Хәбиб Ғәниев фронтта булды*

(С. Кудаш) 'С первых дней Великой Отечественной войны до разгрома врага Хабиб Ганиев был на фронте'.

Если обстоятельство времени употребляется препозитивно или перед глаголом-сказуемым, то оно, как правило, актуализируется.

Обстоятельство места

Обстоятельство места обозначает место действия, обозначенного глаголом.

Простое обстоятельство места выражается следующими словоформами:

1) существительным в дательном падеже: *Райком секретаре ашка ла, сэйгэ ла, туйга ла барырга тейеш* (Ө. Вәли) 'Секретарь райкома должен ходить в гости на обед и чай, и на свадьбу';

2) существительным в исходном падеже: *Мәскәүҙән һәм Киевтан, Волганан һәм Уралдан, Алыс Себерҙән һәм Прут ярҙарынан, Көнъяктан һәм Төнъяктан килгән делегаттар съезға рапорт биргеләр* (М. Кәрим) 'Делегаты, приехавшие из Москвы и Киева, с Волги и Урала, из Далекой Сибири и с берегов Прута, с Юга и Севера, рапортовали съезду';

3) существительным, особенно наименованием места и т. п., в местном падеже: *Үзбөз Өфөлә, әулыбыз Мәскәүҙә тора* 'Сами мы живем в Уфе, а сын — в Москве'; *Оло йөрәк тузалыр иртәрәк Туйза түгел, яуза, ярышта, Ғәзәллек һәм хаклыҡ осөн барған Мәңгелек, зур, ауыр алышта* (З. Бишпева) 'Большое сердце, наверно, ветшает раньше не в пирах, а в борьбе, в вечной схватке за справедливость'.

Составное обстоятельство места выражается изафетной конструкцией с замыкающим компонентом в дательном, местном и исходном падежах: *Халык өйгә ишәп, урындыкка, изәнгә, мейес эргәләренә тезелде, солан тулды, кешеләр ишек алдына әркелде* (Н. Дәүләтшина) 'Люди ворвались в дом, разместились на нарах, на полу, в о з л е п е ч к и, чулан был забит до отказа, люди устремились к порогу дома'; *Башкорт гвардия кавалерия дивизияһы Беренсе Белоруссия фронты составында О д е р й ы л ғ а һ ы б у й ы н д а Берлингә һөжүм итергә әзәрләнгә* (К. Даян) 'Башкирская гвардейская кавалерийская дивизия в составе Первого Белорусского фронта на О д е р е готовится к наступлению на Берлин'; *Урман полосалары — безек қолаялан я к т а игененек үң жулы ул* (Н. Мусин) 'В наших степях лесные полосы — правая рука хлебороба'; *Ал нурзарын түгер гектарзарға Тау аръяғынан таң тыузы* (Р. Ниғмәти) 'Алые лучи залили гектары, и з - з а г о р поднялась заря'.

Сложное обстоятельство места с послелогом имеет организующий компонент, выраженный имепем существительным в направительном падеже с послелогом *тиклем*: *16-сы башкорт кавалерия дивизияһы Волганан алып Эльбага тиклем героик юл үтте* (ӨБ) 'Шестнадцатая башкирская кавалерийская дивизия прошла героический путь от Волги до Эльбы'.

Обстоятельство причины

Обстоятельство причины обозначает причину совершения действия, выраженного глаголом.

Простое обстоятельство причины выражается следующими словоформами:

1) существительным или причастием в дательном падеже: *Шулай төндәрҙең береһендә урамда кысқырышқан тауышка уянып киттем* (С. Агиш) 'Так вот в одну из ночей я проснулся от крика, раздавшегося на улице'; *Ат арымай тау менгәнгә, арымай юртып килгәнгә, арып карай белмәгәнгә* (посл.) 'Лошадь не устает от подъема на гору, не устает, когда бежит рысью, а устает от неумелого ухода';

2) существительным, именем действия, субстантивированным причастием в исходном падеже: *Моңаныуҙан, зарланыуҙан бығау асыламы ни?* (З. Бишпева) 'Разве отомкнуться оковы от стонów и причитаний?'; *Кайһы ваҡыт шығыр ижад иткән булам, Эскә тулған хәсрәткә түзмәгәндән; Бара торғас алға китер тип, һаман да өмөтөмдө өзмәгәндән* (М. Ғафури) 'Иногда сочи-

нию стихи, не в силах сдержать переполняющие меня чувства, не теряя надежды на то, что жизнь пойдет вперед’;

3) деспричастием на -п: *Миң бөгөн төндә ғәрип кунәгымды уйлап, рәтлә йәклай алманым* (М. Фафури) ‘Всю ночь я думал о своем вечном госте, и не выпался’;

4) деспричастием на -ғас/-ғәс: *Ужығас та, эшләгәс тә Ғөлбәзәргә клубта һирәк булырға тура килә* (Д. Исламов) ‘Из-за того, что приходилось и работать и учиться, Гульбазар редко бывала в клубе’.

Составное обстоятельство причины может быть выражено:

1) причастием прошедшего времени с послелогом *өсөн* ‘из-за’: *Малай сакта Холодковский тигән баярҙың атып өркөткән өсөн безҙе лә ябып куй-ғайнылар* (С. Агиш) ‘Из-за того, что будучи мальчишками мы напугали коней боярина Холодковского, нас тоже посадили под замок’; *Кыйыу улдар тыу-зырғаны өсөн Күккә осоролған ауылдар* (Р. Нигмәти) ‘В небо прахом взмечены аулы за то, что породили отважных сынов’;

2) именем действия с послелогом *сәбәпле* ‘по причине’: *Ғаиллә баш бала булыу сәбәпле, Әсмәгә бик кескәйҙән эшләп үсергә, ата-әсәһенә ярҙамла-шырға тура килә* (З. Бишева) ‘По причине того, что Асма была старшей среди детей, ей с малых лет приходилось много работать, помогать своим родителям’;

3) существительным, именем действия с послелогоми *айжанлы, арка-һында, һөҙөмтәһендә*: *Яңы биш йылыҡта төҙөлөш эштәренән байтаҡ артыуы айжанлы, тәҙүәселәргә булған талап тағы ла күтәрелә* (СБ) ‘В связи со значительным ростом строительства в новой пятилетке требования, предъявляемые к строителям, значительно повысились’; *Кызыу эш арка-һында Тимербай үз аһында кем тороуына ла иғтибар бирмәгән* (С. Агиш) ‘Из-за напряженной работы Тимербай не придавал значения тому, кто стоял возле него’; *Артыҡ күп эскән ваҡытта паралич һөҙөмтәһендә кеше үлә* (СБ) ‘При частых выпивках человек умирает в результате паралича’;

4) причастием прошедшего времени с послелогом *һайын*: *Илдарға арыу-ыраҡ йөзгән һайын дәрт инә барзы, йөзөндә шатлыҡ балҡыны* (Ф. Рәхимғолова) ‘Чем лучше плывал Ильдар, тем большая уверенность вселялась в его душу, на лице светилась радость’;

5) причастием прошедшего времени в наиравительном падеже с послелогом *күрә*: *Ярлылыкка тамам өйрәнгәнә күрә, быллар иртәнге көндөң һисек буласағы һәм һисек үтәсәге тураһында кайғыртмайҙар ине* (М. Фафури) ‘Из-за того, что они полностью привыкли к бедноте и нищете, эти люди несколько не думали и не заботились о том, как пройдет завтрашний день и каким он будет’.

Обстоятельство причины является очень подвижным второстепенным членом предложения: оно может употребляться препозитивно перед подлежащим и перед сказуемым. Его местоположение всецело зависит от характера контекста и коммуникативного назначения синтаксической конструкции.

Обстоятельство цели

Обстоятельство цели обозначает цель совершения действия, выраженного глаголом.

Простое обстоятельство цели в башкирском языке не получило развития. Оно выражается лишь различными формами инфинитива: *Сәскәле болон-дарҙа югерешеп уйнарға, шаярырға, яңы сапқан йәшел бесән өстөндә йөк-ларға, кистәрен, эштән кайткандың һуңында, Ымык буйҙарын яңғыратып йырларға килбеләр* (И. Насыри) ‘Приехали, чтобы резвиться, бегая по цветочным полям, баловаться, спать на свежескошенной траве, а по вечерам, вернувшись с работы, петь во весь голос, оглашая берега Ымыка’; *Йәйге ал таң балҡып атҡанда, Тын туғайҙан томан калҡҡанда, Киттем ил сик-тәрен һаҡларға, Ерҙә тыныслыҡты яҡларға* (К. Даян) ‘Когда занималась летняя заря, Когда с долин поднимался туман, Ушел я охранять границы страны, Оберегать мир на земле’; *Кол булмаҫка уға, бил бөкмәҫкә безҙең*

халыктар корал алды ла (С. Кулибай) 'Наши люди взялись за оружие, чтобы не стать его рабами, не стать на колени'.

Составное обстоятельство цели, получившее довольно широкое распространение в художественных произведениях, выражается преимущественно следующими конструкциями:

1) инфинитивом с послелогом *тип*: *Закирхановтар ғаиләһе, жунактарҙы озатырға тип, ишек алдына сықты* (С. Агиш) 'Семья Закирханова вышла во двор проводить гостей'; *Янғын-фалән сыға калғанда, һүндерергә тип йәшник менән ком, бизрә, балта, лом куйғандар* (Ш. Янбаев) 'На случай возникновения пожара для тушения поставлены ящик с песком, ведро, топор, лом';

2) глаголами изъявительного или желательного (в 1-м лице) наклонений с послелогом *тип*: *Әште яжишылж, татыулыж менән бетөрәйек тип килдек* (Б. Дәүләтшина) 'Мы пришли, чтобы уладить дело миром и согласием'; *Каккан һалдым кара ташка Кук бурене алам тип, Яусылаттым козасаны Бисәлеккә алам тип* (фольк.) 'Поставил каккан на черный камень, чтобы поймать серого волка, сватал я сваху, чтобы взять ее в жены';

3) именем действия или причастием будущего времени с послелогом *өсөн*: *Кеше донъяны йәмһезләү өсөн түгел, матурлау өсөн йәшәй* (З. Блишева) 'Человек живет для того, чтобы украшать, а не осквернять землю'; *Гөлбану еңгә жунакка сәй әзерләү өсөн самауырың жаға башланы* (И. Насыри) 'Матушка Гульбану стала вытряхивать самовар, чтобы приготовить чай гостям';

4) именем действия или причастием на *-(ы)р/-(е)р* с послелогом *өсөн* *тип*: *Батыев үзе алдан танышыу өсөн тип килеп еткән* (Д. Исламов) 'Батыев сам пришел первым, чтобы познакомиться'; *Жнейкаға еккәндә бурылдан котолор өсөн тип Әпнасир малайы һаламы сығып торған мөйәтле камыт кейзергән* (С. Агиш) 'Когда подъехали к жнейке, сынок Агнасира, для того чтобы избавиться от чалой лошади, надел на нее хомут с соломой';

5) именем действия в сочетании со сложными послелогам *ниһте менән, теләге менән, мақсаты менән*: *Ярһыған арыслан кеүек атылып барып, сейфкә һалған кун папкалағы җағызарҙы алыу ниһте менән Нигматулла җулдарын йәйзе* (Я. Хамматов) 'Метнувшись, как разъяренный лев, Нигматулла протянул руки, чтобы взять из сейфа синюю папку'; *Нина менән Тимер, кәңәшмәнән сыжжас, саф һауала булыу теләге менән оло урамың өсонә тиклем атлап киттеләр* (Б. Бикбай) 'После собрания, желая подышать свежим воздухом, Тимер и Нина шли до самого конца большой улицы'; *Фимай өйгә инеү менән, сузһаның килене бер аз җаушап калды, диҗктән икенсегә бороу мақсаты менән өстәл өстөндә яткан пакеткә күрһәтте* (И. Насыри) 'Когда Фимай вошел в дом, невестка хозяйна дома замерла в растерянности, и чтобы отвлечь его внимание, показала на пакет, лежавший на столе'; послеложное сочетание *мақсаты менән* преимущественно употребляется в периодической печати и составляет особенность публицистического стиля;

6) сочетанием инфинитива и деепричастия: *Рәшит, Әминәне тынысландырырға теләп, һизер әйтте* (Ә. Мирзахитов) 'Желая успокоить Амину, Рашид что-то сказал ей';

7) именем действия с послелогом *мақсатында* (синоним *өсөн*). В современном башкирском литературном языке данный структурный тип обстоятельства цели чаще всего встречается в общественно-политической и публицистической литературе: *Халықты хезмәтләндереүзе яжиштыу мақсатында калаларҙа ла, ауыл ерҙәрәндә ла автобустар паркы байтаж туһландырыласаҗ* (СБ) 'В целях улучшения обслуживания населения автобусный парк будет существенно пополнен как в городах, так и в сельской местности'.

В некоторых случаях обстоятельство цели выражается сочетанием нескольких слов, которое напоминает идиоматическую единицу или фразеологизм: *Арыслан, без донъяға көнө-төнө эшләү өсөн генә түгел, ә шул хезмәтебезең рәхәтән күрер өсөн дә киләбез* (И. Абдуллин) 'Мы, Арслан, рождены не только для того, чтобы работать дни и ночи, но и для того, чтобы блаженствовать, пользуясь плодами своего труда'.

В зависимости от характера контекста и коммуникативного задания обстоятельство цели может выступать и в качестве основного, организующего компонента деепричастных оборотов.

Обстоятельство образа действия

Обстоятельство образа действия обозначает прием, способ, метод совершения действия, выраженного глаголом.

Простое обстоятельство образа действия выражается следующими словоформами:

1) наречием и прилагательным, употребленным в значении наречия: *Ул рус кыззаны менэн бергэ кайнай, улар менэн бергэ укый* (Б. Ишемғолов) 'Она ходит вместе с русскими девушками, вместе учится'; *Мөхәббәттең теле матур, татлы, ялғанһыҙ булырға тейеш* (М. Кәрим) 'Язык любви должен быть красивым, сладким, честным'; *Зурырак йорттарҙың фасадтары вьетнамса һәм русса яҙылған лозунғылар менән бизәлгән* (М. Кәрим) 'Фасады больших домов украшены лозунгами, написанными на вьетнамском и русском языках';

2) деепричастием: *Калаклар йыйғанды табаклар түкмә* (посл.) 'То, что собрано ложкой, не выливай чашкой'; *Тарихи еңеу көнөн кыуаныс менән урам шаулатып, гармун уйнап, илашып, йырлашып, бейешеп, үбешеп каршы алдылар* (СБ) 'Исторический День Победы встретили радостными криками, играми на гармонии, пели песни, танцевали, целовались и заливались слезами'; *Үзбездә тор, теләгәнсә аша, теләгәнсә йөрө* (С. Агиш) 'Живи у нас, ешь сколько хочешь, гуляй сколько влезет';

3) существительным в исходном падеже: *Уның һуңғы һүзе эстән, йөрәктән әйтелде* (Д. Юлтый) 'Его последние слова были сказаны от чистого сердца'; *Сафта барған балалар Көр тауыштан, Бер тауыштан Йырҙы элп алалар* (Ш. Биккол) 'Дети, что идут в строю, звонким голосом, на лету подхватывают песню';

4) редуцированной формой деепричастия на *-а/-ә*, *-й* и на *-п*: *Шәриф үз өйөндәге кеүек ашыкмай ғына һөйләшә-һөйләшә ултырҙы* (Ғ. Ибраһимов) 'Шариф сидел, как в своем доме, неторопливо разговаривая'; *Иптәштәрәм дә, эстәрән тотоп, бөгөлөп-бөгөлөп көлөләр* (С. Агиш) 'Мои друзья хохочут, схватившись за животы и раскачиваясь всем телом';

5) звукоподражанием или сложным глаголом, образованным от него: *Хәйруллин менән улар шыбыр-шыбыр һөйләшәләр* (С. Агиш) 'Они говорят с Хайруллиным, перешептываясь'; *Ағыла унда зың-зың килеп, Дөң-дөң килеп тимер таштын* (М. Кәрим) '«Зың-зың», «дон-дон» течет там железный поток';

6) причастием в форме местного падежа: *Карағайлыға быйыл кыш бөтөнләй көтмәгәндә килде* (Н. Мусин) 'Зима в этом году наступила в Карагайлы совершенно неожиданно'.

Составное обстоятельство образа действия может быть выражено:

1) существительным или именем действия с послелогом *менән*: *Ул ниндәйҙер бер батыр тауыш менән. . . йырлай* (Б. Ишемғолов) 'Он поет каким-то мужественным голосом . . .' *Улар Саяфка куркыу катыш кызғаныу менән карай башланьлар* (С. Агиш) 'Они начали смотреть на Саяфа со страхом, смешанным с жалостью';

2) существительным или причастием с послелогом *көйөнсә*, *килеш*, *киҙфәттә*, *рәүештә*, *рухында*, *хәлдә*. Характерно, что послелогом *көйөнсә*, *рухында* преимущественно употребляются после существительного, а *килеш*, *киҙфәттә*, *рәүештә*, *хәлдә* — после причастия: *Сәлим өйгә изелгән, борсолған киҙфәттә кайтып инде* (С. Агиш) 'Салим вернулся домой с измученным видом, с огорченным выражением лица'; *Эштәр беренсә көндәрҙән үк былтырғыға карағанда күп ойошкан рәүештә, берҙәм башланды* (Б. Бикбай) 'С самого первого дня дела начались намного организованнее, более слаженно, чем в прошлом году'; *Партия үзенең съезына тығыз тупланған дәрт-дарман һәм ижади көстәр менән тулы, халыҡ менән ныҡ бәйләнгән*

хэлдэ килэ (СБ) 'Партия идет к своему съезду в монолитном единстве, исполненная мощи и творческих возможностей, в тесном слиянии с народом';

3) существительным, прилагательным, числительным, наречием в сочетании с деепричастием *булып*: *Ленин жояш булып ер балкытты, Дауыл булып донъя сайжаны; Халыктарзы Октәбергә күтәрел, Батшалыкты емерел ташланы* (Б. Бикбай) 'Ленин солнцем землю озарил, бурей всю планету обновил, привел народы к Октябрю и разрушил трон царей'; *Совет халкы донъяла беренсе булып социализм төзөнө, ул беренсе булып тағы ла алға — коммунизмгә атлай* (Х. Филәжев) 'Советский народ первым в мире построил социализм, теперь он первым идет вперед — к коммунизму';

4) именным сочетанием с послелогоми *кеүек, тиклем*: *Аяғыча, кулына таш бәйләп һыуга һалған кеүек юғалды ла куйзы* (И. Насыри) 'Он исчез с глаз долой, словно его бросили в воду, привязав камень к рукам и ногам'; *Энәненән ебенә тиклем сыланған балыксылар бер-бер арталы ярга якынлаша* (М. Кәрим) 'Промокшие до ниточки рыбаки один за другим приблизились к берегу';

5) устойчивым фразеологическим сочетанием: *Монтаж, бизәкләү эштәрен һисек етте шулай, минән киткәнсе, эйәненә еткәнсе тил кенә үтәү күренештәре бар* (СБ) 'Еще случается так, что монтажные работы и оформление ведутся как попало'.

Обстоятельство сравнения

Обстоятельство сравнения обозначает сопоставление, сравнение действия, выраженного глаголом.

Простое обстоятельство сравнения выражается следующими словоформами:

1) существительным в сравнительной форме на *-дай/-дәй, -зай/-зәй, -лай/-ләй, -тай/-тәй*: *Батыр булдың Салауаттай, Муса кеүек түземле, утка ингән Матросовтай аяманың үзәңде* (Н. Изелбай) 'Отважен был подобно Салавату, Мусе подобно терпелив был, не пал себя, подобно Матросову, который бросился на пулеметный огонь';

2) деепричастием на *-ғансы/-гәнсе*: *Куял булып каскаңсы, ыласын булып үлеү артыгырак* (посл.) 'Чем бежать зайцем, лучше умереть соколом'; *Мең йыл тынып-тонсогон йәшәгәнсе, бер көн янып-ярһып, урғып-кайнап йәшәү артык!* (З. Бишева) 'Чем тысячу лет жить в затхлом болоте, лучше один день прожить кипучей, огнем полыхающей жизнью'.

Составное обстоятельство сравнения выражается следующими конструкциями:

1) существительным в основном падеже с послелогоми *кеүек, һымак, шикелле, төслө*: *Зәфәр ситлектән ыскынған қош кеүек канатланып китте* (Н. Асанбаев) 'Зуфар весь встрепнулся, как птица, вырвавшаяся из клетки'; *Тимер юлдан үткән сакта «Суллан» амбарзary кыр каззary һымак тезелел ултыралар* (И. Насыри) 'У переезда через железную дорогу амбары «Сулпана» выстроились, как дикие гуси'; *Әсәймдең сәстәре һаман шул жарға канаттары шикелле кап-кара көйө калды* (З. Бишева) 'Волосы моей матери так и остались черными, как воронье крыло'; *Батырлыкка күтәрелгән һәйкәл төслө, күкиеллектә форурланып тора Урал; матурлыкта тиңдәше юк бәксә төслө күкрәп ята тыуган илебез Башкортостан* (С. Кудаш) 'Как памятник, воздвигнутый за подвиг, возвышается в голубизне Урал; нет равного ему по красе; как сад, благоухает моя Башкирия';

2) изафетным сочетанием двух существительных с послелогом *сағыштырғанда*: *Хәзерге ракетә установкаһы менән сағыштырғанда данлыклы «катуша» уйынсыҡ һымак жына булып калды* (СБ) 'По сравнению с современной ракетой, прославленная «катуша» стала как игрушка';

3) существительным или именем действия в направительном падеже с послелогом *карағанда*: *Кайһы берзә китаптың тыуыу тарихе унын йөкмәткәненә карағанда ла кызыклырак була* (Ө. Бикчәнтәев) 'Иногда история создания книги бывает интереснее, чем ее содержание'; *Ас башакка*

карап моңайыуға карағанда тук башакка карап йырлау мең мәртәбә артығырак бит! («Ағизел») 'Чем печалиться, глядя на пустой колос, сто крат прекраснее петь, глядя на полные колосья!'

Обстоятельство меры и степени

Данное обстоятельство обозначает объем, размер, меру и степень совершения действия, выраженного глаголом.

Обстоятельство меры и степени преимущественно выражается следующими словоформами:

1) числительным: *Ике уйла, бер һөйлә* (посл.) 'Два раза подумай, один раз скажи'; *Батыр бер үлә, куркак кырк үлә* (посл.) 'Храбрый один раз умирает, трус — сорок раз';

2) числительным и нумеративами *рәт, кат*: *Гәрәй югереп барып, тәзрә аша Тимер Янһаровка ике рәт атты* (Б. Бикбай) 'Подбежав к окну, Гәрәй дважды выстрелил в Тимера Янсарова'; *Сәләмән намыс һатмағанға, Ярлы халык шатланды; Намыслы ир икәнлеге Тағы бер кат акланды* (К. Даян) 'Тому, что Сальман не продался, радовался бедный люд; он еще раз подтвердил, что он настоящий джигит';

3) числительным на *-лата/-ләтә*: *Кәләк булғандар урынына икеләтә артырылған көс менән яңылары ташланды* (Ф. Исәнғолов) 'На смену павшим с удвоенной энергией бросились новые люди';

4) числительным с нумеративами *тапкыр, тапкырға, кабат, мәртәбә*: *Айбикә калаға беренсе тапкыр сакырылған колхозсы катын-кызлар кәңәшмәһенә делегатка булып килде* (Г. Дәүләтшина) 'Айбика приехала в город делегаткой на совещание колхозниц, созванное впервые'; *Дурт тиштә йыл эсендә Башкортостан бер нисә йылға алға китте, бер нисә йөз тапкырға байыкты* (М. Кәрим) 'За четыре десятка лет Башкирия ушла вперед на несколько веков, стала богаче в несколько сотен раз'; *Алты кабат ат туйһын, ете кабат ир туйһын* (посл.) 'Пусть шестикратно будет сыт конь, пусть семикратно будет сыт джигит'; *Өс көн эсендә дошман ун ике мәртәбә контратакаға ташланды* (Ш. Биккол) 'В течение трех дней враг двенадцать раз принимал контратаку';

иногда обстоятельства меры и степени типа *ике тапкыр* 'дважды', *өс тапкыр* 'трижды' употребляются перед именем существительным и выступают в качестве определения: *Ике тапкыр Советтәр Союзы Геройы* 'Дважды Герой Советского Союза', *Өс тапкыр Социалистик Хезмәт Геройы* 'Трижды Герой Социалистического Труда';

5) наречием: *Кунак аз ултырып, куп һынар* (посл.) 'Гость просидит мало, но поймет много'; *Фронттарға коммун Камай менән Бергә көрәшеп йөрөнөм бер килке* (Ф. Амантай) 'На фронте какое-то время я воевал вместе с коммунистом Камаем'; *Ғамирзең былай тыныс жына каршы алыуы Фәхризе бер талай һыуындыра тоштө* (Б. Бикбай) 'То, что Гамир встретил его довольно спокойно, несколько охладило пыл Фахрия';

6) сочетанием числительного, полнозначного существительного и служебного имени *буйы, буйына*: *Урман, тау араларында ун көн буйы йөрөнө Мусакай* (Б. Бикбай) 'Десять дней подряд бродил Мусакай среди гор и лесов'; *Мин өс йыл буйына йыйылған бөтә серзәрәмде һөйләрмен һиңә, Акназарым!* (Б. Хәсән) 'Я расскажу тебе свои тайны, что накопились за три года, Акназар мой!';

7) формой деепричастия на *-ғансы!-гәнсе*: *Эшләһәң тирләгәнсе, ашарһың туйғансы* (посл.) 'Будешь трудиться до пота, будешь есть досыта'; *Бер уңайлы моменттә Андреев теге, унтер-офицерзе тотжан да биттәрен канға туззыргансы тукмаған* (Д. Юлтый) 'Выбрав удобный момент, Андреев поймал того самого унтер-офицера и избил его до крови';

8) относительными словами *ни тиклем — шул тиклем, ни саклы — шул саклы*, которые употребляются в сложноподчиненных синтаксических конструкциях: *Станция кассаһы, ни тиклем билет һораусы буһа, шул тиклем һатты* (А. Таһиров) 'В станционной кассе продавалось столько билетов, сколько просили'; *Малайзар ни саклы буһа, сыйырсыж оялары*

ал шул саклы булыр (Н. Асанбаев) 'Сколько мальчишек, столько и скворешей';

9) пидиоматической единицей или фразеологическим сочетанием слов: *Әйтәгур, бер кинәнен үпкәм йөзгәнсе сәй эсеп кайттым әле* (Б. Дәүләтшина) 'Напился чаю вдосталь пока легкие не запылились'; *Минең шул таузарзың иң бейегенә менеп, тирә-яғымды танһығым канғансы карап торғом килеп китә* (Н. Мусин) 'Иногда у меня появляется желание забраться на самую высокую вершину тех гор и смотреть вокруг вдоволь'; *Был көрәш коңдәр, айзар буйынса ғына түгел, йылдар буйынса дауам итте* (И. Насыри) 'Эта борьба длилась не дни или месяцы, а годы'.

Таким образом, в отличие от определения обстоятельство меры и степени относится к глаголу и раскрывает его содержание.

Обстоятельство уступительное

Оно выражается именем существительным или именем действия в дательном падеже с послелогом *карамастан*: *Һуғыш осоронда урын, укытыусылар етешмәүе менән бәйләнгәнзур кыйынлыктарға карамастан, кала мәктәптәре нормаль эшләне* («Ағизел») 'Несмотря на большие трудности, испытываемые из-за недостатка в учителях и помещении, городские школы в годы войны работали нормально'; *Вәтә катмарларыузарға һәм хатта айырым уңышһызыктарға карамастан, донъяның киң райондарында ижтимағи үзгәрештәрҙең күп төрлө процессе бара* (СБ) 'Несмотря на все сложности и даже отдельные поражения, идет многообразный процесс общественных изменений в обширных районах мира'; *Талха, бер нисә тапкыр йығылып көлкөгә калыуға карамастан, йәнә көрәшергә сықты* (Ж. Көйебаев) 'Несмотря на то, что Талха несколько раз оказывался побежденным и осмеянным, он снова вышел бороться'.

ОБОСОБЛЕННЫЕ

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Обособление второстепенных членов предложения является одним из сложных вопросов синтаксиса тюркских языков. В тюркологической литературе часто смешиваются обособленные второстепенные члены, обстоятельственный деепричастный оборот и придаточное предложение. В азербайджанском языкознании, к примеру, существует тенденция расширения границ обособленных второстепенных членов за счет придаточных предложений. По мнению отдельных азербайджанских лингвистов⁵, синтаксические конструкции, сказуемые которых выражаются деепричастием или причастием, не являются придаточными предложениями, а представляют разновидность обособленных второстепенных членов, так как они не выражают относительно законченной мысли и лишены предикативности. Некоторые башкирские и татарские лингвисты, например К. З. Ахмеров и М. З. Закиев, в состав обособленных второстепенных членов предложения тоже включают деепричастные обороты, которые имеют свое сказуемое⁶.

Между тем обособленные второстепенные члены имеют и свои особенности: они состоят минимум из одного полнозначного слова, причем последний, основной, организующий компонент развернутого, распространенного обособленного второстепенного члена никогда не выражается деепричастием или причастием, следовательно, и не может выступать в качестве сказуемого при любых условиях, иными словами этот организующий компонент лишен категории предикативности.

По своей структуре обособленный второстепенный член бывает нераспространенным и распространенным.

⁵ См.: *Ширалиев М. Ш.* Проблема сложноподчиненного предложения. — Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958, с. 81.

⁶ *Әхмәр К.* Башкорт телендә ябай һойләм синтаксисе. Офе, 1958, с. 169; *Закиев М. З.* Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, с. 156 и др.

В современном башкирском литературном языке определение и дополнение обособляется сравнительно реже, чем приложение и обстоятельство. Это объясняется тем, что определение преимущественно относится к существительному, а дополнение поясняет глагол, причем ни определение, ни дополнение почти не выступают в качестве общего второстепенного члена в начале предложения, как это бывает обычно с обстоятельствами времени и места.

В башкирском языке преимущественно обособляются следующие второстепенные члены.

1. Обособленное определение: *Атайым, мескен, эйбер урлап тотолган кеше кеүек куркыл, ык-мык итте* (М. Гафури) 'Мой отец, бедный, бормотал как человек, пойманный с поличным'.

В зависимости от контекста обособленному определению в качестве уточняющих слов могут предшествовать слова *бигерәк тә* или *шул исәптән*: *Гөлйөзөм ололарзың, бигерәк тә байбисәләр, эйтеүенә килә һалып ултырыузың зур әзәһезлек икәнән якшы белә* (Н. Дәүләтшина) 'Гүльюзум хорошо знает, что неприлично садиться по приглашению старших, особенно жен богачей'.

В таких синтаксических конструкциях обособленное определение, как правило, должно иметь форму принадлежности.

Если оно употребляется в основном падеже, то мы имеем дело с обособленным приложением.

2. Обособленное определение: *Шулай итеп, мин, урман, тау-таш араһында ғүмер иткән башкорт малайы, бөгөн Мәскәүгә Бәтә Рәсәй партия съезына барырға юлға сығам* (Ш. Хозайбирзин) 'Таким образом, я, сын башкира, проживающего среди лесов, каменных гор, сегодня выезжаю в Москву на Всероссийский партийный съезд'.

В данном примере обособленное приложение поясняет личное местоимение *мин* 'я', поэтому приложение выделяется с помощью запятых. Если обособленное приложение относится к именам существительным, то между поясняемым словом и приложением ставится тире: *Салауаттың тоғро дустары — Кинйә батыр менән Кәнзәфәр, Кыйғыр боркот булып, яу кыйратып, Мәлғун дошмандарҙан көл яһар* (фолькл.) 'Верные друзья Салавата — Кинзя-батыр и Канзафар, как беркуты, разгромили врагов'.

3. Обособленное дополнение. Характерно, что по своим функциям многие обособленные дополнения напоминают приложение, но отвечают на вопросы дательного и винительного падежей: *Мин кызымды бына тигән кешегә, Физзәт әфәндегә, бирҙем* (Х. Ибраһимов) 'Я выдал свою дочь за настоящего человека — господина Физзата'; *Уларға, производство технологтарына, үзгәренсә белемдәре менән ижади һәләлектәрен күрһәтеү өсөн киң мөмкинлектәр бирелгән* (СБ) 'Им, технологам производства, представлены широкие возможности для проявления своих знаний и творческих способностей'; *Бәҙе урындарҙа агрономдарға, бигерәк тә йәш агрономдарға, насар мәнәсәбат итеү ғәҙәткә ингән* (СБ) 'Кое-где сложилось неправильное отношение к агрономам, особенно молодым'; *Электрэнергетиканы, бигерәк тә атом электр энергетикаһын, машиналар эшләүҙе, химия, нефть химияһы һәм газ промышленлысын тизләткән темп менән үстөрергә* (СБ) 'Ускоренными темпами развивать электроэнергетику, особенно атомную, машиностроение, химическую, нефтехимическую и газовую промышленность'.

Иногда обособляется и сложное дополнение: *Үткән кварталда ла байтаҡ мөһим күрһәткестәр, шул исәптән торлаҡ йорттар һалыу буйынса артта калыуға юл куйылды* (СБ) 'Допущено отставание по ряду важных показателей и в минувшем квартале, в том числе по сооружению жилья'.

Обособленные дополнения преимущественно встречаются в переводной с русского языка общественно-политической и публицистической литературе.

4. Обособленное обстоятельство времени: *Исәңдәме, Гөлбадуан еңгә, без теге сакта, бынан утыз йыл элек, партизандар менән киткәндә, озатыл жалғайнығыз* (М. Кәрим) 'Помните, сноха Гүльбадуан, тогда, тридцать лет тому назад, когда мы уходили с партизанами, вы нас провожали'; *Бөгөн мәктәпкә килгән балалар киләсәктә — безҙең быуаттың тужһанынсы йыл-*

дарында һәм егерме беренсе быуат баштарында илдең экономикаһын һәм культуранын үстәрәсәктәр (СБ) 'Тот, кто в эти годы поступит в школу, будет развивать экономику и культуру страны в будущем в девяностых годах нашего столетия и в начале двадцать первого века'.

5. Обособленное обстоятельство места: *Әхмәт тәнгә тиклем шунда, һыу буйында, камышлыктар, таллыктар араһында, ятты* (И. Көсөшкөл) 'До наступления ночи Ахмет лежал там, у реки, в камышах и ивняке'.

6. Обособленное обстоятельство цели: *Нина менән Тимер, кәңәшмәнән сыжжас, саф һауала булыу теләге менән, оло урамдың осона тиклем атлап киттеләр* (Б. Бикбай) 'После совещания Нина и Тимер, чтобы побыть на свежем воздухе, прошли до конца большой улицы'.

7. Обособленное обстоятельство образа действия: *Халык, ни эшләргә, кайза барырға белмәй, короға ташланган балык кеүек, тыпырсынды* (З. Бишшева) 'Народ, не зная, что делать и куда идти, бился как рыба, выброшенная на берег'; *Егеттәр, йәйәлләрҙән ысҡындырылган уҡтарҙай, алға атылдылар* (Р. Низамов) 'Джигиты как стрела стремились вперед'.

8. Обособленное обстоятельство меры и степени: *Советтәр Союзының халкы 1959 йылдың 15 гинуарынан 1970 йылдың 15 гинуарына тиклем 32 миллион 900 мең кешегә, йәғни 15,8 проценткә, арткан* (СБ) 'Население Советского Союза с 15 января 1959 года по 15 января 1970 года увеличилось на 32,9 миллиона человек, или на 15,8 процента'; *Һуңғы биш йыл эсендә милли доходтың дөйөм күләме бик зур сумма — бер триллион 166 миллиард тәшкил итте* (СБ) 'Общий объем национального дохода за последние пять лет составил огромную сумму — один триллион 166 миллиардов рублей'.

9. Обособленное обстоятельство уступительное: *Мин дә, юдан талын, өшөп кайтыуыма ла карамастан, тамсы ла күз йомманым* (Й. Солтанов) 'Несмотря на то, что я вернулся, обессилев с дороги и очоочнев от холода, я ни на минуту не заснул'; *Кәһәрле һуғыштың кот оскос ауырлыктарына карамастан, Хәкимә апай арымай-талмай комбайнда эшләй* (БТ) 'Несмотря на невероятные трудности жестокой войны, тетя Хакима неутомимо трудится на комбайне'.

Если функцию уступительного обстоятельства выполняют глагол условного наклонения с частицами *-да/-дә, -за/-зә, -ла/-лә, -та/-тә*, то такой второстепенный член является необособленным обстоятельством или выступает в качестве основного, организующего компонента деепричастного оборота.

ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В зависимости от контекста и коммуникативного назначения в предложении могут быть однотипные параллельные главные и второстепенные члены. Сочинительная, соединительная, присоединительная связь между компонентами, своеобразная интонация, одинаковое групповое морфологическое оформление — вот характерные особенности однородных членов предложения. Они на одинаковых началах непосредственно соотносятся с одним и тем же членом предложения.

Наиболее характерными чертами морфологического оформления однородных членов предложения являются:

1) раздельное оформление каждого компонента относительно которого допустима определенная вариативность, в частности вариативность оформления однородных подлежащих, прямых дополнений и глагольных сказуемых;

2) групповое оформление: общие аффиксы тождественных словоформ имен могут быть представлены только при замыкающем компоненте, по такому же принципу оформляется именное сказуемое со служебным словом; аффиксальный элемент тождественных глагольных сложных форм остается при каждом компоненте, а спрягаемая часть этих форм ставится при замыкающем компоненте: *Капитализм эшселәр менән хезмәтсән крәстиәндәр араһындағы бик күп таланттарҙы быуа, баҫа, кыйрата килде* (В. И. Ленин) 'Капитализм душил, угнетает и губит многие таланты среди рабочих

и крестьян'; Мансур бер кайза ла сьжмаҫ, бер кайзала бармаҫ, бер кем менэн дэ һөйләшмәҫ булды (Н. Мәргән) 'Мансур перестал выходить, никуда не ходил, ни с кем не общался';

3) замена тождественных глагольных словоформ формой деепричастия на -н?: *Һыбайлылар аттарынан төшөп, тезгендәрен ботакка элөп, табандары менэн таитарзы шаузырлатып түбән ишә-ишә, бейек һыртка үрмәләнеләр* (Й. Солтанов) 'Сойдя с лошади и прицепив поводья к веткам, всадники стали подниматься вверх, сшибая ступнями камни'.

ОДНОРОДНЫЕ ПОДЛЕЖАЩИЕ

Наличие двух или более подлежащих в предложении усиливает смысловую нагрузку этого главного члена, в результате чего подлежащее актуализируется, приобретая особую интонацию. Однородные подлежащие обычно соединены сочинительной связью.

Если в предложении два подлежащих, то между ними может употребляться союз *менэн*, который в известной мере усиливает, акцентирует наличие однородности этого главного члена. Кроме того, данный союз может употребляться и между многочисленными однородными подлежащими: *Аж кейемле кара африканец менэн кылган сәсле немец кызы, узбек менэн монгол ярыша-ярыша буласаҫ бакса осөн ер казый* (Р. Бикбаев) 'Африканец в белой одежде и немка с волосами, как степной ковыль, узбек и монгол, соревнуясь между собой, копали землю для будущего сада'.

Если в конструкции три и более подлежащих, то перед последним обычно употребляется союз *һәм*: *Бөтә иген, котөү-котөү мал, мылтык, кылыс, пулемет һәм пушкарлар кызылдар кулына төштө* (И. Көсәпкол) 'Весь хлеб, скотина, ружья, сабли, пулеметы и пушки достались красным'.

Аффикс мн. числа при перечислении в одинаковой мере относится и к препозитивным подлежащим.

Для актуализации однородных подлежащих после каждого из них употребляется соединительный сочинительный союз *да!дә, та!тә, за!зә, ла!лә*: *Таузарзағы йәшен йәшнәүе лә, сабый бала көлөүе лә, далалағы боронго бер яңғыз уба ла, республикам өстөндә елберзәгән күк һызыклы кызыл байрак та — минең Ватаным, Башкортостаным* (М. Кәрим) 'И молния над горами, и смех младенца, и древний курган в степи, и красное знамя, развевающееся над республикой, — все это моя Отчизна, моя Башкирия'.

Данный стилистический прием применяется главным образом для логического акцента на каждом подлежащем.

В отдельных случаях перед постпозитивным подлежащим в целях его выделения употребляется следственно-усилительный союз *хатта*: *Бындағы һәммә нәмә: сәскәләр, ағастар, хатта ситәи буйындағы кесерткәндәр зә якын тойола* (СВ) 'Здесь все — цветы, деревья, даже крапива у плетня — кажется близким и родным'.

Одна из особенностей башкирского синтаксиса состоит в том, что глагольное сказуемое при однородных подлежащих употребляется в ед. числе: *Кешелек донъяһы үсешенең магистраль юлын донъя социализм системаһы, халыҡ-ара эшселәр синьфы, бөтә революцион көстәр билдәләй* (СВ) 'Магистральный путь развития человечества определяют мировая социалистическая система, международный рабочий класс, все революционные силы'.

ОДНОРОДНЫЕ СКАЗУЕМЫЕ

Довольно часто два или более действия, выраженные сказуемым, относятся к одному субъекту. Между однородными сказуемыми устанавливается сочинительная связь: *Нафисә әсәһе менэн бергә өй йыйыштырзы, аштар әзерләште, һауыт-һабаны рәтләште* (И. Көсәпкол) 'Нафиса вместе с матерью убрала комнату, приготовила обед, расставила посуду'.

⁷ Юдашев А. А. Соотношение деепричастных и спрягаемых форм глагола в тюркских языках. М., 1977, с. 192.

Если в одном простом предложении только два сказуемых, если они выражают последовательно совершающиеся действия, то между двумя однородными сказуемыми употребляется соединительный союз *да/дә* со своими фонетическими вариантами. Иногда этот союз заменяется словом *һәм*, хотя оно не употребляется ни в разговорной речи, ни в башкирском устном народном творчестве⁸: *Тукта, иртә менән ул байың үзәнә инәйем дә ул ике йыл буйына йөрөгән хакымды һорайым* (Т. Хәйбуллин) 'Погоди, зайду-ка я утром к этому баю и попрошу свою заработную плату за двенадцать лет'; *Микрометеорзар һәм космос саңы өлөшсәләре Айың өстөндәге матдәне ваклайзар һәм бер урында икенсе урынга күсерәләр* (СБ) 'Микрометеоры и осколки космической пыли крошат вещества на поверхности Луны и переносят их с одного места на другое'. (более предпочтительным здесь представляется вариант: *Микрометеорзар менән космос саңы өлөшсәләре и ваклайзар за. күсерәләр*).

Если два сказуемых выражаются прилагательным или наречием, то между ними употребляется соединительный союз *һәм*: *Лениндең исеме бәтә халыктарга кәзерле һәм яҡын* (СБ) 'Имя Ленина дорого и близко всем народам'.

Если в предложении глагол в одном и том же лексическом значении употреблен в формах прошедшего и настоящего времени, то между его словоформами ставится тот же сочинительный союз *һәм*: *Совет кешеһе илебезең иң зур һыу артерияларын гигант плотиналар тезмәһе төзөү юлы менән үзәнә буйһондорзо һәм буйһондора, грандиоз һуғарыу һәм суднолар йөрөшлө каналдар төзөнө һәм төзөй, төньяктағы йылғаларзың һыуын көньяктағы һыуһыз райондарға ағызырға эзерләнә* (СБ) 'Советский человек путем строительства плотин на крупнейших водных артериях страны подчинял и подчиняет реки, строил и строит грандиозные водные и судоходные каналы, готовится направить северные реки в безводные пространства юга'.

Нередко конкретные по значению постпозитивные сказуемые раскрывают содержание более абстрактного препозитивного сказуемого, при этом первое сказуемое как бы выступает в качестве своеобразного обобщающего слова: *Тимербай пулеметтан китмәне: һутте, тағатты, қорзо, тоҫқаны, атты* (З. Бишшева) 'Тимербай не отходил от пулемета: разбирал его и собирал снова, настраивал, заряжал, целился, стрелял'; *Без өсәү телефонға өйрәнбөз: катушкалар һүтәбөз, сымдар һузабыз, аппараттар урынлаштырабыз, һөйләшбөз, телефонограммалар тапшырабыз һәм қабул итәбөз* (Д. Юлтый) 'Мы втроем изучаем телефон: разматываем катушку, тянем проволоку, устанавливаем аппараты, разговариваем, передаем телефонограммы и принимаем их сами'; *Малайзар җулдан килгәнсе яраам итәләр: вағыраҡ төргәктәрҙе тапшызар, әсирҙәрҙе һаҡлайзар, шишмәгә барып, һыу алып киләләр* (Ө. Бикчәнтәев) 'Мальчишки оказывают посильную помощь: таскают кульки, что поменьше, охраняют пленных, приносят воду из родника'.

В целях актуализации между однородными сказуемыми употребляется в перечислительной интонации соединительный союз *да/дә* (с вариантами): *Алһыуға еңел дә, ҡызык та булып китте* (Ф. Ибраһимов) 'Алсу стало и легко, и интересно'; *Кешеләр бит эшләй генә түгел, хәсрәтләнә лә, шатлана ла, ярата ла белә* (Р. Сафий) 'Ведь люди умеют не только трудиться, но и заботиться о завтрашнем дне, и радоваться, и любить'.

В языке общественно-политической литературы и художественных произведений между замыкающим и предпоследним сказуемым употребляются пояснительные слова *йәғни*, *йәғни-мәҫәлән*, актуализирующие предыдущее сказуемое: *Промышленность етештереүенең дөйөм күләме 1970 йылда 373 миллиард һум тәшкил итте, йәғни биш йыллыкта бер ярым тапҡырға үсте* (СБ) 'Общий объем промышленного производства составил в 1970 году 373 миллиарда рублей, то есть возрос за пятилетие в полтора раза'; *Безең атайзар бергә шәриктәш булғандар, йәғни уҡығанда дуҫлашып йөрө-*

⁸ *Примечание отъ. ред.* Эти союзы различаются не только по сфере своего применения, но и по значению; см.: Юлдашев А. А. Указ. соч., с. 199.

гандар (М. Кәримов) 'Наши отцы были одноклассниками, то есть дружили, когда учились вместе'; *Ғин, Андрей, шәп кешенең, начальник тә булгалһын, йәғни-мәсәләи колхозда бригадир булып йөрөгәнһең* (Ә. Бикчәнтәев) 'Ты, Андрей, хороший человек, был начальником, то есть работал бригадиром в колхозе'.

В зависимости от контекста в простом предложении между однородными сказуемыми может употребляться союз *хатта*, который актуализирует замыкающее сказуемое: *Ул төндө Камилияны бик нык эзләнеләр, хатта һәр подразделениегә кешеләр сбарзеләр* (БП) 'В ту ночь Камилию искали повсюду, даже послали людей в каждое подразделение'.

Наконец, в целях актуализации замыкающего сказуемого широко применяется замена глагольного сказуемого в индикативе деепричастием на -п: *Алты кеше алтмыш кешелек эш башкарып, фашистәрзең дүрт танкыһын яндырып, һигез офицерзе Үлтереп, бик күп ут нөктәләрен емереп, киммәтле документтар эләктереп, үзбөззең һөжүм итеүсе частәргә кушылдылар* (Ә. Ихсан) 'Шесть человек, выполнив работу шестидесяти человек, подбив четыре фашистских танка, уничтожив восемь офицеров, захватив важные документы, присоединились к наступающим своим частям'.

ОДНОРОДНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Однородные определения характеризуют предмет с внешней стороны или с внутренней: *Уртаса буйлы, зифа һынлы, тулы түңәрәк йөзлә, жарлуғас канатындай кыйғас кашлы, юши нуры астында йылкылдаған томбой-окло күлдәй яғымлы күзле йәш катын* (Ғ. Ғүмәр) 'Молодая женщина среднего роста, с красивой фигурой, полным круглым лицом, с бровями как крылья ласточки, с привлекательными глазами'.

Иногда препозитивное определение может быть более абстрактным по сравнению с постпозитивными, оно занимает позицию обобщающего слова: *Әллә күпме милләттәрзең: рустарзың, башкорттарзың, татарарзың, сыуаштарзың, калмыктарзың, мариҙәрзең, удмурттарзың, мордваларзың ынтылыштарын һәм теләктәрен берләштерә алған бит Емельян Пугачев* (Ә. Бикчәнтәев) 'Ведь Емельян Пугачев сумел объединить интересы и чаяния многих народов: русских, башкир, татар, чувашей, калмыков, мариЙцев, удмуртов, мордвинов'.

В некоторых случаях определения отвечают на один и тот же вопрос и характеризуют один и тот же предмет, но в различных аспектах, и поэтому не могут быть однородными: *Без аңы төслә музыкаль художестволы фильм җараның* 'Мы смотрели новый цветной музыкальный художественный фильм'. Здесь первое определение соотносится с определяемым словом лишь через посредство второго.

ОДНОРОДНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ

В зависимости от контекста и коммуникативного назначения однородными могут быть как простые, так и сложные дополнения. Для усиления актуализации между парными простыми дополнениями употребляется союз *менән*: *Йәштәр менән җарттарға ла, байҙар менән арлыларға ла, һарыҡ көтөүсегә менән бейә һауыусыға ла ышыкланыр урын җәрәк* (С. Айтматов) 'И молодым и старым, и богатым и бедным, и пастухам и табунщикам нужен кров'.

Препозиция и наличие соединительного союза *ла* еще более усиливает смысловую однородность параллельных дополнений.

В отдельных случаях однородные прямые дополнения выражаются именами существительными в нулевой форме, имеющей значение винительного падежа. Только замыкающее дополнение принимает аффикс винительного падежа, который является общим для всех предыдущих однородных прямых дополнений. Причем препозитивное дополнение носит абстрактный характер, представляя собой как бы обобщающее слово: *Печора менән Кама араһында гидротехник система: ер дамбалар, бетон плотиналар бер-береһе менән*

тоташкан кулдар, тоташтыргыс каналдар, насос һәм гидроэлектростанцияларын тәүге күз уңында тотала («Ленинсе») 'Намечается строительство гидротехнической системы между Печорой и Камой: земляных дамб, бетонных плотин, озер, соединенных вместе насосных и гидроэлектростанций'.

Кроме того, дополнения могут быть однородными и сложными. Они преимущественно употребляются в середине синтаксической конструкции: *Ленин уйзари тормош булып, бәхет булып безгез алдыбызга килде* (М. Кәрим) 'Ленинские мысли предстали перед нами как жизнь, как счастье'.

Наконец, в некоторых простых предложениях перед замыкающим однородным дополнением употребляется следственно-пояснительный союз *хатта*, актуализирующий его: *Шәһле проекттар менән кәрәк тиклем мал азбарлары, ремонт мастерскойлары, гараже, культура йорто, хатта ике катлы мәктәп тәһалдырып куйзы Әхмәтгәли* («Агизел») 'Ахметгали построил по лучшим проектам необходимое количество сараев для скота, ремонтных мастерских, гараж, дом культуры, даже двухэтажную школу'.

ОДНОРОДНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Иногда для актуализации однородных обстоятельств времени после каждого из них употребляется соединительный союз *да/дә* (с вариантами): *Елләккә йөрөгәндә лә, балыкка барганда ла һин алда була торгайның* (И. Физзетуллин) 'И когда выбирались за ягодами, и когда ходили на рыбалку, ты всегда был впереди всех'.

В тех случаях, когда в синтаксической конструкции три и более обстоятельства времени, то перед замыкающим их обстоятельством употребляется соединительный союз *һәм*: *1662—1664 йылдарға, 1681—1683, 1705—1711, 1735—1740 һәм 1755 йылдарға башжорттардың восстаниеләре булған* («Агизел») 'В 1662—1664 годы, 1681—1683, 1705—1711, 1735—1740 и 1755 годы произошли восстания башкир'.

В целях усиления смысловой градации многих однородных обстоятельств времени между парными второстепенными членами употребляется союз *һәм*: *Кызыл байрак безге хезмәттә һәм һуғышта, зур шатлык көндәрендә һәм ауыр һынаулар сәһәттәрендә рухландыры* (СБ) 'Красное знамя вдохновляло нас в труде и в бою, в дни больших радостей и в часы тяжелых испытаний'.

ОДНОРОДНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА

Как в языке общественно-политической литературы, так и художественных произведений однородные обстоятельства места встречаются относительно редко.

В синтаксической конструкции однородные обстоятельства места обычно стоят рядом и преимущественно употребляются между главными членами предложения: *Тимеркәй урамда, кәбән араларында, азбар арттарында йоклап йөрөй ине* (Д. Юлтый) 'Тимеркай ночевал на улице, в стогах сена, за хлевом'.

В отдельных случаях для градационного акцентирования однородных обстоятельств места между парными второстепенными членами употребляется соединительный союз *һәм*: *Завод цехтарында һәм ғилми лабораторияларға, колхоздарға һәм ғәскәри учениеләргә — совет кешеһе эшләгән бөтә ергә үсә барған хезмәт һәм политик күтәреиклек сағыла* (СБ) 'В цехах заводов и научных лабораториях, в колхозах и на войсковых учениях, всюду, где трудятся советские люди, проявляется нарастающий трудовой и политический подъем'.

ОДНОРОДНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИЧИНЫ

В зависимости от коммуникативной необходимости и обстоятельства причины могут быть однородными, но это явление в целом встречается очень редко. Тщательное изучение фактов башкирского языка свидетельствует о том, что данные обстоятельства преимущественно неоднородны. Только

в редких случаях наблюдается их парное употребление. Однородные обстоятельства причины обычно стоят между подлежащим и сказуемым, причем для актуализации однородных членов между ними ставится соединительный союз *һәм*: *Мәүлиәнең күз алмалары ғәжәпләнеү һәм куркыуҙан зурайып китте* (С. Ағиш) 'От удивления и страха у Мавлии расширились глаза'.

Иногда однородными членами предложения могут быть и сложные обстоятельства причины. Их местоположение зависит от коммуникативного задания, а отчасти обусловлено стилистически: *Яугилде Сәсәнйәнде тапкыр һүҙле, сәсән телле булғаны өсөн, ау батырҙарын, ил матурҙарын данлап ошта йырҙар, һамактар, қобайырҙар сығарғаны өсөн бик аҡын күрөп яратқан, уның менән серҙәш булған* (Ф. Иҫәнғолов) 'Яугильде любил Сәсәнъяна за то, что тот был прямым и речистым, как сказитель сочинял кубаиры, воспевающие батыров и лучших сынов страны, любил и делился с ним сокровенными мыслями'.

ОДНОРОДНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЦЕЛИ

В башкирском литературном языке довольно широкое распространение получило сложное обстоятельство цели. Оно обычно бывает неоднородным. Простое распространённое предложение с двумя однородными обстоятельствами цели — редкое явление в литературном языке. Ср., например: *Шахта хужалары эшселәрҙе революцион хәрәкәттән ситтә тоту, күҙҙәрен томалау өсөн һәр төрлө сараларҙы куллана* (Ф. Иҫәнғолов) 'Хозяева шахт предпринимают всяческие меры, чтобы держать рабочих в стороне от революционного движения, чтобы обмануть их (букв. замазать им глаза)'; *Айсүяүкты һауықтырыу өсөн, уның күҙҙәрендә шатлыҡ нурҙарын балкытыу өсөн ауыл тәбиғәте ғенә түгел, тиңдәштәренең дуслыҡ йылыһы ла қарәклеген аңланы Ғөлнәз апай* (Ш. Янбаев) 'Тетя Гульназ поняла, что для выздоровления Айсүяүка, для того чтобы в его глазах засияли лучи радости, нужна не только деревенская природа, но и тепло друзей-ровесников'; *Һин бында егеттәр башын әйләндерергә түгел, иҫән иҫергә, аңы сорт бойҙай үстәерергә килдең* (И. Абдуллин) 'Ты пришла сюда не для того, чтобы кружить головы джигитам, а для того, чтобы выращивать новые сорта пшеницы'.

Иногда между однородными обстоятельствами цели ставится соединительный союз *һәм*: *Һынауҙар ваҡытында қажшамаҫ өсөн һәм киләсәк қарәштәрҙе сынығып қаршы алыр өсөн без, һис шикһез, ант бирергә тейешбеҙ* (Ә. Бикчәнтәев) 'Мы должны дать железную клятву в том, что не дрогнем в будущих испытаниях и с закаленным духом встретим предстоящие схватки и сражения'.

В редких случаях и простые обстоятельства цели могут выступать в качестве однородных второстепенных членов предложения: *Георгий Константинович, безгә балыҡ тоторға безҙең менән еләк йыйырға килегез* («Ленинсе») 'Георгий Константинович, приходите ловить с нами рыбу, собирать вместе с нами ягоды'.

Любопытны случаи, когда в одном простом распространённом предложении препозитивное обстоятельство цели не относится к сказуемому, а поясняет постпозитивное обстоятельство данной разновидности. Следовательно, они не могут быть однородными: *Мәктәпте бизәр өсөн бәтә класс менән без тайғаға шырыш ботактары алып қайтырға киттек* («Пионер») 'Для того, чтобы украсить школу, мы всем классом отправились в тайгу за сосновыми ветками'.

ОДНОРОДНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

Простые распространённые предложения с однородными обстоятельствами образа действия в башкирском литературном языке встречаются довольно редко: *Қызарға һуғанлап, борослап, тоҙлап, майлап, баллап яуалтар язырға тотондом* (Ғ. Дәүләтшин) 'Я принялся писать ответы девушкам, не жалея «лука», «перца», «соли», «масла», «меда»; *Бәләкәй күҙғалыбыраҡ, кеше төслөрәк, аякты қапылыраҡ алып атлап булмайма* (Т. Хәйбуллин) 'Нельзя ли шагать поживее, как люди, проворнее передвигая ногами'.

Наблюдения над языком художественной литературы показывают, что в нем преобладающее место занимают синтаксические конструкции с одним обстоятельством образа действия.

ОДНОРОДНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕРЫ И СТЕПЕНИ

Однородные обстоятельства меры и степени встречаются в рамках как односоставного, так и двусоставного предложений: *Ошо урында Хэйерниса бөтә булмәне күтәрерзәй итеп, тәзрәләрзә сылтыраткансы, сәғәт герзәрен һелкеткәнсе рәхәтләнеп көлдө* (С. Агиш) 'В этом месте Хаерниса от души расхохоталась, так что задребезжали стекла и заколебались гири настенных часов'; *Ауғышып көн буйы, төн буйы, Жан жойоп ай буйы, йыл буйы, Илебез эсенән Дошманды кыузык* (Х. Кәрим) 'Воюя дни и ночи напролет, проливая кровь месяцы и годы, мы прогнали врагов за пределы нашей страны'.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ

Однородные главные и второстепенные члены предложения связываются между собой с помощью союза и бессоюзного сочинения. Наиболее употребительными союзами являются:

1) соединительные: *да/дә, за/зә, ла/лә, та/тә, шулай ук, һәм, тағы, йәнә*. *Минометчиктәр Карачурин дә, Мусин дә, Әюпов та, Закиров та, Сәғитов та, Әхмәтов та, Сәйетҗолов та, Ажъялов та — бөтәһе лә халык теле менән әйтелгән, халык жулы менән азылган хат-наказды йотлогон тыңланьлар* (Ә. Ихсан) 'Минометчики: и Карачурин, и Мусин, и Аюпов, и Закиров, и Сагитов, и Ахметов, и Саиткулов, и Ажъялов с глубоким вниманием слушали письмо-наказ, написанное простым и проникновенным народным языком'; *Тышта февраль, бында шәүәләр Тағы олай, тағы болғана* (Х. Гиләжев) 'На улице февраль, а тут тени вновь воют, вновь колеблются вовсю';

2) противительные: *ә, ләкин, тик, шулай за, әммә*. Примеры: *Егерме биш сакрымдар самаһы тирә-якты карап сыктык, ләкин бер ерзә лә актарзы оратманьк* (Б. Хәсән) 'Осмотрели все вокруг на двадцать километров, но нигде не встретили белых'; *Артелгә инергә бик һулән риза булдылар, шулай за риза булдылар; ажрын кузғалдылар, шулай за кузғалдылар* (Ф. Иҗәнҗолов) 'Вступить в артель согласились с большой неохотой, но все-таки согласились; тронулись очень медленно, но все же тронулись'; *Кеше тыштан көлоргә, әммә шул ук кешенең йөрәге иларға мөмкин* (Ғ. Хәйри) 'Человек может внешне смеяться, но в то же время у него сердце может исходить слезами';

3) разделительные: *берсә, йә, йәки, әле, әллә*. Примеры: *Әгәр үзәңдә шул тулкындарға жаршы тоторзай көс тапмайһың икән, тапсык һымак, берсә ярға кағылып, берсә уңкыи эсенә тартылып буталаһың* (Б. Бикбай) 'Если не найдешь в себе силу противостоять тем волнам, будешь подобно щепке, то биться о берег, то ввергаться в водоворот'; *Берәү зә тыумыштан ук якшы йәки яман, ақылы йәки ахмак булып тыумаи бит инде ул* (З. Бишпева) 'Никто не рождается хорошим или плохим, умным или дураком'; *Йөнтәҗ каштары астынан йомшак, ләкин әллә арыған, әллә кайғылы күззәр жарай* (Х. Мохтар) 'Из-под лохматых бровей смотрели мягкие, но то ли усталые, то ли страдальческие глаза';

4) следственный союз *хатта*: *Бында Тимербай за, Байгилде лә, хатта сатан Хәлим ағай за катнашты* (З. Бишпева) 'Здесь присутствовали и Тимербай, и Байгильде, и даже хромой дядя Халим'.

ОБОБЩАЮЩИЕ СЛОВА ПРИ ОДНОРОДНЫХ ЧЛЕНАХ

В некоторых простых распространенных предложениях с однородными членами употребляются обобщающие слова, которые могут стоять как перед однородными членами, так и после них. В качестве обобщающего слова может выступать любой член предложения.

Широко распространенные обобщающие слова *түбәндәгеләр, түбәндәге нәмәләр, ошолар, ошо нәмәләр, ботә нәмә, бер кем дә, бер нәмә лә* стоят перед однородными членами: *Сергейгә хәзер ботә нәмә: далала һуңгы сәкәләр зә, иркән ел, атжан һыу, ишетелгән моң һәм кош байыуы ла Тоняне хәтерләтә, уға барып тоташа* (А. Абдуллин) 'Для Сергея сейчас все: и последние цветы в степи, и ветерок, и журчащая вода, звучащая мелодия песни и закаты солнца — все напоминает Тоню, все уводит к ней'; *Хезмәттә тыуган ботә нәмәләр: заводттар һәм электр станциялары, басыузарзағы мул урожай һәм кәүәтлә космос караптары, яңы торлак райондары һәм мәктәптәр — совет халкының арыу-талыуы белмәс ижади фекере һәм эшмәкәрлегенең емене ул* (СБ) 'Все, что рождается в трудовых буднях: заводы и электростанции, добрый урожай на полях и могучие космические корабли, новые жилые районы и школы — это плоды неустанной творческой мысли и созидательной деятельности советского народа'.

Обобщающие слова *барыһы, барыһы ла, бөтәһе, бөтәһе лә, һәммәһе, һәммәһе лә, быллар, ошолар, кыскаһы, һәр бер нәмәһе, һәр ерзә, быллар барыһы ла* — обычно употребляются после однородных членов, отделяясь от них посредством тире: *Күстәнәскә тигән сәй, шәкәрзәрәм, бауырһаҡ, күмәстәрәм — барыһы ла эзер* (Г. Дәүләтшин) 'Чай, сахар, печенье и ватрушки — все уже готово для гостей'; *Бында моң да, матурлыҡ та, эшкә дәрт тә — бөтәһе лә бергә йөрөй* (М. Гафури) 'Здесь и мелодия, и красота, и страсть к работе — все слито воедино'; *Колхозсылар, малсылар, уҡытыусылар, уҡыусылар, хатта мәктәп йәшенә етмәгән бала-сағалар, әбейзәр һәм бабайзәр барыһы ла дауыл зағифләгән үсәмлектәрзә котқарыу ниәте менән басыуға ағылдылар* (Я. Хамматов) 'Колхозники, скотоводы, животноводы, учителя, ученики и даже те, кто не достиг школьного возраста, старики — буквально все поспешили на спасение растений, покалеченных бурей'; *Өстәлдәрзә тустак-тустак һап-һары бал, кып-кызыл еләк, ҡап-ҡара ҡарағат, муйыл — быллар бөтәһе лә июль айының йомарт бүләктәре* (Г. Шәрипов) 'На столах полные чашки желтой медовки, красные ягоды, черная смородина, чермуха — все это щедрые дары июля'.

СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ В НЕЗАВИСИМОЙ ПОЗИЦИИ (ТРЕТЬЕСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ)

В башкирском языке, как и в других языках, имеются синтаксические единицы, выражающие вокативность и модальность. В лингвистической литературе их принято называть обращением, вводным словом и вводным словосочетанием. Хотя они грамматически не связываются с другими членами предложения, но по смыслу находятся в тесном контакте со всем предложением или с его компонентами.

ОБРАЩЕНИЕ

Обращением называется слово в форме основного падежа, обозначающее лицо, предмет, явление, событие, процесс, понятие, к которому обращена речь говорящего. В зависимости от контекста, общей ситуации и обстановки речи обращение произносится с разной интонацией, на письме оно выделяется запятыми, реже — восклицательным знаком. Обращение может употребляться препозитивно, постпозитивно и в середине предложения. Обращение выражается существительными (собственными и нарицательными), причем чаще всего названиями лиц. Иногда обращение может повторяться и иметь предшествующее ему определение.

В зависимости от контекста в одной синтаксической конструкции могут быть несколько обращений: *Күгәрсен, аҡ күгәрсен, күгәрсен, ил ғиҙ әйзә, бөтә илде үтергә, тыныслыҡ һөйүселәргә безҙән сәләм илтергә!* (фолькл.) 'Голубь, белый голубь, голубь, облети все страны, чтобы передать наш привет сторонникам мира'; *Яңы биш йыллыҡта, данлы Урал, даның артыр*

җинәң тағы ла (К. Даян) 'В новой пятилетке, славный Урал, приумножится твоя слава'.

В некоторых случаях одно слово или сочетание слов произносится с особой интонацией, обозначающей на письме восклицательным знаком и выражает не только обращение, но и восклицание, восхищение, побуждение, гордость, сожаление, благодарность и т. п. Подобные синтаксические единицы называются вокативными предложениями, например: *О, рус ере! Кайза атлаһаң та, һин йөрөйһөң безең кәңелдә* (Р. Нигмәти) 'О, русская земля! Куда бы мы ни шли, ты всегда у нас в душе'.

ВВОДНОЕ СЛОВО И ВВОДНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ

В качестве вводных слов обычно выступают модальные слова, не выполняющие синтаксическую функцию. Таковы *ғәҙәттә* 'обычно', *зиһар* 'пожалуйста', *исмаһам* 'хотя бы', *ихтимал* 'возможно', *киреһенсә* 'паоборот', *моғайын* 'пожалуй', *мәсәлән* 'например', *тимәк* 'стало быть, следовательно', *әлбиттә* 'конечно', *ысынлап та* 'действительно', 'в самом деле', *үкенескә каршы* 'к сожалению' и др.

Прилагательные и местоименные наречия типа *билдәле* 'известно, разумеется', *миңеңсә* 'по-моему' нередко тоже выполняют роли вводных слов в предложениях: *Ысынлап та, шундай ауыр, яуаплы минуттарға ниңә дискуссиялар менән маташырға инде* (Д. Юлтый) 'Действительно, в такую тяжелую, ответственную минуту зачем заниматься дискуссией!' *Үкенескә каршы, кайһы бер агрономдар ижади активлек күрһәтмәйҙәр* (СБ) 'К сожалению, иные агрономы не проявляют творческой активности'; *Билдәле, эште өстән-мөстән генә башкарыуың оперативлек менән һис ниңдәй уртаһлығы юк* (СБ) 'Разумеется, оперативность ничего общего не имеет с небрежной исполнительностью'; *Миңеңсә, колхоздар менән совхоздарҙы картуф һәм соғолдөрзә механизация ярҙамында үстереү өсөн машиналар комплексы менән тәъмин итергә ваҡыт килеп етте инде* (СБ) 'По-моему, настала пора обеспечить колхозы и совхозы комплексом машин для механизированного возделывания картофеля и свеклы'.

Характерно, что вводное слово обычно состоит из одного полнозначного слова.

Вводные словосочетания образуются путем присоединения двух или нескольких полнозначных и неполнозначных слов, в том числе послелогов: *Боецтарҙың әйтеүенә карағанда, Украина яландарында ҡурай үсмәй, имеш* (С. Ағиш) 'По словам бойцов, на полях Украины якобы не растет растение, из которого делают курай'.

Семантически вводное словосочетание выражает радость, сожаление, предположение, уверенность, неуверенность, источник, связь и порядок мыслей и т. п.

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Повествовательное предложение служит для констатации фактов и для описания, изображения предметов, людей, процессов, явлений и событий реальной действительности. В основе его лежит суждение, т. е. утверждение или отрицание чего-нибудь. В повествовательных предложениях предикативность выражается при помощи спрягаемых глаголов, в том числе служебных глаголов-связок, модальных слов *бар* и *юк* и т. п. В качестве сказуемого могут выступать не только глаголы и модальные слова, но и другие части речи. Повествовательные предложения характеризуются одним порядком следования слов: определение, подлежащее, обстоятельство, дополнение и сказуемое. Правда, в поэтических произведениях устного народного творчества и художественной литературы довольно часто имеет место инверсия.

По своей структуре повествовательное предложение может быть простым или сложным.

Одна из важнейших особенностей повествовательного предложения заключается в том, что оно по направленности своего содержания всегда соответствует тому или иному коммуникативному заданию.

В повествовательном предложении устанавливается особое соотношение между компонентами, когда один из них обозначает исходное (тему) в общении мысли, а другой содержит наиболее существенное (рему): *Беззең колхоздағы драма туңарға байтактан бирле эиләп килә* (С. Агип) 'Драмкружок нашего колхоза работает давно'. В этом предложении *беззең колхоздағы драма туңарға* — тема (данное), а *байтактан бирле эиләп килә* — рема (новое).

В поэтических произведениях, где довольно широко применяется инверсия, меняются соотношения между подлежащим и сказуемым, и соответственно — между темой и ремой: *Кара көстәргә Каршы торған ул, Бирзе был юлда Миллион корбан ул* (М. Гафури) 'Он противостоял черным силам. Принес на сей раз миллионы жертв'. Здесь *кара көстәргә каршы торған* — рема (новое), а *ул* — тема (данное); *бирзе был юлда миллион корбан* — рема (новое), а *ул* — тема (данное).

Характерно, что при наличии однородных подлежащих, употребленных постпозитивно, сказуемое становится темой, ср. *Блау менән бергә килә безең Уртақ шатлык, еңеу, тырышык; зур ынтылыш, корәш, кайнар һөйеу, Оло дуслык, изге тыныслык* (Г. Волгуллин) 'Вместе с обозом идет наше совместное счастье, победа, старанье, большое стремление, борьба, горячая любовь, великая дружба, справедливый мир'. Здесь однородные подлежащие, неся основную смысловую информативную нагрузку, являются ремой, т. е. актуализируются.

В акцентировании, актуализации главных членов предложения немаловажную роль играют усилительные частицы типа *ғына тугел; генә тугел* союзы *балки, хатта* и т. п. произносимые с особой интонацией. Где эти служебные слова там и рема (новое): *Без генә тугел, балки киләсәк быуын кешеләре лә Тыуган илебезең һоклангыс тәбиғәте бирә торған бәтә байлыктарзы файзалана алырга тейештәр* (БТ) 'Не только мы, но и люди будущих поколений должны пользоваться сокровищами, которые дарит природа нашей родной Отчизны'.

В данном предложении подлежащее *без генә тугел, балки киләсәк быуын кешеләре лә* является ремой. Ср. также: *Салауат Юлаевтың бейөклөгө — уның батырлык һәм кыйыулығында ғына тугел, ә тәрән асыллы булыуында ла* (Г. Әмири) 'Величие Салавата Юлаева не только в его смелости, но и в его мудрости'; *Ватан — ерҙәр уртаклығы ғына тугел, ул ырыу һәм милләттәрең уй-хыял, эш һәм язмыш берлегенән тора* (М. Кәрим) 'Родина — это не только общность территории, но и единство мыслей, дел и судеб племен и наций'. Как в первом, так и во втором предложении составные сказуемые представляют рему (новое).

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Предложение, содержащее вопрос, называется вопросительным.

Вопросительные предложения делятся на собственно-вопросительные и на вопросительно-риторические. Отличительная черта и характерная особенность собственно-вопросительных предложений заключается в том, что они требуют ответа собеседника, тогда как вопросительно-риторические предложения не требуют прямого обязательного ответа.

Если первая разновидность вопросительных предложений занимает большое место в народно-разговорной речи, то вопросительно-риторические часто встречаются в поэтических произведениях, в публицистических статьях и докладах, речах на общественно-политические темы.

В вопросительно-риторических предложениях говорящий обычно ставит вопросы и сам же отвечает на них. Но в зависимости от контекста и коммуникативного задания ответа говорящего может вообще не быть.

Основные средства выражения вопроса в башкирском языке: вопросительная интонация, вопросительное местоимение и вопросительная частица.

В вопросительном предложении — будь оно собственно вопросительное или вопросительно-риторическое — логическое ударение падает на вопросительное местоимение, а если вопрос выражается при помощи вопросительных частиц *-мо/-мө, -мы/-ме*, то ударение, как правило, падает на предпоследний слог в замыкающем слове: *Разия тукталып калды, һүҙе тағы ла кайған башиларға, нисек осларға?* (Н. Төрип) 'Разия запнулась: с чего опять начинать разговор, и как его закончить?'; *Кирэй-Мәргән өйҙәме, Кир-туры аты бәйҙәме, Алмас кылысы кындамы, Булат балтаһы билдәме?* (З. Бишева) 'Дома ли Кирей Мерген, привязан ли гнедой его конь, в чехле ли алмазный его меч, у пояса ли булатный топор?'

Если рядом с названной вопросительной частицей стоит частица *һуң*, то вопросительное предложение превращается в предложение восклицательное: *Кинәң кеүек журкыу белмәң революционерҙәрҙе оноталармы һуң!* (БП) 'Разве забывают таких бесстрашных революционеров, как ты?'

В зависимости от контекста и коммуникативного задания предложение может содержать в себе эмоционально выраженный вопрос. В таких случаях в конце синтаксической конструкции ставятся вопросительный и восклицательный знаки: *Һаләк булған балалар өсөн эсә күҙҙәрәнән түгелгән күҙ йәштәрен үлсәп буламы?! (Г. Әмири) 'Разве можно измерить слезы матерей, пролитые по погибшим детям?!'*

Вопросительные предложения преимущественно имеют форму одноставного инфинитивно-модального и безличного предложений: *Халыкты ғәйептән котжарыу өсөн ни эшләргә?* (Я. Хамматов) 'Что предпринять для того, чтобы спасти народ от обвинения?'; *Нисек итеп һизҙермәй генә кулды төшөрөргә лә автоматты элктәреп алырға?* (Ә. Бикчәнтәев) 'Как незаметно опустить руку и подцепить автомат?'

Иногда определено-личное предложение по интонации бывает вопросительным: *Был мәшәтлә зур донъяның ел-дауылдарын да, һикәлтәле юлдарын да бер-берегезгә яҙамлашып, кулға-кул тононошон үтергә эзерһегезме?* (И. Асапбаев) 'Готовы ли вы пройти рука об руку сквозь бури этого беспоконного мира, через все ухабы его дорог?'

В отдельных случаях вопросительное предложение выражается в форме двусоставного распространённого предложения. В такой синтаксической конструкции сказуемое выступает в качестве носителя вопроса и является ремой: *Алһузың күз алдындағы матур тауҙар, Күнәкәй буйына йәйелгән йәмлә туғай, күкрәп үскән агастар, сылтырап аҫқан һыуҙар кем өсөн һуң?* (Г. Ибраһимов) 'Для кого же эти красивые горы, представшие взору Алсыу, чудные долины вдоль Кунакая, вольно растущие деревья, со звонким журчанием бегущие речки?'

В некоторых двусоставных предложениях частица *бит* в сочетании с вопросительной интонацией выражает идею вопроса: *Бай кеше бай, ярлы кеше ярлы булып йәшәр өсөн тыумаған бит донъяға?* (Я. Хамматов) 'Ведь не родился богатый человек для того, чтобы жить богато, а бедный — чтобы жить бедно?'. Здесь сказуемое *тыумаған бит* актуализируется.

В башкирском языке и сложносочиненные и сложноподчиненные синтаксические конструкции по цели высказывания или по интонации могут быть вопросительными.

ПОБУДИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Предложение, содержащее в себе побуждение, желание, призыв к действию, называется побудительным.

В башкирском литературном языке побудительное предложение делится на следующие структурно-семантические типы:

1) побудительно-желательное предложение с глагольным сказуемым в форме 1-го лица желательного и повелительного наклонения: *Калыр инем бында һезең менән Йәйләү генә түгел, кишиларга!* (Р. Бикбаев) 'Остался бы я здесь с вами не только на летовку, но и зимовать!'; *Үзбөзөң бөгөңгө, иртәнге, килер йылдарзагы якшы эштәрбөз менән Әсәләрге һәр вақыт жыуандырып торайың!* (Ш. Биккол) 'Давайте же будем все время радовать матерей своими сегодняшними добрыми делами!';

2) побудительное предложение, организуемое формой 2-го лица повелительного наклонения: *Кулыңда мылтык. Алдыңда дошман. Ат та йың! Ат та йың!* (З. Бишпева) 'В руках у тебя винтовка, впереди — враг, стреляй наповал! Стреляй наповал!'; *Балам, йөрәк коло булмағыз, аҡыл коло булығыз* (М. Кәрим) 'Дитя мое, не будьте рабом чувств, а будьте рабом разума!'; *Түрҙән урын алығыз, һары балды һаллығыз. Арысландай батырҙарың Аржаһынан кағығыз* (фольк.) 'Пройдите на почетное место, налейте желтую брагу, батыров, подобных львам, дружески хлопайте по спине!';

3) побудительное предложение, организуемое с помощью формы 3-го лица повелительного наклонения: *Белгәндәрегеҙ өйрәтергә, белмәгәндәрегеҙ өйрәнергә атлығып торһон* («Ағизел») 'Пусть знающие рвутся объяснять, а незнающие рвутся учиться!'; *Биш йыллыҡтың йөрәк тибеше Бөгөңгө йыр аша һәр кемгә Ток шикелле инеп һеңеһен* (Ғ. Сәләм) 'Пусть пульс пятиметки через сегодняшнюю песню войдет в каждого, как электрический ток!';

4) побудительное предложение с глагольным сказуемым в форме 2-го лица ед. числа повелительного наклонения с частицей *-сы/-се*: *Һайрамаһы, һары һандуғасым, Өзөлөп-өзөлөп таала, яҡында; Булдырмәсе миңең уйҙарымды. Мин уйлайым кауышыу хакында* (фольк.) 'Не пой же, желтый соловей на иве, не перебивай же мои мысли, я думаю о свидании!'; данный вид побудительного предложения обычно выражает просьбу;

5) односоставное побудительное предложение, сказуемое которого выражается инфинитивом, имеет характер приказа и используется соответственно: *Комдив приказын тайпылышың утәрәгә һәм Корбановты кулаға алырға!* (Я. Хамматов) 'Неукоснительно выполнять приказ комдива и арестовать Курбанова!';

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Восклицательное предложение выражает эмоциональное отношение говорящего к своему высказыванию: восторг, восхищение, возмущение, гнев, гордость, жалость, желание, нежность, ненависть, призыв, презрение, поощрение, страх, удивление, ужас и другие чувства. К основным средствам их выражения относятся: восклицательная интонация, глаголы повелительного наклонения, эмоционально-экспрессивные слова, вопросительные местоимения, частицы и междометия.

В башкирском языке различаются следующие структурно-семантические типы восклицательного предложения:

1) восклицательное предложение, сказуемое которого выражается глаголом в форме 3-го лица ед. числа повелительного наклонения. Оно преимущественно употребляется в патриотических призывах и лозунгах: *Йәшәһен Советтәр Союзы Коммунистәр партияһы!* 'Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза!' (это — двусоставное нераспространенное предложение);

2) назывное (односоставное) восклицательное предложение: *Социалистик илдәр катын-кыздарына тугандарса сәләм!* (СБ) 'Братский привет женщинам социалистических стран!'; *Ҡаһарман совет халқына — ижадсы халыҡка, төҙөүсе халыҡка дан!* (СБ) 'Слава героическому советскому народу — народу-творцу, народу-созидателю!'; *Безең менән бергә байрамбыҙҙа шатланғыусы бәтә кешеләргә рәхмәт!* (М. Кәрим) 'Спасибо всем, кто вместе с нами радуется на нашем празднике!';

3) восклицательное назывное предложение, осложненное междометием:

Их, Асылыкул өстондә балык каптырып ултырыулары! (Ф. Исәнголов) 'Ах эти сидения на Асылыкуле с закинутыми удочками!';

4) восклицательное предложение с вопросительным местоимением *күпме*: *Без был данлы йылда күпме яңы дустан таптык! Күпме халыктар менән иске дуслығыбызды нығыттык!* (Ә. Вәли) 'Сколько новых друзей нашли мы в этом новом году! Со сколькими народами укрепили старую дружбу!';

5) восклицательное предложение, где в составе сказуемого употребляются частицы *бит*, *һуң* *инде*: *АЖШ конгрессмендәре араһында бер генә эшсенең дә, бер генә фермерҙең дә булмауы факт бит!* (СБ) 'Ведь факт, что среди конгрессменов США нет ни одного рабочего, ни одного фермера!'; *Купшы ла һуң инде Иван Ивановичтең бөрмәле туны!* (Н. Гоголь) 'Славная бекеша у Ивана Ивановича!';

6) сказуемое восклицательного предложения выражается модальным словом *бар*: *Миһең халкым кеүек кемдең тағы иң зур һәйкәл өсөн хаҡы бар!* (Ғ. Сәләм) 'Кто еще, как не мой народ, заслужил самый большой памятник!';

7) в качестве сказуемого восклицательного предложения выступает инфинитив в сочетании со словом *була*, имеющий модальное значение: *Һезрең кеүек Урал бөркәттәре менән фашистарҙең ояһын туззырырға, Гитлерҙең аҙау тешен һындырырға була* (БП) 'С такими уральскими беркутами, как вы, можно разгромить гнездо фашизма, сломать коренные зубы Гитлера!' — здесь *була* является синонимом модального слова *мәжкил*.

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Своеобразие грамматического строя любого языка ярко отражается порядком слов в предложении. Нормальным порядком слов обычно считается порядок слов в простом распространенном предложении спокойно-повествовательного характера. Обычный порядок слов характерен для прозы.

Размещение членов предложения в синтаксической конструкции зависит от цели высказывания и коммуникативного назначения — актуального членения. Как в башкирском, так и в других тюркских языках, определение употребляется препозитивно, затем располагаются подлежащее, обстоятельство, дополнение, а сказуемое занимает место в конце предложения. Определение всегда предшествует своему определяемому.

При наличии в синтаксической конструкции прямого и косвенного дополнений прямое дополнение обычно ставится непосредственно перед сказуемым. Если обстоятельства времени и места поясняют не только сказуемое, но и другие члены предложения, то они преимущественно употребляются в начале синтаксической конструкции, характеризую общий фон происходящих явлений и событий реальной действительности: *Бик боронго замандарзан алып безрең кондәргә тиклем кешелек донъяһының бәтә тарихе аша ҡәбилә, раса һәм милләттәр араһындағы конфликттарҙең өзлөкһөҙ тезмәһе һуҙыла* (СБ) 'От седой древности и до наших дней через всю историю человечества тянется непрерывная цепь племенных, расовых и национальных конфликтов.'

В башкирском литературном языке логически наиболее акцентированный член предложения — будь он подлежащее или второстепенный член — употребляется непосредственно перед сказуемым, ср.: *Азамат кисә Мәскәүгә китте* 'Азамат вчера в Москву уехал' — *Азамат Мәскәүгә кисә китте* 'Азамат в Москву вчера уехал' — *Кисә Мәскәүгә Азамат китте* 'Вчера в Москву Азамат уехал'.

В зависимости от контекста и коммуникативной цели высказывания сказуемое может выступать в качестве логически акцентированного члена предложения. В этом случае оно употребляется в начале синтаксической конструкции или предпоследним компонентом, т. е. перед подлежащим. Такая инверсия сказуемого довольно часто встречается в поэтических произведениях, пословицах, поговорках, политических призывах и лозунгах. Если логическое ударение падает на сказуемое, выраженное глаголом пове-

лительного наклонения, то даже дополнение следует за ним: *Бир кулыңды!* 'Дай руку'; *Укы китапты!* 'Читай книгу!'.

В зависимости от коммуникативного задания акцентуруемый второстепенный член предложения употребляется в начале предложения.

Из простых дополнений обычно актуализируются прямое дополнение в винительном падеже и косвенное дополнение в дательном падеже: *Килеу-селәрзе тирмәндә Киселевтың катыны каршы алды* («Агизел») 'Прибывших встретила на мельнице жена Киселева'; *Балага һәр сәғ көши балкып торһон* (СБ) 'Пусть для ребенка всегда светит солнце'.

Могут актуализироваться сложные дополнения и обстоятельства: *Крылов өсөн был йыл тағы ла шатлыкларык, тағы ла тантаналырак булды* (СБ) 'Для Крылова этот год был еще более радостным, еще более торжественным'; *Ярты төн уртаһында ғына Колсбай Ғайзуланың эргәһенә — йылы мейес башына менде* (Я. Хаммагов) 'Только в полночь Кулсубай забрался на теплую печь к Гайзуле'; *Салауат иленән без Уралды, бында йәшәгән халыктарҙы тағы ла нығырак яратыу тойғоһо менән китәбез* (СБ) 'Страну Салавата мы покидаем с любовью к народам Урала'; *Алты көн, алты төн буйына совет һададаттары дошманды уткәрмәй торалар* («Пионер») 'В течение шести дней и шести ночей советские солдаты не пропускают врага'.

Иногда несколько второстепенных членов, которые замыкает прямое дополнение, в предложении выносятся в начало предложения и актуализируются: *Ғәзәттән тыш катмарлы шарттарға тәбигәттең тиҫкәрелектәрен еңеү, ә күп кенә зоналарға һәйбәт урожай үстәрен алыу өсөн ни тиклем осталык һәм хәстәрлек кәрәк булыуын совет кешеләре яшны беләләр* (СБ) 'Советские люди знают, сколько мастерства и забот пришлось приложить земледельцам, чтобы в исключительно сложных условиях смягчить влияние стихии, а во многих зонах наперекор ей вырастить хороший урожай'.

Как известно, обособленные определения, приложения и дополнения обычно употребляются после определяемого, поясняемого слова, поэтому, естественно, они не могут стоять в начале предложения. Что касается обособленных обстоятельств, то они преимущественно относятся к главному сказуемому и занимают в синтаксической конструкции любое место. Одно из условий обособления состоит в том, что относящиеся к сказуемому обстоятельства не должны стоять рядом с поясняемым словом — глаголом.

Для того, чтобы актуализировать обособленные второстепенные члены, их следует вынести в начало предложения, т. е. перед подлежащим и сказуемым. Особенно это касается обособленных обстоятельств сравнения. Примеры: *Көз көнө безгән китеүсә кыр казлары шикелле, арба артынан арбалар тезелелте* (Г. Хәйри) 'Словно улетающие от нас осенью дикie гуси, телеги следовали одна за другой'; *Яңы ғына осрашып, ғашик булған йәш егет менән кыз һымак, Кәрим менән Нәзира бер-береһенә һокланып озақ кына һүҙһез торзолар* (Я. Хаммагов) 'Словно только что встретившиеся и полюбившие друг друга молодые люди, Карим и Назира долго стояли, молча и восторженно глядя друг на друга'; *Озақ айырылышып тороп, яңы күрешкән кешеләрҙәй, улар бер-береһенә төбәделәр* (Яр. Вәлиев) 'Они порывисто бросились друг к другу, как люди, давно разлученные и, наконец, встретившие, друг друга'.

Это — актуализация первой степени. Если обособленные второстепенные члены стоят после поясняемого слова, то образуется актуализация второй степени: *Таибә әбейгә — оло-оло күҙәле, аз һүҙле, тос йозорокло малайҙар ғына үстәрен өйрәнгән эсәгә, был кыз балалар кайһы сакта йәһле курсактар һымак кына күрәнә* (З. Бишева) 'Старухе Таибе — матери, вырастившей рослых, немногословных, крупноруких сыновей, эти девчурки иногда представлялись живыми куколками'; *Новиков, Индрил, Байғужа, Иртуганов һәм мин зур урмандың ситендә, яҙың зуш естәрен беркөп торған ерҙә, көши нурҙарынан кинәһеп ятабыҙ* (Д. Юлтый) 'Новиков, Индрил, Байғужа, Иртуганов и я лежим на опушке большого леса на залитой весенним дурнопахнующей земле, наслаждаясь солнечными лучами'.

Деепричастные обороты преимущественно употребляются между подлежащим и сказуемым. Такой оборот, стоящий рядом со сказуемым, не актуализируется, а напротив, сам актуализирует последующее сказуемое, которому подчинен: *Донъя тазарып, йыртых болоттар араһынан еп нурзарым нурған қояшка колоп караған төсло ятлап китте* (Ш. Ямбаев) 'Мир очистился и весь засиял, точно засмотревшись на нити солнечных лучей, протянувшихся из-под рваных облаков'; *Фашистэр кавалеристэрҙең жаты отпорына каршы тора алмайынса, үлгән һәм яраланған һалдаттарын ташлап сизгенәләр* (Ә. Ихсан) 'Не устояв под яростным натиском кавалеристов, фашисты отступают, бросая убитых и раненых'.

Если между обстоятельственным оборотом и подчиняющим его сказуемым стоит второстепенный член (члены), то такой оборот, обособляясь актуализируется: *Хаммат, Таибә әбей, Байрас осәуләп, һәр бер кыштырзауға қолаҡ һала-һала, тып-тып ултырып төндө көттөләр* (З. Бишшева) 'Прислушиваясь к каждому шороху, Хаммат, старуха Таибә и Байрас в полном молчании ждали наступления ночи'; *Шәмси, һул терһәген өстәлгә куйып, баш бармағын түбәнге ирене ағтымдағы әйж сокорона терәгән килеш, Баһау тураһында уйланды* (Ғ. Хәйри) 'Облокотившись левой рукой о стол и приложив большой палец к ямочке подбородка, Шамси задумался о судьбе Багауа'; *Каршылағы Уркәс тауы сусаҡ түбәләре менән күкрәк киреп ята* (Н. Мусин) 'Гора Уркәс острыми своими вершинами раскинулась во всю мощь'.

Это — актуализация второй степени. Если обстоятельственный оборот употребляется препозитивно, то он обладает актуализацией первой степени: *Ярзарынан ташып сыккан язгы һыу кеүек урғылышып, һалдаттар казарма ишектәренә ағылды* (Д. Юлтый) 'Бушуя, как весенняя вода, вышедшая из берегов, солдаты кинулись к дверям казармы'.

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОСТАВУ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ

ОДНОСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

По существующей лингвистической традиции простые предложения делятся на односоставные и двусоставные. В основе данной классификации лежит грамматический принцип. Если простое предложение состоит из главных и второстепенных членов, то оно называется двусоставным; если же простое предложение состоит только из подлежащего или только из сказуемого (но при их недопустимости, а не при контекстуальном эллипсисе), то оно называется односоставным. Односоставным бывает также и назывное предложение, состоящее из одного лишь слова, которое нельзя квалифицировать как какой-бы то ни было член предложения. В зависимости от того, какая часть речи представлена, односоставное предложение, может быть именным, наречным или глагольным. По целевому назначению различаются собственно повествовательные предложения и номинативные предложения (заглавия и названия предприятий, учреждений, учебных заведений, колхозов, совхозов и т. п.).

По грамматической структуре односоставные предложения делятся на безличные, инфинитивно-модальные, обобщенно-личные, неопределенно-личные и назывные.

БЕЗЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Безличное предложение выражает физиологическое или психическое состояние человека, желание действующего лица, возможность или невозможность совершения действия и описывает явления природы как самопроизвольные акты, совершающиеся без указания на их производителя.

В качестве сказуемого безличного предложения преимущественно выступают глаголы в форме 3-го лица ед. числа повелительного, возвратного

и страдательного залогов, дееспричастия па -п с вспомогательными глаголами (модификаторами) *була* или *булмай*, глаголы желательного наклонения и наречия.

Таким образом, сказуемое безличного предложения выражается:

1) глаголом в форме повелительного залога: *Аяк аҫты еуеиш, аз ғына тайғаҡлата* (С. Агиш) 'Под ногами сыро, немножко скользко';

2) глаголами в форме возвратного и страдательного залогов: *Нык кына арылған. Иртәнсәк тә йәйәү килеңгән* (З. Бишева) 'Дает знать сильная усталость. Да и утром пришлось шагать пешком'; *Ил ғизеп күпме йөрөлдө — мантылманы* (Я. Хамматов) 'Сколько пришлось ходить по земле — толку нет';

3) безличной сложной формой возможности на -п *бул/булма*: *Өс кешенең бер-береһенә булған күз ҡараштарынан бер төслө булған фекерҙәрен аңлап була ине* (С. Агиш) 'Во взглядах трех человек, брошенных друг на друга, можно было прочесть одни и те же мысли'; *Тай биреп йырлата алмағанды, ат биреп тә туктатып булмай* (посл.) 'Кого не заставишь петь, давая стригунка, но не остановишь, дав лошадь';

4) наречием, сопровождаемым служебным глаголом-связкой или без него: *Урман эсендә һалкынса, рәхәт булып китте* (А. Карнай) 'В лесу прохладно стало, хорошо'; *Тимергә ҡанып уңайһыҙ булып китте* (Б. Бикбай) 'Тимиру сразу стало неудобно'. Структура большинства безличных предложений башкирского и русского языков совпадает. Вместе с тем некоторые безличные предложения русского языка переводятся на башкирский язык двусоставным распространенным предложением, ср. *Грозой зажгло дерево — Ағасты йәшен һукты*.

ИНФИНИТИВНО-МОДАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Инфинитивно-модальное предложение выражает необходимость или ненужность, допустимость или недопустимость совершения действия. Данная разновидность односоставных предложений довольно часто употребляется в различных приказах и постановлениях, что определяет их стилистическую особенность. Сказуемое инфинитивно-модального предложения выражается:

1) инфинитивом, выступающим в значении безапелляционного императива: *Бер генә бөртөк орлокто ла ер өстөндә ҡалдырмаҫка, эрәм-шәрәм итмәҫкә!* (Б. Ишемғолов) 'Не оставлять в поле ни одного зернышка, соблюдать бережливость'; *Коммунизм төҙөүҙә өлгәһикән зур уңыштары өсөн Башҡорт Автономиялы Совет Социалистик Республикаһын Октябрь революцияһы ордене менән наградларға* (СВ) 'За большие успехи в строительстве коммунизма наградить Башкирскую Автономную Советскую Социалистическую Республику орденом Октябрьской революции';

2) инфинитивом в сочетании с модальными словами *ярай* 'можно', *ярамай* 'нельзя', *мөмкин* 'можно', *кәрәк* 'нужно' и т. п.: *Был шахтала үз өйөңдә ултырып эшләгән кеүек эшләргә ярай* (М. Гафури) 'В этой шахте можно работать так, как у себя дома'; *Һәр кемдә бер үлсәү менән үлсәргә ярамай* (посл.) 'Всех людей нельзя мерить одной меркой'; *Бөтә күҙеҙ кешеләрҙе күҙле итеп уларға яқты донъяны күрһәтергә кәрәк* (И. Абдуллин) 'Надо всех незрячих сделать зрячими и показать им весь наш светлый мир'; *Безрең комсомолды кадрҙар тарбияләүсе һоҡланғыс кадрҙар тимерлеге тип хәжлы рәүештә атарга мөмкин* (СВ) 'Наш комсомол можно с полным правом назвать кузницей чудесных кадров'; *Асылда күреп, эхләк һәм тәбиғәт-тәрҙе һынашамаған ике кешегә берләшергә мөмкин түгелдер* (М. Гафури) 'Наверное, двум по сути ни разу не встретившимся друг с другом и не знающим друг друга, невозможно найти общее';

3) инфинитивом в сочетании со спрягаемым сложным глаголом *тура кил* 'приходить': *Шул бер ай эсендә Мәрийәмгә лә күп кенә эштәр эшләргә тура килде* (М. Гафури) 'За этот месяц и Марьям пришлось много поработать';

4) инфинитивом в сочетании со вспомогательным глаголом — выражается благое желание: *Йәштәрҙе зарыҡтырмаҫка, туйҙы бик һәйбәт итеп*

уткэрэн ебэррегэ ине (З. Бишпева) 'Не надо бы докучать молодым, как следует пужно отпраздновать их свадьбу'.

Инфинитивно-модальные предложения могут выступать и в качестве одного из компонентов — частей сложной синтаксической конструкции.

ОБОБЩЕННО-ЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Этот тип предложения выражает действие, адресованное всем лицам, хотя формально и соотносено со 2-м лицом. Обобщенно-личное предложение представляет обобщенное умозаключение в виде иносказания в пословицах или поговорках. В качестве сказуемого обобщенно-личного предложения обычно выступают:

1) глаголы 2-го лица ед. числа условного и изъявительного наклонений: *Асыны татымаһаң, тәмлене белә алмаһың* (посл.) 'Если не попробуешь горького, то не узнаешь сладкого';

2) глаголы повелительного наклонения: *Атаңдың ғына улы булма, халқыңдың да улы бул* (посл.) 'Будь сыном не только отца, но и своего народа'.

Отдельные обобщенно-личные предложения встречаются и в художественной литературе, особенно в поэтических произведениях, где речь идет об обобщенном лирическом герое. *Бер-береңә карап дәртләнәһең, Бер-береңдән узышып ураһың, Колталарҙе бәйләп торған сакта, Нурлы йөзөн карап тораһың* (М. Гафури) 'Глядя друг на друга, вдохновляешься, И жнешь сердцем, соревнуясь, Когда вяжет она снопы, Не отрываешь взгляда от се лучезарного лица'.

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Неопределенно-личное предложение с намеренно устраненным подлежащим служит для обозначения действия, осуществление которого обобщенно приписывается неопределенным лицам, хотя формально функцию сказуемого неопределенно-личного предложения и выполняет 3-е лицо мн. числа изъявительного и условного наклонений: *Шакир ағайҙы бер ауыздан председатель иттеләр* (Д. Юлтый) 'Дядю Шакира единогласно избрали председателем'; *Наградаларҙы йәшкә карап бирмәйҙәр, оҙаҡ йәшәгән өсөн генә хөрмәт күрһәтмәйҙәр* (М. Кәрим) 'Наградками отмечаются не просто, по возрасту, почестями окружаются не просто за долголетнюю жизнь'; *Колхоз башлығын ашлығына карап һынайҙар* (посл.) 'О руководителе колхоза судят по хлебу, выращенному артелью'.

НАЗЫВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Если рассмотренные выше односоставные простые предложения состоят из группы сказуемого, то назывные предложения могут состоять из одного конституирующего слова, которое неправомерно рассматривать как какой-то определенный член предложения, хотя оно, замыкая предложение, и может иметь свои зависимые определения. В назывных, или номинативных, предложениях обычно предмет, явление, картина, события только называются, в лучшем случае перечисляются, как обстановка, в которой протекает описываемое далее событие и под. Они часто встречаются как в драматических, так и в прозаических произведениях. Примеры: *Колхоз идараһы алды. Ағастар. Ағастар төбөндә арты эскәмйә* (М. Кәрим) 'Двор правления колхоза. Деревья. Под деревьями скамья со спинкой'; *1934 йыл, 17 август. Мәскәү. Союздар йортоноң Колонналы залы* (И. Дәүләтшина) '17 августа 1934 года. Москва. Колонный зал Дома Союзов'.

Кроме того, назывные предложения встречаются в политических лозунгах, призывах, представленных в виде восклицательного именного предложения с замыкающим их компонентом вроде *дан* 'слава', *сәләм* 'привет': *Коммунизм тәҙүсә бөйөк совет халқына дан!* (СБ) 'Слава великому советскому народу — строителю коммунизма!'; *Социалистик илдәр халыктарына тугандарса сәләм!* (СБ) 'Братский привет народам социалистических стран!'.

знаками препинания (скобками, тире). В силу такой обособленности вставное предложение принято рассматривать в отрыве от самого усложняемого предложения, которое может быть не только простым, но и сложным. С этим трудно согласиться. Ибо, во-первых, при всей своей синтаксической и смысловой обособленности вставное предложение по своему положению мало чем отличается от приложения, обособленного определения и т. п. (когда оно поясняет лишь один из членов данного предложения), и даже от части пояснительного сложносочиненного (когда оно поясняет, уточняет содержание всего предложения). Во-вторых, вставное предложение имеет в рамках усложняемого предложения свое формальное выражение (синтаксическая интонация, отражаемая знаками препинания). Все это дает веские основания для постановки вопроса о статусе предложения, усложненного вставным предложением. Во всяком случае, существующая традиция его рассмотрения представляется весьма условной и предварительной, особенно когда само вставное предложение структурно организовано по модели сложного предложения.

Вставные предложения по своей структуре делятся на простые и сложные.

Простые вставные предложения в рамках усложняемого ими предложения занимают чаще всего интерпозицию или реже — постпозицию, выделяясь скобками или тире: *Кызыл гвардеецтәр — ул вақытта дружинниктәр тип аталалар ине — Совет йорто янындағы канавуга тезелеп яттылар* (А. Карнай) 'Красногвардейцы — в то время их называли дружинниками — залегли в один ряд в канаву около Дома Советов'; *Игендәрҙең йылына уртаса уңышы (озак вақыт буйына ул сама менән бер үк кимәлдә калып килде) хәҙер байтакка артты* (СБ) 'Среднегодовая урожайность зерновых (она в течение длительного времени находилась примерно на одном и том же уровне) ныне значительно повысилась'.

Сложные вставные предложения, как и простые, следуют непосредственно за членом предложения, содержание которого они поясняют, раскрывают, уточняют. В башкирском языке отмечено в целом десять структурных типов вставных сложных предложений.

1. Вставные предложения, представляющие сложносочиненную синтаксическую конструкцию: *Әйе, уңуу тураһында хәҙер миңә зитә лә, комсомол ойошмаһында ла, ойҙа эсәйем дә (эсәйемде мин бында күптән күсереп алып килдем, ул хәҙер йәш каланың төп кешеләренең береһе) ысҡартып кенә торалар* (З. Бишшева) 'Да, теперь мне то и дело везде напоминает об учебе: и на работе, и в комсомольской организации, и дома мать (маму я перевез сюда давно, теперь она полноправный гражданин молодого города)'.

Кроме того, данный вид вставных предложений встречается в художественных произведениях А. Тагирова, И. Насыри, Х. Карима, А. Вали, И. Абдуллина и других писателей.

2. Вставные предложения, представляющие сложноподчиненную синтаксическую конструкцию с придаточным определительным: *Кузлекле, аң сәлә директор (ул Әхнәф дауаланған госпиталдең хирургына бик окшаған) Әхнәфте җең начальнигына ебәрзе* (И. Абдуллин) 'Седоволосый директор в очках (он очень похож на хирурга в госпитале, где лечился Ахнәф) послал Ахнәфа к начальнику цеха'.

Эта разновидность вставных предложений пока не получила широкого распространения в башкирском литературном языке.

3. Вставные предложения, имеющие структуру сложноподчиненной синтаксической конструкции с придаточным дополнительным: *Башкортса моңло итеп озон көйҙәргә йырлап ебәрәргә ярай (шуны ла аныклар китәйем: безҙең ауылда элек кыҫка көйҙәргә булма ла татарса йырлай торғайнылар* (С. Агитш) 'Можно по-башкирски запеть мелодичные, протяжные песни (хочу пояснить: в нашей деревне раньше мы пели короткие папевы, на татарский лад)'.

В художественных произведениях этот вид вставных предложений встречается очень редко.

4. Вставные предложения, выраженные в форме сложноподчиненной синтаксической конструкции с придаточным времени: *Безҙең класс етәкселә*

теге Кәримә апай (без башлангыс мәктәпте боткәнсе, ул, ситтән торып укып институтты тамамлап алганлыктан, һаман безгә класс етәкчесе булып калды) һәр бер балага характеристика биреп сыгырга ярата (З. Бишова) 'Та самая тетя Карима — наша классная руководительница (которая оставалась ею до тех пор, пока мы не окончили начальные классы, поскольку она закончила в это время заочно институт) любила давать каждому особую характеристику'.

5. Вставные предложения, являющиеся сложноподчиненной синтаксической конструкцией с придаточным причины: *Әле бахыр шинель эллә кайза кәмһенеп ята кеүек мөйөштә (жара пальто тәнгә хужа булғас, эиләп булмай инде бер эш тә)* (Б. Ишемғолов) 'Теперь ненужная шинель с каким-то стыдливым видом валяется где-то в углу (а коль черное пальто тебе хозяин — ничего не сделаешь)'.

В зависимости от коммуникативного задания и контекста придаточное предложение причины без главного компонента само может выступать в качестве вставного предложения: *Шунан уллар Юлия Ивановнаның (ул «Кызыл крест» экиле булғанылыктан) начальствоға мөрәжғәт итеуен һоранылар (Н. Дәүләтшина)* 'Потом они попросили Юлию Ивановну (так как она была представительницей «Красного креста»), чтобы она обратилась к начальству'.

6. Вставные предложения, выраженные сложноподчиненной синтаксической конструкцией с придаточным следствия. Они преимущественно встречаются в художественных произведениях, переведенных на башкирский с русского: *Райкомол секретаре эллә ни тиклем документтар, справкалар, отношениеларҙе кесһенә йомарлап тыға-тыға (Окунев портфель йөрөтөүзе принципиаль рәүештә яратмай, шуға күрә портфеле карауат астында ята ине), һаубуллашып, бүлмәнән бер эйләнен, сығып китте* (Н. Островский) 'Рассовав по карманам кучу документов, справок, отношений (Окунев принципиально игнорировал портфель, и он валялся под кроватью), секретарь райкомла сделал прощальный круг по комнате и вышел'.

7. Вставные предложения, имеющие структуру сложноподчиненной синтаксической конструкции с придаточным условия. Следует отметить, что данная разновидность вставных предложений характерна для исконно башкирских поэтических произведений: *Һөйәм уны шундай булғаны өсөн, төрлө булған өсөн көндәре (эгер ерҙә гел яҙ ғына булһа, ни яҙлығы уның, ни йәме)* (Н. Нәжми) 'Люблю ее за то, что она такая, что так разнообразны ее дни (если бы на земле все время была весна, в чем ее суть и в чем краса?)'.

8. Вставные предложения, имеющие сложноподчиненную конструкцию с уступительным предложением: *Изән һеперев, мылтыктарҙы тазартыу (уларҙан атылмаһа ла, һәр көн мылтык тазарттыралар)* (А. Таһиров) 'Подметание пола, чистка винтовок (хотя и не стреляют, каждый день заставляют чистить винтовки)'.

9. Вставные предложения, выраженные сложной синтаксической конструкцией с несколькими придаточными. Они преимущественно употребляются в общественно-политической литературе, переведенной с русского языка: *Рус ысынбарлығын социал-демократтарҙың нисек аңлауҙарын туптура һәм намыслы рәүештә әйтеп бирергә (мәсьәләнең бигерәк тә экономик яғына баһым аһалһа һәм уллар үзҙәре алып барған бөтә «полемикаларҙа» ҡуллаңгандай ғомүми, бер ни тиклем эопса һөйләүҙәр ҡуллаңылһа, быны цензуранан хәүефһез рәүештә әйтеп бирергә туйһылһа мөмкин булған булыр ине) һәм был аңлауҙың асылына ҡаршы төшөргә, был аңлауҙан килеп сытқан практик һөҙөмтәләрҙең дорослөгөнә ҡаршы төшөргә улларға бер һиндэй ҙә ытһылһы юк* (В. И. Ленин) 'Нет и попытки прямо и добросовестно изложить их понимание русской действительности (в отношении цензурном это вполне возможно бы было, если бы напирать особенно на экономическую сторону, если бы держаться таких же общих, отчасти эоповских, выражений, в которых и велась вся их «полемика») и выражать против него по существу, возражать против правильности практических выводов из него'. Как видно из примера, вставное предложение поясняет не только препози-

тивные слова данной синтаксической конструкции, но и раскрывает содержание предыдущих предложений.

10. Вставные предложения, в форме смешанной синтаксической конструкции: *Украина яландарында журай усмай, имень (мин уны, элбиттэ, артык төпсәменем, был яңылыш була торган булһа, мине гафу итегез)* (С. Агиш) 'Мол, в степях Украины не растет курай (я, правда, не очень-то допытывался, и если вдруг ошибаюсь, прошу меня извинить)'

Следует отметить, что вставные предложения не характерны для башкирского устного народного творчества и не получили широкого распространения и в языке художественных произведений, они преимущественно встречаются в общественно-политической и публицистической литературе, художественных произведениях, переведенных с русского языка на башкирский.

УСЛОЖНЕННОЕ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В речевой практике структурно-семантические типы простых предложений могут быть представлены распространенной второстепенными членами и нераспространенной разновидностями в соответствии с коммуникативными задачами и синтаксическими потенциями своих главных членов. Распространение предложения не затрагивает его принципиального строения и семантического содержания.

Структурная схема данного типа простого предложения не меняется также и при контекстуальном эллипсисе подлежащего или сказуемого. Эллиптическое предложение является лишь одной из разновидностей его реализации.

На структуре и типологии простого предложения, как и сложного, не сказывается также и наличие или отсутствие в его составе обособленных второстепенных членов предложения, обращения или вводных слов. Статус предложения и его структура не меняется также от того, что оно включает в себя два или более однородных подлежащих при одном и том же сказуемом, с которым они все на общих основаниях непосредственно связаны параллельной связью.

Но этого нельзя сказать, когда при одном и том же подлежащем представлено два или более однородных сказуемых, тем более — неоднородных сказуемых (зависимое сказуемое, синтаксически подчиненное свободному сказуемому, обычно замыкающему данное предложение). Ибо основным определяющим необходимым структурным элементом всякого предложения, как это ныне признано, является предикативность, которая в тюркских языках в глагольных предложениях сводится по существу к сказуемому, в составе которого однозначно назван и субъект, т. е. все предикативное ядро предложения. С увеличением числа сказуемого, каждое из которых может обрастать второстепенными членами, меняется, таким образом, и состав предикации, а, стало быть, и структура двусоставного предложения, как это замечено давно¹⁰; тем более что однородные сказуемые не всегда образуют стройную цепь простого перечисления, а нередко находятся между собой в противительных-сопоставительных, пояснительных и т. п. сочинительных отношениях, усложняющих саму структуру предложения. От этого статус простого предложения не меняется: независимо от числа и соотношения однородных сказуемых они все относятся к общему для них одному и тому же подлежащему, составляя вместе с ним единое предикативное ядро, характерное именно для всего предложения, а не для его части, как это имеет место в частях сложного предложения, каждая из которых обладает этим свойством, характеризующим, следовательно, отнюдь не предложение, а только его часть. Но это вовсе не означает, что с изменением состава ска-

¹⁰ Недаром Н. К. Дмитриев в соответствии с давно установившейся традицией в отечественном языкознании предложения с однородными сказуемыми рассматривал как особую разновидность простого предложения, называя ее слитным предложением (Дмитриев Н. К. Указ. соч., с. 401).

зуемых при одном и том же подлежащем не меняется типология предложения и что выделение слитного предложения как особой структурной разновидности двусоставного предложения лишено оснований.

Особое и значительное место среди предложений с однородными сказуемыми занимает деепричастное сказуемое на *-н*, отмеченное еще П. М. Мелиоранским, П. К. Дмитриевым¹¹ и др. Такие предложения противопоставлены монопредикативному двусоставному предложению не только по коммуникативному содержанию, но и по структуре: если подлежащее в монопредикативном предложении не обязательно и потому не входит в структурную схему, то с появлением в нем деепричастного сказуемого на *-н* слабая связь между его подлежащим и свободным сказуемым перерастает в сильную, предусмотренную самой структурной схемой предложения — тем самым его предикативный центр становится полнокровным. К тому же создается новый соподчиненный предикативный компонент во главе с формой деепричастия с потенциальной возможностью его распространения на общих основаниях в соответствии с синтаксическими потенциальностями самого глагола, имеющего специальный показатель бипредикативности. Осложняется и структура и коммуникативное содержание предложения таким образом, что оно приобретает изоморфизм с соответствующим структурным типом соединительного сложносочиненного предложения, отличается от него, собственно, только по составу подлежащего: в приведенном нами случае одно подлежащее для соподчиненных однородных сказуемых, а здесь каждое сказуемое имеет свое раздельно выраженное подлежащее: ср., с одной стороны, *Ул кезденен газета алып, Иштуганга чондо* (З. Бишева) 'Он вынул газету из своего кармана и протянул ее Иштугану', с другой — *Кыш утөн, яз етте* (М. Гафури) 'Прошла зима, наступило лето'. Здесь в обоих случаях выражена последовательность действий во времени, находящихся в соединительных отношениях. Ср. еще: с одной стороны, *Ташлыяр хандугастары егерме таккыр йылы яктарга китен, егерме кабат тыуган, үскэн яктарына эйлене кайтылар* (Ф. Әсәнов) 'Ташлыярские соловьи двадцать раз отправлялись в теплые края, двадцать раз возвращались на свою родину', с другой — *Йөрүзән буйзарына егерме кабат яз килен, егерме кабат боззар китте* (Ф. Әсәнов) 'На долины Юрюзани двадцать раз приходила весна, двадцать раз трогался на реке лед'. Здесь составные части такого же соединительного предложения, как в первом случае, централизуют общее для двух однородных сказуемых подлежащее *Ташлыяр хандугастары*, а во втором — общее для обеих частей сложносочиненного предложения обстоятельство места *Йөрүзән буйзарына*.

Значительно более наглядно и неоспоримо меняется структура предложения и его коммуникативное содержание при его осложнении зависимым связанным сказуемым (см. с. 393—406). Причем в этом случае соотношение соподчиненных зависимого и свободного сказуемого, подчиняющего его, обнаруживает полный изоморфизм с соотношением сказуемого придаточной и главной частей сложноподчиненного предложения. Да и по общей структуре предложение с зависимой синтаксической развернутой конструкцией во главе с деепричастным и т. п. связанным сказуемым (1) отличается от соответствующего изоморфного сложноподчиненного предложения (2) только наличием объединяющего их сказуемые общим для них подлежащим. Ср., к примеру, следующие случаи.

1. Зависимое сказуемое выражает ограничительно-временную обусловленность двух действий: 1) в усложненном простом предложении: *Фатире алдына еткэс, Исмагилов туктап калды* (Ф. Исәнғолов) 'Когда Исмагилов дошел до своей квартиры, он остановился', 2) в сложноподчиненном предложении: *Концерт боткэс, улар ишек алдына сыкты* (Ф. Исәнғолов) 'Когда закончился концерт, они вышли на улицу';

2. Зависимое сказуемое выражает причинно-следственные отношения: 1) в усложненном простом предложении: *Нарат бер ни зә аңламагас, гәжтләнен Гәлиятка жараны* (Ф. Әсәнов) 'Поскольку Нарат ничего не понял,

¹¹ Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. СПб., 1897, ч. 2, с. 36; Дмитриев Н. К. Указ. соч., с. 401 и сл.

он с удивлением уставился на Гульшат'; 2) в сложноподчиненном предложении: *Кин бармагас, мин дэбарманым* (Я. Хамматов) 'Поскольку не ходил ты, не пошел и я'.

Во всех этих и сходных случаях сказуемые зависимой конструкции в сложном простом предложении и в придаточной части сложноподчиненного предложения и по структуре, и по своему обстоятельству значению (причины, способа действия, следствия и т. д.) и по синтаксическому положению в его отношении к подчиняющему сказуемому ничем в принципе не отличаются. Оба выделяются на общих основаниях. Выделяются именно как сказуемое с тем или иным обстоятельством значением, а не наоборот — как обстоятельство с подпредикативным назначением.

Сущность всякого связанного сказуемого зависимой конструкции, осложняющей простое предложение, заключается в выражении синтаксического соотношения между двумя глагольными сказуемыми точно на таких же началах, что и между сказуемыми придаточного и главного предложения в составе гипотаксиса, из которых первое как бы оно ни было осложнено обстоятельством значением остается сказуемым как в рамках придаточного, так и в пределах всего предложения в целом, сказуемым (а не обстоятельством), хотя и зависимым и информативно второстепенным, но не устранимым без ущерба структуры данного типа сложноподчиненного предложения. И пока связанное сказуемое выражает это соотношение, оно является полнозначным глаголом, несущим с собой то или иное обстоятельство значением, а не обстоятельством, сохраняющим глагольное значение, как это принято считать. Это доказывается и действительной неоспоримой связью подчиненного сказуемого с подлежащим, которую оно неизменно обнаруживает наравне с подчиняющим сказуемым.

Член предложения, связанный с подлежащим, если он даже выражает обстоятельственные отношения и подчинен другому сказуемому, не может быть квалифицирован как обстоятельство. Соответственно синтаксическую конструкцию, которую он организует и связывает с простым двусоставным предложением, нельзя считать обстоятельством оборотом, обходя молчанием ее ясно выраженную предикативность. Нельзя хотя бы потому, что зависимая конструкция рассматриваемого рода изоморфна с соответствующим придаточным предложением. Она являет собой его аналог. Признавая придаточное предложение как таковое нельзя отказать его аналогу, обнаруживающему с ним полный изоморфизм, в его предикативном характере. Ибо для признания придаточного предложения как такового решающую роль играет в конечном итоге именно предикативность, которой влечет всякого сомнения обладает и его аналог — зависимая конструкция со связанным сказуемым, осложняющая простое двусоставное предложение.

Организирующим элементом зависимой конструкции рассматриваемого рода является не только деепричастие и причастие, но и многие производные формы, выступающие в качестве ее сказуемого. С точки зрения чисто синтаксической при этом первый случай в принципе не отличается от второго. Поэтому нет нужды в особом выделении так называемых деепричастных или причастных оборотов.

Основой организующей компонент-связанное сказуемое зависимых конструкций, выражается следующими словоформами (служащими формальным выражением их подчинительной связи с основным сказуемым осложняемого предложения):

1) деепричастием на *-н*: *Будка эсендэ, үзен тэжэттэ ултырган батша һымак хис итеп, Алламорат ултыра* (Г. Дәүләтшин) 'Алламурат сидит в будке, чувствуя себя как царь на троне';

2) причастием прошедшего времени в форме местного падежа: *Берзән-бер көндө иптәшләре менән һунарға йөрөгәндә, Түземголға урманда һунарға тура килгән* (фолькл.) 'Однажды во время охоты Тизимгулу с товарищами пришлось переночевать в лесу';

3) причастием прошедшего времени с афф. *-дай/-дәй*: *Элеватор башындагы зур электрик лампаны, йондозарға табан ынтыйгандай үрзәрәж яна*

(С. Агиш) 'Большая электрическая лампочка, находящаяся над элеватором, горит выше других, как бы стремясь к звездам';

4) причастием прошедшего времени с послелогом *көйөнсө* или *халда*: Харис, бер жулына ботинкаһын, бер жулына күлдәгән тотқан көйөнсө, катып калды (А. Таһиров) 'Харис замер, держа в одной руке ботинки, в другой рубашку'; *Взводный командир беззе, карауатына кырын ятқан халда, каршылары* (А. Таһиров) 'Взводный командир встретил нас, полулежа на кровати';

5) причастием прошедшего времени с послелогом *курә*: *Без, укенең эсендә бик озак йәшәгәнә курә, башта һәр бер эшкә хайран калабыз* (М. Гафури) 'Так как мы долго жили по старинке, мы вначале всему удивляемся';

6) именем действия в форме исходного падежа с послелогом *һуң*: *Ғалим, Зөһрәнең заводка йөрөй башлауынан һуң, Сайфуланың тырышыбырақ эшләвен белә* (Н. Мусин) 'Галим знает, что Сайфулла стал работать старательнее после того, как Зухра начала ходить на завод';

7) причастием прошедшего времени с послелогом *һайын*: *Днепрға яқынлашқан һайын, карт һалдат йәшәрә барзы* (Ғ. Әмири) 'По мере приближения к Днепру старый солдат молодеет';

8) причастием *-(ы)р/-(е)р* с послелогом *өсөн* или инфинитивом с послелогом *тип*: *Дәүләтбай, Дүсмәттең кайза икәнә белер өсөн, разведкаға ике кеше ебәргәйне* (Б. Хәсән) 'Давлетбай послал двоих на разведку, чтобы узнать, где находится Дусмет'; *Карттарзың кайғыһын уртаклашырға тип, күп кеше килдә* (С. Агиш) 'Много народу пришло, чтобы разделить горе стариков';

9) деепричастием на *-ғас*: *Арбалағылар, юлда торған ике кешене күргәс, аттарың тужтаттылар* (Б. Бикбай) 'Увидев двоих на дороге, ехавшие на телеге остановили лошадей';

10) деепричастием на *-ғансы/-гәнсе*: *Кеше ақылы менән бай булғансы, Үз ақылың менән ярлы бул (посл.)* 'Чем быть богатым чужим умом, лучше быть бедным собственным'; *Тимер Яһсаров, хатты укып бөткәнсе, бер кемәгә башын күтәрәп җараманы* (Б. Бикбай) 'Пока не дочитал письмо до конца, Тимер Янсаров не поднял головы';

11) деепричастием на *-майынса*: *Сөнәт, Ғәмәр ауылына һуғылмайынса, туп-тура Ташбатқанға юл тотто* (Ж. Кейекбаев) 'Не заехав в деревню Гумерово, Сунагат напрямком направился в Тапбулатово';

12) причастием на *-ған/-гән* с послелогом *һымак, кеүек, шикелле, төслә*: *Куйы йәм-йәшел үлән араһындағы торло сәскәләр, үзәрәнен ақтык көн йәшәгәнә белеп хушлашырға теләгән һымак, яланды тулжынландырып, ел ыңғайына баштарың сайкай* (Я. Хамматов) 'Словно зная, что живут последние дни свои и желая проститься, цветы самых различных тонов и оттенков качали головками в такт порывам ветра';

13) причастием на *-ған/-гән* с аффт. *-лыктан/-лектән*: *һуғыштан былай за тамам туйған һалдаттар, илдә лә тыныслык таба алмағанлыктан, сиктән тыш асыландылар* (Х. Мохтар) 'Солдаты, уставшие от войны, не найдя покоя на родной стороне, были крайне разгневаны';

14) редуцированной формой деепричастия на *-а*: *Даланың үтә сағыу дәү қояшы, юсылар өстөндә алтын нурзарын һибә-һибә, ком диңгезе эсенә һеңеп юк булды* (З. Бишпева) 'Ослепляющее степное солнце, разливая свои лучи на путников, исчезло, провалившись в море песка';

15) причастием на *-ған/-гән* с послелогом *өсөн*: *1941 йылдың ноябрәндә гестапосылар, Гитлер армияһына қорос иретергә теләмәгән өсөн, Макар Мазайзы аттылар* (Х. Сафин) 'В ноябре 1941 года гестаповцы расстреляли Макара Мазая, за то, что он не захотел плавить сталь для армии Гитлера';

16) именем действия с послелогом *менән*: *Өйгә кайтып, караутка йығылыу менән музыка, йыр тауышы эле һаман да һинең қолағыңда яңғырайҙар* (Б. Ишемғолов) 'Вернувшись домой, ляжешь на кровать, а музыка, звучащие песни все еще будут звенеть в твоих ушах';

17) именем действия с аффиксом направительного падежа: *Төшкә ашты ашап бөтөгә, миңә сығырға рәхсәт иттеләр* (Н. Җәрип) 'Когда обед был съеден, мне позволили выйти';

18) причастием на *-ған/-гән* в местном падеже, выражающем действие как условие для совершения другого действия: *Биш телде үзләштергәндә, без ер шарындағы халыктардың утыз проценте менән һөйләшә, донъялағы баһып сыгарылған бөтә китап, газета һәм журналдардың һикһән процентен укый аласакбыз* (СБ) 'Если освоить пять языков, можно разговаривать с тридцатью процентами людей на земном шаре, читать восемьдесят процентов всех издаваемых книг, газет и журналов'.

В тюркологической литературе иногда смешиваются однородные сказуемые и разновидность обстоятельственного оборота, организующий компонент которого выражается деепричастием настоящего времени.

Если деепричастия обозначают последовательно совершающиеся действия одного субъекта и не поясняют сказуемое, то в предложении представлены однородные сказуемые. Например: *Григорий Волгин 1905 йыл революцияһында актив катнашканлығы өсөн самодержавиенең каты язалы төрмәләрен үтәп, Парың крайында биш йыллыҡ һәргән сороғы тамамлап, Самарға, үзенең туган заводына, жайтып урылашты* (Г. Дәүләтшина) 'За активное участие в революции 1905 года Григорий Волгин прошел сквозь жестокое горнило тюрем, отбыл пятилетнюю ссылку в Нарынском крае и, вернувшись в Самару, устроился на своем родном заводе'.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложное предложение является одной из проблемных синтаксических категорий, поэтому в лингвистической литературе нет единства взглядов в понимании и истолковании природы сложной синтаксической конструкции.

Характерно, что одни тюркологи в своих исследованиях чрезмерно расширили границы сложных предложений за счет причастных и деепричастных оборотов, а также обособленных второстепенных членов предложения, а другие, наоборот, сузили рамки сложных синтаксических конструкций, относя все придаточные предложения со сказуемым в неличной форме к развернутым членам простого распространенного предложения¹².

В лингвистической литературе все еще иногда высказывается мнение, по которому сложное предложение — будь оно сложносочиненное или сложноподчиненное — всегда выражает сложную мысль. Однако факты языка говорят о том, что сложная мысль может быть выражена и простым предложением, в частности таким, где имеются развернутые обособленные второстепенные члены и деепричастные обороты. Поэтому сложную мысль нельзя считать особенностью только сложных синтаксических конструкций.

Части (компоненты) сложного предложения качественно отличаются от простых предложений как по смыслу, так и по грамматической структуре. Некоторые лингвисты при определении сложных синтаксических конструкций не уделяют достаточного внимания формам выражения частей сложного предложения, например тому факту, что компоненты сложносочиненного предложения, а также главная часть сложноподчиненной синтаксической конструкции могут представлять структурную систему не только двусоставного, но и односоставного предложений¹³.

Далеко не всегда учитывается, кроме того, синтаксическая интонация, которая играет значительную роль в различении предложения и непредикативного словосочетания. В частности необходимость отличать интонацию компонентов сложных синтаксических конструкций от интонации обычных простых односоставных и двусоставных предложений. Характерная особенность некоторых компонентов сложноподчиненных синтаксических конструкций заключается именно в том, что они не имеют законченной интонации, поэтому многие тюркологи относят их к развернутым членам или причастным и деепричастным оборотам, т. е. к простым предложениям¹⁴. Иными

¹² См.: Ширалиев М. Ш. Указ. соч., с. 81 и др.

¹³ См. с. 450 данной работы.

¹⁴ См., к примеру: Әлмәр Н. Указ. соч., с. 169 и сл.; Закиев М. З. Указ. соч., с. 153—158.

словами, они не учитывают специфики частей сложных синтаксических конструкций тюркских языков.

Таким образом, сложное предложение является своеобразной единицей человеческого мышления и речи, оно выражает комплекс мыслей, его компоненты передаются в форме односоставных и двусоставных предложений, сложное целое состоит из двух или нескольких предложений, компоненты соединяются между собой или интонацией, или специальными аффиксальными словоформами, послелогоми, или союзами, имеют строго определенный порядок слов и т. п.

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

По существующей традиции сложные предложения делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные, хотя это, как известно, во многом является весьма условным.

В то же время такое деление в известной мере облегчает изучение и усвоение сложных синтаксических конструкций при изучении языка в средних школах и в высших учебных заведениях.

Сложносочиненное предложение (паратакис) отличается от сложноподчиненной синтаксической конструкции тем, что оно состоит из двух или нескольких относительно независимых самостоятельных предложений (компонентов, частей), в них не употребляются относительные слова, компоненты занимают разные места и в зависимости от цели высказывания, коммуникативного задания могут (правда не все) свободно передвигаться в составе сложносочиненной синтаксической конструкции, вследствие чего некоторые сложносочиненные предложения легко распадаются на обыкновенные простые предложения. Однако части сложносочиненного предложения нельзя считать абсолютно независимыми. Это особенно касается тех компонентов, которые выражают временные, причинные и следственные отношения в составе сложного целого.

Характерно, что в сложносочиненных синтаксических конструкциях часто первый компонент является более независимым, чем вторая часть. По типу связи сложносочиненные предложения обычно принято делить на союзные и бессоюзные.

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Судя по дошедшим до нашего времени тюркским письменным памятником VIII в. бессоюзные сложносочиненные синтаксические конструкции образовались гораздо раньше, чем сложносочиненные с союзами.

Бессоюзные сложносочиненные предложения занимают большое место в башкирском устном народном творчестве. Особенно широкое распространение получили эти конструкции после Великого Октября по мере формирования и развития башкирского письменного литературного языка на подлинно народной основе.

Кроме того, нельзя не отметить и того, что в процессе совершенствования грамматической структуры бессоюзных сложносочиненных предложений башкирского языка благотворное влияние на них оказали и оказывают литературные тюркские языки с продолжительной письменностью и русский язык.

По структурно-семантическому принципу бессоюзные сложносочиненные предложения делятся на следующие виды.

1. Бессоюзные сложносочиненные предложения, выражающие временную последовательность фактов, действий, явлений и событий. Роль сказуемых таких конструкций выполняют глаголы личной и неличной форм. Компоненты занимают постоянное место в составе сложносочиненного предложения: *Утте кыш. килде матур яз, бозло карзар иренелер. Каз келде киткэн матур коштар тагы мо килелер* (М. Гафури) 'Прошла зима, пришла радостная весна, растаяли обледенелые снега, опять прилетели красивые

птицы, улетевшие осенью»; *Была кояш кыззыра башлар, көндәр йылынып, йәшел хәтфә кеүек үләндәр йәшәрен сығыр, ер өстә матур сәскәләр менән каплаптыр, унан һин дә беззәң менән бергә кың яланда югерә башларның* (С. Мифтахов) 'Вот начнет пригревать солнце, теплее станут дни, зазеленеют травы, земля покроется красивыми цветами, потом и ты начнешь бегать с нами на просторе'; *Жандарм башып калкытып та өлгөрмәне, Салих йәшен кеүек тәзрәгә атылды, бер ынтыйлышта тәзрә төбөнә ыргып менде лә, караңгылыкта сумып, күзән югалды* (Х. Мохтар) 'Не успел жандарм приподнять и голову, Салих молнией метнулся к окну, в один миг вскочил на подоконник и скрылся в темноте'.

Характерно, что компоненты данного вида синтаксических конструкций строятся преимущественно по типу двусоставного предложения, хотя в качестве сказуемого выступает глагол в личной форме, при которой подлежащего чаще всего не бывает. В подобных бессоюзных сложносочиненных синтаксических конструкциях подлежащее представляет обычно тему, поэтому оно здесь не опускается.

2. Бессоюзные сложносочиненные предложения, выражающие одновременность действий, явлений и событий. Функцию сказуемых в большинстве случаев в них выполняют глаголы настоящего времени изъявительного наклонения. Бессоюзные сложносочиненные синтаксические конструкции этого типа широко используются в художественной литературе как средство описания одновременно происходящих действий, явлений и событий реального мира: *Кис менән кайһыны ашай, эсә, кайһылары балаларын йоклата, кайһылары бисәһе менән талаша, кайһылары йыйылып ултыралар за күргәндәрен, белгәндәрен һөйләшәләр* (А. Таһиров) 'Вечером одни едят, пьют, другие укладывают детей спать, некоторые ругаются с женами, некоторые собираются и разговаривают о том, что видали и слышали'; *Береһе тутыккан двигателгә кушып кәләш яусыларга йөрөй, икенсәһе көпә-көндөз бынау заманда кыз урларга маташа* (М. Кәрим) 'Один ходит сватать невесту впридачу к заржавелому двигателю, другой среди белого дня пытается умыкнуть девушку'.

Наличие в первом примере общего для всех частей обстоятельства времени *кис менән* 'вечером' в значительной мере усиливает зависимость компонентов друг от друга. Иногда в бессоюзных сложносочиненных предложениях речь идет только об одном субъекте, лексически отдельно выражаемом одним и тем же местоимением в обеих их частях: *Сәлимә, мин һинә шаяртырға уйлағайным да хәзер ысынып әйтәм: мин һиңә ысынлап өйләнәм* (Ш. Насыров) 'Салима, я хотел пошутить с тобой да теперь правду говорю: я в самом деле жепюсь на тебе'. Характерно, что во второй части этого сложного предложения действие относится к сфере будущего времени, хотя оно и представлено формой настоящего времени индикатива, в которой стоит и сказуемое-глагол первой части предложения.

3. Бессоюзные сложносочиненные синтаксические конструкции, выражающие действия, явления и события, которые вообще происходили в прошлом. Особенность данных бессоюзных сложносочиненных предложений состоит в том, что здесь часто переплетаются одновременность и последовательность действий, явлений и событий; в их составе обстоятельства употребляются крайне редко, сказуемые выражаются глаголами прошедшего времени изъявительного наклонения: *Был һуғыштар ауыр булды, бик күп кандар түгелде, йәт-йәш кенә мөскен йәндәр кара ергә күмелде* (фольк.) 'Эти войны были тяжелыми, очень много пролилось крови, были погублены и похоронены молодые души'; *Казан тултырып ит һалынды, биш-алты йәйем һалма йәйелде, тултырма, йбуаса, ләүәш, күмәс — береһе лә калмай бешерелде* (З. Бишева) 'Мяса было положено полный котел, раскатано пять—шесть кусков теста, приготовлено много всяких кушаний'.

4. Бессоюзные сложносочиненные предложения, выражающие действия, явления и события, которые вообще произойдут в будущем. В качестве их сказуемых выступают преимущественно глаголы будущего времени изъявительного наклонения. Здесь обстоятельства времени обычно не употребля-

ются: *Кояш балкыр, ер айланеп торор, яззар булыр, агыр йылгалар, ерзэ Ленин исеме наман йэшэр, кешелэр уны мәңге зурларзар* (Б. Бикбай) 'Солнце засияет, земля будет кружиться, весна будет, реки будут течь, имя Ленина на земле будет жить вечно, люди вечно будут почитать его'; *Иң матур йырзар йырланасак, иң гүзэл һылы һүрәттәр тошөрәлсәк, иң моңло койзәр уйналасак* (М. Кәрим) 'Будут спеты самые хорошие песни, созданы самые прекрасные картины, прозвучат самые мелодичные мотивы'.

5. Бессоюзные сложносочиненные синтаксические конструкции, выражающие действия, явления и события безотносительные к определенному времени. В данном случае роль сказуемых в компонентах сложного предложения выполняют не только глаголы личной и великой формы, но и другие части речи: *Кулде камыш матурлай, ирзе паныш матурлай* (посл.) 'Камыш красит озеро, честь красит мужчине'; *Баш уйлар, кәләм языр* (погов.) 'Голова думает, карандаш пишет'; *Донъя ла кың, мал өсөн дә урын күп, үләне бар, сәхрәһе бар, һыуы бар, йылгаһы бар* (К. Мәргән) 'Мир широк, много места для скота, трава есть, степь есть, вода есть, река есть'; *Донъябыз имен, балаларыбыз исэн, тормошобоз түңәрәк* (Г. Вәлиев) 'Мир спокоен, наши дети здоровы, жизнь наша хороша'; *Юлың якты, көңөң көләс, теләгең саф, бөйөк илдең кәзерле бер балаһы һин* (З. Бишева) 'Твоя дорога светла, твой день ясный, твое желание благородное, ты — любимое дитя великой страны'; *Әсе һүз — дарыу, татлы һүз — агыу* (погов.) 'Горькое слово — лекарство, сладкое слово — яд'; *Якшы атка камсы кәрәкмәй, уңган кызга аусы кәрәкмәй* (погов.) 'Доброму коню плетка не нужна, трудолюбивой девушке сватъев не нужно'.

Как видно, приведенные выше бессоюзные сложносочиненные предложения больше характерны для пословиц и поговорок.

6. Особый структурно-семантический тип представляют бессоюзные сложносочиненные предложения со значением противопоставления. Данный тип обычно состоит только из двух компонентов, которые выражаются как односоставными, так и двусоставными предложениями. Между частями, как правило, ставится тире: *Мине икенсе бригадага ебәртергә тырышып караны — булманы* (А. Карнай) 'Он старался направить меня в другую бригаду — ничего не вышло'; *Тартып каранылар — асылманы* (С. Ханов) 'Подергали — не открылась'; *Совет кешеләре байрам алдынан иске коймаларзы булу менән шөгәлләнмәйзәр — улар иң тәүзә өй эсендә тәртип булдырырга, шулай ук коймаларзы ла яңыртырга тырышалар* (М. Кәрим) 'Советские люди не занимаются перед праздниками перекрашиванием старых заборов — они стараются прежде всего навести порядок дома, и обновляют эти заборы'; *Тәзрә шакыр ине — кул күтәрелмәй, китеп барыр ине — аяк тартмай* (Х. Гиләжев) 'Постучал бы в окно — рука не поднимается, ушел бы — нога не слушается'.

7. Весьма своеобразны бессоюзные сложносочиненные синтаксические конструкции, вторая часть которых раскрывает содержание первой. Этот вид сложносочиненных предложений нередко состоит из трех частей — предложений. После первой части обычно ставится двоеточие: *Башкорт халкының яраткан ике эйбере бар: уның береһе — кымыз, икенсеһе — сәй* (Т. Тажи) 'У башкирского народа есть две любимые вещи: одна из них — кумыс, другая — чай'; *Уның донъяһы теүәл: байлык якшы, тамак тук, өс бөтөн, ауырлык күрмәй* (Н. Дәүләтшина) 'У него все в порядке: состояние хорошее, сыт, обут, трудностей не видит'; *Фронтта эштәр хана: һалдаттар арығандар, жорал насар, батша һарайының һигезе җаһшай, ул емереләсәк* (С. Мифтахов) 'Плохи дела на фронте: солдаты усталые, оружие плохое, основание царского дворца распатывается, он развалится'.

8. Бессоюзные сложносочиненные предложения, вторая часть которых обобщает содержание препозитивных компонентов, семантически близки к сложноподчиненным предложениям с придаточным следствия. Однако в данном случае употребляются следственные союзы *шунның аржаһында* 'вследствие чего', *шуға күрә* 'поэтому' и соотносительные слова *шундай* 'такой' и *шул тиклем* 'до такой степени', которые обычно имеют место в глав-

ной части сложноподчиненной синтаксической конструкции: *Алтын да бар Уралда, комош тә бар Уралда — Урал — бай тау ул* (Т. Даян) 'На Урале есть и золото, на Урале есть и серебро: Урал — богатая гора'; *Илдә һүмәс көши тыузы, кешеләр бәхеткә туйзы, йөрәжкә шатлыклар тулды — партияның ақылы ине был* (Р. Ниғмәти) 'Над страной взошло неугасимое солнце, люди полны счастья, радость нахлынула в сердца — это и есть разум партии'; *Береһе күлдәк теғә кейәуенә, береһе ямай сарык җартына, береһе юрган һыра, береһе сигә — эш өстөндә быллар барыһы ла* (Г. Йәнәби) 'Одна шьет сорочку для жениха, другая старику ичиги чинит, третья стегает одеяло, четвертая вышивает — все они за работой'.

9. В башкирском языке довольно часто встречаются бессоюзные сложносочиненные предложения, в которых сказуемые их частей выражаются деепричастием на -п: *Йыйлышы булып, инструктор комсомолдарҙың колхоз хәрәкәтендәге бурыстарын һөйләне* (Н. Тәрши) 'Состоялось собрание, инструктор говорил о задачах комсомольцев в колхозном движении'; *Бер зә үтмәс кеүек тойолған озон көн үтөп, төн етеп, җараңғы төшөп тә китте* (З. Бишева) 'Прошел день, казавшийся таким долгим, пришла ночь, наступила темнота'; *Картина бөтөп, залдағы зур лампалар гөлт итеп нур һипте* (С. Кулибай) 'Картина закончилась, в зале загорелись большие лампы, ярко засияли лучи'.

Некоторые тюркологи склонны относить их к таким сложным синтаксическим конструкциям, которые имеют особенности паратаксиса и гипотаксиса. Рассмотренный вид бессоюзного сложносочиненного предложения является древнейшей формой паратаксиса, где роль соединительного союза выполняет словоформы сказуемого-глагола. Он представляет стилистическую разновидность бессоюзной сложносочиненной синтаксической конструкции, оба сказуемых которых выражены формами спрягаемого глагола¹⁵, выполняющими роль соединительного союза.

10. Иногда в составе сложносочиненного предложения употребляется общий для всех компонентов второстепенный член: *Кышкы айҙарҙа Ҡара диңгез айырыуса борсоу була, көсө штормдар йыш җабатлана* (Ғ. Әмири) 'В зимние месяцы черное море бывает особенно беспокойным, часто повторяются сильные штормы'; *Өстәлдә самауыр босорап ултыра, матур бизәкле сынаяктар тезелгән* (Ф. Иҫәнғолов) 'На столе самовар пышет парами, расставлены чашки с красивыми узорами'; *Өс көн, өс төн буйы ар буйлап күктә җара болоттар йөзгән, күк күкрәгән, диңгез ҡотороған* («Ленинсе») 'Три дня и три ночи по небу плыли черные тучи, гремел гром, бушевало море'.

11. В зависимости от контекста компоненты бессоюзных сложносочиненных синтаксических конструкций могут состоять только из односоставных предложений. Иными словами, здесь подлежащие отсутствуют: *Бында оҙаҡ һөйләшеп ултырырға ярамай, эште ҡысқа тоторға кәрәк* (Ғ. Дәүләтшин) 'Здесь нельзя долго засиживаться за разговором, быстро надо выполнить дело'; *Малайҙар менән дуҫтарса айырылыштыҡ, юкка күрткәнмын икән* (Б. Бикбай) 'С мальчиками расстались дружески, напрасно, оказывается, я боялся'; *Ялынып-ялынып күлмә тунһаһын тапаныҡ — һүзебезҙе ҡолаҡка ла элмәй* (Н. Изелбай) 'Сколько ни обивали его порог, сколько ни просили — не принял во внимание наши слова'.

12. В качестве компонента сложных синтаксических конструкций очень редко выступают назывные предложения: *Ана матур мәктәп, ана укыу өйө, улан колхоз — улар барыһы ла Шәрәй тырышылығы арҗаһында барлыкка килделәр* (Г. Йәнәби) 'Вон красивая школа, вон изба-читальня, затем колхоз — все они созданы благодаря усилиям Шәрәя'; *Аяҡта итек, өстә салбар, телогрейка, ҡулда бейәләй* (З. Бишева) 'На нем брюки, телогрейка, на ногах сапоги, на руках рукавицы'; *Ғәлмәзиләһнең аяғында бейек күтәрмәле һырылған итек, өстөндә әберкәле озон күлдәк, еңһез кәзәкей, беләктә*

¹⁵ Об этом, как и об основных типах сложносочиненных предложений, сказуемое первой части которых выражено деепричастием на -п, см.: Юлдашев А. А. Соотношение деепричастных и спрягаемых форм глагола в тюркских языках. М., 1977, с. 240—250.

рендә алтын беләзектәр, бармағында алмас кашлы алтын йөзөк (Я. Хамма-тов) 'На ногах у Гульмадины узорчатые сапожки на высокой платформе, на плечах — длинное платье с оборками, жилет без рукавов, на запястьях — золотые браслеты, на пальце — золотой перстень с алмазом'.

Как видно из первого примера, употребление слова *ана* 'вон' в данной синтаксической конструкции играет решающую роль в превращении простого предложения с однородными членами в бессоюзное сложносочиненное предложение.

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С СОЮЗОМ

Сложносочиненные предложения с союзами формировались в основном, довольно поздно, главным образом после возникновения башкирского письменного литературного языка. Правда, в сказках, эпосах и легендах встречаются сложносочиненные синтаксические конструкции с союзами *-да/-дә, -за/-зә, -ла/-лә, -та/-тә, ә, ләкин*, но они составляют исключение.

В семантическом плане сложносочиненные предложения с союзами почти не отличаются от бессоюзных конструкций: преимущественно выражают одни и те же отношения.

Компоненты сложносочиненного предложения с союзами представлены в виде односоставных и двусоставных предложений, причем в качестве сказуемых частей сложного целого выступают не только глаголы, причастия, деепричастия, но и другие части речи.

Исходя из структурно-семантического принципа, сложносочиненные предложения с союзами делятся на следующие виды.

1. Сложносочиненные синтаксические конструкции с соединительными союзами *-да/-дә, -за/-зә, -ла/-лә, -та/-тә, һәм 'и', шулай уҡ 'также', йәнә 'еще', тағы 'еще', етмәһә 'к тому же', шуның өстөнә 'к тому же', шуның менән бергә 'вместе с тем', шул уҡ ваҡытта 'в то же время'*, в которых выражаются одновременность и последовательность действий, явлений и событий: *Ул миңе йөкөнан бик иртә уятты ла, мин аң эзләргә киттем* (Ө. Чаныш) 'Он разбудил меня очень рано, и я пошел искать лошадь'; *Иртәнән һуңға районға барырһың, һәм юлға сығырһыңың* (С. Агиш) 'Послезавтра поедешь в район, и отправишься в путь'; *Кулдар калтырай, шуның менән бергә дөп-дөп һуңжан йөрәк тауыштары миңең қолаңға шишелә* (Д. Юлтый) 'Руки дрожат, к тому же громкий стук сердца доносится до моих ушей'; *Ғилманға Зөбәржәттең ниңә бында көтөп тороуы хәзер һис тә сер түгел иңе инде, шул уҡ ваҡытта уның бындай һөйләшеүгә эзерлеге лә юҡ иңе* (Н. Мусин) 'Для Гильмана теперь несколько не было секретом, зачем Зубаржат ядала здесь, в то же время у него не было готовности к такому разговору'.

2. Сложносочиненные предложения с противительными союзами *бәлки 'возможно, но и', ә 'а', ләкин 'но, однако', әммә 'однако', тик 'только, однако', шулай за 'все-таки', юғиһә 'иначе'*, в которых выражаются сопоставительные отношения, противопоставления и несоответствия. Так как в этих сложных конструкциях имеет место сопоставление двух действий, явлений и событий, сложносочиненные предложения с данными союзами преимущественно состоят только из двух компонентов, представляя, таким образом, закрытую структуру: *Урта быуаттарға Болгар арҡылы сит ил сәйәхәтселәре геиз үтөп йөрөмәгән, бәлки башҡорт ҡәбиләләренән дә айырым кешеләргә, айырым төркөмдәргә яҙмыш йыш ҡына шул уҡ озон юл менән Ғәрәбстанға алып барған* (Ө. Харисов) 'В средние века через Булгарию проходили не только иностранные путешественники, судьба приводила по тем длинным дорогам в Аравию и отдельных людей и отдельные группы из башкирских племен'; *Ваҡиғалар Владимир Ильичте безең Өфөгә километрға, ә тарих уны безең қаланың мәңгелек кешеге, үлемһез гражданине итте* (М. Кәрим) 'Обстоятельства привели Владимира Ильича в нашу Уфу, а история сделала его бессмертным гражданином нашего города'; *Алыс түгел соҡорға шытырап һуу ағып ята, ләкин унда сәрмәйһәр* (А. Таһиров) 'Недалеко в овраге течет река, но туда не пускают'; *Төш яҡынлап бара, әммә тау яғынан эшкә километрҙәр күрәнмәй әле* (Б. Бикбай) 'Приближается

полдень, но со стороны горы не видно идущих на работу'; *Ул Йосопто теуэл бер йыл коттә, тик иңәлер Йосоп кайтманы* (Р. Нигмәти) 'Она ждала Юсупа ровно год, но Юсуп почему-то не вернулся'; *Сынтимер агай миңәлә институтка инергә кәңәш итә, тик мин тәүҙә Гөлгөнәне укытам әле* (Ш. Янбаев) 'Сынтимер агай советует и мне поступить в институт, только я вначале выучу Гульбену'; *Аттарҙы арба тирәһендә генә ашатырға кәрәк, юғиһә айыу һәжүм итер* (М. Ғафури) 'Надо кормить лошадей у телеги, иначе медведь может напасть'.

3. Сложносочиненные синтаксические конструкции с повторяющимися союзами *берсә* 'ни', *йә* 'либо', *йәки* 'или', *әле* 'то', *әллә* 'то ли', в которых выражаются разделительные отношения с оттенками предположения, перечисления, чередования: *Ни капитан, һөрәмә китеп, ирепен кымтыған, ни Федотов менән Суминов телдән калғандар* (Ә. Хәкимов) 'И капитан, помрачнев, поджал губы, и Федотов с Суминовым молчат'; *Тау араһынан барғанда һояш рәтлә күренмәй: йә уны эре ағастар каплай, йә бейек тауҙар был ерҙән йәшереп торалар* (М. Ғафури) 'Когда идешь между горами, солнце плохо видно: то заслоняют высокие деревья, то — высокие горы'; *Миңә арттан Пина ҡарап торған кеүек, йәки ул минән көлгән йәки илаған төслә* (Д. Юлтый) 'Нина будто бы следит за мной: то покажется, что она насмехается надо мной, то плачет'; *Юл буйлап әле дошман офицерҙәре арттарына боролон ата-ата югерә, әле уларҙы баһтырын һызыл атлылар саба* (Ф. Иҫәнғолов) 'То по дороге бегут белые офицеры, оборачиваясь и стреляя, то проносятся красные всадники, преследуя беляков'.

Данная разновидность сложносочиненных предложений не получила широкого распространения в башкирском литературном языке. Союзы, представленные в них, обычно употребляются между однородными членами простого предложения.

4. Сложносочиненные предложения с союзом *йәғни* 'то-есть', во второй части которых поясняется содержание первой: *Бәтә һыу кыуышылыҡка китеп тик тора, кире кайтмай, йәғни циркуляция булмай* (Р. Солтангәрәев) 'Вся вода уходит в отверстие, обратно не идет, т. е. нет циркуляции'; *Йәйге хәрәкәттәр бик көслә булды, йәғни йәйге һуғыштар кышҡыға ҡарағанда кызууыраҡ алып барылды* («Ағизел») 'Летние продвижения были очень сильны, то есть летние бои велись энергичнее, чем зимние'.

5. Сложносочиненные синтаксические конструкции со следственным союзом *хатта* 'даже' и союзными словами *ғәүмән* 'вообще', *тимәк* 'значит', *шулай итеп* 'итак', во второй части которых обобщается содержание первого компонента: *Көслә елдәр, штормдар булды, хатта баржалар Кама менән Волга арҙарына ығытылды* (Ә. Бикчәнтәев) 'Дули жестокие ветры, штормы, даже баржи выкидывало на берег Камы и Волги'; *Ғалдаттың үзәнә, ғаиләһенә бүләктәр бирҙеләр, ғәүмән, һалдат хажында кайнар хәстәрлек күрелде* (Ә. Чаныш) 'Дали подарки самому солдату, его семье, вообще о солдате была проявлена большая забота'; *Наратлы ауылын аҡтар алыу тураһында хәбәр килде, тимәк, бөгөн йәки иртәгә улар был ауылда ла булырға мөмкин* (С. Ханов) 'Пришла весть о взятии белыми деревни Наратлы, значит, сегодня или завтра они могут оказаться и в этой деревне'; *Баһкалар, көслөрәк, аҡыллыраҡ ҡулдар аңы парктар, аңы аллеялар, аңы ағастар ултыртыр, тимәк, ҡалабыҙ йәшәр һәм йәшеллек шатлығы менән һулыш алыр* (М. Кәрим) 'Другие, более сильные, более мудрые руки посадят новые парки, новые аллеи, новые деревья, значит, город будет жить и дышать радостью свежести'.

Как видно из примеров, функцию союза выполняют вводные модальные слова *ғәүмән* 'вообще', *тимәк* 'значит', *шулай итеп* 'итак', таким образом'. В зависимости от коммуникативного задания и контекста в сложносочиненных синтаксических конструкциях в качестве союзного слова могут выступать и другие модальные слова, в частности *ихтимал* 'возможно', *әйтерһең дә* 'будто'; *Безҙең байтаҡ кына тауарыбыҙ Ленинград портында ята, ихтимал, һезҙең заказ да шунда эләккәндәр* (И. Насыри) 'Значительное количество наших товаров лежит в Ленинградском порту, возможно, и ваш заказ

попал туда'; Улар колган сакта бер-береһенә бигерәк тә ошайҙар, әйтерһең дә, колергә үзҙәрен бер кеше ойрәткән (С. Агиш) 'Когда они смеются, то особенно походят друг на друга, словно один человек научил их смеяться'. Однако из этого не следует, что все вводные модальные слова выступают в качестве союзного слова в составе сложносочиненной синтаксической конструкции. Так, например, модальные слова *азыры* 'кажется' и *буғай* 'будто' не могут выполнять роли союзных слов, хотя они также употребляются между компонентами сложного целого, ибо эти вводные слова не входят в состав второй части сложносочиненного предложения, а относятся к первому компоненту, в результате чего они не могут выполнять функции союзного слова: *Тик ултырыу туйыҙығандыр, азыры, карағош, канаттарың ике ятҡа йәһең, бейек тауҙы эргәләт, уралып-уралып оса башлань* (Б. Ишемғолов) 'Сидеть без дела, видимо, надоело, и стервятник, расправив крылья начал летать, кружась над склонами высокой горы'; *Исеме — Сибай, буғай, фамилияһын белмәйем* (И. Насыри) 'Имя его — кажется Сибай, фамилии не знаю'. Оба примера являются бессоюзными сочиненными предложениями.

Таким образом, бессоюзные сложносочиненные синтаксические конструкции и сложносочиненные предложения с союзами в башкирском языке выражают различные отношения, состоят из двух или нескольких компонентов, представленных в виде односоставных и двусоставных предложений, наличие двух подлежащих и двух сказуемых в каждом сложносочиненном предложении вовсе не обязательно ¹⁶.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В тюркологии сложноподчиненное предложение является недостаточно разработанной категорией. До сих пор нет единого понимания природы придаточного предложения, нет четкого разграничения зависимых предложений, развернутых (обособленных) членов предложения, причастных и деепричастных оборотов. В понимании и истолковании грамматической природы сложноподчиненных синтаксических конструкций, особенно придаточных предложений, существуют три направления.

Некоторые тюркологи, например, М. А. Казембек, В. А. Гордлевский, А. К. Боровков, Н. Т. Саурапбаев и др. считают, что развернутые конструкции с зависимым и подчиняющим сказуемым даже при одном и том же подлежащем являются придаточными предложениями, хотя в их составе отсутствует отдельно выраженный главный член — подлежащее.

По мнению Н. А. Баскакова, И. А. Батмапова, Н. А. Дыренковой, М. Ш. Ширалиева, С. А. Джафарова, С. А. Аманжолова, А. З. Абдулаева, К. К. Сартбаева и др. основным, определяющим критерием придаточного предложения в тюркских языках является не только отдельно выраженный субъект (подлежащее), но и предикат (сказуемое), выраженный только личной глагольной формой. Соответственно, по их мнению, придаточные предложения, сказуемые которых выражаются причастиями или деепричастиями, относятся к развернутым (обособленным) членам предложения.

И. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, М. А. Аскарова, А. П. Поцелуевский, Е. И. Убрятова, М. З. Закиев, К. З. Ахмеров и мн. др. к вопросу о синтаксических функциях причастий и деепричастий подходят дифференцированно: если глаголы неличной (масдарной) формы или причастия и деепричастия в синтаксической конструкции выступают в качестве сказуемых, то мы имеем дело с придаточными предложениями, если же они выполняют функцию вто-

¹⁶ Состав структурно-семантических типов сложносочиненных предложений далеко не исчерпывается представленным здесь материалом. Ср., например, работы: *Сөйтбатталов Ф. Ф.* Башкорт теленең күшма һөйләм синтаксисе. Өфө, 1961; *Әхмәр Н.* Башкорт телендә тезмә күшма һөйләм синтаксисе. Өфө, 1960; *Юлдашев А. А.* Соотношение деепричастных и спрягаемых форм глагола в тюркских языках, с. 240—250.

ростеменных членов предложения и перед ними отсутствует отдельно выраженное подлежащее, то это — простое предложение с развернутыми членами или причастным или деепричастным оборотами. Мы, как и большинство наших синтаксистов, разделяем точку зрения этой группы тюркологов¹⁷.

Основной причиной споров и разногласий среди тюркологов в понимании грамматической природы сложноподчиненного предложения является то, что некоторые лингвисты не учитывают своеобразия и особенности сложноподчиненных синтаксических конструкций. То же самое можно сказать и о синтаксической интонации. Между тем она не может быть одним из основных критериев придаточных предложений. С точки зрения актуального синтаксиса сложноподчиненная синтаксическая конструкция — цельная коммуникативная единица, организованная централизующей интонацией, если даже она и однозначно ограничивает одну ее составляющую часть от другой.

Кроме того, отдельные тюркологи отмечают способность придаточных предложений к выделяемости из состава сложноподчиненного предложения в качестве автономного простого предложения. Эта способность придаточных предложений к выделяемости свойственна только тем синтаксическим конструкциям, сказуемые которых выражаются глаголами личной формы, и то не все, ср., например, неоспоримые общепризнанные сложносочиненные предложения с повторяющимися разделительным союзом *йә* 'либо', где ни одна их часть не может быть выделена как самостоятельное предложение в отрыве от другой.

Что касается других придаточных предложений, то они совсем лишены в качестве отдельного предложения выделяемости. В этом одна из отличительных черт придаточного предложения от компонентов сложносочиненной синтаксической конструкции, кроме отдельных ее типов.

Характеризуя придаточные предложения, отдельные языковеды уделяют внимание наличию подлежащего в составе зависимой части сложноподчиненной конструкции. При этом они не придают особого значения сказуемому придаточного предложения. Так, например, Л. Залая отмечает, что подлежащее присуще всем придаточным предложениям. Однако не подлежащее, а сказуемое является постоянным главным членом в придаточном предложении. Подлежащее обычно употребляется в обязательном порядке в том случае, когда сказуемое зависимой части выражается глаголом неличной формы — причастием и деепричастием. Иными словами, придаточные предложения, сказуемые которых выражаются глаголами личной формы, преимущественно функционируют без отдельно выраженного подлежащего; а если в качестве сказуемых придаточных предложений выступают причастия и деепричастия, то зависимое предложение, напротив, обязательно предполагает свое отдельно выраженное подлежащее.

Характерно, что из односоставных назывное предложение может выполнять функцию только главного компонента сложноподчиненной синтаксической конструкции, причем наличие предикативности в нем весьма проблематично.

Придаточные предложения характеризуются рядом специфических признаков.

1. Придаточное предложение имеет относительную логическую самостоятельность, в значительно большей мере свойственную главному предложению.

¹⁷ Вместе с тем следует сказать, что иногда конструкции, главные члены которых представлены отдельно выраженными подлежащим и сказуемым, не являются придаточными предложениями, так как по смыслу они представляют собой синтаксические фразеологизмы. Таковы, например, фразеологизмы: *балтаһы һыуға төшкән кеүек* 'быть не в духе' (букв. 'словно уронил топор в реку'); *һыуһыны таһғансы* 'сильно утолить жажду'; *таһһығы таһғансы* 'отвести душу' (о еде) и др.

Таким образом, наличие отдельно выраженного подлежащего в идиоматических выражениях и синтаксических фразеологизмах несколько не способствует образованию придаточных предложений.

2. Любое придаточное предложение, будь оно определительное, дополнительное или обстоятельственное — в отличие от непредикативных словосочетаний, обособленных второстепенных членов предложения и причастных, деепричастных оборотов, характеризуется модальностью — выражает отношение говорящего к реальной действительности.

3. Придаточное предложение обязательно имеет сказуемое, которое может быть выражено не только спрягаемым глаголом, причастием, деепричастием, отглагольным именем, но и другими частями речи.

4. Придаточное предложение иногда имеет союз или союзное слово, в том числе относительные слова. Однако наличие последних в сложноподчиненных синтаксических конструкциях башкирского языка далеко не всегда имеет решающее значение, ибо функцию союзов несут с собой формы причастий, деепричастий и наклонений глагола. Отсюда преобладание в башкирском языке и других тюркских языках синтетического типа придаточных предложений (т. е. связанных с главным предложением при помощи специальных аффиксальных словоформ). Большинство союзов заимствовано из арабского и персидского языков.

5. Придаточное предложение **зависит от главного предложения** и поясняет содержание последнего в целом или раскрывает значение подлежащего, сказуемого и второстепенных членов главной части, выраженных различными частями речи вообще, в особенности относительными и указательными местоимениями.

6. Между придаточным и главным предложениями ставится запятая, двоеточие или тире. Вместе с тем в башкирском языке имеются и такие придаточные предложения, которые не отделяются от главного компонента никакими знаками препинания. Таковы, например, некоторые определительные, дополнительные придаточные предложения и отдельные разновидности придаточного предложения места. Причем для этих синтаксических конструкций не характерна особая интонация.

Исходя из структурно-семантического принципа, придаточные предложения в башкирском языке принято делить на следующие виды: 1) придаточное подлежащее, 2) придаточное сказуемое, 3) придаточное определительное, 4) придаточное дополнительное, 5) придаточное времени, 6) придаточное места, 7) придаточное причины, 8) придаточное следствия, 9) придаточное цели, 10) придаточное образа действия, 11) придаточное меры и степени, 12) придаточное сравнительное, 13) придаточное условия, 14) придаточное уступительное.

По характеру связи между частями сложноподчиненного предложения различаются синтетические (показатель связи — словоформа), аналитические (с союзной связью) и аналитико-синтетические (связь выражена словоформой в сочетании с союзом). Они специфичны для каждого вида придаточного предложения.

ПРИДАТОЧНОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Придаточное подлежащее, представляя грамматически оформленное зависимое предложение, поясняет и раскрывает содержание подлежащего главной части. Последнее обычно выражается указательными местоимениями *шул* 'тот', *шуныкы* 'тот из них', при отсутствии которых придаточное как бы выполняет функцию подлежащего главной части сложноподчиненной синтаксической конструкции. В языке художественных произведений встречаются как препозитивные, так и постпозитивные придаточные подлежащие предложения, сказуемые которых выражаются глаголами изъявительного и условного наклонений: *Кем дә кем уза, шул зур байрамга безгәң өккә булып барыр* (А. Карнай) 'Кто опередит всех, тот пойдет на праздник нашим представителем'; *Күнселек кем яғында булһа, шул еңгәк* (Х. Мохтар) 'На чьей стороне будет большинство, тот и победит'¹⁸; *Кыскаһы, шул аң-*

¹⁸ *Примечание отв. ред.* Конституирующим элементом сходных предложений служит употребление соотносительных союзных слов *кем — шул, кем дә кем — шул*, из коих второе одновременно служит и подлежащим главного предложения.

лашылды: *Тазкира туристәр йәмғиәтендә тора икән* (С. Агиш) 'Короче говоря, выяснилось, что оказывается Тазкира состоит членом туристического общества'.

Если в главном предложении отсутствует подлежащее, выраженное указательным местоимением, то главная часть имеет форму односоставного предложения; придаточное подлежащее предложение в этом случае не имеет союзной связи, и природу сложноподчиненного предложения как такового предопределяет смысловая соотнесенность его частей, на письме отраженное двоеточием: *Безең әле бик күбебезгә мәғлүм: башкорт, татар эшәндәре граждандар һуғышында бик ныҡ катнаштылар* (М. Гафури) 'Большинству из нас известно: башкирские и татарские трудящиеся активно участвовали в гражданской войне'; *Капыл Мансурзың үсенә төштө: Аксәсәк СынTIMERZE ҮСКӘ ЛӘ АЛМАНЫ, ҮНЫҢ ТАҖЫНДА БЕР ГЕНӘ АУЫЗ ҺҮЗ ЗӘ ӘЙТМӘНӘ* (Ш. Янбаев) 'Аксәсәк даже не вспомнила СынTIMИРА, не обмолвилась о нем ни одним словом'; *Күренеп тора: егеттәр кызга ниндәй зә булһа һүз жушырға, шуның менән әңгәмә башлап китергә уйлайзар* (С. Агиш) 'По всему было видно: парни хотят сказать девушке хоть какое-то слово и тем завязать с ней разговор'¹⁹.

Иногда придаточное предложение подлежащее присоединяется к главной части при помощи союза *ки*. Этот союз, заимствованный из персидского языка, получил широкое распространение не столько в поэзии, сколько в прозаических произведениях, ср.: *Һәр кемгә мәғлүм ки, ут җазаһы ауыл халыктарының баштарына килә торған җазаларзың иң зур, иң җурҗыныстарынан хисапланалар* (М. Гафури) 'Каждому известно: для сельского населения пожар является одним из больших и страшных стихийных бедствий'. Здесь, в отличие от других союзов, *ки* употребляется в составе главной части сложноподчиненной синтаксической конструкции.

В качестве подлежащего придаточного предложения может выступать вопросительное местоимение *ни* 'что', обозначающее неодушевленный предмет: *Оло йортка ни кәрәк — кесенә лә шул кәрәк* (посл.) 'Что надо большому дому, то падо и маленькому дому'.

ПРИДАТОЧНОЕ СКАЗУЕМОСТНОЕ

Это предложение поясняет и раскрывает содержание сказуемого главной части, выраженного указательными местоимениями *шул*, *шундай*, *шулай*, *шунда*. Различаются постпозитивные и препозитивные придаточные сказуемые предложения. Функцию сказуемого придаточного предложения выполняют глаголы изъявительного наклонения, инфинитив или же другие части речи: *Минең һүзем шул: мин коммунанан сыға алмайым* (А. Таһиров) 'Мое слово таково: я не могу уйти из коммуны'; *Хәзер көндәр шундай: һәр сәғәте, һәр минуты киммәт сиңыфка!* (Т. Йөнәби) 'Теперь такие дни: каждый час, каждая минута дороги классу!'; *Председатель ниндәй — колхоз да шундай* (посл.) 'Каков председатель — таков и колхоз'; *Миләүшә сәскәһе шулай: үзе төскә матур түгел, әммә ябай күркәмлеге менән кешеләр күңелендә мәләйемлек һәм мәхәббәт уята* (Ө. Чаныш) 'Цветок фиалки такой: неброский, но своим простым и неиритязательным видом будит в людях чувства любви и очарования'; *Иң җурҗынысы шунда: тылда Советтәргә җаршы кәстәр баш җалкытты* (Ф. Исәнғолов) 'Самое опасное в том, что враги Советов подняли голову'.

ПРИДАТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЕ

Оно поясняет и раскрывает содержание членов главной части, выраженных именем существительным или субстантивированной частью речи. В отличие от причастных оборотов, определительное придаточное предложение

¹⁹ Эти и сходные предложения квалифицируются так не только Г. Г. Сайтбатталовым. Однако на деле они представляют сложноподчиненные предложения с придаточным пояснительным, близко стоящие к соответствующим типам сложносочиненных предложений.

имеет отдельно выраженное подлежащее и сказуемое, иными словами, оно преимущественно выражается в форме двусоставного предложения. Что касается особой интонации, то наличие ее является необязательным.

Определительные придаточные предложения бывают препозитивными и постпозитивными, из которых первые являются более древними и более распространенными. Препозитивные делятся на синтетические и аналитические типы, которые в зависимости от контекста и коммуникативного задания могут употребляться и в середине главного предложения. Сказуемое препозитивного определительного придаточного предложения обычно выражается причастием или глаголом изъявительного наклонения: *Йин эшлэй-эсэж колхоздың бағузары бик матур ерзэ, Ағизел туғайында, урынлашқан* (БТ) 'Колхозные поля, где ты будешь работать, находятся по берегам Белой'; *Хәзер бәтә кеше укый, яза белергә тейеш тигән приказ бар* (Д. Юлтый) 'Есть приказ, по которому теперь все должны уметь читать и писать'.

Постпозитивные определительные придаточные предложения, сформировались сравнительно позже препозитивных и являются результатом развития башкирского литературного языка. Их особенность заключается в том, что они выражают основную мысль, содержащуюся в сложноподчиненной синтаксической конструкции, и раскрывают содержание относительных слов *ошондай, шундай*, которые преимущественно выполняют роль определения главного предложения: *Бында Сәғидуллин шундай картинаға тап булды: Совет йортоңда күп кенә халыҡ йыйылған* (А. Карнай) 'Здесь Сагидуллин увидел такую картину: в доме Совета собралось много народу'; *Йыш кына Карпатта шундай хәлдәр зә булғылай: һапыл күтәрелгән ел томанды бик тиҙ таратып ебәрә* (Ө. Чаныш) 'На Карпатах часто так случается: внезапно поднявшийся ветер быстро разносит туман'.

Функцию сказуемого придаточного определительного предложения выполняет также глагол условного наклонения, при этом перед существительным-подлежащим употребляются относительные слова *ни саҡлы* 'сколько, постольку', которым в главном предложении соответствует *шул саҡлы* 'столько, постольку': *Кояш эсәндә ни саҡлы йылылык буһа, ата-эсә күңелендә лә шул саҡлы изгелек* (БТ) 'Сколько тепла в солнце, столько же добра у матери и отца'.

Иногда в придаточном предложении употребляется слово *нисә* 'сколько', а в главном — относительное слово *шунғыса* соответственно 'столько' в роли определения: *Нисә күрайсы менән йырсы буһа, бер-береһенә окшамаған шунғыса көй барлыкка килә* (Й. Солтанов) 'Сколько существует непохожих друг на друга кураистов и певцов, столько различных песен рождается на свет'.

ПРИДАТОЧНОЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ

Дополнительное придаточное предложение поясняет сказуемое главного предложения или раскрывает содержание дополнения, выраженного относительными словами *шуға, шунғы, шунан, шунғы менән*. В башкирском литературном языке довольно широко распространены как синтетические, так и аналитические дополнительные предложения. В отличие от дополнения данное придаточное предложение имеет отдельно выраженные подлежащее и сказуемое. Это обстоятельство является основным, определяющим критерием при определении дополнительных придаточных предложений.

Отличительная черта дополнительных придаточных предложений синтетического типа заключается в том, что их сказуемые выражаются причастиями, отглагольными именами с аффиксами дательного, винительного и исходного падежей. Эти придаточные конструкции обычно лишены самостоятельной интонации так же, как и некоторые определительные придаточные предложения, поэтому они от главной части не отделяются никакими знаками препинания: *Петров Айбулат килеүгә ысын күңеленән шатланды* (Н. Дәүләтшина) 'Петров от души радовался тому, что пришел Айбулат'; *Мин дә шул малайҙар эшләгәнде эшләй алмаҫ инемме ни?* (С. Ағиш) 'Теужели и я не смог бы делать то, что делают те мальчишки'; *Золэйта туташ мин уйла-*

гадан да һылыуыраҡ булып сыжты (Т. Йәһәби) 'Зулейха оказалась красивее, чем я думал'.

Характерная особенность дополнительных придаточных предложений аналитического типа состоит в том, что они присоединяются к главной части при помощи послелюга *тип* или поясняют относительные слова *шуға* 'тому', *шуны* 'то', *шунан* 'оттого, потому', *шуның менән* 'этим': *Мин, был эш атайым менән эсәйемдең кайғыһын тағы ла арттыра торғандыр, тип уйлайым* (М. Гафури) 'Я думал, что это дело еще больше увеличило горе моего отца и матери'; *Сания йәнә шуға шатланып бәтә алмай: егәрле, берҙәм бригадаға, тәжрибәле бригадирға тура килделәр улар* (БҒ) 'Сания не может нарадоваться тому, что они попали в трудолюбивую бригаду, к опытному бригадиру'; *Һүз уңайында шуны әйтергә кәрәк: Әпсәләмовтар — гәжәп кунак-сыл кешеләр* (А. Карнай) 'Кстати, надо сказать, что Абсалямовы — удивительно гостеприимные люди'; *Ауыл халкының киң күңеллеге шунан да күренә: олоһо ла, кесеһе лә урамда осраған таныш булмаған кешегә лә сәләм биреп узалар* («Ағизел») 'Приветливость деревенских жителей видна еще и вот почему: и стар, и млад при встрече на улице уважительно здороваются даже с незнакомым человеком'; *Нимә мине бала сақта, йәшлектә тетрәтте, мин шулар тураһында һөйләйем* (М. Кәрим) 'Я рассказываю о том, что меня потрясло в детстве и юности'.

Иногда встречаются такие дополнительные придаточные предложения, которые присоединяются к главному компоненту путем особой интонации: *Күрәм: кәши кеүек, ер өстөнә даны жалға һаман илемдең* (Ғ. Сәләм) 'Визу: слава моей страны, как солнце над землей поднимается'; *Императорға әйт: Юлай улы Салауат был ебәккә тап төшөрмәс!* (М. Кәрим) 'Скажи императору: сын Юлая Салават не оставит пятнышка на этом нежном шелке!'

ПРИДАТОЧНОЕ ВРЕМЕНИ

Придаточное предложение времени указывает, когда происходит действие, явление, событие, названное в главном предложении, иными словами, выражает временные отношения между действиями, явлениями, событиями окружающей нас реальной действительности. Структурно различаются придаточные предложения времени синтетические, аналитические и аналитико-синтетические. В качестве сказуемых придаточных предложений преимущественно выступают причастия, деепричастия, глаголы изъявительного наклонения с различными послелюгами.

Синтетические придаточные времени: *Һалдаттар запятыенән кайткансы, шул рәүешле тентеүҙәр дауам итте* (М. Гафури) 'Обыски таким образом продолжались до тех пор, пока солдаты не вернулись с занятия'; *Ғәбделхәжимов килеүгә, Алшаров менән Кәбир улы ыңғарала кәтөп ултыралар ине* (Яр. Вәлиев) 'К приходу Габдельхакимова Алшаров и Кабир уже ждали его в управлении'; *Поезд станцияға килеп тукталғас та, пассажир-әр барыһы бер ыңғай вагон шыегенә юнәлделәр* (Я. Хамматов) 'Едва поезд остановился на станции, как все пассажиры двинулись к двери вагона'; *Паром туктар-туктамастан, Коля ярға һикерҙе һәм арлы-бирле иткәһсе килеп тә етте* (Р. Низамов) 'Не успел паром пристать к берегу, как Коля прыгнул туда и пока суть да дело, успел уже добраться'; *Без килгәндә, культура һарайында йәй көндәре генә була торған тынлыҡ хөкөм һөрә ине* (Ә. Таһирова) 'Когда мы приехали, в доме культуры царили тишина и покой, какие бывают только в летнюю пору'.

Характерно, что для различения продолжительности и предела действия во времени в башкирском языке служит соответствующая постановка ударения, падающего на сказуемое придаточного предложения: *Ул, мин хат язып бөткәһсе, китап укып ултырҙы* 'Пока я писал письмо, он читал книгу (Он читал книгу до тех пор, пока я не написал письмо)'. Если ударение падает на последний слог в слове-сказуемом придаточного, то предложение выражает продолжительность действия, а если же оно падает на первый слог: то предложение выражает предел действия во времени.

Аналитические придаточные времени: *Молотилка тауышы туктау менән, кешеләрҙең һөйләшеүҙәре, кәләшкәндәре асыҡ булып ишетелде* (С. Агиш) 'Как только прекратился шум молотилки, стали хорошо слышны разговор и смех'; *Халыҡ йыйылған сакта, бер аз һөйләшен алайыҡ* (Я. Хамматов) 'Давайте поговорим, пока собрался народ'; *Калдаттар ауылға ингән мәлдә, Әптерәхим менән киткән Гөльямал үзе лә яңылыктарҙы белмәне* (Я. Хамматов) 'Когда солдаты вступали в аул, Гүльямал, которая ушла вместе с Абдрахимом, и сама не знала никаких новостей'; *Хәл катмарланып китмәҫ элек, Дон Хуан тоқсайын сисеп күрһәтһен* (Ә. Бикчәнтәев) 'Пока дела не осложнились, пусть Дон Хуан развяжет свой мешок и покажет, что там внутри'; *Магазин ябылмаҫ борон, сәскә алып олгорорғә кәрәк* (Й. Солтанов) 'Надо успеть купить цветы, пока не закрылся магазин'; *Ғин кайткандан бирле Уйылдан былай ға утқа баҫқан бесәй кеүек йөрөй* (Н. Мусин) 'С тех пор, как ты вернулся, Вильдан и так ходит, как кот, наступивший на огонь'; *Зайнетдин менән Ильбай күптән түгел генә, һуғыш сығыр алдынан ғына, Осло тау яғында аттар көттө, тәндәрән усаҡ яқты* (Р. Низамов) 'Зайнетдин вместе с Ильбаем совсем недавно, перед самым началом войны, пасли лошадей на отрогах Осло-тау, жгли по ночам костры'; *Операторҙар берәр көрәк кар алып, ситкә ыргыткан арала, буран шул уҡ ергә тултырып та өлгөрә* («Ағизел») 'Пока операторы отбросят одну лопатку снега, буран успеваает снова завалить снегом то место'; *Дошман артиллерияһы ут асқан һайын мин боецтарҙы арткараҡ күсереп торҙом* (Ә. Бикчәнтәев) 'Каждый раз, когда враг начинал артиллерийский обстрел, я отводил бойцов немного назад'.

Аналитико-синтетические придаточные предложения времени: *Язғы баҫу эштәре башланғанға саклы, ваҡыт аз кала* (СБ) 'До начала весенних полевых работ остается немного времени'; *Бозло кар луғандан алда сәселгән бойҙай, карабойҙай үсте* (Я. Хамматов) 'Выросли пшеница и гречиха, посеянные перед тем, как прошел снег с градом'; *Староста сығып киткәндән азак та, Хажисолтан тыныслана алманы, урамға сықты* (Я. Хамматов) 'Даже после того, как староста ушел, Хажисултан не мог успокоиться, вышел на улицу'; *Гүзәл һылыу кайткандан бирле, колхозыбыҙға ер эшкәртеу культураһы бермә-бер күтәрелде* (И. Физзәтуллин) 'С тех пор, как вернулась Гүзель, в нашем колхозе культура обработки земли резко повысилась'; *Нефть промышленносе барлыкка килгәндән һуң, Башкортостанда 140 нефть һәм газ яткылығы асылды* («Ағизел») 'После того, как зародилась нефтяная промышленность, стало ясно, что в Башкирии имеются 140 залежей нефти и газа'.

ПРИДАТОЧНОЕ МЕСТА

Придаточное предложение места указывает, где происходит, куда или откуда направляется действие, выраженное сказуемым главной части сложноподчиненного предложения.

Придаточные предложения места не являются распространенными зависимыми конструкциями. Они преимущественно имеют только аналитический тип и не получили широкого распространения в башкирском языке. Видимо, в языке пространственные отношения больше и ярче выражаются в обстоятельствах места простого предложения, чем в придаточных предложениях сложноподчиненной конструкции.

Характерная особенность придаточных предложений места состоит в том, что функцию сказуемого обычно выполняют глаголы условного или изъявительного наклонения, а сами придаточные поясняют указательные местоимения *шунда, шунан*. В составе придаточных предложений места параллельно употребляются слова *кайза, кайзан*: *Партия кайза куша, мин шунда йәнем-тәнем менән шиләрғә эзермен* (С. Мифтахов) 'Я готов работать всей душой там, куда посылает партия'; *Диләккәне кайһы ерҙә кыржырлык ағас бар, шунан ғына бирәбез* (П. Мусин) 'Делянки будем выделять только там, где есть деревья'.

Иногда в сложноподчиненных синтаксических конструкциях употребляются слова *ерээ* 'там', *урында* 'на месте', *якка* 'в сторону', которые выполняют две функции: по отношению к главной части они являются своеобразным обстоятельством места, а по отношению к придаточному предложению — компонентом сказуемого, вследствие чего придаточная часть является самостоятельной интонации: *Ярһыу арыслаһдар жаһга батып алышһан ерээ көсөк талаштырыу урынлымы?* (М. Кәрим) 'Уместно ли устраивать драку щепков там, где сражались львы?'; *Яңылыштар йыш булыусан була етәкселек йомһаҡ урында* (Т. Йәнәби) 'Ошибки бывают там, где руководство слабо'; *Минең менән ултырган кеше — агроном да — мин бара торған якка осасаң икән* (С. Агиш) 'Оказывается, мой полутчик-агроном летел в одну сторону со мной'; *Алыста, Хисмәтулла киткән якта, мылтыкһан атһан тауыш ишетелде* (Я. Хамматов) 'Вдалеке, там, куда ушел Хисматулла, раздался выстрел винтовки'.

Сказуемое придаточного предложения места может быть выражено деепричастием. В данном случае при определении вида придаточного предложения главную роль играет семантика сказуемых как главной, так и зависимой частей сложноподчиненного предложения. Здесь и в сходных случаях локальные отношения переплетаются с временными: *Мин уның артыһан, ул халыҡ араһына барып еткәнсе, эйәреп барҙым* (М. Ғафури) 'Я шел за ним до тех пор, пока он не догнал народ'; *Рәүфтең тыуған ауылына биш-алты сәғрым җәләс, юлды бүлеп торған тәрән Алашай йырынына һыу туяған булып сыҡты* (Р. Ғабдрахманов) 'Когда до родной деревни Рауфа оставалось пять-шесть километров, выяснилось, что овраг Алашай, перерезающий дорогу, до краев заполнен водой'.

ПРИДАТОЧНОЕ ПРИЧИНЫ

Придаточное предложение причины указывает на причину того действия, явления и события, о которых говорится в главном предложении. Этот вид придаточных относится к разряду тех зависимых предложений, которые поясняют и раскрывают не содержание одного члена главного предложения, а содержание последнего в целом. Причинные отношения в основном выражаются причастием, оформленным аффиксами направительного и исходного падежей, а также его сочетанием с различными послелогами.

Среди придаточных предложений причины различаются: синтетические, аналитические и аналитико-синтетические.

Функцию сказуемого придаточного предложения причины синтетического типа выполняют причастия, отглагольные имена и другие части речи в форме дательного и исходного падежей: *Новиков үзенең фекере менән Томинканың фекере яҡын булғанға шатһан* (Д. Юлтый) 'Новиков радуется тому, что его мнение близко мнению Томинко'; *Плотникһар ете ишмәгәнлектән, мин дә ул ваҡытта балта остаһы булып эшләнем* (А. Карнай) 'Так как не хватало плотников, я тоже работал плотником'; *Йылғыр йәһи һыбайлылар өстәлгәс, эскадрон йәһиҙе теремкәһен китте* (Ф. Иҫәнғолов) 'Эскадрон оживился, потому что прибыли молодые кавалеристы'.

Сказуемое придаточного предложения причины аналитического типа выражается отглагольным именем в сочетании с послелогами *сәбәпле*, *айһанлы*, *арһаһында*, *менән*, *һайһын*. Иногда в качестве подчиненного союза выступает *сөнки* (перс.); *Жотлау телеграммалары күп булыу сәбәпле, иртәгә аңи йыл тигән көндө телеграф бик көсөргәһен эшләне* (Х. Мохтар) 'Накауне нового года телеграф работал очень напряженно, так как много было поздравительных телеграмм'; *Алыс Консығышһа икенсе бөтә донъя һуғышында япон милитаристһарен еңеүгә утыз йыл тулыу айһанлы килдек* (Ө. Бикчәнтәев) 'На Дальний Восток мы приехали в связи с тридцатилетием победы над японскими милитаристами'; *Бер нисә көн буйы туктауһыз яғыр яууу арһаһында, комбайн ашыҡ ура алһаны* (З. Бияшева) 'В течение нескольких дней шел дождь, поэтому комбайн не мог косить хлеб'; *Ауыл-*

дың экономикаһы менән культураһы үскән һайын, совет крәстиандәренец халкыбыздың дәйәм әшәнә индәргән өләшә зурырак була бара (СВ) 'По мере роста экономики и культуры села все более весомым становится вклад советского крестьянства в общее дело нашего народа'; Төн буйы йоклайзар коштар, сөнки төн — йоклар сәгәт (Ш. Бабич) 'Всю ночь птицы спят, потому что ночь — время сна'.

Иногда в качестве сказуемого придаточного предложения причины аналитического типа выступают причастие прошедшего времени с послелогом *өсөн*. Данная синтаксическая конструкция встречается как в прозаических художественных произведениях, так и в поэтических: *Һез кыззар булған өсөн дә, һис ҡартаймайынса йәшәге лә, йәшәге килә!* (Н. Мусин) 'Хочется жить и жить, не зная старости, потому что есть вы, девушки!'; *Костер яҗабыз кисен, балкытып урман эсен, күмәкләшен йырайбыз, ғүмер шат булған өсөн* (Т. Арслан) 'По вечерам мы разжигаем костер, озаряя лесную чащу, затем поем все вместе хором, потому что прекрасна жизнь'.

Роль сказуемого придаточного предложения причины аналитико-синтетического типа выполняют причастие на *-ған* в форме дательного падежа с послелогом *күрә*: *Бараһы ер байтаҡ жына булғанға күрә, без Әбделмән аҗайзарға мә иттеп китергә булдык* (БК) 'Так как идти еще предстояло довольно далеко, мы решили отдохнуть у дяди Абдельмана'; *Сәлим аҗайзың аҡ күгәрсендәре безең җала өстөндә осоп йөрогәнгә күрә, миңә бик куңелле* (Н. Асаибаев) 'Мне очень весело потому, что белые голуби дяди Салима летают над нашим городом'.

ПРИДАТОЧНОЕ СЛЕДСТВИЯ

Придаточное предложение следствия как бы подытоживает предшествующую мысль, выраженную в главной части сложноподчиненного предложения. Некоторые лингвисты рассматривают его как разновидность придаточного предложения причины²⁰. Однако придаточное предложение следствия и придаточное предложение причины выражают совершенно противоположные отношения.

Характерная особенность придаточного предложения следствия состоит в том, что оно, как правило, употребляется после главного предложения и представлено только аналитическим типом. Придаточное присоединяется к главной части при помощи союзов *шуға ла, шуға күрә, шуныҡтан, шуның өсөн, шул арҡала, шул сәбәпле, шулай булғас, шуның арҡаһында, шуның һөҙөмтәһендә, хатта, ки*.

Иногда для усиления следственных отношений в главном предложении употребляются соотносительные слова *шулдай, шул тиклем*: *Бында әш ҡайнай, шуға күрә күңелле* (М. Ғафури) 'Здесь кипит работа, поэтому весело'; *Тирә-яқта семтеп алырлық та үсемлек юҡ ине, шуныҡтан аттар менән ылаузарҙы ышыҡлау, аттарҙы ашатыу бизерәк кыйыһа тура килде* (Т. Ғусимов) 'Вокруг не было никакой растительности, поэтому укрыть лошадей и обоз, накормить лошадей было очень трудно'; *Ауыр эштә эшләгән кеше күп энергия түгә, шуның өсөн ашарға ла күберәк кәрәк була* (БК) 'Человек, работающий на тяжелой работе, тратит большое количество энергии, поэтому и есть ему надо много'; *Язғы һыуҙар ағыулы химикаттарҙы тупраҡ менән бергә йыһа һәм күлдәргә ағызып тошорә, шул арҡала балыҡтар кырыла* (СВ) 'Вешние воды уносят вместе с илом ядовитые химикаты в реки и озера, и по этой причине гибнут рыбы'; *Сызар хәлебез калмань, шул сәбәпле без иҫкелекте тобо-тамыры менән ҡороттоҡ та кыһа Петроградтағы тугандарыбыҙға ярҙамға килдек* (Ф. Иҫәнғолов) 'Не было возможности дальше терпеть, поэтому мы искоренили все ненавистное прошлое и пришли на помощь товарищам из Красного Петрограда'; *Ер шарындағы кешеләр һаны артҡандан арта бара, шулай булғас без күберәк икмәк, ит, мамыҡ, ағас үстөрөп алырға ойрәнергә тейешбөз* (БП)

²⁰ См.: Сәитбатталов Ф. Ф. Башкорт теленең кушма һөйләм синтаксисе.

‘Число жителей на земном шаре постоянно растет, поэтому мы должны научиться больше производить хлеба, мяса, хлопка, леса’; *Күн халыктарга баһуызарга һаламдан тазартыу юнләп ойшторлмаған, шуның арһаһында туңға һәрәү һузыла* (СБ) ‘Во многих хозяйствах по-настоящему не организована уборка соломы с полей, вследствие чего затягивается вспашка под зябь’; *Биш йыл әсендә Башкортостандың промышленносен үстереүгә өс миллиард һумға яһын капитал һалынды, шуның һөзөмтәһендә предприятеләрҙең төп фондтары байтаҡҡа артты* (СБ) ‘В течение пяти лет для развития промышленности Башкирии было вложено три миллиарда рублей капитала, в результате чего основные фонды предприятий значительно выросли’; *Самолет шул тиклем ғәйрәтле көс менән килеп төртөлгән, хатта Ларик Павловтың туһендәге Геройлыҡ Йондоҙо йәмшәйгәйне* (М. Гәрәев) ‘Самолет ударился с такой силой, что золотая звезда Героя на груди Ларика Павлова смялась’; *Әминбәк скрипкаһын шул тиклем моңло итеп уйнап ебәрә ки, дейәү дәртләһеп һауға баһлай* (фольк.) ‘Аминбек до того мелодично заиграл на скрипке, что Див оживился и начал выздоравливать’; *Выл урман шундай куйы, уның әсе һәр ваҡыт әңер мәле кеүек булып тора* (Ф. Гүмәр) ‘Этот лес такой дремучий, что в нем всегда бывают сумерки’; *Ямғыр шул тиклем шәп яузы, һууланмаған еребез калманы* (Ж. Киекбаев) ‘Дождь шел так сильно, что на нас не осталось сухого места’.

ПРИДАТОЧНОЕ ЦЕЛИ

Придаточное цели указывает цель действия, о котором говорится в главной части сложноподчиненного предложения. Средством подчинительной связи обычно являются не союзы, а послелог *өсөн* и *тип*, выполняющие функцию союзов цели. В качестве сказуемого придаточного цели выступают глаголы повелительного, изъявительного и условного наклонений: *Илебез харап булмаһын тип, көнө-төнө эшләйбез* (фольк.) ‘Мы трудились днем и ночью для того, чтобы наша страна не погибла’; *Улдар үстерегәйнем, уландарым карт көнөдә терәк булып тип* (З. Бишшева) ‘Вырастила сыновей, мол, будут они опорой на старости лет’; *Кәрим жыңғырау тауышы ишетелмәһе тип, тукталып қолаҡ һала-һала, тау буйлап китте* (Н. Мусин) ‘Карим пошел вдоль подножья горы, вслушиваясь, не раздастся ли звон колокольчика?’; *Көтөлмәгән хәл килеп тыуһа тип, мин яңы позиция эләрәгә киттем* (Д. Мурзин) ‘Во избежание неожиданных случайностей я пошел искать новую позицию’; *Вагондарҙан сыққан командирҙар араһында тағы берәй күз күргән кеше булмаһмы тип, Хәйҙәр уларҙың йөзгәренә йотлогон карай* (Ф. Исәнғолов) ‘Хайдар пристально вглядывался в лица выходящих из вагона командиров: не окажется ли среди них еще знакомых’; *Язғарибыз яқты булһын өсөн, без теләйбез ерҙә тыныслыҡ* (К. Даян) ‘Мы хотим мира на земле для того, чтобы наша весна была прекрасной’; *Партия менән хөкүмәт, илдең тыныс хезмәте һәм именлеге ыһаныслы һақланһын өсөн, бөтәһен дә эшләй* (СБ) ‘Партия и правительство делают все для того, чтобы мирный труд и безопасность страны были надежно защищены’; *Ярыш һөзөмтәле булһын өсөн, даими рәүештә үз-ара тикшерәүҙәр үткәрергә, йомғактар яһарға, һөзөмтәләрҙе халыҡҡа еткерә барырға кәрәк* (СБ) ‘Чтобы соревнование было действительным, надо регулярно устраивать взаимопроверки, подводить итоги, обеспечить гласность и сравнимость результатов’.

В зависимости от смыслового содержания функцию сказуемого придаточного цели может выполнять сочетание модального слова *юк* и частицы *микән*, сопровождаемое послелогом *тип*: *Һыбайлылар араһында атайым юк микән тип, Рәжим аяғүрә баһты, әммә беренен дә таный алманы* (Р. Низамов) ‘Желая увидеть, нет ли среди верховых отца, Ракип стал на цыпочки, но никого не узнал’.

Инфинитивно-модальное предложение со сказуемым на *-(ы)рға* в сопровождении послелога *тип* регулярно выступает как придаточное предложение цели и преимущественно употребляется препозитивно: *Тәһийәт-*

тең был хатаһын төзөтөргө, Кэмэтау астындагы һазлыҡты киптерергә, туғайлыҡтың жыуаклыҡтарын бөтөрөп, культуралы көтөүлек яһарға тиг, мелиораторҙар килде (И. Физәтуллин) 'Прибыли мелиораторы, чтобы высушить болото под горой Кэмэтау, выкорчевать кустарник вдоль речной долины и создать там культурное пастбище'.

В некоторых случаях придаточное предложение цели поясняет и раскрывает содержание не сказуемого главной части, а определения, выраженного причастием прошедшего времени: *Ғашиҡтар аунар өсөн эзерлэнгән йомаһаҡ туһаҡ тоһло, яр өстөндөгә аҡланда билбыуарҙан улән күтәрелгән* (Ш. Янбаев) 'Словно постель, приготовленная для влюбленных, над берегом по самый пояс выросла трава'.

Придаточное предложение цели с послелогом *тип* является более древней формой, чем его синонимо-стилистический вариант с послелогом *өсөн*. Сложноподчиненные синтаксические конструкции с послелогом *тип* характерны для пародно-разговорной речи и фольклора. Сложные предложения с послелогом *өсөн* обычно употребляются в художественной, научной, политической и публицистической литературе.

ПРИДАТОЧНЫЕ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

Придаточное предложение образа действия обозначает, как происходит действие, выраженное в главной части сложноподчиненной конструкции. Оно является одним из наиболее распространенных видов придаточных предложений и имеет синтетический и аналитический типы. Характерно, что данная разновидность зависимых предложений преимущественно выражается в форме двусоставного предложения, так как функцию сказуемого зависимого компонента выполняют причастия и деепричастия, предполагающие наличие подлежащего.

Из причастий в качестве сказуемого придаточного предложения чаще всего выступает форма на *-канса/-кәнсә*, затем форма *-ған/-гән* с послелогом *кеүек, һымаҡ, шикелле, тоһло*: *Без Ғәи күшкәнса, бөйөк Ғалим Мичуринсә эшләргөз* (Ғ. Әмири) 'Мы будем работать по-мичурински, так, как велит наука'; *Партия халыҡтан айырылмаһ булғанға күрә, уның көстәренә ышанғанға, Ленин өйрәткәнсә эш иткәнгә күрә еңде һәм еңә* (СБ) 'Партия побеждает и побеждает потому, что она неотделима от народа, верит в его силы, действует так, как учит Ленин'; *Мәмдүзә бөгөн баракка кайтып еткәнсә үзән кемдер гел генә артка табан тартып барған кеүек һиззә* (Р. Ғабдрахманов) 'Пока сегодня Мәмдүда добиралась до барака, ей все время казалось, что ее кто-то все время тянет назад'; *Уң яқта, кайһалыр яғында ғына, мылтыҡ тауышы шартлаған һымаҡ ишетелде* (Я. Хамматов) 'Направо, где-то совсем близко, будто прозвучал ружейный выстрел'; *Һәр нәмәнең бер рәте булған шикелле, һәр көрәүең дә рәте бар* (М. Ғафури) 'Как в каждом деле, есть свой порядок и в том, как сгребать снег лопатой'.

В качестве сказуемого придаточного предложения образа действия выступают также причастия на *-ған/-гән* с послелогом *киләш, көйөнсә, хәлдә*: *Хикмәттең үгәй асәне Сәрби ире менән улын күп илаузан күззәре шешенеп бөткән килеш һаршы алды* (Х. Ғиләжев) 'Мачеха Хикмета Сарби встретила пасынка и мужа с красными, распухшими от слез глазами'; *«Жызыл партизан», сөһөтүндә юнле аҡсаһы бумаған көйөнсә, һиндәй ярҙам күрһәтә алыр?* (Н. Мусин) 'Какую помощь может оказать «Красный партизан», когда на счету его лет пикаких денег?»; *Башкорт артиллерия полкы, алдында пелота булмаған хәлдә, дошмандың биш атакаһын кире ҡақты* (Ә. Чаныш) 'Не имея впереди пехоты, башкирский артиллерийский полк отбил пять атак врага'.

В некоторых случаях функцию сказуемого придаточного предложения образа действия выполняет деепричастие на *-п*: *Ғәйникамал эбей йоконан күкрәге ныҡ һылап уанды* (Ш. Янбаев) 'Старуха Ғәйникамал проснулась от сильной боли в груди'.

Иногда придаточное предложение образа действия поясняет и раскрывает содержание соотносительных слов *былай тип, шулай*, которые являются обстоятельством образа действия в составе главного предложения. В придаточной части могут употребляться вопросительные местоимения *күпме, нисек*. В качестве сказуемого зависимого компонента выступают причастие и глаголы условного или изъявительного наклонений: *Бөгөн һугыш ветерандарына морәжәгәт итеп, былай тип әйткә килә: һез ил алдындағы, партия алдындағы, тарих алдындағы үз бурысыңызы намыс менән үт-негез* (СБ) 'Обращаясь ныне к ветеранам войны, хочется сказать: Вы с честью выполнили долг перед страной, перед партией, перед историей'; *Һәр вакыт шулай була: самолет ботә шикләнеүзәрәмде бөторә, кыйыу-һызылғымды юйып ташлай* (М. Горев) 'Всегда бывает так: самолет рассеивает все мои сомнения, устраняет малейшую робость и растерянность'; *Ленин бабай нисек кушкан буһа, мин дә шулай тырышып эшләрем!* (С. Кудаш) 'И я буду работать так старательно, как учил великий Ленин'; *Хәзергә күпме һәм нисек булдыра алабыз, шулай йәшәргә һәм эшләргә кәрәк* (А. Карнай) 'Пока надо жить и работать так, как только сможем'.

ПРИДАТОЧНОЕ МЕРЫ И СТЕПЕНИ

В башкирском языке это придаточное имеет только аналитический тип. В лингвистической литературе данный вид придаточных рассматривается как разновидность придаточного предложения образа действия.

Характерная особенность придаточного предложения меры и степени состоит в том, что оно поясняет значение соотносительного слова *шул тиклем*, параллельно которому в зависимой части употребляется *ни тиклем*: *Станция кассаһы, ни тиклем билет һораусы буһа, шул тиклем һатты* (А. Таһиров) 'Касса станции продала билетов столько, сколько их понадобилось пассажирам'; *Марксизм-ленинизмдәң бөйөк идеялары массалар аңына ни саклы тәрәнерәк үтеп инһә, революцияның аңы еңеүзәре шул саклы тизерәк килер* (СБ) 'Новые победы революции придут тем скорее, чем глубже войдут в сознание масс великие идеи марксизма-ленинизма'; *Продукцияның сифаты ни хәтле яхшырак буһа, ботә ижтимағи хезмәт шул хәтле әффектләрәк һәм етештерәүсәнләрәк була* (СБ) 'Чем выше качество продукции, тем эффективнее и производительнее весь общественный труд'.

В подобных сложноподчиненных синтаксических конструкциях функцию сказуемого придаточного предложения выполняет глагол условного наклонения.

Иногда соотносительные слова *ни тиклем — шул тиклем* не употребляются, вследствие чего придаточное предложение меры и степени лишается характерной для него интонации: *Сәләмәтлегем менән санаторий шарттары мөмкинлек биргән саклы эшләнем* (С. Кудаш) 'Я работал столько, сколько дали мне возможность здоровье и санаторный отдых'. Нередко в роли сказуемого придаточного предложения выступает деепричастие будущего времени, которое по своей семантике обозначает меру и степень: *Арығансы, йөрәктәр тарһылдап кысылғансы югерә илек* (З. Бишпева) 'Мы бежали так, что сердце зашло'; *Озам юлдан киләүселәр маңлайҙарынан борсаҡ тир сытқансы ашанылар* (Ж. Клекбасев) 'Вернувшиеся после долгого пути ели до тех пор, пока на лбу не заблестели крупные бусинки пота'; *Әмир яткан еренән, быуындары шартлағансы кинәнәп кирелде* (Х. Гиләжев) 'Амир, лежа, так развел руками, что хрустнули сухожилия'.

ПРИДАТОЧНОЕ СРАВНЕНИЯ

Придаточное предложение сравнения поясняет то, о чем говорится в главной части сложноподчиненной синтаксической конструкции. Здесь содержание главного компонента рассматривается с точки зрения образ-

ного, художественного сравнения или обыкновенного сопоставления его с тем, о чем говорится в придаточном предложении. Придаточные сравнения представлены синтетическим, аналитическим и аналитико-синтетическим типами.

Функцию сказуемого придаточного предложения сравнения синтетического типа выполняют причастия с афф. -дай/-дэй или глаголы условного наклонения, при этом последние не выражают условных отношений: *Бар донъяны сәскә каплагандай, таптанаға сумған кешелек!* (Ш. Бабич) 'Человечество окунулось в праздник, словно весь мир покрылся цветами'; *Төн артынан яқты көп килгәндәй, кыйынлыктап һуң да шатлык бар* (Т. Йәнәби) 'После трудностей бывает радость, так как после ночи наступает день'; *Кешеләр йөрәге яр булһа, поэзия — тулкынылы диңгез ул* (М. Керим) 'Если душа людей берег, то поэзия — волнующееся море'.

В качестве сказуемого придаточного предложения сравнения аналитического типа выступают причастия с послелогоми *кеүек, һымак, шикелле, төслө*: *Сәскәләргә күмелеп язгар килде, шатлык килгән кеүек һәр кемгә* (Х. Кунакбай) 'Утопая в цветах, пришла весна, как к каждому человеку приходит радость'; *Кош һауала осор, балык һыуза йөзөр осөн яралған һымак, мин дә машина йөрөтөр осөн тыуганмындыр донъяға!* (Ғ. Әмири) 'Как птица рождена летать в воздухе, а рыба плавать в воде, так я, видимо, рожден для того, чтобы ездить в машине'; *Ағизел бозо яз көнө аҗған шикелле, җайғы китте безең илдән җайтмаҗка кире* (Ғ. Сәләм) 'Как талый лед весной плывет по Агидели, так беда ушла с нашей земли, чтоб не вернуться вновь'; *Тормошта йөрәкһез килеш йәшип булмаған төслө, илен янып һөймәйсә йәшәй зә алмай кеше!* (А. Игебаев) 'Как нельзя на свете жить без сердца, так не может жить человек, не любя свою страну!'

Роль сказуемого придаточного сравнения аналитико-синтетического типа выполняют глаголы условного или изъявительного наклонения. Кроме того, в составе придаточной части употребляются союзы *эгер, эгер зә* или соотносительное слово *нисек*, которому в главном предложении соответствует наречие *шулай*: *Эгер зә Октябргә тиклем тәбиғәт бәтә эзәм балаларын үзәнә буйһондорған булһа, эзәр тәбиғәт эзәм балаларының көнкүрештәре осөн бер корал булып әүерелде* (Ш. Хозайбирзин) 'Если до Октября природа подчиняла себе всех людей, то теперь она является средством улучшения их жизни'; *Ағизел остондә айзың нурзары нисек уйнаһа, асфальттә электр нуры уйнаһын ана шулай* (Р. Нигмәти) 'Пусть на асфальте электрические лучи играют так же, как на Белой играют лучи луны'.

Иногда в качестве сказуемого придаточного предложения сравнения аналитико-синтетического типа выступают причастия в форме дательного падежа с послелогом *карағанда*: *Актта аҗса һаны, Шарафи эйткәнгә карағанда, осләтә артык язылған* (Б. Бикбай) 'В акте сумма денег была обозначена втрое больше, чем говорил Шарафи'; *Яңы яулап алған позицияларҙы тотоп тороу, Ғабдулла уйлағанға карағанда, ауырыраҡ булып сықты* (Ғ. Әхмәтшин) 'Удержат только что захваченные позиции оказалось даже труднее, чем думал Ғабдулла'.

В некоторых сложноподчиненных конструкциях функцию сказуемого придаточной части выполняет деспричастие в форме на -ғансы. Сложные предложения данного вида употребляются преимущественно в пословицах и поговорках: *Йоз һум аҗсаң булғансы, йөз дузың булһын* 'Чем иметь сто рублей, лучше иметь сто друзей'; *Тауҙай теләгең булғансы, сәнсә бармактай эшенә билһын* 'Чем иметь желание с гору, лучше иметь дело с мизинец'.

ПРИДАТОЧНОЕ УСЛОВИЯ

Придаточное предложение условия указывает на условие, при котором совершается или не совершается, будет совершаться или не будет совершаться действие, выраженное в главной части сложноподчиненной конст-

рукции. Характерной особенностью данного вида придаточных предложений является то, что сказуемое чаще всего выражается спрягаемой формой условного наклонения, выполняющей функцию подчинительного союза и одновременно предопределяющей семантико-синтаксическую природу всего предложения в целом.

Употребление союзов *эгэр, эгэр ээ* носит факультативный характер, обусловленный главным образом стилистическими соображениями.

Со стороны семантики сложные синтаксические конструкции с условными придаточными могут быть разделены на реальный и ирреальный типы. Если придаточное условное реального типа выражает действие, имеющее реальную основу в действительности, то условное ирреального типа — изображает действие лишь как возможное, желательное, предполагаемое или как нереализованную возможность в прошлом.

По структуре придаточные условные делятся на синтетический и аналитико-синтетический типы.

Сказуемое синтетического типа выражается глаголом условного наклонения или причастием с аффиксом местного падежа: *Укыуы кыйыи булһа, йэшәуе рәхәт булыр* (погов.) 'Учиться трудно, зато жить будет хорошо'; *Юлда төшөрөп калдырһалар, тағы икенсе поезға элзәп китер инек* (Ж. Кнекбаев) 'Если бы нас ссадили по пути, мы могли бы устроиться еще на один поезд'; *Граждандар һуғышында катнашырға тура килһә, кайһылай бәхетле булыр илем бит* (Я. Хамматов) 'Как был бы я счастлив, если бы мне пришлось участвовать в гражданской войне'; *Юденичте дәмәкторөп, еңеү менән дә кайтһаң, Владимир Ильич алдында йөзбөвз тағы ла яқтыраң булыр* (Ф. Исәнголов) 'Если возвратимся, разгромив Юденича, наша совесть перед Владимиром Ильичом будет еще чище'; *Рус халкынан ярҙам булмағанда, булмаҫ ине язма телебез* (К. Даян) 'Если бы не было помощи от русского народа, то не было бы нашего письменного, литературного языка'; *Теләк менән дәрәтле йөрәк булғанда, бөтәһен дә эшләргә мөмкин* (Р. Ғабдрахманов) 'Когда есть желание и сердце кипучее, можно все сотворить'.

Иногда форма условного наклонения на *-дымы/-деме, -домо/-дөмө, -томо/-төмө* выполняет функцию сказуемого придаточного времени: *Безең яқта эз генә хәрәкәт тойолдомо — дошман ҡотороноп ут аса* (Ә. Хәкимов) 'Стоит врагу почувствовать в нашей стороне какое-то движение, как сразу же начинается яростный обстрел'; *Сак ҡына ашығыс эш килеп сыҡтымы — шуңда уҡ активистәр йыйыла* (Я. Хамматов) 'Как только возникает какое-то срочное дело, как сразу же собираются активисты'.

В качестве сказуемого придаточного условного аналитико-синтетического типа преимущественно выступает глагол в основной форме условного наклонения на *-һа/-һә* в сочетании с факультативным союзом *эгэр*, а сказуемое главной части предложения чаще всего выражается в сослагательном наклонении: *Эгәр миңең ауылда ла телефон булһа, мин үземдең Маринкам менән һөйләшеп алыр инем* (Р. Нигмәти) 'Если бы и в моей деревне был телефон, я разговаривал бы со своей Маринкой'. Придаточное условное предложение может быть структурно организовано с помощью факультативного союза *эгэр* и сказуемого в сложной форме условного наклонения. Сказуемое главного предложения обычно выражается глаголом в индикативе. *Эгәр мин Байымбәттең малдарын кайтарам икән, ике араһы ызғышка урын калмай* (И. Йомағолов) 'Если я верну скот Баимбета, распри между двумя сторонами будут преодолены'.

Придаточное условное синтетического типа довольно часто встречается в башкирском устном народном творчестве, а условное предложение аналитико-синтетического типа получило широкое распространение в художественной литературе.

Сложноподчиненное уступительное предложение, выражая осуществление действия вопреки тому, что изложено в его придаточной части, структурно организовано соотносительностью зависимого сказуемого, представляющего конституирующий элемент предложения, со сказуемым главной части предложения. Зависимое сказуемое может быть выражено рядом форм, из которых основными и самыми распространенными являются форма на *-һа ла/-һә лә*: *Батыр үзе үлһә лә, даны үлмәй* (погов.) 'Герой умирает, но его слава живет'; *Нисә тапжыр яуап алып караһалар за, Ғәлиәжбәр җарт берзе һойләне* (Ф. Иҗәнғолов) 'Сколько бы ни допрашивали, старик Галиакбар стоял на одном'; *Донъя системаһы булһу яғынан империализм көһөзләһә лә, ул етди һәм җуржынысла дошман булып кала* (СБ) 'И хотя империализм как мировая система и ослаб, он остается серьезным и опасным противником'.

В зависимости от контекста роль сказуемого придаточного уступительного может выполнять причастная форма на *-ған/-гән* с аффиксом местного падежа в сочетании с частицей *да/дә*: *Зур байрамда бер генә күңелһез кеше булһанда ла, унда шатлык тулы булмаһаск* (М. Кәрим) 'Когда на большом празднике будет присутствовать даже лишь один единственный грустный человек, то радость всех не может быть полной'.

Сложноподчиненное уступительное предложение с союзной связью предполагает наличие союза *гәрсә* 'хотя' и соотносительных слов *кем генә* 'кто бы ни', *нимә генә* 'что бы ни', *җасан ғына* 'когда бы ни', *нисек кенә* 'как бы ни', *ни тиклем генә* 'сколько бы ни', *һиндәй генә* 'какой бы ни', а в качестве зависимого сказуемого выступает глагол в форме 3-го лица повелительного наклонения или в форме на *-һа/-һә ла/лә*: *Гәрсә кулы эғиф буһа ла, бындай зур һуғыштарзан йәне җайтыу уның өсөн бик зур бәхет күренә ине* (М. Фафури) 'Хотя его рука искалечена, он считает большим счастьем для себя свое возвращение с тяжелых войн'; *Гәрсә ата-әсәм бер нәмәгә лә зарланмаһа ла, уларға ғәжәп ауыр икәнлеген мин тоя инем* (М. Гәрәев) 'Хоть мой родители ни на что не жаловались, я чувствовал, как им безмерно тяжело'; *Дошман җайһы яктан ғына килеп сыкмаһын, уни ике-ос сакрымдан ук күрен була* (Б. Хөсәп) 'Откуда бы ни появлялся враг — его можно увидеть с расстояния двух-трех километров'; *Һунарза күпме генә йөрәмһендәр — йәш батыр нис вақытта ла арыу-талыузы белмәгән* (Әкиәт) 'Сколько бы ни ходили они на охоту — молодой батыр никогда не знал усталости'; *Автоматлаштырыу кимлә не тиклем генә юғары булмаһын — карапка идара итеүгә кеше барыбер мөһим роль уйнаһаск* (СБ) 'Какова бы ни была степень автоматизации, руководящая роль в управлении кораблем остается за человеком'; *Тормош нисек кенә ауыр булмаһын — йәш йөрәк үзенеке итә — мохәббәт ялҡыны менән яна* (СБ) 'Как бы ни была жизнь тяжела, а молодое сердце брало свое — пылало огнем любви'.

В некоторых случаях сказуемое придаточного уступительного могут выполнять имена действия на *-(ы)у/-(е)у* в форме дательного падежа с послелогами *карамаһтан* 'несмотря': *Стенаға беркетелгән сәғәт стрелкаһы төнгө унга яҗыһайыуға карамаһтан, беру за җайтырға ашыҡманы* (Я. Хамматов) 'Несмотря на то, что стрелка настенных часов приблизилась к десяти часам ночи, никто не спешил домой'; *Һинуар яртыһы етеп килеүгә карамаһтан, көн йылы ине* (Д. Юлтый) 'Хоть и подступала середина января, дни стояли теплые'.

УСЛОЖНЕННОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Все описанные выше сложные предложения имеют принципиальное бинарное строение — состоят из двух составляющих частей-компонентов, объединенных как цельная коммуникативная единица либо сочинительной, либо подчинительной синтаксической связью.

Кроме таких двучастных сложных предложений в современном башкирском литературном языке, в частности во многих жанрах художественной, публицистической, научно-технической и другой литературы и в ее устном воспроизведении через средства массовой коммуникации, широко вошли в обиход многочленные сложные предложения, составленные из трех или более компонентов, которые структурно организованы либо как компоненты обычных двучастных сложных предложений, либо как простое предложение, либо как одна из структурно-семантических разновидностей сложносочиненного или сложноподчиненного предложения, а иногда и как сочетание простого предложения со сложным.

Помимо количественного состава своих частей, изоморфных в конечном итоге со строением соответствующих простых и сложных предложений, многочленные сложные предложения характеризуются также и усложненностью своей структурной схемы и соответственно весьма своеобразным синтаксическим членением, как это на обширном и доказательном фактическом материале отмечено за последние десятилетия применительно к ряду современных литературных тюркских языков, в частности к башкирскому, узбекскому, татарскому и др.²¹

Многочленные сложные предложения, отмеченные и охарактеризованные в существующей тюркологической литературе, по своей синтаксической структуре распадаются на два типа: 1) двучастные, обычные сложные, предложения открытой структуры, усложненные однородными компонентами — однородными придаточными или главными частями — без ущерба для принципиального строения данного структурно-семантического типа сложноподчиненного или сложносочиненного предложения; 2) усложненные сложные предложения, не укладывающиеся в какую бы то ни было структурную схему существующих сложносочиненных или сложноподчиненных предложений.

Первый тип многочленных сложных предложений, в речевой практике едва ли не доминирующий над вторым, к последнему отношения не имеет и не представляет особого предмета синтаксиса, а подлежит рассмотрению в соответствующих разделах синтаксиса сложного предложения. В синтаксических описаниях первый тип неправомерно оказался в одном ряду со вторым по той причине, что до сих пор принято обходить стороной вопрос об открытости или закрытости структуры данного типа сложного предложения, о потенциальной возможности или невозможности расширить его состав за счет однородных компонентов без нарушения его бинарного принципа строения и семантического профиля, ясный и должный ответ на который сам по себе делает избыточным его выделение.

Говоря иначе, первый тип многочленных предложений представляет обычные сложные предложения, характеризующиеся открытостью своей структуры. Они состоят минимум из одного главного и двух придаточных предложений, причем между самими зависимыми компонентами может быть не только подчинительная, но и сочинительная связь. В башкирском языке различаются сложные синтаксические конструкции с однородными придаточными и с неоднородными придаточными предложениями. Как в обычных сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях, так и в их усложненных разновидностях самыми распространенными являются предложения с рядом однородных компонентов.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С НЕСКОЛЬКИМИ ОДНОРОДНЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ ЧАСТЯМИ ПРИ ОДНОЙ ГЛАВНОЙ

Данные синтаксические построения состоят минимум из одного главного и двух однородных, однотипных придаточных предложений. Их можно

²¹ Саитбабталов Ф. Ф. Башкорт теленең кушма һөйләм синтаксисе. Офа, 1961, с. 169—220; Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, с. 412—425. Структура многочленного сложного предложения. — Современный татарский литературный язык. Синтаксис. М., 1974, с. 149—160 и сл.

продолжить и развить, так как они представляют собою незамкнутые ряды. Здесь актуальными членами обычно выступают однородные придаточные предложения, хотя последние являются зависимыми компонентами — частями сложной синтаксической конструкции.

1. Придаточные подлежащие: *Тик шуныны асык хэтерендэ жалган: төнө буйы эсгө иланы, икөһө лэ йокламай сыжтылар* (Б. Бикбай) 'В памяти ясно сохранилось только то, что всю ночь плакала мать и оба мы не спали'. Приведенная сложная синтаксическая конструкция состоит из одного главного и двух однородных придаточных предложений; все три компонента выражены в форме двусоставного предложения.

2. Придаточные сказуемые: *Минең теләк шул: Акташ шишимәненэ килсәктә лә юл өзөлмәһен, уның һужмағын үлән капламаһын* (Ғ. Аллаяров) 'Мое желание таково: пусть и в будущем не обрывается дорога к роднику Акташ, пусть его тропинку не заглушит трава'; *Минең план шундай: һез безгә диләнкә бүләп бирһегез, мин кешеләрәмде ебәрәп, бурһәнә эзерләтәм* (Н. Мусин) 'Мой план таков: если вы выделите нам делянку, то я пошлю людей для заготовки бревен'; *Проблема шунда: ике тапкыр түгелгән көс өсөн акса җайҙан табырға, ул яуаплылыҡты кем елкәһенә һалырға?* (М. Хәйҙәров) 'Проблема в том, где найти средства на двойную трату сил, на кого возложить за это ответственность?'

3. Придаточные определительные: *Варшаваға немецтәр ингән, Варшаваны безгәң ғәскәр ташлап сыжкан тигән хәбәр таралды* (Д. Юлтый) 'Распространился слух о том, что немцы вошли в Варшаву и наше войско покинуло город'.

4. Придаточные дополнительные: *Партия һәм совет власе эйтә: ярлы, урта хәллә крәстиәндәрҙе колхозга индереү менән зште бөтөрмәгез, уны нығытырға, колхоз тормошон көсәйтәргә кәрәк* (А. Таһиров) 'Партия и советская власть предлагают: принимайте в колхоз только бедняков и середняков, надо укреплять и усиливать колхозную жизнь'. Здесь параллельные, формально однородные придаточные дополнения связаны между собой не столько соединительно-перечислительными, сколько противительными отношениями: они выражают последовательность двух действий, из коих в силу изложенного актуализировано второе, как заключительный аккорд первого действия.

5. Придаточные времени: *Иртәһсәк җояш җалкҗанда, кис җояш байыҗанда, эре, ауыр бойҙай башаҗтары җалын җамыл араһында ялтырап җуренеүсән булалар* (Н. Дәүләтшина) 'Утром при восходе солнца и вечером при заходе, высвечивают грузные колосья на стерне'.

6. Придаточные места: *Җайҙа ауырлыҡ, җайҙа зште рәтләргә, җайҙа еңеү ойошторорға кәрәк, шунда коммунистәрҙе ебәрәләр* (Ә. Ихсан) 'Там, где тяжело, где нужно наладить работу и организовать победу, туда посылают коммунистов'.

7. Придаточные причины: *Сыжмаған йән тәндә булғас, йән эйҙһө бәндә булғас, күзе һиңә җарап торғас, ташларға көс етмәй икән* (М. Корим) 'Оказывается, не хватает сил бросить, поскольку душа еще трепещет, а любимая отвечает взаимностью'. Здесь придаточные причины связаны соединительной связью и в принципе однородны. *Арыш бик бейек үскәнлектән, етмәһә җараңғы булғанлыктан, Әмир һелтәнгән салғы өстөнә саж килеп менмәне* (Х. Ғиләжев) 'Амир чуть не наскочил на косу, так как рожь была густая и к тому же начинало темнеть'. В этом примере соединительно-перечислительная связь между формально однородными придаточными осложнена подчинительно-мотивированными отношениями с помощью союзного слова *етмәһә*, которое используется к тому же в целях актуализации обоих придаточных как предпосылки, вызывающей следствие, представленное главным предложением.

8. Придаточное следствия: *Аксәскә шул тиклем һурылды, ирендәре япраҗтай йоҗарҙы, күзәре нурһызланып тонкә батты* (Б. Бикбай) 'Аксәскә ужасно исхудала, губы ее стали тонкими, как листочки, глаза впали и пот ускнули'. Здесь однородные придаточные предложения связаны с глав-

ным не столько причинно-следственными отношениями, сколько пояснительно-уточнительными, характерными для сложносочиненных предложений. Однородные придаточные следствия представлены в предложении: *Был покляну шуңдай косо ине, хатта йэрэхэттең һулкылдап һызлауы отолдо, кургаиштай күз кабактары еңеләйеп киткәндәй тойолдо* (Ш. Япбаев) 'Восторг был так велик, что даже позабылась боль раны и как бы полегчали тяжелые, словно свиные веки'.

9. Придаточные цели: *Яузар үтөп, тизерәк тыуһыи осөн безең ошо гүзәл бөгөндәр, Россияға һалкыи гинуар көндө Ленин ашығыи қайтты һөргөндән* (Р. Нигмәти) 'Чтобы скорее прошли войны и наступили наши сегодняшние замечательные дни, в холодный январский день Ленин спешил приехать из ссылки'. В этом предложении однородные придаточные цели связаны между собой соединительными отношениями, отражающими одновременную последовательность двух действий. В силу этого первое придаточное предложение со сказуемым в форме деспричастия на -п связано с главным не прямо, а лишь через посредство второго.

10. Придаточные образа действия: *Төндә, күк күкрәп, йәшен ялтырап, ямғыр яуып ебәрәән* (Ж. Киекбаев) 'Ночью грянул гром, сверкнула молния и хлынул дождь'; *Балаларзы жарарға, етемлек күрһәтмәй үстерергә, уларзы Нәфисә яратқан кеуек яратырға, Нәфисә тәрбиәләгән кеуек тәрбиәләргә кәрәк ине* (З. Бишева) 'Надо бы смотреть за детьми, растить их так, чтобы они не чувствовали себя сиротами, любить их так, как любила Нафиса, воспитывать так, как она воспитывала их'.

11. Придаточные меры и степени: *Һағынам мин, сабырлығым бөткәнсе, йөрәктәрем шартлай язып тиккәһсе* (К. Кинйәбулатова) 'Тоскую я так, что нет терпенья, а сердце мое разрывается'; *Ул, фонарь бағананын косақлан, биғ озақ, тауышы бөткәнгә тиклем, иңбаиштары һулкылдай алмаслығы хәлгә еткәнгә тиклем иланы* (Х. Мохтар) 'Он плакал очень долго, обхватив фонарный столб, пока не пропал голос и плечи уже не могли содрогаться'.

12. Придаточные сравнения: *Ҡош һауала ғына осқан кеуек, балык һыуза йәшәгән кеуек, үз халқына — эһселәргә барзы баһадирзәй йәшәргә егет* (М. Хәй) 'Как птица летает только в небе, рыба плавает только в воде, джигит пошел к народу своему рабочим, чтобы жить как богатырь'; *Әжлимәһнең һағышы йөзө теге йылдарзың йылы еле бәрелгәндәй, шул йылдарзың дәрте һирпелгәндәй асылып уҡ китте* (Ш. Бяккол) 'Задумчивое лицо Аклимы вдруг прояснилось, будто его коснулось теплый ветер тех лет, будто на него упала капля пенисьякаемой бодрости той моры'. Здесь однородные придаточные связаны между собой соединительной, а с главным предложением параллельной связью.

13. Придаточные условия: *Әгәр зә мзыусыны донъяның ботә аяһыстары менән ҡыуаныстары тулғыландырһа, әгәр ул үз өстөндә ныжлап эшләһә, ҡыҙыҡлы фекер йөрөтһә, үз-үзенә ситтән талапсан ҡараһи һала белһә, әгәр зә ул вазиһанына лайыҡлы рәғеһтә матур йәшәһә, уның геройы ла сағыу, үзенәлекле, ышандыргыс була* (М. Кәрим) 'Если писателя волнуют все невзгоды и радости мира, если он много работает над собой, интересно мыслит, если умеет требовательно посмотреть на себя со стороны, если согласно своему призванию живет он достойно и красиво, то и герой его будет ярок, самобытен, правдив'; *Урал менән Себер заводтары коһо-тоһо эшләмәгән буһа, колхоз басыузарының эһсәндәре тыштан ҡарағанда һизелмәһлек булып тойолған батырлығытарыи көн һайын эшләмәгән буһалар, Сталинград еңеуе лә булмаһ ине* (СБ) 'Если бы не работали дни и ночи заводы Урала и Сибири, если бы труженики колхозных полей не совершали ежедневно своего внешне незаметного подвига — не было бы сталинградской победы'.

14. Придаточные уступительные: *Кисерһә лә һанһыҙ дауылдарзы Ағизелдә тәрән уңкылдар, һәм тыһна ла һинең күз нурыңды үзенә ҡушып аҫқан тулғындар, һамап һине һағына, Ильич, Ағизелкәй, ап-аҫ томандар* («Ағизел») 'Хотя волны Белой пережили бесчисленные бури, и хотя уже

успокоились твои волны, проплывшие под твоим пристальным взором все еще милая Белая, белые туманы скучают по Ильичу'; *Ленинде язмыш кайза ғына ташламаһын, ул кайза ғына булмаһын һәм нимә генә эшләмәһен — уны халыҡ менән меңдәрсә ептәр бәйләне* (СБ) 'Куда бы судьба ни забрасывала Ленина, где бы он ни был и что бы он ни делал — тысячи нитей связывали его с народом'; *Ғылыу Днепр менән уйсан Ағизелде меңәр сакрымдар айырма ла, улар араһындағы юлдарҙы дәһшәтле һуғыш йылдарында ут-ялҡындар кәртәләп торһа ла, Украина менән Башҡортостан араһындағы дуслыҡ юлының һис ҡасан өзәлгәне юҡ* (Р. Бикбаев) 'Хоть красавца Днепра и задумчивую Белую разлучают тысячи километров, хоть дороги между ними преграждали огненные годы войны, узы дружбы между Украиной и Башкирией никогда не порывались'.

Описанным далеко не исчерпываются модификации сложноподчиненных предложений с однородными придаточными при одном главном, число которых практически колеблется от двух до трех, хотя теоретически оно может быть увеличено.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ДВУМЯ ОДНОРОДНЫМИ ГЛАВНЫМИ ЧАСТЯМИ, ПОДЧИНЯЮЩИМИ ОДНУ И ТУ ЖЕ ПРИДАТОЧНУЮ ЧАСТЬ

Эти сравнительно редко встречающиеся конструкции имеют в своем составе одно из следующих придаточных предложений: определительное, времени, места, причины или условия. Главные их части, структурно организованные по модели двусоставного простого предложения, обязательно характеризуются синтаксической однородностью, свойственной частям сложносочиненного соединительного предложения. В противном случае, т. е. когда между двумя главными частями предложения возникают иные синтаксические отношения, оно лишается статуса собственно сложноподчиненного предложения. Иными словами, в данном случае мы имеем дело с обычным двучастным сложноподчиненным предложением открытой структуры, предполагающей возможность расширения его состава за счет однородных главных частей. В силу этого последнего обстоятельства при одном и том же придаточном предложении могут быть представлены теоретически не только два, но и более главных однородных предложения. Однако практически в речевой действительности рассматриваемые конструкции встречаются чаще всего в трехчленном варианте, распадающемся только на придаточную и две главные части, находящихся между собой в строго соединительных отношениях, подчиняющих себе в отдельности общую для них придаточную часть.

Как это вытекает из изложенного, данные синтаксические конструкции не составляют особого предмета синтаксиса. Они подлежат рассмотрению при изложении каждого из структурно-семантических типов сложноподчиненных предложений открытой структуры. Само упоминание открытости структуры делает избыточным сколько-либо подробное их описание даже там.

Все это позволяет ограничиться приведением лишь некоторых выборочных примеров:

Придаточное времени, общее для двух однородных главных предложений: *Без утҡан заманда, бойҙай, һоло, тары, арыш культуралары ғына бар, уларҙың да сорттары ҡызыл башаҡ менән ҡылыҡлы бойҙайҙан узмай ине* (Н. Кәрип) 'Когда мы учились, были только такие культуры, как пшеница, овес, просо, рожь, да и они не превосходили красный колосистый и осыстый сорта пшеницы'; *Уйҙарым тәрәнәйгән, сафланған, ваҡыттарҙан арылған һайын, күз йәш тугеүем һирәгәйзе, йөзөм асыла, нурлана барҙы* (З. Бишева) 'По мере того, как мои мысли становились глубже и очищались от мелочности и шелухи, слезы мои лились реже, лицо прояснилось и оживлялось'.

Придаточное времени, общее для ряда однородных главных предложений, находящихся в чисто соединительно-перечислительных отношениях: *Ревматизм кишкенләшкән вакытта, ауырыу кешенең хәле насарлана, температураһы күтәрелә, йөрәге йышыраҡ тибә, кан составы үзгәрә* (СБ) 'Когда ревматизм обостряется, состояние больного ухудшается, поднимается температура, сердце начинает биться учащенно, меняется состав крови'.

**СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ
С ДВУМЯ ИЛИ БОЛЕЕ СОПОДЧИНЕННЫМИ НЕОДНОРОДНЫМИ
ПРИДАТОЧНЫМИ ЧАСТЯМИ, СВЯЗАНЫМИ
С ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ ГЛАВНОЙ ЧАСТЬЮ**

Эти широко распространенные конструкции, сохраняя статус гипотаксиса, совмещают в себе два разных структурно-семантических типа сложноподчиненных предложений, хотя два принципиально различных придаточных и представлены здесь при одном и том же главном предложении. Конституирующим структурным их элементом являются сказуемые обоих придаточных на паритетных началах. Соответственно каждая конструкция в отдельности представляет цельное сложноподчиненное предложение с придаточными времени и причины, цели и времени и т. п. С точки зрения своей коммуникативной значимости в рамках всего предложения соподчиненные придаточные в принципе тоже равнозначны. Но в зависимости от цели высказывания одно из них может быть актуализировано в ущерб информативности другого с помощью обычных средств актуализации (местоположение, синтаксическая интонация и т. п.), что требует, однако, специального исследования. В актуализации одного из соподчиненных придаточных предложений в письменной речи наиболее заметную роль играет их местоположение по отношению друг к другу и к главному предложению. Соподчиненные неоднородные придаточные предложения чаще всего примыкают друг к другу, не имея между собой непосредственных реальных синтаксических отношений. Но отдельные типы придаточных, например, придаточные следствия, а иногда и причины замыкают предложение, а при этом первое придаточное стоит перед главным (см. ниже).

В современном башкирском языке встречаются самые различные сочетания соподчиненных придаточных при одном и том же главном предложении:

1) придаточные дополнительные и причины: *Йәйҙәр утте илде, тил бойоғорға урын юҡ, сөнки тыуасаҡ көндәр менән хыялланып йәшәйһең* (Р. Низамов) 'Нечего печалиться о том, что прошло лето, ибо живешь-то ведь с мечтой о будущем';

2) придаточные времени и уступительное: *Мин лазареттан сығып, Басыровтарға юнәлгәндә, ҡыш булһа ла, көн салт аяз ине* (Д. Юлтый) 'Когда я выписался из лазарета и направился к Басыровым, погода стояла солнечная и ясная, несмотря на зиму'; *Иртәле-кисле һыуыҡ бәтә ерҙе туңдырһа ла, көндөз, ҡояш һауаға күтәрелгәс, көн йылына* (Я. Хамматов) 'Хоть по утрам и вечерам все замерзает днем, когда поднимается солнце, теплеет';

3) придаточные времени и причины: *Офицер кейемендәге кеше ишекте шар асып килеп ингәс, сыра яндырылмағанлыктан, Ҡарам улы талымайыпса аптырап калды* (Н. Мусин) 'Когда вошел человек в офицерской форме, широко распахнув дверь, Ҡарам несколько растерялся, не узнав его, так как лампа еще не была зажжена';

4) придаточные времени и условия: *Төн ҡаплагас ҡиң океан өстөн, пароходтар юлдан ашаһа, оҫта капитандар барыр юлды яҡты йондоҙҙарға ҡарап табалар* (Х. Ҡәрим) 'Когда просторы океанов покрываются крошечной ночной тьмой, искусные капитаны по звездам определяют курс, если пароходы собьются с пути';

5) придаточные цели и времени: *Әсәһенеп басыузан айырылған тәуге язы артык ауыр булмаһын өсөн, язғы сәсеу тамамланғансы, уның тракторын Талгат үзә йөрөтөргә булды* (Ф. Рәхимғолова) 'Чтобы первая весна, оторвавшая мать от пашни, не была для нее так тяжела, Талгат решил сам водить ее трактор до конца весеннего сева';

6) придаточные условия и причины: *Әгәр эә безең ата-бабаларыбыз сәсеу менән һуңлаһалар, ер бик тиз кибеу сәбәпле, иген бөтөнләй шытып та сыҡмаған булыр ине* (СБ) 'Если бы наши прадеды запаздывали с севом, семена попросту не проклевывались бы, потому что почва слишком быстро высыхала';

7) придаточные причины и следствия: *Фронт яҡынлау сәбәпле, приют эвакуацияға әзерләнә, шул сәбәпле адрестарен күрһәтмәйҙәр һәм яуап язырға ла тейешле тапмайҙар* (Д. Юлтый) 'В связи с приближением фронта приют готовится к эвакуации, поэтому не называют адреса и не находят нужным писать письма'; *Урман калын, ағастары бик бейек булғанлыктан, юлға қояш төшмәй, шуға күрә юл һурыҡмаған* (Ж. Киекбасев) 'Из-за того, что лес был густой, а деревья в нем высокие, солнце не освещало дорогу, поэтому она и не высохла';

8) придаточные уступительное и причины: *Төнөн ямғыр булыуға ҡарамаҫтан, уражда яҡты һәм ташлы юл булыу сәбәпле, бысрактан курҡмай йөрөргә мөмкин* (С. Агиш) 'Несмотря на то, что ночью прошел дождь, можно ходить, не боясь слякоти: потому что на улице светло и дорога выложена булыжником'; *Хал сиктән тыш ауыр булыуға ҡарамаҫтан, башҡорттар был ауылды ҡалдырыу тураһында уйламайҙар, сөнки был ауылдың тактик яҡтан әһәмиәте бик зур ине* (К. Даян) 'Хотя положение крайне тяжелое, башкиры не думают оставлять эту деревню, потому что она имеет большое тактическое значение';

9) придаточные условия и следствия: *Өйгә килеп еткәндә, бикле ишек ҡаршы аһа, күңелле булмай бит, шуның өсөн Хәйрулла бабай ашыҡмай атлай ине* (С. Агиш) 'Бывает неуютно, когда приходишь домой, а тебя встречает запертая дверь, и потому дед Хайрулла шагал, не торопясь';

10) придаточные времени и сравнения-следствия: *Бөгөн иртән күзен аша, көн шул тиклем йылы, шул тиклем аяз, әйтерһең дә, ямғыр бөтөнләй яумаған* (Р. Ғабдрахманов) 'Когда сегодня утром она открыла глаза, день был такой теплый, такой ясный, будто совсем не было дождя';

11) придаточные сравнения и условия: *Совет һалдаты командир алдында һисек баҫһа, укыуы ла шулай булһын, уҡытыусы һораһа* (Й. Гәрәй) 'Когда спрашивает учитель, ученик должен быть таким, как советский солдат перед командиром'; ср. *Киң басыуза иңләп һабан һөрһәм, бесән саһам, барһам ураҫһа, йәш үләнгә ысыҡ тамған кеүек, маңлай тирем тамды тупраҡһа* (М. Басыров) 'Когда пашу привольное поле, иль кошу сено на лугу, со лба капает пот, как роса на молодую траву';

12) придаточные условия и цели: *Өйҙөң изне тактаһан икән, ул ялтырап, матур булып торһон өсөн, изән йыуған һыуға бер ике ҡалаҡ уҡус һалығыҙ* («Ленинсе») 'Если пол Вашей квартиры дощатый и вы хотите, чтобы он блестел, при мытье его добавьте в воду две-три ложки уксуса';

13) придаточные условия и уступительное: *Был зур урмандың осоҡырыһы юк кеүек тойолһа ла, көн буйы барһаң, оһона сығыла* (Г. Хәйри) 'Как бы ни казался этот огромный лес бескрайним, если идешь напролет весь день, то выходишь на опушку'; *Бал ни тиклем татлы булмаһын, артык күп аһаһаң, ул да телде әсеттерә башлай* («Ағиҙел») 'Как бы ни был сладок мед, если переешь, даже он начинает саднить язык';

14) придаточные времени и меры: *Аяҡтары талғансы, Ҡаскын тауы артынан ҡояш күренгәнсе, Ҡазаяҡ буйында йөрөүҙәр Әхтәм менән Сания* (Ә. Хәкимов) 'Пока не устанут ноги, пока не взойдет солнце над Каскынтау, Сания и Ахтям будут бродить в долине Казаяка';

15) придаточные сравнительные и следствия: *Ҡарсығалар ҡая һайлағандай, олатайҙар тауҙы һайлаған, шуға ла бит улар һигез ташын далаһарға барып һалмаған* (Г. Дәүләтов) 'Как орлы выбирали скалы, пра-

деды выбирали горы, вот почему камни фундамента не закладывали они на равнинах';

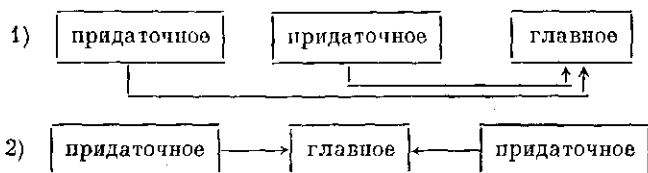
16) придаточные уступительное и дополнительное: *Мамык тураһында һүз барамы, асыламы нефть ятмаһы, тоҙоламе ГЭС, кырзар тибрайме һәм балкыймы Кремль, — без беләбез: безең Ватанда беренсе һүз кеше хақында* (Х. Гиләжев) 'Идет ли речь о хлопке, о вновь открытом месторождении нефти, строится ли ГЭС, гудят ли просторы полей или сияет новогодняя елка в Кремле, — мы знаем: в нашей Отчизне первое слово о человеке';

17) придаточные времени и причины: *Быйыл яз һуңлап килеү сәбәпле, юлга, байрам үткәс, кузғалырға булдылар* (Ш. Янбаев) 'В виду позднего в этом году наступления весны, в дорогу решили отправиться после праздника';

18) придаточные времени и условия: *Һин, Маһи, эшен бөткәс, йокһоң килһә, ятып йокһа* (А. Таһиров) 'Ты, Маги, по окончании своей работы, если захочешь, ложись спать';

19) придаточные дополнительное и причины: *Ул ғыла етмәгән, көбәгендә гильза ярылып, берҙән-бер пулемет атыуҙан туктаны* (Ф. Исаңғолов) 'Мало того, в стволе разорвалась гильза, и единственный пулемет перестал стрелять'.

Перечень комбинаций двух неоднородных придаточных при одном главном, связанным с ними параллельно, можно было бы продолжить. Их структурная схема в принципе едина, хотя и представлена в приведенных иллюстрациях двумя вариантами:

Оба варианта представляют слияние двух структурно-семантических типов сложноподчиненного предложения в целях создания единого целого при сохранении их семантического профиля и синтаксической членности на придаточную и главную частей.

■ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С НЕОДНОРОДНЫМИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ПОДЧИНЕННЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ

Эта весьма распространенная разновидность усложненных сложноподчиненных предложений сходна с предыдущей, представляющей соподчинение придаточных, лишь по составу своих частей: и там, и здесь два (реже — три) неоднородных придаточных при одном и том же главном предложении. Но эта разновидность имеет принципиально иную структурную схему, во-первых, конструкция, хотя и составляется из двух или более придаточных и одного главного предложения, распадается на две части — главную и придаточную, предопределяющую структуру и семантический профиль всего данного сложноподчиненного предложения: во-вторых, придаточная часть и сама строится по модели определенного структурно-семантического типа обычного сложноподчиненного двучастного предложения: состоит из непосредственно примыкающих друг другу двух придаточных предложений, из которых первое подчиняется второму на общих основаниях, не имея прямого отношения к главному предложению, а второе вместе с ним входит в подчинительную связь с главным предложением. Таким образом, здесь усложняется не само сложноподчиненное предложение, а лишь его придаточная часть без ущерба для его структуры и семантического профиля по следующей схеме, принципиально отличаю-

щейся от структурных схем предыдущей разновидности усложненных сложноподчиненных предложений:

Придаточное → придаточное → главное

Осложняемое придаточное при этом обычно следует за осложняющим его придаточным, которое по сравнению с ним как с точки зрения общей структуры предложения, так и по его актуальному членению занимает второстепенное положение, тем более что его наличие или отсутствие вызвано отнюдь не структурой предложения, а его коммуникативным назначением. Однако такое местоположение может быть видоизменено в зависимости от того, по какой структурной схеме сложноподчиненных предложений производится осложнение «главного» придаточного.

Основные распространенные структурные типы рассматриваемой разновидности усложненных сложноподчиненных предложений представляют главным образом следующие комбинации неоднородных придаточных предложений:

1) придаточное сказуемое, осложненное придаточным времени: *Инжк, картина шундай: бүлмәләге башка тороусылар береһе лә юк* (А. Карнай) 'Когда мы зашли, предстала следующая картина: никого из живущих в этой комнате нет на месте';

2) придаточное времени, осложненное придаточным сравнения: *Тау битенә болот төшкән кеүек, газлы төтөн ерҙә ятҡанда, алға барып йыртҡыстарҙы тетен, һауабыҙҙы газдан һаҡларға* (Я. 'Колмой) 'Когда стлался по земле загазованный дым, как облако, заслояющее гору, мы шли вперед, сокрушая хищников, чтобы уберечь наш воздух от газов';

3) придаточное образа действия, осложненное придаточным времени: *Сағит киткәндә, өй һисек булһа, шул көйө бер нәмәне лә күсермәй тотам* (Р. Ниғмәти) 'Я поддерживаю, ничего не трогая, тот же порядок в доме, какой был, когда уезжал Сагит';

4) придаточное цели, осложненное придаточным сравнительным: *Кешеләрҙәң тоштәренә күк күкрәүе бомба шартлаган кеүек кәрмәһен өсөн, тағы ла уяуыраҡ торам һакта* («Менинсе») 'Я еще зорче стою на посту, чтобы гром не снился людям подобно разрываю бомб';

5) придаточное следствия, осложненное придаточным уступительным: *Сәрмәһән буйындағы эрмәлектә быйыл кара бөрләгән шул тиклем уңды, сентябрь етеүгә ҡарамаһтан, кешеләр күнәк тултырып йыйып ҡайталар* (Р. Ғабдрахманов) 'В урехах на берегу Сармасана в этом году так удалась ежевика, что люди приносят ее оттуда ведрами, несмотря на то, что наступил сентябрь';

6) придаточное условия, осложненное придаточным времени: *Сигнал булғансы, полк ҡаланан фронт һыҙығына сигып өлгөрһә, һез миңең үз ҡулымдан полкығыз өсөн айрым маршрут күрһәтелгән карта алырһығыз* (Ф. Исәнғолов) 'Если до сигнала полк успеет выйти к линии фронта, вы возьмете лично из моих рук карту с помеченным для вашего полка маршрутом';

7) придаточное времени, осложненное другим придаточным времени, выражающим предшествование: *Малдар йорттарға таралышып, урамдағы саң баһыла төшкәс, өй алдарында бизрәләр шалтырай* (Ф. Әсәнов) 'Когда скот разбредется по домам и в лесу осядет пыль, во дворах раздастся звон ведер'; *Һин китеп, ун биш-егерме минуттар самаһы торғас, мин һинең кабинетте йыйыштырырға тип индем* (С. Агиш) 'Когда ты ушел и прошло минут пятнадцать—двадцать, я зашла в твой кабинет, чтобы произвести уборку'²²; или одновременность: *Ватан һуғышы башлан-*

²² Благодаря контексту иногда между двумя придаточными частями предложения возникает причинно-следственная связь: *Ҡарҙар ирер, көндәр йылытҡас, Ташлыкул буйҙары пәфис сәскәләргә күмелә* (Ф. Әсәнов) 'Когда таят снега и дни становятся теплыми, долины Ташлыкуля утопают в благоухающих цветах'; *Игендәр йыйылып алынып баһуҙар яланғасланғас, улар өйкөм-өйкөм утырауҙар һымаҡ эллек ҡайҙан күзгә ташлана* (Ф. Исәнғолов) 'Когда хлеба убраны и поле оголено, они (стога) издали бросаются в глаза, словно груины островков'.

гандан алып, нуғыш бөткәнсе, безрең юлдар тағы айырылып торзо (С. Кулибай) 'С пачала Отечественной войны до ее окончания наши дороги вновь на время разошлись' ²³.

Наряду с рассмотренными типами трехчленных усложненных сложноподчиненных предложений, составляющие части которых связаны между собой последовательной подчинительной связью, можно отметить и четырехчастные, где одно придаточное предложение осложнено двумя разными придаточными, по отношению к которым оно являет собой аналог главного предложения. Ср.: 1) придаточное дополнительное, осложненное придаточными причины и уступительным без ущерба для общего строения и семантики всего данного сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным: *Көн үтә бөркөү булһа ла, күк йөзөндә җара болоттар күренмәгәс, бына хәзер ямгыр яуыр, тил уйлағаймын* (Ө. Байрамов) 'Хотя день и был очень душным, я никак не предполагал, что дождь нагрянет так быстро, поскольку на небе не было видно темных туч'; 2) придаточное сравнительное, осложненное придаточными определительными и образа действия: *Миңлебай Нәҗипович ул сакта минең куз алдымда кеше буйы етмәслек моһабәт, һылыу карағас булһа, мин үзәмде улың күлгәһендә ел-ямгыр теймәй үскән кайын итеп хис итә инем* (З. Бишева) 'Если Миңлебай Наджипович в то время был в моих глазах недосыгаемо высокой для человека листовницей, исполненной красоты и величия, то я чувствовал себя перед ним изнеженной березой, которой не коснулись ливень и буря'.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ОДНА ИЛИ ОБЕ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ КОТОРЫХ ВЫРАЖЕНЫ ОБЫЧНЫМ ДВУЧАСТНЫМ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ

Здесь относятся прежде всего конструкции, главная часть которых выражена простым предложением, а придаточная часть — целым сложноподчиненным предложением: *Был кварталдағы отчет бигерәк ауыр булды: тауар хактары төшөү айканы, узған кварталдарға булмаған яңы мәшәкәттәр килеп тыуыуы* (С. Агин) 'В этом квартале отчет был особенно сложным: ввиду снижения цен на товары появились новые хлопоты, которых не было в предыдущих кварталах'. Здесь придаточное сказуемое, семантико-синтаксически близко стоящее к поясняющей части соответствующих сложносочиненных предложений, само являет собой сложноподчиненное предложение причины. Еще пример несколько иного рода: *Атлы казактар килһә, эштәң нәмә менән бөтәсәгән аңлап, берәүзәр төшөпкөлөккә бирелде, икенселәр қасырға булды, өсөнселәрә ақтык тамсы қаны қалғаны көрәшергә эзерләнде* (Я. Хамматов) 'Понимая, что будет, если придет всадники-казаки [белые], одни были в страхе, другие решили бежать, третьи готовились биться до последней капли крови'. Здесь придаточное причины построено по структурной схеме условного периода, а главное предложение представляет однородные простые предложения.

Значительно реже встречаются конструкции, где и главная и придаточная части ее выражены сложноподчиненными предложениями: *Была Иртугановтың һүзәрән тыңлағас, минең башыма шундай уй килде: эгәр*

²³ Придаточное с деепричастным сказуемым в форме на -н, предшествующее другому придаточному времени со сказуемым в форме деепричастия на -ғас/-гәс, -кас/-кәс, в зависимости от контекста может быть и соподчиненным, хотя оно и соотносится с главным предложением через посредство последующего придаточного предложения: (ср. *Тик, кой бөтөп, халық алқышлай башлағас кына үсемә килдем* (Ф. Локманов) 'И пришел в себя только после того, как перестала звучать мелодия и народ начал аплодировать', где сказуемое первого из соподчиненных придаточных времени представлено в форме деепричастия на -н в целях выражения последовательности совершения действий, хотя оно семантико-синтаксически равнозначно со сказуемым последующего придаточного предложения в форме на -ғас (представляет, по существу, его синтаксический синоним).

за һалдаттар үзәренең жульыдагы коралды үз ихтыяждарын үтәүгә юнәлдерһәләр, ул сакта бит донья тетрәткес эш эшләп була (Д. Юлтый) 'И вот после того, как я выслушал Иртуганова, мне в голову пришла такая мысль: если солдаты используют оружие для достижения собственных целей, то тогда можно свершить потрясающие дела'. Здесь главная часть конструкции представляет сложноподчиненное предложение с придаточным времени, а придаточная определительная — условный период.

У С Л О Ж Н Е Н Н ы Е С Л О Ж Н О С О Ч И Н Е Н Н ы Е П Р Е Д Л О Ж Е Н И Я

Статус сложносочиненных предложений открытой структуры не меняется, когда по коммуникативным или стилистическим причинам расширяется их состав за счет однородных частей: ср. *Кис менән кайһыны ашай, эсә, кайһылары балаларын йоклата, кайһылары бисәһе менән талаша, кайһылары йыйылып ултыралар за күргәндәрен, белгәндәрен һөйләшәләр* (А. Таһиров) 'Вечерами кто ест, пьет, кто укладывает своих детей спать, кто собравшись, усаживается и делится своими наблюдениями, знаниями', где трехчастное соединительное бессоюзное предложение построено по той же структурной схеме, что и соответствующие двучастные конструкции без усложнения их структуры и без ущерба для профиля именно соединительного сложносочиненного предложения²⁴. Раз структура предложения открытая, оно может быть на одинаковых началах представлено и в двучастном, в трехчастном вариантах, хотя и принято излагать структурную схему всякого такого рода сложного предложения применительно к двучастному варианту, поскольку в целом он в речевой практике доминирует над многочисленными вариантами.

Усложненные сложносочиненные предложения занимают в речевой практике большое место и представлены рядом структурных типов.

Они возникают прежде всего в результате слияния двух разных структурно-семантических типов самих сложносочиненных предложений, в частности соединительного предложения с противительным: *Бабай бик күп йәш йәшәгән, карт ул үзе, ләкин һаман сәләмәт ул, матур йөзө* (Г. Тукай) 'Дедушка прожил много лет, он уже стар, но все еще здоров и лицо его сияет'. Здесь первые две части конструкции, находящиеся между собой в соединительно-перечислительных отношениях, противопоставлены последующим двум ее частям, которые между собой связаны такой же синтаксической связью. Однако самый распространенный вид усложненных сложносочиненных предложений представляют соединительные конструкции открытой структуры, которые состоят:

1) из сложноподчиненного предложения, выступающего в качестве ее одной части, и одного или более простого предложения: *Сөнәгәт үз ихтыяры менән генә кайтып китә алмань, сөнки быяла заводы һаман эшләй ине әле, һәм кайтыу-кайтмау заводтың йәйгә тукталыуы менән бәйләнгәйне* (Ж. Кискбасев) 'Сунагат не смог вернуться домой по своей воле, ибо стеклянный завод все еще работал, и его возвращение домой зависело от того, остановится завод на лето или нет'; *Башкорттар йырткыс януар үлтереүзе егетлек һәм дан эше итеп иңәлгәндәр; януар ни тиклем көслөрәк һәм йырткысырак булһа, улы үлтереүсегә шул тиклем дан килгән* (фольк.) 'Башкиры считали храбростью и удалостью убивать хищных зверей; чем сильнее и ожесточеннее был зверь, тем большая хвала воздавалась его победителю';

2) из двух или более сложноподчиненных предложений, каждое из которых выступает в качестве одной лишь части соединительного предложения, находясь друг с другом в перечислительных отношениях:

²⁴ Ср.: Современный татарский литературный язык. Синтаксис, с. 249, где сходные конструкции отнесены к усложненным сложносочиненным предложениям.

а) из двух или нескольких однородных сложноподчиненных предложений: *Шоцкар килһә, тауыбыз бар, куныр кая һайлау өсөн; былбыл килһә, талыбыз бар, баһып кына һайрар өсөн; аккош килһә, күлебез бар, мәғрурланып йөзәр өсөн* (С. Кудаш) 'Если прилетит сокол, есть у нас гора, чтобы он избрал себе скалу; если прилетит соловей, есть у нас тальник, чтобы он уселся и пел на нем; если прилетит лебедь, есть у нас озеро, чтобы он плывал величаво'; *Көрәш барзы, тупрак яңғанда ла; көрәш барзы хәлебез бөтһә лә, көрәш барзы кандар акғанда ла; көрәш барзы үлем көткәндә* (Я. Үөлмой) 'Шла битва, когда земля горела; шла битва, когда не было сил; шла битва, когда кровь лилась; шла битва, когда угрожала смерть' — здесь повторяется структурная схема одного и того же типа сложноподчиненного предложения;

б) из двух или нескольких неоднородных сложноподчиненных предложений: *Зарланманы, эгәр килһә кытлык; уфтанманы кайғы килгәндә; башың ғорур тотто, ицен баһып ергә һуғылла ла* (Х. Филәжев) 'Не жаловалась, когда наступал голод; не работала, если случалась беда; голову свою держала гордо, хотя коромысло и пригибало ее плечи к земле'; *Кем үткәрә баштан ауыр кайғы, шул нык белә йәшәү кәзерен; тормош матурлана барған һайын, һалкыныраҡ тоя кәберзе* (Б. Бикбай) 'Кто тяжкие страдания переносит, тот цену жизни больше познает, чем краше становится жизнь, тем спокойнее воспринимает он холод могилы'; *Башғалар арығанда ла, летчик арымай; бүтәндәр бирешкәндә лә, летчик башын эймәй, бензине бөтһә, самолетын йөрәк ялкыны менән алып бара* (Ә. Бикчәнтәев) 'Когда устают другие, летчик не устает; когда не могут устоять другие, летчик не склоняет головы; если иссякает бензин, он ведет самолет пламенем своего сердца'.

Гораздо менее распространены противительно-сопоставительные усложненные сложносочиненные предложения, состоящие из двух частей, каждая из которых представляет соответствующее сложноподчиненное предложение: *Көз килдеме — япрактар һарғая, э артистар бер ни тиклем йәшәрә, сонки сезон башлана* (С. Агиш) 'Как только наступает осень, листва желтеет, а артисты несколько молодеют, потому что начинается сезон'²⁵.

Другую структурную разновидность усложненных противительно-сопоставительных предложений составляет использование в качестве одной из них части простого предложения, а в качестве другой — сложноподчиненного предложения типа *Дошман көслә, ләкин без көслөрәк, сонки безең эшебез хак* (Х. Филәжев) 'Враг силен, но мы сильнее его, поскольку наше дело правое'.

Еще реже встречаются пояснительно-следственные усложненные сложносочинительные предложения, первая часть которых выражена целым сложноподчиненным предложением: *Ғаиллә мәһим һораузар килеп сыкқанда, ир кеше катын менән кәңәшкән, хатта кайһы бер оло инәйзәр ирзәр менән тиң һөйләшә алған* (БҮ) 'Когда в семье возникали те или иные серьезные проблемы, мужья советовались с женами, даже некоторые почтенные женщины могли говорить наравне с мужчинами'.

В отдельных случаях сложноподчиненные предложения выступают в составе сложносочиненных пояснительных предложений в качестве одной из их составляющих частей: *Аслыж башланғанды Сөләймән атаһына карап белә, атаһының йөзө уйсанлана, ул башка сактағы шыкелле, Сөләймәнде лә, кустыларын да тубығына ултыртып иркәләмәй* (Ш. Япбаев) 'Наступление голода Сулейман узнает по лицу своего отца: оно становится задумчивым, отец не сажает, как обычно, на колени ни Сулеймана, ни его братишек, и не ласкает их'.

²⁵ Сопоставительные отношения между частями сложносочиненного предложения, выраженными в виде отдельных сложноподчиненных предложений, устанавливаются на семантико-синтаксической основе: ср. *Быға тиклем дә мин ицен сәстем, тик бер серзә белмәй йәшәнем, хәзәр иген күкрәп үсеп өсөн, Мальцев өйрәткәнсә сәсәмен* (Б. Вәлит) 'И до этого я сеял хлеб, но жил не зная одной тайны, теперь буду сеять так, как предлагает Мальцев, чтоб пышно разрастались хлеба'.

СМЕШАННЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Действительно смешанных сложных предложений, примерно на одинаковых началах сочетающихся в себе гипотаксис с паратаксисом без доминирования одного из них над другим, в тюркских языках в целом немного²⁶. Тем не менее особое выделение и описание смешанных сложных предложений в академических грамматиках целесообразно, поскольку эти предложения как и многие двучастные обычные сложные предложения, не укладываются в рамках какой-бы то ни было структурной схемы сложноподчиненного или сложносочиненного предложений, а занимают между ними как бы промежуточное положение.

Характерной особенностью смешанных сложных предложений, отличающей их от усложненного сложноподчиненного или сложносочиненного предложений, является невозможность однозначно и убедительно отнести их ни к одному из названных типов, хотя они как и усложненный собственно гипотаксис, и паратаксис, в конечном итоге и представляют ту или иную комбинацию их определенных структурных схем.

Другим свойством смешанных сложных предложений служит их нетипичность, самобытность, не позволяющая производить сколько-либо стройную и обоснованную их рубрикацию. В основу их классификации можно положить разве только относительную их близость к паратаксису или гипотаксису по общей их семантико-синтаксической конфигурации, причем установить эту близость нужно в каждом данном случае отдельно, что не исключает субъективного решения вопроса. Так, предложение *Таң нурзари куккә урлагәндә, Был ауылда тынлык юғала, Машиналар геуләй, шат кешеләр, Йырзар йырлап, эшкә кузғала* (К. Даян) 'Когда заря освещает небосвод, В деревне этой тишина исчезает, Гудят машины, Веселые люди, распевая песни, идут на работу' можно почти с одинаковыми основаниями отнести и к гипотаксису (придаточное времени *Таң нурзари куккә урлагәндә* соотносится и подчиняется не только к непосредственно следующей за ним части предложения, но и последующим двум его частям на равных началах), и к паратаксису (поскольку последующие три «главных» предложения отнюдь не однородны семантико-синтаксически: последние два из них, находящиеся между собой в противительного-сопоставительных отношениях, соотносены с первым как комментирующая часть сложносочиненного пояснительного предложения). По чисто внешнему строению этого предложения (соответственно господствующему воззрению на природу гипотаксиса) в нем можно усмотреть временное сложноподчиненное предложение с открытым рядом главной его части. Но если учесть реальное семантико-синтаксическое соотношение составляющих его частей, то предложение едва ли можно истолковать иначе, чем как смешанное сложное предложение, стоящее в целом ближе к усложненному паратаксису, чем к собственно гипотаксису.

Напротив, ближе к гипотаксису, чем к паратаксису стоит смешанное сложное предложение типа *Колсобай һыртка кутәрелгәндә, кояш калкырға өлгөрмәгәйне эле, шуңлыктан ул кабаламанлы, Гажмар менән Йыйк кушылган урында тукталып ял итергә булды* (Я. Хамматов) 'Когда Колсубай поднялся на холм, солнце еще не взошло, поэтому он не торопился, остановился на том месте, где сливаются Сакмар и Яик, и решил отдохнуть', хотя первая часть его (*Колсобай һыртка кутәрелгәндә, кояш калкырға өлгөрмәгәйне эле*) с вескими семантико-семантическими основаниями и может быть квалифицирована как вступительный компонент сложносочиненного предложения следствия-заключения, конституирующий компонент которого составляет вся его последующая часть вместе с союзом *шуңлыктан* 'а поэтому', который одновременно используется и для соединения придаточного следствия.

²⁶ См., например: Современный татарский литературный язык. Синтаксис, с. 260.

ПЕРИОДЫ

Период является сложной и малоразработанной синтаксической конструкцией не только в грамматике тюркских языков, но и в общем языкознании. В лингвистической литературе встречается различное понимание и истолкование грамматической природы периода. Это своеобразная ритмико-мелодическая и синтаксическая конструкция освещена в научных трудах Аристотеля, И. Рижского, А. Востокова, И. Давыдова, Д. Овсяннико-Куликовского, И. Лыскова, П. Смирновского, Г. Алпарова, Ш. Рамазанова, П. Архангельского, А. Шапиро, Дж. Кискбаева и др.

В лингвистической литературе периоды трактуются в целом двояко: одни языковеды (Д. Овсяннико-Куликовский, И. Лысков, П. Смирновский, Г. Алпаров, Ш. Рамазанов и др.) относят период к разряду особо сложных синтаксических конструкций, другие (М. Ломоносов, А. Востоков, В. Виноградов, Д. Ушаков, Н. Дмитриев, П. Архангельский, А. Шапиро, Дж. Кискбаев и др.) считают, что период может быть выражен как в форме простого, так и сложного предложений.

Исходя из фактов башкирского устного народного творчества и художественной литературы, мы разделяем мнение второй группы лингвистов.

Характеризуя эту синтаксическую конструкцию Аристотель писал: «Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец и размеры которой легко обозреть. Такой стиль приятен и понятен. Понятна такая речь потому, что она легко запоминается, а это происходит от того, что периодическая речь имеет число, число же всегда легче запоминается. Потому-то все запоминают стихи лучше, чем прозу, так как у стихов есть число, которым они измеряются. Период должен заключать в себе и мысль законченную, а не разрубаться»¹.

Не только в античную эпоху, но и в наше время период в основном характерен для поэтической речи. Пожалуй, исключение составляет период в русском языке, где данная синтаксическая конструкция употребляется и в прозе. «С внутренней стороны, — писал П. Смирновский, — то есть со стороны содержания, со стороны логической, период должен иметь тему, и тема эта должна быть развита достаточной полнотой, округленностью и законченностью»².

Период может охватывать отрезок речи не меньше, но и не больше предложения, причем предложение-период не обязательно должен быть сложным, он может быть и простым.

Период имеет особый вид интонации. Отличительными свойствами его интонации служат повышение и понижение голоса, ускорение или замедление темпа и характер паузы. В периоде пауза, ограничивающая одну его часть от другой более продолжительна, чем в сложном предложении. Она следует обычно за теми словами, которые лишены логического, т. е. наиболее сильного ударения.

Период, как своеобразная синтаксическая конструкция, может состоять из одного простого распространенного предложения, в котором преобладают однородные главные или второстепенные члены, разделенные паузой и распадающиеся на отдельные синтагмы — ритмико-мелодические единицы. Некоторые периоды образуются путем присоединения однотипных бессоюзных предложений, которые выражают определительные, временные, пространственные, условные и уступительные отношения. Периоды представляются как сложносочиненными, так и сложноподчиненными предложениями.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение периода: периодом называется своеобразная ритмико-мелодическая и синтаксическая конструкция, состоящая из одного простого предложения с однород-

¹ Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936, с. 183.

² Смирновский Л. Теория словесности. М.; П., 1914, с. 39.

ными членами или из сложного предложения и раскрывающая одну целую тему.

В башкирском языке различается десять видов периодов.

1. Утверждающий и констатирующий период, состоящий из простого предложения, в котором преобладают однородные подлежащие. Естественно, что в составе таких периодов кроме главных членов имеются и второстепенные члены предложения:

*Фронтка хат язгысы йәши кәлгәштәр,
Совнаркомга килгән наркомдар,
Роль уйнаусы халык артискаһы,
Госпиталдә яткан батырҙар,
Иген тейәп барған ылаусылар,
Тәүге секретаре обкомдың,
һыузан кайтып килгән матур ҡыҙҙар,
Бюро члендары райкомдың,
Партияға яңы илеүселәр,
Ерҙе тентей торған ғалимдар,
Һәм Верховный Совет депутаты,
Балалар һәм ҡарттар, әбейҙәр —
Бәтә Ватан алкыштар күкрәтә
Батырҙар һәм еңеү хажына (Р. Нигмәти).*

‘Молодые невесты, пишущие письма на фронт, наркомы, пришедшие в Совнарком, народная артистка, исполняющая роль, герои, находящиеся в больницах, возчики, везущие хлеб, первый секретарь обкома, красавицы, возвращающиеся с реки, члены бюро райкома, вступающие в партию, ученые, исследующие землю, и депутаты Верховного Совета, дети и старики, старухи — **ВСЯ СТРАНА** рукоплещет в честь героев и победы’.

В таких периодах однородные подлежащие произносятся с особой интонацией, после них делается значительная пауза. Приведенный выше период характерен преимущественно для современной башкирской поэзии, особенно для произведений народного поэта Р. Нигмати и др.

2. Предикативный период, состоящий из простой синтаксической конструкции, в которой преобладают однородные сказуемые:

*Яуға сыҡмау — телһез ҡол
Булып ҡалыу менән бер;
һынлы буй, тән үстөрөп,
Боҫоп ҡалыу менән бер;
һөйөп йөрөгән ҡызыңды
Яттар алыу менән бер,
Тыуып-үскән ереңдә
Илһез ҡалыу менән бер (М. Хәй).*

‘Не пойти на битву — равносильно стать рабом немцам; это то же, что скрыться, имея рост и здоровье; это то же, что любимую отдать чужим; это то же, что остаться без Родины на родной земле’.

Такие периоды встречаются в стихотворениях и поэмах башкирских поэтов М. Хая, Х. Карима и Ш. Биккулова.

3. Период, выражающий определительные отношения и состоящий из простого распространенного предложения, в котором преобладают однородные определения, поясняющие существительное, в значении субъекта суждения:

*Шир урманда маһайып,
Лап-лоп бағыр айыулы;
һылыу ҡыҙҙай бизәнгән
Кара бауыр төлкөлә;
Кемүзарҙан һайраған,
Сыр-сыу килгән кош-ҡортло;
Ғарайзағы хан һымаҡ,*

*Эре йәшәр бөркөтлә;
 Алдынан кош узгармаҫ
 Күж карсыға, кыйғырлы;
 Карасай, ойрәк колошкән
 Камышлы күл, йылғалы;
 Йырсы менән ярышып,
 Моңон бөркөр журайлы;
 Тулы жойроҫ, ялбыр ял,
 Ойөр һаҫлар айғырлы
 Бына шундай Уралым (из кубайра).*

‘Там медведь в густом лесу; там лиса чернобрюхая, как девица разукрашенная; там всякая живность, перепевая друг друга, шумит; там беркут, как хан во дворце живет; птицам не дающие пролететь синий ястреб и сокол; реки и озера, где в камышах утки веселятся; там курай звенит с певцом наперебой и жеребец с мохнатой гривой и тугим хвостом, охраняющий табун — вот такой мой Урал’.

В этом отрывке образно обрисована красота величественного Урала. Данный период характерен для башкирского народного творчества, особенно для поэтических кубаиров и эпоса, относящихся к XII—XIII вв. Такой период является довольно распространенным и ярко выраженным типом очень часто встречающимся и в современной башкирской поэзии.

4. Период, обозначающий объекты действия и состоящий из простой распространенной синтаксической конструкции, в которой преобладают однородные дополнения. В форме данного периода написаны некоторые байты, кубаиры и поэтические произведения Х. Карима и Х. Давлетшиной:

*Урал тауының йәмен,
 Изел һыуының тәмен;
 Шылтырап шишмә ағыуын,
 Кисен жояш байыуын;
 Халкыбыздың азатлығын,
 Гүзәл тормош короуын;
 Безҙең йәшәү гәлдәргә тиң
 Сәскә атып тороуын, —
 Барыһын яҡлап егеттәр,
 Атакаға ташландыҡ,
 Ошо ерҙә дошманды
 Сигендерә башланыҡ (байт)*

‘За красоту Уральских гор, Вкус вод Идели, Поток звенящий ручья И закат вечерний; За свободу народа нашего, Прекрасную жизнь его и наше житье цветущее — За все это джигиты бросились в атаку, и врага на этой земле в бегство обратили’.

Здесь однотипные дополнения произносятся с особой интонацией, а после них идет значительная пауза.

5. Период образа действия, представляющий простое распространенное предложение с обстоятельственными (деепричастными) оборотами, замыкающий, организующий компонент которых выражается формой деепричастия на -п/-әп. Они часто употребляются в башкирском устном народном творчестве, а также в современной башкирской поэзии:

*Уралым яткан Уралда:
 Ажбуз аттай ат менеп,
 Ыласындай тиз елеп;
 Уж-һазағын кулаға алып,
 Кәрәк эйберен юлға алып,
 Ил-йорт менән хушлашып;
 Булырҙай менән душлашып,
 Булмаҫтай менән үсләшеп,*

*Яуға каршы яу сабыр
Батыр-батыр ирзәр бар (из кубаира).*

‘На Урале величаем: как сокол летающие на конях крылатых; лук и стрелы взяв, и все пожитки захватив, попрощавшись с домом и с народом, подружившись со стоящими, а с нестоящими поссорившись, на битву с врагом идущие мужчины-батыры есть’.

Данный период является одной из древнейших синтаксических конструкций. Она получила довольно широкое распространение и в современном башкирском литературном языке. Об этом, в частности, убедительно говорят факты башкирской поэзии, например, поэтические произведения народных поэтов М. Гафури, М. Карима и др. В таких периодах обычно каждый обстоятельственный оборот представляет одну ритмико-мелодическую единицу-синтагму, которая отличается от любого предложения отсутствием главных членов — подлежащего и сказуемого.

6. Период, выражающий временные отношения и состоящий из однотипных придаточных предложений времени. Если приведенные выше периоды представляют простое распространенное предложение, то этот период передается в форме сложной синтаксической конструкции с несколькими придаточными:

*Вакигалар вақыттарзан киң сакта,
Һәр көнөбөз мәңгелеккә тиң сакта;
Илдә барған зур һуғыш осоронда,
Онтолғанда дошман һуғыш кырында;
Ябай ирзәр арыслан булған мәлдә,
Киң азымлы еңеү атлап килгәндә;
Батырзарзың дандары шаулағанда,
Һәм ғүмерзәр мәңгелек яулағанда;
Яу кырына һарғайып таң килгәндә,
Күк ситенә кызыл қояш ингәндә;
Күк асканда үзенең ай-алһаһын,
Һәм қояш көйзәрғәндә ер арһаһын;
Тәүлектәрзең һәр төрлә мизгелендә,
Минуттарзың бәхетле, изгәһендә,
Тыуған Башқортостан, һинең хатыңды
Юлығып алдык без эсәлек хақыңды (М. Карим).*

‘Когда враг громился на поле брани; простые мужчины львами становились, когда широкими шагами победа надвигалась; слава героев гремела, и люди вечность завоевывали; когда на поле битвы рассвет наступал, в край неба красное солнце входило; когда небо раскрывало свой месяц-серьгу, и солнце спину земли обжигало; во всякий миг суток, в счастливые, святые из минут, родной Башкортостан, твоё письмо — материнское слово, мы получили по пути’.

Такие периоды характерны для произведений поэтов Д. Юлтая, Б. Ишемгулова и Т. Йәнәби, которые в новых исторических условиях продолжают и творчески развивают лучшие традиции башкирского устного народного творчества.

7. Период цели, состоящий из однородных придаточных предложений. Он употреблен в современном башкирском литературном языке:

*Кайғы һорөмдәрен уйзан кыуып,
Тынык кайтһын өсөн йорттарға,
Күлен һағынып кайтқан ажкош булып,
Шатлык килһен өсөн карттарға;
Йәш һылыузар, һөйгән егеттәрен
Каршы алып капка төбөндә,
Муйынына һарылып, вәғзәләшеп,
Хаклы булһын өсөн үбергә;
Көр тауыштар яңрап торһон өсөн*

*Мэжлестэрээ, табын янында,
Йәберлэнгән ерзең һәр азымын
Буя, иптәш, фашист канына!* (Х. Кәрим).

‘Чтобы соскучившимся по своему озеру лебедем покой возвратился в дома, чтобы радость пришла к старикам, отогнав их дум горестную копоть; чтобы молодые красавицы, встречая своих любимых у ворот, были вправе их целовать, обнимая, и клятвы верности давать; чтобы голоса полные счастья за застольем раздавались, каждую пядь притесненной земли обогри, товарищ, кровью фашиста!’

В данном отрывке придаточные предложения цели читаются с особой интонацией, после них делается значительная пауза, логическое ударение падает на подлежащее и сказуемое зависимого компонента. Период читается с глубоким чувством и вдохновением.

8. Период, выражающий условные отношения и являющийся сложной синтаксической конструкцией с несколькими придаточными предложениями открытой структуры.

Сказуемые этих придаточных предложений, как правило, выражаются глаголом условного наклонения, например:

*Күл ситендә сәсәк аткан бер гол булһа;
Гөл өстөндә һайран торған былбыл булһа,
Астында Ғирфан менән Мәрйәм торһа,
Косаклап берен-береһе үбеп торһа;
Күл өстө шағиранә көлөп торһа,
Котло булһын бәхеттәр тигән кеүек,
Ажкоштар җаңғылдашып йөзөп йөрөһә;
Карлуғастар, елпеп-елпеп нурзар һирпеп,
Ошалар баш өстөндә җанат елпеп,
Хозайым, оҗмазтарың тороп торһон,
Торһалар мәңге шулай гүмер итеп* (Ш. Бабич).

‘Был бы на краю озера распускающийся дерева цветок; и соловей, поющий на цветке, а под ним стояли бы Гирфан и Марьям, в обнимку и целуясь; все озеро поэзией бы дышало, счастья желая, лебеди плавали бы там, ласточки, порхая над головой, летали, о боже, не нужно рая, лишь бы все это вечным было’.

Первая часть данного периода произносится в замедленном темпе, с повышением голоса, а вторая часть — главное предложение произносится ускоренно, но понижением голоса. Многократно повторяющиеся глаголы условного наклонения придают периоду особую музыкальность и мелодичность.

9. Паратаксический период, состоящий из однородных предложений, соединенных между собою способом сочинения.

Такой период употребляется для констатации фактов, явлений, событий реальной действительности и довольно часто носит пояснительно-изъяснительный характер. При чтении между компонентами сложносочиненной синтаксической конструкции делается длительная пауза. В зависимости от контекста в составе данного периода могут быть придаточные предложения (например, определительные), но не они обуславливают характер периода. Ср.: *Айыузар бал тултырылған батмандар тәгәртәләр, ти; бүреләр һуйылған һарык түшкәләре күтәргәндәр, ти; боландар һот тултырылған бизрәләре мөгөзәрәнә эләндәр, ти; ялмандар менән йомрандар ток-ток иген күтәргәндәр, ти; тейәндәр менән җуандар — кәрзин тулы електәр һәм сәтләүектәр, толкәләр тауыж менән җазар күтәреп киләләр, ти* (из сказки) ‘Медведи катят бочки с медом; волки взвалили на себя барабаны тушки; олени повесили на свои рога наполненные молоком ведра; тушканчики и суслики подняли мешками зерно; белки и зайцы — полные корзины ягод и орехов, лисы идут, прихватив кур и гусей’.

Данный вид периода до сих пор не получил своего распространения в современной художественной литературе.

1. Прямая речь в середине авторской речи: *Без барғас та бабай: — Йәгез, балалар, һыу алып килеп, сәй кайнатып ебәрегез әле, һин, Ғабдрахман, бынау балыктарҙы әрсеп бешерә башила, — тип, япрак астында яткан балыктарҙы күрһәтте* (М. Ғафури) '«Ну-ка, деги, принесите воды, приготовьте чай, а ты, Габдрахман, очисти вот эту рыбу», — сказал дедушка и показал на лежавшую под листьями рыбу».

Как видно из примера, прямая речь заняла место дополнения и обстоятельства. Данная конструкция является характерной и широко распространенной формой в башкирском языке. Соответственно она довольно часто встречается в художественной прозе.

2. Прямая речь в постпозиции. Она преимущественно встречается в поэтических произведениях: *Тау бөркәтә һандуғастың тауышына хайран жала.* «Ниндәй нефис моңдо тауыш! Был моңдо ул кайҙан ала?» (К. Даян) 'Горный орел поражается голосу соловья: «Какой нежный и звонкий голос! Откуда берет он эту мелодию?»'

Постпозитивное употребление прямой речи типично для русского языка и через переводы входит в синтаксис башкирского языка.

3. Прямая речь в препозиции: *«Кыҙҙар бәтәһе лә матур була, был ямак бисәләр кайҙан килеп сығалар икән һуң?» — тип аптыраған, ти, бер егет* (З. Бишева) 'Говорят — удивился один джигит, сказал: «Все девушки бывают такие чудесные, красивые, откуда же берутся некрасивые, злые жены?»'

В препозитивном употреблении прямой речи логическое ударение падает на нее.

4. Авторская речь в середине прямой речи: *«Без өсөбөз ошо өс юл менән өс якка китергә тейешбез, — тигән Кирәй Мәргән агаларына, — кире әйләнеп кайтканда ла безҙең орашыу урыны ошо өс юл сатлығы булыр»* (фольк.) '«Мы трое должны по этим трем дорогам разойтись на три стороны, — сказал Кирей Мәргән своим братьям, — а когда возвратимся назад, наша встреча должна снова произойти на развилке этих трех дорог».

Эта конструкция получила распространение в башкирском под влиянием русского языка.

Косвенная речь не имеет своего формального выражения — она передает чужую речь в обычном изложении лексико-семантическими средствами, структурно организованными по одной из схем сложного или простого предложения.

Прямая речь в совокупности со словами автора, четко отграниченными от нее интонационно (а на письме посредством знаков препинания и кавычками), нередко тоже строится по структурной схеме соответствующих сложных предложений.

Как в последнем вышеприведенном примере, так и в сходных с ним авторская речь обычно выступает в качестве главного предложения, а прямая речь по отношению к нему оказывается зависимым придаточным компонентом сложноподчиненной синтаксической конструкции. Например, если в составе авторской речи употребляется послелог *тип*, то прямая речь представляет придаточное дополнительное; если употребляется слово *тигән*, то прямая речь становится придаточным определительным предложением.

ПРИНЯТЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БК** — Башкортостан кызы (Уфа).
БП — Башкортостан пиопере (Уфа).
ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
ИСГТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика. М., 1955; Ч. 2. Морфология. М., 1956.
ЙК — Йәш костәр (Уфа).
МК — *Мағмуд Кошғарий*. Туркий сүзалар девони (Девону луготит турк). Тошкент, 1960, т. 1.
Рсл. — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1852, т. 4.
СБ — Совет Башкортостаны (Уфа).
ЭСТЯ — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
ӘБ — Әзәби Башкортостан (Уфа).

УКАЗАТЕЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ*

а/-ә 82, 100, 135, 181, 222, 229, 240, 279, 320	-ай/-әй, -й 82, 178, 228, 233, 281	-аһы/-әһе, -йһы/-йһе, -йһо/ -йһө 268, 317, 318
-а/-ә бар 224	-аэ, -ыз/-ез 183	-аһы/-әһе бар (юк) 238, 269
-ағай/-әғәй 185	-айым/-әйем 70	-(а)быз/-(ә)бөз, -(ы)быз/ -(е)бөз, -(о)боз/-(ө)бөз,
-ағала/-әғәлә 80	-ак/-әк, -к 82, 177	-(й)быз/-(й)бөз 83, 122, 129—132, 158, 266, 268, 279, 363
-а/-ә, -й 69, 95, 213, 237, 238, 265, 279, 308, 309, 403	-ака/-әкә 185	-(ы)быззы/-(е)бөззе, -(о)боз- зо/-(ө)бөззө 122
-а/-ә, -й бар 219	-ала/-әлә 92	-(ы)бызса/-(е)бөзсә 159
-а/-ә, -й башла- 214	-ал/-әл, -л 181, 228, 233	-бий/-бей 183
-а/-ә, -й бир- 219	-аль 187	-быр 182
-а/-ә, -й икән 292	-ам/-әм 279	-гер/-гез 83
-а/-ә, -й ине 93, 275, 278, 289, 295	-ан/-ән, -н, 180, 228	-гай 182
-а/-ә, -й күр- 284	-ар/-әр, -ыр/-ер, -ор/-өр, -р 82, 92, 156, 166, 180, 187, 233, 254, 266, 272, 277, 281, 316	-гары, -кәре 185, 200
-а/-ә, -й кал- 237, 290, 291, 292	-(ш)ар/-(ш)әр 164	-гаса/-гәсә 156
-а/-ә, -й тор- 93, 95, 219, 237, 238, 276, 277, 304, 402, 403	-арак/-әрәк 401	-рускыл 197
-а/-ә, -й торған бул- 237, 277, 278, 285, 290, 291, 293	-арла/-әрлә 92	-(ы)ғыз/-(е)гез, -(о)ғоз, -(ө)гөз 70, 83, 91, 122, 158, 275, 277, 278, 283, 288, 363
-а/-ә, -й төш- 219, 237	-асак/-әсәк, -йасак/-йәсәк 82, 83, 282, 317	-ғын/-ген 80, 180
-а/-ә, -й һал- 222	-асак/әсәк, -йасак/йәсәк ине 295	-ғырау 185
	-аҫ/-әҫ 180	
	-ат/-әт 82	
	-ау/-әу 161, 164, 181	

*Все алломорфы аффиксов помещаются вместе за аффиксом, условно поставленным на первое место.

- да|дэ*, -*за|зэ*, -*та|тэ*,
-*ла|лэ* 81, 83, 88, 133,
148, 149, 154
-*дагы|дэге* 169, 174
-*дай|дэй*, -*зай|зэй*, -*тай|*
-*тэй*, -*лай|лэй* 69, 81,
175, 183, 189, 197, 201,
202, 317
-*дам|дэм*, -*зэм* 180
-*дан|дэн*, -*зан|зэн*, -*тан|*
-*тэн*, -*нан|нэн* 81, 133,
144—147, 154
-*дар|дэр*, -*зар|зэр*, -*тар|*
-*тэр*, -*лар|лэр* 81, 90,
91, 96, 118—121, 156,
158, 180, 252—253, 266,
268, 275, 277, 279, 288,
321, 363
-*дарса|дэрсэ* 166
-*дары|дэре*, -*зары|зэре*,
-*тары|тэре*, -*лары|лэре*
122, 158, 363
-*даш|дэш*, -*заш|зэш*, -*таш|*
-*тэш*, -*лаш|лэш* 81, 178
-*ды|дэ*, -*до|дө*, -*зы|зэ*,
-*зо|зө*, -*ты|те*, -*то|тө*,
-*лы|ле*, -*ло|лө*, -*ны|не*,
-*мы|ме*, -*мо|мө* 81, 85,
122, 127, 132, 138—139,
184, 266, 268, 272—274
-*ды|дө*, -*до|дө*, -*зы|зө*, -*зо|*
-*зө*, -*ты|те*, -*то|тө*,
-*лы|ле*, -*ло|лө*, -*ны|не*,
-*но|нө*, -*мы|ме*, -*мо|мө*
иһэ 292
-*дыкы|декле* 92, 185
-*дыкы|деке*, -*доко|дөкө*,
зыкы|зеке, -*зоко|зөкө*,
тыкы|теке, -*токо|төкө*,
-*ныкы|неке*, -*ноко|нөкө*
81, 125, 130, 160
-*дымы|деме* 237, 466
-*дың|дең*, -*доң|дөң*, -*зың|*
-*зең*, -*зоң|зөң*, -*тың|тең*,
-*тоң|төң*, -*ның|нең*,
ноң|нөң 81, 85, 132,
139—140, 154, 266, 268,
273
-*дыр|дөр*, -*дор|дөр*, -*тыр|*
-*төр*, -*тор|төр* 81, 83,
133, 179, 182, 254, 255,
257, 318
-*закай*, -*тэкэй* 186
-*ель* 187
-*и* 169, 186
-*ик* 187
-*иль* 187
-*ин(а)* 101
-*ион* 187
-*ический* 187
-*ит* 225, 226
-*й* 279
-*й кал* 286
-*йһы|йһе*, -*йһо|йһө* 268
-*(а)йһык|-(э)йһек* 70
-*йым|йем* 70, 279
-*ка* 101
-*келтем*, -*көлтөм* 186
-*кен* 80
-*к|к* 275, 277, 278, 288
-*ка|кэ*, -*га|гэ* 80, 83, 133,
141—144, 181
-*кай|кэй* 80, 126, 181
-*кайны|кайне*, -*гайны|гайне*
94, 275, 278
-*как|кэк*, -*гак|гэк* 169,
177
-*калак|кэлэк*, -*галак|гэлэк*
185
-*кан|кэн*, -*ган|гэн* 190, 272,
274—276, 314—315, 403
-*кан|кэн*, -*ган|гэн бар(юк)*
239
-*кан|кэн*, -*ган|гэн бул*—
276, 278, 290—291, 293,
295
-*кан|кэн*, -*ган|гэн булыр*
ине 295
-*кан|кэн*, -*ган|гэн икэн*
292
-*кан|кэн*, *ган|гэн ине* 94
-*кан|кэн*, -*ган|гэн кеуек*
405, 445, 463
-*кан|кэн*, -*ган|гэн килеш*
405, 463
-*кан|кэн*, -*ган|гэн койонсө*
405, 463
-*кан|кэн*, -*ган|гэн өсөн*
445
-*кан|кэн*, -*ган|гэн сакта*
(*мэлдэ*) 405
-*кан|кэн*, -*ган|гэн тиклем*
405
-*кан|кэн*, -*ган|гэн төсөлө*
445, 463
-*кан|кэн*, -*ган|гэн фалдэ*
405, 463
-*кан|кэн*, -*ган|гэн һайын*
405
-*кан|кэн*, -*ган|гэн һымак*
405, 445, 463
-*кан|кэн*, -*ган|гэн шикелле*
405, 445, 463
-*канга|кэнгэ*, -*ганга|гэнгэ*
404
-*канга|кэнгэ*, -*ганга|гэнгэ*
күрө 404
-*канга|кэнгэ*, -*ганга|гэнгэ*
саклы 404
-*канга|кэнгэ*, -*ганга|гэнгэ*
тиклем 404
-*канда|кэндэ*, -*ганда|гэндэ*
403, 405
-*кандэй|кэндэй*, -*гандай|*
-*гэндэй* 403, 404
-*кандан|кэндэн*, -*гандан|*
-*гэндэн алыт* 404
-*кандан|кэндэн*, -*гандан|*
-*гэндэн һуң* 405, 406
-*канлыктан|кэнлектэн*,
-*ганлыктан|гэнлектэн*
403—404, 445
-*канса|кэнсэ*, -*ганса|гэнсэ*
70, 237, 312, 402, 463
-*кансы|кэнсе*, -*гансы|гэнсе*
70, 237, 312, 417, 418,
445
-*кас|кэс*, -*гас|гэс* 83, 92,
180, 237—238, 281, 302,
308, 310, 312, 402, 405,
414, 445
-*кас та|кэс тэ*, -*гас та|*
-*гэс тэ* 100, 306, 311, 402
-*кон* 80
-*кы|кө*, -*ко|кө*, -*гы|гө*,
-*го|гө* 92, 157, 169, 174—
175, 188, 190, 201, 407
-*кы(һе)|кө(һө)*, -*ко(һо)|*
-*кө(һө)*, -*гы(һы)|гө(һө)*,
-*го(һо)|гө(һө)* *кил*— 226,
270, 286
-*кыла|келэ*, -*гыла|гелэ* 213
-*кыл(т)|кел(т)*, -*көл(т)*,
-*гыл(т)|гел(т)*, -*гол(т)*
85, 179, 196
-*кыр|көр*, -*кор|көр*, -*кар|*
-*көр*, -*кыз|кэз*, -*кыз|көз*,
-*гыз|гез*, -*гөз|гөз*, -*ыз|өз*,
-*өз|өз* 179, 254
-*кыры|кере*, -*гыры|гере*
288
-*кыс|көс*, -*көс|көс*, -*гыс|гөс*,
-*гөс|гөс* 80, 88, 109, 176,
190
-*кыш* 181
-*л*, -*ыл|ел*, -*ол|өл* 64, 180,
213, 245—248, 257, 264
-*ла|лэ* 64, 88, 213, 225,
231—233, 235, 240, 253,
263—264
-*лы|ле*, -*ло|лө* 166, 171—
173, 189, 190, 204
-*лаган|лөгөн* 166
-*лан|лэн* 92, 233—235, 263
-*лат|ләп* 165—166, 202
-*лат|ләт* 92
-*лата|ләтэ* 81, 197, 202
-*лау|ләу* 197
-*лаш|ләш* 92, 206, 235—
236, 253—254
-*лашып|ләшөп* 165
-*лык|лек*, -*лөк|лөк* 81, 88,
101—105, 128, 175, 191,
266, 268, 273, 317
-*лылык|лелек*, -*лөлөк|лө*
-*лөк* 102, 172
-*лак* 183
-*ләс* 181
-*м* 122, 266, 275—278, 288,
363
-*ма|мэ* 70, 80, 92, 109,
177, 236—239, 249, 266—
267, 282, 308, 313
-*мага|мэгэ ит* 271
-*маганды|мэгэнде* 293
-*май|мэй* 238, 279, 308, 401
-*май|мэй тор* 309, 403
-*майасак|мэйгәк* 283
-*майыса|мэйенсэ* 238, 308,
401
-*мак|мэк*, -*макка|мәккә*,
-*мига|мэгэ*, -*(ы)у*, -*уга*,
-*(ы)уга*, -*а* 92, 117, 180,
320, 321
-*максы|мәксэ* 92, 94, 107—
108, 237, 296
-*максы|мәксэ бул*— 237,
296—297
-*максы|мәксэ ине* 94, 237,
296—297
-*малы|мәле* 184
-*мам|мәм* 282
-*маф|мәф* 206, 316
-*мафа|мәфә* 318
-*маслык|мәслек* 104, 176
-*маусы|мәүсэ* 107
-*мса|мсә* 186
-*(ы)мтал|-(е)мтәл* 185
-*(ы)мһак|-(е)мһөк* 185
-*мы|ме* 133, 318
-*мык|мек* 181

- мын/-мен, -мон/-мон 129—
 132, 268, 274
 -мыр, -мөр 183
 -мыш/-меш, -мош/-мош 83,
 161, 180
 -н, -ын/-ен, -он/-өн 63, 83,
 88, 127, 133, 206, 213,
 235, 245, 248, 262—264
 -на/-нэ 81, 133, 228
 -нак/-нэк 182
 -нда/-ндэ 133
 -(ы)нсы/-(е)нсе, -(ө)нсө 163
 -ны/-не 85, 154
 -ный 187
 -нү 275—278, 288, 363
 -ңа 154
 -о/-е 254
 -ов(а)/-о(а) 101
 -ович/-евич 101
 -овна/-овна 101
 -овой/-овой 187
 -ор 187
 -(ы)н/-(е)н 206, 215, 300,
 302—308, 403, 414, 444,
 450, 482
 -нал 220, 224, 237
 -н бар 218, 224, 237
 -н бир- 223
 -н бөт- 214, 237
 -н бул- 301, 437
 -н бэр- 220, 237
 -н ет- 221
 -н йөр- 218
 -н кил- 218, 237
 -н килэ ят- 224
 -н кит- 221, 224, 237
 -н күрхэт- 223
 -н кил- 237, 285
 -н кара- 223, 237
 -н куй- 224, 232, 237
 -н маташ- 223
 -н сых- 221, 237
 -н та/-п тэ 100, 304
 -н таиша- 220, 237
 -н тор- 214, 217, 237—238
 -н ултыр- 216, 237
 -н хал- 237
 -ны 181
 -н ят- 216, 237
 -(ы)р/-(е)р, -ыр/-ер, -ар/
 -эр, -ор/-өр 193, 228, 277,
 281, 289, 295, 304, 316—
 318
 -(ы)р бул- 277, 278
 -р ине 295
 -ра/-рэ 182, 240
 -раж/-рэк, -(ы)раж/-(е)рэк,
 -(о)раж/-(о)рэк 90, 91,
 196—198, 237, 309
 -рга/-ргэ, -(ы)рга/-(е)ргэ,
 -(а)рга/-(э)ргэ, (о)рга/
 -(ө)ргэ, -(у)рга/-(ү)ргэ
- 92, 215, 266, 268, 271,
 285, 304, 318—321
 -(ы)рга/-(е)ргэ бул- 297
 -(ы)рга/-(е)ргэ тэла- 298
 -(га)ры/-(гэ)ре 174, 200
 -с 183
 -са/-сэ 69, 101, 153, 155,
 159, 176, 197, 200—201,
 208, 312
 -сак/-сэк 177, 239, 266, 272
 -сан/-сэн 174
 -сар/-сэр 101
 -ский 187
 -сы/-се, -со/-сө 105—106,
 108, 432
 -сык/-сек, -сож/-сок 83, 176
 -сыл/-сел, -сол/-сол 176
 -сылык/-селек, -солок/-сөлөк
 103, 118
 -т, -тыр 213, 254—258,
 260
 -таж/-тэк 182
 -тык 181
 -тын/-тен 182, 206
 -(ы)у/-(е)у 178, 249, 261,
 320—323, 487
 -(ы)у/-(е)у айканлы 404
 -(ы)у/-(е)у кэрэк 320
 -(ы)у/-(е)у күрэ 406
 -(ы)у/-(е)у менэн 406
 -(ы)у/-(е)у можкин 320
 -(ы)у/-(е)у тейеш 320
 -(ы)у/-(е)у ярай 320
 -уык 186
 -ха/-хэ 83, 288—290, 292—
 294, 399—400, 466
 -хи/-хэ ине 290—291
 -ха ла/-хэ лэ 100, 294, 400,
 467
 -хак/-хэк 179
 -хам/-хам 90
 -хат/-хэт 254
 -хы/-хе, -хо/-хө 83, 122, 363
 -хы/-хе бул- 285
 -хы/-хе ине 287
 -хы/-хе кил- 270
 -(а)хыгыз/-(э)хегез, -(а)хо-
 гоз/-(э)хөгөз, -(й)хыгыз/
 -(й)хегез 129—132, 266,
 268
 -хыз/-хез, -хоз/-хөз 88, 155,
 173, 189, 204, 234
 -хызлык/-хезлек, -хозлок/
 -хөзлөк 102
 -хыла/-хел, -хыу/-хеу 180,
 197
 -хын/-хен, -хон/-хөн 90—91,
 229, 285, 304
 -хын/-хен, -хон/-хөн ине
 287
 -хындар/-хендэр, -хондар/
 -хөндэр 70, 285
 -(а)хың/-(э)хең, -(а)хоң/
- (э)хоң, -(й)хың/-(й)хең
 70, 129—132, 266, 268
 -хыр/-хер 183
 -(ы)м/хыра/-(ем)херэ 229
 -хыу, -хоу 177
 -ы/-е, -о/-ө, -хы/-хе, -хо/-хө
 81—83, 122, 127, 158, 228,
 233, 240, 245
 -ыз/-ез, -оэ/-өэ, -аэ 161,
 182, 183
 -ый 182
 -ык/-ек, -ок/-өк, -к/-к 82,
 176, 228, 233, 287, 363
 -ыл/-ел, -ол/-өл, -л 81, 181
 -ылар/-елэр 268, 273
 -ылдырык/-елдерек, -олдо-
 рок/-өлдөрөк 80, 92
 -ылым/-элем 185, 197
 -(й)ым/-(й)ем 101, 122, 158,
 179, 266, 268, 273
 -ымта/-емтэ, -омта/-өмтэ
 64, 80, 82
 -ымнак, -мнэк 185
 -ын/-ен, -он/-өн 175, 180,
 301
 -ында/-ендэ, -онда/-өндэ,
 -хында/-хендэ 83, 128
 -ынды/-енте, -ондо/-онтө
 80, 92, 184—185
 -ынкы/-енке 175, 185
 -ың/-ең, -оң/-өң 122, 158
 -ыңса/-еңсэ 159
 -ып/-еп, -оп/-өп 266
 -ыр/-ер, -ор/-өр 178
 -ыр/-ер бул- 278
 -ыр/-ер ине 93
 -ырай/-еррэй 294
 -ырдар/-еррэр 266
 -ырга/-ергэ 309
 -ырга/-ергэ ине 287
 -ырамык/-ерлек 175
 -ыры/-ере, -оро/-өро 185
 -ыс/-ес 179, 181
 -ыт/-ет, -от/-өт, -т 254
 -уу/-еу, -оу/-өу 321
 -уузан/-еузан 406
 -уусы/-еусе, -оусы/-өусе,
 -усы/-үсе 83, 107, 194,
 315
 -ууыңса/-еуеңсэ 312
 -уш/-еш, -ош/-өш, -ш 70,
 82, 108—109, 179, 202,
 213, 249—254,
 -шак/-шэк 181
 -шел, -шин 197
 -штыр/-штер, -штыргыла/
 -штергелэ 213, 237
 -шы 181
 -шык/-шек, -шок 182
 -юр 187
 -яль 187
 -яр 187

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-----------------------	---

ВВЕДЕНИЕ

К характеристике современного башкирского литературного языка	5
Об изучении башкирского языка	13

ЗВУКОВОЙ СТРОЙ БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	30
ВОКАЛИЗМ	31
Общая характеристика гласных	31
Гласные переднего ряда	36
Гласные заднего ряда	41
КОНСОНАНТИЗМ	44
Общая характеристика согласных	
Губные	48
Переднеязычные	52
Среднеязычные	57
Заднеязычные	58
Фарингальные	60
Изменение согласных в потоке речи	61
Ассимиляция	61
Прогрессивная ассимиляция (62), Регрессивная ассимиляция (62).	
Диссимиляция	63
Метатеза	63
СЛОГ И СЛоговая СТРУКТУРА СЛОВА	64
УДАРЕНИЕ	68

БАШКИРСКИЙ АЛФАВИТ И ОРФОГРАФИЯ

Современный башкирский алфавит	72
Характер и основные принципы письма	73

СВЕДЕНИЯ ПО ФОНОМОРФОЛОГИИ

Фономорфологические процессы при агглютинации	79
Звуковые изменения при словосложении и аналитическом формообразовании	85
Звуковые изменения слова при редупликации	86

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	88
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	100
Словообразование существительных	101
Аффиксация	101
Высокопродуктивные аффиксы (101).	
Имена существительные, образованные путем сложения	110
Парные существительные (110), Детерминативные сложные существительные (112).	
Словообразование существительных путем редупликации	115
Субстантивация	116
Субстантивация прилагательных (116), Субстантивация причастий (116), Субстантивация других форм глагола (116).	
Грамматические категории имени существительного	117
Категория числа	117
Единственное число (117), Множественное число (118), Лексические и синтаксические способы выражения множественности (120).	
Категория принадлежности	122
Лексико-грамматически обусловленные значения форм принадлежности (124).	
Категория определенности/неопределенности	125
Категория сказуемости	129
Категория падежа	132
Основной падеж (133), Винительный падеж (138), Родительный падеж (139), Дательный падеж (141), Исходный падеж (144), Местный падеж (148), Значения и функции падежей (149).	
МЕСТОИМЕНИЕ	153
Личные местоимения	154
Указательные местоимения	155
Вопросительные местоимения	157
Определительные местоимения	158
Неопределенные местоимения	159
Отрицательные местоимения	160
Притяжательные местоимения	160
ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ	160
Количественные числительные	161
Порядковые числительные	163
Разделительные числительные	164
Собирательные числительные	165
Приблизительные числительные	166
Дробные числительные	167
Числительные меры	167
ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ	168
Словообразование прилагательных	171
Аффиксация	171
Продуктивные аффиксы (171), Малопродуктивные аффиксы (179), Непродуктивные аффиксы (183), Сложные аффиксы (184), Заимствованные аффиксы (186), Деаффиксация заимствованных прилагательных (187).	

Сложные прилагательные	187
Парные прилагательные (188), Составные прилагательные (189), Прилагательные-сращения (192).	
Прилагательные-повторы	192
Адъективация	193
Адъективация глагольных форм (193), Адъективация местоимений (194), Адъективация наречий (194).	
Степени сравнения	194
Формы выражения усиления и ослабления признака	196
НАРЕЧИЕ	197
Лексический состав наречий	198
Разряды наречий	199
Корневые наречия	199
Словообразование наречий	200
Аффиксация	200
Редупликация	202
Словосложение	203
Адвербиализация	205
Сравнительная степень наречий	207
Синтаксические функции наречий	208
ГЛАГОЛ	209
Словообразование глагола	212
Словосложение	212
Внутриглагольное сложение (213), Образование сложных глаголов за счет других частей речи (225).	
Аффиксация	228
Грамматические категории глагола	236
Категория отрицания	236
Категория переходности/непереходности	239
Категория залога	242
Основной залог (244), Страдательный залог (244), Взаимный залог (249), Понудительный залог (254), Возвратный залог (262).	
Формы модальности	264
Конструкции, выражающие предположительную модальность (265), Конструкции со значением возможности (265), Конструкции со значе- нием долженствования и необходимости (267), Конструкции со значе- нием желания (269), Конструкции со значением намерения (271).	
Категория наклонения	271
Изъявительное наклонение	271
Категория времени (272).	
Повелительное наклонение	283
Желательное наклонение	286
Условное наклонение	288
Сослагательное наклонение	294
Наклонение намерения	296
Неспрягаемые формы глагола	298
Деепричастие	298
Деепричастие на <i>-н</i> (301), Деепричастие на <i>-а/-э, -й</i> (309), Деепричастие на <i>-гас/-гас</i> (310), Деепричастие на <i>-гансы</i> (312), Деепричастие на <i>-ганса</i> (312), Деепричастие на <i>-ышлай</i> (313).	
Причастие	313
Причастие прошедшего времени (314), Причастие настоящего вре- мени (315), Причастие будущего времени (316).	

Инфинитивные формы глагола	318
Имя действия	321
СЛУЖЕБНЫЕ И ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ	323
Послелogi	323
Послелogi, управляющие основным падежом	325
Послелogi, управляющие дательным падежом	326
Послелogi, управляющие исходным падежом	327
Частицы	328
Модальные слова	330
Модальные слова со значением утверждения и отрицания	330
Модальные слова со значением долженствования и необходимости	332
Модальные слова со значением возможности	334
Гипотетические модальные слова	335
Модальные слова, выражающие побуждение	335
Междометия	336
Подражательные слова	342
Структура подражательных слов	344
Корневые слова (344), Производные слова (347).	
Синтаксические функции подражательных слов	349
Звательные слова	350
Союзы	351
Сочинительные союзы	352
Соединительные союзы (352), Противительные союзы (353), Разделительно-перечислительные союзы (355), Разделительно-определятельные союзы (356).	
Подчинительные союзы	357

СИНТАКСИС

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	359
СВЯЗИ СЛОВ	365
Сочинительная связь	365
Подчинительная связь	367
Управление	367
Глагольное управление (367), Управление существительных (369), Управление прилагательных (372), Управление числительных (373), Управление наречий (373), Управление модальных слов (374).	
Согласование	374
Примыкание	374
Именное примыкание (375), Глагольное примыкание (376), Наречное примыкание (376).	
СЛОВСОЧЕТАНИЕ	377
Именные словосочетания	379
Сложные именные словосочетания	381
Словосочетания с управляющими прилагательными	384
Наречные словосочетания	385
Словосочетания с числительными в роли главного члена	386
Глагольные словосочетания	386

Простые глагольные словосочетания с управляемыми именами	386
Глагольные словосочетания с примыкающими членами	387
Сложные глагольные словосочетания	388
Словосочетания с глагольными определениями	391
Комбинированные глагольные словосочетания	391
ПРЕДЛОЖЕНИЕ	392
Члены предложения.	393
Главные члены предложения	393
Подлежащее (393), Сказуемое (395), Связанное сказуемое (397).	
Второстепенные члены предложения	406
Определение (407), Приложение (408), Дополнение (409), Обстоятельство (411).	
Обособленные второстепенные члены предложения	419
Однородные члены предложения	421
Однородные подлежащие (422), Однородные сказуемые (422), Однородные определения (424), Однородные дополнения (424), Однородные обстоятельства времени (425), Однородные обстоятельства места (425), Однородные обстоятельства причины (425), Однородные обстоятельства цели (426), Однородные обстоятельства образа действия (426), Однородные обстоятельства меры и степени (427).	
Связь между однородными членами	427
Обобщающие слова при однородных членах	427
Слова и словосочетания в независимой позиции (третьестепенные члены предложения)	428
Обращение (428), Вводное слово и вводное словосочетание (429).	
Типы предложения по цели высказывания	429
Повествовательное предложение	429
Вопросительное предложение	430
Побудительное предложение	431
Восклицательное предложение	432
Порядок слов в предложении	433
Типы предложения по составу главных членов	435
Односоставное предложение	435
Безличное предложение (435), Инфинитивно-модальное предложение (436), Обобщенно-личное предложение (437), Неопределенно-личное предложение (437), Назывное предложение (437).	
Двусоставное предложение	438
Парцелляция	438
Вставные предложения	439
Усложненное простое предложение	442
Сложное предложение	446
Сложносочиненное предложение	447
Бессоюзное сложносочиненное предложение (447), Сложносочиненное предложение с союзом (451).	
Сложноподчиненное предложение	453
Придаточное подлежащее (455), Придаточное сказуемое (456), Придаточное определительное (456), Придаточное дополнительное (457), Придаточное времени (458), Придаточное места (459), Придаточное причины (460), Придаточное следствия (461), Придаточное цели (462), Придаточное образа действия (463), Придаточное меры и степени (464), Придаточное сравнения (464), Придаточное условия (465), Придаточное уступительное (467).	

Усложненное сложное предложение	467
Сложноподчиненное предложение с несколькими однородными придаточными частями при одной главной (468), Сложноподчиненное предложение с двумя однородными главными частями, подчиняю- щими одну и ту же придаточную часть (471), Сложноподчиненное пред- ложение с двумя или более соподчиненными неоднородными прида- точными частями, связанными с одной и той же главной частью (472), Сложноподчиненное предложение с неоднородными последовательно подчиненными придаточными предложениями (474), Сложноподчи- ненное предложение, одна или обе составные части которых выра- жены обычным двучастным сложноподчиненным предложением (476).	
Усложненные сложносочиненные предложения	477
<i>Смешанные сложные предложения</i>	479
ПЕРИОДЫ	480
ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ РЕЧЬ	485
ПРИНЯТЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ	487
УКАЗАТЕЛЬ (сост. З. Г. Уразбаева)	488

ГРАММАТИКА
СОВРЕМЕННОГО
БАШКИРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

Утверждено к печати
Институтом истории, языка и литературы
Башкирского филиала
АН СССР

Редактор издательства

Р. М. Залесковская

Художник

А. Г. Кобрин

Художественный редактор

Т. И. Поленова

Технический редактор

Ф. М. Хенох

Корректоры *В. А. Березина,*

Г. Н. Лац, Л. Д. Собко

ИБ № 22034

Сдано в набор 29.08.80

Подписано к печати 20.08.81

Формат 70×108^{1/16}.

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 43,4. Усл. вр. отт 43,4. Уч.-изд. л. 47,7

Тираж 1700 экз. Тип. вак. 1919

Цена 6 р. 60 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая типография издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12
